
Большие книги
Герберт Уэллс
ВОЙНА МИРОВ
и другие романы
«ИНОСТРАНКА»
Лучшие романы в одном томе

«Война миров» и другие романы
Герберт Джордж Уэллс

Аннотация
Герберт Уэллс. «Война миров» и другие романы
Машина Времени
I. Вступление
II. Машина Времени
III. Путешественник по Времени возвращается
IV. Путешествие по Времени
V. В Золотом Веке
VI. Закат человечества
VII. Внезапный удар
VIII. Все становится ясным
IX. Морлоки
X. Когда настала ночь
XI. Зеленый Дворец
XII. Во мраке
XIII. Ловушка Белого Сфинкса
XIV. Новые видения
XV. Возвращение Путешественника по Времени
XVI. Когда история была рассказана
Эпилог
Остров доктора Моро
Предисловие

I. В ялике с «Леди Вейн»
II. Человек ниоткуда
III. Странное лицо
IV. У борта
V. Безвыходное положение
VI. Ужасная команда баркаса
VII. Запертая дверь
VIII. Крик пумы
IX. Встреча в лесу
X. Человеческий крик
XI. Охота за человеком
XII. Глашатаи закона
XIII. Переговоры
XIV. Объяснения доктора Моро
XV. Звероподобные люди
XVI. Зверолюди узнают вкус крови
XVII. Катастрофа
XVIII. Мы находим Моро
XIX. Праздник Монтгомери
XX. Один среди зверолюдей
XXI. Зверолюди возвращаются к прежнему состоянию
XXII. Наедине с собой
Человек-невидимка
Глава I. Появление незнакомца
Глава II. Первые впечатления мистера Тедди

Хенфри
Глава III. Тысяча и одна бутылка
Глава IV. Мистер Касс интервьюирует незнакомца
Глава V. Кража со взломом в доме викария
Глава VI. Взбесившаяся мебель
Глава VII. Разоблачение незнакомца
Глава VIII. Мимоходом
Глава IX. Мистер Томас Марвел
Глава X. Мистер Марвел в Айпинге
Глава XI. В трактире «Кучер и кони»
Глава XII. Невидимка приходит в ярость
Глава XIII. Мистер Марвел ходатайствует об отставке
Глава XIV. В Порт-Стоу
Глава XV. Бегущий человек
Глава XVI. В кабачке «Веселые крикетисты»
Глава XVII. Гость доктора Кемпа
Глава XVIII. Невидимка спит
Глава XIX. Некоторые основные принципы
Глава XX. В доме на Грейт-Портленд-стрит
Глава XXI. На Оксфорд-стрит
Глава XXII. В универсальном магазине
Глава XXIII. На Друри-лейн
Глава XXIV. Неудавшийся план
Глава XXV. Охота на невидимку

Глава XXVI. Убийство Уикстида
Глава XXVII. В осажденном доме
Глава XXVIII. Травля охотника
Эпилог
Война миров
Книга первая. Прибытие марсиан
Глава I. Накануне войны
Глава II. Падающая звезда
Глава III. На Хорселлской пустоши
Глава IV. Цилиндр открывается
Глава V. Тепловой луч
Глава VI. Тепловой луч на Чобхемской дороге
Глава VII. Как я добрался до дому
Глава VIII. В пятницу вечером
Глава IX. Сражение начинается
Глава X. Гроза
Глава XI. У окна
Глава XII. Разрушение Уэйбриджа и Шеппертона
Глава XIII. Встреча со священником
Глава XIV. В Лондоне
Глава XV. Что случилось в Сэррее
Глава XVI. Уход из Лондона
Глава XVII. «Сын грома»
Книга вторая. Земля под властью марсиан
Глава I. Под пятой

Глава II. Что мы видели из развалин дома
Глава III. Дни заточения
Глава IV. Смерть священника
Глава V. Тишина
Глава VI. Что сделали марсиане за две недели
Глава VII. Человек на вершине Патни-Хилла
Глава VIII. Мертвый Лондон
Глава IX. На обломках прошлого
Глава X. Эпилог
Когда Спящий проснется
Глава I. Бессонница
Глава II. Летаргия
Глава III. Пробуждение
Глава IV. Гул восстания
Глава V. Движущиеся улицы
Глава VI. Зал Атласа
Глава VII. Комнаты Безмолвия
Глава VIII. По стеклянным кровлям
Глава IX. Народ восстал
Глава X. Сражение во мраке
Глава XI. Всезнающий старик
Глава XII. Острог
Глава XIII. Конец старого строя
Глава XIV. Вид из Вороньего Гнезда
Глава XV. Избранное общество
Глава XVI. Аэропил

Глава XVII. Три дня
Глава XVIII. Грэхэм вспоминает
Глава XIX. Взгляды Острога
Глава XX. На городских путях
Глава XXI. Рабочие подземелья
Глава XXII. Борьба в доме Белого Совета
Глава XXIII. В ожидании налета аэропланов
Глава XXIV. Налет аэропланов
Первые люди на Луне
Глава I. Мистер Бедфорд встречается с мистером Кейвором в Лимпне
Глава II. Первое изготовление кейворита
Глава III. Сооружение шара
Глава IV. Внутри шара
Глава V. Путешествие на Луну
Глава VI. Высадка на Луну
Глава VII. Восход солнца на Луне
Глава VIII. Утро на Луне
Глава IX. Первые изыскания
Глава X. Заблудившиеся на Луне люди
Глава XI. Пастбища лунных коров
Глава XII. Лицо селенита
Глава XIII. Мистер Кейвор высказывает свои суждения
Глава XIV. Попытка объясниться
Глава XV. Головокружительный мост

Глава XVI. Различные точки зрения
Глава XVII. Сражение в пещере лунных мясников
Глава XVIII. В солнечном свете
Глава XIX. Мистер Бедфорд остается один
Глава XX. Мистер Бедфорд в бесконечном пространстве
Глава XXI. Мистер Бедфорд в Литлстоне
Глава XXII. Невероятное сообщение мистера Юлиуса Вендиджи
Глава XXIII. Краткий обзор шести первых сообщений мистера Кейвора
Глава XXIV. Естественная история селенитов
Глава XXV. Великий Лунарий
Глава XXVI. Последнее сообщение Кейвора на Землю

Аннотация

В сборник произведений английского писателя Герберта Уэллса вошли его лучшие научно-фантастические романы, которые стали своего рода визитной карточкой автора и классикой «литературы предупреждения»: «Машина Времени» (1895) – мрачное повествование о жизни человечества образца 802701 года, «Остров доктора Моро» (1896) и «Человек-невидимка» (1897) – истории о поразительных экспериментах, совершаемых гениальными и безумными учеными, которые дерзновенно преступают законы природы, юридические запреты и нравственные нормы, и «Война миров» (1897) – одна из первых книг на популярную в позднейшей литературе и кинематографе тему инопланетной агрессии, угрожающей существованию человечества. «Когда Спящий проснется» (1898–1899) и «Первые люди на Луне» (1901) – образцы социальной фантастики Уэллса, в которых проигрываются различные негативные модели общественного устройства (будь то лунное иерархическое

общество-«муравейник», управляемое Великим Лунарием, или установленный Белым Советом тоталитарный режим на Земле конца XXI века) и возможности их изменения.

Герберт Уэллс
«Война миров» и другие романы

© Е. Н. Бирукова (наследник), перевод, 2023
© М. А. Зенкевич (наследники), перевод, 2023
© К. А. Морозова (наследники), перевод, 2023
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство Иностранка®

Машина Времени

Посвящается Уильяму Эрнесту Хенли

Перевод К. Морозовой

I
Вступление

Путешественник по Времени (будем называть его так) рассказывал нам невероятные вещи. Его серые глаза искрились и сияли, лицо, обычно бледное, покраснело и оживилось. В камине ярко пылал огонь, и мягкий свет газовых рожков в виде серебряных лилий переливался в наших бокалах. Стулья собственного его изобретения были так удобны, словно ласкались к нам; в комнате царила та блаженная послеобеденная атмосфера, когда мысль, свободная от строгой определенности, легко скользит с предмета на предмет. Вот что он нам сказал, отмечая самое важное движениями тонкого указательного пальца, в то время как мы лениво сидели на стульях, удивляясь его изобретательности и тому, что он серьезно относится к своему новому парадоксу (как мы это называли):

— Прошу вас слушать меня внимательно. Мне придется опровергнуть несколько общепринятых представлений. Например, геометрия, которой вас обучали в школах, построена на

недоразумении…

— Не думаете ли вы, что это слишком широкий вопрос, чтобы с него начинать? — сказал рыжеволосый Филби, большой спорщик.

— Я и не предполагаю, что вы согласитесь со мной, не имея на это достаточно разумных оснований. Но вам придется согласиться со мной, я вас заставлю. Вы, без сомнения, знаете, что математическая линия, линия *без* толщины, воображаема и реально не существует. Учили вас этому? Вы знаете, что не существует также и математической плоскости. Все это чистые абстракции.

— Совершенно верно, — подтвердил Психолог.

— Но ведь точно так же не имеет реального существования и куб, обладающий только длиной, шириной и высотой…

— С этим я не могу согласиться, — заявил Филби. — Без сомнения, твердые тела существуют. А все существующие предметы…

— Так думает большинство людей. Но подождите минуту. Может ли существовать *вневременной* куб?

— Не понимаю вас, — сказал Филби.

— Можно ли признать действительно существующим кубом то, что не существует ни

единого мгновения?

Филби задумался.

— А из этого следует, — продолжал Путешественник по Времени, — что каждое реальное тело должно обладать *четырьмя* измерениями: оно должно иметь длину, ширину, высоту и продолжительность существования. Но вследствие прирожденной ограниченности нашего ума мы не замечаем этого факта. И все же существуют четыре измерения, из которых три мы называем пространственными, а четвертое — временны́м. Правда, существует тенденция противопоставлять три первых измерения последнему, но только потому, что наше сознание от начала нашей жизни и до ее конца движется рывками лишь в одном-единственном направлении этого последнего измерения.

— Это, — произнес Очень Молодой Человек, делая отчаянные усилия раскурить от лампы свою сигару, — это… право, яснее ясного.

— Замечательно. Однако это совершенно упускают из виду, — продолжал Путешественник по Времени, и голос его слегка повеселел. — Время и есть то, что подразумевается под Четвертым Измерением, хотя некоторые трактующие о Четвертом Измерении не знают, о чем говорят. Это

просто иная точка зрения на Время. *Единственное различие между Временем и любым из трех пространственных измерений заключается в том, что наше сознание движется по нему.* Некоторые глупцы неправильно понимают эту мысль. Все вы, конечно, знаете, в чем заключаются их возражения против Четвертого Измерения?

— Я не знаю, — заявил Провинциальный Мэр.

— Все очень просто. Пространство, как понимают его наши математики, имеет три измерения, которые называются длиной, шириной и высотой, и оно определяется относительно трех плоскостей, расположенных под прямым углом друг к другу. Однако некоторые философские умы задавали себе вопрос: почему же могут существовать только *три* измерения? Почему не может существовать еще одно направление под прямым углом к трем остальным? Они пытались даже создать геометрию четырех измерений. Всего около месяца тому назад профессор Саймон Ньюком излагал эту проблему перед Нью-Йоркским математическим обществом. Вы знаете, что на плоской поверхности, обладающей только двумя измерениями, можно представить чертеж трехмерного тела. Предполагается, что точно так же при помощи трехмерных моделей можно

представить предмет в четырех измерениях, если овладеть перспективой этого предмета. Понимаете?

— Кажется, да, — пробормотал Провинциальный Мэр. Нахмурив брови, он углубился в себя и шевелил губами, как человек, повторяющий какие-то магические слова. — Да, мне кажется, я теперь понял, — произнес он спустя несколько минут, и его лицо просияло.

— Ну, я мог бы рассказать вам, как мне пришлось заниматься одно время геометрией четырех измерений. Некоторые из моих выводов довольно любопытны. Например, вот портрет человека, когда ему было восемь лет, другой — когда ему было пятнадцать, третий — семнадцать, четвертый — двадцать три года и так далее. Все это, очевидно, трехмерные представления его четырехмерного существования, которое является вполне определенной и неизменной величиной.

Ученые, — продолжал Путешественник по Времени, помолчав для того, чтобы мы лучше усвоили сказанное, — отлично знают, что Время — только особый вид Пространства. Вот перед вами самая обычная диаграмма, кривая погоды. Линия, по которой я веду пальцем, показывает колебания барометра. Вчера он стоял вот на та-

кой высоте, к вечеру упал, сегодня утром снова поднялся и полз понемногу вверх, пока не дошел вот до этого места. Без сомнения, ртуть не нанесла этой линии ни в одном из общепринятых пространственных измерений. Но так же несомненно, что ее колебания абсолютно точно определяются нашей линией, и отсюда мы должны заключить, что такая линия была проведена в Четвертом Измерении — во Времени.

— Но, — сказал Доктор, пристально глядя на уголь в камине, — если Время действительно только Четвертое Измерение Пространства, то почему же всегда, вплоть до наших дней, на него смотрели как на нечто отличное? И почему мы не можем двигаться во Времени точно так же, как движемся во всех остальных измерениях Пространства?

Путешественник по Времени улыбнулся.

— А вы так уверены в том, что мы можем свободно двигаться в Пространстве? Правда, мы можем довольно свободно пойти вправо и влево, назад и вперед, и люди всегда делали это. Я допускаю, что мы свободно движемся в двух измерениях. Ну а как насчет движения вверх? Сила тяготения ограничивает нас в этом.

— Не совсем, — заметил Доктор. — Существуют

же аэростаты.

— Но до аэростатов, кроме неуклюжих прыжков и лазанья по неровностям земной поверхности, у человека не было иной возможности вертикального движения.

— Все же мы можем двигаться немного вверх и вниз, — сказал Доктор.

— Легче, значительно легче вниз, чем вверх!

— Но двигаться во Времени совершенно немыслимо, вы никуда не уйдете от настоящего момента.

— Мой дорогой друг, тут-то вы и ошибаетесь. В этом-то и ошибался весь мир. Мы постоянно уходим от настоящего момента. Наша духовная жизнь, нематериальная и не имеющая измерений, движется с равномерной быстротой от колыбели к могиле по Четвертому Измерению Пространства — Времени. Совершенно так же, как если бы мы, начав свое существование в пятидесяти милях над земной поверхностью, равномерно падали бы вниз.

— Однако главное затруднение, — вмешался Психолог, — заключается в том, что можно свободно двигаться во всех направлениях Пространства, но нельзя так же свободно двигаться во Времени.

— В этом-то и заключается зерно моего великого открытия. Вы совершаете ошибку, говоря, что нельзя двигаться во Времени. Если я, например, очень ярко вспоминаю какое-либо событие, то возвращаюсь ко времени его совершения и как бы мысленно отсутствую. Я на миг делаю прыжок в прошлое. Конечно, мы не имеем возможности остаться в прошлом на какую бы то ни было частицу Времени, подобно тому как дикарь или животное не могут повиснуть в воздухе на расстоянии хотя бы шести футов от земли. В этом отношении цивилизованный человек имеет преимущество перед дикарем. Он, вопреки силе тяготения, может подняться вверх на воздушном шаре. Почему же нельзя надеяться, что в конце концов он сумеет также остановить или ускорить свое движение по Времени или даже повернуть в противоположную сторону?

— Это совершенно невозможно… — начал было Филби.

— Почему нет? — спросил Путешественник по Времени.

— Это противоречит разуму, — ответил Филби.

— Какому разуму? — сказал Путешественник по Времени.

— Конечно, вы можете доказывать, что черное

— белое, — сказал Филби, — но вы никогда не убедите меня в этом.

— Возможно, — сказал Путешественник по Времени. — Но все же попытайтесь взглянуть на этот вопрос с точки зрения геометрии четырех измерений. С давних пор у меня была смутная мечта создать машину…

— Чтобы путешествовать по Времени? — прервал его Очень Молодой Человек.

— Чтобы двигаться свободно в любом направлении Пространства и Времени по желанию того, кто управляет ею.

Филби только рассмеялся и ничего не сказал.

— И я подтвердил возможность этого на опыте, — сказал Путешественник по Времени.

— Это было бы удивительно удобно для историка, — заметил Психолог. — Можно было бы отправиться в прошлое и проверить, например, известное описание битвы при Гастингсе!

— А вы не побоялись бы, что на вас нападут обе стороны? — сказал Доктор. — Наши предки не очень-то любили анахронизмы.

— Можно было бы изучить греческий язык из уст самого Гомера или Платона, — сказал Очень Молодой Человек.

— И вы, конечно, провалились бы на экзамене.

Немецкие ученые так удивительно усовершенствовали древнегреческий язык!

— В таком случае лучше уж отправиться в будущее! — воскликнул Очень Молодой Человек. — Подумайте только! Можно было бы поместить все свои деньги в банк под проценты — и вперед!

— А там окажется, — перебил я, — что общество будущего основано на строго коммунистических началах.

— Это самая экстравагантная теория!.. — воскликнул Психолог.

— Да, так казалось и мне, но я не говорил об этом до тех пор…

— Пока не могли подтвердить это опытом! — подхватил я. — И вы можете доказать…

— Требую опыта! — закричал Филби, которому надоели рассуждения.

— Покажите же нам свой опыт, — сказал Психолог, — хотя, конечно, все это чепуха.

Путешественник по Времени, улыбаясь, обвел нас взглядом. Затем все с той же усмешкой засунул руки в карманы и медленно вышел из комнаты. Мы услышали шарканье его туфель по длинному коридору, который вел в лабораторию.

Психолог посмотрел на нас.

— Интересно, зачем он туда пошел?

— Наверно, это какой-нибудь фокус, — сказал Доктор.

Филби принялся рассказывать о фокуснике, которого он видел в Барслеме, но тут Путешественник по Времени вернулся, и рассказ Филби остался неоконченным.

II
Машина Времени

Путешественник по Времени держал в руке искусно сделанный блестящий металлический предмет немного больше маленьких настольных часов. Он был сделан из слоновой кости и какого-то прозрачного, как хрусталь, вещества. Теперь я постараюсь быть очень точным в своем рассказе, так как за этим последовали совершенно невероятные события. Хозяин придвинул один из маленьких восьмиугольных столиков, расставленных по комнате, к самому камину так, что две его ножки очутились на каминном коврике. На этот столик он поставил свой аппарат. Затем придвинул стул и сел на него. Кроме аппарата, на столе стояла еще небольшая лампа под абажуром, от которой падал яркий свет. В комнате теперь горело еще около дюжины свечей: две в бронзовых подсвечниках на камине, остальные в канделябрах, — так что вся она была освещена. Я сел в низкое кресло поближе к огню и выдвинул его вперед так, что оказался почти между камином и Путешественником по Времени. Филби

уселся позади и смотрел через его плечо. Доктор и Провинциальный Мэр наблюдали с правой стороны, а Психолог — слева. Очень Молодой Человек стоял позади Психолога. Все мы насторожились. Мне кажется невероятным, чтобы при таких условиях нас можно было обмануть каким-нибудь фокусом, даже самым хитрым и искусно выполненным.

Путешественник по Времени посмотрел на нас, затем на свой аппарат.

— Ну? — сказал Психолог.

— Этот маленький механизм — только модель, — сказал Путешественник по Времени, облокотившись на стол и сплетя пальцы над аппаратом. — По ней я делаю машину для путешествия по Времени. Вы замечаете, какой у нее необычный вид? Например, вот у этой пластинки очень смутная поверхность, как будто бы она в некотором роде не совсем реальна.

Он указал пальцем на одну из частей модели.

— Вот здесь находится маленький белый рычажок, а здесь другой.

Доктор встал со стула и принялся рассматривать модель.

— Чудесно сделано, — сказал он.

— На это ушло два года, — ответил Путеше-

ственник по Времени. Затем, после того как мы все по примеру Доктора осмотрели модель, он добавил: — А теперь обратите внимание на следующее: если нажать на этот рычажок, машина начинает скользить в будущее, а второй рычажок вызывает обратное движение. Вот седло, в которое должен сесть Путешественник по Времени. Сейчас я нажму рычаг — и машина двинется. Она исчезнет, умчится в будущее и скроется из наших глаз. Осмотрите ее хорошенько. Осмотрите также стол и убедитесь, что тут нет никакого фокуса. Я вовсе не желаю потерять свою модель и получить за это только репутацию шарлатана.

Наступило минутное молчание. Психолог как будто хотел что-то сказать мне, но передумал. Путешественник по Времени протянул палец по направлению к рычагу.

— Нет, — сказал он вдруг. — Пусть кто-нибудь даст мне руку. — Обернувшись к Психологу, он взял его за локоть и попросил вытянуть указательный палец.

Таким образом, Психолог сам отправил модель Машины Времени в ее бесконечное путешествие. Мы все видели, как рычаг повернулся. Я глубоко убежден, что здесь не было обмана. Произошло колебание воздуха, и пламя лампы задрожало.

Одна из свечей, стоявших на камине, погасла. Маленькая машина закачалась, сделалась неясной, на мгновение она представилась нам как тень, как призрак, как вихрь поблескивавшего хрусталя и слоновой кости — и затем исчезла, пропала. На столе осталась только лампа.

С минуту мы все молчали. Затем Филби пробормотал проклятие.

Психолог, оправившись от изумления, заглянул под стол. Путешественник по Времени весело рассмеялся.

— Ну! — сказал он, намекая на сомнения Психолога.

Затем, встав, он взял с камина жестянку с табаком и преспокойно принялся набивать трубку.

Мы посмотрели друг на друга.

— Слушайте, — сказал Доктор, — неужели вы это серьезно? Неужели вы действительно верите, что ваша машина отправилась путешествовать по Времени?

— Без сомнения, — ответил он, наклонился к камину и сунул в огонь клочок бумаги. Затем, закурив трубку, посмотрел на Психолога. (Психолог, стараясь скрыть свое смущение, достал сигару и, позабыв обрезать кончик, тщетно пытался закурить.) — Скажу более, — продолжал

наш хозяин, — у меня почти окончена большая машина… Там. — Он указал в сторону своей лаборатории. — Когда она будет готова, я предполагаю сам совершить путешествие.

— Вы говорите, что эта машина отправилась в будущее? — спросил Филби.

— В будущее или в прошлое — наверняка не знаю.

— Постойте, — сказал Психолог с воодушевлением. — Она должна была отправиться в прошлое, если вообще можно допустить, что она куда-нибудь отправилась.

— Почему? — спросил Путешественник по Времени.

— Потому что если бы она не двигалась в Пространстве и отправилась в будущее, то все время оставалась бы с нами: ведь и мы путешествуем туда же!

— А если бы она отправилась в прошлое, — добавил я, — то мы видели бы ее еще в прошлый четверг, когда были здесь, и в позапрошлый четверг и так далее!

— Серьезные возражения! — заметил Провинциальный Мэр и с видом полного беспристрастия повернулся к Путешественнику по Времени.

— Вовсе нет, — сказал тот и, обращаясь к Пси-

хологу, добавил: — Вы сами легко можете им это объяснить. Это вне восприятия, неуловимо чувством.

— Конечно, — ответил Психолог, — обращаясь к нам. — С психологической точки зрения это очень просто. Я должен был бы подумать раньше. Это подтверждает ваш парадокс. Мы действительно не можем видеть, не можем воспринять движение этой машины, как не можем видеть спицу быстро вертящегося колеса или пулю, летящую в воздухе. И если машина движется в будущее со скоростью в пятьдесят или сто раз большей, чем мы сами, если она проходит хотя бы минуту времени, пока мы проходим секунду, то восприятие ее равняется, безусловно, только одной пятидесятой или одной сотой обычного восприятия. Это совершенно ясно. — Он провел рукой по тому месту, где стоял аппарат. — Понимаете? — сказал он, смеясь.

Целую минуту мы не сводили взгляда с пустого стола. Затем Путешественник по Времени спросил, что мы обо всем этом думаем.

— Все это кажется сегодня вполне правдоподобным, — ответил Доктор, — но подождем до завтра. Утро вечера мудренее.

— Не хотите ли взглянуть на саму Машину Вре-

мени? — спросил Путешественник по Времени.

И, взяв лампу, он повел нас по длинному холодному коридору в свою лабораторию. Ясно помню мерцающий свет лампы, его темную крупную голову впереди, наши пляшущие тени на стенах. Мы шли за ним, удивленные и недоверчивые, и увидели в лаборатории, так сказать, увеличенную копию маленького механизма, исчезнувшего на наших глазах. Некоторые части машины были сделаны из никеля, другие из слоновой кости; были и детали, несомненно вырезанные или выпиленные из горного хрусталя. В общем, машина была готова. Только на скамье, рядом с чертежами, лежало несколько прозрачных, причудливо изогнутых стержней. Они, по-видимому, не были окончены. Я взял в руку один из них, чтобы получше рассмотреть. Мне показалось, что он был сделан из кварца.

— Послушайте, — сказал Доктор, — неужели это действительно серьезно? Или это фокус вроде того привидения, которое вы показывали нам на прошлое Рождество?

— На этой машине, — сказал Путешественник по Времени, держа лампу высоко над головой, — я собираюсь исследовать Время. Понимаете? Никогда еще я не говорил более серьезно, чем сейчас.

Никто из нас хорошенько не знал, как отнестись к этим его словам. Выглянув из-за плеча Доктора, я встретился взглядом с Филби, он многозначительно подмигнул мне.

III
Путешественник по Времени возвращается

Мне кажется, в то время никто из нас серьезно не верил в Машину Времени. Дело в том, что Путешественник по Времени принадлежал к числу людей, которые слишком умны, чтобы им можно было слепо верить. Всегда казалось, что он себе на уме, никогда не было уверенности в том, что его обычная откровенность не таит какой-нибудь задней мысли или хитроумной уловки. Если бы ту же самую модель показал нам Филби, объяснив сущность дела теми же словами, мы проявили бы значительно больше доверия. Мы понимали бы, что́ им движет: всякий колбасник мог бы понять Филби. Но характер Путешественника по Времени был слишком причудлив, и мы инстинктивно не доверяли ему. Открытия и выводы, которые доставили бы славу человеку менее умному, у него казались лишь хитрыми трюками. Достигая своих целей слишком легко, он совершал большую ошибку. Серьезные, умные люди, с уважением относившиеся к нему, нико-

гда не были уверены в том, что он не одурачит их просто ради шутки, и всегда чувствовали, что их репутация в его руках подобна тончайшему фарфору в руках ребенка. Вот почему, как мне кажется, ни один из нас всю следующую неделю, от четверга до четверга, ни словом не обмолвился о путешествии по Времени, хотя, без сомнения, оно заинтересовало всех: кажущаяся правдоподобность и вместе с тем практическая невероятность такого путешествия, забавные анахронизмы и полный хаос, который оно вызвало бы, — все это очень занимало нас. Что касается меня лично, то я особенно заинтересовался опытом с моделью. Помню, я поспорил об этом с Доктором, встретившись с ним в пятницу в Линнеевском обществе. Он говорил, что видел нечто подобное в Тюбингене, и придавал большое значение тому, что одна из свечей во время опыта погасла. Но как все это было проделано, он не мог объяснить.

В следующий четверг я снова поехал в Ричмонд, так как постоянно бывал у Путешественника по Времени, и, немного запоздав, застал в гостиной четверых или пятерых знакомых. Доктор стоял перед камином с листком бумаги в одной руке и с часами в другой. Я огляделся: Путешественника по Времени не было.

— Половина восьмого, — сказал Доктор. — Мне кажется, пора садиться за стол.

— Но где же хозяин? — спросил я.

— Ага, вы только что пришли? Знаете, это становится странным. Его, по-видимому, что-то задержало. В этой записке он просит нас сесть за стол в семь часов, если он не вернется, и обещает потом объяснить, в чем дело.

— Досадно, если обед будет испорчен, — сказал Редактор одной известной газеты.

Доктор позвонил.

Из прежних гостей, кроме меня и Доктора, был только один Психолог. Зато появились новые: Бленк, уже упомянутый нами Редактор, один журналист и еще какой-то тихий, застенчивый бородатый человек, которого я не знал и который, насколько я мог заметить, за весь вечер не проронил ни слова. За обедом высказывались всевозможные догадки о том, где сейчас хозяин. Я шутливо намекнул, что он путешествует по Времени. Редактор захотел узнать, что это значит, и Психолог принялся длинно и неинтересно рассказывать об «остроумном парадоксе и фокусе», очевидцами которого мы были неделю назад. В самой середине его рассказа дверь в коридор медленно и бесшумно отворилась. Я сидел напротив

нее и первый заметил это.

— А! — воскликнул я. — Наконец-то!

Дверь распахнулась настежь, и мы увидели Путешественника по Времени.

У меня вырвался крик изумления.

— Господи, что с вами? — воскликнул Доктор.

Все сидевшие за столом повернулись к двери.

Вид у него был действительно странный. Его сюртук был весь в грязи, на рукавах проступали какие-то зеленые пятна; волосы были всклокочены и показались мне поседевшими от пыли или оттого, что они за это время выцвели. Лицо его было мертвенно-бледно, на подбородке виднелся темный, едва затянувшийся рубец, глаза дико блуждали, как у человека, перенесшего тяжкие страдания. С минуту он постоял в дверях, как будто ослепленный светом. Затем, прихрамывая, вошел в комнату. Так хромают бродяги, когда натрут ноги. Мы все выжидающе смотрели на него.

Не произнеся ни слова, он заковылял к столу и протянул руку к бутылке. Редактор налил шампанского и пододвинул ему бокал. Он осушил бокал залпом, и ему, казалось, стало лучше: он обвел взглядом стол, и на лице его мелькнуло подобие обычной улыбки.

— Что с вами случилось? — спросил Доктор.

Путешественник по Времени, казалось, не слышал вопроса.

— Не беспокойтесь, — сказал он запинаясь. — Все в порядке.

Он замолчал и снова протянул бокал, затем выпил его, как и прежде, залпом.

— Вот хорошо, — сказал он.

Глаза его заблестели, на щеках показался слабый румянец. Он взглянул на нас с одобрением и два раза прошелся из угла в угол теплой и уютной комнаты. Потом заговорил, запинаясь и как будто с трудом подыскивая слова:

— Я пойду приму ванну и переоденусь, а затем вернусь и все вам расскажу… Оставьте мне только кусочек баранины. Я смертельно хочу мяса.

Он взглянул на Редактора, который редко бывал в его доме, и поздоровался с ним. Редактор что-то спросил у него.

— Дайте мне только одну минутку, и я вам отвечу, — сказал Путешественник по Времени. — Смотрите, в каком я виде. Но через минуту все будет в порядке.

Он поставил бокал на стол и направился к двери. Я снова обратил внимание на его хромоту и на глухой звук его шагов. Привстав со стула как раз в то мгновение, когда он выходил из комнаты, я

поглядел на его ноги. На них не было ничего, кроме изорванных и окровавленных носков. Дверь закрылась. Я хотел его догнать, но вспомнил, как он ненавидит лишнюю суету. Несколько минут я не мог собраться с мыслями.

— «Странное Поведение Знаменитого Ученого», — услышал я голос Редактора, который по привычке мыслил в форме газетных заголовков. Эти слова вернули меня к ярко освещенному обеденному столу.

— В чем дело? — спросил Журналист. — Что он, разыгрывает из себя бродягу, что ли? Ничего не понимаю.

Я встретился взглядом с Психологом и на его лице прочел отражение собственных мыслей. Я подумал о путешествии по Времени и о самом Путешественнике, ковылявшем теперь наверх по лестнице. Кажется, никто, кроме меня, не заметил его хромоты.

Первым опомнился Доктор. Он позвонил — Путешественник по Времени не любил, чтобы прислуга находилась в комнате во время обеда, — и велел подать следующее блюдо. Проворчав что-то себе под нос, Редактор принялся орудовать ножом и вилкой, и Молчаливый Гость последовал его примеру. Все снова принялись за еду. Некото-

рое время разговор состоял из одних удивленных восклицаний, перемежавшихся молчанием. Любопытство Редактора достигло предела.

— Не пополняет ли наш общий друг свои скромные доходы нищенством? — начал он снова. — Или с ним случилось то же самое, что с Навуходоносором?

— Я убежден, что это имеет какое-то отношение к Машине Времени, — сказал я и стал продолжать рассказ о нашей предыдущей встрече с того места, где остановился Психолог. Новые гости слушали с явным недоверием. Редактор принялся возражать.

— Хорошенькое путешествие по Времени! — воскликнул он. — Подумайте только! Не может же человек покрыться пылью только потому, что запутался в своем парадоксе! — Найдя эту мысль забавной, он принялся острить: — Неужели в Будущем нет платяных щеток?

Журналист тоже ни за что не хотел нам верить и присоединился к Редактору, легко нанизывая одну на другую насмешки и несообразности. Оба они были журналистами нового типа — веселые разбитные молодые люди.

— «Наш Специальный Корреспондент из Послезавтрашнего Дня Сообщает!» — сказал — или

скорее выкрикнул — Журналист в то мгновение, когда Путешественник по Времени появился снова. Он был теперь в своем обычном костюме, и, кроме блуждающего взгляда, во внешности его не осталось никаких следов недавней перемены, которая меня так поразила.

— Вообразите, — весело сказал Редактор, — эти шутники утверждают, что вы побывали в середине будущей недели!.. Не расскажете ли вы нам что-нибудь о малыше Розбери? Какой желаете гонорар?

Не произнеся ни слова, Путешественник по Времени подошел к оставленному для него месту. Он улыбался своей обычной спокойной улыбкой.

— Где моя баранина? — спросил он. — Какое наслаждение снова воткнуть вилку в кусок мяса!

— Выкладывайте! — закричал Редактор.

— К черту! — воскликнул Путешественник по Времени. — Я умираю с голоду. Не скажу ни слова, пока не подкреплюсь. Благодарю вас. И будьте любезны, передайте соль.

— Одно только слово, — проговорил я. — Вы путешествовали по Времени?

— Да, — ответил Путешественник по Времени с набитым ртом и кивнул.

— Готов заплатить по шиллингу за строчку, —

сказал Редактор.

Путешественник по Времени пододвинул к Молчаливому Человеку свой бокал и постучал по нему пальцем; Молчаливый Человек, пристально смотревший на него, нервно вздрогнул и налил вина.

Обед показался мне бесконечно долгим. Я с трудом удерживался от вопросов, и, думаю, то же самое было со всеми остальными. Журналист пытался поднять настроение, рассказывая анекдоты о Хетти Поттер. Но Путешественник по Времени был поглощен обедом и ел с аппетитом настоящего бродяги. Доктор курил сигару и, прищурившись, незаметно наблюдал за ним. Молчаливый Человек, казалось, был застенчивей обыкновенного и нервно пил шампанское. Наконец Путешественник по Времени отодвинул тарелку и оглядел нас.

— Я должен извиниться перед вами, — сказал он. — Простите! Я умирал с голоду. Со мной случилось удивительнейшее происшествие.

Он протянул руку за сигарой и обрезал ее конец.

— Перейдемте в курительную. Это слишком длинная история, чтобы рассказывать ее за столом, уставленным грязными тарелками.

И, позвонив прислуге, он отвел нас в соседнюю комнату.

— Рассказывали вы Бленку, Дэшу и Чоузу о Машине? — спросил он меня, откидываясь на спинку удобного кресла и указывая на троих новых гостей.

— Но ведь это просто парадокс, — сказал Редактор.

— Сегодня я не в силах спорить. Рассказать могу, но спорить не в состоянии. Если хотите, я расскажу вам о том, что со мной случилось, но прошу не прерывать меня. Я чувствую непреодолимую потребность рассказать вам все. Знаю, что едва ли не весь мой рассказ покажется вам вымыслом. Пусть так! Но все-таки это правда — от первого до последнего слова… Сегодня в четыре часа дня я был в своей лаборатории, и с тех пор… за три часа прожил восемь дней… Восемь дней, каких не переживал еще ни один человек! Я измучен, но не лягу спать до тех пор, пока не расскажу вам все. Тогда только я смогу заснуть. Но не прерывайте меня. Согласны?

— Согласен, — сказал Редактор.

И все мы повторили хором:

— Согласны!

И Путешественник по Времени начал свой рас-

сказ, который я привожу здесь. Сначала он сидел, откинувшись на спинку кресла, и казался крайне утомленным, но потом понемногу оживился. Пересказывая его историю, я слишком глубоко чувствую полнейшее бессилие пера и чернил и, главное, собственную свою неспособность передать все эти характерные особенности. Вероятно, вы прочтете его со вниманием, но не увидите бледного искреннего лица рассказчика, освещенного ярким светом лампы, и не услышите звука его голоса. Вы не сможете представить себе, как по ходу рассказа изменялось выражение этого лица. Большинство из нас сидело в тени: в курительной комнате не были зажжены свечи, а лампа освещала только лицо Журналиста и ноги Молчаливого Человека, да и то лишь до колен.

Сначала мы молча переглядывались, но вскоре забыли обо всем и смотрели только на Путешественника по Времени.

IV
Путешествие по Времени

— В прошлый четверг я объяснял уже некоторым из вас принцип действия моей Машины Времени и показывал ее, еще не законченную, в своей мастерской. Там она находится и сейчас, правда немного потрепанная путешествием. Один из костяных стержней надломлен, и бронзовая полоса погнута, но все остальные части в исправности. Я рассчитывал закончить ее еще в пятницу, но, собрав все, заметил, что одна из никелевых деталей на целый дюйм короче, чем нужно. Пришлось снова ее переделывать. Вот почему моя Машина была закончена только сегодня. В десять часов утра первая в мире Машина Времени была готова к путешествию. В последний раз я осмотрел все, испробовал винты и, снова смазав кварцевую ось, сел в седло. Думаю, что самоубийца, который подносит револьвер к виску, испытывает такое же странное чувство, какое охватило меня, когда одной рукой я взялся за пусковой рычаг, а другой — за тормоз. Я быстро повернул первый и почти тотчас же второй. Мне

показалось, что я покачнулся, испытав, будто в кошмаре, ощущение падения. Но, оглядевшись, я увидел свою лабораторию такой же, как и за минуту до этого. Произошло ли что-нибудь? На мгновение у меня мелькнула мысль, что все мои теории ошибочны. Я посмотрел на часы. Минуту назад, как мне казалось, часы показывали начало одиннадцатого, теперь же — около половины четвертого!

Я вздохнул и, сжав зубы, обеими руками повернул пусковой рычаг. Лаборатория стала туманной и неясной. Вошла миссис Уотчет и, по-видимому не замечая меня, двинулась к двери в сад. Для того чтобы пересечь комнату, ей понадобилось, вероятно, около минуты, но мне показалось, что она пронеслась с быстротой ракеты. Я повернул рычаг до отказа. Сразу наступила темнота, как будто потушили лампу, но в следующее же мгновение вновь стало светло. Я неясно различал лабораторию, которая становилась все более и более туманной. Вдруг наступила ночь, затем снова день, снова ночь и так далее, все быстрее. У меня шумело в ушах, и странное ощущение падения стало сильнее.

Боюсь, что не сумею передать вам своеобразных ощущений от путешествия по Времени. Чтобы

понять меня, их надо испытать самому. Они очень неприятны. Как будто мчишься куда-то, беспомощный, с головокружительной быстротой. Предчувствие ужасного, неизбежного падения не покидает тебя. Пока я мчался таким образом, ночи сменялись днями, подобно взмахам черных крыльев. Скоро смутные очертания моей лаборатории исчезли, и я увидел солнце, каждую минуту делавшее скачок по небу от востока до запада, и каждую минуту наступал новый день. Я решил, что лаборатория разрушена и я очутился под открытым небом. У меня было впечатление, что здесь что-то строится, но я мчался слишком быстро, чтобы воспринимать подробности. Самая медленная из улиток двигалась для меня слишком быстро. Мгновенная смена темноты и света была нестерпима для глаз. В секунды потемнения я видел луну, которая быстро пробегала по небу, меняя свои фазы от новолуния до полнолуния, видел слабое мерцание кружившихся звезд. Я продолжал мчаться так со все возраставшей скоростью, день и ночь слились наконец в сплошную серую пелену; небо окрасилось в ту удивительную синеву, приобрело тот чудесный оттенок, который появляется в ранние сумерки; метавшееся солнце превратилось в огненную

полосу, дугой сверкавшую от востока до запада, а луна — в такую же полосу слабо струившегося света; я уже не мог видеть звезд и только изредка замечал то тут, то там светлые круги, опоясавшие небесную синеву.

Вокруг меня все было смутно и туманно. Я все еще находился на склоне холма, на котором и сейчас стоит этот дом, и вершина его поднималась надо мной, серая и расплывчатая. Я видел, как деревья вырастали и изменяли форму, подобно клубам дыма: то желтея, то зеленея, они росли, увеличивались и исчезали. Я видел, как огромные великолепные здания появлялись и таяли, словно сновидения. Вся поверхность земли изменялась на моих глазах. Маленькие стрелки на циферблатах, показывавшие скорость Машины, вертелись все быстрей и быстрей. Скоро я заметил, что полоса, в которую превратилось солнце, колеблется то к северу, то к югу — от летнего солнцестояния к зимнему, — показывая, что я пролетал более года в минуту, и каждую минуту снег покрывал землю и сменялся яркой весенней зеленью.

Первые неприятные ощущения полета стали уже не такими острыми. Меня вдруг охватило какое-то исступление. Я заметил странное кача-

ние Машины, но не мог понять причины этого. В голове моей был какой-то хаос, и я в припадке безумия летел в будущее. Я не думал об остановке, забыл обо всем, кроме своих новых ощущений. Но вскоре эти ощущения сменились любопытством, смешанным со страхом. «Какое удивительное развитие человечества, какие чудесные достижения прогресса по сравнению с нашей зачаточной цивилизацией, — думал я, — могут открыться передо мной, если я взгляну поближе на смутный, мелькающий мир, несущийся и меняющийся перед моими глазами!» Я видел, как вокруг меня вздымались огромные сооружения чудесной архитектуры, гораздо более величественные, чем здания нашего времени, но они казались как бы сотканными из мерцающего тумана. Я видел, как склон этого холма покрылся пышной зеленью и она оставалась на нем круглый год — летом и зимой. Даже сквозь дымку, окутавшую меня, зрелище показалось мне удивительно прекрасным. И я почувствовал желание остановиться.

Риск заключался в том, что пространство, необходимое для моего тела или моей Машины, могло оказаться уже занятым. Пока я с огромной скоростью мчался по Времени, это не имело значения: я находился, так сказать, в разжиженном

состоянии, подобно пару, скользил между встречавшимися предметами. Но остановка означала, что я должен молекула за молекулой втиснуться в то, что оказалось бы на моем пути: атомы моего тела должны были войти в такое близкое соприкосновение с атомами этого препятствия, что между теми и другими могла произойти бурная химическая реакция — возможно, мощный взрыв, после которого я вместе с моим аппаратом оказался бы по ту сторону всех возможных измерений, в Неизвестности. Эта возможность не раз приходила мне на ум, пока я делал Машину, но тогда я считал, что это неизбежный риск, на который необходимо идти. Теперь же, когда опасность казалась неминуемой, я уже не смотрел на нее так беззаботно. Дело в том, что новизна окружающего, утомительные колебания и дрожание Машины, а главное, непрерывное ощущение падения — все это незаметно действовало на мои нервы. Я говорил себе, что уже больше не смогу никогда остановиться, и вдруг, досадуя на самого себя, решил это сделать. Как глупец, я нетерпеливо рванул тормоз. Машина в то же мгновение перевернулась, и я стремглав полетел в пространство.

В ушах у меня словно загремел гром. На мгно-

вение я был оглушен. Потом с трудом сел и осмотрелся. Вокруг меня со свистом падал белый град, а я сидел на мягком дерне перед опрокинутой Машиной. Все вокруг по-прежнему казалось серым, но вскоре я почувствовал, что шум в ушах прошел, и еще раз осмотрелся: я находился, по-видимому, в саду, на лужайке, обсаженной рододендронами, лиловые и алые цветы падали на землю под ударами града. Отскакивая от земли, градины летели над моей Машиной, таяли и сырым покровом стлались по земле. В одно мгновение я промок до костей.

«Нечего сказать, хорошенькое гостеприимство, — сказал я, — так встречать человека, который промчался сквозь бесчисленное множество лет».

Решив, что мокнуть дольше было бы глупо, я встал и осмотрелся. Сквозь туман за рододендронами я смутно различил колоссальную фигуру, высеченную, по-видимому, из какого-то белого камня. Больше ничего видно не было.

Трудно передать мои ощущения. Когда град стал падать реже, я подробно разглядел белую фигуру. Она была очень велика — высокий серебристый тополь достигал только до ее половины. Высечена она была из белого мрамора и похо-

дила на сфинкса, но крылья его не прилегали к телу, а были распростерты, словно он собирался взлететь. Пьедестал показался мне сделанным из бронзы и был густо покрыт медной зеленью. Лицо Сфинкса было обращено прямо ко мне, его незрячие глаза, казалось, смотрели на меня, и по губам скользила улыбка. Он был сильно потрепан непогодами, словно изъеден болезнью. Я стоял и глядел на него, быть может, полминуты, а может, и полчаса. Казалось, он то приближался, то отступал, смотря по тому, гуще или реже падал град. Наконец я отвел от него глаза и увидел, что завеса града прорвалась, небо прояснилось и скоро должно появиться солнце.

Я снова взглянул на белую фигуру Сфинкса и вдруг понял все безрассудство своего путешествия. Что увижу я, когда совершенно рассеется этот туман? Разве люди не могли за это время измениться до неузнаваемости? Что, если они стали еще более жестокими? Что, если они совершенно утратили свой человеческий облик и превратились во что-то нечеловеческое, мерзкое и неодолимо сильное? А может быть, я увижу какое-нибудь дикое животное, еще более ужасное и отвратительное, чем первобытные ящеры, в силу своего человекоподобия, — мерзкую тварь,

которую следовало бы тотчас же уничтожить?

Я взглянул кругом и увидел вдали какие-то очертания — огромные дома с затейливыми перилами и высокими колоннами, они отчетливо выступали на фоне лесистого холма, который сквозь утихавшую грозу смутно вырисовывался передо мною. Панический страх вдруг овладел мной. Как безумный я бросился к Машине Времени и попробовал снова запустить ее. Солнечные лучи пробились тем временем сквозь облака. Серая завеса расплылась и исчезла. Надо мной в густой синеве летнего неба растаяло несколько последних облаков. Ясно и отчетливо показались огромные здания, блестевшие после обмывшей их грозы и украшенные белыми грудами нерастаявших градин. Я чувствовал себя совершенно беззащитным в этом неведомом мире. Вероятно, то же самое ощущает птичка, видя, как парит ястреб, собирающийся на нее броситься. Мой страх граничил с безумием. Я собрался с силами, сжал зубы, руками и ногами уперся в Машину, чтобы перевернуть ее. Она поддалась моим отчаянным усилиям и наконец перевернулась, сильно ударив меня по подбородку. Одной рукой держась за сиденье, другой — за рычаг, я стоял, тяжело дыша, готовый снова взобраться на нее.

Но вместе с возможностью отступления ко мне снова вернулось мужество. С любопытством, к которому примешивалось все меньше страха, я взглянул на этот мир далекого будущего. Под аркой в стене ближайшего дома я увидел несколько фигур в красивых свободных одеждах. Они меня тоже увидели: их лица были обращены ко мне.

Затем я услышал приближавшиеся голоса. Из-за кустов позади Белого Сфинкса показались головы и плечи бежавших людей. Один из них выскочил на тропинку, что вела к лужайке, где я стоял рядом со своей Машиной. Это было маленькое существо — не более четырех футов ростом, одетое в пурпуровую тунику, перехваченную у талии кожаным ремнем. На ногах у него были не то сандалии, не то котурны. Ноги до колен были обнажены, голова не покрыта. Обратив внимание на эту легкую одежду, я впервые почувствовал, какой теплый был там воздух.

Подбежавший человек показался мне удивительно прекрасным, грациозным, но чрезвычайно хрупким существом. Его залитое румянцем лицо напомнило мне лица больных чахоткой — ту чахоточную красоту, о которой так часто приходится слышать. При виде его я внезапно почувствовал доверие. Я отдернул руку от Ма-

шины.

V
В Золотом Веке

Через мгновение мы уже стояли лицом к лицу — я и это хрупкое существо далекого будущего. Он смело подошел ко мне и приветливо улыбнулся. Это полное отсутствие страха чрезвычайно поразило меня. Он повернулся к двум другим, которые подошли вслед за ним, и заговорил с ними на странном, очень нежном и певучем языке.

Тем временем подоспели другие, и скоро вокруг меня образовалась группа из восьми или десяти очень изящных созданий. Один из них обратился ко мне с каким-то вопросом. Не знаю почему, но мне пришло вдруг в голову, что мой голос должен показаться им слишком грубым и резким. Поэтому я только покачал головой и указал на свои уши. Тот, кто обратился ко мне, сделал шаг вперед, остановился в нерешительности и дотронулся до моей руки. Я почувствовал еще несколько таких же нежных прикосновений на плечах и на спине. Они хотели убедиться, что я действительно существую. В их движениях не было решительно ничего внушающего опасение.

Наоборот, в этих милых маленьких существах было что-то вызывающее доверие, какая-то грациозная мягкость, какая-то детская непринужденность. К тому же они были такие хрупкие, что казалось, можно совсем легко в случае нужды разбросать их, как кегли, — целую дюжину одним толчком. Однако, заметив, что маленькие руки принялись ощупывать Машину Времени, я сделал предостерегающее движение. Я вдруг вспомнил то, о чем совершенно забыл, — что она может внезапно исчезнуть, вывинтил, нагнувшись над стержнями, рычажки, приводящие Машину в движение, и положил их в карман. Затем снова повернулся к этим людям, раздумывая, как бы мне с ними объясниться.

Я пристально разглядывал их изящные фигурки, напоминавшие дрезденские фарфоровые статуэтки. Их короткие волосы одинаково курчавились, на лице не было видно ни малейшего признака растительности, уши были удивительно маленькие. Рот крошечный, с ярко-пунцовыми, довольно тонкими губами, подбородок остроконечный. Глаза большие и кроткие, но — не сочтите это за тщеславие! — в них недоставало выражения того интереса ко мне, какого я был вправе ожидать.

Они больше не делали попыток объясняться со мной и стояли, улыбаясь и переговариваясь друг с другом нежными, воркующими голосами. Я первым начал разговор. Указал рукой на Машину Времени, потом на самого себя. После этого, поколебавшись, как лучше выразить понятие о Времени, указал на солнце. Тотчас же одно изящное существо, одетое в клетчатую пурпурно-белую одежду, повторило мой жест и, несказанно поразив меня, издало звук, подражая грому.

На мгновение я удивился, хотя смысл жеста был вполне ясен. Мне вдруг пришла мысль: а не имею ли я дело просто-напросто с дураками? Вы едва ли поймете, как это поразило меня. Я всегда держался того мнения, что люди эпохи восемьсот второй тысячи лет, куда я залетел, судя по счетчику моей Машины, уйдут невообразимо дальше нас в науке, искусстве и во всем остальном. И вдруг один из них задает мне вопрос, показывающий, что его умственный уровень не выше уровня нашего пятилетнего ребенка: он всерьез спрашивает меня, не упал ли я с солнца во время грозы. И потом, эта их яркая одежда, хрупкое, изящное сложение и нежные черты лица. Я почувствовал разочарование и на мгновение подумал, что напрасно трудился над своей Машиной Времени.

Я кивком указал на солнце и так искусно изобразил гром, что все они отскочили от меня на шаг или два и присели от страха. Но тотчас снова ободрились, и один, смеясь, подошел ко мне с гирляндой чудесных и совершенно неизвестных мне цветов. Он обвил гирляндой мою шею под мелодичные одобрительные возгласы остальных. Все принялись рвать цветы и, смеясь, обвивать меня ими, пока наконец я не стал задыхаться от благоухания. Вы, никогда не видевшие ничего подобного, вряд ли можете представить себе, какие чудесные и нежные цветы создала культура невообразимого числа лет. Кто-то, видимо, подал мысль выставить меня в таком виде в ближайшем здании, и они повели меня к высокому серому, покрытому трещинами каменному дворцу, мимо Сфинкса из белого мрамора, который, казалось, все время с легкой усмешкой смотрел на мое изумление. Идя с ними, я едва удержался от смеха при воспоминании о том, как самоуверенно предсказывал вам несколько дней назад серьезность и глубину ума будущих поколений.

Здание, куда меня вели, имело огромный портал, да и все оно было колоссальных размеров. Я с интересом рассматривал огромную, все возраставшую толпу этих маленьких существ и

зиявший вход, темный и таинственный. Общее впечатление от окружающего было таково, как будто весь мир покрыт густой порослью красивых кустов и цветов, словно давно запущенный, но все еще прекрасный сад. Я видел высокие стебли и нежные головки странных белых цветов. Они были около фута в диаметре, имели прозрачный восковой оттенок и росли дико среди разнообразных кустарников; в то время я не мог хорошенько рассмотреть их. Моя Машина Времени осталась без присмотра среди рододендронов.

Свод был украшен чудесной резьбой, но я, конечно, не успел ее как следует рассмотреть, хотя, когда я проходил под ним, мне показалось, что он сделан в древнефиникийском стиле, и меня поразило, что резьба сильно попорчена и стерта.

Под взрывы мелодичного смеха и веселые разговоры меня встретило на пороге несколько существ, одетых в еще более светлые одежды, и я вошел внутрь в своем неподходящем темном одеянии девятнадцатого века. Я не мог не чувствовать, что вид у меня довольно забавный, — я был весь увешан гирляндами цветов и окружен волнующейся толпой людей, облаченных в светлые, нежных расцветок одежды, сверкавших белизной обнаженных рук и смеявшихся и мело-

дично ворковавших.

Большая дверь вела в огромный, завешенный коричневой тканью зал. Потолок его был в тени, а через окна с яркими цветными стеклами, а местами совсем незастекленные, лился мягкий, приятный свет. Пол состоял из какого-то очень твердого белого металла — это были не плитки и не пластинки, а целые глыбы, но шаги бесчисленных поколений даже в этом металле выбили местами глубокие колеи. Поперек зала стояло множество низких столов, сделанных из полированного камня, высотою не больше фута, — на них лежали груды плодов. В некоторых я узнал что-то вроде огромной малины, другие были похожи на апельсины, но бóльшая часть была мне совершенно неизвестна.

Между столами было разбросано множество мягких подушек. Мои спутники расселись на них и знаками указали мне мое место. С милой непринужденностью они принялись есть плоды, беря их руками и бросая шелуху и огрызки в круглые отверстия по бокам столов. Я не заставил себя долго просить, так как чувствовал сильный голод и жажду. Поев, я принялся осматривать зал.

Меня особенно поразил его запустелый вид. Цветные оконные стекла, представлявшие со-

бой простые геометрические фигуры, во многих местах были разбиты, а тяжелые занавеси покрылись густым слоем пыли. Мне также бросилось в глаза, что угол мраморного стола, за которым я сидел, отбит. Несмотря на это, зал был удивительно живописен. В нем находилось, может быть, около двухсот человек, и большинство из них с любопытством теснилось вокруг меня. Их глаза весело блестели, а белые зубы изящно грызли плоды. Все они были одеты в очень мягкие, но прочные шелковистые ткани.

Фрукты были их единственной пищей. Эти люди далекого будущего были строгими вегетарианцами, и на время я принужден был сделаться таким же травоядным, несмотря на потребность в мясе. Впоследствии я узнал, что лошади, рогатый скот, овцы, собаки в это время уже вымерли, как вымерли когда-то ихтиозавры. Однако плоды были восхитительны, в особенности один плод (который, по-видимому, созрел во время моего пребывания там), с мучнистой мякотью, заключенной в трехгранную скорлупу. Он стал моей главной пищей. Я был поражен удивительными плодами и чудесными цветами, но не знал, откуда они берутся: только позднее я начал это понимать.

Таков был мой первый обед в далеком будущем. Немного насытившись, я решил сделать попытку научиться языку этих новых для меня людей. Само собой разумеется, это было необходимо. Плоды показались мне подходящим предметом для начала, и, взяв один из них, я попробовал объясниться при помощи вопросительных звуков и жестов. Мне стоило немалого труда заставить меня понять. Сначала все мои слова и жесты вызывали изумленные взгляды и бесконечные взрывы смеха, но вдруг одно белокурое существо, казалось, поняло мое намерение и несколько раз повторило какое-то слово. Все принялись болтать и перешептываться друг с другом, а потом наперебой начали весело обучать меня своему языку. Но мои первые попытки повторить их изящные короткие слова вызывали у них новые взрывы неподдельного веселья. Несмотря на то что я брал у них уроки, я все-таки чувствовал себя как школьный учитель в кругу детей. Скоро я заучил десятка два существительных, а затем дошел до указательных местоимений и даже до глагола «есть». Но это была трудная работа, быстро наскучившая маленьким существам, и я почувствовал, что они уже избегают моих вопросов. По необходимости пришлось брать уроки

понемногу и только тогда, когда мои новые знакомые сами этого хотели. А это бывало не часто — я никогда еще не встречал таких беспечных и быстро утомляющихся людей.

VI
Закат человечества

Всего более поразило меня в этом новом мире почти полное отсутствие любознательности у людей. Они, как дети, подбегали ко мне с криками изумления и, быстро оглядев меня, уходили в поисках какой-нибудь новой игрушки. Когда все поели и я перестал их расспрашивать, то впервые заметил, что в зале уже нет почти никого из тех людей, которые окружали меня вначале. И, как это ни странно, я сам быстро почувствовал равнодушие к этому маленькому народу. Утолив голод, я вышел через портал на яркий солнечный свет. Мне всюду попадалось на пути множество этих маленьких людей будущего. Они недолго следовали за мной, смеясь и переговариваясь, а потом, перестав смеяться, предоставляли меня самому себе.

Когда я вышел из зала, в воздухе уже разлилась вечерняя тишина и все вокруг было окрашено теплыми лучами заходящего солнца. Сначала окружающее казалось мне удивительно странным. Все здесь так не походило на тот мир,

который я знал, — все, вплоть до цветов. Огромное здание, из которого я вышел, стояло на склоне речной долины, но Темза по меньшей мере на милю изменила свое теперешнее русло. Я решил добраться до вершины холма, лежавшего от меня на расстоянии примерно полутора миль, чтобы с его высоты поглядеть на нашу планету в восемьсот две тысячи семьсот первом году нашей эры — именно эту дату показывала стрелка на циферблате моей Машины.

По дороге я искал хоть какое-нибудь объяснение тому гибнущему великолепию, в состоянии которого я нашел мир, так как это великолепие, несомненно, гибло. Немного выше на холме я увидел огромные груды гранита, скрепленные полосами алюминия, гигантский лабиринт отвесных стен и кучи расколовшихся на мелкие куски камней, между которыми густо росли удивительно красивые растения. Возможно, что это была крапива, но ее листья были окрашены в чудесный коричневый цвет и не были жгучими, как у нашей крапивы. Вблизи были руины какого-то огромного здания, непонятно для чего предназначенного. Здесь мне пришлось впоследствии сделать одно странное открытие, но об этом я вам расскажу потом.

Я присел на уступе холма, чтобы немного отдохнуть, и, оглядевшись вокруг, заметил, что нигде не видно маленьких домов. По-видимому, частный дом и частное хозяйство окончательно исчезли. То тут, то там среди зелени виднелись огромные здания, похожие на дворцы, но нигде не было тех домиков и коттеджей, которые так характерны для современного английского пейзажа.

«Коммунизм», — сказал я сам себе.

А следом за этой мыслью возникла другая.

Я взглянул на маленьких людей, которые следовали за мной, и вдруг заметил, что на всех одежда всевозможных светлых цветов, но одинакового покроя, у всех те же самые безбородые лица, та же девичья округленность конечностей. Может показаться странным, что я не заметил этого раньше, но все вокруг меня было так необычно. Теперь это бросилось мне в глаза. Мужчины и женщины будущего не отличались друг от друга ни костюмом, ни телосложением, ни манерами — одним словом, ничем, что теперь отличает один пол от другого. И дети, казалось, были просто миниатюрными копиями своих родителей. Поэтому я решил, что дети этой эпохи отличаются удивительно ранним развитием, по крайней

мере в физическом отношении, и это мое мнение подтвердилось впоследствии множеством доказательств.

При виде довольства и обеспеченности, в которой жили эти люди, сходство полов стало мне вполне понятно. Сила мужчины и нежность женщины, семья и разделение труда являются только жестокой необходимостью века, управляемого физической силой. Но там, где народонаселение многочисленно и достигло равновесия, где насилие — редкое явление, рождение многих детей нежелательно для государства и нет никакой необходимости в существовании семьи. А вместе с тем и разделение полов, вызванное жизнью и потребностью воспитания детей, неизбежно исчезает. Первые признаки этого явления наблюдаются и в наше время, а в том далеком будущем оно уже было вполне законченно. Таковы были мои тогдашние выводы. Позднее я имел возможность убедиться, насколько они были далеки от действительности.

Размышляя так, я невольно обратил внимание на хорошенькую маленькую постройку, похожую на колодец, прикрытый куполом. У меня мелькнула мысль: как странно, что до сих пор существуют колодцы, но затем я снова погрузил-

ся в раздумья. До самой вершины холма больше не было никаких зданий, и, продолжая идти, я скоро очутился один, так как остальные за мной не поспевали. С чувством свободы, ожидая необыкновенных приключений, я направился к вершине холма.

Дойдя до вершины, я увидел скамью из какого-то желтого металла; в некоторых местах она была разъедена чем-то вроде красноватой ржавчины и утопала в мягком мхе; ручки ее были отлиты в виде голов грифонов. Я сел и принялся смотреть на широкий простор, освещенный лучами догоравшего заката. Картина была небывалой красоты. Солнце только что скрылось за горизонтом; запад горел золотом, по которому горизонтально тянулись легкие пурпурные и алые полосы. Внизу расстилалась долина, по которой, подобно полосе сверкающей стали, дугой изогнулась Темза. Огромные старые дворцы, о которых я уже говорил, были разбросаны среди разнообразной зелени; некоторые уже превратились в руины, другие были еще обитаемы. Тут и там в этом огромном, похожем на сад мире виднелись белые или серебристые изваяния; кое-где поднимались кверху купола и остроконечные обелиски. Нигде не было изгородей, не было даже следов

собственности и никаких признаков земледелия: вся земля превратилась в один цветущий сад.

Наблюдая все это, я старался объяснить себе то, что видел, и сделал вот какие выводы из своих наблюдений. (Позже я убедился, что они были односторонними и содержали лишь половину правды.)

Мне казалось, что я вижу человечество в эпоху увядания. Красноватая полоса на западе заставила меня подумать о закате человечества. Я впервые увидел те неожиданные последствия, к которым привели общественные отношения нашего времени. Теперь я прихожу к убеждению, что это были вполне логические последствия. Сила есть только результат необходимости; обеспеченное существование ведет к слабости. Стремление к улучшению условий жизни — истинный прогресс цивилизации, делающий наше существование все более обеспеченным, — неизбежно привело к своему конечному результату. Объединенное человечество поколение за поколением торжествовало победы над природой. То, что в наши дни кажется несбыточными мечтами, превратилось в искусно задуманные и осуществленные проекты. И вот какова оказалась жатва!

В конце концов, охрана здоровья человече-

ства и земледелие находятся в наше время еще в зачаточном состоянии. Наука объявила войну лишь малой части человеческих болезней, но она неизменно и упорно продолжает свою работу. Земледельцы и садоводы то тут, то там уничтожают сорняки и выращивают лишь немногие полезные растения, предоставляя остальным бороться как угодно за свое существование. Мы улучшаем немногие избранные нами виды растений и животных путем постепенного отбора лучших из них; мы выводим новый, лучший сорт персика, виноград без косточек, более душистый и крупный цветок, более пригодную породу рогатого скота. Мы улучшаем их постепенно, потому что наши представления об идеале смутны и вырабатываются путем опыта, а знания крайне ограниченны, да и сама природа робка и неповоротлива в наших неуклюжих руках. Когда-нибудь все это будет организовано лучше. Несмотря на водовороты, поток времени неуклонно стремится вперед. Весь мир когда-нибудь станет разумным, образованным, все будут трудиться коллективно; это поведет к быстрейшему и полнейшему покорению природы. В конце концов мы мудро и заботливо установим равновесие животной и растительной жизни для удовлетворения наших

потребностей.

Это должно было свершиться и действительно свершилось за то время, через которое промчалась моя Машина. В воздухе не стало комаров и мошек, на земле — сорных трав и плесени. Везде появились сочные плоды и красивые душистые цветы; яркие бабочки порхали повсюду. Идеал профилактической медицины был достигнут. Болезнетворные микробы были уничтожены. За время своего пребывания там я не видел и признаков заразных болезней. Благодаря всему этому даже процессы гниения и разрушения приняли совершенно новый вид.

В общественных отношениях тоже была одержана большая победа. Я видел, что люди стали жить в великолепных дворцах, одеваться в роскошные одежды и освободились от всякого труда. Не было и следов борьбы, политической или экономической. Торговля, промышленность, реклама — все, что составляет основу нашей государственной жизни, — исчезло из этого мира Будущего. Естественно, что в тот золотистый вечер я невольно счел окружающий меня мир земным раем. Опасность перенаселения исчезла, так как население, по-видимому, перестало расти.

Но изменения условий неизбежно влекут за собой приспособление к этим изменениям. Что является движущей силой человеческого ума и энергии, если только вся биология не представляет собой бесконечного ряда заблуждений? Только труд и свобода; такие условия, при которых деятельный, сильный и ловкий переживает слабого, который должен уступить свое место; условия, дающие преимущество честному союзу талантливых людей, преимущество умению владеть собой, терпению и решительности. Семья и возникающие отсюда чувства: ревность, любовь к потомству, родительское самоотвержение — все это находит себе оправдание в неизбежных опасностях, которым подвергается молодое поколение. Но где теперь эти опасности? Уже сейчас начинает проявляться протест против супружеской ревности, против слепого материнского чувства, против всяческих страстей, и этот протест будет нарастать. Все эти чувства даже теперь уже не являются необходимыми, они делают нас несчастными и, как остатки первобытной дикости, кажутся несовместимыми с приятной и возвышенной жизнью.

Я стал думать о физической слабости этих маленьких людей, о бессилии их ума и об огром-

ных развалинах, которые видел вокруг. Все это подтверждало мое предположение об окончательной победе, одержанной над природой. После войны наступил мир. Человечество было сильным, энергичным, оно обладало знаниями; люди употребляли все свои силы на изменение условий своей жизни. А теперь измененные ими условия оказали свое влияние на их потомков.

При новых условиях полного довольства и обеспеченности неутомимая энергия, являющаяся в наше время силой, должна была превратиться в слабость. Даже в наши дни некоторые склонности и желания, когда-то необходимые для выживания человека, стали источником его гибели. Храбрость и воинственность, например, не помогают, а скорее даже мешают жизни цивилизованного человека. В государстве же, основанном на физическом равновесии и обеспеченности, превосходство — физическое или умственное — было бы совершенно неуместно. Я пришел к выводу, что на протяжении бесчисленных лет на земле не существовало ни опасности войн, ни насилия, ни диких зверей, ни болезнетворных микробов, не существовало и необходимости в труде. При таких условиях те, кого мы называем слабыми, были точно так

же приспособлены, как и сильные, они уже не были слабыми. Вернее, они были даже лучше приспособлены, потому что сильного подрывала не находившая выхода энергия. Не оставалось сомнения, что удивительная красота виденных мною зданий была результатом последних усилий человечества перед тем, как оно достигло полной гармонии жизни, — последняя победа, после которой был заключен окончательный мир. Такова неизбежная судьба всякой энергии. Достигнув своей конечной цели, она еще ищет выхода в искусстве, в любви, а затем наступает бессилие и упадок.

Даже эти художественные порывы в конце концов должны были заглохнуть, и они почти заглохли в то время, куда я попал. Украшать себя цветами, танцевать и петь под солнцем — вот что осталось от этих стремлений. Но и это в конце концов должно было смениться бездействием. Все наши чувства и способности обретают остроту только на точиле труда и необходимости, а это неприятное точило было наконец разбито.

Пока я сидел в сгущавшейся темноте, мне казалось, что этим простым объяснением я разрешил загадку мира и постиг тайну прелестного маленького народа. Возможно, они нашли удачные

средства для ограничения рождаемости и численность населения даже уменьшалась. Этим можно было объяснить пустоту заброшенных дворцов. Моя теория была очень ясна и правдоподобна — как и большинство ошибочных теорий!

VII
Внезапный удар

Пока я размышлял над этим слишком уж полным торжеством человека, из-за серебристой полосы на северо-востоке выплыла желтая полная луна. Маленькие светлые фигурки людей перестали праздно двигаться внизу, бесшумно пролетела сова, и я вздрогнул от вечерней прохлады. Я решил спуститься с холма и поискать ночлега.

Я стал отыскивать глазами знакомое здание. Мой взгляд упал на фигуру Белого Сфинкса на бронзовом пьедестале, и, по мере того как восходящая луна светила все ярче, фигура яснее выступала из темноты. Я мог отчетливо рассмотреть стоявший около него серебристый тополь. Вон и густые рододендроны, черные при свете луны, вон и лужайка. Я еще раз взглянул на нее. Ужасное подозрение закралось в мою душу.

«Нет, — решительно сказал я себе, — это не та лужайка».

Но это была та самая лужайка. Бледное, словно изъеденное проказой лицо Сфинкса было обра-

щено к ней. Можете ли вы представить себе, что я почувствовал, когда убедился в этом! Машина Времени исчезла!

Как удар хлыстом по лицу, меня обожгла мысль, что я никогда не вернусь назад, навеки останусь беспомощный в этом новом, неведомом мире! Сама мысль об этом была мучительна. Я почувствовал, как сжалось мое горло, пресеклось дыхание. Ужас овладел мною, и дикими прыжками я кинулся вниз по склону. Раз я упал и расшиб лицо, но даже не пытался остановить кровь, вскочил на ноги и снова побежал, чувствуя, как теплая струйка стекает по щеке. Я бежал и не переставал твердить себе: «Они просто немного отодвинули ее, поставили под кустами, чтобы она не мешала на дороге». Но несмотря на это, бежал изо всех сил. С уверенностью, которая иногда рождается из самого мучительного страха, я с самого начала знал, что это вздор; чутье говорило мне, что Машина унесена куда-то, откуда мне ее не достать. Я едва переводил дыхание. От вершины холма до лужайки было около двух миль, и я преодолел это расстояние за десять минут. А ведь я уже немолод. Я бежал и громко проклинал свою безрассудную доверчивость, побудившую меня оставить Машину, задыхаясь от этого еще

больше. Я попробовал громко кричать, но никто мне не отвечал. Ни одного живого существа не было видно на залитой лунным светом земле.

Когда я добежал до лужайки, худшие мои опасения подтвердились: Машины нигде не было видно. Похолодев, я смотрел на пустую лужайку среди черной чащи кустарников, потом быстро обежал ее, как будто Машина могла быть спрятана где-нибудь поблизости, и резко остановился, схватившись за голову. Надо мной на бронзовом пьедестале возвышался Сфинкс, все такой же бледный, словно изъеденный проказой, ярко озаренный светом луны. Казалось, он насмешливо улыбался, глядя на меня.

Я мог бы утешиться мыслью, что маленький народец спрятал Машину под каким-то навесом, если бы не знал наверняка, что у них не хватило бы на это ни сил, ни ума. Нет, меня ужасало теперь другое: проявление какой-то новой, до сих пор неведомой мне силы, захватившей мое изобретение. Я был уверен только в одном: если в какой-либо другой век не изобрели точно такого же механизма, моя Машина не могла без меня отправиться путешествовать по Времени. Не зная способа закрепления рычагов — я потом покажу вам, в чем он заключается, — невозможно

воспользоваться ею для путешествия. К тому же рычаги были у меня. Мою Машину перенесли, спрятали где-то в Пространстве, а не во Времени. Но где же?

Я совершенно обезумел. Помню, как я неистово метался взад и вперед среди освещенных луной кустов вокруг Сфинкса, помню, как вспугнул какое-то белое животное, которое при лунном свете показалось мне небольшой ланью. Помню также, как поздно ночью я колотил кулаками по кустам до тех пор, пока не исцарапал все руки о сломанные сучья. Потом, рыдая, в полном изнеможении я побрел к большому каменному зданию, темному и пустынному, поскользнулся на неровном полу и упал на один из малахитовых столов, чуть не сломав ногу, зажег спичку и прошел мимо пыльных занавесей, о которых я уже рассказывал вам.

Дальше был второй большой зал, устланный подушками, на которых спали два десятка маленьких людей. Мое вторичное появление, несомненно, показалось им очень странным. Я так внезапно вынырнул из ночной тишины с отчаянными нечленораздельными криками и с зажженной спичкой в руке. Спички давно уже были позабыты в их время. «Где моя Машина

Времени?» — кричал я во все горло, как рассерженный ребенок. Я хватал их и тряс, полусонных. Вероятно, это их поразило. Некоторые смеялись, другие казались рассеянными. Когда я увидел, что они встают, то понял, что поступаю самым безрассудным образом, стараясь пробудить в них чувство страха. Вспоминая их поведение днем, я вообразил, что это чувство совершенно ими позабыто.

Бросив спичку и сбив с ног кого-то, попавшегося на пути, я снова ощупью прошел по большому обеденному залу и вышел на лунный свет. Позади меня вдруг раздались громкие крики и топот маленьких спотыкавшихся ног, но тогда я не понял причины этого. Не помню всего, что я делал при лунном свете. Неожиданная потеря довела меня почти до безумия. Я чувствовал себя теперь безнадежно отрезанным от своих современников, каким-то странным животным в неведомом мире. В исступлении я бросался в разные стороны, плача и проклиная Бога и Судьбу. Помню, как я измучился в эту длинную отчаянную ночь, как рыскал в самых неподходящих местах, как ощупью пробирался среди озаренных лунным светом развалин, натыкаясь в темных углах на странные белые создания; помню, как в конце

концов я упал на землю около Сфинкса и рыдал в отчаянии. Вместе с силами исчезла и злость на себя за то, что я так безрассудно оставил Машину… Я ничего не чувствовал, кроме ужаса. Потом незаметно я уснул, а когда проснулся, уже совсем рассвело и вокруг меня по траве на расстоянии протянутой руки весело и без страха прыгали воробьи.

Я сел, овеваемый свежестью утра, стараясь вспомнить, как я сюда попал и почему все мое существо полно чувства одиночества и отчаяния. Вдруг я вспомнил обо всем, что случилось. Но при дневном свете у меня хватило сил спокойно взглянуть в лицо обстоятельствам. Я понял всю нелепость своего вчерашнего поведения и принялся рассуждать сам с собою.

«Предположим самое худшее, — говорил я. — Предположим, что Машина навсегда утеряна, может быть, даже уничтожена. Из этого следует только то, что я должен быть терпеливым и спокойным, изучить образ жизни этих людей, разузнать, что случилось с Машиной, попытаться добыть необходимые материалы и инструменты; в конце концов я, может быть, сумею сделать новую Машину. На это теперь моя единственная надежда, правда очень слабая, но все же надежда

лучше отчаяния. И во всяком случае, я очутился в прекрасном и любопытном мире. Но вполне вероятно, что моя Машина где-нибудь спрятана. Значит, я должен спокойно и терпеливо искать то место, где она спрятана, и постараться взять ее силой или хитростью».

С такими мыслями я встал на ноги и осмотрелся вокруг в поисках места, где можно было бы выкупаться. Я чувствовал себя усталым, мое тело одеревенело и покрылось грязью. Утренняя свежесть вызывала желание стать самому чистым и свежим. Волнение истощило меня. Когда я принялся размышлять о своем положении, то удивился вчерашним опрометчивым поступкам. Я тщательно исследовал лужайку. Некоторое время ушло на напрасные расспросы проходивших мимо маленьких людей. Никто не понимал моих жестов: одни казались просто тупыми, другие принимали мои слова за шутку и смеялись. Мне стоило невероятных усилий удержаться и не отхлестать их по смеющимся лицам. Безумный порыв! Но сидевший во мне дьявол страха и слепого раздражения еще не был обуздан и пытался овладеть мною.

Очень помогла мне густая трава. На полпути между пьедесталом Сфинкса и моими следами,

там, где я возился с опрокинутой Машиной, на земле оказалась свежая борозда. Были видны и другие следы: странные узкие отпечатки ног, похожие, как мне казалось, на следы ленивца. Это побудило меня тщательней осмотреть пьедестал. Я уже, кажется, сказал, что он был из бронзы. Однако он не состоял из одной цельной плиты, а был с обеих сторон украшен искусно выполненными панелями. Я подошел и постучал. Пьедестал оказался полым. Внимательно осмотрев панели, я понял, что они не составляют одного целого с пьедесталом. На них не было ни ручек, ни замочных скважин, но, возможно, они открывались изнутри, если, как я предполагал, служили входом в пьедестал. Во всяком случае, одно было мне ясно: Машина Времени находилась внутри пьедестала. Но как она попала туда — это оставалось загадкой.

Я увидел головы двух людей в оранжевой одежде, шедших ко мне между кустами и цветущими яблонями. Улыбаясь, я повернулся к ним и поманил их рукой. Когда они подошли, я указал им на бронзовый пьедестал и постарался объяснить, что хотел бы открыть его. Но при первом же моем жесте они стали вести себя очень странно. Не знаю, сумею ли я объяснить вам, какое выраже-

ние появилось на их лицах. Представьте себе, что вы сделали бы неприличный жест перед благовоспитанной дамой — именно с таким выражением она посмотрела бы на вас. Они ушли, как будто были грубо оскорблены. Я попытался подозвать к себе миловидное существо в белой одежде, но результат оказался тот же самый. Мне стало стыдно. Но Машина Времени была необходима, и я сделал новую попытку. Малыш с отвращением отвернулся от меня. Я потерял терпение. В три прыжка я очутился около него и, захлестнув его шею полой его же одежды, потащил к Сфинксу. Тогда на лице у него вдруг выразились такой ужас и отвращение, что я тотчас же выпустил его.

Однако я не сдавался. Я принялся бить кулаками по бронзовым панелям. Мне показалось, что внутри что-то зашевелилось, вернее, это был звук, похожий на хихиканье, но, должно быть, это мне только почудилось. Подобрав у реки большой камень, я вернулся и принялся колотить им до тех пор, пока не расплющил одно из украшений и медная зелень не стала сыпаться на землю мелкими крошками. Маленький народец, должно быть, слышал грохот моих ударов на расстоянии мили вокруг, но у меня ничего не вышло. Я видел

целую толпу на склоне холма, украдкой смотревшую на меня. Злой и усталый, я опустился на землю, но нетерпение не давало мне долго сидеть на месте, я был слишком деятельным человеком для неопределенного ожидания. Я мог годами трудиться над разрешением какой-нибудь проблемы, но сидеть в бездействии двадцать четыре часа было выше моих сил.

Скоро я встал и принялся бесцельно бродить среди кустарника. Потом направился к холму.

«Терпение, — сказал я себе. — Если хочешь вновь получить свою Машину, оставь Сфинкса в покое. Если кто-то решил отнять ее у тебя, ты не принесешь себе никакой пользы тем, что станешь портить бронзовые панели Сфинкса; если же у похитителя не было злого умысла, ты получишь ее обратно, как только найдешь способ попросить об этом. Бессмысленно торчать здесь, среди незнакомых вещей, становясь в тупик перед каждым новым затруднением. Это прямой путь к безумию. Осмотрись лучше вокруг. Изучи нравы этого мира, наблюдай его. Остерегайся слишком поспешных заключений. В конце концов ты найдешь ключ ко всему».

Мне ясно представлялась и комическая сторона моего приключения: я вспомнил о годах напря-

женной учебы и труда, потраченных только для того, чтобы попасть в Будущее и исследовать его, и сопоставил с этим свое нетерпение поскорее выбраться отсюда. Я своими руками изготовил себе самую сложную и самую безвыходную ловушку, какая когда-либо была создана человеком. И хотя смеяться приходилось только над самим собой, я не мог удержаться и громко расхохотался.

Войдя в залу огромного дворца, я заметил, что маленькие люди стали избегать меня. Быть может, это мне только казалось, но их отчуждение могло быть связано с моей попыткой разбить бронзовые двери. Я ясно чувствовал, что они избегают меня, но постарался не придавать этому значения и не пытался более заговаривать с ними. Через день-другой все пошло своим чередом. Насколько было возможно, я продолжал изучать их язык и урывками производил исследования. Не знаю, был ли их язык слишком прост, или же я упускал в нем какие-нибудь тонкие оттенки, но, по-моему, он состоял почти исключительно из существительных и глаголов. Отвлеченных понятий было мало или, скорее, совсем не было, так же как и слов, имевших переносный смысл. Фразы обыкновенно были несложные и состояли всего из двух слов, и мне не удавалось высказать

или понять ничего, кроме простейших вопросов или ответов. Мысли о моей Машине Времени и о тайне бронзовых дверей под Сфинксом я решил запрятать в самый дальний уголок памяти, пока накопившиеся знания не приведут меня к ним естественным путем. Но чувство, без сомнения понятное вам, все время удерживало меня поблизости от места моего прибытия.

VIII
Все становится ясным

Насколько я мог судить, весь окружавший меня мир был отмечен той же печатью изобилия и роскоши, которая поразила меня в долине Темзы. С вершины каждого нового холма я видел множество великолепных зданий, бесконечно разнообразных по материалу и стилю; видел повсюду те же чащи вечнозеленых растений, те же цветущие деревья и высокие папоротники. Кое-где отливала серебром зеркальная гладь воды, а вдали тянулись голубоватые волнистые гряды холмов, растворяясь в прозрачной синеве воздуха. С первого взгляда мое внимание привлекли к себе круглые колодцы, казалось достигавшие во многих местах очень большой глубины. Один из них был на склоне холма, у тропинки, по которой я поднимался во время своей первой прогулки. Как и другие колодцы, он был причудливо отделан по краям бронзой и защищен от дождя небольшим куполом. Сидя около этих колодцев и глядя вниз, в непроглядную темноту, я не мог увидеть в них отблеска воды или отражения

зажигаемых мною спичек. Но всюду слышался какой-то стук: «Тук, тук, тук», похожий на шум работы огромных машин. По колебанию пламени спички я убедился, что вглубь колодца постоянно поступает свежий воздух. Я бросил в один из них кусочек бумаги, и, вместо того чтобы медленно опуститься, он быстро полетел вниз и исчез.

Вскоре я заметил, что между этими колодцами и высокими башнями на склонах холмов существует какая-то связь. Над ними можно было часто увидеть марево колеблющегося воздуха, вроде того, какое бывает в жаркий день над берегом моря. Сопоставив все это, я пришел к заключению, что башни вместе с колодцами входят в систему какой-то загадочной подземной вентиляции. Сначала я подумал, что она служит каким-нибудь санитарным целям. Это заключение само напрашивалось, но оказалось потом неверным.

Вообще должен сознаться, что во время своего пребывания в Будущем я очень мало узнал относительно водоснабжения, связи, путей сообщения и тому подобных жизненных удобств. В некоторых прочитанных мною утопиях и рассказах о грядущих временах я всегда находил множество подробностей насчет домов, обще-

ственного порядка и тому подобного. Нет ничего легче, как придумать сколько угодно всяких подробностей, когда весь будущий мир заключен только в голове автора, но для путешественника, находящегося, подобно мне, в незнакомой действительности, почти невозможно узнать обо всем этом в короткое время. Вообразите себе негра, который прямо из Центральной Африки попал в Лондон! Что расскажет он по возвращении своему племени? Что будет он знать о железнодорожных компаниях, общественных движениях, телефоне и телеграфе, транспортных конторах и почтовых учреждениях? А ведь мы охотно согласимся все ему объяснить! Но даже то, что он узнает из наших рассказов, как передаст он своим друзьям, как заставит их поверить себе? Учтите при этом, что негр сравнительно недалеко отстоит от белого человека нашего времени, между тем как пропасть между мною и этими людьми Золотого Века была неизмеримо громадна! Я чувствовал существование многого, что было скрыто от моих глаз, и это давало мне надежду, но, помимо общего впечатления о какой-то автоматически действующей организации, я, к сожалению, могу передать вам очень мало.

Я нигде не видел следов крематория, могил или

чего-либо, связанного со смертью. Однако было весьма возможно, что кладбища (или крематории) находились где-нибудь за пределами моих странствий. Это был один из тех вопросов, которые я сразу поставил перед собой и разрешить которые сначала был не в состоянии. Отсутствие кладбищ поразило меня и побудило к дальнейшим наблюдениям, которые поразили меня еще сильнее: среди людей Будущего совершенно не было старых и дряхлых.

Должен сознаться, что мои первоначальные теории об автоматически действующей цивилизации и о приходящем в упадок человечестве недолго удовлетворяли меня. Но я не мог придумать ничего другого. Вот что меня смущало: все большие дворцы, которые я исследовал, служили исключительно жилыми помещениями — огромными столовыми и спальнями. Я не видел нигде машин или других приспособлений. А между тем на этих людях была прекрасная одежда, требовавшая обновления, и их сандалии, хоть и без всяких украшений, представляли собой образец изящных и сложных изделий. Как бы то ни было, но вещи эти нужно было сделать. А маленький народец не проявлял никаких созидательных наклонностей. У этих людей не было ни цехов, ни

мастерских, ни малейших следов ввоза товаров. Все свое время они проводили в играх, купании, полушутливом флирте, еде и сне. Я не мог понять, на чем держалось такое общество.

К этому добавилось происшествие с Машиной Времени: кто-то, мне неведомый, спрятал ее в пьедестале Белого Сфинкса. Для чего? Я никак не мог ответить на этот вопрос! То же самое — безводные колодцы и башни с колеблющимся над ними воздухом. Я чувствовал, что не нахожу ключа к этим загадочным явлениям. Я чувствовал… как бы это вам объяснить? Представьте себе, что вы нашли надпись на хорошем английском языке, перемешанном с совершенно вам незнакомыми словами. Вот как на третий день моего пребывания представлялся мне мир восемьсот две тысячи семьсот первого года!

В этот день я приобрел в некотором роде друга. Когда я смотрел на группу маленьких людей, купавшихся в реке на неглубоком месте, кого-то из них схватила судорога, и маленькую фигурку понесло по течению. Течение было здесь довольно быстрое, но даже средний пловец мог бы легко с ним справиться. Чтобы дать вам некоторое понятие о странной психике этих существ, я скажу лишь, что никто из них не сделал ни малейшей

попытки спасти бедняжку, которая с криками тонула на их глазах. Увидя это, я быстро сбросил одежду, побежал вниз по реке, вошел в воду и, схватив ее, легко вытащил на берег. Маленькое растирание привело ее в чувство, и я с удовольствием увидел, что она совершенно оправилась. Я сразу же оставил ее, поскольку был такого невысокого мнения о ней и ей подобных, что не ожидал никакой благодарности. Но на этот раз я ошибся.

Все это случилось утром. После полудня я снова встретил ту же маленькую женщину, возвращаясь к своим исследованиям. Она подбежала с громкими криками радости и поднесла мне огромную гирлянду цветов, очевидно приготовленную специально для меня. Это создание очень меня заинтересовало. Вероятно, я чувствовал себя слишком одиноким. Но как бы то ни было, я, насколько сумел, высказал ей, что мне приятен подарок. Мы оба сели в небольшой каменной беседке и завели разговор, состоявший преимущественно из улыбок. Дружеские чувства этого маленького создания радовали меня, как радовали бы чувства ребенка. Мы обменялись цветами, и она целовала мои руки. Я отвечал ей тем же. Когда я попробовал заговорить, то узнал, что ее

зовут Уина, и хотя не понимал, что это значило, но все же чувствовал, что между нею и ее именем есть какое-то соответствие. Таково было начало нашей странной дружбы, которая продолжалась неделю, а как окончилась — об этом я расскажу потом.

Уина была совсем как ребенок. Ей хотелось всегда быть со мной. Она бегала за мной повсюду, так что на следующий день мне пришло в голову нелепое желание утомить ее и наконец бросить, не обращая внимания на ее жалобный зов. Мировая проблема, думал я, должна быть решена. Я не для того попал в Будущее, повторял я себе, чтобы заниматься легкомысленным флиртом. Но ее отчаяние было слишком велико, а в ее сетованиях, когда она начала отставать, звучало исступление. Ее привязанность тронула меня, я вернулся, и с этих пор она стала доставлять мне столько же забот, сколько и удовольствия. Все же она была для меня большим утешением. Мне казалось сначала, что она испытывает ко мне лишь простую детскую привязанность, и только потом, когда было уже слишком поздно, я ясно понял, чем я сделался для нее и чем стала она для меня. Уже потому, что эта малышка выказывала мне нежность и заботу, я, возвращаясь к Белому

Сфинксу, чувствовал, будто возвращаюсь домой, и каждый раз, добравшись до вершины холма, отыскивал глазами знакомую фигурку в белой, отороченной золотом одежде.

От нее я узнал, что чувство страха все еще не исчезло в этом мире. Днем она ничего не боялась и испытывала ко мне самое трогательное доверие. Однажды у меня возникло глупое желание напугать ее страшными гримасами, но она весело засмеялась. Она боялась только темноты, густых теней и черных предметов. Страшней всего была ей темнота. Она действовала на нее настолько сильно, что это натолкнуло меня на новые наблюдения и размышления. Я открыл, между прочим, что с наступлением темноты эти маленькие люди собирались в больших зданиях и спали все вместе. Войти к ним ночью значило произвести среди них смятение. Я ни разу не видел, чтобы после наступления темноты кто-нибудь вышел на воздух или спал один под открытым небом. Но все же я был таким глупцом, что не обращал на это внимания и, несмотря на ужас Уины, продолжал спать один, не в общих спальнях.

Сначала это очень беспокоило ее, но наконец привязанность ко мне взяла верх, и пять ночей за время нашего знакомства, считая и самую послед-

нюю ночь, она спала со мной, положив голову на мое плечо. Но, говоря о ней, я отклоняюсь от главной темы своего рассказа. Кажется, в ночь накануне ее спасения я проснулся на рассвете. Ночь прошла беспокойно, мне снился очень неприятный сон: будто бы я утонул в море и морские анемоны касались моего лица мягкими щупальцами. Вздрогнув, я проснулся, и мне почудилось, что какое-то сероватое животное выскользнуло из комнаты. Я попытался снова заснуть, но мучительная тревога уже овладела мною. Был тот ранний час, когда предметы только начинают выступать из темноты, когда все вокруг кажется бесцветным и каким-то нереальным, несмотря на отчетливость очертаний. Я встал и, пройдя по каменным плитам большого зала, вышел на воздух. Желая извлечь хоть какую-нибудь пользу из этого случая, я решил посмотреть восход солнца.

Луна закатывалась, ее прощальные лучи и первые бледные проблески наступавшего дня смешивались в таинственный полусвет. Кусты казались совсем черными, земля — темно-серой, а небо — бесцветным и туманным. На верху холма мне почудились привидения. Поднимаясь по его склону, я три раза видел смутные белые фигуры. Дважды мне показалось, что я вижу какое-то оди-

нокое белое обезьяноподобное существо, быстро бегущее к вершине холма, а один раз около руин я увидел их целую толпу: они тащили какой-то темный предмет. Двигались они быстро, и я не заметил, куда они исчезли. Казалось, они скрылись в кустах. Все вокруг было еще смутным, поймите это. Меня охватило то неопределенное предрассветное ощущение озноба, которое вам всем, вероятно, знакомо. Я не верил своим глазам.

Когда на востоке заблестела заря и лучи света возвратили всему миру обычные краски и цвета, я тщательно обследовал местность. Но нигде не оказалось и следов белых фигур. По-видимому, это была просто игра теней.

«Может быть, это привидения, — сказал я себе. — Желал бы я знать, к какому времени они принадлежат...»

Я сказал это потому, что вспомнил любопытный вывод Гранта Аллена, говорившего, что если б каждое умирающее поколение оставляло после себя привидения, то в конце концов весь мир переполнился бы ими. По этой теории, их должно было накопиться бесчисленное множество за восемьсот тысяч прошедших лет, и потому не было ничего удивительного, что я увидел сразу четырех. Эта шутливая мысль, однако, не успо-

коила меня, и я все утро думал о белых фигурках, пока наконец появление Уины не вытеснило их из моей головы. Не знаю почему, я связал их с белым животным, которое вспугнул при первых поисках своей Машины. Общество Уины на время развлекло меня, но, несмотря на это, белые фигуры скоро снова завладели моими мыслями.

Я уже говорил, что климат Золотого Века значительно теплее нашего. Причину я не берусь объяснить. Может быть, Солнце стало горячее, а может быть, Земля приблизилась к нему. Принято считать, что Солнце постепенно охлаждается. Однако люди, незнакомые с такими теориями, как теория Дарвина-младшего, забывают, что планеты должны одна за другой приближаться к центральному светилу и в конце концов упасть на него. После каждой из таких катастроф солнце будет светить с обновленной энергией; и весьма возможно, что эта участь постигла тогда одну из планет. Но какова бы ни была причина, факт остается фактом: солнце грело значительно сильнее, чем в наше время.

И вот в одно очень жаркое утро — насколько помню, четвертое по моем прибытии, — когда я собирался укрыться от жары и ослепительного света в гигантских руинах (невдалеке от боль-

шого здания, где я ночевал и питался), со мной случилось странное происшествие. Карабкаясь между каменными грудами, я обнаружил узкую галерею, конец и окна которой были завалены обрушившимися глыбами. После ослепительного дневного света галерея показалась мне непроглядно темной. Я вошел в нее ощупью, потому что после яркого солнечного света цветные пятна поплыли у меня перед глазами и ничего нельзя было разобрать. И вдруг я остановился как вкопанный. На меня из темноты смотрела пара блестящих глаз, отражая проникавший в галерею дневной свет.

Древний инстинктивный страх перед дикими зверями охватил меня. Я сжал кулаки и уставился в светящиеся глаза. Мне было страшно повернуть назад. На мгновение в голову мне пришла мысль о той абсолютной безопасности, в которой, как казалось, жило человечество. И вдруг я вспомнил его странный ужас перед темнотой. Пересилив свой страх, я шагнул вперед и заговорил. Мой голос, вероятно, звучал хрипло и дрожал. Я протянул руку и коснулся чего-то мягкого. В то же мгновение блестящие глаза метнулись в сторону и что-то белое пробежало мимо меня. Испугавшись, я повернулся и увидел маленькое

обезьяноподобное существо со странно опущенной вниз головой, бежавшее по освещенному пространству за моей спиной. Оно налетело на гранитную глыбу, отшатнулось в сторону и в одно мгновение скрылось в черной тени под другой грудой каменных блоков.

Мое впечатление о нем было, конечно, неполное. Я заметил только, что это существо было грязно-белое и что у него были странные, большие, серовато-красные глаза; его голова и спина были покрыты светлой шерстью. Но, как я уже сказал, оно бежало слишком быстро, и мне не удалось его отчетливо рассмотреть. Не могу даже сказать, бежало ли оно на четвереньках, или же руки его были так длинны, что почти касались земли. После минутного замешательства я бросился за ним ко второй груде обломков. Сначала я не мог ничего найти, но скоро в кромешной темноте наткнулся на один из тех круглых безводных колодцев, о которых уже говорил. Он был частично прикрыт упавшей колонной. В голове у меня блеснула внезапная мысль. Не могло ли это существо спуститься в колодец? Я зажег спичку и, взглянув вниз, увидел маленькое белое создание с большими блестящими глазами, которое удалялось, упорно глядя на меня. Я содрогнулся. Это

было что-то вроде человекообразного паука. Оно спускалось вниз по стене колодца, и я впервые заметил множество металлических скобок для рук и ног, образовавших нечто вроде лестницы. Но тут догоревшая спичка обожгла мне пальцы и, выпав, потухла; когда я зажег другую, маленькое страшилище уже исчезло.

Не знаю, долго ли я просидел, вглядываясь в глубину колодца. Во всяком случае, прошло немало времени, прежде чем я пришел к заключению, что виденное мною существо тоже было человеком. Понемногу истина открылась передо мной. Я понял, что человек разделился на два различных вида. Изящные дети Верхнего Мира не были единственными нашими потомками: это беловатое отвратительное ночное существо, которое промелькнуло передо мной, также было наследником минувших веков.

Вспомнив о дрожании воздуха над колодцами и о своей теории подземной вентиляции, я начал подозревать их истинное значение. Но какую роль, хотелось мне знать, мог играть этот лемур в моей схеме окончательной организации человечества? Каково было его отношение к безмятежности и беззаботности прекрасных жителей Верхнего Мира? Что скрывалось там,

в глубине этого колодца? Я присел на его край, убеждая себя, что мне во всяком случае нечего опасаться и что необходимо спуститься туда для разрешения моих недоумений. Но вместе с тем я чувствовал какой-то страх. Пока я колебался, двое прекрасных наземных жителей, увлеченных любовной игрой, пробежали мимо меня через освещенное пространство в тень. Мужчина бежал за женщиной, бросая в нее цветами.

Они, казалось, очень огорчились, увидев, что я заглядываю в колодец, опираясь на упавшую колонну. Очевидно, было принято не замечать эти отверстия. Как только я указал на колодец и попытался задать вопросы на их языке, смущение их стало еще очевиднее и они отвернулись от меня. Но спички их заинтересовали, и мне пришлось сжечь несколько штук, чтобы позабавить их. Я снова попытался узнать что-нибудь про колодцы, но снова тщетно. Тогда, оставив их в покое, я решил вернуться к Уине и попробовать узнать что-нибудь у нее. Все мои представления о новом мире теперь перевернулись. У меня был ключ к разгадке значения этих колодцев, а также вентиляционных башен и таинственных привидений, не говоря уже о бронзовых дверях и о судьбе, постигшей Машину Времени! Вместе

с тем ко мне в душу закралось смутное предчувствие возможности разрешить ту экономическую проблему, которая до сих пор приводила меня в недоумение.

Вот каков был мой новый вывод. Ясно, что этот второй вид людей обитал под землей. Три различных обстоятельства привели меня к такому заключению. Они редко появлялись на поверхности земли, по-видимому, вследствие давней привычки к подземному существованию. На это указывала их блеклая окраска, присущая большинству животных, обитающих в темноте, — например, белым рыбам в пещерах Кентукки. Глаза, отражающие свет, — это также характерная черта ночных животных, например кошки и совы. И наконец, это явное замешательство при дневном свете, это поспешное, неуклюжее бегство в темноту, эта особая манера опускать на свету лицо вниз — все это подкрепляло мою догадку о крайней чувствительности сетчатки их глаз.

Итак, земля у меня под ногами, видимо, была изрыта тоннелями, в которых и обитала новая раса. Существование вентиляционных башен и колодцев по склонам холмов — всюду, кроме долины реки, — доказывало, что эти тоннели образуют разветвленную сеть. Разве не естествен-

но было предположить, что в искусственном подземном мире шла работа, необходимая для благосостояния дневной расы? Мысль эта была так правдоподобна, что я тотчас же принял ее и пошел дальше, отыскивая причину раздвоения человеческого рода. Боюсь, что вы с недоверием отнесетесь к моей теории, но что касается меня самого, то я убедился в скором времени, насколько она близка к истине.

Мне казалось ясным как день, что постепенное углубление теперешнего временного социального различия между Капиталистом и Рабочим было ключом к новому положению вещей. Без сомнения, это покажется вам смешным и невероятным, но ведь уже теперь есть обстоятельства, которые указывают на такую возможность. Существует тенденция использовать подземные пространства для нужд цивилизации, не требующих особой красоты: есть, например, подземная железная дорога в Лондоне, строятся новые электрические подземные дороги и тоннели, есть подземные мастерские и рестораны, все они растут и множатся. Очевидно, думал я, это стремление перенести работу под землю существует с незапамятных времен. Все глубже и глубже уходили подземные мастерские, где рабочим

приходилось проводить все больше времени, пока наконец… Да разве и теперь какой-нибудь уэст-эндский рабочий не живет в таких искусственных условиях, что, по сути дела, отрезан от поверхности земли?

А вслед за тем кастовая тенденция богатых людей, вызванная все большей утонченностью жизни, — тенденция расширить пропасть между ними и оскорбляющей их грубостью бедняков — тоже ведет к захвату привилегированными сословиями все большей и большей части поверхности земли исключительно для себя. В окрестностях Лондона и других больших городов уже около половины самых красивых мест недоступно для посторонних! А эта неуклонно расширяющаяся пропасть между богатыми и бедными, результат продолжительности и дороговизны высшего образования и стремления богатых к утонченным привычкам, — разве не поведет это к тому, что соприкосновения между классами станут все менее возможными? Благодаря такому отсутствию общения и тесных отношений браки между обоими классами, тормозящие теперь разделение человеческого рода на два различных вида, станут в будущем все более и более редкими. В конце концов на земной

поверхности должны будут остаться только Имущие, наслаждающиеся в жизни исключительно удовольствиями и красотой, а под землей окажутся все Неимущие — рабочие, приспособившиеся к подземным условиям труда. А раз очутившись там, они, без сомнения, должны будут платить Имущим дань за вентиляцию своих жилищ. Если они откажутся от этого, то умрут с голоду или задохнутся. Неприспособленные или непокорные вымрут. Мало-помалу при установившемся равновесии такого порядка вещей выжившие Неимущие сделаются такими же счастливыми на свой собственный лад, как и жители Верхнего Мира. Таким образом, естественно возникнут утонченная красота одних и бесцветная бледность других.

Окончательный триумф человечества, о котором я мечтал, принял теперь совершенно иной вид в моих глазах. Это не был тот триумф духовного прогресса и коллективного труда, который я представлял себе. Вместо него я увидел настоящую аристократию, вооруженную новейшими знаниями и деятельно потрудившуюся для логического завершения современной нам индустриальной системы. Ее победа была не только победой над природой, но также и победой над

своими собратьями-людьми. Такова была моя теория. У меня не было проводника, как в утопических книгах. Может быть, мое объяснение совершенно неправильно. Но все же я думаю и до сих пор, что оно самое правдоподобное. Однако даже и эта по-своему законченная цивилизация давно прошла свой зенит и клонилась к упадку. Чрезмерная обеспеченность жителей Верхнего Мира привела их к постепенной деградации, к общему вырождению, уменьшению роста, сил и умственных способностей. Это я видел достаточно ясно. Что произошло с Подземными Жителями, я еще не знал, но все виденное мной до сих пор показывало, что «морлоки», как их называли обитатели Верхнего Мира, ушли еще дальше от нынешнего человеческого типа, чем «элои» — прекрасная наземная раса, с которой я уже познакомился.

Во мне возникли тревожные опасения. Для чего понадобилась морлокам моя Машина Времени? Теперь я был уверен, что это они похитили ее. И почему элои, если они господствующая раса, не могут возвратить ее мне? Почему они так боятся темноты? Я попытался было расспросить о Подземном Мире Уину, но меня снова ожидало разочарование. Сначала она не понимала моих

вопросов, а затем отказалась на них отвечать. Она так дрожала, как будто не могла вынести этого разговора. Когда я начал настаивать, быть может слишком резко, она горько расплакалась. Это были единственные слезы, которые я видел в Золотом Веке, кроме тех, что пролил я сам. Я тотчас же перестал мучить ее расспросами о морлоках и постарался, чтобы с ее глаз исчезли эти следы человеческих чувств. Через минуту она уже улыбалась и хлопала в ладоши, когда я торжественно зажег перед ней спичку.

IX
Морлоки

Вам может показаться странным, что прошло целых два дня, прежде чем я решился продолжать свои изыскания в новом и, очевидно, верном направлении. Я ощущал какой-то ужас перед этими белыми фигурами. Они походили на почти обесцвеченных червей и другие препараты, хранящиеся в спирту в зоологических музеях. А прикоснувшись к ним, я почувствовал, какие они были отвратительно холодные. Этот страх отчасти объяснялся моей симпатией к элоям, чье отвращение к морлокам стало мало-помалу передаваться и мне.

В следующую ночь я спал очень плохо. Вероятно, мое здоровье расстроилось. Страхи и сомнения угнетали меня. Порой на меня находило чувство ужаса, причину которого я не мог понять. Помню, как я тихонько пробрался в большую залу, где, освещенные луной, спали маленькие люди. В эту ночь с ними спала и Уина. Их присутствие успокоило меня. Мне еще тогда пришло в голову, что через несколько дней луна будет в последней

четверти и наступят темные ночи, когда должны участиться появления этих белых лемуров, этих новых червей, пришедших на смену старым. В последние два дня меня не оставляло тревожное чувство, какое обыкновенно испытывает человек, уклоняясь от исполнения неизбежного долга. Я был уверен, что смогу вернуть Машину Времени, только проникнув без страха в тайну Подземного Мира. Но я все еще не решался встретиться с этой тайной. Будь у меня товарищ, возможно, все сложилось бы иначе. Но я был так ужасно одинок, что даже самая мысль спуститься в мрачную глубину колодца была невыносима для меня. Не знаю, поймете ли вы мое чувство, но мне непрестанно казалось, что за спиной моей таится страшная опасность.

Вероятно, это беспокойство и ощущение неведомой опасности заставляли меня уходить все дальше и дальше на разведку. Идя на юго-запад, к возвышенности, которая в наше время называется Комб-Вуд, я заметил далеко впереди, там, где в девятнадцатом веке находится городок Банстед, огромное зеленое здание, совершенно непохожее по стилю на все дома, виденные мной до сих пор. Размерами оно превосходило самые большие дворцы. Его фасад был отделан в восточном

духе; выкрашенное блестящей бледно-зеленой краской с голубоватым оттенком, это здание походило на дворец из китайского фарфора. Такое отличие во внешнем виде невольно наводило на мысль о его особом назначении, и я намеревался получше осмотреть дворец. Но впервые я увидел его после долгих и утомительных скитаний, когда день уже клонился к вечеру; поэтому, решив отложить осмотр до следующего дня, я вернулся домой к ласкам приветливой маленькой Уины. На следующее утро я ясно понял, что мое любопытство к Зеленому Фарфоровому Дворцу было вроде самообмана, изобретенного мною для того, чтобы еще на день отложить страшившее меня исследование Подземного Мира. Без дальнейших проволочек я решил пересилить себя и в то же утро спуститься в один из колодцев; я направился прямо к ближайшему из них, расположенному возле обломков гранита и алюминия.

Маленькая Уина бежала рядом со мной. Она, танцуя, проводила меня до колодца, но, когда увидела, что я перегнулся через край и принялся смотреть вниз, пришла в ужасное волнение.

«Прощай, маленькая Уина», — сказал я, целуя ее.

Отпустив ее и перегнувшись через стенку, я

принялся ощупывать металлические скобы. Не скрою, делал я это торопливо из страха, что решимость меня покинет. Уина сначала смотрела на меня с изумлением. Потом, испустив жалобный крик, бросилась ко мне и принялась оттаскивать прочь своими маленькими ручками. Мне кажется, ее сопротивление и побудило меня действовать решительно. Я оттолкнул ее руки, может быть немного резко, и мгновенно спустился в шахту колодца. Взглянув вверх, я увидел полное отчаяния лицо Уины и улыбнулся, чтобы ее успокоить. Но тотчас же вслед за тем я должен был обратить все свое внимание на скобы, едва выдерживавшие мою тяжесть.

Мне нужно было спуститься на глубину примерно двухсот ярдов. Так как металлические скобы были приспособлены для спуска небольших существ, то очень скоро я почувствовал усталость. Нет, не только усталость, но и подлинный ужас! Одна скоба неожиданно прогнулась под моей тяжестью, и я едва не полетел вниз, в непроглядную темноту. С минуту я висел на одной руке и после этого случая не решался более останавливаться. Хотя я скоро ощутил жгучую боль в руках и спине, но все же продолжал спускаться быстро, как только мог. Посмотрев наверх,

я увидел в отверстии колодца маленький голубой кружок неба, на котором виднелась одна звезда, а головка Уины казалась на фоне неба черным круглым пятнышком. Внизу все громче раздавался грохот машин. Все, кроме небольшого кружка вверху, было темным. Когда я снова поднял голову, Уина уже исчезла.

Мучительная тревога овладела мной. У меня мелькнула мысль вернуться наверх и оставить Подземный Мир в покое. Но все-таки я продолжал спускаться. Наконец, не знаю через сколько времени, я с невероятным облегчением увидел — или скорее почувствовал — справа от себя небольшое отверстие в стене колодца. Проникнув в него, я убедился, что это был вход в узкий горизонтальный тоннель, где я мог прилечь и отдохнуть. Это было необходимо. Руки мои ныли, спину ломило, и я весь дрожал от страха перед падением. К тому же непроницаемая темнота сильно угнетала меня. Все вокруг было наполнено гулом машины, накачивавшей в глубину воздух.

Не знаю, сколько времени я пролежал так. Очнулся от мягкого прикосновения чьей-то руки, ощупывавшей мое лицо. Вскочив в темноте, я торопливо зажег спичку и разглядел в ее свете

три сутуловатые белые фигуры, подобные той, которую я видел в развалинах наверху. Они быстро отступили при виде огня. Морлоки, как я уже говорил, проводили всю жизнь в темноте, и потому глаза их были необычайно велики. Они не могли вытерпеть света моей спички и отражали его, совсем как зрачки глубоководных океанских рыб. Я нимало не сомневался, что они видели меня в этой густой темноте и их пугал только свет. Едва я зажег новую спичку, чтобы разглядеть их, как они обратились в бегство и исчезли в темных тоннелях, откуда сверкали только их блестящие глаза.

Я попытался заговорить с ними, но их язык, видимо, отличался от языка наземных жителей, так что волей-неволей мне пришлось положиться на свои собственные силы. Снова мелькнула у меня мысль бежать, бросив все исследования. Но я сказал самому себе: «Надо довести дело до конца». Двигаясь ощупью по тоннелю, я заметил, что с каждым шагом гул машины становится все громче. Внезапно стены раздвинулись, я вышел на открытое место и, чиркнув спичкой, увидел, что нахожусь в просторной сводчатой пещере. Я не успел рассмотреть ее всю, потому что спичка скоро погасла.

Разумеется, мои воспоминания очень смутны. В темноте проступали контуры огромных машин, отбрасывавших при свете спички причудливые черные тени, в которых укрывались похожие на привидения морлоки. Было очень душно, и в воздухе чувствовался слабый запах свежепролитой крови. Чуть подальше, примерно в середине пещеры, стоял небольшой стол из белого металла, на котором лежали куски свежего мяса. Оказалось, что морлоки не были вегетарианцами! Помню, как уже тогда я с изумлением подумал: мясо какого домашнего животного, сохранившегося от наших времен, лежит теперь передо мной? Все вокруг было видно смутно; тяжелый запах, громадные контуры машин, отвратительные фигуры, притаившиеся в тени и ожидавшие только темноты, чтобы снова приблизиться ко мне! Догоревшая спичка обожгла мне пальцы и упала на землю, тлея красной точкой в непроглядной тьме.

С тех пор много раз я думал, как плохо был я подготовлен к такому исследованию. Отправляясь в путешествие на Машине Времени, я был исполнен нелепой уверенности, что люди Будущего опередили нас во всех отношениях. Я пришел к ним без оружия, без лекарств, без таба-

ка, а временами мне так ужасно хотелось курить! Даже спичек у меня было мало. Ах, если б я только сообразил захватить с собой фотографический аппарат! Можно было бы запечатлеть этот Подземный Мир и потом спокойно рассмотреть его. Теперь же я стоял там, вооруженный лишь тем, чем снабдила меня природа, — руками, ногами и зубами; только это да четыре спасительные спички еще оставались у меня.

Я побоялся пройти дальше в темноте среди машин и только при последней вспышке зажженной спички увидел, что моя коробка кончается. До этой минуты мне и в голову не приходило, что нужно беречь спички, и я истратил почти половину коробки, удивляя наземных жителей, для которых огонь сделался диковинкой. Теперь, когда у меня оставалось только четыре спички, а сам я очутился в темноте, я снова почувствовал, как чьи-то тонкие пальцы принялись ощупывать мое лицо, и меня поразил какой-то особенно неприятный запах. Мне казалось, что я слышу дыхание целой толпы этих ужасных существ. Я почувствовал, как чьи-то руки осторожно пытаются отнять у меня спичечную коробку, а другие тянут меня сзади за одежду. Мне было нестерпимо ощущать присутствие невидимых созданий.

Там, в темноте, я впервые ясно осознал, что не могу понять их побуждений и поступков. Я крикнул на них изо всех сил. Они отскочили, но тотчас же я снова почувствовал их приближение. На этот раз они уже смелее хватали меня и обменивались какими-то странными звуками. Я задрожал, крикнул опять, еще громче прежнего. Но в этот раз они уже не так испугались и тотчас приблизились снова, издавая странные звуки, похожие на тихий смех. Признаюсь, меня охватил страх. Я решил зажечь еще одну спичку и бежать под защитой света. Сделав это, я вынул из кармана кусок бумаги, зажег его и отступил назад в узкий тоннель. Но едва я вошел туда, мой факел задул ветер и стало слышно, как морлоки зашуршали в тоннеле, словно осенние листья. Их шаги звучали негромко и часто, как капли дождя…

В одно мгновение меня схватило несколько рук. Морлоки пытались втащить меня назад в пещеру. Я зажег еще спичку и помахал ею прямо перед их лицами. Вы едва ли можете себе представить, какими омерзительно нечеловеческими они были, эти бледные лица без подбородков, с большими, лишенными век красновато-серыми глазами! Как они дико смотрели на меня в своем слепом отупении! Впрочем, могу вас уверить,

что я недолго разглядывал их. Я снова отступил и, едва догорела вторая спичка, зажег третью. Она тоже почти догорела, когда мне наконец удалось добраться до шахты колодца. Я прилег, потому что у меня кружилась голова от стука огромного насоса внизу. Затем сбоку я нащупал скобы, но тут меня схватили за ноги и потащили обратно. Я зажег последнюю спичку… она тотчас же погасла. Но теперь, ухватившись за скобы и рассыпая ногами щедрые пинки, я высвободился из цепких объятий морлоков и принялся быстро взбираться по стене колодца. Все они стояли внизу и, моргая, смотрели на меня, кроме одной маленькой твари, которая некоторое время следовала за мной и чуть не сорвала с меня башмак в качестве трофея.

Подъем показался мне бесконечным. Преодолевая последние двадцать или тридцать футов, я почувствовал ужасную тошноту. Невероятным усилием я овладел собой. Последние несколько ярдов были ужасны. Сил больше не было. Несколько раз у меня начинала кружиться голова, и тогда падение казалось неминуемым. Сам не знаю, как я добрался до отверстия колодца и, шатаясь, выбрался из руин на ослепительный солнечный свет. Я упал ничком. Даже земля здесь

показалась мне чистой и благоуханной. Помню, как Уина осыпала поцелуями мои руки и лицо и как вокруг меня раздавались голоса других элоев. А потом я потерял сознание.

X
Когда настала ночь

После этого я оказался в еще худшем положении, чем раньше. Если не считать минут отчаяния в ту ночь, когда я лишился Машины Времени, меня все время ободряла надежда на возможность бегства. Однако новые открытия пошатнули ее. До сих пор я видел для себя препятствие лишь в детской непосредственности маленького народа и в каких-то неведомых мне силах, узнать которые, казалось мне, было равносильно тому, чтобы их преодолеть. Теперь же появилось совершенно новое обстоятельство — отвратительные морлоки, что-то нечеловеческое и враждебное. Я инстинктивно ненавидел их. Прежде я чувствовал себя в положении человека, попавшего в яму: думал только о яме и о том, как бы из нее выбраться. Теперь же я чувствовал себя в положении зверя, попавшего в западню и чующего, что враг близко.

Враг, о котором я говорю, может вас удивить: это темнота перед новолунием. Уина внушила мне этот страх несколькими сначала непонят-

ными словами о Темных Ночах. Теперь нетрудно было догадаться, что означало это приближение Темных Ночей. Луна убывала, каждую ночь темнота становилась все непроницаемей. Теперь наконец я хоть отчасти понял причину ужаса жителей Верхнего Мира перед темнотой. Я спрашивал себя, что за мерзости проделывали морлоки в безлунные ночи. Я был уже окончательно убежден, что моя гипотеза о господстве элоев над морлоками совершенно неверна. Конечно, раньше жители Верхнего Мира были привилегированным классом, а морлоки — их рабочими-слугами, но это давным-давно ушло в прошлое. Обе разновидности людей, возникшие вследствие эволюции общества, переходили или уже перешли к совершенно новым отношениям. Подобно династии Каролингов, элои переродились в прекрасные ничтожества. Они все еще из милости владели поверхностью земли, тогда как морлоки, бесчисленные поколения которых жили под землей, в конце концов стали совершенно неспособными выносить дневной свет. Морлоки по-прежнему делали для элоев одежду и заботились об их повседневных нуждах, может быть, вследствие старой привычки работать на них. Они делали это так же бессознательно, как

конь бьет о землю копытом или охотник радуется убитой им дичи: старые, давно исчезнувшие отношения все еще накладывали свою печать на человеческий организм. Но ясно, что изначальные отношения этих двух рас стали теперь прямо противоположны. Неумолимая Немезида неслышно приближалась к изнеженным счастливцам. Много веков назад, за тысячи и тысячи поколений, человек лишил своего ближнего счастья и солнечного света. А теперь этот ближний стал совершенно неузнаваем! Элои снова получили начальный урок жизни. Они заново познакомились с чувством страха. Я неожиданно вспомнил о мясе, которое видел в Подземном Мире. Не знаю, почему мне это пришло в голову: то было не следствие моих мыслей, а как бы вопрос извне. Я попытался припомнить, как выглядело мясо. Оно уже тогда показалось мне каким-то знакомым, но что это было, я не мог понять.

Маленький народ был беспомощен в присутствии существ, наводивших на него этот таинственный страх, но я был не таков. Я был сыном своего века, века расцвета человеческой расы, когда страх перестал сковывать человека и таинственность потеряла свои чары. Во всяком случае, я мог защищаться. Без промедления я

решил приготовить себе оружие и найти безопасное место для сна. Имея такое убежище, я мог бы сохранить по отношению к этому неведомому миру некоторую долю той уверенности, которой я лишился, узнав, какие существа угрожали мне по ночам. Я знал, что не засну до тех пор, пока мой сон не будет надежно защищен. Я содрогнулся при мысли, что эти твари уже не раз осматривали меня.

Весь день я бродил по долине Темзы, но не нашел никакого убежища, которое было бы для них недосягаемым. Все здания и деревья казались легкодоступными для таких ловких и цепких существ, какими были морлоки, судя по их колодцам. И тут я снова вспомнил о высоких башенках и гладких блестящих стенах Зеленого Фарфорового Дворца. В тот же вечер, посадив Уину, как ребенка, на плечо, я отправился по холмам на юго-запад. Я полагал, что до Зеленого Дворца семь или восемь миль, но, вероятно, до него были все восемнадцать. В первый раз я увидел это место в довольно пасмурный день, когда расстояния кажутся меньше. А теперь, когда я двинулся в путь, у меня, кроме всего остального, еще оторвался каблук и в ногу впивался гвоздь — это были старые башмаки, которые я носил только

дома. Я захромал. Солнце давно уже село, когда показался дворец, вырисовывавшийся черным силуэтом на бледно-желтом фоне неба.

Уина была в восторге, когда я понес ее на плече, но потом она захотела сойти на землю и семенила рядом со мной, перебегая то на одну, то на другую сторону за цветами и засовывая их мне в карманы. Карманы всегда удивляли Уину, и в конце концов она решила, что это своеобразные вазы для цветов. Во всяком случае, она их использовала для этой цели… Да! Кстати… Переодеваясь, я нашел…

(Путешественник по Времени умолк, опустил руку в карман и положил перед нами на столик два увядших цветка, напоминавших очень крупные белые мальвы. Потом возобновил свой рассказ.)

— Землю уже объяла вечерняя тишина, а мы все еще шли через холм по направлению к Уимблдону. Уина устала и хотела вернуться в здание из серого камня. Но я указал на видневшиеся вдалеке башенки Зеленого Дворца и постарался объяснить ей, что там мы найдем убежище. Знакома ли вам та мертвая тишина, которая наступает перед сумерками? Даже листья на деревьях не шелохнутся. На меня эта вечерняя

тишина всегда навевает какое-то неясное чувство ожидания. Небо было чистое, высокое и ясное; лишь на западе виднелось несколько легких облачков. Но к этому гнету вечернего ожидания примешивался теперь страх. В тишине мои чувства, казалось, сверхъестественно обострились. Мне чудилось, что я могу даже ощущать пещеры в земле у себя под ногами, могу чуть ли не видеть морлоков, кишащих в своем подземном муравейнике в ожидании темноты. Мне казалось, что они примут мое вторжение как объявление войны. И зачем взяли они мою Машину Времени?

Мы продолжали идти в вечерней тишине, а сумерки тем временем постепенно сгущались. Голубая ясность дали померкла, одна за другой стали загораться звезды. Земля под ногами становилась смутной, деревья — черными. Страх и усталость овладели Уиной. Я взял ее на руки, успокаивая и лаская. По мере наступления темноты она все крепче и крепче прижималась лицом к моему плечу. По длинному склону холма мы спустились в долину, и тут я чуть было не свалился в маленькую речку. Перейдя ее вброд, я взобрался на противоположный склон долины, прошел мимо множества домов, мимо статуи, изображавшей, как мне показалось, некое подобие фавна,

но только без головы. Здесь росли акации. До сих пор я еще не видел морлоков, но ведь ночь только началась и самые темные часы, перед восходом ущербной луны, были еще впереди.

С вершины следующего холма я увидел густую чащу леса, которая тянулась передо мной широкой и черной полосой. Я остановился в нерешительности. Этому лесу не было видно конца ни справа, ни слева. Чувствуя себя усталым — у меня нестерпимо болели ноги, — я осторожно снял с плеча Уину и опустился на землю. Я уже не видел Зеленого Дворца и не знал, куда идти. Взглянув на лесную чащу, я невольно подумал о том, что могла скрывать она в своей глубине. Под этими густо переплетенными ветвями деревьев, должно быть, не видно даже звезд. Если б в лесу меня даже и не подстерегала опасность — та опасность, самую мысль о которой я гнал от себя, — там все же было достаточно корней, чтобы споткнуться, и стволов, чтобы расшибить себе лоб. К тому же я был измучен волнениями этого дня и решил не идти в лес, а провести ночь на открытом месте.

Я был рад, что Уина уже крепко спала. Заботливо завернув ее в свою куртку, я сел рядом с ней и стал ожидать восхода луны. На склоне холма было тихо и пустынно, но из темноты леса

доносился по временам какой-то шорох. Надо мной сияли звезды, ночь была очень ясная. Их мерцание успокаивало меня. На небе уже не было знакомых созвездий: они приняли новые очертания благодаря тем медленным перемещениям звезд, которые становятся ощутимы лишь по истечении сотен человеческих жизней. Один только Млечный Путь, казалось, остался тем же потоком звездной пыли, что и в наше время. На юге сияла какая-то очень яркая, неизвестная мне красная звезда, она была ярче даже нашего Сириуса. И среди всех этих мерцающих точек мягко и ровно сияла большая планета, как будто спокойно улыбающееся лицо старого друга.

При свете звезд все заботы и горести земной жизни показались мне ничтожными. Я подумал о том, как они бесконечно далеки, как медленно движутся из неведомого Прошлого в неведомое Будущее. Подумал о кругах, которые описывает в пространстве земная ось. Всего сорок раз описала она круг за восемьсот тысяч лет, которые я преодолел. И за это время вся деятельность, все традиции, вся сложная организация, все национальности, языки, вся литература, все человеческие стремления и даже самое воспоминание о Человеке, каким я его знал, исчезли.

Взамен этого в мире появились хрупкие существа, забывшие о своем высоком происхождении, и белесые твари, от которых я в ужасе бежал. Я думал и о том Великом Страхе, который разделил две разновидности человеческого рода, и впервые с содроганием понял, что за мясо видел я в Подземном Мире. Нет, это было бы слишком ужасно! Я взглянул на маленькую Уину, спавшую рядом со мной, на ее личико, беленькое и ясное, как звездочка, и тотчас же отогнал страшную мысль.

Всю эту долгую ночь я старался не думать о морлоках и убивал время, стараясь найти в путанице звезд следы старых созвездий. Небо было совершенно чистое, по нему плыло лишь несколько легких облачков. Временами я дремал. Когда такое бдение совсем истомило меня, в восточной части неба показался слабый свет, подобный зареву какого-то бесцветного пожара, и вслед за тем появился белый тонкий серп убывающей луны. А следом, как бы настигая и затопляя его своим сиянием, блеснули первые лучи утренней зари, сначала бледные, но потом с каждой минутой все ярче разгоравшиеся теплыми алыми красками. Ни один морлок не приблизился к нам; в эту ночь я даже не видел никого из них. С первым светом

наступавшего дня все мои ночные страхи стали казаться почти смешными. Я встал и почувствовал, что моя нога в башмаке без каблука распухла у лодыжки, пятка болела. Я сел на землю, снял башмаки и отшвырнул их прочь.

Разбудив Уину, я спустился с ней вниз. Мы вошли в лес, теперь зеленый и приветливый, а не черный и зловещий, как ночью. Мы позавтракали плодами, а потом встретили несколько прекрасных маленьких существ, которые смеялись и танцевали на солнышке, как будто в мире никогда и не было ночей. Но тут я снова вспомнил о том мясе, которое видел у морлоков. Теперь мне стало окончательно ясно, что это было за мясо, и я от всей души пожалел о том слабом ручейке, который остался на земле от некогда могучего потока человечества. Ясно, что когда-то давно, века назад, пища у морлоков иссякла. Возможно, что некоторое время они питались крысами и всякой другой мерзостью. Даже в наше время человек гораздо менее разборчив в пище, чем когда-то, — значительно менее разборчив, чем любая обезьяна. Его предубеждение против человеческого мяса не есть глубоко укоренившийся инстинкт. И теперь вот что делали эти бесчеловечные потомки людей!.. Я постарался взглянуть

на дело с научной точки зрения. Во всяком случае, морлоки были менее человекоподобны и более далеки от нас, чем наши предки-каннибалы, жившие три или четыре тысячи лет назад. А тот высокоразвитый ум, который сделал бы для нас людоедство истинной пыткой, окончательно исчез. «О чем мне беспокоиться? — подумал я. — Эти элои — просто-напросто откормленный скот, который разводят и отбирают себе в пищу муравьеподобные морлоки, — вероятно, они даже следят за тем, чтобы элои были хорошо откормлены...» А маленькая Уина тем временем танцевала около меня.

Я попытался подавить отвращение, заставляя себя думать, что такое положение вещей — суровая кара за человеческий эгоизм. Люди хотели жить в роскоши за счет тяжкого труда своих собратьев и оправдывались необходимостью, а теперь, когда настало время, та же необходимость повернулась к ним своей обратной стороной. Я даже, подобно Карлейлю, пытался возбудить в себе презрение к этой жалкой, упадочной аристократии. Но мне это не удалось. Как ни велико было их духовное падение, все же элои сохранили в своей внешности слишком много человеческого, и я невольно сочувствовал им, разделяя с

ними унижение и страх.

Что мне делать, я еще не знал. Прежде всего я хотел найти безопасное убежище и раздобыть какое-нибудь металлическое или каменное оружие. Это было необходимо. Затем я надеялся найти средства для добывания огня, чтобы иметь факел, так как знал, что это оружие было самым действенным против морлоков. А еще я хотел создать какое-нибудь приспособление для того, чтобы выломать бронзовые двери в пьедестале Белого Сфинкса. Я намеревался сделать таран. Я был уверен, что если войду в эти двери, неся с собой факел, то найду там Машину Времени и смогу вырваться из этого ужасного мира. Я не думал, чтобы у морлоков хватило сил утащить мою Машину куда-нибудь очень далеко. Уину я решил взять с собой в наше время. Обдумывая все эти планы, я продолжал идти к тому зданию, которое избрал для своего жилища.

XI
Зеленый Дворец

Когда около полудня мы добрались до Зеленого Дворца, то нашли его полуразрушенным и пустынным. В окнах торчали только осколки стекол, а большие куски зеленой облицовки отвалились от проржавевшего металлического каркаса. Дворец стоял на высоком травянистом склоне, и, взглянув на северо-восток, я изумился, увидя большой эстуарий или, скорее, бухту там, где, по моим соображениям, были наши Уондсворт и Бэттерси. И я сразу подумал: что же произошло или происходит теперь с существами, населяющими морскую глубину, но долго раздумывать об этом не стал.

Оказалось, что дворец был действительно сделан из фарфора, и вдоль его фасада тянулась надпись на каком-то незнакомом языке. Мне пришла в голову нелепая мысль, что Уина может помочь разобрать ее, но оказалось, что она и понятия не имеет о письме. Она всегда казалась мне более человеком, чем была на самом деле, может быть, потому, что ее привязанность ко мне

была такой человеческой.

За огромными поломанными створчатыми дверями, которые были открыты настежь, мы увидели вместо обычного зала длинную галерею с целым рядом окон. С первого же взгляда я понял, что это музей. Паркетный пол был покрыт густым слоем пыли, и такой же серый покров лежал на всех удивительных и разнообразных предметах, сваленных повсюду. Среди прочего я увидел посреди зала что-то странное и высохшее, — несомненно, это была нижняя часть огромного скелета. По форме его ног я определил, что это вымершее животное типа мегатерия. Рядом в густой пыли лежали его череп и кости верхних конечностей, а в одном месте, где крыша протекала, часть костей почти совершенно рассыпалась. Далее в галерее стоял огромный скелет бронтозавра. Мое предположение, что это музей, подтвердилось. По бокам галереи я нашел то, что принял сначала за покосившиеся полки, но, стерев с них густой слой пыли, убедился, что это стеклянные витрины. Вероятно, они были герметически закупорены, судя по некоторым прекрасно сохранившимся экспонатам.

Ясно, что мы находились среди развалин огромного музея, подобного Южно-Кенсингтонскому,

но относившегося к более поздним временам. Здесь, по-видимому, был палеонтологический отдел, обладавший чудеснейшей коллекцией ископаемых, однако неизбежное разрушение, искусственно остановленное на некоторое время и утратившее благодаря уничтожению бактерий и грибков девяносто девять сотых своей силы, все же верно и медленно продолжало свою работу. То тут, то там находил я следы посещения музея маленьким народом: кое-где попадались редкие ископаемые, разломанные ими на куски или нанизанные гирляндами на тростник. В некоторых местах витрины были сорваны. И я решил, что это сделали морлоки. Дворец был совершенно пуст. Густой слой пыли заглушал звук наших шагов. Пока я с изумлением осматривался, ко мне подошла Уина, которая до тех пор забавлялась тем, что катала морского ежа по наклонному стеклу витрины. Она тихонько взяла меня за руку и встала рядом со мной.

Я был так изумлен при виде этого разрушавшегося памятника интеллектуального периода существования человечества, что не подумал о той пользе, какую мог бы для себя отсюда извлечь. Даже мысль о Машине вылетела у меня на время из головы.

Судя по размерам, Зеленый Дворец должен был заключать в себе не только палеонтологическую галерею; вероятно, тут были и исторические отделы, а может быть, даже библиотека. Для меня это было бы неизмеримо интереснее, чем геологическая выставка времен упадка. Принявшись за дальнейшие исследования, я открыл вторую, короткую галерею, пересекавшую первую. По-видимому, это был минералогический отдел, и вид куска серы навел меня на мысль о порохе. Но я нигде не мог отыскать селитры или каких-нибудь азотнокислых солей. Без сомнения, они разложились много столетий назад. Но сера не выходила у меня из головы и натолкнула на целый ряд мыслей. Все остальное здесь мало меня интересовало, хотя, в общем, пожалуй, этот отдел сохранился лучше всего. Я не специалист по минералогии и потому отправился дальше, в полуразрушенное крыло здания, параллельное первой галерее, через которую я вошел. По-видимому, этот новый отдел был посвящен естественной истории, но все в нем давным-давно изменилось до неузнаваемости. Несколько съежившихся и почерневших остатков того, что прежде было чучелами зверей, высохшие коконы в банках, когда-то наполненных спиртом, темная пыль, оставшаяся от

засушенных растений, — вот и все, что я здесь нашел. Я пожалел об этом; мне было бы интересно проследить те медленные, терпеливые усилия, благодаря которым была достигнута полная победа над животным и растительным миром. Оттуда мы попали в огромную, плохо освещенную галерею. Пол постепенно понижался, хотя и под небольшим углом, от того конца, где мы стояли. С потолка через одинаковые промежутки свешивались белые шары; некоторые из них были треснуты или разбиты вдребезги, и у меня невольно явилась мысль, что это помещение когда-то освещалось искусственным светом. Тут я больше чувствовал себя в своей среде, так как по обе стороны от меня поднимались остовы огромных машин, все сильно попорченные и многие даже поломанные; некоторые, однако, были еще в сравнительной целости. Вы знаете, у меня слабость к машинам; мне захотелось подольше остаться здесь, тем более что бóльшая часть их поразила меня новизной и непонятностью и я мог строить лишь самые неопределенные догадки относительно целей, которым они служили. Мне казалось, что если я разрешу эти загадки, то найду могущественное оружие для борьбы с морлоками.

Вдруг Уина прижалась ко мне. Это было так неожиданно, что я вздрогнул. Если бы не она, я, по всей вероятности, не обратил бы внимания на покатость пола[1]. Тот конец галереи, откуда я вошел, поднимался довольно высоко над землей и был освещен через немногие узкие окна. Но по мере того как мы шли дальше, склон холма подступал к самым окнам, постепенно заслоняя их, так что наконец осталось только углубление, как в Лондоне перед полуподвалом, а в неширокую щель просачивалась лишь едва заметная полоска света. Я медленно шел вперед, с любопытством рассматривая машины. Это занятие совершенно поглотило меня, и поэтому я не заметил постепенного ослабления света, пока наконец возраставший страх Уины не привлек моего внимания. Я заметил тогда, что галерея уходит в непроглядную темноту.

Остановившись в нерешительности и осмотревшись вокруг, я увидел, что слой пыли здесь тоньше и местами лежит неровно. Еще дальше, в темноте, на пыльном полу как будто виднелись небольшие узкие следы. При виде их я вспомнил о близости морлоков. Я почувствовал, что даром

[1] Примечания: 1

Возможно, конечно, что пол не был покат, — просто музей был встроен в склон холма. — *Примеч. изд.*

теряю время на осмотр машин, и спохватился: уже перевалило далеко за полдень, а я все еще не имею оружия, убежища и средств для добывания огня. Вдруг далеко, в глубине темной галереи, я услышал тот же своеобразный шорох, те же странные звуки, что и тогда в глубине колодца.

Я взял Уину за руку. Но тут мне в голову пришла новая мысль, я оставил Уину и направился к машине, из которой торчал рычаг вроде тех, какие употребляются на железнодорожных стрелках. Взобравшись на подставку и ухватившись обеими руками за рычаг, я всей своей тяжестью навалился на него. Уина, оставшись одна, начала плакать. Я рассчитал правильно: рычаг сломался после минутного усилия, и я вернулся к Уине с палицей в руке, достаточно надежной для того, чтобы проломить череп любому морлоку, который повстречался бы на пути. А мне ужасно хотелось убить хотя бы одного! Быть может, вам это желание убить одного из наших потомков покажется бесчеловечным. Но к этим отвратительным существам невозможно было относиться по-человечески. Только мое нежелание оставить Уину и уверенность в том, что может пострадать Машина Времени, если я примусь за избиение морлоков, удержали меня от

попытки тотчас же спуститься по галерее вниз и начать истребление копошившихся там тварей.

И вот, держа палицу в правой руке, а левой обнимая Уину, я вышел из этой галереи и направился в другую — с виду еще бóльшую, — которую я с первого взгляда принял за военную часовню, обвешанную изорванными знаменами. Но скоро в этих коричневых и черных лоскутьях, которые висели по стенам, я узнал остатки истлевших книг. Они давным-давно рассыпались на куски, на них не осталось даже следов букв. Лишь кое-где валялись покоробленные корешки и треснувшие металлические застежки, достаточно красноречиво свидетельствовавшие о своем прошлом назначении. Будь я писателем, возможно, при виде всего этого я пустился бы философствовать о тщете всякого честолюбия. Но так как я не писатель, меня всего сильнее поразила потеря колоссального труда, о которой говорили эти мрачные груды истлевшей бумаги. Должен сознаться, впрочем, что в ту минуту я вспомнил о «Философских трудах» и о своих собственных семнадцати статьях по оптике.

Поднявшись по широкой лестнице, мы вошли в новое помещение, которое было когда-то отделом прикладной химии. У меня была надежда най-

ти здесь что-нибудь полезное. За исключением одного угла, где обвалилась крыша, эта галерея прекрасно сохранилась. Я торопливо подходил к каждой уцелевшей витрине и наконец в одной из них, закупоренной поистине герметически, нашел коробку спичек. Горя от нетерпения, я испробовал одну из них. Спички оказались вполне пригодными: они нисколько не отсырели. Я повернулся к Уине.

«Танцуй!» — воскликнул я на ее языке.

Теперь у нас действительно было оружие против ужасных существ, которых мы боялись. И вот в этом заброшенном музее, на густом ковре пыли, к величайшему восторгу Уины, я принялся торжественно исполнять замысловатый танец, весело насвистывая песенку «Страна верности». Это был отчасти скромный канкан, отчасти полонез, отчасти вальс (так что развевались фалды моего сюртука) и отчасти мое собственное оригинальное изобретение. Вы же знаете, что я в самом деле изобретателен.

Эта коробка спичек, которая сохранилась по прошествии стольких лет вопреки разрушительному действию времени, была самой необычайной и счастливой случайностью. К своему удивлению, я сделал еще одну неожиданную

находку — камфору. Я нашел ее в запечатанной банке, которая, я думаю, случайно была закупорена герметически. Сначала я принял ее за парафин и разбил банку. Но запах камфоры не оставлял сомнений. Это летучее вещество среди общего разрушения пережило, быть может, многие тысячи столетий. Оно напомнило мне об одном рисунке, сделанном сепией, которая была приготовлена из ископаемого белемнита, погибшего и ставшего окаменелостью, вероятно, миллионы лет тому назад. Я хотел уже выбросить камфору, как вдруг вспомнил, что она горит прекрасным ярким пламенем, так что из нее можно сделать отличную свечку. Я положил ее в карман. Зато я нигде не нашел взрывчатых веществ или каких-либо других средств, чтобы взломать бронзовые двери. Железный рычаг все же был самым полезным орудием из всех, на какие я до сих пор натыкался. Тем не менее я с гордым видом вышел из галереи.

Не могу пересказать вам всего, что я видел за этот долгий день. Пришлось бы сильно напрячь память, чтобы по порядку рассказать о всех моих изысканиях. Помню длинную галерею с заржавевшим оружием и свои размышления: не выбрать ли мне топор или саблю вместо моего

железного рычага? Я не мог унести то и другое, а железный лом был более пригоден для взлома бронзовых дверей. Я видел множество ружей, пистолетов и винтовок. Почти все они были совершенно изъедены ржавчиной, хотя некоторые, сделанные из какого-то неизвестного металла, прекрасно сохранились. Но патроны и порох давно уже рассыпались в пыль. Один угол галереи обгорел и был совершенно разрушен; вероятно, это произошло вследствие взрыва патронов. В другом месте оказалась большая коллекция идолов: полинезийских, мексиканских, греческих, финикийских, собранных со всех концов земли. И тут, уступая непреодолимому желанию, я написал свое имя на носу каменного урода из Южной Америки, особенно меня поразившего.

К вечеру мое любопытство ослабло. Одну за другой проходил я галереи, пыльные, безмолвные, часто разрушенные, все содержимое которых представляло собой в некоторых случаях груды ржавчины и обугливших обломков. В одном месте я неожиданно наткнулся на модель рудника, а затем, также совершенно случайно, нашел в плотно закупоренной витрине два динамитных патрона.

«Эврика!» — воскликнул я с радостью и разбил

витрину.

Но вдруг меня одолело сомнение. Я остановился в раздумье. Выбрав маленькую боковую галерею, я сделал опыт. Никогда в жизни не чувствовал я такого разочарования, как в те пять-десять минут, когда ждал взрыва и ничего не дождался. Без сомнения, это были модели, я мог бы догадаться об этом уже по их виду. Уверен, что иначе я тотчас же кинулся бы к Белому Сфинксу и отправил бы его одним взрывом в небытие вместе с его бронзовыми дверями и (как выяснилось впоследствии) уже никогда не получил бы обратно Машину Времени.

Насколько я могу припомнить, мы вышли в маленький открытый дворик внутри главного здания. Среди зеленой травы росли три фруктовых дерева. Здесь мы отдохнули и подкрепились. Приближался закат, и я стал обдумывать наше положение. Ночь уже надвигалась, а безопасное убежище все еще не было найдено. Однако теперь это меня мало тревожило. В моих руках была лучшая защита от морлоков: спички! А на случай, если бы понадобился яркий свет, у меня в кармане была камфора. Самое лучшее, казалось мне, — провести ночь на открытом месте под защитой костра. А наутро я хотел приняться за

розыски Машины Времени. Единственным средством для этого был железный лом. Но теперь, лучше зная, что к чему, я совершенно иначе относился к бронзовым дверям. Ведь до сих пор я не хотел их ломать, не зная, что находилось по другую их сторону. Они не казались мне очень прочными, и я надеялся, что легко взломаю их своим рычагом.

XII
Во мраке

Мы вышли из Зеленого Дворца, когда солнце еще не скрылось за горизонтом. Я решил на следующий же день рано утром вернуться к Белому Сфинксу, а пока, до наступления темноты, предполагал пробраться через лес, задержавший нас по пути сюда. В этот вечер я рассчитывал пройти возможно больше, а затем, разведя костер, лечь спать под защитой огня. Дорогой я собирал сучья и сухую траву и скоро набрал целую охапку. С этим грузом мы продвигались вперед медленнее, чем я предполагал, и к тому же Уина очень устала. Мне тоже ужасно хотелось спать. Когда мы дошли до леса, наступила полная темнота. Из страха перед ней Уина хотела остаться на склоне холма у опушки, но чувство опасности толкало меня вперед, вместо того чтобы образумить и остановить. Я не спал всю ночь и два дня находился в лихорадочном, раздраженном состоянии. Я чувствовал, как ко мне подкрадывается сон, а вместе с ним и морлоки.

Пока мы стояли в нерешительности, я увидел

сзади на темном фоне кустов три притаившиеся твари. Нас окружали высокая трава и мелкий кустарник, так что они могли коварно подкрасться вплотную. Чтобы пересечь лес, надо было, по моим расчетам, пройти около мили. Мне казалось, что если бы нам удалось выйти на открытый склон, то мы нашли бы там безопасное место для отдыха. Спичками и камфорой я рассчитывал освещать дорогу. Но чтобы зажигать спички, я, очевидно, должен был бросить сучья, набранные для костра. Волей-неволей мне пришлось это сделать. И тут у меня возникла мысль, что я могу позабавить наших друзей, если подожгу кучу хвороста. Впоследствии я понял, какое это было безумие, но тогда такой маневр показался мне отличным прикрытием нашего отступления.

Не знаю, задумывались ли вы когда-нибудь над тем, какой редкостью бывает пламя в умеренном климате, где нет человека. Солнечный жар редко способен зажечь какое-нибудь дерево даже в том случае, если его лучи собирают, словно зажигательные стекла, капли росы, как это иногда случается в тропических странах. Молния разит и убивает, но редко служит причиной большого пожара. Гниющая растительность иногда тлеет от теплоты внутренних химических реакций, но

редко загорается. А в этот период упадка на земле было позабыто самое искусство добывания огня. Красные языки, которые принялись лизать груду хвороста, были для Уины чем-то совершенно новым и поразительным.

Она хотела подбежать и поиграть с пламенем. Вероятно, она даже бросилась бы в огонь, не удержи я ее. Я схватил ее и, несмотря на сопротивление, смело увлек за собой в лес. Некоторое время костер освещал нам дорогу. Потом, оглянувшись назад, я увидел сквозь частые стволы деревьев, как занялись ближние кустарники и пламя, змеясь, поползло вверх на холм. Я засмеялся и снова повернулся к темным деревьям. Там царил полнейший мрак; Уина судорожно прижалась ко мне, но мои глаза быстро освоились с темнотой, и я достаточно хорошо видел, чтобы не натыкаться на стволы. Над головой было черным-черно и только кое-где сияли клочки неба. Я не зажигал спичек, потому что руки мои были заняты. На левой руке сидела малышка Уина, а в правой я держал свой лом.

Некоторое время я не слышал ничего, кроме треска веток под ногами, легкого шелеста ветра, своего дыхания и стука крови в ушах. Затем я услышал позади топот, но упорно продолжал

идти вперед. Топот становился все громче, и вместе с ним долетали странные звуки и голоса, которые я уже слышал в Подземном Мире. Очевидно, за нами гнались морлоки; они настигали нас. Действительно, в следующее же мгновение я почувствовал, как кто-то дернул меня за одежду, а потом за руку. Уина задрожала и притихла.

Необходимо было зажечь спичку. Но чтобы достать ее, я должен был спустить Уину на землю. Я так и сделал, но, пока я рылся в кармане, около моих ног в темноте началась возня. Уина молчала, и только морлоки что-то бормотали. Чьи-то маленькие мягкие руки скользнули по моей спине и даже прикоснулись к шее. Спичка чиркнула и зашипела. Я подождал, пока она не разгорелась, и тогда увидел белые спины убегавших в чащу морлоков. Поспешно вынув из кармана кусок камфоры, я приготовился ее зажечь, как только начнет гаснуть спичка. Я взглянул на Уину. Она лежала ничком, обхватив мои колени, совершенно неподвижная. Со страхом я наклонился над ней. Казалось, она едва дышала. Я зажег кусок камфоры и бросил его на землю; расколовшись, он ярко запылал, отгоняя от нас морлоков и ночные тени. Я встал на колени и поднял Уину. В лесу позади нас слышался шум и бормотание

огромной толпы.

По-видимому, Уина лишилась чувств. Я осторожно положил ее к себе на плечо, встал и собрался идти дальше, но вдруг ясно понял безвыходность нашего положения. Возясь со спичками и с Уиной, я несколько раз повернулся и теперь не имел ни малейшего понятия, куда мне идти. Может быть, я снова шел назад к Зеленому Дворцу. Меня прошиб холодный пот. Нельзя было терять времени; приходилось действовать. Я решил развести костер и остаться на месте. Положив все еще неподвижную Уину на мшистый пень, я принялся торопливо собирать сучья и листья, пока догорал кусок камфоры. Вокруг меня то тут, то там, подобно рубинам, светились в темноте глаза морлоков.

Камфора в последний раз вспыхнула и погасла. Я зажег спичку и увидел, как два белых существа, приближавшиеся к Уине, поспешно метнулись прочь. Одно из них было так ослеплено светом, что натолкнулось на меня, и я почувствовал, как под ударом моего кулака хрустнули его кости. Морлок закричал от ужаса, сделал, шатаясь, несколько шагов и упал. Я зажег другой кусок камфоры и продолжал собирать хворост для костра. Скоро я заметил, что листья здесь совершенно

сухие, так как со времени моего прибытия, то есть целую неделю, ни разу не было дождя. Я перестал разыскивать меж деревьями хворост и начал вместо этого прыгать и обламывать нижние ветви деревьев. Скоро разгорелся удушливо дымный костер из свежего дерева и сухих сучьев, и я сберег остаток камфоры. Я вернулся туда, где рядом с моим ломом лежала Уина. Я всеми силами старался привести ее в чувство, но она лежала как мертвая. Я не мог даже понять, дышит она или нет.

Тут мне пахнуло дымом прямо в лицо, и голова моя, и без того тяжелая от запаха камфоры, отяжелела еще больше. Костра должно было хватить примерно на час. Смертельно усталый, я присел на землю. Мне почудилось, что по лесу носится какой-то непонятный сонливый шепот. Мне казалось, что я вздремнул на миг и тотчас же открыл глаза. Вокруг меня была темнота, и руки морлоков касались моего тела. Стряхнув с себя их цепкие пальцы, я торопливо принялся искать в кармане спички, но их там не оказалось. Морлоки снова схватили меня, окружив со всех сторон. В одну секунду я сообразил, что случилось. Я заснул, костер погас. Меня охватил смертельный ужас. Весь лес, казалось, был наполнен запахом

гари. Меня схватили за шею, за волосы, за руки и старались повалить. Ужасны были в темноте прикосновения этих мягкотелых созданий, облепивших меня. Мне казалось, что я попал в какую-то чудовищную паутину. Они пересилили меня, и я упал. Чьи-то острые зубы впились мне в шею. Я перевернулся, и в то же мгновение рука моя нащупала железный рычаг. Это придало мне сил. Стряхнув с себя всю кучу человекообразных крыс, я вскочил и, размахнувшись рычагом, принялся бить им наугад, стараясь попадать им по головам. Я чувствовал, как под моими ударами обмякали их тела, слышал, как хрустели кости. На минуту я освободился.

Мною овладело то странное возбуждение, которое, говорят, так часто приходит во время боя. Я знал, что мы оба с Уиной погибли, но решил дорого продать свою жизнь. Я стоял, опираясь спиной о дерево и размахивая перед собой железной палицей. Лес оглашали громкие крики морлоков. Прошла минута. Голоса их, казалось, уже не могли быть пронзительней, движения становились все быстрее и быстрее. Но ни один не подходил ко мне близко. Я все время стоял на месте, стараясь хоть что-нибудь разглядеть в темноте. В душу мою закралась надежда: может

быть, морлоки испугались? И тут произошло нечто необычайное, казалось, окружавший меня мрак стал проясняться. Я смутно начал различать фигуры морлоков: трое корчились у моих ног, а остальные непрерывным потоком бежали мимо меня вглубь леса. Спины их казались уже не белыми, а красноватыми. Застыв в недоумении, я увидел красную полосу, которая скользила между деревьев, освещенных светом звезд. Я сразу понял, откуда взялся запах гари и однообразный шорох, перешедший теперь в страшный рев, и красное зарево, обратившее морлоков в бегство.

Отойдя от дерева и оглянувшись назад, я увидел между черными стволами пламя лесного пожара. Это меня догонял мой первый костер. Я искал Уину, но ее не было… Свист и шипенье позади, треск загоревшихся ветвей — все это не оставляло времени для размышлений. Схватив свой лом, я побежал за морлоками. Пламя следовало за мной по пятам. Пока я бежал, оно обогнало меня справа, так что я оказался отрезанным и бросился влево. Наконец я выбежал на небольшую поляну. Один из морлоков, ослепленный, наткнулся на меня и промчался мимо прямо в огонь.

После этого мне пришлось наблюдать самое потрясающее зрелище из всех, какие я видел в Бу-

дущем. От зарева стало светло как днем. Посреди огненного моря был холмик или курган, на вершине которого рос полузасохший боярышник. А дальше, в лесу, бушевали желтые языки пламени, и холм был со всех сторон окружен огненным забором. На склоне холма толпилось около тридцати или сорока морлоков; ослепленные, они метались и натыкались в замешательстве друг на друга. Я забыл об их слепоте и, как только они приближались, в безумном страхе принимался яростно наносить им удары. Я убил одного и искалечил многих. Но, увидев, как один из них ощупью пробирался в багровом свете среди боярышника, и услыхав стоны, я убедился в полной беспомощности и отчаянии морлоков и не трогал уже больше никого.

Иногда некоторые из них натыкались на меня, при этом так дрожали, что я сразу давал им дорогу. Однажды, когда пламя немного угасло, я испугался, что эти гнусные существа скоро меня увидят. Я даже подумывал о том, не убить ли мне нескольких из них, прежде чем это случится; но пламя снова ярко вспыхнуло. Я бродил между морлоками по холму, избегая столкновений, и старался найти хоть какие-нибудь следы Уины. Но Уина исчезла.

Я присел наконец на вершине холма и стал смотреть на это необычайное сборище слепых существ, бродивших ощупью и перекликавшихся нечеловеческими голосами при вспышках пламени. Огромные клубы дыма плыли по небу, и сквозь красное зарево изредка проглядывали звезды, такие далекие, как будто они принадлежали какой-то иной Вселенной. Два или три морлока сослепу наткнулись на меня, и я, задрожав, отогнал их ударами кулаков.

Почти всю ночь продолжался этот кошмар. Я кусал себе руки и кричал в страстном желании проснуться, колотил кулаками по земле, вставал, потом садился, бродил взад-вперед и снова садился на землю. Я тер глаза, умолял Бога дать мне пробудиться. Три раза я видел, как морлоки, опустив головы, обезумевшие, кидались прямо в огонь. Наконец над утихшим пламенем пожара, над клубами дыма, над почерневшими стволами деревьев и над жалким остатком этих мерзких существ блеснули первые лучи рассвета.

Я снова принялся искать Уину, но не нашел. По-видимому, ее маленькое тельце осталось в лесу. Все же она избегла той ужасной участи, которая, казалось, была ей уготована. При этой мысли я чуть снова не принялся за избиение беспомощ-

ных отвратительных созданий, но сдержался. Холмик, как я сказал, был чем-то вроде острова в лесу. С его вершины сквозь пелену дыма я теперь мог разглядеть Зеленый Дворец и определить путь к Белому Сфинксу. Когда окончательно рассвело, я покинул кучку проклятых морлоков, все еще стонавших и бродивших ощупью по холму, обмотал ноги травой и по дымившемуся пеплу меж черных стволов, среди которых еще трепетал огонь, поплелся туда, где была спрятана Машина Времени. Шел я медленно, так как почти выбился из сил и, кроме того, хромал. Я чувствовал себя глубоко несчастным, вспоминая об ужасной смерти бедной Уины. Это было тяжко. Теперь, когда я сижу здесь, у себя, в привычной обстановке, потеря Уины кажется мне скорее тяжелым сном, чем настоящей утратой. Но в то утро я снова стал совершенно одинок, ужасно одинок. Я вспомнил о своем доме, о вас, друзья мои, и меня охватила мучительная тоска.

Идя по дымившемуся пеплу под ясным утренним небом, я сделал одно открытие. В кармане брюк уцелело несколько спичек. По-видимому, коробка разломалась, прежде чем ее у меня похитили.

XIII
Ловушка Белого Сфинкса

В восемь или девять часов утра я добрался до той самой скамьи из желтого металла, откуда в первый вечер осматривал окружавший меня мир. Я не мог удержаться и горько посмеялся над своей самоуверенностью, вспомнив, к каким необдуманным выводам пришел в тот вечер. Теперь передо мной была та же дивная картина, та же роскошная растительность, те же чудесные дворцы и великолепные руины, та же серебристая гладь реки, катившей свои воды между плодородными берегами. Кое-где среди деревьев мелькали яркие одежды очаровательно-прекрасных маленьких людей. Некоторые из них купались на том самом месте, где я спас Уину, и у меня больно сжалось сердце. И над всем этим чудесным зрелищем, подобно черным пятнам, поднимались купола, прикрывавшие колодцы, которые вели в подземный мир. Я понял теперь, что таилось под красотой жителей Верхнего Мира. Как радостно они проводили день! Так же радостно, как скот, пасущийся в поле. Подобно

скоту, они не знали врагов и ни о чем не заботились. И таков же был их конец.

Мне стало горько при мысли, как кратковременно было торжество человеческого разума, который сам совершил самоубийство. Люди упорно стремились к благосостоянию и довольству, к тому общественному строю, лозунгом которого была обеспеченность и неизменность; и они достигли цели, к которой стремились, только чтобы прийти к такому концу… Когда-то человечество дошло до того, что жизнь и собственность каждого оказались в полной безопасности. Богатый знал, что его благосостояние и комфорт неприкосновенны, а бедный довольствовался тем, что ему обеспечены жизнь и труд. Без сомнения, в таком мире не было ни безработицы, ни нерешенных социальных проблем. А за всем этим последовал великий покой.

Мы забываем о законе природы, гласящем, что гибкость ума является наградой за опасности, тревоги и превратности жизни. Существо, которое живет в совершенной гармонии с окружающими условиями, превращается в простую машину. Природа никогда не прибегает к разуму до тех пор, пока ей служат привычка и инстинкт. Там, где нет перемен и нет необходимости в переме-

нах, разум погибает. Только те существа обладают им, которые сталкиваются со всевозможными нуждами и опасностями.

Таким путем, мне кажется, человек Верхнего Мира пришел к своей беспомощной красоте, а человек Подземного Мира — к чисто механическому труду. Но даже и для этого уравновешенного положения вещей, при всем его механическом совершенстве, недоставало одного — полной неизменности. С течением времени запасы Подземного Мира истощились. И вот Мать-Нужда, сдерживаемая в продолжение нескольких тысячелетий, появилась снова и начала внизу свою работу. Жители Подземного Мира, имея дело со сложными машинами, что, кроме навыков, требовало все же некоторой работы мысли, невольно удержали в своей озверелой душе больше человеческой энергии, чем жители земной поверхности. И когда обычная пища пришла к концу, они обратились к тому, чего до сих пор не допускали старые привычки. Вот как все это представилось мне, когда я в последний раз смотрел на мир восемьсот две тысячи семьсот первого года. Мое объяснение, быть может, ошибочно, поскольку человеку вообще свойственно ошибаться. Но таково мое мнение, и я высказал его вам.

После трудов, волнений и страхов последних дней, несмотря на тоску по бедной Уине, эта скамья, мирный пейзаж и теплый солнечный свет все же казались мне прекрасными. Я смертельно устал, меня клонило ко сну, и, размышляя, я вскоре начал дремать. Поймав себя на этом, я не стал противиться и, растянувшись на дерне, погрузился в долгий освежающий сон.

Проснулся я незадолго до заката солнца. Теперь я уже не боялся, что морлоки захватят меня во сне. Расправив члены, я спустился с холма и направился к Белому Сфинксу. В одной руке я держал лом, другой перебирал спички у себя в кармане.

Но там меня ждала самая большая неожиданность. Приблизившись к Белому Сфинксу, я увидел, что бронзовые двери открыты и обе половинки задвинуты в специальные пазы.

Я остановился как вкопанный, не решаясь войти.

Внутри было небольшое помещение, и в углу на возвышении стояла Машина Времени. Рычаги от нее лежали у меня в кармане. Итак, здесь, после всех приготовлений к осаде Белого Сфинкса, меня ожидала покорная сдача. Я отбросил свой лом, почти недовольный тем, что не пришлось

им воспользоваться.

Но в ту самую минуту, когда я уже наклонился, чтобы войти, у меня мелькнула внезапная мысль. Я сразу понял нехитрый замысел морлоков. С трудом удерживаясь от смеха, я перешагнул через бронзовый порог и направился к Машине Времени. К своему удивлению, я увидел, что она тщательно смазана и вычищена. Впоследствии мне пришло в голову, что морлоки даже разбирали машину на части, стараясь своим слабым разумом понять ее назначение.

И пока я стоял и смотрел на свою Машину, испытывая удовольствие при одном прикосновении к ней, случилось то, чего я ожидал. Бронзовые панели скользнули вверх и с треском закрылись. Я попался. Так, по крайней мере, думали морлоки. Эта мысль вызвала у меня только веселый смех.

Они уже бежали ко мне со своим противным хихиканьем. Сохраняя хладнокровие, я чиркнул спичкой. Мне оставалось только укрепить рычаги и умчаться от них, подобно призраку. Но я упустил из виду одно маленькое обстоятельство. Это были отвратительные спички, которые зажигаются только о коробки́.

Куда подевалось мое спокойствие! Маленькие гадкие твари уже окружили меня. Кто-то при-

коснулся ко мне. Отбиваясь рычагами, я полез в седло. Меня схватила чья-то рука, потом еще и еще. Мне пришлось с трудом вырывать рычаги из цепких пальцев и в то же время ощупывать гнезда, в которых они крепились. Один раз морлоки вырвали у меня рычаг. Когда он выскользнул из моих рук, мне пришлось, чтобы найти его на полу в темноте, отбиваться от них головой. Под моими ударами трещали черепа морлоков. Мне кажется, эта последняя схватка была еще упорнее, чем битва в лесу.

В конце концов я укрепил рычаги и повернул их. Цепкие руки соскользнули с моего тела. Темнота исчезла из моих глаз. Вокруг не было ничего, кроме туманного света и шума, о которых я вам уже говорил.

XIV
Новые видения

Я уже рассказывал о болезненных и муторных ощущениях, которые вызывает путешествие по Времени. Но на этот раз я к тому же плохо сидел в седле, неловко свесившись набок. Не знаю, долго ли я провисел таким образом, не замечая, как моя Машина дрожит и раскачивается. Когда я пришел в себя и снова посмотрел на циферблат, то был поражен. На одном из циферблатов отмечались дни, на другом тысячи, на третьем миллионы и на четвертом миллиарды дней. Оказалось, что вместо того, чтобы повернуть рычаги назад, я привел их в действие таким образом, что Машина помчалась вперед, и, взглянув на указатели, я увидел, что стрелка, отмечающая тысячи дней, вертелась с быстротой секундной стрелки часов — я уносился в Будущее.

По мере движения все вокруг начало принимать какой-то необыкновенный вид. Дрожащая серая пелена стала темнее; потом снова — хотя я все еще продолжал двигаться с невероятной скоростью — началась мерцающая смена ночи

и дня, обычно указывавшая на не очень быстрое движение Машины. Это чередование становилось все медленнее и отчетливее. Сначала я очень удивился. День и ночь уже не так быстро сменяли друг друга. Солнце тоже постепенно замедляло свое движение по небу, пока наконец мне не стало казаться, что сутки тянутся целое столетие. В конце концов над землей повисли сумерки, которые лишь по временам прорывались ярким светом мчавшейся по темному небу кометы. Красная полоса над горизонтом исчезла; солнце больше не закатывалось — оно просто поднималось и опускалось на западе, становясь все более огромным и кровавым. Луна бесследно исчезла. Звезды, медленно описывавшие свои круговые орбиты, превратились из сплошных полосок света в отдельные ползущие по небу точки. Наконец незадолго до того, как я остановился, солнце, кровавое и огромное, неподвижно застыло над горизонтом; оно походило на огромный купол, горевший тусклым светом и по временам на мгновения совершенно потухавший. Один раз оно запылало прежним своим ярким огнем, но быстро вновь приобрело угрюмо-красный цвет. Из того, что солнце перестало всходить и закатываться, я заключил, что периодическое

торможение наконец завершилось. Земля перестала вращаться, она была обращена к Солнцу одной стороной, точно так же как в наше время обращена к Земле Луна. Помня свое предыдущее стремительное падение, я с большой осторожностью принялся замедлять движение Машины. Стрелки стали крутиться все медленней и медленней, пока наконец та, что указывала тысячи дней, не замерла неподвижно, а та, что указывала дни, не перестала казаться сплошным кругом. Я еще замедлил движение, и передо мной стали смутно вырисовываться очертания пустынного берега.

Наконец я осторожно остановился и, не слезая с Машины Времени, огляделся. Небо утратило прежнюю голубизну. На северо-востоке оно было как чернила, и из глубины мрака ярким и неизменным светом сияли бледные звезды. Прямо над головой небо было темно-красное, беззвездное, а к юго-востоку оно светлело и становилось пурпурным; там, усеченное линией горизонта, кровавое и неподвижное, огромной горой застыло солнце. Скалы вокруг меня были темно-коричневые, и единственным признаком жизни, который я увидел сначала, была темно-зеленая растительность, покрывавшая все юго-западные

выступы на скалах. Эта густая, пышная зелень походила на лесные мхи или лишайники, растущие в пещерах, — растения, которые живут в постоянной полутьме.

Моя Машина стояла на отлогом берегу. К юго-западу вплоть до резкой линии горизонта расстилалось море. Не было ни прибоя, ни волн, так как не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра. Только слабая ровная зыбь слегка вздымалась и опускалась, море как будто тихо дышало, сохраняя еще признаки своей вечной жизни. Вдоль берега, там, где вода отступила, виднелась кора соли, красноватая под лучами солнца. Голова у меня была словно налита свинцом, и я заметил, что дыхание мое участилось. Это напомнило мне мою единственную попытку восхождения в горы, и я понял, что воздух стал более разреженным, чем прежде.

Вдали, на туманном берегу, я услышал пронзительный писк и увидел нечто похожее на огромную белую бабочку. Она взлетела и, описав несколько неровных кругов, исчезла за невысокими холмами. Писк ее был таким зловещим, что я невольно вздрогнул и поплотнее уселся в седле. Оглядевшись снова, я вдруг увидел, как то, что я принимал за красноватую скалу, стало медленно

приближаться ко мне. Это было чудовищное существо, похожее на краба. Представьте себе краба величиной с этот стол, со множеством медленно и нерешительно шевелящихся ног, с огромными клешнями, с длинными, как хлысты, щупальцами и выпуклыми глазами, сверкающими по обе стороны отливающего металлом лба! Спина его была вся в отвратительных буграх и выступах, местами покрыта зеленоватым налетом. Я видел, как шевелились и дрожали многочисленные щупальца у его рта.

С ужасом глядя на это подползающее чудище, я вдруг почувствовал щекочущее прикосновение на щеке. Казалось, будто на нее села муха. Я попробовал согнать ее взмахом руки, но ощущение сразу же возобновилось, и почти одновременно я почувствовал такое же прикосновение возле уха. Я отмахнулся и схватил рукой нечто похожее на нитку. Она быстро выдернулась. Дрожа от ужаса, я обернулся и увидел, что это было щупальце другого чудовищного краба, очутившегося как раз у меня за спиной. Его свирепые глаза вращались, рот был разинут в предвкушении добычи, огромные неуклюжие клешни, покрытые слизью водорослей, нацелились прямо на меня! В одно мгновение я схватился за рычаг, и между мной

и чудовищами сразу же легло расстояние целого месяца. Но я по-прежнему находился на том же берегу и, как только остановился, снова увидел тех же самых чудовищ. Они десятками ползали взад и вперед под мрачным небом среди скользкой зелени мхов и лишайников.

Не могу передать вам, какое страшное запустение царило в мире. На востоке — багровое небо, на севере — темнота, мертвое соленое море, каменистый берег, по которому медленно ползали эти мерзкие чудовища. Однообразные, ядовито-зеленые лишайники, разреженный воздух, вызывающий боль в легких, — все это производило подавляющее впечатление! Я перенесся на столетие вперед. И увидел все то же багровое солнце — только немного больше и тусклее, — тот же умиравший океан, тот же серый холодный воздух и то же множество ракообразных, ползавших среди красных скал и зеленых лишайников. А на западе, низко над горизонтом, я увидел бледный серп, похожий на огромную нарождающуюся луну.

Так продолжал я передвигаться по Времени огромными скачками, каждый в тысячу лет и больше, увлеченный тайной судеб Земли, в состоянии какого-то гипноза наблюдая, как солнце

на западе становится все огромнее и тусклее, как угасает жизнь. Наконец, больше чем через тридцать миллионов лет, огромный красный купол солнца заслонил собой десятую часть потемневшего неба. Я остановился, так как многочисленные крабы уже исчезли, а красноватый берег казался безжизненным и был покрыт лишь мертвенно-бледными мхами и лишайниками. Местами виднелись пятна снега. Ужасный холод окружал меня. Редкие белые хлопья медленно падали на землю. На северо-востоке под звездами, усеивавшими траурное небо, блестел снег и высились волнистые вершины красновато-белых гор. Прибрежная полоса моря была скована льдом, и огромные ледяные глыбы уносились на простор; однако бóльшая часть соленого океана, кровавая от лучей негаснущего заката, еще не замерзла.

Я огляделся в поисках каких-нибудь животных. Смутное опасение все еще удерживало меня в седле Машины. Но ни в небе, ни на море, ни на земле не было признаков жизни. Лишь зеленые водоросли на скалах свидетельствовали о том, что жизнь еще не совсем угасла. Море далеко отступило от прежних берегов, обнажив песчаное дно. Мне показалось, что на отмели что-то движется, но когда я вгляделся пристальнее, то не

увидел никакого движения; я решил, что зрение обмануло меня и это был просто черный камень. На небе горели необычайно яркие звезды, и мне казалось, что они почти перестали мерцать.

Вдруг я увидел, что диск солнца на западе стал менять свои очертания. На его краю появилась какая-то трещина или впадина. Она все более увеличивалась. С минуту я в ужасе смотрел, как на солнце наползала темнота, а потом понял, что это начинается затмение. Должно быть, Луна или Меркурий проходили перед его диском. Разумеется, прежде всего я подумал о Луне, но дальнейшие соображения привели меня к выводу, что в действительности очень близко к Земле прошла перед Солнцем одна из крупных планет нашей системы.

Темнота быстро надвигалась. Холодными порывами задул восточный ветер, и в воздухе гуще закружились снежные хлопья. С моря до меня донеслись всплески волн. Но только эти мертвенные звуки нарушали царившую в мире тишину. Тишину? Нет, невозможно описать это жуткое безмолвие. Все звуки жизни: блеяние овец, голоса птиц, жужжание насекомых, все то движение и суета, которые нас окружают, — отошли в прошлое. По мере того как мрак сгущался, снег

падал все чаще, белые хлопья плясали у меня перед глазами, мороз усиливался. Одна за другой погружались в темноту белые вершины далеких гор. Ветер перешел в настоящий ураган. Черная тень ползла на меня. Через мгновение на небе остались одни только бледные звезды. Кругом была непроглядная тьма. Небо стало совершенно черным.

Ужас перед этой безбрежной тьмой охватил все мое существо. Холод, пронизывавший до мозга костей, и боль при дыхании стали невыносимы. Я дрожал и чувствовал сильную тошноту. Потом, подобно раскаленной дуге, на небе снова появилось солнце. Я слез с Машины, чтобы немного прийти в себя. Голова у меня кружилась, и не было сил даже подумать об обратном путешествии. Измученный и растерянный, я вдруг снова увидел на отмели на фоне красноватой морской воды какое-то движение. Теперь сомневаться уже не приходилось. Это было нечто круглое, величиной с футбольный мяч, а может быть, и больше, и с него свисали длинные щупальца; мяч этот казался черным на колыхавшейся кроваво-красной воде, и передвигался он резкими скачками. Я почувствовал, что начинаю терять сознание. Но ужас при мысли, что я могу беспомощно упасть

на землю в этой далекой и страшной полутьме, заставил меня снова взобраться на седло.

XV
Возвращение Путешественника по Времени

И я отправился назад. Долгое время я лежал без чувств на своей Машине. Снова началась мерцающая смена дней и ночей, снова солнце заблистало золотом, а небо — прежней голубизной. Дышать стало легче. Внизу подо мной быстро изменялись контуры земли. Стрелки на циферблатах вертелись в обратную сторону. Наконец я снова увидел неясные очертания зданий периода упадка человечества. Они изменялись, исчезали, и появлялись другие. Когда стрелка, показывавшая миллионы дней, остановилась на нуле, я уменьшил скорость. Я стал узнавать знакомую архитектуру наших домов. Стрелка, отмечавшая тысячи дней, возвращалась ко времени отправления, ночь и день сменяли друг друга все медленней. Стены лаборатории снова появились вокруг меня. Осторожно замедлил я движение Машины.

Мне пришлось наблюдать странное явление. Я уже говорил вам, что, когда я отправился в

путь и еще не развил большой скорости, через комнату промчалась миссис Уотчет, двигаясь, как мне показалось, с быстротой ракеты. Когда же я возвратился, то снова миновал ту минуту, в которую она проходила по лаборатории. Но теперь каждое ее движение казалось мне обратным. Сначала открылась вторая дверь в дальнем конце комнаты, потом, пятясь, появилась миссис Уотчет и исчезла за той дверью, в которую прежде вошла. Незадолго перед этим мне показалось, что я вижу Хилльера, но он мелькнул мгновенно, как вспышка.

Я остановил Машину и снова увидел свою любимую лабораторию, свои инструменты и приборы в том же виде, в каком я их оставил. Совершенно разбитый, я сошел с Машины и сел на скамью. Сильная дрожь пробежала по моему телу. Но понемногу я начал приходить в себя. Лаборатория была такой же, как всегда. Мне казалось, что я заснул и все это мне приснилось.

Но нет! Не все было по-прежнему. Машина Времени отправилась в путешествие из юго-восточного угла лаборатории, а вернулась она в северо-западный и остановилась напротив той стены, у которой вы ее видели. Точно такое же расстояние было от лужайки до пьедестала Бе-

лого Сфинкса, в котором морлоки спрятали мою Машину.

Не знаю, долго ли я был не в состоянии ни о чем думать. Наконец я встал и прошел сюда через коридор, хромая, потому что пятка моя еще болела. Я был весь перепачкан грязью. На столе у двери я увидел номер «Пэлл-Мэлл газетт». Она была сегодняшняя. Взглянув на часы, я увидел, что уже около восьми. До меня донеслись ваши голоса и звон тарелок. Я не сразу решился войти — так я был слаб и утомлен! Но я почувствовал приятный запах еды и открыл дверь. Остальное вы знаете. Я умылся, пообедал и вот теперь рассказываю вам свою историю.

XVI
Когда история была рассказана

— Я знаю, — сказал он, помолчав, — все это кажется вам совершенно невероятным; для меня же самое невероятное состоит в том, что я сижу здесь, в этой милой, знакомой комнате, вижу ваши дружеские лица и рассказываю вам свои приключения.

Он взглянул на Доктора.

— Нет, я даже не надеюсь, что вы поверите мне. Примите мой рассказ за ложь… или за пророчество. Считайте, что я видел это во сне, у себя в лаборатории. Представьте себе, что я раздумывал о грядущих судьбах человечества и придумал эту сказку. Отнеситесь к моим уверениям в ее достоверности как к простой уловке, к желанию придать ей побольше интереса. Но, относясь ко всему этому как к выдумке, что вы скажете?

Он вынул изо рта трубку и начал по старой привычке нервно постукивать ею о прутья каминной решетки. Наступило минутное молчание. Потом послышался скрип стульев и шарканье ног по полу. Я отвел глаза от лица Путешественника по

Времени и взглянул на его слушателей. Все они сидели в тени, и блики от огня в камине скользили по их лицам. Доктор пристально вгляделся в лицо рассказчика. Редактор, закурив шестую сигару, уставился на ее кончик. Журналист вертел в руках часы. Остальные, насколько помню, сидели неподвижно.

Глубоко вздохнув, Редактор встал.

— Какая жалость, что вы не пишете статей, — сказал он, кладя руку на плечо Путешественника по Времени.

— Вы не верите?

— Ну знаете…

— Я так и думал.

Путешественник по Времени повернулся к нам.

— Где спички? — спросил он.

Он зажег спичку и, дымя трубкой, сказал:

— Признаться… я и сам верю с трудом, но все же…

Его глаза с немым вопросом устремились на белые увядшие цветы, лежавшие на столе. Потом он повернул руку, в которой была трубка, и посмотрел на едва затянувшиеся шрамы на своих пальцах.

Доктор встал, подошел к лампе и принялся

рассматривать цветы.

— Какие странные у них пестики, — сказал он.

Психолог наклонился вперед и протянул руку за одним из цветков.

— Ручаюсь головой, что уже четверть первого, — сказал Журналист. — Как же мы доберемся до дому?

— У станции много извозчиков, — сказал Психолог.

— Странная вещь, — произнес Доктор. — Я не могу определить вид этих цветов. Не позволите ли мне взять их с собою?

На лице Путешественника по Времени мелькнула нерешительность.

— Конечно нет, — сказал он.

— Серьезно, откуда вы их взяли? — спросил Доктор.

Путешественник по Времени приложил руку ко лбу. Он имел вид человека, который старается собрать разбегающиеся мысли.

— Их положила мне в карман Уина, когда я путешествовал по Времени.

Он оглядел комнату.

— Все плывет у меня в глазах. Эта комната, вы и вся знакомая обстановка не вмещаются в моей голове. Строил ли я когда-нибудь Машину

Времени или ее модель? Может быть, все это был сон? Говорят, вся жизнь — это сон, и к тому же скверный, жалкий, короткий сон, хотя ведь другой все равно не приснится. С ума можно сойти. И откуда взялся этот сон?.. Я должен взглянуть на мою Машину. Существует ли она?..

Он схватил лампу и пошел по коридору. Пламя колебалось и по временам вспыхивало красным огнем. Мы последовали за ним. Освещенная трепетавшим пламенем лампы, низкая, изуродованная, погнутая, перед нами, несомненно, была та же самая Машина, сделанная из бронзы, черного дерева, слоновой кости и прозрачного блестящего кварца. Я потрогал ее. Она была тут, ощутимая и реальная. Темные полосы и пятна покрывали слоновую кость, а на нижних частях висели клочья травы и мха, одна из металлических полос была изогнута.

Поставив лампу на скамью, Путешественник по Времени ощупал поврежденную полосу.

— Теперь ясно, — сказал он. — То, что я вам рассказал, правда. Простите, что я привел вас в этот холод…

Он взял лампу. Никто из нас не произнес ни слова, и мы вернулись обратно в курительную.

Провожая нас в переднюю, он помог Редактору

надеть пальто. Доктор посмотрел ему в лицо и сказал несколько неуверенно, что он переутомлен. Путешественник по Времени громко рассмеялся. Помню, как он, стоя в дверях, крикнул нам вслед несколько раз: «Спокойной ночи!»

Я поехал в одном кебе с Редактором. По его словам, весь рассказ был «эффектным вымыслом». Что касается меня, я не мог ничего решить. Этот рассказ был таким невероятным и фантастическим, а тон рассказчика так искренен и правдив. Почти всю ночь я не спал и думал об этом. На другое утро я решил снова повидать Путешественника по Времени. Мне сказали, что он в лаборатории. Я запросто бывал у него в доме и поэтому пошел прямо туда. Но лаборатория была пуста. На минуту я остановился перед Машиной Времени, протянул руку и дотронулся до рычага. В то же мгновение она, такая тяжелая и устойчивая, заколыхалась, как листок от порыва ветра. Это поразило меня, и в голове моей мелькнуло забавное воспоминание о том, как в детстве мне запрещали трогать разные вещи. Я вернулся обратно. Пройдя по коридору, я столкнулся в курительной с Путешественником по Времени, который собирался уходить. В одной руке у него был небольшой фотографический аппарат, в

другой — сумка. При виде меня он рассмеялся и протянул мне для пожатия локоть.

— Я очень занят, хочу побывать там, — сказал он.

— Значит, это правда? — спросил я. — Вы действительно путешествуете по Времени?

— Да, действительно и несомненно.

Он посмотрел мне в глаза. На его лице отразилась нерешительность.

— Мне нужно только полчаса, — сказал он. — Я знаю, зачем вы пришли, это очень мило с вашей стороны. Вот здесь журналы. Если вы подождете до завтрака, я, безусловно, докажу вам возможность путешествия по Времени, доставлю вам образцы и все прочее. Вы позволите оставить вас?

Я согласился, едва ли понимая все значение его слов. Он кивнул мне и вышел в коридор. Я услышал, как хлопнула дверь его лаборатории, потом сел и стал читать газету. Что он собирается делать до завтрака? Взглянув на одно из объявлений, я вдруг вспомнил, что в два часа обещал встретиться с Ричардсоном по издательским делам. Я посмотрел на часы и увидел, что опаздываю. Я встал и пошел по коридору, чтобы сказать об этом Путешественнику по Времени.

Взявшись за ручку двери, я услышал отрывистое восклицание, треск и удар. Открыв дверь, я очутился в сильном водовороте воздуха и услышал звук разбитого стекла. Путешественника по Времени в лаборатории не было. Мне показалось, что на миг передо мной промелькнула неясная, похожая на призрак фигура человека, сидевшего верхом на кружившейся массе из черного дерева и бронзы, настолько призрачная, что скамья позади нее, на которой лежали чертежи, была видна совершенно отчетливо. Но едва я успел протереть глаза, как это видение исчезло. Исчезла и Машина Времени. Дальний угол лаборатории был пуст, и там виднелось легкое облако оседавшей пыли. Одно из верхних стекол окна было, очевидно, только что разбито.

Я стоял в изумлении. Я видел, что случилось нечто необычное, но не мог сразу понять, что именно. Пока я так стоял, дверь, ведущая в сад, открылась и на пороге показался слуга.

Мы посмотрели друг на друга. В голове у меня блеснула внезапная мысль.

— Скажите, мистер… вышел из этой двери? — спросил я.

— Нет, сэр, никто не выходил. Я думал, он здесь.

Теперь я все понял. Рискуя рассердить Ричардсона, я остался ждать возвращения Путешественника по Времени, ждать его нового, быть может еще более странного рассказа и тех образцов и фотографий, которые он мне обещал. Теперь я начинаю опасаться, что никогда его не дождусь. Прошло уже три года со времени его исчезновения, и все знают, что он не вернулся.

Эпилог

Нам остается теперь лишь строить догадки. Вернется ли он когда-нибудь? Может быть, он унесся в Прошлое и попал к кровожадным дикарям палеолита, или в пучину мелового моря, или же к чудовищным ящерам и огромным земноводным юрской эпохи? Может быть, и сейчас он бродит в одиночестве по какому-нибудь кишащему плезиозаврами оолитовому рифу или по пустынным берегам соленых морей триасового периода? Или, может быть, он отправился в Будущее, в эпоху расцвета человеческой расы, в один из тех менее отдаленных веков, когда люди оставались еще людьми, но уже разрешили все сложнейшие вопросы и все общественные проблемы, доставшиеся им в наследство от нашего времени? Я лично не могу поверить, чтобы наш век только что начавшихся исследований, бессвязных теорий и всеобщего разногласия по основным вопросам науки и жизни был кульминационным пунктом развития человечества! Так, по крайней мере, думаю я. Что же касается его, то он держался другого мнения. Мы не раз спорили с ним об этом задолго до того, как была

сделана Машина Времени, и он всегда мрачно относился к Прогрессу Человечества. Развивающаяся цивилизация представлялась ему в виде беспорядочного нагромождения материала, который в конце концов должен обрушиться и задавить строителей. Но если это и так, все же нам ничего не остается, как продолжать жить. Для меня Будущее неведомо, полно загадок и только кое-где освещено его удивительным рассказом. И я храню в утешение два странных белых цветка, засохших и блеклых, с хрупкими лепестками, как свидетельство того, что даже в то время, когда исчезают сила и ум человека, благодарность и нежность продолжают жить в сердцах.

1895

Остров доктора Моро

Перевод К. Морозовой

Предисловие

1 февраля 1887 года «Леди Вейн» погибла, наскочив на мель около 1° южной широты и 107° западной долготы.

5 января 1888 года, то есть одиннадцать месяцев и четыре дня спустя, мой дядя Эдвард Прендик, который сел на «Леди Вейн» в Кальяо и считался погибшим, был подобран в районе 3° северной широты и 101° западной долготы в небольшой парусной шлюпке, название которой невозможно было прочесть, но по всем признакам это была шлюпка с пропавшей без вести шхуны «Ипекакуана». Дядя рассказывал о себе такие невероятные вещи, что его сочли сумасшедшим. Впоследствии он сам признал, что не помнит ничего с того самого момента, как покинул борт «Леди Вейн». Психологи заинтересовались дядей, считая, что это любопытный случай потери памяти вследствие крайнего физического и нервного переутомления. Однако я, нижеподписавшийся его племянник и наследник, нашел среди его бумаг записки, которые решил опубликовать, хотя никакой письменной просьбы об этом среди них не было.

Единственный известный остров в той части океана, где нашли моего дядю, — это маленький необитаемый островок Ноубл вулканического происхождения. В 1891 году этот островок посетило английское военное судно «Скорпион». На берег был высажен отряд, который, однако, не обнаружил там ничего, кроме нескольких необыкновенных белых мотыльков, а также свиней, кроликов и крыс странной породы. Ни одно из животных не было взято на борт, так что главное в записках дяди осталось без подтверждения. Ввиду всего сказанного можно надеяться, что издание этих удивительных записок никому не принесет вреда и, как мне кажется, соответствует желанию моего дяди. Во всяком случае, остается фактом, что дядя исчез где-то в районе 5° северной широты и 106° западной долготы и нашелся в этой же части океана через одиннадцать месяцев. Должен же он был где-то жить все это время. Известно также, что шхуна «Ипекакуана» с пьянчугой-капитаном Джоном Дэвисом вышла из Арики, имея на борту пуму и других животных; в январе 1887 года ее видели в нескольких портах на юге Тихого океана, после чего она бесследно исчезла с большим грузом кокосовых орехов, выйдя в неизвестном направлении из Баньи в

декабре 1887 года, что совершенно совпадает с утверждением моего дяди.

Чарльз Эдвард Прендик

I
В ялике с «Леди Вейн»

Я не собираюсь ничего прибавлять к тому, что уже сообщалось в газетах о гибели «Леди Вейн». Всем известно, что через десять дней после выхода из Кальяо она наткнулась на отмель. Семь человек экипажа спаслись на баркасе и были подобраны восемнадцать дней спустя английской канонеркой «Миртл». История их злоключений стала так же широко известна, как и потрясающий случай с «Медузой». На мою долю остается только добавить к уже известной истории гибели «Леди Вейн» другую, не менее ужасную и, несомненно, гораздо более удивительную. До сих пор считалось, что четверо людей, пытавшихся спастись на ялике, погибли, но это не так. У меня есть неопровержимое доказательство: я один из этих четверых.

Прежде всего я должен заметить, что в ялике было не четверо, а только трое — Констанс, про которого писали, что «его видел капитан, когда он прыгал за борт» («Дейли ньюс» от 17 марта 1887 года), к счастью для нас и к несчастью для

себя, не добрался до ялика. Выбираясь из путаницы снастей у сломанного бушприта и готовясь кинуться в воду, он зацепился каблуком за какую-то снасть. На минуту он повис вниз головой, а потом, падая в воду, ударился о плававшее в волнах бревно. Мы стали грести к нему, но он уже больше не показывался на поверхности.

Пожалуй, все же он не доплыл до нас не только к нашему счастью, но и к счастью для себя. У нас был только маленький бочонок с водой и несколько отсыревших сухарей (так неожиданно произошла катастрофа и так плохо подготовлен был корабль). Решив, что на баркасе припасов больше (хотя, как видно, это было не так), мы стали кричать, но наши голоса не долетали до баркаса, а на следующее утро, когда рассеялся туман, мы его уже не увидели. Встать и осмотреться не было возможности из-за качки. По морю гуляли огромные валы, нечеловеческих усилий стоило держаться против волнения. Со мной спаслись еще двое: Хельмар, такой же пассажир, как и я, и матрос, имени которого я не знаю, коренастый, заикавшийся человек невысокого роста.

Восемь дней носило нас по морю. Мы умирали от голода и нестерпимой жажды, после того как выпили всю воду. Через два дня море утихло и

стало гладким как стекло. Едва ли читатель сумеет представить себе, какие это были восемь дней! Счастлив он, если память не рисует ему подобных картин. На второй день мы почти не говорили друг с другом и неподвижно лежали в шлюпке, уставившись вдаль или глядя блуждающими глазами, как ужас и слабость овладевают всеми. Солнце пекло безжалостно. Вода кончилась на четвертый день. Нам мерещились страшные видения, и их можно было прочесть в наших глазах. Если не ошибаюсь, на шестой день Хельмар заговорил наконец о том, что было у каждого из нас на уме. Помню, мы были так слабы, что наклонялись друг к другу и едва слышно шептали. Я всеми силами противился этому, предпочитая прорубить дно шлюпки и погибнуть всем вместе, отдавшись на съедение следовавшим за нами акулам. Но я оказался в одиночестве: когда Хельмар сказал, что, если мы примем его предложение, у нас будет что пить, матрос присоединился к нему.

Все же я не хотел бросать жребий. Ночью Хельмар все шептался с матросом, а я сидел на носу, зажав в руке нож, хотя и чувствовал, что слишком слаб для борьбы с ними. Утром я согласился с предложением Хельмара, и мы бросили полупенсовик, чтобы жребий решил нашу судьбу.

Жребий пал на матроса, но он был самый сильный из нас и, не желая умирать, кинулся на Хельмара. Они сцепились, и оба привстали. Я пополз к ним по дну шлюпки, чтобы схватить матроса за ногу и помочь Хельмару, но в эту минуту шлюпку качнуло, матрос оступился, и оба упали за борт. Они пошли ко дну как камни. Помню, я засмеялся, сам удивляясь этому.

Не знаю, сколько времени я пролежал, думая только о том, что если б я был в силах встать, то напился бы соленой воды, чтобы сойти с ума и поскорее умереть. Потом я увидел, что на горизонте показался корабль, но продолжал лежать с таким равнодушием, словно это был мираж. Я, по-видимому, был невменяем, но теперь помню все совершенно отчетливо. Помню, как голова моя качалась в такт волнам и судно на горизонте танцевало перед моими глазами. Помню, я был убежден в том, что уже умер, и думал, какая горькая насмешка, что корабль подойдет слишком поздно и подберет лишь мой труп.

Мне казалось, что я лежал так бесконечно долго, опустив голову на банку и глядя на судно, плясавшее на волнах. Это была небольшая шхуна. Она лавировала, выписывая зигзаги, так как шла против ветра. Мне даже не приходило

в голову попытаться привлечь ее внимание, и я не помню почти ничего после того, как увидел борт подошедшего судна и очутился в маленькой каютке. У меня осталось лишь смутное воспоминание, что меня поднимали по трапу и кто-то большой, рыжий, веснушчатый смотрел на меня, наклонившись над бортом. Помню еще какое-то смуглое лицо со странными глазами, смотревшими на меня в упор, но я думал, что это кошмар, пока снова не увидел их позже. Помню, наконец, как мне вливали сквозь зубы какую-то жидкость. Вот и все, что осталось у меня в памяти.

II
Человек ниоткуда

Каюта, в которой я очнулся, была маленькая и довольно грязная. Белокурый моложавый человек со щетинистыми, соломенного цвета усами и отвисшей нижней губой сидел рядом и держал меня за руку. С минуту мы молча смотрели друг на друга. У него были водянистые серые глаза, удивительно бесстрастные.

Сверху донеслись шум, словно двигали тяжелую железную кровать, и глухое сердитое рычание какого-то большого зверя. Сидевший рядом со мной человек заговорил.

Он, видимо, уже задавал мне этот вопрос:

— Как вы себя чувствуете?

Насколько помню, я ответил, что чувствую себя хорошо. Но каким образом я сюда попал? По-видимому, он прочел этот немой вопрос у меня на лице, так как я сам не слышал звука своего голоса.

— Вас подобрали полумертвым в шлюпке с судна «Леди Вейн», борт ее был обрызган кровью.

В этот миг взгляд мой нечаянно упал на мою

руку: она была такая худая, что походила на кожаный мешочек с костями. И тут все, что случилось в лодке, тотчас воскресло у меня в памяти.

— Выпейте, — сказал незнакомец, подавая мне какое-то красное холодное питье, вкусом похожее на кровь. Я сразу почувствовал себя бодрее.

— Вам посчастливилось попасть на судно, где есть врач, — сказал он.

Говорил он невнятно и как будто пришепетывал.

— Что это за судно? — медленно спросил я, и голос мой был хриплым от долгого молчания.

— Маленький торговый корабль, идущий из Арики в Кальяо. Откуда он, собственно, я не знаю. Думаю, из страны прирожденных идиотов. Сам я сел пассажиром в Арике. Осел, хозяин судна, он же и капитан, по фамилии Дэвис, потерял свое свидетельство или что-то в этом роде. Из всех дурацких имен он не мог выбрать для судна лучшего, чем «Ипекакуана», но, когда на море нет большого волнения, идет оно недурно.

Сверху снова послышались рычание и человеческий голос.

— Чертов дурак! — произнес наверху другой голос, и все смолкло.

— Вы были совсем при смерти, — сказал незна-

комец. — Да, к этому шло дело, но я впрыснул вам кое-чего. Руки болят? Это от уколов. Вы были без сознания почти тридцать часов.

Я задумался. Мои мысли были прерваны лаем множества собак, раздавшимся сверху.

— Нельзя ли мне чего-нибудь поесть? — спросил я.

— Благодарите меня, — ответил он, — сейчас по моему приказанию для вас варится баранина.

— Это хорошо, — сказал я, ободрившись. — С удовольствием съем кусочек.

— Но вот что, — после минутной нерешительности сказал мой собеседник, — мне очень хотелось бы узнать, каким образом вы очутились один в лодке. — Мне показалось, что в его глазах мелькнуло какое-то подозрительное выражение. — А, черт, какой адский вой!

Он быстро выскочил из каюты, и я услышал, как он сердито заговорил с кем-то и ему ответили на непонятном языке. Мне показалось, что дело дошло до драки, но я не был уверен, что слух не обманул меня. Он прикрикнул на собак и снова вернулся в каюту.

— Ну, — сказал он, стоя на пороге. — Вы хотели рассказать мне, что с вами случилось.

Я назвал себя и стал рассказывать, что я, Эдвард

Прендик, человек материально независимый и жизнь мою скрашивает увлечение естественными науками. Он явно заинтересовался.

— Я сам когда-то занимался науками, изучал биологию в Университетском колледже и написал работы об яичнике земляных червей, о мускуле улиток и прочем. Боже, это было целых десять лет тому назад! Но продолжайте, расскажите, как вы попали в лодку.

Ему, по-видимому, понравилась искренность моего рассказа, очень короткого, так как я был ужасно слаб, и, когда я закончил, он снова вернулся к разговору о естественных науках и о своих работах по биологии. Он принялся подробно расспрашивать меня о Тоттенхем-Корт-роуд и Гауэр-стрит.

— Что, Каплатци по-прежнему процветает? Ах! Какое это было заведение!

По-видимому, он был самым заурядным студентом-медиком и теперь беспрестанно сбивался на тему о мюзик-холлах. Он рассказал мне кое-что из своей жизни.

— И все это было десять лет тому назад, — повторил он. — Чудесное время! Но тогда я был молод и глуп… Я выдохся уже к двадцати годам. Зато теперь дело другое… Но я должен присмот-

реть за этим ослом-коком и узнать, что делается с вашей бараниной.

Рычание наверху неожиданно возобновилось с такой силой, что я невольно вздрогнул.

— Что это такое? — спросил я, но дверь каюты уже захлопнулась за ним.

Он скоро вернулся, неся баранину, и я был так возбужден ее аппетитным запахом, что мгновенно забыл все свои недоумения.

Целые сутки я только спал и ел, после чего почувствовал себя настолько окрепшим, что был в силах встать с койки и подойти к иллюминатору. Я увидел, что зеленые морские валы больше не воевали с нами. Шхуна, видимо, шла по ветру. Пока я стоял, глядя на воду, Монтгомери — так звали этого блондина — вошел в каюту, и я попросил его принести мне одежду. Он дал кое-что из своих вещей, сшитых из грубого холста, так как та одежда, в которой меня нашли, была, по его словам, выброшена. Он был выше меня и шире в плечах, одежда его висела на мне мешком.

Между прочим, он рассказал мне, что капитан совсем пьян и не выходит из своей каюты. Одеваясь, я стал расспрашивать его, куда следует судно. Он сказал, что оно идет на Гавайи, но по дороге должно ссадить его.

— Где? — спросил я.

— На острове… Там, где я живу. Насколько мне известно, у этого острова нет названия.

Он посмотрел на меня, еще более оттопырив нижнюю губу, и сделал вдруг такое глупое лицо, что я догадался о его желании избежать моих расспросов и из деликатности не расспрашивал его более ни о чем.

III
Странное лицо

Выйдя из каюты, мы увидели человека, который стоял около трапа, преграждая нам дорогу на палубу. Он стоял к нам спиной и заглядывал в люк. Это был нескладный, коренастый человек, широкоплечий, неуклюжий, с сутуловатой спиной и головой, глубоко ушедшей в плечи. На нем был костюм из темно-синей саржи, его черные волосы показались мне необычайно жесткими и густыми. Наверху яростно рычали невидимые собаки. Он вдруг попятился назад с какой-то звериной быстротой, и я едва успел отстранить его от себя.

Черное лицо, мелькнувшее передо мной, глубоко меня поразило. Оно было удивительно безобразно. Нижняя часть его выдавалась вперед, смутно напоминая звериную морду, а в огромном приоткрытом рту виднелись такие большие белые зубы, каких я еще не видел ни у одного человеческого существа. Глаза были налиты кровью, оставалась только тоненькая белая полоска около самых зрачков. Странное возбуждение

выдавало его лицо.

— Убирайся, — сказал Монтгомери. — Прочь с дороги!

Черномазый человек тотчас же отскочил в сторону, не говоря ни слова. Поднимаясь по трапу, я невольно все время смотрел на него. Монтгомери задержался внизу.

— Нечего тебе торчать здесь, сам отлично знаешь! — сказал он. — Твое место на носу.

Черномазый человек весь съежился.

— Они… не хотят, чтобы я был на носу, — проговорил он медленно, со странной хрипотой в голосе.

— Не хотят, чтобы ты был на носу? — повторил Монтгомери с угрозой в голосе. — Я приказываю тебе — ступай.

Он хотел сказать еще что-то, но, взглянув на меня, промолчал и стал подниматься по трапу. Я остановился на полдороге, оглядываясь назад, все еще удивленный страшным безобразием черномазого. В жизни еще не встречал такого необыкновенно отталкивающего лица, и (можно ли понять такой парадокс?) вместе с тем я испытывал ощущение, словно уже видел когда-то эти черты и движения, так поразившие меня теперь. Позже мне пришло в голову, что, вероятно, я ви-

дел его, когда меня поднимали на судно, однако эта мысль не рассеивала моего подозрения, что мы встречались с ним раньше. Но как можно было, увидя хоть раз такое необычайное лицо, позабыть все подробности встречи? Этого я не мог понять.

Шаги Монтгомери, следовавшего за мной, отвлекли меня от этих мыслей. Я повернулся и стал оглядывать находившуюся вровень со мной верхнюю палубу маленькой шхуны. Я был уже отчасти подготовлен услышанным шумом к тому, что теперь предстало перед моими глазами. Безусловно, я никогда не видел такой грязной палубы. Она была вся покрыта обрезками моркови, какими-то лохмотьями зелени и неописуемой грязью. У грот-мачты на цепях сидела целая свора злых гончих собак, которые принялись кидаться и лаять на меня. У бизань-мачты огромная пума была втиснута в такую маленькую клетку, что не могла в ней повернуться. У правого борта стояло несколько больших клеток с кроликами, а перед ними в решетчатом ящике была одинокая лама. На собаках были ременные намордники. Единственным человеческим существом на палубе был худой молчаливый моряк, стоявший у руля.

Заплатанные, грязные паруса были надуты,

маленькое судно, как видно, шло полным ветром. Небо было ясное, солнце склонялось к закату. Большие пенистые волны догоняли судно. Мы прошли мимо рулевого и, остановившись на корме, стали смотреть на бежавшую позади пенную полосу. Я обернулся и окинул взглядом всю неприглядную палубу.

— Это что, океанский зверинец? — спросил я Монтгомери.

— Нечто вроде, — ответил он.

— Для чего здесь эти животные? Для продажи или какие-нибудь редкие экземпляры? Может быть, капитан хочет продать их где-нибудь в южных портах?

— Все возможно, — снова уклончиво ответил Монтгомери и отвернулся к корме.

В это время раздались крик и целый поток ругательств, донесшихся из люка, и вслед за этим на палубу проворно взобрался черномазый урод, а за ним — коренастый рыжеволосый человек в белой фуражке. При виде его собаки, уже уставшие лаять на меня, снова пришли в ярость, рыча и стараясь оборвать цепи. Черномазый остановился в нерешительности, а подоспевший рыжеволосый изо всех сил ударил его между лопатками. Бедняга рухнул, как бык на бойне,

и покатился по грязи под яростный лай собак. К счастью для него, на них были намордники. Крик торжества вырвался у рыжеволосого, и он стоял, пошатываясь, рискуя упасть назад в люк или же вперед на свою жертву.

Монтгомери, увидев этого второго человека, вздрогнул.

— Стойте! — крикнул он предостерегающе.

На носу судна показались несколько матросов.

Черномазый с диким воем катался по палубе среди собак. Но никто и не думал помочь ему. Гончие как могли теребили его, тыкались в него мордами. Серые собаки быстро метались по его неуклюже распростертому телу.

Передние матросы науськивали их криками, как будто все это было веселое зрелище. Гневное восклицание вырвалось у Монтгомери, и он торопливо пошел по палубе. Я последовал за ним.

Через минуту черномазый был уже на ногах и, шатаясь, побрел прочь. Около мачты он прижался к фальшборту, где и остался, тяжело дыша и косясь через плечо на собак. Рыжеволосый расхохотался с довольным видом.

— Послушайте, капитан, — пришепетывая сильнее обыкновенного, сказал Монтгомери и схватил рыжеволосого за локти, — вы не имеете

права!

Я стоял позади Монтгомери. Капитан сделал полоборота и посмотрел на него тупыми, пьяными глазами.

— Чего не имею? — переспросил он, с минуту вяло глядя в лицо Монтгомери. — Убирайтесь ко всем чертям!

Быстрым движением он высвободил свои веснушчатые руки и после двух-трех безуспешных попыток засунул их наконец в боковые карманы.

— Этот человек — пассажир, — сказал Монтгомери. — Вы не имеете права пускать в ход кулаки.

— К чертям! — снова крикнул капитан. Он вдруг резко повернулся и чуть не упал. — У себя на судне я хозяин, что хочу, то и делаю.

Мне казалось, Монтгомери, видя, что он пьян, должен был бы оставить его в покое. Но тот, только слегка побледнев, последовал за капитаном к борту.

— Послушайте, капитан, — сказал он. — Вы не имеете права так обращаться с моим слугой. Вы не даете ему покоя с тех пор, как он поднялся на борт.

С минуту винные пары не давали капитану

сказать ни слова.

— Ко всем чертям! — только и произнес он.

Вся эта сцена свидетельствовала, что Монтгомери обладал одним из тех упрямых характеров, которые способны гореть изо дня в день, доходя до белого каления и никогда не остывая. Я видел, что ссора эта назревала давно.

— Этот человек пьян, — сказал я, рискуя показаться назойливым, — лучше оставьте его.

Уродливая судорога свела губы Монтгомери.

— Он вечно пьян. По-вашему, это оправдывает его самоуправство?

— Мое судно, — начал капитан, неуверенно взмахнув руками в сторону клеток, — было чистое. Посмотрите на него теперь.

Действительно, чистым его никак нельзя было назвать.

— Моя команда не терпела грязи.

— Вы сами согласились взять зверей.

— Глаза мои не видели бы вашего проклятого острова. Черт его знает, для чего нужны там эти животные. А ваш слуга, разве это человек?.. Это ненормальный. Ему здесь не место! Не думаете ли вы, что все мое судно в вашем распоряжении?

— Ваши матросы преследуют беднягу с тех пор, как он здесь появился.

— И неудивительно, потому что он страшнее самого дьявола. Мои люди не выносят его, и я тоже. Никто его терпеть не может, даже вы сами.

Монтгомери повернулся к нему спиной.

— Все же вы должны оставить его в покое, — сказал он, подкрепляя свои слова кивком.

Но капитану, видимо, не хотелось уступать.

— Пусть только еще сунется сюда! — заорал он. — Я ему все кишки выпущу, вот увидите! Как вы смеете меня учить! Говорю вам, я капитан и хозяин судна! Мое слово закон и желание свято! Я согласился взять пассажира со слугой до Арики и доставить его обратно на остров вместе с животными, но я не соглашался брать какого-то дьявола, черт побери… какого-то…

И он злобно обругал Монтгомери. Тот шагнул к капитану, но я встал между ними.

— Он пьян, — сказал я.

Капитан начал ругаться последними словами.

— Молчать! — сказал я, круто поворачиваясь к нему, так как бледное лицо Монтгомери стало страшным. Ругань капитана обратилась на меня.

Но я был рад, что предупредил драку, хоть пьяный капитан и невзлюбил меня. Мне случалось бывать в самом странном обществе, но никогда в жизни я не слышал из человеческих уст такого

нескончаемого потока ужаснейшего сквернословия. Как ни миролюбив я был от природы, но все же едва сдерживался. Конечно, прикрикнув на капитана, я совершенно забыл, что был всего лишь потерпевшим крушение, без всяких средств, даровым пассажиром, целиком зависевшим от милости или выгоды хозяина судна. Он напомнил мне об этом достаточно ясно. Но так или иначе, драки я не допустил.

IV
У борта

В тот же вечер, вскоре после захода солнца, мы увидели землю, и шхуна легла в дрейф. Монтгомери сказал, что он прибыл. За дальностью расстояния нельзя было ничего разобрать: остров показался мне просто невысоким темно-синим клочком земли на смутном, голубовато-сером фоне океана. Столб дыма почти отвесно поднимался с острова к небу.

Капитана не было на палубе, когда показалась земля. Излив на меня свою злобу, он спустился вниз и, как я узнал, заснул на полу своей каюты. Командование принял на себя его помощник. Это был тот самый худой молчаливый субъект, который стоял у руля. По-видимому, он тоже не ладил с Монтгомери. Он как будто не замечал нас. Обедали мы втроем в угрюмом молчании после нескольких безрезультатных попыток с моей стороны заговорить с ним. Меня поразило, что этот человек относился к моему спутнику и его животным со странной враждебностью. Я находил, что Монтгомери слишком скрытен, когда

заходит речь о том, для чего ему эти животные; но хотя любопытство мое было задето, я его не расспрашивал.

Небо было уже сплошь усыпано звездами, а мы все еще беседовали, стоя на шканцах. Ночь была тихая, ясная, тишину нарушали только размеренный шум с освещенного желтоватым светом полубака да движения животных. Пума, свернувшись клубком, смотрела на нас своими горящими глазами. Собаки, казалось, спали. Монтгомери вынул из кармана сигары.

Он вспоминал Лондон с некоторой грустью, расспрашивал о переменах, произошедших там за это время. Мне показалось, что он любил ту жизнь, которой здесь навсегда лишился. Я поддерживал разговор, как умел. Странность моего собеседника все время возбуждала мое любопытство, и, говоря с ним, я рассматривал его худое, бледное лицо, освещенное слабым светом фонаря, который горел у меня за спиной. Затем я оглянулся на темнеющий океан, где во мраке таился его маленький островок.

Этот человек, думалось мне, появился из безбрежности пространства только для того, чтобы спасти меня. Завтра он покинет корабль и снова исчезнет из моей жизни навеки. Даже при самых

обычных обстоятельствах эта встреча, несомненно, произвела бы на меня впечатление. Больше всего меня поразило, что этот образованный человек живет на таком маленьком, затерянном острове и привез сюда столь необычайный багаж.

Я невольно разделял недоумение капитана. Для чего ему эти животные? И почему он отрекся от них, когда я впервые о них заговорил? Кроме того, в этом его слуге было что-то странное, глубоко поразившее меня. Все это, вместе взятое, казалось очень таинственным, заставляя работать мое воображение и сковывая язык. К полуночи разговор о Лондоне исчерпался, и мы молча стояли рядом у борта, задумчиво глядя на тихий, отражавший звезды океан; каждый из нас был занят своими мыслями. Я расчувствовался и принялся выражать ему свою признательность.

— Надо прямо сказать, — начал я, немного помолчав, — вы спасли мою жизнь.

— Это случайность, — отозвался он, — простая случайность.

— Но все же я должен поблагодарить вас.

— Чего там, не стоит благодарности. Вы нуждались в помощи, а у меня была возможность ее оказать. Я сделал вам впрыскивания и кормил

вас точно так же, как если бы нашел редкий экземпляр какого-нибудь животного. Я скучал и хотел чем-нибудь заняться. Поверьте, будь я не в духе в тот день или не понравься мне ваше лицо, право, не знаю, что было бы с вами теперь.

Такой ответ немного расхолодил меня.

— Во всяком случае… — начал я снова.

— Говорю вам, это простая случайность, как и все остальное в человеческой жизни, — прервал он меня, — только дураки не хотят этого понять. Почему я должен быть здесь, вдали от цивилизованного мира, вместо того чтобы наслаждаться счастьем и всеми удовольствиями Лондона? Только потому, что одиннадцать лет назад я на десять минут потерял голову в одну туманную ночь…

Он замолчал.

— И что же? — спросил я.

— Вот и все.

Мы оба умолкли. Потом он неожиданно рассмеялся.

— Эти звезды как-то располагают к откровенности. Я просто осёл, но мне все же хочется кое-что рассказать вам.

— Что бы вы ни рассказали, можете положиться на мою скромность… Поверьте, я умею молчать.

Он уже собрался начать свой рассказ, но вдруг с сомнением покачал головой.

— Не надо, — сказал я. — Я вовсе не любопытен. В конце концов, самое лучшее — не доверять никому своей тайны. Если я сохраню ее, вы не выиграете ничего, только душу немного облегчите. А если проболтаюсь… Что тогда?

Он нерешительно пробормотал что-то про себя. Я почувствовал, что ему хочется поделиться со мной, но, говоря по правде, мне вовсе не интересно было знать, что заставило молодого медика покинуть Лондон. Для этого у меня было достаточно богатое воображение. Я пожал плечами и отвернулся. Какая-то темная молчаливая фигура, застыв у борта, смотрела на отражавшиеся в воде звезды. Это был слуга Монтгомери. Он быстро взглянул на меня через плечо, затем снова отвернулся и уставился на воду.

Эта мелочь, может быть, показалась бы вам пустяком, но меня она поразила как громом. Единственным источником света возле нас был фонарь, висевший у руля. Лицо слуги лишь на одно короткое мгновение повернулось к свету, но я заметил, что глаза, взглянувшие на меня, светились слабым зеленоватым светом.

Я тогда не знал, что по крайней мере крас-

новатый отблеск бывает иногда свойствен человеческим глазам. Это показалось мне совершенно сверхъестественным. Темная фигура с горящими глазами заполнила все мои мысли и чувства, и забытые образы детского воображения на миг воскресли передо мной. Но они исчезли так же быстро, как и явились. Уже в следующее мгновение я видел лишь обыкновенную темную, неуклюжую человеческую фигуру — фигуру, в которой не было ничего необычайного и которая стояла у борта, глядя на отражавшиеся в море звезды. Монтгомери снова заговорил.

— Если вы уже достаточно подышали воздухом, я хотел бы спуститься вниз, — сказал он.

Я ответил что-то невпопад. Мы ушли вниз, и он простился со мной у дверей моей каюты.

Всю ночь я видел скверные сны. Ущербная луна взошла поздно. Ее таинственные бледные лучи косо падали через иллюминатор, и койка моя отбрасывала на стену чудовищную тень. Наверху проснулись собаки, послышались лай и рычание. Заснуть крепко мне удалось только на рассвете.

V
Безвыходное положение

Рано утром — это было на второй день после моего выздоровления и, кажется, на четвертый после того, как меня подобрала шхуна, — я проснулся, мучимый тревожными сновидениями, в которых мне чудились стрельба и рев толпы, и услышал наверху чьи-то хриплые крики. Протерев глаза, я лежал, прислушиваясь к шуму и не понимая, где я. Вдруг послышались шлепанье босых ног, стук бросаемых тяжестей, громкий скрип и грохот цепей. Потом раздался плеск, так как судно сделало резкий поворот, желто-зеленая пенистая волна ударилась о маленький иллюминатор каюты и снова схлынула. Я быстро оделся и поспешил на палубу.

Поднимаясь по трапу, я увидел на алом фоне восходившего солнца широкую спину и рыжие волосы капитана. Над ним висела в воздухе клетка с пумой, которую он спускал на веревке, пропущенной через блок на бизань-мачте. Бедное животное, смертельно перепуганное, припало ко дну своей маленькой клетки.

— За борт их всех! — рычал капитан. — За борт! Я очищу судно от всей этой дряни!

Он стоял у меня на дороге, и, чтобы выйти на палубу, я вынужден был хлопнуть его по плечу. Он вздрогнул, повернулся и попятился. Сразу видно было, что он все еще пьян.

— Эй, ты! — сказал он с идиотским видом, потом, начав соображать, добавил: — А, это мистер… мистер…

— Прендик, — сказал я.

— К черту Прендика! — завопил капитан. — Заткни Глотку — вот ты кто! Мистер Заткни Глотку!

Конечно, не следовало отвечать этому пьяному скоту. Но я не мог предвидеть, что он сделает дальше. Он протянул руку к трапу, у которого стоял Монтгомери, разговаривая с широкоплечим седым человеком в грязном синем фланелевом костюме, по-видимому только что появившимся на судне.

— Пошел туда, мистер Заткни Глотку, туда! — ревел капитан.

Монтгомери и его собеседник повернулись к нам.

— Что это значит? — спросил я.

— Вон отсюда, мистер Заткни Глотку, вот что

это значит! За борт, живо! Мы очищаем судно, очищаем наше бедное судно! Вон!

Оторопев, я смотрел на него. Но потом понял, что именно этого мне и хочется. Перспектива остаться единственным пассажиром этого сварливого дурака не сулила мне ничего приятного. Я повернулся к Монтгомери.

— Мы не можем вас взять, — решительно сказал мне его собеседник.

— Не можете меня взять? — совершенно растерявшись, переспросил я. Такого непреклонного и решительного лица, как у него, я еще в жизни не видел.

— Послушайте… — начал я, обращаясь к капитану.

— За борт! — снова заорал он. — Это судно не для зверей и не для людоедов, которые хуже зверья, в сто раз хуже! За борт… проклятый мистер Заткни Глотку! Возьмут они вас или не возьмут, все равно вон с моей шхуны! Куда угодно! Вон отсюда вместе с вашими друзьями! Я навсегда простился с этим проклятым островом! Довольно с меня!

— Послушайте, Монтгомери… — сказал я.

Он скривил нижнюю губу и безнадежным кивком указал на седого человека, стоявшего

рядом с ним, как бы выразив этим свое бессилие помочь мне.

— Уж я об этом позабочусь, — сказал капитан.

Началось странное препирательство. Я попеременно обращался то к одному, то к другому из этих троих, прежде всего к седому человеку, прося позволить мне высадиться на берег, потом к пьяному капитану с просьбою оставить меня на судне и, наконец, даже к матросам. Монтгомери не сказал ни слова — он только качал головой.

— За борт, говорю вам, — беспрестанно повторял капитан. — К черту закон! Я хозяин на судне!

Я начал грозить, но голос мой пресекся. Охваченный бессильным бешенством, я отошел на корму, угрюмо глядя в пустоту.

Тем временем матросы быстро работали, сгружая ящики и клетки с животными. Большой баркас с поднятыми парусами уже стоял у подветренного борта шхуны, и туда сваливали всю эту удивительную кладь. Я не мог видеть, кто приехал за ней с острова, потому что баркас был скрыт бортом шхуны.

Ни Монтгомери, ни его собеседник не обращали на меня ни малейшего внимания: они помогали четырем или пяти матросам, выгружавшим багаж. Капитан был тут же, скорее мешая, чем

помогая работе. Я переходил от отчаяния к бешенству. Пока я стоял, ожидая своей дальнейшей участи, мне несколько раз неудержимо хотелось посмеяться над моей злополучной судьбой. Я не завтракал и чувствовал себя от этого еще несчастнее. Голод и слабость лишают человека мужества. Я прекрасно понимал, что не в силах сопротивляться капитану, который мог избавиться от меня, и у меня не было способа заставить Монтгомери и его товарища взять меня с собой. Мне оставалось лишь покорно ждать своей судьбы, а выгрузка багажа на баркас между тем продолжалась, и никто не обращал на меня внимания.

Вскоре работа была закончена. И тогда произошла схватка: меня, слабо сопротивлявшегося, потащили к трапу. Но даже в эту отчаянную минуту меня удивили странные смуглые лица людей, сидевших в баркасе вместе с Монтгомери. Погрузка была окончена, и баркас сразу отчалил от судна. Подо мной быстро увеличивалась полоса зеленой воды, и я изо всех сил подался назад, чтобы не упасть вниз головой.

Сидевшие в баркасе что-то насмешливо закричали, и я слышал, как Монтгомери обругал их. Капитан, его помощник и один из матросов потащили меня на корму. Там был привязан

ялик с «Леди Вейн», до половины залитый водой, без весел и провизии. Я отказался сойти в него и повалился ничком на палубу. Но они силой опустили меня туда на веревке без трапа и, перерезав буксир, бросили на произвол судьбы.

Волны медленно относили меня от шхуны. В каком-то оцепенении я видел, как матросы начали тянуть снасти и шхуна медленно, но решительно развернулась по ветру. Паруса затрепетали и наполнились. Я тупо смотрел на истрепанный непогодами борт круто накренившейся шхуны. Она постепенно начала удаляться.

Я даже не повернул головы ей вслед. Я едва верил случившемуся. Ошеломленный, сидел я на дне шлюпки и глядел на пустынный, подернутый легкой зыбью океан. Но постепенно я осознал, что снова очутился в этой проклятой, почти затонувшей шлюпке. Обернувшись, я увидел шхуну, уплывавшую от меня вместе с рыжеволосым капитаном, который что-то насмешливо кричал, стоя у гакаборта. Повернувшись к острову, я увидел баркас, который становился все меньше и меньше по мере того, как приближался к берегу.

Я понял весь ужас своего положения. У меня не было никакой возможности добраться до берега, если только меня случайно не отнесет туда

течением. Я еще не окреп после своих недавних злоключений и к тому же был голоден, иначе у меня было бы больше мужества. Но тут я заплакал, как ребенок. Слезы потоком хлынули у меня из глаз. В припадке отчаяния я принялся бить кулаками по воде на дне ялика и колотить ногами в борт. Я молил Бога послать мне смерть.

VI
Ужасная команда баркаса

Но люди с острова, увидя, что я действительно брошен на произвол судьбы, сжалились надо мной. Меня медленно относило к востоку в сторону острова, и скоро я с облегчением увидел, что баркас повернул и направился ко мне. Баркас был тяжело нагружен, и когда он подошел ближе, то я увидел седого широкоплечего товарища Монтгомери, сидевшего на корме среди собак и ящиков с багажом. Этот человек молча, не двигаясь, смотрел на меня. Не менее пристально разглядывал меня и черномазый урод, расположившийся около клетки с пумой на носу. Кроме них, в баркасе было еще три странных звероподобных существа, на которых злобно рычали собаки. Монтгомери, сидевший на руле, подчалил к ялику и, привстав с места, поймал и прикрепил к своей корме обрывок каната, чтобы отвести меня на буксире: на баркасе места не было.

Я успел уже оправиться от своего нервного припадка и довольно бодро ответил на его оклик. Я сказал, что шлюпка почти затоплена, и он подал

мне деревянный ковш. Когда буксир натянулся, я упал от толчка, но встал и начал усердно вычерпывать воду.

Лишь покончив с этим делом (шлюпка только зачерпнула воду бортом, она была невредима), я снова взглянул на людей, сидевших в баркасе.

Седой человек все так же пристально и, как мне показалось, с некоторым замешательством смотрел на меня. Когда наши взгляды встречались, он опускал глаза и глядел на собаку, сидевшую у него между коленями. Это был великолепно сложенный человек, с красивым лбом и довольно крупными чертами лица, но веки у него были дряблые, старческие, а складка у рта придавала лицу выражение дерзкой решительности. Он разговаривал с Монтгомери так тихо, что я не мог разобрать слов. Я стал рассматривать трех других, сидевших в баркасе.

Это была на редкость странная команда. Я видел только их лица; но в них было что-то неуловимое, чего я не мог постичь, и это вызывало во мне странное отвращение. Я пристально всматривался в них, и это чувство не проходило, хотя я и не мог понять его причины. Они показались мне темнокожими, но их руки и ноги были обмотаны какой-то грязной белой тканью

до самых кончиков пальцев. Я никогда еще не видел, чтобы мужчины так кутались, только женщины на Востоке носят такую одежду. На головах их были тюрбаны, из-под которых виднелись таинственные лица, выпяченные нижние челюсти и сверкающие глаза. Волосы их, черные и гладкие, были похожи на лошадиные гривы, и, сидя, они казались значительно выше людей всех рас, каких мне доводилось видеть. Седой старик, который, как я заметил, был добрых шести футов роста, теперь, сидя, оказался на голову ниже каждого из этих троих. Впоследствии я убедился, что в действительности все они были не выше меня, но туловища у них были ненормальной длины, а ноги короткие и странно искривленные. Во всяком случае, они представляли собой необычайно безобразное зрелище, а над их головами, под передним парусом, выглядывало смуглое лицо того урода, чьи глаза светились в темноте.

Когда взгляды наши встретились, он отвернулся, но не прекратил украдкой поглядывать в мою сторону. Чтобы не быть навязчивым, я перестал их рассматривать и повернулся к острову, к которому мы приближались.

Остров был низкий, покрытый пышной растительностью, среди которой больше всего было

пальм незнакомого мне вида. В одном месте белая струя дыма поднималась необычайно высоко и затем расплывалась в воздухе белыми, как пух, хлопьями. Мы очутились в большой бухте, ограниченной с обеих сторон невысокими мысами. Берег был усыпан темным сероватым песком и в глубине поднимался кверху футов на шестьдесят или семьдесят над уровнем моря, и кое-где виднелись деревья и кустарники. Посреди склона была странная, пестрая каменная ограда, сложенная, как я увидел позже, частью из кораллов и частью из вулканической пемзы. Две тростниковые крыши виднелись над оградой.

На берегу, ожидая нас, стоял человек. Издали мне показалось, что еще несколько других странных существ поспешно скрылись в кустарнике, но, когда мы приблизились, я уже больше не видел их. Человек, ожидавший нас, был среднего роста, с черным, как у негра, лицом. Его широкий рот был очень тонок, руки необычайно худые, а искривленные дугой ноги имели узкие и длинные ступни. Он стоял на берегу, вытянув шею, ожидая нашего приближения. Одет он был так же, как Монтгомери и седой старик, в синюю блузу и панталоны.

Когда мы подошли к самому берегу, он принял-

ся бегать взад и вперед, делая крайне нелепые телодвижения. По команде Монтгомери все четверо в баркасе вскочили на ноги и как-то удивительно неуклюже принялись спускать паруса. Монтгомери ввел баркас в маленький искусственный залив. Странный человек кинулся к нам. Собственно говоря, заливчик был простой канавой, но достаточно большой, чтобы баркас мог войти туда во время прилива.

Почувствовав, что нос баркаса врезался в песок, я оттолкнулся от его кормы деревянным ковшом и, отвязав буксир, причалил к берегу. Трое закутанных людей неуклюже вылезли из баркаса и тотчас же принялись разгружать багаж с помощью человека, ожидавшего нас на берегу. Особенно удивила меня их походка: нельзя сказать, что они были неповоротливы, но казались какими-то искореженными, словно состояли из кое-как скрепленных кусков. Собаки продолжали рычать и рваться с цепей, после того как они вместе с седым стариком сошли на берег.

Эти трое, переговариваясь, издавали какие-то странные, гортанные звуки, а человек, встретивший нас на берегу, взволнованно обратился к ним на каком-то, как показалось мне, иностранном языке, и они принялись за тюки, сложенные

на корме. Я уже где-то слышал точно такой же голос, но где, не мог припомнить. Старик удерживал шесть бесновавшихся собак, перекрывая их лай громкими распоряжениями. Монтгомери тоже сошел на берег, и все занялись багажом. Я был слишком слаб, чтобы после голодовки, на жарком солнце, которое пекло мою непокрытую голову, предложить им свою помощь.

Наконец старик, видимо, вспомнил о моем присутствии и подошел ко мне.

— Судя по вашему виду, вы не завтракали, — сказал он.

Его маленькие черные глазки блестели из-под бровей.

— Прошу у вас прощения. Теперь вы наш гость, хотя и непрошеный, и мы должны позаботиться о вас. — Он взглянул мне прямо в лицо. — Монтгомери сказал мне, что вы образованный человек, мистер Прендик. Он сказал, что вы немного занимались наукой. Нельзя ли узнать, чем именно?

Я рассказал, что учился в Королевском научном колледже и занимался биологическими исследованиями под руководством Гексли. Услышав это, он слегка приподнял брови.

— Это несколько меняет дело, мистер Прендик, — сказал он с легким оттенком уважения в

голосе. — Как ни странно, но мы тоже биологи. Это своего рода биологическая станция.

Он посмотрел на людей, которые на катках двигали клетку с пумой к ограде.

— Да, мы с Монтгомери биологи, — сказал он. — Неизвестно, когда вы сможете нас покинуть, — добавил он минуту спустя. — Наш остров лежит далеко от навигационных путей. Суда появляются здесь не чаще раза в год.

Вдруг он оставил меня, прошел мимо тащивших пуму людей, поднялся вверх по откосу и исчез за изгородью. Еще двое вместе с Монтгомери грузили багаж на низенькую тележку. Лама оставалась на баркасе вместе с кроличьими клетками; собаки были по-прежнему привязаны к скамьям. Нагрузив на тележку не меньше тонны, все трое повезли ее наверх, вслед за клеткой с пумой. Потом Монтгомери оставил их и, вернувшись, протянул мне руку.

— Что касается меня, то я рад, — сказал он. — Капитан настоящий осел. Вам пришлось бы хлебнуть с ним горя.

— Вы еще раз спасли меня, — сказал я.

— Ну, смотря как на это взглянуть! Уверяю вас, остров покажется вам чертовски скучной дырой! На вашем месте я был бы осторожен…

Он… — Монтгомери замялся и не сказал того, что едва не сорвалось у него с языка. — Не будете ли вы так добры помочь мне выгрузить клетки с кроликами?

С кроликами он поступил самым удивительным образом. После того как я, войдя в воду, помог ему перенести клетку на берег, он открыл дверцу и, наклонив ее, вывернул всех зверьков прямо на землю. Кролики грудой барахтались на земле. Он хлопнул в ладоши, и они скачками бросились врассыпную; их было штук пятнадцать или двадцать.

— Плодитесь и размножайтесь, друзья, — проговорил Монтгомери. — Населяйте остров. У нас тут был недостаток в мясе.

Пока я наблюдал за разбегавшимися кроликами, вернулся старик с бутылкой коньяку и несколькими сухарями.

— Вот, подкрепитесь, Прендик, — сказал он уже гораздо дружелюбнее.

Не заставляя себя долго просить, я принялся за сухари, а он помог Монтгомери выпустить на волю еще десятка два кроликов. Но три оставшихся кроличьих клетки и клетку с ламой отнесли наверх, к дому. К коньяку я не притронулся, так как никогда не пил спиртного.

VII
Запертая дверь

Надеюсь, читатель поймет, что на первых порах все окружающее казалось мне до того необычайным и я пережил такие неожиданные приключения, что не мог понять, в чем же здесь самое странное. Я последовал за клеткой с ламой, но меня нагнал Монтгомери и попросил не входить за ограду. Тут я заметил, что пума в клетке и груда багажа также остались за оградой.

Обернувшись, я увидел, что баркас, уже окончательно разгруженный, вытащен на берег и старик идет к нам.

— А теперь нам предстоит решить, как поступить с этим незваным гостем, — обратился он к Монтгомери. — Что с ним делать?

— У него есть некоторые научные познания, — отозвался тот.

— Мне не терпится поскорее приняться за дело, поработать над этим новым материалом, — сказал старик, кивнув головой в сторону ограды. Глаза его заблестели.

— Охотно верю, — угрюмо буркнул Монтго-

мери.

— Мы не можем пустить его туда, а строить для него хижину нет времени. Вместе с тем никак нельзя посвящать его в наше дело.

— Готов вам повиноваться, — сказал я. У меня не было ни малейшего представления о том, что означало «пустить туда».

— Я тоже думал об этом, — сказал Монтгомери. — Но у меня есть комната с наружной дверью…

— Значит, решено, — быстро прервал его старик, пристально глядя на Монтгомери, и мы все трое подошли к ограде.

— Мне очень жаль, что приходится окружать дело такой тайной, мистер Прендик, но не забывайте, что вы здесь незваный гость. Наше маленькое предприятие имеет свой секрет, нечто вроде комнаты Синей Бороды. В сущности, тут нет ничего страшного для человека с крепкими нервами. Но пока мы еще не пригляделись к вам…

— Понятно, — сказал я, — глупо было бы мне обижаться на недоверие.

На его мрачном лице появилась бледная улыбка — он принадлежал к тому суровому типу людей, которые улыбаются одними углами рта, — и он поклонился в знак признательности. Мы

прошли мимо главных ворот. Они были тяжелые, деревянные, окованные железом и запертые на замок. Перед ними были свалены груды багажа с баркаса. В углу ограды оказалась небольшая дверь, которой я раньше не заметил. Старик вынул из кармана своей засаленной синей блузы связку ключей, отпер дверь и вошел. Меня удивило, что даже во время его присутствия на острове все здесь так надежно заперто.

Я последовал за ним и очутился в небольшой комнате, просто, но уютно обставленной. Внутренняя дверь была приоткрыта и выходила на мощеный двор. Эту дверь Монтгомери тотчас же запер. В дальнем углу комнаты висел гамак; маленькое незастекленное окно, забранное железной решеткой, выходило прямо на море.

Старик сказал, что здесь я буду жить и не должен переступать порога внутренней двери, которую он «на всякий случай» запер. Он указал на удобный шезлонг у окна и на множество старых книг, главным образом сочинений по хирургии и изданий классиков на греческом и латинском языках (эти языки я понимал с трудом), стоявших на полке около гамака. Вышел он через наружную дверь, словно не желая больше отворять внутреннюю.

— Обыкновенно мы здесь обедаем, — сказал Монтгомери и вдруг, как будто почувствовав неожиданное сомнение, быстро последовал за ушедшим. — Моро! — окликнул он его.

Сначала я не обратил на эту фамилию никакого внимания. Но, просматривая книги, стоявшие на полке, я невольно стал припоминать: где же раньше я ее слышал?

Я сел у окна, вынул оставшиеся сухари и с аппетитом принялся жевать их. Моро?

Взглянув в окно, я увидел одного из удивительных людей в белом, тащившего ящик с багажом. Вскоре он скрылся из виду. Затем я услышал, как позади меня щелкнул замок. Немного погодя сквозь запертую дверь донеслись шум и возня, поднятые собаками, которых привели с берега. Они не лаяли, а только как-то странно рычали и фыркали. Я слышал быстрый топот их лап и успокаивающий голос Монтгомери.

Таинственность, которой окружили себя эти двое людей, произвела на меня очень сильное впечатление, и я задумался над этим, как и над удивительно знакомой мне фамилией Моро. Но человеческая память так капризна, что я никак не мог припомнить, с чем связана эта известная фамилия. Постепенно я начал думать

о непостижимой странности обезображенного и закутанного в белое человека на берегу. Я никогда не видел такой походки, таких странных телодвижений, как у него, когда он тащил ящик. Я вспомнил, что ни один из этих людей не заговорил со мной, хотя я и видел, что все они по временам посматривали на меня как-то странно, украдкой, а совсем не тем открытым взглядом, какой бывает у настоящих дикарей. Я никак не мог понять, на каком языке они говорили. Все они казались удивительно молчаливыми, а когда говорили, голоса их звучали резко и неприятно. Что же с ними такое? Тут я вспомнил глаза уродливого слуги Монтгомери.

Он вошел как раз в ту минуту, когда я подумал о нем. Теперь он был одет в белое и нес небольшой поднос с кофе и вареными овощами. Я чуть не отскочил, когда он, любезно кланяясь, поставил передо мной на стол поднос.

Изумление сковало меня. Под черными мелкими прядями его волос я увидел ухо. Оно внезапно открылось прямо перед моими глазами. Ухо было остроконечное и покрытое тонкой бурой шерстью!

— Ваш завтрак, сэр, — сказал он.

Я уставился ему прямо в лицо, чувствуя, что не

в силах ответить. Он повернулся и пошел к двери, странно косясь на меня через плечо.

Я проводил его взглядом, и в это же самое время из подсознания в памяти у меня всплыли слова: «Заказы Моро… Или указы?..»

А, вот что! Память перенесла меня на десять лет назад. «Ужасы Моро». Мгновение эта фраза смутно вертелась у меня в голове, но тотчас она предстала передо мной, напечатанная красными буквами на небольшой коричневатой обложке брошюры, которую невозможно было читать без дрожи. Я ясно припомнил все подробности: эта давно забытая брошюра с поразительной яркостью воскресла в памяти. В то время я был еще юношей, а Моро уже перевалило за пятьдесят. Это был выдающийся ученый-физиолог, хорошо известный в научных кругах богатством своего воображения и резкой прямотой взглядов. Был ли это тот самый Моро? Он описал несколько поразительных случаев переливания крови и, кроме того, был известен своими выдающимися трудами о ненормальностях развития организма. Но вдруг его блестящая карьера прервалась. Ему пришлось покинуть Англию. Какой-то журналист пробрался в его лабораторию под видом лаборанта с намерением опубликовать сенсаци-

онные разоблачения. Благодаря поразительной случайности, если только это действительно была случайность, его гнусная брошюрка приобрела громкую известность. Как раз в день ее появления из лаборатории Моро убежала собака с ободранной шкурой, вся искалеченная.

Это было скверное время, и один известный издатель, двоюродный брат мнимого лаборанта Моро, обратился к общественному мнению. Уже не в первый раз общественное мнение восставало против методов экспериментального исследования. Доктор Моро был изгнан из страны. Может быть, он и заслуживал этого, но безразличие других исследователей, отречение от него большинства его собратьев-ученых были все же постыдны. Правда, судя по сообщению журналиста, некоторые из его опытов были бессмысленно жестоки. Быть может, ему удалось бы примириться с обществом, прекратив свои исследования, но он не пошел на это, как сделало бы на его месте большинство людей, испытавших однажды невыразимое счастье заниматься наукой. Он не имел семьи, и ему надо было заботиться только о себе…

Я чувствовал уверенность, что это тот самый Моро. Все указывало на это. И вдруг мне стало

ясно, для чего предназначались пума и другие животные, доставленные вместе с остальным багажом за ограду позади дома. Странный, слабый, смутно знакомый запах, который я до сих пор ощущал только подсознательно, вдруг стал осознанным: это был антисептический запах операционной. Я услыхал за стенкой рычание пумы и визг одной из собак, которую как будто били.

Собственно говоря, для всякого образованного человека в вивисекции нет ничего настолько ужасного, чтобы обставлять ее такой тайной. Но в результате какого-то странного скачка мысли остроконечные уши и светящиеся глаза слуги Монтгомери снова ярко представились мне. Я смотрел на зеленую морскую даль, расстилавшуюся перед моими глазами, на волны, пенившиеся под напором свежего ветерка, и странные воспоминания последних дней одно за другим мелькали в моей голове.

Что же все это значит? Эта глухая ограда на пустынном острове, этот известный вивисектор, эти искалеченные и обезображенные люди?..

VIII
Крик пумы

Около часу дня мои размышления были прерваны приходом Монтгомери. Его странный слуга следовал за ним, неся на подносе хлеб, какие-то овощи и другую еду, а также бутылку виски, кувшин воды, три стакана и три ножа. Я искоса посмотрел на это удивительное существо и увидел, что оно тоже наблюдает за мной своими странными бегающими глазами. Монтгомери объявил, что будет завтракать вместе со мной, а Моро слишком занят, чтобы присоединиться к нам.

— Моро? — сказал я. — Мне знакома эта фамилия.

— Черт побери! — воскликнул он. — И что я за осёл, зачем я вам это сказал! Мог бы раньше подумать. Ну да все равно, это послужит вам намеком на разъяснение наших тайн. Не хотите ли виски?

— Нет, спасибо, я не пью.

— Хотел бы я быть на вашем месте! Но бесполезно жалеть о невозможном. Это проклятое виски

и привело меня сюда. Оно и одна туманная ночь. И я счел еще за счастье, когда Моро предложил взять меня с собой. Странное дело…

— Монтгомери, — прервал я его, как только закрылась наружная дверь, — отчего у вашего слуги остроконечные уши?

— Черт побери! — выругался он с набитым ртом и с минуту изумленно смотрел на меня. — Остроконечные уши?

— Да, остроконечные, — повторил я возможно спокойнее, но со стесненным дыханием, — и поросшие шерстью.

Он преспокойно принялся смешивать виски с водой.

— Мне всегда казалось, что уши его не видны из-под волос.

— Я увидел их, когда он нагнулся, чтобы поставить на стол кофе. И глаза у него светятся в темноте.

Монтгомери уже пришел в себя от неожиданности.

— Я и сам замечал, — спокойно сказал он, слегка шепелявя, — что у него с ушами действительно что-то неладно, у него такая странная манера тщательно прикрывать их волосами. Как же они выглядели?

Я был уверен, что он просто притворяется, но не мог уличить его во лжи.

— Они остроконечные, — повторил я, — маленькие и покрытые шерстью, несомненно покрытые шерстью. Да и весь он самое странное существо, какое я когда-либо видел.

Резкий, хриплый звериный крик, полный страдания, донесся до нас из-за ограды. По его ярости и силе можно было догадаться, что это кричит пума. Я заметил, как Монтгомери вздрогнул.

— Да? — сказал он вопросительно.

— Откуда вы его взяли?

— Он из… Сан-Франциско. Действительно, он безобразен. Какой-то полупомешанный. Не могу хорошенько припомнить, откуда он. Но я привык к нему. Мы оба привыкли друг к другу. Чем же он так поразил вас?

— Он весь как бы противоестественный, — сказал я. — В нем есть что-то особенное… Не примите меня за сумасшедшего, но близость его возбуждает во мне дрожь омерзения, как прикосновение чего-то нечистого. В нем, право, есть что-то дьявольское.

Слушая меня, Монтгомери перестал есть.

— Ерунда, — сказал он. — Я этого не замечал.

Он снова принялся за еду.

— Мне это и в голову не приходило, — проговорил он, прожевывая кусок. — По-видимому, матросы на шхуне чувствовали то же самое… И травили же они беднягу!.. Вы сами видели, как капитан…

Снова раздался крик пумы, на этот раз еще более страдальческий. Монтгомери выругался. Я уже почти решился спросить у него о людях, виденных мною на берегу. Но тут бедное животное начало испускать один за другим резкие, пронзительные крики.

— А ваши люди на берегу, — все же спросил я его, — к какой расе они принадлежат?

— Недурные молодцы, правда? — рассеянно ответил он, хмуря брови при каждом новом крике животного.

Я замолчал. Снова раздался крик, еще отчаяннее прежних. Он посмотрел на меня своими мрачными серыми глазами, подлил себе еще виски, попытался завязать разговор об алкоголе и стал уверять, что им он спас мне жизнь. Казалось, ему хотелось подчеркнуть, что я обязан ему жизнью. Я отвечал рассеянно. Завтрак наш скоро кончился. Урод с остроконечными ушами убрал со стола, и Монтгомери снова оставил меня одного. Завтракая со мной, он все время был

в состоянии плохо скрываемого раздражения от криков подвергнутой вивисекции пумы. Он жаловался, что нервы у него шалят, и в этом не приходилось сомневаться.

Я сам чувствовал, что эти крики и меня необычайно раздражают. В течение дня они становились все громче. Их было мучительно слышать, и в конце концов я потерял душевное равновесие. Я отбросил перевод Горация, который пробовал читать, и принялся, сжимая кулаки и кусая губы, шагать по комнате.

Потом я стал затыкать себе уши пальцами.

Но крики становились все нестерпимее. Наконец в них зазвучало такое предельное страдание, что я почувствовал себя не в силах оставаться в комнате. Я вышел на воздух, в дремотный жар полуденного солнца, и, пройдя мимо главных ворот, по-прежнему запертых, повернул за угол ограды.

На воздухе крики звучали еще громче. Казалось, будто в них сосредоточилось все страдание мира. Все же, думается мне (а я с тех пор не раз думал об этом), знай я, что в соседней комнате кто-нибудь страдает точно так же, но молча, я отнесся бы к этому гораздо спокойнее. Но когда страдание обретает голос и заставляет трепетать

наши нервы, тогда душу переполняет жалость. Несмотря на яркое солнце и зеленые веера колеблемых морским ветром пальм, весь мир казался мне мрачным хаосом, полным черных и кровавых призраков, до тех пор пока я не отошел далеко от дома с каменной оградой.

IX
Встреча в лесу

Я пробирался через кустарник, покрывавший холм за домом, почти не разбирая дороги. Миновав густую купу прямоствольных деревьев, я очутился на противоположном склоне холма, у подножия которого по узкой долине бежал ручей. Я остановился и прислушался. То ли за дальностью расстояния, то ли из-за густоты леса, но ужасные звуки больше не долетали до меня. Вокруг было тихо. Но вот из кустов выскочил кролик и бросился со всех ног вниз по склону холма. Постояв немного, я уселся в тени на опушке.

Место было красивое. Ручейка совсем не было видно за пышной растительностью, покрывавшей его берега, и только в одном месте треугольником блестела гладь воды. На другом его берегу в синеватой дымке виднелась густая чаща деревьев и ползучих растений, а над ними сияло ясное голубое небо. Тут и там были разбросаны белые и малиновые пятна каких-то цветов. Некоторое время взгляд мой блуждал вокруг, но затем мысли снова вернулись к странностям

слуги Монтгомери. Однако было слишком жарко для напряженных размышлений, и скоро я впал в какое-то дремотное состояние, нечто среднее между сном и бодрствованием.

Не знаю, сколько прошло времени, как вдруг меня разбудил легкий шорох на другой стороне ручья. Сначала я увидел только колеблющиеся верхушки папоротников и тростников. Потом на берегу показалось какое-то существо, но что это было, я не мог сразу рассмотреть. Оно нагнуло голову и принялось пить. Тут только я увидел, что это человек, но человек, ходящий на четвереньках, как животное!

Он был в голубоватой одежде, волосы у него были черные, а тело и лицо — медно-красного цвета. По-видимому, необычайное безобразие было общей чертой всех обитателей этого острова. Я слышал, как он шумно лакал воду.

Я наклонился вперед, чтобы получше его рассмотреть. Кусочек лавы, задетый моей рукой, покатился вниз по откосу. Человек с виноватым видом поднял голову, и глаза наши встретились. Он тотчас вскочил на ноги и некоторое время стоял на месте, вытирая рот неуклюжей рукой и глядя на меня. Ноги у него были почти в два раза короче его туловища. Так оставались мы,

может быть, с минуту, в смущении разглядывая друг друга. Затем, несколько раз оглянувшись на меня, он исчез в кустах справа, и шелест листьев постепенно затих вдали. Еще долго после того, как он скрылся, я продолжал сидеть, глядя ему вслед. Сонливость мою как рукой сняло.

Я вздрогнул от шума, раздавшегося позади меня, и, быстро обернувшись, увидел белый хвост кролика, мелькнувший на вершине холма. Я вскочил на ноги.

Появление страшного полузвериного существа доказывало, что лес, пустынный с виду, обитаем. Я с беспокойством осмотрелся вокруг, жалея, что у меня нет оружия. Тут мне пришла в голову мысль, что виденный мной человек был в синей одежде, а не нагой, как подобает настоящему дикарю, и я стал убеждать себя, что, по всей вероятности, он был мирный и свирепость его была только кажущейся.

Но все же его появление очень меня встревожило. Я пошел влево по склону холма, глядя по сторонам меж прямых древесных стволов. Почему этот человек ходил на четвереньках и лакал воду прямо из ручья? Тут я снова услыхал звериный вой и, полагая, что это кричит пума, повернулся и пошел в противоположном направ-

лении. Дорога привела меня к ручью, перейдя который я продолжал пробиваться сквозь кустарник.

Ярко-красное пятно на земле привлекло к себе мое внимание, и, подойдя ближе, я увидел, что это был необычайного вида гриб, очень причудливый и сморщенный, похожий на листовидный лишайник. При первом же прикосновении он расплылся в водянистую слизь. Дальше под тенью роскошных папоротников я увидел неприятную картину: труп кролика, весь облепленный золотистыми мухами, еще теплый, с оторванной головой. Я остановился, пораженный видом крови. На острове погиб насильственной смертью один из его обитателей!

На трупе не было никаких других следов. Казалось, кролик был внезапно схвачен и убит. Глядя на его мягкое, пушистое тельце, я невольно задал себе вопрос: как это могло случиться? Ощущение смутного страха, вызванное нечеловеческим лицом существа, пившего из ручья, стало теперь определеннее. Я почувствовал, как опасно для меня оставаться здесь, среди этих непонятных людей. Весь лес сразу словно преобразился. Каждый темный уголок казался засадой, каждый шорох — опасностью. Мне казалось, что какие-то

незримые существа подстерегают меня всюду.

Я решил, что пора возвращаться. Быстро повернувшись, я стремительно, почти исступленно кинулся сквозь кустарник, мечтая как можно скорей выбраться на открытое место.

Я остановился перед большой поляной. Собственно говоря, это была своего рода просека. Молодые деревца уже начинали завоевывать свободное пространство, а за ними снова сплошной стеной стояли стволы, переплетенные лианами, покрытые грибами и разноцветными лишайниками. Передо мной, на полусгнившем стволе упавшего дерева, еще не замечая моего приближения, сидели, поджав ноги, три странных человеческих существа. Очевидно, одна женщина и двое мужчин. Они были совершенно нагие, если не считать куска красной материи на бедрах. Кожа у них была розоватая, какой я еще не видел ни у одного дикаря. Их толстые лица были лишены подбородка, лоб выдавался вперед, а головы покрывали редкие щетинистые волосы. Никогда еще я не встречал таких звероподобных существ.

Они разговаривали между собой, или, вернее, один из них говорил, обращаясь к двум другим, но все трое были так увлечены, что никто не

услышал моих шагов. Они трясли головами и раскачивались из стороны в сторону. Слова звучали так быстро и невнятно, что хотя я хорошо слышал их, но ничего не мог понять. Казалось, говоривший нес какую-то невероятную околесицу. Скоро звук его голоса стал протяжней, и, размахивая руками, он вскочил на ноги.

Остальные двое тоже встали и, размахивая руками, принялись вторить ему, раскачиваясь в такт пению. Я заметил, что у них ненормально короткие ноги и тонкие неуклюжие ступни. Все трое теперь медленно кружились, притопывая и размахивая руками; в их ритмической скороговорке можно было разобрать мотив с повторявшимся припевом вроде «алула» или «балула». Глаза их заблестели, уродливые лица озарились странной радостью. Слюна текла из безгубых ртов.

И тут, наблюдая их смешные и непостижимые движения, я ясно понял, что́, собственно, так неприятно поражало меня и рождало во мне противоречивое впечатление чего-то необычного и вместе с тем странно знакомого. Эти три существа, поглощенные своим таинственным обрядом, имели человеческий образ, но он странным образом сочетался со знакомым звериным

обликом. Несмотря на свою человеческую внешность, на набедренные повязки и на все их грубое человекоподобие, каждый из них был отмечен печатью чего-то животного, в их движениях, во взглядах, во всем облике сквозило сходство со свиньями.

Я стоял, пораженный, и самые ужасные вопросы вихрем завертелись у меня в голове. Странные создания одно за другим начали подпрыгивать высоко в воздухе, визжа и хрюкая. Одно из них поскользнулось и встало на четвереньки лишь на миг, прежде чем снова подняться на ноги. Но и в столь коротком проблеске животного инстинкта я увидел всю его сущность.

Я бесшумно повернулся и, весь цепенея от ужаса при мысли, что треск сучка или шелест листьев может выдать меня, бросился обратно в кустарник. Прошло много времени, прежде чем я осмелел и пошел с меньшими предосторожностями.

В эту минуту единственной моей мыслью было уйти подальше от безобразных существ, и я не заметил, как вышел на еле заметную тропинку, которая вилась среди деревьев. И вдруг, пересекая небольшую поляну, я вздрогнул, увидев между стволами чьи-то ноги, которые бесшумно

двигались параллельно мне на расстоянии около тридцати ярдов. Голова и туловище были скрыты густой листвой. Я сразу остановился, надеясь, что неизвестное существо не заметит меня. Но в то же мгновение остановились и ноги. Я был так встревожен, что с величайшим трудом поборол в себе неодолимое желание бежать очертя голову.

Вглядевшись в зеленую путаницу ветвей, я различил голову и туловище того самого существа, которое пило из ручья. Оно взглянуло на меня, и глаза его сверкнули из полумрака зеленоватым огоньком, который погас, как только оно отвернулось. С минуту оно стояло неподвижно, а потом снова бесшумно пустилось бежать сквозь заросли кустов и деревьев. Вскоре оно исчезло среди каких-то растений. Я больше не видел его, но чувствовал, что оно остановилось и следит за мной.

Что же это было такое — человек или животное? Чего хотело оно от меня? Я был совершенно безоружен, даже палки у меня не было. Бежать не имело смысла. Во всяком случае, это существо не осмеливалось напасть на меня. Стиснув зубы, я пошел прямо на него. Я старался не выказывать страха, от которого у меня по спине бегали мурашки. Пробравшись сквозь цветущие белые

кусты, я увидел его шагах в двадцати от себя, — он нерешительно оглядывался через плечо. Я подошел еще на несколько шагов, упорно глядя ему в глаза.

— Кто ты? — спросил я.

Он тоже старался посмотреть мне в глаза.

— Нет, — вдруг сказал он и прыжками скрылся в кустарнике. Потом, остановившись, снова стал смотреть на меня. Его глаза сверкали среди густых ветвей.

Душа моя ушла в пятки, но я чувствовал, что единственное мое спасение в смелости, и продолжал идти прямо на него. Он обернулся еще раз и исчез в чаще. Мне почудилось, что его глаза снова сверкнули, и это было все.

Только теперь я сообразил, что уже поздно и мне опасно оставаться в лесу. Солнце только что зашло, быстрые тропические сумерки уже серели на востоке, и первая ночная бабочка бесшумно порхала над моей головой. Чтобы не остаться на ночь в лесу, среди неведомых опасностей, я должен был спешить назад.

Мысль о возвращении в эту обитель страдания была очень неприятна, но еще неприятней было бы остаться в темноте, полной всяких неожиданностей. Я снова взглянул в синеватые сумерки,

поглотившие это странное существо, и повернул назад, вниз по склону, к ручью, двигаясь, как я полагал, в ту же сторону, откуда пришел.

Я быстро шагал вперед, ошеломленный всем происшедшим, и вскоре очутился на открытом месте, лишь кое-где поросшем деревьями. Прозрачная ясность неба, наступающая после заката солнца, уже сменялась темнотой. Небо темнело с каждой минутой, и звезды загорались одна за другой. Просветы меж деревьями, прогалины в лесной чаще, казавшиеся в ярком свете дня голубоватыми, становились теперь черными и таинственными.

Я шел вперед. Все кругом померкло. Черные верхушки деревьев вырисовывались на светлом фоне неба, а внизу все сливалось в бесформенную массу. Вскоре деревья поредели, а кустарник стал еще гуще. Потом он сменился унылым пространством, покрытым белым песком, а дальше стеной встала новая чаща.

Меня все время тревожил слабый шорох, раздававшийся справа. Сначала я решил, что это мне только чудится, так как стоило мне остановиться — и тотчас же наступала полнейшая тишина, нарушаемая лишь шелестом вечернего ветерка. Но как только я продолжал путь, моим шагам

вторили еще чьи-то шаги.

Я удалился от чащи, держась поближе к открытым местам и делая время от времени неожиданные повороты, чтобы захватить врасплох своего преследователя, если только он существовал. Я не видел ничего подозрительного, и все же ощущение чьего-то присутствия становилось все сильней. Я ускорил шаги, добрался до невысокого холма, перевалил через него и круто повернул в обратную сторону, не спуская, однако, с него глаз. Холм ясно вырисовывался на темневшем фоне неба.

Вскоре на этом фоне мелькнула какая-то бесформенная тень и сразу исчезла. Теперь я был уверен, что темнокожее существо снова крадется за мной. И к тому же я сделал еще одно печальное открытие: не было сомнения, что я заблудился.

Некоторое время я продолжал идти вперед, совершенно упавший духом, преследуемый своим тайным врагом. Кто бы он ни был, но у него не хватало смелости напасть на меня, а может быть, он просто выжидал благоприятного случая. Я упорно избегал леса. По временам я останавливался, прислушивался и вскоре почти убедил себя, что мой преследователь отстал или же вообще существовал только в моем расстроенном

воображении. Тут я услышал шум моря. Я пошел быстро, почти побежал, и сразу же услышал, как позади меня кто-то споткнулся.

Мгновенно повернувшись, я пристально оглядел темневшие позади деревья. Одна черная тень, казалось, слилась с другой. Я прислушался, весь цепенея от страха, но услышал только, как кровь стучит у меня в висках. Решив, что нервы мои расстроены и слух обманывает меня, я снова решительно направился к морю.

Через несколько минут деревья поредели, и я вышел на голый низкий мыс, омываемый темной водой. Ночь была тихая и ясная, свет звезд отражался в гладкой поверхности моря. В некотором отдалении, на неровно выступавшей гряде камней, вода слабо светилась. На западе зодиакальный свет сливался с желтоватым светом вечерней звезды. Берег тянулся далеко на восток, а с запада его скрывал мыс. Я сообразил, что дом Моро где-то западнее.

Позади меня треснул сучок и послышался шорох. Я обернулся и стал глядеть на темную стену деревьев. Видеть я ничего не мог или, вернее, видел слишком много. Каждая тень имела какую-то своеобразную форму, казалась настороженным живым существом; я постоял так с минуту, а

потом, все время оглядываясь на деревья, пошел к западу, чтобы пересечь мыс. Как только я двинулся с места, одна из теней зашевелилась и последовала за мной.

Сердце мое быстро забилось. Вскоре на западе показалась большая бухта, и я снова остановился. Бесшумная тень тоже остановилась в десятке шагов от меня. Маленькая светящаяся точка виднелась в дальнем конце бухты, весь серый песчаный берег был слабо освещен звездным светом. Огонек горел примерно в двух милях от меня. Чтобы снова выйти на берег, я должен был пересечь лес, полный жутких теней, и спуститься по поросшему кустарником склону.

Теперь я мог яснее разглядеть своего преследователя. Это не был зверь, так как он стоял на двух ногах. Я раскрыл рот, чтобы заговорить, но судорога свела мне горло. Сделав над собой усилие, я крикнул:

— Кто там?

Ответа не было. Я сделал шаг вперед. Он не двигался и только как будто насторожился. Я споткнулся о камень.

Это навело меня на удачную мысль. Не спуская глаз с темной фигуры, я нагнулся и поднял большой валун. Увидя мое движение, темная фигура

быстро шарахнулась в сторону, как это делают собаки, и скрылась в темноте. Я вспомнил, как в школе мы отбивались от больших собак, обернул камень носовым платком, а платок обвязал вокруг кисти. В темноте послышался шорох, как будто мой преследователь отступал. Моя решимость сразу пропала. При виде убегавшего противника я вздрогнул и покрылся испариной.

Прошло некоторое время, прежде чем я собрался с духом и, пройдя через деревья и кусты, спустился вниз, к берегу, по другую сторону мыса. Я бежал бегом и, выйдя из чащи на берег, тотчас же услыхал, что кто-то с треском следует за мной.

Совсем потеряв голову от страха, я пустился бежать по берегу. Позади раздался быстрый глухой топот. Я испустил дикий крик и побежал быстрее. Какие-то темные существа раза в три-четыре крупней кролика, вспугнутые мной, скачками промчались мимо меня в кусты. Никогда в жизни не забуду я этой ужасной погони. Я бежал у самой воды и по временам слышал топот, настигавший меня. Далеко, безнадежно далеко горел желтый огонек. Вокруг было темно и тихо. Лишь топот слышался все ближе и ближе. За последнее время я сильно ослабел и теперь дышал со свистом, а в

боку у меня так кололо, как будто туда вонзили нож. Я видел, что преследователь настигнет меня гораздо раньше, чем я успею добежать до ограды. В отчаянии, задыхаясь, я резко обернулся и, как только он приблизился ко мне, изо всех сил ударил его. При этом камень вылетел из платка, как из пращи.

Когда я повернулся, мой преследователь, бежавший на четвереньках, вскочил, и камень угодил ему прямо в левый висок. Послышался громкий удар, человек-зверь пошатнулся, оттолкнул меня и упал на песок, лицом прямо в воду. Там он остался лежать неподвижно.

Я не мог заставить себя приблизиться к этой черной массе. Там я и оставил его, около плещущей воды, под тихим светом мерцающих звезд, и, далеко обойдя это место, продолжал путь к желтому огоньку. С чувством глубокого облегчения я вскоре услыхал жалобный вой пумы, тот самый вой, который заставил меня уйти бродить по таинственному острову. И несмотря на всю свою слабость, я собрал последние силы и пустился бежать на свет. Мне показалось, что чей-то голос зовет меня во мраке.

X
Человеческий крик

Приблизившись к дому, я увидел, что свет идет из открытой двери моей комнаты, и тотчас же где-то рядом, в темноте, послышался оклик Монтгомери:

— Прендик!

Я продолжал бежать. Оклик послышался снова. Я отозвался слабым голосом:

— Эй! — и в следующее мгновение, шатаясь, очутился возле него.

— Где вы были? — спросил он, отстраняя меня рукой, так что свет, падавший из двери, бил мне прямо в лицо. — Мы оба были так заняты, что вспомнили о вас только полчаса назад.

Он ввел меня в комнату и усадил в шезлонг. Ослепленный светом, я ничего не видел.

— Мы никак не думали, что вы пойдете бродить по острову, не предупредив нас, — сказал он. — Я беспокоился. Но… что такое?.. — Последние силы оставили меня, голова моя упала на грудь. Он заставил меня выпить коньяку, вероятно не без торжества.

— Ради бога, заприте дверь! — сказал я.

— Вероятно, вы встретились с какой-нибудь из наших достопримечательностей? — спросил он.

Заперев дверь, он снова повернулся ко мне. Он не задавал мне больше вопросов, но влил мне в рот еще коньяку с водой и заставил меня поесть. Я был в изнеможении. Он пробормотал, что забыл предупредить меня, и только тогда расспросил, когда я ушел из дому и что видел. Я коротко, отрывочными фразами отвечал ему.

— Скажите мне, что все это значит? — спросил я, едва владея собой.

— Ничего особенного, — ответил он. — Но, я думаю, с вас достаточно на сегодня.

Вдруг раздался раздирающий душу крик пумы. Монтгомери тихо выругался.

— Провалиться мне, если это место не такое же скверное, как Гауэр-стрит со своими котами.

— Монтгомери, что это за существо преследовало меня? — спросил я. — Был ли это зверь или человек?

— Если вы сейчас же не ляжете спать, — сказал он вместо ответа, — то к утру совсем сойдете с ума.

Я встал и подошел к нему вплотную.

— Что это было за существо? — повторил я.

Он посмотрел мне прямо в глаза и скривил рот. Взгляд его, минуту назад такой оживленный, вдруг потускнел.

— Судя по вашему рассказу, — сказал он, — это, вероятно, был призрак.

Меня охватило внезапное раздражение, которое, однако, исчезло так же быстро, как и возникло.

Я снова опустился в шезлонг и сжал голову руками. Пума опять принялась выть.

Монтгомери подошел ко мне сзади и положил мне руку на плечо.

— Послушайте, Прендик, — сказал он. — У меня не было ни малейшего желания брать вас на этот остров. Но все это не так страшно, как вам кажется, дружище. Просто нервы у вас совсем сдали. Послушайтесь меня и примите снотворное. Это… будет продолжаться еще несколько часов. Вы непременно должны заснуть, иначе я ни за что не ручаюсь.

Я не отвечал. Понурившись, я закрыл лицо руками. Он ушел и вскоре вернулся с маленькой склянкой, наполненной какой-то темной жидкостью. Он дал мне ее выпить. Я беспрекословно проглотил жидкость, и он помог мне лечь в гамак.

Когда я проснулся, было уже совсем светло. Некоторое время я лежал, уставившись в потолок. Я обнаружил, что балки сделаны из корабельных шпангоутов. Повернув голову, я увидел, что на столе стоит завтрак. Я почувствовал голод и хотел было вылезти из гамака, но гамак предупредил мое намерение, перевернулся и вывалил меня на пол. Я упал на четвереньки и с трудом встал на ноги.

Потом я уселся за стол. Голова была тяжелая, в памяти мелькали смутные воспоминания о вчерашнем. Утренний ветерок задувал в незастекленное окно, и, завтракая, я испытывал приятное физическое удовлетворение. Вдруг внутренняя дверь, которая вела во двор, открылась. Я обернулся и увидел Монтгомери.

— Все в порядке? — спросил он. — Я страшно занят.

Он тотчас же захлопнул дверь, но немного погодя я заметил, что он забыл ее запереть.

Мне невольно припомнилось вчерашнее выражение его лица, а вместе с ним и все происшедшее. Вспоминая пережитые ужасы, я услышал крик. Теперь это уже не был крик пумы.

Не донеся куска до рта, я прислушался. Вокруг царила тишина, прерываемая лишь шелестом

ветра. Я подумал, что это мне только послышалось.

Просидев так довольно долго, я снова принялся за еду, все еще прислушиваясь. Через некоторое время донесся новый крик, тихий и слабый. Я так и замер на месте. Этот крик потряс меня сильнее, чем все вопли, слышанные мною здесь. На этот раз я не мог ошибиться, я не сомневался, что́ это были за слабые, дрожащие звуки: это были стоны, прерываемые рыданиями и мучительными вздохами. Это стонало уже не животное. Это были стоны терзаемого человеческого существа.

Поняв это, я вскочил на ноги и в три прыжка очутился у противоположной стены, схватился за ручку внутренней двери и широко распахнул ее.

— Прендик, стойте! — крикнул внезапно появившийся передо мной Монтгомери.

Залаяла и зарычала испуганная собака. В тазике, стоявшем у порога, была кровь, темная, с ярко-красными пятнами, и я почувствовал своеобразный запах карболки. Сквозь открытую дверь в неясной полутьме я увидел нечто привязанное к какому-то станку, все изрезанное, окровавленное и забинтованное. А потом все это заслонила седая и страшная голова старого Моро.

В одно мгновение он схватил меня за плечо

своей окровавленной рукой и легко, как ребенка, швырнул обратно в комнату. Я растянулся на полу, дверь захлопнулась и скрыла от меня его гневное лицо. Я услышал, как ключ повернулся в замке, а затем раздался укоризненный возглас Монтгомери.

— Мог испортить дело всей моей жизни, — услышал я голос Моро.

— Он не понимает, в чем дело, — сказал Монтгомери и добавил еще что-то, чего я не расслышал.

— Но у меня пока нет времени, — произнес Моро.

Остальное я опять не разобрал. Я встал на ноги и стоял, весь дрожа, полный самых страшных подозрений. «Возможен ли такой ужас, как вивисекция человека?» — подумал я. Эта мысль сверкнула как молния. И в моем затуманенном страхом мозгу возникло сознание страшной опасности.

XI
Охота за человеком

У меня мелькнула безрассудная надежда на спасение, когда я подумал, что наружная дверь моей комнаты еще открыта. Я теперь не сомневался, я был совершенно уверен, что Моро подвергал вивисекции людей. С той самой минуты, как я услышал его фамилию, я старался связать странную звероподобность островитян с его омерзительными делами. Теперь, как мне казалось, я все понял. Мне припомнился его труд по переливанию крови. Существа, виденные мною, были жертвами каких-то чудовищных опытов!

Эти негодяи хотели успокоить меня, одурачить своим доверием, чтобы потом схватить и подвергнуть участи ужаснее самой смерти — пыткам, а затем самой гнусной и унизительной участи, какую только возможно себе представить, — присоединить меня к своему нелепому Комусову стаду. Я оглянулся в поисках какого-нибудь оружия. Но ничего подходящего не было. Тогда, как бы по наитию свыше, я перевернул шезлонг и, наступив на него ногой, оторвал ножку. Вместе

с деревом оторвался и гвоздь, который сделал несколько грознее эту жалкую палицу. Я услышал приближавшиеся шаги, резко распахнул дверь и увидел совсем рядом Монтгомери. Он собирался запереть наружную дверь.

Я занес свое оружие, намереваясь ударить его прямо в лицо, но он отскочил. Поколебавшись, я повернулся и бросился за угол дома.

— Прендик, стойте! — услышал я его удивленное восклицание. — Не будьте ослом!

«Еще минута, — подумал я, — и он бы запер меня, как кролика, чтобы подвергнуть вивисекции». Он показался из-за угла, и я снова услышал его оклик:

— Прендик!

Он бросился бежать за мной, не переставая кричать что-то мне вслед.

На этот раз я наудачу пустился к северо-востоку, перпендикулярно вчерашнему направлению. Стремглав мчась по берегу, я оглянулся и увидел, что с Монтгомери был и его слуга. Я взбежал на склон и повернул к востоку вдоль долины, с обеих сторон поросшей тростником. Я пробежал так около мили, выбиваясь из сил и слыша, как в груди у меня колотится сердце. Но, убедившись, что ни Монтгомери, ни его слуга более не пре-

следуют меня, и изнемогая от усталости, круто повернул назад, туда, где, по моему предположению, был берег, а потом кинулся на землю в тени тростников.

Я долго лежал там, не смея шевельнуться и боясь даже подумать о дальнейших действиях. Дикий остров неподвижно расстилался под знойными лучами солнца, и я слышал лишь тонкое пение слетавшихся ко мне комаров. Рядом раздавался однообразный, усыпляющий плеск воды — это шумел прибой.

Около часу спустя я услышал голос Монтгомери, звавшего меня где-то далеко на севере. Это побудило меня подумать о том, как быть дальше. На острове, размышлял я, живут только эти два вивисектора и их принявшие звериный облик жертвы. Некоторых они могут, без сомнения, натравить на меня, если им это понадобится. Моро и Монтгомери оба вооружены револьверами, я же, не считая этого жалкого куска дерева с небольшим гвоздем на конце, совершенно безоружен.

Я лежал до тех пор, пока меня не начали мучить голод и жажда. Тогда я по-настоящему осознал всю безвыходность своего положения. Я понятия не имел, как раздобыть пищу: я был слишком несведущ в ботанике, чтобы отыскать какие-

нибудь съедобные коренья или плоды. Мне не из чего было сделать западню, чтобы поймать какого-нибудь из немногочисленных кроликов, бегавших по острову. Чем больше я обдумывал свое положение, тем яснее становилось мне, что выхода нет. Наконец, охваченный отчаянием, я подумал о тех звероподобных людях, которых видел в лесу. Вспоминая их, я старался найти хоть проблеск надежды. Я поочередно перебирал каждого в памяти, соображая, не может ли кто-нибудь из них оказать мне помощь.

Вдруг послышался собачий лай, предупреждавший о новой опасности. Недолго думая, иначе меня нашли бы сразу, я схватил палку с гвоздем и стремглав кинулся на шум прибоя. Помню колючие кусты, шипы которых вонзались в меня, как иглы; я вырвался весь окровавленный, в лохмотьях и выбежал прямо к маленькой бухте на севере острова. Не колеблясь я вошел в воду и, перейдя вброд бухту, очутился по колена в неглубокой речке. Выбравшись наконец на западный берег и чувствуя, как колотится у меня в груди сердце, я заполз в густые папоротники, ожидая конца. Я услышал, как собака — она была только одна — залаяла около колючих кустов. Больше я ничего не слышал и решил, что ушел от погони.

Проходили минуты, но ничто не нарушало больше тишину. После часа спокойствия мужество стало возвращаться ко мне.

Теперь я уже не испытывал ни страха, ни отчаяния. Я как бы переступил пределы того и другого. Я понимал, что погиб безвозвратно, и эта уверенность делала меня способным на все. Мне даже хотелось встретиться с Моро лицом к лицу. Речка, которую я перешел вброд, напомнила мне, что если дело дойдет до крайности, то у меня всегда останется спасение от пыток: они не смогут помешать мне утопиться. Я уже готов был решиться на это, но какое-то непонятное желание увидеть все до конца, какой-то странный интерес наблюдателя удержал меня. Я расправил усталые и израненные колючками члены и огляделся. Вдруг неожиданно из зеленых зарослей высунулось черное лицо и уставилось на меня.

Я узнал обезьяноподобное существо, которое встречало на берегу баркас. Оно висело теперь на склоненном стволе пальмы. Я схватил палку и встал, пристально глядя на него. Он принялся что-то бормотать.

— Ты, ты, ты, — вот и все, что я мог сначала разобрать.

Внезапно он соскочил с дерева и, раздвинув

папоротники, стал с любопытством смотреть на меня.

Я не чувствовал к этому существу того отвращения, которое испытывал при встречах с остальными людьми-животными.

— Ты, — сказал он, — из лодки.

Все-таки это был человек: как и слуга Монтгомери, он умел говорить.

— Да, — сказал я. — Я приплыл в лодке с корабля.

— О! — сказал он, и его блестящие бегающие глаза стали ощупывать меня, мои руки, палку, которую я держал, ноги, лохмотья одежды, порезы и царапины, нанесенные колючками. Он был, казалось, чем-то удивлен. Глаза его снова устремились на мои руки. Он вытянул свою руку и стал медленно считать пальцы.

— Один, два, три, четыре, пять — да?

Я не понял, что он хотел этим сказать. Впоследствии я узнал, что у большинства этих звероподобных людей были уродливые руки, которым недоставало иногда целых трех пальцев. Думая, что это своего рода приветствие, я проделал то же самое. Он радостно оскалил зубы. Затем его беспокойные глаза снова забегали. Он сделал быстрое движение и исчез. Папоротники,

где он стоял, с шелестом сомкнулись.

Я вышел вслед за ним из зарослей и, к своему удивлению, увидел, что он раскачивается на одной тонкой руке, уцепившись за петлистую лиану, которая спускалась с дерева. Он висел ко мне спиной.

— Эй! — сказал я.

Он быстро спрыгнул и повернулся ко мне.

— Послушай, — сказал я, — где бы мне достать поесть?

— Поесть? — повторил он. — Мы должны есть как люди. — Он снова посмотрел на свои зеленые качели. — В хижинах.

— Но где же хижины?

— О!

— Я здесь в первый раз.

Он повернулся и быстро пошел прочь. Все движения его были удивительно проворны.

— Иди за мной, — сказал он.

Я пошел, чтобы узнать все до конца.

Я догадывался, что хижины — это какие-нибудь первобытные жилища, где он обитает вместе с другими. Быть может, они окажутся миролюбивыми, быть может, я сумею с ними договориться. Я еще и не подозревал, насколько они были лишены тех человеческих качеств, которыми я их

наделил.

Мой обезьяноподобный спутник семенил рядом со мной; руки его висели, челюсть сильно выдавалась вперед. Мне было любопытно узнать, насколько в нем сохранились воспоминания о прошлом.

— Давно ты на этом острове? — спросил я его.

— Давно? — переспросил он.

И при этом поднял три пальца. По-видимому, он был почти идиот. Я попытался выяснить, что он хотел сказать, но, очевидно, ему это надоело. После нескольких вопросов он вдруг бросил меня и полез за каким-то плодом на дерево. Потом сорвал целую пригоршню колючих орехов и принялся их грызть. Я обрадовался: это была хоть какая-то еда. Я попробовал задать ему еще несколько вопросов, но он тараторил в ответ что-то невпопад. Лишь немногие его слова имели смысл, остальное же было словно заучено попугаем. Я был так поглощен всем этим, что почти не замечал дороги. Скоро мы очутились среди каких-то деревьев, черных и обугленных, а потом вышли на голое место, покрытое желтовато-белой корой. По земле стлался дым, щипавший мне нос и глаза своими едкими клубами. Справа за голой, каменистой возвышенностью видне-

лась гладкая поверхность моря. Извивавшаяся тропинка вдруг свернула вниз, в узкую лощину между двумя бесформенными грудами шлака. Мы спустились туда.

Лощина казалась особенно темной после ослепительного солнечного света, игравшего на усыпанной кусками серы желтой поверхности. Склоны становились все круче и сближались между собой. Красные и зеленые пятна запрыгали у меня перед глазами. Вдруг мой проводник остановился.

— Дом, — сказал он, и я очутился перед пещерой, которая сначала показалась мне совершенно темной.

Я услышал странные звуки и, чтобы лучше видеть, стал левой рукой протирать глаза. До меня доносился какой-то неприятный запах, какой бывает в плохо вычищенных обезьяньих клетках. Дальше, за расступившимися скалами, виднелся пологий, одетый зеленью и залитый солнцем склон, и свет узкими пучками проникал с обеих сторон в темную глубину пещеры.

XII
Глашатаи закона

Что-то холодное коснулось моей руки. Я вздрогнул и увидел совсем рядом розоватое существо, очень похожее на ребенка с ободранной кожей. У него были вкрадчивые, но отталкивающие черты ленивца; низкий лоб, медленные движения. Когда глаза мои привыкли к темноте, я стал яснее видеть окружающее. Маленькое ленивцеподобное существо пристально разглядывало меня. Проводник мой куда-то скрылся.

Пещера оказалась узким ущельем между высокими стенами лавы, трещиной в ее застывшем извилистом потоке. Густые заросли папоротников и пальм образовали темные, хорошо укрытые логовища. Извилистое наклонное ущелье имело в ширину не более трех шагов и было загромождено кучами гниющих плодов и всяких других отбросов, распространявших удушливое зловоние.

Маленькое розовое существо, похожее на ленивца, все еще смотрело на меня, когда у отверстия ближайшего логовища появился мой

обезьяноподобный проводник и поманил меня. В тот же миг какое-то неповоротливое чудовище выползло из другого логовища и застыло бесформенным силуэтом на фоне яркой зелени, глядя на меня во все глаза. Я колебался и готов был бежать назад той же дорогой, что привела меня сюда, но потом решился идти до конца и, взяв за середину свою палку с гвоздем, заполз вслед за своим проводником в вонючую, тесную берлогу.

Она была полукруглая, наподобие половинки дупла, и около каменной стены, замыкавшей ее изнутри, лежала груда кокосовых орехов и всевозможных плодов. Несколько грубых посудин из камня и дерева стояли на полу, а одна — на кое-как сколоченной скамье. Огня не было. В самом темном углу пещеры сидело бесформенное существо, проворчавшее что-то, когда я вошел. Обезьяно-человек стоял на едва освещенном пороге этого жилища и протягивал мне расколотый кокосовый орех, а я тем временем заполз в угол и сел на землю. Я взял орех и принялся есть, насколько мог спокойно, несмотря на сильное волнение и почти невыносимую духоту пещеры. Розовое существо стояло теперь у входа в берлогу, и еще кто-то с темным лицом и блестящими глазами пристально смотрел на меня через его

плечо.

— Эй, — произнесла таинственная тварь, сидевшая напротив меня.

— Это человек! Это человек! — затараторил мой проводник. — Человек. Человек, живой человек, как и я.

— Заткнись, — ворчливо произнес голос из темноты.

Я ел кокосовый орех в напряженном молчании. Изо всех сил всматривался я в темноту, но не мог больше ничего различить.

— Это человек, — повторил голос. — Он пришел жить с нами?

Голос был хриплый, с каким-то особенным, поразившим меня присвистом. Но произношение его было удивительно правильным.

Обезьяно-человек выжидательно поглядел на меня.

Я понял его немой вопрос.

— Он пришел с вами жить, — утвердительно сказал я.

— Это человек. Он должен узнать Закон.

Теперь я стал различать какую-то темную груду в углу, какие-то смутные очертания сгорбленной фигуры. В берлоге стало совсем темно, потому что у входа появились еще две головы. Рука моя

крепче сжала палку. Сидевший в темном углу сказал громче:

— Говори слова.

Я не понял.

— Не ходить на четвереньках — это Закон, — проговорил он нараспев.

Я растерялся.

— Говори слова, — сказал, повторив эту фразу, обезьяно-человек, и стоявшие у входа в пещеру эхом вторили ему каким-то угрожающим тоном.

Я понял, что должен повторить эту дикую фразу. И тут началось настоящее безумие. Голос в темноте затянул какую-то дикую литанию, а я и все остальные хором вторили ему. В то же время все, раскачиваясь из стороны в сторону, хлопали себя по коленям, и я следовал их примеру. Мне казалось, что я уже умер и нахожусь на том свете. В темной пещере ужасные темные фигуры, на которые то тут, то там падали слабые блики света, одновременно раскачивались и распевали:

— Не ходить на четвереньках — это Закон. Разве мы не люди?

— Не лакать воду языком — это Закон. Разве мы не люди?

— Не есть ни мяса, ни рыбы — это Закон. Разве мы не люди?

— Не обдирать когтями кору с деревьев — это Закон. Разве мы не люди?

— Не охотиться за другими людьми — это Закон. Разве мы не люди?

И так далее, от таких диких запретов до запретов на поступки, как мне тогда показалось, безумные, немыслимые и потрясающе непристойные. Нами овладел какой-то музыкальный экстаз, мы распевали и раскачивались все быстрее, твердя этот невероятный Закон. Внешне я как будто заразился настроением этих звероподобных людей, но в глубине моей души боролись отвращение и насмешка. Мы перебрали длинный перечень запретов и начали распевать новую формулу:

– *Ему* принадлежит Дом страдания.

– *Его* рука творит.

– *Его* рука поражает.

– *Его* рука исцеляет.

И так далее, снова целый перечень, который почти весь показался мне тарабарщиной о *Нем*, кто бы он ни был. Я мог бы подумать, что все это сон, но никогда не слышал, чтобы пели во сне.

– *Ему* принадлежит молния, — пели мы.

– *Ему* принадлежит глубокое соленое море.

У меня родилось ужасное подозрение, что

Моро, превратив этих людей в животных, вложил в их бедные мозги дикую веру, заставил их боготворить себя. Но я слишком хорошо видел сверкавшие зубы и острые когти сидевших вокруг, чтобы перестать петь.

– *Ему* принадлежат звезды на небесах.

Наконец пение окончилось. Я увидел, что все лицо обезьяно-человека покрыто пóтом, и глаза мои, привыкшие теперь к темноте, отчетливее рассмотрели тварь в углу, откуда слышался хриплый голос. Она была ростом с человека, но как будто покрыта темно-серой шерстью, почти как у шотландских терьеров.

Кто была она?

Кто были все они?

Представьте себя в окружении самых ужасных калек и помешанных, каких только может создать воображение, и вы хоть отчасти поймете, чтó я испытал при виде этих странных карикатур на людей.

— У него пять пальцев, пять пальцев, пять пальцев, как у меня, — бормотал обезьяно-человек.

Я вытянул руки. Серая тварь в углу наклонилась вперед.

— Не ходить на четвереньках — это Закон. Разве мы не люди? — снова сказала она.

Она протянула свою уродливую лапу и схватила мои пальцы. Ее лапа была вроде оленьего копыта, из которого вырезаны когти. Я чуть не вскрикнул от неожиданности и боли. Эта тварь наклонилась еще ниже и рассматривала мои ногти, она сидела так, что свет упал на нее, и я с дрожью отвращения увидел, что это не лицо человека и не морда животного, а просто какая-то копна серых волос с тремя еле заметными дугообразными отверстиями для глаз и рта.

— У него маленькие когти, — сказало волосатое чудовище. — Это хорошо.

Оно отпустило мою руку, и я инстинктивно схватился за палку.

— Надо есть коренья и травы — такова *Его* воля, — произнес обезьяно-человек.

— Я глашатай Закона, — сказало серое чудовище. — Сюда приходят все новички изучать Закон. Я сижу в темноте и возвещаю Закон.

— Да, это так, — подтвердило одно из существ, стоявших у входа.

— Ужасная кара ждет того, кто нарушит Закон. Ему нет спасения.

— Нет спасения, — повторили звероподобные люди, украдкой косясь друг на друга.

— Нет спасения, — повторил обезьяно-че-

ловек. — Нет спасения. Смотри! Однажды я совершил провинность, плохо поступил. Я все бормотал, бормотал, перестал говорить. Никто не мог меня понять. Меня наказали, вот на руке клеймо. *Он* добр, *он* велик.

— Нет спасения, — сказала серая тварь в углу.

— Нет спасения, — повторили звероподобные люди, подозрительно косясь друг на друга.

— У каждого есть недостаток, — сказал глашатай Закона. — Какой у тебя недостаток, мы не знаем, но узнаем потом. Некоторые любят преследовать бегущего, подстерегать и красться, поджидать и набрасываться, убивать и кусать, сильно кусать, высасывая кровь… Это плохо.

— Не охотиться за другими людьми — это Закон. Разве мы не люди? Не есть ни мяса, ни рыбы — это Закон. Разве мы не люди?

— Нет спасения, — сказало пятнистое существо, стоявшее у входа.

— У каждого есть недостаток, — повторил глашатай Закона. — Некоторые любят выкапывать руками и зубами корни растений, обнюхивать землю… Это плохо.

— Нет спасения, — повторили стоявшие у входа.

— Некоторые скребут когтями деревья, другие

откапывают трупы или сталкиваются лбами, дерутся ногами или когтями, некоторые кусаются безо всякой причины, некоторые любят валяться в грязи.

— Нет спасения, — повторил обезьяно-человек, почесывая ногу.

— Нет спасения, — повторило маленькое розовое существо, похожее на ленивца.

— Наказание ужасно и неминуемо. Потому учи Закон. Говори слова. — И он снова принялся твердить слова Закона, и снова я вместе со всеми начал петь и раскачиваться из стороны в сторону.

Голова моя кружилась от этого бормотания и зловония, но я не останавливался в надежде, что какой-нибудь случай меня выручит.

— Не ходить на четвереньках — это Закон. Разве мы не люди?

Мы подняли такой шум, что я не заметил переполоха снаружи, пока кто-то, кажется один из двух свиноподобных людей, которых я уже видел в лесу, не просунул головы над плечом маленького розового существа и возбужденно не закричал чего-то, чего я не расслышал. Тотчас же исчезли все стоявшие у входа, вслед за ними бросился обезьяно-человек, следом — существо, сидевшее

в углу. Я увидел, что оно было огромно, неуклюже и покрыто серебристой шерстью. Я остался один.

Едва я успел дойти до выхода, как услышал лай собаки.

Мгновенно я выбежал из пещеры со своей палкой в руке, весь дрожа. Там, повернувшись ко мне своими неуклюжими спинами, стояли около двадцати звероподобных людей, их уродливые головы глубоко ушли в плечи. Они возбужденно жестикулировали. Другие полузвериные лица вопросительно выглядывали из берлог. Взглянув в ту сторону, куда они смотрели, я увидел под деревьями у входа в ущелье бледное, искаженное яростью лицо Моро. Он удерживал собаку, рвавшуюся с поводка. Следом за ним с револьвером в руке шел Монтгомери.

Секунду я стоял, пораженный ужасом.

Потом обернулся и увидел, что сзади ущелье загородило, надвигаясь на меня, звероподобное чудовище с огромным серым лицом и маленькими сверкающими глазками. Я осмотрелся и увидел справа от себя, в десятке шагов, узкую расщелину в каменной стене, через которую в пещеру косо падала полоса света.

— Ни с места! — крикнул Моро, как только заметил мое движение в сторону. — Держите

его! — крикнул он.

Все повернулись и уставились на меня. По счастью, их звериные мозги соображали медленно.

Я кинулся на неуклюжее чудовище, которое повернулось, чтобы посмотреть, чего хочет Моро, и сбил его с ног. Желая схватить меня, оно вскинуло руки, но промахнулось. Маленькое ленивцеподобное существо бросилось на меня, но я перескочил через него, ударив по его безобразному лицу палкой с гвоздем. В следующее мгновение я уже карабкался по отвесной расщелине, которая служила здесь своего рода дымоходом. Позади меня раздавались вой и крики:

— Лови его! Держи!

Серое существо бросилось за мной и втиснуло свое огромное туловище в расщелину.

— Лови его, лови! — вопили все.

Я выкарабкался из расщелины на желтую равнину к западу от обиталища звероподобных людей.

Эта расщелина спасла меня: узкая и крутая, она задержала преследователей. Я побежал вниз по белому крутому склону с несколькими редкими деревьями и добрался до лощины, заросшей высоким тростником. Отсюда я попал в темную чащу

кустарника, где было так сыро, что вода хлюпала под ногами. Только когда я нырнул в тростник, мои ближайшие преследователи показались на вершине. За несколько минут я пробрался сквозь кустарник. Воздух звенел от угрожающих криков. Я слышал позади себя шум погони, стук камней и треск веток. Некоторые из моих преследователей рычали, совершенно как дикие звери. Слева залаяла собака. Я услышал голоса Моро и Монтгомери и круто повернул вправо. Мне показалось даже, будто Монтгомери крикнул мне, чтобы я не останавливался, если дорожу жизнью.

Скоро почва у меня под ногами стала болотистой и вязкой. Я был в таком отчаянии, что очертя голову пустился по ней, увязая по колена, и с трудом добрался до тропинки, петлявшей в тростнике. Крики моих преследователей теперь слышались левее. Я спугнул трех странных розовых животных величиной с кошку, и они скачками бросились прочь. Тропинка шла в гору; она вывела меня на новую желтую равнину, а оттуда опять вниз, к тростникам.

Вдруг она повернула вдоль отвесного склона оврага, который преградил мне путь так же неожиданно, как ров-сюрприз в английском парке. Я бежал во весь дух и не заметил оврага,

пока с разгона не полетел в него вниз головой, вытянув руки.

Я упал прямо в колючие кусты и встал весь ободранный, в крови, с порванным ухом. Овраг был каменистый, поросший кустами, по дну его протекал ручей, а над ручьем стлался туман. Меня поразило, откуда взялся туман в такой жаркий день, но удивляться было некогда. Я повернул вправо, вниз по ручью, надеясь выйти к морю и там утопиться. Тут я заметил, что при падении потерял свою палку с гвоздем.

Скоро овраг стал у́же, и я неосмотрительно вошел в ручей. Но я тут же выскочил из него, потому что вода была горячая, почти как кипяток. Я заметил, что по ее поверхности плыла тонкая сернистая накипь. Почти тотчас же за поворотом оврага показался голубеющий горизонт. Близкое море отражало солнце мириадами своих зеркальных граней. Впереди была смерть. Но я был возбужден и тяжело дышал. Кровь текла у меня по лицу и горячо струилась по жилам. Я ликовал, потому что удалось уйти от преследователей. Мне не хотелось топиться. Я обернулся и стал вглядываться в даль.

Я прислушался. Кроме жужжания комаров и стрекотания каких-то маленьких насекомых,

прыгавших в колючих кустах, вокруг стояла мертвая тишина. Но вот послышался собачий лай, слабый шум, щелканье бича и голоса. Они то становились громче, то снова слабели. Шум понемногу удалялся вверх по ручью и наконец совершенно затих. На некоторое время я избавился от погони.

Но теперь я знал, как мало помощи можно ждать от звероподобных людей.

XIII
Переговоры

Я снова повернулся и пошел к морю. Горячий ручей растекся по тинистой песчаной отмели, где ползало множество крабов и каких-то длиннотелых многоногих животных; услышав мои шаги, они сразу обратились в бегство. Я дошел до самого моря, и мне показалось, что я спасен. Обернувшись назад, я стал смотреть на густую зелень позади меня, словно шрамом прорезанную едва видным оврагом. Я был слишком взволнован и, по правде говоря (хотя люди, которые никогда не испытывали опасности, не поверят мне), слишком отчаялся, чтобы умирать.

Мне пришла в голову мысль, что у меня есть еще выход. Пока Моро и Монтгомери вместе со звероподобными людьми обшаривают остров в глубине, не могу ли я обойти его по берегу и добраться до ограды? Что, если обойти их с фланга, выломать из ограды камень, сбить замок с маленькой двери и найти какой-нибудь нож, пистолет или другое оружие, а когда они вернутся, вступить в бой? Во всяком случае, я мог бы дорого

продать свою жизнь.

Я повернул к западу и пошел по берегу моря. Заходящее солнце слепило меня. Слабый тихоокеанский прилив поднимался с тихим журчанием.

Берег свернул к югу, и солнце очутилось справа от меня. И вдруг далеко впереди из кустов появились сначала одна, а потом несколько фигур. Это были Моро с собакой, Монтгомери и еще двое. Увидя их, я остановился.

Они тоже увидели меня и стали приближаться, размахивая руками. Я стоял, ожидая их. Оба звероподобных человека побежали вперед, чтобы отрезать мне путь к кустам. Монтгомери спешил прямо ко мне. Моро с собакой следовал за ним.

Я наконец опомнился, побежал к морю и бросился в воду. Но у берега было очень мелко. Я прошел не менее тридцати ярдов, прежде чем погрузился по пояс. Видно было, как рыбы удирают от меня в разные стороны.

— Что вы делаете! — крикнул Монтгомери.

Я повернулся к ним, стоя по пояс в воде. Монтгомери остановился, задыхаясь, на самом краю берега. Его лицо было багровым от бега, длинные льняные волосы растрепались, а отвисшая нижняя губа открывала редкие зубы. Тем временем подошел Моро. Лицо его было бледно и реши-

тельно; собака залаяла на меня. У обоих в руках были хлысты. Из-за их спин на меня во все глаза глядели звероподобные люди.

— Что делаю? Хочу утопиться, — ответил я.

Монтгомери и Моро переглянулись.

— Почему? — спросил Моро.

— Потому что это лучше, чем подвергнуться вашим пыткам.

— Говорил я вам, — сказал Монтгомери, и Моро что-то тихо ответил.

— Почему вы думаете, что я подвергну вас пыткам? — спросил Моро.

— Потому что я все видел, — ответил я. — И вот эти… вот они!

— Тс! — сказал Моро и предостерегающе поднял руку.

— Я не дамся, — сказал я. — Это были люди. А что они теперь? Но со мной у вас ничего не выйдет.

Я взглянул через их головы. На берегу стояли Млинг, слуга Монтгомери, и одно из закутанных в белое существ с баркаса. Дальше, в тени деревьев, я увидел маленького обезьяно-человека и еще несколько смутных фигур.

— Кто они теперь? — спросил я, указывая на них и все больше повышая голос, чтобы они

услышали меня. — Они были людьми, такими же людьми, как вы сами, а вы их сделали животными, вы их поработили и все же боитесь их. Эй, слушайте! — крикнул я, обращаясь к звероподобным людям и указывая на Моро. — Слушайте! Разве вы не видите, что они оба еще боятся вас, трепещут перед вами? Почему же вы тогда боитесь их? Вас много…

— Прендик! — крикнул Монтгомери. — Ради бога, замолчите!

— Прендик! — подхватил и Моро.

Они кричали оба, стараясь заглушить мой голос. А за их спинами виднелись угрожающие лица звероподобных людей, уродливо висевшие руки и сгорбленные спины. Мне тогда казалось, они старались понять меня, припомнить что-то из своего человеческого прошлого.

Я продолжал кричать, но что — помню плохо. Кажется, что надо убить Моро и Монтгомери, что их нечего бояться. Эти мысли я вложил в головы звероподобных людей на собственную погибель. Я увидел, как зеленоглазый человек в темных лохмотьях, которого я повстречал в первый вечер своего приезда, вышел из-за деревьев, и остальные последовали за ним, чтобы лучше слышать меня.

Наконец я замолчал, переводя дух.

— Выслушайте меня, — сказал решительным голосом Моро, — а потом говорите все, что угодно.

— Ну? — сказал я.

Он откашлялся, подумал и затем воскликнул:

— Латынь, Прендик, я буду говорить на скверной школьной латыни! Но постарайтесь все же понять! Hi non sunt homines, sunt animalia qui nos habemus…[2] в общем… подвергли вивисекции. Человекообразовательный процесс. Я вам все объясню. Выходите на берег.

Я засмеялся.

— Ловко придумано! — сказал я. — Они разговаривают, строят жилища, готовят еду. Они были людьми. Так я и выйду на берег!

— Здесь очень глубоко и полно акул.

— Именно это мне и нужно, — сказал я. — Быстро и надежно. Прощайте!

— Подождите! — Он вынул из кармана что-то блестящее, сверкнувшее на солнце, и бросил на землю. — Это заряженный револьвер, — сказал он. — Монтгомери сделает то же самое. Потом мы отойдем по берегу на расстояние, которое

---

[2] Примечания: 2

Они не люди, а животные, которых мы… *(лат.)*

вы сами укажете. Тогда вы выйдете и возьмете револьверы.

— Не выйдет. У вас, конечно, есть еще третий.

— Подумайте хорошенько, Прендик. Во-первых, я не звал вас на этот остров. Во-вторых, мы усыпили вас вчера и могли делать с вами что хотели, и, наконец, подумайте, ведь теперь ваш первый страх уже прошел и вы способны соображать, — разве характер Монтгомери подходит к той роли, которую вы ему приписываете? Мы гнались за вами для вашего же блага. Этот остров населен множеством злобных существ. Зачем нам стрелять в вас, когда вы сами только что хотели утопиться?

— А зачем вы напустили на меня своих людей там, в пещере?

— Мы хотели схватить вас и избавить от опасности. А потом мы намеренно потеряли ваш след… для вашего же спасения.

Я задумался. Все это казалось правдоподобным. Но тут я вспомнил кое-что другое.

— Там, за оградой, я видел…

— Это была пума…

— Послушайте, Прендик, — сказал Монтгомери, — вы упрямый осел. Выходите из воды, берите револьверы, и поговорим. Ничего другого

не остается.

Должен сознаться, что в то время и, по правде сказать, всегда я не доверял Моро и боялся его. Но Монтгомери я понимал.

— Отойдите в сторону, — сказал я и, немного подумав, прибавил: — И поднимите руки.

— Этого сделать мы не можем, — сказал Монтгомери, выразительно кивая назад. — Слишком унизительно.

— Ну ладно, отойдите тогда к деревьям, — сказал я.

— Вот идиотство! — буркнул Монтгомери.

Оба повернулись туда, где стояли на солнце, отбрасывая длинные тени, шесть или семь уродов — рослые, живые, осязаемые и все же какие-то нереальные. Монтгомери щелкнул хлыстом, и они тотчас врассыпную бросились за деревья. Когда Монтгомери и Моро отошли на расстояние, которое показалось мне достаточным, я выбрался на берег, поднял и осмотрел револьверы. Чтобы удостовериться в отсутствии обмана, я выстрелил в круглый кусок лавы и с удовлетворением увидел, как он рассыпался в темный порошок. Однако я все еще колебался.

— Ладно, рискну, — сказал я наконец и, держа по револьверу в каждой руке, направился к Моро

и Монтгомери.

— Вот так-то лучше, — спокойно сказал Моро. — Ведь я потерял все утро из-за ваших проклятых выдумок.

И с оттенком презрения, пристыдив меня, они с Монтгомери повернулись и молча пошли вперед.

Кучка звероподобных людей все еще стояла среди деревьев. Я прошел мимо них, стараясь сохранять спокойствие. Один хотел было последовать за мной, но, как только Монтгомери щелкнул хлыстом, сразу обратился в бегство. Остальные молча следили за нами. Быть может, когда-то они были животными. Но я никогда еще не видел животных, пытавшихся размышлять.

XIV
Объяснения доктора Моро

— А теперь, Прендик, я вам все объясню, — сказал доктор Моро, когда мы утолили голод и жажду. — Должен сознаться, что вы самый деспотический гость, с каким я когда-либо имел дело. Предупреждаю — это последняя уступка, которую я вам делаю. В следующий раз, если вы опять будете угрожать самоубийством, я и пальцем не пошевельну, несмотря на все неприятные последствия.

Он сидел в шезлонге, держа своими белыми тонкими пальцами наполовину выкуренную сигару. Висячая лампа освещала его седые волосы; он задумчиво смотрел через маленькое окошко на мерцающие звезды. Я сел как можно дальше от него, по другую сторону стола, с револьверами в руке. Монтгомери не было. Мне не особенно хотелось очутиться с ними обоими в этой тесной комнате.

— Значит, вы признаёте, что подвергнутое вивисекции человеческое существо, как вы его называли, в конце концов, всего только пума? —

спросил Моро.

Он заставил меня посмотреть на этот ужас за оградой и убедиться, что это не человек.

— Да, это пума, — сказал я. — Она еще жива, но до того изрезана и искалечена, что я молю Бога никогда больше не сподобить меня увидеть такое. Из всех гнусных…

— Оставим это, — сказал Моро. — Избавьте меня по крайней мере от ваших юношеских бредней. Монтгомери был таким же. Вы признаёте, что это пума. Теперь сидите смирно, а я буду излагать вам свои физиологические теории.

Начав свою лекцию тоном человека, крайне раздосадованного, он понемногу увлекся и объяснил мне всю сущность своей работы. Говорил он очень просто и убедительно. По временам в голосе его звучала горькая насмешка. Скоро я почувствовал, что краснею от стыда за себя.

Оказалось, что существа, которых я видел, никогда не были людьми. Это были животные, которые обрели человеческий облик в результате поразительных успехов вивисекции.

— Вы упускаете из виду, что может сделать искусный вивисектор с живым существом, — сказал Моро. — Я же удивляюсь только, почему то, что я здесь сделал, не было сделано уже давно.

Слабые попытки вроде ампутации, вырезания языка, удаления различных органов, конечно, делались не раз. Вы, без сомнения, знаете, что косоглазие может быть вызвано и, наоборот, излечено хирургическим путем. После удаления различных органов в человеческом организме происходят некоторые вторичные изменения: меняются пигменты, темперамент, характер образования жировых тканей. Вы, без сомнения, слышали обо всем этом?

— Конечно, — отвечал я, — но эти ваши уроды…

— Всему свое время, — сказал он, останавливая меня движением руки. — Я только начал. Это лишь самые обычные изменения. Хирургия может достичь гораздо большего, она способна не только разрушать, но и созидать. Вы, может быть, слышали о простой операции, которую делают при повреждении носа? Кусочек кожи вырезают со лба, заворачивают книзу на нос и приживляют в новом положении. Это как бы прививка части организма на нем самом. Перенесение материала с одного живого существа на другое также возможно, вспомните, например, о зубах. Обычно пересадка кожи и костей делается для скорейшего заживления. Хирург вставляет в рану

нужные кости и прикрывает ее кожей, беря все это у живого или только что убитого животного. Вы слышали, может быть, о петушиной шпоре, которую Хантер привил на шею быку? Вспомните еще о крысах-носорогах, которых делают алжирские зуавы. Эти уродцы фабрикуются тем же способом: отрезанные с хвостов полоски кожи перемещают на морду обыкновенной крысы и приживляют там в новом положении.

— Фабрикуются! — воскликнул я. — Вы хотите этим сказать…

— Да. Существа, которых вы видели, не что иное, как животные, которым нож придал новые формы. Изучению пластичности живых форм я посвятил всю свою жизнь. Я изучал это долгими годами, накапливая постепенно все больше и больше знаний. Я вижу, вы в ужасе, а между тем я не говорю ничего нового. Все это уже много лет лежало на поверхности практической анатомии, но ни у кого не хватало решимости заняться опытами. Я не ограничиваюсь только тем, что могу изменить внешний вид животного. Физиология, химическое строение организма также могут быть подвергнуты значительным изменениям, примером чему служит вакцинация и другие всевозможные прививки, которые,

без сомнения, вам хорошо известны. Подобной же операцией является и переливание крови, с изучения которой я, собственно, и начал. Все это родственные случаи. Менее близкими этому и, вероятно, гораздо более сложными были операции средневековых хирургов, которые делали карликов, нищих-калек и всевозможных уродов. Следы этого искусства сохранились и до наших дней в подготовке балаганных фокусников и акробатов. Виктор Гюго рассказал нам об этом в своем «Человеке, который смеется»... Надеюсь, теперь моя мысль вам ясна? Вы начинаете понимать возможность пересадки ткани с одной части тела животного на другую или с одного животного на другое, возможность изменения химических реакций, происходящих в живом существе, характера его развития, действия его членов и даже изменения самой сущности его внутреннего строения?

И все же никто еще не исследовал систематически и до конца эту необыкновенную область знания, пока я не занялся ею. Некоторые случайно наталкивались на нечто подобное при применении новейших достижений хирургии. Большинство таких случаев, которые вы можете вспомнить, были открыты совершенно случайно

тиранами, преступниками, дрессировщиками лошадей и собак, всякими необразованными, бездарными людьми, преследовавшими лишь корыстную цель. Я первый занялся этим вопросом, вооруженный антисептической хирургией и подлинно научным знанием законов развития живого организма.

Но есть основания подозревать, что все это уже практиковалось втайне. Возьмем хотя бы сиамских близнецов… А в подземельях инквизиции… Конечно, главной целью инквизиторов была утонченная пытка, но, во всяком случае, некоторые из них должны были обладать известной научной любознательностью…

— Но, — прервал я его, — эти существа, эти животные говорят!

Он подтвердил это и продолжал доказывать, что пределы вивисекции не ограничиваются простыми физическими изменениями. Можно научить чему угодно даже свинью. Духовная область изучена наукой еще меньше физической. С помощью развивающегося в наши дни искусства гипнотизма мы заменяем старые наследственные инстинкты новыми внушениями, как бы делая прививки на почве наследственности. Многое из того, что мы называем нравственным

воспитанием, есть только искусственное изменение и извращение природного инстинкта; воинственность превращается в мужественное самопожертвование, а подавленное половое влечение в религиозный экстаз. По словам Моро, главное различие между человеком и обезьяной заключается в строении гортани, в неспособности тонкого разграничения звуков — символов понятий, при помощи которых выражается мысль. В этом я с ним не согласился, но он довольно грубо пропустил мое возражение мимо ушей. Он повторил, что это именно так, и продолжал рассказывать о своей работе.

Я спросил его, почему он взял за образец человеческий облик. Мне казалось тогда и до сих пор кажется, что в этом его выборе крылась какая-то странная озлобленность против человечества.

Он сказал, что выбор был совершенно случайный.

— Конечно, я мог бы точно с таким же успехом переделывать овец в лам и лам в овец, но, мне кажется, есть что-то в человеческом облике, что более приятно эстетическому чувству, чем формы всех остальных животных. Впрочем, я не ограничивался созданием людей. Несколько раз… — Он помолчал с минуту. — Но как быстро

промелькнули все эти годы! Я уже потерял день, спасая вашу жизнь, и теперь теряю целый час на объяснения.

— Но я все еще не понимаю вас, — возразил я. — Чем оправдываете вы себя, причиняя живым существам такие страдания? Единственное, что явилось бы для меня оправданием вивисекции, было бы применение ее для…

— Да, конечно, — перебил он меня. — Но я, как видите, иначе устроен. Мы с вами стоим на различных позициях. Вы материалист.

— Я вовсе *не* материалист, — горячо возразил я.

— С моей точки зрения, конечно, только с моей точки зрения. Потому что мы с вами расходимся именно в этом вопросе о страдании. До тех пор, покуда вы можете видеть мучения, слышать стоны и это причиняет вам боль, покуда ваши собственные страдания владеют вами, покуда на страдании основаны ваши понятия о грехе, до тех пор, говорю вам, вы животное, вы мыслите немногим яснее животного. Это страдание…

Я нетерпеливо пожал плечами в ответ на его словесные ухищрения.

— Ах! Оно ведь так ничтожно! Разум, подлинно открытый науке, должен понимать всю его ни-

чтожность! Быть может, нигде, за исключением нашей маленькой планеты, этого клубка космической пыли, который исчезнет из виду гораздо раньше, чем можно достигнуть ближайшей звезды, быть может, говорю вам, нигде во всей остальной Вселенной не существует того, что мы называем страданием. Там нет ничего, кроме тех законов, которые мы ощупью открываем… И даже здесь, на Земле, даже среди живых существ, что это, собственно, такое — страдание?

С этими словами он вынул из кармана перочинный нож, открыл маленькое лезвие и подвинул свой стул так, чтобы я мог видеть его бедро. Затем, спокойно и тщательно выбрав место, он вонзил себе в бедро нож и вынул его.

— Без сомнения, вы видели это раньше. Нет ни малейшей боли. Что же это доказывает? Способность чувствовать боль не нужна этому мускулу и потому не вложена в него. Чувствовать боль необходимо лишь коже, и потому-то на бедре есть места, способные ее ощущать. Боль — это просто наш советчик, она, подобно врачу, предостерегает и побуждает нас к осторожности. Всякая живая ткань нечувствительна к боли, так же как всякий нерв. В восприятиях зрительного нерва нет и следа боли, действительной боли. Если вы

пораните зрительный нерв, у вас просто возникнут огненные круги перед глазами, точно так же как и расстройство слухового нерва выражается просто шумом в ушах. Растения не чувствуют боли, низшие животные, подобные морским звездам и ракам, по-видимому, тоже. Что же касается людей, то чем выше они будут по своему интеллектуальному развитию, тем тщательнее станут заботиться о себе и тем менее будут нуждаться в боли — этом стимуле, ограждающем их от опасности. Я до сих пор не знаю ни одной бесполезной вещи, которую эволюция не устранила бы рано или поздно. А боль становится бесполезной.

Кроме того, Прендик, я верующий, каким должен быть каждый здравомыслящий человек. Быть может, я больше вашего знаю о путях Творца, потому что пытался *по-своему* открыть Его законы всю свою жизнь, тогда как вы, насколько я понял, занимались коллекционированием бабочек. И я повторяю вам: радость и страдание не имеют ничего общего ни с раем, ни с адом. Радость и страдание… Эх! Разве религиозный экстаз ваших теологов — это не райские гурии Магомета? Множество мужчин и женщин, живущих только радостями и страданиями, — разве не носят они на себе, Прендик, печать зверя, от

которого произошли! Страдание и радость — они существуют для нас только до тех пор, пока мы ползаем во прахе…

Как видите, я продолжал свои исследования, идя по пути, по которому они сами меня вели. Это единственный путь для всякого исследователя. Я ставил вопрос, находил на него ответ и в результате получал новый вопрос. Возможно ли то или это? Вы не можете себе представить, что значат такие вопросы для исследователя, какая умственная жажда охватывает его! Вы не можете себе представить странную, непонятную прелесть стремлений мысли! Перед вами уже больше не животное, не создание единого Творца, а только загадка. Жалость… я вспоминаю о ней как о чем-то давно забытом. Я желал — это было единственное, чего я желал, — изучить предельные границы пластичности живого организма.

— Но ведь это ужасно! — сказал я.

— До сих пор меня никогда не беспокоила нравственная сторона дела. Изучение природы делает человека в конце концов таким же безжалостным, как и сама природа. Я работал, думал лишь о своей цели, а то, что получалось… текло туда, в хижины… Прошло одиннадцать лет с тех пор, как мы прибыли сюда: я, Монтгомери и шестеро по-

линезийцев. Помню зеленое безмолвие острова и безбрежный простор океана, расстилавшегося вокруг нас, так явственно, как будто все было только вчера. Остров, казалось, был специально создан для меня.

Мы разгрузили судно и построили дом. Полинезийцы поставили себе у оврага несколько хижин. Я принялся за работу над тем, что привез с собой. Сначала у меня было несколько досадных неудач. Я начал с овцы и убил ее на второй день неосторожным движением скальпеля. Я принялся за вторую овцу, подверг ее ужасным страданиям, а потом заживил раны. Когда я закончил работу, она показалась мне совсем человеческим существом, но, взглянув на нее некоторое время спустя, я остался неудовлетворен. Разума у этого существа было не больше, чем у обыкновенной овцы. Постепенно меня охватил ужас. Чем больше я смотрел на нее, тем безобразнее она мне казалась, и наконец я убил это страшилище. Эти животные, лишенные всякого мужества, полны страха и страдания, у них нет даже искорки отважной решимости встретить боль лицом к лицу — нет, они совсем не годились для того, чтобы создать человека.

Я взял самца гориллы и, работая с бесконечным

старанием, преодолевая одно препятствие за другим, сделал из него своего первого человека. Я работал много недель, днем и ночью. Особенно нуждался в переделке мозг; многое пришлось изменить, многое добавить. Когда я закончил и он лежал передо мной забинтованный, связанный и неподвижный, мне показалось, что это прекрасный образец негроидной расы. Только когда я перестал опасаться за его жизнь, я оставил его и вошел в эту комнату, где застал Монтгомери в таком же состоянии, в каком были и вы. Он слышал крики существа, становившегося человеком, вроде тех, которые вас так взволновали. Сначала я не вполне открылся ему. Полинезийцы тоже видели и поняли кое-что. При виде меня они дрожали от страха. Я отчасти привлек на свою сторону Монтгомери, но труднее всего нам было удержать на острове полинезийцев. В конце концов трое из них все же бежали, и мы лишились яхты. Я долго обучал созданное мной существо — это продолжалось три или четыре месяца. Я научил его немного английскому языку, начаткам счета и даже азбуке. Но все это ему трудно давалось, хотя я встречал и менее понятливых идиотов. Мозг его был совсем чистой страницей: в нем не сохранилось никаких воспоминаний о том, чем

он был раньше. Когда его раны совсем зажили, остались только болезненная чувствительность и неловкость движений и он научился немного говорить, я привел его к полинезийцам, чтобы поселить среди них.

Сначала они страшно испугались, что немного обидело меня, потому что я был о нем высокого мнения; но он оказался таким ласковым и забавным, что со временем они привыкли к нему и занялись его воспитанием. Он быстро все схватывал, воспринимал и подражал всему, чему его обучали; он даже построил себе шалаш, который показался мне лучше их собственных хижин. Среди полинезийцев был один, в душе немного проповедник, и он научил его читать или по крайней мере узнавать буквы; он внушил ему также несколько элементарных понятий о нравственности, и, по-видимому, инстинкты гориллы в нем совершенно не проявлялись.

Я несколько дней отдыхал от работы и намеревался послать обо всем отчет в Англию, чтобы заинтересовать английских физиологов. Но однажды, гуляя, я набрел на созданное мной существо; оно сидело на дереве и бормотало что-то непонятное двум дразнившим его полинезийцам. Я пригрозил ему, объяснил недостойность такого

поведения, вызвал в нем чувство стыда и вернулся домой, решив, что надо достигнуть лучших результатов, прежде чем везти свое творение в Англию. И я достиг лучших результатов, но так или иначе работа моя пропадала: в них снова просыпались упорные звериные инстинкты… Я все еще надеюсь на успех. Надеюсь преодолеть все препятствия… Эта пума…

Вот вам и вся история. Полинезийцы все умерли. Один утонул в море, упав за борт баркаса, другой погиб, поранив пятку, в которую каким-то путем попал сок ядовитого растения. Трое уплыли на яхте, и я надеюсь, что они утонули. Последний… был убит. Я стал обходиться без них. Монтгомери сначала вел себя вроде вас, и тогда…

— Что случилось с последним полинезийцем? — резко спросил я. — С тем, который был убит?..

— Дело в том, что, сделав много человекоподобных существ, я в конце концов сделал одного… — Моро замялся.

— Ну?

— Его убили.

— Не понимаю, — сказал я. — Вы хотите сказать…

— Да, оно убило полинезийца. Убило и еще нескольких других существ, которых поймало. Мы охотились за ним два дня. Оно сорвалось с цепи случайно. Я никак не предполагал, что оно убежит. Оно не было закончено. Это был опыт. Получилось существо, не имевшее конечностей, с ужасной мордой, оно пресмыкалось наподобие змеи. Оно было разъярено болью и стало перекатываться по земле, как плавает морская свинья. Несколько дней оно скрывалось в лесу, уничтожая все, что попадалось ему на пути, пока мы не загнали его в северную часть острова. Мы разделились, чтобы окружить его. Монтгомери непременно хотел идти со мной. У того полинезийца было ружье, и когда мы нашли его тело, то увидели, что один из стволов изогнут в виде буквы «S» и прокушен почти насквозь. Монтгомери пристрелил чудовище… С тех пор я делал только людей или же мелких существ.

Он замолчал. Я наблюдал за выражением его лица.

— Так работаю я вот уже двадцать лет, считая девять лет в Англии, и в каждом вновь созданном мной существе есть изъяны, которые вызывают неудовлетворенность, побуждают к дальнейшим попыткам. Иногда я поднимаюсь над обычным

уровнем, иногда опускаюсь ниже его, но никогда не достигаю идеала. Человеческий облик я придаю теперь животному почти без труда, я умею наделить его гибкостью и грациозностью или огромными размерами и силой, но все же и теперь у меня часто бывают затруднения с руками и когтями: они такие тонкие и чувствительные, что я не решаюсь свободно изменять их форму. Но главная трудность заключается в изменении формы мозга. Умственное развитие этих созданий бывает иногда непостижимо низким, со странными провалами. И совсем не дается мне нечто, чего я не могу найти, нечто лежащее в самой основе эмоций. Все стремления, инстинкты, желания, вредные для человечества, вдруг прорываются и захлестывают мое создание злобой, ненавистью или страхом. Вам эти твари кажутся странными и отталкивающими с первого взгляда, мне же, после того как я их окончу, они представляются бесспорно человеческими существами. И только после того, как я понаблюдаю за ними, уверенность эта исчезает. Обнаруживается сначала одна звериная черта, потом другая… Но я еще надеюсь победить. Всякий раз, как я погружаю живое существо в купель жгучего страдания, я говорю себе: на этот раз я выжгу из него все

звериное, на этот раз я сделаю разумное существо. И, собственно говоря, что такое десять лет? Человек формировался тысячелетиями… — Он грустно задумался. — Но я приближаюсь к цели… Эта пума…

Помолчав, он продолжал:

— А все же они возвращаются к своему первоначальному состоянию. Как только я оставляю их, зверь начинает выползать, проявляться…

Он снова замолчал.

— Вы держите свои создания в этих пещерах? — спросил я.

— Да. Я бросаю их, когда начинаю чувствовать в них зверя, и они сами быстро попадают туда. Все они боятся этого дома и меня. У них там некая пародия на человеческое общество. Монтгомери знает их жизнь, так как играет роль посредника. Он приучил нескольких из них служить нам. Мне кажется, хоть он и стыдится в этом сознаться, он жалеет эти создания. Но это — его личное дело. Во мне они вызывают только чувство неудовлетворенности. Я ими больше не интересуюсь. Кажется, они следуют наставлениям обучавшего их проповедника-полинезийца и устроили жалкое подобие разумной жизни. Бедные твари! У них есть то, что они называют Законом. Они

поют гимны, в которых говорится, будто все принадлежит мне, их творцу. Они сами делают себе берлоги, собирают плоды, травы и даже заключают браки. Но я вижу их насквозь, вижу самую глубину их душ и нахожу там только зверя. Их звериные инстинкты и страсти продолжают жить и искать выхода… Все же они странные существа. Сложные, как и все живое. В них есть своего рода высшие стремления — частью тщеславие, частью бесплодное половое влечение, частью любопытство… Все это только смешит меня… Но я возлагаю большие надежды на эту пуму; я усиленно работаю над ее мозгом…

Он долго сидел молча. Мы оба были погружены в свои мысли.

— Ну, — сказал он наконец, — что вы обо всем этом думаете? Все ли еще боитесь меня?

Я взглянул на него и увидел лишь бледного, седого старика со спокойным взглядом. Это спокойствие делало его лицо почти красивым, и лишь великолепное сложение могло бы выделить его среди сотни добродушных стариков. Я вздрогнул. Вместо ответа я протянул ему оба револьвера.

— Оставьте их при себе, — сказал он, удерживая зевок.

Он встал, пристально посмотрел на меня и улыбнулся.

— Вы провели два бурных дня, — сказал он. — Я посоветовал бы вам уснуть. Я рад, что все выяснилось. Спокойной ночи!

Он задумчиво постоял на пороге и вышел через внутреннюю дверь. Я тотчас же запер на ключ наружную.

Потом я снова сел и сидел в каком-то отупении, чувствуя себя до того усталым, умственно и физически, что решительно не в силах был ни о чем думать. Темное окно, словно глаз, смотрело на меня. Наконец я заставил себя потушить лампу и лечь в гамак. Вскоре я заснул.

XV
Звероподобные люди

Я проснулся рано. И сразу мне ясно вспомнился весь вчерашний разговор с Моро. Выбравшись из гамака, я подошел к двери и убедился, что она заперта. Потом я потрогал решетку окна и нашел ее достаточно прочной. Поскольку эти человекоподобные существа были только уродливыми чудовищами, дикой пародией на людей, я не мог себе представить, чего от них можно ожидать, и это было гораздо хуже всякого определенного страха. Кто-то постучался в дверь, и я услышал невнятное бормотание Млинга. Я сунул в карман один из револьверов и, сжимая его рукоятку, открыл дверь.

— С добрым утром, сэр, — сказал он, внося, кроме обычного завтрака из овощей, плохо приготовленного кролика. Вслед за ним вошел Монтгомери. Его бегающие глаза скользнули по моей руке, засунутой в карман, и он криво усмехнулся.

Пуму в тот день оставили в покое, чтобы зажили раны, но Моро все же предпочитал уединение

и не присоединился к нам. Я принялся расспрашивать Монтгомери, чтобы выяснить образ жизни звероподобных людей. Особенно мне хотелось знать, что удерживало этих страшилищ от нападения на Моро и Монтгомери и от уничтожения друг друга.

Он объяснил, что Моро, как и он сам, живет в относительной безопасности благодаря ограниченному умственному кругозору этих созданий. Хотя, с одной стороны, они умственно выше обыкновенных животных, а с другой — их звериные инстинкты готовы пробудиться, они, по словам Монтгомери, всегда жили под влиянием неких незыблемых понятий, внушенных им Моро, которые, безусловно, сковывали их волю. Они были загипнотизированы, им внушили немыслимость одних вещей и непозволительность других, и все эти запреты так прочно укоренились в их несовершенном мозгу, что исключали всякую возможность неповиновения. Однако кое в чем старый звериный инстинкт противоречил внушениям Моро. Множество запретов, называемых ими Законом (я их уже слышал), вступали в противодействие с глубоко укоренившимися, вечно мятежными устремлениями животной природы. Они всегда твердили этот Закон и, как я увидел

впоследствии, всегда нарушали его. Моро и Монтгомери особенно заботились о том, чтобы они не узнали вкуса крови. Это неизбежно вызвало бы самые опасные последствия.

Монтгомери сказал, что страх перед Законом, особенно среди существ из семейства кошачьих, необычайно ослабевал с наступлением ночи; в это время зверь просыпался в них с особенной силой. С приближением сумерек у них появлялось желание охотиться, и они отваживались на такие вещи, о которых днем и не помышляли. Именно поэтому леопардо-человек пустился за мной в погоню в первый вечер моего приезда. Но в начале моего пребывания на острове они нарушали Закон украдкой, и то лишь с наступлением ночи; при свете дня все они свято почитали веления Закона.

А теперь приведу кое-какие общие сведения об острове и его звероподобных обитателях. Остров — низкий, с извилистыми берегами — имел площадь в семь или восемь квадратных миль[3]. Он был вулканического происхождения, и с трех сторон его окаймляли коралловые рифы. Несколько дымившихся трещин на севере да

---

[3] Примечания: 3

Это описание в точности соответствует острову Ноубл. — *Ч. Э. П.*

горячий источник были теперь единственными признаками создавших его некогда сил. По временам ощущались слабые подземные толчки и из трещин вырывались клубы пара. Но этим все и ограничивалось. На острове, как сообщил мне Монтгомери, жило более шестидесяти странных существ, созданных Моро, не считая мелких уродцев, которые обитали в кустарнике и не имели человеческого облика. В общей сложности Моро изготовил их около ста двадцати, но одни умерли сами, а другие, вроде безногого пресмыкающегося, о котором он мне рассказал, были убиты. Монтгомери рассказал мне также, что они были способны размножаться, но их потомство не наследовало от родителей человеческих черт и вскоре умирало. Некоторым Моро успел придать человеческий облик. Существ женского пола было меньше, за ними тайно ухаживали многие, несмотря на однобрачие, предписываемое Законом.

Я не могу подробно описать этих звероподобных людей; глаз мой не привык замечать подробности, и рисовать я, к сожалению, не умею. Больше всего поражали меня их короткие по сравнению с телом ноги; и все же — так относительны наши представления о красоте — глаз

мой постепенно настолько привык к их виду, что мои собственные длинные ноги стали в конце концов казаться мне неуклюжими. Кроме того, лица у этих созданий были вытянуты вперед, спины сгорблены совсем не так, как у людей. Даже у обезьяно-человека не было красивой, чуть вогнутой линии спины, придающей такую грацию человеческой фигуре. У большинства из них плечи неуклюже сутулились, короткие руки вяло висели по сторонам. Лишь немногие густо обросли шерстью, во всяком случае, так было до самого конца моего пребывания на острове.

Кроме того, бросалась в глаза уродливость их лиц. Почти у всех были выдававшиеся вперед челюсти, безобразные уши, широкие носы, косматые или жесткие волосы и глаза странного цвета или странным образом посаженные. Никто из них не умел смеяться, и только обезьяно-человек как-то странно хихикал. Помимо этих общих черт, в их внешности было мало сходства, каждый сохранил признаки своей породы; человеческий облик не мог полностью скрыть леопарда, быка, свинью или какое-нибудь другое животное, а иногда и нескольких животных, из которых было сделано каждое существо. Голоса их сильно отличались друг от друга. Руки всегда

были уродливы; и хотя некоторые поражали меня своим сходством с человеческой рукой, но почти все обладали разным числом пальцев, имели грубые ногти и были лишены тонкости осязания.

Страшнее всех были леопардо-человек и существо, созданное из гиены и свиньи. Трое человеко-быков, которые втаскивали на берег баркас, превосходили их величиной. За ними следовали косматый глашатай Закона, Млинг и сатироподобное существо — помесь обезьяны и козла. Еще было три человеко-борова, одна женщина-свинья, помесь кобылы с носорогом и несколько других существ женского пола, происхождение которых я не мог определить. Было несколько человеко-волков, медведе-вол и человеко-сенбернар. Про обезьяно-человека я уже рассказывал; кроме него, была еще омерзительная, вонючая старуха, сделанная из лисицы и медведицы. Я возненавидел ее с первого взгляда. Говорили, что она страстная почитательница Закона. Меньше по величине были несколько пятнистых молодых тварей и ленивцеподобное существо. Но довольно этого перечня.

Сначала я испытывал отвращение при виде этих уродов и слишком остро чувствовал, что

они все же оставались зверьми, но постепенно стал привыкать к ним и относился к ним почти как Монтгомери. Он жил с ними уже так долго, что начал смотреть на них как на обыкновенных людей, прошлая жизнь в Лондоне казалась ему навеки исчезнувшим сном. Только раз в год он отправлялся в Арику к торговцу животными. Там, в селении испанских метисов-мореходов, он едва ли видел прекрасные экземпляры человеческого рода. Люди на судне, по его словам, сначала казались ему точь-в-точь такими же странными, какими показались мне существа на острове, — с неестественно длинными ногами, плоскими лицами, выпуклыми лбами, подозрительные, опасные и бессердечные. Он не любил людей. Ко мне он, по его мнению, почувствовал симпатию только потому, что спас мне жизнь.

Мне даже казалось, что он чувствовал тайное влечение к некоторым из этих преображенных созданий, какую-то порочную симпатию, которую вначале старался скрыть от меня.

Млинг, темнолицый слуга Монтгомери, первый из зверолюдей, которого я встретил, жил не в пещерах с остальными своими собратьями, а в маленькой конуре за оградой. Он едва ли был такой же развитой, как обезьяно-человек, но

гораздо более кроткий и больше всего похож на человека. Монтгомери выучил его стряпать и исполнять домашние обязанности. Он представлял собой сложный трофей ужасного искусства Моро, помесь медведя, собаки и быка, одно из тщательнейше сделанных созданий. К Монтгомери он относился с удивительной нежностью и преданностью; тот иногда замечал это, ласкал его, называл полушутливыми именами, заставлявшими Млинга скакать от восторга; иногда же он дурно обращался с ним, особенно после нескольких рюмок коньяку, награждал его пинками, забрасывал камнями или зажженными спичками. Но как бы ни обращался с ним Монтгомери, Млинг больше всего на свете любил быть возле него.

Постепенно я настолько привык к зверолюдям, что тысячи вещей, раньше казавшихся мне дикими и отталкивающими, скоро сделались обыкновенными и естественными. Вероятно, окружающая обстановка на все накладывает свой отпечаток. Монтгомери и Моро были слишком необычайные и своеобразные люди, чтобы я мог сохранить в их обществе представление о человеке. Когда я видел, как один из неуклюжих человеко-быков, разгружавших баркас,

тяжело ступая, шагал среди кустов, то невольно старался вспомнить: чем же отличается он от настоящего крестьянина, плетущегося домой после отупляющего труда? Когда я встречал полулисицу-полумедведицу с подвижным лукавым лицом, удивительно похожим на человеческое благодаря своей хитрости, мне казалось, что я уже раньше встречал ее в каком-то городе.

Конечно, по временам зверь проявлялся без всякого сомнения. Я видел, например, уродливое существо, похожее на сгорбленного дикаря, сидевшее на корточках у входа в одну из берлог; иногда оно вытягивало руки и принималось зевать, неожиданно открывая при этом острые как бритвы резцы и сильные, блестящие, как ножи, клыки. Или же, взглянув неожиданно смело в глаза какому-нибудь гибкому, закутанному в белое женственному созданию, встреченному на узкой тропинке, я видел вдруг (содрогаясь от отвращения), что глаза ее похожи на щелки, или же, скользнув по ней взглядом, замечал изогнутый ноготь, которым она придерживала свое безобразное одеяние. Крайне любопытно, хотя я никак не могу себе это объяснить, что эти странные твари — я говорю о существах женского пола — в первое время инстинктивно чувствовали свое

отталкивающее безобразие и даже больше, чем обыкновенные люди, следили за своей одеждой.

XVI
Зверолюди узнают вкус крови

Как всякий неопытный писатель, я то и дело уклоняюсь от темы. Позавтракав с Монтгомери, мы пошли пройтись по острову, посмотреть на дымившуюся трещину и на горячий источник, в воды которого я попал накануне. У нас обоих были хлысты и заряженные револьверы. Когда мы шли через густые заросли, до нас донесся писк кролика. Мы остановились и прислушались, но, не услышав больше ничего, продолжали путь, вскоре совершенно забыв об этом. Монтгомери указал мне на нескольких маленьких розовых существ с длинными задними ногами, которые прыгали среди кустов. Он сказал, что эти существа Моро сделал из потомства зверолюдей. Вначале он думал, что эти существа могут служить для пищи, но они пожирали своих детенышей, так что из этого ничего не вышло. Я уже видел нескольких таких существ: одного — во время ночного бегства от леопардо-человека, а другого — накануне, когда за мной гнался Моро. Случайно один из них, удирая от нас, попал в яму

от вырванного с корнем дерева. Прежде чем он успел выбраться, нам удалось поймать его. Он визжал, шипел, как кошка, царапался, отчаянно брыкался задними ногами, пытался даже укусить нас, но зубы его были слишком слабы и способны лишь слабо ущипнуть кожу. Это существо показалось мне довольно привлекательным, и, так как Монтгомери подтвердил, что оно никогда не портит землю рытьем нор и очень чистоплотно в своих привычках, я решил, что оно с успехом могло бы заменить обыкновенных кроликов в загородных парках.

Дальше мы увидели дерево, кора с которого была содрана длинными полосами.

Монтгомери указал мне на него.

— «Не обдирать когтями кору с деревьев — это Закон», — сказал он. — Только вот многие ли из них исполняют это!

Вскоре, насколько помню, мы встретили сатиро- и обезьяно-человека. Сатира Моро сделал, вспомнив все, что знал о древности, — у него было козлиное лицо грубо еврейского типа, неприятный блеющий голос и ноги, какие принято изображать у черта. Когда мы проходили мимо, он глодал какие-то стручки. Оба они приветствовали Монтгомери.

— Здравствуй, второй с хлыстом! — сказали они.

— Теперь есть еще третий с хлыстом, — сказал Монтгомери, — запомните это хорошенько!

— Разве его не сделали? — спросил обезьяно-человек. — Он сказал, что его сделали.

Сатиро-человек с любопытством посмотрел на меня.

— Третий с хлыстом, он плакал и шел в море, у него худое, бледное лицо.

— У него тонкий, длинный хлыст, — прибавил Монтгомери.

— Вчера он был в крови и плакал, — сказал сатир. — У вас никогда не идет кровь, и вы не плачете. У господина никогда не идет кровь, и он никогда не плачет.

— Ах ты, бродяга! — сказал Монтгомери. — Берегись, не то сам будешь в крови и будешь плакать.

— У него пять пальцев; он человек с пятью пальцами, как и я, — сказал обезьяно-человек.

— Пойдемте, Прендик, — сказал Монтгомери, взяв меня за руку, и мы пошли дальше.

Сатир и обезьяно-человек стояли, следя за нами и переговариваясь.

— Он молчит, — сказал сатир. — А у людей есть

голоса.

— Вчера он просил меня дать ему поесть, — сказал обезьяно-человек. — Он не знал, где достать.

Больше я ничего не расслышал, до меня донесся только смех сатира.

На обратном пути мы набрели на мертвого кролика. Красное тельце несчастного создания было растерзано на куски, ребра ободраны до костей, мясо с хребта кто-то явно обгрыз.

Увидев это, Монтгомери остановился.

— Боже мой! — сказал он, нагнувшись и подняв несколько раздробленных позвонков, чтобы получше рассмотреть их. — Боже мой, — повторил он, — что это?

— Кто-нибудь из ваших хищников вспомнил свои старые привычки, — сказал я, помолчав. — Эти позвонки прокушены насквозь.

Монтгомери стоял, не сводя глаз с позвонков, бледный, с перекошенным ртом.

— Плохо дело, — сказал он.

— Я уже видел нечто в этом роде, — заметил я, — в первый же день.

— Черт побери! Что же именно?

— Кролика с оторванной головой.

— В первый день?

— Да, в первый день. В кустарнике, за оградой,

когда я ушел вечером из дому. Голова у него была оторвана.

Он протяжно свистнул.

— Более того, я догадываюсь, кто это сделал. Это, конечно, только догадка. Прежде чем набрести на того кролика, я видел, как один урод пил из ручья.

— Лакал воду?

— Да.

— «Не лакать воду языком — это Закон». Хорошо же они его исполняют, когда Моро нет поблизости!

— Он же потом гнался за мной.

— Ясное дело, — сказал Монтгомери, — все хищники таковы. Убив жертву, они пьют. Вкус крови, вот в чем все дело. А каков он был с виду? Узнали бы вы его?

Стоя над мертвым кроликом, он озирался вокруг, всматриваясь в глубину зарослей, где таилась опасность.

— Он отведал, — сказал Монтгомери.

Вынув револьвер и убедившись, что он заряжен, Монтгомери снова спрятал его в карман. Затем он принялся теребить свою отвисшую губу.

— Мне кажется, я узнал бы этого урода. Я оглу-

шил его камнем. У него должна была остаться изрядная шишка на голове.

— Но ведь нужно *доказать*, что это он загрыз кролика, — сказал Монтгомери. — Жалею, что привез их сюда.

Я хотел было идти дальше, но он все стоял в нерешительности над кроликом. Заметив это, я отошел подальше в сторону.

— Идемте, — позвал я его.

Он мгновенно вышел из задумчивости и направился ко мне.

— Видите ли, — сказал он, понизив голос, — им внушили, что нельзя есть ничего бегающего по земле. Если кто-нибудь из них случайно вкусил крови…

Некоторое время мы шли молча.

— Удивляюсь, как это могло случиться, — сказал он, обращаясь сам к себе. — Вчера я совершил глупость, — добавил он, помолчав. — Мой слуга… Я показал ему, как свежевать и жарить кролика. И странное дело… Я видел, как он облизывал пальцы… Раньше я ничего такого за ним не замечал. Мы должны положить этому конец. Надо обо всем рассказать Моро.

На обратном пути к дому он только об этом и думал.

Моро отнесся к происшедшему еще серьезнее Монтгомери, и страх их невольно передался мне.

— Нужно принять меры, — сказал Моро. — Лично у меня нет ни малейшего сомнения, что виновник — леопардо-человек. Но как это доказать? Очень жаль, Монтгомери, что вы не оставили свои гастрономические наклонности при себе; можно было отлично обойтись без таких провоцирующих новшеств. А теперь мы рискуем попасть в переплет.

— Я был ослом, — сознался Монтгомери. — Но дело сделано. Помните, вы сами велели мне купить кроликов?

— Надо сразу этим заняться, — сказал Моро. — Если что-нибудь случится, Млинг сумеет защитить себя?

— Я вовсе не так уверен в Млинге, а ведь я как будто достаточно хорошо его знаю.

В тот же день Моро, Монтгомери, я и Млинг отправились на другой конец острова, к хижинам. Все были вооружены. Млинг нес небольшой топор, которым он обыкновенно рубил дрова, и несколько мотков проволоки. У Моро через плечо висел большой пастушеский рог.

— Вы увидите собрание зверолюдей, — сказал мне Монтгомери. — Это любопытное зрелище.

Моро за всю дорогу не произнес ни слова, и его решительное седобородое лицо было угрюмо.

Мы перебрались через овраг, по которому протекал горячий ручей, и, пройдя извилистой тропинкой сквозь тростники, добрались до большой равнины, покрытой густым желтоватым слоем. Это, по-видимому, была сера. Вдали, за отмелью, блестел океан. Мы остановились у большого естественного амфитеатра. Моро протрубил в рог, и звуки его нарушили тишину тропического полдня. Легкие у Моро, по-видимому, были здоровые. Звуки становились все оглушительней, и со всех сторон их подхватывало эхо.

— Уф! — сказал Моро, опуская рог.

В тростниках послышался шорох, и из густых зеленых зарослей на болоте, по которому я бежал накануне, раздались голоса. Затем с трех или четырех сторон желтой равнины показались нелепые фигуры спешивших к нам зверолюдей.

Меня снова охватил ужас, когда я увидел, как один за другим неуклюже появлялись эти чудовища из-за деревьев и тростников, ковыляя по горячей пыли.

Но Моро и Монтгомери смотрели на это довольно хладнокровно, и я невольно держался рядом с ними. Первым прибежал сатир, какой-то

совсем нереальный, несмотря на отбрасываемую им тень и летевшую из-под копыт пыль. Потом появилось из чащи новое страшилище — смесь лошади и носорога, — оно и сейчас на ходу жевало солому; вслед за ним появилась женщина-свинья и обе женщины-волчихи, потом ведьма, полулиса-полумедведица, со своим заостренным красным лицом и красными глазами, а за ней остальные. Все страшно торопились. Подходя, они низко кланялись Моро и, не обращая внимания друг на друга, пели слова второй части Закона: «*Его* рука поражает. *Его* рука исцеляет…» И так далее…

Подойдя шагов на тридцать, они остановились, опустились на землю и принялись посыпать головы пылью. Представьте себе только эту картину! Мы трое, одетые в синие одежды, и безобразный темнолицый слуга стояли под высоким, залитым солнцем небом, окруженные этими павшими ниц, размахивавшими руками страшилищами, одни из которых были совершенно похожи на людей, кроме еле уловимого отличия в выражении лиц и жестах, другие — какие-то калеки и, наконец, третьи — до того обезображенные, что они походили на болезненные видения из ужасных кошмаров, а позади с одной стороны

— колеблющийся тростник, с другой — густые пальмы, отделявшие нас от оврага с его пещерами, а к северу — туманная даль Тихого океана.

— Шестьдесят два, шестьдесят три, — считал Моро. — Недостает четверых!

— Не вижу леопардо-человека, — сказал я.

Моро снова протрубил в рог, и при звуке его все зверолюди стали корчиться и ползать по земле.

И вот из камышей, украдкой, пригибаясь и стараясь за спиной Моро присоединиться к остальным, появился леопардо-человек. Я увидел шишку у него на лбу. Последним появился маленький обезьяно-человек. Остальные, уставшие ползать в пыли, бросали на него злобные взгляды.

— Довольно, — решительно произнес Моро, и вся звериная братия, усевшись на землю, прекратила славословия.

— Где глашатай Закона? — спросил Моро, и косматое страшилище склонилось до самой земли.

— Говори, — сказал Моро, и тотчас все собрание, преклонив колени, раскачиваясь из стороны в сторону и подбрасывая в воздух куски серы сначала правой рукой, а потом левой, снова принялось распевать свою удивительную литанию.

Когда они дошли до слов: «Не есть ни мяса, ни

рыбы — это Закон», Моро поднял тонкую белую руку.

— Довольно! — крикнул он, и сразу воцарилась мертвая тишина.

Мне кажется, все они знали и боялись предстоящего. Взгляд мой пробегал по их странным лицам. Видя, как они дрожат, какой ужас застыл в их глазах, я удивился самому себе, принявшему их некогда за людей.

— Этот запрет был нарушен, — сказал Моро.

— Нет спасения, — произнесло безликое косматое чудище.

— Нет спасения, — повторило за ним все собрание зверолюдей.

— Кто нарушил Закон? — крикнул Моро, обводя глазами их лица и щелкая хлыстом.

Я заметил, что у гиено-свиньи, так же как и у леопардо-человека, был смущенный вид. Моро замолчал, глядя в упор на существа, которые пресмыкались пред ним, помня испытанные ими нестерпимые страдания.

— Кто нарушил Закон? — повторил Моро громовым голосом.

— Горе тому, кто нарушает Закон! — пропел глашатай Закона.

Моро посмотрел прямо в глаза леопардо-чело-

века таким взглядом, как будто хотел заглянуть в самую глубину его души.

— Тот, кто нарушает Закон… — начал Моро с оттенком торжества, отведя глаза от своей жертвы и повернувшись к остальным.

— …возвращается в Дом страдания! — подхватили все хором. — Возвращается в Дом страдания, о господин!

— В Дом страдания, в Дом страдания! — заболтал обезьяно-человек, как будто эта мысль была ему очень приятна.

— Ты слышишь? — сказал Моро, поворачиваясь к преступнику. — Друзья… Эй!

Он не договорил, так как леопардо-человек, избавившись от гипноза его взгляда, вскочил с горящими глазами и, обнажив хищные, сверкающие клыки, бросился на своего мучителя. Я убежден, что только безумный и невыносимый ужас мог быть причиной такого нападения. Все шестьдесят с лишним чудовищ вскочили. Я выхватил револьвер. Человек и его творение столкнулись. Я увидел, как от удара леопардо-человека Моро пошатнулся. Вокруг раздавались дикие крики и завывания.

Все завертелось вихрем. С минуту я думал, что поднялся общий бунт.

Разъяренное лицо леопардо-человека мелькнуло предо мной — его преследовал Млинг. Я увидел, как сверкали желтые глаза гиено-свиньи, — казалось, она готова была кинуться на меня. А из-за ее сутулых плеч горели глаза сатира. Я услышал выстрел Моро и увидел вспышку, озарившую возбужденную толпу. Вся она колыхнулась, увлекая меня за собой. И через мгновение я уже мчался среди дико вопившей толпы вслед за леопардо-человеком.

Вот все, что я помню. Я видел, как леопардо-человек ударил Моро, а потом все завертелось вокруг меня, и я бежал со всех ног.

Млинг был впереди, преследуя беглеца по пятам. За ним, высунув языки, большими прыжками бежали женщины-волчихи. Визжа от возбуждения, люди-свиньи и оба человеко-быка в своих белых одеждах скакали за ними. Следом бежал Моро, окруженный толпой зверолюдей. Его широкополую соломенную шляпу сорвал ветер, в руке он сжимал револьвер, и его длинные седые волосы развевались. Гиено-свинья держалась рядом со мной, украдкой посматривая на меня своими хищными глазами. Остальные с криком и шумом следовали за нами.

Леопардо-человек продирался сквозь высокие

тростники, которые, качаясь, хлестали по лицу Млинга. Все остальные, добежав до тростника, бросились по их следам. Так мы бежали через тростник, вероятно, с четверть мили, а потом очутились в густом лесу, где двигаться было очень трудно, хотя бежали мы большой толпой: ветки стегали нас по лицу, цепкие лианы хватали за шею или обвивались вокруг ног, колючки рвали одежду и царапали тело.

— Он пробежал здесь на четвереньках, — задыхаясь, проговорил Моро, оказавшийся теперь впереди меня.

— Нет спасения, — сказал волко-медведь, возбужденный погоней, смеясь мне прямо в лицо.

Мы снова очутились среди скал и увидели беглеца: он удирал на четвереньках и рычал на нас, оборачиваясь через плечо. В ответ на это рычание раздался восторженный вой волчьей братии. На беглеце все еще была одежда, и издалека лицо его казалось человеческим, но поступь была кошачья, а быстрые движения лопаток выдавали преследуемого зверя. Он перепрыгнул через какие-то колючие кусты с желтоватыми цветами и скрылся из виду. Млинг был почти у кустов.

Большинство из нас уже не могло бежать так быстро и замедлило шаг. Когда мы проходили

по открытому месту, я увидел, как сильно растянулись преследователи. Гиено-свинья все еще бежала рядом со мной, не сводя с меня глаз, и по временам насмешливо хрюкала.

Леопардо-человек, добравшись до скал и заметив, что так он попадет на мыс, где крался за мной в первый вечер моего прибытия, повернул обратно в кустарник. Но Монтгомери, заметив этот маневр, заставил его отступить.

Так, задыхаясь, спотыкаясь о камни, исцарапанный колючками, продираясь сквозь тростники и папоротники, я помогал преследовать леопардо-человека, который нарушил Закон, а гиено-свинья, дико смеясь, бежала рядом со мной. Я шатался, голова моя кружилась, сердце бешено стучало, я изнемогал, но не терял остальных из виду, так как иначе я остался бы один на один с этим ужасным чудовищем. И я продолжал бежать, несмотря на свою бесконечную усталость и полуденную жару.

Наконец пыл погони начал угасать. Мы загнали несчастного на край острова. Моро с хлыстом в руке выстроил нас в неровную шеренгу, и мы медленно двигались, перекликаясь друг с другом и стягивая кольцо вокруг своей жертвы.

Она притаилась, бесшумная и невидимая, в том

самом кустарнике, где я спасался от нее во время полночной погони.

— Осторожно, — кричал Моро, — осторожно!

А мы тем временем охватывали кустарник и окружали беглеца.

— Остерегайтесь нападения! — послышался из-за чащи голос Монтгомери.

Я был на склоне холма, над кустарником. Монтгомери и Моро внизу обшаривали берег. Мы медленно продвигались среди переплетенных ветвей и листьев. Беглец не шевелился.

— Возвращается в Дом страдания, в Дом страдания, в Дом страдания! — раздавался где-то шагах в двадцати голос обезьяно-человека.

Услышав это, я простил несчастному тот страх, который он заставил меня пережить. Я услышал, как справа от меня затрещали ветки и сучья под тяжелыми шагами лошади-носорога. И вдруг сквозь густо переплетенную зелень в полутьме пышной растительности я увидел преследуемого. Я остановился. Он весь съежился, обернувшись через плечо, его блестящие зеленые глаза смотрели на меня.

Вам это может показаться странным и противоречивым — я не могу этого объяснить, — но теперь, видя существо в истинно звериной позе,

со сверкающими глазами, с его не вполне человеческим лицом, перекошенным от ужаса, я снова почувствовал в нем что-то человеческое. Еще одно мгновение — и остальные преследователи увидят и схватят его, чтобы еще раз подвергнуть ужаснейшим пыткам в Доме страдания.

Я решительно выхватил револьвер, прицелился ему прямо между глаз, в которых застыл ужас, и выстрелил.

В это время гиено-свинья тоже увидела его и, пронзительно завизжав, вонзила зубы в его шею. Зеленая чаща вокруг меня заколыхалась и затрещала, так как зверолюди всей толпой кинулись туда один за другим.

— Не убивайте его, Прендик! — кричал Моро. — Не убивайте!

Я увидел, как он нагнулся, пробираясь среди папоротников.

Через мгновение он уже отогнал гиено-свинью ударом хлыста и вместе с Монтгомери осаживал от все еще трепетавшего тела возбужденную, кровожадную толпу, среди которой особенно напирал Млинг.

Косматое страшилище подошло к трупу, проскользнув у меня под рукой, и стало нюхать воздух. Остальные в пылу звериного восторга

толкали меня, чтобы пробраться поближе.

— Черт вас побери, Прендик! — сказал Моро. — Он был мне нужен.

— Очень жаль, — отозвался я, хотя в действительности нисколько не сожалел о сделанном. — Это был мгновенный порыв.

Я чувствовал себя совсем больным от возбуждения и усталости. Повернув назад, я растолкал толпу и один пошел вверх по склону к самой возвышенной части мыса. Я услышал, как Моро громко отдал распоряжения, и трое закутанных в белое человеко-быков поволокли жертву к воде.

Мне было нетрудно остаться одному. Зверолюди проявили чисто человеческое любопытство по отношению к мертвому и валили за ними густой толпой, сопя и ворча. Человеко-быки тащили его вниз, к берегу. Я направился к мысу и смотрел, как они, вырисовываясь темными силуэтами на фоне вечернего неба, волокли к морю тяжелое тело, и, как нахлынувшая волна, в моем уме промелькнула мысль о страшной бесцельности событий, происходивших на острове. На берегу среди скал стояли обезьяно-человек, гиено-свинья и несколько других зверолюдей, окружив Монтгомери и Моро. Все они были еще сильно возбуждены и шумно выражали свою предан-

ность Закону. Но я был глубоко убежден, что гиено-свинья была тоже причастна к убийству кроликов. Меня охватила странная уверенность, что, несмотря на всю нелепость и необычайность форм, я видел перед собою в миниатюре человеческую жизнь с ее переплетением инстинктов, разума и случайности. Погиб не просто человек, а леопардо-человек. Вот и вся разница.

Бедные твари! Передо мною раскрывался весь ужас жестокости Моро. До сих пор я не думал о тех страданиях и страхе, которые испытывали эти несчастные животные после того, как выходили из рук Моро. Я содрогался, только воображая их мучения за оградой, но теперь это казалось мне не главным. Раньше они были животными, их инстинкты были приспособлены к окружающим условиям, и они были счастливы, насколько могут быть счастливы живые существа. Теперь же они были скованы узами человеческих условностей, жили в страхе, который никогда не умирал, ограниченные Законом, которого не могли понять; эта пародия на человеческую жизнь начиналась с мучений и была долгой внутренней борьбой, бесконечно долгим страхом перед Моро. И для чего? Эта бессмысленность возмущала меня.

Будь у Моро какая-нибудь понятная мне цель, я мог бы по крайней мере сочувствовать ему. Я вовсе не так уж разборчив в средствах. Я даже многое простил бы ему, будь мотивом его поступков ненависть. Но он был так спокоен, так беспечен! Его любопытство, его дикие, бесцельные исследования увлекали его, и вот новое существо выбрасывалось в жизнь на несколько лет, чтобы бороться, ошибаться, страдать и в конце концов умереть мучительной смертью. Они были несчастны: врожденная животная ненависть побуждала их преследовать друг друга; Закон удерживал их от короткой борьбы и решительного конца, к которому приводит прирожденная вражда между собой.

В те дни мой страх перед зверолюдьми уступил место страху перед Моро. Я впал в болезненное состояние, долгое и мучительное, в какой-то безумный страх, который оставил прочные следы в моем мозгу. Признаться, я потерял веру в разумность мироздания, когда увидел, что возможны бессмысленные страдания, царившие на этом острове. Слепая, безжалостная машина, казалось, выкраивала, придавала форму живым существам, и я, Моро (своей страстью к исследованию), Монтгомери (своей страстью к пьянству), зверо-

люди со своими инстинктами и ограниченным умом — все мы вертелись и дробились между ее безжалостных, непрерывно движущихся колес. Но это душевное состояние пришло не сразу… Мне даже кажется, что, рассказывая об этом, я забегаю вперед.

XVII
Катастрофа

Прошло полтора месяца, и я перестал испытывать что-либо, кроме неприязни и отвращения, к ужасным опытам Моро. Моим единственным желанием было уйти от творца этих ужасных карикатур на мой образ и подобие, вернуться к приятному и нормальному общению с людьми. Люди, с которыми я был теперь разлучен, стали представляться мне идиллически добродетельными и прекрасными. Моя дружба с Монтгомери не удалась. Его долгая обособленность от людей, тайная склонность к пьянству, явная симпатия к зверолюдям — все это отталкивало меня от него. Несколько раз я отказывался сопровождать его к ним. Я избегал общения с ними, как только мог. Бóльшую часть времени я проводил на берегу, тщетно ожидая появления какого-нибудь спасительного корабля, пока наконец над нами не разразилось ужасное бедствие, совершенно изменившее положение вещей на острове.

Это случилось месяца через два после моего прибытия, а может быть, и больше, не знаю,

потому что не вел счет времени. Катастрофа произошла неожиданно. Случилась она рано утром, помнится, около шести часов. Я рано встал и позавтракал, так как меня разбудил шум — зверолюди таскали дрова за ограду.

Позавтракав, я вышел к открытым воротам и стоял там, куря сигарету и наслаждаясь свежестью раннего утра. Вскоре из-за ограды вышел Моро и поздоровался со мной. Он прошел мимо меня, и я услышал, как у меня за спиной щелкнул замок, когда он отпирал свою лабораторию. Я уже до такой степени привык к ужасу, царившему на острове, что без малейшего волнения слушал, как жертва Моро — пума — начала стонать под пыткой. Она встретила своего мучителя пронзительным криком, точь-в-точь походившим на крик разъяренной женщины.

А потом что-то случилось. До сих пор не знаю хорошенько, в чем было дело. Я услышал позади себя резкий крик, звук падения и, обернувшись, увидел надвигавшееся на меня ужаснейшее лицо, не человеческое и не звериное, а какое-то адское: темное, все изборожденное красными рубцами, сплошь усеянное каплями крови, и на нем сверкали глаза, лишенные век. Я поднял руку, прикрываясь от удара, и упал головой вперед,

чувствуя, что сломал руку, а огромное страшилище, обмотанное корпией, с развевавшимися кровавыми бинтами, перескочило через меня и исчезло. Я покатился вниз, к берегу, попытался сесть и упал прямо на сломанную руку. А потом появился Моро. Его большое бледное лицо казалось еще ужаснее от крови, струившейся по лбу. В руке он держал револьвер. Он едва взглянул на меня и тотчас же бросился в погоню за пумой.

Я ощупал руку и сел на землю. Вдали большими скачками мчалась по берегу забинтованная фигура, а следом за ней Моро. Она обернулась, увидела его и неожиданно повернула в кустарник. С каждым скачком она уходила от него все дальше. Я увидел, как она нырнула в кусты, а Моро, бежавший ей наперерез, выстрелил. Он промахнулся, и она исчезла. А вслед за ней и он исчез в зеленой чаще.

Я смотрел им вслед, но тут боль в руке так усилилась, что я, шатаясь, со стоном вскочил на ноги.

На пороге показался Монтгомери, одетый, с револьвером в руке.

— Боже мой, Прендик! — воскликнул он, не замечая, что я покалечен. — Эта тварь сбежала! Вырвала из стены крюки! Видели вы их? — Но

тут, заметив, что я держусь за руку, быстро спросил: — Что с вами?

— Я стоял в дверях, — ответил я.

Он подошел и ощупал мою руку.

— У вас кровь на блузе, — сказал он, закатывая мне рукав.

Он сунул револьвер в карман, снова ощупал мою руку и повел меня в дом.

— У вас рука сломана, — сказал он и добавил: — Расскажите подробно, как это случилось.

Я рассказал ему все, что видел, отрывистыми фразами, прерываемыми стонами, а он тем временем ловко и быстро перевязал мне руку. Подвесив ее на перевязь через плечо, он отошел и посмотрел на меня.

— Так будет хорошо, — сказал он. — Но что же дальше?

Он задумался. Потом вышел и запер ворота. Некоторое время его не было.

Меня больше всего заботила моя рука. Все происшедшее казалось мне лишь одним из многих ужасных событий, происходивших на острове. Я уселся в шезлонг и, должен сознаться, от всей души проклинал остров. Боль в руке, сначала тупая, стала острой и жгучей, а Монтгомери все еще где-то пропадал.

Вернулся он бледный, нижняя губа у него отвисла более обыкновенного.

— Моро как сквозь землю провалился, — сказал он. — Наверное, ему понадобится моя помощь. — Он уставился на меня своими пустыми глазами. — Сильный зверь, — сказал он, — крюки вырваны из стены.

Он подошел к окну, потом к двери и снова повернулся ко мне.

— Пойду искать его, — сказал он. — Вот, возьмите револьвер. По правде говоря, я очень встревожен.

Он вынул револьвер, положил его рядом со мной на стол и вышел, оставив меня в сильном беспокойстве. Я недолго просидел в комнате после его ухода. Держа в руке револьвер, я подошел к двери.

Вокруг царила мертвая тишина. Не чувствовалось ни дуновения ветерка, море блестело, как зеркало, небо было безоблачно, берег пустынен. Я дрожал от тревоги и лихорадки, эта тишина меня удручала.

Я стал что-то насвистывать, но у меня ничего не вышло. Я снова выругался, во второй раз за это утро, подошел к углу ограды и начал всматриваться в зеленый кустарник, который поглотил

Моро и Монтгомери. Когда они вернутся? Что с ними будет?

Далеко на берегу показалось маленькое серое существо, добежало до воды и принялось плескаться. Я стал шагать от двери до угла ограды, взад и вперед, как часовой. Один раз я остановился, услышав вдали голос Монтгомери: «Ау! Моро!»

Рука моя теперь болела меньше, но вся горела. Меня лихорадило, хотелось пить. Тень моя становилась все короче. Я наблюдал за видневшимся вдалеке серым существом, пока оно не исчезло. Неужели Моро и Монтгомери никогда не вернутся? Три морские птицы затеяли драку из-за какого-то выброшенного морем на берег сокровища.

Потом где-то очень далеко за оградой раздался револьверный выстрел. Воцарилась долгая тишина, а затем раздался второй выстрел, я услышал дикий крик где-то вблизи, и снова наступила зловещая тишина. Мое воображение работало вовсю, рисуя ужасные картины. Еще один выстрел раздался совсем близко.

Я кинулся к углу ограды и увидел Монтгомери, он был весь красный, растрепанный, с разорванной штаниной. На его лице был написан ужас. За ним, волоча ноги, шел Млинг, вокруг челюстей

которого виднелись какие-то зловещие темные пятна.

— Он вернулся? — спросил Монтгомери.

— Моро? — переспросил я. — Нет.

— Господи боже! — Монтгомери с трудом переводил дыхание. — Войдем в комнату, — сказал он, взяв меня за руку. — Они совсем остервенели. Бегают как угорелые. Что могло случиться? Ума не приложу. Сейчас, вот только отдышусь. Нет ли коньяку?

Он, прихрамывая, вошел в комнату и опустился в шезлонг.

Млинг улегся на землю за дверью, громко дыша, как это делают собаки. Я дал Монтгомери коньяку с водой. Он сидел, глядя куда-то в пустоту, но понемногу пришел в себя. Через несколько минут он рассказал мне, что произошло.

Сначала он шел по их следам. Это было нетрудно благодаря помятым и поломанным кустам, белым клочьям бинтов пумы и многочисленным пятнам крови на листьях. Однако он потерял след на каменистой почве за ручьем, где я раньше видел пьющего леопардо-человека, и пошел наугад на запад, зовя Моро. К нему присоединился Млинг, у которого был маленький топор. Млинг ничего не знал об истории с пумой, он рубил

дрова и услышал крики хозяина. Они пошли вместе, продолжая звать Моро. По дороге им попались двое зверолюдей, которые, притаившись, смотрели на них сквозь кустарник с таким странным видом, что Монтгомери обеспокоился. Он кликнул их, но они виновато убежали. Тогда он перестал звать Моро и, бесцельно побродив некоторое время, решился заглянуть в хижины.

Он нашел ущелье пустым.

С каждой минутой все больше беспокоясь, он тихо вернулся назад. Он встретил двух свинолюдей, которых я в первый день видел танцевавшими, губы у них были в крови и дрожали от возбуждения. Они с треском ломились сквозь папоротники и, увидев его, остановились со злобным видом. Он не без тайного страха щелкнул хлыстом, и они тотчас же набросились на него. До сих пор ни один зверочеловек не осмеливался сделать это. Одному он прострелил голову, а Млинг набросился на другого, и они, схватившись, покатились по земле. Млинг подмял врага под себя и вцепился зубами ему в горло, а Монтгомери тем временем пристрелил его. Он с трудом заставил Млинга следовать за собой.

Они поспешили обратно ко мне. По дороге Млинг неожиданно кинулся в кустарник и выво-

лок оттуда небольшого оцелото-человека, тоже запачканного кровью и хромавшего из-за раны на ноге. Он отбежал на несколько шагов, а потом, повернувшись, вдруг кинулся на них. Монтгомери, как мне показалось, без особенной нужды застрелил его.

— Что же это такое? — спросил я.

Он покачал головой и снова принялся за коньяк.

XVIII
Мы находим Моро

Увидев, что Монтгомери осушил третий стакан коньяку, я решил остановить его. Он был уже совсем пьян. Я сказал, что с Моро, должно быть, случилась серьезная беда, иначе он вернулся бы, и мы должны отправиться на поиски. Монтгомери принялся было слабо возражать мне, но в конце концов согласился. Мы подкрепились едой и все трое отправились в путь.

Вероятно, это объясняется напряжением, охватившим меня в то время, но до сих пор я с необычайной ясностью вспоминаю наши скитания среди знойной тишины тропического полдня. Млинг шел впереди, сгорбившись, его уродливая черная голова быстро поворачивалась, посматривая то в одну, то в другую сторону. Он был безоружен. Свой топор он потерял при встрече со свино-людьми. Зубы уже послужили ему оружием, когда дело дошло до схватки. Монтгомери следовал за ним, пошатываясь, засунув руки в карманы, понурив голову. Он был в состоянии пьяного раздражения, сердясь на меня за то,

что я отнял у него коньяк. Моя левая рука была на перевязи — счастье, что это была левая рука, — а в правой я держал револьвер.

Мы пошли по узкой тропинке среди дикой роскошной растительности, продвигаясь на северо-запад. Вдруг Млинг остановился и замер, выжидая. Монтгомери чуть не налетел на него и тоже остановился. Напрягая слух, мы услышали звуки голосов, шум, приближавшиеся шаги.

— Он умер, — говорил какой-то низкий дрожащий голос.

— Не умер, не умер, — бормотал другой.

— Мы видели, мы видели, — заговорило хором несколько других голосов.

— Э-эй! — крикнул вдруг Монтгомери. — Эй, вы!

— Черт бы вас побрал, — добавил я, сжимая револьвер.

Наступило молчание, потом в густой зелени послышался треск, и со всех сторон показались лица, странные лица, с новым, необычным выражением. Млинг зарычал. Я увидел обезьяночеловека — еще раньше я узнал его по голосу — и двух закутанных в белое темнолицых существ, которых видел в баркасе. С ними были оба пятнистых существа и то самое ужасное, сгорбленное

чудовище, которое вещало Закон, с лицом, заросшим серебристыми волосами, с нахмуренными седыми бровями и косматыми клочьями, торчавшими посреди его покатого лба; огромное, безликое, оно с любопытством посматривало на нас из-за зелени своими странными красными глазами.

Некоторое время все молчали. Потом Монтгомери спросил:

— Кто… сказал, что он умер?

Обезьяно-человек с виноватым видом посмотрел на косматое чудовище.

— Он умер, — сказало страшилище. — Они видели.

Во всяком случае, этих нам нечего было бояться. Казалось, все они были полны страха и удивления.

— Где он? — спросил Монтгомери.

— Там, — указало седое чудовище.

— Есть ли теперь Закон? — подхватил обезьяно-человек.

— Должны ли мы исполнять его веления?

— Правда ли, что он умер?

— Есть ли теперь Закон? — повторил человек в белом.

— Есть ли теперь Закон, ты, второй с бичом? Он

умер, — сказало косматое чудовище.

Все они глядели на нас.

— Прендик, — сказал Монтгомери, взглянув на меня своими тусклыми глазами. — Все ясно: он умер.

Я стоял позади него. Теперь мне становилось ясно, что с ним происходит. Вдруг я шагнул вперед и громко сказал:

— Дети Закона, он *не* умер.

Млинг посмотрел на меня своими острыми глазами.

— Он переменил свой образ, переменил свое тело, — продолжал я, — и некоторое время вы не увидите его. Он там, — я указал на небо, — и оттуда он смотрит на вас. Вы не можете его видеть. Но он может видеть вас. Бойтесь Закона!

Я посмотрел на них в упор. Они колебались.

— Он велик, он добр, — сказал обезьяно-человек, пугливо глядя наверх сквозь густую листву.

— А то существо? — спросил я.

— Существо, которое было в крови и бежало с криком и стонами, оно тоже умерло, — сказало седое чудовище, не сводя с меня глаз.

— Вот это хорошо, — проворчал Монтгомери.

— Второй с хлыстом… — начало седое чудовище.

— Ну? — спросил я.

— Сказал, что он умер.

Но Монтгомери не был все же настолько пьян, чтобы не понять, отчего я отрицал смерть Моро.

— Нет, не умер, — медленно сказал он. — Вовсе не умер. Не более, чем я.

— Некоторые, — сказал я, — нарушили Закон. Они должны умереть. Некоторые уже умерли. Покажи нам теперь, где лежит его бывшее тело, которое он оставил, так как оно больше не нужно ему.

— Оно вон там, о человек, ходивший в море, — сказало косматое чудовище.

Они показали нам путь, мы отправились сквозь густые папоротники, лианы и деревья на северо-запад. Послышались крик, треск сучьев, и маленькое розовое создание промчалось мимо нас.

За ним по пятам гналось покрытое кровью мохнатое существо, которое с разбегу бежало прямо на нас. Волосатое чудовище отпрыгнуло в сторону; Млинг с рычанием набросился на врага, но был отброшен; Монтгомери выстрелил, промахнулся, пригнул голову, прикрываясь руками, и приготовился бежать. Я тоже выстрелил, но кровожадное существо все бежало на нас. Я

выстрелил еще раз в упор в его безобразное лицо. Огненная вспышка хлестнула по нему. Все его лицо превратилось в кровавую рану; но все же существо, проскочив мимо меня, налетело на Монтгомери и, повалив его, поволокло за собой по земле в предсмертной агонии.

Я очутился перед Млингом, мертвым зверем и распростертым на земле человеком. Монтгомери медленно приподнялся и с недоумением уставился на окровавленное тело, лежавшее рядом с ним. Это зрелище почти совсем отрезвило его. Он с трудом встал на ноги. В это время седое чудовище осторожно пробиралось обратно к нам среди деревьев.

— Смотри, — сказал я, указывая на убитого. — Разве не существует Закон? Вот что происходит, когда Закон нарушают.

Чудовище посмотрело на убитого.

— Он посылает огонь, который убивает, — сказало оно своим хриплым голосом, повторяя слова Закона.

Остальные столпились вокруг и тоже смотрели.

В конце концов мы почти добрались до западной оконечности острова. Там мы нашли обглоданное и искалеченное тело пумы с раз-

дробленной пулей лопаткой и, шагах в двадцати от него, то, что искали. Моро лежал лицом вниз на полянке, вытоптанной среди тростников: одна его рука была почти оторвана, на седых волосах запеклась кровь. Голова его была разбита цепями пумы. Поломанные тростники были окроплены кровью. Револьвера мы не нашли. Монтгомери перевернул тело на спину.

Отдыхая время от времени, мы понесли его с помощью семи зверолюдей — так как он был очень тяжел — обратно к дому. Темнело. Два раза мы слышали совсем близко, как невидимые существа кричали и выли, а один раз показалось розовое ленивцеподобное существо, уставилось на нас и снова исчезло. Но нападения больше не было. У ворот зверолюди остановились, с нами вошел только Млинг. Мы внесли искалеченное тело Моро во двор, положили его на груду хвороста и заперли за собой ворота.

Потом мы пошли в лабораторию и уничтожили всех бывших там живых существ.

XIX
Праздник Монтгомери

Покончив с этим делом, умывшись и поев, мы с Монтгомери пошли в мою маленькую комнату и начали в первый раз серьезно обсуждать свое положение. Близилась полночь. Монтгомери был почти трезв, но соображал с трудом. Он всегда находился под влиянием Моро. Не думаю, чтобы ему когда-либо приходила в голову мысль, что Моро может умереть. Эта смерть была для него неожиданным ударом, разрушившим тот образ жизни, к которому он привык более чем за десять лет, проведенных на острове. Он говорил как-то неопределенно, уклончиво отвечал на мои вопросы, пускался в общие рассуждения.

— Как глупо устроен мир, — разглагольствовал он. — Жизнь — такая бессмыслица! У меня вообще жизни не было. Интересно, когда же она наконец начнется! Шестнадцать лет я мучился под надзором нянек и учителей, исполняя их милую волю, пять лет в Лондоне без устали зубрил медицину, голодал, жил в жалкой квартире, носил жалкую одежду, предавался жалким

порокам, совершил однажды глупость, потому что был набитым дураком, и очутился на этом собачьем острове. Десять лет проторчал здесь! И чего ради, Прендик? Разве мы мыльные пузыри, выдуваемые ребенком?

Нелегко было прекратить эти разглагольствования.

— Мы должны подумать, как унести отсюда ноги, — сказал я.

— А что толку? Ведь я изгнанник. Куда мне деваться? Вам-то хорошо, Прендик. Бедный старина Моро! Мы не можем бросить его здесь, чтобы они обглодали его косточки. А ведь к тому идет… И потом, что будет с бедными тварями, которые ни в чем не повинны?

— Ладно, — сказал я. — Обсудим это завтра. По-моему, нужно сложить костер и сжечь его тело вместе с остальными трупами… А что, собственно, может случиться с этими тварями?

— Не знаю. Скорей всего, те, которые были сделаны из хищников, рано или поздно озвереют. Но мы не можем их всех истребить, правда? А ведь *ваша* человечность, пожалуй, подсказала бы именно такой выход?.. Но они изменятся. Несомненно, изменятся.

Он продолжал молоть всякий вздор, покуда я

не потерял терпения.

— Черт вас побери! — воскликнул он в ответ на какое-то мое резкое замечание. — Разве вы не видите, что мое положение хуже вашего?

Он встал и пошел за коньяком.

— Пейте, — сказал он, вернувшись. — Пейте, вы, здравомыслящий, бледнолицый безбожник с лицом святого.

— Не буду! — злобно сказал я, уселся и глядел на его освещенное желтоватым светом лампы лицо, покуда он не напился до состояния болтливого опьянения.

Помню, что я испытывал бесконечную усталость. Снова расчувствовавшись, он выступил в защиту зверолюдей и Млинга. Млинг, по его словам, был единственным существом, которое любило его. И вдруг ему пришла в голову неожиданная мысль.

— Будь я проклят! — сказал он, пошатываясь, вскочил на ноги и схватил бутылку с коньяком.

Каким-то чутьем я понял, что он собирался сделать.

— Я не позволю вам напоить это животное! — сказал я, преграждая ему путь.

— Животное! — воскликнул он. — Сами вы животное! Он будет пить не хуже всякого другого.

Прочь с дороги, Прендик!

— Ради бога… — начал я.

— Прочь!.. — завопил он, неожиданно выхватив револьвер.

— Отлично, — сказал я, отойдя в сторону, и уже готов был напасть на него сзади, когда он взялся за задвижку, но удержался, вспомнив про свою сломанную руку. — Вы сами превратились в животное, вот и ступайте к ним.

Он распахнул дверь и оглянулся на меня, освещенный с одной стороны желтоватым светом лампы, а с другой — бледным светом луны. Его глазницы казались черными пятнами под густыми бровями.

— Вы, Прендик, напыщенный дурак, совершенный осел! Вечно вы чего-то боитесь и что-то воображаете. Дело идет к концу. Завтра мне придется перерезать себе горло. Но сегодня вечером я устрою себе премиленький праздник.

Он повернулся и вышел.

— Млинг! — крикнул он. — Млинг, старый дружище!

Три смутные фигуры, освещенные серебристым светом луны, двигались вдали по темному берегу. Одна из них была в белой одежде, остальные две, шедшие позади, казались черными пятнами.

Они остановились, глядя в сторону дома. Потом я увидел сгорбленного Млинга, который выбежал из-за угла.

— Пейте! — кричал Монтгомери. — Пейте, звери! Пейте и становитесь людьми… Черт возьми, я умнее всех! Моро забыл это. Наступило последнее испытание. Пейте, говорю вам! — И, размахивая бутылкой, он быстрой рысцой побежал на запад вместе с Млингом, который последовал за ним впереди трех смутных фигур.

Я вышел на порог. Их было уже трудно разглядеть в неверном лунном свете, но вот Монтгомери остановился. Я видел, как он поил коньяком Млинга, а потом все пять фигур слились в один сплошной клубок.

— Пойте, — услышал я возглас Монтгомери. — Пойте все вместе: «Черт побери Прендика!» Вот хорошо! Ну, теперь еще раз: «Черт побери Прендика!»

Черный клубок разделился на пять отдельных фигур, и они медленно удалились по залитому лунным светом берегу. Каждый вопил на свой собственный лад, выкрикивая по моему адресу всякие ругательства и давая таким образом выход своему пьяном восторгу.

Вскоре я услышал вдалеке голос Монтгомери,

командовавшего: «Направо марш!» С криками и завываниями они исчезли в темноте среди прибрежных деревьев. Мало-помалу голоса их затихли.

Снова воцарилось мирное великолепие ночи. Луна уже склонялась к западу. Было полнолуние, и она ярко сияла, плывя по безоблачному небу. У моих ног лежала тень ограды, она была шириной в ярд, черная как смола. Море на востоке казалось мутно-серым и таинственным, а между ним и тенью стены искрился и блестел серый песок (он состоял из частиц вулканического стекла и кристаллических пород). Казалось, весь берег был усыпан бриллиантами. Позади меня желтоватым огнем горела керосиновая лампа.

Я закрыл дверь, запер ее и пошел за ограду, где лежал Моро рядом со своими последними жертвами: гончими собаками, ламой и еще несколькими несчастными животными. Крупные черты его лица были спокойны, несмотря на то что он принял ужасную смерть, суровые глаза смотрели вверх, на бледный лик луны. Я присел на край сточной трубы и, не сводя глаз с этой мрачной груды тел, на которых серебристый свет луны чередовался со зловещими тенями, стал обдумывать свое положение.

Утром я положу в лодку еды и, предав огню эти тела, снова пущусь в открытый океан. Я чувствовал, что Монтгомери все равно погиб; он действительно стал близок по духу к этим зверолюдям и не мог бы жить с обыкновенными людьми.

Не знаю, сколько времени просидел я в раздумье. Вероятно, прошло не меньше часа. Потом мои размышления были прерваны — где-то поблизости появился Монтгомери. Я услышал разноголосые крики, удалявшиеся в сторону берега, ликующие вопли, гиканье и завывание. Толпа, видимо, остановилась у самого берега. Гвалт усилился, потом затих. Я услышал тяжелые удары и треск раскалываемого дерева, но тогда это не обеспокоило меня. Послышалось нестройное пение.

Я снова начал обдумывать пути спасения. Я встал, взял лампу и пошел в сарай осмотреть несколько бочонков, которые там видел. Потом меня заинтересовало содержимое жестянок, и я открыл одну. Тут мне показалось, что я вижу какую-то красную фигуру. Я быстро обернулся.

Позади меня был двор, где полосы лунного света чередовались с густой темнотой. Посреди двора возвышалась куча дров и хвороста, на кото-

рой рядом со своими искалеченными жертвами лежал Моро. Казалось, они обхватили друг друга в последней борьбе. Раны Моро зияли, черные как ночь, а запекшаяся кровь лежала на песке темными пятнами. Потом, еще не понимая, в чем дело, я увидел дрожащий красноватый свет, перебросившийся на противоположную стену. Я по ошибке принял его за отражение вспышки лампы у меня в комнате и снова занялся осмотром провианта в сарае. Я рылся там, действуя здоровой рукой, находя то одно, то другое и откладывая в сторону все нужное, чтобы на другой день погрузить в лодку. Двигался я с трудом, а время летело быстро. Скоро забрезжил рассвет.

Пение на берегу сменилось шумом, затем началось снова и неожиданно перешло в возню. Я услышал крики: «Еще, еще!» Потом снова шум, как будто там затеяли ссору, и вдруг — пронзительный крик. Шум сразу настолько изменился, что я не мог не обратить на это внимания. Я вышел на двор и прислушался. И вот, подобно стальному ножу, всю эту сумятицу прорезал револьверный выстрел.

Я кинулся через свою комнату к маленькой двери. Тут я услыхал, как у меня за спиной несколько ящиков покатились на пол сарая и с треском

разбились вдребезги. Но я не обратил на это внимания. Я распахнул дверь и выглянул наружу.

На берегу, у пристани, горел костер, взметая снопы искр в смутно белевшее рассветное небо. Вокруг него копошились темные фигуры. Я услышал голос Монтгомери, который звал меня, и тотчас пустился бежать к костру с револьвером в руке. Я увидел, как низко, почти по самой земле, полоснуло пламя револьверного выстрела. Значит, Монтгомери упал. Я крикнул изо всех сил и выстрелил в воздух.

Кто-то закричал: «Господин!» Черный барахтавшийся клубок распался, огонь в костре вспыхнул и погас. Толпа зверолюдей в панике разбежалась по берегу. Сгоряча я выстрелил им вслед, когда они исчезали между кустов. Потом я повернулся к черным грудам, оставшимся на песке.

Монтгомери лежал на спине, а сверху на него навалилось косматое чудовище. Оно было мертво, но все еще сжимало горло Монтгомери своими кривыми когтями. Рядом с ним, ничком, совершенно спокойный, лежал Млинг. Шея его была прокушена, а в руке зажато горлышко разбитой бутылки из-под коньяка. Еще двое лежали около костра, один неподвижно, другой по временам медленно, со стоном приподнимал голову и снова

ронял ее.

Я обхватил косматое чудовище и оттащил его от Монтгомери; его когти еще цеплялись за одежду. Монтгомери весь посинел и еле дышал. Я побрызгал ему в лицо морской водой, а под голову вместо подушки подложил свою свернутую куртку. Млинг был мертв. Раненый — это был человеко-волк с серым бородатым лицом — лежал грудью на еще тлевших углях костра; несчастный был так ужасно обожжен и изранен, что я из сострадания выстрелом размозжил ему череп. Второй был один из закутанных в белое человеко-быков. Он тоже был мертв.

Остальные зверолюди исчезли с берега. Я снова подошел к Монтгомери и опустился рядом с ним на колени, проклиная себя за незнание медицины.

Костер потух, и только угли, перемешанные с золой, еще тлели. Я с изумлением подумал, откуда Монтгомери достал дрова. Тем временем рассвело. Небо светлело, луна становилась бледной и призрачной на голубом небе. Восток окрасился алым заревом.

Вдруг позади себя я услышал грохот и шипение. Оглянувшись, я с криком ужаса вскочил на ноги. Огромные клубы черного дыма поднима-

лись навстречу восходящему солнцу, и сквозь их вихревой мрак прорывались кровавые языки пламени. А потом занялась соломенная крыша. Я увидел, как огненные языки начали лизать солому. Пламя вырвалось и из окна моей комнаты.

Я сразу понял, что случилось. Мне вспомнился недавний треск. Бросившись на помощь к Монтгомери, я опрокинул лампу.

Было ясно, что мне не удастся спасти ничего. Я вспомнил свой план и решил взглянуть на две лодки, вытащенные на берег. Но их не было! Два топора валялись на песке, вокруг были разбросаны щепки и куски дерева, и пепел костра темнел и дымился в лучах рассвета. Монтгомери сжег лодки, чтобы отомстить за себя и помешать мне вернуться в общество людей.

Внезапное бешенство охватило меня. Мне захотелось размозжить ему голову, беспомощно лежавшую у моих ног. Вдруг его рука шевельнулась так слабо и жалко, что злоба моя утихла. Он застонал и на миг открыл глаза.

Я опустился на колени и приподнял его голову. Он снова открыл глаза, безмолвно глядя на разгоравшийся день. Наши взгляды встретились. Он опустил веки.

— Жаль, — с усилием произнес он. Казалось, он

пытался собраться с мыслями. — Конец, — прошептал он, — конец этой дурацкой вселенной… Что за бессмыслица…

Я молча слушал. Голова его беспомощно поникла. Я подумал, что глоток воды мог бы оживить его, но под рукой не было ни воды, ни посудины, чтобы ее принести. Тело его вдруг как будто стало тяжелее. Я весь похолодел.

Я нагнулся к его лицу, просунул руку в разрез его блузы. Он был мертв. И в эту самую минуту полоса яркого света блеснула на востоке за мысом, разливаясь по небу и заставляя море ослепительно сверкать. Солнечный свет как бы ореолом окружил его лицо с заострившимися после смерти чертами.

Я осторожно опустил его голову на грубую подушку, сделанную мною для него, и встал на ноги. Передо мной расстилался сверкающий простор океана, где я страдал от ужасного одиночества; позади в лучах рассвета лежал молчаливый остров, населенный зверолюдьми, теперь безмолвными и невидимыми. Дом со всеми припасами горел, ярко вспыхивая, с треском и грохотом. Густые клубы дыма ползли мимо меня по берегу, проплывая над отдаленными вершинами деревьев, к хижинам в ущелье. Около меня лежали обуг-

лившиеся остатки лодок и пять мертвых тел.

Но вот из-за кустарников показалось трое зверолюдей, сгорбленных, с неуклюже висевшими уродливыми руками, выдававшимися вперед лицами и настороженными враждебными глазами. Они нерешительно приближались ко мне.

XX
Один среди зверолюдей

Я стоял перед ними, читая свою судьбу в их глазах, совершенно один, со сломанной рукой. В кармане у меня был револьвер, в котором недоставало трех патронов. Среди разбросанных по берегу обломков лежали два топора, которыми изрубили лодки. Позади плескались волны.

У меня не оставалось иного оружия для защиты, кроме собственного мужества. Я смело взглянул на приближавшихся чудовищ. Они избегали моего взгляда, их трепетавшие ноздри принюхивались к телам, лежавшим на берегу. Я сделал несколько шагов, поднял запачканный кровью хлыст, лежавший около тела человеко-волка, и щелкнул им.

Они остановились, не сводя с меня глаз.

— Кланяйтесь, — сказал я. — На колени!

Они остановились в нерешительности. Один из них встал на колени. Я, хотя душа у меня, как говорится, ушла в пятки, повторил свой приказ и подошел к ним еще ближе.

Снова один опустился на колени, за ним двое

остальных. Тогда я направился к мертвым телам, повернув лицо к трем коленопреклоненным зверолюдям, как делает актер, когда пересекает сцену, обратив лицо к публике.

— Они нарушили Закон, — сказал я, наступив ногой на тело глашатая Закона. — И были убиты. Даже сам глашатай Закона; даже второй с хлыстом. Закон велик! Приблизьтесь и смотрите.

— Нет спасения, — сказал один из них, приближаясь и поглядывая на меня.

— Нет спасения, — сказал я. — Поэтому слушайте и повинуйтесь.

Они встали, вопросительно переглядываясь.

— Ни с места, — сказал я.

Я поднял оба топора, повесил их на свою перевязь, перевернул Монтгомери, взял его револьвер, заряженный еще двумя пулями, и, нагнувшись, нашарил в его карманах с полдюжины патронов.

— Возьмите его, — сказал я, разгибаясь и указывая хлыстом на тело Монтгомери. — Унесите и бросьте в море.

Они подошли к телу Монтгомери, видимо все еще страшась его, но еще более напуганные щелканьем моего окровавленного хлыста, и робко, после того как я прикрикнул на них и несколько

раз щелкнул хлыстом, осторожно подняли его, понесли вниз к морю и с плеском вошли в ослепительно сверкавшие волны.

— Дальше, — сказал я, — дальше! Отнесите его от берега.

Они вошли в воду по грудь и остановились, глядя на меня.

— Бросайте, — сказал я. И тело Монтгомери с всплеском исчезло. Что-то сжало мне сердце. — Хорошо, — сказал я дрожащим голосом.

Они со страхом поспешили обратно к берегу, оставляя за собой в серебристых волнах длинные черные полосы. У самого берега они остановились, глядя назад в море и как будто ожидая, что вот-вот оттуда появится Монтгомери и потребует отмщения.

— Теперь вот этих, — сказал я, указывая на остальные тела.

Они, тщательно избегая приближаться к тому месту, где бросили тело Монтгомери, отнесли трупы зверолюдей вдоль по берегу на сотню шагов, только тогда вошли в воду и бросили там трупы своих четырех собратьев.

Глядя, как они бросают в воду изувеченные останки Млинга, я услышал за собой негромкие шаги и, быстро обернувшись, увидел совсем близ-

ко гиено-свинью. Пригнув голову, она устремила на меня сверкающие глаза, ее уродливые руки были стиснуты в кулаки и прижаты к бокам. Когда я оглянулся, она остановилась и слегка отвернула голову.

Мгновение мы стояли друг против друга. Я бросил хлыст и нашарил в кармане револьвер, решив при первом же удобном случае убить эту тварь, самую опасную из всех оставшихся теперь на острове. Это может показаться вероломством, но так я решил. Она была для меня вдвое страшнее любого из зверолюдей. Я знал, что, пока она жива, мне постоянно угрожает опасность.

Несколько секунд я собирался с духом, потом крикнул:

— Кланяйся, на колени!

Она зарычала, сверкая зубами.

— Кто *ты* такой, чтоб я…

Я судорожным рывком выхватил револьвер, прицелился и выстрелил.

Я услышал ее визг, увидел, как она отскочила в сторону, и, поняв, что промахнулся, большим пальцем снова взвел курок. Но она уже умчалась далеко, прыгая из стороны в сторону, и я не хотел тратить зря еще один патрон. Время от времени она оборачивалась, глядя на меня через плечо.

Пробежав по берегу, она исчезла в клубах густого дыма, по-прежнему тянувшегося от горевшей ограды. Некоторое время я смотрел ей вслед. Потом снова повернулся к трем послушным существам и махнул рукой, чтобы они бросили в воду тело, которое все еще держали. Затем я вернулся к тому месту у костра, где лежали трупы, и засыпал песком все темные пятна крови.

Отпустив своих трех помощников, я отправился в рощу над берегом. В руке я держал револьвер, а хлыст с топором засунул за перевязь. Мне хотелось остаться одному, обдумать положение, в котором я очутился.

Самое ужасное — я начал сознавать это только теперь — заключалось в том, что на всем острове не осталось больше ни одного уголка, где я мог бы отдохнуть и поспать в безопасности. Я очень окреп за время своего пребывания здесь, но все еще нервничал и уставал от всякого напряжения. Я чувствовал, что придется переселиться на другой конец острова и жить вместе со зверолюдьми, заручившись их доверием. Но сделать это у меня не хватало сил. Я вернулся к берегу и, пройдя на восток, мимо горящего дома, направился к узкой полосе кораллового рифа. Здесь я мог спокойно подумать, сидя спиной к морю и лицом к ост-

рову на случай неожиданного нападения. Так я сидел, упершись подбородком в колени, солнце палило меня, в душе рос страх, и я думал, как мне дотянуть до часа избавления (если это избавление вообще когда-нибудь придет). Я старался хладнокровно оценивать положение, но это мне удавалось с трудом.

Я попытался понять причину отчаяния Монтгомери. «Они изменятся, — сказал он, — несомненно изменятся». А Моро, что говорил Моро? «В них снова просыпаются упорные звериные инстинкты…» Потом я стал думать о гиено-свинье. Я был уверен, что если не убью ее, то она убьет меня. Глашатай Закона был мертв — это усугубляло несчастье. Они знали теперь, что мы, с хлыстами, так же смертны, как и они…

Быть может, они уже глядят на меня из зеленой чащи папоротников и пальм, поджидая, чтобы я приблизился к ним на расстояние прыжка? Быть может, они замышляют что-то против меня? Что рассказала им гиено-свинья? Мое воображение увлекало меня все глубже в трясину необоснованных опасений.

Мои мысли были прерваны криками морских птиц, слетавшихся к чему-то черному, выброшенному волнами на берег недалеко от бывшей

ограды. Я знал, что́ это было, но у меня не хватило сил пойти и отогнать их. Я пошел по берегу в другую сторону, намереваясь обогнуть восточную оконечность острова и выйти к ущелью с хижинами, миновав предполагаемые засады в лесу.

Пройдя около полумили по берегу, я увидел одного из трех помогавших мне зверолюдей, который вышел мне навстречу из прибрежного кустарника. Я был так взвинчен собственным воображением, что тотчас выхватил револьвер. Миролюбивые жесты приближавшегося существа не успокоили меня. Оно подходило нерешительно.

— Прочь! — крикнул я.

В его раболепной позе было что-то собачье. Он отошел на несколько шагов, совершенно как собака, которую гонят домой, и остановился, умоляюще глядя на меня преданными глазами.

— Прочь! — повторил я. — Не подходи!

— Значит, мне нельзя подойти? — спросил он.

— Нет. Прочь! — сказал я и щелкнул хлыстом. Потом, взяв хлыст в зубы, нагнулся за камнем, и он в испуге убежал.

В одиночестве обогнув остров, я дошел до ущелья и, прячась в высокой траве, окаймлявшей здесь берег моря, стал наблюдать за зверолюдь-

ми, стараясь определить по их виду, насколько повлияла на них смерть Моро и Монтгомери, а также уничтожение Дома страдания. Теперь я понимаю, каким глупым было мое малодушие. Прояви я такое же мужество, как на рассвете, не дай ему потонуть в унылых размышлениях, я мог бы захватить скипетр Моро и править звериным народом. Но я упустил случай и очутился всего лишь в положении старшего среди них.

Около полудня некоторые из них вышли и, сидя на корточках, грелись на горячем песке. Повелительный голос голода и жажды заглушил мой страх. Я вышел из травы и с револьвером в руке направился к сидящим фигурам. Одна из них, женщина-волчица, повернула голову и пристально поглядела на меня, а за ней и все остальные. Никто и не подумал встать и приветствовать меня. Я был слишком слаб и измучен, чтобы настаивать на этом при таком скоплении зверолюдей, и упустил благоприятную минуту.

— Я хочу есть, — сказал я почти виновато и подошел ближе.

— Еда в хижинах, — сонно сказал быко-боров, отворачиваясь от меня.

Я прошел мимо них и спустился в мрак и зловоние почти пустынного ущелья. В пустой хижине

я нашел несколько плодов и с наслаждением их съел, а потом, забаррикадировав вход грязными, полусгнившими ветками и прутьями, улегся лицом к нему, сжимая в руке револьвер. Усталость последних тридцати часов вступила в свои права, и я погрузился в чуткий сон, рассчитывая, что сооруженная мною непрочная баррикада произведет все же достаточно шума, если ее станут ломать, и меня не захватят врасплох.

XXI
Зверолюди возвращаются к прежнему состоянию

Так я стал одним из зверолюдей на острове доктора Моро. Когда я проснулся, было уже темно. Забинтованная рука сильно болела. Я сел, не понимая, где нахожусь. За стеной раздавались чьи-то грубые голоса. Я увидел, что баррикада моя снята и вход открыт. Револьвер по-прежнему был у меня в руке.

Я услыхал чье-то дыхание и увидел съежившуюся фигуру совсем рядом с собой. Я замер, стараясь рассмотреть, что это за существо. Оно зашевелилось как-то бесконечно медленно. И вдруг что-то мягкое, теплое и влажное скользнуло у меня по руке.

Я задрожал и отдернул руку. Крик ужаса замер у меня на губах. Но тут я сообразил, что случилось, и удержался от выстрела.

— Кто это? — спросил я сиплым шепотом, все еще держа револьвер наготове.

— Я, господин.

— Кто ты?

— Они говорят, что теперь больше нет господина. Но я знаю, знаю. Я относил тела в море, тела тех, которых ты убил. Я твой раб, господин.

— Ты тот, которого я встретил на берегу?

— Да, господин.

Существо это было, очевидно, вполне преданным, так как могло свободно напасть на меня, пока я спал.

— Хорошо, — сказал я, протягивая ему руку для поцелуя-лизка. Я начал понимать, почему он здесь, и мужество вернулось ко мне.

— Где остальные? — спросил я.

— Они сумасшедшие, они дураки, — ответил собако-человек. — Они там разговаривают между собой. Они говорят: «Господин умер. Второй, тоже с хлыстом, умер, а тот, ходивший в море, такой же, как и мы. Нет больше ни господина, ни хлыстов, ни Дома страдания. Всему этому пришел конец. Мы любим Закон и будем соблюдать его, но теперь навсегда исчезло страдание, господин и хлысты». Так говорят они. Но я знаю, господин, я знаю.

Я ощупью нашел в темноте собако-человека и погладил его по голове.

— Хорошо, — снова повторил я.

— Скоро ли ты убьешь их всех? — спросил он.

— Скоро, — ответил я, — убью всех, но нужно подождать несколько дней, пока кое-что произойдет. Все они, кроме тех, кого мы пощадим, будут убиты.

— Господин убивает, кого захочет, — произнес собако-человек с удовлетворением в голосе.

— И чтобы прегрешения их возросли, — продолжал я, — пускай живут в своем безумии до тех пор, пока не пробьет их час. Пусть они не знают, что я господин.

— Воля господина священна, — сказал собако-человек, по-собачьи сметливо поняв меня.

— Но один уже согрешил, — сказал я. — Его я убью, как только увижу. Когда я скажу тебе: «Это он», сразу бросайся на него. А теперь я пойду к остальным.

На мгновение вокруг стало совсем темно: это собако-человек, выходя, загородил отверстие. Я последовал за ним и остановился почти на том же месте, где когда-то услыхал шаги гнавшегося за мной Моро и собачий лай. Но теперь была ночь, в вонючем ущелье царил мрак, а позади, там, где был тогда зеленый, залитый солнцем откос, пылал костер, вокруг которого двигались сгорбленные, уродливые фигуры. А еще дальше темнела лесная чаща, отороченная поверху чер-

ным кружевом листвы. Над ущельем всходила луна, и дым, вечно струившийся из вулканических трещин, резкой чертой пересекал ее лик.

— Иди рядом, — сказал я собако-человеку, желая подбодрить себя, и мы стали бок о бок спускаться по узкой тропинке, не обращая внимания на какие-то фигуры, выглядывавшие из берлог.

Никто из сидевших у костра не выказал ни малейшего намерения приветствовать меня. Большинство нарочно не замечало меня. Я оглянулся, отыскивая глазами гиено-свинью, но ее не было. Всего тут было около двадцати зверолюдей, и они, сидя на корточках, смотрели в огонь или разговаривали друг с другом.

— Он умер, он умер, господин умер, — послышался справа от меня голос обезьяно-человека. — И Дом страдания — нет больше Дома страдания.

— Он не умер, — произнес я громким голосом, — он и сейчас следит за вами.

Это ошеломило их. Двадцать пар глаз устремились на меня.

— Дом страдания исчез, — продолжал я, — но он снова появится. Вы не можете больше видеть господина, но он сверху слышит вас.

— Правда, правда, — подтвердил собако-человек.

Мои слова привели их в замешательство. Животное может быть свирепым или хитрым, но один только человек умеет лгать.

— Человек с завязанной рукой говорит странные вещи, — сказал один из зверолюдей.

— Говорю вам, это так, — сказал я. — Господин и Дом страдания вернутся снова. Горе тому, кто нарушит Закон.

Они с недоумением переглядывались. А я с напускным равнодушием принялся лениво постукивать по земле топором. Я заметил, что они смотрели на глубокие следы, которые топор оставлял в дерне.

Потом сатиро-человек высказал сомнение в моих словах, и я ответил ему. Тогда возразило одно из пятнистых существ, и разгорелся оживленный спор. С каждой минутой я все больше убеждался в том, что пока мне ничто не грозит. Я теперь говорил без умолку, не останавливаясь, так же, как говорил вначале от сильного волнения. Через час мне удалось убедить нескольких зверолюдей в правоте своих слов, а в сердцах остальных заронить сомнение. Все это время я зорко осматривался, искал, нет ли где моего врага — гиено-свиньи, но она не показывалась. Изредка я вздрагивал от какого-нибудь подозрительного

движения, но чувствовал себя гораздо спокойнее. Луна уже закатывалась, и зверолюди один за другим принялись зевать, показывая при свете потухавшего костра неровные зубы, а затем стали расходиться по своим берлогам. Я, боясь тишины и мрака, пошел с ними, зная, что, когда их много, я в большей безопасности, чем наедине с одним из них, все равно с кем.

Таким образом, начался самый долгий период моей жизни на острове доктора Моро. Но с этого вечера и до самого последнего дня произошел только один случай, о котором необходимо рассказать, все остальное же состояло из бесчисленных мелочей и неприятностей. Так что я не стану подробно описывать все это, а расскажу лишь о главном событии за те десять месяцев, которые я провел бок о бок с этими полулюдьми-полузверями. Многое еще осталось в моей памяти, о чем я мог бы рассказать, многое такое, что я дал бы отрубить себе правую руку, лишь бы это забыть. Но эти подробности здесь излишни. Оглядываясь назад, я с удивлением вспоминаю, как быстро я усвоил нравы этих чудовищ и снова приобрел уверенность в себе. Конечно, бывали и ссоры — я и теперь еще мог бы показать следы укусов, — но в общем зверолюди быстро про-

никлись уважением к моему искусству бросать камни и ударам моего топора. А преданность человека-сенбернара была для меня драгоценна. Я увидел, что степень их уважения зависела главным образом от умения наносить раны. И, говоря искренне, без хвастовства, я пользовался среди них привилегированным положением. Некоторые, получившие от меня в подарок недурные шрамы, были ко мне настроены враждебно, но злобу свою проявляли главным образом гримасами, да и то за моей спиной, на почтительном расстоянии.

Гиено-свинья меня избегала, но я был всегда начеку. Мой неразлучный собако-человек страстно ненавидел и боялся ее. Этот страх еще больше привязывал его ко мне. Скоро для меня стало очевидным, что гиено-свинья узнала вкус крови и пошла по стопам леопардо-человека. Где-то в лесу она устроила себе берлогу и поселилась в одиночестве. Я попробовал устроить на нее облаву, но мне недоставало авторитета, чтобы объединить их всех. Я не раз пытался подойти к берлоге и напасть на гиено-свинью врасплох, но она была осторожна и, увидев или почуяв меня, тотчас скрывалась. Устраивая засады, она подстерегала меня и моих союзников на всех лесных

тропинках. Собако-человек почти не отходил от меня.

В первый месяц звериный люд вел себя вполне по-человечески в сравнении с тем, что было дальше, и я даже удостаивал своей дружбой, кроме собако-человека, нескольких из них. Маленькое ленивцеподобное существо проявляло ко мне странную привязанность и всюду следовало за мной. А вот обезьяно-человек надоел мне до смерти. Он утверждал, что, поскольку у него пять пальцев, он мне равен, и вечно болтал, тараторя самый невообразимый вздор. Только одно забавляло меня в нем: он обладал необычайной способностью выдумывать новые слова. Мне кажется, он думал, что истинное назначение человеческой речи состоит в бессмысленной болтовне. Эти бессмысленные слова он называл «большими мыслями» — в отличие от «маленьких мыслей», под которыми подразумевались нормальные, обыденные вещи. Когда я говорил что-нибудь непонятное для него, это ему ужасно нравилось, он просил меня повторить, заучивал сказанное наизусть и уходил, повторяя, путая и переставляя слова, а потом говорил это всем своим более или менее добродушным собратьям. Ко всему, что было просто и понятно, он относился

с презрением. Я придумал специально для него несколько забавных «больших мыслей». Теперь он кажется мне самым глупым существом, какое я видел в жизни; он удивительнейшим образом развил в себе чисто человеческую глупость, не потеряв при этом ни одной сотой доли прирожденной обезьяньей глупости.

Так было в первые недели моей жизни в среде зверолюдей. В это время они следовали обычаям, установленным Законом, и вели себя благопристойно. Правда, один раз я нашел еще одного кролика, растерзанного — я убежден в этом — гиено-свиньей; но это было все. Однако к маю я ясно заметил растущую разницу в их говоре и манере держать себя, все большую невнятность, нежелание разговаривать. Обезьяно-человек болтал даже больше обычного, но его болтовня становилась все менее понятной, все более обезьяньей. Остальные, казалось, потеряли дар слова, но еще понимали то, что я говорил им. Можете ли вы себе представить, как ясный и понятный язык постепенно стал туманиться, терять форму и смысл, снова превращаться в пустое нагромождение звуков? Держаться прямо им также становилось все трудней и трудней. Хотя они, видимо, стыдились этого, но по вре-

менам я видел, как то один, то другой бежал на четвереньках, уже совершенно неспособный ходить на двух ногах. Руки у них стали еще более неловкие; они лакали воду, по-звериному грызли еду, с каждым днем становились все грубее. Я видел собственными глазами проявление того, что Моро называл «упорными звериными инстинктами». Они быстро возвращались к своему прежнему состоянию.

Некоторые из них — я с изумлением заметил, что по большей части это были существа женского пола, — стали пренебрегать приличием, правда пока еще втайне. Другие открыто посягали на установленную Законом моногамию. Было ясно, что Закон терял свою силу. Мне неприятно рассказывать об этом. Мой собако-человек незаметно снова превратился в собаку; с каждым днем он немел, чаще ходил на четвереньках, обрастал шерстью. Мне трудно было уследить за постепенным перерождением моего постоянного спутника в крадущегося рядом со мной пса. Так как нечистоплотность и беспорядок среди звериного люда возрастали с каждым днем и берлога, которая всегда была неприятной, стала совсем омерзительной, я решил покинуть ее и построил себе шалаш внутри черных развалин ограды Мо-

ро. Смутные воспоминания о страданиях делали это место самым безопасным убежищем.

Нет никакой возможности подробно описать каждый шаг падения этих тварей, рассказать, как с каждым днем исчезало их сходство с людьми; как они перестали одеваться, их обнаженные тела стали покрываться шерстью, лбы зарастать, а лица вытягиваться вперед; как та почти человеческая дружба, которую я позволил себе с некоторыми из них в первый месяц, стала для меня одним из ужаснейших воспоминаний.

Перемена совершалась медленно и неуклонно. Она происходила без резкого перехода. Я продолжал свободно ходить среди них, так как не было толчка, от которого прорвались бы наружу звериные свойства их натуры, которые с каждым днем вытесняли все человеческое. Но я начинал опасаться, что толчок этот вот-вот произойдет. Мой сенбернар провожал меня до ограды и стерег мой сон, так что я мог спать относительно спокойно. Маленькое ленивцеподобное существо стало пугливым и покинуло меня, вернувшись к своему естественному образу жизни на ветвях деревьев. Мы находились как раз в состоянии того равновесия, которое устанавливают в клетках укротители зверей и демонстрируют его под

названием «счастливого семейства», но сам укротитель ушел навсегда.

Конечно, эти существа не опустились до уровня тех животных, которых читатель видел в зоологическом саду, — они не превратились в обыкновенных медведей, волков, тигров, быков, свиней и обезьян. Во всех оставалось что-то странное; каждый из них был помесью; в одном, быть может, преобладали медвежьи черты, в другом — кошачьи, в третьем — бычьи, но каждый был помесью двух или больше животных, и сквозь особенности каждого проглядывали некие общезвериные черты. Теперь меня уже поражали проявлявшиеся у них порой проблески человеческих черт: внезапное возвращение дара речи, неожиданная ловкость передних конечностей, жалкая попытка держаться на двух ногах.

Я, по-видимому, тоже странным образом переменился. Одежда висела на мне желтыми лохмотьями, и сквозь дыры просвечивала загорелая кожа. Волосы так отросли, что их приходилось заплетать в косички. Еще и теперь мне говорят, что глаза мои обладают каким-то странным блеском, они всегда настороженны.

Сначала я проводил весь день на южном берегу острова, ожидая, не появится ли корабль, надеясь

и моля об этом Бога. Прошел почти год со времени моего прибытия на остров, и я рассчитывал на возвращение «Ипекакуаны», но она больше не появлялась. Я пять раз видел паруса и три раза дым, но никто не проходил вблизи острова. У меня всегда была наготове куча хвороста для костра, но, зная вулканическое происхождение острова, моряки, без сомнения, принимали дым за испарения из расселин.

Только в сентябре или даже в октябре я стал подумывать о сооружении плота. К этому времени рука моя зажила, и я мог работать обеими руками. Сначала беспомощность моя была ужасающей. Я никогда в жизни не плотничал и потому целыми днями возился в лесу, рубил и скреплял деревья. У меня не было веревок, и я не знал, из чего их сделать. Ни одна из многочисленных лиан не была достаточно гибкой и прочной для этой цели, а изобрести я, с моими обрывками научных знаний, ничего не мог. Более двух недель я рылся среди обугленных развалин дома и даже на берегу, где были сожжены лодки, в поисках гвоздей или еще каких-нибудь случайно уцелевших металлических предметов, которые могли бы мне пригодиться. По временам за мною наблюдал кто-нибудь из зверолюдей, но, как только я окли-

кал его, он исчезал. Наступила пора дождей, что очень замедлило мою работу, но в конце концов плот был готов.

Я был в восторге. Но по своей непрактичности, из-за которой я страдал всю жизнь, я построил плот на расстоянии мили от берега, и, когда я тащил его к морю, он развалился на куски. Быть может, это было и к лучшему, хуже было бы, если б я спустил его на воду. Но в то время я так остро почувствовал свою неудачу, что несколько дней в каком-то отупении бродил по берегу, глядя на воду и думая о смерти.

Но все же я не хотел умирать. А потом случилось событие, которое показало все безумие моей медлительности, так как каждый новый день приносил с собой все бóльшую опасность со стороны окружавших меня чудовищ. Однажды я лежал в тени у остатков ограды, смотря на море, как вдруг прикосновение чего-то холодного к пяткам заставило меня вздрогнуть. Привскочив, я увидел перед собой ленивцеподобное существо. Оно давно уже разучилось говорить и быстро двигаться, гладкая шерсть его с каждым днем становилась все гуще и гуще, а кривые лапки, вооруженные когтями, все толще. Оно издало жалобный звук и, увидев, что привлекло мое вни-

мание, сделало несколько шагов к кустарникам и оглянулось на меня.

В первую минуту я не понял, чего оно от меня хотело, но потом сообразил, что оно звало меня за собой. День был жаркий, и я поплелся за ним до деревьев. Оно вскарабкалось наверх, так как свободнее двигалось по свисавшим с деревьев лианам, чем по земле.

И вот в лесу я увидел ужасное зрелище. На земле лежал мертвый сенбернар, а гиено-свинья припала к нему, охватив его тело своими безобразными лапами, и грызла его, урча от наслаждения. Когда я приблизился, она подняла на меня сверкающие глаза; дрожащие губы обнажили окровавленные клыки, и она угрожающе зарычала. Она не была ни испугана, ни смущена; в ней не осталось ничего человеческого. Я сделал еще шаг, остановился, вынул револьвер. Наконец-то я очутился лицом к лицу с врагом.

Она не сделала никакой попытки к бегству. Но уши ее встали, шерсть ощетинилась, все тело сжалось. Я прицелился ей меж глаз и выстрелил. Она бросилась на меня, сбила с ног, как кеглю, и ударила по лицу своей безобразной рукой. Но, не рассчитав, она перескочила через меня. Я очутился у нее под ногами, но, к счастью, выстрел мой

попал в цель. Это был предсмертный прыжок. Выкарабкавшись из-под отвратительной тяжести, я встал, весь дрожа. Опасность, во всяком случае, миновала. Но я знал, что события только начинаются.

Я сжег оба трупа на костре. Теперь я ясно видел, что меня ждет неминуемая смерть, если я не покину остров. Все зверолюди, за исключением нескольких, покинули ущелье и сообразно со своими наклонностями устроили себе в лесу берлоги. Лишь немногие из них выходили днем; большинство спало, и со стороны остров мог показаться совершенно безлюдным, но ночью воздух оглашался отвратительным воем и рычанием. Я даже думал убить их всех: расставить западни или просто перерезать ножом. Будь у меня достаточно патронов, я ни на минуту не заколебался бы перестрелять всех. Опасных хищников осталось не более двадцати; самые кровожадные из них были уже мертвы. После смерти моего бедного сенбернара я начал дремать днем, чтобы ночью быть настороже. Я перестроил свое жилище, сделав такой узкий вход, что каждый, кто попытался бы войти, неизбежно должен был поднять шум. Кроме того, зверолюди разучились добывать огонь и стали снова бояться его. Я опять

начал усердно собирать стволы и ветки, чтобы сделать новый плот.

У меня на пути возникали тысячи затруднений. Я вообще очень неловкий и неумелый человек, и учился я, когда в школе еще не ввели обучение ручному труду, но в конце концов бóльшую часть нужных для плота материалов я нашел или чем-либо заменил и на этот раз позаботился о прочности. Единственным непреодолимым препятствием было отсутствие посудины для воды, необходимой мне в скитаниях по этой глухой части океана. Я сделал бы себе глиняный горшок, но на острове не было глины. Долго бродил я по берегу, ломая себе голову, как преодолеть это последнее затруднение. Порой меня охватывало бешенство, и я, чтобы дать выход раздражению, рубил в щепки какое-нибудь несчастное дерево. Однако ничего придумать не мог.

Но вот настал день, чудесный день, полный восторга. Я увидел на юго-западе небольшое судно, похожее на шхуну, и немедленно зажег большой костер. Я стоял около огня, обдаваемый жаром, а сверху меня палило полуденное солнце. Целый день я не пил и не ел, только следил за этим судном, и у меня кружилась от голода голова. Зверолюди подходили, смотрели на меня,

удивлялись и снова уходили. Наступила ночь, а судно было все еще далеко; мрак поглотил его, и я трудился всю ночь, поддерживая костер, а вокруг удивленно светились в темноте глаза. На рассвете судно подошло ближе, и я определил, что это маленькая грязная парусная шлюпка. Мои глаза устали. Я смотрел и не мог поверить. В шлюпке было двое людей: один — на носу, другой — на руле. Но сама шлюпка шла как-то странно. Она не плыла по ветру — ее просто несло течением.

Когда совсем рассвело, я принялся махать остатками своей блузы, но люди в шлюпке не замечали меня и продолжали сидеть. Я бросился на самый конец мыса, размахивал руками и кричал. Ответа не было, и лодка продолжала плыть без цели, медленно приближаясь к заливу. Вдруг из нее вылетела большая белая птица, но ни один из сидевших там людей не пошевелился и не обратил на это внимания. Птица описала круг в воздухе и улетела, взмахивая своими сильными крыльями.

Тогда я перестал кричать, сел на землю и, подперев рукой подбородок, стал смотреть вдаль. Шлюпка плыла медленно, направляясь к западу. Я мог бы доплыть до нее, но какой-то холодный смутный страх удерживал меня. Днем ее прили-

вом прибило к берегу, и она очутилась в сотне шагов к западу от развалин ограды.

Люди, сидевшие в ней, были мертвы, они умерли так давно, что рассыпались в прах, когда я перевернул шлюпку на бок и вытащил их оттуда. У одного на голове была копна рыжих волос, как у капитана «Ипекакуаны», и на дне лодки валялась грязная белая фуражка. Пока я стоял около шлюпки, трое зверолюдей вышли украдкой из-за кустов и приблизились ко мне, втягивая ноздрями воздух. Меня охватило отвращение. Я оттолкнул шлюпку от берега и вскарабкался в нее. На берег вышли два волка, у которых раздувались ноздри и сверкали глаза, а третьим был ужасный, неописуемый зверь — помесь медведя и быка.

Когда я увидел, как они, рыча друг на друга и сверкая зубами, подкрадываются к злополучным человеческим останкам, отвращение сменилось ужасом. Я повернулся к ним спиной, спустил парус и принялся грести, чтобы выйти в море. Я не мог заставить себя оглянуться назад.

Эту ночь я провел между рифом и островом, а на следующее утро добрался кружным путем до ручья и наполнил водой пустой бочонок, который нашел в шлюпке. Затем, собрав остатки терпе-

ния, я нарвал плодов, а потом подстерег и убил тремя последними патронами двух кроликов.

Шлюпку я оставил привязанной к рифу, боясь, как бы ее не уничтожили чудовища.

XXII
Наедине с собой

Вечером я сел в шлюпку и вышел в открытый океан, подгоняемый легким юго-западным ветром. Остров становился все меньше и меньше, тонкая струя дыма таяла на фоне заката. Вокруг меня расстилался океан, и вскоре темный клочок земли скрылся из глаз. Свет дня понемногу как бы стекал с неба, и передо мной раскрывалась голубая необъятная бездна, днем скрытая солнечным блеском вместе с плававшими в ней мириадами светил. Молчало море, молчало небо; я был один среди безмолвия и мрака.

Три дня носило меня по морю. Я старался есть и пить как можно меньше, размышлял о своих приключениях и не очень стремился снова увидеть людей. На мне висели какие-то лохмотья, грязные волосы были всклокочены. Без сомнения, когда меня подобрали, то сочли за сумасшедшего. Как ни странно, но я не чувствовал ни малейшего желания вернуться к людям. Я был рад только, что распростился навсегда с омерзительной жизнью среди чудовищ. На третий день меня подобрал

бриг, шедший из Апии в Сан-Франциско. Ни капитан, ни его помощник не поверили моему рассказу, решив, что я сошел с ума от одиночества и страха перед смертью. Опасаясь, как бы остальные не подумали то же самое, я удержался от дальнейших рассказов, объявив, что не помню решительно ничего, что случилось со мной со дня гибели «Леди Вейн» и до того времени, как меня подобрал бриг, то есть за целый год.

Мне пришлось действовать с крайней осмотрительностью, чтобы рассеять подозрения в безумии. Меня преследовали воспоминания о Законе, о двух мертвых моряках, о засадах в темном лесу, о теле, найденном в тростнике. И как это ни странно, но с возвращением к людям вместо доверия и симпатии, которых следовало бы ожидать, во мне возросли неуверенность и страх, которые я испытывал на острове. Никто не поверил мне, но я относился к людям почти так же странно, как относился раньше к принявшим человеческий облик зверям. Возможно, я заразился их дикостью.

Говорят, что страх — это болезнь, и я могу это подтвердить, ибо несколько лет во мне жил страх, который, вероятно, испытывает еще не совсем укрощенный львенок. Моя болезнь приобрела

самый странный характер. Я не мог убедить себя, что мужчины и женщины, которых я встречал, не были зверьми в человеческом облике, которые пока еще внешне похожи на людей, но скоро снова начнут изменяться и проявлять свои звериные инстинкты. Я доверился одному очень способному человеку, специалисту по нервным болезням, который лично знал Моро, и он как будто отчасти поверил моему рассказу. Он очень помог мне.

Я вовсе не рассчитываю на то, что ужасные картины, виденные на острове, когда-нибудь совершенно изгладятся из моей памяти, но все же они теперь ушли в глубину моего сознания, они далеки, как облачка, и кажутся нереальными; но иногда эти облачка разрастаются, закрывают все небо. И тогда я оглядываюсь на окружающих людей, дрожа от страха. Одни лица кажутся мне спокойными и ясными, другие — мрачными и угрожающими, третьи — переменчивыми, неискренними; ни в одном из людских лиц нет той разумной уверенности, которая отличает человеческое существо. Мне кажется, что под внешней оболочкой скрывается зверь и передо мной вскоре снова разыграется тот ужас, который я видел на острове, только еще в большем масштабе. Я знаю, что все это моя фантазия, что

мужчины и женщины, которые окружают меня, действительно мужчины и женщины, они останутся такими всегда — разумными созданиями, полными добрых стремлений и человечности, освободившимися от инстинкта, они не рабы какого-то фантастического Закона и совершенно не похожи на зверолюдей. Но все же я избегаю их, избегаю любопытных взглядов, расспросов и помощи, стремлюсь уйти, чтобы быть одному.

Вот почему я живу близ большой холмистой равнины и могу бежать туда, когда мрак окутывает мою душу. И как хорошо бывает там под безоблачным небом! Когда я жил в Лондоне, чувство ужаса было почти невыносимо. Я нигде не мог укрыться от людей: их голоса проникали сквозь окна; запертые двери были непрочной защитой. Я выходил на улицу, чтобы переломить себя, и мне казалось, что женщины, как кошки, мяукали мне вслед; кровожадные мужчины бросали на меня алчные взгляды; истомленные, бледные рабочие с усталыми глазами шли мимо меня быстрой поступью, похожие на раненых, истекавших кровью животных; странные, сгорбленные и мрачные, они бормотали что-то про себя, и, не замечая ничего этого, шли, болтая, как обезьянки, дети. Если я заходил в какую-нибудь

церковь, мне казалось (так сильна была моя болезнь), что и тут священник бормотал «большие мысли», точь-в-точь как это делал обезьяно-человек; если же я попадал в библиотеку, склоненные над книгами люди, казалось мне, подкарауливали добычу. Особенно отвратительны для меня были бледные, бессмысленные лица людей в поездах и автобусах; эти люди казались мне мертвецами, и я не решался никуда ехать, пока не находил совершенно пустой вагон. Мне казалось, что даже я сам не разумное человеческое существо, а бедное больное животное, терзаемое какой-то странной болезнью, которая заставляет его бродить одного, подобно заблудшей овце.

Но, слава богу, это состояние овладевает мною теперь все реже. Я удалился от шума городов и людской толпы, провожу дни среди мудрых книг, этих широких окон, открывающихся в жизнь и освещенных светлой душой тех, которые их написали. Я редко вижу незнакомых людей и веду самый скромный образ жизни. Все свое время я посвящаю чтению и химическим опытам, а в ясные ночи изучаю астрономию. В сверкающих мириадах небесных светил — не знаю как и почему — я нахожу успокоение. И мне кажется, что все человеческое, что есть в нас, должно найти утешение и надежду в вечных всеобъемлющих законах мироздания, а никак не в обыденных житейских заботах, горестях и страстях. Я надеюсь, иначе я не мог бы жить. Итак, в надежде и одиночестве я заканчиваю свой рассказ.

Эдвард Прендик
1896

Человек-невидимка

Перевод Д. Вейса

Глава I
Появление незнакомца

Незнакомец появился в начале февраля; в тот морозный день бушевали ветер и вьюга — последняя вьюга в этом году; однако он пришел с железнодорожной станции Брэмблхерст пешком; в руке, обтянутой толстой перчаткой, он держал небольшой черный саквояж. Он был закутан с головы до пят, широкие поля фетровой шляпы скрывали все лицо, виднелся только блестящий кончик носа; плечи и грудь были в снегу, так же как и саквояж. Он вошел в трактир «Кучер и кони», еле передвигая ноги от холода и усталости, и бросил саквояж на пол.

— Огня! — крикнул он. — Во имя человеколюбия! Комнату и огня!

Стряхнув с себя снег, он последовал за миссис Холл в приемную, чтобы договориться об условиях. Разговор был короткий. Бросив ей два соверена, незнакомец поселился в трактире.

Миссис Холл затопила камин и покинула гостя, чтобы собственноручно приготовить ему поесть. Заполучить в Айпинге зимой постояльца, да еще

такого, который не торгуется, — это была неслыханная удача, и миссис Холл решила показать себя достойной счастливого случая, выпавшего ей на долю.

Когда ветчина поджарилась, а Милли, вечно сонная служанка, выслушала несколько уничтожающих замечаний, что, видимо, должно было подстегнуть ее энергию, миссис Холл отнесла в комнату приезжего скатерть, посуду и стаканы, после чего стала с особым шиком сервировать стол. Огонь весело трещал в камине, но приезжий, к величайшему ее удивлению, до сих пор не снял шляпы и пальто; он стоял спиной к ней, глядя в окно на падающий снег. Руки его, все еще в перчатках, были заложены за спину, и он, казалось, о чем-то глубоко задумался. Хозяйка заметила, что снег у него на плечах растаял и вода капает на ковер.

— Позвольте, мистер, ваше пальто и шляпу, — обратилась она к нему, — я отнесу их на кухню и повешу сушить.

— Не надо, — ответил он, не оборачиваясь.

Она решила, что ослышалась, и уже готова была повторить свою просьбу.

Но тут незнакомец повернул голову и посмотрел на нее через плечо.

— Я предпочитаю не снимать их, — заявил он.

При этом хозяйка заметила, что на нем большие синие очки-консервы и что у него густые бакенбарды, скрывающие лицо.

— Хорошо, мистер, — сказала она, — как вам будет угодно. Комната сейчас нагреется.

Незнакомец ничего не ответил и снова повернулся к ней спиной. Видя, что разговор не клеится, миссис Холл торопливо накрыла на стол и вышла из комнаты. Когда она вернулась, он все так же стоял у окна, подобно каменному изваянию, сгорбленный, с поднятым воротником и низко опущенными полями шляпы, скрывавшими лицо и уши. Поставив на стол яичницу с ветчиной, она почти крикнула:

— Завтрак подан, мистер!

— Благодарю вас, — ответил он тотчас же, но не двинулся с места, пока она не закрыла за собой дверь. Тогда он круто повернулся и подошел к столу.

— Ох уж эта девчонка! — сказала миссис Холл. — А я и забыла про нее! Вот канительщица! — Взявшись сама растирать горчицу, она отпустила несколько колкостей по адресу Милли за ее необычайную медлительность. Сама она успела поджарить яичницу с ветчиной, накрыть

на стол, сделать все, что нужно, а Милли — хороша помощница! — оставила гостя без горчицы. А ведь он только приехал и хочет, видно, здесь пожить. Поворчав, миссис Холл наполнила горчичницу и, поставив ее не без торжественности на черный с золотом чайный поднос, понесла к постояльцу.

Она постучала и тут же вошла. Незнакомец сделал быстрое движение, и она едва успела увидеть что-то белое, мелькнувшее под столом. Он, очевидно, что-то подбирал с полу. Она поставила горчицу на стол и при этом заметила, что пальто и шляпа гостя лежат на стуле у камина, а на стальной решетке стоит пара мокрых башмаков. Решетка, конечно, заржавеет. Миссис Холл решительно приблизилась к камину и заявила тоном, не допускающим возражений:

— Теперь, я думаю, можно взять ваши вещи и просушить.

— Оставьте шляпу, — сказал приезжий сдавленным голосом. Обернувшись, она увидела, что он сидит выпрямившись и смотрит на нее.

С минуту она стояла, вытаращив глаза, потеряв от удивления дар речи.

Нижнюю часть лица он прикрывал чем-то белым, по-видимому салфеткой, которую привез с

собой, так что ни его рта, ни подбородка не было видно. Потому-то голос и прозвучал так глухо. Но не это поразило миссис Холл. Лоб незнакомца от самого края синих очков был обмотан белым бинтом, а другой бинт закрывал уши, так что неприкрытым оставался только розовый острый нос. Нос был такой же розовый и блестящий, как в ту минуту, когда незнакомец появился впервые. Одет он был в коричневую бархатную куртку; высокий темный воротник, подшитый белым полотном, был поднят. Густые черные волосы, выбиваясь в беспорядке из-под перекрещенных бинтов, торчали пучками и придавали незнакомцу чрезвычайно странный вид. Его закутанная и забинтованная голова так поразила миссис Холл, что от неожиданности она остолбенела.

Он не отнял салфетки от лица и, по-прежнему придерживая ее рукой в коричневой перчатке, смотрел на хозяйку сквозь непроницаемые синие стекла.

— Оставьте шляпу, — снова невнятно сказал он сквозь салфетку. Миссис Холл, оправившись от испуга, положила шляпу обратно на стул.

— Я не знала, сударь… — начала она, — что вы… — И смущенно замолчала.

— Благодарю вас, — сухо сказал он, многозна-

чительно поглядывая на дверь.

— Я сейчас все высушу, — сказала она и вышла, унося с собой платье. В дверях она снова посмотрела на его забинтованную голову и синие очки; он все еще прикрывал рот салфеткой. Закрывая за собой дверь, она вся дрожала, и на лице ее было написано смятение. — В жизни своей… — прошептала она. — Ну и ну! — Она тихо вернулась на кухню и даже не спросила Милли, чего она там возится.

Незнакомец между тем внимательно прислушивался к удаляющимся шагам хозяйки. Прежде чем отложить салфетку и снова приняться за еду, он испытующе посмотрел на окно. Проглотив кусок, он опять, уже с подозрением, посмотрел на окно, потом встал и, держа салфетку в руке, спустил штору до белой занавески, прикрывавшей нижнюю часть окна. Комната погрузилась в полумрак. Несколько успокоенный, он вернулся к столу и продолжал завтрак.

— Бедняга, он расшибся, или ему сделали операцию, или еще что-нибудь, — сказала миссис Холл. — Весь перевязанный, даже смотреть страшно.

Она подбросила угля в печку, придвинула подставку для сушки платья и разложила на ней

пальто приезжего.

— А очки! Да что говорить, водолаз какой-то, а не человек. — Она повесила на подставку шарф. — А лицо прикрывает тряпкой! И говорит сквозь нее!.. Может быть, у него рот тоже болит? — Тут она обернулась, видимо внезапно вспомнив о чем-то. — Боже милостивый! — воскликнула она. — Милли! Неужели блинчики еще не готовы?

Когда миссис Холл вошла в гостиную, чтобы убрать со стола, она нашла новое подтверждение своей догадке, что рот незнакомца изуродован или искалечен несчастным случаем: незнакомец курил трубку и все время, пока она была в комнате, ни разу не приподнял шелковый платок, которым была обвязана нижняя часть его лица, и не взял мундштук в рот. А ведь он вовсе не забыл про свою трубку: миссис Холл заметила, что он поглядывает на тлеющий понапрасну табак. Он сидел в углу, спиной к опущенной шторе; подкрепившись и согревшись, он, очевидно, почувствовал себя лучше и говорил уже не так отрывисто и раздраженно. В красноватом отблеске огня его огромные очки как будто ожили.

— На станции Брэмблхерст, — сказал он, — у меня остался кое-какой багаж. Нельзя ли послать

за ним? — Выслушав ответ, он вежливо наклонил забинтованную голову. — Значит, только завтра? — сказал он. — Неужели нельзя раньше? — И очень огорчился, когда она ответила, что нельзя. — Никак нельзя? — переспросил он. — Быть может, все-таки найдется кто-нибудь, кто съездил бы с повозкой на станцию?

Миссис Холл охотно отвечала на все вопросы, надеясь таким образом вовлечь его в беседу.

— Дорога к станции очень крутая, — сказала она и, пользуясь случаем, добавила: — В прошлом году на этой дороге опрокинулся экипаж. Седок и кучер оба убились насмерть. Долго ли до беды? Одна минута — и готово, не правда ли, мистер?

Но гостя не так-то легко было втянуть в разговор.

— Правда, — сказал он, спокойно глядя на нее сквозь непроницаемые очки.

— А потом когда еще поправишься, правда? Вот, к примеру сказать, мой племянник Том порезал себе руку косой — косил, знаете, споткнулся и порезал, — так, поверите ли, три месяца ходил с перевязанной рукой. С тех пор я ужас как боюсь этих кос.

— Это неудивительно, — сказал приезжий.

— Одно время мы даже думали, ему придется

сделать операцию, так ему было худо.

Приезжий отрывисто засмеялся, словно залаял.

— Так ему было худо? — повторил он.

— Да, мистер. И это было вовсе не смешно для тех, кому приходилось с ним возиться. Вот хоть бы и мне, мистер, потому что сестра все нянчилась со своими малышами. Только и знай завязывай да развязывай ему руку, так что, ежели позволите…

— Дайте мне, пожалуйста, спички, — вдруг прервал он ее. — Моя трубка погасла.

Миссис Холл замолчала. Несомненно, с его стороны несколько грубо прерывать ее таким образом. С минуту она сердито смотрела на него, но, вспомнив про два соверена, пошла за спичками.

— Благодарю, — коротко сказал он, когда она положила спички на стол, и, повернувшись к ней спиной, стал снова глядеть в окно. Очевидно, разговор о бинтах и операциях был ему неприятен. Она решила не возвращаться к этой теме. Нелюбезность незнакомца рассердила ее, и Милли пришлось это почувствовать на себе.

Приезжий оставался в гостиной до четырех часов, не давая решительно никакого повода зайти к нему. Почти все это время там было очень

тихо, вероятно, он сидел у догорающего камина и курил трубку, а может быть, просто дремал.

Однако если бы кто-нибудь внимательно прислушался, то мог бы услышать, как он поворошил угли, а потом минут пять расхаживал по комнате и разговаривал сам с собой. Потом он снова сел, и под ним скрипнуло кресло.

Глава II
Первые впечатления мистера Тедди Хенфри

В четыре часа, когда уже почти стемнело и миссис Холл собралась с духом заглянуть к постояльцу и спросить, не хочет ли он чаю, в трактир вошел Тедди Хенфри, часовщик.

— Что за скверная погода, миссис Холл! — сказал он. — А я еще в легких башмаках.

Снег за окном валил все гуще.

Миссис Холл согласилась, что погода ужасная, и вдруг, увидев чемоданчик с инструментами, просияла.

— Знаете что, мистер Хенфри, раз вы уже здесь, взгляните, пожалуйста, на часы в гостиной. Идут они хорошо и бьют как следует, но часовая стрелка как остановилась на шести часах, так ни за что не хочет сдвинуться с места.

Она провела часовщика до двери гостиной, постучала и вошла.

Приезжий, как она успела заметить, открывая дверь, сидел в кресле у камина и, казалось, дремал: его забинтованная голова склонилась к

плечу. Комнату освещал красный отблеск пламени; стекла очков сверкали, как сигнальные огни на железной дороге, а лицо оставалось в тени; последние блики зимнего дня пробивались в комнату сквозь приоткрытую дверь. Миссис Холл все показалось красноватым, причудливым и неясным, тем более что она еще была ослеплена светом лампы, которую только что зажгла над стойкой в распивочной. На секунду ей показалось, что у постояльца чудовищный, широко раскрытый рот, пересекающий все лицо. Видение было мгновенное — белая забинтованная голова, огромные очки вместо глаз и под ним широкий, разинутый, как бы зевающий рот. Но вот спящий пошевельнулся, выпрямился в кресле и поднял руку. Миссис Холл распахнула дверь настежь, в комнате стало светлее; теперь она получше рассмотрела его и увидела, что лицо у него прикрыто шарфом, так же как раньше салфеткой. И она решила, что все это ей только померещилось, было игрой теней.

— Не разрешите ли, мистер, часовщику осмотреть часы? — сказала она, приходя в себя.

— Осмотреть часы? — спросил он, сонно озираясь. Потом, как бы очнувшись, добавил: — Пожалуйста!

Миссис Холл пошла за лампой, а он встал с кресла и потянулся. Появилась лампа, и мистер Тедди Хенфри, войдя в комнату, очутился лицом к лицу с забинтованным человеком. Он был, по его собственному выражению, «огорошен».

— Добрый вечер, — сказал незнакомец, глядя на него, «как морской рак», по выражению Тедди, на такое сравнение его навели, очевидно, темные очки.

— Надеюсь, я вас не обеспокою? — сказал мистер Хенфри.

— Нисколько, — ответил приезжий. — Хотя я думал, — прибавил он, обращаясь к миссис Холл, — что эта комната отведена мне для личного пользования.

— Я полагала, сударь, — сказала хозяйка, — что вы не будете возражать, если часы…

Она хотела добавить: «починят», но осеклась.

— Конечно, — прервал он ее. — Правда, вообще я предпочитаю оставаться один и не люблю, когда меня беспокоят. Но я рад, что часы будут починены, — продолжал он, видя, что мистер Хенфри остановился в нерешительности. Он уже хотел извиниться и уйти, но слова приезжего успокоили его.

Незнакомец повернулся спиной к камину и

заложил руки за спину.

— Когда часы починят, я выпью чаю, — заявил он. — Но не раньше.

Миссис Холл уже собиралась выйти из комнаты — на этот раз она не делала никаких попыток завязать разговор, не желая, чтобы ее грубо оборвали в присутствии мистера Хенфри, — как вдруг незнакомец спросил, позаботилась ли она о доставке его багажа. Она сказала, что говорила об этом с почтальоном и что багаж будет доставлен завтра утром.

— Вы уверены, что раньше его невозможно доставить? — спросил он.

— Уверена, — ответила она довольно холодно.

— Мне следовало сразу сказать вам, кто я такой, но я до того промерз и устал, что еле ворочал языком. Я, видите ли, исследователь…

— Ах вот как, — проговорила миссис Холл, на которую эти слова произвели сильнейшее впечатление.

— Багаж мой состоит из всевозможных приборов и аппаратов.

— Очень даже полезные вещи, — вставила миссис Холл.

— И я с нетерпением жду возможности продолжать свои исследования.

— Это понятно, мистер.

— Приехать в Айпинг, — продолжал он медленно, как видно, тщательно подбирая слова, — меня побудило… мм… стремление к тишине и покою. Я не хочу, чтобы меня тревожили во время моих занятий. Кроме того, несчастный случай…

«Так я и думала», — заметила про себя миссис Холл.

— …вынуждает меня к уединению. Дело в том, что мои глаза иногда до того слабеют и начинают так мучительно болеть, что приходится запираться в темной комнате на целые часы. Это случается время от времени. Сейчас этого, конечно, нет. Но когда у меня приступ, малейшее беспокойство, появление чужого человека заставляют меня мучительно страдать… Я думаю, лучше предупредить вас об этом заранее.

— Конечно, мистер, — сказала миссис Холл. — Осмелюсь спросить вас…

— Это все, что я хотел сказать вам, — прервал ее приезжий тоном, не допускавшим возражения.

Миссис Холл замолчала и решила отложить расспросы и изъявления сочувствия до более удобного случая.

Хозяйка удалилась, а приезжий остался стоять перед камином, свирепо глядя на мистера

Хенфри, чинившего часы (так, по крайней мере, говорил потом сам мистер Хенфри). Часовщик поставил лампу возле себя, и зеленый абажур отбрасывал яркий свет на его руки и на части механизма, оставляя почти всю комнату в тени. Когда он поднимал голову, перед глазами у него плавали разноцветные пятна. Будучи от природы человеком любопытным, мистер Хенфри вынул механизм, в чем не было решительно никакой надобности, надеясь затянуть работу и, кто знает, быть может, даже вовлечь незнакомца в разговор. Но тот стоял молча, не двигаясь с места. Он стоял так тихо, что это начало действовать мистеру Хенфри на нервы. Ему показалось даже, что он один в комнате, но, подняв глаза, перед которыми сразу поплыли зеленые пятна, он увидел в сером полумраке неподвижную фигуру с забинтованной головой и выпуклыми синими очками. Это было до того жутко, что мистер Хенфри с минуту стоял неподвижно, глядя на незнакомца. Потом опустил глаза. Какая неловкость! Надо бы заговорить о чем-нибудь. Не сказать ли, что погода не по сезону холодная?

Он снова поднял глаза, как бы прицеливаясь.

— Погода… — начал он.

— Скоро вы кончите и уйдете? — сказал непо-

движный человек, видимо еле сдерживая ярость. — Вам только и надо было сделать, что прикрепить часовую стрелку к оси, а вы тут возитесь без толку.

— Сейчас, мистер… одну минутку… Я упустил из виду… — И мистер Хенфри, быстро закончив работу, удалился, сильно, однако, раздосадованный.

— Черт побери! — ворчал Хенфри про себя, шагая сквозь мокрый снегопад. — Надо же когда-нибудь проверить часы… Скажите пожалуйста, и посмотреть-то на него нельзя. Черт знает что!.. Видно, нельзя. Он так забинтован и закутан, как будто полиция его разыскивает.

Дойдя до угла, он увидел Холла, недавно женившегося на хозяйке трактира «Кучер и кони», где остановился незнакомец. Холл возвращался со станции Сиддербридж, куда возил в айпингском омнибусе случайных пассажиров. По тому, как он правил, было ясно, что Холл малость «хватил» в Сиддербридже.

— Как поживаешь, Тедди? — окликнул он Хенфри, поравнявшись с ним.

— У вас остановился какой-то подозрительный малый, — сказал Тедди.

Холл, радуясь случаю поговорить, натянул

вожжи.

— Что такое? — спросил он.

— У вас в трактире остановился какой-то подозрительный малый, — повторил Тедди. — Ей-богу… — И он стал с живостью описывать Холлу странного гостя. — С виду ни дать ни взять ряженый. Будь это мой дом, я бы, конечно, предпочел знать в лицо своего постояльца, — сказал он. — Но женщины всегда доверчивы, когда дело касается незнакомых мужчин. Он поселился у вас, Холл, и даже не сказал своей фамилии.

— Неужели? — спросил Холл, не отличавшийся быстротой соображения.

— Да, — подтвердил Тедди. — Он заплатил за неделю вперед. Значит, кто бы он там ни был, вам нельзя будет отделаться от него раньше чем через неделю. И он говорит, у него куча багажа, который доставят завтра. Будем надеяться, что это не ящики с камнями.

Тут он рассказал, как какой-то приезжий с пустыми чемоданами надул его тетку в Гастингсе. В общем, разговор с Тедди возбудил в Холле какое-то смутное подозрение.

— Ну, трогай, старуха! — прикрикнул Холл на свою лошадь. — Надо будет навести порядок.

А Тедди, облегчив душу, пошел своей дорогой

уже в лучшем настроении.

Однако, вместо того чтобы наводить порядок, Холлу по возвращении домой пришлось выслушать множество упреков за то, что он так долго пробыл в Сиддербридже, а на свои робкие вопросы о новом постояльце он получил резкие, но уклончивые ответы. Но все же семена подозрения, зароненные часовщиком в душу Холла, дали ростки.

— Вы, бабы, ничего не смыслите, — сказал мистер Холл, решив при первом же удобном случае разузнать подробней, кто такой приезжий.

И после того как постоялец ушел в свою спальню — это было около половины десятого, мистер Холл с весьма вызывающим видом вошел в гостиную и стал внимательно оглядывать мебель, как бы желая показать этим, что тут хозяин он, а не приезжий; он презрительно взглянул на лист бумаги с математическими выкладками, который оставил незнакомец. Ложась спать, мистер Холл посоветовал жене внимательно присмотреться, что за багаж завтра доставят постояльцу.

— Не суйся не в свое дело, — оборвала его миссис Холл. — Смотри лучше за собой, а я без тебя управлюсь.

Она тем более сердилась на мужа, что приез-

жий действительно был какой-то странный, и в душе она сама беспокоилась. Ночью она вдруг проснулась, увидев во сне огромные глазастые головы, похожие на брюквы, которые тянулись к ней на длинных шеях. Но, будучи женщиной рассудительной, она подавила свой страх, повернулась на другой бок и снова уснула.

Глава III
Тысяча и одна бутылка

Итак, девятого февраля, когда только начиналась оттепель, неведомо откуда появился в Айпинге странный незнакомец. На следующий день в слякоть и распутицу его багаж доставили в трактир. И багаж этот оказался не совсем обычным. Оба чемодана, правда, ничем не отличались от тех, какие обычно бывают у путешественников; но, кроме них, прибыл ящик с книгами — большими, толстыми книгами, причем некоторые были не напечатаны, а написаны чрезвычайно неразборчивым почерком, — и с дюжину, если не больше, корзин, ящиков и коробок, в которых лежали какие-то предметы, завернутые в солому; Холл, не преминувший поворошить солому, решил, что это бутылки. В то время как Холл оживленно болтал с Фиренсайдом, возницей, собираясь помочь ему перенести багаж в дом, в дверях показался незнакомец в низко надвинутой шляпе, в пальто, перчатках и шарфе. Он вышел из дому и даже не взглянул на собаку Фиренсайда, лениво обнюхивавшую

ноги Холла.

— Несите ящики в комнату, — сказал он. — Я и так уж заждался.

С этими словами он спустился с крыльца и подошел к задку подводы, собираясь собственноручно унести небольшую корзину.

Завидев его, собака Фиренсайда злобно зарычала и ощетинилась; когда же он спустился с крыльца, она подскочила и вцепилась ему в руку.

— Куш! — крикнул Холл, вздрагивая, так как всегда побаивался собак, а Фиренсайд заорал:

— Ложись! — и схватился за кнут.

Они видели, как зубы собаки скользнули по руке незнакомца, услышали звук пинка; собака подпрыгнула и вцепилась в ногу незнакомца, после чего раздался треск разрываемых брюк. В это время кончик кнута Фиренсайда настиг собаку, и она, заскулив от обиды и боли, спряталась под повозку. Все это произошло за какие-нибудь полминуты. Никто не говорил, все кричали. Незнакомец быстро взглянул на разорванную перчатку и штанину, сделал движение, будто хотел нагнуться, затем повернулся и бегом взбежал на крыльцо. Они услышали, как он торопливо прошел по коридору и застучал каблуками по де-

ревянной лестнице, которая вела в его комнату.

— Ах ты, тварь эдакая! — выругался Фиренсайд, слезая на землю с кнутом в руке, в то время как собака зорко следила за ним из-за колес. — Иди сюда! — крикнул Фиренсайд. — Не то хуже будет!

Холл стоял в смятении, разинув рот.

— Она укусила его, — заговорил он. — Пойду посмотрю, что с ним. — И он зашагал вслед за незнакомцем. В коридоре он встретил жену и сказал ей: — Постояльца искусала собака Фиренсайда.

Он поднялся по лестнице. Дверь незнакомца была приоткрыта, он распахнул ее и вошел в комнату без особых церемоний, спеша выразить свое сочувствие.

Штора была спущена, и в комнате царил полумрак. Холл успел заметить что-то в высшей степени странное, похожее на руку без кисти, занесенную над ним, и лицо, состоявшее из трех больших расплывчатых пятен на белом фоне, очень похожее на бледный цветок анютиных глазок. Потом сильный толчок в грудь отбросил его в коридор, дверь захлопнулась перед самым его носом, и он услышал, как щелкнул ключ в замке. Все это произошло так быстро, что Холл ничего не успел сообразить. Мелькание каких-то смутных

теней, толчок, боль в груди. И вот он стоит на темной площадке перед дверью, спрашивая себя, что же это он такое видел.

Немного погодя он присоединился к кучке людей, собравшихся на улице перед трактиром. Здесь был и Фиренсайд, который уже второй раз рассказывал всю историю с самого начала, и миссис Холл, твердившая, что его собака не имеет никакого права кусать ее постояльцев; тут же стоял и Хакстерс, владелец лавки напротив, сильно заинтересованный происшествием, и Сэнди Уоджерс, кузнец, слушавший Фиренсайда с глубокомысленным видом. Сбежались и женщины и дети, каждый изрекал какую-нибудь глупость вроде: «Попробовала бы она меня укусить», «Нельзя держать таких собак» и так далее.

Мистер Холл глядел на них с крыльца, прислушивался к их разговорам, и ему уже начало казаться, что ничего необычайного он там, наверху, увидеть не мог. Да ему и слов не хватило бы, чтобы описать свои впечатления.

— Он сказал, что ему ничего не нужно, — только и ответил он на вопрос жены. — Пожалуй, надо внести багаж.

— Лучше бы сразу прижечь, — сказал мистер Хакстерс, — в особенности если получилось вос-

паление.

— Я пристрелила бы ее, — сказала одна из женщин.

Вдруг собака снова зарычала.

— Давайте вещи, — послышался сердитый голос, и на пороге появился незнакомец, закутанный, с поднятым воротником и в низко надвинутой шляпе. — Чем скорее вы внесете их, тем лучше, — продолжал он. По свидетельству одного из очевидцев, он успел переменить перчатки и брюки.

— Сильно она вас искусала, сударь? — спросил Фиренсайд. — Очень это мне неприятно, что моя собака…

— Пустяки, — ответил незнакомец. — Даже следа никакого нет. Поторопитесь-ка лучше с вещами!

Тут он, по утверждению мистера Холла, выругался вполголоса.

Как только первую корзину внесли по его указанию в гостиную, незнакомец нетерпеливо принялся ее распаковывать, без зазрения совести разбрасывая солому по ковру миссис Холл. Он начал вытаскивать из корзины бутылки — маленькие пузатые пузырьки с порошками, небольшие узкие бутылки с окрашенной в разные

цвета или прозрачной жидкостью, изогнутые склянки с надписью «яд», круглые бутылки с тонкими горлышками, большие бутылки из зеленого и белого стекла, бутылки со стеклянными пробками и с вытравленными на них надписями, бутылки с притертыми пробками, бутылки с деревянными затычками, бутылки из-под вина и прованского масла. Все эти бутылки он расставил рядами на комоде, на каминной доске, на столе, на подоконнике, на полу, на этажерке — всюду. В брэмблхерстской аптеке не набралось бы и половины такой уймы бутылок. Получилось внушительное зрелище. Он распаковывал корзину за корзиной, и во всех были бутылки. Наконец все ящики и корзины опустели, а на столе выросла гора соломы; кроме бутылок, в корзинах оказалось еще немало пробирок и тщательно упакованные весы.

Распаковав корзины, незнакомец отошел к окну и немедля принялся за работу, не обращая ни малейшего внимания на кучу соломы, на потухший камин, на ящик с книгами, оставшийся на улице, на чемоданы и остальной багаж, который был уже внесен наверх.

Когда миссис Холл подала ему обед, он был совсем поглощен своей работой, которая заклю-

чалась в том, что он вливал по каплям жидкости из бутылок в пробирки, и даже не заметил ее присутствия. И только когда она убрала солому и поставила поднос на стол, быть может, несколько более шумно, чем обычно, так как ее взволновало плачевное состояние ковра, он быстро взглянул в ее сторону и тотчас отвернулся. Она успела заметить, что он был без очков: они лежали возле него на столе, и ей показалось, что его глазные впадины необычайно глубоки. Он надел очки, повернулся и посмотрел ей в лицо. Она собиралась уже высказать свое недовольство по поводу соломы на полу, но он предупредил ее:

— Я просил бы вас не входить в комнату без стука, — сказал он с необычайным раздражением, которое, видимо, легко вспыхивало в нем по малейшему поводу.

— Я постучалась, но, должно быть…

— Быть может, вы и стучали. Но во время моих исследований — исследований чрезвычайно важных и необходимых — малейшее беспокойство, скрип двери… Я попросил бы вас.

— Конечно, мистер. Если вам угодно, вы можете запирать дверь на ключ. В любое время.

— Очень удачная мысль! — сказал незнакомец.

— Но эта солома, сударь… Осмелюсь заме-

тить…

— Не надо! Если солома вас беспокоит, поставьте ее в счет. — И он пробормотал про себя что-то очень похожее на ругательство.

Он стоял перед хозяйкой с воинственным и раздраженным видом, держа в одной руке бутылку, а в другой пробирку, и весь его облик был так странен, что миссис Холл смутилась. Но она была особа решительная.

— В таком случае, — заявила она, — я бы хотела знать, сколько вы полагаете…

— Шиллинг. Поставьте шиллинг. Я думаю, этого достаточно?

— Хорошо, пусть будет так, — сказала миссис Холл, принимаясь накрывать на стол. — Конечно, если вы согласны…

Незнакомец отвернулся и сел спиной к ней.

До самого вечера он работал, запершись на ключ и, как уверяла миссис Холл, почти в полной тишине. Только один раз послышался стук и звон стекла, как будто кто-то толкнул стол и с размаху швырнул на пол бутылку, а затем раздались торопливые шаги по ковру. Опасаясь, уж не случилось ли чего-нибудь, хозяйка подошла к двери и, не стуча, стала прислушиваться.

— Ничего не выйдет! — кричал он в ярости. —

Не выйдет! Триста тысяч, четыреста тысяч! Это необъятно! Обманут! Вся жизнь уйдет на это! Терпение! Легко сказать! Дурак, дурак!

Тут кто-то вошел в трактир, послышались тяжелые шаги, и миссис Холл должна была волей-неволей отойти от двери, не дослушав.

Когда она вернулась, в комнате снова было совсем тихо, если не считать слабого скрипа кресла и случайного позвякивания бутылок. Очевидно, незнакомец снова принялся за работу.

Когда она принесла чай, то увидела в углу комнаты, под зеркалом, разбитые бутылки и золотистое небрежно вытертое пятно. Она обратила на это его внимание.

— Поставьте все это в счет, — огрызнулся он. — И, ради бога, не мешайте мне. Если я причиняю вам какой-нибудь убыток, ставьте в счет. — И он снова принялся делать пометки в лежавшей перед ним тетради…

— Знаете, что я вам скажу? — таинственно начал Фиренсайд. Разговор происходил вечером того же дня в пивной.

— Ну? — спросил Тедди Хенфри.

— Этот человек, которого укусила моя собака. Ну так вот: он чернокожий. По крайней мере, ноги у него черные. Я это заметил, когда собака

порвала ему штаны и перчатку. Можно было ожидать, что сквозь дыры будет видно розовое тело, правда? Ну, а на самом деле ничего подобного. Одна только чернота. Верно вам говорю: он так же черен, как моя шляпа.

— Господи помилуй! — воскликнул Хенфри. — Вот тебе на! А ведь нос-то у него самый что ни на есть розовый.

— Так-то оно так, — сказал Фиренсайд. — Это верно. Только вот что я тебе скажу, Тедди. Малый этот пегий: где черный, а где белый, пятнами. И он этого стыдится. Он вроде какой-нибудь помеси, а масти, вместо того чтобы перемешаться, пошли пятнами. Я и раньше слышал о таких случаях. А у лошадей это бывает сплошь и рядом — спроси кого хочешь.

Глава IV
Мистер Касс интервьюирует незнакомца

Я так подробно изложил обстоятельства, сопровождавшие приезд незнакомца в Айпинг, для того, чтобы читателю стало понятно всеобщее любопытство, вызванное его появлением. Что же касается его пребывания там до знаменательного дня клубного праздника, то на этом, за исключением двух странных происшествий, можно почти не останавливаться. Иногда у него бывали столкновения с миссис Холл на хозяйственной почве, из которых постоялец всегда выходил победителем, тотчас же предлагая дополнительную плату, и так продолжалось до конца апреля, когда у него стали обнаруживаться первые признаки безденежья.

Холл недолюбливал его и при всяком удобном случае повторял, что надо от него избавиться, но неприязнь эта выражалась главным образом в том, что Холл старался по возможности избегать встреч с постояльцем.

— Потерпи до лета, — урезонивала его миссис

Холл. — Начнут съезжаться художники, тогда посмотрим. Он, конечно, нахал, не спорю, но зато аккуратно платит по счетам, этого у него отнять нельзя, что ни толкуй.

Постоялец в церковь не ходил и не делал никакого различия между воскресеньем и буднями, даже одевался и то всегда одинаково. Работал он, по мнению миссис Холл, весьма нерегулярно. В иные дни он спускался в гостиную с раннего утра и работал подолгу. В другие же вставал поздно, расхаживал по комнате, целыми часами громко ворчал, курил или дремал в кресле у камина. Сношений с внешним миром у него не было никаких. Настроение его по-прежнему оставалось чрезвычайно неровным: по большей части он вел себя как человек до крайности раздражительный, а несколько раз у него были припадки бешеной ярости, и он швырял, рвал и ломал все, что попадалось под руку. Казалось, он постоянно находился в чрезвычайном возбуждении. Он все чаще разговаривал вполголоса с самим собой, но миссис Холл ничего не могла понять, хотя усердно подслушивала.

Днем он редко выходил из дому, но в сумерки гулял, закутанный так, что его нельзя было увидеть, — все равно, было ли на дворе холод-

но или тепло, и выбирал для прогулок самые уединенные тропинки, затененные деревьями или огражденные насыпью. Его темные очки и страшное забинтованное лицо под широкополой шляпой иногда пугали в темноте возвращавшихся домой рабочих; а Тедди Хенфри однажды, выйдя, пошатываясь, из трактира «Красный камзол» в половине десятого вечера, чуть не умер со страху, увидев похожую на череп голову незнакомца (тот гулял со шляпой в руке). Детям, увидевшим его в сумерках, ночью снились страшные сны. Мальчишки терпеть его не могли, и он их тоже; трудно сказать, кто кого больше не любил, но, во всяком случае, неприязнь была взаимная и очень острая.

Нет ничего удивительного, что человек такой поразительной наружности и такого странного поведения доставлял жителям Айпинга обильную пищу для разговоров. Относительно его занятий мнения расходились. Миссис Холл в этом деле была весьма щепетильна. На вопрос, что он делает, она обыкновенно отвечала с большой торжественностью, что он занимается «экспериментальными исследованиями», — эти слова она произносила очень медленно и осторожно, точно боясь оступиться. Когда же ее спрашивали,

что это означает, она говорила с оттенком некоторого превосходства, что это известно всякому образованному человеку, и поясняла: «Он делает разные открытия». С ее постояльцем произошел несчастный случай, рассказывала она, руки и лицо его потеряли свой естественный цвет, а так как он человек весьма чувствительный, то старается не показываться в таком виде на людях.

Но за спиной миссис Холл распространялся упорный слух, что ее постоялец — преступник, который скрывается от правосудия и старается с помощью своего удивительного наряда сбить с толку полицию. Впервые эта догадка зародилась в голове мистера Тедди Хенфри. Впрочем, ни о каком сколько-нибудь громком преступлении, которое имело бы место за последние недели, не было известно. Поэтому мистер Гоулд, школьный учитель, несколько видоизменил эту догадку: по его мнению, постоялец миссис Холл был анархист, занимающийся изготовлением взрывчатых веществ, и он решил посвятить свое свободное время слежке за незнакомцем. Слежка заключалась главным образом в том, что при встречах с незнакомцем мистер Гоулд упорно глядел на него и расспрашивал о нем людей, которые никогда его не видели. Тем не менее мистеру Гоулду не

удалось ничего узнать.

Было много сторонников версии, выдвинутой Фиренсайдом, что незнакомец пегий или что-нибудь в этом роде. Так, например, Сайлас Дэрган не раз говорил, что если бы незнакомец решился показывать себя на ярмарках, то нажил бы состояние, и даже ссылался на известный из Библии случай с человеком, зарывшим свой талант в землю. Другие считали, что незнакомец страдает тихим помешательством. Этот взгляд имел то преимущество, что разом объяснял все.

Кроме стойких приверженцев этих основных течений в общественном мнении Айпинга, были люди колеблющиеся и готовые на уступки.

Жители графства Сассекс мало подвержены суеверию, и первые догадки о сверхъестественной природе незнакомца появились лишь после апрельских событий, да и то этому верили одни женщины.

Но каковы бы ни были мнения о незнакомце отдельных жителей Айпинга, неприязнь к нему была всеобщей и единодушной. Его раздражительность, которую мог бы понять горожанин, занимающийся умственным трудом, неприятно поражала уравновешенных сассекских жителей. Яростная жестикуляция, стремительная

походка, ночные прогулки, когда он неожиданно в темноте выскакивал из-за угла в самых безлюдных местах, бесцеремонное пресечение всех попыток вовлечь его в беседу, страсть к потемкам, побуждавшая его запирать двери, спускать шторы, тушить свечи и лампы, — кто мог бы примириться с этим? Когда незнакомец проходил по улице, встречные сторонились его, а за его спиной местные шутники, подняв воротники пальто и низко надвинув шляпы, подражали его нервной походке и загадочному поведению. В то время пользовалась популярностью песенка «Человек-призрак». Мисс Стэтчел спела ее на концерте в школе, — сбор пошел на покупку ламп для церкви; и после этого, как только на улице появлялся незнакомец, тотчас же кто-нибудь начинал насвистывать — громко или тихо — мотив этой песенки. Даже запоздавшие ребятишки, спеша вечером домой, кричали ему вслед: «Человек-призрак!» — и мчались дальше, замирая от страха и восторга.

Касс, местный врач, сгорал от любопытства. Забинтованная голова вызывала в нем чисто профессиональный интерес; слухи же о тысяче и одной бутылке возбуждали его завистливое почтение. Весь апрель и май он искал случая

заговорить с незнакомцем. Наконец не выдержал и накануне Троицы решил пойти к нему, воспользовавшись как предлогом подписным листом в пользу сиделки местной больницы. Он был поражен, узнав, что миссис Холл не знает имени своего постояльца.

— Он назвал себя, — сказала миссис Холл (это утверждение было лишено всякого основания), — но я не расслышала.

Ей неловко было сознаться, что постоялец и не думал называть себя.

Касс постучал в дверь гостиной и вошел. Оттуда послышалась невнятная брань.

— Прошу извинения за то, что вторгаюсь к вам, — проговорил Касс, после чего дверь закрылась, и дальнейшего разговора миссис Холл уже не слышала.

В течение десяти минут до нее долетал только неясный гул голосов; затем раздался возглас удивления, шарканье ног, грохот отброшенного стула, отрывистый смех, быстрые шаги, и на пороге появился Касс, бледный, с вытаращенными глазами. Оставив дверь открытой и не взглянув на хозяйку, он прошел по коридору, спустился с крыльца и быстро зашагал по улице. Шляпу он держал в руке. Миссис Холл зашла за стойку,

стараясь заглянуть через открытую дверь в комнату постояльца. Она услышала негромкий смех, потом шаги. Со своего места она не могла видеть его лица. Потом дверь гостиной захлопнулась, и все стихло.

Касс направился прямо к викарию Бантингу.

— Скажите, я сошел с ума? — произнес он отрывисто, едва войдя в скромный кабинет викария. — Похож я на помешанного?

— Что случилось? — спросил викарий, кладя раковину, заменявшую ему пресс-папье, на листы своей очередной проповеди.

— Этот субъект, постоялец Холлов…

— Ну?

— Дайте мне выпить чего-нибудь, — сказал Касс и опустился на стул.

Когда Касс несколько успокоился с помощью стакана дешевого хереса — других напитков у добрейшего викария не бывало, — он стал рассказывать о своей встрече с незнакомцем.

— Вхожу, — начал он задыхающимся голосом, — и прошу подписаться в пользу сиделки. Как только я вошел, он сунул руки в карманы и плюхнулся в кресло. «Вы интересуетесь наукой, как я слышал?» — начал я. «Да», — ответил он и фыркнул. Все время фыркал. Простудился,

должно быть. Да и не мудрено, раз человек так кутается. Я стал распространяться насчет сиделки, а сам озираюсь по сторонам. Повсюду бутылки, химические препараты. Тут же весы, пробирки и пахнет ночными фиалками. Не угодно ли ему подписаться? «Подумаю», — говорит. Тут я прямо спросил его, занимается ли он научными изысканиями. «Да», — говорит. «Длительные изыскания?» Его, видно, злость взяла. «Чертовски длительные!» — выпалил он. «Вот как?» — говорю я. Ну, тут и пошло. Он уже раньше весь так и кипел, и мой вопрос был последней каплей. Он получил от кого-то рецепт — чрезвычайно ценный рецепт; для какой цели — этого он не может сказать. «Медицинский?» — «Черт побери! А вам какое дело?» Я извинился. Он снисходительно фыркнул, откашлялся и продолжал. Рецепт он прочел. Пять ингредиентов. Положил на стол, отвернулся. Вдруг шорох: бумажку подхватило сквозняком. Каминная труба была открыта. Пламя вспыхнуло, и не успел он оглянуться, как рецепт сгорел и пепел вылетел в трубу. Бросился к камину — поздно. Вот! Тут он безнадежно махнул рукой.

— Ну?

— А руки-то и нет — пустой рукав. «Господи, —

подумал я, — вот калека-то. Вероятно, у него деревянная рука, и он ее снял. И все-таки, — подумал я, — тут что-то неладно. Как же это рукав не повиснет, если в нем ничего нет?» А в нем ничего не было, уверяю вас. Совершенно пустой рукав, до самого локтя. Я видел, что рукав пуст и, кроме того, прореха светилась насквозь. «Боже милосердный!» — воскликнул я. Тогда он замолчал. Уставился своими синими очками сначала на меня, потом на свой рукав.

— Ну?

— И все. Не сказал ни слова, только глянул на меня и быстро засунул рукав в карман. «Я, кажется, остановился на том, как рецепт сгорел?» Он вопросительно кашлянул. «Как это вы, черт возьми, умудряетесь двигать пустым рукавом?» — спросил я. «Пустым рукавом?» — «Ну да, — сказал я — пустым рукавом». — «Так это, по-вашему, пустой рукав? Вы видели, что он пустой?» Он поднялся с кресла. Я тоже встал. Тогда он медленно сделал три шага. Подошел ко мне и стал совсем вплотную. Язвительно фыркнул. Я стоял спокойно, хотя, честное слово, это забинтованное страшилище с круглыми очками хоть кого испугало бы.

«Так вы говорите, рукав пустой?» — сказал он.

«Конечно», — ответил я. Тогда этот нахал снова уставился на меня своими стеклами. А потом преспокойно вытянул рукав из кармана и протянул его мне, как будто хотел снова показать. Все это он проделал очень медленно. Я посмотрел на рукав. Казалось, прошла целая вечность. «Ну вот, — сказал он, откашлявшись, — в нем ничего нет». Что-то надо было сказать. Мне стало страшно. Я видел весь рукав насквозь. Он вытягивал его медленно-медленно — вот так, пока обшлаг не очутился дюймах в шести от моего лица. Странное это ощущение — видеть, как приближается пустой рукав… А потом…

— Ну?

— Чем-то — мне показалось, большим и указательным пальцами — он потянул меня за нос.

Бантинг засмеялся.

— Но там не было ничего! — сказал Касс, чуть не взвизгнув, когда произносил «ничего». — Хорошо вам смеяться, а я был так ошеломлен, что ударил по обшлагу рукава, повернулся и выбежал из комнаты…

Касс замолчал. В непритворности его испуга нельзя было сомневаться. Он беспомощно повернулся и выпил еще стакан скверного хереса, которым угощал его добрейший викарий.

— Когда я хватил его по рукаву, — сказал он, — то, уверяю вас, я почувствовал, что бью по руке. А руки там не было. И намека на руку не было.

Мистер Бантинг задумался. Потом подозрительно посмотрел на Касса.

— Это в высшей степени любопытная история, — сказал он с весьма глубокомысленным и серьезным видом. — Безусловно, история в высшей степени любопытная, — повторил он еще более внушительно.

Глава V
Кража со взломом в доме викария

О краже со взломом в доме викария мы узнали главным образом из рассказа самого викария и его жены. Это случилось перед рассветом в Духов день; в этот день айпингский клуб устраивает ежегодные празднества. Миссис Бантинг внезапно проснулась в предрассветной тишине с отчетливым ощущением, что дверь спальни хлопнула. Сначала она решила не будить мужа, а села на кровати и стала прислушиваться. Она явственно различила шлепанье босых ног; словно кто-то вышел из туалетной комнаты и направился по коридору к лестнице. Тогда она как можно осторожнее разбудила мистера Бантинга. Проснувшись и узнав, в чем дело, он решил не зажигать огня, но, надев очки, капот жены и сунув ноги в купальные туфли, вышел на площадку. Он совершенно ясно услышал возню в своем кабинете внизу, потом там кто-то громко чихнул.

Тогда он вернулся в спальню, вооружился самым надежным оружием, какое нашлось, — кочергой — и сошел с лестницы, стараясь не

шуметь. Миссис Бантинг вышла на площадку.

Было около четырех часов; ночной мрак редел. В прихожей уже брезжил свет, но дверь кабинета зияла черной дырой. В тишине слышен был только слабый скрип ступенек под ногами мистера Бантинга и легкое движение в кабинете. Потом что-то щелкнуло, слышно было, как открылся ящик, зашуршали бумаги. Послышалось ругательство, вспыхнула спичка, и кабинет осветился желтым светом. В это время мистер Бантинг был уже в прихожей и через приотворенную дверь увидел письменный стол, выдвинутый ящик и свечу, горевшую на столе. Но вора ему не было видно. Он стоял в прихожей, не зная, что предпринять, а позади него медленно спускалась с лестницы бледная, перепуганная миссис Бантинг. Одно обстоятельство поддерживало мужество мистера Бантинга: убеждение, что вор принадлежит к числу местных жителей.

Затем они услышали звон монет и поняли, что вор нашел деньги, отложенные на хозяйство, — два фунта полусоверенами и десять шиллингов. Звон монет мгновенно вывел мистера Бантинга из состояния нерешительности. Крепко сжав в руке кочергу, он ворвался в кабинет; миссис Бантинг следовала за ним по пятам.

— Сдавайся! — яростно крикнул мистер Бантинг и остановился пораженный: в комнате никого не было.

И все же, вне всякого сомнения, минуту назад здесь кто-то двигался. С полминуты супруги стояли, разинув рты, потом миссис Бантинг заглянула за ширмы, а мистер Бантинг, побуждаемый тем же чувством, посмотрел под стол. Затем миссис Бантинг отдернула оконные занавеси, а мистер Бантинг осмотрел камин и пошарил в трубе кочергой. Миссис Бантинг перерыла корзину для бумаг, а мистер Бантинг открыл ящик с углем. Проделав все это, они в недоумении уставились друг на друга.

— Я готов поклясться… — сказал мистер Бантинг. — А свеча! — воскликнул он. — Кто зажег свечу?

— А ящик! — сказала миссис Бантинг. — И куда девались деньги?

Она поспешно пошла к дверям.

— В жизни своей ничего подобного…

В коридоре кто-то громко чихнул. Они выбежали из комнаты и тут же услышали, как хлопнула дверь кухни.

— Принеси свечу, — сказал мистер Бантинг и пошел вперед. Оба ясно слышали стук торопливо

отодвигаемых засовов.

Открывая дверь на кухню, мистер Бантинг увидел, что парадная дверь отворяется и в слабом утреннем свете мелькнула темная зелень сада. Но он уверял, что в дверь никто не вышел. Она открылась, а потом со стуком захлопнулась. Пламя свечи, которую несла миссис Бантинг, замигало и вспыхнуло ярче. Прошло несколько минут, прежде чем они вошли в кухню.

Там никого не оказалось. Они снова заперли на засов входную дверь, тщательно обыскали кухню, чулан, буфетную и наконец спустились в погреб. Но, несмотря на самые тщательные поиски, они никого не обнаружили!

Утро застало викария и его жену в весьма странном наряде; они все еще сидели в нижнем этаже своего домика при ненужном уже свете догоравшей свечи и терялись в догадках.

— В жизни своей ничего подобного… — в двадцатый раз начал викарий.

— Дорогой мой, — прервала его миссис Бантинг, — вот идет Сюзи. Пусть она придет в кухню, и пойдем оденемся.

Глава VI
Взбесившаяся мебель

В это же утро, на рассвете Духова дня, когда даже служанка Милли еще спала, мистер и миссис Холл встали с постели и бесшумно спустились в погреб. Там у них было дело совершенно особого характера, имевшее некоторое отношение к специфической крепости их пива.

Не успели они войти в погреб, как миссис Холл вспомнила, что забыла захватить бутылочку с сарсапарелью, которая стояла у них в спальне. Так как главным знатоком и мастером предстоявшего дела была она, то наверх за бутылкой отправился Холл.

На площадке лестницы он с удивлением заметил, что дверь в комнату постояльца приоткрыта. Пройдя в спальню, он нашел бутылку на указанном женой месте.

Но, возвращаясь обратно в погреб, он заметил, что засовы входной двери отодвинуты и дверь закрыта просто на щеколду. Осененный внезапной мыслью, он сопоставил это обстоятельство с открытой дверью в комнату постояльца и пред-

положениями мистера Тедди Хенфри. Он ясно помнил, что сам держал свечку, когда миссис Холл задвигала засовы на ночь. Он остановился пораженный; затем, все еще держа бутылку в руках, снова поднялся наверх и постучал в дверь постояльца. Ответа не последовало. Он постучал еще раз, затем распахнул дверь настежь в комнату.

Все оказалось так, как он и ожидал. Комната была пуста, постель не тронута. На кресле и на спинке кровати была разбросана одежда незнакомца и его бинты, широкополая шляпа и та торчала на столбике кровати. Это обстоятельство показалось чрезвычайно странным даже не слишком сообразительному Холлу, тем более что другого платья, насколько он знал, у постояльца не было.

Стоя в недоумении посреди комнаты, он услышал снизу, из погреба, голос своей жены; захлебывающаяся скороговорка и высокие, визгливые ноты, характерные для жителей Западного Сассекса, изобличали крайнее нетерпение.

— Джордж! — кричала она. — Ты нашел что нужно?

Он повернулся и поспешил к жене.

— Дженни! — крикнул он, нагибаясь над лест-

ницей, ведущей в погреб. — А ведь Хенфри-то прав. Жильца в комнате нет. И засов на парадной двери снят.

Сначала миссис Холл не поняла, о чем речь, но, сообразив, в чем дело, решила сама осмотреть пустую комнату. Холл все еще с бутылкой в руках пошел вперед.

— Его самого нет, а одежда тут, — сказал он. — Где же он шляется голый? Странное дело.

Когда они поднимались по лестнице из погреба, им обоим, как выяснилось впоследствии, почудилось, что кто-то открыл и снова закрыл парадную дверь; но так как они нашли ее закрытой, то в ту минуту они об этом ничего друг другу не сказали. В коридоре миссис Холл опередила своего мужа и взбежала по лестнице первая. В это время на лестнице кто-то чихнул. Холл, отставший от жены на шесть ступенек, подумал, что это она чихает, она же была убеждена, что чихнул он. Поднявшись наверх, она распахнула дверь и стала осматривать комнату незнакомца.

— В жизни своей ничего подобного не видела! — сказала она.

В это время сзади над самым ее ухом кто-то фыркнул, она обернулась и, к величайшему своему удивлению, увидела, что Холл стоит шагах в

двенадцати от нее, на верхней ступеньке лестницы. Он сразу же подошел к ней. Она наклонилась и стала ощупывать подушку и белье.

— Холодные, — сказала она. — Его нет уже с час, а то и больше.

Не успела она произнести эти слова, как произошло нечто в высшей степени странное: постельное белье свернулось в узел, который тут же перепрыгнул через спинку кровати. Казалось, чья-то рука скомкала одеяло и простыни и бросила на пол. Вслед за этим шляпа незнакомца соскочила со своего места, описала в воздухе дугу и шлепнулась прямо в лицо миссис Холл. За ней с такой же быстротой полетела с умывальника губка; затем кресло, небрежно сбросив с себя пиджак и брюки постояльца и рассмеявшись сухим смехом, чрезвычайно похожим на смех постояльца, повернулось всеми четырьмя ножками к миссис Холл и, нацелившись, бросилось на нее. Она вскрикнула и повернулась к двери, а ножки кресла осторожно, но решительно уперлись в ее спину и вытолкали ее вместе с Холлом из комнаты. Дверь захлопнулась, замок щелкнул. Кресло и кровать, по-видимому, еще поплясали немного, как бы торжествуя победу, а затем все стихло.

Миссис Холл почти без чувств повисла на руках

у мужа. Мистеру Холлу с величайшим трудом удалось при помощи Милли, которая успела проснуться от крика и шума, снести ее вниз и дать ей успокаивающих капель.

— Это ду́хи, — сказала миссис Холл, придя наконец в себя. — Я знаю, это ду́хи. Я читала про них в газетах. Столы и стулья начинают прыгать и танцевать…

— Выпей еще немножко, Дженни, — прервал ее Холл. — Это подкрепит тебя.

— Запри дверь, — сказала миссис Холл. — Смотри не впускай его больше. Я все время подозревала… Как это я не догадалась! Глаз не видно, голова забинтована, и в церковь по воскресеньям не ходит. А сколько бутылок!.. На что порядочному человеку столько бутылок? Он напустил ду́хов в мебель… Моя милая старая мебель! В этом самом кресле любила сидеть моя дорогая матушка, когда я была еще маленькой девочкой. И подумать только, оно поднялось теперь против меня…

— Выпей еще капель, Дженни, — сказал Холл, — у тебя нервы совсем расстроены.

Было уже пять часов, лучи утреннего солнца заливали улицу. Супруги послали Милли разбудить мистера Сэнди Уоджерса, кузнеца, который жил напротив.

— Хозяин вам кланяется, — сказала ему Милли. — У нас что-то стряслось с мебелью. Может, вы зайдете и поглядите?

Мистер Уоджерс был человек весьма сведущий и смышленый. Он отнесся к рассказу Милли серьезно.

— Это колдовство, головой ручаюсь, — сказал он. — Такому постояльцу только копыт не хватает.

Он пришел сильно озабоченный. Мистер и миссис Холл хотели было подняться с ним наверх, но он, по-видимому, с этим не спешил. Он предпочитал продолжать разговор в коридоре. Из табачной лавки Хакстерса вышел приказчик и стал открывать ставни. Его пригласили принять участие в обсуждении случившегося. За ним через несколько минут подошел, конечно, сам мистер Хакстерс. Англосаксонский парламентский дух проявился здесь полностью: говорили много, но за дело не принимались.

— Установим сначала факты, — настаивал мистер Сэнди Уоджерс. — Обсудим, вполне ли будет правильно с нашей стороны взломать дверь в его комнату? Запертую дверь всегда можно взломать, но, раз дверь взломана, ее не сделаешь невзломанной.

Но вдруг, ко всеобщему удивлению, дверь комнаты постояльца открылась сама, и, взглянув наверх, они увидели закутанную фигуру незнакомца, спускавшегося по лестнице и пристально смотревшего на них зловещим взором сквозь свои темно-синие очки. Медленно, деревянной походкой, он спустился с лестницы, прошел по коридору и остановился.

— Смотрите, — сказал он, вытянув палец в перчатке.

Взглянув в указанном направлении, они увидели у самой двери погреба бутылку с сарсапарелью. А незнакомец вошел в гостиную и неожиданно быстро, со злостью захлопнул дверь перед самым их носом.

Никто не произнес ни слова, пока не замер стук захлопнутой двери. Все молча переглядывались.

— Признаюсь, это уже верх… — начал мистер Уоджерс и не докончил фразы.

— Я бы на вашем месте пошел и спросил его, что все это значит, — сказал Уоджерс Холлу. — Я потребовал бы объяснения.

Понадобилось некоторое время, чтобы убедить хозяина решиться на это. Наконец он постучался в дверь, открыл ее и начал:

— Простите…

— Убирайтесь к черту! — крикнул в бешенстве незнакомец. — Затворите дверь!

На этом объяснение и закончилось.

Глава VII
Разоблачение незнакомца

Незнакомец вошел в гостиную около половины шестого утра и оставался там приблизительно до полудня; шторы в комнате были спущены, дверь заперта, и после неудачи, постигшей Холла, никто не решался войти туда.

Все это время незнакомец, очевидно, ничего не ел.

Три раза он звонил, причем в третий раз долго и сердито, но никто не отозвался.

— Ладно, я ему покажу «убирайтесь к черту», — ворчала про себя миссис Холл.

Слух о ночном происшествии в доме викария уже успел распространиться, и между обоими событиями усматривали некую связь. Холл в сопровождении Уоджерса отправился к судье мистеру Шэклфорсу, чтобы с ним посоветоваться. Наверх подняться никто не решался. Чем занимался все это время незнакомец, неизвестно. Иногда он нетерпеливо шагал из угла в угол, два раза из его комнаты доносились ругательства, шуршание разрываемой бумаги и звон разбива-

емых бутылок.

Кучка испуганных, но сгоравших от любопытства людей все росла. Пришла миссис Хакстерс. Подошли несколько бойких молодых парней, вырядившихся по случаю праздника в черные пиджаки и галстуки из белого пике; они стали задавать нелепые вопросы. Арчи Харкер оказался смелее всех: он пошел во двор и постарался заглянуть под опущенную штору. Разглядеть он не мог ничего, но дал понять, что видит, и еще кое-кто из айпингского молодого поколения присоединился к нему.

День для праздника выдался на славу — теплый и ясный. На деревенской улице появилось с десяток ларьков и тир для стрельбы, а на лужайке перед кузницей стояли три полосатых желто-коричневых фургона, и какие-то люди в живописных костюмах устраивали приспособление для метания кокосовых орехов. Мужчины были в синих свитерах, дамы — в белых передниках и модных шляпах с большими перьями. Уоджер из «Красной лани» и мистер Джэггерс, сапожник, торговавший также подержанными велосипедами, протягивали поперек улицы гирлянду из национальных флагов и королевских штандартов (оставшихся от празднования юби-

лея королевы Виктории).

А в полутемной гостиной с занавешенными окнами, куда проникал лишь слабый свет, незнакомец, вероятно голодный и злой, задыхаясь от жары в своих повязках, глядел сквозь темные очки на листок бумаги, позвякивал грязными бутылками и неистово ругал собравшихся под окном невидимых мальчишек. В углу у камина валялись осколки полдюжины разбитых бутылок, а в воздухе стоял едкий запах хлора. Вот все, что нам известно по рассказам очевидцев, и такой вид имела комната, когда в нее вошли.

Около полудня незнакомец внезапно открыл дверь гостиной и остановился на пороге, пристально глядя на трех-четырех человек, сгрудившихся у стойки.

— Миссис Холл! — крикнул он.

Кто-то нехотя вышел из комнаты позвать хозяйку.

Появилась миссис Холл, несколько запыхавшаяся, но весьма решительная. Мистер Холл еще не вернулся. Она все уже обдумала и явилась с небольшим подносиком в руках, на котором лежал неоплаченный счет.

— Вы хотите уплатить по счету? — спросила она.

— Почему мне не подали завтрака? Почему вы не приготовили мне поесть и не отзывались на звонки? Вы думаете, я могу обходиться без еды?

— А почему вы не уплатили по счету? — возразила миссис Холл. — Вот чего я желала бы знать.

— Еще третьего дня я сказал вам, что жду денежного перевода…

— А я еще вчера сказала вам, что не намерена ждать никаких переводов. Нечего ворчать, что завтрак запаздывает, если по счету уже пять дней не плачено.

Постоялец кратко, но энергично выругался.

— Легче, легче! — раздалось из распивочной.

— Я прошу вас, мистер, держать свои ругательства при себе, — сказала миссис Холл.

Постоялец замолчал и стоял на пороге, похожий в своих очках на рассерженного водолаза. Все посетители трактира чувствовали: перевес на стороне миссис Холл. Дальнейшие слова незнакомца подтвердили это.

— Послушайте, голубушка… — начал он.

— Я вам не голубушка, — сказала миссис Холл.

— Говорю вам, я еще не получил перевода…

— Уж какой там перевод! — сказала миссис Холл.

— Но в кармане у меня…

— Третьего дня вы сказали, что у вас и соверена не наберется.

— Ну а теперь я нашел побольше.

— Ого! — раздалось из распивочной.

— Хотела бы я знать, где это вы нашли деньги, — сказала миссис Холл.

Это замечание, по-видимому, не понравилось незнакомцу. Он топнул ногой.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Только то, что я хотела бы знать, откуда у вас деньги, — сказала миссис Холл. — И прежде чем подавать вам счета, готовить завтрак или вообще что-либо делать для вас, я попрошу вас объяснить некоторые вещи, которых я не понимаю и никто не понимает, но которые мы все хотим понять. Я хочу знать, что вы делали наверху с моим креслом; хочу знать, как это ваша комната оказалась пустой и как вы опять туда попали. Мои постояльцы входят и выходят через двери: так у меня заведено, вы же делаете по-другому, и я хочу знать, как вы это делаете. И еще…

Незнакомец вдруг поднял руки, обтянутые перчатками, сжал кулаки, топнул ногой и крикнул: «Стойте!» — так исступленно, что миссис Холл немедленно умолкла.

— Вы не понимаете, — сказал он, — кто я и чем

занимаюсь. Я покажу вам. Как бог свят, покажу! — При этих словах он приложил руку к лицу и сейчас же отнял ее. Посреди лица зияла пустая впадина. — Держите, — сказал он и, шагнув к миссис Холл, подал ей что-то. Не сводя глаз с его преобразившегося лица, миссис Холл машинально взяла протянутую ей вещь. Затем, рассмотрев, что это, она громко вскрикнула, уронила ее на пол и попятилась. По полу покатился нос — нос незнакомца, розовый, лоснящийся.

Затем он снял очки, и все вытаращили глаза от удивлении. Он снял шляпу и стал яростно срывать бакенбарды и бинты. Они не сразу поддались его усилиям. Все замерли в ужасе.

— О господи! — вымолвил кто-то.

Наконец бинты были сорваны.

То, что предстало взорам присутствующих, превзошло все ожидания. Миссис Холл, стоявшая с разинутым ртом, дико вскрикнула и побежала к дверям. Все вскочили с мест. Ждали ран, уродства, видимого глазом ужаса, а тут — ничего. Бинты и парик полетели в распивочную, едва не задев стоявших там. Все кинулись прочь с крыльца, натыкаясь друг на друга, ибо на пороге гостиной, выкрикивая бессвязные объяснения, стояла фигура, похожая на человека вплоть до

воротника пальто, а выше не было ничего. Решительно ничего!

Жители Айпинга услышали крики и шум, доносившиеся из трактира «Кучер и кони», и увидели, как оттуда стремительно выбегают посетители. Они увидели, как миссис Холл упала и как мистер Тедди Хенфри подпрыгнул, чтобы не споткнуться о нее. Потом они услышали истошный крик Милли, которая, выскочив из кухни на шум, неожиданно наткнулась на безголового незнакомца. Крик сразу оборвался.

После этого все, кто был на улице, — продавец сластей, владелец балагана для метания в цель и его помощник, хозяин качелей, мальчишки и девчонки, деревенские франты, местные красотки, старики в блузах и цыгане в фартуках, — ринулись к трактиру. Не прошло и минуты, как перед заведением миссис Холл собралось человек сорок, толпа быстро росла, все шумели, толкались, орали, вскрикивали, задавали вопросы, строили догадки. Никто никого не слушал, и все говорили сразу — настоящее столпотворение! Несколько человек поддерживали миссис Холл, которую подняли с земли почти без памяти. Среди общего смятения один из очевидцев, стараясь перекричать всех, давал ошеломляющие показания.

— Оборотень!

— Что же он натворил?

— Ранил служанку.

— Кажется, кинулся на них с ножом.

— Не так, как говорится, а в самом деле без головы!

— Говорят вам, нет головы на плечах!

— Пустяки, наверное, какой-нибудь фокус.

— Как снял он бинты…

Стараясь заглянуть в открытую дверь, толпа образовала живой клин, острие которого, направленное в дверь трактира, составляли самые отчаянные смельчаки.

— Он стоит на пороге. Вдруг девушка как вскрикнет, он обернулся, а девушка бежать. Он за ней. Минутное дело — уж он идет обратно, в одной руке нож, в другой — краюха хлеба. Остановился и будто глядит. Вот только сейчас. Он вошел в эту самую дверь. Говорят вам: головы у него совсем нет. Приди вы на минуточку раньше, вы бы сами…

В задних рядах произошло движение. Рассказчик замолчал и посторонился, чтобы дать дорогу небольшой процессии, которая с весьма воинственным видом направлялась к дому, во главе ее шел мистер Холл, очень красный, с решительным

видом, далее мистер Бобби Джефферс, констебль, и, наконец, мистер Уоджерс, из осторожности державшийся позади. У них был приказ об аресте незнакомца.

Им наперебой сообщали последние новости — один кричал одно, другой — совсем другое.

— С головой он там или без головы, — сказал мистер Джефферс, — а я получил приказ арестовать его, и приказ этот я выполню.

Мистер Холл поднялся на крыльцо, направился прямо к двери гостиной и распахнул ее.

— Констебль, — сказал он, — исполняйте свой долг.

Джефферс вошел первый, за ним — Холл и последним — Уоджерс. В полумраке они разглядели безголовую фигуру с недоеденной коркой хлеба в одной руке и с куском сыра в другой; обе руки были в перчатках.

— Вот он, — сказал Холл.

— Это еще что? — раздался сердитый возглас из пустого пространства над воротником.

— Таких, как вы, я еще не видывал, сударь, — сказал Джефферс. — Но есть ли у вас голова или нет, в приказе сказано: «Препроводить», а долг службы прежде всего…

— Не подходите! — крикнул незнакомец, отсту-

пая на шаг.

В одно мгновение он бросил хлеб и сыр на пол, и мистер Холл едва успел вовремя убрать нож со стола. Незнакомец снял левую перчатку и ударил ею Джефферса по лицу. Джефферс сразу, оборвав свои разъяснения относительно смысла приказа, схватил одной рукой кисть невидимой руки, а другой сдавил невидимое горло. Тут он получил здоровый пинок по ноге, заставивший его вскрикнуть, но добычи своей он не выпустил. Холл через стол передал нож Уоджерсу, который, желая помочь Джефферсу, действовал, так сказать, в качестве голкипера. В яростной схватке противники наткнулись на стул, он с грохотом отлетел в сторону, и оба упали на пол.

— Хватайте его за ноги, — прошипел сквозь зубы Джефферс.

Мистер Холл, попытавшийся выполнить его распоряжение, получил сильный удар в грудь и на минуту выбыл из строя, а мистер Уоджерс, видя, что безголовый незнакомец извернулся и начал одолевать Джефферса, попятился с ножом в руках к двери, где столкнулся с мистером Хакстерсом и сиддербриджским извозчиком, спешившим на выручку блюстителю закона и порядка. В это самое время с полки посыпались

бутылки, и комната наполнилась едкой вонью.

— Сдаюсь! — крикнул незнакомец, несмотря на то что подмял под себя Джефферса.

Он встал, тяжело дыша, без головы и без рук, ибо во время борьбы стянул обе перчатки.

— Все равно ничего не выйдет, — сказал он, еле переводя дух.

В высшей степени странно было слышать голос, исходивший как бы из пустого пространства, но жители Сассекса, вероятно, самые трезвые люди на свете. Джефферс также встал и вынул из кармана пару наручников. Но тут он остановился в полном недоумении.

— Вот так штука! — сказал он, смутно начиная сознавать несообразность всего происходящего. — Черт возьми! Похоже, что они без надобности.

Незнакомец провел пустым рукавом по пиджаку, и пуговицы словно по волшебству расстегнулись. Затем он сказал что-то о своих ногах и нагнулся. По-видимому, он трогал свои башмаки и носки.

— Постойте, — воскликнул вдруг Хакстерс. — Ведь это совсем не человек! Тут только пустая одежда. Посмотрите-ка, можно заглянуть в воротник, и подкладку пиджака видно. Я могу

просунуть руку.

С этими словами он протянул руку. Казалось, он наткнулся на что-то в воздухе, ибо тотчас же с криком отдернул ее.

— Я бы вас попросил держать свои пальцы подальше от моих глаз! — раздались из пустоты слова, произнесенные яростным тоном. — Суть в том, что я весь тут — с головой, руками, ногами и всем прочим, но только я невидимка. Это чрезвычайно неудобно, но ничего не поделаешь. Однако это обстоятельство не дает права каждому дураку в Айпинге тыкать в меня руками.

Перед ним стоял, подбоченясь, костюм, весь расстегнутый и свободно висящий на невидимой опоре.

Тем временем с улицы вошли еще несколько мужчин, и в комнате стало людно…

— Что? Невидимка? — сказал Хакстерс, не обращая внимания на оскорбительный тон незнакомца. — Такого же не бывает.

— Вам это может показаться странным, но ведь преступного тут ничего нет. На каком основании на меня набрасывается констебль?

— А, это совсем другое дело, — сказал Джефферс. — Правда, здесь темновато, и видеть вас трудно, но у меня есть приказ о вашем аресте, и

приказ по всей форме. Вы подлежите аресту не за то, что вы невидимка, а по подозрению в краже со взломом. Неподалеку отсюда был ограблен дом и украдены деньги.

— Ну?

— Некоторые обстоятельства указывают…

— Вздор! — воскликнул Невидимка.

— Надеюсь, что так, сударь. Но я получил приказ.

— Хорошо, — сказал незнакомец, — я пойду с вами. Пойду, но без наручников.

— Так полагается, — сказал Джефферс.

— Без наручников, — упорствовал незнакомец.

— Нет уж, извините, — сказал Джефферс.

Вдруг фигура Невидимки осела на пол, и, прежде чем кто-либо успел сообразить, что происходит, башмаки, брюки и носки полетели под стол. Затем Невидимка вскочил и сбросил с себя пиджак.

— Стой, стой! — закричал Джефферс, вдруг сообразив, в чем дело. Он схватился за жилетку, та стала сопротивляться; затем оттуда выскочила рубашка, и в руках у Джефферса остался пустой жилет. — Держите его! — крикнул Джефферс. — Стоит ему только раздеться!..

— Держи его! — закричали все и бросились на

мелькавшую в воздухе белую рубашку — все, что осталось видимого от незнакомца.

Рукав рубашки нанес Холлу сильнейший удар по лицу, что пресекло его решительную атаку и толкнуло его назад, прямо на Тутсома, причетника, в тот же миг рубашка приподнялась в воздухе, где она стала извиваться, как всякая рубашка, которую снимают через голову. Джефферс крепко ухватился за рукав, но этим только помог снять ее. Что-то из воздуха ударило его в нижнюю челюсть; он тотчас выхватил свою дубинку и, размахнувшись изо всей мочи, ударил Тедди Хенфри прямо по макушке.

— Берегись! — кричали все, наугад рассыпая удары по воздуху. — Держи его! Заприте дверь! Не выпускайте! Я что-то поймал! Вот он!

Началось настоящее вавилонское столпотворение. Тумаки, казалось, сыпались на всех сразу, и мудрый Сэнди Уоджерс, чья сообразительность обострилась благодаря сокрушительному удару, который расквасил ему нос, отворил дверь и первый выбежал из комнаты. Все тотчас же последовали за ним. В дверях началась страшная давка. Удары продолжали сыпаться. Сектанту Фипсу выбили передний зуб, а Генри поранили ушную раковину. Джефферс получил удар в

подбородок и, обернувшись, ухватился за что-то невидимое, втиснувшееся в суматохе между ним и Хакстерсом. Он нащупал мускулистую грудь, и в ту же минуту весь клубок борющихся, разгоряченных людей выкатился в коридор.

— Поймал! — крикнул Джефферс, задыхаясь. Не выпуская из рук невидимого врага, весь багровый, со вздувшимися венами, он кружил в толпе, расступавшейся перед этим странным поединком. Наконец все скатились с крыльца на землю. Джефферс закричал придушенным голосом, все еще сжимая в объятиях что-то невидимое и энергично работая коленом, потом зашатался и упал навзничь, грохнувшись затылком о камни. Только тогда он разжал пальцы.

Раздались крики: «Держи его!», «Невидимка!» Какой-то молодой человек не из Айпинга, чьего имени так и не удалось установить, подбежал, схватил что-то, но тут же выпустил из рук и упал на распростертое тело констебля. Посреди улицы вскрикнула едва не сбитая с ног женщина; собака, видимо получившая пинок, завизжала и с воем кинулась во двор к Хакстерсу. Этим и закончился побег Невидимки. С минуту толпа стояла изумленная и взволнованная, затем бросилась врассыпную, словно палая листва, развеянная

порывом ветра.

Только Джефферс лежал неподвижно, обратив лицо к небу и согнув колени.

Глава VIII
Мимоходом

Восьмая глава необычайно коротка. В ней рассказывается о том, как Джиббинс, местный натуралист-любитель, дремал на холмике в полной уверенности, что по крайней мере на две мили окрест нет ни души, и вдруг услышал совсем близко от себя шаги какого-то человека, который кашлял, чихал и отчаянно ругался; обернувшись, он не увидел никого. И тем не менее голос раздавался вполне явственно. Невидимый прохожий продолжал ругаться той отборной витиеватой бранью, по которой сразу можно узнать образованного человека. Голос поднялся до самых высоких нот, потом стал тише и наконец совсем замер, удалившись, как показалось Джиббинсу, по направлению к Эддердину. Последнее громкое чиханье — и все стихло. Джиббинсу ничего не было известно об утренних событиях, но явление это до того поразило и смутило его, что все его философское спокойствие исчезло. Вскочив, он со всей быстротой, на какую был способен, спустился с холма и направился в селение.

Глава IX
Мистер Томас Марвел

Чтобы получить представление о мистере Томасе Марвеле, вы должны вообразить себе человека с толстым дряблым лицом, с широким длинным носом, слюнявым подвижным ртом и растущей вкривь и вкось щетинистой бородой. Он был явно предрасположен к полноте, что было особенно заметно благодаря очень коротким конечностям. Он носил потрепанный шелковый цилиндр, а то, что на самых ответственных частях туалета вместо пуговиц красовались бечевки и ботиночные шнурки, свидетельствовало, что он закоренелый холостяк.

Мистер Томас Марвел сидел, спустив ноги в канаву, у дороги, ведущей к Эддердину, примерно в полутора милях от Айпинга. На ногах у него не было ничего, кроме рваных носков; вылезшие из дыр большие пальцы ног, широкие и приподнятые, напоминали уши насторожившейся собаки. Неторопливо — он все делал не торопясь — Томас Марвел рассматривал башмаки, которые собирался примерить. Это были очень крепкие

башмаки, какие ему давно уже не попадались, но они оказались ему слишком велики; между тем старые башмаки его, вполне подходящие для сухой погоды, не годились для сырой, так как у них была слишком тонкая подошва. Мистер Марвел терпеть не мог свободной обуви, но он не выносил и сырости. Собственно говоря, он еще не установил, что ему неприятнее — просторная обувь или сырость, — но день был погожий, других дел не предвиделось, и он решил поразмыслить. Поэтому он поставил на землю все четыре башмака, расположив их в виде живописной группы, и стал смотреть на них. Глядя, как они стоят среди буйно разросшегося репейника, он вдруг решил, что обе пары очень безобразны. Он нисколько не удивился, услыхав позади себя чей-то голос.

— Как-никак обувь, — сказал Голос.

— Это пожертвованная обувь, — сказал мистер Томас Марвел, склонив голову набок и с неудовольствием глядя на башмаки. — И я, черт возьми, не могу даже решить, какая из этих пар хуже.

— Гм… — сказал Голос.

— Я носил обувь и похуже. По правде говоря, мне случалось обходиться и совсем без нее. Но таких наглых уродов, если можно так выразиться,

я не носил никогда. Давно уже подыскиваю себе башмаки, потому что мои мне осточертели. Они крепкие, что и говорить. Но человек, который постоянно на ногах, все время видит свои башмаки. И, поверите ли, сколько я ни старался, во всей округе не мог достать других башмаков, кроме этих. Вы только взгляните! А ведь, вообще-то говоря, в здешней округе обувь хорошая. Только мое уж счастье такое. Я лет десять ношу здешнюю обувку. И вот какую дрянь мне подсунули.

— Это отвратительная округа, — сказал Голос, — и народ здесь прескверный.

— Верно ведь? — сказал Томас Марвел. — Ну и обувка! Чтоб она пропала!

С этими словами он через плечо покосился вправо, чтобы посмотреть на обувь собеседника и сравнить ее со своей, но, к величайшему его изумлению, там, где он ожидал увидеть пару башмаков, не оказалось ни башмаков, ни ног. Он посмотрел через левое плечо, но и там не обнаружил ни башмаков, ни ног. Это ошеломило его.

— Где же вы? — спросил Томас Марвел, поворачиваясь на четвереньках. Перед ним расстилалась пустая холмистая равнина, только далекие кусты вереска качались на ветру.

— Пьян я, что ли? — сказал Томас Марвел. — По-

мерещилось мне? Или я сам с собой разговаривал? Что за черт…

— Не пугайтесь, — сказал Голос.

— Оставьте, пожалуйста, ваши шутки! — воскликнул Томас Марвел. — Где вы? «Не пугайтесь», скажите на милость!

— Не пугайтесь, — повторил Голос.

— Ты сам сейчас испугаешься, болван ты этакий! — сказал Томас Марвел. — Где ты? Вот я до тебя доберусь.

Молчание.

— Под землей ты, что ли? — спросил Томас Марвел.

Ответа не было. Томас Марвел продолжал стоять в одних носках, в распахнутом пиджаке, и лицо его выражало полное недоумение. «Фю-ить», — раздался вдали свист.

— Вот тебе и «фю-ить». Что вы, в самом деле, дурачитесь? — сказал Томас Марвел.

Местность была безлюдная. В какую бы сторону он ни поглядел, никого не было видно. Дорога с глубокими канавами, окаймленная рядами белых придорожных столбов, гладкая и пустынная, тянулась на север и на юг, в безоблачном небе тоже ничего не было заметно, кроме пеночки.

— С нами крестная сила! — воскликнул Томас

Марвел, застегивая пиджак. — Все водка проклятая. Так я и знал.

— Это не водка, — сказал Голос. — Не волнуйтесь.

— Ох! — простонал Марвел, побледнев. — Все водка, — беззвучно повторили его губы. Он постоял немного, мрачно глядя прямо перед собой, потом стал медленно поворачиваться. — Готов поклясться, что слышал голос, — прошептал он.

— Конечно слышали.

— Вот опять, — сказал Марвел, закрывая глаза и трагическим жестом хватаясь за голову. Но тут его вдруг взяли за шиворот и так встряхнули, что у него совсем помутилось в голове.

— Брось дурить, — сказал Голос.

— Я рехнулся… — сказал Марвел. — Ничего не поможет. И все из-за проклятых башмаков. Прямо-таки рехнулся! Или это привидение?..

— Ни то ни другое, — сказал Голос. — Послушай…

— Рехнулся! — повторил Марвел.

— Да погоди же! — сказал Голос, еле сдерживая раздражение.

— Ну? — сказал Марвел, испытывая странное ощущение, как будто кто-то коснулся пальцем его груди.

— Ты думаешь, я тебе только почудился, да?

— А как же иначе? — ответил Томас Марвел, почесывая затылок.

— Отлично, — сказал Голос. — В таком случае я буду швырять в тебя камнями, пока ты не убедишься в противном.

— Да где же ты?

Голос не ответил. Свист — и камень, по-видимому пущенный из воздуха, пролетел у самого плеча мистера Марвела. Обернувшись, мистер Марвел увидел, как другой камень, описав дугу, взлетел вверх, повис на секунду в воздухе и затем полетел к его ногам с почти неуловимой быстротой. Он был до того поражен, что даже не попробовал увернуться. Камень, ударившись о голый палец ноги, отлетел в канаву. Томас Марвел подскочил и взвыл от боли. Потом кинулся бежать, но споткнулся обо что-то и, перекувырнувшись, очутился в сидячем положении.

— Ну-с, что скажешь теперь? — спросил Голос, и третий камень, описав дугу, взлетел вверх и повис в воздухе над бродягой. — Что я такое? Воображение?

Марвел вместо ответа встал на ноги, но немедленно был снова брошен на землю. С минуту он лежал не двигаясь.

— Сиди смирно, — сказал Голос, — не то я разобью тебе камнем голову.

— Ну и дела! — сказал мистер Марвел, садясь и потирая ушибленную ногу, но не сводя глаз с камня. — Ничего не понимаю. Камни сами летают. Камни разговаривают. Не кидайся. Сгинь. Мне крышка.

Камень упал на землю.

— Все очень просто, — сказал Голос. — Я невидимка.

— Расскажите что-нибудь поновее, — сказал мистер Марвел, охая и корчась от боли. — Где вы прячетесь, как вы это делаете? Не могу догадаться. Сдаюсь.

— Я невидимка, только и всего. Понимаешь ты или нет? — сказал Голос.

— Да это ясней ясного. И нечего, мистер, злиться. А теперь скажите-ка лучше, как вы прячетесь.

— Я невидимка, в этом вся суть. Пойми ты…

— Но где же вы? — прервал его Марвел.

— Да тут, перед тобой, в пяти шагах.

— Рассказывай! Я не слепой. Еще скажешь, что ты воздух. Я ведь не какой-нибудь неуч…

— Да, я воздух. Ты смотришь сквозь меня.

— Что? И в тебе так-таки ничего нет? Один только болтливый голос и все?

— Я такой же человек, как все, из плоти и крови, мне нужно есть, пить и прикрыть свою наготу. Но я невидимка. Понятно? Невидимка. Это очень просто. Невидимый человек.

— Настоящий человек?

— Да.

— Ну, если так, — сказал Марвел, — дайте-ка мне руку. Это будет все-таки на что-то похоже… Ох! — воскликнул он вдруг. — Как вы меня напугали! Надо же так вцепиться!

Он пощупал руку, которая стиснула его кисть, затем нерешительно ощупал плечо, мускулистую грудь, бороду. Лицо его выражало крайнее изумление.

— Здорово! — сказал он. — Это почище петушиного боя. Просто поразительно. Я могу увидеть сквозь вас зайца в полумиле отсюда. А вас самого нисколечко не видать. Впрочем…

Тут Марвел стал внимательно всматриваться в пространство, казавшееся пустым.

— Скажите, вы не ели хлеб с сыром? — спросил он, не выпуская невидимой руки.

— Правильно. Эта пища еще не усвоена организмом.

— А-а, — сказал мистер Марвел. — Все-таки это странно.

— Право же, это далеко не так странно, как вам кажется.

— Для моего скромного разума это достаточно странно, — сказал Томас Марвел. — Но как вы это устраиваете? Как вам, черт возьми, удается?

— Это слишком длинная история. И, кроме того…

— Я просто в себя не могу прийти, — сказал Марвел.

— Я хочу тебе вот что сказать: я нуждаюсь в помощи — меня довели до этого. Я наткнулся на тебя неожиданно. Шел взбешенный, голый, обессиленный. Готов был убить. И я увидел тебя…

— Господи! — вырвалось у Марвела.

— Я подошел к тебе сзади… подумал и пошел дальше…

Лицо мистера Марвела весьма красноречиво выражало его чувства.

— Потом остановился. «Вот, — подумал я, — такой же отверженный, как я. Вот человек, который мне нужен». Я вернулся и направился к тебе. И…

— Господи! — сказал мистер Марвел. — У меня голова идет кругом. Позвольте спросить: как же это так? Невидимка! И какая вам нужна помощь?

— Я хочу, чтобы ты помог мне достать одежду,

кров и еще кое-что… Всего этого у меня нет уже давно. Если же ты не хочешь… Но ты поможешь мне, должен помочь!

— Постойте, — сказал Марвел. — Дайте мне собраться с мыслями. Нельзя же так — обухом по голове. И не трогайте меня! Дайте прийти в себя. Ведь вы чуть не перебили мне палец. Все это так нелепо: пустые холмы, пустое небо. На много миль кругом ничего не видать, кроме красот природы. И вдруг голос. Голос с неба. И камни. И кулак. Ах ты, господи!

— Ну, нечего нюни распускать, — сказал Голос. — Делай лучше то, что я приказываю.

Марвел надул щеки, и глаза его стали совсем круглыми.

— Я остановил свой выбор на тебе, — сказал Голос, — ты единственный человек, если не считать нескольких деревенских дураков, который знает, что на свете есть невидимка. Ты должен мне помочь. Помоги мне, и я многое для тебя сделаю. В руках человека-невидимки большая сила. — Он остановился и громко чихнул. — Но если ты меня выдашь, — продолжал он, — если ты не сделаешь то, что я прикажу…

Он замолчал и крепко стиснул плечо Марвела. Тот взвыл от ужаса.

— Я не собираюсь выдавать вас, — сказал он, стараясь отодвинуться от Невидимки. — Об этом и речи быть не может. С радостью вам помогу. Скажите только, что я должен делать. (Господи!) Все, что пожелаете, я сделаю с величайшим удовольствием.

Глава X
Мистер Марвел в Айпинге

После того как паника немного улеглась, жители Айпинга стали прислушиваться к голосу рассудка. Скептицизм внезапно поднял голову — правда, несколько шаткий, неуверенный, но все же скептицизм. Ведь не верить в существование Невидимки было куда проще, а тех, кто видел, как он рассеялся в воздухе, или почувствовал на себе силу его кулаков, можно было пересчитать по пальцам. К тому же один из очевидцев, мистер Уоджерс, отсутствовал, он заперся у себя в доме и никого не пускал, а Джефферс лежал без чувств в трактире «Кучер и кони». Великие, необычайные идеи, выходящие за пределы опыта, часто имеют меньше власти над людьми, чем малозначительные, но зато вполне конкретные соображения. Айпинг разукрасился флагами, жители разрядились. Ведь к празднику готовились целый месяц, его предвкушали. Вот почему несколько часов спустя даже те, кто верил в существование Невидимки, уже предавались развлечениям, утешая себя мыслью, что он исчез навсегда; что же

касается скептиков, то для них Невидимка превратился в забавную шутку. Как бы то ни было, среди тех и других царило необычайное веселье.

На Хайсменском лугу разбили палатку, где миссис Бантинг и другие дамы приготовляли чай, а вокруг ученики воскресной школы бегали взапуски по траве и играли в разные игры под шумным руководством викария, мисс Касс и мисс Сэкбат. Правда, чувствовалось какое-то легкое беспокойство, но все были настолько благоразумны, что скрывали свой страх. Большим успехом у молодежи пользовался наклонно натянутый канат, по которому, держась за блок, можно было стремглав слететь вниз, на мешок с сеном, лежавший у другого конца веревки. Неменьшим успехом пользовались качели, метание кокосовых орехов и карусель с паровым орга́ном, непрерывно наполнявшим воздух пронзительным запахом масла и не менее пронзительной музыкой. Члены клуба, побывавшие утром в церкви, щеголяли разноцветными значками, а большинство молодых людей разукрасили свои котелки яркими лентами. Старик Флетчер, у которого были несколько суровые представления о праздничном отдыхе, стоял на доске, положенной на два стула, как это можно было видеть

сквозь цветы жасмина на подоконнике или через открытую дверь (как кому угодно было смотреть), и белил потолок своей столовой.

Около четырех часов в Айпинге появился незнакомец; он пришел со стороны холмов. Это был невысокий толстый человек в чрезвычайно потрепанном цилиндре, сильно запыхавшийся. Он то втягивал щеки, то надувал их до отказа. Лицо у него было в красных пятнах, выражало страх, и двигался он хотя и быстро, но явно неохотно. Он завернул за угол церкви и направился к трактиру «Кучер и кони». Среди прочих обратил на него внимание и старик Флетчер, который был поражен необычайно взволнованным видом незнакомца и до тех пор смотрел ему вслед, пока известка, набранная на кисть, не затекла ему в рукав.

Незнакомец, по свидетельству хозяина тира, вслух разговаривал сам с собой. То же заметил и мистер Хакстерс. Он остановился у крыльца гостиницы и, по словам мистера Хакстерса, по-видимому, долго колебался, прежде чем решился войти в дом. Наконец он поднялся по ступенькам, повернул, как это успел заметить мистер Хакстерс, налево и открыл дверь в гостиную. Мистер Хакстерс услыхал голоса изнутри, а также оклики

из распивочной, указывавшие незнакомцу на его ошибку.

— Не туда! — сказал Холл.

Тогда незнакомец закрыл дверь и вошел в распивочную.

Через несколько минут он снова появился на улице, вытирая губы рукой, с видом спокойного удовлетворения, показавшимся Хакстерсу напускным. Он немного постоял, огляделся, а затем мистер Хакстерс увидел, как он, крадучись, направился к воротам, которые вели во двор, куда выходило окно гостиной. После некоторого колебания незнакомец прислонился к створке ворот, вынул короткую глиняную трубку и стал набивать ее табаком. Руки его дрожали. Наконец он кое-как раскурил трубку и, скрестив руки, начал дымить, приняв позу скучающего человека, чему отнюдь не соответствовали быстрые взгляды, которые он то и дело бросал во двор.

Все это мистер Хакстерс видел из-за жестянок, стоявших в окне табачной лавочки, и странное поведение незнакомца побудило его продолжать наблюдение.

Вдруг незнакомец порывисто выпрямился, сунул трубку в карман и исчез во дворе. Тут мистер Хакстерс, решив, что на его глазах совершает-

ся кража, выскочил из-за прилавка и выбежал на улицу, чтобы перехватить вора. В это время незнакомец снова показался в сбитом набекрень цилиндре, держа в одной руке большой узел, завернутый в синюю скатерть, а в другой — три книги, связанные, как выяснилось впоследствии, подтяжками викария. Увидев Хакстерса, он охнул и, круто повернув влево, бросился бежать.

— Держи вора! — крикнул Хакстерс и пустился вдогонку.

Последующие ощущения мистера Хакстерса были сильны, но мимолетны. Он видел, как вор бежал прямо перед ним по направлению к церкви. Он запомнил мелькнувшие впереди флаги и толпу гуляющих, причем только двое или трое оглянулись на его крик.

— Держи вора! — завопил он еще громче.

Но не пробежал он и десяти шагов, как что-то ухватило его за ноги, и вот уже он не бежит, а пулей летит по воздуху! Не успел он опомниться, как уже лежал на земле. Мир рассыпался на миллионы кружащихся искр, и дальнейшие события перестали его интересовать.

Глава XI
В трактире «Кучер и кони»

Чтобы ясно понять все, что произошло в трактире, необходимо вернуться назад, к тому моменту, когда мистер Марвел впервые появился перед окном мистера Хакстерса.

В это самое время в гостиной находились мистер Касс и мистер Бантинг. Они самым серьезным образом обсуждали утренние события и с разрешения мистера Холла тщательно исследовали вещи, принадлежавшие Невидимке. Джефферс несколько оправился от своего падения и ушел домой, сопровождаемый заботливыми друзьями. Разбросанная по полу одежда Невидимки была убрана миссис Холл, и комната приведена в порядок. У окна, на столе, за которым приезжий обыкновенно работал, Касс сразу же наткнулся на три рукописные книги, озаглавленные «Дневник».

— Дневник! — воскликнул Касс, кладя все три книги на стол. — Теперь уж мы во всяком случае кое-что узнаем.

Викарий подошел и оперся руками на стол.

— Дневник, — повторил Касс, усаживаясь на стул. Он подложил две книги под третью и открыл верхнюю. — Гм… На заглавном листе никакого названия. Фу ты!.. Цифры. И чертежи.

Викарий обошел стол и заглянул через плечо Касса.

Касс переворачивал страницу одну за другой, и лицо его выражало горькое разочарование.

— Эхма! Тут одни цифры, Бантинг!

— Нет ли тут диаграмм? — спросил Бантинг. — Или рисунков, проливающих свет…

— Посмотрите сами, — ответил Касс. — Тут и математика, и по-русски или еще на каком-то языке (если судить по буквам), а кое-что написано и по-гречески. Ну а греческий-то, я думаю, вы уж разберете…

— Конечно, — сказал мистер Бантинг, вынимая очки и протирая их. Он сразу почувствовал себя крайне неловко, ибо от греческого языка в голове у него осталась самая малость. — Да, греческий, конечно, может дать ключ…

— Я сейчас покажу вам место…

— Нет, лучше уж я просмотрю сначала все книги, — сказал мистер Бантинг, все еще протирая очки. — Сначала, Касс, необходимо получить общее представление, а потом уж, знаете, можно

будет поискать ключ.

Он кашлянул, медленно надел очки и мысленно пожелал, чтобы что-нибудь случилось и предотвратило его позор. Затем он взял книгу, которую ему передал Касс. А затем действительно случилось нечто.

Дверь вдруг отворилась.

Касс и викарий вздрогнули от неожиданности, но, подняв глаза, с облегчением увидели красную физиономию под потрепанным цилиндром.

— Распивочная? — прохрипела физиономия, тараща глаза.

— Нет, — ответили в один голос оба джентльмена.

— Это напротив, милейший, — сказал мистер Бантинг.

— И пожалуйста, закройте дверь, — добавил с раздражением мистер Касс.

— Ладно, — сказал вошедший вполголоса. — Есть! — прохрипел он. — Полный назад! — скомандовал он сам себе, исчезая и закрывая дверь.

— Матрос, наверное, — сказал мистер Бантинг. — Забавный народ. «Полный назад» — слыхали? Это, должно быть, морской термин, означающий выход из комнаты.

— Вероятно, так, — сказал Касс. — Вот только

нервы у меня ни к черту. Я даже подскочил, когда дверь вдруг открылась.

Мистер Бантинг снисходительно улыбнулся, словно он сам не подскочил точно так же.

— А теперь, — сказал он со вздохом, — займемся книгами.

— Одну секунду, — сказал Касс, вставая и запирая дверь. — Теперь, я думаю, нам никто не помешает.

В этот миг кто-то фыркнул.

— Одно не подлежит сомнению, — заявил мистер Бантинг, придвигая свое кресло к креслу Касса. — В Айпинге за последние дни имели место какие-то странные события, весьма странные. Я, конечно, не верю в эту нелепую басню о Невидимке…

— Это невероятно, — сказал Касс, — невероятно. Но факт тот, что я видел… да, да, я заглянул в рукав…

— Но вы уверены… верно ли, что вы видели? Быть может, там было зеркало… Ведь вызвать оптический обман очень легко. Я не знаю, видели вы когда-нибудь настоящего фокусника…

— Не будем спорить, — сказал Касс. — Ведь мы уже обо всем этом толковали. Обратимся к книгам… ага, вот это, по-моему, написано по-гре-

чески. Ну конечно, это греческие буквы.

Он указал на середину страницы. Мистер Бантинг слегка покраснел и склонился над книгой: с его очками, очевидно, опять что-то случилось. Его познания в греческом языке были весьма слабы, но он полагал, что все прихожане считают его знатоком и греческого, и древнееврейского. И вот… Неужели сознаться в своем невежестве? Или сочинить что-нибудь? Вдруг он почувствовал какое-то странное прикосновение к своему затылку. Он попробовал поднять голову, но встретил непреодолимое препятствие.

Он испытывал непонятное ощущение тяжести, как будто чья-то крепкая рука пригибала его книзу, так что подбородок коснулся стола.

— Не шевелитесь, милейшие, — раздался шепот, — или я размозжу вам головы.

Он взглянул в лицо Касса, близко придвинувшееся к нему, и увидел на нем отражение собственного испуга и безмерного изумления.

— Я очень сожалею, что приходится принимать крутые меры, — сказал Голос, — но это неизбежно.

— С каких это пор вы научились залезать в частные записи исследователей? — сказал Голос, и два подбородка одновременно ударились о стол,

а две пары челюстей одновременно щелкнули.

— С каких это пор вы научились вторгаться в комнату человека, попавшего в беду? — И снова удар по столу и щелканье зубов.

— Куда вы дели мое платье? А теперь слушайте, — сказал Голос. — Окна закрыты, а из дверного замка я вынул ключ. Человек я очень сильный, и под рукой у меня кочерга, не говоря уж о том, что я невидим. Не подлежит ни малейшему сомнению, что, если б я только захотел, мне не стоило бы никакого труда убить вас обоих и преспокойно удалиться. Понятно? Так вот. Обещаете ли вы не делать глупостей и исполнить все, что я вам прикажу, если я вас не трону?

Викарий и доктор посмотрели друг на друга, и доктор скорчил гримасу.

— Обещаем, — сказал викарий.

— Обещаем, — сказал доктор.

Тогда Невидимка выпустил их, и они выпрямились. Лица у обоих были очень красные, и они усиленно вертели головами.

— Попрошу вас оставаться на местах, — сказал Невидимка. — Видите, вот кочерга. Когда я вошел в эту комнату, — продолжал он, по очереди поднося кочергу к носу своих собеседников, — я не ожидал встретить здесь людей. И, кроме того,

я надеялся найти, кроме своих книг, еще платье. Где оно?.. Нет, нет, не вставайте. Я вижу: его унесли отсюда. Хотя дни теперь стоят достаточно теплые для того, чтобы невидимка мог ходить нагишом, по вечерам все же довольно прохладно. Поэтому я нуждаюсь в одежде и в некоторых других вещах. Кроме того, мне нужны эти три книги.

Глава XII
Невидимка приходит в ярость

Здесь необходимо снова прервать наш рассказ ввиду весьма тягостного обстоятельства, о котором сейчас пойдет речь. Пока в гостиной происходило все описанное выше и пока мистер Хакстерс наблюдал за Марвелом, курившим трубку у ворот, ярдах в двенадцати от него, в распивочной стояли мистер Холл и мистер Хенфри; озадаченные, они обсуждали единственное, что волновало их сейчас.

Вдруг раздался сильный удар в дверь гостиной, оттуда донесся пронзительный крик, потом все смолкло.

— Эй! — воскликнул Тедди Хенфри.

— Эй! — раздалось в распивочной.

Мистер Холл усваивал происходящее медленно, но верно.

— Там что-то неладно, — сказал он, выходя из-за стойки и направляясь к двери гостиной.

Он и Тедди вместе подошли к двери с напряженным вниманием на лицах. Взгляд у обоих был задумчивый.

— Что-то неладно, — сказал Холл, и Хенфри кивнул головой в знак согласия.

На них пахнуло тяжелым запахом химикалиев, а из комнаты послышался приглушенный разговор, очень быстрый и тихий.

— Что у вас там? — быстро спросил Холл, постучав в дверь.

Приглушенный разговор круто оборвался, на минуту наступило полное молчание, потом снова послышался громкий шепот, после чего раздался крик: «Нет, нет, не надо!» Затем поднялась возня, послышался стук падающего стула и шум короткой борьбы. И снова тишина.

— Что за черт! — воскликнул Хенфри вполголоса.

— Что у вас там? — снова поспешно спросил мистер Холл.

Викарий ответил каким-то странным, прерывающимся голосом:

— Все в порядке. Пожалуйста, не мешайте.

— Странно! — сказал Хенфри.

— Странно, — сказал Холл.

— Просят не мешать, — сказал Хенфри.

— Слышал, — сказал Холл.

— И кто-то фыркнул, — добавил Хенфри.

Они продолжали стоять у дверей, прислушива-

ясь. Разговор в гостиной возобновился, такой же приглушенный и быстрый.

— Я не могу, — раздался голос мистера Бантинга. — Говорю вам, я не хочу.

— Что такое? — спросил Хенфри.

— Говорит, что не хочет, — сказал Холл. — Кому это он — нам, что ли?

— Возмутительно! — послышался голос мистера Бантинга.

— Возмутительно, — повторил мистер Хенфри. — Я ясно это слышал.

— А кто сейчас говорит?

— Вероятно, мистер Касс, — сказал Холл. — Вы что-нибудь разбираете?

Они помолчали. Разговор за дверью становился все невнятней и загадочней.

— Кажется, скатерть сдирают со стола, — сказал Холл.

За стойкой появилась хозяйка. Холл стал знаками внушать ей, чтобы она не шумела и подошла к ним. Это сейчас же пробудило в его супруге дух противоречия.

— Чего это ты там стоишь и слушаешь? — спросила она. — Другого дела у тебя нет, да еще в праздничный день?

Холл пытался объясниться жестами и мими-

кой, но миссис Холл не желала понимать. Она упорно повышала голос. Тогда Холл и Хенфри, сильно смущенные, на цыпочках подошли к стойке и объяснили ей, в чем дело.

Сначала она вообще отказалась признать что-либо необыкновенное в том, что услышала. Потом потребовала, чтобы Холл замолчал и говорил один Хенфри. Она была склонна считать все это пустяками, — может, они просто передвигали мебель.

— Я слышал, как он сказал «возмутительно», ясно слышал, — твердил Холл.

— И я слышал, миссис Холл, — сказал Хенфри.

— Так это или нет… — начала миссис Холл.

— Тсс! — прервал ее Хенфри. — Слышите — окно?

— Какое окно? — спросила миссис Холл.

— В гостиной, — ответил Хенфри.

Все замолчали, напряженно прислушиваясь. Невидящий взор миссис Холл был устремлен на светлый прямоугольник трактирной двери, на белую дорогу и фасад лавки Хакстерса, залитый июньским солнцем. Вдруг дверь лавки распахнулась, и появился сам Хакстерс, размахивая руками, с вытаращенными от волнения глазами.

— Держи вора! — крикнул он и бросился бежать

наискось к воротам трактира, где и исчез.

В ту же секунду из гостиной донесся громкий шум и хлопанье затворяемого окна.

Холл, Хенфри и все бывшие в распивочной гурьбой выбежали на улицу. Они увидели, как кто-то быстро кинулся за угол по направлению к проселочной дороге и как мистер Хакстерс совершил в воздухе сложный прыжок, закончившийся падением. Толпа гуляющих застыла в изумлении, несколько человек подбежали к нему.

Мистер Хакстерс был без сознания, как определил склонившийся над ним Хенфри. А Холл с двумя работниками из трактира добежал до угла, выкрикивая что-то нечленораздельное, и они увидели, как Марвел исчез за углом церковной ограды. Они, должно быть, решили, что это и есть невидимка, внезапно сделавшийся видимым, и пустились вдогонку. Но не успел Холл пробежать и десяти шагов, как, громко вскрикнув от изумления, отлетел в сторону и, ухватившись за одного из работников, грохнулся вместе с ним наземь. Он был сбит с ног, совсем как на футбольном поле сбивают игрока. Второй работник обернулся и, решив, что Холл просто оступился, продолжал преследование один; но тут и он свалился так же, как Хакстерс. В это время первый работник,

успевший встать на ноги, получил сбоку такой удар, которым можно было бы свалить быка.

Он упал, и в эту минуту из-за угла показались люди, прибежавшие с лужайки, где происходило гулянье. Впереди всех бежал владелец тира, рослый мужчина в синей фуфайке. Он очень удивился, увидев, что на дороге нет никого, кроме трех человек, нелепо барахтающихся на земле. В ту же секунду с его ногой что-то случилось, он растянулся во всю длину и откатился в сторону, прямо под ноги следовавшего за ним брата и компаньона, отчего и тот распластался на земле. Все бежавшие следом спотыкались о них, падали кучей, валясь друг на друга, и осыпали их отборной руганью.

Когда Холл, Хенфри и работники выбежали из трактира, миссис Холл, наученная долголетним опытом, осталась сидеть за кассой. Вдруг дверь гостиной распахнулась, оттуда выскочил мистер Касс и, даже не взглянув на нее, сбежал с крыльца и понесся за угол дома.

— Держите его! — кричал он. — Не давайте ему выпустить из рук узел! Пока он держит этот узел, его можно видеть!

О существовании Марвела никто не подозревал, так как Невидимка передал тому книги и

узел во дворе. Вид у мистера Касса был сердитый и решительный, но в костюме его кое-чего не хватало; по правде говоря, все одеяние его состояло из чего-то вроде легкой белой юбочки, которая могла бы сойти за одежду разве только в Греции.

— Держите его! — вопил он. — Он унес мои брюки! И всю одежду викария!

Я сейчас доберусь до него! — крикнул он Хенфри, пробегая мимо распростертого на земле Хакстерса и огибая угол, чтобы присоединиться к толпе, гнавшейся за Невидимкой, но тут же был сшиблен с ног и шлепнулся на дорогу в самом неприглядном виде. Кто-то тяжело наступил ему на руку. Он взвыл от боли, попытался встать на ноги, снова был сшиблен, упал на четвереньки и наконец убедился, что участвует не в погоне, а в бегстве. Все бежали обратно. Он снова поднялся, но получил здоровый удар по уху. Шатаясь, он повернул к трактиру, перескочив через забытого всеми Хакстерса, который к тому времени уже очнулся и сидел посреди дороги.

Поднимаясь на крыльцо трактира, мистер Касс вдруг услышал позади себя звук громкой оплеухи и яростный крик боли, покрывший разноголосый гам. Он узнал голос Невидимки. Тот кричал так, словно его привела в бешенство неожиданная

острая боль.

Мистер Касс кинулся в гостиную.

— Бантинг, он возвращается! — крикнул он, врываясь в комнату. — Спасайтесь! Он сошел с ума!

Мистер Бантинг стоял у окна и мастерил себе костюм из каминного коврика и листа «Западно-сэррейской газеты».

— Кто возвращается? — спросил он и так вздрогнул, что чуть не растерял весь свой костюм.

— Невидимка! — ответил Касс и подбежал к окну. — Надо убираться отсюда. Он дерется как безумный! Прямо как безумный!

Через секунду он был уже во дворе.

— Господи помилуй! — в ужасе воскликнул Бантинг, не зная, на что решиться.

Но тут из коридора трактира донесся шум борьбы, и это положило конец его колебаниям. Он вылез в окно, наскоро приладил свой костюм и пустился бежать по улице со всей скоростью, на которую только были способны его толстые, короткие ножки.

Начиная с той минуты, как послышался разъяренный крик Невидимки и мистер Бантинг пустился бежать, уже невозможно установить последовательность в ходе айпингских событий.

Быть может, первоначально Невидимка хотел только прикрыть отступление Марвела с платьем и книгами. Но так как он вообще не отличался кротким нравом, да еще случайно угодивший в него удар окончательно вывел его из себя, он стал сыпать ударами направо и налево, колотить всех, кто попадался под руку.

Представьте себе улицу, заполненную бегущими людьми, хлопанье дверей и драку из-за укромных местечек, куда можно было бы спрятаться. Представьте себе, как подействовала эта буря на неустойчивое равновесие доски, положенной на два стула в столовой старика Флетчера, и какая за этим последовала катастрофа. Представьте себе перепуганную парочку, застигнутую бедствием на качелях. А потом буря пронеслась, и айпингская улица, разукрашенная флагами и гирляндами, опустела: один только Невидимка продолжал бушевать среди раскиданных по земле кокосовых орехов, опрокинутых парусиновых щитов и разбросанных сластей с лотка торговца. Отовсюду доносился стук закрываемых ставней и задвигаемых засовов, и только кое-где, выдавая присутствие людей, мелькал сквозь щелку вытаращенный глаз под испуганно приподнятой бровью.

Невидимка некоторое время забавлялся тем, что бил окна в трактире «Кучер и кони», затем просунул уличный фонарь в окно гостиной миссис Грогрем. Он же, вероятно, перерезал телеграфный провод за домиком Хигинса на Эддердинской дороге. А затем, пользуясь своим необыкновенным свойством, бесследно исчез, и в Айпинге о нем больше не было ни слуху ни духу. Он скрылся навсегда.

Но прошло добрых два часа, прежде чем первые смельчаки решились вновь выйти на пустынную айпингскую улицу.

Глава XIII
Мистер Марвел ходатайствует об отставке

Когда начало смеркаться и жители Айпинга стали боязливо выползать из домов, поглядывая на печальные следы побоища, разыгравшегося в праздничный день, по дороге в Брэмблхерст за буковой рощей тяжело шагал коренастый человек в потрепанном цилиндре. Он нес три книги, перетянутые чем-то вроде эластичной ленты, и какие-то вещи, завязанные в синюю скатерть. Его багровое лицо выражало уныние и усталость, а в походке была какая-то судорожная торопливость. Его подгонял чей-то голос, и он то и дело корчился от прикосновения невидимых рук.

— Если ты опять удерешь, — сказал Голос, — если ты опять вздумаешь удирать…

— Господи! — простонал Марвел. — И так уже живого места на плече не осталось.

— Я тебя убью, честное слово, — продолжал Голос.

— Я и не думал удирать, — сказал Марвел, чуть не плача. — Клянусь вам. Я просто не знал, где

нужно сворачивать, только и всего. И откуда я мог это знать? Мне и так досталось по первое число.

— И достанется еще больше, если ты не будешь слушаться, — сказал Голос, и Марвел сразу замолчал. Он надул щеки, и глаза его красноречиво выражали глубокое отчаяние. — Хватит с меня, что эти ослы узнали мою тайну, а тут ты еще вздумал улизнуть с моими книгами. Счастье их, что они вовремя попрятались… Иначе… Никто не знал, что я невидим. А теперь что мне делать?

— А мне-то что делать? — пробормотал Марвел.

— Все теперь известно. В газеты еще попадет! Все будут теперь искать меня, будут настороже… — Голос крепко выругался и замолк.

Отчаяние на лице Марвела усугубилось, и он замедлил шаг.

— Ну, пошевеливайся, — сказал Голос.

Промежутки между красными пятнами на лице Марвела посерели.

— Не урони книги, болван, — сердито сказал Голос. — Одним словом, — продолжал он, — мне придется воспользоваться тобой… Правда, орудие неважное, но у меня выбора нет.

— Я жалкое орудие, — сказал Марвел.

— Это верно, — сказал Голос.

— Я самое скверное орудие, какое только вы могли избрать, — сказал Марвел. — Я слабосильный, — продолжал он. — Я очень слабый, — повторил он, не дождавшись ответа.

— Разве?

— И сердце у меня слабое. Ваше поручение я выполнил. Но, уверяю вас, мне казалось, что я вот-вот упаду.

— Да?

— У меня храбрости и силы такой нет, какие вам нужны.

— Я тебя подбодрю.

— Лучше уж не надо! Я не хочу испортить вам все дело, но это может случиться. Вдруг я струхну или растеряюсь…

— Уж постарайся, чтобы этого не случилось, — сказал Голос спокойно, но твердо.

— Лучше уж помереть, — сказал Марвел. — И ведь это несправедливо, — продолжал он. — Согласитесь сами… Мне кажется, я имею право…

— Вперед! — сказал Голос.

Марвел прибавил шагу, и некоторое время они шли молча.

— Очень тяжелая работа, — сказал Марвел.

Это замечание не возымело никакого действия. Тогда он решил начать с другого конца.

— А что мне это дает? — заговорил он снова тоном горькой обиды.

— Довольно! — гаркнул Голос. — Я тебя обеспечу. Только делай, что тебе велят. Ты отлично справишься. Хоть ты и дурак, а справишься…

— Говорю вам, мистер, я неподходящий человек для этого. Я не хочу вам противоречить, но это так…

— Заткнись, а не то опять начну выкручивать тебе руку, — сказал Невидимка. — Ты мешаешь мне думать.

Впереди сквозь деревья блеснули два пятна желтого света, и в сумраке стали видны очертания квадратной колокольни.

— Я буду держать руку у тебя на плече, — сказал Голос, — пока мы не пройдем через деревню. Ступай прямо и не вздумай дурить. А то будет худо.

— Знаю, — ответил со вздохом Марвел, — это-то я хорошо знаю.

Жалкая фигура в потрепанном цилиндре прошла со своей ношей по деревенской улице мимо освещенных окон и скрылась во мраке за околицей.

Глава XIV
В Порт-Стоу

На следующий день в десять часов утра Марвел, небритый, грязный, растрепанный, сидел на скамье у входа в трактирчик в предместье Порт-Стоу; руки он засунул в карманы, и вид у него был крайне усталый, расстроенный и тревожный. Рядом с ним лежали книги, связанные уже веревкой. Узел был оставлен в лесу за Брэмблхерстом в связи с переменой в планах Невидимки. Марвел сидел на скамье, и, хотя никто не обращал на него ни малейшего внимания, волнение его все усиливалось. Руки его то и дело беспокойно шарили по многочисленным карманам.

После того как он просидел так добрый час, из трактира вышел пожилой матрос с газетой в руках и присел рядом с Марвелом.

— Хороший денек, — сказал матрос.

Марвел стал испуганно озираться.

— Превосходный, — подтвердил он.

— Погода как раз по сезону, — продолжал матрос тоном, не допускавшим возражений.

— Вот именно, — согласился Марвел.

Матрос вынул зубочистку и несколько минут был занят исключительно ею. А между тем взгляд его был устремлен на Марвела и внимательно изучал запыленную фигуру и лежавшие рядом книги. Когда матрос подходил к Марвелу, ему показалось, что у того в кармане звенели деньги. Его поразило несоответствие между внешним видом Марвела и этим позвякиванием. И он заговорил о том, что владело его воображением.

— Книги? — спросил он вдруг, усердно орудуя зубочисткой.

Марвел вздрогнул и посмотрел на связку, лежавшую рядом.

— Да, — сказал он, — да-да, это книги.

— Удивительные вещи можно найти в книгах, — продолжал матрос.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Марвел.

— И не только в книгах, — заметил матрос.

— Правильно, — подтвердил Марвел. Он взглянул на своего собеседника, затем огляделся по сторонам.

— Вот, к примеру сказать, удивительные вещи иногда пишут в газетах, — начал снова матрос.

— Н-да, бывает.

— Вот и в этой газете, — сказал матрос.

— А! — сказал мистер Марвел.

— Вот здесь, — продолжал матрос, не сводя с Марвела упорного и серьезного взгляда, — напечатано про Невидимку.

Марвел скривил рот и почесал щеку, чувствуя, что у него покраснели уши.

— Чего только не выдумают! — сказал он слабым голосом. — Где это, в Австралии или в Америке?

— Ничего подобного, — возразил матрос, — здесь.

— Господи! — воскликнул Марвел, вздрогнув.

— То есть не то чтобы совсем здесь, — пояснил матрос, к величайшему облегчению мистера Марвела, — не на этом самом месте, где мы сейчас сидим, но поблизости.

— Невидимка, — сказал Марвел. — Ну а что он делает?

— Все, — сказал моряк, внимательно разглядывая Марвела. — Все что угодно, — добавил он.

— Я уже четыре дня не видал газет, — заметил Марвел.

— Сперва он объявился в Айпинге, — сказал матрос.

— Вот как? — сказал Марвел.

— Там он объявился в первый раз, — продолжал

матрос, — а откуда он взялся, этого, видно, никто не знает. Вот: «Необыкновенное происшествие в Айпинге». И в газете сказано, что все это точно и достоверно.

— Господи! — воскликнул Марвел.

— Да уж и впрямь удивительная история. И викарий, и доктор утверждают, что видели его совершенно ясно… то есть, вернее говоря, не видели. Тут пишут, что он жил в трактире «Кучер и кони» и, верно, никто сперва не подозревал о его несчастье, а потом в трактире случилась драка и у него с головы сорвали бинты. Тогда-то и заметили, что голова у него невидимая. Тут сказано, что его сразу же хотели схватить, да ему удалось сбросить с себя остальную одежду и скрыться. Правда, ему пришлось выдержать отчаянную борьбу, во время которой он нанес серьезные ранения достойному и почтенному констеблю мистеру Джефферсу. Вот как тут сказано. Все начистоту, а? Имена названы полностью и все такое.

— Господи! — проговорил Марвел, беспокойно оглядываясь по сторонам и пытаясь ощупью сосчитать деньги в карманах; ему пришла в голову странная и весьма любопытная мысль. — Как все это удивительно! — сказал он.

— Правда ведь? Просто необычайно. Никогда в

жизни не слыхал о невидимках. Да что говорить: в наше время порой слышишь о таких вещах, что…

— И это все, что он сделал? — спросил Марвел как можно непринужденнее.

— А этого разве мало? — сказал матрос.

— Он не вернулся в Айпинг? — спросил Марвел. — Просто скрылся, и все?

— Все, — сказал матрос. — Мало вам?

— Что вы, более чем достаточно, — проговорил Марвел.

— Еще бы недостаточно, — сказал моряк, — еще бы…

— А товарищей у него не было? Ничего не пишут об этом? — с тревогой спросил Марвел.

— Неужели вам мало одного такого молодца? — спросил матрос. — Нет, слава тебе господи, он был один. — Матрос хмуро покачал головой. — Даже подумать тошно, что он тут где-то околачивается! Он на свободе, и, как пишут в газете, по некоторым данным вполне можно предположить, что он направился в Порт-Стоу. А мы как раз тут! Это уж вам не американское чудо какое-нибудь. Вы подумайте только, что он может тут натворить! Вдруг он выпьет лишнего и вздумает броситься на вас? А если захочет грабить, кто ему поме-

шает? Он может грабить, он может укокошить человека, может красть, может пройти сквозь полицейскую заставу так же легко, как мы с вами можем удрать от слепого. Еще легче! Слепые, говорят, замечательно хорошо слышат. А если он увидал винцо, которое ему пришлось бы по вкусу…

— Да, конечно, положение его очень выгодное, — сказал Марвел. — И…

— Правильно, — сказал матрос, — очень выгодное.

В течение всего этого разговора Марвел не переставал напряженно оглядываться по сторонам, прислушиваясь к едва слышным шагам и стараясь заметить неуловимые движения. Он, по-видимому, готов был принять какое-то важное решение.

Кашлянув в руку, он еще раз оглянулся, прислушался, потом наклонился к матросу и, понизив голос, сказал:

— Факт тот, что я случайно кое-что знаю об этом Невидимке. Из частных источников.

— Ого! — воскликнул матрос. — Вы?

— Да, — сказал Марвел. — Я.

— Вот как! — сказал матрос. — А разрешите спросить…

— Вы будете удивлены, — сказал Марвел, прикрывая рот рукой. — Это изумительно.

— Еще бы! — сказал матрос.

— Дело в том… — начал Марвел доверительным тоном. Но вдруг выражение его лица как по волшебству изменилось. — Ой! — простонал он и тяжело заворочался на скамье; лицо его искривилось от боли. — Ой-ой-ой! — простонал он опять.

— Что с вами? — участливо спросил матрос.

— Зубы болят, — сказал Марвел и приложил руку к щеке. Потом быстро взял книги. — Мне, пожалуй, пора, — сказал он и начал как-то странно ерзать на скамейке, удаляясь от своего собеседника.

— Но вы же собирались рассказать мне про Невидимку, — запротестовал матрос.

Марвел остановился в нерешительности.

— Утка, — сказал Голос.

— Это утка, — повторил Марвел.

— Да ведь в газете написано… — возразил матрос.

— Просто утка, — сказал Марвел. — Я знаю, кто все это выдумал. Никакого нет Невидимки. Враки.

— Как же так? Ведь в газете…

— Все враки от начала и до конца, — решитель-

но заявил Марвел. Матрос встал с газетой в руках и выпучил глаза. Марвел судорожно оглядывался кругом.

— Постойте, — сказал матрос медленно и раздельно. — Вы хотите сказать…

— Да, — сказал Марвел.

— Так какого же черта вы сидели и слушали, что я болтаю? Чего же вы молчали, когда я перед вами тут дурака валял? А?

Марвел надул щеки. Матрос вдруг побагровел и сжал кулаки.

— Я тут, может, десять минут сижу и размазываю эту историю, а ты, толстомордый болван, невежа ты этакий, не мог…

— Пожалуйста, перестаньте ругаться, — сказал Марвел…

— Ругаться! Погоди-ка…

— Идем! — сказал Голос.

Марвела вдруг приподняло, завертело, и он зашагал какой-то странной, дергающейся походкой.

— Убирайся, покуда цел, — сказал матрос.

— Это мне-то убираться? — сказал Марвел. Он отступал какой-то неровной, торопливой походкой, почти скачками. Потом что-то забормотал виноватым и вместе с тем обиженным тоном.

— Старый дурак, — сказал матрос; широко расставив ноги и подбоченясь, он глядел вслед удалявшемуся Марвелу. — Вот она, газета, тут все сказано. Я тебе покажу, нахал этакий! Меня не проведешь!

Марвел ответил что-то бессвязное; потом он скрылся за поворотом, а матрос все стоял посреди дороги, пока тележка мясника не заставила его отойти. Тогда он повернул к Порт-Стоу.

— Сколько дураков на свете! — проворчал он. — Видно, хотел подшутить надо мной. Вот осел! Да ведь это в газете напечатано…

Вскоре ему пришлось услышать еще об одном удивительном событии, которое произошло совсем рядом. Это было видение «пригоршни денег» (ни больше ни меньше), путешествовавшей без видимых посредников вдоль стены на углу Сент-Майклс-лейн. Свидетелем этого поразительного зрелища в то самое утро оказался другой матрос. Он, конечно, попытался схватить деньги, но был тут же сшиблен с ног, а когда вскочил, деньги упорхнули как бабочка. Наш матрос склонен был, по его собственным словам, многому поверить, но это было уж слишком. Впоследствии он, однако, изменил свое мнение.

История о летающих деньгах была вполне

достоверна. В этот день по всей округе, даже из великолепного филиала лондонского банка, из касс трактира и лавок — по случаю теплой погоды двери везде были открыты настежь — деньги спокойно и ловко выскакивали пригоршнями и пачками и летали по стенам и закоулкам, быстро ускользая от взоров приближающихся людей. Свое таинственное путешествие деньги заканчивали — хотя никто этого не проследил — в карманах беспокойного человека в потрепанном цилиндре, сидевшего у дверей трактира в предместье Порт-Стоу.

Глава XV
Бегущий человек

Ранним вечером доктор Кемп сидел в своем кабинете, в башенке дома, стоявшего на холме, откуда открывался вид на Бэрдок. Это была небольшая уютная комната с тремя окнами на север, запад и юг, со множеством полок, уставленных книгами и научными журналами, и с массивным письменным столом; у северного окна стоял столик с микроскопом, стекляшками, всякого рода мелкими приборами, культурами бацилл и бутылочками, содержавшими реактивы. Лампа в кабинете была уже зажжена, хотя лучи заходящего солнца еще ярко освещали небо; шторы были подняты, так как не приходилось опасаться, что кто-нибудь вздумает заглянуть в окно. Доктор Кемп был высокий, стройный молодой человек с льняными волосами и светлыми, почти белыми усами. Работе, которой он был сейчас занят, доктор придавал большое значение, рассчитывая попасть благодаря ей в члены Королевского научного общества.

Случайно подняв глаза от работы, он увидел

пламенеющий закат над холмом против окна. С минуту, быть может, рассеянно прикусив кончик ручки, он любовался золотым сиянием над вершиной холма; затем внимание его привлекла маленькая черная фигурка, двигавшаяся по холму к его дому. Это был низенький человечек в цилиндре, и бежал он с такой быстротой, что ноги его так и мелькали в воздухе.

«Еще один осел, — подумал доктор Кемп. — Вроде того, который налетел на меня сегодня утром с криком: „Невидимка идет!“ Не понимаю, что творится с людьми. Можно подумать, что мы живем в тринадцатом веке».

Он встал, подошел к окну и стал смотреть на холм, окутанный сумраком, и на темную фигуру бегущего человека.

— Видно, он отчаянно торопится, — сказал доктор Кемп, — но от этого что-то мало толку. Он бежит так тяжело, как будто карманы у него набиты свинцом. Ходу, сэр, ходу! — сказал доктор Кемп.

Через минуту одна из вилл на склоне холма со стороны Бэрдока скрыла бегущего из виду. Но через минуту он снова показался в просвете между виллами, потом опять скрылся и опять показался, и так три раза, пока не исчез окончательно.

— Ослы! — сказал доктор Кемп и, отвернувшись от окна, снова направился к письменному столу.

Но те, кому случилось быть в это время на дороге и видеть вблизи бегущего человека, видеть выражение дикого ужаса на его мокром от пота лице, не разделяли презрительного скептицизма доктора. Человек бежал, и от него при этом исходил звон, как от туго набитого кошелька, который бросают то туда, то сюда. Он не оглядывался ни направо, ни налево, он смотрел испуганными глазами прямо перед собой, туда, где у подножия холма один за другим вспыхивали фонари и толпился народ. Его уродливая нижняя челюсть отвисла, на губах выступила пена, дышал он хрипло и громко. Все прохожие останавливались, начинали оглядывать дорогу и с беспокойством расспрашивали друг друга, чем может быть вызвано столь поспешное бегство.

Вдруг в отдалении, на вершине холма, собака, резвившаяся на дороге, завизжала, кинулась в подворотню, и, пока прохожие недоумевали, мимо них как бы пронесся ветер, послышалось шлепанье ног, тяжелое дыхание.

Люди закричали. Люди шарахнулись в сторону. С воплями кинулись под гору. Их крики уже раздавались на улице, когда Марвел был еще на

середине холма. В домах лихорадочно запирались двери. Марвел слышал хлопанье дверей и бежал из последних сил.

Ужас пронесся мимо него, опередил его и в одно мгновение охватил весь город.

«Невидимка идет! Невидимка!..»

Глава XVI
В кабачке «Веселые крикетисты»

Кабачок «Веселые крикетисты» находится у самого подножия холма, там, где начинается линия конки. Хозяин кабачка, опершись толстыми красными руками о стойку, разговаривал о лошадях с худосочным извозчиком, а чернобородый человек, одетый в серое, уплетал сухари с сыром, потягивал вино и беседовал с полисменом, только что сменившимся с дежурства. Судя по акценту, это был американец.

— Что это за крики? — сказал извозчик, вдруг прервав разговор и стараясь поверх грязной, желтой занавески на низеньком окне кабачка рассмотреть тянувшуюся вверх по холму дорогу. Кто-то пробежал по улице мимо дверей.

— Уж не пожар ли? — сказал хозяин.

Послышались приближающиеся шаги — кто-то тяжело бежал. С шумом распахнулась дверь, и в комнату влетел Марвел, плачущий, растрепанный, без шляпы, с разорванным воротником. Судорожно обернувшись, он попытался закрыть дверь, но ему помешал ремень, которым она была

привязана к стене.

— Идет! — завизжал Марвел не своим голосом. — Он идет, Невидимка! Гонится за мной! Ради бога… Спасите! Спасите! Спасите!

— Закройте дверь, — сказал полисмен. — Кто идет? В чем дело? — Он подошел к двери, отцепил ремень, и дверь захлопнулась. Американец закрыл вторую дверь.

— Пустите меня за стойку, — сказал Марвел, дрожа и плача, но крепко прижимая к себе книги. — Пустите меня. Спрячьте где-нибудь. Говорят вам, он гонится за мной. Я сбежал от него. Он сказал, что убьет меня. И убьет.

— Вам нечего бояться, — сказал чернобородый. — Двери заперты. А в чем дело?

— Спрячьте меня, — повторил Марвел и вдруг взвизгнул от страха: дверь затряслась от сильного удара, потом снаружи послышался торопливый стук и крики.

— Эй! — закричал полицейский. — Кто там?

Марвел как безумный заметался по комнате в поисках выхода.

— Он убьет меня! — кричал он. — У него нож! Ради бога!

— Вот, — сказал хозяин, — идите сюда. — И он откинул стойку.

Марвел бросился к нему. Стук в дверь возобновился.

— Не открывайте! — закричал Марвел. — Пожалуйста, не открывайте! Куда мне спрятаться?

— Так это, значит, Невидимка? — спросил чернобородый, заложив одну руку за спину. — Я думаю, пора уж и посмотреть на него.

Вдруг окно кабачка разлетелось вдребезги, и снаружи послышались крики и беготня. Полисмен, встав на скамейку и высунув голову в окно, старался разглядеть, что делается у дверей. Потом слез и сказал, озадаченно подняв брови:

— Это он.

Хозяин постоял перед дверью в соседнюю комнату, где заперли Марвела, поглядел на разбитое окно и подошел к своим посетителям.

Все вдруг затихло.

— Жаль, что у меня нет при себе дубинки, — сказал полисмен, нерешительно подходя к двери. — Как откроем дверь, так он сейчас и войдет. Ничем его не остановишь.

— А вы не очень торопитесь открывать дверь, — боязливо сказал худосочный извозчик.

— Отодвиньте засов, — сказал чернобородый. — Пусть только войдет… — И он показал револьвер, который держал в руке.

— Это не годится, — сказал полицейский, — может выйти убийство.

— Я знаю, в какой стране нахожусь, — возразил чернобородый. — Я буду целиться в ноги. Отодвиньте засов.

— А если вы угодите мне в спину? — сказал хозяин, выглядывая из-под занавески в окно.

— Ладно, — бросил чернобородый и, нагнувшись, сам отодвинул засов, держа револьвер наготове.

Хозяин, извозчик и полисмен повернулись лицом к двери.

— Войдите, — негромко сказал чернобородый, отступая на шаг и глядя на открытую дверь; револьвер он держал за спиной. Но никто не вошел, и дверь не открылась. Когда минут пять спустя другой извозчик осторожно заглянул в кабачок, то все они еще стояли в выжидательных позах, а из соседней комнаты выглядывала бледная, испуганная физиономия.

— Все ли двери в доме заперты? — спросил Марвел. — Он где-нибудь тут, вынюхивает. Ведь он хитер как черт.

— Боже мой! — воскликнул хозяин. — А задняя дверь! Вы тут посторожите. Вот ведь… — Он беспомощно огляделся. Дверь в соседнюю комнату

захлопнулась, и ключ щелкнул в замке. — Дверь во двор и отдельный ход! Дверь во двор…

Он выбежал из комнаты.

Через минуту он вернулся с кухонным ножом в руках.

— Дверь во двор открыта! — сказал он, и его толстая нижняя губа отвисла.

— Может, он уже в доме? — сказал первый извозчик.

— В кухне его нет, — сказал хозяин. — Там две служанки, и я по всей кухне прошел вот с этим ножом, ни одного уголка не пропустил. Они тоже говорят, что он не входил. Они ничего не заметили…

— Вы заперли дверь? — спросил первый извозчик.

— Не маленький, слава богу, — ответил хозяин.

Чернобородый спрятал револьвер. Но в ту же секунду хлопнула откидная доска стойки, загремела задвижка, громко затрещал замок, и дверь в соседнюю комнату распахнулась настежь. Они услышали, как Марвел взвизгнул, точно пойманный заяц, и кинулись за стойку к нему на помощь. Чернобородый выстрелил, зеркало в соседней комнате треснуло, осколки со звоном

разлетелись по полу.

Вбежав в комнату, хозяин увидел, что Марвел корчится и барахтается перед дверью, которая вела через кухню во двор. Пока хозяин стоял в нерешительности, дверь открылась и Марвела втащили в кухню. Оттуда послышались крики и грохот падающих кастрюль. Марвел, нагнув голову, упирался, но его все же дотащили до двери во двор. Засов отодвинулся.

Полисмен, протиснувшись мимо хозяина, вбежал на кухню, сопровождаемый одним из извозчиков, и схватил кисть невидимой руки, которая держала за шиворот Марвела, но тут же получил удар в лицо, пошатнулся и отступил. Дверь раскрылась, и Марвел сделал отчаянную попытку спрятаться за ней. В это время извозчик что-то схватил.

— Я держу его! — закричал извозчик. Красные руки хозяина вцепились в невидимое.

— Поймал! — крикнул он.

Марвел, выпущенный из невидимых рук, упал на пол и попытался проползти между ногами боровшихся людей. Борьба сосредоточилась у двери. Впервые раздался голос Невидимки — он громко вскрикнул, так как полисмен наступил ему на ногу. Затем послышалось яростное ры-

чание, и Невидимка заработал кулаками, точно цепами. Извозчик вдруг взвыл и скрючился, получив удар под ложечку. Дверь, которая вела в комнаты, захлопнулась и прикрыла отступление Марвела. Люди топтались в тесной кухне, пока вдруг не заметили, что борются с пустотой.

— Куда он сбежал? — крикнул чернобородый.

— Сюда, — сказал полисмен, выходя во двор и останавливаясь.

Кусок черепицы пролетел над его ухом и упал на кухонный стол, уставленный посудой.

— Я ему покажу! — крикнул чернобородый.

Над плечом полисмена блеснула сталь, и в сумрак, в ту сторону, откуда была брошена черепица, вылетели одна за другой пять пуль. Стреляя, чернобородый описывал рукой дугу по горизонтали так, что выстрелы веером ложились по тесному дворику.

Наступила тишина.

— Пять пуль, — сказал чернобородый. — Это красиво! Козырная игра! Дайте-ка фонарь и пойдемте искать тело.

Глава XVII
Гость доктора Кемпа

Доктор Кемп продолжал писать в своем кабинете, пока звук выстрелов не привлек его внимания.

— Ого! — воскликнул доктор, снова прикусив ручку и прислушиваясь. — Кто это в Бэрдоке палит из револьвера? Что еще эти ослы выдумали?

Он подошел к южному окну, открыл его и, высунувшись, стал вглядываться в ночной город — сеть освещенных окон, газовых фонарей и витрин с черными промежутками крыш и дворов.

— Как будто там, под холмом, у «Крикетистов», собралась толпа, — сказал он, всматриваясь. Затем взгляд его устремился туда, где светились огни судов и пристань, — небольшое ярко освещенное строение сверкало, точно желтый алмаз. Молодой месяц всходил к западу от холма, а звезды сияли почти как под тропиками.

Минут через пять, в течение которых мысль его уносилась к социальным условиям будущего и блуждала в дебрях беспредельных времен, доктор Кемп вздохнул, опустил окно и вернулся

к письменному столу.

Приблизительно через час после этого у входной двери позвонили. С тех пор как доктор Кемп услышал выстрелы, работа его шла вяло, он то и дело отвлекался и задумывался. Когда раздался звонок, он оставил работу и прислушался. Он слышал, как прислуга пошла открывать дверь, и ждал ее шагов на лестнице, но она не пришла.

— Кто бы это мог быть? — сказал доктор Кемп.

Он попытался снова приняться за работу, но это ему не удавалось. Тогда он встал, вышел из кабинета и спустился по лестнице на площадку. Там он позвонил и, когда в холле внизу появилась горничная, спросил ее, перегнувшись через перила:

— Письмо принесли?

— Нет, случайный звонок, сэр, — ответила горничная.

«Я что-то нервничаю сегодня», — сказал Кемп про себя.

Он вернулся в кабинет, решительно принялся за работу и через несколько минут был уже весь поглощен ею. Тишину в комнате нарушало лишь тиканье часов да поскрипывание пера, бегавшего по бумаге в самом центре светлого круга, отбрасываемого лампой на стол.

Было два часа ночи, когда доктор Кемп решил, что на сегодня хватит. Он встал, зевнул и спустился вниз, в свою спальню. Он снял уже пиджак и жилет, как вдруг почувствовал, что ему хочется пить. Взяв свечу, он спустился в столовую, чтобы поискать там содовой воды и виски. Научные занятия сделали доктора Кемпа весьма наблюдательным; возвращаясь из столовой, он заметил темное пятно на линолеуме, возле циновки, у самой лестницы. Он поднялся уже наверх, как вдруг задал себе вопрос, откуда могло появиться это пятно. Это была, очевидно, подсознательная мысль. Но как бы то ни было, он вернулся в холл, поставил сифон и виски на столик и, нагнувшись, стал рассматривать пятно. Без особого удивления он убедился, что оно липкое и темно-красное, совсем как подсыхающая кровь.

Прихватив сифон и бутылку с виски, он поднялся наверх, внимательно глядя по сторонам и пытаясь объяснить себе, откуда могло появиться кровавое пятно. На площадке он остановился и в изумлении уставился на дверь своей комнаты: ручка двери была в крови.

Он взглянул на свою руку. Она была совершенно чистая, и тут он вспомнил, что, когда вышел из кабинета, дверь в его спальню была открыта,

следовательно, он к ручке совсем не прикасался. Он твердым шагом вошел в спальню. Лицо у него было совершенно спокойное, разве только несколько более решительное, чем обыкновенно. Взгляд его, внимательно пройдя по комнате, упал на кровать. На одеяле темнела лужа крови, простыня была разорвана. Войдя в комнату в первый раз, он этого не заметил, так как направился прямо к туалетному столику. В одном месте постель была смята, как будто кто-то только что сидел на ней.

Тут ему почудилось, что чей-то голос негромко воскликнул: «Боже мой! Да ведь это Кемп!» Но доктор Кемп не верил в таинственные голоса.

Он стоял и смотрел на смятую постель. Должно быть, ему просто послышалось. Он снова огляделся, но не заметил ничего подозрительного, кроме смятой и запачканной кровью постели. Тут он ясно услышал какое-то движение в углу комнаты, возле умывальника. В душе всякого человека, даже самого просвещенного, гнездятся какие-то неуловимые остатки суеверия. Жуткое чувство охватило доктора Кемпа. Он затворил дверь спальни, подошел к комоду и поставил на него сифон. Вдруг он вздрогнул: в воздухе между ним и умывальником висела окровавленная повязка.

Пораженный, он стал вглядываться. Повязка была пустая, аккуратно сделанная, но совершенно пустая. Он хотел подойти и схватить ее, но чье-то прикосновение остановило его, и он совсем рядом услыхал голос:

— Кемп!

— А? — сказал Кемп, разинув рот.

— Не пугайтесь, — продолжал Голос. — Я Невидимка.

Кемп некоторое время молча глядел на повязку.

— Невидимка? — сказал он наконец.

— Невидимка, — повторил Голос.

Кемпу сразу вспомнилась история, которую он так усердно высмеивал еще сегодня утром. Но в эту минуту он, по-видимому, не очень испугался и удивился. Только впоследствии он мог дать себе отчет в своих чувствах.

— Я считал, что все это выдумка, — сказал он. При этом у него в голове вертелись доводы, которые он приводил утром. — Вы в повязке? — спросил он.

— Да, — ответил Невидимка.

— О! — взволнованно сказал Кемп. — Вот так штука! — Но тут же спохватился. — Вздор. Фокус какой-нибудь. — Он быстро шагнул вперед, и

рука его, протянутая к повязке, встретила невидимые пальцы.

При этом прикосновении он отпрянул и изменился в лице.

— Ради бога, Кемп, не пугайтесь. Мне так нужна помощь! Постойте!

Невидимая рука схватила Кемпа за локоть. Кемп ударил по ней.

— Кемп! — крикнул Голос. — Кемп, успокойтесь! — И рука Невидимки еще крепче сжала его локоть.

Бешеное желание высвободиться овладело Кемпом. Перевязанная рука вцепилась ему в плечо, и вдруг Кемп был сшиблен с ног и брошен навзничь на кровать. Он открыл рот, чтобы крикнуть, но в ту же секунду край простыни очутился у него между зубами. Невидимка держал его крепко, но руки у Кемпа были свободны, и он неистово колотил ими куда попало.

— Будьте благоразумны, — сказал Невидимка, который, несмотря на сыпавшиеся на него удары, крепко держал Кемпа. — Ради бога, не выводите меня из терпения. Лежите смирно, болван вы этакий! — проревел Невидимка в самое ухо Кемпа.

Еще с минуту Кемп продолжал барахтаться, потом затих.

— Если вы крикнете, я размозжу вам голову, — сказал Невидимка, вынимая простыню изо рта Кемпа. — Я Невидимка. Это не выдумка и не фокус. Я действительно Невидимка. И мне нужна ваша помощь. Я не причиню вам никакого вреда, если вы не будете вести себя, как обалделый мужлан. Неужели вы меня не помните, Кемп? Я Гриффин, мы же вместе учились в университете.

— Дайте мне встать, — сказал Кемп. — Я никуда не убегу. И дайте мне минуту посидеть спокойно.

Он сел на кровати и пощупал затылок.

— Я Гриффин, учился в университете вместе с вами. Я сделал себя невидимым. Я самый обыкновенный человек, которого вы знали, но только невидимый.

— Гриффин? — переспросил Кемп.

— Да, Гриффин, — ответил Голос. — В университете я был на курс моложе вас, белокурый, почти альбинос, шести футов росту, широкоплечий, лицо розовое, глаза красные. Получил награду за работу по химии.

— Ничего не понимаю, — сказал Кемп, — в голове у меня совсем помутилось. При чем тут Гриффин?

— Гриффин — это я.

Кемп задумался.

— Это ужасно, — сказал он. — Но какая чертовщина может сделать человека невидимым?

— Никакой чертовщины. Это вполне логичный и довольно несложный процесс…

— Это ужасно, — сказал Кемп. — Каким образом?

— Да, ужасно. Но я ранен, мне больно, и я устал. О господи, Кемп, будьте мужчиной! Отнеситесь к этому спокойно. Дайте мне поесть и напиться, а пока что я присяду.

Кемп глядел на повязку, двигавшуюся по комнате; затем он увидел, как плетеное кресло протащилось по полу и остановилось возле кровати. Оно затрещало, и сиденье опустилось на четверть дюйма. Кемп протер глаза и снова пощупал затылок.

— Это почище всяких привидений, — сказал он и глупо рассмеялся.

— Вот так-то лучше. Слава богу, вы становитесь благоразумным.

— Или глупею, — сказал Кемп и снова протер глаза.

— Дайте мне виски. Я еле дышу.

— Этого я бы не сказал. Где вы? Если я встану, то не наткнусь на вас? Ага, вы тут. Ладно. Виски?..

Пожалуйста. Куда же мне подать его вам?

Кресло затрещало, и Кемп почувствовал, что стакан берут у него из рук. Он выпустил его не без усилия, невольно опасаясь, что стакан разобьется. Стакан повис в воздухе, дюймах в двадцати над креслом. Кемп глядел на стакан в полном недоумении.

— Это… Ну конечно, это гипноз… Вы, должно быть, внушили мне, что вы невидимы.

— Чушь! — сказал Голос.

— Но ведь это — безумие!

— Выслушайте меня.

— Только сегодня я привел неоспоримые доказательства, — начал Кемп, — что невидимость…

— Плюньте на все доказательства, — прервал его Голос. — Я умираю с голоду, и для человека, совершенно раздетого, здесь довольно прохладно.

— Он чувствует голод! — сказал Кемп.

Стакан виски опрокинулся.

— Да, — сказал Невидимка, со стуком ставя стакан. — Нет ли у вас халата?

Кемп пробормотал что-то вполголоса и, подойдя к платяному шкафу, вынул оттуда темно-красный халат.

— Подойдет? — спросил он.

Халат взяли у него из рук. С минуту он висел

неподвижно в воздухе, затем как-то странно заколыхался, вытянулся во всю длину и, застегнувшись на все пуговицы, опустился в кресло.

— Хорошо бы кальсоны, носки и туфли, — отрывисто произнес Невидимка. — И поесть.

— Все, что угодно. Но со мной в жизни не случалось ничего более нелепого.

Кемп достал из комода вещи, которые просил Невидимка, и спустился в кладовку. Он вернулся с холодными котлетами и хлебом и, пододвинув небольшой столик, расставил все это перед гостем.

— Обойдусь и без ножа, — сказал Невидимка, и котлета повисла в воздухе; послышалось чавканье.

— Я всегда предпочитал сперва одеться, а потом уже есть, — сказал Невидимка с набитым ртом, жадно глотая хлеб с котлетой. — Странная прихоть!

— Рука, по-видимому, действует? — сказал Кемп.

— Будьте спокойны, — сказал Невидимка.

— И все-таки как это странно!..

— Вот именно. Но самое странное то, что я попал именно к вам, когда мне понадобилась перевязка. Это моя первая удача! Впрочем, я все

равно решил переночевать в этом доме. Вам не отвертеться! Страшно неудобно, что кровь мою видно, правда? Целая лужа натекла. Должно быть, она становится видимой по мере свертывания. Мне удалось изменить лишь живую ткань, я невидим, только пока жив… Уж три часа, как я здесь.

— Но как вы это сделали? — начал Кемп раздраженно. — Черт знает что! Вся эта история от начала до конца — сплошная нелепость.

— Напрасно вы так думаете, — сказал Невидимка. — Все это совершенно разумно.

Он протянул руку и взял бутылку с виски. Кемп с изумлением глядел на халат, поглощавший виски. Свет свечи, проходя сквозь дырку на правом плече халата, образовал светлый треугольник.

— Что это были за выстрелы? — спросил Кемп. — Отчего началась пальба?

— Там был один дурак, мой случайный компаньон, черт бы его побрал, который хотел украсть мои деньги. И украл-таки.

— Тоже невидимка?

— Нет.

— Ну а дальше что?

— Нельзя ли мне еще чего-нибудь поесть, а? Потом я все расскажу по порядку. Я голоден, и рука

болит. А вы хотите, чтобы я вам рассказывал!

Кемп встал.

— Значит, это не вы стреляли? — спросил он.

— Нет, — ответил гость. — Стрелял наобум какой-то идиот, которого я прежде никогда и в глаза не видел. Они перепугались. Меня все пугаются. Черт бы их побрал. Но вот что, Кемп, я есть хочу.

— Пойду поищу, нет ли внизу еще чего-нибудь съестного, — сказал Кемп. — Боюсь, что найдется не много.

Покончив с едой — а поел он основательно, — Невидимка попросил сигару. Он жадно откусил кончик, прежде чем Кемп успел разыскать нож, и выругался, когда снаружи отстал листок табака. Странно было видеть, как он курил: рот, горло, зев и ноздри проступали, словно слепок, сделанный из клубящегося дыма.

— Славная штука табак! — сказал он, глубоко затянувшись. — Мне повезло, что я попал к вам, Кемп. Вы должны помочь мне. Подумать только, в нужный момент я натолкнулся на вас! Я в отчаянном положении. Я был как помешанный. Чего только я не перенес! Но теперь у нас дело пойдет. Уж поверьте…

Он выпил еще виски с содовой. Кемп встал, осмотрелся и принес из соседней комнаты еще

стакан для себя.

— Все это дико… но, пожалуй, я тоже выпью.

— Вы почти не изменились, Кемп, за эти двенадцать лет. Блондины мало меняются. Все такой же хладнокровный и методичный… Я должен вам все объяснить. Мы будем работать вместе!

— Но как это вам удалось? — спросил Кемп. — Как вы стали таким?

— Ради бога, дайте мне спокойно покурить. Потом я вам все расскажу.

Но в эту ночь он не рассказал ничего. У него разболелась рука, его стало лихорадить, он очень ослабел. Ему все время мерещилась погоня на холме и драка возле кабачка. Он начал было рассказывать, но сразу отвлекся. Он бессвязно говорил о Марвеле, судорожно затягивался, и в голосе его слышалось раздражение. Кемп старался извлечь из его рассказа все, что мог.

— Он меня боялся… Я видел, что он меня боится, — снова и снова повторял Невидимка. — Он хотел удрать от меня, только об этом и думал. Какого я дурака свалял! Ах, негодяй! Надо было убить его…

— Где вы достали деньги? — вдруг спросил Кемп.

Невидимка помолчал.

— Сегодня я не могу вам сказать, — ответил он.

Он вдруг застонал и сгорбился, схватившись невидимыми руками за невидимую голову.

— Кемп, — сказал он, — я не сплю уже третьи сутки, за все это время мне удалось вздремнуть час-другой, не больше. Я должен выспаться.

— Хорошо, — сказал Кемп. — Располагайтесь тут, в моей комнате.

— Но разве мне можно спать? Если я засну, он удерет. Эх! Ладно, все равно!

— Рана серьезная? — отрывисто спросил Кемп.

— Пустяки, царапина. Господи, как спать хочется!

— Так ложитесь.

Невидимка, казалось, смотрел на Кемпа.

— У меня нет ни малейшего желания быть пойманным моими ближними, — медленно проговорил он.

Кемп вздрогнул.

— Ох и дурак же я! — воскликнул Невидимка, ударив кулаком по столу. — Сам подал вам эту мысль.

Глава XVIII
Невидимка спит

Несмотря на усталость и рану, Невидимка все же не положился на слово Кемпа, что на свободу его не будет никаких посягательств. Он осмотрел оба окна спальни, поднял шторы и открыл ставни, чтобы убедиться, что в случае надобности этим путем можно бежать. За окнами стояла мирная ночная тишина. Над холмами висел месяц. Затем Невидимка осмотрел замок спальни и двери уборной и ванной, чтобы убедиться, что и отсюда он может ускользнуть. Наконец он заявил, что удовлетворен. Он стоял перед камином, и Кемп услышал звук зевка.

— Мне очень жаль, — сказал Невидимка, — что я не могу сейчас рассказать вам обо всем, что я сделал. Но я положительно выбился из сил. Это нелепо, спору нет. Это чудовищно. Но верьте мне, Кемп, это вполне возможно. Я сделал открытие. Я думал сохранить его в тайне. Но это немыслимо. Мне необходим помощник. А вы... Чего только мы не сможем сделать!.. Впрочем, оставим все это до завтра. Теперь, Кемп, я должен заснуть,

иначе я умру.

Кемп стоял посреди комнаты, глядя на безголовый халат.

— Ладно, я оставлю вас, — сказал он. — Но это невероятно. Еще парочка таких фактов, переворачивающих вверх дном все мои теории, и я сойду с ума. И все же, по-видимому, это так! Не надо ли вам еще чего-нибудь?

— Только чтоб вы пожелали мне спокойной ночи, — сказал Гриффин.

— Спокойной ночи, — сказал Кемп и пожал невидимую руку.

Он боком пошел к двери. Вдруг халат быстро приблизился к нему.

— Помните, — произнес Невидимка, — никаких попыток поймать или задержать меня. Не то…

Кемп слегка изменился в лице.

— Ведь я, кажется, дал вам слово, — сказал он.

Кемп вышел, тихонько притворил за собой дверь, и ключ немедленно щелкнул в замке. Пока Кемп стоял, не двигаясь, с выражением покорного удивления на лице, раздались быстрые шаги, и дверь ванной также оказалась запертой. Кемп хлопнул себя рукой по лбу.

— Сплю я, что ли? Весь мир сошел с ума или это я помешался? — Он засмеялся и потрогал запер-

тую дверь. — Изгнан из собственной спальни — и кем? Призраком. Вопиющая нелепость!

Он подошел к верхней ступеньке лестницы, оглянулся и снова посмотрел на запертые двери.

— Неоспоримый факт, — произнес он, дотрагиваясь до слегка ноющего затылка. — Да, неоспоримый факт. Но… — Он безнадежно покачал головой, повернулся и спустился вниз.

Он зажег лампу в столовой, взял сигару и начал шагать по комнате, то бормоча что-то бессвязное, то громко споря сам с собой.

— Невидимка! — сказал он. — Может ли быть невидимое существо? В море — да. Там таких существ тысячи, миллионы! Все крохотные науплиусы и торнарии, все микроорганизмы… а медузы! В море невидимых существ больше, чем видимых! Прежде я никогда об этом не думал… А в прудах! Все эти крохотные организмы, живущие в прудах, — кусочки бесцветной, прозрачной слизи… Но в воздухе? Нет! Это невозможно. А впрочем, почему бы и нет? Будь человек сделан из стекла — и то он был бы видим.

Кемп глубоко задумался. Три сигары обратились в белый пепел, рассыпанный по ковру, прежде чем он заговорил снова. Или, вернее, вскрикнул. Затем он вышел из комнаты, прошел

в свою приемную и зажег там газовый рожок. Комната была небольшая. Так как доктор Кемп не занимался практикой, там лежали газеты. Утренний номер, развернутый, валялся на столе. Он схватил газету, быстро просмотрел ее и начал читать сообщение о «Необычайном происшествии в Айпинге», с таким усердием пересказанное Марвелу матросом в Порт-Стоу. Кемп быстро пробежал эти строки.

— Закутан! — воскликнул он. — Переодет! Скрывает свою тайну. По-видимому, никто не знал о его злоключениях! Что у него, черт возьми, на уме? — Он бросил газету и пошарил глазами по столу. — Ага! — сказал он и схватил «Сент-Джеймс газетт», которая была еще не развернута. — Сейчас узнаем всю правду, — сказал он и развернул газету. В глаза ему бросились два столбца. «Целая деревня в Сассексе сошла с ума!» — гласил заголовок. — Боже милостивый! — воскликнул Кемп, жадно читая скептический отчет о вчерашних событиях в Айпинге, описанных нами выше. Заметке предшествовало сообщение, перепечатанное из утренней газеты.

Кемп перечитал все сначала. «Бежал по улице, рассыпая удары направо и налево. Джефферс в бессознательном состоянии. Мистер Хакстерс

получил серьезные увечья и не может ничего сообщить из того, что видел. Тяжкое оскорбление, нанесенное викарию. Женщина заболела от страха. Окна перебиты. Вся эта необычайная история, вероятно, выдумка, но так хороша, что ее нельзя не напечатать».

Кемп выронил газету и тупо уставился в одну точку.

— Вероятно, выдумка! — повторил он.

Потом схватил газету и еще раз перечел все от начала до конца.

— Но откуда взялся бродяга? Какого черта он гнался за бродягой?

Кемп бессильно опустился в хирургическое кресло.

— Он не только невидимка, — сказал он, — но и помешанный! У него мания убийства!..

Когда взошла заря и бледные лучи ее смешались в столовой со светом газового рожка и сигарным дымом, Кемп все еще шагал из угла в угол, стараясь понять непостижимое.

Он был слишком взволнован, чтобы думать о сне. Заспанные слуги, застав его утром в таком виде, подумали, что на него плохо подействовали усиленные занятия. Он отдал необычайное, но совершенно ясное распоряжение сервировать

завтрак на двоих в кабинете наверху, а затем уйти вниз и больше наверху не показываться. Он продолжал шагать по столовой, пока не подали утреннюю газету. О Невидимке говорилось многословно, но новым было только очень бестолковое сообщение о вчерашних событиях в кабачке «Веселые крикетисты». Тут Кемпу впервые попалось упоминание о Марвеле. «Он силой держал меня при себе целые сутки», — заявил Марвел. Отчет об айпингских событиях был дополнен некоторыми мелкими фактами, в частности упоминалось о повреждении телеграфного провода. Но во всех этих сообщениях не было ничего, что проливало бы свет на взаимоотношения между Невидимкой и бродягой, ибо мистер Марвел умолчал о трех книгах и о деньгах, которыми были набиты его карманы. Скептического тона как не бывало, и целая армия репортеров уже принялась за тщательное расследование.

Кемп внимательно прочел все сообщение до последней строчки и послал горничную купить все утренние газеты, какие только она сможет достать. Потом он жадно прочитал и их.

— Он невидим! — сказал Кемп. — И если судить по газетам, то ярость его граничит с помешательством. Чего только он не натворит! Чего только

не натворит! Ведь он там, наверху, и свободен как ветер. Что мне делать? Можно ли назвать предательством, если я… Нет!

Он подошел к маленькому, заваленному бумагами столику в углу и начал писать записку. Написав несколько строк, он разорвал ее и написал другую. Перечел и задумался. Потом взял конверт и написал адрес: «Полковнику Эдаю, Порт-Бэрдок».

Невидимка проснулся как раз в ту минуту, когда Кемп запечатывал письмо. Он проснулся в дурном настроении, и Кемп, который чутко прислушивался ко всем звукам, услышал яростное шлепанье ног в спальне наверху. Затем раздался стук упавшего стула и звон разбитого стакана. Кемп поспешил наверх и нетерпеливо постучал в дверь спальни.

Глава XIX
Некоторые основные принципы

— Что случилось? — спросил Кемп, когда Невидимка впустил его в комнату.

— Да ничего, — ответил он.

— А шум почему?

— Припадок раздражительности, — сказал Невидимка. — Забыл про свою руку, а она болит.

— Вы, по-видимому, подвержены такого рода вспышкам?

— Да.

Кемп прошел через комнату и подобрал осколки разбитого стакана.

— Про вас теперь все известно, — сказал Кемп. — Все, что случилось в Айпинге и внизу, в кабачке. Мир узнал о своем невидимом гражданине. Но никто не знает, что вы тут.

Невидимка выругался.

— Тайна раскрыта, — продолжал Кемп. — Ведь это была тайна, я полагаю? Не знаю, что вы намерены делать, но, разумеется, я готов помочь вам.

Невидимка сел на кровать.

— Наверху сервирован завтрак, — сказал Кемп,

стараясь говорить непринужденным тоном, и с удовольствием заметил, что его странный гость охотно встал при этих словах. Кемп повел его по узкой лестнице наверх.

— Прежде чем мы с вами что-либо предпримем, — сказал Кемп, — я хотел бы узнать поподробней, как это вы стали невидимым.

И, бросив быстрый, беспокойный взгляд в окно, Кемп уселся с видом человека, которому предстоит долгая и основательная беседа. У него снова промелькнула мысль, что все происходящее — нелепость, бред, но мысль эта сейчас же исчезла, как только он взглянул на Гриффина: безголовый, безрукий халат сидел за столом и вытирал невидимые губы чудом державшейся в воздухе салфеткой.

— Это очень просто и вполне доступно, — сказал Гриффин, отложив в сторону салфетку и подперев невидимую голову невидимой рукой.

— Для вас, конечно, но… — Кемп засмеялся.

— Ну да, и мне это, конечно, сначала казалось волшебством, но теперь… Боже милостивый! Нам предстоят великие дела. Впервые эта идея возникла у меня в Чезилстоу.

— В Чезилстоу?

— Я переехал туда из Лондона. Вы знаете, я ведь

бросил медицину и занялся физикой. Не знали? Ну так вот. Меня увлекла проблема света.

— А-а!..

— Оптическая непроницаемость! Весь этот вопрос — сплошная сеть загадок, сквозь нее лишь смутно просвечивает неуловимое решение. А мне тогда было всего двадцать два года, и я был энтузиаст, вот и сказал себе: «Этому вопросу я посвящу свою жизнь. Тут есть над чем поработать». Вы ведь знаете, каким бываешь дураком в двадцать два года.

— Неизвестно, быть может, мы теперь еще глупее, — заметил Кемп.

— Как будто знание может удовлетворить человека! Но я принялся за дело и работал как каторжный. Прошло полгода усиленного труда и раздумий — и вот сквозь туманную завесу блеснул ослепительный свет. Я нашел общий закон пигментов и преломлений света — формулу, геометрическое выражение, включающее четыре измерения. Дураки, обыкновенные люди, даже обыкновенные математики и не подозревают, какое значение может иметь для изучающего молекулярную физику общее выражение. В книгах — в тех книгах, которые украл этот бродяга, — есть чудеса, магические числа! Но это не был еще

метод, это была идея, которая могла навести на метод. А при помощи этого метода оказалось бы возможным, не изменяя свойств материи — за исключением цвета в некоторых случаях, — свести коэффициент преломления некоторых веществ, твердых или жидких, к коэффициенту преломления воздуха.

Кемп присвистнул.

— Это любопытно. Но все же мне не совсем ясно... Я понимаю, что таким путем вы могли бы испортить драгоценный камень, но сделать человека невидимым — до этого еще далеко.

— Безусловно, — сказал Гриффин. — Однако подумайте: видимость зависит от того, как видимое тело реагирует на свет. Давайте уж я начну с азов, тогда вы лучше поймете дальнейшее. Вы прекрасно знаете, что тела либо поглощают свет, либо отражают, либо преломляют его, или, может быть, все вместе. Если тело не отражает, не преломляет и не поглощает света, то оно не может быть видимо само по себе. Так, например, вы видите непрозрачный красный ящик только потому, что он поглощает некоторую долю света и отражает остальное, а именно — все красные лучи. Если бы ящик не поглощал некоторой доли света, а отражал бы его весь, то он был бы бле-

стящим, белым. Вспомните серебро! Алмазный ящик не поглощал бы много света, и вместе с тем его поверхность отражала бы мало света, но в отдельных местах, в зависимости от расположения плоскостей, свет отражался и преломлялся бы, и мы видели бы блестящую паутину сверкающих отражений и прозрачных плоскостей, нечто вроде светового скелета. Стеклянный ящик столь отчетливо видим, как алмазный, потому что в нем меньше плоскостей отражения и преломления. Понятно? Под известным углом зрения такой ящик будет прозрачным; некоторые сорта стекла более видимы, чем другие; хрустальный ящик блестел бы сильнее, чем ящик из обыкновенного оконного стекла. Ящик из очень тонкого обыкновенного стекла было бы очень трудно различить при плохом освещении, потому что он не поглощает почти никаких лучей и отражает и преломляет совсем мало света. Если вы положите кусок обыкновенного стекла в воду или, еще лучше, в какую-нибудь жидкость, более плотную, чем вода, то вы стекла почти совсем не увидите, потому что свет, переходя из воды в стекло, преломляется и отражается очень слабо и вообще не подвергается почти никакому воздействию. Стекло в таком случае столь же невидимо, как

струи углекислоты или водорода в воздухе. И по той же причине.

— Да, — сказал Кемп, — все это ясно. В таких вещах теперь разбирается каждый школьник.

— А вот еще один факт, в котором разберется всякий школьник. Если разбить кусок стекла и мелко истолочь его, оно станет гораздо более заметным в воздухе и превратится в белый непрозрачный порошок. Это происходит потому, что превращение стекла в порошок увеличивает число плоскостей преломления и отражения. В стеклянной пластинке имеется всего две поверхности, в порошке же каждая крупинка представляет собой плоскость преломления и отражения света, и сквозь порошок света проходит очень мало. Но если белый стеклянный порошок высыпать в воду, то он почти совершенно исчезает. Стеклянный порошок и вода имеют почти одинаковый коэффициент преломления, и свет, переходя из одной среды в другую, почти не преломляется и не отражается. Вы делаете стекло невидимым, помещая его в жидкость с приблизительно таким же коэффициентом преломления; всякая прозрачная вещь делается невидимой, если поместить ее в среду, обладающую одинаковым с ней коэффициентом преломления. И

если вы чуточку подумаете, то поймете, что стеклянный порошок можно сделать невидимым и в воздухе, если только удастся довести коэффициент преломления света в нем до коэффициента преломления света в воздухе. Ибо в таком случае при переходе света из воздуха в порошок он не будет ни отражаться, ни преломляться.

— Все это так, — сказал Кемп. — Но ведь человек — не стеклянный порошок!

— Нет, — сказал Гриффин. — Он прозрачнее.

— Ерунда!

— И это говорит врач! Как легко все забывается! Неужели за десять лет вы успели перезабыть все, что знали из физики? А вы подумайте, сколько существует прозрачных веществ, которые вовсе не кажутся прозрачными. Бумага, например, состоит из прозрачных волокон, и если она представляется нам белой и непрозрачной, то это происходит по той же самой причине, по которой нам кажется белым и непрозрачным толченое стекло. Промаслите белую бумагу, заполните все поры между частицами бумаги маслом так, чтобы преломление и отражение света происходило только на поверхности, и бумага сделается такой же прозрачной, как стекло. И не только бумага, но и волокна хлопка, льна, шерсти, дерева, а

также — заметьте это, Кемп! — и кости, мышцы, волосы, ногти и нервы. Одним словом, весь человеческий организм состоит из прозрачных бесцветных тканей, за исключением красных кровяных шариков и темного пигмента волос; вот как мало нужно, чтобы мы могли видеть друг друга. По большей части ткани живого существа не менее прозрачны, чем вода.

— Верно, верно, — воскликнул Кемп, — только сегодня ночью я думал о морских личинках и медузах!

— Вот-вот! Теперь вы меня поняли! И все это я знал и продумал уже через год после отъезда из Лондона, шесть лет назад. Но я ни с кем не поделился своими мыслями. Мне пришлось работать в очень тяжелых условиях. Оливер, мой профессор, был мужлан в науке, человек, падкий до чужих идей, — он вечно за мной шпионил! Вы ведь знаете, какое жульничество царит в научном мире. Я не хотел публиковать свое открытие и делиться с ним славой. Я продолжал работать и все ближе подходил к превращению своей теоретической формулы в эксперимент, в реальный опыт. Я никому не сообщал о своих работах, хотел ослепить мир своим открытием и сразу стать знаменитым. Я занялся вопросом о пигментах,

чтобы заполнить некоторые пробелы. И вдруг, по чистой случайности, сделал открытие в области физиологии.

— Да?

— Вам известно красное вещество, окрашивающее кровь. Так вот: оно может стать белым, бесцветным, сохраняя в то же время все свои свойства!

У Кемпа вырвался возглас изумления.

Невидимка встал и зашагал по тесному кабинету.

— Вы поражены, я понимаю. Помню ту ночь. Было очень поздно — днем мешали работать безграмотные студенты, смотревшие на меня, разинув рот, и я иной раз засиживался до утра. Открытие это осенило меня внезапно, оно появилось во всем своем блеске и завершенности. Я был один, в лаборатории царила тишина, вверху ярко горели лампы. В знаменательные минуты своей жизни я всегда оказываюсь один. «Можно сделать животное — его ткань — прозрачным! Можно сделать его невидимым! Все, кроме пигментов. Я могу стать невидимкой!» — сказал я, вдруг осознав, что значит быть альбиносом, обладая таким знанием. Я был ошеломлен. Я бросил фильтрование, которым был занят, и подошел к

большому окну. «Я могу стать невидимкой», — повторил я, глядя в усеянное звездами небо.

Сделать это — значит превзойти магию и волшебство. И я, свободный от всяких сомнений, стал рисовать себе великолепную картину того, что может дать человеку невидимость: таинственность, могущество, свободу. Оборотной стороны медали я не видел. Подумайте только! Я, жалкий, нищий ассистент, обучающий дураков в провинциальном колледже, могу сделаться всемогущим. Скажите сами, Кемп, вот если бы вы… Всякий, поверьте, ухватился бы за такое открытие. Я работал еще три года, и за каждым препятствием, которое я с таким трудом преодолевал, возникало новое! Какая бездна мелочей, и к тому же ни минуты покоя! Этот провинциальный профессор вечно подглядывает за тобой! Зудит и зудит: «Когда же вы наконец опубликуете свою работу?» А студенты, а нужда! Три года такой жизни… Три года я работал скрываясь, в непрестанной тревоге и наконец понял, что закончить мой опыт невозможно…

— Почему? — спросил Кемп.

— Деньги… — ответил Невидимка и стал глядеть в окно.

Вдруг он резко обернулся.

— Тогда я ограбил своего старика, ограбил родного отца... Деньги были чужие, и он застрелился.

Глава XX
В доме на Грейт-Портленд-стрит

С минуту Кемп сидел молча, глядя в спину стоявшей у окна безголовой фигуры. Потом вздрогнул, пораженный какой-то мыслью, встал, взял Невидимку за руку и отвел от окна.

— Вы устали, — сказал он. — Я сижу, а вы все время ходите. Сядьте в мое кресло.

Сам он сел между Гриффином и ближайшим окном.

Гриффин опустился в кресло, помолчал немного, затем опять быстро заговорил:

— Когда это случилось, я уже расстался с колледжем в Чезилстоу. Это было в декабре прошлого года. Я снял комнату в Лондоне, большую комнату без мебели в огромном запущенном доме, в глухом квартале на Грейт-Портленд-стрит. Комната скоро заполнилась всевозможными аппаратами, которые я купил на отцовские деньги, и я продолжал работу, успешно подвигаясь к цели. Я был как человек, выбравшийся из густой чащи и неожиданно втянутый в какую-то нелепую трагедию. Я поехал на похороны отца. Я весь

был поглощен своими опытами и палец о палец не ударил, чтобы спасти его репутацию. Помню похороны, дешевый гроб, убогую процессию, поднимавшуюся по склону холма, холодный, пронизывающий ветер… старый университетский товарищ отца совершил над ним последний обряд, — жалкий, черный, скрюченный старик, страдавший насморком.

Помню, я возвращался с кладбища в опустевший дом по местечку, которое некогда было деревней, а теперь, на скорую руку перестроенное и залатанное, стало безобразным подобием города. Все дороги, по какой ни пойди, вели на изрытые окрестные поля и обрывались среди груд щебня и густых сорняков. Помню, как я шагал по скользкому блестящему тротуару — мрачная черная фигура — и какое странное чувство отчужденности я испытывал в этом ханжеском, торгашеском городишке.

Смерть отца ничуть меня не огорчила. Он казался мне жертвой своей собственной глупой чувствительности. Всеобщее лицемерие требовало моего присутствия на похоронах, в действительности же это меня мало касалось.

Но, идя по главной улице, я припомнил на миг свое прошлое. Я увидел девушку, которую знал

десять лет назад. Наши глаза встретились.

Сам не знаю, почему я вернулся и заговорил с ней. Она оказалась самым заурядным существом.

Все мое пребывание на старом пепелище было как сон. Я не чувствовал тогда, что я одинок, что я перешел из живого мира в пустыню. Я сознавал, что потерял интерес к окружающему, но приписывал это пустоте жизни вообще. Вернуться в свою комнату значило для меня вновь обрести подлинную действительность. Здесь было все то, что я знал и любил: аппараты, подготовленные к опытам. Почти все препятствия были уже преодолены, оставалось лишь обдумать некоторые детали.

Когда-нибудь, Кемп, я опишу вам все эти сложнейшие процессы. Не станем сейчас входить в подробности. По большей части, за исключением некоторых сведений, которые я предпочитаю хранить в памяти, все это записано шифром в тех книгах, которые утащил бродяга. Мы должны изловить его. Мы должны вернуть эти книги. Главная задача заключалась в том, чтобы поместить прозрачный предмет, коэффициент преломления которого требовалось понизить, между двумя светоизлучающими центрами эфир-

ной вибрации, — о ней я расскажу вам после. Нет, это не рентгеновские лучи. Не знаю, описывал ли кто-нибудь те лучи, о которых я говорю. Но они существуют, это несомненно. Я пользовался двумя небольшими динамо-машинами, которые приводил в движение при помощи дешевого газового двигателя. Первый свой опыт я проделал над куском белой шерстяной материи. До чего же странно было видеть, как эта белая мягкая материя постепенно таяла, как струя пара, и затем совершенно исчезла!

Мне не верилось, что я это сделал. Я сунул руку в пустоту и нащупал материю, столь же плотную, как и раньше. Я нечаянно дернул ее, и она упала на пол. Я не сразу ее нашел.

А потом я проделал следующий опыт. Я услышал у себя за спиной мяуканье, обернулся и увидел на водосточной трубе за окном белую кошку, тощую и ужасно грязную. Меня словно осенило. «Все готово для тебя», — сказал я, подошел к окну, открыл его и ласково позвал кошку. Она вошла в комнату, мурлыча, — бедняга, она чуть не подыхала от голода, и я дал ей молока. Вся моя провизия хранилась в буфете, в углу. Вылакав молоко, кошка стала разгуливать по комнате, обнюхивая все углы, — очевидно, она решила,

что здесь будет ее новый дом. Невидимая тряпка несколько встревожила ее — слышали бы вы, как она зафыркала! Я устроил ее очень удобно на своей складной кровати. Угостил маслом, чтобы она дала вымыть себя.

— И вы подвергли ее опыту?

— Да. Но напоить кошку снадобьями — это не шутка, Кемп! И опыт мой не совсем удался.

— Не совсем?

— По двум пунктам. Во-первых, когти, а во-вторых, пигмент — забыл его название — на задней стенке глаза у кошек, помните?

— Tapetum.

— Вот именно, tapetum. Этот пигмент не исчезал. После того как я ввел ей средство для обесцвечивания крови и проделал над ней разные другие процедуры, я дал ей опиума и вместе с подушкой, на которой она спала, поместил ее у аппарата. И потом, когда все обесцветилось и исчезло, остались два небольших пятна — ее глаза.

— Любопытно!

— Я не могу этого объяснить. Конечно, она была забинтована и связана, и я не боялся, что она убежит, но она проснулась, когда превращение еще не совсем закончилось, стала жалобно мяукать, и тут раздался стук в дверь. Стучала

старуха, жившая внизу и подозревавшая меня в том, что я занимаюсь вивисекцией, — пьяница, у которой на свете ничего и никого не было, кроме этой кошки. Я поспешил прибегнуть к помощи хлороформа. Кошка замолчала, и я приоткрыл дверь. «Это у вас кошка мяукала? — спросила она. — Уж не моя ли?» — «Вы ошиблись, здесь нет никакой кошки», — ответил я очень любезно. Она не очень-то мне поверила и попыталась заглянуть в комнату. Должно быть, странной ей показалась моя комната: голые стены, окна без занавесей, складная кровать, газовый двигатель в действии, свечение у аппарата и слабый дурманящий запах хлороформа. Удовлетворившись этим, она отправилась восвояси.

— Сколько времени нужно на это? — спросил Кемп.

— На опыт с кошкой ушло часа три-четыре. Последними исчезли кости, сухожилия и жир, а также кончики окрашенных волосков шерсти. Но, как я уже сказал, радужное вещество на задней стенке глаза не исчезло.

Когда я закончил опыт, уже наступила ночь; ничего не было видно, кроме туманных пятен на месте глаз и когтей. Я остановил двигатель, нащупал и погладил кошку, которая еще не очну-

лась, и, развязав ее, оставил спать на невидимой подушке, а сам, чувствуя смертельную усталость, лег в постель. Но уснуть я не мог. В голове проносились смутные, бессвязные мысли. Снова и снова перебирал я все подробности только что произведенного опыта или же забывался лихорадочным сном, и мне казалось, что все окружающее становится смутным, расплывается, и наконец сама земля исчезает у меня из-под ног, и я проваливаюсь, падаю куда-то, как бывает только в кошмаре… Около двух часов ночи кошка проснулась и стала бегать по комнате, жалобно мяукая. Я пытался успокоить ее ласковыми словами, а потом решил выгнать. Помню, как я был потрясен, когда зажег спичку, — я увидел два круглых светящихся глаза и вокруг них ничего. Я хотел дать ей молока, но его не оказалось. А она все не успокаивалась, села у самых дверей и продолжала мяукать. Я старался поймать ее, чтобы выпустить из окна, но она не давалась в руки и все исчезала. То тут, то там в разных концах комнаты раздавалось ее мяуканье. Наконец я открыл окно и стал метаться по комнате. Вероятно, она испугалась и выскочила в окно. Больше я ее не видел и не слышал.

Потом, бог весть почему, я стал вспоминать по-

хороны отца, холодный ветер, дувший на склоне холма… Так продолжалось до самого рассвета. Чувствуя, что мне не заснуть, я встал и, заперев за собой дверь, отправился бродить по тихим утренним улицам.

— Неужели вы думаете, что и сейчас по свету гуляет невидимая кошка? — спросил Кемп.

— Если только ее не убили, — ответил Невидимка. — А почему бы и нет?

— Почему бы и нет? — повторил Кемп и извинился: — Простите, что я прервал вас.

— Вероятно, ее убили, — сказал Невидимка. — Четыре дня спустя она была еще жива — это я знаю точно: она, очевидно, сидела под забором на Грейт-Тичфилд-стрит, там собралась толпа зевак, старавшихся понять, откуда слышится мяуканье.

С минуту он молчал, потом снова быстро заговорил:

— Я очень ясно помню это утро. Я, вероятно, прошел всю Грейт-Портленд-стрит. Помню казармы на Олбэни-стрит и выезжавших оттуда кавалеристов. В конце концов я очутился на вершине Примроз-Хилл; я чувствовал себя совсем больным. Был солнечный январский день; в тот год снег еще не выпал, и погода стояла ясная, морозная. Я устало размышлял, стараясь охватить

положение, наметить план действий.

Я с удивлением убедился, что теперь, когда я почти достиг заветной цели, это совсем меня не радует. Я был слишком утомлен; от страшного напряжения почти четырехлетней непрерывной работы все мои чувства притупились. Мной овладела апатия, и я тщетно пытался вернуть горение первых дней работы, вернуть то страстное стремление к открытиям, которое дало мне силу хладнокровно погубить старика-отца. Я потерял интерес ко всему. Но я понимал, что это — преходящее состояние, вызванное переутомлением и бессонницей, и что если не лекарства, так отдых вернет мне прежнюю энергию.

Ясно я сознавал только одно: дело необходимо довести до конца. Навязчивая идея все еще владела мной. И сделать это надо как можно скорей, ведь я уже истратил почти все деньги. Я оглянулся кругом, посмотрел на играющих детей и следивших за ними нянек и начал думать о тех фантастических преимуществах, которыми может пользоваться невидимый человек. Я вернулся домой, немного поел, принял большую дозу стрихнина и лег спать, не раздеваясь, на неубранной постели. Стрихнин, Кемп, — замечательное укрепляющее средство, он не дает

человеку упасть духом.

— Дьявольская штука, — сказал Кемп. — Он превращает вас в этакого первобытного дикаря.

— Я проснулся, ощущая прилив сил, но и какое-то раздражение. Вам знакомо это состояние?

— Знакомо.

— Кто-то постучал в дверь. Это был домохозяин, пришедший с угрозами и расспросами, старый польский еврей в длинном сером сюртуке и стоптанных туфлях. Я ночью мучил кошку, уверял он; старуха, очевидно, успела уже все разболтать. Он требовал, чтобы я объяснил ему, в чем дело. Вивисекция строго запрещена законом, ответственность может пасть и на него. Я утверждал, что никакой кошки у меня не было. Тогда он заявил, что запах газа от двигателя чувствуется по всему дому. С этим я, конечно, согласился. Он все вертелся вокруг меня, стараясь прошмыгнуть в комнату, заглядывая туда сквозь свои очки в серебряной оправе, и вдруг меня охватил страх, как бы он не проник в мою тайну. Я поспешил встать между ним и аппаратом, но это только подстегнуло его любопытство. Чем я занимаюсь? Почему я всегда один и скрываюсь от людей? Не занимаюсь ли я чем-нибудь преступным? Не опасно ли это? Ведь я ничего не плачу, кро-

ме обычной квартирной платы. Его дом всегда пользовался хорошей репутацией, в то время как соседние дома этим похвастать не могут. Наконец я потерял терпение. Попросил его убраться. Он запротестовал, что-то бормотал про свое право входить ко мне, когда ему угодно. Еще секунда — и я схватил его за шиворот… Что-то с треском порвалось, и он пулей вылетел в коридор. Я захлопнул за ним дверь, запер ее на ключ и, весь дрожа, опустился на стул.

Хозяин еще некоторое время шумел за дверью, но я не обращал на него внимания, и он скоро ушел.

Это происшествие принудило меня к решительным действиям. Я не знал ни того, что он намерен делать, ни что он вправе сделать. Переезд на новую квартиру означал бы задержку в моей работе, а денег у меня в банке осталось всего двадцать фунтов. Нет, никакой проволочки я не мог допустить. Исчезнуть! Искушение было неодолимо. Но тогда начнется следствие, комнату мою разграбят…

Одна мысль о том, что работу мою могут предать огласке или прервать в тот момент, когда она почти закончена, привела меня в ярость и вернула мне энергию. Я поспешно вышел со

своими тремя томами заметок и чековой книжкой — теперь все это находится у того бродяги — и отправил их из ближайшего почтового отделения в контору хранения писем и посылок на Грейт-Портленд-стрит. Я постарался выйти из дому как можно тише. Вернувшись, я увидел, что мой домохозяин не спеша поднимается по лестнице, — он, очевидно, слышал, как я запирал дверь. Вы бы расхохотались, если б увидели, как он шарахнулся, когда я догнал его на площадке. Он бросил на меня испепеляющий взгляд, но я пробежал мимо него и влетел к себе в комнату, хлопнув дверью так, что весь дом задрожал. Я слышал, как он, шаркая туфлями, доплелся до моей двери, немного постоял перед ней, потом спустился вниз. Я немедленно стал готовиться к опыту.

Все было сделано в течение этого вечера и ночи. В то время когда я еще находился под одурманивающим действием снадобий, принятых мной для обесцвечивания крови, кто-то стал стучаться в дверь, потом стук прекратился, шаги начали удаляться, но вот снова приблизились, и стук в дверь повторился, кто-то попытался что-то просунуть под дверь — какую-то синюю бумажку. Терпение мое лопнуло, я вскочил, подошел

к двери и распахнул ее настежь. «Ну, что еще там?» — спросил я.

Это оказался хозяин, он принес мне повестку о выселении или что-то в этом роде. Он протянул мне бумагу, но, по-видимому, его чем-то удивили мои руки, и он взглянул мне в лицо.

С минуту он стоял, разинув рот, потом выкрикнул что-то нечленораздельное, уронил свечу и бумагу и, спотыкаясь, бросился бежать по темному коридору к лестнице. Я закрыл дверь, запер ее на ключ и подошел к зеркалу. Тогда я понял его ужас. Лицо у меня было белое как мрамор.

Но я не ожидал, что мне придется так сильно страдать. Это было ужасно. Вся ночь прошла в страшных мучениях, тошноте и обмороках. Я стискивал зубы, все тело горело как в огне, но я лежал неподвижно, точно мертвый. Тогда-то я понял, почему кошка так мяукала, пока я не захлороформировал ее. К счастью, я жил один, без прислуги. Были минуты, когда я плакал, стонал, разговаривал сам с собой. Но я выдержал все… Я потерял сознание и очнулся только среди ночи, совсем ослабевший.

Боли я уже не чувствовал. Я решил, что умираю, но отнесся к этому совершенно равнодушно. Никогда не забуду этого рассвета, не забуду жути,

охватившей меня при виде моих рук, словно сделанных из дымчатого стекла и постепенно, по мере наступления дня, становившихся все прозрачнее и тоньше, так что я мог видеть сквозь них все предметы, в беспорядке разбросанные по комнате, хотя и закрывал свои прозрачные веки. Тело мое сделалось как бы стеклянным, кости и артерии постепенно бледнели, исчезали: последними исчезли тонкие нити нервов. Я скрипел зубами, но выдержал до конца… И вот остались только мертвенно-белые кончики ногтей и бурое пятно какой-то кислоты на пальце.

С большим трудом поднялся я с постели. Сначала я чувствовал себя беспомощным, как грудной младенец, ступая ногами, которых не видел. Я был очень слаб и голоден. Подойдя к зеркалу, перед которым я обыкновенно брился, я увидел пустоту, в которой еле-еле можно было еще различить туманные следы пигмента на сетчатой оболочке глаз. Я схватился за край стола и прижался лбом к зеркалу.

Только отчаянным напряжением воли я заставил себя вернуться к аппарату и закончить процесс.

Я проспал все утро, закрыв лицо простыней, чтобы защитить глаза от света; около полудня ме-

ня снова разбудил стук в дверь. Силы вернулись ко мне. Я сел, прислушался и услышал шепот. Я вскочил и принялся без шума разбирать аппарат, рассовывая отдельные части его по разным углам, чтобы невозможно было догадаться об его устройстве. Снова раздался стук, и послышались голоса — сначала голос хозяина, а потом еще два, незнакомые. Чтобы выиграть время, я ответил им. Мне попались под руку невидимая тряпка и подушка, и я выбросил их через окно на соседнюю крышу. Когда я открывал окно, дверь оглушительно затрещала. По-видимому, кто-то налег на нее плечом, надеясь высадить замок. Крепкие засовы, приделанные мной за несколько дней до этого, не поддавались. Однако сама попытка встревожила и возмутила меня. Весь дрожа, я стал торопливо заканчивать свои приготовления.

Я собрал в кучу валявшиеся на полу черновики записей, немного соломы, оберточную бумагу и тому подобный хлам и открыл газ. В дверь посыпались тяжелые и частые удары. Я никак не мог найти спички. В бешенстве я стал колотить по стене кулаком. Я снова завернул газовый рожок, вылез из окна на соседнюю крышу, очень тихо опустил раму и сел — в полной безопасности,

невидимый, но дрожа от гнева и нетерпения. Я видел, как от двери оторвали доску, затем отбили скобы засовов и в комнату вошли хозяин и два его пасынка — два дюжих парня двадцати трех и двадцати четырех лет. Следом за ними семенила старая ведьма, жившая внизу.

Можете себе представить их изумление, когда они нашли комнату пустой. Один из парней сразу подбежал к окну, открыл его и стал оглядываться кругом. Его толстогубая бородатая физиономия с выпученными глазами была от меня на расстоянии фута. Меня так и подмывало хватить кулаком по этой глупой роже, но я сдержался. Он глядел прямо сквозь меня, как и все остальные, которые подошли к нему. Старик вернулся в комнату и заглянул под кровать, а потом все они бросились к буфету. Затем они стали горячо обсуждать происшествие, мешая еврейский жаргон с жаргоном лондонских предместий. Они пришли к заключению, что я вовсе не отвечал на стук и что им это только почудилось. Мой гнев уступил место чувству необычайного торжества: я сидел за окном и спокойно следил за этими четырьмя людьми — старуха тоже вошла в комнату, по-кошачьи подозрительно озираясь, — пытавшимися разрешить загадку моего поведения.

Старик, насколько я мог понять его двуязычный жаргон, соглашался со старухой, что я занимаюсь вивисекцией. Пасынки возражали на ломаном английском языке, утверждая, что я электротехник, и в доказательство ссылались на динамо-машины и излучающие аппараты. Они все побаивались моего возвращения, хотя, как я узнал впоследствии, заперли наружную дверь. Старуха шарила в буфете и под кроватью, а на площадке лестницы появился один из моих соседей по квартире, уличный разносчик, живший вместе с мясником в комнате напротив. Его также пригласили в мою комнату и наговорили ему невесть что.

Мне пришло в голову, что если мои аппараты попадут в руки наблюдательного и толкового специалиста, то они слишком многое откроют ему; поэтому, улучив минуту, я влез в комнату, разъединил динамо-машины и разбил оба аппарата. До чего же они переполошились! Затем, пока они старались объяснить себе это, я выскользнул из комнаты и тихонько спустился вниз.

Я вошел в гостиную и стал ожидать их возвращения; вскоре они пришли, все еще обсуждая происшествие и стараясь найти ему объяснение. Они были немного разочарованы, не найдя ника-

ких «ужасов», и в то же время сильно смущены, не зная, насколько законно они действовали по отношению ко мне. Как только они спустились вниз, я снова пробрался к себе в комнату, захватив коробку спичек, зажег бумагу и мусор, придвинул к огню стулья и кровать, при помощи гуттаперчевой трубки подвел к пламени газ и простился с комнатой.

— Вы подожгли дом? — воскликнул Кемп.

— Да. Это было единственное средство замести следы, а дом, безусловно, был застрахован… Я отодвинул засов наружной двери и вышел на улицу. Я был невидим и еще только начинал сознавать, какие преимущества это давало мне. Сотни самых дерзких и фантастических планов возникали в моем мозгу, и от сознания полной безнаказанности кружилась голова.

Глава XXI
На Оксфорд-стрит

Спускаясь в первый раз по лестнице, я натолкнулся на неожиданное затруднение: ходить, не видя своих ног, оказалось делом нелегким, несколько раз я даже споткнулся. Кроме того, я ощутил какую-то непривычную неловкость, когда взялся за дверной засов. Однако, перестав глядеть на землю, я скоро научился сносно ходить по ровному месту.

Настроение у меня, как я уже сказал, было восторженное. Я чувствовал себя точно зрячий в городе слепых, расхаживающий в мягких туфлях и бесшумных одеждах. Меня все время подмывало подшучивать над людьми, пугать их, хлопать по плечу, сбивать с них шляпы и вообще упиваться необычайным преимуществом своего положения.

Но едва я очутился на Портленд-стрит (я жил рядом с большим мануфактурным магазином), как услышал звон и почувствовал сильный толчок в спину. Обернувшись, я увидел человека, несшего корзину сифонов с содовой водой и в

изумлении глядевшего на свою ношу. Удар был очень чувствительный, но человек этот выглядел так комично, что я громко расхохотался. «В корзине черт сидит», — сказал я и неожиданно выхватил ее у него из рук. Он покорно выпустил ее, и я поднял корзину на воздух.

Но тут какой-то болван-извозчик, стоявший в дверях пивной, подскочил и хотел схватить корзину, и его протянутая рука угодила мне под ухо, причинив мучительную боль. Я выпустил корзину, которая с треском и звоном упала у ног извозчика, и только среди крика и топота выбежавших из лавок людей, среди остановившихся экипажей сообразил, что я наделал. Проклиная свое безумие, я прислонился к окну лавки и стал выжидать случая незаметно выбраться из сутолоки. Еще минута — и меня втянули бы в толпу, где мое присутствие было бы обнаружено. Я толкнул мальчишку из мясной лавки, к счастью не заметившего, что его толкнула пустота, и спрятался за пролеткой извозчика. Не знаю, как они распутали эту историю. Я перебежал улицу, на которой, к счастью, не оказалось экипажей, и, напуганный разыгравшимся скандалом, торопливо шел, не разбирая дороги, пока не попал на Оксфорд-стрит, где в вечерние часы всегда полно народу.

Я пытался слиться с потоком людей, но толпа была слишком густа, и через минуту мне стали наступать на пятки. Тогда я спустился в водосточную канаву. Мне было больно ступать босиком, и через минуту оглоблей ехавшей мимо кареты мне угодило под лопатку, по тому самому месту, которое уже ушибли корзиной. Я кое-как уклонился от кареты, судорожным движением избежал столкновения с детской коляской и очутился позади какой-то пролетки. Счастливая мысль спасла меня: я пошел следом за медленно двигавшейся пролеткой, не отставая от нее ни на шаг. Мое приключение, принявшее столь неожиданный оборот, начинало пугать меня. И я дрожал не только от страха, но и от холода. В этот ясный январский день я был совершенно голый, а тонкий слой грязи на мостовой почти замерз. Как это ни глупо, но я не сообразил, что — прозрачный или нет — я все же подвержен действию погоды и простуде.

Тут мне пришла в голову блестящая мысль. Я забежал вперед и сел в пролетку. Дрожа от холода, испуганный, с первыми признаками насморка, с ушибами и ссадинами на спине, все сильнее дававшими себя чувствовать, я медленно ехал по Оксфорд-стрит и дальше по Тоттенхем-Корт-роуд.

Настроение мое совершенно не походило на то, с каким десять минут назад я вышел из дому. Вот она, моя невидимость! Меня занимала только одна мысль: как выбраться из скверного положения, в какое я попал?

Мы тащились мимо книжной лавки Мьюди; тут какая-то высокая женщина, нагруженная пачкой книг в желтых обложках, окликнула моего извозчика, и я едва успел выскочить, чуть не попав при этом под вагон конки. Я направился к Блумсбери-сквер, намереваясь свернуть за музеем к северу, чтобы добраться до малолюдных кварталов. Я окоченел, и нелепость моего положения так угнетала меня, что я всхлипывал на ходу. На углу Блумсбери-сквер из конторы Фармацевтического общества выбежала белая собачонка и немедленно погналась за мной, обнюхивая землю.

Раньше мне никогда не приходило в голову, что для собаки нос то же, что для человека глаза. Собаки чуют носом движения человека, подобно тому как люди видят их глазами. Мерзкая тварь стала лаять и прыгать вокруг меня, слишком ясно показывая, что она осведомлена о моем присутствии. Я пересек Грейт-Рассел-стрит, все время оглядываясь через плечо, и, только углубившись

в Монтегю-стрит, заметил, что́ движется мне навстречу.

До меня донеслись громкие звуки музыки, и я увидел большую толпу, шедшую со стороны Рассел-сквер, — красные куртки, а впереди знамя Армии спасения. Я не надеялся пробраться незаметно сквозь толпу, запрудившую всю улицу, а повернуть назад, уйти еще дальше на окраину я боялся. Поэтому я тут же принял решение: быстро взбежал на крыльцо белого дома, прямо напротив ограды музея, и остановился в ожидании, пока пройдет толпа. К счастью, собачонка, заслышав музыку, перестала лаять, постояла немного в нерешительности и, поджав хвост, побежала назад, к Блумсбери-сквер.

Толпа приближалась, во все горло распевая гимн, показавшийся мне ироническим намеком: «Когда мы узрим его лик?» Она тянулась мимо меня бесконечно. «Бум, бум, бум», — гремел барабан, и я не сразу заметил, что два мальчугана остановились возле меня. «Глянь-ка», — сказал один. «А что?» — спросил другой. «Следы. Да босиком. Как будто кто по грязи шлепал».

Я поглядел вниз и увидел, что мальчишки, выпучив глаза, рассматривают грязные следы, оставленные мной на свежевыбеленных сту-

пеньках. Прохожие немилосердно толкали их, но они, увлеченные своим открытием, продолжали стоять возле меня. «Бум, бум, бум, когда, бум, узрим мы, бум, его лик, бум, бум…» — «Верно тебе говорю, кто-то взошел босиком на это крыльцо, — сказал один. — А вниз не спускался, и из ноги кровь шла».

Шествие уже скрывалось из глаз. «Гляди, Тед, гляди!» — крикнул младший из глазастых сыщиков в крайнем изумлении, указывая прямо на мои ноги. Я взглянул вниз и сразу увидел смутное очертание своих ног, обрисованное кромкой грязи. На минуту я остолбенел.

«Ах черт! — воскликнул старший. — Вот так штука! Точно привидение, ей-богу!» После некоторого колебания он подошел ко мне поближе и протянул руку. Какой-то человек сразу остановился, чтобы посмотреть, что это он ловит, потом подошла девушка. Еще секунда, и мальчишка коснулся бы меня. Тут я сообразил, как мне поступить. Шагнув вперед — мальчик с криком отскочил в сторону, — я быстро перелез через ограду на крыльцо соседнего дома. Но младший мальчуган уловил мое движение, и, прежде чем я успел спуститься на тротуар, он оправился от минутного замешательства и стал кричать, что

ноги перескочили через ограду.

Все бросились туда и увидели, как на нижней ступеньке и на тротуаре с быстротой молнии появляются новые следы.

«В чем дело?» — спросил кто-то. «Ноги! Глядите. Бегут ноги!»

Весь народ на улице, кроме моих трех преследователей, спешил за Армией спасения, и этот поток задерживал не только меня, но и погоню. Со всех сторон сыпались вопросы и раздавались возгласы изумления. Сбив с ног какого-то юношу, я пустился бежать вокруг Рассел-сквер, а человек шесть или семь изумленных прохожих мчались по моему следу. Объясняться, к счастью, им было некогда, а то вся толпа, наверное, кинулась бы за мной.

Дважды я огибал углы, трижды перебегал через улицу и возвращался назад той же дорогой. Ноги мои согрелись, высохли и уже не оставляли мокрых следов. Наконец, улучив минуту, я начисто вытер ноги руками и таким образом окончательно скрылся. Последнее, что я видел из погони, были человек десять, сбившиеся кучкой и с безграничным недоумением разглядывавшие медленно высыхавший отпечаток ноги, угодившей в лужу на Тэвисток-сквер, — единственный

отпечаток, столь же необъяснимый, как тот, на который наткнулся Робинзон Крузо.

Это бегство до некоторой степени согрело меня, и я стал пробираться по лабиринту малолюдных улочек и переулков уже в более бодром настроении. Спину ломило, под ухом ныло от удара, нанесенного извозчиком, кожа была расцарапана его ногтями, ноги сильно болели, и из-за пореза на ступне я прихрамывал. Ко мне приблизился какой-то слепой, но я вовремя заметил его и шарахнулся в сторону, опасаясь его тонкого слуха. Несколько раз я случайно сталкивался с прохожими; они останавливались в недоумении, оглушенные неизвестно откуда раздававшейся бранью. А потом я почувствовал на лице что-то мягкое, и площадь стала покрываться тонким слоем снега. Я, очевидно, простудился и не мог удержаться, чтобы время от времени не чихнуть. А каждая собака, которая попадалась мне на пути и начинала, вытянув морду, с любопытством обнюхивать мои ноги, внушала мне ужас.

Потом мимо меня с криком пробежал человек, за ним другой, третий, а через минуту целая толпа взрослых и детей стала обгонять меня. Они спешили на пожар и бежали по направлению к моему дому. Заглянув в переулок, я увидел густое

облако дыма, поднимавшееся над крышами и телефонными проводами. Я не сомневался, что это горит моя квартира; вся моя одежда, аппараты, все мое имущество осталось там, за исключением чековой книжки и трех томов заметок, которые ждали меня на Грейт-Портленд-стрит. Я сжег свои корабли — вернее верного! Весь дом пылал.

Невидимка умолк и задумался. Кемп тревожно посмотрел в окно.

— Ну? — сказал он. — Продолжайте.

Глава XXII
В универсальном магазине

— Итак, в январе, в снег и метель, — а стоило снегу покрыть меня, и я был бы обнаружен! — усталый, простуженный, с ломотой во всем теле, невыразимо несчастный и все еще лишь наполовину убежденный в преимуществах своей невидимости, начал я новую жизнь, на которую сам себя обрек. У меня не было ни пристанища, ни средств к существованию, не было ни одного человека во всем мире, которому я мог бы довериться. Раскрыть тайну значило бы отказаться от своих широких планов на будущее: меня просто стали бы показывать как диковинку. Тем не менее я чуть было не решил подойти к какому-нибудь прохожему и отдаться на его милость. Но я слишком хорошо понимал, какой ужас и какую бесчеловечную жестокость возбудила бы такая попытка. Пока что мне было не до новых планов. Я старался только укрыться от снега, закутаться и согреться — тогда можно было бы подумать и о будущем. Но даже для меня, человека-невидимки, ряды запертых лондонских домов были

неприступны.

Только одно видел я тогда отчетливо перед собой: холод, бесприютность и страдания предстоящей ночи среди снежной вьюги. И вдруг меня осенила блестящая мысль. Я свернул на улицу, ведущую от Гауэр-стрит к Тоттенхем-Кортроуд, и очутился перед огромным магазином «Omnium» — вы знаете его, там торгуют решительно всем: мясом, бакалеей, бельем, мебелью, платьем, даже картинами. Это скорее гигантский лабиринт всевозможных лавок, чем один магазин. Я надеялся, что двери магазина будут открыты, но они были закрыты. Пока я стоял перед входом, подъехал экипаж, и швейцар в ливрее, с надписью «Omnium» на фуражке, распахнул дверь. Мне удалось проскользнуть внутрь, и, пройдя первое помещение — это был отдел лент, перчаток, чулок и тому подобное, — я попал в более обширное помещение, где продавались корзины и плетеная мебель.

Однако я не чувствовал себя в полной безопасности, так как тут все время толклись покупатели. Я стал бродить по магазину, пока не попал в огромный отдел на верхнем этаже, который весь был заставлен кроватями. Здесь я наконец нашел себе приют на огромной куче тюфяков. В

магазине уже зажгли огонь, было очень тепло; я решил остаться в своем убежище и, внимательно следя за приказчиками и покупателями, расхаживавшими по мебельному отделу, стал дожидаться часа, когда магазин закроют. «Когда все уйдут, — думал я, — я добуду себе и пищу, и платье, обойду весь магазин, узнаю его запасы и, пожалуй, даже посплю на одной из кроватей». Этот план казался мне осуществимым. Я хотел достать платье, чтобы превратиться в закутанную, но все же не возбуждающую особых подозрений фигуру, раздобыть денег, получить свои книги из почтовой конторы, снять где-нибудь комнату и разработать план использования тех преимуществ над моими ближними, которые давала мне моя невидимость.

Время закрытия магазина наступило довольно скоро, с тех пор как я забрался на груду тюфяков, прошло не больше часа, и вот я заметил, что шторы на окнах спущены, а последних покупателей выпроваживают. Потом множество проворных молодых людей принялись с необыкновенной быстротой убирать товары, лежавшие в беспорядке на прилавках. Когда толпа стала редеть, я оставил свое логово и осторожно пробрался поближе к центральным отделам магазина. Меня

поразила быстрота, с какой целая армия юношей и девушек убирала все, что было выставлено днем для продажи. Все картонки, ткани, гирлянды кружев, ящики со сластями в кондитерском отделении, всевозможные предметы, разложенные на прилавках, — все это убиралось, сворачивалось и складывалось на хранение, а то, чего нельзя было убрать и спрятать, прикрывалось чехлами из какой-то грубой материи вроде парусины. Наконец все стулья были нагромождены на прилавки, на полу не осталось ничего. Окончив свое дело, молодые люди поспешили уйти с выражением такой радости на лице, какой я никогда еще не видел у приказчиков. Потом появилась орава подростков с опилками, ведрами и щетками. Мне приходилось то и дело увертываться от них, но все же опилки попадали мне на ноги. Разгуливая по темным, опустевшим помещениям, я еще довольно долго слышал шарканье щеток. Наконец через час с лишним после закрытия магазина я услышал, что запирают двери. Воцарилась тишина, и я очутился один в огромном лабиринте отделений и коридоров. Было очень тихо: помню, как, проходя мимо одного из выходов на Тоттенхем-Корт-роуд, я услышал звук шагов прохожих.

Прежде всего я направился в отдел, где видел

чулки и перчатки. Было темно, и я еле разыскал спички в ящике небольшой конторки. Но еще нужно было добыть свечку. Пришлось стаскивать покрышки и шарить по ящикам и коробкам, но в конце концов я все же нашел то, что искал: свечи лежали в ящике, на котором была надпись: «Шерстяные панталоны и фуфайки». Потом я взял носки и толстый шерстяной шарф, после чего направился в отделение готового платья, где взял брюки, мягкую куртку, пальто и широкополую шляпу вроде тех, что носят священники. Я снова почувствовал себя человеком и прежде всего подумал о еде.

На верхнем этаже оказалась закусочная, и там я нашел холодное мясо. В кофейнике осталось немного кофе, я зажег газ и подогрел его. В общем я устроился недурно. Затем я отправился на поиски одеяла — в конце концов мне пришлось удовлетвориться ворохом пуховых перин — и попал в кондитерский отдел, где нашел целую груду шоколада и засахаренных фруктов, которыми чуть не объелся, и несколько бутылок бургундского. А рядом помещался отдел игрушек, которые навели меня на блестящую мысль: я нашел несколько искусственных носов — знаете, из папье-маше — и тут же подумал о темных очках.

К сожалению, здесь не оказалось оптического отдела. Но ведь нос был для меня очень важен; сперва я подумал даже о гриме. Раздобыв себе искусственный нос, я начал мечтать о париках, масках и прочем. Наконец я заснул на куче перин, где было очень тепло и удобно.

Еще ни разу, с тех пор как со мной произошла эта необычайная перемена, я не чувствовал себя так хорошо, как в тот вечер, засыпая. Я находился в состоянии полной безмятежности и был настроен весьма оптимистически. Я надеялся, что утром незаметно выберусь из магазина, одевшись и закутав лицо белым шарфом; затем куплю на украденные мною деньги очки, и таким образом экипировка моя будет закончена. Ночью мне снились вперемешку все удивительные происшествия, которые случились со мной за последние несколько дней. Я видел бранящегося еврея-домохозяина, его недоумевающих пасынков, сморщенное лицо старухи, справляющейся о своей кошке. Я снова испытывал странное ощущение при виде исчезнувшей белой ткани. Затем мне представился родной городок и простуженный старичок-викарий, шамкающий над могилой моего отца: «Из земли взят и в землю отыдешь…»

«И ты», — сказал чей-то голос, и вдруг меня потащили к могиле. Я вырывался, кричал, умолял могильщиков, но они стояли неподвижно и слушали отпевание; старичок-викарий тоже, не останавливаясь, монотонно читал молитвы и прерывал свое чтение лишь чиханьем. Я сознавал, что, не видя меня и не слыша, они все-таки меня одолели. Несмотря на мое отчаянное сопротивление, меня бросили в могилу, и я, падая, ударился о гроб, а сверху меня стали засыпать землей. Никто не замечал меня, никто не подозревал о моем существовании. Я стал судорожно барахтаться — и проснулся.

Бледная лондонская заря уже занималась: сквозь щели между оконными шторами проникал холодный серый свет. Я сел и долго не мог сообразить, что это за огромное помещение с железными столбами, с прилавками, грудами свернутых материй, кучей одеял и подушек. Затем вспомнил все и услышал чьи-то голоса.

Издали, из комнаты, где было светлее, так как шторы там были уже подняты, ко мне приближались двое. Я вскочил, соображая, куда скрыться, и это движение выдало им мое присутствие. Я думал, что они успели заметить только проворно удаляющуюся фигуру. «Кто тут?» — крикнул

один. «Стой!» — закричал другой. Я свернул за угол и столкнулся с тощим парнишкой лет пятнадцати. Не забудьте, что я был фигурой без лица! Он взвизгнул, а я сшиб его с ног, бросился дальше, свернул еще за угол, и тут у меня мелькнула счастливая мысль: я распластался за прилавком. Еще минута — и я услышал шаги бегущих людей, отовсюду раздались крики: «Двери, заприте двери!», «Что случилось?» — и со всех сторон посыпались советы, как изловить меня.

Я лежал на полу, перепуганный насмерть. Как это ни странно, в ту минуту мне не пришло в голову, что надо раздеться, а между тем это было бы самое простое. Я решил уйти одетый, и эта мысль завладела мной. Потом по длинному проходу между прилавками разнесся крик: «Вот он!»

Я вскочил, схватил с прилавка стул и пустил им в болвана, который первый крикнул это, потом побежал, наткнулся за углом на другого, отшвырнул его и бросился вверх по лестнице. Он удержался на ногах и с улюлюканьем погнался за мной. На верху лестницы были нагромождены кучи этих пестрых расписных посудин, знаете?

— Горшки для цветов, — подсказал Кемп.

— Вот-вот, цветочные горшки. На верхней ступеньке я остановился, обернулся, выхватил из

кучи один горшок и швырнул его в голову подбежавшего болвана. Вся куча горшков рухнула, раздались крики, и со всех сторон стали сбегаться служащие. Я со всех ног кинулся в закусочную. Но там был какой-то человек в белом, вроде повара, и он тоже погнался за мной. Я сделал последний отчаянный поворот и очутился в отделе ламп и скобяных товаров. Я забежал за прилавок и стал поджидать повара. Как только он появился впереди погони, я пустил в него лампой. Он упал, а я, скорчившись за прилавком, начал поспешно сбрасывать с себя одежду. Куртка, брюки, башмаки — все это удалось скинуть довольно быстро, но эти проклятые фуфайки пристают к телу, как собственная кожа. Повар лежал неподвижно по другую сторону прилавка, оглушенный ударом или перепуганный до потери сознания, но я слышал топот, погоня приближалась, и я должен был снова спасаться бегством, точно кролик, выгнанный из кустов.

«Сюда, полисмен!» — крикнул кто-то. Я снова очутился в мебельном отделе, в конце которого стоял целый лес платяных шкафов. Я забрался в самую гущу, лег на пол и, извиваясь как угорь, освободился наконец от фуфайки. Когда из-за угла появился полисмен и трое служащих, я стоял

уже голый, задыхаясь и дрожа от страха. Они набросились на жилетку и кальсоны, уцепились за брюки. «Он бросил свою добычу, — сказал один из приказчиков. — Наверняка он где-нибудь здесь».

Но они меня не нашли.

Я стоял, глядя, как они ищут меня, и проклинал судьбу за свою неудачу, ибо одежды я все-таки лишился. Потом я отправился в закусочную, выпил немного молока и, сев у камина, стал обдумывать свое положение.

Вскоре пришли два приказчика и стали горячо обсуждать происшествие. Какой вздор они мололи! Я услышал сильно преувеличенный рассказ о произведенных мною опустошениях и всевозможные догадки о том, куда я подевался. Потом я снова стал обдумывать план действий. Стащить что-нибудь в магазине теперь, после всей этой суматохи, было совершенно невозможно. Я спустился в склад посмотреть, не удастся ли упаковать и как-нибудь отправить оттуда сверток, но не понял их системы контроля. Около одиннадцати часов я решил, что в магазине оставаться бессмысленно, и, так как снег растаял и было теплей, чем накануне, вышел на улицу. Я был в отчаянии от своей неудачи, а относительно будущего планы мои были самые смутные.

Глава XXIII
На Друри-лейн

— Теперь вы можете себе представить, — продолжал Невидимка, — как невыгодно было мое положение. У меня не было ни крова, ни одежды. Одеться — значило отказаться от всех моих преимуществ, превратиться в нечто странное и страшное. Я ничего не ел, так как принимать пищу, то есть наполнять себя непрозрачным веществом, значило бы стать безобразно видимым.

— Об этом я не подумал, — сказал Кемп.

— Да и я тоже. А снег открыл мне глаза на другие опасности. Я не мог выходить на улицу, когда шел снег: он облеплял меня и таким образом выдавал. Дождь тоже выдавал бы мое присутствие, очерчивая меня водяным контуром и превращая в поблескивающую фигуру человека — в пузырь. А туман? При тумане я тоже превращался бы в мутный пузырь, в размытый силуэт человека. Кроме того, бродя по улицам при лондонском климате, я пачкал ноги, и на коже оседали сажа и пыль. Я не знал, скоро ли грязь выдаст меня. Но я ясно понимал, что это время не за горами, поскольку

речь шла о Лондоне. Я направился к трущобам в районе Грейт-Портленд-стрит и очутился в конце улицы, где жил прежде. Я не пошел этой дорогой, потому что перед еще дымившимися развалинами дома, который я поджег, стояла густая толпа. Мне необходимо было достать платье. Я не знал, чем прикрыть лицо. Тут мне бросилась в глаза одна из тех лавчонок, где продается все: газеты, сласти, игрушки, канцелярские принадлежности, елочные украшения и так далее; в витрине я увидел целую выставку масок и носов. Это снова навело меня на ту же мысль, что и вид игрушек в «Omnium». Я повернул назад уже с определенной целью и, избегая многолюдных улиц, направился к глухим кварталам к северу от Стрэнда: я вспомнил, что где-то в этих местах торгуют своими изделиями несколько театральных костюмеров.

День был холодный, дул пронзительный северный ветер. Я шел быстро, чтобы на меня не натыкались сзади. Каждый перекресток представлял для меня опасность, за каждым прохожим я должен был зорко следить. В конце Бедфорд-стрит какой-то человек, мимо которого я проходил, неожиданно повернулся и, налетев на меня, сшиб меня на мостовую, где я едва не попал под колеса пролетки. Оказавшиеся поблизости извозчики

решили, что с ним случилось что-то вроде удара. Это столкновение так подействовало на меня, что я зашел на рынок Ковент-Гарден и там сел в уголок, возле лотка с фиалками, задыхаясь и дрожа от страха. Я, видно, сильно простудился и вынужден был вскоре уйти, чтобы не привлечь внимания своим чиханьем.

Наконец я достиг цели своих поисков — это была грязная, засиженная мухами лавчонка в переулке близ Друри-лейн, где в окне были выставлены театральные костюмы, поддельные драгоценности, парики, туфли, домино и фотографии актеров. Лавка была старинная, низкая и темная, а над нею высились еще четыре этажа мрачного, угрюмого дома. Я заглянул в окно и, не увидев никого в лавке, вошел. Звякнул колокольчик. Я оставил дверь открытой, а сам шмыгнул мимо манекена и спрятался в углу за большим трюмо. С минуту никто не появлялся. Потом я услышал в лавке чьи-то тяжелые шаги.

Я успел уже составить план действий. Я предполагал пробраться в дом, спрятаться где-нибудь наверху, дождаться удобной минуты и, когда все стихнет, подобрать себе парик, маску, очки и костюм, а там незаметно выскользнуть на улицу, может быть, в весьма нелепом, но все же правдо-

подобном виде. Между прочим, я надеялся унести и деньги, какие попадутся под руку.

Хозяин лавки был маленький тощий горбун с нахмуренным лбом, длинными неловкими руками и очень короткими кривыми ногами. По-видимому, мой приход оторвал его от еды. Он оглядел лавку, ожидание на его лице сменилось сначала изумлением, а потом гневом, когда он увидел, что в лавке никого нет. «Черт бы побрал этих мальчишек!» — проворчал он. Потом вышел на улицу и огляделся. Через минуту он вернулся, с досадой захлопнул дверь ногой и, бормоча что-то про себя, ушел внутрь дома.

Я выбрался из своего убежища, чтобы последовать за ним, но, услышав мое движение, он остановился как вкопанный. Остановился и я, пораженный тонкостью его слуха. Он захлопнул дверь перед самым моим носом.

Я стоял в нерешительности. Вдруг я снова услышал его быстрые шаги, и дверь опять открылась. Он стал оглядывать лавку: как видно, его подозрения еще не рассеялись окончательно. Затем, все так же что-то бормоча, он осмотрел с обеих сторон прилавок, заглянул под стоявшую в лавке мебель. После этого он остановился, опасливо озираясь. Так как он оставил дверь открытой, я

шмыгнул в соседнюю комнату.

Это была странная каморка, убого обставленная, с грудой масок в углу. На столе стоял остывший завтрак. Поверьте, Кемп, мне было нелегко стоять там, вдыхая запах кофе, и смотреть, как он принялся за еду. А ел он очень неаппетитно. В комнате было три двери, из которых одна вела наверх, обе другие — вниз, но все они была закрыты. Я не мог выйти из комнаты, пока он был там, не мог даже двинуться с места из-за его дьявольской чуткости, а в спину мне дуло. Два раза я чуть было не чихнул.

Ощущения мои были необычны и интересны, но вместе с тем я чувствовал невыносимую усталость и насилу дождался, пока он кончил свой завтрак. Наконец он насытился, поставил свою жалкую посуду на черный жестяной поднос, на котором стоял кофейник, и, собрав крошки с запачканной горчицей скатерти, двинулся с подносом к двери. Так как руки его были заняты, он не мог закрыть за собой дверь, что ему, видимо, хотелось сделать. Никогда в жизни не видел человека, который так любил бы затворять двери! Я последовал за ним в подвал, в грязную, темную кухню. Там я имел удовольствие видеть, как он мыл посуду, а затем, не ожидая никако-

го толка от моего пребывания внизу, где мои босые ноги вдобавок стыли на каменном полу, я вернулся наверх и сел в его кресло у камина. Так как огонь угасал, то я, не подумав, подбросил углей. Этот шум немедленно привлек хозяина, он прибежал в волнении и начал обшаривать комнату, причем один раз чуть не задел меня. Но и этот тщательный осмотр, по-видимому, мало удовлетворил его. Он остановился в дверях и, прежде чем спуститься вниз, еще раз внимательно оглядел всю комнату.

Я просидел в маленькой гостиной целую вечность. Наконец он вернулся и открыл дверь наверх. Мне удалось проскользнуть вслед за ним.

На лестнице он вдруг остановился, так что я чуть не наскочил на него. Он стоял, повернув голову, глядя мне прямо в лицо и внимательно прислушиваясь. «Готов поклясться…» — сказал он. Длинной волосатой рукой он пощипывал нижнюю губу. Взгляд его скользил по лестнице. Что-то пробурчав, он стал подниматься наверх.

Уже взявшись за ручку двери, он снова остановился с выражением того же сердитого недоумения на лице. Он явно улавливал шорох моих движений. Этот человек, по-видимому, обладал

исключительно тонким слухом. Вдруг им овладело бешенство. «Если кто-нибудь забрался в дом!..» — закричал он, крепко выругавшись, и, не докончив угрозы, сунул руку в карман. Не найдя там того, что искал, он шумно бросился мимо меня вниз. Но я за ним не последовал, а уселся на верхней ступеньке лестницы и стал ждать его возвращения.

Вскоре он появился снова, все еще что-то бормоча. Он открыл дверь, но, прежде чем я успел войти, захлопнул ее перед моим носом.

Я решил осмотреть дом и потратил на это некоторое время, стараясь двигаться как можно тише. Дом был совсем ветхий, до того сырой, что обои отстали от стен, и полный крыс. Почти все дверные ручки поворачивались очень туго, и я боялся их трогать. Некоторые комнаты были совсем без мебели, а другие завалены театральным хламом, купленным, если судить по его виду, из вторых рук. В небольшой комнате рядом со спальней я нашел ворох старого платья. Я стал нетерпеливо рыться в нем и, увлекшись, забыл о тонком слухе хозяина. Я услышал крадущиеся шаги и поднял голову как раз вовремя: хозяин появился на пороге со старым револьвером в руке и уставился на развороченную кучу платья. Я стоял, не шевелясь,

все время, пока он с разинутым ртом подозрительно оглядывал комнату: «Должно быть, это она, — пробормотал он. — Черт бы ее побрал!» Он бесшумно закрыл дверь и сейчас же запер ее на ключ. Я услышал его удаляющиеся шаги. И вдруг я понял, что заперт. В первую минуту я растерялся. Прошел от двери к окну и обратно, остановился, не зная, что делать. Меня охватило бешенство. Но я решил прежде всего осмотреть платье, и первая же моя попытка стащить узел с верхней полки снова привлекла хозяина. Он явился еще более мрачный, чем раньше. На этот раз он коснулся меня, отскочил и, пораженный, остановился, разинув рот, посреди комнаты.

Вскоре он несколько успокоился. «Крысы», — сказал он вполголоса, приложив палец к губам. Он явно был несколько испуган. Я бесшумно вышел из комнаты, но при этом скрипнула половица. Тогда этот дьявол стал ходить по всему дому с револьвером наготове, запирая подряд все двери и пряча ключи в карман. Сообразив, что он задумал, я пришел в такую ярость, что чуть было не упустил удобный случай. Я теперь точно знал, что он один во всем доме. Поэтому я без всяких церемоний хватил его по голове.

— Хватили по голове?! — воскликнул Кемп.

— Да, оглушил его, когда он шел вниз. Ударил стулом, который стоял на площадке лестницы; он покатился вниз, как мешок со старой обувью.

— Но позвольте, простая гуманность…

— Простая гуманность годится для обыкновенных людей. Вы поймите, Кемп, мне во что бы то ни стало нужно было выбраться из этого дома одетым и так, чтобы он меня не видел. Другого способа я не мог придумать. Потом я заткнул ему рот камзолом эпохи Людовика Четырнадцатого и завязал его в простыню.

— Завязали в простыню?

— Сделал из него нечто вроде узла. Хорошее средство, чтобы напугать этого идиота и лишить его возможности кричать и двигаться, а выбраться из этого узла было не так-то просто. Дорогой Кемп, нечего сидеть и глазеть на меня как на убийцу. У него ведь был револьвер. А если бы он увидел меня, то мог бы описать мою наружность…

— Но все же, — сказал Кемп, — в Англии, в наше время… И ведь человек этот был у себя дома, а вы… вы совершали грабеж!

— Грабеж? Черт знает что такое! Вы еще, пожалуй, назовете меня вором. Надеюсь, Кемп, вы не настолько глупы, чтобы плясать под старую

дудку. Неужели вы не можете понять, каково мне было?

— Могу. Но каково было ему! — сказал Кемп.

Невидимка быстро вскочил.

— Что вы сказали? — спросил он.

Лицо Кемпа приняло суровое выражение. Он хотел было заговорить, но удержался.

— Впрочем, — сказал он, вдруг меняя тон, — пожалуй, ничего другого вам не оставалось. Ваше положение было безвыходным. А все же…

— Конечно, я был в безвыходном положении, в ужасном положении! Да и горбун довел меня до бешенства: гонялся за мной по всему дому, угрожал своим дурацким револьвером, отпирал и запирал двери… Это было невыносимо! Вы ведь не вините меня, правда? Не вините?

— Я никогда никого не виню, — ответил Кемп. — Это совершенно вышло из моды. Ну а что вы сделали потом?

— Я был голоден. Внизу я нашел каравай хлеба и немного прогорклого сыра, этого было достаточно, чтобы утолить мой голод. Потом я выпил немного коньяку с водой и прошел мимо завязанного в простыню узла — он лежал не шевелясь — в комнату со старым платьем. Окно этой комнаты, завешенное грязной кружевной занавеской,

выходило на улицу. Я осторожно выглянул. День был яркий, ослепительно-яркий по сравнению с сумраком угрюмого дома, в котором я находился. Улица была очень оживленная: тележки с фруктами, пролетки, ломовик с кучей ящиков, повозка рыботорговца. У меня зарябило в глазах, и я вернулся к полутемным полкам. Возбуждение мое улеглось, я трезво оценил положение. В комнате стоял слабый запах бензина, употреблявшегося, очевидно, для чистки платья.

Я начал тщательно осматривать комнату за комнатой. Очевидно, горбун уже давно жил в этом доме один. Любопытная личность… Все, что только могло мне пригодиться, я собрал в комнату, где лежали костюмы, потом стал тщательно отбирать. Я нашел саквояж, который мог оказаться мне очень полезным, пудру, румяна и липкий пластырь.

Сначала я хотел было накрасить и напудрить лицо, чтобы сделать его видимым, но тут же сообразил, что в этом есть большое неудобство: для того, чтобы снова исчезнуть, мне понадобился бы скипидар и некоторые другие средства, не говоря уж о том, что это отнимало бы много времени. Наконец я выбрал маску, слегка карикатурную, но не более, чем многие человеческие лица, темные

очки, бакенбарды с проседью и парик. Белья я не нашел, но его можно было приобрести впоследствии, а пока что я закутался в миткалевый плащ и белый кашемировый шарф; носков не было, но башмаки горбуна пришлись почти впору. В кассе оказалось три соверена и на тридцать шиллингов серебра, а взломав шкаф, я нашел восемь фунтов золотом. Снаряженный таким образом, я снова мой выйти на белый свет.

Тут на меня напало сомнение: действительно ли моя наружность правдоподобна? Я внимательно осмотрел себя в маленьком зеркальце, поворачиваясь то так, то этак, проверяя, не упустил ли я чего-нибудь. Нет, как будто все в порядке: фигура, конечно, гротескная, вроде театрального нищего, но общий вид сносный, бывают и такие люди. Немного успокоенный, я сошел с зеркальцем в лавку, опустил занавески и снова осмотрел себя со всех сторон в трюмо.

Несколько минут я собирался с духом, наконец отпер дверь и вышел на улицу, предоставив маленькому горбуну собственными силами выбираться из простыни. Сначала я сворачивал за угол на каждом перекрестке. Мой вид не привлекал ничьего внимания. Казалось, я перешагнул через последнее препятствие.

Он замолчал.

— А горбуна вы так и бросили на произвол судьбы? — спросил Кемп.

— Да, — сказал Невидимка. — Не знаю, что с ним сталось. Вероятно, он развязал простыню, вернее, разорвал ее. Узлы были крепкие.

Он снова замолчал, поднялся и стал смотреть в окно.

— Ну а потом вы вышли на Стрэнд, и что же дальше?

— О, снова разочарование! Я думал, что мытарства мои кончились. Воображал, что теперь я могу безнаказанно делать все, что вздумается, если только сохраню свою тайну. Так мне казалось. Я мог делать все, что угодно, не считаясь с последствиями: стоило только скинуть платье, чтоб исчезнуть. Задержать меня никто не мог. Деньги можно брать где угодно. Я решил задать себе великолепный пир, поселиться в хорошей гостинице и обзавестись новым имуществом. Самоуверенность моя не знала границ, даже вспоминать неприятно, каким я был ослом. Я зашел в ресторан, стал заказывать обед и вдруг сообразил, что, не открыв лица, не могу начать есть. Я заказал обед и вышел взбешенный, сказал официанту, что вернусь через десять минут. Не

знаю, приходилось ли вам, Кемп, голодному как волк, испытывать такое разочарование?

— Такое — никогда, — сказал Кемп, — но я вполне себе это представляю.

— Я готов был убить их, этих кретинов. Наконец, совсем измученный голодом, я зашел в другой ресторан и потребовал отдельную комнату. «Я изуродован, — сказал я. — Получил сильные ранения». Официанты смотрели на меня с любопытством, но расспрашивать, конечно, не смели, и я наконец пообедал. Сервировка оставляла желать лучшего, но я вполне насытился и, затянувшись сигарой, стал обдумывать, как быть дальше. На дворе начиналась вьюга.

Чем больше я думал, Кемп, тем яснее понимал, как беспомощен и нелеп невидимый человек в сыром и холодном климате, в огромном цивилизованном городе. До моего безумного опыта мне рисовались всевозможные преимущества. Теперь же я не видел ничего хорошего. Я перебрал в уме все, чего может желать человек. Правда, невидимость позволяла многого достигнуть, но не позволяла мне пользоваться достигнутым. Честолюбие? Но что в высоком звании, если обладатель его принужден скрываться? Какой толк в любви женщины, если она должна быть

Далилой? Меня не интересует ни политика, ни сомнительная популярность, ни филантропия, ни спорт. Что же мне оставалось? Чего ради я обратился в запеленатую тайну, в закутанную и забинтованную пародию на человека?

Он умолк и, казалось, посмотрел в окно.

— А как же вы очутились в Айпинге? — спросил Кемп, чтобы не дать оборваться разговору.

— Я поехал туда работать. У меня тогда мелькнула смутная надежда. Теперь эта мысль созрела. Вернуться в прежнее состояние. Вернуться, когда мне это понадобится, когда я невидимкой сделаю все, что хочу. Об этом-то прежде всего мне и надо поговорить с вами.

— Вы поехали прямо в Айпинг?

— Да. Получил свои заметки и чековую книжку, приобрел белье и все необходимое, заказал реактивы, при помощи которых хотел осуществить свой замысел (как только получу книги, покажу вам все вычисления), и поехал. Боже, что за метель была и как трудно было уберечь проклятый картонный нос, чтобы он не размок от снега!

— Если судить по газетам, — сказал Кемп, — третьего дня, когда вас обнаружили, вы немного…

— Да, немного… укокошил я этого болвана-полисмена?

— Нет, — сказал Кемп, — говорят, он выздоравливает.

— Ну, значит, ему повезло. Я совсем взбесился. Вот дураки! Чего они пристали ко мне? Ну а этот остолоп-лавочник?

— Смертных случаев не предвидится, — сказал Кемп.

— Что касается моего бродяги, — сказал Невидимка, зловеще посмеиваясь, — то это еще неизвестно. Ей-богу, Кемп, вам с вашим характером не понять, что такое бешенство! Работаешь долгие годы, придумываешь, строишь планы, и потом какой-нибудь безмозглый, тупой идиот становится тебе поперек дороги! Дураки всех сортов, какие только существуют на свете, старались помешать мне. Если так будет продолжаться, я взбешусь окончательно и начну крошить их направо и налево. Из-за них теперь все стало в тысячу раз трудней.

— В самом деле, положение незавидное, — сухо обронил Кемп.

Глава XXIV
Неудавшийся план

— Ну, — сказал Кемп, покосившись на окно, — что же мы теперь будем делать?

Он придвинулся ближе к Невидимке, чтобы заслонить от него троих людей, невероятно медленно, как казалось Кемпу, подымавшихся по холму.

— Что вы собирались делать в Порт-Бэрдоке? У вас есть какой-нибудь план?

— Я хотел удрать за границу. Но, встретив вас, я переменил намерение. Так как стало теплей и мне легче быть невидимым, я думал, что лучше всего мне двинуться на юг. Ведь тайна моя раскрыта, и здесь все будут искать закутанного человека в маске, а отсюда есть пароходное сообщение с Францией. Я думал, что можно рискнуть переправиться туда на каком-нибудь пароходе. А из Франции я мог бы по железной дороге поехать в Испанию или даже в Алжир. Это было бы нетрудно. Там можно круглый год оставаться невидимкой. Бродягу этого я превратил бы в подвижной склад моих денег и книг,

пока не устроился бы с пересылкой того и другого по почте.

— Понятно.

— И вдруг этому скоту вздумалось поживиться моим имуществом! Он украл мои книги, Кемп! Мои книги! Попадись он мне только!..

— Первым делом надо отобрать у него книги.

— Да где же он? Разве вы знаете?

— Он заперт в городском полицейском управлении, в самой глухой тюремной камере, какая только там нашлась: сам об этом попросил.

— Негодяй! — вырвалось у Невидимки.

— Это несколько нарушает ваши планы.

— Нужно добыть книги, они необходимы.

— Конечно, — согласился Кемп, прислушиваясь к шагам на дворе. — Конечно, книги непременно надо добыть. Но это будет нетрудно, если только он не узнает, что их требуют для вас.

— Верно, — сказал Невидимка и задумался.

Кемп безуспешно пытался поддержать разговор, но тут Невидимка заговорил сам:

— Теперь, когда я очутился у вас, Кемп, все мои планы меняются. Вы человек, способный понять меня. Еще можно сделать многое, очень многое, несмотря на потерю книг, на огласку, несмотря на все, что случилось и что я перенес… Вы никому

не говорили обо мне? — спросил он вдруг.

Кемп на мгновение замялся.

— Ведь я обещал, — сказал он.

— Никому? — повторил Гриффин.

— Ни единой душе.

— Ну, тогда… — Невидимка встал и, сунув руки в карманы, зашагал по комнате. — Да, это была ошибка, Кемп, огромная ошибка, что я взялся один за это дело. Напрасно потрачены силы, время, возможности. Один… Удивительно, как беспомощен человек, когда он один! Мелкая кража, потасовка — и все.

Я нуждаюсь в пристанище, Кемп, мне нужен человек, который помог бы мне, спрятал бы меня, мне нужно место, где я мог бы спокойно, не возбуждая ничьих подозрений, есть, спать и отдыхать. Словом, мне нужен сообщник. Тогда возможно все. До сих пор я действовал наобум. Теперь мы обсудим все те выгоды, которые дает невидимость, и все трудности. Заниматься подслушиванием и тому подобным толку мало: тебя тоже слышно. Воровать это помогает, но не очень. Хоть поймать меня трудно, но, поймав, ничего не стоит засадить в тюрьму. Невидимость полезна, когда надо бежать или, наоборот, подкрадываться. Значит, она хороша при убийстве.

Как бы человек ни был вооружен, я легко могу выбрать наименее защищенное место, ударить, спрятаться и удрать, как и куда пожелаю.

Кемп погладил усы. Кажется, кто-то движется внизу.

— Мы должны заняться убийствами, Кемп.

— Заняться убийствами, — повторил Кемп. — Я слушаю вас, Гриффин, но это не значит, что я соглашаюсь с вами. Зачем мы должны убивать?

— Не бессмысленно убивать, а разумно отнимать жизнь. Дело обстоит следующим образом: они знают, что существует Невидимка, знают не хуже нас с вами. И этот Невидимка, Кемп, должен установить царство террора. Вы изумлены, конечно. Но я говорю не шутя: царство террора. Невидимка должен захватить какой-нибудь город, хотя бы этот ваш Бэрдок, терроризировать население и подчинить своей воле всех и каждого. Он издает свои приказы. Осуществить это можно тысячью способов, скажем, подсовывать под двери листки бумаги. И кто дерзнет ослушаться, будет убит, так же как и его заступники.

— Гм, — пробормотал Кемп, прислушиваясь больше к скрипу отворявшейся внизу двери, чем к словам Гриффина. — Я думаю, Гриффин, — сказал он, стараясь казаться внимательным, — что

положение вашего сообщника оказалось бы не из легких.

— Никто не будет знать, что он мой сообщник, — горячо возразил Невидимка и вдруг остановился. — Стойте, что там такое?

— Ничего, — сказал Кемп и вдруг заговорил громко и быстро: — Я не могу согласиться с вами, Гриффин. Поймите же, не могу. К чему вести заведомо проигранную игру? Разве это может дать вам счастье? Не уподобляйтесь одинокому волку. Опубликуйте ваше открытие; если не хотите рассказать о нем всему миру, то доверьте его, по крайней мере, своей стране. Подумайте, чего вы могли бы добиться с миллионом помощников…

Невидимка прервал Кемпа.

— Шаги на лестнице, — прошептал он, подняв руку.

— Не может быть, — сказал Кемп.

— Сейчас посмотрим.

И Невидимка шагнул к двери. После секундного колебания Кемп бросился ему наперерез. Невидимка, вздрогнув, остановился.

— Предатель! — крикнул Голос, и халат расстегнулся. Бросившись в кресло, Невидимка начал раздеваться. Кемп сделал несколько торопливых шагов к двери, и сейчас же Невидимка — ног его

уже не было видно — с криком вскочил. Кемп распахнул дверь настежь.

Снизу отчетливо донеслись голоса и топот бегущих ног.

Кемп оттолкнул Невидимку, выскочил в коридор и захлопнул дверь. Ключ заранее был вставлен снаружи. Еще мгновение — и Гриффин очутился бы в кабинете один, под замком. Но помешала случайность. Наспех вставленный утром ключ от толчка выскочил и со стуком упал на ковер.

Кемп помертвел. Схватившись обеими руками за ручку, он изо всех сил старался удержать дверь. Несколько мгновений ему это удавалось. Потом дверь приоткрылась дюймов на шесть, он ее снова быстро прихлопнул. В другой раз она рывком открылась на фут, и в щель стал протискиваться халат. Невидимые пальцы схватили Кемпа за горло, и ему пришлось выпустить ручку двери, чтобы защищаться. Он был оттеснен, опрокинут и с силой отброшен в угол площадки. Пустой халат упал на него.

На лестнице стоял полковник Эдай, начальник бэрдокской полиции, которому Кемп написал письмо. Он с ужасом глядел на неожиданно появившегося Кемпа и на болтающиеся в воздухе

пустые предметы одежды. Он видел, как Кемп был опрокинут, как он с трудом поднялся, сделал шаг вперед и опять рухнул на пол.

И вдруг его самого что-то ударило. Удар из пустоты! Будто на него навалилась огромная тяжесть. Чьи-то пальцы сдавили ему горло, чье-то колено ударило его в пах, и он кубарем скатился с лестницы. Невидимая нога наступила ему на спину, кто-то зашлепал по лестнице босыми ногами, внизу, в прихожей, оба полицейских вскрикнули и побежали, входная дверь с шумом захлопнулась.

Полковник Эдай приподнялся и сел, бессмысленно озираясь. Сверху, пошатываясь, сходил Кемп, растрепанный и перепачканный, щека у него побелела от удара, из разбитой губы текла кровь, в руках он держал халат и другие части туалета.

— Удрал! — крикнул Кемп. — Плохо дело. Удрал!

Глава XXV
Охота на невидимку

Сначала Эдай ничего не мог понять из бессвязного рассказа Кемпа. Они оба стояли на лестнице, и Кемп все еще держал в руках одежду, оставшуюся от Гриффина. Наконец Эдай начал понимать суть происшедшего.

— Он помешанный, — торопливо говорил Кемп, — это не человек, а зверь. Думает только о себе. Он не считается ни с чем, кроме собственной выгоды и безопасности. Я его выслушал сегодня — это злобный эгоист... Пока он только калечил людей. Но он будет убивать, если мы его не схватим. Он вызовет панику. Он ни перед чем не остановится. И он теперь на воле, обезумевший от ярости!

— Ясно одно: его надо поймать, — сказал Эдай.

— Но как? — воскликнул Кемп и вдруг разразился потоком слов: — Надо сейчас же принять меры. Надо всех поднять на ноги, чтобы Гриффин не ушел из этих мест. Иначе он будет колесить по стране, калечить и убивать людей. Он мечтает о царстве террора! Понимаете ли вы: террора!

Вы должны установить надзор на железных дорогах, на шоссе, на судах. Вызовите войска. Единственная надежда на то, что он не уйдет, пока не достанет своих заметок, которые очень ценит. Я вам потом объясню. У вас в полицейском управлении сидит некий Марвел…

— Знаю, — сказал Эдай. — Книги, да. Но ведь этот бродяга…

— Не сознается, что книги у него. Но Невидимка уверен, что Марвел их спрятал. А главное, надо не давать Невидимке ни есть, ни спать. Днем и ночью люди должны бодрствовать, сторожить, чтобы он не мог достать никакой еды. Все должно быть на запоре. Все дома на запор! Дай бог, чтобы были холода и дожди! Все от мала до велика должны участвовать в охоте! Поймите, Эдай, его надо поймать во что бы то ни стало! Иначе нам грозят неисчислимые бедствия, подумать и то страшно.

— Так мы и будем действовать, — сказал Эдай. — Сейчас же пойду и возьмусь за дело. А может, и вы пойдете со мной? Пойдемте! Мы устроим военный совет, пригласим Хопса, администрацию железной дороги. Ей-богу, нельзя терять ни минуты… А по дороге расскажете мне все подробно. Что же еще предпринять? Да бросьте вы этот халат!

Через минуту Эдай и Кемп уже были внизу. Дверь была открыта настежь, и двое полицейских все еще глазели в пустоту.

— Сбежал, сэр, — доложил один из них.

— Мы сейчас отправляемся в Центральное управление, — сказал Эдай. — Один из вас пусть найдет извозчика и велит ему догнать нас. Да поворачивайтесь! Итак, Кемп, что же дальше?

— Собак надо, — сказал Кемп. — Найдите собак. Они не видят, но чуют. Найдите собак.

— Хорошо, — согласился Эдай. — Скажу вам по секрету: у тюремного начальства в Холстэде есть человек, который держит ищеек. Итак, собаки. Дальше.

— Не забудьте, — сказал Кемп, — что пища, поглощенная им, видна. Она видна, пока не усвоится организмом. Значит, после еды он должен прятаться. Надо обыскать каждый кустик, каждый уголок. Надо убрать все оружие и все, что может служить оружием. Ему ничего нельзя подолгу носить с собой. А все, чем можно воспользоваться, чтобы нанести удар, нужно спрятать подальше.

— Сделаем и это, — сказал Эдай. — Он от нас не уйдет, дайте срок.

— А по дорогам… — начал Кемп и запнулся.

— Что? — спросил Эдай.

— Насыпать толченого стекла. Это, конечно, жестоко, но если подумать, что он может натворить…

Эдай свистнул:

— Не слишком ли это? Нечестная игра. Впрочем, велю приготовить на случай, если он слишком зарвется.

— Говорю вам, что это уже не человек, а зверь, — сказал Кемп. — Не сомневаюсь, что он осуществит свою мечту о терроре, стоит ему только оправиться после бегства. Мы должны во что бы то ни стало его опередить. Он сам бросил вызов человечеству. Так пусть заплатит за это кровью!

Глава XXVI
Убийство Уикстида

Невидимка, по всем признакам, выбежал из дома Кемпа в совершенном бешенстве. Маленький ребенок, игравший у калитки, был поднят на воздух и с такой силой отброшен в сторону, что сломал ножку. После этого Невидимка на несколько часов исчез. Никто так и не узнал, куда он направился и что делал. Но можно легко представить себе, как он бежал в знойный июньский полдень в гору и дальше, по меловым холмам за Порт-Бэрдоком, кляня свою судьбу, и наконец, усталый и измученный, нашел приют в кустарнике близ Хинтондина, где решил собраться с мыслями и заново обдумать рухнувшие планы борьбы против себе подобных. Скорее всего, он сразу же укрылся именно в этих местах, потому что около двух часов пополудни он обнаружил там свое присутствие самым зловещим, трагическим образом.

Каково было тогда его настроение и что он замышлял, можно только догадываться. Несомненно, он был до крайности взбешен предательством

Кемпа, и, хотя вполне понятны мотивы, руководившие Кемпом, все же нетрудно представить себе гнев, который должна была вызвать такая неожиданная измена, и даже отчасти оправдать его. Быть может, Невидимку снова охватило то чувство растерянности, которое он испытал во время событий на Оксфорд-стрит, — ведь он явно рассчитывал, что Кемп поможет ему осуществить жестокий план — подвергнуть человечество террору. Как бы то ни было, около полудня он исчез, и никто не знает, что он делал до половины третьего. Для человечества это, возможно, и к лучшему, но для него самого такое бездействие оказалось роковым.

В эти два с половиной часа за дело принялось множество людей, рассеянных по всей округе. Утром Невидимка был еще просто сказкой, пугалом; в полдень же благодаря сухому, но выразительному воззванию Кемпа он превратился уже в совершенно осязаемого противника, которого надо было ранить, захватить живым или мертвым, и все население с невероятной быстротой стало готовиться к борьбе. Даже в два часа дня Невидимка еще мог бы спастись, забравшись в поезд, но после двух это стало уже невыполнимо. По всем железнодорожным линиям на обширном

пространстве между Саутгемптоном, Манчестером, Брайтоном и Хоршэмом пассажирские поезда шли с запертыми дверями, а товарное движение почти прекратилось. В большом круге, радиусом миль в двадцать вокруг Порт-Бэрдока, по дорогам и полям рыскали группы по три-четыре человека с ружьями, дубинками и собаками.

Конные полицейские объезжали окрестные селения, останавливались у каждого дома и предупреждали жителей, чтобы они запирали двери и не выходили без оружия. В три часа закрылись школы, и перепуганные дети тесными кучками бежали домой. Часам к четырем воззвание, составленное Кемпом и подписанное Эдаем, было уже расклеено по всей округе. В нем кратко, но ясно были указаны все меры борьбы: не давать Невидимке есть и спать, быть все время настороже, чтобы принять решительные меры, если где-либо обнаружится его присутствие. Действия властей были так быстры и энергичны, а страх перед ужасной опасностью так силен, что до наступления ночи во всей округе на протяжении нескольких сот квадратных миль было введено осадное положение. И вот в тот же вечер по всему напуганному и насторожившемуся краю пронесся трепет ужаса: из уст в уста передавали

слух, молниеносный и достоверный, об убийстве мистера Уикстида.

Если наше предположение, что Невидимка укрылся в кустарнике близ Хинтондина, правильно, то он, очевидно, вскоре после полудня вышел оттуда с неким намерением, для выполнения которого требовалось оружие. Что это было за намерение, установить нельзя, но оно было. Это, на мой взгляд, неопровержимо; ведь не случайно еще до стычки с Уикстидом Невидимка где-то добыл железный прут.

О подробностях этой стычки мы, разумеется, ничего не знаем. Произошла она на краю песчаного карьера, ярдов за двести от ворот виллы лорда Бэрдока. Все указывает на отчаянную борьбу: утоптанная земля, многочисленные раны Уикстида, его сломанная трость; но трудно себе представить, что могло послужить причиной нападения, кроме мании убийства. Мысль о помешательстве напрашивается сама собой. Мистер Уикстид, управляющий лорда Бэрдока, человек лет сорока пяти, был самым безобидным существом на свете и уж, конечно, никогда первым не напал бы на такого страшного врага. Раны, по-видимому, были нанесены мистеру Уикстиду железным прутом, вытащенным из сломанной

ограды. Невидимка остановил этого мирного человека, спокойно направлявшегося домой завтракать, напал на него, быстро сломил его слабое сопротивление, перебил ему руку, повалил беднягу наземь и размозжил ему голову.

Железный прут он, вероятно, вытащил из ограды еще до встречи со своей жертвой, — должно быть, он держал его уже наготове. Еще две подробности проливают некоторый свет на это происшествие. Во-первых, песчаный карьер находился не совсем на пути мистера Уикстида к дому, а ярдов на двести в сторону. Во-вторых, по свидетельству маленькой девочки, которая возвращалась из школы, покойный какой-то странной походкой «трусил» через поле по направлению к карьеру. По тому, как она это изобразила, можно было заключить, что он словно преследовал что-то движущееся по земле, время от времени замахиваясь тростью. Девочка была последней, кто видел несчастного мистера Уикстида живым. Он шел прямо навстречу смерти; он спустился в ложбинку, и росшие там деревья скрыли от девочки последнюю схватку.

Эти подробности, по крайней мере в глазах пишущего эти строки, делают убийство Уикстида не столь беспричинным. Можно представить себе,

что Гриффин прихватил железный прут, конечно как оружие, но без умысла совершить убийство. Тут мог попасться на дороге Уикстид и увидеть прут, который непонятным образом двигался по воздуху. Нисколько не думая о Невидимке — ведь от этих мест до Порт-Бэрдока десять миль, — он мог последовать за прутом. Весьма вероятно, что он даже и не слыхал о Невидимке. Легко далее допустить, что Невидимка стал потихоньку удаляться, не желая обнаруживать свое присутствие, а Уикстид, возбужденный и заинтересованный, не отставал от странного самодвижущегося предмета и наконец ударил по нему.

Конечно, при обычных обстоятельствах Невидимка мог бы без особого труда уйти от своего уже немолодого преследователя, но положение тела убитого Уикстида дает основание думать, что тот имел несчастье загнать своего противника в угол между густой зарослью крапивы и песчаным карьером. Помня крайнюю раздражительность Невидимки, нетрудно представить себе остальное.

Все это, впрочем, одни догадки. Единственные несомненные факты (ибо на рассказы детей не всегда можно полагаться) — это тело убитого Уикстида и окровавленный железный прут, ва-

лявшийся в крапиве. Очевидно, Гриффин бросил прут потому, что, охваченный волнением, забыл о цели, для которой им вооружился, если вначале такая цель и была. Конечно, он был большой эгоист и человек бесчувственный, но вид жертвы, его первой жертвы, окровавленной и жалкой, распростертой у его ног, мог пробудить в нем забытое раскаяние и на время отвратить его от злодейских намерений.

После убийства мистера Уикстида Невидимка, по всей вероятности, бежал в сторону холмов. Рассказывают, что два работника на поле у Ферн-Боттом слышали вечером какой-то таинственный голос. Кто-то рыдал, смеялся, охал и стонал, а порой громко вскрикивал. Должно быть, жутко было это слушать. Голос пронесся над клеверным полем и замер вдалеке у холмов.

В тот вечер Невидимке, вероятно, пришлось узнать, как быстро воспользовался Кемп его откровенностью. Должно быть, он нашел все двери на замке, бродил по железнодорожным станциям, подкрадывался к гостиницам, без сомнения, прочел расклеенные повсюду воззвания и понял, какой предпринят против него поход. С наступлением вечера по полям разбрелись группы вооруженных людей и раздавался соба-

чий лай. Эти охотники на человека получили специальные указания, как помогать друг другу в случае схватки с врагом. Но Невидимке удалось избежать встречи с ними. Мы можем отчасти понять его ярость, если вспомним, что он сам сообщил все сведения, которые так беспощадно обращались теперь против него. В тот день, по крайней мере, он пал духом. Почти целые сутки, если не считать стычки с Уикстидом, он чувствовал себя как затравленный зверь. Ночью ему удалось, вероятно, поесть и поспать, ибо утром к нему снова вернулось присутствие духа: он опять стал сильным, деятельным, хитрым и злобным и был готов к своей последней великой борьбе со всем миром.

Глава XXVII
В осажденном доме

Кемп получил странное послание, написанное карандашом на засаленном клочке бумаги:

«Вы проявили изумительную энергию и сообразительность, — говорилось в письме, — хотя я не представляю себе, чего вы надеетесь этим достичь. Вы против меня. Весь день бы травили меня, хотели лишить меня отдыха и ночью. Но я насытился вопреки вам, выспался вопреки вам, и игра еще только начинается. Игра только начинается! Мне ничего не остается, как прибегнуть к террору. Настоящим письмом я провозглашаю первый день Террора. Отныне Порт-Бэрдок уже не под властью королевы, передайте это вашему начальнику полиции и его шайке, — он под моей властью, под Властью Террора. Нынешний день — первый день первого года новой эры — эры Невидимки. Я — Невидимка Первый. Сначала мое правление будет милосердным. В первый день будет совершена только одна казнь, для острастки, казнь человека по фамилии Кемп. Сегодня смерть настигнет этого человека. Пусть

запирается, пусть прячется, пусть окружает себя охраной, пусть оденется в броню, если угодно, — смерть, незримая смерть приближается к нему. Пусть принимает меры предосторожности: тем большее впечатление его смерть произведет на мой народ. Смерть двинется из почтового ящика сегодня в полдень. Письмо будет опущено в ящик перед самым приходом почтальона — и в путь! Игра началась. Смерть надвигается на него. Не помогай ему, дабы смерть не постигла и тебя. Сегодня Кемп должен умереть».

Кемп дважды прочел письмо.

— Это не шутки, — сказал он. — Это его голос! И он будет действовать.

Перевернув листок, он увидел на адресе штемпель «Хинтондин» и прозаическую записку: «Доплатить 2 пенса».

Кемп встал из-за стола, не докончив завтрака — письмо пришло в два часа дня, — и поднялся в свой кабинет. Он позвонил экономке, велел ей немедленно обойти весь дом, осмотреть все задвижки на окнах и закрыть ставни. Из запертого ящика стола в спальне он вынул небольшой револьвер, тщательно осмотрел его и положил в карман домашней куртки. Затем он написал несколько записок, в том числе и полковнику

Эдаю, и поручил служанке отнести их, дав ей при этом точные наставления, как выйти из дому.

— Опасности нет никакой, — сказал он, прибавив про себя: «Для вас». После этого он некоторое время сидел задумавшись, а потом вернулся к остывшему завтраку.

Он ел рассеянно, погруженный в свои мысли. Потом сильно ударил кулаком по столу.

— Мы его поймаем! — воскликнул он. — И приманкой буду я. Он зарвется.

Кемп поднялся наверх, тщательно закрывая за собой все двери.

— Это игра, — сказал он. — И игра необычайная. Но все шансы на моей стороне, мистер Гриффин, хоть вы невидимы и храбры. Гриффин contra mundum[4].

Он стоял у окна, глядя на залитый солнцем косогор.

— Ведь ему надо добывать себе пищу каждый день. Не завидую ему. А верно ли, что прошлой ночью ему удалось поспать? Где-нибудь под открытым небом, чтобы никто не мог на него наткнуться… Вот если бы вместо этой жары наступили холода и слякоть… А ведь он, быть

---

[4] Примечания: 4
Против всего мира *(лат.)*.

может, в эту самую минуту наблюдает за мной.

Кемп вплотную подошел к окну и вдруг в испуге отскочил. Что-то с силой ударилось в стену над рамой.

— Однако нервы у меня расходились, — проговорил он про себя, но добрых пять минут не решался подойти к окну. — Воробей, должно быть, — сказал он.

Тут он услыхал звонок у входной двери и поспешил вниз. Он отодвинул засов, повернул ключ, осмотрел цепь, закрепил ее и осторожно приоткрыл дверь, не показываясь сам. Знакомый голос окликнул его. Это был полковник Эдай.

— На вашу служанку напали, — сказал Эдай из-за двери.

— Что?! — воскликнул Кемп.

— У нее отняли вашу записку. Он где-нибудь поблизости. Впустите меня.

Кемп снял цепь, и Эдай кое-как протиснулся в узкую щель чуть приоткрытой двери. Он облегченно вздохнул, когда Кемп снова наложил засов.

— Записку вырвали у нее из рук. Она страшно испугалась. Сейчас она у меня в управлении. С ней истерика. Он где-нибудь поблизости. Что было в записке?

Кемп выругался.

— И дурак же я! — сказал он. — Мог бы догадаться: ведь отсюда до Хинтондина меньше часу хода. Уже!

— В чем дело? — спросил Эдай.

— Вот, взгляните, — сказал Кемп и повел Эдая в кабинет. Он протянул ему письмо Невидимки. Эдай прочел и тихонько свистнул.

— А вы? — спросил он.

— Подстроил ловушку, — сказал Кемп, — и, как дурак, послал план с горничной. Прямо ему в руки.

Эдай терпеливо выслушал проклятия Кемпа.

— Он убежит, — сказал Эдай.

— Ну нет, — возразил Кемп.

Сверху донесся звон разбитого стекла. Эдай заметил маленький револьвер, торчавший из кармана Кемпа.

— Это в кабинете! — сказал Кемп и первый стал подниматься по лестнице. Еще не дойдя до верха, они опять услышали звон.

В кабинете они увидели, что два окна из трех разбиты, пол усеян осколками, а на письменном столе лежит большой булыжник. Оба остановились на пороге, глядя на разрушение. Кемп снова выругался, и в ту же минуту третье окно тресну-

ло, точно выстрелили из пистолета, и на пол со звоном посыпались осколки.

— Зачем это? — сказал Эдай.

— Это начало, — ответил Кемп.

— А влезть сюда нет никакой возможности?

— Даже кошка не влезет, — сказал Кемп.

— Ставен нет?

— Здесь нет. Во всех нижних комнатах… Ого!

Снизу донесся звон стекла и треск досок от сильного удара.

— Это, должно быть… да, это в спальне. Он собирается обработать весь дом. Дурак он. Ставни закрыты, и стекло будет падать наружу. Он изрежет себе ноги.

Еще одно окно разлетелось вдребезги. Кемп и Эдай стояли на площадке, не зная, что делать.

— Вот что, — сказал Эдай, — дайте мне палку или что-нибудь в этом роде; я схожу в управление и велю прислать собак. Тогда мы его поймаем! Они будут здесь через каких-нибудь десять минут…

Еще одно окно разделило участь остальных.

— Нет ли у вас револьвера? — спросил Эдай.

Кемп сунул руку в карман и замялся.

— Нет, — ответил он, — по крайней мере, лишнего нет.

— Я принесу его обратно, — сказал Эдай. — Вы ведь в безопасности.

Кемп, пристыженный, отдал револьвер.

— Теперь пойдемте отворять дверь, — сказал Эдай.

Пока они стояли в прихожей, не решаясь подойти к двери, одно из окон в спальне на первом этаже затрещало. Кемп подошел к двери и начал как можно осторожнее отодвигать засов. Лицо его было несколько бледнее обыкновенного.

— Выходите, — сказал Кемп.

Еще секунда, и Эдай был уже на крыльце, а Кемп снова задвинул засов. Эдай помедлил немного: стоять, прислонившись к двери, было все-таки спокойнее. Потом выпрямился и твердо зашагал вниз по ступенькам. Он пересек лужайку и приблизился к калитке. Казалось, по траве пронесся ветерок. Что-то зашевелилось рядом с ним.

— Погодите минутку, — произнес Голос.

Эдай остановился как вкопанный, рука его крепко сжала револьвер.

— В чем дело? — сказал Эдай, бледный и угрюмый; каждый нерв его был напряжен.

— Вы весьма меня обяжете, если вернетесь в дом, — сказал Голос так же угрюмо и напряженно, как Эдай.

— К сожалению, не могу, — сказал Эдай несколько охрипшим голосом и провел языком по пересохшим губам. Голос был, как ему показалось, слева от него. А что, если попытать счастья и выстрелить?

— Куда вы идете? — спросил Голос.

Оба сделали быстрое движение, и в руке Эдая блеснул револьвер. Но он отказался от своего намерения и задумался.

— Куда я иду — это мое дело, — проговорил он медленно.

Не успел он произнести эти слова, как невидимая рука обхватила его за шею, в спину уперлось колено, и он упал. Вытащив кое-как револьвер, он выстрелил наугад; в ту же секунду он получил сильный удар по зубам, и револьвер вырвали у него из рук. Он сделал тщетную попытку ухватиться за ускользнувшую невидимую ногу, попробовал встать и снова упал.

— Проклятье! — воскликнул Эдай.

Голос рассмеялся.

— Я убил бы вас, да жалко тратить пулю, — сказал он.

Эдай увидел футах в шести перед собой дуло повисшего в воздухе револьвера.

— Ну? — сказал Эдай, садясь.

— Встаньте! — приказал Голос.

Эдай встал.

— Смирно! — решительно произнес Голос. — Бросьте все свои затеи. Помните, что я ваше лицо хорошо вижу, а вы меня не видите. Вернитесь в дом.

— Он меня не впустит, — сказал Эдай.

— Очень жаль, — сказал Невидимка. — С вами я не ссорился.

Эдай снова провел языком по губам. Он отвел взгляд от револьвера, увидел вдали море, очень синее и темное в блеске полуденного солнца, шелковистые зеленые холмы, белый скалистый мыс, многолюдный город и вдруг почувствовал, как прекрасна жизнь. Он перевел взгляд на маленький металлический предмет, висевший между небом и землей в шести футах от него.

— Что же мне делать? — мрачно спросил он.

— А мне что делать? — спросил Невидимка. — Вы приведете подмогу. Нет, придется вам вернуться назад.

— Попытаюсь. Если он впустит меня, вы обещаете не врываться за мной в дом?

— С вами я не ссорился, — ответил Голос.

Кемп, выпустив Эдая, поспешил наверх: осторожно ступая по осколкам, подкрался к окну

кабинета и глянул вниз. Он увидел Эдая, разговаривающего с Невидимкой.

— Что же он не стреляет? — пробормотал Кемп.

Тут револьвер переместился и засверкал на солнце. Заслонив глаза, Кемп старался проследить движение ослепительного луча.

— Так и есть! — воскликнул он. — Эдай отдал револьвер!

— Обещайте не врываться за мной, — говорил в это время Эдай. — Не увлекайтесь своей удачей. Уступите в чем-нибудь.

— Возвращайтесь в дом. Говорю вам прямо: я ничего не обещаю.

Эдай, видимо, вдруг принял решение. Он повернул к дому и медленно пошел вперед, заложив руки за спину. Кемп с недоумением наблюдал за ним. Револьвер исчез, затем снова сверкнул, снова исчез и появился, маленький блестящий предмет, неотступно следовавший за Эдаем. Дальнейшие события развертывались молниеносно: Эдай прыгнул назад, резко повернулся, хотел схватить револьвер, не поймал его, вскинул руки и упал ничком, а над ним взвилось маленькое синее облачко. Выстрела Кемп не слышал. Эдай сделал несколько судорожных движений, при-

поднялся, опираясь на руку, снова упал и остался недвижим.

Кемп постоял немного, глядя на безмятежно спокойную позу Эдая. День был жаркий и безветренный, казалось, весь мир замер, только в кустах между домом и калиткой две желтые бабочки гонялись одна за другой. Эдай лежал на лужайке возле калитки. Во всех виллах на холме шторы были спущены, но в маленькой зеленой беседке виднелась белая фигура — по-видимому, старик, который мирно дремал. Кемп внимательно всматривался, пытаясь разглядеть в воздухе револьвер, но он исчез. Взгляд Кемпа вернулся к Эдаю. Игра начиналась всерьез.

Кто-то начал звонить и стучаться в наружную дверь все громче, настойчивей, но прислуга, повинуясь распоряжениям Кемпа, сидела, запершись, по своим комнатам. Наконец все стихло. Кемп посидел немного, прислушиваясь, потом осторожно выглянул по очереди в каждое из трех окон. После этого вышел на лестницу и опять напряженно прислушался. Затем пошел в спальню, вооружился там кочергой и снова отправился проверять внутренние запоры окон в нижнем этаже. Все было прочно и надежно. Он вернулся наверх. Эдай по-прежнему неподвижно лежал у

края посыпанной гравием дорожки. По дороге, мимо вилл, шли служанка и двое полисменов.

Стояла мертвая тишина. Кемпу показалось, что трое людей приближаются очень медленно. Он спрашивал себя, что делает его противник.

Вдруг он вздрогнул. Снизу донесся треск. После некоторого колебания Кемп сошел вниз. Внезапно весь дом огласился тяжелыми ударами и треском расщепляемого дерева. Звенели и лязгали железные задвижки на ставнях. Он повернул ключ, открыл дверь в кухню. Как раз в эту минуту в комнату полетели разрубленные и расщепленные ставни. Кемп остановился, оцепенев от ужаса. Оконная рама, кроме одной перекладины, была еще цела, но от стекла осталась только зубчатая каемка. Ставни были разрублены топором, который теперь со всего размаху ударял по раме и железной решетке, защищавшей окно. Но вдруг топор отскочил в сторону и исчез.

Кемп увидел лежавший на дорожке возле дома револьвер, и тотчас револьвер подпрыгнул. Кемп попятился. Еще секунда — раздался выстрел; щепка, оторванная от захлопнутой Кемпом кухонной двери, пролетела над его головой. Он запер дверь на ключ и сейчас же услышал крики и смех Гриффина. Потом под сокрушительными

ударами топора снова затрещало дерево. Кемп постоял в коридоре, собираясь с мыслями. Через минуту Невидимка будет на кухне. Эта дверь задержит его ненадолго, и тогда…

У наружной двери позвонили. Должно быть, полисмены. Кемп побежал в прихожую, укрепил цепь и отодвинул засов. Только окликнув служанку и услышав ее голос, он снял цепь; все трое гурьбой ввалились в дом, и Кемп снова захлопнул дверь.

— Невидимка! — сказал Кемп. — У него револьвер. Осталось два заряда. Он убил Эдая. Или, во всяком случае, ранил его. Вы не видели его на лужайке? Он там лежит.

— Кто? — спросил один из полицейских.

— Эдай, — сказал Кемп.

— Мы прошли задворками, — сказала служанка.

— Что это за треск? — спросил другой полицейский.

— Он на кухне… или скоро там будет. Он нашел топор…

Вдруг на весь дом раздались удары топора по кухонной двери. Служанка взглянула на дверь, задрожала и попятилась в столовую. Кемп отрывочно объяснял положение. Они услышали, как

подалась кухонная дверь.

— Сюда! — крикнул Кемп, быстро вталкивая полисменов в столовую.

— Кочергу! — крикнул Кемп и бросился к камину. Кочергу, которую он принес из спальни, он отдал первому из полисменов, а кочергу из столовой — другому. Вдруг он отскочил назад.

Один из полисменов пригнулся и, вскрикнув, поймал топор кочергой… Револьвер выпустил предпоследний заряд, пробив ценное полотно кисти Сиднея Купера. Второй полисмен ударил своей кочергой по маленькому смертоносному оружию, точно хотел убить осу, и револьвер со стуком упал на пол.

Как только началась схватка, служанка вскрикнула, постояла с минуту у камина и бросилась отворять ставни, вероятно думая спастись через разбитое окно.

Топор выбрался в коридор и остановился футах в двух от пола. Слышно было тяжелое дыхание Невидимки.

— Вы оба отойдите, — сказал он. — Мне нужен Кемп.

— А нам нужны вы, — сказал первый полисмен и, выступив вперед, ударил кочергой в направлении Голоса. Но Невидимке удалось уклониться от

удара, и кочерга попала в стойку для зонтиков.

Полисмен едва устоял на ногах, и в ту же минуту топор стукнул его по голове, смяв каску, словно она была из бумаги, и он кубарем вылетел на кухонную лестницу. Но второй полисмен ударил кочергой позади топора и попал во что-то мягкое. Раздался крик боли, и топор упал на пол. Полисмен ударил опять, но попал в пустоту, потом он наступил ногой на топор и ударил еще раз. Затем, держа кочергу наготове, стал внимательно прислушиваться, стараясь уловить какое-нибудь движение.

Он услышал, как раскрылось окно в столовой и затем раздались быстрые шаги. Товарищ его приподнялся и сел; кровь текла у него по щеке.

— Где он? — спросил раненый.

— Не знаю. Я зацепил его. Стоит где-нибудь в прихожей, если только не шмыгнул мимо тебя. Доктор Кемп! Сэр!..

Никакого ответа.

— Доктор Кемп! — снова позвал полисмен.

Раненый стал медленно подниматься на ноги. Наконец ему это удалось. Вдруг с кухонной лестницы донеслось шлепанье босых ног.

— Гоп! — крикнул первый полисмен и метнул кочергу: она расплющила газовый рожок.

Он пустился было преследовать Невидимку, но потом раздумал и вошел в столовую.

— Доктор Кемп… — начал он и сразу остановился. — Вот так храбрец этот доктор Кемп, — сказал он, обращаясь к заглянувшему через его плечо товарищу.

Окно в столовой было раскрыто настежь. Ни служанки, ни Кемпа. Свое мнение о докторе Кемпе второй полисмен выразил кратко и энергично.

Глава XXVIII
Травля охотника

Мистер Хилас, владелец соседней виллы, спал в своей беседке, когда началась осада дома Кемпа. Мистер Хилас принадлежал к тому упрямому меньшинству, которое ни за что не хотело верить «нелепым россказням о Невидимке». Жена его, однако, слухам верила и не раз впоследствии напоминала об этом мужу. Он вышел погулять по своему саду как ни в чем не бывало, а после обеда по давней привычке прилег. Все время, пока Невидимка бил окна в доме Кемпа, мистер Хилас преспокойно спал, но вдруг проснулся и почувствовал неладное. Он взглянул на дом Кемпа, протер глаза и снова взглянул. Потом он спустил ноги и сел, прислушиваясь. Он помянул черта, но странное видение не исчезло. Дом выглядел так, как будто его бросили с месяц назад после погрома. Все стекла были разбиты, и все окна, кроме окон кабинета на верхнем этаже, были изнутри закрыты ставнями.

— Готов поклясться, — мистер Хилас посмотрел на часы, — что двадцать минут назад все было

в порядке.

Вдалеке раздавались мерные удары и звон стекла. А затем, пока он сидел с разинутым ртом, произошло нечто еще более странное. Ставни столовой распахнулись, и служанка в шляпе и пальто появилась в окне, судорожно стараясь поднять раму. Вдруг возле нее появился еще кто-то и стал помогать ей. Доктор Кемп! Еще минута — окно открылось, и служанка вылезла из него; она бросилась бежать и исчезла в кустах. Мистер Хилас встал, нечленораздельными возгласами выражая свое волнение по поводу столь поразительных событий. Он увидел, как Кемп взобрался на подоконник, выпрыгнул в окно и в ту же минуту появился на дорожке, обсаженной кустами; он бежал пригнувшись, словно прячась от кого-то. Он исчез за кустом, потом показался опять возле изгороди со стороны открытого поля. В один миг он перелез изгородь и кинулся бежать вниз по косогору, прямо к беседке мистера Хиласа.

— Господи! — воскликнул мистер Хилас, пораженный страшной мыслью. — Это тот мерзавец Невидимка! Значит, все правда!

Для мистера Хиласа подумать так означало — действовать немедленно, и кухарка его, наблюдавшая за ним из окна верхнего этажа, с

удивлением увидела, как он ринулся к дому со скоростью добрых девяти миль в час.

— Чего это он так испугался? — пробормотала кухарка. — Мчится как угорелый.

Раздалось хлопанье дверей, звон колокольчика и голос мистера Хиласа, оравшего во все горло:

— Заприте двери! Заприте окна! Заприте все! Невидимка идет!

Весь дом тотчас же наполнился криками, шумом и топотом бегущих ног. Мистер Хилас сам побежал закрывать балконные двери, и тут из-за забора показалась голова, плечи и колени Кемпа. Еще минута — и Кемп, перемахнув через грядку спаржи, помчался по теннисной площадке к дому.

— Нельзя, — сказал мистер Хилас, задвигая засов. — Мне очень жаль, если он гонится за вами, но сюда нельзя.

К стеклу прижалось лицо Кемпа, искаженное ужасом. Он стал стучать в балконную дверь и неистово рвать ручку. Видя, что все напрасно, он пробежал по балкону, спрыгнул в сад и начал стучаться в боковую дверь. Потом выскочил через боковую калитку, обогнул дом и пустился бежать по дороге. И едва успел он скрыться с глаз мистера Хиласа, все время испуганно смотревше-

го в окно, как грядку спаржи безжалостно смяли невидимые ноги. Тут мистер Хилас помчался по лестнице наверх и дальнейшего хода охоты уже не видел. Но, пробегая мимо окна, он услышал, как хлопнула боковая калитка.

Выскочив на дорогу, Кемп, естественно, побежал под гору. Таким образом, ему пришлось теперь самому совершить тот же пробег, за которым он следил столь критическим взором из окна своего кабинета всего лишь четыре дня тому назад. Для человека, давно не упражнявшегося, Кемп бежал неплохо, и, хотя он побледнел и обливался потом, мысль его работала спокойно и трезво. Он несся крупной рысью, и когда попадались неудобные места, неровный булыжник или осколки разбитого стекла, ярко блестевшие на солнце, то бежал прямо по ним, предоставляя невидимым босым ногам своего преследователя избирать путь по собственному усмотрению.

Впервые в жизни Кемп обнаружил, что дорога по холму необычайно длинна и безлюдна и что до окраины города там, у подножия холма, необыкновенно далеко. На свете нет более трудного и медлительного способа передвижения, чем бег. Виллы, дремавшие под полуденным солнцем, по-видимому, были заперты наглухо. Правда, это

было сделано по его собственному указанию. Но хоть бы кто-нибудь догадался на всякий случай следить за происходящим! Вдали начал вырисовываться город, море скрылось из виду, внизу были люди. К подножию холма как раз подъезжала конка. А там полицейское управление. Но что это слышно позади, шаги? Ходу!

Люди внизу смотрели на него; несколько человек бросилось бежать. Дыхание Кемпа стало хриплым. Теперь конка была совсем близко, в кабачке «Веселые крикетисты» шумно запирали двери. За конкой были столбы и кучи щебня для дренажных работ. У Кемпа мелькнула мысль вскочить в конку и захлопнуть двери, но он решил, что лучше направиться прямо в полицию. Через минуту он миновал «Веселых крикетистов» и очутился в конце улицы, среди людей. Кучер конки и его помощник, бросив выпрягать лошадей, смотрели на него, разинув рты. Из-за куч щебня выглядывали удивленные землекопы.

Кемп немного замедлил бег, но, услышав за собой быстрый топот своего преследователя, опять поднажал.

— Невидимка! — крикнул он землекопам, неопределенно махнув рукой назад, и, по счастливому наитию, перескочил канаву, так что

между ним и Невидимкой очутилось несколько дюжих мужчин. Оставив мысль о полиции, он свернул в переулок, промчался мимо тележки зеленщика, помедлил мгновение у дверей колониальной лавки и побежал по бульвару, который выходил на главную улицу. Дети, игравшие под деревьями, с криком разбежались при его появлении, раскрылось несколько окон, и разгневанные матери что-то кричали ему вслед. Он снова выбежал на Хилл-стрит, ярдов за триста от станции конки, и увидел толпу кричащих и бегущих людей.

Он взглянул вдоль улицы по направлению к холму. Ярдах в двенадцати от него бежал рослый землекоп, громко бранясь и размахивая лопатой; следом за ним мчался, сжав кулаки, кондуктор конки. За ними бежали еще люди, громко крича и замахиваясь на кого-то. С другой стороны по направлению к городу тоже спешили мужчины и женщины, и Кемп увидел, как из одной лавки выскочил человек с палкой в руке.

— Окружайте его! Окружайте! — крикнул кто-то.

Кемп вдруг понял, что положение резко изменилось. Он остановился, переводя дух, и огляделся.

— Он где-то здесь! — крикнул он. — Оцепите…

— Ага! — раздался Голос.

Кемп получил жестокий удар по уху и зашатался; он попытался обернуться к невидимому противнику, но еле устоял на ногах и ударил в пустое пространство. Потом он получил сильный удар в челюсть и свалился на землю. Через секунду в живот ему уперлось колено и две руки яростно схватили его за горло, но одна из них действовала слабее другой. Кемпу удалось разжать кисти рук Невидимки, послышался громкий стон, и вдруг над головой Кемпа взвилась лопата землекопа и с глухим стуком опустилась. На лицо Кемпа что-то капнуло. Руки, державшие его за горло, вдруг ослабели, судорожным усилием он освободился, ухватил обмякшее плечо своего противника и навалился на него, прижимая к земле невидимые локти.

— Я поймал его! — взвизгнул Кемп. — Помогите, помогите! Он здесь. Держите его за ноги!

Секунда — и на место борьбы ринулась вся толпа. Посторонний зритель мог бы подумать, что тут разыгрывается какой-то ожесточенный футбольный матч. После выкриков Кемпа никто уже не сказал ни слова, слышался только стук ударов, топот ног и тяжелое дыхание.

Невидимке удалось нечеловеческим усилием сбросить с себя нескольких противников и подняться на ноги. Кемп вцепился в него, как гончая в оленя, и десятки рук хватали, колотили и рвали невидимое существо. Кондуктор конки поймал его за шею и снова повалил на землю.

Опять образовалась груда барахтающихся тел. Били, нужно сознаться, немилосердно. Вдруг раздался дикий вопль: «Пощадите! Пощадите!» — и быстро замер в придушенном стоне.

— Оставьте его, дурачье! — крикнул Кемп глухим голосом, и толпа подалась назад. — Он ранен, говорят вам. Отойдите!

Наконец удалось оттеснить сгрудившихся разгоряченных людей, и все увидели, что доктор Кемп опустился на колени, как бы повиснув дюймах в пятнадцати от земли; он прижимал к земле невидимые руки. Полисмен держал невидимые ноги.

— Не выпускайте его! — крикнул землекоп, размахивая окровавленной лопатой. — Прикидывается!

— Он не прикидывается, — сказал Кемп, становясь на колени возле невидимого тела, — и, кроме того, я держу его крепко. — Лицо у Кемпа было разбито и уже начинало опухать; он гово-

рил с трудом, из губы текла кровь. Он поднял руку и, по-видимому, стал ощупывать лицо лежащего. — Рот весь мокрый, — сказал он и вдруг вскрикнул: — Боже праведный!

Кемп быстро встал и снова опустился на колени возле невидимого существа. Опять началась толкотня и давка, слышался топот подбегавших любопытных. Из всех домов выскакивали люди. Двери «Веселых крикетистов» распахнулись настежь. Говорили мало.

Кемп водил рукой, словно ощупывал пустоту.

— Не дышит, — сказал он. — И сердце не бьется. Бок у него… ох!

Какая-то старуха, выглядывавшая из-под локтя рослого землекопа, вдруг громко вскрикнула.

— Глядите! — сказала она, вытянув морщинистый палец.

И, взглянув в указанном ею направлении, все увидели контур руки, бессильно лежавшей на земле; рука была словно стеклянная, можно было разглядеть все вены и артерии, все кости и нервы. Она теряла прозрачность и мутнела на глазах.

— Ого! — воскликнул констебль. — А вот и ноги показываются.

И так медленно, начиная с рук и ног, постепенно расползаясь по всем членам, продолжался

этот странный переход к видимой телесности. Это напоминало медленное распространение яда. Сперва показались тонкие белые нервы, образуя как бы слабый контур тела, затем мышцы и кожа, принимавшие сначала вид легкой туманности, но быстро тускневшие и уплотнявшиеся. Вскоре можно было различить разбитую грудь, плечи и смутный абрис изуродованного лица.

Когда наконец толпа расступилась и Кемпу удалось встать на ноги, то взорам всех присутствующих предстало распростертое на земле голое, жалкое, избитое и изувеченное тело человека лет тридцати. Волосы и борода у него были белые, не седые, как у стариков, а белые, как у альбиносов, глаза красные, как гранаты. Пальцы судорожно скрючились, глаза были широко раскрыты, а на лице застыло выражение гнева и отчаяния.

— Закройте ему лицо! — крикнул кто-то. — Ради всего святого, закройте лицо!

Тело накрыли простыней, взятой в кабачке «Веселые крикетисты», и перенесли в дом. Там, на жалкой постели, в убогой, полутемной комнате, среди невежественной, возбужденной толпы, избитый и израненный, преданный и безжалостно затравленный, окончил свой странный и

страшный жизненный путь Гриффин — первый из людей, сумевший стать невидимым, Гриффин — даровитый физик, равного которому еще не видел свет.

Эпилог

Так кончается повесть о необыкновенном и пагубном эксперименте Невидимки. А если вы хотите узнать о нем побольше, то загляните в маленький трактир возле Порт-Стоу и поговорите с хозяином. Вывеска этого трактира — доска, в одном углу которой изображена шляпа, а в другом башмаки, а название его такое же, как заглавие этой книги. Хозяин — низенький, толстенький человек с длинным носом, щетинистыми волосами и багровым лицом. Выпейте побольше, и он не преминет подробно рассказать вам обо всем, что случилось с ним после описанных выше событий, и о том, как суд пытался отобрать найденные при нем деньги.

— Когда они убедились, что нельзя установить, чьи это деньги, то стали говорить, — вы только подумайте! — будто со мной надо поступить как с кладом. Ну скажите сами, похож я на клад? А потом один господин платил мне по гинее в вечер за то, что я рассказывал эту историю в мюзик-холле.

Если же вы пожелаете сразу остановить поток его воспоминаний, то вам стоит только спросить

его, не играли ли роль в этой истории какие-то рукописные книги. Он скажет, что книги действительно были, и начнет клятвенно утверждать, что, хотя все почему-то считают, будто они и посейчас находятся у него, это неправда, их у него нет!

— Невидимка сам забрал их у меня, спрятал где-то, еще когда я удрал от него и скрылся в Порт-Стоу. Это все мистер Кемп сочиняет, будто книги у меня.

После этого он всякий раз впадает в задумчивость, украдкой наблюдает за вами, нервно перетирает стаканы и наконец выходит из комнаты.

Он старый холостяк, у него издавна холостяцкие вкусы, и в доме нет ни одной женщины. Всю свою верхнюю одежду, части своего костюма он застегивает при помощи пуговиц — этого требует его положение, — но, когда дело доходит до подтяжек и более интимных частей туалета, он все еще прибегает к веревочкам. В деле он не очень предприимчив, но весьма заботится о респектабельности своего заведения. Движения его медлительны, и он склонен к задумчивости. В местечке он слывет умным человеком, его бережливость внушает всем почтение, а о дорогах

Южной Англии он сообщит вам больше сведений, чем любой путеводитель.

А в воскресенье утром — каждое воскресенье в любое время года — и каждый вечер после десяти часов он отправляется в гостиную, прихватив стакан джина, чуть разбавленного водой, после чего тщательно запирает дверь, осматривает шторы и даже заглядывает под стол. Убедившись в полном своем одиночестве, он отпирает шкаф, затем ящик в шкафу, вынимает оттуда три книги в коричневых кожаных переплетах и торжественно кладет их на середину стола. Переплеты истрепаны и покрыты налетом зеленой плесени (ибо однажды эти книги ночевали в канаве), а некоторые страницы совершенно размыты грязной водой. Хозяин садится в кресло, медленно набивает глиняную трубку, не отрывая восхищенного взора от книг. Затем он пододвигает к себе одну из них и начинает изучать ее, переворачивая страницы то от начала к концу, то от конца к началу. Брови его сдвинуты, и губы шевелятся от усилий.

— Шесть, маленькое два сверху, крестик и закорючка. Господи, вот голова была!

Через некоторое время усердие его слабеет, он откидывается на спинку кресла и смотрит сквозь

клубы дыма в глубину комнаты, словно видит там нечто, не доступное глазу обыкновенных смертных.

— Сколько тут тайн, — говорит он, — удивительных тайн… Эх, доискаться бы только! Уж я бы не так сделал, как он. Я бы… эх! — Он затягивается трубкой.

Потом он погружается в мечту, в неумирающую волшебную мечту его жизни. И, несмотря на все розыски, предпринимаемые неутомимым Кемпом, ни один человек на свете, кроме самого хозяина трактира, не знает, где находятся эти книги, в которых скрыта тайна невидимости и много других поразительных тайн. И никто этого не узнает до самой его смерти.

1897

Война миров

МОЕМУ БРАТУ ФРЭНКУ УЭЛЛСУ, который подал мне мысль об этой книге
Но кто живет в этих мирах, если они обитаемы?.. Мы или они Владыки Мира?
Разве все предназначено для человека?
Кеплер (Приведено у Бертона в «Анатомии меланхолии»)

Перевод М. Зенкевича

Книга первая
Прибытие марсиан
Глава I
Накануне войны

Никто не поверил бы в последние годы девятнадцатого столетия, что за всем происходящим на Земле зорко и внимательно следят существа более развитые, чем человек, хотя такие же смертные, как и он; что в то время, как люди занимались своими делами, их исследовали и изучали, может быть, так же тщательно, как человек в микроскоп изучает эфемерных тварей, кишащих и размножающихся в капле воды. С бесконечным самодовольством сновали люди по всему земному шару, занятые своими делишками, уверенные в своей власти над материей. Возможно, что инфузория под микроскопом ведет себя так же. Никому не приходило в голову, что более старые миры Вселенной — источник опасности для человеческого рода; самая мысль о какой-либо жизни на них казалась недопустимой и невероятной. Забавно вспомнить некоторые общепринятые в те дни взгляды. Самое большее,

допускалось, что на Марсе живут другие люди, вероятно менее развитые, чем мы, но, во всяком случае, готовые дружески встретить нас как гостей, несущих им просвещение. А между тем через бездну пространства на Землю смотрели глазами, полными зависти, существа с высокоразвитым, холодным, бесчувственным интеллектом, превосходящие нас настолько, насколько мы превосходим вымерших животных, и медленно, но верно вырабатывали свои враждебные нам планы. На заре двадцатого века наши иллюзии были разрушены.

Планета Марс — едва ли нужно напоминать об этом читателю — вращается вокруг Солнца в среднем на расстоянии 140 миллионов миль и получает от него вдвое меньше тепла и света, чем наш мир. Если верна гипотеза о туманностях, то Марс старше Земли; жизнь на его поверхности должна была возникнуть задолго до того, как Земля перестала быть расплавленной. Масса его в семь раз меньше земной, поэтому он должен был значительно скорее охладиться до температуры, при которой могла начаться жизнь. На Марсе есть воздух, вода и все необходимое для поддержания жизни.

Но человек так тщеславен и так ослеплен

своим тщеславием, что никто из писателей до самого конца девятнадцатого века не высказывал мысли о том, что на этой планете могут обитать разумные существа, вероятно даже опередившие в своем развитии людей. Также никто не подумал о том, что так как Марс старше Земли, обладает поверхностью, равной четвертой части земной, и дальше отстоит от Солнца, то, следовательно, и жизнь на нем не только началась гораздо раньше, но уже близится к концу.

Неизбежное охлаждение, которому когда-нибудь подвергнется и наша планета, у нашего соседа, без сомнения, произошло уже давно. Хотя мы почти ничего не знаем об условиях жизни на Марсе, нам все же известно, что даже в его экваториальном поясе средняя дневная температура не выше, чем у нас в самую холодную зиму. Его атмосфера гораздо более разрежена, чем земная, а океаны уменьшились и покрывают только треть его поверхности; вследствие медленного круговорота времен года около его полюсов скапливаются огромные массы льда и затем, оттаивая, периодически затопляют его умеренные пояса. Последняя стадия истощения планеты, для нас еще бесконечно далекая, стала злободневной проблемой для обитателей Марса. Под давлени-

ем неотложной необходимости их ум работал более напряженно, их техника росла, сердца ожесточались. И, глядя в мировое пространство, вооруженные такими инструментами и знаниями, о которых мы только можем мечтать, они видели невдалеке от себя, на расстоянии каких-нибудь 35 миллионов миль по направлению к Солнцу, утреннюю звезду надежды — нашу теплую планету, зеленую от растительности и серую от воды, с туманной атмосферой, красноречиво свидетельствующей о плодородии, с мерцающими сквозь облачную завесу широкими просторами населенных материков и тесными, заполненными флотилиями судов, морями.

Мы, люди, существа, населяющие Землю, должны были казаться им такими же чуждыми и примитивными, как нам — обезьяны и лемуры. Разумом человек признает, что жизнь — это непрерывная борьба за существование, и на Марсе, очевидно, думают так же. Их мир начал уже охлаждаться, а на Земле все еще кипит жизнь, но это жизнь каких-то низших тварей. Завоевать новый мир, ближе к Солнцу, — вот их единственное спасение от неуклонно надвигающейся гибели.

Прежде чем судить их слишком строго, мы должны припомнить, как беспощадно уничто-

жали сами люди не только животных, таких как вымершие бизон и птица додо, но и себе подобных представителей низших рас. Жители Тасмании, например, были уничтожены до последнего за пятьдесят лет истребительной войны, затеянной иммигрантами из Европы. Разве мы сами уж такие поборники милосердия, что можем возмущаться марсианами, действовавшими в том же духе?

Марсиане, очевидно, рассчитали свой спуск с удивительной точностью — их математические познания, судя по всему, значительно превосходят наши — и выполнили свои приготовления изумительно согласованно. Если бы наши приборы были более совершенны, то мы могли бы заметить надвигающуюся грозу еще задолго до конца девятнадцатого столетия. Такие ученые, как Скиапарелли, наблюдали красную планету — любопытно, между прочим, что в течение долгих веков Марс считался звездой войны, — но им не удавалось выяснить причину периодического появления на ней пятен, которые они умели так хорошо заносить на карты. А все эти годы марсиане, очевидно, вели свои приготовления.

Во время противостояния, в 1894 году, на освещенной части планеты был виден сильный свет,

замеченный сначала Ликской обсерваторией, затем Перротеном в Ницце и другими наблюдателями. Английские читатели впервые узнали об этом из журнала «Нэйчер» от 2 августа. Я склонен думать, что это явление означало отливку в глубокой шахте гигантской пушки, из которой марсиане потом обстреливали Землю. Странные явления, до сих пор, впрочем, не объясненные, наблюдались вблизи места вспышки во время двух последующих противостояний.

Гроза разразилась над нами шесть лет назад. Когда Марс приблизился к противостоянию, Лавелль с Явы сообщил астрономам по телеграфу о колоссальном взрыве раскаленного газа на планете. Это случилось 12 августа около полуночи; спектроскоп, к помощи которого он тут же прибег, обнаружил массу горящих газов, главным образом водорода, двигавшуюся к Земле с ужасающей быстротой. Этот поток огня перестал быть видимым около четверти первого. Лавелль сравнил его с колоссальной вспышкой пламени, внезапно вырвавшегося из планеты, «как снаряд из орудия».

Сравнение оказалось очень точным. Однако в газетах на следующий день не появилось никакого сообщения об этом, если не считать небольшой

заметки в «Дейли телеграф», и мир пребывал в неведении самой серьезной из всех опасностей, когда-либо угрожавших человечеству. Вероятно, и я ничего бы не узнал об извержении, если бы не встретился в Оттершоу с известным астрономом Оджилви. Он был до крайности взволнован сообщением и пригласил меня этой ночью принять участие в наблюдениях за красной планетой.

Несмотря на все последовавшие бурные события, я очень ясно помню наше ночное бдение: черная, безмолвная обсерватория, завешенный фонарь в углу, бросающий слабый свет на пол, мерное тиканье часового механизма в телескопе, небольшое продольное отверстие в потолке, откуда зияла бездна, усеянная звездной пылью. Почти невидимый Оджилви бесшумно двигался около прибора. В телескоп виден был темно-синий круг и плававшая в нем маленькая круглая планета. Она казалась такой крохотной, блестящей, с едва заметными поперечными полосами, со слегка неправильной окружностью. Она была так мала, с булавочную головку, и лучилась теплым серебристым светом. Она словно дрожала, но на самом деле это вибрировал телескоп под действием часового механизма, державшего планету в поле зрения.

Во время наблюдения звездочка то уменьшалась, то увеличивалась, то приближалась, то удалялась, но так казалось просто от усталости глаза. Нас отделяли от нее 40 миллионов миль — больше 40 миллионов миль пустоты. Немногие могут представить себе всю необъятность той бездны, в которой плавают пылинки материальной вселенной.

Вблизи планеты, я помню, виднелись три маленькие светящиеся точки, три телескопические звезды, бесконечно удаленные, а вокруг — неизмеримый мрак пустого пространства. Вы знаете, как выглядит эта бездна в морозную звездную ночь. В телескоп она кажется еще глубже. И невидимо для меня, вследствие удаленности и малой величины, неуклонно и быстро стремясь ко мне через все это невероятное пространство, с каждой минутой приближаясь на многие тысячи миль, неслось то, что марсиане послали к нам, то, что должно было принести борьбу, бедствия и гибель на Землю. Я и не подозревал об этом, наблюдая планету; никто на Земле не подозревал об этом метко пущенном метательном снаряде.

В эту ночь снова наблюдался взрыв на Марсе. Я сам видел его. Появился красноватый блеск и чуть заметное вздутие на краю в то самое мгновение,

когда хронометр показывал полночь. Я сообщил об этом Оджилви, и он сменил меня. Ночь была жаркая, и мне захотелось пить; ощупью, неловко ступая в темноте, я двинулся к столику, где стоял сифон, как вдруг Оджилви вскрикнул, увидев несшийся к нам огненный поток газа.

В эту ночь новый невидимый снаряд был выпущен с Марса на Землю — ровно через сутки после первого, с точностью до одной секунды. Помню, как я сидел на столе в темноте; красные и зеленые пятна плыли у меня перед глазами. Я искал огня, чтобы закурить. Я совсем не придавал значения этой мгновенной вспышке и не задумывался над тем, что́ она должна повлечь за собой. Оджилви делал наблюдения до часу ночи; в час он окончил работу; мы зажгли фонарь и отправились к нему домой. Погруженные во мрак, лежали Оттершоу и Чертси, где мирно спали сотни жителей.

Оджилви в эту ночь высказывал разные предположения относительно условий жизни на Марсе и высмеивал вульгарную гипотезу о том, что его обитатели подают нам сигналы. Он полагал, что на планету посыпался целый град метеоритов или что там происходит громадное вулканическое извержение. Он доказывал мне, как маловероятно, чтобы эволюция организмов

проходила одинаково на двух, пусть даже и близких, планетах.

— Один шанс против миллиона за то, что Марс обитаем, — сказал он.

Сотни наблюдателей видели пламя каждую полночь, в эту и последующие десять ночей — по одной вспышке. Почему взрывы прекратились после десятой ночи, этого никто не пытался объяснить. Может быть, газ от выстрелов причинял какие-нибудь неудобства марсианам. Густые клубы дыма или пыли, замеченные в самый сильный земной телескоп, в виде маленьких серых, переливчатых пятен мелькали в чистой атмосфере планеты и затемняли ее знакомые очертания.

Наконец даже газеты заговорили об этих явлениях, там и сям стали появляться популярные заметки относительно вулканов на Марсе. Помнится, юмористический журнал «Панч» очень остроумно воспользовался этим для политической карикатуры. А между тем незримые марсианские снаряды летели к Земле через бездну пустого пространства со скоростью нескольких миль в секунду, приближаясь с каждым часом, с каждым днем. Мне кажется теперь диким, как это люди могли заниматься своими мелкими делишками, когда над ними уже нависла ги-

бель. Я помню, как радовался Маркхем, получив новый фотографический снимок планеты для иллюстрированного журнала, который он тогда редактировал. Люди нынешнего, более позднего времени с трудом представляют себе обилие и предприимчивость журналов в девятнадцатом веке. Я же в то время с большим рвением учился ездить на велосипеде и читал груду журналов, обсуждавших дальнейшее развитие нравственности в связи с прогрессом цивилизации.

Однажды вечером (первый снаряд находился тогда за 10 миллионов миль от нас) я вышел прогуляться вместе с женой. Небо было звездное, и я объяснял ей знаки Зодиака и указал на Марс, на яркую точку света около зенита, куда было направлено столько телескопов. Вечер был теплый. Компания экскурсантов из Чертси или Айлворта, возвращаясь домой, прошла мимо нас с пением и музыкой. В верхних окнах домов светились огни, люди ложились спать. Издалека, с железнодорожной станции, доносился грохот маневрировавших поездов, смягченный расстоянием и звучавший почти мелодично. Жена обратила мое внимание на красные, зеленые и желтые сигнальные огни, горевшие на фоне ночного неба. Все казалось таким спокойным и

безмятежным.

Глава II
Падающая звезда

Затем наступила ночь первой падающей звезды. Ее заметили на рассвете; она неслась над Винчестером, к востоку, очень высоко, чертя огненную линию. Сотни людей видели ее и приняли за обыкновенную падающую звезду. По описанию Элбина, она оставляла за собой зеленоватую полосу, горевшую несколько секунд. Деннинг, наш величайший авторитет по метеоритам, утверждал, что она стала заметна уже на расстоянии девяноста или ста миль. Ему показалось, что она упала на Землю приблизительно за сто миль к востоку от того места, где он находился.

В этот час я был дома и писал в своем кабинете; но, хотя мое окно выходило на Оттершоу и штора была поднята (я любил смотреть в ночное небо), я ничего не заметил. Однако этот метеорит, самый необычайный из всех когда-либо падавших на Землю из мирового пространства, должен был упасть, когда я сидел за столом, и я мог бы увидеть его, если бы взглянул на небо. Некоторые, видев-

шие его полет, говорят, что он летел со свистом, но сам я этого не слышал. Многие жители Беркшира, Сэррея и Миддлсэкса видели его падение, и почти все подумали, что упал новый метеорит. В эту ночь, кажется, никто не поинтересовался взглянуть на упавшую массу.

Бедняга Оджилви, наблюдавший метеорит и убежденный, что он упал где-нибудь на пустоши между Хорселлом, Оттершоу и Уокингом, поднялся рано утром и отправился его разыскивать. Уже рассвело, когда он нашел метеорит неподалеку от песчаного карьера. Он увидел гигантскую воронку, вырытую упавшим телом, и кучи песка и гравия, громоздившиеся среди вереска и заметные за полторы мили. Вереск загорелся и тлел, прозрачный голубой дымок клубился на фоне утреннего неба.

Упавшее тело зарылось в песок, среди разметанных щепок разбитой им при падении сосны. Выступавшая наружу часть имела вид громадного обгоревшего цилиндра; его очертания были скрыты толстым чешуйчатым слоем темного нагара. Цилиндр был около тридцати ярдов в диаметре. Оджилви приблизился к этой массе, пораженный ее объемом и особенно формой, так как обычно метеориты бывают более или

менее шарообразны. Однако цилиндр был так сильно раскален от полета сквозь атмосферу, что к нему еще нельзя было подойти достаточно близко. Легкий шум, слышавшийся изнутри цилиндра, Оджилви приписал неравномерному охлаждению его поверхности. В это время ему не приходило в голову, что цилиндр может быть полым.

Оджилви стоял на краю образовавшейся ямы, изумленный необычайной формой и цветом цилиндра, начиная смутно догадываться о его назначении. Утро было необычайно тихое; солнце, только что осветившее сосновый лес около Уэйбриджа, уже пригревало. Оджилви говорил, что он не слышал пения птиц в это утро, не было ни малейшего ветерка и только из покрытого нагаром цилиндра раздавались какие-то звуки. На пустоши никого не было.

Вдруг он с удивлением заметил, что слой нагара, покрывавший метеорит, с верхнего края цилиндра стал отваливаться. Кусочки шлака падали на песок, точно хлопья снега или капли дождя. Внезапно отвалился и с шумом упал большой кусок; Оджилви не на шутку испугался.

Еще ничего не подозревая, он спустился в яму и, несмотря на сильный жар, подошел вплотную к

цилиндру, чтобы получше его разглядеть. Астроном все еще думал, что странное явление вызвано охлаждением тела, но этому противоречил тот факт, что нагар спадал только с края цилиндра.

И вдруг Оджилви заметил, что круглая вершина цилиндра медленно вращается. Он обнаружил это едва заметное вращение только потому, что черное пятно, бывшее против него пять минут назад, находилось теперь в другой точке окружности. Все же он не вполне понимал, что это значит, пока не услышал глухой скребущий звук и не увидел, что черное пятно продвинулось вперед почти на дюйм. Тогда он наконец догадался, в чем дело. Цилиндр был искусственный, полый, с отвинчивающейся крышкой! Кто-то внутри цилиндра отвинчивал крышку!

— Боже мой! — воскликнул Оджилви. — Там внутри человек! Эти люди чуть не изжарились! Они пытаются выбраться!

Он мгновенно сопоставил появление цилиндра со взрывом на Марсе.

Мысль о заключенном в цилиндре существе так ужаснула Оджилви, что он позабыл про жар и подошел к цилиндру еще ближе, чтобы помочь отвернуть крышку. Но, к счастью, пышущий жар удержал его вовремя, и он не обжегся

о раскаленный металл. Он постоял с минуту в нерешительности, потом вылез из ямы и со всех ног побежал к Уокингу. Было около шести часов. Ученый встретил возчика и попытался объяснить ему, что случилось, но говорил так бессвязно и у него был такой дикий вид — шляпу он потерял в яме, — что тот просто проехал мимо. Так же неудачливо обратился он к трактирщику, который только что отворил дверь трактира у Хорселлского моста. Тот подумал, что это сбежавший сумасшедший, и попытался было затащить его в распивочную. Это немного отрезвило Оджилви, и, увидев Гендерсона, лондонского журналиста, копавшегося у себя в садике, он окликнул его через забор и постарался говорить как можно толковей.

— Гендерсон, — начал Оджилви, — прошлую ночь вы видели падающую звезду?

— Ну?

— Она на Хорселлской пустоши.

— Боже мой! — воскликнул Гендерсон. — Упавший метеорит! Это интересно.

— Но это не простой метеорит. Это цилиндр, искусственный цилиндр. И в нем что-то есть.

Гендерсон выпрямился с лопатой в руке.

— Что такое? — переспросил он. Он был туговат

на одно ухо.

Оджилви рассказал все, что видел. Гендерсон с минуту соображал. Потом бросил лопату, схватил пиджак и вышел на дорогу. Оба поспешно направились к метеориту. Цилиндр лежал все в том же положении. Звуков изнутри не было слышно, а между крышкой и корпусом цилиндра блестела тонкая металлическая нарезка. Воздух или вырывался наружу, или входил внутрь с резким свистом.

Они стали прислушиваться, постучали палкой по слою нагара и, не получив ответа, решили, что человек или люди, заключенные внутри, либо потеряли сознание, либо умерли.

Конечно, вдвоем они ничего не могли сделать. Они прокричали несколько ободряющих слов, пообещав вернуться, и поспешили в город за помощью. Возбужденные и растрепанные, запачканные песком, они бежали в ярком солнечном свете по узкой улице в тот утренний час, когда лавочники снимают ставни витрин, а обыватели раскрывают окна своих спален. Гендерсон прежде всего отправился на железнодорожную станцию, чтобы сообщить новость по телеграфу в Лондон. Газеты уже подготовили читателей к тому, чтобы услышать эту сенсационную новость.

К восьми часам толпа мальчишек и зевак направлялась к пустоши, чтобы посмотреть на «мертвецов с Марса». Такова была первая версия о происшедшем. Я впервые услыхал об этом от своего газетчика в четверть девятого, когда вышел купить номер «Дейли кроникл». Разумеется, я был крайне поражен и немедленно пошел через Оттершоу-бридж к песчаному карьеру.

Глава III
На Хорселлской пустоши

Около огромной воронки, где лежал цилиндр, я застал человек двадцать. Я уже говорил, как выглядел этот колоссальный, зарывшийся в землю снаряд. Дерн и гравий вокруг него обуглились, точно от внезапного взрыва. Очевидно, при ударе цилиндра вспыхнуло пламя. Гендерсона и Оджилви там не было. Вероятно, они решили, что пока ничего сделать нельзя, и ушли завтракать к Гендерсону.

На краю ямы, болтая ногами, сидело четверо или пятеро мальчишек; они забавлялись (пока я не остановил их), бросая камешки в чудовищную махину. Потом, выслушав меня, они начали играть в пятнашки, бегая вокруг взрослых.

Среди собравшихся были два велосипедиста, садовник-поденщик, которого я иногда нанимал, девушка с ребенком на руках, мясник Грегг со своим сынишкой, несколько гуляк и мальчиков, прислуживающих при игре в гольф и обычно снующих возле станции. Говорили мало. В то время в Англии немногие из простонародья имели представление об астрономии. Большинство зрителей спокойно смотрело на плоскую крышку цилиндра, которая находилась в том же положении, в каком ее оставили Оджилви и Гендерсон. Я думаю, все были разочарованы, найдя вместо обугливших тел неподвижную громаду цилиндра, некоторые уходили домой, вместо них подходили другие. Я спустился в яму, и мне показалось, что я ощущаю слабое колебание под ногами. Крышка была неподвижна.

Только подойдя совсем близко к цилиндру, я обратил внимание на его необычайный вид. На первый взгляд он казался не более странным, чем опрокинувшийся экипаж или дерево, упавшее на дорогу. Пожалуй, даже меньше. Больше всего он был похож на ржавый газовый резервуар, погруженный в землю. Только человек, обладающий научными познаниями, мог заметить, что серый нагар на цилиндре был не простой окисью, что

желтовато-белый металл, поблескивавший под крышкой, был необычного оттенка. Слово «внеземной» большинству зрителей было непонятно.

Я уже не сомневался, что цилиндр упал с Марса, но считал невероятным, чтобы в нем находилось какое-нибудь живое существо. Я предполагал, что развинчивание происходит автоматически. Несмотря на слова Оджилви, я был уверен, что на Марсе живут люди. Моя фантазия разыгралась: возможно, что внутри запрятан какой-нибудь манускрипт; сумеем ли мы его перевести, найдем ли там монеты, разные вещи? Впрочем, цилиндр был, пожалуй, слишком велик для этого. Меня разбирало нетерпение посмотреть, что там внутри. Около одиннадцати, видя, что ничего особенного не происходит, я вернулся домой в Мэйбэри. Но я уже не мог приняться за свои отвлеченные исследования.

После полудня пустырь стал неузнаваем. Ранний выпуск вечерних газет поразил весь Лондон:

ПОСЛАНИЕ С МАРСА
НЕБЫВАЛОЕ СОБЫТИЕ В УОКИНГЕ, —

гласили заголовки, набранные крупным шрифтом. Кроме того, телеграмма Оджилви Астроно-

мическому обществу всполошила все британские обсерватории.

На дороге у песчаной ямы стояло полдюжины пролеток со станции, фаэтон из Чобхема, чья-то карета, уйма велосипедов. Много народу, несмотря на жаркий день, пришло пешком из Уокинга и Чертси, так что собралась порядочная толпа, было даже несколько разряженных дам.

Стояла удушливая жара; на небе ни облачка, ни малейшего ветра, и тень можно было найти только под редкими соснами. Вереск уже не горел, но равнина чуть не до самого Оттершоу почернела и дымилась. Предприимчивый хозяин бакалейной лавочки на Чобхемской дороге прислал своего сына с ручной тележкой, нагруженной зелеными яблоками и бутылками с имбирным лимонадом.

Подойдя к краю воронки, я увидел в ней группу людей: Гендерсона, Оджилви и высокого белокурого джентльмена (как я узнал после, это был Стэнт, королевский астроном); несколько рабочих, вооруженных лопатами и кирками, стояло тут же. Стэнт отчетливо и громко давал указания. Он взобрался на крышку цилиндра, которая, очевидно, успела остыть. Лицо у него раскраснелось, пот катился градом по лбу и щекам, и он явно был чем-то раздражен.

Бóльшая часть цилиндра была откопана, хотя нижний конец все еще находился в земле. Оджилви увидел меня в толпе, обступившей яму, подозвал и попросил сходить к лорду Хилтону, владельцу этого участка.

Все увеличивающаяся толпа, говорил он, особенно мальчишки, мешает работам. Нужно отгородиться от публики и отдалить ее. Он сообщил мне, что из цилиндра доносится слабый шум и что рабочим не удалось отвинтить крышку, так как не за что ухватиться. Стенки цилиндра, по-видимому, очень толсты и, вероятно, приглушают доносившийся оттуда шум.

Я был очень рад исполнить его просьбу, надеясь таким образом попасть в число привилегированных зрителей при предстоящем вскрытии цилиндра. Лорда Хилтона я не застал дома, но узнал, что его ожидают из Лондона с шестичасовым поездом: так как была только четверть шестого, я зашел домой выпить стакан чаю, а потом отправился на станцию, чтобы перехватить Хилтона на дороге.

Глава IV

Цилиндр открывается

Когда я вернулся на пустошь, солнце уже садилось. Публика из Уокинга все прибывала, домой возвращались только двое-трое. Толпа вокруг воронки все росла, чернея на лимонно-желтом фоне неба; собралось более ста человек. Что-то кричали; около ямы происходила какая-то толкотня. Меня охватило тревожное предчувствие. Приблизившись, я услышал голос Стэнта:

— Отойдите! Отойдите!

Пробежал какой-то мальчуган.

— Оно движется, — сообщил он мне, — все вертится да вертится. Мне это не нравится. Я лучше пойду домой.

Я подошел ближе. Толпа была густая — человек двести-триста; все толкались, наступали друг другу на ноги. Нарядные дамы проявляли особенную предприимчивость.

— Он упал в яму! — крикнул кто-то.

— Назад, назад! — раздавались голоса.

Толпа немного отхлынула, и я протолкался вперед. Все были сильно взволнованы. Я услышал какой-то странный, глухой шум, доносившийся из ямы.

— Да осадите же наконец этих идиотов! — крик-

нул Оджилви. — Ведь мы не знаем, что в этой проклятой штуке!

Я увидел молодого человека, кажется приказчика из Уокинга, который влез на цилиндр, пытаясь выбраться из ямы, куда его столкнула толпа.

Верхняя часть цилиндра отвинчивалась изнутри. Было видно около двух футов блестящей винтовой нарезки. Кто-то, оступившись, толкнул меня, я пошатнулся, и меня чуть было не скинули на вращающуюся крышку. Я обернулся, и, пока смотрел в другую сторону, винт, должно быть, вывинтился весь и крышка цилиндра со звоном упала на гравий. Я толкнул локтем кого-то позади себя и снова повернулся к цилиндру. Круглое пустое отверстие казалось совершенно черным. Заходящее солнце било мне прямо в глаза.

Все, вероятно, ожидали, что из отверстия покажется человек; может быть, не совсем похожий на нас, земных людей, но все же подобный нам. По крайней мере, я ждал этого. Но, взглянув, я увидел что-то копошащееся в темноте — сероватое, волнообразное, движущееся; блеснули два диска, похожие на глаза. Потом что-то вроде серой змеи, толщиной в трость, стало выползать кольцами из отверстия и двигаться, извиваясь, в мою сторону — одно, потом другое.

Меня охватила дрожь. Позади закричала какая-то женщина. Я немного повернулся, не спуская глаз с цилиндра, из которого высовывались новые щупальца, и начал проталкиваться подальше от края ямы. На лицах окружающих меня людей удивление сменилось ужасом. Со всех сторон послышались крики. Толпа попятилась. Приказчик все еще не мог выбраться из ямы. Скоро я остался один и видел, как убегали люди, находившиеся по другую сторону ямы, в числе их был и Стэнт. Я снова взглянул на цилиндр и оцепенел от ужаса. Я стоял, точно в столбняке, и смотрел.

Большая сероватая круглая туша, величиной, пожалуй, с медведя, медленно, с трудом вылезала из цилиндра. Высунувшись на свет, она залоснилась, точно мокрый ремень. Два больших темных глаза пристально смотрели на меня. У чудовища была круглая голова и, если можно так выразиться, лицо. Под глазами находился рот, края которого двигались и дрожали, выпуская слюну. Чудовище тяжело дышало, и все его тело судорожно пульсировало. Одно его тонкое щупальце упиралось в край цилиндра, другим оно размахивало в воздухе.

Тот, кто не видел живого марсианина, вряд ли может представить себе его страшную, отврати-

тельную внешность. Треугольный рот, с выступающей верхней губой, полнейшее отсутствие лба, никаких признаков подбородка под клинообразной нижней губой, непрерывное подергивание рта, щупальца, как у Горгоны, шумное дыхание в непривычной атмосфере, неповоротливость и затрудненность в движениях — результат большей силы притяжения Земли, — в особенности же огромные пристальные глаза — все это было омерзительно до тошноты. Маслянистая темная кожа напоминала скользкую поверхность гриба, неуклюжие, медленные движения внушали невыразимый ужас. Даже при первом впечатлении, при беглом взгляде я почувствовал смертельный страх и отвращение.

Вдруг чудовище исчезло. Оно перевалилось через край цилиндра и упало в яму, шлепнувшись, точно большой тюк кожи. Я услыхал своеобразный глухой звук, и вслед за первым чудовищем в темном отверстии показалось второе.

Мое оцепенение внезапно прошло, я повернулся и со всех ног побежал к деревьям, находившимся в каких-нибудь ста ярдах от цилиндра; но бежал я боком и то и дело спотыкался, потому что не мог отвести глаз от этих чудовищ.

Там, среди молодых сосен и кустов дрока, я

остановился, задыхаясь, и стал ждать, что будет дальше. Простиравшаяся вокруг песчаной ямы пустошь была усеяна людьми, подобно мне с любопытством и страхом наблюдавшими за чудовищами, вернее, за кучей гравия на краю ямы, в которой они лежали. И вдруг я заметил с ужасом что-то круглое, темное, высовывающееся из ямы. Это была голова свалившегося туда продавца, казавшаяся черной на фоне заката. Вот показались его плечи и колено, но он снова соскользнул вниз, виднелась одна голова. Потом он скрылся, и мне послышался его слабый крик. Первым моим движением было вернуться, помочь ему, но я не мог преодолеть страха.

Больше я ничего не видел, все скрылось в глубокой яме и за грудами песка, взрытого упавшим цилиндром. Всякий, кто шел бы по дороге из Чобхема или Уокинга, был бы удивлен таким необычайным зрелищем: около сотни людей рассыпались в канавах, за кустами, за воротами и изгородями и молча, изредка обмениваясь отрывистыми восклицаниями, во все глаза смотрели на кучи песка. Брошенный бочонок с имбирным лимонадом чернел на фоне пламенеющего неба, а у песчаного карьера стояли пустые экипажи; лошади ели овес из своих торб и рыли копытами

землю.

Глава V
Тепловой луч

Вид марсиан, выползавших из цилиндра, в котором они явились на Землю со своей планеты, казалось, зачаровал и парализовал меня. Я долго стоял среди кустов вереска, доходивших мне до колена, и смотрел на груды песка. Во мне боролись страх и любопытство.

Я не решался снова приблизиться к яме, но мне очень хотелось заглянуть туда. Поэтому я начал кружить, отыскивая более удобный наблюдательный пункт и не спуская глаз с груды песка, за которой скрывались пришельцы с Марса. Один раз в сиянии заката показались три каких-то черных конечности, вроде щупалец осьминога, но тотчас же скрылись; потом поднялась тонкая коленчатая мачта с каким-то круглым, медленно вращающимся и слегка колеблющимся диском наверху. Что они там делают?

Зрители разбились на две группы: одна, побольше, — ближе к Уокингу, другая, поменьше, — к Чобхему. Очевидно, они колебались, так же как и я. Невдалеке от меня стояло несколько человек. Я

подошел к одному — это был мой сосед, я не знал, как его зовут, но попытался с ним заговорить. Однако момент для разговора был неподходящий.

— Что за чудовища! — сказал он. — Боже, какие они страшные! — Он повторил это несколько раз.

— Видели вы человека в яме? — спросил я, но он ничего не ответил.

Мы молча стояли рядом и пристально смотрели, чувствуя себя вдвоем более уверенно. Потом я встал на бугор высотой около ярда, чтобы удобнее было наблюдать. Оглянувшись, я увидел, что мой сосед пошел по направлению к Уокингу.

Солнце село, сумерки сгустились, а ничего нового не произошло. Толпа налево, ближе к Уокингу, казалось, увеличилась, и я услышал ее неясный гул. Группа людей по дороге к Чобхему рассеялась. В яме как будто все замерло.

Зрители мало-помалу осмелели. Должно быть, новоприбывшие из Уокинга приободрили толпу. В полумраке на песчаных буграх началось медленное прерывистое движение, — казалось, царившая кругом тишина успокаивающе подействовала на людей. Черные фигуры, по двое и по трое, двигались, останавливались и снова двигались, растягиваясь тонким неправильным

полумесяцем, рога которого постепенно охватывали яму. Я тоже стал продвигаться к яме.

Потом я увидел, как кучера покинутых экипажей и другие смельчаки подошли к яме, и услышал стук копыт и скрип колес. Мальчик из лавки покатил тележку с яблоками. Затем в тридцати ярдах от ямы я заметил черную кучку людей, идущих от Хорселла; впереди кто-то нес развевающийся белый флаг.

Это была делегация. В городе, наскоро посовещавшись, решили, что марсиане, несмотря на свою безобразную внешность, очевидно, разумные существа и надо сигнализировать им, что и мы тоже существа разумные.

Флаг, развеваясь по ветру, приближался — сначала справа от меня, потом слева. Я стоял слишком далеко, чтобы разглядеть кого-нибудь, но позже узнал, что Оджилви, Стэнт и Гендерсон вместе с другими принимали участие в этой попытке завязать сношения с марсианами. Делегация, казалось, притягивала к себе почти сомкнувшееся кольцо публики, и много неясных темных фигур следовало за ней на почтительном расстоянии.

Вдруг сверкнул луч света, и светящийся зеленоватый дым взлетел над ямой тремя клубами,

поднявшимися один за другим в неподвижном воздухе.

Этот дым (слово «пламя», пожалуй, здесь более уместно) был так ярок, что темно-синее небо наверху и бурая, простиравшаяся до Чертси, подернутая туманом пустошь с торчащими кое-где соснами вдруг стали казаться совсем черными. В тот же миг послышался какой-то слабый шипящий звук.

На краю воронки стояла кучка людей с белым флагом, оцепеневших от изумления, маленькие черные силуэты вырисовывались на фоне неба над черной землей. Вспышка зеленого дыма осветила на миг их бледно-зеленоватые лица.

Шипение перешло сперва в глухое жужжание, потом в громкое непрерывное гудение; из ямы вытянулась горбатая тень, и сверкнул луч какого-то искусственного света.

Языки пламени, ослепительный огонь перекинулись на кучку людей. Казалось, невидимая струя ударила в них и вспыхнула белым сиянием. Мгновенно каждый из них превратился как бы в горящий факел.

При свете пожиравшего их пламени я видел, как они шатались и падали, находившиеся позади разбегались в разные стороны.

Я стоял и смотрел, еще не вполне сознавая, что это смерть перебегает по толпе от одного к другому. Я понял только, что произошло нечто странное. Почти бесшумная ослепительная вспышка света — и человек падает ничком и лежит неподвижно. От невидимого пламени загорались сосны, потрескивая, вспыхивал сухой дрок. Даже вдалеке, у Нэп-Хилла, занялись деревья, заборы, деревянные постройки.

Эта огненная смерть, этот невидимый неотвратимый пылающий меч наносил мгновенные, меткие удары. По вспыхнувшему кустарнику я понял, что он приближается ко мне, но я был слишком поражен и ошеломлен, чтобы спасаться бегством. Я слышал гудение огня в песчаном карьере и внезапно оборвавшееся ржание лошади. Как будто чей-то невидимый раскаленный палец двигался по пустоши между мной и марсианами, вычерчивая огненную кривую, и повсюду кругом темная земля дымилась и шипела. Что-то с грохотом упало вдалеке, где-то слева, там, где выходит на пустошь дорога к уокингской станции. Шипение и гуд прекратились, и черный куполообразный предмет медленно опустился в яму и скрылся.

Это произошло так быстро, что я все еще стоял

неподвижно, пораженный и ослепленный блеском огня. Если бы смерть описала полный круг, она неизбежно испепелила бы и меня. Но она скользнула мимо и меня пощадила.

Окружающая темнота стала еще более жуткой и мрачной. Холмистая пустошь казалась черной, только полоска шоссе серела под темно-синим небом. Люди исчезли. Вверху мерцали звезды, а на западе светилась бледная зеленоватая полоса. Вершины сосен и крыши Хорселла четко выступали на вечернем небе. Марсиане и их орудия были невидимы, только на тонкой мачте беспрерывно вращалось зеркало. Тлели деревья, кое-где дымился кустарник, а в неподвижном вечернем воздухе над домами близ станции Уокинг поднимались столбы пламени.

Все осталось таким же, как было, словно и не пролетал этот смерч огня. Кучка черных фигурок с белым флагом была уничтожена, но мне казалось, что за весь этот вечер никто и не пытался нарушить тишину.

Вдруг я понял, что стою здесь, на темной пустоши, один, беспомощный, беззащитный. Точно что-то обрушилось на меня… Страх!

С усилием я повернулся и побежал, спотыкаясь, по вереску.

Страх, охвативший меня, был не просто страхом. Это был безотчетный ужас и перед марсианами, и перед царившими вокруг мраком и тишиной. Мужество покинуло меня, и я бежал, всхлипывая, как ребенок. Оглянуться назад я не решался.

Помню, у меня было такое чувство, что мной кто-то играет, что вот теперь, когда я уже почти в безопасности, таинственная смерть, мгновенная, как вспышка огня, вдруг выпрыгнет из темной ямы, где лежит цилиндр, и уничтожит меня на месте.

Глава VI
Тепловой луч на Чобхемской дороге

До сих пор еще не объяснено, каким образом марсиане могут умерщвлять людей так быстро и так бесшумно. Многие предполагают, что они как-то концентрируют интенсивную теплоту в абсолютно не проводящей тепло камере. Эту конденсированную теплоту они бросают параллельными лучами на тот предмет, который они избрали целью, при посредстве полированного параболического зеркала из неизвестного вещества, подобно тому как параболическое зеркало

маяка отбрасывает снопы света. Но никто не сумел убедительно это доказать. Несомненно одно: здесь действуют тепловые лучи. Тепловые невидимые лучи вместо видимого света. Все, что только может гореть, превращается в языки пламени при их прикосновении; свинец растекается, как жидкость; железо размягчается; стекло трескается и плавится, а когда они падают на воду, она мгновенно превращается в пар.

В эту ночь около сорока человек лежали под звездами близ ямы, обугленные и обезображенные до неузнаваемости, и всю ночь пустошь между Хорселлом и Мэйбэри была безлюдна и над ней пылало зарево.

В Чобхеме, Уокинге и Оттершоу, вероятно, в одно и то же время узнали о катастрофе. В Уокинге лавки уже были закрыты, когда это произошло, и группы людей, заинтересованных слышанными рассказами, шли по Хорселлскому мосту и по дороге, окаймленной изгородями, направляясь к пустоши. Молодежь, окончив дневную работу, воспользовалась этой новостью, конечно, как предлогом пойти погулять и пофлиртовать. Вы можете представить себе, какой гул голосов раздавался на темной дороге…

В Уокинге лишь немногие знали, что цилиндр

открылся, хотя бедняга Гендерсон отправил посыльного на велосипеде в почтовую контору со специальной телеграммой для вечерней газеты.

Когда гуляющие по двое и по трое выходили на открытое место, то видели людей, возбужденно что-то говоривших и посматривающих на вращающееся над песчаным карьером зеркало; волнение их, без сомнения, передавалось и вновь пришедшим.

Около половины девятого, незадолго до гибели делегации, близ ямы собралась толпа человек в триста, если не больше, не считая тех, которые свернули с дороги, чтобы подойти поближе к марсианам. Среди них находились три полисмена, причем один конный; они старались, согласно инструкциям Стэнта, осадить толпу и не подпускать ее к цилиндру. Не обошлось, конечно, без протеста со стороны горячих голов, для которых всякое сборище является поводом пошуметь и побалагурить.

Как только марсиане показались из своего цилиндра, Стэнт и Оджилви, предупреждая возможность столкновения, телеграфировали из Хорселла в казармы с просьбой прислать роту солдат для того, чтобы оградить этих странных существ от насилия. После этого они вернулись

во главе злополучной делегации. Находившиеся в толпе люди впоследствии описывали их смерть — они видели то же, что и я: три клуба зеленого дыма, глухое гудение и вспышки пламени.

Однако толпе зрителей грозила бóльшая опасность, чем мне. Их спас только песчаный, поросший вереском холм, задержавший часть тепловых лучей. Если бы параболическое зеркало было поднято на несколько ярдов выше, не осталось бы ни одного живого свидетеля. Они видели, как вспыхивал огонь, как падали люди, как невидимая рука, зажигавшая кустарники, быстро приближалась к ним в сумерках. Потом со свистом, заглушившим гул из ямы, луч сверкнул над их головами, вспыхнули вершины буков, окаймлявших дорогу; в доме, ближайшем к пустоши, треснули кирпичи, разлетелись стекла, занялись оконные рамы и обрушилась часть крыши.

Когда затрещали и загудели пылающие деревья, охваченная паникой толпа несколько секунд нерешительно топталась на месте. Искры и горящие сучья падали на дорогу, кружились огненные листья. Загорались шляпы и платья. С пустоши послышался пронзительный крик.

Крики и вопли сливались в оглушительный гул. Конный полисмен, схватившись руками за

голову, проскакал среди взбудораженной толпы, громко крича.

— Они идут! — крикнул женский голос, и, нажимая на стоявших позади, люди стали прокладывать себе дорогу к Уокингу. Толпа разбегалась вслепую, как стадо баранов. Там, где дорога становилась уже и темнее, между высокими насыпями, произошла отчаянная давка. Не обошлось без жертв: трое — две женщины и один мальчик — были раздавлены и затоптаны; их оставили умирать среди ужаса и мрака.

Глава VII
Как я добрался до дому

Что касается меня, то я помню только, что натыкался на деревья и то и дело падал, пробираясь сквозь кустарник. Надо мною навис невидимый ужас; безжалостный тепловой меч марсиан, казалось, замахивался, сверкая над моей головой, и вот-вот должен был обрушиться и поразить меня. Я выбрался на дорогу между перекрестком и Хорселлом и побежал к перекрестку.

В конце концов я изнемог от волнения и быстрого бега, пошатнулся и упал у дороги, невдалеке от моста через канал у газового завода. Я лежал

неподвижно.

Пролежал я так, должно быть, довольно долго.

Я приподнялся и сел в полном недоумении. С минуту я не мог понять, как я сюда попал. Я стряхнул с себя недавний ужас, точно одежду. Шляпа моя исчезла, и воротничок соскочил с запонки. Несколько минут назад передо мной были только необъятная ночь, пространство и природа, моя беспомощность, страх и близость смерти. И теперь все сразу переменилось, и мое настроение было совсем другим. Переход от одного душевного состояния к другому совершился незаметно. Я стал снова самим собой, таким, каким я бывал каждый день, обыкновенным скромным горожанином. Безмолвная пустошь, мое бегство, летучее пламя — все казалось мне сном. Я спрашивал себя: было ли это на самом деле? Мне просто не верилось, что это произошло наяву.

Я встал и пошел по крутому подъему моста. Голова плохо работала. Мускулы и нервы расслабились… Я пошатывался, как пьяный. С другой стороны изогнутого аркой моста показалась чья-то голова, и появился рабочий с корзиной. Рядом с ним шагал маленький мальчик. Рабочий прошел мимо, пожелав мне доброй ночи. Я хотел заговорить с ним и не мог. Я только ответил на его

приветствие каким-то бессвязным бормотанием и пошел дальше по мосту.

На повороте к Мэйбэри поезд — волнистая лента белого искрящегося дыма и длинная вереница светлых окон — пронесся к югу: тук-тук... тук-тук... и исчез. Еле различимая в темноте группа людей разговаривала у ворот одного из домов, составлявших так называемую Восточную террасу. Все это было так реально, так знакомо! А то — там, в поле?.. Невероятно, фантастично! «Нет, — подумал я, — этого не могло быть».

Наверное, я человек особого склада и мои ощущения не совсем обычны. Иногда я страдаю от странного чувства отчужденности от самого себя и от окружающего мира. Я как бы извне наблюдаю за всем, откуда-то издалека, вне времени, вне пространства, вне житейской борьбы с ее трагедиями. Такое ощущение было очень сильно у меня в ту ночь. Все это, быть может, мне просто почудилось.

Здесь такая безмятежность, а там, за каких-нибудь две мили, стремительная, летучая смерть. Газовый завод шумно работал, и электрические фонари ярко горели. Я остановился подле разговаривающих.

— Какие новости с пустоши? — спросил я.

У ворот стояли двое мужчин и женщина.

— Что? — переспросил один из мужчин, оборачиваясь.

— Какие новости с пустоши? — спросил я.

— Разве вы сами там не были? — спросили они.

— Люди, кажется, прямо помешались на этой пустоши, — сказала женщина из-за ворот. — Что они там нашли?

— Разве вы не слышали о людях с Марса? — сказал я. — О живых существах с Марса?

— Сыты по горло, — ответила женщина из-за ворот. — Спасибо. — И все трое засмеялись.

Я оказался в глупом положении. Раздосадованный, я попытался рассказать им о том, что видел, но у меня ничего не вышло. Они только смеялись над моими сбивчивыми фразами.

— Вы еще услышите об этом! — крикнул я и пошел домой.

Я испугал жену своим измученным видом. Прошел в столовую, сел, выпил немного вина и, собравшись с мыслями, рассказал ей обо всем, что произошло. Подали обед — уже остывший, — но нам было не до еды.

— Только одно хорошо, — заметил я, чтобы успокоить встревоженную жену. — Это самые

неповоротливые существа из всех, каких мне приходилось видеть. Они могут ползать в яме и убивать людей, которые подойдут к ним близко, но они не сумеют оттуда вылезти… Как они ужасны!..

— Не говори об этом, дорогой! — воскликнула жена, хмуря брови и кладя свою руку на мою.

— Бедный Оджилви! — сказал я. — Подумать только, что он лежит там мертвый!

По крайней мере, жена мне поверила. Я заметил, что лицо у нее стало смертельно бледным, и перестал говорить об этом.

— Они могут прийти сюда, — повторяла она.

Я настоял, чтобы она выпила вина, и постарался разубедить ее.

— Они еле-еле могут двигаться, — сказал я.

Я стал успокаивать и ее, и себя, повторяя все то, что говорил мне Оджилви о невозможности для марсиан приспособиться к земным условиям. Особенно я напирал на затруднения, вызываемые силой тяготения. На поверхности Земли сила тяготения втрое больше, чем на поверхности Марса. Всякий марсианин поэтому будет весить на Земле в три раза больше, чем на Марсе, между тем как его мускульная сила не увеличится. Его тело точно нальется свинцом. Таково было общее

мнение. И «Таймс», и «Дейли телеграф» писали об этом на следующее утро, и обе газеты, как и я, упустили из виду два существенных обстоятельства.

Атмосфера Земли, как известно, содержит гораздо больше кислорода и гораздо меньше аргона, чем атмосфера Марса. Живительное действие этого избытка кислорода на марсиан явилось, бесспорно, сильным противовесом увеличившейся тяжести их тела. К тому же мы упустили из виду, что при своей высокоразвитой технике марсиане смогут в крайнем случае обойтись и без физических усилий.

В тот вечер я об этом не думал, и потому мои доводы против мощи пришельцев казались неоспоримыми. Под влиянием вина и еды, чувствуя себя в безопасности за своим столом и стараясь успокоить жену, я и сам понемногу осмелел.

— Они сделали большую глупость, — сказал я, прихлебывая вино. — Они опасны, потому что, наверное, обезумели от страха. Может быть, они совсем не ожидали встретить живых существ, особенно разумных живых существ. В крайнем случае один хороший снаряд по яме, и все будет кончено, — прибавил я.

Сильное возбуждение — результат пережитых

волнений, — очевидно, обострило мои чувства. Я и теперь необыкновенно ясно помню этот обед. Милое, встревоженное лицо жены, смотрящей на меня из-под розового абажура, белая скатерть, серебро и хрусталь (в те дни даже писатели-философы могли позволить себе некоторую роскошь), темно-красное вино в стакане — все это запечатлелось у меня в памяти. Я сидел за столом, покуривая папиросу для успокоения нервов, сожалел о необдуманном поступке Оджилви и доказывал, что марсиан нечего бояться.

Точно так же какая-нибудь солидная птица на острове Св. Маврикия, чувствуя себя полным хозяином своего гнезда, могла бы обсуждать прибытие безжалостных изголодавшихся моряков.

— Завтра мы с ними разделаемся, дорогая!

Я не знал тогда, что за этим последним моим обедом в культурной обстановке последуют ужасные, необычайные события.

Глава VIII
В пятницу вечером

Самым невероятным из всего того странного и поразительного, что произошло в ту пятницу, кажется мне полное несоответствие между

неизменностью нашего общественного уклада и началом той цепи событий, которая должна была в корне перевернуть его. Если бы в пятницу вечером взять циркуль и очертить круг радиусом в пять миль вокруг песчаного карьера возле Уокинга, то я сомневаюсь, оказался ли бы хоть один человек за его пределами (кроме разве родственников Стэнта и родственников велосипедистов и лондонцев, лежавших мертвыми на пустоши), чье настроение и привычки были бы нарушены пришельцами. Разумеется, многие слышали о цилиндре и рассуждали о нем на досуге, но он не произвел такой сенсации, какую произвел бы, скажем, ультиматум, предъявленный Германии.

Полученная в Лондоне телеграмма бедняги Гендерсона о развинчивании цилиндра была принята за утку; вечерняя газета послала ему телеграмму с просьбой прислать подтверждение и, не получив ответа — Гендерсона уже не было в живых, — решила не печатать экстренного выпуска.

Внутри круга радиусом в пять миль большинство населения ровно ничего не предпринимало. Я уже описывал, как вели себя мужчины и женщины, с которыми мне пришлось говорить. По всему округу мирно обедали и ужинали, рабочие

после трудового дня возились в своих садиках, укладывали детей спать, молодежь парочками гуляла в укромных аллеях, учащиеся сидели за своими книгами.

Может быть, о случившемся поговаривали на улицах и судачили в пивных; какой-нибудь вестник или очевидец только что происшедших событий вызывал кое-где волнение, беготню и крик, но у большинства людей жизнь шла по заведенному с незапамятных лет порядку; работа, еда, питье, сон — все как обычно, точно в небе и не было никакого Марса. Даже на станции Уокинг, в Хорселле, в Чобхеме ничто не изменилось.

На узловой станции в Уокинге до поздней ночи поезда останавливались и отправлялись или переводились на запасные пути; пассажиры выходили из вагонов или ожидали поезда — все шло своим чередом. Мальчишка из города, нарушая монополию газетчика Смита, продавал вечернюю газету. Громыхание товарных составов, резкие свистки паровозов заглушали его выкрики о «людях с Марса». Около девяти часов на станцию стали прибывать взволнованные очевидцы с сенсационными известиями, но они произвели не больше впечатления, чем пьяные, болтающие всякий вздор. Пассажиры, мчав-

шиеся к Лондону, смотрели в темноту из окон вагонов, видели редкие взлетающие искры около Хорселла, красный отблеск и тонкую пелену дыма, застилавшую звезды, и думали, что ничего особенного не случилось, что это горит вереск. Только на краю пустоши заметно было некоторое смятение. На окраине Уокинга горело несколько домов. В окнах трех прилегающих к пустоши селений светились огни, и жители не ложились до рассвета.

На Чобхемском и Хорселлском мостах все еще толпились любопытные. Один или двое смельчаков, как потом выяснилось, отважились в темноте подползти совсем близко к марсианам. Назад они не вернулись, ибо световой луч, вроде прожектора военного корабля, время от времени скользил по пустоши, а за ним следовал тепловой луч. Обширная пустошь была тиха и пустынна, и обугленные тела лежали неубранными всю ночь под звездным небом и весь следующий день. Из ямы слышался металлический стук.

Таково было положение в пятницу вечером. В кожный покров нашей старой планеты Земли отравленной стрелой вонзился цилиндр. Но яд только еще начинал оказывать свое действие. Кругом расстилалась пустошь, а черные, скор-

ченные трупы, разбросанные на ней, были едва заметны; кое-где тлел вереск и кустарник. Дальше простиралась узкая зона, где царило смятение, и за эту черту пожар еще не распространился. В остальном мире поток жизни катился так же, как он катился с незапамятных времен. Лихорадка войны, которая должна была закупорить его вены и артерии, умертвить нервы и разрушить мозг, только начиналась.

Всю ночь марсиане неутомимо работали, стучали какими-то инструментами, приводя в готовность свои машины; иногда вспышки зеленовато-белого дыма, извиваясь, поднимались к звездному небу.

К одиннадцати часам через Хорселл прошла рота солдат и оцепила пустошь. Позднее через Чобхем прошла вторая рота и оцепила пустошь с северной стороны. Несколько офицеров из Инкерманских казарм уже раньше побывали на пустоши, и один из них, майор Иден, пропал без вести. В полночь командир полка появился у Чобхемского моста и стал расспрашивать толпу. Военные власти, очевидно, поняли серьезность положения. К одиннадцати утра, как на следующий день сообщили газеты, эскадрон гусар и около четырехсот солдат Кардиганского полка

с двумя пулеметами «максим» выступили из Олдершота.

Через несколько секунд после полуночи толпа на дороге в Чертси близ Уокинга увидела метеорит, упавший в сосновый лес на северо-западе. Он падал, сверкая зеленоватым светом, подобно летней молнии. Это был второй цилиндр.

Глава IX
Сражение начинается

Суббота, насколько мне помнится, прошла тревожно. Это был томительный день, жаркий и душный; барометр, как мне сказали, то быстро падал, то поднимался. Я почти не спал — жене удалось заснуть — и встал рано. Перед завтраком я вышел в сад и постоял там, прислушиваясь: со стороны пустоши слышалась только трель жаворонков.

Молочник явился как обыкновенно. Я услыхал скрип его тележки и подошел к калитке узнать последние новости. Он рассказал мне, что ночью марсиан окружили войска и что ожидают артиллерию. Вслед за этим послышался знакомый успокоительный грохот поезда, несущегося в Уокинг.

— Убивать их не станут, — сказал молочник, — если только можно будет обойтись без этого.

Я увидел своего соседа за работой в саду, поболтал с ним немного и отправился завтракать. Утро было самое обычное. Мой сосед был уверен, что войска захватят в плен или уничтожат марсиан в тот же день.

— Жаль, что они так неприступны, — заметил он. — Было бы интересно узнать, как они живут на своей планете. Мы могли бы кое-чему научиться.

Он подошел к забору и протянул мне горсть клубники — он был ревностным и щедрым садоводом. При этом он сообщил мне о лесном пожаре около Байфлитского поля для гольфа.

— Говорят, там упала другая такая же штука, номер второй. Право, с нас довольно и первой, страховым обществам это обойдется не дешево, — сказал он и добродушно засмеялся. — Леса все еще горят. — И он указал на пелену дыма. — Торф и хвоя будут тлеть несколько дней, — добавил он и, вздохнув, заговорил о «бедняге Оджилви».

После завтрака, вместо того чтобы сесть за работу, я решил пойти к пустоши. У железнодорожного моста я увидел группу солдат — это были, кажется, саперы — в маленьких круглых

шапочках, грязных красных расстегнутых мундирах, из-под которых виднелись голубые рубашки, в черных штанах и в сапогах до колен. Они сообщили мне, что за канал никого не пропускают. Взглянув на дорогу к мосту, я увидел часового, солдата Кардиганского полка. Я заговорил с солдатами, рассказал им о виденных мной вчера марсианах. Солдаты еще не видели их, очень смутно их себе представляли и закидали меня вопросами. Сказали, что не знают, кто распорядился двинуть войска; они думали, что произошли какие-то волнения в Конной гвардии. Саперы, более образованные, чем простые солдаты, со знанием дела обсуждали необычные условия возможного боя. Я рассказал им о тепловом луче, и они начали спорить между собой.

— Подползти к ним под прикрытием и броситься в атаку, — сказал один.

— Ну да! — ответил другой. — Чем же можно прикрыться от такого жара? Хворостом, что ли, чтобы получше зажариться? Надо подойти к ним как можно ближе и вырыть укрытия.

— К черту укрытия! Ты только и знаешь что укрытия. Тебе бы родиться кроликом, Сниппи!

— Так у них совсем, значит, нет шеи? — спросил вдруг третий — маленький, задумчивый, смуг-

лый солдат с трубкой в зубах.

Я еще раз описал им марсиан.

— Вроде осьминогов, — сказал он. — Значит, с рыбами воевать будем.

— Убить таких чудовищ — это даже не грех, — сказал первый солдат.

— Пустить в них снаряд да и прикончить разом, — предложил маленький смуглый солдат. — А то они еще что-нибудь натворят.

— Где же твои снаряды? — возразил первый. — Ждать нельзя. По-моему, их надо атаковать, да поскорей.

Так разговаривали солдаты. Вскоре я оставил их и пошел на станцию за утренними газетами.

Но я боюсь наскучить читателю описанием этого томительного утра и еще более томительного дня. Мне не удалось взглянуть на пустошь, потому что даже колокольни в Хорселле и Чобхеме находились в руках военных властей. Солдаты, к которым я обращался, сами ничего толком не знали. Офицеры были очень заняты и таинственно молчаливы. Жители чувствовали себя в полной безопасности под охраной войск. Маршалл, табачный торговец, сообщил мне, что его сын погиб около ямы. На окраинах Хорселла военное начальство велело жителям запереть и

покинуть свои дома.

Я вернулся к обеду, около двух часов, крайне усталый, ибо день, как я уже сказал, был жаркий и душный; чтобы освежиться, я принял холодный душ. В половине пятого я отправился на железнодорожную станцию за вечерней газетой, потому что в утренних газетах было только очень неточное описание гибели Стэнта, Гендерсона, Оджилви и других. Однако и вечерние газеты не сообщили ничего нового. Марсиане не показывались. Они, видимо, чем-то были заняты в своей яме, и оттуда по-прежнему слышался металлический стук и все время вырывались клубы дыма. Очевидно, они уже готовились к бою. «Новые попытки установить контакт при помощи сигналов оказались безуспешными», — стереотипно сообщали газеты. Один из саперов сказал мне, что кто-то, стоя в канаве, поднял флаг на длинной жерди. Но марсиане обратили на это не больше внимания, чем мы уделили бы мычанию коровы.

Должен сознаться, что эти военные приготовления сильно взволновали меня. Мое воображение разыгралось, и я придумывал всевозможные способы уничтожения непрошеных гостей; я, как школьник, мечтал о сражениях и воин-

ских подвигах. Тогда мне казалось, что борьба с марсианами неравная. Они так беспомощно барахтались в своей яме!

Около трех часов со стороны Чертси или Аддлстона послышался гул — начался обстрел соснового леса, куда упал второй цилиндр, с целью разрушить его прежде, чем он раскроется. Но полевое орудие для обстрела первого цилиндра марсиан прибыло в Чобхем только к пяти часам.

В шестом часу, когда мы с женой сидели за чаем, оживленно беседуя о завязавшемся сражении, послышался глухой взрыв со стороны пустоши, и вслед за тем блеснул огонь. Через несколько секунд раздался грохот — так близко от нас, что даже земля задрожала. Я выбежал в сад и увидел, что вершины деревьев вокруг Восточного колледжа охвачены дымным красным пламенем, а колокольня стоявшей рядом небольшой церковки обваливается. Башенка в стиле минарета исчезла, и крыша колледжа выглядела так, словно ее обстреляли из стотонного орудия. Труба на нашем доме треснула, как будто в нее попал снаряд. Рассыпаясь, обломки ее прокатились по черепице, и мгновенно появилась груда красных черепков на клумбе, под окном моего кабинета.

Мы с женой стояли ошеломленные и пере-

пуганные. Потом я сообразил, что поскольку колледж разрушен, то вершина Мэйбэри-Хилла оказалась в радиусе действия теплового луча марсиан.

Схватив жену за руку, я потащил ее на дорогу. Потом я вызвал из дому служанку; мне пришлось пообещать ей, что я сам схожу наверх за ее сундуком, который она ни за что не хотела бросить.

— Здесь оставаться нельзя, — сказал я.

И тотчас же с пустоши снова послышался гул.

— Но куда же мы пойдем? — спросила жена с отчаянием.

С минуту я ничего не мог придумать. Потом вспомнил о ее родных в Лезерхэде.

— Лезерхэд! — крикнул я сквозь гул.

Она посмотрела на склон холма. Испуганные люди выбегали из домов.

— Как же нам добраться до Лезерхэда? — спросила она.

У подножия холма я увидел отряд гусар, проезжавший под железнодорожным мостом. Трое из них въехали в открытые ворота Восточного колледжа; двое спешились и начали обходить соседние дома. Солнце, проглядывавшее сквозь дым от горящих деревьев, казалось кроваво-красным и отбрасывало зловещий свет на все кругом.

— Стойте здесь, — сказал я. — Вы тут в безопасности.

Я побежал в трактир «Пятнистая собака», так как знал, что у хозяина есть лошадь и двухколесная пролетка. Я торопился, предвидя, что скоро начнется повальное бегство жителей с нашей стороны холма. Хозяин трактира стоял у кассы; он и не подозревал, что́ творится вокруг. Какой-то человек, стоя ко мне спиной, разговаривал с ним.

— Меньше фунта не возьму, — заявил трактирщик. — Да и везти некому.

— Я даю два, — сказал я через плечо незнакомца.

— За что?

— И доставлю обратно к полуночи, — добавил я.

— Боже! — воскликнул трактирщик. — Какая спешка! Два фунта и сами доставите обратно? Что такое происходит?

Я торопливо объяснил, что вынужден уехать из дому, и нанял, таким образом, двуколку. В то время мне не приходило в голову, что трактирщику самому надо бы покинуть свое жилье. Я сел в двуколку, подъехал к своему саду и, оставив ее под присмотром жены и служанки, вбежал в дом

и уложил самые ценные вещи, столовое серебро и тому подобное. Буковые деревья перед домом разгорелись ярким пламенем, а решетка ограды накалилась докрасна. Один из спешившихся гусар подбежал к нам. Он заходил в каждый дом и предупреждал жителей, чтобы они уходили. Он уже побежал дальше, когда я вышел на крыльцо со своим скарбом, завязанным в скатерть.

— Что нового? — крикнул я ему вдогонку.

Он повернулся, поглядел на меня и крикнул, как мне послышалось: «Вылезают из ямы в каких-то штуках вроде суповой миски», — и побежал к дому на вершине холма. Внезапно туча черного дыма заволокла дорогу и на минуту скрыла его. Я подбежал к дверям соседа и постучался, чтобы удостовериться, уехал ли он с женой в Лондон, как мне сказали, и запер ли квартиру. Потом снова вошел в дом, вспомнив о сундуке служанки, вытащил его, привязал к задку двуколки и, схватив вожжи, вскочил на козлы. Через минуту мы выехали из дыма, грохот был уже где-то позади нас; мы быстро спускались по противоположному склону Мэйбэри-Хилла к Старому Уокингу.

Перед нами расстилался мирный пейзаж — освещенные солнцем поля пшеницы по обе стороны дороги и гостиница Мэйбэри с покачи-

вающейся вывеской. Впереди нас ехал доктор в своем экипаже. У подножия холма я оглянулся, чтобы посмотреть на холм, который я покидал. Густые столбы черного дыма, прорезанные красными языками пламени, поднимались в неподвижном воздухе, отбрасывая черные тени на зеленые вершины деревьев. Дым расстилался далеко на восток и на запад, до сосновых лесов Байфлита на востоке и до Уокинга на западе. Дорога позади нас была усеяна беглецами. Глухо, но отчетливо в знойном недвижном воздухе раздавался треск пулемета, потом он внезапно прекратился и послышалась ружейная стрельба. Очевидно, марсиане поджигали все, что находилось в сфере действия их теплового луча.

Я плохой кучер и потому все свое внимание сосредоточил на лошади. Когда я снова обернулся, второй холм был также затянут черным дымом. Я пустил лошадь рысью и нахлестывал ее, пока Уокинг и Сэнд не отделили нас от этого смятения и ужаса. Я обогнал доктора между Уокингом и Сэндом.

Глава X

Гроза

От Мэйбэри-Хилла до Лезерхэда почти двенадцать миль. На пышных лугах за Пирфордом пахло сеном, по сторонам дороги тянулась чудесная живая изгородь из цветущего шиповника. Грохот орудий, который мы слышали, пока ехали по Мэйбэри-Хиллу, прекратился так же внезапно, как и начался, и вечер стал тих и спокоен. К девяти часам мы благополучно добрались до Лезерхэда. Я дал лошади передохнуть с часок, поужинал у родных и передал жену на их попечение.

Жена почти всю дорогу как-то странно молчала и казалась подавленной, точно предчувствовала дурное. Я старался подбодрить ее, уверяя, что марсиане прикованы к яме собственной тяжестью и что вряд ли они смогут отползти далеко. Она отвечала односложно. Если бы не мое обещание трактирщику, она, наверно, уговорила бы меня остаться на ночь в Лезерхэде. Ах, если бы я остался! Она была очень бледна, когда мы прощались.

Я же весь день был лихорадочно возбужден. Что-то вроде той военной лихорадки, которая овладевает порой цивилизованным обществом, бродило в моей крови, и я был даже доволен, что

мне нужно вернуться в Мэйбэри. Больше того — боялся, что прекращение стрельбы означает, что с захватчиками-марсианами покончено. Откровенно говоря, мне очень хотелось присутствовать при этом.

Выехал я часов в одиннадцать. Ночь была очень темная. Когда я вышел из освещенной передней, тьма показалась мне непроглядной; было жарко и душно, как днем. По небу быстро проносились облака, хотя на кустах не шелохнулся ни один листок. Слуга зажег оба фонаря. К счастью, я хорошо знал дорогу. Моя жена стояла в освещенной двери и смотрела, как я садился в двуколку. Потом вдруг повернулась и ушла в дом; оставшиеся на крыльце родные пожелали мне счастливого пути.

Испуг жены передался мне, но вскоре я снова стал думать о марсианах. Тогда я еще не знал никаких подробностей вечернего сражения. Мне даже не было известно, что́ вызвало столкновение. Проезжая через Окхем (я поехал по этому пути, а не через Сэнд и Старый Уокинг), я увидел на западе кроваво-красное зарево, которое по мере моего приближения медленно ползло вверх по небу. Надвигавшиеся грозовые тучи смешивались с клубами черного и багрового дыма.

На Рипли-стрит не было ни души; селение слов-

но вымерло, только в двух-трех окнах виднелся свет. У поворота дороги к Пирфорду я чуть не наехал на людей, стоявших ко мне спиной. Они ничего не сказали, когда я проезжал мимо. Не знаю, было ли им известно, что происходит за холмом. Не знаю также, царил ли мирный сон в тех безмолвных домах, мимо которых я проезжал, стояли ли они пустые и заброшенные, или их обитатели с ужасом наблюдали за событиями этой ночи.

От Рипли до Пирфорда я ехал долиной Уэй, где не было видно красного зарева. Но когда я поднялся на небольшой холм за пирфордской церковью, зарево снова появилось и деревья зашумели под первым порывом надвигавшейся бури. На пирфордской церкви пробило полночь, и впереди на багровом небе уже чернели крыши и деревья Мэйбэри-Хилла.

Вдруг зловещий зеленый свет озарил дорогу впереди и сосновый лес у Аддлстона. Я почувствовал, что вожжи натянулись. Узкая полоска зеленого огня прорезала свинцовую тучу и упала налево, в поле. Третья падающая звезда!

Вслед за ней сверкнула ослепительно-фиолетовая молния начинающейся грозы и, словно разорвавшаяся ракета, грянул гром. Лошадь заку-

сила удила и понесла.

Я мчался вниз по отлогому склону к подножию Мэйбэри-Хилла. Вспышки молнии следовали одна за другой почти непрерывно. Частые раскаты грома сопровождались каким-то странным потрескиванием, словно где-то работала гигантская электрическая машина. Вспышки света ослепляли меня, и мелкий град больно бил прямо в лицо.

Сначала я смотрел только на дорогу, потом мое внимание привлекло что-то двигавшееся очень быстро вниз по обращенному ко мне склону Мэйбэри-Хилла. Сперва я принял это за мокрую крышу дома, но при блеске молний, сверкнувших одна за другой, разглядел что-то быстро двигавшееся по противоположному склону холма. Затем минутная непроглядная тьма — и внезапный нестерпимый блеск, превративший ночь в день; красное здание приюта на холме, зеленые вершины сосен и загадочный предмет показались отчетливо и ярко.

Но что я увидел! Как мне это описать? Громадный, выше домов, треножник, шагавший по молодой сосновой поросли и ломавший на своем пути сосны; машину из блестящего металла, топтавшую вереск; стальные, спускавшиеся с нее

тросы; производимый ею грохот, сливавшийся с раскатами грома. Блеснула молния, и треножник четко выступил из мрака; он стоял на одной ноге, две другие повисли в воздухе. Он исчезал и опять появлялся при новой вспышке молнии уже на сотню ярдов ближе. Можете вы себе представить складной стул, который, покачиваясь, переступает по земле? Таково было это видение при мимолетных вспышках молнии. Но вместо стула представьте себе громадную машину, установленную на треножнике.

Внезапно сосны впереди расступились, как расступается хрупкий тростник, когда через него прокладывает путь человек. Они ломались и падали, и через секунду показался другой громадный треножник, шагавший, казалось, прямо на меня. А я мчался галопом навстречу ему! При виде второго чудовища мои нервы не выдержали. Не решаясь взглянуть на него еще раз, я со всей силы дернул правую вожжу. В ту же минуту двуколка опрокинулась, придавив лошадь, оглобли с треском переломились, я отлетел в сторону и тяжело шлепнулся в лужу.

Я отполз и спрятался, скорчившись, за кустиками дрока. Лошадь лежала без движения (бедное животное сломало шею). При блеске молнии я

увидел черный кузов опрокинутой двуколки и силуэт продолжавшего медленно вращаться колеса. Еще секунда — и колоссальный механизм прошел мимо меня и стал подниматься к Пирфорду.

Вблизи треножник показался мне еще более странным; очевидно, это была управляемая машина. Машина с металлическим звонким ходом, с длинными гибкими блестящими щупальцами (одно из них ухватилось за молодую сосну), которые свешивались вниз и гремели, ударяясь о корпус. Треножник, видимо, выбирал дорогу, и медная крышка вверху поворачивалась в разные стороны, напоминая голову. К остову машины сзади было прикреплено гигантское плетение из какого-то белого металла, похожее на огромную рыбачью корзину; из суставов чудовища вырывались клубы зеленого дыма. Через несколько мгновений оно уже скрылось.

Вот что увидел я очень смутно при свете молнии, среди ослепительных вспышек и черного мрака.

Проходя мимо, треножник издал торжествующий рев, заглушивший раскаты грома: «Элу… элу…» — и через минуту присоединился к другому треножнику за полмили дальше, наклонивше-

муся над чем-то в поле. Я не сомневаюсь, что там лежал третий из десяти цилиндров, которые были пущены к нам с Марса.

Несколько минут я лежал под дождем, в темноте, наблюдая при вспышках света, как эти чудовищные существа из металла двигались вдали. Пошел мелкий град, и очертания их то расплывались в тумане, то выступали при вспышках. В промежутках между молниями их поглощала ночь.

Я промок до нитки, сверху — град, снизу — лужа. Прошло некоторое время, пока я пришел в себя, выбрался из лужи на сухое место и стал соображать, куда мне спрятаться.

Невдалеке, на картофельном поле, стояла деревянная сторожка. Я поднялся и, пригнувшись, пользуясь всяким прикрытием, побежал к сторожке. Тщетно я стучался в дверь, ответа не последовало (может, там никого и не было). Тогда, прячась в канаве, я добрался ползком, не замеченный чудовищными машинами, до соснового леса возле Мэйбэри.

Здесь, под прикрытием деревьев, мокрый и продрогший, я стал пробираться к своему дому. Тщетно старался я отыскать знакомую тропинку. В лесу было очень темно, потому что теперь мол-

ния сверкала реже, а град падал с потоком ливня сквозь просветы в густой хвое.

Если бы я понял, что происходит, то немедленно повернул бы назад и возвратился через Байфлит и Стрит-Кобхэм к жене в Лезерхэд. Но загадочность всего окружающего, ночной мрак, физическая усталость лишили меня способности рассуждать; я устал, промок до костей, был ослеплен и оглушен грозой.

Я думал только об одном: как бы добраться домой; других побуждений у меня не было. Я плутал между деревьями, упал в яму, зашиб колено и наконец вынырнул на дорогу, которая вела к военному колледжу. Я говорю «вынырнул», потому что по песчаному холму несся бурный мутный поток. Тут в темноте на меня налетел какой-то человек и чуть не сбил с ног.

Он вскрикнул, в ужасе отскочил в сторону и скрылся, прежде чем я успел прийти в себя и заговорить с ним. Порывы бури были так сильны, что я с большим трудом взобрался на холм. Я шел по левой стороне, держась поближе к забору.

Невдалеке от вершины я наткнулся на что-то мягкое и при свете молнии увидел под ногами кучу темной одежды и пару сапог. Я не успел рассмотреть лежащего: свет погас. Я нагнулся

над ним, ожидая следующей вспышки. Это был коренастый человек в дешевом, но еще крепком костюме; он лежал ничком, прижавшись к забору, как будто с разбегу налетел на него.

Преодолевая отвращение, вполне естественное, так как мне никогда не приходилось дотрагиваться до мертвого тела, я наклонился и перевернул лежащего, чтобы узнать, бьется ли еще сердце. Человек был мертв. Очевидно, он сломал себе шею. Молния блеснула в третий раз, и я увидел лицо мертвеца. Я отшатнулся. Это был трактирщик, хозяин «Пятнистой собаки», у которого я нанял лошадь.

Я осторожно перешагнул через труп и стал пробираться дальше. Я миновал полицейское управление и военный колледж. Пожар на склоне холма прекратился, хотя со стороны пустоши все еще виднелось красное зарево и клубы красноватого дыма прореза́ли завесу града. Большинство домов, насколько я мог разглядеть при вспышке молнии, уцелело. Возле военного колледжа на дороге лежала какая-то темная груда.

Впереди, на дороге, в стороне моста, слышались чьи-то голоса и шаги, но у меня не хватило сил крикнуть или подойти к людям. Я вошел в свой дом, затворил дверь, запер ее на ключ, наложил

засов и в изнеможении опустился на пол возле лестницы. Перед глазами у меня мелькали шагающие металлические чудовища и мертвец около забора.

Я прислонился спиной к стене и, весь дрожа, так и остался сидеть возле лестницы.

Глава XI
У окна

Я уже говорил о том, что подвержен быстрой смене настроений. Очень скоро я почувствовал, что промок и что мне холодно. На ковре у моих ног набралась целая лужа. Я почти машинально встал, прошел в столовую и выпил немного виски, потом решил переодеться.

Переменив платье, я поднялся в свой кабинет, почему именно туда, я и сам не знаю. Из окна были видны деревья и железнодорожная станция около Хорселлской пустоши. В суматохе отъезда мы забыли закрыть это окно. В коридоре было темно, и комната тоже казалась темной по контрасту с пейзажем в рамке окна. Я остановился в дверях как вкопанный.

Гроза прошла. Башни Восточного колледжа и сосны вокруг него исчезли; далеко вдали в

красном свете виднелись пустошь и песчаный карьер. На фоне зарева метались гигантские причудливые черные тени.

Казалось, вся окрестность была охвачена огнем: по широкому склону холма пробегали языки пламени, колеблясь и извиваясь в порывах затихающей бури, и отбрасывали красный отсвет на стремительные облака. Иногда дым близкого пожарища заволакивал окно и скрывал тени марсиан. Я не мог рассмотреть, что они делали; их очертания вырисовывались неясно, они возились над темной грудой, которую я не мог разглядеть. Я не видел и ближайшего пожара, хотя отблеск его играл на стенах и на потолке кабинета. Чувствовался сильный запах горящей смолы.

Я тихо притворил дверь и подкрался к окну. Передо мной открылся более широкий вид — от домов вокруг станции Уокинг до обугленных, почерневших сосновых лесов Байфлита. Вблизи арки на линии железной дороги, у подножия холма, что-то ярко горело; многие дома вдоль дороги к Мэйбэри и на улицах вблизи станции тлели в грудах развалин. Сперва я не мог разобрать, что горело на линии железной дороги; огонь перебегал по какой-то черной груде, направо вид-

нелись желтые продолговатые предметы. Потом я разглядел, что это был потерпевший крушение поезд; передние вагоны были разбиты и горели, а задние еще стояли на рельсах.

Между этими тремя очагами света — домами, поездом и охваченными пламенем окрестностями Чобхема — тянулись черные полосы земли, кое-где пересеченные полосками тлеющей и дымящейся почвы. Это странное зрелище — черное пространство, усеянное огнями, — напомнило мне гончарные заводы ночью. Сначала я не заметил людей, хотя и смотрел очень внимательно. Потом я увидел у станции Уокинг, на линии железной дороги, несколько мечущихся темных фигурок.

И этим огненным хаосом был тот маленький мирок, в котором я безмятежно жил столько лет! Я не знал, что произошло в течение последних семи часов; я только начинал смутно догадываться, что есть какая-то связь между этими механическими колоссами и теми неповоротливыми чудовищами, которые на моих глазах выползли из цилиндра. С каким-то странным любопытством стороннего зрителя я придвинул свое рабочее кресло к окну, уселся и начал наблюдать; особенно заинтересовали меня три черных

гиганта, расхаживавшие в свете пожарища около песчаного карьера.

Они, видимо, были очень заняты. Я старался догадаться, что они там делают. Неужели это одухотворенные механизмы? Но ведь это невозможно. Может быть, в каждом из них сидит марсианин и двигает, повелевает, управляет им так же, как человеческий мозг управляет телом. Я стал сравнивать их с нашими машинами и в первый раз в жизни задал себе вопрос: какими должны казаться разумному, но менее развитому, чем мы, существу броненосцы или паровые машины?

Гроза пронеслась, небо очистилось. Над дымом пожарищ блестящий, крохотный, как булавочная головка, Марс склонялся к западу. Какой-то солдат полез в мой сад. Я услыхал легкое царапанье и, стряхнув владевшее мной оцепенение, увидел человека, перелезающего через частокол. Мой столбняк сразу прошел, и я быстро высунулся в окно.

— Тс… — прошептал я.

Он в нерешительности уселся верхом на заборе. Потом спрыгнул в сад и, согнувшись, бесшумно ступая, прокрался через лужайку к углу дома.

— Кто там? — шепотом спросил он, стоя под

окном и глядя вверх.

— Куда вы идете? — спросил я.

— Я и сам не знаю.

— Вы ищете, где бы спрятаться?

— Да.

— Войдите в дом, — сказал я.

Я сошел вниз и открыл дверь, потом снова запер ее. Я не мог разглядеть лица солдата. Он был без фуражки, мундир был расстегнут.

— О господи! — сказал он, когда я впустил его.

— Что случилось? — спросил я.

— И не спрашивайте. — Несмотря на темноту, я увидел, что он безнадежно махнул рукой. — Они смели нас, просто смели, — повторял он.

Почти машинально он вошел за мной в столовую.

— Выпейте виски, — предложил я, наливая ему солидную порцию.

Он выпил. Потом опустился на стул у стола, уронил голову на руки и расплакался, как ребенок. Забыв о своем недавнем приступе отчаяния, я с удивлением смотрел на него.

Прошло довольно много времени, пока он овладел собой и смог отвечать на мои вопросы. Он говорил отрывисто и путано. Он был ездовым в артиллерии и принял участие в бою только около

семи часов вечера. В это время стрельба на пустоши была в полном разгаре; говорили, что первая партия марсиан медленно ползет ко второму цилиндру под прикрытием металлической брони.

Потом эта металлическая броня превратилась в треножник, очевидно в ту первую военную машину, которую я увидел. Орудие, при котором находился мой гость, было установлено близ Хорселла для обстрела песчаного карьера, и это ускорило события. Когда ездовые с лафетом отъезжали в сторону, его лошадь оступилась и упала, сбросив его в рытвину. В ту же минуту пушка взлетела на воздух вместе со снарядами; все было охвачено огнем, и он очутился погребенным под грудой обгорелых трупов людей и лошадей.

— Я лежал тихо, — рассказывал он, — полумертвый от страха. На меня навалилась передняя часть лошади. Они нас смели. А запах, боже мой! Точно пригорелое жаркое. Я расшиб спину при падении. Так я лежал, пока мне не стало немного лучше. Только минуту назад мы ехали, точно на парад, — и вдруг разбиты, сметены, уничтожены. Нас смели! — повторял он.

Он долго прятался под тушей лошади, посматривая украдкой на пустошь. Кардиганский полк пытался броситься в штыки — его мигом уни-

чтожили. Потом чудовище поднялось на ноги и начало расхаживать по пустоши, преследуя немногих спасавшихся бегством. Вращавшийся колпак на нем напоминал голову человека в капюшоне. Какое-то подобие руки держало металлический ящик сложного устройства, из которого вылетали зеленые искры и ударял тепловой луч.

Через несколько минут на пустоши, насколько он мог видеть, не осталось ни одного живого существа; кусты и деревья, еще не обратившиеся в обугленные остовы, горели. Гусары стояли на дороге в ложбинке, и он их не видел. Он слышал, как застрочили пулеметы, потом все смолкло. Гигант долго не трогал станцию Уокинг и окрестные дома. Потом скользнул тепловой луч, и городок превратился в груду пылающих развалин. После этого чудовище выключило тепловой луч и, повернувшись спиной к артиллеристу, зашагало по направлению к дымившемуся сосновому лесу, где упал второй цилиндр. В следующий миг из ямы поднялся другой сверкающий титан.

Второе чудовище последовало за первым. Тут артиллерист осторожно пополз по горячему пеплу сгоревшего вереска к Хорселлу. Ему удалось доползти до канавы, тянувшейся вдоль края

дороги, и таким образом он добрался до Уокинга. Дальнейший рассказ артиллериста состоял почти из одних междометий. Через Уокинг нельзя было пройти. Немногие уцелевшие жители, казалось, сошли с ума; другие сгорели заживо или получили ожоги. Он повернул в сторону от пожара и спрятался в дымящихся развалинах; тут он увидел, что чудовище возвращается. Оно настигло одного из бегущих, схватило его своим стальным щупальцем и размозжило ему голову о сосновый пень. Когда стемнело, артиллерист пополз дальше и добрался до железнодорожной насыпи.

Потом он, крадучись, направился через Мэйбэри в сторону Лондона, думая, что там будет безопасней. Люди прятались в погребах, канавах, и многие из уцелевших бежали к Уокингу и Сэнду. Его мучила жажда. Около железнодорожной арки он увидел разбитый водопровод: вода била ключом из лопнувшей трубы.

Вот и все, что я мог у него выпытать. Он несколько успокоился, рассказав мне обо всем, что ему пришлось видеть. С полудня он ничего не ел; он упомянул об этом еще в начале своего рассказа; я нашел в кладовой немного баранины, хлеба и принес ему поесть. Мы не зажигали лампу, боясь

привлечь внимание марсиан, и наши руки часто соприкасались, нащупывая еду. Пока он рассказывал, окружающие предметы стали неясно выступать из мрака, за окном уже можно было различить вытоптанную траву и поломанные кусты роз. Казалось, по лужайке промчалась толпа людей или стадо животных. Теперь я мог рассмотреть лицо артиллериста, перепачканное, бледное, — такое же, вероятно, было и у меня.

Насытившись, мы осторожно поднялись в мой кабинет, и я снова выглянул в открытое окно. За одну ночь цветущая долина превратилась в пепелище. Пожар угасал. Там, где раньше бушевало пламя, теперь чернели клубы дыма. Разрушенные и развороченные дома, поваленные, обугленные деревья — вся эта страшная, зловещая картина, скрытая до сих пор ночным мраком, теперь, в предрассветных сумерках, отчетливо предстала перед нами. Кое-что чудом уцелело среди всеобщего разрушения: белый железнодорожный семафор, часть оранжереи, зеленеющей среди развалин. Никогда еще в истории войн не было такого беспощадного всеобщего разрушения. Поблескивая в утреннем свете, три металлических гиганта стояли около ямы, и их колпаки поворачивались, как будто они любовались про-

изведенным ими опустошением.

Мне показалось, что яма стала шире. Спирали зеленого дыма беспрерывно взлетали навстречу разгоравшейся заре — поднимались, клубились, падали и исчезали.

Около Чобхема вздымались столбы пламени. Они превратились в столбы кровавого дыма при первых лучах солнца.

Глава XII
Разрушение Уэйбриджа и Шеппертона

Когда совсем рассвело, мы отошли от окна, откуда наблюдали за марсианами, и тихо спустились вниз.

Артиллерист согласился со мной, что в доме оставаться опасно. Он решил идти в сторону Лондона; там он присоединится к своей батарее номер 12 конной артиллерии. Я же хотел вернуться в Лезерхэд. Потрясенный могуществом марсиан, я решил немедля увезти жену в Ньюхэвен, чтобы оттуда выехать за границу. Мне было ясно, что окрестности Лондона неизбежно станут ареной разрушительной борьбы, прежде чем удастся уничтожить чудовища.

Но на пути к Лезерхэду находился третий ци-

линдр, охраняемый гигантами. Будь я один, я, вероятно, положился бы на свою судьбу и пустился бы напрямик. Но артиллерист отговорил меня.

— Вряд ли вы поможете своей жене, если сделаете ее вдовой, — сказал он.

В конце концов я согласился идти вместе с ним, под прикрытием леса, к северу до Стрит-Кобхэма. Оттуда я должен был сделать большой крюк через Эпсом, чтобы попасть в Лезерхэд.

Я хотел отправиться сейчас же, но мой спутник, солдат, был опытнее меня. Он заставил меня перерыть весь дом и отыскать флягу, в которую налил виски. Мы набили все свои карманы сухарями и ломтями мяса. Потом вышли из дома и пустились бегом вниз по размытой дороге, по которой я шел прошлой ночью. Дома казались вымершими. На дороге лежали рядом три обуглившихся тела, пораженные тепловым лучом. Кое-где валялись брошенные или потерянные вещи: часы, туфли, серебряная ложка и другие мелкие предметы. На повороте к почтовой конторе лежала на боку со сломанным колесом распряженная тележка, нагруженная ящиками и мебелью. Несгораемая касса была, видимо, наспех открыта и брошена среди рухляди.

Дома в этой части не очень пострадали, горела только сторожка приюта. Тепловой луч сбрил печные трубы и прошел дальше. Кроме нас, на Мэйбэри-Хилле, по-видимому, не было ни души. Бóльшая часть жителей бежала, вероятно, к Старому Уокингу по той дороге, по которой я уехал в Лезерхэд, или пряталась где-нибудь.

Мы спустились вниз по дороге, прошли мимо все еще лежавшего там намокшего от дождя трупа человека в черном костюме. Вошли в лес у подножия холма и добрались до полотна железной дороги, никого не встретив. Лес по ту сторону железной дороги казался сплошным буреломом, так как бóльшая часть деревьев была повалена и только кое-где зловеще торчали обугленные стволы с темно-бурой листвой.

На нашей стороне огонь только опалил ближайшие деревья и не произвел больших опустошений. В одном месте лесорубы, очевидно, работали еще в субботу. Деревья, срубленные и свежеочищенные, лежали на просеке среди кучи опилок около паровой лесопилки. Рядом стояла пустая лачуга. Все было тихо; воздух казался неподвижным. Даже птицы куда-то исчезли. Мы с артиллеристом переговаривались шепотом и часто оглядывались по сторонам. Иногда мы

останавливались и прислушивались.

Немного погодя мы подошли к дороге и услышали стук копыт: в сторону Уокинга медленно ехали три кавалериста. Мы окликнули их, они остановились, и мы поспешили к ним. Это были лейтенант и двое рядовых 8-го гусарского полка с каким-то прибором вроде теодолита; артиллерист объяснил мне, что это гелиограф.

— Вы первые, кого я встретил на этой дороге за все утро, — сказал лейтенант. — Что тут творится?

И в его голосе, и в лице чувствовалась решительность. Солдаты смотрели на нас с любопытством. Артиллерист спустился с насыпи на дорогу и отдал честь.

— Пушку нашу взорвало прошлой ночью, сэр. Я спрятался. Догоняю батарею, сэр. Вы, наверное, увидите марсиан, если проедете еще с полмили по этой дороге.

— Какие они из себя, черт возьми? — спросил лейтенант.

— Великаны в броне, сэр. Сто футов высоты. Три ноги; тело вроде как алюминиевое, с огромной головой в колпаке, сэр.

— Рассказывай! — воскликнул лейтенант. — Что за чепуху ты мелешь?

— Сами увидите, сэр. У них в руках какой-то ящик, сэр; из него выпыхивает огонь и убивает на месте.

— Вроде пушки?

— Нет, сэр. — И артиллерист стал описывать действие теплового луча. Лейтенант прервал его и обернулся ко мне. Я стоял на насыпи у края дороги.

— Вы тоже видели это? — спросил он.

— Все чистейшая правда, — ответил я.

— Ну, — сказал лейтенант, — я думаю, и мне не мешает взглянуть на них. Слушай, — обратился он к артиллеристу, — нас отрядили сюда, чтобы выселить жителей из домов. Ты явись к бригадному генералу Марвину и доложи ему обо всем, что знаешь. Он стоит в Уэйбридже. Дорогу знаешь?

— Я знаю, — сказал я.

Лейтенант повернул лошадь.

— Вы говорите, полмили? — спросил он.

— Не больше, — ответил я и указал на вершины деревьев к югу. Он поблагодарил меня и уехал. Больше мы его не видели.

Потом мы увидали трех женщин и двух детей на дороге у рабочего домика, нагружавших ручную тележку узлами и домашним скарбом. Они были так заняты, что не стали разговаривать с

нами.

У станции Байфлит мы вышли из соснового леса. В лучах утреннего солнца местность казалась такой мирной! Здесь мы были уже за пределами действия теплового луча; если бы не опустевшие дома, не суетня и сборы жителей, не солдаты на железнодорожном мосту, смотревшие вдоль линии на Уокинг, день походил бы на обычное воскресенье.

Несколько подвод и фургонов со скрипом двигалось по дороге к Аддлстону. Через ворота в изгороди мы увидели на лугу шесть пушек-двенадцатифунтовок, аккуратно расставленных на равном расстоянии друг от друга и направленных в сторону Уокинга. Обслуга стояла подле в ожидании, зарядные ящики находились на положенном расстоянии. Солдаты стояли точно на смотру.

— Вот это здорово! — сказал я. — Во всяком случае, они дадут хороший залп.

Артиллерист в нерешительности остановился у ворот.

— Я пойду дальше, — сказал он.

Ближе к Уэйбриджу, сейчас же за мостом, солдаты в белых рабочих куртках насыпали длинный вал, за которым торчали пушки.

— Это все равно что лук и стрелы против молнии, — сказал артиллерист. — Они еще не видали огненного луча.

Офицеры, не принимавшие непосредственного участия в работе, смотрели поверх деревьев на юго-запад; солдаты часто отрывались от работы и тоже поглядывали в том же направлении.

Байфлит был в смятении. Жители укладывали пожитки, а двадцать гусар, частью спешившись, частью верхом, торопили их. Три или четыре черных санитарных фургона с крестом на белом круге и какой-то старый омнибус грузились на улице среди прочих повозок. Многие из жителей приоделись по-праздничному. Солдатам стоило большого труда растолковать им всю опасность положения. Какой-то сморщенный старичок сердито спорил с капралом, требуя, чтобы захватили его большой ящик и десятка два цветочных горшков с орхидеями. Я остановился и дернул старичка за рукав.

— Знаете вы, что там делается? — спросил я, показывая на вершины соснового леса, скрывавшего марсиан.

— Что? — обернулся он. — Я говорю им, что этого нельзя бросать.

— Смерть! — крикнул я. — Смерть идет на нас!

Смерть!

Не знаю, понял ли он меня, — я поспешил за артиллеристом. На углу я обернулся. Солдат отошел от старичка, а тот все еще стоял возле своего ящика и горшков с орхидеями, растерянно глядя в сторону леса.

Никто в Уэйбридже не мог сказать нам, где помещается штаб. Такого беспорядка мне еще нигде не приходилось наблюдать. Везде повозки, экипажи всех видов и лошади всевозможных мастей. Почтенные жители местечка, спортсмены в костюме для гольфа и гребли, нарядно одетые женщины — все укладывались; праздные зеваки энергично помогали, дети шумели, очень довольные таким необычным воскресным развлечением. Среди всеобщей суматохи почтенного вида священник, не обращая ни на что внимания, под звон колокола служил раннюю обедню.

Мы с артиллеристом присели на ступеньку у колодца и наскоро перекусили. Патрули — уже не гусары, а гренадеры в белых мундирах — предупреждали жителей и предлагали им или уходить, или прятаться по подвалам, как только начнется стрельба. Переходя через железнодорожный мост, мы увидели большую толпу на станции и вокруг нее; платформа кишела людьми и была за-

валена ящиками и узлами. Обычное расписание было нарушено, вероятно, для того, чтобы подвезти войска и орудия к Чертси; потом я слышал, что произошли страшная давка и драка из-за мест в экстренных поездах, пущенных во вторую половину дня.

Мы оставались в Уэйбридже до полудня. У шеппертонского шлюза, где сливаются Темза и Уэй, мы помогли двум старушкам нагрузить тележку. Устье реки Уэй имеет три рукава, здесь сдаются лодки и ходит паром. На другом берегу виднелись харчевня и перед ней лужайка, а дальше над деревьями поднималась колокольня шеппертонской церкви — теперь она заменена шпилем.

Здесь мы застали шумную, возбужденную толпу беглецов. Хотя паники еще не было, однако желающих пересечь реку оказалось гораздо больше, чем могли вместить лодки. Люди подходили, задыхаясь под тяжелой ношей. Одна супружеская пара тащила даже небольшую входную дверь от своего дома, на которой были сложены их пожитки. Какой-то мужчина сказал нам, что хочет попытаться уехать со станции в Шеппертоне.

Все громко разговаривали; кто-то даже острил. Многие думали, что марсиане — это просто люди-великаны; они могут напасть на город и

разорить его, но, разумеется, в конце концов будут уничтожены. Все тревожно посматривали на противоположный берег, на луга около Чертси; но там было спокойно.

По ту сторону Темзы, кроме того места, где причаливали лодки, тоже все было спокойно — резкий контраст с Сэрреем. Народ, выходивший из лодок, подымался вверх по дороге. Большой паром только что перевалил через реку. Трое или четверо солдат стояли на лужайке возле харчевни и подшучивали над беглецами, не предлагая им помочь. Харчевня была закрыта, как и полагалось в эти часы.

— Что это? — крикнул вдруг один из лодочников. — Тише ты! — цыкнул кто-то возле меня на лаявшую собаку. Звук повторился, на этот раз со стороны Чертси: приглушенный гул — пушечный выстрел.

Бой начался. Скрытые деревьями батареи за рекой направо от нас вступили в общий хор, тяжело ухая одна за другой. Вскрикнула женщина. Все остановились как вкопанные и повернулись в сторону близкого, но невидимого сражения. На широких лугах не было ничего, кроме мирно пасущихся коров и серебристых ив, неподвижных в лучах жаркого солнца.

— Солдаты задержат их, — неуверенным тоном проговорила женщина возле меня.

Над лесом показался дымок.

И вдруг мы увидели — далеко вверх по течению реки — клуб дыма, взлетевшего и повисшего в воздухе, и сейчас же почва под ногами у нас заколебалась, оглушительный взрыв потряс воздух; разлетелись стекла в соседних домах. Все оцепенели от удивления.

— Вон они! — закричал какой-то человек в синей фуфайке. — Вон там! Видите? Вон там!

Быстро, один за другим, появились покрытые броней марсиане — один, два, три, четыре — далеко-далеко над молодым леском за лугами Чертси. Сначала они казались маленькими фигурками в колпаках и двигались как будто на колесах, но с быстротой птиц.

Они поспешно спускались к реке. Слева, наискось, к ним приближался пятый. Их броня блестела на солнце, и, приближаясь, они быстро увеличивались. Самый дальний из них на левом фланге высоко поднял большой ящик, и страшный тепловой луч, который я уже видел в ночь на субботу, скользнул к Чертси и поразил город.

При виде этих странных быстроходных чудовищ толпа на берегу оцепенела от ужаса. Ни

возгласов, ни криков — мертвое молчание. Потом хриплый шепот и движение ног — шлепанье по воде. Какой-то человек, с перепугу не догадавшийся сбросить ношу с плеча, повернулся и углом своего чемодана так сильно ударил меня, что чуть не свалил с ног. Какая-то женщина оттолкнула меня и бросилась бежать. Я тоже побежал с толпой, но все же не потерял способности соображать. Я подумал об ужасном тепловом луче. Нырнуть в воду! Самое лучшее!

— Ныряйте! — кричал я, но никто меня не слушал.

Я повернул и бросился вниз по отлогому берегу прямо навстречу приближающемуся марсианину и прыгнул в воду. Кто-то последовал моему примеру. Я успел заметить, как только что отчалившая лодка, расталкивая людей, врезалась в берег. Дно под ногами было скользкое от тины, а река так мелка, что я пробежал около двадцати футов, а вода доходила мне едва до пояса. Когда марсианин показался у меня над головой ярдах в двухстах, я лег плашмя в воду. В ушах у меня, как удары грома, отдавался плеск воды — люди прыгали с лодок. Другие торопливо высаживались, взбирались на берег по обеим сторонам реки.

Но марсианин обращал не больше внимания

на мечущихся людей, чем человек на муравьев, снующих в муравейнике, на который он наступил ногой. Когда, задыхаясь, я поднял голову над водой, колпак марсианина был обращен к батареям, которые все еще обстреливали реку; приблизившись, он взмахнул чем-то, очевидно генератором теплового луча.

В следующее мгновение он был уже на берегу и шагнул на середину реки. Колени его передних ног упирались в противоположный берег. Еще мгновение — и он выпрямился во весь рост уже у самого поселка Шеппертон. Вслед за тем шесть орудий — никто не знал о них на правом берегу, так как они были скрыты у околицы, — дали залп. От внезапного сильного сотрясения сердце мое бешено заколотилось. Чудовище уже занесло камеру теплового луча, когда первый снаряд разорвался в шести ярдах над его колпаком.

Я вскрикнул от удивления. Я забыл про остальных четырех марсиан: все мое внимание было поглощено происходившим. Почти одновременно с первым разорвались два других снаряда; колпак дернулся, уклоняясь от них, но четвертый снаряд ударил прямо в лицо марсианину.

Колпак треснул и разлетелся во все стороны клочьями красного мяса и сверкающего метал-

ла.

— Сбит! — закричал я не своим голосом.

Мой крик подхватили люди, стоявшие в реке вокруг меня.

От восторга я готов был выскочить из воды.

Обезглавленный колосс пошатнулся, как пьяный, но не упал, сохранив каким-то чудом равновесие. Никем не управляемый, с высоко поднятой камерой, испускавшей тепловой луч, он быстро, но нетвердо зашагал по Шеппертону. Его живой мозг, марсианин под колпаком, был разорван на куски, и чудовище стало теперь слепой машиной разрушения. Оно шагало по прямой линии, натолкнулось на колокольню шеппертонской церкви и, раздробив ее, точно тараном, шарахнулось, споткнулось и с грохотом рухнуло в реку.

Раздался оглушительный взрыв, и смерч воды, пара, грязи и обломков металла взлетел высоко в небо. Как только камера теплового луча погрузилась в воду, вода стала превращаться в пар. В ту же секунду огромная мутная волна, кипящая, обжигающая, покатилась против течения. Я видел, как люди барахтались, стараясь выбраться на берег, и слышал их вопли, заглушаемые шумом бурлящей воды и грохотом бившегося

марсианина.

Не обращая внимания на жар, позабыв про опасность, я поплыл по бурной реке, оттолкнув какого-то человека в черном, и добрался до поворота. С полдюжины пустых лодок беспомощно качались на волнах. Дальше, вниз по течению, поперек реки лежал упавший марсианин, почти весь под водой.

Густые облака пара поднимались над местом падения, и сквозь их рваную колеблющуюся пелену по временам я смутно видел гигантские члены чудовища, дергавшегося в воде и выбрасывавшего в воздух фонтаны грязи и пены. Щупальца размахивали и бились, как руки, и если бы не бесцельность этих движений, то можно было бы подумать, что какое-то раненое существо борется за жизнь среди волн. Красновато-бурая жидкость с громким шипением струей била вверх из машины.

Мое внимание было отвлечено от этого зрелища яростным ревом, напоминавшим рев паровой сирены. Какой-то человек, стоя по колени в воде недалеко от берега, что-то крикнул мне, указывая пальцем, но я не мог разобрать его слов. Оглянувшись, я увидел других марсиан, направлявшихся огромными шагами от Чертси к берегу реки.

Пушки в Шеппертоне открыли огонь, но на этот раз безуспешно.

Я тут же нырнул и с трудом плыл, задерживая дыхание, пока хватало сил. Вода бурлила и быстро нагревалась.

Когда я вынырнул на минуту, чтобы перевести дыхание, и отбросил волосы с глаз, то увидел, что кругом белыми клубами поднимается пар, скрывающий марсиан. Шум был оглушительный. Затем я увидел серых колоссов, казавшихся в тумане еще огромнее. Они прошли мимо, и двое из них нагнулись над пенящимися, содрогающимися останками своего товарища.

Третий и четвертый тоже остановились, один — ярдах в двухстах от меня, другой — ближе к Лэйлхему. Генераторы теплового луча были высоко подняты, и лучи с шипением падали в разные стороны.

Воздух звенел от оглушительного хаоса звуков: металлический рев марсиан, грохот рушащихся домов, треск охваченных пламенем деревьев, заборов, сараев, гул и шипение огня. Густой черный дым поднимался вверх и смешивался с клубами пара над рекой. Прикосновение теплового луча, скользившего по Уэйбриджу, вызывало вспышки ослепительно-белого пламени, за которым сле-

довала дымная пляска языков огня. Ближайшие дома все еще стояли нетронутыми, ожидая своей участи, сумрачные, тусклые, окутанные паром, а позади них метался огонь.

С минуту я стоял по грудь в почти кипящей воде, растерянный, не надеясь спастись. Сквозь пар я видел, как люди вылезают из воды, цепляясь за камыши, точно лягушки, прыгающие по траве; другие в панике метались по берегу.

Вдруг белые вспышки теплового луча стали приближаться ко мне. От его прикосновения рухнули охваченные пламенем дома; деревья с громким треском обратились в огненные столбы. Луч скользил вверх и вниз по береговой тропинке, сметая разбегавшихся людей, и наконец спустился до края воды, ярдах в пятидесяти от того места, где я стоял, потом перенесся на другой берег, к Шеппертону, и вода под ним закипела и стала обращаться в пар. Я бросился к берегу.

В следующую минуту огромная волна, почти кипящая, обрушилась на меня. Я закричал и, полуслепой, обваренный, не помня себя от боли, стал выбираться на берег. Поскользнись я — и все было бы кончено. Я упал, обессиленный, на глазах у марсиан на широкой песчаной отмели, где под углом сходятся Уэй и Темза. Я не сомневался,

что меня ожидает смерть.

Помню как во сне, что нога марсианина прошла ярдах в двадцати от моей головы, увязая в песке, разворачивая его и снова вылезая наружу, потом, после долгого томительного промежутка, я увидел, как четыре марсианина пронесли останки своего товарища; они шли, то ясно различимые, то скрытые пеленой дыма, расползавшегося по реке и лугам. Потом очень медленно я начал осознавать, что каким-то чудом избежал гибели.

Глава XIII
Встреча со священником

Испытав на себе столь неожиданным образом силу земного оружия, марсиане отступили к своим первоначальным позициям на Хорселлской пустоши; они торопились унести останки своего разорванного снарядом товарища и поэтому не обращали внимания на таких жалких беглецов, как я. Если бы они бросили его и двинулись дальше, то не встретили бы на своем пути никакого сопротивления, кроме нескольких батарей пушек-двенадцатифунтовок, и, конечно, достигли бы Лондона раньше, чем туда дошла бы весть об их приближении. Их нашествие было бы так же

внезапно, губительно и страшно, как землетрясение, разрушившее сто лет назад Лиссабон.

Впрочем, им нечего было спешить. Из межпланетного пространства каждые двадцать четыре часа, доставляя им подкрепление, падало по цилиндру. Между тем военные и морские власти готовились с лихорадочной поспешностью, уразумев наконец ужасную силу противника. Ежеминутно устанавливались новые орудия. Еще до наступления сумерек из каждого куста, из каждой пригородной дачи на холмистых склонах близ Кингстона и Ричмонда уже торчало черное пушечное жерло. На всем обугленном и опустошенном пространстве в двадцать квадратных миль вокруг лагеря марсиан на Хорселлской пустоши, среди пепелищ и развалин, под черными, обгорелыми остатками сосновых лесов, ползли самоотверженные разведчики с гелиографами, готовые тотчас же предупредить артиллерию о приближении марсиан. Но марсиане поняли мощь нашей артиллерии и опасность близости людей: всякий, кто дерзнул бы подойти к одному из цилиндров ближе чем на милю, поплатился бы жизнью.

По-видимому, гиганты потратили дневные часы на переноску груза второго и третьего ци-

линдров — второй упал у Аддлстона на площадке для игры в гольф, третий у Пирфорда — к своей яме на Хорселлской пустоши. Возвышаясь над почерневшим вереском и разрушенными строениями, стоял на часах один марсианин, остальные же спустились со своих боевых машин в яму. Они усердно работали до поздней ночи, и из ямы вырывались клубы густого зеленого дыма, который был виден с холмов Меррою и даже, как говорят, из Бенстеда и Эпсома.

Пока позади меня марсиане готовились к новой вылазке, а впереди человечество собиралось дать им отпор, я с великим трудом и мучениями пробирался от дымящихся пожарищ Уэйбриджа к Лондону.

Увидев вдали плывшую вниз по течению пустую лодку, я сбросил бóльшую часть своего промокшего платья, подплыл к ней и таким образом выбрался из района разрушений. Весел не было, но я подгребал, сколько мог, обожженными руками и очень медленно подвигался к Голлифорду и Уолтону, то и дело, по вполне понятным причинам, боязливо оглядываясь назад. Я предпочел водный путь, так как на воде легче было спастись в случае встречи с гигантами.

Горячая вода, вскипевшая при падении мар-

сианина, текла вниз по реке, и поэтому почти на протяжении мили оба берега были скрыты паром. Впрочем, один раз мне удалось разглядеть черные фигурки людей, бежавших через луга прочь от Уэйбриджа. Голлифорд казался вымершим, несколько домов у берега горело. Странно было видеть под знойным голубым небом спокойное и безлюдное селение, над которым взлетали языки пламени и клубился дым. Первый раз видел я пожар без суетящейся кругом толпы. Сухой камыш на отмели дымился и вспыхивал, и огонь медленно подбирался к стогам сена, стоявшим поодаль.

Долго я плыл по течению, усталый и измученный всеми пережитыми передрягами. Даже на воде было очень жарко. Однако страх был сильнее усталости, и я снова стал грести руками. Солнце жгло мою обнаженную спину. Наконец, когда за поворотом показался Уолтонский мост, лихорадка и слабость преодолели страх, и я причалил к отмели Миддлсэкса и в полном изнеможении упал на траву. Судя по солнцу, было около пяти часов. Потом я встал, прошел с полмили, никого не встретив, и снова улегся в тени живой изгороди. Помню, я говорил сам с собой вслух, как в бреду. Меня томила жажда, и я жалел, что

не напился на реке. Странное дело, я почему-то злился на свою жену; меня очень раздражало, что я никак не мог добраться до Лезерхэда.

Я не помню, как появился священник, — вероятно, я задремал. Я увидел, что он сидит рядом со мной в выпачканной сажей рубашке; подняв кверху гладко выбритое лицо, он, не отрываясь, смотрел на бледные отблески, пробегавшие по небу. Небо было покрыто барашками — грядами легких, пушистых облачков, чуть окрашенных летним закатом.

Я привстал, и он быстро обернулся ко мне.

— У вас есть вода? — спросил я.

Он отрицательно покачал головой.

— Вы уже целый час просите пить, — сказал он.

С минуту мы молчали, разглядывая друг друга. Вероятно, я показался ему странным: почти голый — на мне были только промокшие насквозь брюки и носки, — красный от ожогов, с лицом и шеей, черными от дыма. У него было лицо слабовольного человека, срезанный подбородок, волосы спадали льняными завитками на низкий лоб, большие бледно-голубые глаза смотрели пристально и грустно. Он говорил отрывисто, уставясь в пространство.

— Что такое происходит? — спросил он. — Что значит все это?

Я посмотрел на него и ничего не ответил.

Он простер белую тонкую руку и заговорил жалобно:

— Как могло это случиться? Чем мы согрешили? Я закончил утреннюю службу и прогуливался по дороге, чтобы освежить голову и приготовиться к проповеди, и вдруг — огонь, землетрясение, смерть! Содом и Гоморра! Все наши труды пропали, все труды… Кто такие эти марсиане?

— А кто такие мы сами? — ответил я, откашливаясь.

Он обхватил колени руками и снова повернулся ко мне. С полминуты он молча смотрел на меня.

— Я прогуливался по дороге, чтобы освежить голову, — повторил он. — И вдруг — огонь, землетрясение, смерть!

Он снова замолчал; подбородок его почти касался колен.

Потом опять заговорил, размахивая рукой:

— Все труды… все воскресные школы… Чем мы провинились? Чем провинился Уэйбридж? Все исчезло, все разрушено. Церковь! Мы только три года назад заново ее отстроили. И вот она исчезла, стерта с лица земли! За что?

Новая пауза, и опять он заговорил как помешанный.

— Дым от этого пожарища будет вечно возноситься к небу! — воскликнул он.

Его глаза блеснули, тонкий палец указывал на Уэйбридж.

Я начал догадываться, что это душевнобольной. Страшная трагедия, свидетелем которой он оказался — очевидно, он спасся бегством из Уэйбриджа, — довела его до сумасшествия.

— Далеко отсюда до Санбэри? — спросил я деловито.

— Что же нам делать? — сказал он. — Неужели эти исчадия повсюду? Неужели земля отдана им во власть?

— Далеко отсюда до Санбэри?

— Ведь только сегодня утром я служил раннюю обедню…

— Обстоятельства изменились, — сказал я спокойно. — Не отчаивайтесь. Есть еще надежда.

— Надежда!

— Да, надежда, несмотря на весь этот ужас.

Я стал излагать ему свой взгляд на наше положение. Сперва он слушал с интересом, но скоро впал в прежнее безразличие и отвернулся.

— Это начало конца, — прервал он меня. — Ко-

нец. День Страшного суда. Люди будут молить горы и скалы упасть на них и скрыть от лица Сидящего на престоле.

Его слова подтвердили мою догадку. Собравшись с мыслями, я встал и положил ему руку на плечо.

— Будьте мужчиной, — сказал я. — Вы просто потеряли голову. Хороша вера, если она не может устоять перед несчастьем. Подумайте, сколько раз в истории человечества бывали землетрясения, потопы, войны и извержения вулканов. Почему Бог должен был сделать исключение для Уэйбриджа?.. Ведь Бог не страховой агент.

Он молча слушал.

— Но как мы можем спастись? — вдруг спросил он. — Они неуязвимы, они безжалостны…

— Может быть, ни то ни другое, — ответил я. — И чем могущественнее они, тем разумнее и осторожнее должны быть мы. Один из них убит три часа назад.

— Убит? — воскликнул он, взглянув на меня. — Разве может быть убит вестник Божий?

— Я видел это, — продолжал я. — Мы с вами попали как раз в самую свалку, только и всего.

— Что это там мигает в небе? — вдруг спросил он.

Я объяснил ему, что это сигналы гелиографа и что они означают помощь, которую несут нам люди.

— Мы находимся как раз в самой гуще, хотя кругом все спокойно. Мигание в небе возвещает о приближающейся грозе. Вот там, думается мне, марсиане, а в стороне Лондона, там, где холмы возвышаются над Ричмондом и Кингстоном, под прикрытием деревьев роют траншеи и устанавливают орудия. Марсиане, вероятно, пойдут по этой дороге.

Не успел я закончить, как он вскочил и остановил меня жестом.

— Слушайте! — сказал он.

Из-за низких холмов за рекой донеслись глухой гул отдаленной орудийной пальбы и какой-то далекий жуткий крик. Потом все стихло. Майский жук перелетел через изгородь мимо нас. На западе, высоко, над дымом, застилавшим Уэйбридж и Шеппертон, под великолепным, торжественным закатом, поблескивал бледный нарождающийся месяц.

— Нам надо идти этой тропинкой к северу, — сказал я.

Глава XIV
В Лондоне

Мой младший брат находился в Лондоне в то время, когда в Уокинге упал цилиндр. Он был студентом-медиком и готовился к предстоящему экзамену; до субботы он ничего не слышал о прибытии марсиан. Утренние субботние газеты в дополнение к длинным специальным статьям о Марсе, о жизни на нем и так далее напечатали довольно туманное сообщение, которое поражало своей краткостью.

Сообщалось, что марсиане, напуганные приближением толпы, убили несколько человек при помощи какой-то скорострельной пушки. Телеграмма заканчивалась словами: «Марсиане, хотя и кажутся грозными, не вылезли из ямы, в которую упал их снаряд, и, очевидно, не могут этого сделать. Вероятно, это вызвано большей силой земного притяжения». В передовицах особенно подчеркивалось это последнее обстоятельство.

Конечно, все студенты, готовившиеся к экзамену по биологии в стенах университета, куда отправился в тот день и мой брат, очень за-

интересовались сообщением, но на улицах не замечалось особенного оживления. Вечерние газеты вышли с сенсационными заголовками. Однако они сообщали только о движении войск к пустоши и о горящих сосновых лесах между Уокингом и Уэйбриджем. В восемь часов «Сент-Джеймс газетт» в экстренном выпуске кратко сообщила о порче телеграфа. Предполагали, что линия повреждена упавшими вследствие пожара соснами. В эту ночь — в ночь, когда я ездил в Лезерхэд и обратно, — еще ничего не было известно о сражении.

Брат не беспокоился о нас, так как знал из газет, что цилиндр находится по меньшей мере в двух милях от моего дома. Он собирался поехать ко мне в эту же ночь, чтобы, как он потом рассказывал, посмотреть на чудовищ, пока их не уничтожили. Он послал мне телеграмму в четыре часа, а вечером отправился в мюзик-холл; телеграмма до меня так и не дошла.

В Лондоне в ночь на воскресенье тоже разразилась гроза, и брат мой доехал до вокзала Ватерлоо на извозчике. На платформе, откуда обыкновенно отправляется двенадцатичасовой поезд, он узнал, что в эту ночь поезда почему-то не доходят до Уокинга. Почему, он так и не мог

добиться: железнодорожная администрация и та толком ничего не знала. На вокзале не заметно было никакого волнения; железнодорожники предполагали, что произошло крушение между Байфлитом и узловой станцией Уокинг. Вечерние поезда, шедшие обычно через Уокинг, направлялись через Вирджиния-Уотер или Гилдфорд. Много хлопот доставила железнодорожникам перемена маршрута экскурсии саутгемптонской и портсмутской Воскресной лиги. Какой-то репортер вечерней газеты, по ошибке приняв брата за начальника движения, на которого брат немного походил, пытался взять у него интервью. Почти никто, не исключая и железнодорожников, не ставил крушение в связь с марсианами.

Я потом читал в какой-то газете, будто бы еще утром в воскресенье «весь Лондон был наэлектризован сообщениями из Уокинга». В действительности ничего подобного не было. Большинство жителей Лондона впервые услышало о марсианах только в понедельник утром, когда разразилась паника. Даже те, кто читал газеты, не сразу поняли наспех составленное сообщение. Большинство же лондонцев воскресных газет не читает.

Кроме того, лондонцы так уверены в своей

личной безопасности, а сенсационные утки так обычны в газетах, что никто не был особенно обеспокоен следующим заявлением:

«Вчера, около семи часов пополудни, марсиане вышли из цилиндра и, двигаясь под защитой брони из металлических щитов, до основания разрушили станцию Уокинг и окрестные дома и уничтожили целый батальон Кардиганского полка. Подробности неизвестны. Пулеметы „максим“ оказались бессильными против их брони; полевые орудия были выведены из строя. В Чертси направлены разъезды гусар. Марсиане, по-видимому, медленно продвигаются к Чертси или Виндзору. В Западном Сэррее царит тревога. Возводятся земляные укрепления, чтобы преградить доступ к Лондону».

Это было напечатано в «Санди сан», а в «Рефери» остроумный фельетонист писал, что все это смахивает на панику в деревне, где неожиданно разбежался кочующий зверинец.

Никто в Лондоне толком не знал, что такое эти бронированные марсиане, но почему-то упорно держался слух, что чудовища очень неповоротливы; «ползают», «с трудом тащатся» — вот выражения, которые встречались почти во всех первых сообщениях. Ни одна из телеграмм не

составлялась очевидцами событий. Воскресные газеты печатали экстренные выпуски по мере получения свежих новостей и даже когда их не было. Только вечером газеты получили правительственное сообщение, что население Уолтона, Уэйбриджа и всего округа эвакуируется в Лондон, — и больше ничего.

Утром брат пошел в церковь при приютской больнице, все еще не зная о том, что случилось прошлой ночью.

В проповеди пастора он уловил туманные намеки на какое-то вторжение; кроме того, была прочтена особая молитва о ниспослании мира. Выйдя из церкви, брат купил номер «Рефери». Встревоженный новостями, он отправился на вокзал Ватерлоо узнать, восстановлено ли железнодорожное движение. На улицах было обычное праздничное оживление — омнибусы, экипажи, велосипеды, много разодетой публики; никто не был особенно взволнован неожиданными известиями, которые выкрикивали газетчики. Все были заинтригованы, но если кто и беспокоился, то не за себя, а за своих родных вне города. На вокзале он в первый раз услышал, что на Виндзор и Чертси поезда не ходят. Носильщики сказали ему, что со станции Байфлит и Чертси было по-

лучено утром несколько важных телеграмм, но что теперь телеграф почему-то не работает. Брат не мог добиться от них более точных сведений. «Около Уэйбриджа идет бой» — вот все, что они знали.

Движение поездов было нарушено. На платформе стояла толпа ожидавших приезда родных и знакомых с юго-запада. Какой-то седой джентльмен вслух ругал Юго-Западную компанию.

— Их нужно подтянуть! — ворчал он.

Пришли один-два поезда из Ричмонда, Патни и Кингстона с публикой, выехавшей на праздник покататься на лодках; эти люди рассказывали, что шлюзы заперты и что чувствуется тревога. Мой брат разговорился с молодым человеком в синем спортивном костюме.

— Куча народу едет в Кингстон на повозках, на телегах, на чем попало, с сундуками, со всем скарбом, — рассказывал тот. — Едут из Молси, Уэйбриджа, Уолтона и говорят, что около Чертси слышна канонада и что кавалеристы велели им поскорей выбираться, потому что приближаются марсиане. Мы слышали стрельбу из орудий у станции Хэмптон-Корт, но подумали, что это гром. Что значит вся эта чертовщина? Ведь марсиане не могут вылезти из своей ямы, правда?

Мой брат ничего не мог на это ответить.

Немного спустя он заметил, что какое-то смутное беспокойство передается и пассажирам подземной железной дороги; воскресные экскурсанты начали почему-то раньше времени возвращаться из всех юго-западных окрестностей: из Барнса, Уимблдона, Ричмонд-парка, Кью и других; но никто не мог сообщить ничего, кроме туманных слухов. Все пассажиры, возвращающиеся с конечной станции, казалось, были чем-то обеспокоены.

Около пяти часов собравшаяся на вокзале публика была очень удивлена открытием движения между Юго-Восточной и Юго-Западной линиями, обычно закрытого, а также появлением воинских эшелонов и платформ с тяжелыми орудиями. Это были орудия из Вулвича и Чатема для защиты Кингстона. Публика обменивалась шутками с солдатами: «Они вас съедят», «Идем укрощать зверей» — и так далее. Вскоре явился отряд полицейских и стал очищать вокзал от публики. Мой брат снова вышел на улицу.

Колокола звонили к вечерне, и колонна девиц из Армии спасения шла с пением по Ватерлоо-роуд. На мосту толпа любопытных смотрела на странную бурую пену, клочьями плывшую вниз

по течению. Солнце садилось. Башни Биг-Бена и палат парламента четко вырисовывались на ясном, безмятежном небе; оно было золотистое, с красновато-лиловыми полосами. Говорили, что под мостом проплыло мертвое тело. Какой-то человек, сказавший, что он военный из резерва, сообщил моему брату, что заметил на западе сигналы гелиографа.

На Веллингтон-стрит брат увидел бойких газетчиков, которые только что выбежали с Флит-стрит с еще сырыми газетами, испещренными ошеломляющими заголовками.

— Ужасная катастрофа! — выкрикивали они наперебой на Веллингтон-стрит. — Бой под Уэйбриджем! Подробное описание! Марсиане отброшены! Лондон в опасности!

Брату пришлось заплатить три пенса за номер газеты.

Только теперь он понял, как страшны и опасны эти чудовища. Он узнал, что это не просто кучка маленьких неповоротливых созданий, а разумные существа, управляющие гигантскими механизмами, что они могут быстро передвигаться и уничтожать все на своем пути и что против них бессильны самые дальнобойные пушки.

Их описывали как «громадные паукообразные

машины, почти в сто футов вышиной, способные передвигаться со скоростью экспресса и выбрасывать интенсивный тепловой луч». Замаскированные батареи, главным образом из полевых орудий, были установлены около Хорселлской пустоши и Уокинга по дороге к Лондону. Были замечены пять боевых машин, которые двигались к Темзе; одна из них благодаря счастливой случайности была уничтожена. Обычно снаряды не достигали цели и батареи мгновенно сметались тепловым лучом. Упоминалось также о тяжелых потерях, понесенных войсками; однако сообщения были составлены в оптимистическом тоне.

Марсиане-де все же отбиты; оказалось, что они уязвимы. Они отступили к треугольнику, образованному тремя упавшими около Уокинга цилиндрами. Разведчики с гелиографами окружили их. Быстро подводятся пушки из Виндзора, Портсмута, Олдершота, Вулвича и даже с севера. Между прочим, из Вулвича доставлены дальнобойные девяностопятитонные орудия. Установлено около ста шестидесяти пушек, главным образом для защиты Лондона. Никогда еще в Англии с такой быстротой и в таких масштабах не производилась концентрация военных сил.

Надо надеяться, что все последующие цилиндры будут впредь уничтожаться особой сверхмощной шрапнелью, которая уже изготовлена и рассылается. Положение, говорилось в сообщении, несомненно, серьезное, но население не должно поддаваться панике. Конечно, марсиане чудовищны и ужасны, но ведь их всего около двадцати против миллионов людей.

Власти имели все основания предполагать, принимая во внимание величину цилиндра, что в каждом из них не более пяти марсиан. Всего, значит, их пятнадцать. По крайней мере один из них уже уничтожен, может быть, даже и больше. Население будет своевременно предупреждено о приближении опасности, и будут приняты специальные меры для охраны жителей угрожаемых юго-западных предместий. Кончалось все это заверениями о безопасности Лондона и выражением твердой надежды, что правительство справится со всеми затруднениями.

Этот текст был напечатан очень крупно на еще не просохшей бумаге, без всяких комментариев. Любопытно было видеть, рассказывал брат, как безжалостно весь остальной материал газеты был скомкан и урезан, чтобы дать место этому сообщению.

На Веллингтон-стрит нарасхват раскупали розовые листки экстренного выпуска, а на Стрэнде уже раздавались выкрики целой армии газетчиков. Публика соскакивала с омнибусов в погоне за газетой. Сообщение взволновало и обеспокоило толпу. Брат рассказывал, что ставни магазина географических карт на Стрэнде были раскрыты и какой-то человек в праздничном костюме, в лимонно-желтых перчатках, появившись в витрине, поспешно прикреплял к стеклу карту Сэррея.

Проходя по Стрэнду к Трафальгар-сквер с газетой в руке, брат встретил беженцев из Западного Сэррея. Какой-то мужчина ехал в повозке, похожей на тележку зеленщика; в ней среди наваленного домашнего скарба сидели его жена и два мальчугана. Он ехал от Вестминстерского моста, а вслед за ним двигалась фура для сена; на ней сидели пять или шесть человек, прилично одетых, с чемоданами и узлами. Лица у беженцев были испуганные, они резко отличались от одетых по-воскресному пассажиров омнибусов. Элегантная публика, высовываясь из кебов, с удивлением смотрела на них. У Трафальгар-сквер беженцы остановились в нерешительности, потом повернули к востоку по Стрэнду. Затем

проехал человек в рабочей одежде на старинном трехколесном велосипеде с маленьким передним колесом. Он был бледен и весь перепачкан.

Мой брат повернул к Виктория-стрит и встретил новую толпу беженцев. У него мелькнула смутная мысль, что он, может быть, увидит меня. Он обратил внимание на необычно большое количество полисменов, регулирующих движение. Некоторые из беженцев разговаривали с пассажирами омнибусов. Один уверял, что видел марсиан. «Паровые котлы на ходулях, говорю вам, и шагают как люди». Большинство беженцев казались взволнованными и возбужденными.

Рестораны на Виктория-стрит были переполнены беженцами. На всех углах толпились люди, читали газеты, возбужденно разговаривали или молча смотрели на этих необычных воскресных гостей. Беженцы все прибывали, и к вечеру, по словам брата, улицы походили на Хай-стрит в Эпсоме в день скачек. Мой брат расспрашивал многих беженцев, но они давали очень неопределенные ответы.

Никто не мог сообщить ничего нового относительно Уокинга. Один человек уверял его, что Уокинг совершенно разрушен еще прошлой ночью.

— Я из Байфлита, — сказал он. — Рано утром прикатил велосипедист, забегал в каждый дом и советовал уходить. Потом появились солдаты. Мы вышли посмотреть: на юге дым, сплошной дым, и никто не приходит оттуда. Потом мы услыхали гул орудий у Чертси, и из Уэйбриджа повалил народ. Я запер свой дом и тоже ушел вместе с другими.

В толпе слышался ропот, ругали правительство за то, что оно оказалось неспособным сразу справиться с марсианами.

Около восьми часов в южной части Лондона ясно слышалась канонада. На главных улицах ее заглушал шум движения, но, спускаясь тихими переулками к реке, брат ясно расслышал гул орудий.

В девятом часу он шел от Вестминстера обратно к своей квартире у Риджентс-парка. Он очень беспокоился обо мне, понимая, насколько положение серьезно. Как и я в ночь на субботу, он заразился военной истерией. Он думал о безмолвных, выжидающих пушках, о таборах беженцев, старался представить себе «паровые котлы на ходулях» в сто футов вышиною.

На Оксфорд-стрит проехало несколько повозок с беженцами; на Мэрилебон-роуд тоже; но

слухи распространялись так медленно, что Риджент-стрит и Портленд-роуд были, как всегда, заполнены воскресной гуляющей толпой, хотя кое-где обсуждались последние события. В Риджентс-парке, как обычно, под редкими газовыми фонарями прогуливались молчаливые парочки. Ночь была темная и тихая, слегка душная; гул орудий доносился с перерывами; после полуночи на юге блеснуло что-то вроде зарницы.

Брат читал и перечитывал газету, тревога обо мне все росла. Он не мог успокоиться и после ужина снова пошел бесцельно бродить по городу. Потом вернулся и тщетно попытался засесть за свои записи лекций. Он лег спать после полуночи, ему снились зловещие сны, но не прошло и двух часов, как его разбудил стук дверных молоточков, топанье ног по мостовой, отдаленный барабанный бой и звон колоколов. На потолке вспыхивали красные отблески. С минуту он лежал и не мог понять, что случилось. Наступил уже день или все сошли с ума? Потом вскочил с постели и подбежал к окну.

Его комната помещалась в мезонине; распахнув окно, он услышал крики с обоих концов улицы. Из окон высовывались и перекликались заспанные, полуодетые люди. «Они идут! — кричал

полисмен, стуча в дверь. — Марсиане приближаются!» — И спешил к следующей двери.

Из казармы на Олбени-стрит слышался барабанный бой и звуки трубы; со всех церквей доносился бурный, нестройный набат. Хлопали двери; темные окна домов на противоположной стороне вспыхивали желтыми огоньками.

По улице во весь опор промчалась закрытая карета: шум колес раздался из-за угла, перешел в оглушительный грохот под окном и замер где-то вдали. Вслед за каретой пронеслись два кеба — авангард целой вереницы экипажей, мчавшихся к вокзалу Чок-Фарм, где можно было сесть в специальные поезда Северо-Западной дороги, вместо того чтобы спускаться к Юстону.

Мой брат долго смотрел из окна в тупом изумлении; он видел, как полисмены перебегали от двери к двери, стуча молотком и возвещая все ту же непостижимую новость. Вдруг дверь позади него отворилась и вошел сосед, занимавший комнату напротив, он был в рубашке, брюках и туфлях, подтяжки болтались, волосы были взлохмачены.

— Что за чертовщина? — спросил он. — Пожар? Почему такая суматоха?

Оба высунулись из окна, стараясь разобрать,

что кричат полисмены. Из боковых улиц повалил народ, останавливаясь кучками на углах.

— В чем дело, черт возьми? — спросил сосед.

Мой брат что-то ответил ему и стал одеваться, подбегая с каждой принадлежностью туалета к окну, чтобы видеть, что происходит на улице. Из-за угла выскочили газетчики с необычно ранними выпусками газет, крича во все горло:

— Лондону грозит удушение! Укрепления Кингстона и Ричмонда прорваны! Кровопролитное сражение в долине Темзы!

Повсюду вокруг, в квартирах нижнего этажа, во всех соседних домах и дальше, в Парк-террасес и на сотне других улиц этой части Мэрилебона; в районе Вестберн-парка и Сент-Панкраса, на западе и на севере — в Килберне, Сент-Джонс-Вуде и Хэмпстеде; на востоке — в Шордиче, Хайбэри, Хаггерстоне и Хокстоне; на всем громадном протяжении Лондона, от Илинга до Истхема, люди, протирая глаза, отворяли окна, выглядывали на улицу, задавали бесцельные вопросы и поспешно одевались. Первое дыхание надвигавшейся паники пронеслось по улицам. Страх завладевал городом. Лондон, спокойно и бездумно уснувший в воскресенье вечером, проснулся рано утром в понедельник под угрозой смертельной опас-

ности.

Так как брат из своего окна не смог ничего выяснить, он спустился вниз и вышел на улицу. Над крышами домов розовела заря. Толпа беженцев, шагавших пешком и ехавших в экипажах, с каждой минутой все увеличивалась.

— Черный дым! — слышал он выкрики. — Черный дым!

Было ясно, что паника неминуемо охватит весь город. Постояв в нерешительности у своего подъезда, брат окликнул газетчика и купил газету. Газетчик побежал дальше, продавая газеты на ходу по шиллингу, — гротескное сочетание корысти и паники.

В газете брат прочел удручающее донесение главнокомандующего:

«Марсиане пускают огромные клубы черного ядовитого пара при помощи ракет. Они подавили огонь нашей артиллерии, разрушили Ричмонд, Кингстон и Уимблдон и медленно приближаются к Лондону, уничтожая все на своем пути. Остановить их невозможно. От черного дыма нет иного спасения, кроме немедленного бегства».

И только. Но и этого было достаточно. Все население огромного шестимиллионного города всполошилось, заметалось, обратилось в бегство.

Все устремились к северу.

— Черный дым! — слышались крики. — Огонь!

Колокола соседних церквей били в набат. Какой-то неумело управляемый экипаж налетел среди криков и ругани на колоду для водопоя. Тусклый желтый свет мелькал в окнах домов; у некоторых кебов еще горели ночные фонари. А вверху разгоралась заря, безоблачная, ясная, спокойная.

Брат слышал топот ног в комнатах и на лестнице. Его хозяйка вышла на улицу, наскоро накинув капот и шаль, за ней шел ее муж, бормоча что-то невнятное.

Когда брат наконец понял, что происходит, он поспешно вернулся в свою комнату, захватил все наличные деньги — около десяти фунтов, — сунул их в карман и вышел на улицу.

Глава XV
Что случилось в Сэррее

Как раз в то время, когда священник вел со мною свой безумный разговор под изгородью в поле около Голлифорда, а брат смотрел на поток беженцев, устремившийся по Вестминстерскому мосту, марсиане снова перешли в наступление.

Если верить сбивчивым рассказам, большинство марсиан оставались до девяти часов вечера в яме на Хорселлской пустоши, занятые какой-то спешной работой, сопровождавшейся вспышками зеленого дыма.

Установлено, что трое марсиан вышли оттуда около восьми часов и, продвигаясь медленно и осторожно через Байфлит и Пирфорд к Рипли и Уэйбриджу, неожиданно появились перед сторожевыми батареями на фоне освещенного закатом неба. Марсиане шли не шеренгой, а цепью, на расстоянии примерно полутора миль друг от друга. Они переговаривались каким-то ревом, похожим на вой сирены, издающей то высокие, то низкие звуки.

Этот вой и пальбу орудий Рипли и Сент-Джордж-Хилла мы и слышали около Верхнего Голлифорда. Артиллеристы у Рипли — неопытные волонтеры, которых не следовало ставить на такую позицию, — дали всего один преждевременный безрезультатный залп и, кто верхом, кто пешком, бросились врассыпную по опустевшему местечку. Марсианин, то шагая через орудия, то осторожно ступая среди них и даже не пользуясь тепловым лучом, опередил их и, таким образом, застал врасплох батареи в Пэйнс-Хилл-парке,

которые он и уничтожил.

Артиллеристы в Сент-Джордж-Хилле оказались более опытными и храбрыми. Скрытые соснами от ближайшего к ним марсианина, который не ожидал нападения, они навели свои орудия спокойно, как на параде, и, когда марсианин находился на расстоянии около тысячи ярдов, дали залп.

Снаряды рвались вокруг марсианина. Он сделал несколько шагов, пошатнулся и упал. Все закричали от радости, и орудия снова поспешно зарядили. Рухнувший марсианин издал продолжительный вой, и тотчас второй сверкающий гигант, отвечая ему, показался над деревьями с юга. По-видимому, снаряд разбил одну из ног треножника. Второй залп пропал даром, снаряды перелетели через упавшего марсианина и ударились в землю. И тотчас же два других марсианина подняли камеры теплового луча, направляя их на батарею. Снаряды взорвались, сосны загорелись, из обслуги, обратившейся в бегство, уцелело всего несколько человек.

Марсиане остановились и стали о чем-то совещаться. Разведчики, наблюдавшие за ними, донесли, что они стояли неподвижно около получаса. Опрокинутый марсианин неуклюже выполз

из-под своего колпака — небольшая бурая туша, издали похожая на грибной нарост, — и занялся починкой треножника. К девяти он закончил работать, и его колпак снова показался над лесом.

В начале десятого к этим трем часовым присоединились четыре других марсианина, вооруженных большими черными трубами. Такие же трубы были вручены каждому из трех первых. После этого все семеро растянулись цепью на равном расстоянии друг от друга, по кривой между Сент-Джордж-Хиллом, Уэйбриджем и Сэндом, на юго-западе от Рипли.

Как только они начали двигаться, с холмов взвились сигнальные ракеты, предупреждая батареи у Диттона и Эшера. В то же время четыре боевые машины, также снабженные трубами, переправились через реку, и две из них появились передо мной и священником, четко вырисовываясь на фоне послезакатного неба, когда мы, усталые и измученные, торопливо шли по дороге на север от Голлифорда. Нам казалось, что они двигаются по облакам, потому что молочный туман покрывал поля и подымался до трети их роста.

Священник, увидев их, вскрикнул сдавленным голосом и пустился бежать. Зная, что бегство

бесполезно, я свернул в сторону и пополз среди мокрого от росы терновника и крапивы в широкую канаву на краю дороги. Священник оглянулся, увидел, что я делаю, и подбежал ко мне.

Два марсианина остановились; ближайший к нам стоял, обернувшись к Санбэри; другой маячил серой бесформенной массой под вечерней звездой в стороне Стэйнса.

Вой марсиан прекратился, и каждый из них безмолвно занял свое место на огромной подкове, охватывающей ямы с цилиндрами.

Расстояние между концами подковы было не менее двенадцати миль. Ни разу еще со времени изобретения пороха сражение не начиналось среди такой тишины. Из Рипли было видно то же, что и нам: марсиане одни возвышались в сгущающемся сумраке, освещенные лишь бледным месяцем, звездами, отблеском заката и красноватым заревом над Сент-Джордж-Хиллом и лесами Пэйнс-Хилла.

Но против наступающих марсиан повсюду — у Стэйнса, Хаунслоу, Диттона, Эшера, Окхема, за холмами и лесами к югу от реки и за ровными сочными лугами к северу от нее, из-за прикрытия деревьев и домов — были выставлены орудия.

Сигнальные ракеты взвивались и рассыпались искрами во мраке; батареи лихорадочно готовились к бою. Марсианам стоило только ступить за линию огня, и все эти неподвижные люди, все эти пушки, поблескивавшие в ранних сумерках, разразились бы грозовой яростью боя.

Без сомнения, так же как и я, тысячи людей, бодрствуя в эту ночь, думали о том, понимают ли нас марсиане. Поняли они, что нас миллионы и что мы организованны, дисциплинированны и действуем согласованно? Или для них наши выстрелы, неожиданные разрывы снарядов, упорная осада их укреплений — то же самое, что для нас яростное нападение потревоженного пчелиного улья? Или они воображают, что могут истребить всех нас? (В это время еще никто не знал, чем питаются марсиане.) Сотни таких вопросов приходили мне в голову, пока я наблюдал за стоявшим на страже марсианином. Вместе с тем я думал о том, какое встретит их сопротивление на пути в Лондон. Вырыты ли ямы-западни? Удастся ли заманить их к пороховым заводам в Хаунслоу? Хватит ли у лондонцев мужества превратить в новую пылающую Москву свой огромный город?

Нам показалось, что мы бесконечно долго полз-

ли по земле вдоль изгороди, то и дело из-за нее выглядывая; наконец раздался гул отдаленного орудийного выстрела. Затем второй — несколько ближе — и третий. Тогда ближайший к нам марсианин высоко поднял свою трубу и выстрелил из нее, как из пушки, с таким грохотом, что дрогнула земля. Марсианин у Стэйнса последовал его примеру. При этом не было ни вспышки, ни дыма — только гул взрыва.

Я был так поражен этими раскатами, следовавшими один за другим, что забыл об опасности, о своих обожженных руках и полез на изгородь посмотреть, что происходит у Санбэри. Снова раздался выстрел, и огромный снаряд пролетел высоко надо мной по направлению к Хаунслоу. Я ожидал увидеть или дым, или огонь, или какой-нибудь иной признак его разрушительного действия, но увидел только темно-синее небо с одинокой звездой и белый туман, стлавшийся по земле. И ни единого взрыва с другой стороны, ни одного ответного выстрела. Все стихло. Прошла томительная минута.

— Что случилось? — спросил священник, стоявший рядом со мной.

— Один Бог знает! — ответил я.

Пролетела и скрылась летучая мышь. Издали

донесся и замер неясный шум голосов. Я взглянул на марсианина; он быстро двигался к востоку вдоль берега реки.

Я ждал, что вот-вот на него направят огонь какой-нибудь скрытой батареи, но тишина ночи ничем не нарушалась. Фигура марсианина уменьшилась, и скоро ее поглотили туман и сгущающаяся темнота. Охваченные любопытством, мы взобрались повыше. У Санбэри, заслоняя горизонт, виднелось какое-то темное пятно, точно свеженасыпанный конический холм. Мы заметили второе такое же возвышение над Уолтоном, за рекой. Эти похожие на холмы пятна на наших глазах тускнели и расползались.

Повинуясь безотчетному импульсу, я взглянул на север и увидел там третий черный дымчатый холм.

Было необычайно тихо. Только далеко на юго-востоке среди тишины перекликались марсиане. Потом воздух снова дрогнул от отдаленного грохота их орудий. Но земная артиллерия молчала.

В то время мы не могли понять, что происходит, позже я узнал, что значили эти зловещие, расползавшиеся в темноте черные кучи. Каждый марсианин со своей позиции на упомянутой мною громадной подкове по какому-то неведо-

мому сигналу стрелял из своей пушки-трубы по каждому холму, лесочку, группе домов, по всему, что могло служить прикрытием для наших орудий. Одни марсиане выпустили по снаряду, другие по два, как, например, тот, которого мы видели. Марсианин у Рипли, говорят, выпустил не меньше пяти. Ударившись о землю, снаряды раскалывались — они не рвались, — и тотчас же над ними вставало облако плотного темного пара, потом облако оседало, образуя огромный черный газовый холм, который медленно расползался по земле. И прикосновение этого газа, вдыхание его едких хлопьев убивало все живое.

Этот газ был тяжел, тяжелее самого густого дыма; после первого стремительного взлета он оседал на землю и заливал ее, точно жидкость, стекая с холмов и устремляясь в ложбины, в овраги, в русла рек, подобно тому как стекает углекислота при выходе из трещин вулкана. При соприкосновении газа с водой происходила какая-то химическая реакция, и поверхность воды тотчас же покрывалась пылевидной накипью, которая очень медленно осаждалась. Эта накипь не растворялась, поэтому, несмотря на ядовитость газа, воду по удалении из нее осадка можно было пить без вреда для здоровья. Этот

газ не диффундировал, как всякий другой газ. Он висел пластами, медленно стекал по склонам, не рассеивался на ветру, мало-помалу смешивался с туманом и атмосферной влагой и оседал на землю в виде пыли. Мы до сих пор ничего не знаем о составе этого газа; известно только, что в него входил какой-то новый элемент, дававший четыре линии в голубой части спектра.

Этот черный газ так плотно прилегал к земле, раньше даже, чем начиналось оседание, что на высоте пятидесяти футов, на крышах, в верхних этажах высоких домов и на высоких деревьях можно было спастись от него; это подтвердилось в ту же ночь в Стрит-Кобхеме и Диттоне.

Человек, спасшийся в Стрит-Кобхеме, передавал странные подробности о кольцевом потоке этого газа; он смотрел вниз с церковной колокольни и видел, как дома селения выступали из чернильной темноты, точно призраки. Он просидел там полтора дня, полумертвый от усталости, голода и зноя. Земля под голубым небом, обрамленная холмами, казалась покрытой черным бархатом с выступавшими кое-где в лучах солнца красными крышами и зелеными вершинами деревьев: кусты, ворота, сараи, пристройки и стены домов казались подернутыми черным флером.

Так было в Стрит-Кобхеме, где черный газ сам по себе осел на землю. Вообще же марсиане, после того как газ выполнял свое назначение, очищали воздух, направляя на газ струю пара.

То же сделали они и с облаком газа неподалеку от нас; мы наблюдали это при свете звезд из окна брошенного дома в Верхнем Голлифорде, куда мы вернулись. Мы видели, как скользили прожекторы по Ричмонд-Хиллу и Кингстон-Хиллу. Около одиннадцати часов стекла в окнах задрожали, и мы услыхали раскаты установленных там тяжелых осадных орудий. С четверть часа с перерывами продолжалась стрельба наудачу по невидимым позициям марсиан у Хэмптона и Диттона; потом бледные лучи прожекторов погасли и сменились багровым заревом.

Затем упал четвертый цилиндр — яркий зеленый метеор — в Буши-парке, как я потом узнал. Еще раньше, чем заговорили орудия на холмах у Ричмонда и Кингстона, откуда-то с юго-запада слышалась беспорядочная канонада; вероятно, орудия стреляли наугад, пока черный газ не умертвил артиллеристов.

Марсиане, действуя методически, подобно людям, выкуривающим осиное гнездо, разливали этот удушающий газ по окрестностям Лондона.

Концы подковы медленно расходились, пока наконец цепь марсиан не двинулась по прямой от Хэнвелла до Кумба и Молдена. Всю ночь продвигались вперед смертоносные трубы. Ни разу после того, как марсианин был сбит с треножника у Сент-Джордж-Хилла, не удалось нашей артиллерии поразить хотя бы одного из них. Они пускали черный газ повсюду, где могли быть замаскированы наши орудия, а там, где пушки стояли без прикрытия, они пользовались тепловым лучом.

В полночь горевшие по склонам Ричмонд-парка деревья и зарево над Кингстон-Хиллом осветили облака черного газа, клубившегося по всей долине Темзы и простиравшегося до самого горизонта. Два марсианина медленно расхаживали по этой местности, направляя на землю свистящие струи пара.

Марсиане в эту ночь почему-то берегли тепловой луч, может быть, потому, что у них был ограниченный запас материала для его производства, или потому, что они не хотели обращать страну в пустыню, а только подавить оказываемое им сопротивление. Это им, бесспорно, удалось. Ночь на понедельник была последней ночью организованной борьбы с марсианами.

После этого никто уже не осмеливался выступить против них, всякое сопротивление казалось безнадежным. Даже экипажи торпедных катеров и миноносцев, поднявшихся вверх по Темзе со скорострельными пушками, отказались оставаться на реке, взбунтовались и ушли в море. Единственное, на что люди решались после этой ночи, — это закладка мин и устройство ловушек, но даже это делалось недостаточно планомерно.

Можно только вообразить себе судьбу батарей Эшера, которые так напряженно выжидали во мраке. Там никого не осталось в живых. Представьте себе ожидание настороженных офицеров, орудийную обслугу, приготовившуюся к залпу, сложенные у орудий снаряды, обозную обслугу у передков лафетов с лошадьми, штатских зрителей, старающихся подойти возможно ближе, вечернюю тишину, санитарные фургоны и палатки походного лазарета с обожженными и ранеными из Уэйбриджа. Затем глухой раскат выстрелов марсиан и шальной снаряд, пролетевший над деревьями и домами и упавший в соседнем поле.

Можно представить себе изумление и испуг при виде быстро развертывающихся колец и завитков надвигающегося черного облака, которое

превращало сумерки в густой осязаемый мрак: непонятный и неуловимый враг настигает свои жертвы; охваченные паникой люди и лошади бегут, падают, вопли ужаса, брошенные орудия, люди, корчащиеся на земле, — и все расширяющийся черный конус газа. Потом ночь и смерть — и безмолвная дымная завеса над мертвецами.

Перед рассветом черный газ разлился по улицам Ричмонда. Правительство теряло нити управления; в последнем усилии оно призвало население Лондона к бегству.

Глава XVI
Уход из Лондона

Легко представить себе ту бушующую волну страха, которая прокатилась по величайшему городу мира рано утром в понедельник, — ручей беженцев, быстро выросший в поток, бурно пенившийся вокруг вокзалов, превращающийся в бешеный водоворот у судов на Темзе и устремляющийся всеми возможными путями к северу и к востоку. К десяти часам паника охватила полицию, к полудню — железнодорожную администрацию: административные единицы теряли связь друг с другом, растворялись в человеческом

потоке и уносились на обломках быстро распадавшегося социального организма.

Все железнодорожные линии к северу от Темзы и жители юго-восточной части города были предупреждены еще в полночь в воскресенье, уже в два часа все поезда были переполнены, люди отчаянно дрались из-за мест в вагонах. К трем часам давка и драка происходили уже и на Бишопсгейт-стрит; на расстоянии нескольких сот ярдов от вокзала, на Ливерпуль-стрит, стреляли из револьверов, пускали в ход ножи, а полисмены, посланные регулировать движение, усталые и разъяренные, избивали дубинками людей, которых они должны были охранять.

Скоро машинисты и кочегары стали отказываться возвращаться в Лондон; толпы отхлынули от вокзалов и устремились к шоссейным дорогам, ведущим на север. В полдень у Барнса видели марсианина; облако медленно оседавшего черного газа ползло по Темзе и равнинам Ламбета, отрезав дорогу через мосты. Другое облако поползло по Илингу и окружило небольшую кучку уцелевших людей на Касл-Хилле; они остались живы, но выбраться не могли.

После безуспешной попытки попасть на северо-западный поезд в Чок-Фарме, когда состав,

переполненный еще на товарной платформе, стал прокладывать себе путь сквозь исступленную толпу и несколько дюжин молодцов едва удерживали публику, собиравшуюся размозжить машинисту голову о топку, — мой брат вышел на Чок-Фарм-роуд, перешел дорогу, лавируя среди роя мчавшихся экипажей, и, по счастью, оказался одним из первых при разгроме велосипедного магазина! Передняя шина велосипеда, который он захватил, лопнула, когда он вытаскивал машину через окно, но тем не менее, только слегка поранив кисть руки в свалке, он сел и поехал. Путь по крутому подъему Хаверсток-Хилла был загроможден опрокинутыми экипажами, и брат свернул на Белсайз-роуд.

Таким образом он выбрался из охваченного паникой города и к семи часам достиг Эджуэра, голодный и усталый, но зато значительно опередив поток беженцев. Вдоль дороги стояли местные жители, любопытные и недоумевающие. Его обогнали несколько велосипедистов, несколько всадников и два автомобиля. За милю от Эджуэра лопнул обод колеса, ехать дальше было невозможно. Он бросил велосипед у дороги и пешком вошел в деревню. На главной улице несколько лавок было открыто; жители толпи-

лись на тротуарах, стояли у дверей и окон и с удивлением смотрели на необычайное шествие беженцев, которое только еще начиналось. Брату удалось перекусить в гостинице.

Он бродил по Эджуэру, не зная, что делать дальше. Толпа беженцев все увеличивалась. Многие, подобно брату, не прочь были остаться там. О марсианах ничего нового не сообщалось.

Дорога уже наполнилась беженцами, но была еще проходима. Сначала было больше велосипедистов, потом появились быстро мчавшиеся автомобили, изящные кебы, коляски; пыль столбом стояла на дороге до самого Сент-Олбенса.

Вспомнив, очевидно, про своих друзей в Челмсфорде, брат решил свернуть на тихий проселок, тянувшийся к востоку. Когда перед ним вырос забор, он перелез через него и направился по тропинке к северо-востоку. Он миновал несколько фермерских коттеджей и какие-то деревушки, названий которых не знал. Изредка попадались беженцы. У Хай-Барнета, на заросшем травой проселке, он встретился с двумя дамами, ставшими его спутницами. Он догнал их как раз вовремя, чтобы помочь им.

Услыхав крики, он поспешно завернул за угол и увидел двух мужчин, пытавшихся высадить

женщин из коляски; третий держал под уздцы испуганного пони. Одна из дам, небольшого роста, в белом платье, кричала; другая же, стройная брюнетка, била хлыстом по лицу мужчину, схватившего ее за руку.

Брат мгновенно оценил положение и с криком поспешил на помощь женщинам. Один из нападавших оставил даму и повернулся к нему; брат, отличный боксер, видя по лицу противника, что драка неизбежна, напал первым и одним ударом свалил его под колеса.

Тут было не до рыцарской вежливости, и брат, оглушив упавшего пинком, схватил за шиворот второго нападавшего, который держал за руку младшую из дам. Он услышал топот копыт, хлыст скользнул по его лицу, и третий противник нанес ему сильный удар в переносицу; тот, которого он держал за шиворот, вырвался и бросился бежать по проселку в ту сторону, откуда подошел брат.

Оглушенный ударом, брат очутился лицом к лицу с субъектом, который только что держал пони; коляска удалялась по проселку, виляя из стороны в сторону; обе женщины, обернувшись, следили за дракой. Противник, рослый детина, готовился нанести второй удар, но брат опередил его, ударив в челюсть. Потом, видя, что он

остался один, брат увернулся от удара и побежал по проселку вслед за коляской, преследуемый по пятам своим противником; другой, удравший было, остановился, повернул обратно и теперь следовал за ним издали.

Вдруг брат оступился и упал; его ближайший преследователь, споткнувшись о него, тоже упал, и брат, вскочив на ноги, снова очутился лицом к лицу с двумя противниками. У него было мало шансов справиться с ними, но в это время стройная брюнетка быстро остановила пони и поспешила к нему на помощь. Оказалось, у нее был револьвер, но он лежал под сиденьем, когда на них напали. Она выстрелила с расстояния в шесть ярдов, чуть не попав в брата. Менее храбрый из грабителей пустился наутек, его товарищ последовал за ним, проклиная его трусость. Оба они остановились поодаль на проселке, около третьего из нападавших, лежавшего на земле без движения.

— Возьмите, — промолвила стройная дама, передавая брату свой револьвер.

— Садитесь в коляску, — сказал брат, вытирая кровь с рассеченной губы.

Она молча повернулась, и оба они, тяжело дыша, подошли к женщине в белом платье, которая

еле сдерживала испуганного пони.

Грабители не возобновили нападения. Обернувшись, брат увидел, что они уходят.

— Я сяду здесь, если разрешите, — сказал он, взобравшись на пустое переднее сиденье. Брюнетка оглянулась через плечо.

— Дайте мне вожжи, — сказала она и хлестнула пони. Через минуту грабителей не стало видно за поворотом дороги.

Таким образом, совершенно неожиданно брат, запыхавшийся, с рассеченной губой, с опухшим подбородком и окровавленными пальцами, очутился в коляске вместе с двумя женщинами на незнакомой дороге.

Он узнал, что одна из них жена, а другая младшая сестра врача из Стэнмора, который, возвращаясь ночью из Пиннера от тяжелобольного, услышал на одной из железнодорожных станций о приближении марсиан. Он поспешил домой, разбудил женщин — прислуга ушла от них за два дня перед тем, — уложил кое-какую провизию, сунул, к счастью для моего брата, свой револьвер под сиденье и сказал им, чтобы они ехали в Эджуэр и сели там на поезд. Сам он остался оповестить соседей и обещался нагнать их около половины пятого утра. Теперь уже около девяти, а его все

нет. Остановиться в Эджуэре они не могли из-за наплыва беженцев и, таким образом, свернули на глухую дорогу.

Все это они постепенно рассказали моему брату по пути к Нью-Барнету, где они сделали привал. Брат обещал не покидать их, по крайней мере до тех пор, пока они не решат, что предпринять, или пока их не догонит врач. Желая успокоить женщин, брат уверял, что он отличный стрелок, хотя в жизни не держал в руках револьвера.

Они расположились у дороги, и пони пристроился возле живой изгороди. Брат рассказал спутницам о своем бегстве из Лондона и сообщил им все, что слышал о марсианах и об их действиях. Солнце поднималось все выше, и скоро оживленный разговор сменился томительным ожиданием. По дороге прошло несколько беженцев; от них брат узнал кое-какие новости, еще более подтвердившие его убежденность в грандиозности разразившегося бедствия и необходимости дальнейшего бегства. Он сказал об этом своим спутницам.

— У нас есть деньги, — сказала младшая дама и тут же запнулась.

Ее глаза встретились с глазами брата, и она успокоилась.

— У меня тоже есть деньги, — отвечал брат.

Она сообщила, что у них имеется тридцать фунтов золотом и одна пятифунтовая кредитка, и высказала предположение, что они смогут сесть в поезд в Сент-Олбенсе или Нью-Барнете. Брат считал, что попасть на поезд совершенно невозможно: он видел, как яростно поезда осаждались толпами лондонцев, и предложил пробраться через Эссекс к Гарвичу, а там пароходом переправиться на континент.

Миссис Элфинстон — так звали даму в белом — не слушала никаких доводов и хотела ждать своего Джорджа; но ее золовка оказалась на редкость хладнокровной и рассудительной и в конце концов согласилась с моим братом. Они поехали к Барнету, намереваясь пересечь Большую Северную дорогу; брат вел пони под уздцы, чтобы сберечь его силы. Солнце поднималось, и день становился очень жарким; белесый песок ослепительно сверкал и так накалился под ногами, что они очень медленно продвигались вперед. Живая изгородь посерела от пыли. Недалеко от Барнета они услышали какой-то отдаленный гул.

Стало попадаться больше народу. Беженцы шли изнуренные, угрюмые, грязные, неохотно отвечая на расспросы. Какой-то человек во фра-

ке прошел мимо них, опустив глаза в землю. Они слышали, как он разговаривал сам с собой, и, оглянувшись, увидели, что одной рукой он схватил себя за волосы, а другой наносил удары невидимому врагу. После этого приступа бешенства он, не оглядываясь, пошел дальше.

Когда брат и его спутницы подъезжали к перекрестку дорог южнее Барнета, то увидели в поле, слева от дороги, женщину с ребенком на руках; двое детей плелись за нею, а позади шагал муж в грязной черной блузе, с толстой палкой в одной руке и чемоданом в другой. Потом откуда-то из-за вилл, отделявших проселок от большой дороги, выехала тележка, в которую был впряжен взмыленный черный пони; правил бледный юноша в котелке, сером от пыли. В тележке сидели три девушки, с виду фабричные работницы Ист-Энда, и двое детей.

— Как проехать в Эджуэр? — спросил бледный, растерянный возница.

Брат ответил, что надо свернуть налево, и молодой человек хлестнул пони, даже не поблагодарив.

Брат заметил, что дома перед ним и фасад террасы, примыкающей к одной из вилл, стоявших по ту сторону дороги, окутаны голубоватой

дымкой, точно мглой. Миссис Элфинстон вдруг вскрикнула, увидав над домами красные языки пламени, взлетавшие в ярко-синее небо. Из хаоса звуков стали выделяться голоса, грохот колес, скрип повозок и дробный стук копыт. Ярдов за пятьдесят от перекрестка узкая дорога круто заворачивала.

— Боже мой! — вскрикнула миссис Элфинстон. — Куда же вы нас везете?

Брат остановился.

Большая дорога представляла собой сплошной клокочущий людской поток, стремившийся к северу. Облако белой пыли, сверкающей в лучах солнца, поднималось над землей футов на двадцать, окутывало все сплошной пеленой и ни на минуту не рассеивалось, так как лошади, пешеходы и колеса всевозможных экипажей вздымали все новые и новые клубы.

— Дорогу! — слышались крики. — Дайте дорогу!

Когда они приближались к перекрестку, им казалось, будто они въезжают в горящий лес; толпа шумела, как пламя, а пыль была жгучей и едкой. Впереди пылала вилла, увеличивая смятение, и клубы черного дыма стлались по дороге.

Мимо прошли двое мужчин. Потом какая-то

женщина, перепачканная и заплаканная, с тяжелым узлом. Потерявшаяся охотничья собака, испуганная и жалкая, высунув язык, покружилась вокруг коляски и убежала, когда брат цыкнул на нее.

Впереди, насколько хватало глаз, вся дорога от Лондона казалась сплошным клокочущим потоком грязных и толкающих друг друга людей, катившимся между двумя рядами вилл. У поворота дороги из черного месива тел на миг выступали отдельные лица и фигуры, потом они проносились мимо и снова сливались в сплошную массу, полускрытую облаком пыли.

— Пропустите!.. — раздавались крики. — Дорогу, дорогу!

Руки идущих сзади упирались в спины передних. Брат вел под уздцы пони. Подхваченный толпой, он медленно, шаг за шагом продвигался вперед.

В Эджуэре чувствовалось беспокойство, в Чок-Фарме была паника, — казалось, происходило переселение народов. Трудно описать эти полчища. Это была безликая масса, появлявшаяся из-за угла и исчезавшая за поворотом. По обочине дороги плелись пешеходы, увертываясь от колес экипажей, сталкиваясь, спотыкаясь, падая

в канаву.

Повозки и экипажи тянулись вплотную друг за другом. Более проворные и нетерпеливые иногда вырывались вперед, заставляя пешеходов жаться к окаймлявшим дорогу заборам и воротам вилл.

— Скорей, скорей! — слышались крики. — Дорогу! Они идут!

В одной повозке стоял слепой старик в мундире Армии спасения. Он размахивал руками со скрюченными пальцами и вопил: «Вечность, вечность!» Он охрип, но кричал так пронзительно, что брат еще долго слышал его после того, как тот скрылся в облаке пыли. Многие ехавшие в экипажах без толку нахлестывали лошадей и переругивались; некоторые сидели неподвижно, жалкие, растерянные; другие грызли руки от жажды или лежали, бессильно растянувшись, в повозках. Глаза лошадей налились кровью, удила были покрыты пеной.

Тут были бесчисленные кебы, коляски, фургоны, тележки, почтовая карета, телега мусорщика с надписью «Приход Св. Панкратия» — большая платформа для досок, переполненная оборванцами. Катилась фура для перевозки пива, колеса ее были забрызганы свежей кровью.

— Дайте дорогу! — раздались крики. — Дорогу!

— Вечность, вечность! — доносилось, как эхо, издалека.

Тут были женщины, бледные и грустные, хорошо одетые, с плачущими и еле передвигавшими ноги детьми; дети были все в пыли и слезах. Со многими женщинами шли мужья, то заботливые, то озлобленные и мрачные. Тут же прокладывали себе дорогу оборванцы в выцветших темных лохмотьях, с дикими глазами, зычно кричавшие и цинично ругавшиеся. Рядом с рослыми рабочими, энергично пробиравшимися вперед, теснились тщедушные растрепанные люди, похожие по одежде на клерков или приказчиков; брат заметил раненого солдата, железнодорожных носильщиков и какую-то жалкую женщину в пальто, наброшенном поверх ночной рубашки.

Но несмотря на все свое разнообразие, люди в этой толпе имели нечто общее. Лица у всех были испуганные, измученные, чувствовалось, что всех гонит страх. Всякий шум впереди, на дороге, спор из-за места в повозке заставлял всю толпу ускорять шаг; даже люди, до того напуганные и измученные, что у них подгибались колени, вдруг, точно гальванизированные страхом, становились на мгновение более энергичными. Жара и пыль истомили толпу. Кожа пересохла,

губы почернели и потрескались. Всех мучила жажда, все устали, все натрудили ноги. Повсюду слышались споры, упреки, стоны изнеможения; у большинства голоса были хриплые и слабые. Вся толпа то и дело выкрикивала, точно припев:

— Скорей, скорей! Марсиане идут!

Некоторые останавливались и отходили в сторону от людского потока. Проселок, на котором стояла коляска, выходил на шоссе и казался ответвлением лондонской дороги. Его захлестывал бурный прилив, толпа оттесняла сюда более слабых; постояв здесь и отдохнув, они снова кидались в давку. Посреди дороги лежал человек с обнаженной ногой, перевязанной окровавленной тряпкой, и над ним склонились двое. Счастливец, у него нашлись друзья.

Маленький старичок, с седыми, подстриженными по-военному усами, в грязном черном сюртуке, выбрался, прихрамывая, из давки, сел на землю, снял башмак — носок был в крови, — вытряс мелкие камешки и снова надел. Девочка лет восьми-девяти бросилась на землю у забора неподалеку от моего брата и расплакалась:

— Не могу больше идти! Не могу!

Брат, очнувшись от столбняка, стал утешать девочку, поднял ее и отнес к мисс Элфинстон.

Девочка испуганно притихла.

— Эллен! — жалобно кричала какая-то женщина в толпе. — Эллен!

Девочка вдруг вырвалась из рук брата с криком: «Мама!»

— Они идут, — сказал человек, ехавший верхом по проселку.

— Прочь с дороги, эй, вы! — кричал, привстав на козлах, какой-то кучер. Брат увидел закрытую карету, сворачивающую на проселок.

Пешеходы расступились, расталкивая друг друга, чтобы не попасть под лошадь. Брат отвел пони ближе к забору, карета проехала мимо и остановилась на повороте. Это была карета с дышлом для пары, но впряжена была только одна лошадь.

Брат смутно различил сквозь облако пыли, что двое мужчин вынесли кого-то из кареты на белых носилках и осторожно положили на траву у живой изгороди.

Один из них подбежал к брату.

— Есть тут где-нибудь вода? — спросил он. — Он умирает, пить просит… Это лорд Гаррик.

— Лорд Гаррик? — воскликнул брат. — Коронный судья?

— Где тут вода?

— Может быть, в одном из этих домов есть водопровод, — сказал брат. — У нас нет воды, и я боюсь оставить своих.

Человек стал проталкиваться сквозь толпу к воротам углового дома.

— Вперед! Вперед! — кричали люди, напирая на него. — Они идут! Не задерживайте!

Брат заметил бородатого мужчину с орлиным профилем, в руке он нес небольшой саквояж; саквояж раскрылся, из него посыпались золотые соверены, со звоном падая на землю и катясь под ноги двигавшихся людей и лошадей. Бородатый мужчина остановился, тупо глядя на рассыпавшееся золото; оглобля кеба ударила его в плечо, он пошатнулся, вскрикнул и отскочил в сторону, чуть не попав под колесо.

— Дорогу! — кричали ему. — Не останавливайтесь!

Как только кеб проехал, бородатый мужчина бросился на землю, протянул руки к куче монет и стал совать их пригоршнями в карманы. Вдруг над ним вздыбилась лошадь; он приподнялся, но тут же упал под копыта.

— Стой! — закричал брат и, оттолкнув какую-то женщину, бросился вперед, чтобы схватить лошадь под уздцы.

Но прежде чем брат успел это сделать, послышался крик, и сквозь клубы пыли он увидел, как колесо проехало по спине упавшего. Кучер хлестнул кнутом подбежавшего брата. Рев толпы оглушил его. Несчастный корчился в пыли среди золотых монет и не мог подняться; колесо, переехав его, повредило позвоночник, и нижняя часть его тела была парализована. Брат пытался остановить следующий экипаж. Какой-то человек верхом на вороной лошади вызвался помочь ему.

— Стащите его с дороги! — крикнул он.

Брат схватил за шиворот упавшего и стал тащить его в сторону, но тот все силился подобрать монеты и яростно бил брата по руке кулаком, сжимавшим пригоршню золота.

— Не останавливайтесь, проходите! — злобно кричали сзади. — Дорогу, дорогу!

Послышался треск, и дышло кареты ударилось о повозку, которую остановил мужчина на вороной лошади. Брат повернулся, и человек с золотыми монетами изловчился и укусил его за руку. Вороная лошадь шарахнулась, а лошадь с повозкой пронеслась мимо, чуть не задев брата копытом. Он выпустил упавшего и отскочил в сторону. Он видел, как злоба сменилась ужасом

на лице корчившегося на земле несчастного; в следующий момент брата оттеснили, он потерял его из виду и с большим трудом вернулся на проселок.

Он увидел, что мисс Элфинстон закрыла глаза рукой, а маленький мальчик с детским любопытством широко раскрытыми глазами смотрит на пыльную черную кучу под колесами катившихся экипажей.

— Поедемте обратно! — крикнул брат и стал поворачивать пони. — Нам не пробраться через этот ад.

Они проехали сто ярдов в обратном направлении, пока обезумевшая толпа не скрылась за поворотом. Проезжая мимо канавы, брат увидел под изгородью мертвенно-бледное, покрытое потом, искаженное лицо умирающего. Обе женщины сидели молча, их сотрясала дрожь.

За поворотом брат остановился. Мисс Элфинстон была очень бледна; ее невестка плакала и забыла даже про своего Джорджа. Брат тоже был потрясен и растерян. Едва отъехав от шоссе, он понял, что другого выхода нет, как снова попытаться его пересечь. Он решительно повернулся к мисс Элфинстон.

— Мы все же должны там проехать, — сказал

он и снова повернул пони.

Второй раз за этот день девушка обнаружила недюжинное присутствие духа. Брат бросился вперед и осадил какую-то лошадь, тащившую кеб, чтобы миссис Элфинстон могла проехать. Кеб зацепился колесом и обломал крыло коляски. В следующую секунду поток подхватил их и понес. Брат, с красными рубцами на лице и руках от бича кучера, правившего кебом, вскочил в коляску и взял вожжи.

— Цельтесь в человека позади, — сказал он, передавая револьвер мисс Элфинстон, — если он будет слишком напирать… Нет, цельтесь лучше в его лошадь.

Он попытался проехать по правому краю и пересечь дорогу. Это оказалось невозможным, пришлось смешаться с потоком и двигаться по течению. Вместе с толпой они миновали Чиппинг-Барнет и отъехали почти на милю от центра города, прежде чем им удалось пробиться на другую сторону дороги. Кругом был невообразимый шум и давка, но в городе и за городом дорога несколько раз разветвлялась и толпа немного убавилась.

Они направились к востоку через Хэдли и здесь по обе стороны дороги увидели множество людей,

пивших прямо из реки и дравшихся из-за места у воды. Еще дальше, с холма близ Ист-Барнета, они видели, как вдали медленно, без гудков, друг за другом двигались на север два поезда; не только вагоны, но даже тендеры с углем были облеплены народом. Очевидно, поезда эти заполнялись пассажирами еще до Лондона, потому что из-за паники посадка на центральных вокзалах была совершенно невозможна.

Вскоре они остановились отдохнуть: все трое устали от пережитых волнений. Они чувствовали первые приступы голода, ночь была холодная, никто из них не решался уснуть. В сумерках мимо их стоянки проходили беженцы, спасаясь от неведомой опасности, — они шли в ту сторону, откуда приехал брат.

Глава XVII
«Сын грома»

Если бы марсиане добивались только разрушения, то они могли бы тогда же, в понедельник, уничтожить все население Лондона, пока оно медленно растекалось по ближайшим графствам. Не только по дороге к Барнету, но и по дорогам к Эджуэру и Уолтхем-Эбби, и на восток к Саус-энду и

Шубэринесу, и к югу от Темзы, к Дилю и Бродстэрсу стремилась такая же обезумевшая толпа. Если бы в это июньское утро кто-нибудь, поднявшись на воздушном шаре в ослепительную синеву, взглянул на Лондон сверху, то ему показалось бы, что все северные и восточные дороги, расходящиеся от гигантского клубка улиц, испещрены черными точками, каждая точка — это человек, охваченный смертельным страхом и отчаянием. В конце предыдущей главы я передал рассказ моего брата о дороге через Чиппинг-Барнет, чтобы показать читателям, как воспринимал вблизи этот рой черных точек один из беженцев. Ни разу еще за всю историю не двигалось и не страдало вместе такое множество людей. Легендарные полчища готов и гуннов, огромные орды азиатов показались бы только каплей в этом потоке. Это было стихийное массовое движение, паническое, стадное бегство, всеобщее и ужасающее, без всякого порядка, без определенной цели; шесть миллионов людей, безоружных, без запасов еды, стремились куда-то очертя голову. Это было началом падения цивилизации, гибели человечества.

Прямо под собой воздухоплаватель увидел бы сеть длинных широких улиц, дома, церкви, площади, перекрестки, сады, уже безлюдные,

распростертые, точно огромная карта, *запачканная* в той части, где обозначены южные районы города. Над Илингом, Ричмондом, Уимблдоном словно какое-то чудовищное перо накапало чернильные кляксы. Безостановочно, неудержимо каждая клякса ширилась и растекалась, разветвляясь во все стороны и быстро переливаясь через возвышенности в какую-нибудь открывшуюся ложбину, — так расплывается чернильное пятно на промокательной бумаге.

Дальше, за голубыми холмами, поднимавшимися на юг от реки, расхаживали марсиане в своей сверкающей броне, спокойно и методически выпуская в тот или иной район ядовитые облака газа; затем они рассеивали газ струями пара и не спеша занимали завоеванную территорию. Они, очевидно, не стремились все уничтожить, хотели только вызвать полную деморализацию и таким образом сломить всякое сопротивление. Они взрывали пороховые склады, перерезали телеграфные провода и портили в разных местах железнодорожное полотно. Они как бы подрезали человечеству подколенную жилу. По-видимому, они не торопились расширить зону своих действий и в этот день не пошли дальше центра Лондона. Возможно, что значительное

количество лондонских жителей оставалось еще в своих домах в понедельник утром. Достоверно известно, что многие из них были задушены черным газом.

До полудня лондонский Пул представлял удивительное зрелище. Пароходы и другие суда еще стояли там, и за переезд предлагались громадные деньги. Говорят, что многие бросались вплавь к судам, их отталкивали баграми и они тонули. Около часа дня под арками моста Блэкфрайерс показались тонкие струйки черного газа. Тотчас же весь Пул превратился в арену бешеного смятения, борьбы и свалки; множество лодок и катеров стеснилось в северной арке моста Тауэр, и матросы и грузчики отчаянно отбивались от толпы, напирающей с берега. Некоторые даже спускались вниз по устоям моста.

Когда час спустя за Вестминстером появился первый марсианин и направился вниз по реке, за Лаймхаусом плавали лишь одни обломки.

Я уже упоминал о пятом цилиндре. Шестой упал возле Уимблдона. Брат, охраняя своих спутниц, спавших в коляске на лугу, видел зеленую вспышку огня далеко за холмами. Во вторник, все еще не теряя надежды уехать морем, они продолжали пробираться с толпой беженцев к

Колчестеру. Слухи о том, что марсиане уже захватили Лондон, подтвердились. Их заметили у Хайгейта и даже у Нисдена. Мой брат увидел их только на следующий день.

Вскоре толпы беженцев стали нуждаться в продовольствии. Голодные люди не церемонились с чужой собственностью. Фермеры вынуждены были с оружием в руках защищать свои скотные дворы, амбары и еще не снятый с полей урожай. Некоторые беженцы, подобно моему брату, повернули на восток. Находились такие смельчаки, которые в поисках пищи возвращались обратно в сторону Лондона. Это были главным образом жители северных предместий, которые знали о черном газе лишь понаслышке. Говорили, что около половины членов правительства собралось в Бирмингеме и что большое количество взрывчатых веществ было заготовлено для закладки автоматических мин в центральных графствах.

Брат слышал также, что Мидлендская железнодорожная компания исправила все повреждения, причиненные в первый день паники, восстановила сообщение и поезда снова идут к северу от Сент-Олбенса, чтобы уменьшить наплыв беженцев в окрестные графства. В Чиппинг-Онгаре висело объявление, сообщавшее, что в север-

ных городах имеются большие запасы муки и что в ближайшие сутки хлеб будет распределен между голодающими. Однако это сообщение не побудило брата изменить свой план; они весь день продвигались к востоку и нигде не видели обещанной раздачи хлеба. Да и никто этого не видел. В эту ночь на Примроз-Хилле упал седьмой цилиндр. Он упал во время дежурства мисс Элфинстон. Она дежурила ночью попеременно с братом и видела, как он падал.

В среду, после ночевки в пшеничном поле, трое беженцев достигли Челмсфорда, где несколько жителей, назвавшихся Комитетом общественного питания, отобрали у них пони и не выдали ничего взамен, но пообещали дать долю при разделе пони на другой день. По слухам, марсиане были уже у Эппинга; говорили, что пороховые заводы в Уолтхем-Эбби разрушились при неудачной попытке взорвать одного из марсиан.

На церковных колокольнях были установлены сторожевые посты. Брат — к счастью, как выяснилось позже, — предпочел идти пешком к морю, не дожидаясь выдачи съестных припасов, хотя все трое были очень голодны. Около полудня они прошли через Тиллингхем, который казался вымершим: только несколько мародеров рыскали

по домам в поисках еды. За Тиллингхемом они внезапно увидели море и огромное скопление всевозможных судов на рейде.

Боясь подниматься вверх по Темзе, моряки направились к берегам Эссекса — к Гарвичу, Уолтону и Клэктону, а потом к Фаулнессу и Шубэри, где забирали на борт пассажиров. Суда стояли в большом серповидном заливе, берега которого терялись в тумане у Нэйза. У самого берега стояли небольшие рыбачьи шхуны: английские, шотландские, французские, голландские и шведские; паровые катера с Темзы, яхты, моторные лодки; дальше виднелись более крупные суда — угольщики, грузовые пароходы, пассажирские, нефтеналивные океанские пароходы, старый белый транспорт, красивые, серые с белым, пароходы, курсирующие между Саутгемптоном и Гамбургом. Вдоль всего берега до Блэкуотера толпились лодки — лодочники торговались с пассажирами, стоявшими на взморье; и так почти до самого Молдона.

Мили за две от берега стояло одетое в броню судно, почти совсем погруженное в воду, как показалось брату. Это был миноносец «Сын грома». Других военных судов поблизости не было, но вдалеке, вправо, над спокойной поверхностью

моря — в этот день был мертвый штиль — змеился черный дымок; это броненосцы ла-маншской эскадры, вытянувшись в длинную линию против устья Темзы, стояли под парами, готовые к бою, и зорко наблюдали за победоносным шествием марсиан, бессильные, однако, ему помешать.

При виде моря миссис Элфинстон перепугалась, хотя золовка и старалась приободрить ее. Она никогда не выезжала из Англии, она скорее согласится умереть, чем уехать на чужбину. Бедняжка, кажется, думала, что французы не лучше марсиан. Во время двухдневного путешествия она часто нервничала и плакала. Она хотела возвратиться в Стэнмор. Наверно, в Стэнморе все спокойно и благополучно. И в Стэнморе их ждет Джордж…

С большим трудом удалось уговорить ее спуститься к берегу, где брату посчастливилось привлечь внимание нескольких матросов на колесном пароходе с Темзы. Они выслали лодку и сторговались на тридцати шести фунтах за троих. Пароход шел, по их словам, в Остенде.

Было уже около двух часов, когда брат и его спутницы, заплатив у сходней за свои места, взошли наконец на пароход. Здесь можно было достать еду, хотя и по баснословно дорогой

цене; они решили пообедать и расположились на носу.

На борту уже набралось около сорока человек; многие истратили свои последние деньги, чтобы получить место; но капитан стоял у Блэкуотера до пяти часов, набирая новых пассажиров, пока вся палуба не наполнилась народом. Он, может быть, остался бы и дольше, если бы на юге не началась канонада. Как бы в ответ на нее с миноносца раздался выстрел из небольшой пушки и взвились сигнальные флажки. Клубы дыма вырывались из его труб.

Некоторые из пассажиров уверяли, что пальба доносится из Шубэринеса, пока не стало ясно, что канонада приближается. Далеко на юго-востоке в море показались мачты трех броненосцев, окутанных черным дымом. Но внимание брата отвлекла отдаленная орудийная пальба на юге. Ему показалось, что он увидел в тумане поднимающийся столб дыма.

Пароходик заработал колесами и двинулся к востоку от длинной изогнутой линии судов. Низкий берег Эссекса уже оделся голубоватой дымкой, когда появился марсианин. Маленький, чуть заметный на таком расстоянии, он приближался по илистому берегу со стороны Фаулнесса.

Перепуганный капитан стал злобно браниться во весь голос, ругая себя за задержку, и лопасти колес, казалось, заразились его страхом. Все пассажиры стояли у поручней и смотрели на марсианина, который возвышался над деревьями и колокольнями на берегу и двигался так, словно пародировал человеческую походку.

Это был первый марсианин, увиденный братом; брат скорее с удивлением, чем со страхом, смотрел на этого титана, осторожно приближавшегося к линии судов и шагавшего по воде все дальше и дальше от берега. Потом — далеко за Краучем — показался другой марсианин, шагавший по переулку; а за ним — еще дальше — третий, точно идущий вброд через поблескивающую илистую отмель, которая, казалось, висела между небом и морем. Все они шли прямо в море, как будто намереваясь помешать отплытию судов, собравшихся между Фаулнессом и Нэйзом. Несмотря на усиленное пыхтение машины и на бугры пены за колесами, пароходик очень медленно уходил от приближавшейся опасности.

Взглянув на северо-запад, брат заметил, что порядок среди судов нарушился: в панике они заворачивали, шли наперерез друг другу; пароходы давали свистки и выпускали клубы пара,

паруса поспешно распускались, катера сновали туда и сюда. Увлеченный этим зрелищем, брат не смотрел по сторонам. Неожиданный поворот, сделанный, чтобы избежать столкновения, сбросил брата со скамейки, на которой он стоял. Кругом затопали, закричали: «Ура!», на которое откуда-то слабо ответили. Тут судно накренилось, и брата отбросило в сторону.

Он вскочил и увидел за бортом, всего в каких-нибудь ста ярдах от накренившегося и нырявшего пароходика, мощное стальное тело, точно лемех плуга разрезавшее воду на две огромные пенистые волны; пароходик беспомощно махал лопастями колес по воздуху и накренялся почти до ватерлинии.

Целый душ пены ослепил на мгновение брата. Протерев глаза, он увидел, что огромное судно пронеслось мимо и идет к берегу. Надводная часть длинного стального корпуса высоко поднималась над водой, а из двух труб вырывались искры и клубы дыма. Это был миноносец «Сын грома», спешивший на выручку находившимся в опасности судам.

Ухватившись за поручни на раскачивавшейся палубе, брат отвел взгляд от промчавшегося левиафана и взглянул на марсиан. Все трое те-

перь сошлись и стояли так далеко в море, что их треножники были почти скрыты водой. Погруженные в воду, на таком далеком расстоянии они не казались уже чудовищными по сравнению со стальным гигантом, в кильватере которого беспомощно качался пароходик. Марсиане как будто с удивлением рассматривали нового противника. Быть может, этот гигант показался им похожим на них самих. «Сын грома» шел полным ходом без выстрелов. Вероятно, благодаря этому ему и удалось подойти так близко к врагу. Марсиане не знали, как поступить с ним. Один снаряд, и они тотчас же пустили бы его ко дну тепловым лучом.

«Сын грома» шел таким ходом, что через минуту уже покрыл половину расстояния между пароходиком и марсианами, — черное, быстро уменьшающееся пятно на фоне низкого, убегающего берега Эссекса.

Вдруг передний марсианин опустил свою трубу и метнул в миноносец тучи черного газа. Точно струя чернил залила левый борт миноносца, черное облако дыма заклубилось по морю, но миноносец проскочил. Наблюдателям, глядящим против солнца с низко сидящего в воде пароходика, казалось, что миноносец находится уже

среди марсиан.

Потом гигантские фигуры марсиан разделились и стали отступать к берегу, все выше и выше вырастая над водой. Один из них поднял генератор теплового луча, направляя его под углом вниз; облако пара поднялось с поверхности воды от прикосновения теплового луча. Он прошел сквозь стальную броню миноносца, как раскаленный железный прут сквозь лист бумаги.

Вдруг среди облака пара блеснула вспышка, марсианин дрогнул и пошатнулся. Через секунду второй залп сбил его, и смерч из воды и пара взлетел высоко в воздух. Орудия «Сына грома» гремели дружными залпами. Один снаряд, взметнув водяной столб, упал возле пароходика, отлетел рикошетом к другим судам, уходившим к северу, и раздробил в щепы рыбачью шхуну. Но никто не обратил на это внимания. Увидев, что марсианин упал, капитан на мостике громко крикнул, и столпившиеся на корме пассажиры подхватили его крик. Вдруг все снова закричали: из белого хаоса пара, вздымая волны, неслось что-то длинное, черное, объятое пламенем, с вентиляторами и трубами, извергающими огонь.

Миноносец все еще боролся; руль, по-видимому, был не поврежден, и машины работали. Он

шел прямо на второго марсианина и находился в ста ярдах от него, когда тот направил на «Сына грома» тепловой луч. Палуба и трубы с грохотом взлетели вверх среди ослепительного пламени. Марсианин пошатнулся от взрыва, и через секунду пылающие обломки судна, все еще несшиеся вперед по инерции, ударили и подмяли его, как картонную куклу. Брат невольно вскрикнул. Снова все скрылось в хаосе кипящей воды и пара.

— Два! — крикнул капитан.

Все кричали; весь пароходик от кормы до носа сотрясался от радостного крика, подхваченного сперва на одном, а потом на всех судах и лодках, шедших в море. Пар висел над водой несколько минут, скрывая берег и третьего марсианина. Пароходик продолжал работать колесами, уходя с места боя. Когда наконец пар рассеялся, его сменил черный дым, нависший такой тучей, что нельзя было разглядеть ни «Сына грома», ни третьего марсианина. Броненосцы с моря подошли совсем близко и остановились между берегом и пароходиком.

Суденышко уходило в море; броненосцы же стали приближаться к берегу, все еще скрытому причудливо свивавшимися клубами пара и черного газа. Целая флотилия спасавшихся судов

уходила к северо-востоку; несколько рыбачьих шхун ныряло между броненосцами и пароходиком. Не дойдя до оседавшего облака пара и газа, эскадра повернула к северу и скрылась в черных сумерках. Берег расплывался, теряясь в облаках, сгущавшихся вокруг заходящего солнца.

Вдруг из золотистой мглы заката донеслись вибрирующие раскаты орудий и показались какие-то темные двигающиеся тени. Все бросились к борту, всматриваясь в ослепительное сияние вечерней зари, но ничего нельзя было разобрать. Туча дыма поднялась и скрыла солнце. Пароходик, пыхтя, отплывал все дальше, и находившиеся на нем люди так и не увидели, чем кончилось морское сражение. Солнце скрылось среди серых туч; небо побагровело, затем потемнело; вверху блеснула вечерняя звезда. Было уже совсем темно, когда капитан вскрикнул и показал вдаль. Брат стал напряженно всматриваться. Что-то взлетело к небу из недр туманного мрака и косо поднялось вверх, быстро двигаясь в отблеске зари над тучами на западном небосклоне; нечто плоское, широкое, огромное, описав большую дугу и снижаясь, пропало в таинственном сумраке ночи. Над землею скользнула зловещая тень.

Книга вторая
Земля под властью марсиан
Глава I
Под пятой

В первой книге я сильно отклонился в сторону от своих собственных приключений, рассказывая о похождениях брата. Пока разыгрывались события, описанные в двух последних главах, мы со священником сидели в пустом доме в Голлифорде, где мы спрятались, спасаясь от черного газа. С этого момента я и буду продолжать свой рассказ. Мы оставались там всю ночь с воскресенья на понедельник и весь следующий день, день паники, на маленьком островке дневного света, отрезанные от остального мира черным газом. Эти два дня мы провели в тягостном бездействии.

Я очень тревожился за жену. Я представлял себе ее в Лезерхэде; должно быть, она перепугана, в опасности и уверена, что меня уже нет в живых. Я ходил по комнатам, содрогаясь при мысли о том, что́ может случиться с ней в мое отсутствие. Я не сомневался в мужестве своего двоюродного брата, но он был не из тех людей, которые быстро заме-

чают опасность и действуют без промедления. Здесь требовалась не храбрость, а осмотрительность. Единственным утешением для меня было то, что марсиане двигались к Лондону, удаляясь от Лезерхэда. Такая тревога изматывает человека. Я очень устал, и меня раздражали постоянные вопли священника и его эгоистическое отчаяние. После нескольких безрезультатных попыток его образумить я ушел в одну из комнат, очевидно классную, где находились глобусы, модели и тетради. Когда он пробрался за мной и туда, я полез на чердак и заперся там в каморке; мне хотелось остаться наедине со своим горем.

В течение этого дня и следующего мы были безнадежно отрезаны от мира черным газом. В воскресенье вечером мы заметили признаки людей в соседнем доме: чье-то лицо у окна, свет, хлопанье дверей. Не знаю, что это были за люди и что стало с ними. На другой день мы их уже не видели. Черный газ в понедельник утром медленно сползал к реке, подбираясь все ближе и ближе к нам, и наконец заклубился по дороге перед самым домом, где мы скрывались.

Около полудня в поле показался марсианин, выпускавший из какого-то прибора струю горячего пара, который со свистом ударялся о стены,

разбивая оконные стекла, и обжег руку священнику, когда тот выбежал на дорогу из комнаты. Когда много времени спустя мы прокрались в отсыревшие от пара комнаты и снова выглянули на улицу, вся земля к северу была словно запорошена черным снегом. Взглянув на долину реки, мы были очень удивлены, заметив у черных сожженных лугов какой-то странный красноватый оттенок.

Мы не сразу сообразили, насколько это меняло наше положение, — мы видели только, что теперь нечего бояться черного газа. Наконец я понял, что мы свободны и можем уйти, что дорога к спасению открыта. Мной снова овладела жажда деятельности. Но священник по-прежнему находился в состоянии крайней апатии.

— Мы здесь в полной безопасности, — повторял он, — в полной безопасности.

Я решил покинуть его (о, если бы я это сделал!) и стал запасаться провиантом и питьем, помня о наставлениях артиллериста. Я нашел масло и тряпку, чтобы перевязать свои ожоги, захватил шляпу и фуфайку, обнаруженные в одной из спален. Когда священник понял, что я решил уйти один, он тоже начал собираться. Нам как будто ничто не угрожало, и мы отправились по почер-

невшей дороге на Санбэри. По моим расчетам, было около пяти часов вечера.

В Санбэри и на дороге валялись скорченные трупы людей и лошадей, опрокинутые повозки и разбросанная поклажа; все было покрыто слоем черной пыли. Этот угольно-черный покров напомнил мне все то, что я читал о разрушении Помпей. Мы благополучно дошли до Хэмптон-Корта, удрученные странным и необычным видом местности; в Хэмптон-Корте мы с радостью увидели клочок зелени, уцелевший от гибельной лавины, прошли через Буши-парк, где под каштанами бродили лани; вдалеке несколько мужчин и женщин спешили к Хэмптону. Наконец мы добрались до Туикенхема. Здесь в первый раз мы встретили людей.

Вдали за Хемом и Питерсхемом все еще горели леса. Туикенхем избежал тепловых лучей и черного газа, и там попадались люди, но никто не мог сообщить нам ничего нового. Почти все они так же, как и мы, спешили дальше, пользуясь затишьем. Мне показалось, что кое-где в домах еще оставались жители, вероятно слишком напуганные, чтобы бежать. И здесь, на дороге, виднелись следы панического бегства. Мне ясно запомнились три изломанных велосипеда, лежавших

кучей и вдавленных в грунт проехавшими по ним колесами. Мы перешли Ричмондский мост около половины девятого. Мы спешили, чтобы поскорей миновать открытый мост, но я все же заметил какие-то красные груды в несколько футов шириной, плывшие вниз по течению. Я не знал, что это такое, — мне некогда было разглядывать; я дал им страшное истолкование, хотя для этого не было никаких оснований. Здесь, в сторону Сэррея, тоже лежала черная пыль, бывшая недавно газом, и валялись трупы, особенно много у дороги к станции. Марсиан мы не видели, пока не подошли к Барнсу.

Селение казалось покинутым; мы увидели там трех человек, бежавших по переулку к реке. На вершине холма горел Ричмонд; за Ричмондом следов черного газа не было видно.

Когда мы приближались к Кью, мимо нас пробежало несколько человек и над крышами домов — ярдов за сто от нас — показалась верхняя часть боевой машины марсианина. Стоило марсианину взглянуть вниз — и мы пропали бы. Мы оцепенели от ужаса, потом бросились в сторону и спрятались в каком-то сарае. Священник присел на землю, всхлипывая и отказываясь идти дальше.

Но я решил во что бы то ни стало добраться до Лезерхэда и с наступлением темноты двинуться дальше. Я пробрался сквозь кустарник, прошел мимо большого дома с пристройками и вышел на дорогу к Кью. Священника я оставил в сарае, но он вскоре догнал меня.

Трудно себе представить что-либо безрассуднее этой попытки. Было очевидно, что мы окружены марсианами. Едва священник догнал меня, как мы снова увидели вдали, за полями, тянувшимися к Кью-Лоджу, боевой треножник — возможно, тот же самый, а может быть, другой. Четыре или пять маленьких черных фигурок бежали от него по серо-зеленому полю: очевидно, марсианин преследовал их. В три шага он их догнал; они побежали из-под его ног в разные стороны по радиусам. Марсианин не прибег к тепловому лучу и не уничтожил их. Он просто подобрал их всех в большую металлическую корзину, висевшую позади.

В первый раз мне пришло в голову, что марсиане, быть может, вовсе не хотят уничтожить людей, а собираются воспользоваться побежденным человечеством для других целей. С минуту мы стояли, пораженные ужасом; потом повернули назад и через ворота прокрались в обнесенный

стеной сад, заползли в какую-то яму, едва осмеливаясь перешептываться друг с другом, и лежали там, пока на небе не блеснули звезды.

Было, должно быть, около одиннадцати часов вечера, когда мы решились повторить нашу попытку и пошли уже не по дороге, а полями, вдоль изгородей, всматриваясь в темноте — я налево, священник направо, — нет ли марсиан, которые, казалось, все собрались вокруг нас. В одном месте мы натолкнулись на почерневшую, опаленную площадку, уже остывшую и покрытую пеплом, с целой грудой трупов, обгорелых и обезображенных, — уцелели только ноги и башмаки. Тут же валялись туши лошадей, на расстоянии, может быть, пятидесяти футов от четырех разорванных пушек с разбитыми лафетами.

Селение Шин, по-видимому, избежало разрушения, но было пусто и безмолвно. Здесь нам больше не попадалось трупов; впрочем, ночь была до того темна, что мы не могли разглядеть даже боковых улиц. В Шине мой спутник вдруг стал жаловаться на слабость и жажду, и мы решили зайти в один из домов.

Первый дом, куда мы проникли через окно, казался небольшой виллой с полусорванной крышей; я не мог найти там ничего съедобно-

го, кроме куска заплесневелого сыра. Зато там была вода и можно было напиться; я захватил попавшийся мне на глаза топор, который мог пригодиться нам при взломе другого дома.

Мы подошли к тому месту, где дорога поворачивает на Мортлейк. Здесь среди обнесенного стеной сада стоял белый дом; в кладовой мы нашли запас продовольствия: две ковриги хлеба, кусок сырого мяса и пол-окорока. Я перечисляю все это так подробно потому, что в течение двух следующих недель нам пришлось довольствоваться этим запасом. На полках мы нашли бутылки с пивом, два мешка фасоли и пучок вялого салата. Кладовая выходила в судомойню, где лежали дрова и стоял буфет. В буфете мы нашли почти дюжину бургундского, мясные и рыбные консервы и две жестянки с бисквитами.

Мы сидели в темной кухне, так как боялись зажечь огонь, ели хлеб с ветчиной и пили пиво из одной бутылки. Священник, по-прежнему пугливый и беспокойный, почему-то стоял за то, чтобы скорее идти, и я едва уговорил его подкрепиться. Но тут произошло событие, превратившее нас в пленников.

— Вероятно, до полуночи еще далеко, — сказал я, и тут вдруг блеснул ослепительный зеленый

свет. Вся кухня осветилась на мгновение зеленым блеском. Затем последовал такой удар, какого я никогда не слыхал ни раньше, ни после. Послышался звон разбитого стекла, грохот обвалившейся каменной кладки, посыпалась штукатурка, разбиваясь на мелкие куски о наши головы. Я повалился на пол, ударившись о выступ печи, и лежал оглушенный. Священник говорил, что я долго был без сознания. Когда я пришел в себя, кругом снова было темно и священник брызгал на меня водой; его лицо было мокро от крови, которая, как я после разглядел, текла из рассеченного лба.

В течение нескольких минут я не мог сообразить, что случилось. Наконец память мало-помалу вернулась ко мне. Я почувствовал на виске боль от ушиба.

— Вам лучше? — шепотом спросил священник.

Я не сразу ответил ему. Потом приподнялся и сел.

— Не двигайтесь, — сказал он, — пол усеян осколками посуды из буфета. Вы не сможете двигаться бесшумно, а мне кажется, *они* совсем рядом.

Мы сидели так тихо, что каждый слышал дыхание другого. Могильная тишина; только раз

откуда-то сверху упал не то кусок штукатурки, не то кирпич. Снаружи, где-то очень близко, слышалось металлическое побрякивание.

— Слышите? — сказал священник, когда звук повторился.

— Да, — ответил я. — Но что это такое?

— Марсианин! — прошептал священник.

Я снова прислушался.

— Это был не тепловой луч, — сказал я и подумал, что один из боевых треножников наткнулся на дом. На моих глазах треножник налетел на церковь в Шеппертоне.

В таком выжидательном положении мы просидели неподвижно в течение трех или четырех часов, пока не рассвело. Наконец свет проник к нам, но не через окно, которое оставалось темным, а сквозь треугольное отверстие в стене позади нас, между балкой и грудой осыпавшихся кирпичей. В серых предутренних сумерках мы в первый раз разглядели внутренность кухни.

Окно было завалено рыхлой землей, которая насыпалась на стол, где мы ужинали, и покрывала пол. Снаружи земля была взрыта и, очевидно, засыпала дом. В верхней части оконной рамы виднелась исковерканная дождевая труба. Пол был усеян металлическими обломками. Конец

кухни, ближе к жилым комнатам, осел, и когда рассвело, то нам стало ясно, что бóльшая часть дома разрушена. Резким контрастом с этими развалинами был чистенький кухонный шкаф, окрашенный в бледно-зеленый цвет, обои в белых и голубых квадратах и две раскрашенные картинки на стене.

Когда стало совсем светло, мы увидели в щель фигуру марсианина, стоявшего, как я понял потом, на страже над еще не остывшим цилиндром. Мы осторожно поползли из полутемной кухни в темную судомойню.

Вдруг меня осенило: я понял, что случилось.

— Пятый цилиндр, — прошептал я, — пятый выстрел с Марса попал в этот дом и похоронил нас под развалинами!

Священник долго молчал, потом прошептал:

— Господи, помилуй нас!

И стал что-то бормотать про себя.

Все было тихо, мы сидели, притаившись в судомойне.

Я боялся даже дышать и замер на месте, пристально глядя на слабо освещенный четырехугольник кухонной двери. Я едва мог разглядеть лицо священника — неясный овал, его воротничок и манжеты. Снаружи послышался звон

металла, потом резкий свист и шипение, точно у паровой машины. Все эти загадочные для нас звуки раздавались непрерывно, все усиливаясь и нарастая. Вдруг послышался какой-то размеренный вибрирующий гул, от которого все кругом задрожало и посуда в буфете зазвенела. Свет померк, и дверь кухни стала совсем темной. Так мы сидели долгие часы, молчаливые, дрожащие, пока наконец не заснули от утомления…

Я очнулся, чувствуя сильный голод. Вероятно, мы проспали бóльшую часть дня. Голод придал мне решимости. Я сказал священнику, что отправлюсь на поиски еды, и пополз по направлению к кладовой. Он ничего не ответил, но, как только услыхал, что я начал есть, тоже приполз ко мне.

Глава II
Что мы видели из развалин дома

Насытившись, мы поползли назад в судомойню, где я, очевидно, опять задремал, а очнувшись, обнаружил, что я один. Вибрирующий гул продолжался не ослабевая, с раздражающим упорством. Я несколько раз шепотом позвал священника, потом пополз к двери кухни. В дневном свете я

увидел священника в другом конце комнаты: он лежал у треугольного отверстия, выходившего наружу, к марсианам. Его плечи были приподняты, и головы не было видно.

Шум был как в паровозном депо, и все здание содрогалось от него. Сквозь отверстие в стене я видел вершину дерева, освещенную солнцем, и клочок ясного голубого вечернего неба. С минуту я смотрел на священника, потом подкрался поближе, осторожно переступая через осколки стекла и черепки.

Я тронул священника за ногу. Он так вздрогнул, что от наружной штукатурки с треском отвалился большой кусок. Я схватил его за руку, боясь, что он закричит, и мы оба замерли. Потом я повернулся посмотреть, что осталось от нашего убежища. Обвалившаяся штукатурка образовала новое отверстие в стене; осторожно взобравшись на балку, я выглянул — и едва узнал пригородную дорогу: так все кругом изменилось.

Пятый цилиндр попал, очевидно, в тот дом, куда мы заходили сначала. Строение совершенно исчезло, превратилось в пыль и разлетелось. Цилиндр лежал глубоко в земле, в воронке, более широкой, чем яма около Уокинга, в которую я в свое время заглядывал. Земля вокруг

точно расплескалась от страшного удара («расплескалась» — самое подходящее здесь слово) и засыпала соседние дома; такая же была бы картина, если бы ударили молотком по грязи. Наш дом завалился назад; передняя часть была разрушена до самого основания. Кухня и судомойня уцелели каким-то чудом и были засыпаны тоннами земли и мусора со всех сторон, кроме одной, обращенной к цилиндру. Мы висели на краю огромной воронки, где работали марсиане. Тяжелые удары раздавались, очевидно, позади нас; ярко-зеленый пар то и дело поднимался из ямы и окутывал дымкой нашу щель.

Цилиндр был уже открыт, а в дальнем конце ямы, среди вырванных и засыпанных песком кустов, стоял пустой боевой треножник — огромный металлический остов, резко выступавший на фоне вечернего неба. Я начал свое описание с воронки и цилиндра, хотя в первую минуту мое внимание было отвлечено поразительной сверкающей машиной, копавшей землю, и странными неповоротливыми существами, неуклюже копошившимися возле нее в рыхлой земле.

Меня прежде всего заинтересовал этот механизм. Это была одна из тех сложных машин, которые назвали впоследствии многорукими и

изучение которых дало такой мощный толчок техническим изобретениям. На первый взгляд она походила на металлического паука с пятью суставчатыми подвижными лапами и со множеством суставчатых рычагов и хватающих передаточных щупалец вокруг корпуса. Бóльшая часть рук этой машины была втянута, но тремя длинными щупальцами она хватала металлические шесты, прутья и листы — очевидно, броневую обшивку цилиндра. Машина вытаскивала, поднимала и складывала все это на ровную площадку позади воронки.

Все движения были так быстры, сложны и совершенны, что сперва я даже не принял ее за машину, несмотря на металлический блеск. Боевые треножники были тоже удивительно совершенны и казались одушевленными, но они были ничто в сравнении с этой. Люди, знающие эти машины только по бледным рисункам или по неполным рассказам очевидцев, вряд ли могут представить себе эти почти одухотворенные механизмы.

Я вспомнил иллюстрацию в брошюре, дававшей подробное описание войны. Художник, очевидно, очень поверхностно ознакомился с одной из боевых машин. Он изобразил их в ви-

де неповоротливых наклонных треножников, лишенных гибкости и легкости и производящих однообразные действия. Брошюра, снабженная этими иллюстрациями, наделала много шуму, но я упоминаю о них только для того, чтобы читатели не получили неверного представления.

Иллюстрации были не более похожи на тех марсиан, которых я видел, чем восковая кукла на человека. По-моему, эти рисунки только испортили брошюру.

Как я уже сказал, многорукая машина сперва показалась мне не машиной, а каким-то существом вроде краба с лоснящейся оболочкой; тело марсианина, тонкие щупальца которого регулировали все движения машины, я принял за нечто вроде мозгового придатка. Затем я заметил тот же серовато-бурый кожистый лоснящийся покров на других копошившихся вокруг телах и разгадал тайну изумительного механизма. После этого я все свое внимание обратил на живых, настоящих марсиан. Я уже мельком видел их, но теперь отвращение не мешало моим наблюдениям, и, кроме того, я наблюдал за ними из-за укрытия, а не в момент поспешного бегства.

Теперь я разглядел, что в этих существах не было ничего земного. Это были большие круглые

тела, скорее головы, около четырех футов в диаметре, с неким подобием лица. На этих лицах не было ноздрей (марсиане, кажется, были лишены чувства обоняния), только два больших темных глаза и что-то вроде мясистого клюва под ними. Сзади на этой голове или теле (я, право, не знаю, как это назвать) находилась тугая перепонка, соответствующая (это выяснили позднее) нашему уху, хотя она, вероятно, оказалась бесполезной в нашей более сгущенной атмосфере. Около рта торчали шестнадцать тонких, похожих на бичи, щупалец, разделенных на два пучка — по восьми щупалец в каждом. Эти пучки знаменитый анатом профессор Хоуэс довольно удачно назвал *руками*. Когда я впервые увидел марсиан, мне показалось, что они старались опираться на эти руки, но этому, видимо, мешал увеличившийся в земных условиях вес их тел. Можно предположить, что на Марсе они довольно легко передвигаются при помощи этих щупалец.

Внутреннее анатомическое строение марсиан, как показали позднейшие вскрытия, оказалось очень несложным. Бóльшую часть их тела занимал мозг с разветвлениями толстых нервов к глазам, уху и осязающим щупальцам. Кроме того, были найдены довольно сложные органы

дыхания — легкие — и сердце с кровеносными сосудами. Усиленная работа легких вследствие более плотной земной атмосферы и увеличения силы тяготения была заметна даже по конвульсивным движениям кожи марсиан.

Таков был организм марсианина. Нам может показаться странным, что у марсиан совершенно не оказалось никаких признаков сложного пищеварительного аппарата, являющегося одной из главных частей нашего организма. Они состояли из одной только головы. У них не было внутренностей. Они не ели, не переваривали пищу. Вместо этого они брали свежую живую кровь других организмов и *впрыскивали* ее себе в вены. Я сам видел, как они это делали, и упомяну об этом в свое время. Чувство отвращения мешает мне подробно описать то, на что я не мог даже смотреть. Дело в том, что марсиане, впрыскивая себе небольшой пипеткой кровь, в большинстве случаев человеческую, брали ее непосредственно из жил еще живого существа…

Одна мысль об этом кажется нам чудовищной, но в то же время я невольно думаю, какой отвратительной должна показаться наша привычка питаться мясом, скажем, кролику, вдруг получившему способность мыслить.

Нельзя отрицать физиологических преимуществ способа инъекции, если вспомнить, как много времени и энергии тратит человек на еду и пищеварение. Наше тело наполовину состоит из желез, пищеварительных каналов и органов разного рода, занятых перегонкой пищи в кровь. Влияние пищеварительных процессов на нервную систему подрывает наши силы, отражается на нашей психике. Люди счастливы или несчастны в зависимости от состояния печени или поджелудочной железы. Марсиане свободны от этих влияний организма на настроение и эмоции.

То, что марсиане предпочитали людей как источник питания, отчасти объясняется природой тех жертв, которые они привезли с собой с Марса в качестве провианта. Эти существа, судя по тем высохшим останкам, которые попали в руки людей, тоже были двуногими, с непрочным кремнистым скелетом (вроде наших кремнистых губок) и слаборазвитой мускулатурой; они были около шести футов ростом, с круглой головой и большими глазами в кремнистых впадинах. В каждом цилиндре находилось, кажется, по два или по три таких существа, но все они были убиты еще до прибытия на Землю. Они все равно

погибли бы на Земле, так как при первой же попытке встать на ноги сломали бы себе кости.

Раз я уже занялся этим описанием, то добавлю здесь кое-какие подробности, которые в то время не были ясны для нас и которые помогут читателю, не видевшему марсиан, составить себе более ясное представление об этих грозных созданиях.

В трех отношениях их физиология резко отличалась от нашей. Их организм не нуждался в сне и постоянно бодрствовал, как у людей сердце. Им не приходилось возмещать сильное мускульное напряжение, и поэтому периодическое прекращение деятельности было им неизвестно. Так же чуждо было им ощущение усталости. На Земле они передвигались с большими усилиями, но даже и здесь находились в непрерывной деятельности. Подобно муравьям, они работали все двадцать четыре часа в сутки.

Во-вторых, марсиане были бесполыми и потому не знали тех бурных эмоций, которые возникают у людей вследствие различия полов. Точно установлено, что на Земле во время войны родился один марсианин; он был найден на теле своего родителя *отпочковавшимся*, как молодые лилии из луковиц или молодые организмы пресноводного полипа.

У человека и у всех высших видов земных животных подобный способ размножения, который считается самым примитивным, не существует. У низших животных, кончая оболочниками, стоящими ближе всего к позвоночным, существуют оба способа размножения, но на высших ступенях развития половой способ размножения совершенно вытесняет почкование. На Марсе, по-видимому, развитие шло в обратном направлении.

Любопытно, что один писатель, склонный к лженаучным умозрительным построениям, еще задолго до нашествия марсиан предсказал человеку будущего как раз то строение, какое оказалось у них. Его предсказание, если не ошибаюсь, появилось в 1893 году в ноябрьском или декабрьском номере давно уже прекратившего существование «Пэлл-Мэлл баджет». Я припоминаю карикатуру на эту тему, помещенную в известном юмористическом журнале домарсианской эпохи «Панч». Автор статьи доказывал, излагая свою мысль в веселом, шутливом тоне, что развитие механических приспособлений должно в конце концов задержать развитие человеческого тела, а химическая пища ликвидирует пищеварение; он утверждал, что волосы, нос,

зубы, уши, подбородок постепенно потеряют свое значение для человека и естественный отбор в течение грядущих веков их уничтожит. Будет развиваться один только мозг. Еще одна часть тела переживет остальные — это рука, «учитель и слуга мозга». Все части тела будут атрофироваться, руки же будут все более и более развиваться.

Истина нередко высказывается в форме шутки. У марсиан мы, несомненно, видим подобное подчинение животной стороны организма интеллекту. Мне кажется вполне вероятным, что у марсиан, произошедших от существ, в общем похожих на нас, мозг и руки (последние в конце концов заменились двумя пучками щупалец) постепенно развились за счет остального организма. Мозг без тела должен был создать, конечно, более эгоистичный интеллект, без всяких человеческих эмоций.

Третье отличие марсиан от нас с первого взгляда может показаться несущественным. Микроорганизмы, возбудители стольких болезней и страданий на Земле, либо никогда не появлялись на Марсе, либо санитария марсиан уничтожила их много столетий тому назад. Сотни заразных болезней, лихорадки и воспаления, поражающие человека, чахотка, рак, опухоли и тому подобные

недуги были им совершенно неизвестны.

Говоря о различии между жизнью на Земле и на Марсе, я должен упомянуть о странном появлении красной травы.

Очевидно, растительное царство Марса в отличие от земного, где преобладает зеленый цвет, имеет кроваво-красную окраску. Во всяком случае, те семена, которые марсиане (намеренно или случайно) привезли с собой, давали ростки красного цвета. Впрочем, в борьбе с земными видами растений только одна всем известная красная трава достигла некоторого развития. Красный вьюн скоро засох, и лишь немногие его видели. Что же касается красной травы, то некоторое время она росла удивительно быстро. Она появилась на краях ямы на третий или четвертый день нашего заточения, и ее побеги, походившие на ростки кактуса, образовали карминовую бахрому вокруг нашего треугольного окна. Впоследствии я встречал ее в изобилии по всей стране, особенно поблизости от воды.

Марсиане имели орган слуха — круглую перепонку на задней стороне головы-тела, и их глаза по силе зрения не уступали нашим, только синий и фиолетовый цвет, по мнению Филипса, должен был казаться им черным. Предполагают, что они

общались друг с другом при помощи звуков и движений щупалец; так утверждает, например, интересная, но наспех написанная брошюра, автор которой, очевидно, не видел марсиан; на эту брошюру я уже ссылался, она до сих пор служит главным источником сведений о марсианах. Однако ни один из оставшихся в живых людей не наблюдал марсиан так близко, как я. Это произошло, правда, не по моему желанию, но все же это несомненный факт. Я наблюдал за ними внимательно день за днем и утверждаю, что видел собственными глазами, как четверо, пятеро и один раз даже шестеро марсиан, с трудом передвигаясь, выполняли самые тонкие, сложные работы сообща, не обмениваясь ни звуком, ни жестом. Издаваемое ими лишенное всяких модуляций уханье слышалось обычно перед едой; по-моему, оно вовсе не служило сигналом, а происходило просто вследствие выдыхания воздуха перед впрыскиванием крови. Мне известны основы психологии, и я твердо убежден, что марсиане обменивались мыслями без посредства физических органов. Утверждаю это, несмотря на мое предубеждение против телепатии. Перед нашествием марсиан, если только читатель помнит мои статьи, я высказывался довольно резко

против телепатических теорий.

Марсиане не носили одежды. Их понятия о нарядах и приличиях, естественно, расходились с нашими; они не только были менее чувствительны к переменам температуры, чем мы, но и перемена давления, по-видимому, не отразилась вредно на их здоровье. Хотя они не носили одежды, но их громадное превосходство над людьми заключалось в других искусственных приспособлениях, которыми они пользовались. Мы с нашими велосипедами и прочими средствами передвижения, с нашими летательными аппаратами Лилиенталя, с нашими пушками, ружьями и всем прочим находимся только в начале той эволюции, которую уже проделали марсиане. Они сделались как бы чистым разумом, пользующимся различными машинами смотря по надобности, точно так же, как человек меняет одежду, берет для скорости передвижения велосипед или зонт для защиты от дождя. В машинах марсиан для нас удивительней всего совершенное отсутствие важнейшего элемента почти всех человеческих изобретений в области механики — *колеса*; ни в одной машине из доставленных ими на Землю нет даже подобия колес. Можно было бы ожидать, что у них применяются колеса,

по крайней мере для передвижения. Однако в связи с этим любопытно отметить, что природа даже и на Земле не знает колес и предпочитает достигать своих целей другими средствами. Марсиане тоже не знают (что, впрочем, маловероятно) или избегают колес и очень редко пользуются в своих аппаратах неподвижными или относительно неподвижными осями с круговым движением, сосредоточенным в одной плоскости. Почти все соединения в их машинах представляют собой сложную систему скользящих деталей, двигающихся на небольших, искусно изогнутых подшипниках. Затронув эту тему, я должен упомянуть и о том, что длинные рычажные соединения в машинах марсиан приводятся в движение подобием мускулатуры, состоящим из дисков в эластичной оболочке; эти диски поляризуются при прохождении электрического тока и плотно прилегают друг к другу. Благодаря такому устройству получается странное сходство с движениями живого существа, столь поражавшее и даже ошеломлявшее наблюдателя. Такого рода подобия мускулов находились в изобилии и в той напоминавшей краба многорукой машине, которая «распаковывала» цилиндр, когда я первый раз заглянул в щель. Она казалась гораздо

более живой, чем марсиане, лежавшие возле нее и освещенные косыми лучами восходящего солнца; они тяжело дышали, шевелили щупальцами и еле передвигались после утомительного перелета в межпланетном пространстве.

Я долго наблюдал за их медлительными движениями при свете солнца и подмечал особенности их строения, пока священник не напомнил о своем присутствии, неожиданно схватив меня за руку. Я обернулся и увидел его нахмуренное лицо и сердито сжатые губы. Он хотел тоже посмотреть в щель: место было только для одного. Таким образом, я должен был на время отказаться от наблюдений за марсианами и предоставить эту привилегию ему.

Когда я снова заглянул в щель, многорукая машина уже успела собрать части вынутого из цилиндра аппарата; новая машина имела точно такую же форму, как и первая. Внизу слева работал какой-то небольшой механизм; выпуская клубы зеленого дыма, он рыл землю и продвигался вокруг ямы, углубляя и выравнивая ее. Эта машина и производила тот размеренный гул, от которого сотрясалось наше полуразрушенное убежище. Машина дымила и свистела во время работы. Насколько я мог судить, никто не управ-

лял ею.

Глава III
Дни заточения

Появление второго боевого треножника загнало нас в судомойню, так как мы опасались, что со своей вышки марсианин заметит нас за нашим прикрытием. Позже мы поняли, что наше убежище должно казаться находившимся на ярком свете марсианам темным пятном, и перестали бояться, но сначала при каждом приближении марсиан мы в панике бросались в судомойню. Однако, невзирая на опасность, нас неудержимо тянуло к щели. Теперь я с удивлением вспоминаю, что, несмотря на всю безвыходность нашего положения — ведь нам грозила либо голодная, либо еще более ужасная смерть, — мы даже затевали драку из-за того, кому смотреть первому. Мы бежали на кухню, сгорая от нетерпения и боясь произвести малейший шум, отчаянно толкались и лягались, находясь на волосок от гибели.

Мы были совершенно разными людьми по характеру, по манере мыслить и действовать; опасность и заключение еще резче выявили это различие. Уже в Голлифорде меня возмущали

беспомощность и напыщенная ограниченность священника. Его бесконечные невнятные монологи мешали мне сосредоточиться, обдумать создавшееся положение и доводили меня, и без того крайне возбужденного, чуть не до припадка. У него было не больше выдержки, чем у глупенькой женщины. Он готов был плакать по целым часам, и я уверен, что он, как ребенок, воображал, будто слезы помогут ему. Даже в темноте он ежеминутно докучал своей назойливостью. Кроме того, он ел больше меня, и я тщетно напоминал ему, что нам ради нашего спасения необходимо оставаться дома до тех пор, пока марсиане не закончат работу в яме, и что поэтому надо экономить еду. Он ел и пил сразу помногу после больших перерывов. Спал мало.

Дни шли за днями; его крайняя беспечность и безрассудность ухудшали наше и без того отчаянное положение и увеличивали опасность, так что я волей-неволей должен был прибегнуть к угрозам, даже к побоям. Это образумило его, но ненадолго. Он принадлежал к числу тех слабых, вялых, лишенных самолюбия, трусливых и в то же время хитрых созданий, которые не решаются смотреть прямо в глаза ни Богу, ни людям, ни даже самим себе.

Мне неприятно вспоминать и писать об этом, но я обязан рассказывать все. Те, кому удалось избежать темных и страшных сторон жизни, не задумываясь, осудят мою жестокость, мою вспышку ярости в последнем акте нашей драмы; они отлично знают, что хорошо и что дурно, но, полагаю, не ведают, до чего муки могут довести человека. Однако те, которые сами прошли сквозь мрак до самых низин примитивной жизни, поймут меня и будут снисходительны.

И вот, пока мы со священником в тишине и мраке пререкались вполголоса, вырывали друг у друга еду и питье, толкались и дрались, в яме снаружи под беспощадным июньским солнцем марсиане налаживали свою непонятную для нас жизнь. Я вернусь к рассказу о том, что я видел. После долгого перерыва я наконец решился подползти к щели и увидел, что появились еще три боевых треножника, которые притащили какие-то новые приспособления, расставленные теперь в стройном порядке вокруг цилиндра. Вторая многорукая машина, теперь законченная, обслуживала новый механизм, принесенный боевым треножником. Корпус этого нового аппарата по форме походил на молочный бидон с грушевидной вращающейся воронкой наверху, из которой

сыпался в подставленный снизу круглый котел белый порошок.

Вращение производило одно из щупалец многорукой машины. Две лопатообразные руки копали глину и бросали ее в грушевидный приемник, в то время как третья рука периодически открывала дверцу и удаляла из средней части прибора обгоревший шлак. Четвертое стальное щупальце направляло порошок из котла по коленчатой трубке в какой-то новый приемник, скрытый от меня кучей голубоватой пыли. Из этого невидимого приемника поднималась вверх струйка зеленого дыма. Многорукая машина с негромким музыкальным звоном вдруг вытянула, как подзорную трубу, щупальце, казавшееся минуту назад тупым отростком, и закинула его за кучу глины. Через секунду щупальце подняло вверх полосу белого алюминия, еще не остывшего и ярко блестевшего, и бросило ее на клетку из таких же полос, сложенную возле ямы. От заката солнца до появления звезд эта ловкая машина изготовила не менее сотни таких полос прямо из глины, и куча голубоватой пыли стала подниматься выше края ямы.

Контраст между быстрыми и сложными движениями всех этих машин и медлительными,

неуклюжими движениями их хозяев был так разителен, что мне пришлось долго убеждать себя, что марсиане, а не их орудия являются живыми существами.

Когда в яму принесли первых пойманных людей, у щели стоял священник. Я сидел на полу и напряженно прислушивался. Вдруг он отскочил назад, и я в ужасе притаился, думая, что нас заметили. Он тихонько пробрался ко мне по мусору и присел рядом в темноте, невнятно бормоча и показывая что-то жестами; испуг его передался и мне. Зна́ком он дал понять, что уступает мне щель; любопытство придало мне храбрости; я встал, перешагнул через священника и припал к щели. Сначала я не понял причины его страха. Наступили сумерки, звезды казались крошечными, тусклыми, но яма освещалась зелеными вспышками от машины, изготовлявшей алюминий. Неровные вспышки зеленого огня и двигавшиеся черные смутные тени производили жуткое впечатление. В воздухе кружились летучие мыши, ничуть не пугавшиеся. Теперь копошащихся марсиан не было видно за выросшей кучей голубовато-зеленого порошка. В одном из углов ямы стоял укороченный боевой треножник со сложенными поджатыми ногами. Вдруг среди

гула машин послышались как будто человеческие голоса. Я подумал, что мне померещилось, и сначала не обратил на это внимания.

Я нагнулся, наблюдая за боевым треножником, и тут только окончательно убедился, что в колпаке его находился марсианин. Когда зеленое пламя вспыхнуло ярче, я разглядел его лоснящийся кожный покров и блеск его глаз. Вдруг послышался крик, и я увидел, как длинное щупальце протянулось за плечо машины к металлической клетке, висевшей сзади. Щупальце подняло что-то отчаянно барахтавшееся высоко в воздух — черный, неясный, загадочный предмет на фоне звездного неба; когда этот предмет опустился, я увидел при вспышке зеленого света, что это человек. Я видел его одно мгновение. Это был хорошо одетый, сильный, румяный, средних лет мужчина. Три дня назад это, вероятно, был человек, уверенно шагавший по земле. Я видел его широко раскрытые глаза и отблеск огня на его пуговицах и часовой цепочке. Он исчез по другую сторону кучи, и на мгновение все стихло. Потом послышались отчаянные крики и продолжительное, удовлетворенное уханье марсиан…

Я соскользнул с кучи щебня, встал на ноги и, зажав уши, бросился в судомойню. Священник,

который сидел сгорбившись, обхватив голову руками, взглянул на меня, когда я пробегал мимо, довольно громко вскрикнул, думая, очевидно, что я покидаю его, и бросился за мной…

В эту ночь, пока мы сидели в судомойне, разрываясь между смертельным страхом и желанием взглянуть в щель, я тщетно пытался придумать какой-нибудь способ спасения, хотя понимал, что действовать надо безотлагательно. Но на следующий день я заставил себя трезво оценить создавшееся положение. Священник не мог участвовать в обсуждении планов; от страха он лишился способности логически рассуждать и мог действовать лишь импульсивно. В сущности, он стал почти животным. Мне приходилось рассчитывать только на самого себя. Обдумав все хладнокровно, я решил, что, несмотря на весь ужас нашего положения, отчаиваться не следует. Мы могли надеяться, что марсиане расположились в яме только временно. Пусть они даже превратят яму в постоянный лагерь, и тогда нам может представиться случай к бегству, если они не сочтут нужным ее охранять. Я обдумал также очень тщательно план подкопа с противоположной стороны, но здесь нам угрожала опасность быть замеченными с какого-нибудь сторожевого

треножника. Кроме того, подкоп пришлось бы делать мне одному. На священника полагаться было нельзя.

Три дня спустя (если память мне не изменяет) на моих глазах был умерщвлен юноша; это был единственный раз, когда я видел, как питаются марсиане. После этого я почти целый день не подходил к щели. Я отправился в судомойню, отворил дверь и несколько часов рыл топором землю, стараясь производить как можно меньше шума. Но когда я вырыл яму фута в два глубиной, тяжелая земля с шумом осела, и я не решился рыть дальше. Я замер и долго лежал на полу, боясь пошевельнуться. После этого я бросил мысль о подкопе.

Интересно отметить один факт: впечатление, произведенное на меня марсианами, было таково, что я не надеялся на победу людей, благодаря которой мог бы спастись. Однако на четвертую или пятую ночь послышались выстрелы тяжелых орудий.

Была глубокая ночь, и луна ярко сияла. Марсиане убрали экскаватор и куда-то скрылись; лишь на некотором расстоянии от ямы стоял боевой треножник, да в одном из углов ямы многорукая машина продолжала работать как раз под щелью,

в которую я смотрел. В яме было совсем темно, за исключением тех мест, куда падал лунный свет или отблеск многорукой машины, нарушавшей тишину своим лязгом. Ночь была ясная, тихая. Луна почти безраздельно царила в небе, одна только звезда нарушала ее одиночество. Вдруг послышался собачий лай, и этот знакомый звук заставил меня насторожиться. Потом очень отчетливо я услышал гул, словно грохот тяжелых орудий. Я насчитал шесть выстрелов и после долгого перерыва — еще шесть. Потом все стихло.

Глава IV
Смерть священника

Это произошло на шестой день нашего заточения. Я смотрел в щель и вдруг почувствовал, что я один. Только что стоявший рядом со мной и отталкивавший меня от щели священник почему-то ушел в судомойню. Мне показалось это подозрительным. Беззвучно ступая, я быстро двинулся в судомойню. В темноте я услыхал, что священник пьет. Я протянул руку и нащупал бутылку бургундского.

Несколько минут мы боролись. Бутылка упала и разбилась. Я выпустил его и поднялся на но-

ги. Мы стояли друг против друга, тяжело дыша, сжимая кулаки. Наконец я встал между ним и запасами провизии и сказал, что решил ввести строгую дисциплину. Я разделил весь запас продовольствия на части так, чтобы его хватило на десять дней. Сегодня он больше ничего не получит.

Днем он пытался снова подобраться к припасам. Я задремал было, но сразу встрепенулся. Весь день и всю ночь мы сидели друг против друга; я смертельно устал, но был тверд, он хныкал и жаловался на нестерпимый голод. Я знаю, что так прошли лишь одна ночь и один день, но мне казалось тогда и даже теперь кажется, что это тянулось целую вечность.

Постоянные разногласия между нами привели наконец к открытому столкновению. В течение двух долгих дней мы перебранивались вполголоса, спорили, пререкались. Иногда я терял самообладание и бил его, иногда ласково убеждал, раз я даже попытался соблазнить его последней бутылкой бургундского: в кухне был насос для дождевой воды, откуда я мог напиться. Но ни уговоры, ни побои не действовали, казалось, он сошел с ума. Он по-прежнему пытался захватить провизию и продолжал разговаривать

вслух сам с собой. Он вел себя очень неосторожно, и мы каждую минуту могли быть обнаружены. Скоро я понял, что он совсем потерял рассудок, — я оказался в темноте наедине с сумасшедшим.

Мне думается, что и я был в то время не вполне нормален. Меня мучили дикие, ужасные сны. Как это ни странно, но я склонен думать, что сумасшествие священника послужило мне предостережением: я напряженно следил за собой и поэтому сохранил рассудок.

На восьмой день священник начал говорить, и я ничем не мог удержать поток его красноречия.

— Это справедливая кара, о Боже, — повторял он поминутно, — справедливая! Порази меня и весь род мой. Мы согрешили, мы впали в грех… Повсюду люди страдали, бедных смешивали с прахом, а я молчал. Мои проповеди — сущее безумие, о Боже мой, что за безумие! Я должен был восстать и, не щадя жизни своей, призывать к покаянию, к покаянию!.. Угнетатели бедных и страждущих!.. Карающая десница Господня!..

Потом он снова вспомнил о провизии, к которой я его не подпускал, умолял меня, плакал, угрожал. Он начал повышать голос; я просил не делать этого; он понял свою власть надо мной и начал грозить, что будет кричать и привлечет

внимание марсиан. Сперва это меня испугало, но я понял, что, уступи я, наши шансы на спасение уменьшились бы. Я отказал ему, хоть и не был уверен, что он не приведет в исполнение свою угрозу. В этот день, во всяком случае, этого не произошло. Он говорил все громче и громче весь восьмой и девятый день; это были угрозы, мольбы, порывы полубезумного многоречивого раскаяния в небрежном, недостойном служении Богу. Мне даже стало жаль его. Немного поспав, он снова начал говорить, на этот раз так громко, что я вынужден был вмешаться.

— Молчите! — умолял я.

Он опустился на колени в темноте возле котла.

— Я слишком долго молчал, — сказал он так громко, что его должны были услышать в яме, — теперь я должен свидетельствовать. Горе этому беззаконному граду! Горе! Горе! Горе! Горе обитателям Земли, ибо уже прозвучала труба.

— Замолчите! — прохрипел я, вскакивая, ужасаясь при мысли, что марсиане услышат нас. — Ради бога, замолчите!..

— Нет! — воскликнул громко священник, поднимаясь и простирая вперед руки. — Изреки! Слово Божие в моих устах!

В три прыжка он очутился у двери в кухню.

— Я должен свидетельствовать! Я иду! Я и так уже долго медлил.

Я схватил секач, висевший на стене, и бросился за ним. От страха я пришел в бешенство. Я настиг его посреди кухни. Поддаваясь последнему порыву человеколюбия, я повернул острие ножа к себе и ударил его рукояткой. Он упал ничком на пол. Я, шатаясь, перешагнул через него и остановился, тяжело дыша. Он лежал не двигаясь.

Вдруг я услышал шум снаружи, как будто осыпалась штукатурка, и треугольное отверстие в стене закрылось. Я взглянул вверх и увидел, что многорукая машина двигается мимо щели. Одно из щупалец извивалось среди обломков. Показалось второе щупальце, заскользившее по рухнувшим балкам. Я замер от ужаса. Потом я увидел нечто вроде прозрачной пластинки, прикрывавшей чудовищное лицо и большие темные глаза марсианина. Металлический спрут извивался, щупальце медленно просовывалось в пролом.

Я отскочил, споткнулся о священника и остановился у двери судомойни. Щупальце просунулось ярда на два в кухню, извиваясь и поворачиваясь во все стороны. Несколько секунд я стоял как зачарованный, глядя на его медленное, толчкооб-

разное приближение. Потом, тихо вскрикнув от страха, бросился в судомойню. Я так дрожал, что едва стоял на ногах. Открыв дверь в угольный подвал, я стоял в темноте, глядя через щель в двери и прислушиваясь. Заметил ли меня марсианин? Что он там делает?

В кухне что-то медленно двигалось, задевало за стены с легким металлическим побрякиванием, точно связка ключей на кольце. Затем какое-то тяжелое тело — я хорошо знал какое — поволоклось по полу кухни к отверстию. Я не удержался, подошел к двери и заглянул в кухню. В треугольном, освещенном солнцем отверстии я увидел марсианина в многорукой машине, напоминавшего Бриарея, он внимательно разглядывал голову священника. Я сразу же подумал, что он догадается о моем присутствии по глубокой ране.

Я пополз в угольный погреб, затворил дверь и в темноте, стараясь не шуметь, стал зарываться в уголь и наваливать на себя дрова. Каждую минуту я застывал и прислушивался, не двигается ли наверху щупальце марсианина.

Вдруг легкое металлическое побрякивание возобновилось. Щупальце медленно двигалось по кухне. Все ближе и ближе — оно уже в судо-

мойне. Я надеялся, что оно не достанет до меня. Я начал горячо молиться. Щупальце царапнуло по двери погреба. Наступила целая вечность почти невыносимого ожидания; я услышал, как стукнула щеколда. Он отыскал дверь! Марсиане понимают, что такое двери!

Щупальце провозилось со щеколдой не более одной минуты; потом дверь отворилась.

В темноте я лишь смутно видел этот гибкий отросток, больше всего напоминавший хобот слона; щупальце приближалось ко мне, трогало и ощупывало стену, куски угля, дрова и потолок. Это был словно темный червь, поворачивавший свою слепую голову.

Щупальце коснулось каблука моего ботинка. Я чуть не закричал, но сдержался, вцепившись зубами в руку. С минуту все было тихо. Я уже начал думать, что оно исчезло. Вдруг, неожиданно щелкнув, оно схватило что-то — мне показалось, что меня! — и как будто стало удаляться из погреба. Но я не был в этом уверен. Очевидно, оно захватило кусок угля.

Воспользовавшись случаем, я расправил онемевшие члены и прислушался. Я горячо молился про себя о спасении.

Я не знал, дотянется оно до меня или нет. Вдруг

сильным коротким ударом оно захлопнуло дверь погреба. Я слышал, как оно зашуршало по кладовой, слышал, как передвигались жестянки с бисквитами, как разбилась бутылка. Потом новый удар в дверь погреба. Потом тишина и бесконечно томительное ожидание.

Ушло или нет?

Наконец я решил, что ушло.

Щупальце больше не возвращалось в угольный погреб; но я пролежал весь десятый день в темноте, зарывшись в уголь, не смея выползти, даже чтобы напиться, хотя мне страшно хотелось пить. Только на одиннадцатый день я решился выйти из своего убежища.

Глава V
Тишина

Прежде чем пойти в кладовую, я запер дверь из кухни в судомойню. Но кладовая была пуста; провизия вся исчезла — до последней крошки. Очевидно, марсианин все унес. Впервые за эти десять дней меня охватило отчаяние. Не только в этот день, но и в последующие два дня я не ел ничего.

Рот и горло у меня пересохли, я сильно ослабел.

Я сидел в судомойне в темноте, потеряв всякую надежду. Мне мерещились разные кушанья и казалось, что я оглох, так как звуки, которые я привык слышать со стороны ямы, совершенно прекратились. У меня даже не хватило сил, чтобы бесшумно подползти к щели в кухне, иначе я бы это сделал.

На двенадцатый день горло у меня так пересохло, что я, рискуя привлечь внимание марсиан, стал качать скрипучий насос возле раковины и добыл стакана два темной, мутной жидкости. Вода освежила меня, и я несколько приободрился, видя, что на шум от насоса не явилось ни одно щупальце.

В течение этих дней я много размышлял о священнике и его гибели, но мысли мои путались и разбегались.

На тринадцатый день я выпил еще немного воды и в полудреме думал о еде и строил фантастические, невыполнимые планы побега. Как только я начинал дремать, меня мучили кошмары: то смерть священника, то роскошные пиры. Но и во сне и наяву я чувствовал такую мучительную боль в горле, что, просыпаясь, пил и пил без конца. Свет, проникавший в судомойню, был теперь не сероватый, а красноватый. Нервы у

меня были так расстроены, что этот свет казался мне кровавым.

На четырнадцатый день я отправился в кухню и очень удивился, увидев, что трещина в стене заросла красной травой и полумрак приобрел красноватый оттенок.

Рано утром на пятнадцатый день я услышал в кухне какие-то странные, очень знакомые звуки. Прислушавшись, я решил, что это, должно быть, повизгивание и царапанье собаки. Войдя в кухню, я увидел собачью морду, просунувшуюся в щель сквозь заросли красной травы. Я очень удивился. Почуяв меня, собака отрывисто залаяла.

Я подумал, что, если удастся заманить ее в кухню без шума, я смогу убить ее и съесть; во всяком случае, лучше ее убить, не то она может привлечь внимание марсиан.

Я пополз к ней и ласково поманил шепотом:

— Песик! Песик!

Но собака скрылась.

Я прислушался — нет, я не оглох: в яме в самом деле тихо. Я различал только какой-то звук, похожий на хлопанье птичьих крыльев, да еще резкое карканье — и больше ничего.

Долго лежал я у щели, не решаясь раздвинуть красную поросль. Раз или два я слышал легкий

шорох — как будто собака бегала где-то внизу по песку. Слышал, как мне казалось, шуршание крыльев, и только. Наконец, осмелев, я выглянул наружу.

В яме никого. Только в одном углу стая ворон дралась над останками мертвецов, высосанных марсианами.

Я смотрел, не веря своим глазам. Ни одной машины. Яма опустела; в одном углу — груда серовато-голубой пыли, в другом — несколько алюминиевых полос да черные птицы над человеческими останками.

Медленно пролез я сквозь красную поросль и встал на кучу щебня. Передо мной было открытое пространство, только сзади, на севере, горизонт был закрыт разрушенным домом, — и нигде я не заметил никаких признаков марсиан. Яма начиналась как раз у моих ног, но по щебню можно было взобраться на груду обломков. Значит, я спасен! Я весь затрепетал.

Несколько минут я стоял в нерешительности, потом в порыве отчаянной смелости, с бьющимся сердцем вскарабкался на вершину развалин, под которыми я был так долго заживо погребен.

Я осмотрелся еще раз. И к северу тоже ни одного марсианина.

Когда в последний раз я видел эту часть Шина при дневном свете, здесь тянулась извилистая улица — нарядные белые и красные домики, окруженные тенистыми деревьями. Теперь я стоял на груде мусора, кирпичей, глины и песка, густо поросшей какими-то похожими на кактус, по колено высотой, красными растениями, заглушившими всю земную растительность. Деревья кругом стояли оголенные, черные; по еще живым стволам взбирались красные побеги.

Окрестные дома все были разрушены, но ни один не сгорел; стены уцелели до второго этажа, но все окна были разбиты, двери сорваны. Красная трава буйно росла даже в комнатах. Подо мной в яме вороны дрались из-за падали. Множество птиц порхало по развалинам. По стене одного дома осторожно спускалась тощая кошка; но признаков людей я не видел нигде.

День показался мне после моего заточения ослепительным, небо — ярко-голубым. Легкий ветерок слегка шевелил красную траву, разросшуюся повсюду, как бурьян. О, каким сладостным показался мне воздух!

Глава VI
Что сделали марсиане за две недели

Несколько минут я стоял, пошатываясь, на груде мусора и обломков, совершенно забыв про опасность. В той зловонной берлоге, откуда я только что вылез, я все время думал лишь об угрожавшей мне опасности. Я не знал, что произошло за эти дни, не ожидал такого поразительного зрелища. Я думал увидеть Шин в развалинах — передо мной расстилался странный и зловещий ландшафт, словно на другой планете.

В эту минуту я испытал чувство, чуждое людям, но хорошо знакомое подвластным нам животным. Я испытал то, что чувствует кролик, возвратившийся к своей норке и вдруг обнаруживший, что землекопы срыли до основания его жилище. Тогда я впервые смутно ощутил то, что потом стало мне вполне ясно, что угнетало меня уже много дней, — чувство развенчанности, убеждение, что я уже не царь Земли, а животное среди других тварей под пятой марсиан. С нами будет то же, что и с другими животными, — нас будут выслеживать, травить, а мы будем убегать

и прятаться: царство человека кончилось.

Эта мысль промелькнула и исчезла, и мной всецело овладело чувство голода: ведь я уже столько времени не ел! Невдалеке от ямы, за оградой, заросшей красной травой, я заметил уцелевший клочок сада. Это внушило мне некоторую надежду, и я стал пробираться, увязая по колено, а то и по шею в красной траве и чувствуя себя в безопасности под ее прикрытием. Стена сада была около шести футов высоты, и когда я попробовал вскарабкаться на нее, оказалось, что я не в силах занести ногу. Я прошел дальше вдоль стены до угла, где увидел искусственный холм, взобрался на него и спрыгнул в сад. Тут я нашел несколько луковиц шпажника и много мелкой моркови. Собрав все это, я перелез через разрушенную стену и направился к Кью между деревьями, обвитыми багряной и карминовой порослью; это походило на прогулку среди кровавых сталактитов. Мной владела лишь одна мысль: набрать побольше съестного и бежать, уйти как можно скорей из этой проклятой, непохожей на земную местности!

Несколько дальше я нашел в траве кучку грибов и съел их, затем наткнулся на темную полосу проточной воды — там, где раньше бы-

ли луга. Жалкая пища только обострила мой голод. Сначала я недоумевал, откуда взялась эта влага в разгаре жаркого, сухого лета, но потом догадался, что ее вызвало тропически-буйное произрастание красной травы. Как только это необыкновенное растение встречало воду, оно очень быстро достигало гигантских размеров и необычайно разрасталось. Его семена попали в воду Уэй и Темзы, и бурно растущие побеги скоро покрыли обе реки.

В Патни, как я после увидел, мост был почти скрыт зарослями травы; у Ричмонда воды Темзы разлились широким, но неглубоким потоком по лугам Хэмптона и Туикенхема. Красная трава шла вслед за разливом, и скоро все разрушенные виллы в долине Темзы исчезли в алой трясине, на окраине которой я находился; красная трава скрыла следы опустошения, произведенного марсианами.

Впоследствии эта красная трава исчезла так же быстро, как и выросла. Ее погубила болезнь, вызванная, очевидно, какими-то бактериями. Дело в том, что благодаря естественному отбору все земные растения выработали в себе способность сопротивляться бактериальным заражениям, они никогда не погибают без упорной борьбы; но

красная трава засыхала на корню. Листья ее белели, сморщивались и становились хрупкими. Они отваливались при малейшем прикосновении, и вода, сначала помогавшая росту красной травы, тогда уносила последние ее остатки в море.

Подойдя к воде, я, конечно, первым делом утолил жажду. Я выпил очень много и, побуждаемый голодом, стал жевать листья красной травы, но они оказались водянистыми и у них был противный металлический привкус. Я обнаружил, что тут неглубоко, и смело пошел вброд, хотя красная трава и оплетала мне ноги. Но по мере приближения к реке становилось все глубже, и я повернул обратно по направлению к Мортлейку. Я старался держаться дороги, ориентируясь по развалинам придорожных вилл, по заборам и фонарям, и наконец добрался до возвышенности, на которой стоит Рохэмптон, — я находился уже в окрестностях Патни.

Здесь ландшафт изменился и потерял свою необычность: повсюду виднелись следы разрушения. Порою местность была так опустошена, как будто здесь пронесся циклон, а через несколько десятков ярдов попадались совершенно нетронутые участки, дома с аккуратно спущенными жалюзи и запертыми дверями, — казалось, они

были покинуты их обитателями на день, на два или там просто мирно спали. Красная трава росла уже не так густо, высокие деревья вдоль дороги были свободны от ползучих красных побегов. Я искал чего-нибудь съедобного под деревьями, но ничего не нашел; я заходил в два безлюдных дома, но в них, очевидно, уже побывали другие, и они были разграблены. Остаток дня я пролежал в кустарнике: я совершенно выбился из сил и не мог идти дальше.

За все это время я не встретил ни одного человека и не заметил нигде марсиан. Мне попались навстречу две отощавшие собаки, но обе убежали от меня, хотя я и подзывал их. Близ Рохэмптона я наткнулся на два человеческих скелета — не трупа, а скелета, — они были начисто обглоданы, в лесу я нашел разбросанные кости кошек и кроликов и череп овцы. Но на костях не осталось ни клочка мяса, напрасно я их глодал.

Солнце зашло, а я все брел по дороге к Патни; здесь марсиане, очевидно по каким-то соображениям, действовали тепловым лучом. В огороде за Рохэмптоном я нарыл молодого картофеля и утолил голод. Оттуда открывался вид на Патни и реку. Мрачный и пустынный вид: почерневшие деревья, черные заброшенные развалины у под-

ножия холма, заросшие красной травой болота в долине разлившейся реки и гнетущая тишина. Меня охватил ужас при мысли о том, как быстро произошла эта перемена.

Я невольно подумал, что все человечество уничтожено, сметено с лица земли и что я стою здесь один, последний оставшийся в живых человек. У самой вершины Патни-Хилла я нашел еще один скелет; руки его были оторваны и лежали в нескольких ярдах от позвоночника. Продвигаясь дальше, я мало-помалу приходил к убеждению, что все люди в этой местности уничтожены, за исключением немногих беглецов вроде меня. Марсиане, очевидно, ушли дальше в поисках пищи, бросив опустошенную страну. Может быть, сейчас они разрушают Берлин или Париж, если только не двинулись на север…

Глава VII
Человек на вершине Патни-Хилла

Я провел эту ночь в гостинице на вершине Патни-Хилла и спал в постели первый раз со времени моего бегства в Лезерхэд. Не стоит рассказывать, как я напрасно ломился в дом, а потом обнаружил, что входная дверь закрыта снаружи на

щеколду; как я, отчаявшись, обнаружил в какой-то каморке, кажется комнате прислуги, черствую корку, обгрызенную крысами, и две банки консервированных ананасов. Кто-то уже обыскал дом и опустошил его. Позднее я нашел в буфете несколько сухарей и сандвичей, не замеченных, очевидно, моими предшественниками. Сандвичи были несъедобны, сухарями же я не только утолил голод, но и набил карманы. Я не зажигал лампы, опасаясь, что какой-нибудь марсианин в поисках еды заглянет в эту часть Лондонского графства. Прежде чем улечься, я долго с тревогой переходил от окна к окну и высматривал, нет ли где-нибудь этих чудовищ. Спал я плохо. Лежа в постели, я заметил, что размышляю логично, чего не было со времени моей стычки со священником. Все последние дни я или был нервно возбужден, или находился в состоянии тупого безразличия. Но в эту ночь мой мозг, очевидно подкрепленный питанием, прояснился, и я снова стал логически мыслить.

Меня занимали три обстоятельства: убийство священника, местопребывание марсиан и участь моей жены. О первом я вспоминал без всякого чувства ужаса или угрызений совести; я смотрел на это как на свершившийся факт, о котором

неприятно вспоминать, но раскаяния не испытывал. Тогда, как и теперь, я считал, что шаг за шагом я был подведен к этой вспышке, я стал жертвой неотвратимых обстоятельств. Я не чувствовал себя виновным, но воспоминание об этом убийстве преследовало меня. В ночной тишине и во мраке, когда ощущаешь близость Божества, я вершил суд над самим собой; впервые мне приходилось быть в роли обвиняемого в поступке, совершенном под влиянием гнева и страха. Я припоминал все наши разговоры с минуты нашей первой встречи, когда он, сидя возле меня и не обращая внимания на мою жажду, указывал на огонь и дым среди развалин Уэйбриджа. Мы были слишком различны, чтобы действовать сообща, но слепой случай свел нас. Если бы я мог предвидеть дальнейшие события, то оставил бы его в Голлифорде. Но я ничего не предвидел, а совершить преступление — значит предвидеть и действовать. Я рассказал все как есть. Свидетелей нет — я мог бы утаить свое преступление. Но я рассказал обо всем, пусть читатель судит меня.

Когда я наконец усилием воли заставил себя не думать о совершенном мною убийстве, я стал размышлять о марсианах и о моей жене. Что касается первых, то у меня не было данных для

каких-либо заключений, я мог предполагать что угодно. Со вторым пунктом дело обстояло ничуть не лучше. Ночь превратилась в кошмар. Я сидел на постели, всматриваясь в темноту. Я молил о том, чтобы тепловой луч внезапно и без мучений оборвал ее существование. Я еще ни разу не молился после той ночи, когда возвращался из Лезерхэда. Правда, находясь на волосок от смерти, я бормотал молитвы, но механически, так же как язычник бормочет свои заклинания. Но теперь я молился по-настоящему, всем своим разумом и волей, перед лицом мрака, скрывавшего Божество. Странная ночь! Она показалась мне еще более странной, когда на рассвете я, недавно беседовавший с Богом, крадучись выбирался из дому, точно крыса из своего укрытия, — правда, покрупнее, чем крыса, но тем не менее я был низшим животным, которое могут из чистой прихоти поймать и убить. Быть может, и животные по-своему молятся Богу. Эта война по крайней мере научила нас жалости к тем лишенным разума существам, которые находятся в нашей власти.

Утро было ясное и теплое. На востоке небо розовело и клубились золотые облачка. По дороге с вершины Патни-Хилла к Уимблдону виднелись следы того панического потока, который устре-

мился отсюда к Лондону в ночь на понедельник, когда началось сражение с марсианами: двухколесная ручная тележка с надписью «Томас Лобб, зеленщик, Нью-Молден», со сломанным колесом и разбитым жестяным ящиком, чья-то соломенная шляпа, втоптанная в затвердевшую теперь грязь, а на вершине Уэст-Хилла — осколки разбитого стекла с пятнами крови у опрокинутой колоды для водопоя. Я шел медленно, не зная, что предпринять. Я хотел пробраться в Лезерхэд, хотя и знал, что меньше всего надежды было отыскать жену там. Без сомнения, если только смерть внезапно не настигла моих родных, они бежали оттуда вместе с ней; но мне казалось, что там я мог бы разузнать, куда бежали жители Сэррея. Я хотел найти жену, но не знал, как ее найти, я тосковал по ней, я тосковал по всему человечеству. Я остро чувствовал свое одиночество. Свернув на перекрестке, я направился к обширной Уимблдонской равнине.

На темной почве выделялись желтые пятна дрока и ракитника; красной травы не было видно. Я осторожно пробирался по краю открытого пространства. Между тем взошло солнце, заливая все кругом своим живительным светом. Я увидел в луже под деревьями выводок головастиков и

остановился. Я смотрел на них, учась у них жизненному упорству. Вдруг я круто повернулся — я почувствовал, что за мной наблюдают, и, вглядевшись, заметил, что кто-то прячется в кустах. Постояв, я сделал шаг к кустам; оттуда высунулся человек, вооруженный тесаком. Я медленно приблизился к нему. Он стоял молча, не шевелясь, и смотрел на меня.

Подойдя еще ближе, я разглядел, что он весь в пыли и в грязи, совсем как я, — можно было подумать, что его протащили по канализационной трубе. Подойдя еще ближе, я увидел, что одежда на нем вся в зеленых пятнах ила, в коричневых лепешках засохшей глины и в саже. Черные волосы падали ему на глаза, лицо было грязное и осунувшееся, так что в первую минуту я не узнал его. На его подбородке алел незаживший рубец.

— Стой! — закричал он, когда я подошел к нему на расстояние десяти ярдов. Я остановился. Голос у него был хриплый. — Откуда вы идете? — спросил он.

Я настороженно наблюдал за ним.

— Я иду из Мортлейка, — ответил я. — Меня засыпало возле ямы, которую марсиане вырыли около своего цилиндра… Я выбрался оттуда и спасся.

— Тут нет никакой еды, — заявил он. — Это моя земля. Весь этот холм до реки и в ту сторону до Клэпхема и до выгона. Еды тут найдется только на одного. Куда вы идете?

Я ответил не сразу.

— Не знаю, — сказал я. — Я просидел в развалинах тринадцать или четырнадцать дней. Я не знаю, что случилось за это время.

Он посмотрел на меня недоверчиво, потом выражение его лица изменилось.

— Я не собираюсь здесь оставаться, — сказал я, — и думаю пойти в Лезерхэд: там я оставил жену.

Он ткнул в меня пальцем.

— Так это вы, — спросил он, — человек из Уокинга? Так вас не убило под Уэйбриджем?

В ту же минуту и я узнал его.

— Вы тот самый артиллерист, который зашел ко мне в сад?

— Поздравляю! — сказал он. — Нам обоим повезло. Подумать только, что это вы!

Он протянул мне руку, я пожал ее.

— Я прополз по сточной трубе, — продолжал он. — Они не всех перебили. Когда они ушли, я полями пробрался к Уолтону. Но послушайте… Не прошло и шестнадцати дней, а вы совсем

седой. — Вдруг он оглянулся через плечо. — Это грач, — сказал он. — Теперь замечаешь даже тень от птичьего крыла. Здесь уж больно открытое место. Заберемтесь-ка в кусты и потолкуем.

— Видели вы марсиан? — спросил я. — С тех пор как я выбрался…

— Они ушли к Лондону, — перебил он. — Мне думается, они там устроили большой лагерь. Ночью в стороне Хэмпстеда все небо светится. Точно над большим городом. И видно, как движутся их тени. А днем их не видать. Ближе не показывались… — Он сосчитал по пальцам. — Вот уже пять дней… Тогда двое из них тащили что-то большое к Хаммерсмиту. А позапрошлую ночь… — Он остановился и многозначительно добавил: — …появились какие-то огни и в воздухе что-то носилось. Я думаю, они построили летательную машину и пробуют летать.

Я застыл на четвереньках — мы уже подползали к кустам.

— Летать?!

— Да, — повторил он, — летать.

Я залез поглубже в кусты и уселся на землю.

— Значит, с человечеством будет покончено… — сказал я. — Если это им удастся, они попросту облетят вокруг света…

Он кивнул.

— Они облетят. Но… Тогда здесь станет чуточку легче. Да, впрочем… — Он посмотрел на меня. — Разве вам не ясно, что с человечеством *уже* покончено? Я в этом убежден. Мы уничтожены… Разбиты…

Я взглянул на него. Как это ни странно, эта мысль, такая очевидная, не приходила мне в голову. Я все еще смутно на что-то надеялся, — должно быть, по привычке.

— Разбиты! Все кончено, — решительно повторил он. — Они потеряли *одного*, только одного. Они здорово укрепились и разбили величайшую державу в мире. Они растоптали нас. Гибель марсианина под Уэйбриджем была случайностью. И эти марсиане только пионеры. Они продолжают прибывать. Эти зеленые звезды, я не видал их уже пять или шесть дней, но уверен, что они каждую ночь где-нибудь да падают. Что делать? Мы покорены. Мы разбиты.

Я ничего не ответил. Я сидел, молча глядя перед собой, тщетно стараясь найти какие-нибудь возражения.

— Это даже не война, — продолжал артиллерист. — Разве может быть война между людьми и муравьями?

Мне вдруг вспомнилась ночь в обсерватории.

— После десятого выстрела они больше не стреляли с Марса, по крайней мере, до прибытия первого цилиндра.

— Откуда вы это знаете? — спросил артиллерист.

Я объяснил. Он задумался.

— Что-нибудь случилось у них с пушкой, — сказал он. — Да только что из того? Они снова ее наладят. Пусть даже будет небольшая отсрочка, разве это что-нибудь изменит? Люди — и муравьи. Муравьи строят город, живут своей жизнью, ведут войны, совершают революции, пока они не мешают людям; если же они мешают, то их просто убирают. Мы стали теперь муравьями. Только…

— Что? — спросил я.

— Мы съедобные муравьи.

Мы молча переглянулись.

— А что они с нами сделают? — спросил я.

— Вот об этом-то я и думаю, — ответил он, — все время думаю. Из Уэйбриджа я пошел к югу и всю дорогу думал. Я наблюдал. Люди потеряли голову, они скулили и волновались. Я не люблю скулить. Мне приходилось смотреть в глаза смерти. Я не игрушечный солдатик и знаю, что умирать

— плохо ли, хорошо ли — все равно придется. Но если вообще кто-нибудь спасется, так это тот, кто не потеряет голову. Я видел, что все направлялись к югу. Я сказал себе: «Еды там не хватит на всех» — и повернул в обратную сторону. Я питался около марсиан, как воробей около человека. А они там, — он указал рукой на горизонт, — дохнут от голода, топчут и рвут друг друга…

Он взглянул на меня и как-то замялся.

— Конечно, — сказал он, — многим, у кого были деньги, удалось бежать во Францию. — Он опять посмотрел на меня с несколько виноватым видом и продолжал: — Жратвы тут вдоволь. В лавках есть консервы, вино, спирт, минеральные воды, а колодцы и водопроводные трубы пусты. Так вот, я вам скажу, о чем я иногда думал. Они разумные существа, сказал я себе, и, кажется, хотят употреблять нас в пищу. Сначала они уничтожат наши корабли, машины, пушки, города, весь порядок и организацию. Все это будет разрушено. Если бы мы были такие же маленькие, как муравьи, мы могли бы ускользнуть в какую-нибудь щель. Но мы не муравьи. Мы слишком велики для этого. Вот мой первый вывод. Ну что?

Я согласился.

— Вот о чем я подумал прежде всего. Ладно,

теперь дальше: нас можно ловить как угодно. Марсианину стоит только пройти несколько миль, чтобы наткнуться на целую кучу людей. Я видел, как один марсианин в окрестностях Уондсворта разрушал дома и рылся в обломках. Но так поступать они будут недолго. Как только они покончат с нашими пушками и кораблями, разрушат железные дороги и сделают все, что собираются сделать, то начнут ловить нас систематически, отбирать лучших, запирать их в клетки. Вот что они начнут скоро делать. Да, они еще не принялись за нас как следует! Разве вы не видите?

— Не принялись?! — воскликнул я.

— Нет, не принялись. Все, что случилось до сих пор, произошло только по нашей вине: мы не поняли, что нужно сидеть спокойно, докучали им нашими орудиями и разной ерундой. Мы потеряли голову и толпами бросались от них туда, где опасность была ничуть не меньше. Им пока что не до нас. Они заняты своим делом, мастерят все то, что не могли захватить с собой, приготовляются к встрече тех, которые еще должны прибыть. Возможно, что и цилиндры на время перестали падать потому, что марсиане боятся попасть в своих же. И вместо того чтобы, как

стадо, кидаться в разные стороны или устраивать динамитные подкопы в надежде взорвать их, нам следовало бы приспособиться к новым условиям. Вот что я думаю. Это не совсем то, к чему до сих пор стремилось человечество, но зато это отвечает требованиям жизни. Согласно с этим принципом я и действовал. Города, государства, цивилизация, прогресс — все это в прошлом. Игра проиграна. Мы разбиты.

— Но если так, то к чему же тогда жить?

Артиллерист с минуту смотрел на меня.

— Да, концертов не будет, пожалуй, в течение ближайшего миллиона лет или вроде того; не будет Королевской академии искусств, не будет ресторанов с закусками. Если вы гонитесь за этими удовольствиями, я думаю, что ваша карта бита. Если вы светский человек, не можете есть горошек с ножа или сморкаться без платка, то лучше забудьте это. Это уже никому не нужно.

— Вы хотите сказать…

— Я хочу сказать, что люди, подобные мне, будут жить ради продолжения человеческого рода. Я лично твердо решил жить. И если я не ошибаюсь, вы тоже в скором времени покажете, на что вы способны. Нас не истребят. Нет. Я не хочу, чтобы меня поймали, приручили, откарм-

ливали и растили, как какого-нибудь быка. Бр… Вспомните только этих коричневых спрутов.

— Вы хотите сказать…

— Именно. Я буду жить. Под их пятой. Я все рассчитал, обо всем подумал. Мы, люди, разбиты. Мы слишком мало знаем. Мы еще многому должны научиться, прежде чем надеяться на удачу. И мы должны жить и сохранить свою свободу, пока будем учиться. Понятно? Вот что нам нужно делать.

Я смотрел на него с изумлением, глубоко пораженный решимостью этого человека.

— Боже мой! — воскликнул я. — Да вы настоящий человек. — Я схватил его руку.

— Правда? — сказал он, и его глаза вспыхнули. — Здорово я все обдумал?

— Продолжайте, — сказал я.

— Те, которые хотят избежать плена, должны быть готовы ко всему. Я готов ко всему. Не всякий человек способен преобразиться в дикого зверя. Потому-то я и присматривался к вам. Я сомневался в вас. Вы худой, щуплый. Я ведь еще не знал, что вы тот человек из Уокинга; не знал, что вы были заживо погребены. Все люди, жившие в этих домах, все эти жалкие канцелярские крысы ни на что не годны. У них нет мужества, нет гордости,

они не умеют сильно желать. А без этого человек гроша ломаного не стоит. Они вечно торопятся на работу — я видел их тысячи, с завтраком в кармане, они бегут как сумасшедшие, думая только о том, как бы попасть на поезд, в страхе, что их уволят, если они опоздают. Работают они, не вникая в дело; потом торопятся домой, боясь опоздать к обеду; вечером сидят дома, опасаясь ходить по глухим улицам; спят с женами, на которых женились не по любви, а потому, что у тех были деньжонки и они надеялись обеспечить свое жалкое существование. Жизнь их застрахована от несчастных случаев. А по воскресеньям они боятся погубить свою душу. Как будто ад создан для кроликов! Для таких людей марсиане будут сущими благодетелями. Чистые, просторные клетки, обильный корм, порядок и уход, никаких забот. Пробегав на пустой желудок с недельку по полям и лугам, они сами придут и не огорчатся, когда их поймают. А немного спустя даже будут рады. Они будут удивляться, как это они раньше жили без марсиан. Представляю себе всех этих праздных гуляк, сутенеров и святош… Могу себе представить, — добавил он с какой-то мрачной усмешкой. — Среди них появятся разные направления, секты. Многое из того, что я видел

раньше, я понял ясно только за эти последние дни. Найдется множество откормленных глупцов, которые просто примирятся со всем, другие же будут мучиться тем, что это несправедливо и что они должны что-нибудь предпринять. Когда большинство людей испытывает потребность в каком-то деле, слабые и те, которые сами себя расслабляют бесконечными рассуждениями, выдумывают религию, бездеятельную и проповедующую смирение перед насилием, перед волей Божьей. Вам, наверное, приходилось это наблюдать. Это скрытая трусость, бегство от дела. В этих клетках они будут набожно распевать псалмы и молитвы. А другие, не такие простаки, займутся — как это называется? — эротикой.

Он замолчал.

— Быть может, марсиане воспитают из некоторых людей своих любимчиков, обучат их разным фокусам, кто знает! Быть может, им вдруг станет жалко какого-нибудь мальчика, который вырос у них на глазах и которого надо зарезать. Некоторых они, быть может, научат охотиться за нами…

— Нет! — воскликнул я. — Это невозможно. Ни один человек…

— Зачем обманывать себя? — перебил артилле-

рист. — Найдутся люди, которые с радостью будут это делать. Глупо думать, что не найдется таких.

Я не мог не согласиться с ним.

— Попробовали бы они за мной поохотиться, — продолжал он. — Боже мой! Попробовали бы только! — повторил он и погрузился в мрачное раздумье.

Я сидел, обдумывая его слова. Я не находил ни одного возражения против доводов этого человека. До вторжения марсиан никто не вздумал бы оспаривать моего интеллектуального превосходства над ним: я известный писатель по философским вопросам, он простой солдат; теперь же он ясно определил положение вещей, которое я еще даже не осознал.

— Что же вы намерены делать? — спросил я наконец. — Какие у вас планы?

Он помолчал.

— Вот что я решил, — сказал он. — Что нам остается делать? Нужно придумать такой образ жизни, чтобы люди могли жить, размножаться и в относительной безопасности растить детей. Сейчас я скажу яснее, что, по-моему, нужно делать. Те, которых приручат, станут похожи на домашних животных; через несколько поколений это будут большие, красивые, откормленные,

глупые твари. Что касается нас, решивших остаться вольными, то мы рискуем одичать, превратиться в своего рода больших диких крыс… Вы понимаете, я имею в виду жизнь под землей. Я много думал относительно канализационной сети. Понятно, тем, кто не знаком с ней, она кажется ужасной. Под одним только Лондоном канализационные трубы тянутся на сотни миль; несколько дождливых дней — и в пустом городе трубы станут удобными и чистыми. Главные трубы достаточно просторны, воздуху в них тоже достаточно. Потом есть еще погреба, склады, подвалы, откуда можно провести к трубам потайные ходы. А железнодорожные туннели и метрополитен? А? Вы понимаете? Мы составим целую шайку из крепких, смышленых людей. Мы не будем подбирать всякую дрянь. Слабых будем выбрасывать.

— Как хотели выбросить меня?

— Так я же вступил в переговоры…

— Не будем спорить об этом. Продолжайте.

— Те, что останутся, должны подчиниться дисциплине. Нам понадобятся также здоровые, честные женщины — матери и воспитательницы. Только не сентиментальные дамы, не те, что строят глазки. Мы не можем принимать слабых

и глупых. Жизнь снова становится первобытной, и те, кто бесполезен, кто является только обузой или приносит вред, должны умереть. Все они должны вымереть. Они должны сами желать смерти. В конце концов, это нечестно — жить и позорить свое племя. Все равно они не могут быть счастливы. К тому же смерть не так уж страшна, это трусость делает ее страшной. Мы будем собираться здесь. Нашим округом будет Лондон. Мы даже сможем выставлять сторожевые посты и выходить на открытый воздух, когда марсиане будут далеко. Даже поиграть иногда в крикет. Вот как мы сохраним свой род. Ну как? Возможно это или нет? Но спасти свой род — этого еще мало. Для этого достаточно быть крысами. Нет, мы должны спасти накопленные знания и еще приумножить их. Для этого нужны люди вроде вас. Есть книги, есть образцы. Мы должны устроить глубоко под землей безопасные хранилища и собрать туда все книги, какие только достанем. Не какие-нибудь романы, стишки и тому подобную дребедень, а дельные, научные книги. Тут-то вот и понадобятся люди вроде вас. Нам нужно будет пробраться в Британский музей и захватить все такие книги. Мы не должны забывать нашей науки: мы должны учиться как можно больше. Мы должны

наблюдать за марсианами. Некоторые из нас должны стать шпионами. Когда все будет налажено, я сам, может быть, пойду в шпионы. То есть дам себя поймать. И самое главное — мы должны оставить марсиан в покое. Мы не должны ничего красть у них. Если мы окажемся у них на пути, мы должны уступать. Мы должны показать им, что не замышляем ничего дурного. Да, это так. Они разумные существа и не будут истреблять нас, если у них будет все, что им надо, и если они будут уверены, что мы просто безвредные черви.

Артиллерист замолчал и положил свою загорелую руку мне на плечо.

— В конце концов, нам, может быть, и не так уж много придется учиться, прежде чем… Вы только представьте себе: четыре или пять их боевых треножников вдруг приходят в движение… Тепловой луч направо и налево… И на них не марсиане, а люди, люди, научившиеся ими управлять. Может быть, я еще увижу таких людей. Представьте, что в нашей власти одна из этих замечательных машин да еще тепловой луч, который вы можете бросать куда угодно. Представьте, что вы всем этим управляете! Не беда, если после такого опыта взлетишь на воздух и будешь разорван на клочки. Воображаю, как

марсиане выпучат от удивления свои глазищи! Разве вы не можете представить это? Разве не видите, как они бегут, спешат, задыхаясь, пыхтя, ухая, к другим машинам? И вот везде что-нибудь оказывается не в порядке. И вдруг свист, грохот, гром, треск! Только они начнут их налаживать, как мы пустим тепловой луч, — и — смотрите! — человек снова овладевает Землей!

Пылкое воображение артиллериста, его уверенный тон и отвага произвели на меня громадное впечатление. Я без оговорок поверил и в его предсказание о судьбе человечества, и в осуществимость его смелого плана. Читатель, который сочтет меня слишком доверчивым и наивным, должен сравнить свое положение с моим: он не спеша читает все это и может спокойно рассуждать, а я лежал, скорчившись, в кустах, истерзанный страхом, прислушиваясь к малейшему шороху.

Мы беседовали на эту тему все утро, потом вылезли из кустов и, осмотревшись, нет ли где марсиан, быстро направились к дому на Патни-Хилле, где артиллерист устроил свое логово. Это был склад угля при доме, и, когда я посмотрел, что ему удалось сделать за целую неделю (это была нора ярдов в десять длиной, которую он

намеревался соединить с главной сточной трубой Патни-Хилла), я в первый раз подумал, какая пропасть отделяет его мечты от его возможностей. Такую нору я мог бы вырыть в один день. Но я все еще верил в него и возился вместе с ним над этой норой до полудня. У нас была садовая тачка, и мы свозили вырытую землю на кухню. Мы подкрепились банкой консервов — суп из телячьей головы — и вином. Упорная, тяжелая работа приносила мне странное облегчение — она заставляла забывать о чуждом, жутком мире вокруг нас. Пока мы работали, я обдумывал его проект, и у меня начали возникать сомнения; но я усердно копал все утро, радуясь, что могу заняться каким-нибудь делом. Проработав около часа, я стал высчитывать расстояние до центрального стока и соображать, верное ли мы взяли направление. Потом я стал недоумевать: зачем, собственно, нам нужно копать длинный туннель, когда можно проникнуть в сеть сточных труб через одно из выходных отверстий и оттуда рыть проход к дому? Кроме того, мне казалось, что и дом выбран неудачно, — слишком длинный нужен туннель. Как раз в этот момент артиллерист перестал копать и посмотрел на меня.

— Надо малость передохнуть… Я думаю, пора

пойти понаблюдать с крыши дома.

Я настаивал на продолжении работы; после некоторого колебания он снова взялся за лопату. Вдруг мне пришла в голову странная мысль. Я остановился; он сразу перестал копать.

— Почему вы разгуливали по выгону, вместо того чтобы копать? — спросил я.

— Просто хотел освежиться, — ответил он. — Я уже шел назад. Ночью безопасней.

— А как же работа?

— Нельзя же все время работать, — сказал он, и внезапно я понял, что это за человек. Он медлил, держа заступ в руках. — Нужно идти на разведку, — сказал он. — Если кто-нибудь подойдет близко, то может услышать, как мы копаем, и мы будем застигнуты врасплох.

Я не стал возражать. Мы полезли на чердак и, стоя на лесенке, смотрели в слуховое окно. Марсиан нигде не было видно; мы вылезли на крышу и скользнули по черепице вниз, под прикрытие парапета.

Бóльшая часть Патни-Хилла была скрыта деревьями, но мы увидели внизу реку, заросшую красной травой, и равнину Ламбета, красную, залитую водой. Красные вьюны карабкались по деревьям вокруг старинного дворца, ветви, сухие

и мертвые, с блеклыми листьями, торчали среди пучков красной травы. Удивительно, что эта трава могла распространяться только в проточной воде. Около нас ее совсем не было. Здесь, среди лавров и древовидных гортензий, росли золотой дождь, розовый боярышник, калина и вечнозеленые деревья. Поднимающийся за Кенсингтоном густой дым и голубоватая пелена скрывали холмы на севере.

Артиллерист стал рассказывать мне о людях, оставшихся в Лондоне.

— На прошлой неделе какие-то сумасшедшие зажгли электричество. По ярко освещенной Риджент-стрит и Сэркус разгуливали толпы размалеванных, беснующихся пьяниц, мужчины и женщины веселились и плясали до рассвета. Мне рассказывал об этом один человек, который там был. А когда рассвело, они заметили, что боевой треножник стоит недалеко от Ленгхема и марсианин наблюдает за ними. Бог знает, сколько времени он там стоял. Потом он двинулся к ним и нахватал больше сотни людей — или пьяных, или растерявшихся от испуга.

Любопытный штрих того времени, о котором вряд ли даст представление история!

После этого рассказа, подстрекаемый моими

вопросами, артиллерист снова перешел к своим грандиозным планам. Он страшно увлекся. О возможности захватить треножники он говорил так красноречиво, что я снова начал ему верить. Но поскольку я теперь понимал, с кем имею дело, я уже не удивлялся тому, что он предостерегает от излишней поспешности. Я заметил также, что он уже не собирается сам захватить треножник и сражаться.

Потом мы вернулись в угольный погреб. Ни один из нас не был расположен снова приняться за работу, и, когда он предложил закусить, я охотно согласился. Он вдруг стал чрезвычайно щедр; после того как мы поели, он куда-то ушел и вернулся с превосходными сигарами. Мы закурили, и его оптимизм еще увеличился. Он, по-видимому, считал, что мое появление следует отпраздновать.

— В погребе есть шампанское, — сказал он.

— Если мы хотим работать, то лучше ограничиться бургундским, — ответил я.

— Нет, — сказал он, — сегодня я угощаю. Шампанское! Боже мой! Мы еще успеем наработаться. Перед нами нелегкая задача. Нужно отдохнуть и набраться сил, пока есть время. Посмотрите, какие у меня мозоли на руках!

После еды, исходя из тех соображений, что сегодня праздник, он предложил сыграть в карты. Он научил меня игре в юкр, и, поделив между собой Лондон, причем мне досталась северная сторона, а ему южная, мы стали играть на приходские участки. Это покажется нелепым и даже глупым, но я точно описываю то, что было, и всего удивительней то, что эта игра меня увлекала.

Странно устроен человек! В то время как человечеству грозила гибель или вырождение, мы, лишенные какой-либо надежды, под угрозой ужасной смерти, сидели и следили за случайными комбинациями разрисованного картона и с азартом «ходили с козыря». Потом он выучил меня играть в покер, а я выиграл у него три партии в шахматы. Когда стемнело, мы, чтобы не прерывать игры, рискнули даже зажечь лампу.

После бесконечной серии игр мы поужинали, и артиллерист допил шампанское. Весь вечер мы курили сигары. Это был уже не тот полный энергии восстановитель рода человеческого, которого я встретил утром. Он был по-прежнему настроен оптимистически, но его оптимизм носил теперь менее экспансивный характер. Помню, он пил за мое здоровье, произнеся при этом не вполне связную речь, в которой много раз повторял одно и то

же. Я закурил сигару и пошел наверх посмотреть на зеленые огни, о которых он мне рассказывал, горевшие вдоль холмов Хайгейта.

Я бездумно всматривался в долину Лондона. Северные холмы были погружены во мрак; около Кенсингтона светилось зарево, иногда оранжево-красный язык пламени вырывался кверху и пропадал в темной синеве ночи. Лондон был окутан тьмою. Вскоре я заметил вблизи какой-то странный свет, бледный, фиолетово-красный, фосфоресцирующий отблеск, дрожавший на ночном ветру. Сначала я не мог понять, что это такое, потом догадался, что это, должно быть, фосфоресцирует красная трава. Дремлющее сознание проснулось во мне; я снова стал вникать в соотношение явлений. Я взглянул на Марс, сиявший красным огнем на западе, а потом долго и пристально всматривался в темноту, в сторону Хэмпстеда и Хайгейта.

Долго я просидел на крыше, вспоминая перипетии этого длинного дня. Я старался восстановить скачки своего настроения, начиная с молитвы прошлой ночи и кончая этой идиотской игрой в карты. Я почувствовал отвращение к себе. Помню, как я почти символическим жестом отбросил сигару. Внезапно я понял все свое безумие. Мне

казалось, что я предал жену, предал человечество. Я глубоко раскаивался. Я решил покинуть этого странного, необузданного мечтателя с его пьянством и обжорством и идти в Лондон. Там, мне казалось, я скорее всего узнаю, что делают марсиане и мои собратья — люди. Когда наконец взошла луна, я все еще стоял на крыше.

Глава VIII
Мертвый Лондон

Покинув артиллериста, я спустился с холма и пошел по Хай-стрит через мост к Ламбету. Красная трава в то время еще буйно росла и оплетала побегами весь мост; впрочем, ее стебли уже покрылись беловатым налетом; губительная болезнь быстро распространялась.

На углу улицы, ведущей к вокзалу Патни-бридж, валялся человек, грязный, как трубочист. Он был жив, но мертвецки пьян, так что даже не мог говорить. Я ничего не добился от него, кроме брани и попыток ударить меня. Я отошел, пораженный диким выражением его лица.

За мостом, на дороге, лежал слой черной пыли, становившийся все толще по мере приближения к Фулхему. На улицах мертвая тишина. В

булочной я нашел немного хлеба, правда он был кислый, черствый и позеленел, но оставался вполне съедобным. Дальше к Уолхем-Грину на улицах не было черной пыли, и я прошел мимо горевших белых домов. Даже треск пожара показался мне приятным. Еще дальше, около Бромптона, на улицах опять мертвая тишина.

Здесь я снова увидел черную пыль на улицах и мертвые тела. Всего на протяжении Фулхем-роуд я насчитал около двенадцати трупов. Они были полузасыпаны черной пылью, лежали, очевидно, много дней; я торопливо обходил их. Некоторые были обглоданы собаками.

Там, где не было черной пыли, город имел совершенно такой же вид, как в обычное воскресенье: магазины закрыты, дома заперты, шторы спущены, тихо и пустынно. Во многих местах были видны следы грабежа — по большей части в винных и гастрономических магазинах. В витрине ювелирного магазина стекло было разбито, но, очевидно, вору помешали: золотые цепочки и часы валялись на мостовой. Я даже не нагнулся поднять их. В одном подъезде на ступеньках лежала женщина в лохмотьях; рука, свесившаяся с колена, была рассечена, и кровь залила дешевое темное платье. В луже шампанского торчала

большая разбитая бутылка. Женщина казалась спящей, но она была мертва.

Чем дальше я углублялся в Лондон, тем тягостнее становилась тишина. Но это было не молчание смерти, а скорее тишина напряженного выжидания. Каждую минуту тепловые лучи, спалившие уже северо-западную часть столицы и уничтожившие Илинг и Килберн, могли коснуться и этих домов и превратить их в дымящиеся развалины. Это был покинутый и обреченный город…

В Южном Кенсингтоне черной пыли и трупов на улицах не было. Здесь я в первый раз услышал вой. Я не сразу понял, что это такое. Это было непрерывное жалобное чередование двух нот: «Улла… улла… улла… улла…» Когда я шел по улицам, ведущим к северу, вой становился все громче; строения, казалось, то заглушали его, то усиливали. Особенно гулко отдавался он на Эксибишн-роуд. Я остановился и посмотрел на Кенсингтонский парк, прислушиваясь к отдаленному странному вою. Казалось, все эти опустелые строения обрели голос и жаловались на страх и одиночество.

«Улла… улла… улла… улла…» — раздавался этот нечеловеческий плач, и волны звуков расходи-

лись по широкой солнечной улице среди высоких зданий. В недоумении я повернул к северу, к железным воротам Гайд-парка. Я думал зайти в Естественно-исторический музей, забраться на башню и посмотреть на парк сверху. Потом я решил остаться внизу, где можно было легче спрятаться, и зашагал дальше по Эксибишн-роуд. Обширные здания по обе стороны дороги были пусты, мои шаги отдавались в тишине гулким эхом.

Наверху, недалеко от ворот парка, я увидел странную картину — опрокинутый омнибус и скелет лошади, начисто обглоданный. Постояв немного, я пошел дальше к мосту через Серпентайн. Вой становился все громче и громче, хотя к северу от парка над крышами домов ничего не было видно, только на северо-западе поднималась пелена дыма.

«Улла… улла… улла… улла…» — выл голос, как мне казалось, откуда-то со стороны Риджентс-парка. Этот одинокий жалобный крик действовал удручающе. Вся моя смелость пропала. Мной овладела тоска. Я почувствовал, что страшно устал, натер ноги, что меня мучат голод и жажда.

Было уже за полдень. Зачем я брожу по этому

городу мертвых, почему я один жив, когда весь Лондон лежит как труп в черном саване? Я почувствовал себя бесконечно одиноким. Вспомнил о прежних друзьях, давно забытых. Подумал о ядах в аптеках, об алкоголе в погребах виноторговцев; вспомнил о двух несчастных, которые, как я думал, вместе со мною владеют всем Лондоном…

Через Мраморную арку я вышел на Оксфорд-стрит. Здесь опять были черная пыль и трупы, из решетчатых подвальных люков некоторых домов доносился запах тления. От долгого блуждания по жаре меня томила жажда. С великим трудом мне удалось проникнуть в какой-то ресторан и раздобыть еды и питья. Потом, почувствовав сильную усталость, я прошел в гостиную за буфетом, улегся на черный диван, набитый конским волосом, и уснул.

Когда я проснулся, проклятый вой по-прежнему раздавался в ушах: «Улла… улла… улла… улла…» Уже смеркалось. Я разыскал в буфете несколько сухарей и сыру — там был полный обед, но от кушаний остались только клубки червей. Я отправился на Бэйкер-стрит по пустынным скверам — могу вспомнить название лишь одного из них: Портмен-сквер — и наконец вышел к Риджентс-парку. Когда я спускался с Бэйкер-стрит, я увидел

вдали над деревьями, на светлом фоне заката, колпак гиганта-марсианина, который и издавал этот вой. Я ничуть не испугался. Я спокойно шел прямо на него. Несколько минут я наблюдал за ним: он не двигался. По-видимому, он просто стоял и выл; я не мог догадаться, что значил этот беспрерывный вой.

Я пытался принять какое-нибудь решение. Но непрерывный вой «улла… улла… улла… улла…» мешал мне сосредоточиться. Может быть, причиной моего бесстрашия была усталость. Мне захотелось узнать причину этого монотонного воя. Я повернул назад и вышел на Парк-роуд, намереваясь обогнуть парк; я пробрался под прикрытием террас, чтобы посмотреть на этого неподвижного воющего марсианина со стороны Сент-Джонс-Вуда. Отойдя ярдов на двести от Бэйкер-стрит, я услыхал разноголосый собачий лай и увидел сперва одну собаку с куском гнилого красного мяса в зубах, стремглав летевшую на меня, а потом целую свору гнавшихся за ней голодных бродячих псов. Собака сделала крутой поворот, чтобы обогнуть меня, как будто боялась, что я отобью у нее добычу. Когда лай замер вдали, воздух снова наполнился воем: «Улла… улла… улла… улла…»

На полпути к вокзалу Сент-Джонс-Вуд я наткнулся на сломанную многорукую машину. Сначала я подумал, что поперек улицы лежит обрушившийся дом. Только пробравшись среди обломков, я с изумлением увидел, что механический Самсон с исковерканными, сломанными и скрюченными щупальцами лежит посреди им же самим нагроможденных развалин. Передняя часть машины была разбита вдребезги. Очевидно, машина наскочила на дом и, разрушив его, застряла в развалинах. Это могло произойти, только если машину бросили на произвол судьбы. Я не мог взобраться на обломки и потому не видел в наступающей темноте забрызганное кровью сиденье и обгрызанный собаками хрящ марсианина.

Пораженный всем виденным, я направился к Примроз-Хиллу. Вдалеке сквозь деревья я заметил второго марсианина, такого же неподвижного, как и первый; он молча стоял в парке близ Зоологического сада. Дальше за развалинами, окружавшими изломанную многорукую машину, я снова увидел красную траву; весь Риджент-канал зарос губчатой темно-красной растительностью.

Когда я переходил мост, непрекращавшийся

вой «улла… улла…» вдруг оборвался. Казалось, кто-то его остановил. Внезапно наступившая тишина разразилась как удар грома.

Со всех сторон меня обступали высокие, мрачные, пустые дома; деревья ближе к парку становились все чернее. Среди развалин росла красная трава; ее побеги словно подползали ко мне. Надвигалась ночь, несущая страх и тайну. Пока звучал этот голос, я как-то мог выносить уединение, одиночество было еще терпимо; Лондон казался мне еще живым, и я бодрился. И вдруг эта перемена! Что-то произошло — я не знал что, — и наступила почти ощутимая тишина. Мертвый покой.

Лондон глядел на меня как привидение. Окна в пустых домах походили на глазные впадины черепа. Мне чудились тысячи бесшумно подкрадывающихся врагов. Меня охватил ужас, я испугался своей дерзости. Улица впереди стала черной, как будто ее вымазали дегтем, и я различил какую-то судорожно искривленную тень поперек дороги. Я не мог заставить себя идти дальше. Свернув на Сент-Джонс-Вуд-роуд, я побежал к Килберну, спасаясь от этого невыносимого молчания. Я спрятался от ночи и тишины в извозчичьей будке на Харроу-роуд. Я просидел там

почти всю ночь. Перед рассветом я немного приободрился и под мерцающими звездами пошел к Риджентс-парку. Я заблудился и вдруг увидел в конце длинной улицы в предрассветных сумерках причудливые очертания Примроз-Хилла. На вершине, поднимаясь высоко навстречу бледневшим звездам, стоял третий марсианин, такой же прямой и неподвижный, как и остальные.

Я решился на безумный поступок. Лучше умереть и покончить со всем. Тогда мне не придется убивать самого себя. И я решительно направился к титану. Подойдя ближе, я увидел в предутреннем свете стаи черных птиц, круживших вокруг колпака марсианина. Сердце у меня забилось, и я побежал вниз по дороге.

Я попал в заросли красной травы, покрывшей Сент-Эдмундс-террас, по грудь в воде перешел вброд поток, стекавший из водопровода к Альберт-роуд, и выбрался оттуда еще до восхода солнца. Громадные кучи земли были насыпаны на гребне холма словно для огромного редута — это было последнее и самое большое укрепление, построенное марсианами, и оттуда поднимался к небу легкий дымок. Пробежала собака и скрылась. Я чувствовал, что моя догадка должна подтвердиться. Уже без всякого страха, дрожа

от волнения, я взбежал вверх по холму к неподвижному чудовищу. Из-под колпака свисали дряблые бурые клочья; их клевали и рвали голодные птицы.

Еще через минуту я взобрался по насыпи и стоял на гребне вала — внутренняя площадка редута была внизу, подо мной. Она была очень обширна, с гигантскими машинами, грудой материалов и странными сооружениями. И среди этого хаоса на опрокинутых треножниках, на недвижных многоруких машинах и прямо на земле лежали марсиане, окоченелые и безмолвные, — *мертвые!* — уничтоженные какой-то пагубной бактерией, к борьбе с которой их организм не был приспособлен, уничтоженные так же, как была потом уничтожена красная трава. После того как все средства обороны человечества были исчерпаны, пришельцы были истреблены ничтожнейшими тварями, которыми премудрый Господь населил Землю.

Все произошло так, как и я, и многие люди могли бы предвидеть, если бы ужас и паника не помрачили наш разум. Эти зародыши болезней уже взяли свою дань с человечества еще в доисторические времена, взяли дань с наших прародителей-животных еще тогда, когда жизнь

на Земле только начиналась. Благодаря естественному отбору мы развили в себе способность к сопротивлению; мы не уступаем ни одной бактерии без упорной борьбы, а для многих из них, как, например, для бактерий, порождающих гниение в мертвой материи, наш организм совершенно неуязвим. На Марсе, очевидно, не существует бактерий, и, как только явившиеся на Землю пришельцы начали питаться, наши микроскопические союзники принялись за работу, готовя им гибель. Когда я впервые увидел марсиан, они уже были осуждены на смерть, они уже медленно умирали и разлагались на ходу. Это было неизбежно. Заплатив биллионами жизней, человек купил право жить на Земле, и это право принадлежит ему вопреки всем пришельцам. Оно осталось бы за ним, будь марсиане даже в десять раз более могущественны. Ибо человек живет и умирает не напрасно.

Всего марсиан было около пятидесяти; они валялись в своей огромной яме, пораженные смертью, которая должна была казаться им загадочной. И для меня в то время смерть их была непонятна. Я понял только, что эти чудовища, наводившие ужас на людей, мертвы. На минуту мне показалось, что снова повторилось поражение

Сеннахериба, что Господь сжалился над нами и ангел смерти поразил их в одну ночь.

Я стоял, глядя в яму, и сердце у меня забилось от радости, когда восходящее солнце осветило окружавший меня мир своими лучами. Яма оставалась в тени; мощные машины, такие громадные, сложные и удивительные, неземные даже по своей форме, поднимались, точно заколдованные, из сумрака навстречу свету. Целая стая собак дралась над трупами, валявшимися в глубине ямы. В дальнем конце ее лежала большая, плоская, причудливых очертаний летательная машина, на которой они, очевидно, совершали пробные полеты в нашей более плотной атмосфере, когда разложение и смерть помешали им. Смерть явилась как раз вовремя. Услыхав карканье птиц, я взглянул наверх; передо мной был огромный боевой треножник, который никогда больше не будет сражаться, красные клочья мяса, с которых капала кровь на опрокинутые скамейки на вершине Примроз-Хилла.

Я повернулся и взглянул вниз, где у подножия холма, окруженного стаей птиц, стояли застигнутые смертью другие два марсианина, которых я видел вчера вечером. Один из них умер как раз в ту минуту, когда передавал что-то своим товари-

щам; может быть, он умер последним, и сигналы его раздавались, пока не перестал работать механизм. В лучах восходящего солнца блестели уже безвредные металлические треножники, башни сверкающего металла…

Кругом, словно чудом спасенный от уничтожения, расстилался великий отец городов. Те, кто видел Лондон только под привычным покровом дыма, едва ли могут представить себе обнаженную красоту его пустынных, безмолвных улиц.

К востоку, над почерневшими развалинами Альберт-террас и расщепленным церковным шпилем, среди безоблачного неба сияло солнце. Кое-где какая-нибудь грань белой кровли преломляла луч и сверкала ослепительным светом. Солнце сообщало таинственную прелесть даже винным складам вокзала Чок-Фарм и обширным железнодорожным путям, где раньше блестели черные рельсы, а теперь краснели полосы двухнедельной ржавчины.

К северу простирались Килберн и Хэмпстед — целый массив домов в синеватой дымке; на западе гигантский город был также подернут дымкой; на юге, за марсианами, уменьшенные расстоянием, виднелись зеленые волны Риджентс-парка, Ленгхем-отель, купол Альберт-

холла, Королевский институт и огромные здания на Бромптон-роуд, а вдалеке неясно вырисовывались зубчатые развалины Вестминстера. В голубой дали поднимались холмы Сэррея и блестели, как две серебряные колонны, башни Хрустального дворца. Купол собора Святого Павла чернел на фоне восхода — я заметил, что на западной стороне его зияла большая пробоина.

Я стоял и смотрел на это море домов, фабрик, церквей, тихих, одиноких и покинутых; я думал о надеждах и усилиях, о бесчисленных жизнях, загубленных на постройке этой твердыни человечества, и о постигшем ее мгновенном, неотвратимом разрушении. Когда я понял, что мрак отхлынул прочь, что люди снова могут жить на этих улицах, что этот родной мне громадный мертвый город снова оживет и вернет свою мощь, я чуть не заплакал от волнения.

Муки кончились. С этого же дня начинается исцеление. Оставшиеся в живых люди, рассеянные по стране, без вождей, без законов, без еды, как стадо без пастуха, тысячи тех, которые отплыли за море, снова начнут возвращаться; пульс жизни с каждым мгновением все сильнее и сильнее снова забьется на пустынных улицах и площадях. Как ни страшен был разгром, разящая рука

остановлена. Эти горестные руины, почерневшие скелеты домов, мрачно торчащие на солнечном холме, скоро огласятся стуком молотков, звоном инструментов. Тут я воздел руки к небу и стал благодарить Бога. Через какой-нибудь год, думал я, через год…

Потом, словно меня что-то ударило, я вдруг вспомнил о себе, о жене, о нашей былой счастливой жизни, которая никогда уже не возвратится.

Глава IX
На обломках прошлого

Теперь я должен сообщить вам один удивительный факт. Впрочем, это, может быть, и не так удивительно. Я помню ясно, живо, отчетливо все, что делал в тот день до того момента, когда я стоял на вершине Примроз-Хилла и со слезами на глазах благодарил Бога. А потом в памяти моей пробел…

Я не помню, что произошло в течение следующих трех дней. Мне говорили после, что я не первый открыл гибель марсиан, что несколько таких же, как я, скитальцев узнали о ней еще ночью. Первый из обнаруживших это отправился на Сент-Мартинс-ле-Гранд и в то время, когда я

сидел в извозчичьей будке, умудрился послать телеграмму в Париж. Оттуда радостная весть облетела весь мир; тысячи городов, оцепеневших от ужаса, мгновенно осветились яркими огнями иллюминаций. Когда я стоял на краю ямы, о гибели марсиан было уже известно в Дублине, Эдинбурге, Манчестере, Бирмингеме. Люди плакали и кричали от радости, бросали работу, обнимались и жали друг другу руки; поезда, идущие в Лондон, были переполнены уже у Крю. Церковные колокола, молчавшие целых две недели, трезвонили по всей Англии. Люди на велосипедах, исхудалые, растрепанные, носились по проселочным дорогам, громко крича, сообщая изможденным, отчаявшимся беженцам о нежданном спасении. А продовольствие? Через Ла-Манш, по Ирландскому морю, через Атлантику спешили к нам на помощь корабли, груженные зерном, хлебом и мясом. Казалось, все суда мира стремились к Лондону. Обо всем этом я ничего не помню. Я не выдержал испытания, и мой разум помутился. Очнулся я в доме каких-то добрых людей, которые подобрали меня на третий день; я бродил по улицам Сент-Джонс-Вуда в полном исступлении, крича и плача. Они рассказывали мне, что я нараспев выкрикивал бессмысленные слова:

«Последний человек, оставшийся в живых, ура! Последний человек, оставшийся в живых!»

Обремененные своими собственными заботами, эти люди (я не могу назвать их здесь по имени, хотя очень хотел бы выразить им свою благодарность) все-таки не бросили меня на произвол судьбы, приютили у себя и оказали мне всяческую помощь.

Вероятно, они узнали кое-что о моих приключениях в течение тех дней, когда я лежал без памяти. Когда я пришел в сознание, они осторожно сообщили мне все, что им было известно о судьбе Лезерхэда. Через два дня после того, как я попал в ловушку в развалинах дома, он был уничтожен вместе со всеми жителями одним из марсиан. Марсианин смел город с лица земли без всякого повода — так мальчишка разоряет муравейник.

Я был одинок, и они были очень внимательны ко мне. Я был одинок и убит горем, и они горевали вместе со мной. Я оставался у них еще четыре дня после своего выздоровления. Все это время я испытывал смутное желание — оно все усиливалось — взглянуть еще раз на то, что осталось от былой жизни, которая казалась мне такой счастливой и светлой. Это было просто безотрадное

желание справить тризну по своему прошлому. Они отговаривали меня. Они изо всех сил старались заставить меня отказаться от этой идеи. Но я не мог больше противиться непреодолимому влечению; обещав вернуться к ним, я со слезами на глазах простился с моими новыми друзьями и побрел по улицам, которые еще недавно были такими темными и пустынными.

Теперь улицы стали людными, кое-где даже были открыты магазины; я заметил фонтан, из которого била вода.

Я помню, как насмешливо ярок казался мне день, когда я печальным паломником отправился к маленькому домику в Уокинге; вокруг кипела возрождающаяся жизнь. Повсюду было так много народа, подвижного, деятельного, и не верилось, что погибло столько жителей. Потом я заметил, что лица встречных желты, волосы растрепаны, широко открытые глаза блестят лихорадочно и почти все они одеты в лохмотья. Выражение на всех лицах было одинаковое: либо радостно-оживленное, либо странно сосредоточенное. Если бы не это выражение глаз, лондонцев можно было бы принять за толпу бродяг. Во всех приходах даром раздавали хлеб, присланный французским правительством. У немногих уце-

левших лошадей из-под кожи проступали ребра. На всех углах стояли изможденные констебли с белыми значками. Следов разрушения, причиненных марсианами, я почти не заметил, пока не дошел до Веллингтон-стрит, где красная трава еще взбиралась по устоям моста Ватерлоо.

У самого моста я заметил лист бумаги, приколотый сучком к густой заросли красной травы, — любопытный гротеск того необычайного времени. Это было объявление первой вновь вышедшей газеты «Дейли мейл». Я дал за газету почерневший шиллинг, оказавшийся в кармане. Она была почти вся в пробелах. На месте объявлений, на последнем листе, наборщик, выпустивший газету единолично, набрал прочувствованное обращение к читателю. Я не узнал ничего нового, кроме того, что осмотр механизмов марсиан в течение недели уже дал удивительные результаты. Между прочим сообщалось — в то время я не поверил этому, — что «тайна воздухоплавания» раскрыта. У вокзала Ватерлоо стояли три готовых к отходу поезда. Наплыв публики, впрочем, уже ослабел. Пассажиров в поезде было не много, да и я был не в таком настроении, чтобы заводить случайный разговор. Я занял один целое купе, скрестил руки и мрачно

глядел на освещенные солнцем картины ужасного опустошения, мелькавшие за окнами. Сразу после вокзала поезд перешел на временный путь; по обеим сторонам полотна чернели развалины домов. До Клэпхемской узловой станции Лондон был засыпан черной пылью, которая еще не исчезла, несмотря на два бурных дождливых дня. У Клэпхема на поврежденном полотне бок о бок с землекопами работали сотни оставшихся без дела клерков и приказчиков, и поезд перевели на поспешно проложенный временный путь.

Вид окрестностей был мрачный, странный; особенно сильно пострадал Уимблдон. Уолтон благодаря своим уцелевшим сосновым лесам выглядел менее разрушенным. Уэндл, Моул, даже мелкие речонки поросли красной травой и казались наполненными не то сырым мясом, не то нашинкованной красной капустой. Сосновые леса Сэррея оказались слишком сухими для красного вьюна. За Уимблдоном на огородах виднелись кучи земли вокруг шестого цилиндра. В середине что-то рыли саперы, вокруг стояли любопытные. На шесте развевался британский флаг, весело похлопывая под утренним бризом. Огороды были красны от травы. Глазам больно было смотреть на это красное пространство, пе-

ресеченное пурпурными тенями. Было приятно перевести взгляд от мертвенно-серого и красного цвета переднего плана пейзажа к голубовато-зеленым тонам восточных холмов.

У станции Уокинг железнодорожное сообщение еще не было восстановлено, поэтому я вышел на станцию Байфлит и направился к Мэйбэри мимо того места, где мы с артиллеристом разговаривали с гусарами, и того места, где я во время грозы увидел марсианина. Из любопытства я свернул в сторону и увидел в красных зарослях свою опрокинутую и разбитую тележку рядом с побелевшим, обглоданным лошадиным скелетом. Я остановился и осмотрел эти останки…

Потом я прошел через сосновый лес; заросли красной травы кое-где доходили мне до шеи; труп хозяина «Пятнистой собаки», вероятно, уже похоронили: я нигде не обнаружил его. Миновав военный колледж, я увидел свой дом. Какой-то человек, стоявший на пороге своего коттеджа, окликнул меня по имени, когда я проходил мимо.

Я взглянул на свой дом со смутной надеждой, которая тотчас же угасла. Замок был взломан, и дверь отворялась и захлопывалась на ветру.

То окно моего кабинета, из которого мы с ар-

тиллеристом смотрели тогда на рассвете, было распахнуто, занавески в нем развевались. С тех пор никто не закрывал окна. Сломанные кусты остались такими же, как в день моего бегства, почти четыре недели назад. Я вошел в дом, он был пуст. Коврик на лестнице был сбит и потемнел в том месте, где я сидел, промокнув до костей под грозой, в ночь катастрофы. На лестнице остались следы грязных ног.

Я пошел по этим следам в свой кабинет; на письменном столе все еще лежал под селенитовым пресс-папье исписанный лист бумаги, который я оставил в тот день, когда открылся первый цилиндр. Я постоял, перечитывая свою недоконченную статью о развитии нравственности в связи с общим прогрессом цивилизации. «Возможно, что через двести лет, — писал я, — наступит…» Пророческая фраза осталась недописанной. Я вспомнил, что никак не мог сосредоточиться в то утро и, бросив писать, пошел купить номер «Дейли кроникл» у мальчишки-газетчика. Помню, как я подошел к садовой калитке и с удивлением слушал его странный рассказ о «людях с Марса».

Я сошел вниз в столовую и там увидел баранину и хлеб, уже сгнивший, и опрокинутую пивную бутылку. Все было так, как мы с артиллеристом

оставили. Мой дом был пуст. Я понял все безумие тайной надежды, которую лелеял так долго. И вдруг снаружи раздался чей-то голос:

— Это бесполезно. Дом необитаем. Тут по крайней мере десять дней никого не было. Не мучьте себя напрасно. Вы спаслись одни…

Я был поражен. Уж не я ли сам высказал вслух свои мысли? Я обернулся… Дверь в сад была открыта настежь. Я шагнул к ней и выглянул.

В саду, изумленные и испуганные не меньше, чем я, стояли мой двоюродный брат и моя жена, бледная, без слез. Она слабо вскрикнула.

— Я пришла, — пробормотала она, — я знала… знала…

Она поднесла руки к горлу и покачнулась. Я бросился к ней и подхватил ее на руки.

Глава X
Эпилог

Теперь, в конце моего рассказа, мне остается только пожалеть о том, как мало могу я способствовать разрешению многих спорных вопросов. В этом отношении меня, несомненно, будут строго критиковать. Моя специальность — умозрительная философия. Мое знакомство

со сравнительной физиологией ограничивается одной или двумя книгами, но мне кажется, что предположение Карвера о причинах быстрой смерти марсиан настолько правдоподобно, что его можно принять как доказанное. Я уже изложил его в своем повествовании.

Во всяком случае, в трупах марсиан, исследованных после войны, найдены были только известные нам бактерии. То обстоятельство, что марсиане не хоронили своих убитых товарищей, а также их безрассудное уничтожение людей доказывают, что они незнакомы с процессом разложения. Однако это лишь гипотеза, правда весьма вероятная.

Состав черного газа, которым с такими губительными последствиями пользовались марсиане, до сих пор неизвестен; генератор теплового луча тоже остается пока загадкой. Страшные катастрофы в лабораториях Илинга и Южного Кенсингтона заставили ученых прекратить свои опыты. Спектральный анализ черной пыли указывает на присутствие неизвестного нам элемента: отмечались четыре яркие линии в голубой части спектра; возможно, что этот элемент дает соединение с аргоном, которое действует разрушительно на составные части крови. Но

эти недоказанные предположения едва ли заинтересуют того широкого читателя, для которого написана моя повесть. Ни одна частица бурой накипи, плывшей вниз по Темзе после разрушения Шеппертона, в то время не была подвергнута исследованию; теперь это уже невозможно.

О результате анатомического исследования трупов марсиан (насколько такое исследование оказалось возможным после вмешательства прожорливых собак) я уже сообщал. Вероятно, все видели великолепный и почти нетронутый экземпляр, заспиртованный в Естественно-историческом музее, и бесчисленные снимки с него. Физиологические и анатомические детали представляют интерес только для специалистов.

Вопрос более важный и более интересный — это возможность нового вторжения марсиан. Мне кажется, что на эту сторону дела едва ли обращено достаточно внимания. В настоящее время планета Марс удалена от нас, но я допускаю, что они могут повторить свою попытку в период противостояния. Во всяком случае, мы должны быть к этому готовы. Мне кажется, можно было бы определить положение пушки, выбрасывающей цилиндры; надо зорко наблюдать за этой частью планеты и предупредить попытку нового

вторжения.

Цилиндр можно уничтожить динамитом или артиллерийским огнем, прежде чем он достаточно охладится и марсиане будут в состоянии вылезти из него; можно также перестрелять их всех, как только отвинтится крышка. Мне кажется, они лишились большого преимущества из-за неудачи первого внезапного нападения. Возможно, что они сами это поняли.

Лессинг привел почти неопровержимые доказательства в пользу того, что марсианам уже удалось произвести высадку на Венеру. Семь месяцев назад Венера и Марс находились на одной прямой с Солнцем; другими словами, Марс был в противостоянии с точки зрения наблюдателя с Венеры. И вот на неосвещенной половине планеты появился странный светящийся след; почти одновременно фотография Марса обнаружила чуть заметное темное извилистое пятно. Достаточно видеть фотографии обоих этих явлений, чтобы понять их взаимную связь.

Во всяком случае, грозит ли нам вторичное вторжение или нет, наш взгляд на будущность человечества, несомненно, сильно изменился благодаря всем этим событиям. Теперь мы знаем, что нельзя считать нашу планету вполне без-

опасным убежищем для человека; невозможно предвидеть тех незримых врагов или друзей, которые могут явиться к нам из бездны пространства. Быть может, вторжение марсиан не останется без пользы для людей; оно отняло у нас безмятежную веру в будущее, которая так легко ведет к упадку, оно подарило нашей науке громадные знания, оно способствовало пропаганде идеи о единой организации человечества. Быть может, там, из бездны пространства, марсиане следили за участью своих пионеров, приняли к сведению урок и при переселении на Венеру поступили более осторожно. Как бы то ни было, еще в течение многих лет, наверное, будут продолжаться внимательные наблюдения за Марсом, а огненные небесные стрелы — падающие метеоры — долго еще будут пугать людей.

Кругозор человечества вследствие вторжения марсиан сильно расширился. До падения цилиндра все были убеждены, что за крошечной поверхностью нашей сферы, в глубине пространства, нет жизни. Теперь мы стали более дальнозорки. Если марсиане смогли переселиться на Венеру, то почему бы не попытаться сделать это и людям? Когда постепенное охлаждение сделает нашу Землю необитаемой — а это в конце

концов неизбежно, — может быть, нить жизни, начавшейся здесь, перелетит и охватит своей сетью другую планету. Сумеем ли мы бороться и победить?

Передо мной встает смутное видение: жизнь с этого парника Солнечной системы медленно распространяется по всей безжизненной неизмеримости звездного пространства. Но это пока еще только мечта. Может быть, победа над марсианами только временная. Может быть, им, а не нам принадлежит будущее.

Я должен сознаться, что после всех пережитых ужасов у меня осталось чувство сомнения и неуверенности. Иногда я сижу в своем кабинете и пишу при свете лампы, и вдруг мне кажется, что цветущая долина внизу вся в пламени, а дом пуст и покинут. Я иду по Байфлит-роуд, экипажи проносятся мимо, мальчишка-мясник с тележкой, кеб с экскурсантами, рабочий на велосипеде, дети, идущие в школу, — и вдруг все становится смутным, призрачным, и я снова крадусь с артиллеристом в жаркой мертвой тишине. Ночью мне снится черная пыль, покрывающая безмолвные улицы, и исковерканные трупы; они поднимаются, страшные, обглоданные собаками. Они что-то бормочут, беснуются, тускнеют, расплываются

— искаженные подобия людей, и я просыпаюсь в холодном поту во мраке ночи.

Если я еду в Лондон и вижу оживленную толпу на Флит-стрит и Стрэнде, мне приходит в голову, что это лишь призраки минувшего, двигающиеся по улицам, которые я видел такими безлюдными и тихими; что это лишь тени мертвого города, мнимая жизнь в гальванизированном трупе.

Так странно стоять на Примроз-Хилле — я был там за день перед тем, как написал эту последнюю главу, — видеть на горизонте сквозь серо-голубую пелену дыма и тумана смутные очертания огромного города, расплывающиеся во мглистом небе, видеть публику, разгуливающую по склону среди цветочных клумб; толпу зевак вокруг неподвижной машины марсиан, так и оставшейся здесь; слышать возню играющих детей и вспоминать то время, когда я видел все это разрушенным, пустынным в лучах рассвета великого последнего дня…

Но самое странное — это держать снова в своей руке руку жены и вспоминать о том, как мы считали друг друга погибшими.

1897

Когда Спящий проснется

Перевод Е. Бируковой

Глава I
Бессонница

Как-то днем во время отлива мистер Избистер, молодой художник, временно остановившийся в Боскасле, отправился к живописной бухте Пентаргена, намереваясь осмотреть тамошние пещеры. Спускаясь по крутой тропинке к Пентаргену, он неожиданно наткнулся на человека, сидевшего на выступе скалы; человек этот был, по-видимому, в большом горе. Руки его бессильно лежали на коленях, воспаленные глаза были устремлены в одну точку, а лицо мокро от слез.

Заслышав шаги Избистера, незнакомец оглянулся. Оба смутились, особенно Избистер; чтобы прервать неловкое молчание, он глубокомысленно заметил, что погода не по сезону жаркая.

— Невероятно, — согласился незнакомец и секунду спустя добавил как бы про себя: — Я никак не могу уснуть.

Мистер Избистер остановился.

— Неужели? — спросил он, всем своим видом выражая сочувствие.

— Вы не поверите, я не сплю уже шесть суток, —

заявил незнакомец, устало глядя на Избистера, и вяло взмахнул рукой, как бы подчеркивая сказанное.

— Обращались вы к доктору?

— Конечно. Но все без толку. Лекарства… Моя нервная система… Они хороши для других… Это трудно объяснить. Но я не могу принимать… лекарства в больших дозах.

— Это усложняет дело, — заметил Избистер.

Он нерешительно топтался на узкой тропинке, не зная, что предпринять. Очевидно, незнакомец не прочь был побеседовать. Естественно, что при таких обстоятельствах мистер Избистер решил поддержать разговор.

— Сам я никогда не страдал бессонницей, — сказал он непринужденным тоном, — но думаю, что против нее можно найти какое-нибудь средство.

— Я не могу рисковать, — утомленно сказал незнакомец и отрицательно покачал головой.

Оба замолчали.

— Ну а физические упражнения? — нерешительно начал Избистер, переводя взгляд с изможденного лица собеседника на его костюм туриста.

— Уже испробовано. Пожалуй, это и неразумно. Из Нью-Куэя я пошел пешком по берегу; прошагал

несколько дней. К нервному расстройству присоединилась еще физическая усталость. Причина этой бессонницы — переутомление, неприятности… Видите ли…

Он словно бы изнемог и замолчал. Исхудалой рукой он потер себе лоб. Затем продолжал, будто разговаривая сам с собой:

— Я одинок, скитаюсь по свету и нигде не нахожу себе места. У меня нет ни жены, ни детей. Кто это назвал бездетных мертвым сучком на дереве жизни? У меня нет ни жены, ни детей, никаких обязанностей. Никаких желаний. Наконец я нашел для себя дело. Я сказал себе, что должен это сделать, должен побороть свою вялость. Я начал принимать лекарства. Боже, сколько истребил я этих лекарств! Не знаю, приходилось ли вам чувствовать когда-нибудь тяжесть своего тела, как оно настойчиво требует от нас внимания, сколько берет времени… Время… Жизнь! Ведь мы живем урывками; мы должны есть, и после еды появляется ощущение приятной сытости или же неприятной. Мы должны дышать свежим воздухом, а не то наш разум цепенеет, заходит в тупик и проваливается в бездну. Тысячи разнообразных развлечений, а затем нами овладевают дремота и сон. Человек, кажется, живет только для того,

чтобы спать. Какая незначительная часть суток принадлежит в действительности человеку даже в самом лучшем случае! А тут еще эти ложные друзья человечества, эти пособники смерти, алкалоиды, которые перебарывают естественную усталость и убивают сон: черный кофе, кокаин…

— Понимаю, — заметил Избистер.

— Я делал то, что хотел, — продолжал незнакомец с раздражением в голосе.

— И теперь за это расплачиваетесь?

— Да.

Оба собеседника некоторое время молчали.

— Вы не можете себе представить, до чего мне хочется спать; это похоже на голод, на жажду. Все эти шесть бесконечно длинных суток с тех пор, как я кончил свою работу, у меня в мозгу водоворот, бурный, непрерывный, хаотический поток мыслей, ни к чему и никуда не ведущий, стремительно засасывает меня в бездну. В бездну, — добавил он, помолчав.

— Вам необходимо уснуть, — сказал Избистер решительно и с таким видом, будто он нашел верное средство. — Совершенно необходимо.

— Мой разум необычайно ясен. Так никогда не было. И тем не менее я сознаю, что меня затягивает водоворот. Сейчас…

— Что такое?

— Приходилось вам видеть, как исчезает какой-нибудь предмет в водовороте? Расстаться с солнечным светом, с рассудком…

— Однако… — перебил его Избистер.

Незнакомец протянул руку, глаза его стали безумными, и он крикнул:

— Я должен покончить с собой. Хотя бы у подножия этого мрачного обрыва, где зеленая зыбь клокочет белой пеной, куда стекает этот ручеек. По крайней мере там… сон.

— Это безрассудно, — возразил Избистер, напуганный истерическим взрывом незнакомца. — Уж лучше попробовать лекарства.

— Зато там сон, — твердил незнакомец, не слушая.

Избистер посмотрел на него, и ему пришло в голову: уж не сама ли судьба свела их сегодня друг с другом?

— Совсем не обязательно, — сказал он. — Около Лулвортской бухты есть обрыв такой же высокий, оттуда упала маленькая девочка — и осталась жива. Она и по сей день здорова и невредима.

— Но эти скалы?

— На них можно проваляться со сломанными костями всю ночь напролет, и волны будут обда-

вать вас холодным душем. Недурно?

Их взгляды встретились.

— К сожалению, ваш способ не выдерживает критики, — продолжал Избистер с сардонической усмешкой. — Для самоубийства ни эта скала, ни другая не годится — это я говорю как художник, — он засмеялся, — слишком уж отдает плохим любительством.

— Но что же тогда? — сказал незнакомец в замешательстве. — Что же еще? Разве можно сохранить рассудок, если все ночи…

— Вы шли один по берегу?

— Один.

— Ну и глупо сделали. Надеюсь, вы не обидитесь на мои слова? Один! Вы же сами сказали, что физическое утомление — это не лекарство для уставшего мозга. И кто это вам посоветовал? Что ж тут удивительного! Идти одному, над головой солнце, вас томит жара, усталость, одиночество — и так в продолжение целого дня. А затем вы, наверное, ложились в постель и попытались заснуть. Не так ли?

Избистер замолчал и участливо посмотрел на больного.

— Посмотрите на эти скалы! — вдруг воскликнул незнакомец в порыве отчаяния. — Посмотри-

те на это море, которое волнуется и сверкает уже много-много веков. Посмотрите на белые брызги пены около этой скалы! На этот голубой свод, откуда льются ослепительные лучи солнца!.. Это ваш мир. Он вам понятен, вы наслаждаетесь им. Он согревает, поддерживает вас, он восхищает вас. Но для меня… — Он поднял голову, лицо его было мертвенно-бледным, глаза мутные и красные, губы бескровные. — Глядя на эту красоту, я еще острее чувствую, как я несчастен. Как ни прекрасен мир, я ни на минуту не забываю о своем несчастье, — прошептал он.

Избистер взглянул на дикую живописную картину залитых солнцем скал, а затем на мрачное лицо незнакомца. Несколько мгновений Избистер стоял молча. Потом встрепенулся и сделал нетерпеливое движение.

— К вам вернется сон, — сказал он, — и вы перестанете так мрачно смотреть на мир, помяните мое слово.

Теперь он уже был уверен, что эта встреча не случайна. Еще полчаса назад он чувствовал скуку и пустоту. Теперь же ему предстояла трудная и благородная задача. Он тотчас же принял решение. Прежде всего этот несчастный нуждается в дружеском участии.

Избистер примостился на краю мшистого утеса рядом с неподвижно сидевшим незнакомцем и изо всех сил начал развлекать его. Но тот словно погрузился в апатию; он угрюмо смотрел на море и лишь коротко отвечал на вопросы Избистера, однако не выказывал неудовольствия по поводу непрошеного сочувствия. Казалось, он даже был рад этому, и когда Избистер, видя, что разговор не клеится, предложил подняться наверх и вернуться в Боскасль, чтобы полюбоваться на Блэкапит, он охотно согласился. На полпути он принялся разговаривать сам с собой, а потом внезапно повернул к Избистеру свое мертвенное лицо.

— Чем же это все кончится? — спросил он, сделав слабый жест рукой. — Чем же это все кончится? Все идет кругом, кругом, кругом. Все непрестанно вертится, вертится, вертится…

Остановившись, он очертил рукой круг в воздухе.

— Отлично, дружище, — сказал Избистер с видом старого приятеля. — Не мучайте себя понапрасну. Положитесь на меня.

Незнакомец отвернулся и опустил руку. Они продолжали подниматься по узкой тропинке, змеившейся на краю обрыва, направляясь к мысу за Пенэлли; страдающий бессонницей человек

шел впереди Избистера, он то и дело жестикулировал, роняя бессвязные, отрывочные слова. Дойдя до мыса, они остановились на том месте, откуда открывается вид на мрачный, таинственный Блэкапит, и незнакомец присел отдохнуть. Как только тропинка стала шире, они пошли рядом, Избистер возобновил разговор. Он только что начал распространяться о затруднениях, с которыми сталкивались в непогоду при постройке Боскасльской гавани, как вдруг спутник перебил его.

— Моя голова совсем не та, что раньше, — проговорил он, для большей выразительности подкрепляя слова жестами. — Совсем не та, что раньше. Я чувствую какое-то давление, тяжесть. Нет, это не сонливость. Это похоже на тень, глубокую тень, внезапно и быстро падающую на что-то живое, деятельное. Все кружится и погружается во мрак, во мрак. Полный сумбур мыслей и водоворот, водоворот. Я не могу этого выразить. Я с трудом могу сосредоточиться и говорить с вами об этом.

Видимо, ослабев, он остановился.

— Не утруждайте себя, дружище, — сказал Избистер. — Мне кажется, я понимаю вас. Во всяком случае, нет никакой надобности рассказывать об

этих вещах.

Незнакомец начал протирать себе глаза. Избистер попытался было поддержать разговор, потом у него мелькнула новая мысль.

— Пойдемте ко мне, — предложил он, — посидим и покурим. Я покажу вам мои наброски Блэкапита. Хотите?

Незнакомец покорно встал и пошел за ним вниз по склону.

Движения его были медленны и неуверенны, и Избистер слышал, как он спотыкался, спускаясь с горы.

— Войдемте ко мне, — пригласил Избистер. — Не хотите ли сигарету или чего-нибудь спиртного? Вы употребляете крепкие напитки?

Незнакомец в нерешительности остановился у садовой калитки. По-видимому, он не отдавал себе отчета в своих действиях.

— Я ничего не пью, — медленно произнес он, поднимаясь по садовой дорожке. — Нет, — повторил он спустя минуту, — я ничего не пью. Все кружится, все вертится колесом.

Споткнувшись на пороге, он вошел в комнату точно слепой.

Затем тяжело опустился, почти упал в кресло. Наклонился вперед, сжал лоб руками и замер. Из

груди его вырвался сдавленный вздох.

Избистер суетился с растерянным видом, какой бывает у неопытных хозяев, произнося отрывочные фразы, которые почти не требовали ответа. Он взял папку, потом переложил ее на стол и посмотрел на часы, стоявшие на камине.

— Надеюсь, вы не откажетесь поужинать со мной, — сказал он, держа в руке незакуренную сигарету и думая, что гость его, вероятно, страдает от злоупотребления наркотиками. — Могу вам предложить только холодную баранину, но она прямо великолепная. По-уэльски. И еще, кажется, сладкий пирог.

Он дважды повторил приглашение.

Незнакомец молчал. Избистер остановился со спичкой в руке и взглянул на своего гостя.

Тот продолжал молчать. Избистер выронил спичку и, так и не закурив, положил на стол сигарету. Казалось, незнакомец задремал. Избистер взял папку, открыл ее, снова закрыл; он колебался, говорить ему или нет.

— Быть может… — начал он шепотом.

Он взглянул на дверь, потом на гостя в кресле. Затем осторожно, на цыпочках, оглядываясь на своего гостя, вышел из комнаты, бесшумно закрыв за собой дверь.

Наружная дверь оставалась открытой; Избистер вышел в сад и остановился возле куста волчьего аконита. Отсюда через открытое окно он мог видеть незнакомца, неподвижно сидящего все в той же позе.

Проходившие по дороге дети остановились и с любопытством глядели на художника. Какой-то моряк обменялся с ним приветствиями. Избистер подумал, что его выжидательная поза привлекает внимание прохожих, и решил закурить: так у него будет более естественный вид. Он вытащил из кармана трубку и кисет и принялся медленно набивать ее табаком.

— Странно, — прошептал он с некоторым неудовольствием. — Во всяком случае, надо дать ему выспаться.

Энергичным движением он зажег спичку и закурил.

В этот миг он услыхал шаги своей квартирной хозяйки, которая выходила с зажженной лампой из кухни. Он обернулся и, помахав ей трубкой, успел остановить ее на пороге в гостиную. Так как она ничего не знала о его госте, то он постарался шепотом объяснить ей, в чем дело. Хозяйка ушла со своей лампой обратно в кухню, по-видимому не вполне ему поверив.

Он покраснел и, чувствуя какую-то неловкость, притаился за углом веранды.

Избистер выкурил всю трубку. В воздухе начали реять летучие мыши. Наконец любопытство взяло верх, и он осторожно, на цыпочках, вернулся в темную гостиную. Открыв дверь, он на минуту приостановился. Незнакомец по-прежнему неподвижно сидел в кресле, его силуэт вырисовывался на фоне окна. Было тихо, только издалека доносилось пение матросов на судах, перевозящих графит. Стебли аконита и дельфиниума, прямые и неподвижные, смутно вырисовывались на темном фоне холмов. Внезапно Избистер вздрогнул, перегнулся через стол и стал прислушиваться. Неясное подозрение перешло в уверенность. Удивление сменил страх.

Он не слышал дыхания сидящего в кресле человека.

Избистер медленно и бесшумно обошел стол, он дважды останавливался, прислушиваясь. Положил руку на спинку кресла и нагнулся, почти касаясь головы незнакомца.

Желая заглянуть ему в лицо, Избистер нагнулся еще ниже. Потом вздрогнул и вскрикнул. Вместо глаз он увидел только белки.

Взглянув еще раз, он понял, что веки раскры-

ты, но зрачки закатились вверх. Избистер не на шутку испугался. Уже не считаясь с необычным состоянием незнакомца, он схватил его за плечо и потряс.

— Вы спите? — крикнул он громким голосом. — Вы спите?

Он уже не сомневался, что незнакомец мертв.

Избистер внезапно засуетился. Он стал метаться по комнате, наткнулся на стол и позвонил.

— Принесите, пожалуйста, поскорее лампу! — крикнул он в коридор. — Моему приятелю дурно.

Затем он вернулся к неподвижно сидевшему незнакомцу, потряс его за плечи и окликнул. Скоро комната осветилась желтоватым светом лампы, которую внесла встревоженная и удивленная хозяйка. Лицо Избистера было бледно, когда он повернулся к ней.

— Необходимо позвать доктора, — сказал он. — Это или смерть, или обморок. Есть здесь в деревне доктор? Где я могу найти доктора?

Глава II
Летаргия

Состояние каталептического окоченения, в которое впал незнакомец, длилось довольно долго. Затем тело его стало мягким и приняло положение, как у безмятежно спящего человека. Глаза его удалось закрыть.

Из гостиницы больного доставили в боскасльскую больницу, а оттуда через несколько недель в Лондон. Несмотря на все старания, его не смогли разбудить. Наконец, по причинам, о которых будет в свое время сказано, решили оставить его в покое. Долгое время спящий лежал в этом странном состоянии, недвижимый и безучастный, не мертвый и не живой, застыв на границе между жизнью и смертью. Он словно провалился в темную бездну: ни признака мысли, ни тени чувства; это был сон без сновидений, всеобъемлющая тишина. Бурный вихрь его мыслей был поглощен и затоплен приливом молчания. Где находился этот человек? Где вообще находится впавший в бесчувствие?

— Мне кажется, что все это было вчера, — ска-

зал Избистер. — Я помню все так ясно, как будто это случилось только вчера.

Это был тот самый Избистер, о котором шла речь в первой главе нашего рассказа, но уже немолодой. Волосы его, прежде каштановые, подстриженные по моде, коротким ежиком, теперь серебрились, а лицо, раньше свежее и румяное, поблекло и пожелтело. В его остроконечной бородке пробивалась седина. Он беседовал с пожилым человеком в костюме из легкой летней материи (лето в этом году было необычайно жаркое). Собеседника его звали Уорминг, это был лондонский поверенный и ближайший родственник Грэхэма, так звали человека, впавшего в летаргический сон.

Оба собеседника стояли рядом в комнате одного из лондонских зданий и смотрели на человека в длинной рубашке, безжизненно лежащего перед ними на гуттаперчевом надутом матраце. Осунувшееся желтое лицо, небритый подбородок, оцепенелые члены, бескровные ногти. Стеклянный колпак отделял эту странную, неестественную мумию от жизни.

Собеседники сквозь стекло пристально всматривались в лежащего.

— Я был прямо потрясен, — произнес Изби-

стер. — Меня и теперь пробирает дрожь, как только я вспомню о его белых глазах. Зрачки его, понимаете ли, закатились вверх, оставались одни белки. Сейчас я это невольно вспомнил.

— Разве вы не видели его с тех пор? — спросил Уорминг.

— Я не раз хотел посмотреть, — отвечал Избистер, — но я был так занят — ни минуты свободной. Кроме того, я почти все это время провел в Америке.

— Если не ошибаюсь, — заметил Уорминг, — вы были тогда художником?

— Да. Потом я вскоре женился и понял, что искусством сыт не будешь, в особенности если нет большого таланта, и взялся за ум. Рекламы на дуврских скалах — моя работа.

— Хорошие рекламы, — согласился Уорминг, — хотя они меня не слишком порадовали.

— Зато долговечны, как скалы! — самодовольно заявил Избистер. — Мир изменяется. Когда он заснул двадцать лет тому назад, я жил в Боскасле, у меня был только ящик с акварельными красками да благородные несбыточные мечты. Мог ли я думать, что мои краски прославят все английское побережье от Лендсэнда до Лизарда! Часто бывает, что счастье приходит к человеку

неожиданно.

Уорминг, казалось, сомневался: уж такое ли это счастье?

— Насколько я помню, мы с вами тогда разъехались?

— Вы вернулись в том самом экипаже, который доставил меня на Камелфордскую железнодорожную станцию. Это было как раз во время юбилея, юбилея Виктории; я отлично помню трибуны и флаги в Вестминстере и множество экипажей в Челси.

— Это был второй юбилей, бриллиантовый, — заметил Уорминг.

— О да! Во время ее первого юбилея, пятидесятилетия, я жил в Вукее и был еще мальчиком. Я пропустил все это… Сколько хлопот нам доставил этот незнакомец! Он был похож на мертвого, моя хозяйка не хотела его держать. Мы в кресле перенесли его в гостиницу. Доктор из Боскасля — не этот, а другой, который жил там раньше, — провозился с ним чуть ли не до двух часов ночи. Я и хозяин гостиницы помогали.

— Это было, так сказать, каталептическое состояние?

— Он оцепенел. Вы могли бы придать ему любое положение. Поставить его на голову. Никогда мне

не приходилось видеть такой окоченелости. Теперь, — движением головы Избистер показал на распростертую за стеклом фигуру, — совсем другое. Тот маленький доктор… как его фамилия?

— Смисерс.

— Да, Смисерс… потерял столько времени, надеясь привести его в чувство. Чего только он не делал! Прямо мороз по коже пробирает: горчичники, искусственное дыхание, уколы. А потом эти дьявольские машинки, не динамо…

— Индуктивные спирали?

— Да. Ужасно было видеть, как дрожали и сокращались его мускулы, как извивалось и билось его тело. Представьте себе: две тусклые свечи, бросающие желтоватый свет, от которого колеблются и разбегаются тени, этот маленький вертлявый доктор — и он, бьющийся и извивающийся самым неестественным образом. Мне и теперь иногда это мерещится.

Оба замолчали.

— Странное состояние, — произнес наконец Уорминг.

— Полное отсутствие сознания, — продолжал Избистер. — Здесь лежит одно тело. Не мертвое и не живое. Это похоже на пустое место с надписью «занято». Ни ощущений, ни пищеварения,

ни пульса, ни намека на движение. В этом теле я совсем не ощущаю человеческой личности. Он более мертв, чем действительно умерший: доктора мне говорили, что даже волосы у него не растут, тогда как у покойников они продолжают расти.

— Я знаю, — сказал Уорминг, и лицо его потемнело.

Они вновь посмотрели сквозь стекло. Грэхэм лежал в странном состоянии транса, еще не наблюдавшегося в истории медицины. Правда, иногда транс длится около года, но по прошествии этого времени спящий или просыпается, или умирает; иногда сначала первое, затем второе. Избистер заметил следы от уколов (доктора впрыскивали ему питательные вещества с целью поддержать жизненные силы); он указал на них Уормингу, который старался их не замечать.

— Пока он лежал здесь, — не без самодовольства сказал Избистер, — я изменил свои взгляды на жизнь, женился, воспитал детей. Мой старший сын — а тогда я еще и не помышлял о сыновьях — гражданин Америки и скоро окончит Гарвардский университет. В волосах у меня уже появилась седина. А вот он все тот же: не постарел, не поумнел, такой же, каким был я в дни

своей молодости. Как это странно!

— Я тоже постарел, — заметил Уорминг. — А ведь я играл с ним в крикет, когда он был мальчиком. Он выглядит совсем еще молодым. Только немного пожелтел. Ну совсем молодой человек!

— За это время была война, — сказал Избистер.

— Да, пришлось ее пережить.

— И потом эти марсиане.

— Скажите, — спросил Избистер после некоторой паузы, — ведь у него, кажется, было небольшое состояние?

— Да, было, — ответил Уорминг. Он принужденно кашлянул. — И я его опекун.

— А! — протянул Избистер.

Он задумался, потом нерешительно спросил:

— Без сомнения, расходы по его содержанию не особенно значительны; состояние, должно быть, увеличивается?

— О да! Если только он проснется, он будет гораздо богаче, чем раньше.

— Мне как деловому человеку, — сказал Избистер, — не раз приходила в голову эта мысль. Я иногда даже думал, что с коммерческой точки зрения сон этот довольно выгоден для него. Он точно знал, что делал, когда впадал в летаргию. Если бы он жил…

— Не думаю, — улыбнулся Уорминг, — чтобы это вышло у него умышленно. Он никогда не был особенно дальновидным. В самом деле…

— Вот как!

— Мы всегда расходились с ним в этом отношении. Я постоянно был чем-то вроде опекуна при нем. Вы, конечно, много видели в жизни и понимаете, что бывают такие обстоятельства… Впрочем, вряд ли есть надежда, что он проснется. Летаргия истощает, медленно, но все-таки истощает. Несомненно, он медленно, очень медленно, но неуклонно близится к смерти, не так ли?

— Что будет, если он проснется? Воображаю, как он удивится! За двадцать лет жизнь так переменилась. Ведь это будет совсем как у Рип ван Винкля[5].

— Скорее как у Беллами[6]. Перемены чересчур велики, — заметил Уорминг. — Да и я тоже изменился: стал совсем старик.

Избистер с притворным удивлением произнес:

— Ну что вы, я никогда не сказал бы этого!

---

[5] Примечания: 5

Рип ван Винкль — герой одноименной новеллы американского писателя В. Ирвинга (1783–1859), проспавший двадцать лет.

[6] Примечания: 6

Эдвард Беллами (1850–1898) — американский писатель, автор романа-утопии «Взгляд назад, 2000–1887» (1888).

— Мне было сорок три, когда его банкир… — помните, вы еще телеграфировали его банкиру? — обратился ко мне.

— Как же, помню. Адрес был в чековой книжке, которую я нашел в его кармане, — отвечал Избистер.

— Ну так вот, сложение произвести нетрудно, — сказал Уорминг.

Несколько минут они молчали. Затем Избистер с любопытством спросил:

— А что, если он проспит еще много лет? — И, немного помедлив, сказал: — Следует обсудить это. Вы понимаете, его состояние может перейти в другие руки.

— Поверьте, мистер Избистер, этот вопрос тревожит и меня самого. У меня, видите ли, нет таких родных, которым я мог бы передать опеку. Необычайное и прямо безвыходное положение.

— Да, — сказал Избистер, — здесь должна быть, так сказать, общественная опека, если только у нас таковая имеется.

— Мне кажется, что этим должно заняться какое-нибудь учреждение, юридически бессмертный опекун, если только он действительно может проснуться, как полагают иные доктора. Я, видите ли, уже справлялся об этом у некоторых

наших общественных деятелей. Но пока еще ничего не сделано.

— Право, это недурная мысль — передать опеку какому-нибудь учреждению: Британскому музею, например, или же Королевской медицинской академии. Правда, это звучит несколько странно, но и случай ведь необыкновенный.

— Трудно уговорить их принять опеку.

— Вероятно, мешает бюрократизм.

— Отчасти.

Оба замолчали.

— Любопытное дело! — воскликнул Избистер. — А проценты все растут и растут.

— Конечно, — ответил Уорминг. — А курс все повышается…

— Да, я слышал, — сказал Избистер с гримасой. — Что же, тем лучше для него.

— Если только он проснется.

— Если только он проснется, — повторил Избистер. — А не замечаете вы, как заострился его нос и как опущены теперь у него веки?

— Я не думаю, чтобы он когда-нибудь проснулся, — сказал Уорминг, присмотревшись к спящему.

— Собственно, я так и не знаю, — проговорил Избистер, — что вызвало эту летаргию. Правда,

он говорил мне что-то о переутомлении. Я часто об этом думал.

— Это был человек весьма одаренный, но чересчур нервный и беспорядочный. У него было немало неприятностей — развод с женой. Я думаю, что он бросился с таким ожесточением в политику, чтобы позабыть свое горе. Это был фанатик-радикал, типичный социалист, либерал, передовой человек. Энергичный, страстный, необузданный. Надорвался в полемике, вот и все! Я помню памфлет, который он написал, — любопытное произведение. Причудливое, безумное! Между прочим, там было несколько пророчеств. Одни из них не оправдались, но другие — совершившийся факт. Вообще же, читая его, начинаешь понимать, как много в этом мире неожиданного. Да, многому придется ему учиться и переучиваться заново, если он проснется. Если только он когда-нибудь проснется…

— Чего бы я только ни дал, — заявил Избистер, — чтобы услышать, что он скажет, увидев такие перемены кругом.

— И я тоже, — подхватил Уорминг. — Да! И мне бы очень хотелось. Но, увы, — прибавил он грустно, — мне не придется увидеть его пробуждения.

Он стоял, задумчиво глядя на восковую фигуру.

— Он никогда не проснется, — произнес он, вздохнув. — Он никогда не проснется.

Глава III
Пробуждение

Но Уорминг ошибся. Пробуждение наступило.

Как чудесно и сложно такое, казалось бы, простое явление, как сознание! Кто может проследить его возрождение, когда мы утром просыпаемся от сна, прилив и слияние разнообразных сплетающихся ощущений, первое смутное движение души — переход от бессознательного к подсознательному и от подсознательного к первым проблескам мысли, пока наконец мы снова не познаем самих себя? То, что случается с каждым из нас утром, при пробуждении, случилось и с Грэхэмом, когда кончился его летаргический сон. Тьма постепенно стала рассеиваться, и он смутно почувствовал, что жив, но лежит где-то, слабый, беспомощный.

Этот переход от небытия к бытию, по-видимому, совершается скачками, проходит различные стадии. Чудовищные тени, некогда бывшие ужасной действительностью, странные образы, причудливые сцены, словно из жизни на другой планете. Какие-то смутные отголоски, чье-то имя

— он даже не мог бы сказать чье; возвратилось странное, давно забытое ощущение вен и мускулов, безнадежная борьба, борьба человека, готового погрузиться во мрак. Затем появилась целая панорама ярких колеблющихся картин.

Грэхэм чувствовал, что его глаза открыты и он видит нечто необычное. Что-то белое, край, по-видимому, какой-то белой рамы. Он медленно повернул голову, следя взглядом за контуром предмета. Контур уходил вверх, исчезая из глаз. Грэхэм силился понять, где он находится. Значит ли это, что он болен? Он находился в состоянии умственной депрессии. Ощущал какую-то беспричинную, смутную тоску человека, проснувшегося до рассвета. Ему послышался неясный шепот и звук быстро удаляющихся шагов.

При первом движении головы он понял, что очень слаб. Он решил, что лежит в постели в гостинице, хотя и не мог припомнить, чтобы видел там эту белую раму. Вероятно, он уснул. Он вспомнил, как ему хотелось тогда спать. Вспомнил скалы и водопад, даже свой разговор со встречным незнакомцем…

Как долго он проспал? Откуда эти звуки торопливых шагов, напоминающие ропот прибоя на прибрежной гальке? Он протянул бессильную

руку, чтобы взять часы со стула, куда он обычно их клал, но прикоснулся к гладкой, твердой поверхности, похожей на стекло. Это крайне поразило его. Он повернулся, изумленно огляделся и с трудом попытался сесть. Движение это потребовало напряжения всех его сил; он почувствовал головокружение и слабость.

От изумления он протер глаза. Загадочность его положения ничуть не объяснилась, но голова была совершенно ясной, — очевидно, сон пошел ему на пользу. Он находился вовсе не в постели, а совершенно нагой лежал на очень мягком и упругом тюфяке под стеклянным колпаком. Ему показалось странным, что тюфяк был почти прозрачным, — внизу находилось зеркало, в котором смутно отражалась его фигура. Его рука — он содрогнулся, увидев, до чего суха и желта кожа, — была туго обвязана какой-то странной резиновой лентой, слегка врезавшейся в нее. Эта странная постель помещалась в ящике из зеленоватого стекла (так, по крайней мере, ему показалось), белая рама которого и привлекла сначала его внимание. В одном углу ящика стоял какой-то блестящий сложный аппарат, очень странный с виду, и прибор, напоминающий термометр.

Легкий зеленоватый оттенок похожего на

стекло вещества, из которого состояли стенки ящика, мешал далеко видеть; тем не менее Грэхэм разглядел, что он находится в прекрасном обширном помещении, в одной из стен которого, как раз против него, виднелась громадная арка. У самой стенки стеклянного ящика стояла мебель: несколько изящных кресел и стол, накрытый серебристой скатертью, похожей на чешую; на столе стояли блюда с какими-то кушаньями, бутылка и два стакана. Грэхэм почувствовал, что сильно проголодался.

В зале не было ни души. Грэхэм нерешительно спустился со своего прозрачного тюфяка и попробовал встать на ноги на чистый, белый пол. Однако он плохо рассчитал свои силы; пошатнувшись, хотел опереться рукой о стеклянную стенку, но она выпятилась наружу наподобие пузыря и лопнула с треском, напоминающим слабый выстрел. Изумленный Грэхэм вышел из-под колпака. Ища опоры, он схватился за стол и уронил один из стаканов, который со звоном ударился о твердый пол, но не разбился. Грэхэм тяжело опустился в кресло.

Отдышавшись, он налил из бутылки в другой стакан и сделал глоток — жидкость казалась совершенно бесцветной, но это была не вода:

ароматичная, приятная на вкус, она быстро восстанавливала силы. Поставив стакан на стол, Грэхэм огляделся по сторонам.

Помещение показалось ему не менее великолепным и обширным, чем раньше, когда он смотрел сквозь зеленоватое стекло. Под аркой он увидел лестницу, ведущую в просторный коридор. По обе стороны коридора высились полированные колонны из какого-то камня густого ультрамаринового цвета с белыми прожилками. Оттуда доносился непрерывный жужжащий гул голосов и шум толпы. Грэхэм окончательно пришел в себя и внимательно вслушивался, позабыв, что собирался поесть.

Вдруг он сообразил, что не одет. Осмотревшись и найдя какой-то длинный черный плащ, он закутался и, весь дрожа, снова уселся в кресло.

Он недоумевал. Очевидно, он заснул и во время сна его перенесли. Но куда? И что это за люди шумят за лазурными колоннами? Боскасль? Он налил себе еще стакан бесцветной жидкости и выпил.

Что это за здание? Ему казалось, что стены колеблются, точно живые. Он смотрел на красивые архитектурные формы громадного, лишенного украшений зала и заметил в центре потолка круг-

лое, куполообразное углубление, полное яркого света. Взглянув вверх, он увидел непрерывно мелькающую тень. «Трам, трам» — эта скользящая тень имела свою особую ноту среди глухих и отдаленных звуков, которые наполняли воздух.

Он хотел позвать кого-нибудь к себе, но так слаб и почти беззвучен был его голос! Поднявшись и покачиваясь, как пьяный, он направился к арке. Дойдя до лестницы, он споткнулся о волочившуюся полу своего черного плаща, но, ухватившись за одну из синих колонн, удержался.

Коридор вел к голубому и пурпурному вестибюлю, который оканчивался балконом с перилами, ярко освещенным и висящим, по-видимому, внутри гигантского здания. Вдалеке смутно вырисовывались какие-то колоссальные архитектурные формы.

Гул голосов слышался теперь гораздо явственнее, и Грэхэм с удивлением увидел, что на балконе спиной к нему стоят и, оживленно жестикулируя, беседуют три человека, одетых в роскошные просторные одежды ярких, гармоничных тонов. Снизу доносился глухой шум огромной толпы, промелькнуло знамя, а затем взлетел вверх какой-то яркий окрашенный предмет — синяя шапка или куртка. Кричали, по-видимому, по-ан-

глийски, часто повторялось слово «проснется». Раздался чей-то пронзительный крик. Три человека рассмеялись.

— Ха-ха-ха! — смеялся один из них, рыжий, в коротком пурпурном одеянии. — Когда Спящий проснется, когда?

Он повернулся и взглянул в коридор.

Внезапно выражение его лица изменилось, и он перестал смеяться. Остальные двое тоже обернулись в сторону коридора и замерли. Их лица выражали смущение, переходившее в страх.

Колени Грэхэма подогнулись, руки, охватывавшие колонну, повисли, и он, пошатнувшись, упал ничком.

Глава IV
Гул восстания

Падая, Грэхэм услышал оглушительный звон колоколов. Впоследствии он узнал, что почти час пролежал в обмороке, находясь между жизнью и смертью. Очнувшись, он увидал, что лежит навзничь на своем прозрачном матраце с горячим компрессом на груди и горле. Темной перевязи на руке уже не было, и рука была забинтована. Сверху нависала белая рама ящика, но зеленоватого вещества уже не было. Незнакомец в одежде ярко-фиолетового цвета — один из тех, которых он видел на балконе, — стоял рядом и пытливо глядел ему в лицо.

Издалека по-прежнему доносилось гудение колоколов и неясный гул огромной толпы. Раздался резкий звук, как будто захлопнулась дверь.

Грэхэм приподнял голову.

— Что это значит? — произнес он медленно. — Где я?

Он узнал рыжего человека, того самого, который первый его увидел. Кто-то спросил: «Что сказал Грэхэм?» — но его остановили.

— Вы в полной безопасности, — по-английски, но с легким иностранным акцентом, по крайней мере так показалось Грэхэму, мягко произнес человек в фиолетовой одежде. — Вас перенесли сюда оттуда, где вы уснули. Вы в безопасности. Вы долго пролежали здесь спящим. Вы были в состоянии летаргии.

Он сказал еще что-то, чего Грэхэм не расслышал, и протянул бокал. Грэхэм почувствовал у себя на лбу освежающую струю. Ему стало лучше, и он зажмурил глаза.

— Вам лучше? — спросил человек в фиолетовой одежде, когда Грэхэм открыл глаза.

Это был мужчина лет тридцати, с приятным лицом и остроконечной русой бородкой; на вороте его одежды блестела золотая застежка.

— Лучше, — ответил Грэхэм.

— Некоторое время вы провели во сне, в летаргии. Вы понимаете меня? В летаргии. Конечно, вам это кажется странным, но могу вас уверить, что все обошлось благополучно.

Грэхэм ничего не ответил, но слова эти его несколько успокоили. Взгляд его перебегал от одного лица к другому. Все трое молча и с любопытством смотрели на него. Он думал, что находится где-нибудь в Корнуэлле, но окружаю-

щая обстановка казалась ему странной.

Он вспомнил о том, что собирался в свое время сделать в Боскасле и не успел.

— Телеграфировали вы моему кузену? — спросил он, откашлявшись. — Э. Уорминг, двадцать семь, Ченсери-Лейн?

Все трое внимательно его слушали, однако ему пришлось повторить свой вопрос.

— Какое странное произношение! — прошептал рыжеволосый.

— Телеграфировали ли, сир? — переспросил молодой человек с русой бородкой, очевидно очень удивленный.

— Он хочет сказать: послали ли вы электрограмму? — догадался третий, юноша, на вид лет девятнадцати или двадцати, с приятным лицом.

— Ах, какой я несообразительный! — воскликнул с досадой русобородый. — Можете быть уверены, что все будет сделано, сир, — обратился он к Грэхэму. — Боюсь только, что будет затруднительно телеграфировать вашему кузену. Его нет теперь в Лондоне. Прошу вас, не утруждайте себя этими мелочами; вы проспали очень долго, за это время произошло немало перемен, сир. — (Грэхэм догадался, что это слово было «сэр», хотя незнакомец и выговаривал его как «сир».)

— Вот как! — произнес Грэхэм и успокоился.

Все это очень странно, удивительно; но несомненно одно: эти люди, так необычно одетые, что-то скрывают. Какие странные люди, какая странная комната! По-видимому, это какое-то новое учреждение. Это похоже на выставочный павильон, внезапно у него мелькнуло подозрение. Ну да, конечно, это выставочный павильон. Достанется же Уормингу за это! Однако это маловероятно. На выставке его бы не демонстрировали голого.

Вдруг он понял все. Внезапно перед ним как бы отдернулась завеса. Он понял, что сон его длился очень долго, что это был необычайный летаргический сон; он прочел это по тому смущению, которое виднелось в устремленных на него глазах этих незнакомых людей. С волнением взглянул он на них. Казалось, они в свою очередь старались что-то прочесть у него в глазах. Он пошевелил губами, хотел заговорить, но не смог ничего сказать. У него явилось странное желание скрыть это от чужих людей, сделать вид, будто он ничего не знает. Опустив глаза, он молча глядел на свои босые ноги. Желание говорить пропало. Его охватила дрожь.

Ему подали стакан с какой-то розовой жид-

костью, отливавшей зеленым фосфорическим блеском, по вкусу напоминавшей мясной бульон. Грэхэм выпил, и тотчас же к нему вернулись силы.

— Теперь… теперь мне лучше, — хрипло произнес он и услышал одобрительный шепот окружающих. Теперь ему все стало ясно.

Он снова попытался заговорить, и снова неудачно. Схватившись за горло, он начал в третий раз.

— Сколько… — спросил он сдавленным голосом, — сколько времени я проспал?

— Довольно долго, — ответил русобородый, быстро переглянувшись с двумя другими.

— Сколько же?

— Очень долго.

— Да-да! — воскликнул недовольно Грэхэм. — Но я желаю знать — сколько. Несколько лет? Много лет? Что-то произошло… Не помню что. Я смутно чувствую… Но вы… — Он всхлипнул. — Зачем скрывать это от меня? Сколько времени?

Он замолчал и, тяжело дыша, закрыв глаза руками, ждал ответа.

Все трое начали перешептываться.

— Пять, шесть? — спросил он слабым голосом. — Больше?

— Гораздо больше.

— Больше?

— Больше.

Он смотрел на них и ждал ответа. Мускулы его лица передернулись.

— Вы проспали много лет, — произнес наконец человек с рыжей бородой.

Грэхэм с усилием приподнялся и сел, затем быстро вытер слезы исхудалой рукой.

— Много лет? — повторил он.

Он зажмурил глаза, потом снова открыл их и, оглядываясь вокруг, спросил:

— Сколько же именно?

— Приготовьтесь услышать известие, которое удивит вас.

— Хорошо.

— Более гросса лет.

Его поразило странное слово.

— Больше чего?

Двое незнакомцев быстро заговорили между собой. Он уловил только слово «десятичный».

— Сколько лет сказали вы? — настаивал Грэхэм. — Сколько? Да не смотрите же так! Отвечайте!

Из их разговора он уловил три слова: «более двух столетий».

— Что? — вскричал он, оборачиваясь к юноше,

который, как ему показалось, произнес эти слова. — Как вы сказали? Два столетия!

— Да, — подтвердил рыжебородый. — Двести лет.

Грэхэм повторил эти слова. Он приготовился ко всему, но никак не ожидал такого ответа.

— Двести лет! — повторил он с ужасом; казалось, перед ним разверзлась пропасть. — О, но ведь тогда…

Ему ничего не ответили.

— Так вы сказали…

— Да, двести лет. Два столетия, — повторил рыжебородый.

Опять молчание. Грэхэм посмотрел им в глаза и по выражению их лиц понял, что они не обманывают его.

— Не может быть! — воскликнул он жалобно. — Мне это снится. Летаргия… Летаргия не может так долго длиться. Это неправда… Вы издеваетесь надо мной! Скажите… ведь прошло всего несколько дней, как я шел вдоль морского берега в Корнуэлле…

Голос его оборвался.

Человек с русой бородой, казалось, был в нерешительности.

— Я не очень силен в истории, сир, — произнес

он неохотно и посмотрел на остальных.

— Вы правы, сир, — сказал младший. — Боскасль находится в прежнем герцогстве Корнуэлльском, к юго-западу от лугов. Там и теперь еще стоит дом. Я был там.

— Боскасль! — Грэхэм повернулся к юноше. — Да, Боскасль! Боскасль. Я заснул где-то там. Точно я не могу припомнить. Точно не могу припомнить. — Он схватился за голову и прошептал: — Более двухсот лет! — Сердце его упало. Лицо передернулось. — Но если это так, если я проспал двести лет, то все, кого я знал, кого я видел, с кем говорил, все умерли.

Все трое молчали.

— И королева, и королевская семья, министры, духовенство и правительство. Знать и простонародье, богатые и бедные, все, все… Существует ли еще Англия? Существует ли Лондон? Мы ведь в Лондоне, да? А вы — мои хранители-опекуны? Опекуны? А эти? А? Тоже охраняют меня? — Привстав, он глядел на них широко открытыми глазами. — Но зачем я здесь? Впрочем, нет! Не говорите. Лучше молчите. Дайте мне…

Он сидел молча, протирая глаза. Ему подали второй стакан розоватой жидкости. Выпив, Грэхэм почувствовал себя бодрее. Он разрыдался, и

слезы принесли ему облегчение.

Взглянув на их лица, он вдруг засмеялся сквозь слезы почти безумным смехом.

— Две-сти лет, две-сти лет! — повторял он.

Лицо его исказила истерическая гримаса, и он снова закрыл глаза руками.

Потом он успокоился. Руки его бессильно повисли. Он сидел почти в той же позе, как при встрече с Избистером у пентаргенских скал. Вдруг его внимание было привлечено чьим-то громким, властным голосом и звуком приближающихся шагов.

— Что вы тут делаете? Почему меня не уведомили? Ведь вам было приказано! Виноватый будет отвечать. Ему нужен покой. Закрыты ли у вас двери? Все до последней? Ему нужен абсолютный покой. С ним нельзя разговаривать. Говорили ему что-нибудь?

Человек с русой бородой что-то ответил. Грэхэм, глядя через плечо, увидел приближающегося мужчину небольшого роста, толстого, безбородого, с орлиным носом, с бычьей шеей и тяжелым подбородком. Густые черные брови, почти сходящиеся на переносье, щетинились над глубоко посаженными серыми глазами и придавали лицу мрачное, зловещее выражение. На мгновение он

нахмурил брови, глядя на Грэхэма, но сейчас же отвел взгляд и, обратившись к человеку с русой бородой, раздраженно сказал:

— Пусть удалятся.

— Удалятся? — спросил рыжебородый.

— Конечно. Но смотрите, закройте двери.

Двое незнакомцев повиновались и, взглянув в последний раз на Грэхэма, повернулись уходить, но, вместо того чтобы выйти под арку, направились к противоположной стене. Затем произошло нечто странное: часть, по-видимому, совершенно глухой стены с треском раздвинулась и, свиваясь наподобие жалюзи, поднялась вверх и опустилась за ушедшими. Грэхэм остался наедине с новоприбывшим и с русобородым человеком в пурпуровом одеянии.

Некоторое время толстяк не обращал на Грэхэма ни малейшего внимания, он расспрашивал русобородого, который был, очевидно, его подчиненным; казалось, он требовал отчета в каком-то поручении. Говорил он очень отчетливо, но смысл его слов остался для Грэхэма неясен. Очевидно, пробуждение Грэхэма вызывало в нем не удивление, а скорее досаду и тревогу. Заметно было, что он глубоко взволнован.

— Вы не должны смущать его подобными рас-

сказами, — несколько раз повторял он. — Не надо смущать его.

Получив ответы на все свои вопросы, он быстро обернулся и, с любопытством взглянув на Грэхэма, спросил:

— Вас это удивляет?

— Очень!

— Все окружающее кажется вам странным?

— Надо привыкать. Ведь мне, вероятно, придется жить.

— Думаю, что так.

— Прежде всего не дадите ли вы мне какую-нибудь одежду?

— Сейчас, — сказал толстяк, и русобородый, поймав его взгляд, тут же удалился. — Сейчас получите одежду.

— Правда ли, что я проспал двести лет? — спросил Грэхэм.

— Они уже успели разболтать вам об этом? Двести три года — это будет точнее.

Грэхэм поднял брови и стиснул зубы, стараясь примириться с неоспоримым фактом. С минуту он сидел молча, а затем спросил:

— Что здесь, завод или динамо поблизости? — И, не дожидаясь ответа, прибавил: — Я думаю, все ужасно переменилось? Что это за крики?

— Пустяки. Это народ, — ответил нетерпеливо толстяк. — Позднее вы, вероятно, все узнаете. Вы правы, все переменилось. — Он говорил отрывисто, нахмурив брови, и взгляд у него был такой, как будто он что-то решал про себя, пытаясь найти выход. — Прежде всего нужно достать вам одежду. Лучше обождать здесь. Никто не должен к вам приближаться. Вам надо побриться.

Грэхэм провел рукой по подбородку.

Русобородый возвратился; внезапно повернув голову, он стал прислушиваться, потом переглянулся с толстяком и через арку направился к балкону. Шум и крики становились все громче. Толстяк тоже насторожился. Вдруг он пробормотал какое-то проклятие и недружелюбно взглянул на Грэхэма. Снизу доносился прибой тысячи голосов, то поднимаясь, то падая. Иногда раздавались звуки ударов, сопровождаемые пронзительными криками; слышался как будто треск ломавшихся сухих палок. Грэхэм напрягал слух, чтобы разобрать отдельные слова в этом хаосе.

Наконец он уловил какую-то фразу, выкрикиваемую почти беспрерывно. В первую минуту он не верил своим ушам. Однако сомнений не было, он ясно слышал:

— Покажите нам Спящего! Покажите нам Спя-

щего!

Толстяк стремительно бросился к арке.

— Проклятие! — воскликнул он. — Откуда они узнали? Знают они или только догадываются?

Должно быть, последовал какой-то ответ.

— Я не могу выйти сам, — сказал вдруг толстяк. — Я должен быть здесь. Крикните им что-нибудь с балкона.

Русобородый опять что-то ответил.

— Скажите, что он не просыпался. Ну там что-нибудь. Предоставляю это вам. — Он поспешно вернулся к Грэхэму. — Вам необходимо поскорее одеться. Вам нельзя оставаться здесь… Это невозможно…

Он опять куда-то торопливо удалился, не отвечая на вопросы Грэхэма. Вскоре он вернулся.

— Я не могу объяснить вам, что здесь происходит. Этого в двух-трех словах не расскажешь. Через несколько минут вам сделают одежду. Да, через несколько минут. А тогда я смогу увести вас отсюда. Волнения скоро кончатся.

— Но этот шум. Они кричат…

— Про Спящего? Это про вас. Они свихнулись, что ли. Я ничего не понимаю. Решительно ничего!

Пронзительный звон прорезал глухой отдален-

ный шум и крики. Толстяк подбежал к какому-то аппарату в углу зала. С минуту он слушал, глядя в стеклянный шар, и иногда кивал утвердительно головой, потом произнес несколько неясных слов; закончив переговоры, он подошел к стене, через которую недавно удалились двое. Часть стены поднялась, подобно занавесу, но он остановился, что-то выжидая.

Грэхэм поднял руку и с удивлением заметил, что силы к нему возвратились. Он спустил с ложа сначала одну ногу, потом другую. Головокружения как не бывало. Едва веря такому быстрому выздоровлению, Грэхэм сел и принялся себя ощупывать.

Русобородый вернулся с балкона. Перед толстым незнакомцем опустился лифт, и из него вышел седобородый худощавый человек в узкой темно-зеленой одежде со свертком в руках.

— Вот и портной, — проговорил толстяк, указывая на вошедшего. — Теперь вам больше не понадобится этот черный плащ. Я не понимаю, как он попал сюда. Но нельзя терять времени. Поторопитесь! — обратился он к портному.

Старик в зеленом поклонился и, приблизясь, сел рядом с Грэхэмом. Держался он спокойно, но в глазах у него светилось любопытство.

— Моды сильно изменились, сир, — сказал он и покосился на толстяка. Потом быстро развернул сверток, и на его коленях зарябили яркие материи. — Вы жили, сир, в эпоху, так сказать, цилиндрическую, эпоху Виктории. Полушарие шляп. Всюду правильные кривые. Теперь же…

Он вынул приборчик, по размеру и наружному виду напоминающий карманные часы, нажал кнопку, и на циферблате появилась небольшая человеческая фигурка в белом, двигавшаяся, как на экране. Портной взял образчик светло-синего атласа.

— Вот мой выбор, — обратился он к Грэхэму.

Толстяк подошел и, встав около Грэхэма, произнес:

— У нас очень мало времени.

— Доверьтесь моему вкусу, — ответил портной. — Моя машина сейчас прибудет. Ну что вы скажете?

— А что это такое? — спросил человек девятнадцатого столетия.

— В ваше время портные показывали своим клиентам модные журналы, — ответил портной, — мы же пошли дальше. Смотрите сюда. — Маленькая фигурка повторила свои движения, но уже в другом костюме. — Или это. — И на

циферблате появилась другая фигурка в более пышном одеянии.

Портной действовал очень быстро и нетерпеливо посматривал в сторону лифта.

Легкий шум — и из лифта вышел анемичный, похожий на китайчонка подросток, с коротко остриженными волосами, в одежде из грубой ткани светло-синего цвета; он бесшумно выкатил на роликах какую-то сложную машину. Портной отложил кинетоскоп, отдал шепотом какое-то приказание мальчику, который ответил гортанным голосом что-то непонятное, и попросил Грэхэма встать перед машиной. Пока мальчик что-то бормотал, портной выдвигал из прибора ручки с небольшими дисками на концах; эти диски он приставил к телу Грэхэма: к плечу, к локтю, к шее и так далее, около полусотни дисков.

В это время на лифте позади Грэхэма в зал поднялись еще несколько человек. Портной пустил в действие механизм, части машины пришли в движение, сопровождаемое слабым ритмическим шумом; затем он нажал рычаги и освободил Грэхэма. На него накинули черный плащ, русобородый подал ему стакан с подкрепляющей жидкостью; выпив ее, Грэхэм заметил, что один из новоприбывших, бледный юноша, смотрит на

него особенно упорно.

Толстяк, нетерпеливо расхаживавший все время по залу, вошел под арку и направился к балкону, откуда по-прежнему доносился глухой, прерывистый гул. Коротко остриженный мальчуган подал портному сверток светло-синего атласа, и оба принялись всовывать материю в машину, растягивая ее так, как растягивали в девятнадцатом столетии рулоны бумаги на печатных станках. Затем бесшумно откатили машину в угол комнаты, где висел провод, закрученный в виде украшения. Включив машину, пустили ее в ход.

— Что они там делают? — спросил Грэхэм, указывая на них пустым стаканом и стараясь не обращать внимания на пристальный взгляд новоприбывшего. — Этот механизм приводится в движение какой-то энергией?

— Да, — ответил русобородый.

— Кто этот человек? — спросил Грэхэм, указывая рукой под арку.

Человек в пурпуровой одежде потеребил в замешательстве свою маленькую бородку и ответил, понизив голос:

— Это Говард, ваш старший опекун. Видите ли, сир, это трудно объяснить вам. Совет назначает

опекуна и его помощников. В этот зал обычно разрешается доступ публике. Но в особых случаях это может быть воспрещено. Мы в первый раз воспользовались этим правом и закрыли двери. Впрочем, если угодно, пусть он сам объяснит вам.

— Как странно, — произнес Грэхэм. — Опекун! Совет!

Затем, обернувшись спиной к новоприбывшему, он спросил вполголоса:

— Почему этот человек так упорно смотрит на меня? Он месмерист?

— Нет, не месмерист! Он капиллотомист.

— Капиллотомист?

— Ну да, один из главных. Его годовое жалованье — полгросса львов.

— Полгросса львов? — машинально повторил удивленный Грэхэм.

— А у вас разве не было львов? Да, пожалуй, не было. У вас были тогда эти архаические фунты. Лев — это наша монетная единица.

— Но вы еще сказали… полгросса?

— Да, сир. Шесть дюжин. За это время изменились даже такие мелочи. Вы жили во времена десятичной системы счисления, арабской системы: десятки, сотни, тысячи. У нас же вместо

десяти — дюжина. Десять и одиннадцать мы обозначаем однозначным числом, двенадцать или дюжину — двузначным, двенадцать дюжин составляют гросс, большую сотню; двенадцать гроссов — доцанд, а доцанд доцандов — мириад. Просто, не правда ли?

— Пожалуй, — согласился Грэхэм. — Но что значит кап… Как вы сказали?

— А вот и ваша одежда, — заметил русобородый, глядя через плечо.

Грэхэм обернулся и увидел, что сзади него стоит улыбающийся портной с совершенно готовым платьем в руках, а коротко остриженный мальчуган нажимом пальца толкает машину к лифту. Грэхэм с удивлением посмотрел на поданную ему одежду.

— Неужели… — начал он.

— Только что изготовлена, — ответил портной.

Положив одежду к ногам Грэхэма, он подошел к ложу, на котором еще так недавно лежал Грэхэм, сдернул с него прозрачный матрац и поднял зеркало. Раздался резкий звонок, призывающий толстяка. Русобородый поспешно прошел под арку.

С помощью портного Грэхэм надел комбинацию: белье, чулки и жилет, все темно-пурпурного

цвета.

Толстяк вернулся от аппарата и направился навстречу русобородому, возвращающемуся с балкона. У них завязался оживленный разговор вполголоса, причем на лицах их выражалась тревога.

Поверх нижнего пурпурного платья Грэхэм надел верхнее из светло-синего атласа, которое удивительно шло к нему. Грэхэм увидел себя в зеркале хотя и исхудалым, небритым, растрепанным, но все же не голым.

— Мне надо побриться, — сказал он, смотрясь в зеркало.

— Сейчас, — ответил Говард.

Услышав это, молодой человек перестал разглядывать Грэхэма. Он закрыл глаза, потом снова открыл их: подняв худощавую руку, приблизился к Грэхэму. Остановившись, сделал жест рукой и осмотрелся кругом.

— Стул! — воскликнул Говард, и тотчас же русобородый подал Грэхэму кресло.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Говард.

Грэхэм остановился в нерешительности, увидав, что в руках странного юноши сверкнуло лезвие.

— Разве вы не понимаете, сир? — учтиво пояс-

нил русобородый. — Он хочет побрить вас.

— А! — с облегчением вздохнул Грэхэм. — Но ведь вы называли его…

— Капиллотомист! Это один из лучших артистов в мире.

Русобородый удалился. Успокоенный Грэхэм поспешно сел в кресло. К нему тотчас же подошел капиллотомист и принялся за работу. У него были плавные, изящные движения. Он осмотрел у Грэхэма уши, ощупал затылок, разглядывал его то с одной, то с другой стороны; Грэхэм уже начинал терять терпение. Наконец капиллотомист в несколько мгновений, искусно орудуя своими инструментами, обрил Грэхэму бороду, подровнял усы и подстриг волосы. Все это он проделал молча, с вдохновенным видом поэта. Когда он окончил свою работу, Грэхэму подали башмаки.

Внезапно громкий голос из аппарата, находившегося в углу комнаты, прокричал: «Скорее, скорее! Весь город уже знает. Работа остановилась. Работа остановилась. Не медлите ни минуты, спешите!»

Эти слова испугали Говарда. Грэхэм увидел, что он колеблется, не зная, на что решиться. Наконец он направился в угол, где стояли аппарат и стеклянный шар. Между тем долетавший со стороны

балкона гул усилился, раскаты его, подобно грому, то приближались, то удалялись.

Грэхэм не мог более вытерпеть. Взглянув на Говарда и увидав, что тот занят и не обращает на него внимания, он быстро спустился по лестнице в коридор и через мгновение очутился на том самом балконе, где недавно стояли трое незнакомцев.

Глава V
Движущиеся улицы

Грэхэм подошел к перилам балкона и заглянул вниз. При его появлении послышались крики удивления и шум многотысячной толпы усилился.

Площадь внизу казалась крылом гигантского сооружения, разветвлявшегося во все стороны. Высоко над площадью тянулись гигантские стропила и крыша из прозрачного материала. Холодный белый свет огромных шаров делал еле заметными слабые солнечные лучи, проникавшие сквозь стропила и провода. Кое-где над бездной, словно паутина, висели мосты, черневшие от множества пешеходов. Воздух был заткан проводами. Подняв голову, он увидел, что верхняя часть здания нависает над балконом, а противоположный его фасад сер и мрачен, испещрен арками, круглыми отверстиями, балконами и колоннами, башенками и мириадами громадных окон и причудливых архитектурных украшений. На нем виднелись горизонтальные и косые надписи на каком-то неизвестном язы-

ке. Во многих местах под самой кровлей были прикреплены толстые канаты, спускавшиеся крутыми петлями к круглым отверстиям противоположной стены. Внезапно его внимание привлекла крохотная фигурка в синем одеянии, появившаяся на противоположной стороне площади, высоко, у закрепления одного из канатов, перед небольшим выступом стены, и державшаяся за едва заметные издали веревки. Вдруг Грэхэм с удивлением увидал, как этот человечек одним махом прокатился по канату и скрылся где-то наверху в круглом отверстии.

Выходя на балкон, Грэхэм прежде всего взглянул вверх, и все внимание его было приковано к тому, что происходило там и напротив. Затем он увидел улицу. Собственно, это не была улица, которую знал Грэхэм, так как в девятнадцатом столетии улицей называли неподвижную полосу твердой земли, по которой между узкими тротуарами двумя противоположными потоками стремились экипажи. Эта улица была около трехсот футов ширины и двигалась сама, кроме средней своей части. В первое мгновение он недоумевал. Потом понял.

Под самым балконом эта необыкновенная улица быстро неслась направо, со скоростью

курьерского поезда девятнадцатого столетия, — бесконечная платформа с небольшими интервалами, что позволяло ей делать повороты и изгибы. На ней мелькали сиденья и небольшие киоски, но они проносились с такой быстротой, что не было возможности их рассмотреть. За ближайшей, самой быстрой платформой виднелся ряд других, двигавшихся также вправо. Каждая двигалась несколько медленнее предыдущей, что позволяло переходить с платформы на платформу, добираясь до неподвижного центра, через который люди шли на другую сторону. Там виднелась вторая серия подобных же платформ, у них тоже была различная скорость, но двигались они в обратном направлении, налево от Грэхэма. Множество людей, самых разных, сидело на двух наиболее широких и быстрых платформах и переходило улицу, особенно густо скопляясь в центре.

— Вам нельзя оставаться здесь, — послышался голос Говарда. — Сейчас же уходите отсюда!

Грэхэм ничего не ответил. Казалось, он ничего не слышал. Платформы неслись с грохотом, а толпа кричала. Грэхэм заметил женщин и девушек с развевающимися волосами, в нарядных одеждах, с бантами на груди. Они прежде всего

бросались в глаза. Преобладающим цветом в этом калейдоскопе костюмов был светло-синий, того же оттенка, как одежда у подмастерья портного.

Он ясно слышал выкрики:

— Спящий! Что случилось со Спящим?

Движущиеся платформы были словно усеяны светлыми пятнами человеческих лиц, обращенных к балкону. Он видел, как указывали пальцами. Толпа людей в синих одеждах кишела на неподвижной, средней части улицы против балкона. Казалось, здесь происходила какая-то борьба и давка. Толпа напирала, многих сталкивали на движущиеся платформы, и они уносились против своей воли. Но тут же спрыгивали с платформы и спешили вернуться в самую гущу толпы.

— Вот Спящий! В самом деле, это Спящий! — раздавались крики.

— Это вовсе не Спящий! — кричали другие.

Все новые и новые лица обращались к Грэхэму. В средней платформе Грэхэм заметил отверстия, как бы входы в подземелье: очевидно, там находились лестницы, по которым поднимались и спускались люди. Около одного из входов, ближайшего к Грэхэму, теснилось множество людей. Люди устремлялись туда со всех сторон, ловко

перепрыгивая с платформы на платформу. Те, что были на более высоких платформах, то и дело обращали свой взгляд на балкон. У самой лестницы, сдерживая натиск растущей толпы, суетились фигурки в одеянии ярко-красного цвета. Здесь, казалось, была наибольшая давка. Яркие точки резко выделялись на синем фоне толпы. Происходила какая-то борьба.

Говард тряс Грэхэма за плечо и что-то кричал ему в ухо. Потом он внезапно исчез, и Грэхэм остался на балконе один.

Крики «Спящий!» стали повторяться все чаще, народ на ближайшей платформе встал с сидений. Правая, ближайшая быстроходная платформа опустела, движущиеся в обратном направлении были густо усыпаны народом. На средней, неподвижной части улицы против самого балкона быстро собралась громадная волнующаяся толпа, и отдельные крики слились в многоголосый хор: «Спящий! Спящий!» Рукоплескания, взмахи платков и крики: «Остановите движение!» Слышалось еще какое-то странное, незнакомое Грэхэму слово, вроде «острог». Медленно движущиеся платформы были полны народа, люди бежали против движения, чтобы быть поближе к Грэхэму, и кричали: «Остановите движение!»

Более проворные перебегали из центральной части улицы на крайнюю, ближайшую к нему платформу, выкрикивая что-то непонятное, и бежали наискось опять к центральной платформе.

— Это действительно Спящий! Это действительно Спящий! — кричали они.

Несколько минут Грэхэм стоял неподвижно. Потом вдруг понял, что все эти крики, все это волнение, несомненно, относятся к нему. Приятно удивленный такой необыкновенной популярностью, он поклонился и в виде приветствия помахал рукой.

Рев толпы усилился. Давка у лестниц стала еще более ожесточенной. Все балконы были облеплены людьми, некоторые скользили по канатам, другие перелетали через площадь, сидя на трапециях.

За спиной Грэхэма послышались шаги и голоса, кто-то спускался по лестнице из-под арки. Грэхэм почувствовал, что его крепко схватили за руку. Обернувшись, он увидел своего опекуна Говарда, который старался оттащить его от перил и кричал что-то непонятное.

Грэхэм обернулся. Лицо Говарда было бледно.

— Уходите! — кричал он. — Они сейчас остановят движение. Весь город восстанет.

За Говардом по коридору с голубыми колоннами спешили другие: рыжеволосый незнакомец, затем русобородый, какой-то высокий мужчина в ярком малиновом одеянии и еще несколько человек в красном, с жезлами в руках; вид у всех был взволнованный.

— Уведите его! — приказал Говард.

— Но почему? — воскликнул Грэхэм. — Я совсем не вижу…

— Вы должны уйти отсюда! — произнес повелительно человек в красном. Выражение лица у него было решительное. Грэхэм напряженно вглядывался в лица этих людей. Внезапно он понял, что они готовятся учинить над ним насилие. Кто-то схватил его за руку… Его потащили.

Рев толпы увеличился, словно усиленный эхом огромного здания. Изумленный и смущенный, не находя в себе сил для сопротивления, Грэхэм чувствовал, как его не то ведут, не то тащат по коридору с голубыми колоннами. Неожиданно он очутился наедине с Говардом в поднимающемся лифте.

Глава VI
Зал Атласа

С того момента, как ушел портной, и до того, как Грэхэм очутился в лифте, прошло не более пяти минут. Летаргический сон все еще тяготел над ним; неожиданно перенесенный в этот новый мир, он находил все чудесным, почти нереальным; ему казалось, что он видит это во сне. Он наблюдал за всем со стороны, как изумленный зритель. Все, что он видел, в особенности волнующаяся, кричащая под балконом толпа, казалось ему театральным представлением.

— Я ничего не понимаю, — проговорил он. — Что это за волнение? У меня мысли в голове путаются. Почему они так кричат? В чем опасность?

— У нас есть тоже свои волнения, — ответил Говард, избегая вопрошающего взгляда Грэхэма. — Сейчас такое тревожное время. Конечно, ваше пробуждение и ваше появление на балконе находится в связи…

Он говорил отрывисто и замолчал, точно у него перехватило дыхание.

— Я ничего не понимаю, — повторил Грэхэм.

— Поймете потом, — ответил Говард и посмотрел наверх, словно движение лифта казалось ему слишком медленным.

— Надеюсь, что, осмотревшись, я буду лучше понимать окружающее, — в замешательстве сказал Грэхэм. — Но сейчас я в полном недоумении. Мне все так непонятно, так странно. Мне кажется, что вокруг меня творятся какие-то чудеса. Впрочем, кое-что понятно: ваш счет, например, отличающийся от нашего.

Лифт остановился, и они вступили в узкий длинный коридор среди высоких стен, вдоль которых тянулось невероятное множество труб и толстых канатов.

— Какая колоссальная постройка! — воскликнул Грэхэм. — Это все — одно здание? Что это такое?

— Здесь один из центров по снабжению города светом и тому подобным.

— Что за волнение видел я на этой огромной улице? Какая у вас система управления? Есть ли у вас полиция?

— Несколько родов, — ответил Говард.

— Как несколько?

— Около четырнадцати.

— Не понимаю.

— В этом нет ничего удивительного. Наша социальная жизнь покажется вам чрезвычайно сложной. Сказать по правде, я и сам не совсем ясно ее понимаю. Да и никто не понимает. Быть может, вы поймете со временем. Теперь же мы направляемся в Совет.

Внимание Грэхэма было отвлечено людьми, которых они встречали в коридорах и залах. На мгновение он подумал о Говарде и о его сдержанных ответах, но скоро его заинтересовало другое. Большинство людей, попадавшихся им в коридоре и в залах, было в красном одеянии. Светло-синего цвета, преобладавшего в толпе на движущихся платформах, здесь совсем не было видно. Встречные смотрели на них, приветствовали и проходили мимо.

В длинном коридоре, куда они вошли, на низеньких стульях сидело много девочек, точно в классе. Учителя Грэхэм не заметил, но увидел своеобразный аппарат, из которого доносился чей-то голос. Девочки с любопытством и удивлением смотрели на Грэхэма и на Говарда. Однако второпях он не мог их как следует разглядеть. Ему показалось, что девочки знают Говарда и недоумевают, кто такой Грэхэм. Говард, очевид-

но, важная особа и, однако, приставлен к Грэхэму. Как это странно!

Затем они вступили в полутемный коридор, под потолком тянулся помост, по которому сновали люди; Грэхэм видел только их ноги не выше лодыжек. Затем потянулись галереи с редкими прохожими, которые с удивлением оглядывались на него и его спутника в красном одеянии.

Выпитое им возбуждающее снадобье, очевидно, уже переставало действовать. Он начал уставать от такой быстрой ходьбы и обратился к Говарду с просьбой замедлить шаг. Вскоре они вошли в лифт с окном на улицу, но оно было заперто, и с высоты он не мог рассмотреть движущиеся платформы. Он видел только людей, проходящих по легким воздушным мостам и скользящих по канатам.

Затем они перешли очень высоко над улицей по стеклянному мосту, такому прозрачному, что было страшно идти. Вспомнив скалы между Нью-Куэем и Боскаслем (это было так давно, но казалось ему недавним), Грэхэм решил, что он находится на высоте около четырехсот футов над движущимися улицами. Он остановился и посмотрел на кишащих внизу синих и красных карликов, толкающихся, жестикулирующих под

тем крошечным балконом, где он недавно стоял. Легкая мгла и блеск больших шарообразных фонарей мешали разглядеть картину. Человек, сидевший в ящике, как в люльке, быстро, точно падая, скользнул по канату, над мостом. Грэхэм невольно остановился, чтобы посмотреть, как исчезает этот необыкновенный пассажир в обширном круглом отверстии внизу, затем снова стал наблюдать густую толпу.

На одной из быстроходных платформ двигалась густая толпа людей, одетых в красное. Поравнявшись с балконом, они рассыпались и устремлялись на неподвижную середину улицы, туда, где кипела наиболее ожесточенная борьба. Казалось, эти люди в красном были вооружены палками и дубинками, которыми они размахивали и дрались. Глухой гул, крики, вопли доносились до Грэхэма слабым эхом.

— Идите же! — крикнул Говард, кладя руку ему на плечо.

По канату скользил еще один человек. Желая узнать, откуда он взялся, Грэхэм посмотрел вверх и сквозь стеклянный потолок и сплетения канатов и балок увидел что-то вроде ритмически движущихся крыльев ветряной мельницы, а за ними далекое бледное небо. Говард потащил

его дальше, и они очутились в узеньком проходе, украшенном геометрическими лепными узорами.

— Я хочу посмотреть вниз! — воскликнул Грэхэм, сопротивляясь.

— Нет-нет, — отвечал Говард, не выпуская его руку. — Вы должны идти сюда.

Двое провожатых в красном, видимо, готовы были поддержать это требование силой.

В конце коридора появились негры в черной с желтым форме, напоминавшие огромных ос, один из них поспешно отодвинул скользящую заслонку, очевидно дверь, и открыл перед ними проход. Грэхэм очутился на галерее, висевшей над обширной комнатой. Провожатый в черно-желтом одеянии прошел вперед, открыл следующую дверь и остановился в ожидании.

Эта комната походила на вестибюль. Там было множество народа, в противоположном конце виднелась широкая лестница, а над нею вход, завешенный тяжелой драпировкой, за которой находился обширный зал. По обе стороны входа неподвижно стояли белые люди в красных и негры в черных с желтым одеяниях.

Проходя через галерею, Грэхэм услышал доносившийся снизу шепот: «Спящий!» — и почув-

ствовал, что на него все смотрят. Пройдя еще один маленький коридорчик внутри стены, они очутились на металлической галерее, вьющейся вокруг того самого громадного зала, который он видел сквозь занавес. Он вошел с угла и сразу же обратил внимание на огромные размеры зала. Негр в черном с желтым одеянии замер в позе хорошо вымуштрованного слуги и тотчас же захлопнул за ними дверь.

По сравнению со всеми другими помещениями, которые до сих пор видел Грэхэм, зал показался ему необыкновенно роскошным. В противоположном углу на высоком пьедестале возвышалась гигантская белая статуя Атласа, подпирающего мощными плечами земной шар. Эта статуя прежде всего привлекла внимание Грэхэма — она была такая огромная, выразительная, благородная в своей простоте, ослепительно-белая. В обширном помещении ничего не было, кроме этой фигуры и эстрады посредине. Эстрада, затерявшаяся в нем, показалась бы издали полоской металла, если бы стоявшая на ней вокруг стола группа из семи человек не подчеркивала ее размеры. Все семеро, одетые в белые мантии, только что поднялись со своих мест и пристально смотрели на Грэхэма. На краю стола блестели какие-то приборы.

Говард провел Грэхэма через всю галерею, пока они не оказались наконец против статуи согнувшегося под тяжестью гиганта. Здесь он остановился. К Грэхэму сейчас же подошли те два человека в красном, которые следовали за ними, и стали по обе его стороны.

— Вы должны остаться здесь на некоторое время, — прошептал Говард и, не дожидаясь ответа, поспешно пошел дальше по галерее.

— Но почему... — начал было Грэхэм и сделал движение, как бы намереваясь идти за ним.

— Вы должны ожидать здесь, сир, — сказал человек в красном, загораживая ему дорогу.

— Почему?

— Таково приказание, сир.

— Чье приказание?

— Нам так приказано, сир.

Грэхэму послышалось в его голосе сдержанное раздражение.

— Что это за комната? — спросил он. — Кто эти люди?

— Это члены Совета, сир.

— Какого Совета?

— Нашего Совета.

— Ого! — воскликнул Грэхэм и после новой неудачной попытки добиться ответа от дру-

гого стража подошел к перилам и взглянул на неподвижных людей в белом, пристально рассматривающих его и, по-видимому, перешептывающихся о чем-то.

Совет? Грэхэм заметил, что их теперь уже восемь, хотя и не видел, откуда появился новоприбывший.

И никакого приветствия! Они смотрели на него так же, как смотрела бы в девятнадцатом столетии на улице кучка любопытных на взмывший высоко в небо воздушный шар. Что за Совет собрался здесь? Что это за жалкие фигурки подле величественной белой статуи Атласа, среди торжественного пустынного зала, где их никто не может подслушать? Зачем привели его сюда? Неужели только для того, чтобы смотреть на него и перешептываться?

Внизу показался Говард, направляющийся по блестящему полу к эстраде. Приблизившись, он поклонился и сделал какой-то жест, очевидно требуемый этикетом. Затем поднялся по ступеням эстрады и остановился возле аппарата на краю стола.

Грэхэм наблюдал за неслышной ему беседой. Вот один из членов Совета взглянул в его сторону. Грэхэм тщетно напрягал слух. Жесты разговари-

вающих становились все более оживленными. Он перевел взгляд на спокойные лица служителей… Вот Говард протянул руку и качает головой, словно против чего-то протестуя. Вот его прерывает один из одетых в белое людей, ударив рукою по столу.

Совещание, как показалось Грэхэму, длилось бесконечно долго. Он взглянул на неподвижного гиганта, у ног которого происходило заседание Совета, затем на стены зала, украшенные панно в псевдояпонском стиле, некоторые из них были очень красивы. Эти панно в громадных, тонкой работы рамах из темного металла размещались между металлическими кариатидами галереи и продольными архитектурными линиями. Изящные панно еще более подчеркивали строгую белизну и мощную простоту огромной статуи в центре зала.

Взглянув снова на Совет, Грэхэм увидел, что Говард уже спускается со ступеней. Когда он приблизился, Грэхэм заметил, что лицо его было красно и что он отдувался, как человек, только что выдержавший неприятный разговор. Он был, видимо, смущен и встревожен.

— Сюда, — сказал он кратко, и они молча вошли в маленькую дверь, которая раскрылась при их

приближении.

По обе стороны этой двери стояли люди в красном одеянии. Переступая порог, Грэхэм обернулся и увидел, что весь Совет в белых одеждах стоит у подножия статуи и смотрит ему вслед. Затем дверь с резким стуком захлопнулась, и в первый раз по своем пробуждении он очутился среди полнейшей тишины. Не слышно было даже своих шагов.

Говард открыл другую дверь, и они оказались в первой из двух смежных комнат, белого и зеленого цвета.

— Что это за Совет? — спросил Грэхэм. — О чем эти люди совещались? Какое они имеют отношение ко мне?

Говард тщательно запер дверь и что-то пробормотал. Пройдясь по комнате, он обернулся и еще раз тяжело вздохнул.

— Уф! — произнес он с облегчением.

Грэхэм стоял и смотрел на него.

— Вы, конечно, понимаете, — начал наконец Говард, стараясь не глядеть на Грэхэма, — что наше социальное устройство чрезвычайно сложно. Если просто сообщить вам голые факты и никак не объяснить их, то у вас сложится неверное представление. Дело в том, что благодаря

целому ряду причин небольшое состояние ваше, увеличенное состоянием Уорминга, вашего двоюродного брата, перешедшим по его смерти к вам, чрезвычайно возросло. Вместе с тем ваша личность приобрела весьма большое, мировое значение…

Он замолчал.

— Ну? — произнес Грэхэм.

— Происходят большие волнения.

— Что же дальше?

— Дела приняли такой оборот, что необходимо заключить вас в это помещение.

— Арестовать меня? — воскликнул Грэхэм.

— Не совсем так… На некоторое время вас необходимо изолировать.

— Странно! — удивился Грэхэм.

— Вам не будет причинено ни малейшего вреда.

— Ни малейшего вреда!

— Да, но вы должны оставаться здесь.

— Прежде я хочу осознать свое положение.

— Конечно.

— Отлично, рассказывайте же. О каком *вреде* вы упомянули?

— Теперь не время рассказывать.

— Почему же?

— Это чересчур длинная история, сир.

— Тем более оснований начать теперь же. Вы сказали, что моя личность имеет большое значение. Что это за крики, которые я слышал? Почему так волнуется народ, узнав, что я проснулся? Кто эти люди в белом зале Совета?

— Все в свое время, сир, — ответил Говард. — Не все сразу. Теперь такое смутное время, что голова идет кругом. Ваше пробуждение… Никто не ожидал, что вы проснетесь. Совет заседает.

— Какой Совет?

— Который вы только что видели.

Грэхэм сделал нетерпеливый жест.

— Этого недостаточно! — воскликнул он. — Вы должны сказать мне, что там происходит.

— Придется вам подождать. Вы должны подождать.

Грэхэм сел.

— Если я ждал так долго, чтобы вернуться к жизни, — проговорил он, — то думаю, что смогу и еще подождать немного.

— Отлично, — сказал Говард. — Это благоразумно. А теперь я пока оставлю вас одного. На некоторое время. Я должен присутствовать в Совете… Право, я очень сожалею…

С этими словами он подошел к бесшумно рас-

творившейся двери и исчез.

Грэхэм подошел к двери и попробовал ее отворить, но тщетно. Он никак не мог понять ее устройство. Тогда он принялся ходить по комнате, потом сел.

Скрестив руки, нахмурив брови и кусая ногти, он неподвижно сидел и старался разобраться в калейдоскопе событий и впечатлений первого часа своей новой жизни после пробуждения. Гигантские механизмы, бесконечные анфилады комнат и переходов, суматоха и борьба на платформах, группа чуждых, враждебных людей у подножия гиганта Атласа, таинственное поведение Говарда! Намек на громадное наследство, в отношении которого, быть может, были допущены злоупотребления, на нечто, чему еще не было прецедентов в истории! Но что же делать?.. Глубокая тишина уединенных комнат так красноречиво говорила ему о заключении.

Внезапно у него мелькнула мысль, что эта цепь ярких впечатлений — всего лишь сон. Он попробовал закрыть глаза, но и это испытанное средство не помогло.

Тогда он принялся осматривать комнаты, в которых находился.

В длинном овальном зеркале он увидел свое

отражение и остановился удивленный. Он был одет в изящный костюм пурпурного и светло-синего цвета. Слегка седеющая борода была подстрижена остроконечно, а волосы на голове, когда-то черные, теперь же серебрившиеся сединой, обрамляли его лоб необычной, но довольно красивой прической. Он выглядел как человек лет сорока пяти.

В первое мгновение он даже не узнал себя. Потом горько рассмеялся.

— Позвать бы теперь старину Уорминга, — воскликнул он, — и отправиться с ним завтракать!

Он стал перебирать в памяти своих знакомых, но вдруг вспомнил, что все эти люди давно уже умерли. Эта мысль так поразила его, что лицо его омрачилось и он побледнел.

Потом он вспомнил шумные движущиеся платформы, гигантские сооружения чудесных улиц. Крики толпы — и эти безмолвные враждебные члены Совета в белых одеяниях.

Он почувствовал себя таким маленьким, жалким, ничтожным, заброшенным среди этого нового, чуждого мира.

Глава VII
Комнаты Безмолвия

Грэхэм снова начал осматривать свои покои. Любопытство взяло верх над усталостью. Задняя комната была высокая, с потолком в виде купола, в центре которого находилось овальное отверстие, где вращалось колесо с широкими лопастями, по-видимому вентилятор. Его слабое жужжание нарушало тишину комнаты. В промежутках между вращающимися лопастями виднелось небо. Грэхэм с изумлением заметил звезду.

Это заставило его обратить внимание на то, что яркое освещение комнат зависит от бесчисленных лампочек, помещенных вдоль карниза. Окон не было. Он припомнил, что не видел окон и во всех других комнатах и переходах, по которым шествовал с Говардом. Правда, он заметил окна в зданиях на улице, но были ли они сделаны для света? Или же весь город днем и ночью освещается искусственным светом, так что здесь совсем нет ночи?

Его поразило еще другое обстоятельство: ни

в одной из комнат он не заметил каминов. Или теперь лето и помещение тоже летнее, или же город отапливается весь одновременно? Все это заинтересовало его, и он принялся разглядывать поверхность стен, кровать весьма простой конструкции и остроумные приспособления для уборки спальни. Никаких украшений, хотя архитектурные формы и окраска очень красивы. Несколько удобных кресел и легкий стол, бесшумно передвигающийся на роликах; на нем бутылки с какой-то жидкостью, стаканы и два блюда с прозрачным, похожим на желе веществом. Ни книг, ни газет, ни письменных принадлежностей.

«Да, мир сильно изменился», — подумал он.

Он заметил в соседней комнате ряд странных двойных цилиндров, на белой поверхности которых виднелись зеленые надписи, гармонировавшие с общим убранством комнаты. Как раз посередине из стены выдавался небольшой аппарат четырехугольной формы, размерами около ярда; лицевая сторона его представляла собой что-то вроде белого циферблата. Перед аппаратом стоял стул. У Грэхэма тотчас же мелькнула мысль, что эти цилиндры, вероятно, заменяют книги, хотя на первый взгляд такое предположе-

ние казалось неправдоподобным.

Его удивили надписи на цилиндрах. Сначала ему показалось, что они сделаны на русском языке. Затем он понял, что это был английский язык, только искаженный: «Qi Man huwdbi Kin», — очевидно: «Человек, который хотел быть королем». «Фонетический метод», — подумал Грэхэм.

Он вспомнил, что когда-то читал очень интересную книгу с таким заглавием. Но все же то, что он видел, совсем не походило на книгу. Он прочел еще две надписи на цилиндрах: «Душа сумерек», «Мадонна будущего» — о таких книгах он не слыхал, вероятно, они написаны в следующую после Викторианской эпоху.

Он с любопытством осмотрел один из цилиндров, затем поставил его на место и принялся за осмотр аппарата. Открыв крышку, он увидел, что внутри вставлен двойной цилиндр. В верхней части прибора виднелась кнопка, совсем как у электрических звонков. Он нажал ее, послышался треск и вслед за тем голоса и музыка, а на циферблате появились цветные изображения. Сообразив, что это такое, Грэхэм отступил назад и стал смотреть.

На гладкой поверхности показалась яркая цветная картина с движущимися фигурами. Они не

только двигались, но и разговаривали чистыми, тонкими голосами. Впечатление получалось совершенно такое, как если перевернуть бинокль и смотреть через его большое стекло или же слушать через длинную трубу. Грэхэм сразу же заинтересовался происходящей перед ним сценой.

Мужчина расхаживал взад и вперед и сердитым голосом объяснялся с красивой, капризной женщиной. Оба были в живописных, хотя и странных костюмах.

— Я работал, а что же делали вы? — сказал мужчина.

— А! — воскликнул Грэхэм.

Забыв обо всем на свете, он уселся в кресло. Не прошло и пяти минут, как он услышал фразу: «Когда Спящий проснется», употребленную в виде пословицы-насмешки над тем, чего никогда не будет.

Вскоре Грэхэм так хорошо узнал действующих лиц, словно они были близкими его друзьями.

Наконец миниатюрная драма окончилась, и циферблат прибора потускнел.

Какой это странный мир, в который ему только что удалось заглянуть: бесчестный мир, где все ищут наслаждений, деятельный, хитрый и одновременно мир жесточайшей экономической

борьбы. Некоторые намеки были ему совершенно непонятны, иные эпизоды свидетельствовали о полном изменении нравственных идеалов, о сомнительном прогрессе. Одежду синего цвета — этот цвет преобладал на движущихся платформах — носило, очевидно, простонародье. Грэхэм не сомневался, что сюжет вполне современен и что драма соответствует действительности. Трагический конец произвел на него угнетающее впечатление. Он сидел, устремив взгляд в пространство.

Наконец он вздрогнул и протер глаза. Он до того увлекся только что виденным, этим романом новых дней, что, очнувшись в бело-зеленых комнатах, был удивлен не меньше, чем после своего первого пробуждения.

Он встал со стула и снова очутился в волшебном мире. Впечатление от кинетоскопа рассеялось. Он вспомнил волнение на улицах, загадочный Совет — все пережитое им после пробуждения. Для всех Совет был олицетворением могущества и власти. Все говорили о Спящем. Сначала его не поразило, что он и есть Спящий. Он старался припомнить все, что люди говорили…

Он вошел в спальню и стал смотреть сквозь вентилятор. При вращении колеса слышался глу-

хой шум, врывавшийся в комнату ритмическими волнами, и больше ни звука. Несмотря на свет в помещении, он заметил, что полоска неба темно-синего, почти черного цвета и усеяна звездами…

Он принялся снова обследовать помещение, но ему не удалось отворить плотно закрытую дверь, найти звонок или другим способом позвать людей. Способность удивляться уже притупилась; его мучило любопытство, жажда знания. Он хотел точно знать свое положение в этом новом мире. Он тщетно старался успокоиться и терпеливо ждать, пока кто-нибудь придет. Он жаждал разъяснений, борьбы, свежих впечатлений.

Вернувшись в первую комнату и подойдя к аппарату, он сумел переменить цилиндр. Тут ему пришла в голову мысль, что, без сомнения, только благодаря этому изобретению удалось сохранить язык и он так мало изменился за двести лет. Взятый наудачу цилиндр заиграл какую-то музыкальную фантазию. Начало мелодии было прекрасно, но потом она стала чересчур чувствительной. Грэхэм узнал историю Тангейзера в несколько измененном виде. Музыка была ему незнакома, но слова звучали убедительно, хотя и попадались непонятные места. Тангейзер отправился не в Венусберг, а в Город Наслаждений.

Что это за город? Без сомнения, создание пылкой фантазии какого-нибудь писателя.

Тем не менее Грэхэм слушал с любопытством. Но вскоре сентиментальная история перестала ему нравиться, а потом показалась даже неприятной.

Там не было ни воображения, ни идеализации — одна фотографическая реальность. Будет с него этого Венусберга двадцать второго столетия! Он забыл роль, какую сыграл в искусстве девятнадцатого столетия прототип этой пьесы, и дал волю своему неудовольствию. Он поднялся, раздосадованный: ему было как-то неловко, хотя он слушал эту вещь в одиночестве. Он злобно толкнул аппарат, пытаясь остановить музыку. Что-то треснуло. Вспыхнула фиолетовая искра; по его руке пробежал ток, и аппарат замолк. Когда на следующий день Грэхэм попробовал вынуть цилиндры с Тангейзером и заменить их новыми, аппарат оказался испорченным…

Волнуемый самыми разнообразными мыслями, Грэхэм принялся шагать по комнате. То, что ему показал аппарат, и то, что он видел собственными глазами, смущало его. Ему казалось теперь странным и удивительным, что за всю свою тридцатилетнюю жизнь он ни разу не попытался

представить себе, каким же станет будущее.

«Мы сами же готовили это будущее, — подумал он, — и едва ли кто-нибудь из нас о нем думал. А теперь вот оно! Чего они достигли? Что ими сделано? Как войду я в этот мир? — Он уже видел эти гигантские постройки, эти громадные толпы народа. — Но какие волнения потрясают это общество! Какова развращенность высших классов!»

Он вспомнил о Беллами, который своей социальной утопией так странно предвосхитил действительность, какую он теперь переживает. Но то, что происходит теперь, — не утопия и не социализм. Он видел вполне достаточно, чтобы понять, что прежний контраст между роскошью, расточительностью и распущенностью, с одной стороны, и черной нищетой — с другой, еще более обострился. Будучи знаком с основными факторами общественной жизни, он мог вполне оценить положение вещей. Гигантских размеров достигли не одни только постройки; очевидно, и всеобщее недовольство достигло крайних пределов — об этом свидетельствуют крики возбужденного народа, беспокойство Говарда, атмосфера всеобщего чрезвычайного недовольства. Что это за страна? По-видимому, Англия, хотя это так мало

на нее похоже. Тщетно он старался представить себе, что стало с остальным миром, — все было покрыто загадочной пеленой.

Он шагал из угла в угол, как зверь в клетке, осматривая каждую мелочь. Он чувствовал сильную усталость и лихорадочное возбуждение, которое не давало уснуть.

Долгое время стоял он под вентилятором, прислушиваясь и стараясь уловить отголоски восстания, которое, как он был убежден, не прекратилось.

Он начал разговаривать сам с собой.

— Двести три года, — повторял он с бессмысленным смехом. — Значит, мне теперь двести тридцать три года! Самый старый человек на Земле! Возможно, что и теперь, как и в былые времена, власть — прерогатива старости. В таком случае мое право первенства неоспоримо. Так-так! Ведь я помню болгарскую резню, как будто это происходило вчера. Почтенный возраст! Ха-ха!

Он удивился, услышав свой смех, и рассмеялся еще громче. Потом, осознав, что его поведение похоже на безумие, остановился: «Побольше сдержанности, побольше сдержанности».

Он замедлил шаг.

— Это новый мир — я не понимаю его. Но почему?.. Все время это «почему». Вероятно, люди давно уже научились летать да и многому другому. Однако как же все это началось?..

Его удивило, что почти вся тридцатилетняя жизнь успела исчезнуть из памяти и что он с большим трудом может вспомнить лишь некоторые незначительные моменты. Лучше всего сохранились воспоминания детства; он вспомнил учебники, уроки арифметики. Потом воскресли воспоминания о значительных событиях его жизни; он вспомнил жену, давно уже умершую, ее магическое гибельное влияние на него, вспомнил своих соперников, друзей и врагов, вспомнил, как необдуманно принимал разнообразные решения, вспомнил годы тяжелых испытаний, лихорадочные порывы, наконец, свою напряженную работу. Вскоре вся прежняя его жизнь вновь предстала перед ним в мельчайших подробностях, тускло мерцая, подобно заржавленному металлу, еще годному для шлифовки. Воспоминания только растравили его раны. Стоит ли в них копаться — шлифовать этот металл? Каким-то чудом он выхвачен из прежней невыносимой жизни.

Он стал обдумывать свое теперешнее положе-

ние. Он тщетно боролся с фактами и не находил выхода, запутавшись в клубке противоречий. Сквозь вентилятор он заметил, что небо порозовело. Из потаенных уголков его памяти всплыла мысль, некогда настойчиво преследовавшая его. «Ах да, мне необходимо заснуть», — вспомнилось ему. Сон должен утолить его душевные муки и облегчить телесные страдания.

Подойдя к небольшой странной кровати, он лег и тотчас же уснул…

Волей-неволей пришлось подробно ознакомиться со своим помещением, так как заключение длилось целых три дня. В течение этого времени никто, кроме Говарда, не заходил в его тюрьму. Загадочность его положения превосходила загадочность его пробуждения. Казалось, он только затем и очнулся от своего необыкновенного сна, чтобы попасть в это таинственное заключение. Говард регулярно посещал его и приносил подкрепляющие и питательные напитки и какую-то легкую и вкусную пищу. Входя, он всякий раз запирал за собой дверь. Держался он очень предупредительно и любезно, но Грэхэм не мог ничего узнать о том, что происходит там, за этими безмолвными стенами. Говард весьма вежливо, но решительно избегал всяких разгово-

ров о положении дел в городе.

За эти три дня Грэхэм многое передумал. Он сопоставлял все, что ему удалось видеть, с тем фактом, что его стараются держать взаперти. Он строил всевозможные предположения и начал понемногу догадываться. Благодаря этому вынужденному уединению он смог потом осмыслить все, что с ним произошло. Когда наконец наступил момент освобождения, Грэхэм был уже к нему подготовлен… Поведение Говарда доказывало, что он, Грэхэм, действительно значительная персона. Казалось, всякий раз вместе с Говардом в раскрытую дверь врывается веяние каких-то важных событий. Вопросы Грэхэма делались все определеннее и точнее, так что поставленному в тупик Говарду оставалось лишь протестовать. Он повторял, что пробуждение Грэхэма застало их врасплох и к тому же совпало с беспорядками.

— Чтобы объяснить это вам, я должен рассказать историю за полтора гросса лет, — возражал Говард.

— Очевидно, — сказал Грэхэм, — вы боитесь, что я могу что-то сделать. Я являюсь как бы посредником или по крайней мере могу быть таковым.

— Вовсе нет, но — думаю, я могу вам это сказать

— ваше богатство, которое непомерно возросло за это время, может позволить вам вмешаться в события. А кроме того, ваши взгляды человека восемнадцатого столетия…

— Девятнадцатого, — поправил Грэхэм.

— Вы человек старого мира и совершенно несведущи в нашем государственном устройстве.

— Разве я такой невежда?

— Отнюдь нет.

— Разве похож я на человека, способного действовать опрометчиво?

— Никто не ожидал, что вы можете действовать. Никто не верил в ваше пробуждение. Никто даже не мечтал о вашем пробуждении. Совет поставил вас в антисептические условия. Ведь мы были уверены, что вы давно уже мертвы, что тление только остановлено. А вы между тем… но нет, это чересчур сложно. Мы не можем так скоро… вы еще не оправились после пробуждения.

— Нет, это не то, — сказал Грэхэм. — Положим, это так, но почему же меня не насыщают день и ночь знаниями, мудростью ваших дней, чтобы подготовить меня к моей ответственной роли? Разве я знаю теперь больше, чем два дня назад, если с тех пор, как я проснулся, действительно прошло два дня?

Говард поджал губы.

— Я начинаю понимать, я с каждым часом все глубже проникаю в тайну, носителем которой являетесь вы. Чем занят ваш Совет, или комитет, или как его там называют? Стряпает отчет о моем состоянии? Так, что ли?

— Такое выражение недоверия… — начал Говард.

— Ого! — перебил Грэхэм. — Лучше запомните мои слова: плохо будет тем, кто держит меня здесь, плохо будет! Теперь я совсем ожил. Будьте уверены, я окончательно ожил. С каждым днем мой пульс делается все более четким, а мозг работает все энергичнее. Я не хочу больше покоя! Я вернулся к жизни. Я хочу жить.

— Жить!

Лицо Говарда озарилось какой-то мыслью. Он ближе подошел к Грэхэму и заговорил конфиденциальным тоном:

— Совет заключил вас сюда для вашего же блага. Вы скучаете. Вполне естественно — такой энергичный человек! Вам надоело здесь. Но мы готовы удовлетворить любое ваше желание, малейшее ваше желание. Что вам угодно? Быть может, общество?

Он многозначительно замолчал.

— Да, — произнес Грэхэм задумчиво, — именно общество.

— А! Так вот что! Поистине мы невнимательно отнеслись к вашим нуждам.

— Общество тех людей, что наполняют ваши улицы.

— Вот как! — сказал Говард. — Сожалею… но…

Грэхэм начал шагать по комнате. Говард стоял у двери, наблюдая за ним.

Намеки Говарда показались Грэхэму не совсем ясными. Общество? Допустим, он примет предложение, потребует себе общество. Но может ли он узнать от своего собеседника хоть что-нибудь о той борьбе, которая началась на улицах города к моменту его пробуждения? Он задумался. Внезапно он уразумел намек и повернулся к Говарду.

— Что вы подразумеваете под словом «общество»?

Говард поднял глаза и пожал плечами.

— Общество себе подобных, — ответил он, и улыбка пробежала по его каменному лицу. — У нас более свободные взгляды на этот счет, чем были в ваше время. Если мужчина желает развлечься и ищет женского общества, мы не считаем это зазорным. Мы свободны от таких предрассудков. В нашем городе есть класс людей,

весьма необходимый класс, никем не презираемый, скромный…

Грэхэм молча слушал.

— Это развлечет вас, — продолжал Говард. — Мне следовало бы об этом подумать раньше, но тут были такие события… — Он указал рукой на улицу.

Грэхэм молчал. На мгновение перед ним возник соблазнительный образ женщины, созданный его воображением. Затем он возмутился.

— Нет! — воскликнул он и принялся бегать по комнате. — Все, что вы говорите, все, что вы делаете, убеждает меня, что я причастен к каким-то великим событиям. Я вовсе не хочу развлекаться. Желания, чувственность — это смерть! Угасание! Я это знаю. В моей предыдущей жизни, перед тем как заснуть, я достаточно потрудился для уяснения этой печальной истины. Я не хочу начинать снова. Там город, народ… А я сижу тут, как кролик в мешке.

Он чувствовал такой прилив гнева, что задыхался. Сжав кулаки, он потрясал ими в воздухе. Потом разразился архаическими проклятиями. Его жесты стали угрожающими.

— Я не знаю, к какой принадлежите вы партии. Я нахожусь в потемках, и вы не хотите вывести

меня на свет. Но я знаю одно: меня заключили сюда с каким-то дурным умыслом. С недобрым умыслом. Но предупреждаю вас, предупреждаю вас, что вы понесете ответственность. Когда я получу власть…

Он спохватился, сообразив, что такая угроза может быть опасной для него самого, и замолчал. Говард стоял и глядел на него с любопытством.

— Это необходимо довести до сведения Совета, — сказал он.

Грэхэм чуть не бросился на него, чтобы убить или задушить. Вероятно, лицо Грэхэма красноречиво выражало его чувства, так как Говард не стал терять времени. В одно мгновение бесшумная дверь снова захлопнулась, и человек девятнадцатого столетия остался один.

Несколько мгновений он стоял неподвижно, со сжатыми кулаками. Затем руки его бессильно опустились.

— Как глупо я себя вел! — вскричал он злобно и стал нервно шагать по комнате, бормоча проклятия.

Долгое время он не мог успокоиться, проклиная свою участь, свое неблагоразумие и тех негодяев, которые заперли его. Он не мог спокойно обдумать свое положение. Он пришел в ярость,

потому что боялся за будущее.

Наконец он успокоился. Правда, заточение его беспричинно, но, без сомнения, оно предпринято на законном основании — таковы законы новейшего времени. Ведь теперешние люди на двести лет ушли вперед по пути цивилизации и прогресса по сравнению с его современниками. Нет никаких оснований думать, что они стали менее гуманны. Правда, они свободны от предрассудков. Но разве гуманность — такой же предрассудок, как и целомудрие?

Он ломал себе голову: как с ним поступят? Но все его предположения, даже самые логичные, ни к чему не привели.

— Что же они могут со мной сделать? Если допустить даже самое худшее, — произнес он после долгого размышления, — ведь я могу согласиться на все их требования. Но чего они желают? И почему они вместо того, чтобы предъявить свои требования, держат меня взаперти?

Он снова начал ломать голову, стараясь разгадать намерения Совета. «Что значат эти мрачные, косые взгляды, непонятные колебания, все поведение Говарда? А что, если убежать из этой комнаты?»

Некоторое время он обдумывал план бегства.

«Но куда скрыться в этом густонаселенном мире? Я попал бы в худшее положение, чем древний саксонский поселянин, внезапно выброшенный на лондонскую улицу девятнадцатого столетия. Да и как убежать из этой комнаты? Кому нужно, чтобы со мной произошло несчастье?»

Он вспомнил о народном волнении, о мятеже, осью которого, по-видимому, являлась его особа. И вдруг из тайников его памяти, казалось бы, не относящиеся к делу, но звучавшие весьма убедительно, всплыли слова, произнесенные в синедрионе: «Лучше одному человеку погибнуть, чем целому народу».

Глава VIII
По стеклянным кровлям

Из вертевшегося вентилятора во второй комнате сквозь отверстие, в котором виднелось ночное небо, послышались смутные звуки. Грэхэм, стоявший подле и размышлявший о той таинственной силе, которая засадила его в эти комнаты и которой он так неосмотрительно только что бросил вызов, с изумлением услыхал чей-то голос.

Заглянув вверх, в просветы темного вентилятора, он различил смутные очертания лица и плеч человека, смотревшего на него снаружи. Темная рука протянулась к вентилятору, лопасти которого ударились о нее и покрылись пятнами; на пол закапала какая-то жидкость.

Грэхэм посмотрел на пол и увидел у своих ног пятна крови. В испуге он поднял голову. Силуэт исчез.

Грэхэм стоял не двигаясь, напряженно всматриваясь в чернеющее отверстие: снаружи была глубокая ночь. Ему показалось, что он видит какие-то неясные бледные пятнышки, порхающие в воздухе. Они неслись прямо к нему, но, встречая

ток воздуха от вентилятора, уносились в сторону. Попадая в полосу света, они вспыхивали ярким белым блеском и вновь гасли в темноте.

Грэхэм понял, что в нескольких футах от него, за стеной этого светлого и теплого помещения, падает снег.

Он прошелся по комнате и снова приблизился к вентилятору. Вдруг он заметил, что за колесом вентилятора опять мелькнула чья-то голова. Послышался шепот. Затем осторожный удар каким-то металлическим орудием, треск, голоса — вентилятор остановился.

В комнату посыпались снежные хлопья, они таяли, не долетев до пола.

— Не бойтесь, — послышался чей-то голос.

Грэхэм стоял у вентилятора.

— Кто вы? — прошептал он.

Одно мгновение ничего не было слышно, кроме поскрипывания вентилятора, затем в отверстие осторожно просунулась голова незнакомца. Лицо его было обращено к Грэхэму. Черные волосы были мокры от снега, он схватился за что-то рукой. Лицо у него было совсем молодое, глаза блестели и жилы на висках вздулись. Упираясь в темноте обо что-то руками, он напрягал все силы, чтобы сохранить равновесие.

Несколько мгновений оба молчали.

— Вы Спящий? — спросил наконец незнакомец.

— Да, — ответил Грэхэм. — Что вам от меня надо?

— Я от Острога, сир.

— От Острога?

Человек в вентиляторе повернул голову, и Грэхэм увидел его лицо в профиль. Казалось, он прислушивался. Вдруг незнакомец слегка вскрикнул и поспешно откинулся назад, еле успев ускользнуть от завертевшегося вентилятора. Несколько минут Грэхэм ничего не видел, кроме медленно падавших снежных хлопьев. Прошло около четверти часа, затем наверху снова раздался тот же металлический стук; вентилятор остановился, и в отверстии показалась голова. Все это время Грэхэм стоял неподвижно, тревожно прислушиваясь и чего-то ожидая.

— Кто вы такой? Что вам нужно? — спросил он.

— Мы хотим поговорить с вами, сир, — сказал незнакомец. — Мы хотим… но колесо трудно сдержать. Вот уже три дня, как мы стараемся пробиться к вам.

— Что это? Избавление? — прошептал Гр-

эхэм. — Побег?

— Да, если вы согласны, сир.

— Вы из моей партии, партии Спящего?

— Да, сир.

— Что же мне делать? — спросил Грэхэм.

Глухой треск. В отверстии показалась рука незнакомца с окровавленной кистью, а затем и колени.

— Отойдите в сторону, — прошептал незнакомец и спрыгнул, упав на руки и ударившись плечом о пол.

Вентилятор яростно завертелся. Незнакомец проворно вскочил на ноги и остановился, переводя дыхание и потирая ушибленное плечо. Его блестящие глаза были устремлены на Грэхэма.

— Так вы в самом деле Спящий! — сказал он. — Я видел вас, когда вы спали. Тогда еще каждый мог вас видеть.

— Я тот самый человек, который находился в летаргии, — ответил Грэхэм. — Они заперли меня здесь. Я нахожусь здесь с момента моего пробуждения, не менее трех дней.

Незнакомец хотел ответить, но, видимо, что-то услышал, оглянулся на дверь и бросился к ней, быстро выкрикивая какие-то непонятные слова. В руке юноши блеснул кусок стали, и он изо всех

сил стал сбивать с двери петли.

— Берегись! — послышался чей-то голос сверху.

Грэхэм увидел над собой подошвы башмаков, нагнулся, и что-то тяжелое рухнуло на него сверху. Он упал на четвереньки, и кто-то перевалился через его голову. Став на колени, он увидел, что перед ним сидит второй незнакомец.

— Простите, я не заметил вас, сир, — проговорил тот, тяжело дыша; поднявшись, он помог Грэхэму встать. — Вы не ушиблись, сир?

Снаружи послышались удары по вентилятору; кусок белого металла упал сверху, едва не задев лица Грэхэма, и со звоном покатился по полу.

— Что это такое? — вскрикнул удивленный Грэхэм, глядя на вентилятор. — Кто вы такой? Что вы делаете? Запомните, что я ничего не знаю.

— Отойдите в сторону, — сказал незнакомец, оттаскивая его из-под вентилятора.

Оттуда со звоном выпал другой кусок металла.

— Мы хотим вас увести отсюда, сир, — заявил новоприбывший, на лбу его багровел шрам и сочились капли крови. — Ваш народ призывает вас.

— Как увести? Какой народ?

— В зал, около рынка. Ваша жизнь подвергается

здесь опасности. У нас есть лазутчики. Мы узнали как раз вовремя — Совет постановил сегодня убить или отравить вас. Все уже готово. Наши люди обучены, охрана ветряных двигателей, инженеры и половина вагоновожатых на зубчатках — все заодно с нами. Весь город восстал против Совета. У нас есть оружие.

Он отер со лба кровь рукой.

— Ваша жизнь в опасности!

— Но зачем вам оружие?

— Народ восстал, чтобы защитить вас, сир… Что такое?

Он быстро обернулся к своему товарищу, услышав легкий свист сквозь зубы.

Грэхэм увидел, как первый незнакомец, делая им знаки спрятаться, осторожно, на цыпочках подошел к наружной двери и встал так, что она, отворившись, прикрыла его собой.

В комнату вошел Говард, держа в одной руке небольшой поднос. Лицо его было мрачно, глаза опущены. Вздрогнув, он поднял глаза, дверь с треском захлопнулась, поднос покачнулся в его руке, стальной клинок ударил его в висок.

Говард свалился, как подрубленное дерево. Человек, нанесший удар, наклонился, внимательно осмотрел его лицо, затем, повернувшись к двери,

вновь принялся за свою работу.

— Он принес вам яд, — прошептал чей-то голос на ухо Грэхэму.

Бесчисленные лампочки, горевшие вдоль карниза, разом погасли. Наступила полная темнота, только в отверстии вентилятора крутились снежные хлопья и можно было разглядеть три темные фигуры. Затем сверху спустили лестницу, и в чьей-то руке блеснул желтый свет.

Мгновение Грэхэм колебался. Но все поведение этих людей, их лихорадочная поспешность, их слова так согласовались с его собственным страхом перед Советом, с его надеждою на побег, что он не стал раздумывать. «Народ ждет меня!»

— Я ничего не понимаю, но верю вам, — прошептал он. — Скажите, что мне делать.

Человек со шрамом на лбу схватил его за руку.

— Взбирайтесь по лестнице, — прошептал он. — Скорее! Должно быть, они услыхали!..

Ощупав руками лестницу и поставив ногу на первую ступеньку, Грэхэм оглянулся и через плечо стоявшего сзади него незнакомца при желтом свете фонарика заметил, что другой незнакомец возится около двери, усевшись на теле Говарда.

Грэхэм стал взбираться с помощью незнакомца и людей наверху; он быстро пролез через

отверстие вентилятора и очутился на твердой, холодной и скользкой поверхности.

Он дрожал от холода. Температура резко изменилась. Вокруг него стояло с полдюжины каких-то людей. Хлопья снега садились на лицо, руки и быстро таяли. На мгновение блеснул бледный фиолетовый свет, потом снова стало темно.

Он понял, что стоит на кровле обширной городской постройки, которая заменяет отдельные дома, улицы и площади прежнего Лондона. Кровля представляла собой плоскость, откуда во все стороны громадными змеями тянулись канаты. В снегопаде маячили гигантские колеса ветряных двигателей, которые шумно вращались при порывистом ветре. Где-то внизу, пронизывая снежные вихри, шарил прожектор. Там и сям из темноты выступали смутные очертания каких-то механизмов, приводимых в движение ветром; синеватые искры взлетали к небу.

Все это Грэхэм рассмотрел за несколько секунд, пока его избавители стояли вокруг него, переговариваясь между собой. Кто-то набросил на Грэхэма теплый плащ из материи, похожей на мех, застегнул застежки на груди и плечах.

Перебрасывались краткими, отрывистыми фразами. Кто-то потянул Грэхэма вперед.

— Сюда, — произнес невидимый проводник, указывая на отдаленный смутный полукруг света.

Грэхэм повиновался.

— Осторожней! — послышался тот же голос, когда Грэхэм споткнулся о канат. — Идите между канатами, а не напрямик. Надо поторопиться.

— Где же народ? — спросил Грэхэм. — Тот народ, который ждет меня?

Незнакомец ничего не ответил. Он выпустил руку Грэхэма, так как дорога стала узкой, и пошел вперед. Грэхэм послушно следовал за ним. Они почти бежали.

— А где другие? — спросил он, с трудом переводя дыхание, но ответа не последовало.

Его провожатый только обернулся и ускорил шаги. Они подошли к переходу из поперечных металлических прутьев и свернули в сторону. Грэхэм тоже обернулся назад, но не мог никого рассмотреть в снежном вихре.

— За мной! — торопил проводник.

Они приближались к ветряному двигателю, вертевшемуся где-то высоко в воздухе.

— Стоп, — сказал проводник. Они едва не наткнулись на провод, тянувшийся к отверстию вентилятора. — Сюда! — И они очутились по

щиколотку в мокром снегу между двумя металлическими стенками, достигавшими им до пояса.

— Я пойду вперед, — заявил проводник.

Завернувшись в плащ, Грэхэм последовал за ним. Перед ними раскрылась темная пропасть, через которую был перекинут металлический желоб. Заглянув вниз, Грэхэм увидел только черный провал. На мгновение он даже пожалел, что решился на бегство. Он боялся глядеть вниз, у него начала кружиться голова, он все брел и брел по талому снегу.

Наконец они перешли через пропасть, выбрались из желоба и зашагали по площадке, запорошенной снегом и светящейся изнутри. Грэхэм продвигался с опаской — поверхность казалась ему ненадежной, — но проводник смело шагал вперед. Вскарабкавшись по скользким ступеням, они очутились у самого основания громадного стеклянного купола и пошли вокруг него. Далеко внизу виднелись толпы танцующих, слышалась музыка. Сквозь завывания бури Грэхэму почудились крики, и проводник стал его торопить. Они поднялись на площадку, где стояло множество ветряных двигателей, из которых один был так велик, что в темноте мелькала только часть его двигавшегося крыла. Пробравшись через лес

металлических подпорок, они наконец очутились над движущимися платформами, вроде тех, какие Грэхэм видел с балкона. Им пришлось на четвереньках ползти по скользкой прозрачной крыше, простирающейся над улицей.

Стекла запотели, и Грэхэм не мог различить, что там внизу, но около вершины этой прозрачной кровли стекла были чисты, и ему показалось, что он висит в воздухе. У него закружилась голова, и, несмотря на настойчивые требования проводника, он почувствовал себя как бы парализованным. Далеко внизу муравейником кишел бессонный город при свете вечного дня. Фигурки вестников или рабочих проносились по слабо натянутым канатам, на воздушных мостах было полно народа, мелькали движущиеся платформы. Грэхэму казалось, что он смотрит сверху внутрь гигантского застекленного улья, удерживаемый от падения со страшной высоты только сопротивлением хрупкой стеклянной пластины.

На улицах было светло и тепло. Грэхэм же промок от тающего снега, и ноги у него озябли. Некоторое время он не мог двигаться.

— Скорее! — кричал испуганный проводник. — Скорее!

Грэхэм с трудом добрался до вершины кровли.

Следуя примеру проводника, он покатился ногами вниз по склону, увлекая за собой маленькую снежную лавину. Он боялся, что эта покатость оканчивается отвесным обрывом, и очень обрадовался, когда, больно ударившись, погрузился в холодную снежную кашу. Проводник уже карабкался по металлической решетке на обширную ровную поверхность, где сквозь снежную пелену можно было разглядеть смутные очертания новой вереницы ветряных двигателей.

Внезапно в мерный шум вращающихся колес ворвался пронзительный, дребезжащий свист какого-то механизма, доносившийся отовсюду, со всех сторон горизонта.

— За нами погоня! — воскликнул в ужасе проводник.

Ослепительный свет разлился в воздухе, и ночь превратилась в день. Среди снежной метели над ветряными двигателями выросла гигантская мачта с ослепительными шарами, бросавшими яркие полосы света во все стороны. Все вокруг, насколько хватал глаз, было ярко освещено.

— Сюда! — крикнул проводник и столкнул его на металлическую решетку, тянувшуюся между двумя покатыми плоскостями, покрытыми снегом.

Решетка была теплая и согревала Грэхэму окоченевшие ноги, от которых даже пошел легкий пар.

— Скорее! — крикнул проводник, шедший метров на десять впереди, и, не дождавшись Грэхэма, побежал через ярко освещенное пространство к железным устоям ветряных двигателей.

Опомнившись от изумления, Грэхэм поспешил за ним; он был уверен, что гибель неминуема.

Несколько минут они шли в кружевных сплетениях света и тени, отбрасываемых чудовищными движущимися механизмами. Внезапно проводник отскочил в сторону и исчез в густой тени за углом гигантской подпорки. Через мгновение Грэхэм стоял рядом с ним.

Тяжело переводя дыхание, они стали осматриваться.

Глазам Грэхэма представилась странная картина. Снег перестал падать, в воздухе носились только редкие хлопья. Обширная ровная поверхность сверкала мертвенно-белым снегом. Там и сям ее прорезывали движущиеся лопасти и чернели гигантские металлические фермы, похожие на неуклюжих титанов. Огромные металлические сооружения, сплетения железных гигантских балок, медленно вращавшиеся в

затишье крылья ветряных двигателей, мерцая, круто вздымались в светящуюся мглу. Когда полоса мерцающего света направлялась вниз, перекладины и балки, казалось, стремительно переплетались и паутина теней скользила по белому фону. Безлюдная снежная пустыня с гигантскими, неустанно вращающимися механизмами казалась такой же безжизненной, как одна из заоблачных альпийских вершин.

— Они гонятся за нами, — воскликнул проводник, — а мы еще только на полпути! Хотя и холодно, но надо переждать, пока снова пойдет снег.

Зубы его стучали от холода.

— Где же рынки? — спросил Грэхэм, пристально вглядываясь во мглу. — Где народ?

Проводник ничего не ответил.

— Смотрите! — прошептал вдруг Грэхэм и весь съежился, припав к снегу.

Снег снова начал падать, и из черной пучины ночного неба быстро спускалась какая-то большая машина. Круто снизившись, машина взмыла и повисла на распростертых широких крыльях, выбрасывая сзади струйку белого пара. Затем медленно и плавно заскользила в воздухе, поднимаясь вверх, снова снизилась, описала широкий

круг и исчезла в снежной метели.

Сквозь плоскости машины Грэхэм успел рассмотреть двух человек, из которых один управлял рулем, а другой, как ему показалось, наблюдал в бинокль. Одно мгновение Грэхэм видел их совершенно отчетливо, затем они потускнели в хлопьях снега и наконец исчезли.

— Теперь можно! — воскликнул проводник. — Идем!

Схватив Грэхэма за рукав, он побежал среди леса подпорок ветряных двигателей. Вдруг проводник остановился и обернулся к Грэхэму, который, не ожидая этого, налетел на него. Оглядевшись, он увидел, что впереди на расстоянии двенадцати метров черная пропасть. Путь дальше отрезан.

— Делайте то же, что я, — прошептал проводник.

Он подполз к краю и, перегнувшись, спустил одну ногу. Нащупав ею какую-то опору, он соскользнул в пропасть. Потом высунул голову.

— Здесь есть выступ, — прошептал он. — Всю дорогу будет темно. Следуйте за мной.

Грэхэм нерешительно опустился на четвереньки, подполз к краю и заглянул в бархатно-черную бездну. Несколько мгновений он стоял непо-

движно. Наконец решился, сел и спустил ноги. Проводник схватил его за руку и потащил вниз. С замиранием сердца Грэхэм почувствовал, что скользит в бездну, и скоро очутился в желобе, наполненном мокрым снегом; кругом было темно, хоть глаз выколи.

— Сюда, — послышался шепот.

И Грэхэм, скорчившись и прижимаясь к стенке, пополз за проводником по мокрому снегу.

Долго двигались они молча, изнемогая от холода и усталости; казалось, этому мучительному пути не будет конца; Грэхэм уже не чувствовал своих замерзших рук и ног.

Желоб спускался вниз, и Грэхэм заметил, что край кровли находится на высоте нескольких метров над ними. Выше виднелся ряд тускло светящихся пятен, вроде плотно занавешенных окон. Над одним из них был укреплен конец каната, спускавшегося вниз и исчезавшего в темной бездне. Внезапно проводник схватил его за руку.

— Тише, — еле слышно прошептал он.

Взглянув вверх, Грэхэм с ужасом увидел огромные распростертые крылья летательной машины, медленно и беззвучно проносившейся по снежному голубовато-серому небу. Мгновение — и она исчезла.

— Не шевелитесь; они еще вернутся.

Оба замерли. Затем проводник встал и, ухватив канат, начал быстро его к чему-то привязывать.

— Что это такое? — спросил Грэхэм.

В ответ послышался слабый крик. Грэхэм обернулся и увидел, что проводник точно застыл от ужаса и смотрит на небо. Грэхэм заметил вдалеке летательную машину, она казалась совсем маленькой. Крылья ее широко развернулись, машина быстро росла, приближаясь к ним.

Проводник лихорадочно принялся за работу. Он сунул в руки Грэхэму две скрещенные перекладины. Грэхэм в темноте мог только ощупью определить их форму. Они были прикреплены к канату. На тросе он нащупал мягкие, эластичные петли для рук.

— Пропустите крест между ног, садитесь, — взволнованно шептал проводник, — держитесь за петли. Крепче держитесь, крепче!

Грэхэм повиновался.

— Прыгайте! — крикнул проводник. — Прыгайте, ради бога!

Грэхэм ничего не мог ответить. Впоследствии он был рад, что темнота скрыла его лицо. Он молчал, дрожал, как в лихорадке, и смотрел на летательную машину, которая неслась прямо

на них.

— Прыгайте! Прыгайте! Скорей, ради бога! А не то они поймают нас!.. — воскликнул проводник и толкнул Грэхэма.

Грэхэм пошатнулся, непроизвольно вскрикнул и в ту самую минуту, когда машина была над их головой, ринулся вниз, в черную бездну, крепко обхватив ногами перекладины и конвульсивно цепляясь руками за канат. Раздался сухой треск, и что-то ударилось о стену. Он слышал, как гудел канат, по которому скользил блок, как кричали люди, сидевшие в летательной машине. Он чувствовал, что в спину его упираются чьи-то колени… Он стремительно падал вниз, изо всех сил сжимая спасительный трос. Он хотел крикнуть — и не мог.

Он летел по направлению к ослепительному свету. Внизу уже виднелись знакомые ему улицы, подвижные пути, громадные светящиеся шары и сплетения балок. Все это неслось мимо него куда-то вверх. Затем какое-то круглое зияющее отверстие поглотило его.

Он снова очутился в темноте, стремглав падая вниз и до боли в руках впиваясь в канат, — и вот раздался какой-то звук, свет ударил ему в глаза, и он увидел себя над ярко освещенным залом,

полным народа. Народ! Его народ! Навстречу ему плыла эстрада с подмостками. Он спускался по канату в отверстие справа от эстрады. Грэхэм почувствовал, что скорость движения начинает замедляться. И вдруг движение стало совсем медленным.

Послышались радостные крики: «Спасен! Наш правитель! Он спасся!» Подмостки медленно приближались к нему. Потом…

Он услышал, как проводник, сидевший у него за спиной, испуганно закричал, и крик этот был повторен толпой внизу. Грэхэм почувствовал, что он уже не скользит по канату, а падает вниз вместе с канатом. Буря криков, вопли ужаса. Еще мгновение — и вытянутые руки его наткнулись на что-то мягкое. От сотрясения Грэхэм потерял сознание…

Его подхватили на руки. Ему казалось, что его перенесли на платформу и дали ему что-то выпить. Что сделалось с его проводником, он не видел. Когда он очнулся, то увидел, что стоит. Чьи-то руки его поддерживают. Он находился в нише вроде театральной ложи. Может быть, это и был театр.

В ушах его отдавался оглушительный рев толпы:

— Вот Спящий! Спящий с нами!

— Спящий с нами! Наш правитель! Он с нами! Он спасен!

Громадный зал был полон народа. Грэхэм не мог различить отдельных лиц — море голов с розовой пеной лиц, взмах рук, платков. Он чувствовал гипнотизирующее влияние толпы. Балконы, галереи, огромные арки, за которыми открывались далекие перспективы, — все кишело ликующим народом. Невдалеке, как мертвая змея, лежал канат, перерезанный в верхней части людьми с летательной машины. Люди суетились, убирая его с дороги. Стены здания содрогались от рева многотысячной толпы.

Грэхэм всматривался в окружающие его лица. Несколько человек поддерживали его под руки.

— Отведите меня в маленькую комнату, — сказал он, — в маленькую комнату.

Больше он ничего не мог выговорить.

Какой-то человек в черном одеянии выступил вперед и взял его под руку. Другие отворили перед ним дверь.

Его подвели к креслу. Тяжело опустившись, почти упав, он уткнул лицо в ладони. Он дрожал, как в лихорадке. Кто-то снял с него плащ, но он даже не заметил этого — его пурпурные чулки

были мокры и казались черными. Кругом него двигались люди, совершались какие-то важные события, но он ничего не замечал.

Итак, он спасен. Сотни тысяч голосов подтверждают это. Он в безопасности. Весь народ на его стороне. Грэхэм задыхался. Он сидел неподвижно, закрыв лицо руками. А воздух содрогался от торжествующих криков огромной толпы.

Глава IX
Народ восстал

Грэхэм заметил, что кто-то из окружающих предлагает ему стакан с бесцветной жидкостью. Взглянув, он увидел перед собой смуглого, черноволосого молодого человека в желтом одеянии. Грэхэм выпил и сразу оживился и согрелся. Рядом с ним стоял высокий человек в черном, указывая на полуоткрытую дверь в зал. Человек этот кричал ему что-то на ухо, но в реве толпы Грэхэм ничего не мог разобрать. Позади стояла красивая девушка в серебристо-сером платье. Темные глаза ее, полные удивления и любопытства, были устремлены на него, губы ее слегка шевелились. В полуоткрытую дверь виднелся громадный зал, полный народа; оттуда неслись аплодисменты, стук и крики. Все время, пока Грэхэм находился в небольшой комнате, гул то затихал, то снова разрастался.

Глядя на губы человека в черном, он понял наконец, что тот напрасно старается что-то объяснить ему.

Грэхэм тупо осматривался по сторонам, потом

вскочил и, схватив за руку кричавшего человека, воскликнул:

— Но скажите же мне, кто я, кто я?

Услышав, что он говорит, остальные придвинулись ближе.

— Кто я? — Он старался прочесть ответ на лицах окружающих.

— Они ничего не объяснили ему! — воскликнула девушка.

— Говорите же, говорите же! — умолял Грэхэм.

— Вы Правитель Земли. Вы властелин половины мира.

Грэхэм подумал, что ослышался. Он отказывался верить. Он сделал вид, что не слышит, не понимает, и заговорил снова:

— Я проснулся три дня назад, три дня находился в заключении. Что это за восстание? Чего добивается народ? Что это за город? Лондон?

— Да, Лондон, — ответил юноша.

— А те, что собрались в большом зале с белым Атласом? Какое отношение имеет все это ко мне? При чем здесь я? Я ничего не понимаю. И потом эта отрава… Пока я спал, свет, кажется, сошел с ума. Или же я сумасшедший? Что это за советники, заседающие в зале с Атласом? Почему они хотели отравить меня?

— Чтобы снова погрузить вас в сон, — ответил человек в желтом. — Чтобы устранить ваше вмешательство.

— Но для чего?

— Потому, сир, что вы и есть этот Атлас, — продолжал человек в желтом. — Мир держится на ваших плечах. Они правят им от вашего имени.

Гул в зале стих, и кто-то говорил речь. Но скоро раздался такой оглушающий взрыв ликующих криков и рукоплесканий, что все находившиеся в маленькой комнате принуждены были замолчать. Из хаоса криков вырывались отдельные резкие, звенящие голоса, звуковые волны сталкивались, сливаясь в гул, похожий на раскаты грома.

Грэхэм стоял, тщетно стараясь понять смысл того, что он только что слышал.

— Совет… Но кто этот Острог? — спросил он безучастно, вспомнив это поразившее его имя.

— Это организатор восстания. Наш предводитель — от вашего имени.

— От моего имени? Почему же его нет здесь?

— Он послал нас. Я его сводный брат, Линкольн. Он хочет, чтобы вы показались народу, а потом увиделись с ним. Сам он теперь занят в Управлении Ветряных Двигателей. Народ восстал.

— От вашего имени! — воскликнул юноша. — Они угнетали нас, подавляли, тиранили… Наконец-то…

— От моего имени! Мое имя — Правитель Земли?

В промежутке между взрывами гула послышался громкий, возмущенный голос; это говорил молодой человек с орлиным носом и пышными усами.

— Никто не ждал, что вы проснетесь. Никто не ожидал этого. Они хитры! Проклятые тираны! Но они были захвачены врасплох. Они не знали, что делать с вами, — отравить, загипнотизировать или просто убить.

Крики толпы перебили его.

— Острог готов ко всему. Он в Управлении Ветряных Двигателей. Есть известие, что борьба уже началась.

К Грэхэму подошел человек, назвавшийся Линкольном.

— Острог все учел! — воскликнул он. — Доверьтесь ему. У нас все подготовлено. Мы захватим все воздушные платформы. Быть может, это уже сделано. Тогда…

— Эта толпа, наполняющая театр, — кричал человек в желтом, — только частица наших сил!

У нас пять мириад обученных людей.

— У нас есть оружие! — кричал Линкольн. — У нас есть план. Есть предводитель. Их полиция прогнана с улиц и собралась в… — (Грэхэм не расслышал слова.) — Теперь или никогда! Совет теряет почву под ногами… Он не доверяет даже своему регулярному войску…

— Слышите, что народ зовет вас!

Сознание Грэхэма походило на лунную облачную ночь — то просветлялось, то безнадежно затемнялось. Итак, он Правитель Земли, он, промокший до нитки от растаявшего снега. Больше всего поражал его этот антагонизм: с одной стороны, могущественный дисциплинированный Белый Совет, от которого ему с трудом удалось ускользнуть, с другой — чудовищные толпы, огромные массы рабочего народа, выкрикивающие его имя, называющие его Правителем Земли. Одна партия заключила его в тюрьму, осудила его на смерть. Другая — эти волнующиеся, кричащие тысячи людей — освободила его. Но отчего это все происходило, он не мог понять.

Дверь отворилась, и голос Линкольна потонул в гуле возмущенной толпы. Несколько человек подбежали к Грэхэму и Линкольну, бурно жестикулируя. Губы их шевелились, но не слышно

было, что они говорят. «Покажите нам Спящего! Покажите нам Спящего!» — раздавались оглушительные крики. «Тише, к порядку!» — призывали другие.

Взглянув в открытую дверь, Грэхэм увидел огромный овальный зал и множество взволнованных лиц и протянутых рук. Мужчины и женщины махали синими платками. Многие стояли. Худощавый человек в рваной коричневой одежде вскочил на сиденье и махал черным плащом. В глазах девушки Грэхэм прочел ожидание. Чего хочет от него весь этот народ?

Разноголосый гул изменился, сделался мерным, ритмическим.

Грэхэм почувствовал себя лучше. Он точно преобразился, недавнего страха как не бывало. Он начал спрашивать, чего от него хотят.

Линкольн что-то кричал ему в ухо, но Грэхэм не слышал. Все остальные, кроме девушки, показывали на зал. Внезапно он понял, почему изменился гул. Толпа пела хором. Это было не только пение. Голоса стройно сливались и усиливались могучей волной органной музыки, в которой слышались раскаты труб, мерные шаги войска, шелест развевающихся знамен, звуки военного марша. Тысячи ног отбивали такт:

трам, трам!

Его увлекли к двери. Он повиновался машинально. Музыка и пение захватили, воодушевили и вдохновили его. И вот перед ним зал, где развеваются в такт музыке знамена.

— Помахайте рукою! — кричит Линкольн. — Приветствуйте их!

— Подождите, — слышится чей-то голос с другой стороны, — он должен надеть это.

Чьи-то руки коснулись его шеи, задерживая его у входа, и вот плечи его окутала черная мантия, спадавшая мягкими складками. Высвободив руку, он следует за Линкольном. Рядом идет девушка в сером; лицо ее пылает, она взволнована. Оживленная, восторженная, она кажется ему воплощением гимна. Вот он снова стоит в нише. Могучая волна звуков оборвалась при его появлении и рассыпалась пеной нестройных приветствий. Направляемый Линкольном, он прошел через сцену и взглянул на толпу.

Зал представлял собой колоссальную, весьма сложную постройку — галереи, широкие балконы, амфитеатры, лестницы, громадные арки. Далеко вверху виднелся вход в просторную галерею, переполненную народом. Необозримая толпа колыхалась сомкнутой массой, из которой

выделялись отдельные фигуры, на мгновение они привлекали его внимание и снова исчезали. Почти у самой платформы красивая белокурая женщина с разметавшимися волосами, которую поддерживают трое мужчин, машет зеленым жезлом. Рядом изможденный старик в синем старается удержать свое место, а еще дальше видна лысая голова и черная яма широко открытого беззубого рта. И кто-то выкрикивает загадочное слово: «Острог!»

Все это он видел как бы в тумане и только слышал ритм гимна — толпа ногами отбивала такт: трам, трам, трам, трам. Размахивали оружием, которое сверкало зеленоватым пламенем.

Вот по широкой, ровной площадке перед сценой, направляясь к огромной арке, проходит, маршируя, отряд с криками: «К Совету!» Трам, трам, трам!

Грэхэм поднял руку, и рев удвоился. Грэхэм крикнул: «Вперед!» Он шевелил губами, выкрикивая героические слова, но его не было слышно.

— Вперед! — повторил он, указывая на арку.

Люди уже не отбивали такт ногами, они маршировали: трам, трам, трам, трам! В толпе виднелись бородатые мужчины, старики, юноши, женщины с голыми руками, в развевающихся платьях,

молодые девушки. Мужчины и женщины новой эры! Богатые одеяния и серые лохмотья тонули в потоке синих одежд. Громадное черное знамя, плавно колыхаясь, плыло направо. Вот промелькнул негр, одетый в синее, сморщенная старуха в желтом, театрально продефилировала группа высоких светловолосых и белолицых мужчин в синем. Грэхэм заметил двух китайцев. Высокий, смуглый, желтолицый юноша с блестящими глазами, с ног до головы одетый в белое, вскарабкался на край платформы и что-то восторженно кричит, потом, спрыгнув, бежит дальше, оглядываясь назад. Головы, плечи, руки, сжимающие оружие, — все колыхалось и двигалось в такт марша.

Лица одно за другим выплывали и снова скрывались, тысячи глаз встречались с его глазами. Приветствуя его жестами, люди что-то кричали. У многих цветущие лица, но у большинства на лице следы болезней. Мужчины и женщины новой эры! Какое странное, поразительное зрелище!

Шествие проплывало мимо него, устремляясь направо; переходы зала без конца выбрасывали все новые и новые массы людей. Трам, трам, трам, трам! Мощная мелодия гимна перекатывалась эхом под арками и сводами. Мужчины и женщи-

ны перемешивались в рядах. Трам, трам, трам, трам! Казалось, все человечество выступило в поход. «Трам, трам, трам», — отдавалось у него в голове. Развевались синие одежды, мелькали все новые лица.

Трам, трам, трам, трам! Линкольн сжал его руку, Грэхэм повернулся к арке и бессознательно, в такт музыке, двинулся вперед. Толпы, крики, пение — все неслось в одном потоке. Люди спускались вниз, их обращенные к нему лица проплывали на уровне его ног. Он видел перед собой дорогу, вокруг себя свиту, почетную стражу и Линкольна по правую руку. Все прибывавшая свита заслоняла от него шедшую слева толпу. Впереди шагала стража в черном, по три в ряд. По узкому переходу, обнесенному перилами, он прошел под аркой, в которую шумно вливался бурный поток народа. Он не знал, куда идет, да и не хотел знать. Он обернулся и бросил последний взгляд на огромный, залитый светом зал. Трам, трам, трам, трам!

Глава X
Сражение во мраке

Грэхэм находился уже не в зале. Он шел по галерее, перекинутой через одну из движущихся улиц, которые прорезали город. Впереди и позади маршировала его свита. Все ущелье движущихся путей кишело людьми, которые кричали, махали руками и оружием, маршируя из-под арки справа от Грэхэма и исчезая слева от него, там, где шары электрического света сливались с горизонтом и скрывали волны непокрытых голов. Трам, трам, трам, трам!

Пение, уже без музыки, стало резким и хриплым. Мерные звуки шагов — трам, трам, трам, трам — смешивались с нестройным топотом недисциплинированной толпы на верхних путях.

Грэхэм был поражен контрастом. Здания на противоположной стороне улицы казались совершенно безлюдными: канаты и мосты, перекинутые над проходом, были пусты и не освещены. У него мелькнула мысль, что они тоже должны бы быть полны народа.

Он заметил какое-то странное мигание и остановился. Свита, шедшая впереди, продолжала двигаться, но окружающие остановились вместе с ним. Грэхэм поглядел на их лица. Очевидно, это мигает электрический свет. Он тоже поднял голову.

Сначала ему показалось, что это мигание случайно и не имеет никакой связи с событиями, но скоро он понял, что ошибся. Огромные ослепительно-яркие фонари пульсировали, они то сжимались, то разжимались — темнота, свет, опять темнота…

Грэхэм догадался, что это делается преднамеренно. Здания, улицы, толпы народа превратились в причудливую игру теней и света. Тени прыгали, расширялись, быстро удлинялись, потом пропадали и вырастали снова. Движение остановилось, пение смолкло, марш прервался, толпа отхлынула в сторону. «Света! — раздались со всех сторон крики. — Света! Света!» Грэхэм посмотрел вниз. В этой судорожной агонии света улица казалась фантастической. Громадные ослепительно-белые шары становились розоватыми, краснели, мигали, угасали, вновь зажигались и тлели красными пятнами среди мрака. В десять секунд свет совершенно погас, кромешная

тьма нависла над городом и поглотила мириады людей.

Вокруг Грэхэма возникла суматоха; кто-то схватил его за руку. Что-то больно ударило его по ноге. Чей-то голос прокричал ему над самым ухом:

— Ничего, все идет отлично!

Грэхэм начал приходить в себя. Столкнувшись с Линкольном, он громко спросил:

— Что случилось?

— Совет перерезал провода, и свет погас. Надо обождать. Они не остановят нас… Они хотят…

Его слова заглушил взрыв криков:

— Спасайте Спящего! Берегите Спящего!

Один из охраны натолкнулся на Грэхэма и больно ушиб ему руку оружием. Началась толкотня и свалка, грозившая перейти в панику. Слышались какие-то непонятные выкрики, из гула вырывались отдельные слова. Одни отдавали приказания, другие отвечали. Совсем близко кто-то громко простонал.

— Красномундирная полиция! — крикнул кто-то над ухом у Грэхэма.

Издалека послышался треск, впереди за углом замигали вспышки. При свете их Грэхэм различил во мраке скопление людей, вооруженных так же, как и его стража. Вскоре вся улица наполни-

лась треском и вспышками. Потом опять упала, словно черный занавес, темнота.

В глазах у него промелькнули огненные искры и клубок человеческих тел. С другой стороны улицы послышались громкие крики. Он взглянул туда, где маячил свет. Наверху, на канате, висел человек в красной форме, держа в руках какой-то ослепительно-яркий фонарь.

Грэхэм посмотрел на движущиеся платформы и заметил вдали красное пятно. Масса людей в красной форме занимала верхний проход, их окружила и теснила к откосам здания густая толпа народа. Сражение было в полном разгаре. Взлетало и опускалось оружие, головы одних тонули в давке, их заменяли другие. Вспышки, производимые зеленым оружием, при свете казались серым дымком.

Внезапно свет снова погас, и улицы опять погрузились в чернильный мрак, в кишащий хаос.

Кто-то столкнулся с ним и повлек его на галерею. Кто-то кричал, очевидно ему, но он ничего не понял. Его оттеснили к стене, несколько человек пробежали мимо. Ему казалось, что сопровождающие его стражи в темноте сражаются друг с другом.

Внезапно на канате снова показался человек, и

улица озарилась ослепительным светом. Одетые в красное люди подступали ближе. Передовой их отряд находился на половине пути к центральной части здания. Взглянув вверх, Грэхэм увидел, что они проникли в нижние темные галереи противоположной стороны и стреляют через головы товарищей в кишащую внизу толпу. Грэхэм понял, в чем дело. Восставшие попали в засаду. Полиция в красном привела их в замешательство, погасив свет, а потом внезапно их атаковала. Тут Грэхэм заметил, что он один, его охрана и Линкольн остались в галерее позади. Он видел, что они спешат к нему на помощь, отчаянно размахивая руками. Толпа на улице что-то кричала. Весь фасад на противоположной стороне пестрел от множества одетых в красное людей, которые что-то вопили, указывая на него пальцами.

— Спящий! Спасайте Спящего! — услышал он крики толпы.

Что-то щелкнуло по стене над его головой. На серебристой поверхности стены появилось звездообразное отверстие. Два раза неподалеку от него ударили пули. Вдруг появился Линкольн, схватил его за руку и потащил.

В первое мгновение Грэхэм даже не понял, что

стреляли в него. Снова стало темно. Улица потонула во мраке. Не было видно ни зги.

Линкольн вел Грэхэма за руку.

— Скорей, пока не зажгли свет! — кричал он.

Его волнение передалось Грэхэму. Пробудился инстинкт самосохранения — и столбняка как не бывало. Некоторое время Грэхэм был во власти животного страха смерти. Он бежал, то и дело спотыкаясь в темноте, наталкиваясь на окружавших его стражей. Бежать во что бы то ни стало из этой галереи, где он так заметен, было единственным его желанием. В третий раз вспыхнул свет. С улицы послышались тревожные крики, началось невообразимое смятение. Красные мундиры уже достигли центрального прохода. Множество враждебных глаз было устремлено на него. Полицейские кричали, указывая на Грэхэма пальцами. Белый фасад напротив был усеян людьми в красном. И все эти удивительные события происходили из-за него. Полиция Совета пыталась завладеть им.

К счастью, стреляли все второпях, с расстояния не менее ста пятидесяти метров. Над головой у него свистели пули; горячая струя от расплавленного металла обожгла ему ухо. Он знал, что весь противоположный фасад усеян красными мун-

дирами, что на нем сосредоточен теперь огонь полиции, вышедшей из засады.

Один из охраны упал, и Грэхэм с разбегу перескочил через его распростертое, конвульсивно подергивающееся тело.

Через секунду Грэхэм скрылся в темном проходе. В следующий миг на него с размаху налетел кто-то. Грэхэм упал и стремглав покатился в темноте вниз по лестнице. Падая, он с кем-то столкнулся. Наконец налетел на стену. Он попал в какую-то свалку и был отброшен в сторону и придавлен. Его теснили со всех сторон. Он не мог вздохнуть, ребра его хрустели. Потом ему стало свободнее. Толпа увлекла его за собой, и он очутился в том самом громадном театре, из которого недавно вышел. Давка снова усилилась. Он отчаянно работал локтями. Послышались глухие крики: «Они приближаются!» Грэхэм споткнулся обо что-то мягкое и услышал хриплый стон, потом крики: «Спящий!» — но он был так оглушен, что не мог ответить. Потом затрещало зеленое оружие. Безвольным, слепым, механическим атомом следовал он за движением толпы. Его толкнули, он ударился о ступеньку и заметил, что находится на покатой плоскости. Тьма рассеялась, и он увидел лица окружающих его людей,

мертвенно-бледные и покрытые потом, изумленные, испуганные, с широко открытыми от ужаса глазами. Лицо какого-то юноши было совсем рядом с ним, чуть ли не в двадцати дюймах. В тот момент Грэхэм взглянул на него равнодушно, но потом оно часто мерещилось ему. Юноша этот, стиснутый со всех сторон толпой, был простре-лен и мертв.

Очевидно, и эта четвертая по счету вспышка света тоже была вызвана человеком на канате. В театр свет проникал через огромные окна и арки. Грэхэм находился среди толпы бегущих, наполнявших всю нижнюю арену гигантского помещения. Мелькание черных теней придавало этой сцене мрачный, фантастический вид. Нев-далеке отряд полиции оружием прочищал себе дорогу сквозь толпу. Грэхэм не знал, замечен он ими или нет. Он искал Линкольна и свою охрану. Линкольн, окруженный толпой одетых в черное революционеров, стоял почти около самой сце-ны и, поднимаясь на носках и вытягивая шею, казалось, отыскивал его глазами. Грэхэм заметил позади ряды пустых кресел, от которых его отде-лял лишь невысокий барьер. Он начал пробивать себе дорогу к барьеру, но когда добрался, свет вновь погас.

Сбросив длинную черную мантию, которая не только затрудняла его движения, но делала его заметным в толпе, Грэхэм перелез через барьер и спрыгнул в темноту. Спрыгивая, он слышал, как кто-то запутался в складках брошенной им мантии. Ощупью он направился к проходу, ведущему наверх. В темноте стрельба прекратилась; крики и топот стали глуше. Под ноги ему попалась какая-то ступенька, он споткнулся и упал. Туманные световые пятна в темноте снова вспыхнули; снова поднялся оглушительный гам; в пятый раз блеск ослепительной белой звезды проник сквозь широкие отверстия в стенах театра.

Перепрыгивая через сиденья, он услышал крики и выстрелы. Привстал и снова пригнулся, заметив, что вокруг него расположилась кучка людей в черном, которые стреляли в красные мундиры, перепрыгивали с кресла на кресло и прятались за ними, чтобы перезарядить оружие. Инстинктивно Грэхэм тоже притаился за креслами. Кругом свистели пули, пробивая пневматические подушки и дырявя мягкий металл кресел. Укрываясь от выстрелов, он старался заметить расположение проходов, безопасное место, куда можно было скрыться в темноте.

Юноша в выцветшей синей одежде внезапно

вскочил на сиденье. «Алло!» — крикнул он. Ноги его находились в каких-нибудь шести дюймах от головы Спящего.

Он поглядел на Грэхэма, очевидно не узнавая его, затем повернулся, выстрелил и, воскликнув: «К чертям ваш Совет!» — прицелился для нового выстрела. Грэхэму показалось, что шея у юноши вдруг уменьшилась вполовину. Теплая капля упала на щеку Грэхэма. Зеленое оружие замерло в руках у бойца. Секунду юноша продолжал стоять с отупелым лицом. Затем медленно наклонился вперед, колени его подогнулись. Он упал, и тут же стало темно. Услышав падение тела, Грэхэм вскочил и, спасая свою жизнь, ринулся к проходу. Споткнулся о первую ступень, упал и, поспешно вскочив, устремился кверху.

Когда яркий свет вспыхнул в шестой раз, Грэхэм находился уже у выхода. Он кинулся туда со всех ног, пока не погас свет, выбежал, тотчас же свернул за угол и снова очутился в темноте. Его сбили с ног, но он поднялся. Затертый в толпе невидимых беглецов, теснившихся в одном направлении, он, как и все они, думал только об одном: как бы уйти подальше от места боя. Он толкался, пробивался вперед, его сжимали со всех сторон так, что он приподнимался на воздух;

наконец он выбрался на свободу.

В течение нескольких минут он бежал в темноте по извилистому коридору. Затем пересек широкое открытое место, дальше начинался длинный откос; Грэхэм спустился по ступеням на ровную площадку. Кругом раздавались крики: «Они приближаются! Полиция близко! Они уже стреляют! Дальше уходите от места сражения! Полиция стреляет! Всего безопаснее на седьмом пути! Бежим на седьмой путь!» В толпе были не только дети и женщины, но и мужчины, которые толкали его и бранились.

Толпа ринулась через узкое отверстие под аркой на открытое, тускло освещенное место. Темные фигуры прыгали и взбирались на ступени колоссальной лестницы. Он последовал за толпой, которая расходилась вправо и влево… Вскоре он очутился один невдалеке от последней ступени, перед площадкой, где возвышались сиденья и небольшой киоск. Поднявшись, он остановился в тени киоска, тяжело дыша, и оглянулся.

Несмотря на полумрак, он рассмотрел, что это громадные ступени платформы остановившихся «путей». Платформы загибались, уходя в разные стороны, и над ними мрачно возвышались

огромные здания с непонятными надписями и объявлениями, и высоко вверху сквозь сеть балок и канатов светлела полоска бледного неба. Мимо пробежали несколько человек. Из их разговоров и криков Грэхэм понял, что они спешат принять участие в борьбе. В темных углах бесшумно скользили человеческие фигуры.

Издалека доносился шум сражения. Очевидно, эта улица находилась в стороне от театра. Впечатления от битвы мало-помалу изгладились. Как это странно — они сражались из-за него!

Он был похож на человека, только что оторвавшегося от чтения увлекательной книги. Все случившееся казалось ему нереальным. Он не мог припомнить подробностей — так он был поражен всем виденным. Он хорошо помнил свое бегство из комнаты, где был заперт, громадную толпу в зале и нападение красномундирной полиции, но с трудом припоминал свое пробуждение и томительное ожидание в Комнатах Безмолвия. Почему-то ему вдруг вспомнился колыхавшийся и брызжущий под напором ветра водопад Пентаргена и солнечное побережье. Контраст был слишком разителен, все казалось ему нереальным, и он не сразу осознал свое положение.

Таинственность, которая окружала его в Ком-

натах Безмолвия, несколько рассеялась, и он начал различать смутные контуры действительности. Каким-то непостижимым образом он стал хозяином половины мира, и могущественные политические партии борются из-за него. На одной стороне — Белый Совет со своей красномундирной полицией, захвативший его собственность и намеревавшийся умертвить его; на другой — революционеры, с таинственным Острогом во главе, которые его освободили. И весь гигантский город содрогается в борьбе. Весь мир словно сошел с ума.

— Я ничего не понимаю! — воскликнул он. — Решительно ничего не понимаю!

Ему удалось ускользнуть от опасности. Но что будет дальше? Что происходит там? Он представлял себе, как люди в красном ищут его, разгоняя одетых в черное революционеров.

Однако ему дана передышка. Спрятавшись, он может наблюдать за ходом событий. Напряженно всматриваясь в сумрак зданий, он вспомнил вдруг с удивлением, что где-то вверху над ним восходит солнце и мир по-прежнему залит ярким дневным светом. Скоро он пришел в себя. Его промокшее насквозь платье почти совсем просохло.

Ни с кем не заговаривая, стараясь избегать

всяких встреч, прошел он несколько миль по сумрачным путям, — случайный властитель половины мира, жалкий осколок далекого прошлого, темный призрак среди других таких же призраков. Опасаясь быть узнанным, он старательно избегал освещенных и оживленных мест, то сворачивая в сторону или возвращаясь назад, то поднимаясь или спускаясь в другие проходы, хотя сражение происходило где-то далеко, весь город был взволнован. Раз ему даже пришлось бежать от отряда, который занял улицу и забирал всех встречных. Отряд по большей части состоял из вооруженных мужчин. Битва, очевидно, развертывалась в той части города, откуда Грэхэм шел; с той стороны порой доносился отдаленный гул. В душе Грэхэма происходила борьба между любопытством и осторожностью; последняя взяла верх, и он уходил все дальше и дальше от места сражения. В полумраке его никто не останавливал. Вскоре отголоски битвы замерли вдалеке, и он очутился один среди огромных безлюдных улиц. Фасады строений были здесь проще и грубей; по-видимому, он зашел на окраину, где помещались склады. Очутившись в одиночестве, он замедлил шаг.

Он сильно устал. Иногда он сворачивал в сто-

рону и садился передохнуть на скамью верхнего пути. Но тревожная мысль о той роли, которую играет он в событиях, не давала ему покоя и гнала его вперед. Неужели сражение происходило только из-за него?

Внезапно по пустынной улице прокатился гул, точно от землетрясения: струя холодного воздуха, звон стекол, грохот рушащихся стен, чудовищная судорога. На расстоянии какой-нибудь сотни метров от Грэхэма посыпалось железо и стекла с крыши средней галереи. Вдалеке послышались крики и топот. Грэхэм кинулся бежать, сам не зная куда.

— Что они там взорвали? Ведь это взрыв? — спросил человек, пробегая мимо, и, прежде чем Грэхэм собрался ответить, скрылся.

Вокруг высились огромные здания, они были окутаны сумраком, хотя полоска неба наверху посветлела.

Грэхэм заметил много странного и непонятного; он пробовал прочесть некоторые надписи. С трудом удалось ему из странных, почти незнакомых букв сложить непонятные слова и фразы, как: «Идемит» или «Бюро Работы — Боковая Сторона». Как странно, что большая часть этих похожих на скалы зданий — его собственность!

Благодаря капризу случая он вернулся к жизни. И ему действительно удалось сделать тот прыжок в будущее, какой до него делало только воображение романистов. Проснувшись, он приготовился быть зрителем нового мира, и вместо этого — грозная опасность, мрачные тени и сумерки. Быть может, смерть уже подстерегает его в этом темном лабиринте. Быть может, он будет убит, ничего не узнав. Возможно, что смерть таится рядом — в первом темном углу. Его охватило страстное желание все узнать, все увидеть. Он старался избегать темных углов. Ему хотелось спрятаться. Но куда? Ведь свет может опять загореться. Грэхэм сел на одну из скамеек на верхнем пути, думая, что он здесь один.

Он закрыл усталые глаза руками. А что, если, открыв их снова, он больше не увидит эти окутанные сумраком параллельные пути, эти громады зданий? Быть может, события нескольких дней, его пробуждение, волнующаяся толпа, этот мрак, эта борьба — только фантасмагория, особый вид сна? Да, это, должно быть, сон; недаром все это так непоследовательно, так нелогично. Зачем, например, людям сражаться из-за него? Разве может новый, более современный мир смотреть на него как на своего господина и повелителя?

Так думал Грэхэм, сидя с закрытыми глазами; он втайне надеялся, что перед ним вновь предстанет знакомая картина жизни девятнадцатого столетия, уютная бухта Боскасля, скалы Пентаргена, его спальня.

Но действительности нет дела до человеческих надежд и желаний. Из сумрака выступил отряд с черным знаменем, спешащий принять участие в битве, а сзади высилась головокружительная громада фасадов, мрачных и таинственных, с непонятными тусклыми надписями.

— Нет, это не сон, — промолвил он, — это не сон!

И снова закрыл лицо руками.

Глава XI
Всезнающий старик

Грэхэм вздрогнул, услышав у себя за спиной покашливание.

Он быстро оглянулся и, всмотревшись, заметил сгорбленную фигурку, сидящую в темном углу на расстоянии всего двух метров.

— Есть у вас какие-нибудь новости? — спросила фигурка старческим, дребезжащим голосом.

Грэхэм медлил с ответом.

— Никаких, — сказал он.

— Я пережидаю здесь, пока снова зажгут свет, — снова заговорил старик. — Эти синие бездельники рыщут повсюду.

Грэхэм пробормотал что-то нечленораздельное. Он старался рассмотреть старика, но темнота скрывала его лицо. Он хотел поговорить, но не знал, как начать.

— Темно и скверно, — произнес вдруг старик. — Дьявольски скверно. И надо же было мне выйти из дому в такую заваруху!

— Да, вам это нелегко, — сочувственно сказал Грэхэм. — Вам, должно быть, очень тяжело.

— Тьма какая! А старому человеку долго ли потеряться в темноте? Все, кажется, с ума сошли. Война и драка. Полиция разогнала их, и бродяги шныряют повсюду. Следовало бы привезти негров, они бы навели порядок. Довольно с меня этих темных проходов. Я споткнулся и упал на мертвое тело. В компании все-таки безопаснее, — продолжал старик, — если только это компания порядочных людей.

Всматриваясь в Грэхэма, старик поднялся и подошел поближе.

По-видимому, Грэхэм произвел на него благоприятное впечатление. Он снова уселся, очевидно радуясь, что не один.

— Да, — проговорил он, — ужасное время! Война и убийства! Убитые валяются повсюду. Мужчины, сильные, здоровые мужчины умирают по темным углам. Сыновья!.. У меня тоже трое сыновей. Бог знает, где они теперь!

Помолчав, он повторил дрожащим голосом:

— Бог знает, где они теперь!

Грэхэм не знал, что ответить, боясь выдать себя.

— Острог победит, — продолжал старик. — Непременно победит. Никто не знает толком, что он хочет предпринять. Мои сыновья у ветряных

двигателей, все трое. Одна моя сноха некоторое время была его возлюбленной. Подумать только, его возлюбленной! Ведь мы не простые люди, хотя мне и приходится теперь бродить в темноте… Я-то знаю, что происходит. Уже давно это все предвидел. Но этот проклятый мрак! Подумайте только, упал в темноте на мертвое тело!

Дыхание со свистом вырывалось из груди старика.

— Острог… — повторил Грэхэм.

— Величайший из народных вождей, — перебил его старик.

Грэхэм собрался с мыслями.

— У Совета найдется немало друзей среди народа, — сказал он нерешительно.

— Очень мало друзей. Особенно среди бедных. Прошло их время. Да! Надо было им вести себя поумнее. Два раза ведь были выборы. И Острог… Но теперь уже началось — и ничто им не поможет, ничто не поможет… Два раза они отказывали Острогу, это Острогу-то — вождю! Я слышал, в какую ярость пришел он тогда; он был ужасен. Да спасет их небо! Ничто в мире не поможет им, раз он поднял на них рабочие союзы. Все эти синие вооружились и выступили в бой. При таких условиях нельзя не победить. И вот увидите, он

победит!

Некоторое время старик сидел молча.

— Этот Спящий… — начал было он и смолк.

— Да, так что же? — спросил Грэхэм.

Старик перешел на конфиденциальный шепот; наклонившись к Грэхэму, он прошептал:

— Ведь подлинный Спящий…

— Ну?

— Умер. Много лет назад.

— Как так? — удивился Грэхэм.

— Ну да, умер. Много лет как умер.

— Как можете вы так говорить? — не удержался Грэхэм.

— Могу… Уж я-то знаю. Он умер. Спящий, что проснулся теперь — они подменили его ночью, — какой-то бедняк, которого опоили до потери сознания. Но я не могу сказать вам всего, что знаю. Далеко не все могу сказать.

Некоторое время он бормотал что-то непонятное. Секрет, который он знал, очевидно, не давал ему покоя.

— Я не знаю тех, которые усыпили его, — это случилось еще до меня, — но я знаю человека, который сделал ему впрыскивание и пробудил его. Тут был один шанс из десяти: или пробудить, или убить, или пробудить, или убить. В этом

видна рука Острога.

Грэхэм был так удивлен, что несколько раз прерывал старика, заставляя его рассказывать все снова. Он не мог поверить. Значит, пробуждение его не было естественным! Есть ли в этом доля правды, или же старик выжил из ума? Он припомнил, что такие случаи возможны. Ему пришло в голову, что, быть может, недаром судьба столкнула его с этим стариком: ему представляется прекрасный случай узнать новый мир поближе.

Старик долго сопел и кряхтел, потом снова заговорил высоким сиплым голосом:

— В первый раз они отказали ему. Я это хорошо знаю.

— Кому отказали? Спящему?

— Нет, не Спящему. Острогу. Он был ужасен, ужасен! Ему было, конечно, обещано, обещано на следующий раз. Глупцы они, вот что, — пренебречь таким человеком! А теперь весь город льет воду на его мельницу, а он перемалывает таких, как мы с вами. Перемалывает, как муку. Пока он восстановит порядок, рабочие успеют перерезать полицейских и всяких там китайцев; а нас, обывателей, пожалуй, не тронут. Всюду мертвые тела! Грабеж! Мрак! Ничего подобного за последний гросс лет не случалось. Да! Плохо

приходится маленьким людям, когда большие дерутся! Ох как плохо!

— Как вы сказали? За последний гросс лет не случалось… Чего не случалось?

— Что? — переспросил старик.

Ссылаясь на то, что Грэхэм непонятно выговаривает слова, старик заставил его три раза повторить свой вопрос.

— Междоусобиц не было, — сказал старик, — не было и резни, не было и дураков, болтающих о свободе и прочей ерунде. За всю свою жизнь я не встречал ничего подобного. Теперь повторяется то же, что бывало в старые времена, гросса три лет тому назад, когда в Париже народ поднял восстание. Ничего такого не случалось, говорю я. Но так уж создан мир. Все в нем повторяется. Я знаю, я-то уж знаю… Пять лет Острог без устали работал — и вот повсюду волнения, брожение умов, декларации, голод и восстания. Синий холст и ропот. И все в опасности. Всякий старается укрыться, все удирают. И мы с вами вон куда попали! Бунт и убийства — и Совету конец.

— Я вижу, вы хорошо осведомлены обо всех событиях, — заметил Грэхэм.

— Я говорю то, что слышал. А слышал я не от Болтающей Машины.

— Вот как? — удивился Грэхэм, не понимая, что это за Болтающая Машина. — И вы наверное знаете, что Острог… вы уверены, что это именно он поднял восстание и подстроил пробуждение Спящего? И все из-за того, что его не включили в Совет?

— Всякий это знает, я полагаю, — ответил старик. — Всякий дурак знает. Он намерен сам править страной. В Совете или без Совета. Всякий это знает! А мы сидим тут в темноте, окруженные мертвецами. Но где же вы, спрашивается, были, если не знаете о борьбе между Острогом и Вернеем? И чем, по-вашему, вызваны все эти волнения? Спящий!.. А? Что? Вы думаете, пожалуй, что Спящий действительно существует и проснулся сам?

— Я человек малосведущий и старше, чем кажусь, — сказал Грэхэм. — К тому же память у меня плохая, особенно на события последних лет. Я знаю едва ли больше, чем этот самый Спящий.

— Вот как! — удивился старик. — Стары, вы говорите? А между тем вы не выглядите стариком. Правда, не всякий сохраняет память до такого возраста, как я. Но ведь это очень важные события. А вы далеко не так стары, как я, далеко не так стары. Впрочем, не следует обо всех судить

по себе. Вот я, например, кажусь моложавее своего возраста. Может быть, вы выглядите старше своего?

— Вы совершенно правы, — ответил Грэхэм. — И притом со мной случилась странная история. Я знаю очень мало. Я совсем не знаю истории. Спящий и Юлий Цезарь — почти одно и то же для меня. Поэтому мне интересно, что вы скажете обо всем этом.

— Я знаю не слишком много, — возразил старик, — но все-таки кое-что мне известно. Ш-ш!! Что это?

Оба замолчали и стали прислушиваться. Издалека донесся гул, заколебалась почва. Проходящие остановились и начали перекликаться. Старик тоже окликнул одного из них, спрашивая, в чем дело. Ободренный его примером, Грэхэм встал и начал расспрашивать. Но никто не знал толком, что случилось.

Вернувшись на старое место, Грэхэм услышал, что старик что-то бормочет про себя. Несколько минут оба молчали.

Мысль об этой титанической борьбе, столь близкой и в то же время столь далекой, мучила Грэхэма. Неужели прав этот старик, неужели верны сообщения прохожих, что революционеры

побеждают? Или же они ошибаются, и красномундирная полиция очищает улицы? Как бы то ни было, сражение каждую минуту может перекинуться в эту тихую часть города. Надо воспользоваться случаем и постараться выведать все, что возможно, у старика. Он повернулся, чтобы задать вопрос, но у него не хватило смелости. Впрочем, старик снова заговорил сам:

— Все одно к одному! Этот Спящий, в которого так верят все эти дураки!.. Ведь я знаю всю его историю, я всегда любил историю. Когда я был мальчиком, то читал еще печатные книги. Пожалуй, вы не поверите мне. Я думаю, вы и не видели ни одной — все они успели, пожалуй, рассыпаться в прах, если только Санитарная компания не сожгла их раньше, чтобы пустить на выделку облицовочной плитки. Но при всех недостатках они имели и хорошую сторону. Из них можно было действительно научиться кое-чему. Эти новомодные пустомели — Болтающие Машины… Вам, я думаю, они тоже надоели: их легко слушать, а еще легче сейчас же забыть все, что услышал. Но я знаю всю историю Спящего.

— Вы, пожалуй, не поверите мне, — сказал нерешительно Грэхэм, — но я до того невежествен и притом обстоятельства сложились для

меня до того странно, что я ровно ничего не знаю об этом Спящем. Кем он был?

— Да что вы! — удивился старик. — А я знаю. Я все знаю. Он был так себе, незначительной личностью и связался с легкомысленной женщиной, бедняга. А потом впал в летаргию. Еще и теперь есть старинные картинки, темные такие, фотографии, как их называют, на которых он изображен спящим: им будет уже полтора гросса лет, полтора гросса лет!

«Связался с легкомысленной женщиной, бедняга», — повторил про себя Грэхэм.

— Продолжайте, — добавил он громко.

— У него был, видите ли, двоюродный брат, по фамилии Уорминг, одинокий и бездетный, составивший большое состояние спекуляциями на только что появившихся тогда идемитных дорогах. Вы слышали, конечно? Нет? Странно. Он скупил все патенты и организовал большую компанию. В те времена были еще гроссы гроссов различных индивидуальных предприятий и мелких компаний. Гроссы гроссов! Его дороги убили старые, железные, в две дюжины лет; скупив их, он обратил их в идемитные. Не желая раздроблять свое громадное состояние или устраивать акционерную компанию, он завещал все

Спящему и назначил особый Опекунский Совет. Он думал, что Спящий никогда не проснется, что он будет спать, пока сон не перейдет в смерть. Он был в этом уверен — и ошибся. А тут еще один американец из Соединенных Штатов, у которого погибли оба сына при кораблекрушении, тоже завещал Спящему все свое состояние. Таким образом, у Опекунского Совета оказалось состояние, равное примерно дюжине мириадов львов, если не больше.

— Как его звали?

— Грэхэм.

— Да нет, я говорю про того американца.

— Избистер.

— Избистер! — воскликнул Грэхэм. — А ведь я даже не знал его имени.

— Ничего удивительного, ничего удивительного! — возразил старик. — Немногому люди выучиваются в нынешних школах. Но я все знаю о нем. Это был богатый американец, родом из Англии, и он оставил Спящему, пожалуй, еще больше, чем Уорминг. Каким образом составил он состояние? Вот этого я уж не знаю точно. Кажется, изготовлял картины машинным способом. Одним словом, он разбогател и завещал все свое состояние Спящему. Так было положено нача-

ло Совету. Вначале это был просто Опекунский Совет.

— Каким же образом он получил власть?

— Ах, ну как же вы не понимаете! Деньги всегда идут к деньгам, а двенадцать голов всегда умнее одной. Они действовали очень умно. Благодаря деньгам они направляли политику, как им хотелось, и продолжали увеличивать капитал, пуская его в оборот и устанавливая тарифы. Капитал все увеличивался и увеличивался. Эти двенадцать опекунов действовали под фирмой Спящего, под видом компаний и прочими способами. От его имени заключали юридические акты и сделки, покупали партии, газеты, все на свете. Послушайте историю этих времен — и вы увидите, как власть и значение Совета все росли и росли. В его руках скопились наконец биллионы львов, все достояние Спящего. И подумать только, что всему этому положили начало прихоть и случайность — завещание Уорминга, а потом гибель сыновей Избистера!

Какое странное создание — человек! — продолжал старик. — Удивительно только, что Совет так долго действовал единодушно. Целых двенадцать человек. И с самого начала все действовали заодно. А все-таки они пали. Во времена моей

молодости Совет был для нас то же самое, что для невежды бог. Мы не смели и подумать, что они могут поступить плохо. Об их женщинах мы и мечтать не могли. Теперь я стал умней. Странное, право, существо — человек. Вот, например, вы. Человек молодой — и ничего не знаете, а я, семидесятилетний старик, которому простительно и забыть половину, объясняю вам все это.

Да, семьдесят, — продолжал он, — семьдесят… И я еще хорошо слышу и вижу, слышу лучше, чем вижу. И голова у меня ясная, и я всем интересуюсь… Семьдесят… Странная вещь — жизнь. Мне было двадцать, когда Острог был ребенком. Я отлично помню его еще задолго до того, как он встал во главе Управления Ветряных Двигателей. С тех пор многое переменилось. Ведь и я ходил когда-то в синем. И вот я дожил до нынешних дней, чтобы увидеть этот бунт, и мрак, и смятение, и груды мертвых тел на улицах. И все это — дело его рук! Его рук дело!

И он начал тихо бормотать что-то непонятное — по-видимому, хвалил Острога.

Грэхэм задумался.

— Позвольте, — проговорил он, протягивая руку и как бы приготовляясь отсчитывать по пальцам. — Итак, значит, Спящий лежал в ле-

таргии…

— Подменен, — сказал старик.

— Допустим. А тем временем состояние Спящего все росло и росло в руках двенадцати опекунов, пока наконец не поглотило почти весь мир. Эти опекуны благодаря такому богатству сделались фактическими властелинами мира, потому что они имели ценз, как в древнем английском парламенте…

— Ого! — произнес старик. — Меткое сравнение. Вы вовсе не так…

— И вот теперь этот Острог взбунтовал весь мир неожиданным пробуждением Спящего, в которое никто не верил, кроме суеверного простонародья, и Спящий потребовал от Совета свое состояние. Не так ли?

Старик только покашливал.

— Странно, — сказал он наконец, — встретить такого человека, который слышит все эти вещи в первый раз.

— Да, это странно, — согласился Грэхэм.

— Были вы когда-нибудь в Городе Наслаждений? — спросил вдруг старик. — Всю свою жизнь я мечтал… — засмеялся он. — Даже теперь я не отказался бы. Посмотреть бы — и то хорошо. — Он пробормотал еще фразу, которую Грэхэм не мог

понять.

— А когда проснулся Спящий? — неожиданно спросил Грэхэм.

— Три дня назад.

— Где он теперь?

— Острог его захватил. Он убежал от Совета всего каких-нибудь четыре часа назад. Дорогой мой сир, неужели вы ничего не знаете? Он был в зале рынков, где произошло сражение. Весь город кричит об этом. Все Болтающие Машины. Даже глупцы, защищающие Совет, и те говорят так. Все бросились туда смотреть на него, и каждый получил оружие. Что, вы пьяны были или спали? Удивительное дело! Нет, вы просто шутите! Делаете вид, что ничего не знаете. Ведь и электричество погасили для того, чтобы заставить замолчать Болтающие Машины и помешать скоплению народа; поэтому такая темь. Быть может, вы хотите сказать…

— Я правда слышал, что Спящий бежал, — перебил его Грэхэм. — Но постойте, вы уверены, что Спящий у Острога?

— Острог ни за что не выпустит его, — заявил старик.

— А Спящий? Уверены вы, что он не настоящий? Я ни от кого еще не слыхал…

— Так думают все глупцы. Да, так они и думают. Как будто они ничего не слыхали. Я достаточно хорошо знаю Острога. Разве я не говорил вам? В некотором роде я ведь с ним в свойстве. Да, в свойстве через свою сноху.

— Я думаю…

— Что такое?

— Я думаю, что вряд ли удастся Спящему получить власть. Я думаю, он будет куклой в руках Острога или Совета, как только кончится эта борьба.

— В руках Острога? Конечно. Да почему бы ему не быть куклой? Все для него возможно, любое наслаждение! Зачем же ему еще власть?

— А что это за Города Наслаждений? — спросил вдруг Грэхэм.

Старик заставил его повторить вопрос. Когда наконец он удостоверился, что не ослышался, то сердито пихнул Грэхэма локтем.

— Нет, это уж слишком! — воскликнул он. — Вы насмехаетесь над старым человеком. Я давно уже подозревал, что вы знаете больше, чем кажется.

— Предположим, что вы правы, — ответил Грэхэм. — Но для чего мне притворяться? Уверяю вас, что я действительно не знаю, что такое Город Наслаждений.

Старик захихикал.

— Мало того, я не умею читать ваших надписей, я не знаю, какие монеты теперь в ходу, я не знаю, какие на свете государства. Я не знаю, наконец, где нахожусь сейчас. Я не умею считать. Я не знаю, где и как достать еду, питье, кров над головой.

— Будет вам! — остановил его старик. — Если вам дать теперь стакан, так вы будете, пожалуй, уверять, что не знаете, куда его поднести… к уху или к глазу?

— Я буду просить вас рассказать мне обо всем.

— Так-так! Ну что же! Джентльмен, одетый в шелк, может позволить себе шутку. — Сморщенная рука протянулась к Грэхэму и несколько мгновений ощупывала его рукав. — Шелк! Ну-ну… Неплохо ему будет жить. Хотел бы я быть на месте Спящего. Удовольствия, роскошь! А у него такое странное лицо. Когда к нему был свободный доступ, я тоже взял билет и ходил смотреть. Лицо точь-в-точь как у настоящего, судя по старым фотографиям, только желтое. Но он быстро поправится. Как странно устроен мир. Подумать только, такое счастье… Такое счастье! Полагаю, что его отправят на Капри. Это будет недурно для начала.

Старик снова закашлялся. Отдышавшись, он стал говорить о тех удовольствиях и наслаждениях, которые ожидают Спящего.

— Вот счастье-то, вот счастье-то! Всю свою жизнь провел я в Лондоне, надеясь, что и на мою долю что-нибудь выпадет.

— Но ведь вы сказали, что подлинный Спящий умер, — перебил Грэхэм.

Старик заставил его повторить эти слова.

— Человек не живет более десяти дюжин лет. Это невозможно, — ответил старик. — Я ведь не дурак. Только дураки могут верить этому.

Грэхэма рассердило самоуверенное упрямство старика.

— Дурак вы или нет, я не знаю, — вспылил он, — но в данном случае вы ошибаетесь.

— Что такое?

— Вы ошибаетесь, говоря так о Спящем. Я сперва промолчал, но теперь говорю вам: вы ошибаетесь относительно Спящего.

— А вы откуда знаете? Не думаю, чтобы вы больше меня о нем знали, раз не знаете даже, что такое Города Наслаждений.

Грэхэм молчал.

— Вы сами ничего не знаете, — продолжал старик. — Откуда вам знать? Лишь очень немно-

гие…

— Я — Спящий!

Грэхэму пришлось повторить эти слова.

Несколько мгновений оба молчали.

— Извините меня, сир, но, по-моему, крайне неблагоразумно говорить подобные вещи. В такое беспокойное время это может доставить вам немало хлопот, — сказал наконец старик.

Несколько смущенный, Грэхэм все же продолжал настаивать:

— Говорю вам, что я и есть Спящий. Много лет назад я впал в летаргический сон; это случилось в маленькой деревне, где дома были построены из камня, еще в те времена, когда существовали и деревни, и гостиницы, и живые изгороди, когда вся земля была еще поделена на небольшие участки. Разве вам не приходилось слышать о тех временах? Так вот я и есть тот самый человек, который проснулся от своего долгого сна четыре дня назад.

— Четыре дня назад! Спящий! Но ведь он у Острога! Острог ни за что не выпустит его. Вот ерунда! До сих пор вы говорили, однако, достаточно здраво. Я там не был, но мне все известно. При нем должен неотступно находиться Линкольн; нет, его не отпустят! Однако вы странный

человек. Шутник, должно быть. Поэтому вы так и коверкаете слова…

Он замолчал и сделал негодующий жест.

— Как будто Острог отпустит Спящего бродить по городу! Нет, рассказывайте это кому-нибудь другому, а не мне. Как же, так я и поверил… Зачем вы притворяетесь? Уж не я ли навел вас на эту мысль своими рассказами о Спящем?

— Послушайте, — произнес Грэхэм, поднимаясь, — я действительно Спящий.

— Чудак, — ответил старик, — сидит тут в темноте, болтает ломаным языком что-то непонятное. Но…

Раздражение Грэхэма улеглось.

— Какая нелепость! — расхохотался он. — Какая нелепость! Кончится ли когда-нибудь этот сон? Он становится все бессвязнее, все фантастичнее. Подумать только, я, воплощенный анахронизм, человек, переживший два столетия, сижу здесь в этой проклятой темноте и стараюсь убедить какого-то старого болвана, что я — действительно я, а между тем… Уф!

Он порывисто повернулся и зашагал прочь. Старик тотчас же последовал за ним.

— Не уходите! — кричал он. — Пускай я буду старый болван. Только не уходите! Не оставляйте

меня одного в темноте.

Грэхэм остановился в нерешительности. Зачем он так неосторожно выдал свою тайну?

— Я не хотел вас оскорбить, — сказал, подходя, старик. — Что за беда! Считайте себя Спящим, если это вам нравится. Ведь это только шутка.

Грэхэм помедлил с минуту, потом решительно пошел. Некоторое время он слышал позади себя шаркающие шаги и хриплые крики. Затем темнота поглотила старика, и Грэхэм потерял его из виду.

Глава XII
Острог

Теперь Грэхэм лучше понимал свое положение. Он долго еще бродил по улицам, хотя после разговора со стариком решил разыскать Острога. Ясно было одно, что руководителям восстания удалось каким-то образом скрыть его исчезновение. Однако каждую минуту он может услышать весть о своей смерти или о захвате в плен сторонниками Совета.

Внезапно перед ним остановился какой-то человек.

— Слышали? — спросил он.

— Нет, — ответил Грэхэм, вздрагивая.

— Почти дюжина, дюжина человек! — повторил неизвестный, быстро удаляясь.

Несколько мужчин и девушек прошли в темноте, возбужденно жестикулируя и крича: «Капитулировали!.. Сдались!.. Дюжина!.. Две дюжины!.. Ура, Острог!.. Ура, Острог!»

Голоса затихли в отдалении.

Прошла еще группа людей, которые также громко кричали.

Грэхэм старался уловить смысл по отдельным словам. Он даже начал сомневаться, английский ли это язык. Скорее это напоминало колониальный или негритянский жаргон: рубленые фразы, искаженные слова. Расспрашивать он не решился. Судя по настроению встречных, опасения его не подтвердились. Оправдались слова старика об Остроге. Однако Грэхэм не сразу поверил, что весь этот народ радуется падению Белого Совета, того Совета, который с такой настойчивостью и ожесточением преследовал его и в конце концов все-таки оказался в этой упорной, кровавой борьбе слабейшей стороной. Но если это так, то что будет с ним? Несколько раз он собирался все разузнать. Один раз он даже повернул назад и долго шел позади толстого, добродушного с виду человечка, но так и не решился обратиться к нему.

Наконец Грэхэм сообразил, что он может спросить, где находится Управление Ветряных Двигателей, хотя он и не знал, что это такое. Первый, к кому он обратился, посоветовал идти в Вестминстер. Второй указал ему ближнюю дорогу, но он скоро заблудился. Ему посоветовали оставить тот путь, которого он держался, не зная другой дороги, и спуститься по лестнице в темные переходы. Здесь он столкнулся в темноте

с каким-то подозрительным субъектом, выкрикивавшим хриплым голосом что-то непонятное на каком-то жаргоне с примесью английских слов, — видимо, это был отвратительный жаргон новейшего времени. Вскоре вблизи послышался голос девушки, которая напевала: «Тра-ля-ля, тра-ля-ля…» Она сказала на жаргоне, что ищет свою сестру. Она налетела на него в темноте, нечаянно, как подумал он сначала, и, схватив за руку, захохотала. Заметив его недовольство, девушка скрылась.

Шум вокруг него усиливался. Опять пробежала кучка возбужденных людей, которые кричали: «Они сдались!..», «Совет пал!», «Не может этого быть!», «Так говорят на путях».

Проход расширился. Стена оборвалась, и Грэхэм вышел на обширное открытое место. Вдалеке шумела толпа. Поравнявшись с какой-то фигурой, Грэхэм спросил, куда идти.

— Идите все прямо, — отвечал женский голос.

Но едва он отошел от стены, которой все время придерживался, как споткнулся о столик со стеклянной посудой. Освоившись с темнотой, он различил целый ряд таких столиков. Идя вдоль этого ряда, он слышал, как звенело стекло и стучали ножи. Очевидно, нашлись люди достаточно

хладнокровные, чтобы пообедать, или достаточно дерзкие, чтобы, пользуясь общим смятением и темнотой, украсть что-нибудь съестное. Далеко впереди на высоте сиял полукруг слабого света. Когда Грэхэм приблизился, черный выступ заслонил свет. Наткнувшись на лестницу, он поднялся по ступенькам и попал в галерею. Здесь он услышал всхлипывание и заметил двух маленьких девочек, прижавшихся к перилам. При звуке шагов дети смолкли. Грэхэм попробовал утешить их, но они упорно молчали. Он оставил их и пошел дальше; дети снова заплакали.

Вскоре Грэхэм очутился у подножия лестницы; вверху светилось отверстие. Поднявшись из темноты, он снова вышел на движущиеся пути. Беспорядочная толпа маршировала, нестройно распевая революционный гимн, многие сильно фальшивили. То там, то здесь пылали смоляные факелы, метались странные тени. Он дважды спрашивал о дороге, но дважды получал ответ на том же невразумительном жаргоне. В третий раз он наконец понял: он находится на расстоянии двух миль от Управления Ветряных Двигателей в Вестминстере. Теперь уже нетрудно было отыскать дорогу.

Он был совсем недалеко от Управления Ветря-

ных Двигателей. Праздничные процессии на улицах, радостные крики, вспыхнувший свет — все убеждало его в том, что Белый Совет действительно свергнут.

Странно, что никто ничего не говорил об исчезновении Спящего.

Свет вспыхнул так внезапно, что не только он, но и все остановились, зажмурив глаза. Весь мир казался раскаленным добела.

Грэхэм замешался в густой толпе, запрудившей все пути по соседству с Управлением Ветряных Двигателей. Здесь, на виду у всех, когда уже нельзя было укрыться в темноте, Грэхэм начал колебаться: идти ли ему к Острогу?

Его толкали, теснили и затирали те самые люди, которые с восторгом и надеждою до хрипоты выкрикивали его имя; некоторые были окровавлены, они пострадали, сражаясь за него.

На фасаде Управления Ветряных Двигателей светилась движущаяся картина, но Грэхэм не мог ее разглядеть, так как, несмотря на отчаянные попытки, не в силах был пробиться сквозь густую толпу. Из отрывков разговоров он понял, что картина передает то, что происходит около дома Белого Совета. Он колебался, не зная, что предпринять. Он даже не мог сообразить, как

проникнуть в здание без входов, и медленно двигался по течению толпы, пока не увидел, что спускавшаяся от среднего пути лестница ведет внутрь здания. Он постарался туда пробраться, но была такая давка, что на это потребовалось не менее часа.

Даже у входа Грэхэму пришлось потерять немало времени на переговоры со стражей, пока наконец согласились доложить о нем человеку, который, быть может, больше всех хотел его увидеть. В одном месте, выслушав, его высмеяли, так что, добравшись до второй лестницы, он просто заявил, что должен сообщить Острогу известие чрезвычайной важности. В чем состояло это известие, он объяснить отказался. Стража очень неохотно согласилась доложить о нем.

Пришлось долго ожидать подъемной машины, пока наконец не появился Линкольн, удивленный и взволнованный. Несколько мгновений стоял он в дверях неподвижно, потом порывисто бросился к Грэхэму.

— Как! Это вы? Вы не погибли?

Грэхэм вкратце рассказал о своих похождениях.

— Брат вас ждет, — сказал Линкольн. — Он теперь один в зале. Мы думали, что вас убили в

театре. Правда, он не верил этому. Положение еще очень серьезное, что бы мы им там ни говорили, — иначе он непременно сам явился бы сюда вам навстречу.

Поднявшись на лифте, они прошли по узкому коридору, пересекли обширный, совершенно пустой зал, где встретили только двух курьеров, и вошли в небольшую комнату, вся меблировка которой состояла из длинного дивана и большого овального диска с проводами, светящегося серебристым светом.

Здесь Линкольн оставил Грэхэма одного. Некоторое время тот старался понять, что значат неясные, медленно движущиеся на диске тени.

Вдруг послышался отдаленный крик громадной возбужденной толпы, крик безумного восторга. Крик этот так же внезапно прекратился, точно ворвался через открытую и тотчас же захлопнувшуюся дверь. В соседнем помещении послышались поспешные шаги и мелодичный звук, как бы позвякивание цепи, скользящей по зубчатому колесу. Затем он услышал женский голос и шелест невидимого платья.

— Это Острог, — сказала женщина.

Отрывисто прозвонил колокольчик, и снова все смолкло.

Послышались голоса и шум. Четко выделялись чьи-то ровные, твердые, размеренные, все приближавшиеся шаги. Медленно поднялся занавес.

Появился высокий седой мужчина в кремовом шелковом одеянии. Он пристально, исподлобья смотрел на Грэхэма.

Несколько мгновений человек стоял неподвижно, придерживая занавес, затем опустил его.

Грэхэм с любопытством рассматривал незнакомца. Высокий, открытый лоб, бледно-голубые, глубоко запавшие глаза, седые брови, орлиный нос и резко очерченный, решительный рот; глубокие складки под глазами и низко опущенные углы рта свидетельствовали о том, что человек этот, державшийся так прямо, уже немолод. Грэхэм машинально поднялся со своего сиденья, и некоторое время они стояли молча, пристально всматриваясь друг в друга.

— Вы Острог? — спросил Грэхэм.

— Да, я Острог.

— Вождь?

— Да, так называют меня.

Грэхэм чувствовал, что молчать неудобно.

— Я должен поблагодарить вас: я обязан вам своим спасением, — начал он.

— Мы боялись, что вы убиты, — ответил

Острог, — или же опять заснули, и уже навсегда. Были приняты все меры, чтобы никто не узнал о вашем исчезновении. Где же вы были? Как вы сюда попали?

Грэхэм вкратце все рассказал.

Острог слушал молча.

— Знаете ли, чем я был занят, когда мне сообщили о вашем приходе? — сказал он, слегка улыбаясь.

— Как могу я это знать?

— Мы готовили вам двойника.

— Двойника? Мне?

— Человека, на вас похожего, которого нам удалось найти. Мы уже собирались загипнотизировать его, чтобы облегчить ему роль. Это было необходимо. Ведь восстание произошло оттого, что вы проснулись, живы и находитесь с нами. Вот и сейчас народ, собравшийся в театре, кричит и требует, чтобы вы вышли к нему. Они всё еще не верят... Конечно, вы уже знаете о своем положении.

— Очень мало, — ответил Грэхэм.

— Говоря коротко, — начал Острог, пройдясь по комнате, — вы правитель больше чем половины земного шара. Вашу роль можно сравнить с ролью короля. Правда, власть ваша во многом

ограниченна, но все же вы являетесь главой правительства, так сказать, символом его. Этот Белый Совет, Совет Опекунов, как его называли…

— Кое-что о нем я уже знаю.

— Вот как!

— Я встретился с одним болтливым стариком.

— Понимаю… Наши массы — это слово осталось еще от ваших дней, вы знаете, конечно, что в наше время тоже существуют массы, — считают вас законным правителем. Подобно тому, как в ваши дни большинство народа признавало королевскую власть. Народные массы на всем земном шаре недовольны только управлением ваших опекунов. Отчасти это обычное недовольство, старинная враждебность низов к верхам, вызванная тяжелым трудом, нуждой. Но вместе с тем нельзя не признать, что Белый Совет во многом виноват. В некоторых случаях, например в управлении Рабочей Компанией, они действовали неблагоразумно. Они дали много поводов для недовольства. Народная партия уже давно агитировала, требуя реформ. А тут еще ваше пробуждение. Счастливая случайность, такого совпадения не придумаешь! — Он улыбнулся. — В обществе, выведенном из терпения, уже начали раздаваться голоса о необходимости разбудить

вас от вашего летаргического сна, чтобы апеллировать к вам, и вдруг… — Он сделал рукой выразительный жест. Грэхэм кивнул, показывая, что понял. — Члены Совета интриговали, ссорились. Как всегда. Они не могли решить, что делать с вами. Вы помните, как они запрятали вас?

— Да. Конечно. А теперь… мы победили?

— Мы победили. Победили в одну ночь. За какие-нибудь пять часов. Мы подняли восстание повсюду. Работники Ветряных Двигателей, Рабочая Компания с миллионами рабочих — все поднялись. Мы заручились содействием аэропилов.

— Так, — произнес Грэхэм, догадываясь, что аэропилами называются летательные машины.

— Это, конечно, было чрезвычайно важно, иначе они могли бы улететь. Все города восстали; треть всего населения взялась за оружие. Все синие, все общественные служащие, за исключением лишь немногих аэронавтов и половины полицейских. Ваш побег удался, полиция путей была разбита, обезоружена или уничтожена, меньше половины полицейских укрылось в доме Совета. Теперь весь Лондон в наших руках. Один дом Белого Совета еще держится. Половина оставшейся у них красной полиции погибла в

безумной попытке вторично захватить вас в плен. Они потеряли вас, а с вами и жизнь. Всех, кто проник в театр, мы истребили, отрезав им отступление. Поистине эта ночь была ночью победы. Повсюду блистает ваша звезда. Всего день назад Белый Совет еще правил, как правил в течение гросса лет, правил полтора столетия, а теперь — что у него осталось? Горсть вооруженных людей… Конец!

— Я все же почти ничего не знаю, — сказал Грэхэм. — Я не совсем понял, что произошло. Не будете ли вы добры объяснить мне, где теперь находится Совет? В каком месте происходит сражение?

Острог подошел к стене, что-то щелкнуло, и свет погас. Один диск светился бледным пятном. С минуту Грэхэм стоял ошеломленный.

Затем, освоившись с темнотой, он увидел, что туманный диск углубился и расцветился, стал походить на овальное окно, сквозь которое открывается далекий вид; его глазам предстала странная сцена.

Грэхэм сначала не мог сообразить, что такое он видит.

Перед ним открывался зимний пейзаж; день был ясный, небо — голубовато-серое. Поперек

всей картины вдалеке свешивался толстый канат, скрученный из белой проволоки. Ряды громадных ветряных двигателей, широкие промежутки, черные пропасти — все это он видел уже во время своего бегства из дома Белого Совета. Он заметил цепь красных фигурок, проходящих по площади между двумя рядами людей, одетых в черное, и без объяснений Острога догадался, что видит сцену, происходящую на кровле Лондона. Выпавший за ночь снег уже успел растаять. Грэхэм понял, что диск представляет собой усовершенствование прежней камеры-обскуры, хотя это еще не объясняло всего. Красные фигурки двигались слева направо, но исчезали слева; это обстоятельство некоторое время удивляло его, пока он не разобрал, что вся картина двигалась по овалу, как панорама.

— Сейчас вы увидите борьбу, — заявил Острог, стоявший позади него. — Эти люди в красном — пленные. Вы видите то, что происходит на крыше Лондона, — ведь теперь все дома составляют одно целое. И улицы, и скверы — все под общей кровлей, не так, как в ваше время.

Из фокуса вынырнула, затеняя почти половину экрана, фигура человека. Блеснула вспышка, тень скользнула по овалу, как веко птичьего глаза, и

картина снова стала ясной. Грэхэм увидел, как среди подпорок гигантских ветряных двигателей по всем направлениям забегали люди с оружием, из которого вылетал дымок. Они суетились, жестикулировали, что-то кричали, но их криков не было слышно. Ветряные двигатели и люди медленно проплыли по экрану.

— А вот и дом Белого Совета, — сказал Острог, когда на экране появился темный угол стены, которая вскоре исчезла, и они увидели окруженную со всех сторон зданиями пропасть, откуда поднимался дым к бледному зимнему небу. В сумраке торчали столбы, изуродованные железные балки, развалины громадных построек. По ним бегали и лазали бесчисленные маленькие фигурки.

— Это и есть дом Белого Совета, — пояснил Острог. — Их последняя опора. Эти безумцы потратили столько боевых припасов на взрыв, что их хватило бы на целый месяц обороны. Они хотели остановить нашу атаку. Вы ведь слышали взрыв? Добрая половина стекол в городе выбита.

На экране над руинами взорванных зданий появилась громада сильно поврежденного белого здания. Окружающие постройки были взорваны. На месте переходов зияли дыры. В проломах стен виднелись огромные залы, лепные украшения

зловеще белели в зимних сумерках. Со стен свешивались фестонами оборванные канаты, там и сям торчали скрученные железные брусья. Среди руин мелькали алые точки — красномундирные защитники Совета. То и дело бледные вспышки озаряли груды развалин. Сперва Грэхэму показалось, что штурм белого здания в полном разгаре, но потом он понял, что революционеры не столько атакуют, сколько стараются укрыться за развалинами от яростного обстрела противников.

Подумать только, десять часов назад он стоял под вентилятором в одной из комнат этого здания, не понимая, что происходит в мире!

Присматриваясь к картине, медленно движущейся по экрану, Грэхэм заметил, что группа белых построек со всех сторон окружена развалинами. Острог коротко пояснил ему, что осажденные нарочно произвели такие ужасные разрушения, чтобы помешать штурму. Он спокойно говорил о множестве жертв. Указал на кладбище среди развалин, на многочисленные перевязочные пункты, крохотные фигурки кишели в выбоинах разрушенных путей, как паразиты в сыре. Острог подробно ознакомил его с планом здания Совета, с расположением частей

противника. Грэхэм получил представление о гражданской войне, которая сотрясала огромный город.

Это был не просто бунт, не случайное возмущение, а заранее подготовленный, превосходно организованный государственный переворот. Острог был поразительно осведомлен. Он знал, чем занята чуть ли не каждая группа людей, копошившихся среди развалин.

Протянув руку, отбросившую на экран гигантскую черную тень, Острог показал Грэхэму место, где находилась комната, в которой тот был заключен, и проследил весь проделанный им путь. Грэхэм узнал пропасть, через которую он перебирался, и место, где он прятался за ветряным двигателем от летательной машины. Остальная часть его пути была разрушена взрывом. Он снова взглянул на дом Белого Совета. Здание медленно исчезало с экрана; на смену ему из тумана выплыли увенчанные куполами и башнями здания, расположенные по склону холма.

— Итак, Белый Совет свергнут? — спросил он.

— Свергнут, — ответил Острог.

— И я… неужели правда, что я?..

— Да, вы Правитель Земли.

— Но что это за белый флаг?

— Это знамя Белого Совета, символ владычества над миром. Оно сейчас падет. Борьба уже кончилась. Их атака на театр была последней отчаянной попыткой. У них осталось не больше тысячи человек. Многие уже перешли на нашу сторону. У них не хватает боевых припасов. А мы воскресили военное искусство прежних лет. Мы пустили в ход пушки.

— Но постойте. Разве этот город — весь мир?

— Это почти все, что еще осталось у них от огромной империи. Остальные города тоже подняли восстание или ожидают исхода борьбы. Ваше пробуждение смутило их, парализовало.

— Но разве у Совета нет летательных машин? Почему они не пустят их в ход?

— Конечно есть. Но большая часть аэронавтов примкнула к нам. Правда, они боятся выступить за нас, но не смеют идти и против нас. Мы их раскололи. Половина аэронавтов за нас, а остальные знают это. Кроме того, им известно, что вы бежали от погони. Час назад мы расстреляли того человека, который пытался убить вас. Наконец, мы заняли все аэродромы и захватили аэропланы; что касается небольших летательных машин, которым удалось ускользнуть, то мы подвергли их такому сильному обстрелу, что они не осме-

лились даже приблизиться к дому Белого Совета. Если летательная машина опустится на землю в городе, то она уже не сможет снова подняться, так как здесь нет места для разбега. Часть мы уничтожили, другие опустились и принуждены были сдаться, остальные улетели на континент в надежде достичь дружественного им города, если только у них хватит горючего. Многие из аэронавтов были рады попасть в плен. Не очень-то приятно быть сбитым и кувырнуться вниз. Нет, Белому Совету нечего ожидать помощи. Его час пробил.

Он засмеялся и повернулся к экрану, чтобы показать Грэхэму аэродромы. Хотя ближайшие из них находились, по-видимому, далеко и были окутаны утренним туманом, Грэхэм все же понял, сравнив их с окружающими постройками, что они очень обширны.

Когда смутные очертания исчезли с экрана, показалась толпа обезоруженных полицейских, проходящих по какой-то площади. Затем снова черные развалины и осажденная твердыня Белого Совета. Теперь она казалась уже не туманной, а золотилась в лучах солнца, вышедшего из-за туч. Борьба все еще продолжалась, но красномундирные защитники уже не стреляли.

В сумрачном молчании долго еще созерцал человек девятнадцатого столетия заключительную сцену великого восстания, государственного переворота. Он подумал с замиранием сердца, что этот мир — его мир, а тот, старый, остался позади. То, что он видит, не какое-нибудь театральное представление, которое закончится, когда наступит развязка. Нет, в этом мире ему предстоит жить, выполнить свой долг, подвергаться опасностям и нести бремя тяжкой ответственности. Он повернулся, желая задать Острогу вопрос. Острог начал было отвечать, но потом сказал:

— Все это я объясню вам впоследствии. Прежде всего дела. Народ из всех частей города стремится сюда по движущимся путям, все рынки и театры полны. Вы явились как раз вовремя. Народ хочет видеть вас. За границей тоже хотят видеть вас. Париж, Нью-Йорк, Чикаго, Денвер, Капри, тысячи других городов волнуются и хотят видеть вас. Столько лет ждали вашего пробуждения, а когда наконец вы проснулись, им трудно поверить.

— Но не могу же я быть везде.

Острог ответил с другого конца комнаты. Снова вспыхнул свет, и изображения на овальном диске поблекли и исчезли.

— У нас есть кинетотелефотографы. Когда вы

покажетесь здесь, вас увидят мириады мириад народа, собравшегося в темных залах мира. Правда, не в красках, а в контурах и в тенях. Вы даже услышите их приветственные крики, которые сольются с криками, доносящимися из нашего зала. Для этого служит особый оптический прибор, показывающий публике артистов и танцовщиц. Он, вероятно, неизвестен вам. На вас направляют сильный свет, а зрителям видны не вы сами, а ваше увеличенное изображение на экране; любой зритель в самой отдаленной галерее может пересчитать у вас ресницы.

— Как велико теперь население Лондона? — вдруг спросил Грэхэм в порыве любопытства.

— Двадцать восемь мириад.

— Сколько же это составит?

— Более тридцати трех миллионов.

Грэхэм никак не ожидал такой цифры.

— Вам необходимо будет что-нибудь сказать, — продолжал Острог. — Не речь, как в ваши времена, а что-нибудь короткое, у нас это называется спичем, какую-нибудь фразу, всего шесть-семь слов. Этого требует церемониал. Например: «Я проснулся, и мое сердце с вами». Вот чего они от вас хотят.

— Как вы сказали? — спросил Грэхэм.

— Я проснулся, и мое сердце с вами, — повторил Острог. — И царственный поклон. Но сначала вы должны надеть черную мантию, черный — это ваш цвет. Согласны? А затем они разойдутся по домам.

Грэхэм колебался.

— Я в ваших руках, — произнес он наконец.

По-видимому, Острог был того же мнения. Подумав немного, он обернулся к занавесу и, обращаясь к невидимому подчиненному, произнес несколько слов.

Через минуту подали черную мантию, такую же, как та, которую накинул на себя Грэхэм в театре. В тот момент, когда он набрасывал ее на плечи, в соседней комнате раздался резкий звонок. Острог обратился было с вопросом к своему подчиненному, но потом, передумав, откинул занавес и вышел из комнаты.

С минуту Грэхэм стоял рядом с застывшим в почтительной позе секретарем, прислушиваясь к шагам удаляющегося Острога. Он услыхал, как тот что-то быстро спросил, ему ответили и кто-то побежал. Занавес заколыхался, и опять появился Острог; он был взволнован, лицо его пылало. Подойдя к стене и нажав кнопку, он выключил свет. Затем, взяв Грэхэма за руку, показал на экран.

— С ними покончено, — сказал он.

Грэхэм увидел его колоссальный указательный палец над домом Белого Совета. В первый момент он ничего не понял. Затем заметил, что на флагштоке уже не развевается белый флаг.

— Что это означает?..

— Белый Совет сдался. Владычеству его пришел конец! Смотрите! — воскликнул Острог, указывая на черное знамя, медленно, толчками поднимающееся на флагштоке.

Экран потускнел. Приподняв занавес, в комнату вошел Линкольн.

— Народ выражает нетерпение, — сообщил он.

— Мы подняли восстание, — сказал Острог, продолжая держать Грэхэма за руку. — Мы дали народу оружие. На сегодня, по крайней мере, желание его должно быть законом.

Линкольн откинул занавес, чтобы пропустить Грэхэма и Острога.

По дороге к рынкам Грэхэм заметил длинное узкое строение с белыми стенами, куда люди в синем втаскивали носилки и где суетились врачи, одетые в пурпур. Из здания слышались стоны и крики. Ему бросилась в глаза пустая, залитая кровью кровать, на других кроватях лежали раненые с кровавыми повязками. Все это он видел

мельком, сверху, переходя мостик с перилами; затем эта картина скрылась за выступом здания, и они продолжали свой путь…

Шум толпы слышался все ближе и ближе, напоминая раскаты грома. И вот перед ними лес черных знамен, море синих одежд, бурых лохмотьев. Грэхэм узнал тот самый театр, где при вспышках света и в темноте он прятался, спасаясь от красномундирной полиции. На этот раз он вошел в театр по галерее, выше сцены. Здание было ярко освещено. Грэхэм искал глазами тот выход, куда он тогда скрылся, но не мог найти, так как выходов было слишком много. Точно так же не мог он различить и разбитых сидений, пробитых подушек и других следов сражения, ибо зал, за исключением сцены, был переполнен народом.

Грэхэм поглядел вниз и увидел море лиц, обращенных к нему. Тысячи глаз были устремлены на него. При появлении его и Острога крики и пение смолкли, толпа замерла. Мириады людей напряженно следили за каждым его движением.

Глава XIII
Конец старого строя

Насколько Грэхэм мог судить, был уже полдень, когда опустилось белое знамя Совета. Потребовалось еще несколько часов на выработку условий капитуляции. После своего спича Грэхэм удалился в апартаменты при Управлении Ветряных Двигателей. От непрерывных волнений за последние двенадцать часов он чувствовал себя совершенно разбитым; его уже ничто не интересовало. Безразличный ко всему, сидел он с открытыми глазами, пока не заснул. Его разбудили два врача, они принесли напитки, чтобы подкрепить его силы. Выпив лекарство и приняв по совету врачей холодную ванну, Грэхэм почувствовал новый прилив энергии и интерес ко всему окружающему. Он тотчас же согласился предпринять вместе с Острогом длинную, в несколько миль (как ему показалось), прогулку по переходам, лифтам и спускам, чтобы присутствовать при капитуляции Белого Совета.

Путь все время шел зигзагами среди лабиринта зданий. Пройдя наконец извилистый проход,

Грэхэм сквозь продолговатое отверстие увидел контуры разрушенного здания Белого Совета и облака, освещенные закатом. Послышался отдаленный гул толпы. Через минуту они подошли к краю полуразрушенного здания, возвышавшегося над грудой руин. Открывшаяся картина была столь же необычайна, как и та, которую он недавно наблюдал в овальном зеркале.

Перед ним развертывался неправильный амфитеатр шириною чуть ли не в милю. Левая его сторона была залита золотом заката, правое же крыло и нижняя часть были завуалированы холодной прозрачной тенью. Над сумрачным домом Белого Совета на фоне пламенеющего заката плавно развевалось большое черное знамя победителей. Зловеще зияли полуразрушенные залы, комнаты и переходы; изломанные, погнутые металлические балки торчали из развалин; провода скрутились, перепутались в клубки и повисли, подобно морским водорослям. Снизу доносился гул бесчисленных голосов, громовые удары и звуки труб. Вокруг центральной белой руины тоже все было разрушено: бесформенные груды почерневших камней, выступающие из обломков фундаменты, остатки фабрик, взорванных по приказанию Белого Совета, железные

скелеты зданий, титанические массы стен, леса тяжелых колонн. Глубоко внизу среди развалин блестели потоки воды; вдалеке среди каменных громад из скрученного конца водопроводной трубы с высоты двухсот футов низвергался сверкающий каскад.

Повсюду, где только можно было встать, теснились фигурки людей, четкие и темные, залитые золотом заката. Они карабкались по выщербленным стенам, гирляндами лепились вдоль высоких колонн, кишели в амфитеатре руин. Воздух дрожал от криков; все стремились пробраться к центру.

Верхние этажи дома Белого Совета казались совершенно пустынными. Только черный флаг темнел на светлом небе. Мертвые тела были унесены внутрь здания или убраны. Несколько тел, очевидно забытых или незамеченных, застряли в трещинах и чернели в волнах потока.

— Не покажетесь ли вы им, сир? — сказал Острог. — Они жаждут увидеть вас.

Несколько мгновений Грэхэм колебался, затем подошел к самому краю полуразрушенной стены. Его одинокая стройная черная фигура резко выделялась на фоне неба.

Народ, копошащийся внизу, заметил его не

сразу. Небольшие отряды вооруженных людей в черных мундирах с трудом прокладывали себе дорогу сквозь толпу к дому Белого Совета. Грэхэм увидел, как зарябили светлые пятна лиц вместо темных голов, словно дуновение пронеслось по толпе: его узнали! Он понял, что следует сделать какой-нибудь приветственный жест. Он поднял руку и указал на дом Совета и спущенное белое знамя. Крики слились в единодушный восторженный рев.

Когда Совет капитулировал, небо на западе окрасилось в бледные голубовато-зеленые тона и на юге заблестел Юпитер. Небо неприметно темнело, на город спускалась ясная, безмятежная ночь; внизу же куда-то спешили, волновались, кричали, лихорадочно отдавали приказания, суетились, строились в ряды, рассыпались в беспорядке. Из дома Белого Совета под крики толпы усталые, вспотевшие люди выносили тела людей, погибших в рукопашной схватке в длинных проходах и бесконечных залах.

По обе стороны пути, по которому должны были пройти члены Белого Совета, расположилась черная стража; все же остальное пространство, насколько можно было разглядеть в голубоватом сумраке руин, кишело народом, который успел

уже проникнуть и в окружающие развалины. Гул голосов даже во время затишья походил на шум морского прибоя на усеянном галькой побережье. Наверху одной из развалин по приказанию Острога был спешно сооружен помост из бревен и железных балок. Постройка была уже почти закончена, но внизу, в густой тени, под ней еще стучали и гудели какие-то машины.

На ступеньках эстрады встали Грэхэм с Острогом и Линкольном, а несколько позади — группа других вожаков. На нижней, более широкой платформе, вокруг эстрады, поместилась революционная стража с зеленым оружием, названия которого Грэхэм так и не узнал. Окружающие заметили, что Грэхэм, пока шли последние приготовления, смотрел то на толпу в сумраке развалин, то на дом Белого Совета, откуда должны были появиться опекуны, то на причудливые нагромождения руин, то опять на толпу. Глухой гул внизу усилился, перейдя в оглушительный рев. Но вот из темной арки выступила на яркий свет группа белых фигурок; они приближались, переходя от одной электрической звезды к другой. Дом Белого Совета был окутан мраком. Грозный рев толпы, над которой властвовал в течение ста пятидесяти лет Белый Совет, сопровождал

их шествие. Когда они подошли ближе, Грэхэм разглядел их бледные, встревоженные и утомленные лица. Он видел, как смотрели они вверх, на него и Острога. Полный контраст с холодными испытующими взглядами, какие бросали они на него в зале Атласа!.. Грэхэм узнал некоторых из них: того, который стучал по столу, разговаривая с Говардом, дородного мужчину с рыжей бородой, приземистого брюнета с тонкими чертами и удлиненной головой. Он заметил, что двое из них перешептываются, глядя на Острога. Сзади шел высокий черноволосый мужчина с мужественным красивым лицом. Внезапно он поднял голову, и взгляд его, скользнув по Грэхэму, устремился на Острога. Членам Совета пришлось продефилировать на глазах у толпы, описав широкую кривую, прежде чем они подошли к ступеням, которые вели на эстраду, где должна была произойти капитуляция.

— Правитель! Правитель! — кричал народ. — Наш бог и повелитель! К черту Белый Совет!

Грэхэм посмотрел сначала на толпу, казавшуюся сплошной кричащей черной массой, потом на Острога, стоявшего с бледным, неподвижным и невозмутимо спокойным лицом. Затем снова взглянул на членов Белого Совета. Подняв голову,

он увидел звезды, такие знакомые и бесстрастные. Как необычна его судьба! Неужели та жизнь, что смутно сохранилась в его памяти, несмотря на двести лет, прошедших с тех пор, и эта жизнь — одна и та же?

Глава XIV
Вид из Вороньего Гнезда

Итак, преодолев самое неожиданное препятствие, после борьбы и сомнения, человек девятнадцатого столетия стал правителем этого удивительного мира.

Поднявшись после долгого и глубокого сна, последовавшего за капитуляцией Совета, в первую минуту он не узнал окружающего. С большим усилием он припомнил все, что произошло. Сначала все казалось ему нереальным, словно он слышал обо всем этом от другого лица или прочел в книге. И еще прежде, чем память его прояснилась, Грэхэм испытал бурную радость при мысли, что он спасен и занимает такое высокое положение. Он властелин половины мира, Правитель Земли. Эту новую великую эру он вполне может назвать своей. Теперь уже он не желал, чтобы все это оказалось сном. Напротив, он старался убедить себя в реальности событий.

Услужливый слуга помог ему одеться под наблюдением важного маленького человечка, по виду японца, хотя он и говорил по-английски,

как англичанин. От него Грэхэм узнал кое-какие подробности. Революция уже закончилась; возобновилась обычная деловая жизнь города. За границей падение Белого Совета повсюду встречено с восторгом. Совет нигде не был популярен, и тысячи городов Западной Америки, даже теперь, через двести лет, завидовавшие Нью-Йорку и Лондону, дружно восстали еще за два дня до получения известия о заточении Грэхэма. В Париже идет борьба. Остальной мир выжидает.

Когда Грэхэм завтракал, в углу комнаты зазвенел телефон, и японец доложил Грэхэму, что это говорит Острог. Острог очень вежливо справлялся о нем. Грэхэм тотчас же прервал свой завтрак, чтобы ответить ему.

Вскоре появился Линкольн, и Грэхэм выразил желание говорить с народом и поближе ознакомиться с той новой жизнью, которая открывается перед ним. Линкольн сообщил, что через три часа в Управлении Ветряных Двигателей назначено собрание, на котором Грэхэму будут представлены высшие государственные сановники с их женами. Прогулка по городским путям сейчас невозможна, так как народ еще слишком возбужден. Зато можно воспользоваться Вороньим Гнездом смотрителя Ветряных Двигателей, что-

бы с высоты птичьего полета осмотреть город. Сопровождать Грэхэма должен японец. Сказав по адресу японца несколько комплиментов, Линкольн просил извинить его и освободить от участия в прогулке ввиду спешной административной работы.

На высоте не менее тысячи футов, выше ветряных двигателей, над кровлей, на металлическом филигранном шпице торчало Воронье Гнездо. Туда поднимались в небольшом лифте, скользившем по проволочному тросу. На середине хрупкого с виду стержня была устроена легкая галерея со множеством труб (такими маленькими казались они сверху), медленно вращающихся на роликах по круговому рельсу. Это был громадный объектив, связанный с теми зеркалами, в одно из которых Острог показывал ему события, ознаменовавшие начало его правления. Японец поднялся первым, и на этой галерее они проговорили чуть не целый час.

День был ясный, весенний. Веяло теплом. Небо было густого голубого цвета; внизу раскинулась необозримая панорама Лондона, залитая утренним солнцем. В воздухе — ни дыма, ни облаков, он был прозрачен, как воздух гор.

За исключением имевших неправильную

овальную форму развалин вокруг дома Белого Совета и развевающегося на нем черного флага, в огромном городе незаметно было следов той революции, которая за одни сутки перевернула весь мир. Множество народа по-прежнему копошилось в развалинах. На громадных аэродромах, откуда в мирное время отправлялись аэропланы, поддерживающие связь со всеми городами Европы и Америки, чернели толпы победителей. На спешно поставленных лесах сотни рабочих исправляли порванные кабели и провода, ведущие к дому Белого Совета, куда должна была перейти из здания Управления Ветряных Двигателей резиденция Острога.

В озаренном солнцем гигантском городе больше нигде не было заметно никаких разрушений. Казалось, повсюду царил торжественный покой, и Грэхэм почти позабыл про тысячи людей, которые лежали под сводами подземного лабиринта при искусственном свете мертвые или умирающие от полученных накануне ран, забыл про импровизированные госпитали с лихорадочно работающими врачами, сестрами милосердия и санитарами, забыл про все чудеса, потрясения и неожиданности, которые пришлось ему пережить при свете электрических солнц. Он знал,

что глубоко внизу, в муравейнике улиц, революция празднует победу и повсюду торжествует черный цвет — черные знамена, черные одежды, черные полотнища.

А здесь, в ослепительно солнечных лучах, высоко над кратером борьбы, здесь все осталось по-прежнему, как будто на земле и не произошло никаких событий, и лес ветряных двигателей, разросшийся за время управления Белого Совета, мирно рокотал, неустанно исполняя свою вековую работу.

На горизонте синели холмы Сэррея, поднимался, врезаясь в небо, лес ветряных двигателей; несколько ближе, в северном направлении, рисовались острые контуры холмов Хайгета и Масвелла. Вероятно, по всей стране, на каждом холме и пригорке, где некогда за изгородью ютились посреди деревьев коттеджи, церкви, гостиницы и фермы, торчат теперь такие же ветряные двигатели, испещренные огромными рекламными объявлениями, — эти сухорукие, знаменательные символы нового мира, отбрасывающие причудливые тени и неустанно вырабатывающие ту драгоценную энергию, которая переливается в артерии города. А внизу под ними бродят бесчисленные стада и гурты

Британского Пищевого треста под присмотром одиноких погонщиков.

Среди однообразных гигантских строений глаз не встречал ни одного знакомого здания. Грэхэм знал, что собор Святого Павла и многие старинные постройки в Вестминстере сохранились, но они со всех сторон загорожены великанами, выросшими в эпоху грандиозного строительства. Даже Темза своей серебряной лентой не разделяла сплошную массу городских зданий. Водопроводные трубы выпивали всю ее воду раньше, чем она достигала городских стен. Ее углубленное русло стало теперь морским каналом, где мрачные судовщики глубоко под землей перевозят тяжелые грузы из Пула. На востоке в тумане между небом и землей смутно вырисовывался целый лес мачт. Перевозка всех несрочных грузов со всех концов земли производилась теперь гигантскими парусными судами. Спешные же грузы переправлялись на небольших быстроходных механических судах.

К югу по холмистой равнине простирались грандиозные акведуки, по которым морская вода доставлялась в канализационную сеть.

В трех различных направлениях тянулись светлые линии с серым пунктиром движущихся

дорог. Грэхэм решил при первой же возможности осмотреть их. Но прежде всего он хочет ознакомиться с летательными машинами. Его спутник описывал ему эти дороги как две слегка изогнутые полосы, около ста ярдов в ширину, причем движение по каждой из них шло только в одну сторону; сделаны они из идемита, приготовляемого искусственным образом и, насколько он мог понять, похожего на упругое стекло. Странные узкие резиновые машины, то с одним громадным колесом, то с двумя или четырьмя колесами меньшего размера, неслись в обе стороны со скоростью от одной до шести миль в минуту. Железные дороги исчезли; кое-где сохранились насыпи, на вершине их краснели ржавые полосы, некоторые из этих насыпей были использованы для идемитовых дорог.

Грэхэм заметил целую флотилию рекламных воздушных шаров и змеев, которые образовали нечто вроде аллей по обе стороны аэродромов. Аэропланов нигде не было видно. Движение их прекратилось, и только один аэропил плавно крутился в голубом просторе над холмами Сэррея.

Грэхэм уже слышал, что провинциальные города и селения исчезли, и сперва ему трудно было этому поверить. Взамен их среди безбрежных

хлебных полей стояли огромные отели, сохранившие названия городов, например: Борнемаус, Уоргэм, Сванедж… Спутник быстро доказал ему неизбежность такой перемены. В старину вся страна была покрыта бесчисленными фермерскими домиками, между которыми на расстоянии двух-трех километров вкрапливались поместье, трактир, лавка, церковь, деревня. Через каждые восемь миль располагался провинциальный городок, где жили адвокат, торговец хлебом, скупщик шерсти, шорник, ветеринар, доктор, обойщик, мельник и т. д. Расстояние в восемь миль удобно для фермера, чтобы съездить на ярмарку и вернуться в тот же день. Потом появились железные дороги с товарными и пассажирскими поездами и разнообразные автомобили большой скорости, которые заменили телегу с лошадью; когда же дороги начали строить из дерева, каучука, идемита и другого эластичного и прочного материала, исчезла необходимость в столь большом количестве городов. Большие же города продолжали расти, привлекая к себе рабочих, непрестанно ищущих работы, и предпринимателей, вечно жаждущих наживы.

По мере того как возрастали требования и усложнялась жизнь, жить в деревне становилось

все более и более тяжело и неудобно. Исчезновение священника, сквайра и сельского врача, которого заменил городской специалист, лишило деревню последних признаков культурности. Когда телефоны, кинематографы и фонографы заменили газеты, книги, учителей, даже письма, жить вне предела электрических кабелей значило жить как дикари. В провинции нельзя было (согласно утонченным требованиям времени) ни одеться прилично, ни питаться как следует; мало того, там не было ни врачебной помощи, ни общества и нельзя было найти заработок.

Механические приспособления привели к тому, что в земледелии один инженер заменил тридцать рабочих. Таким образом, в противоположность тем временам, когда деловой люд Лондона, окончив свой трудовой день, спешил оставить пропитанный дымом и копотью город, рабочие теперь только к ночи спешили — и по земле и по воздуху — в город, чтобы отдохнуть и развлечься, а утром снова выехать на работу. Город поглотил человечество; человек вступил в новую эру своего развития. Сначала он был кочевником, охотником, затем земледельцем, для которого большие и маленькие города и порты являлись не чем иным, как обширными

рынками для сбыта сельских продуктов. Теперь же логическим следствием эпохи изобретений явилось скопление человеческих масс в городах. Кроме Лондона, в Англии осталось всего четыре больших города: Эдинбург, Портсмут, Манчестер и Шрусбери. Этих фактов было достаточно, чтобы Грэхэм мог представить себе картину новой жизни в Англии, но, как ни напрягал он фантазию, ему трудно было вообразить, что делается «по ту сторону» пролива.

Он видел огромные города на равнинах, по берегам рек, на берегу моря или в глубоких долинах, со всех сторон окруженных снеговыми горами. Почти три четверти человечества говорит на английском языке или на его наречиях: испано-американском, индийском, негритянском и пиджине[7]. На континенте, если не считать некоторых малораспространенных рудиментарных языков, существуют только три языка: немецкий, распространенный до Салоник и Генуи и вытесняющий смешанное испано-английское наречие в Кадиксе, офранцуженный русский, смешивающийся с индо-английским в Персии и Курдистане и пиджином в Пекине, и фран-

[7] Примечания: 7

Пиджин — английский жаргон на Дальнем Востоке, смешанный с китайскими, малайскими, португальскими и другими словами.

цузский, по-прежнему блестящий, изящный и точный, сохранившийся наряду с англо-индийским и немецким на берегах Средиземного моря и проникший в африканские диалекты вплоть до Конго.

По всей земле, покрытой городами-великанами, кроме территории «черного пояса» тропиков, введено почти одинаковое космополитическое общественное устройство, и повсюду, от полюсов до экватора, раскинулись владения Грэхэма. Весь мир цивилизован, люди живут в городах, и весь мир принадлежит ему, Грэхэму. В Британской империи и Америке его власть почти неограниченна; на конгресс и парламент все смотрят как на смешной пережиток старины. Влияние его весьма значительно даже в двух других огромных государствах — России и Германии.

В связи с этим вставали важные проблемы, открывались богатые возможности, но, как ни велико было его могущество, эти две отдаленные страны еще не были всецело в его власти. О том, что творится в «черном поясе» и какое вообще могут иметь значение те земли, Грэхэм даже не задумывался. Как человек девятнадцатого столетия, он не представлял себе, что в этих областях земного шара может гнездиться опасность для

всей новейшей цивилизации.

Внезапно из глубин подсознания всплыло воспоминание о давно минувшей угрозе.

— Как обстоит дело с желтой опасностью? — спросил он Асано и получил обстоятельный ответ. Призрак китайской опасности рассеялся. Китайцы уже давно дружат с европейцами. В двадцатом веке было научно установлено, что средний китаец не менее культурен и что его моральный и умственный уровень выше, чем у среднего европейского простолюдина. В результате этого повторилось в более широком масштабе явление, имевшее место в семнадцатом веке, когда шотландцы и англичане слились в единую семью.

— Они стали обдумывать этот вопрос, — пояснил Асано, — и пришли к выводу, что в конце концов мы ничем не отличаемся от белых людей.

Но вот Грэхэм снова взглянул на развернувшуюся перед ним панораму, и мысли его приняли другое направление.

На юго-западе в мглистой дымке сверкали причудливым блеском Города Наслаждений, о которых он узнал из кинематографафонографа и от старика на улице. Странные места, вроде

легендарного Сибариса, города продажного искусства и красоты, удивительные города, где царит праздность, где не прекращаются танцы, не смолкает музыка, куда удаляются все, кому благоприятствует судьба в той жестокой бесславной экономической борьбе, что свирепствует там, внизу, в залитом электрическим светом лабиринте построек.

Он знал, что борьба эта беспощадна. Это видно из того, что английская жизнь девятнадцатого столетия кажется теперь идиллической, почти идеальной. Смотря вниз, Грэхэм старался представить себе сложную промышленность Лондона новых дней.

Он знал, что к северу расположены керамические фабрики, изготовляющие не только фаянсовые, глиняные и фарфоровые изделия, но и те разнообразные материалы, которые открыла минералогическая химия, а также статуэтки, стенные украшения и самую разнообразную мебель; там же находятся фабрики, где охваченные лихорадкой соревнования авторы сочиняют речи и объявления для фонографа, обдумывают сценические конфликты и создают фабулы злободневных кинематографических драм. Отсюда растекаются по всему свету воззвания, лживая

информация, здесь изготовляются валы телефонных машин, заменяющих прежние газеты.

К западу, за разрушенным домом Белого Совета, находились грандиозные здания городского контроля и правительственные учреждения; к востоку, в сторону порта, — торговые кварталы, колоссальные общественные рынки, театры, дома для собраний, ночлежные дома, тысячи зал для игры в бильярд, в футбол и бейсбол, зверинцы, цирки и бесчисленные храмы, как христианские, так и сектантские, магометанские, буддистские, храмы гностиков, спиритов, почитателей инкуба, вещепоклонников и т. д. К югу — огромные ткацкие фабрики и заводы, изготовляющие вина, маринады и консервы.

По механическим путям проносятся бесчисленные массы людей. Гигантский человеческий улей, на который работает без устали ветер и символом, гербом которого является ветряной двигатель.

Грэхэм думал о бесчисленном населении, которое, как вода губками, впитано залами и галереями, о тех тридцати трех миллионах жизней, из которых каждая разыгрывает свою маленькую драму там, внизу, и чувство самодовольства, порожденное ясным днем, ширью и красотой

открывшегося вида, мало-помалу испарялось и исчезало. Глядя на город с высоты, он впервые ясно представил себе чудовищную цифру в тридцать три миллиона и понял, какую ответственность берет он на себя, принимая власть над этим человеческим Мальстремом.

Он попытался представить себе жизнь отдельного индивида. Его удивляло, как мало изменился средний человек, несмотря на такие разительные перемены. Благодаря прогрессу науки и общественному устройству, жизнь и имущество почти по всей земле были ограждены от всяких случайностей; эпидемические заразные болезни исчезли; каждый имел достаточно пищи и одежды, находился в тепле и был защищен от непогоды. Толпа, как он уже успел убедиться, осталась все той же беспомощной толпою, состоящей из трусливых и жадных особей, но становящейся неодолимой силой в руках демагога и организатора. Он вспомнил бесчисленные фигурки в синем холсте. Он знал, что миллионы мужчин и женщин ни разу не покидали города и не выходили из узкого круга своих повседневных дел и низменных удовольствий. Он думал о надеждах своих исчезнувших с лица земли современников, об утопическом Лондоне Морриса, изображен-

ном в его романе «Вести ниоткуда», о блаженной стране Гудсона, расцветающей на страницах его «Кристального века». Все это кануло в небытие. Он думал и о собственных надеждах.

В течение последних лихорадочных дней своей жизни, которая теперь осталась далеко позади, он твердо верил, что человечество добьется свободы и равенства. Вместе со своим веком он надеялся, что придет время, когда перестанут приносить в жертву массы людей ради немногих, когда каждый рожденный женщиной будет иметь свою неотъемлемую долю во всеобщем счастье. И теперь, через двести лет, та же неисполнившаяся надежда волнует огромный город. Вместе с ростом городов возросли бедность, безысходный труд и прочие бедствия его времени.

Он бегло ознакомился с историей истекших веков. Узнал об упадке нравственности, последовавшем за утерей народными массами веры в сверхъестественное, об утрате чувства чести, о растущей власти капитала. Потеряв веру в Бога, люди продолжали верить в собственность, и капитал правил миром.

Его спутник, японец Асано, излагая историю последних двух столетий, привел удачный образ семени, разъедаемого паразитами. Сначала семя

было здоровое и быстро прорастало. Затем появились насекомые и положили яички под кожицу. И что же? Вскоре от семени осталась оболочка, внутри которой копошилась куча новых паразитов. Затем туда же отложили свои яички другие паразиты, вроде наездников. И вот первые паразиты обратились в пустые скорлупки, в которых копошились новые живые существа, внешняя же оболочка семени по-прежнему сохранила свою форму, и большинство людей думало, что это — жизнеспособное, полное соков семя.

— Ваше время, — сказал Асано, — можно уподобить такому семени с выеденной сердцевиной.

Владельцы земли — бароны и дворянство — появились во времена короля Иоанна; последовал промежуток — остановка в процессе, затем они обезглавили короля Карла и кончили Георгом, который был не более как скорлупкой былой королевской власти. Подлинная власть сосредоточилась в руках парламента. Но парламент, орган дворян-землевладельцев, недолго сохранял власть. Центр тяжести стал перемещаться, и непросвещенные безымянные городские массы уже в девятнадцатом столетии тоже получили право голоса. В результате возникла предвыборная борьба, и громадное влияние приобрели

партии. Уже во времена Виктории власть в значительной степени перешла в руки тайной организации заводчиков и фабрикантов, подкупавших избирателей. Вскоре власть захватил банковский капитал, финансировавший машиностроительную промышленность.

Наступило время, когда страной правили две небольшие партии богатых, влиятельных людей, захвативших газеты и всю избирательную машину; сначала они боролись друг с другом, а потом объединились.

Оппозиция действовала нерешительно и робко. Было написано множество книг; некоторые из них изданы были еще в то время, когда Грэхэм впал в летаргический сон; реакция породила богатую литературу.

Но представители оппозиции, казалось, погрузились в изучение этой литературы и действовали решительно и отважно только на бумаге.

Основным выводом из всех социальных теорий начала двадцатого столетия как в Америке, так и в Англии был призыв к устранению и аресту узурпаторов власти. В Америке этот процесс начался несколько раньше, чем в Англии, хотя обе страны проделали один и тот же путь.

Но революция не наступала. Ее никак не

удавалось организовать. Старомодная сентиментальность, вера в справедливость уже не имели власти над людьми. Всякая организация, влиятельная на выборах, скоро распадалась из-за внутренних раздоров или подкупалась кучкой ловких и богатых дельцов. Социалистические и народные, реакционные и пуританские партии — все в конце концов сделались чем-то вроде биржи, где торговали убеждениями. Понятно, что капиталисты поддерживали неприкосновенность собственности и свободу торговли так же, как в Средние века феодализм отстаивал свободу войны и грабежа. Весь мир стал сплошной ареной, полем сражения дельцов; финансовые крахи, инфляции, тарифные войны причиняли человечеству в течение двадцатого века больше вреда, чем война, мор и голод в самые мрачные годины древних времен, ибо быстрая смерть легче ужасной жизни.

Его собственная роль в историческом развитии была для него ясна. В результате развития механической цивилизации возникла новая сила, руководившая этим развитием, — Совет Опекунов. Поначалу, когда слились капиталы Уорминга и Избистера, это была лишь частная коммерческая компания, порожденная прихотью

двух бездетных капиталистов, но вскоре, благодаря коллективному таланту первоначального своего состава, Совет приобрел громадное влияние и мало-помалу, прикрываясь различными фирмами и компаниями, с помощью купчих, ссуд и акций проник в государственные организмы Америки и Англии.

Пользуясь колоссальным влиянием, Совет очень быстро принял вид политической организации. Капитал он использовал для своих политических целей, а политическую власть — для увеличения капитала. В конце концов все политические партии обоих полушарий оказались в его руках; он стал тайным руководящим центром. Последнюю борьбу ему пришлось выдержать с крупными еврейскими банкирскими домами. Но их родственные связи были слабы; порядок наследования всегда мог оторвать от них часть капитала, легкомысленная женщина или безумец, браки и завещания отторгали от их богатств сотни тысяч. С Советом не могло быть ничего подобного: он рос упорно и непрерывно.

Первоначальный Совет состоял из двенадцати не только способных, но почти гениальных дельцов. Он смело захватил в свои руки не только богатства, но и политическую власть; с удиви-

тельной предусмотрительностью тратил он громадные суммы на опыты по воздухоплаванию, скрывая результаты их до известного срока. Помимо законов о патентах, он пользовался разными полулегальными способами, чтобы поработить непокорных изобретателей. Он не упускал случая использовать способного человека. Он не жалел денег. Его политика была энергична, дальновидна. Совет встречал лишь случайный, неорганизованный отпор отдельных капиталистов, действовавших вразброд.

Через сто лет Грэхэм оказался почти неограниченным властелином Африки, Южной Америки, Франции, Англии и всех ее территорий в Северной Америке, а затем и Америки в целом. Совет закупил и организовал по-своему Китай, захватил Азию, задушил империи старого мира: сначала подорвал их финансы, а затем забрал в свои руки.

Этот захват всего мира проводился так ловко, что, прежде чем большинство людей заметило надвигающуюся на них тиранию, она была уже совершившимся фактом. Белый Совет, как Протей, искусно маскировал свои операции под видом разных банков, компаний, синдикатов. Совет никогда не колебался и не терял времени

даром. Пути сообщения, земли, постройки, правительства, муниципалитеты, территориальные компании тропиков — все предприятия одно за другим прибирались к рукам. Совет обучал и дисциплинировал своих служащих, образовал свою собственную полицию, охрану на железных и шоссейных дорогах, предприятиях, при прокладке кабелей и каналов и при всяких работах в сельской местности. С рабочими союзами Совет не боролся, но разлагал их подкупами. В конце концов он купил весь мир. Последний же, решающий удар был нанесен развитием авиации.

Однажды Белый Совет во время конфликта с рабочими в одной из своих гигантских монополий прибег к незаконным способам борьбы и, отвергнув лицемерную комедию подкупов, бросив вызов старику Закону, возбудил против себя большое недовольство, чуть не восстание. Но не было ни армий, ни военных флотов — на земле давно царил мир. Единственный флот состоял из огромных паровых судов Союза Морской Торговли. Силы полиции — железнодорожной, морской, сельской, городской — превосходили в десять раз армию прежних времен и силы муниципалитетов. В этот момент Совет ввел в действие летательные машины. Еще есть в живых люди,

которые помнят яростные дебаты в лондонской палате общин, где партия противников Белого Совета, хотя она и была в меньшинстве, дала ему последний бой, и в конце концов все члены палаты выходили на террасу, чтобы взглянуть на необыкновенных крылатых чудовищ, плавно реявших у них над головой. Белый Совет победил. Исчезли последние остатки демократического строя, и воцарился всемогущий капитал.

По прошествии ста пятидесяти лет от начала летаргического сна Грэхэма Белый Совет сбросил маску и стал управлять миром от своего имени. Выборы сделались простой формальностью, торжественной комедией, разыгрывавшейся раз в семь лет, простым пережитком древности. Собиравшийся время от времени парламент представлял собою такое же утратившее всякое значение собрание, каким был церковный собор во времена Виктории, а лишенный трона, слабоумный, спившийся король Англии кривлялся на сцене второразрядного мюзик-холла.

Так рассеялись пышные сны девятнадцатого столетия, возвышенные мечты о всеобщей свободе и о всеобщем счастье, и над утратившим чувство чести, вырождающимся, морально искалеченным человечеством, преклоняющимся

перед золотым тельцом, отравленным привитой с детства бессмысленной религиозной враждой, при содействии подкупленных изобретателей и беспринципных дельцов, воцарилась тирания — сперва тирания воинствующей плутократии, а потом одного верховного плутократа. Совет уже не заботился о том, чтобы его декреты санкционировались конституционной властью, и вот Грэхэм — неподвижное, осунувшееся, обтянутое желтой кожей, безжизненное тело — стал единственным всеми признанным Правителем Земли. И теперь он проснулся, чтобы получить наследство, чтобы встать здесь, под пустым безоблачным небом, и взглянуть вниз на свои беспредельные владения.

Для чего же он проснулся? Разве этот город, этот улей, где день и ночь трудились миллионы рабочих, не опровергает его былые мечты? Или огонь свободы, тот огонь, что теплился в далекие времена, все еще тлеет там, внизу? Он вспомнил пламенные, вдохновенные слова революционной песни. Неужели эта песня не более как выдумка демагога, которую забудут, когда минет в ней надобность? Неужели мечта, которая и теперь еще живет в нем, — только воспоминание о прошлом, остаток исчезнувшей веры? Или мечте

суждено осуществиться и человечеству суждена лучшая будущность? Для чего же он пробудился? Что должен он делать?

Человечество внизу раскинулось перед ним, как на карте. Он подумал о миллионах человеческих существ, которые возникают из тьмы небытия и исчезают во тьме смерти. Какова же цель жизни? Цель должна быть, но она выше его понимания.

Впервые в жизни он почувствовал себя таким маленьким и бессильным, ощутил во всей полноте трагическое противоречие между извечными стремлениями нашего духа и слабостью человеческой. В эти краткие мгновения он осознал все свое ничтожество и по контрасту — всю глубину и силу своих устремлений. И внезапно ему стало прямо невыносимо это сознание собственного ничтожества, полной своей неспособности осуществить маячившую перед ним великую цель, и ему страстно захотелось молиться. И он начал молиться. Он молился сумбурно, бессвязно, то и дело противореча самому себе; душа его, стряхнув оковы времени и пространства, отрешившись от бурной, кипучей земной суеты, устремлялась ввысь, к какому-то неведомому существу, которому он не находил даже имени, но знал, что оно

одно может понять и принять и его самого, и его заветные чаяния.

Внизу, на городской кровле, стояли мужчина и женщина, наслаждаясь свежестью утреннего воздуха. Мужчина вынул подзорную трубу и, наведя ее на дом Белого Совета, показывал своей спутнице, как пользоваться ею. Наконец любопытство их было удовлетворено; ни малейших следов кровопролития не могли они заметить со своего места. Поглядев в пустынное небо, женщина навела трубу на Воронье Гнездо и увидела две черные фигурки, такие крошечные, что с трудом можно было поверить, что это люди. Один стоял неподвижно, другой жестикулировал, простирая руки к безмолвным пустынным небесам.

Женщина передала трубу мужчине, который, взглянув, воскликнул:

— Неужели это он? Да. Я не ошибся. Это действительно он, наш властелин! — Опустив трубу, он взглянул на женщину. — Он простирает руки к небу, как будто молится. Странно. Ведь в его время уже не было огнепоклонников. Не правда ли? — Он снова посмотрел в трубу. — Теперь он стоит спокойно. Вероятно, он случайно принял такую позу… — Мужчина опустил трубу и задумался. — Что ему делать, как не наслаждаться

жизнью? Острог будет править. Он приберет к рукам этих глупцов-рабочих с их песнями. Подумать только! Сделаться обладателем всего на свете благодаря сну! Как это удивительно!

Глава XV
Избранное общество

Апартаменты начальника ветряных двигателей и архитектура их показались бы Грэхэму очень сложными и запутанными, если бы он вошел туда под свежим воспоминанием жизни девятнадцатого столетия, но теперь он уже успел освоиться со стилем нового времени. Это был своего рода лабиринт арок, мостов, проходов и галерей, то разъединяющихся, то соединяющихся в одном большом зале.

Через уже ставшую привычной скользящую дверь в стене Грэхэм вышел на площадку, откуда вела вниз широкая роскошная лестница, по которой спускались и поднимались разряженные мужчины и женщины.

Отсюда хорошо были видны матово-белые, розовато-лиловые и пурпурные архитектурные украшения, сложный узор переходов, соединенных мостами, которые, казалось, были сделаны из фарфора и серебра филигранной работы; в глубине зала стояли туманные, полупрозрачные таинственные экраны.

Взглянув наверх, он увидел громоздившиеся ярусами галереи, откуда на него смотрел народ. Воздух дрожал от гула бесчисленных голосов, звуков веселой, бравурной музыки, раздававшейся откуда-то сверху, откуда — он никак не мог понять.

Хотя центральный зал был переполнен, места хватало всем; собралось несколько десятков тысяч. Все были одеты роскошно, даже причудливо, не только женщины, но и мужчины. Пуританская простота и строгость мужского костюма уже давно отошли в область преданий. Волосы у большинства мужчин были короткие и тщательно завитые, лысых совсем не было. Такие прически привели бы в восхищение Россетти, а один из кавалеров, приставленный к Грэхэму под таинственным титулом «амориста», носил женскую прическу, пышные косы в стиле Маргариты. У многих были косички, как у китайцев, быть китайцем уже не считалось зазорным. Одежды были самые разнообразные. Статные мужчины щеголяли в коротких, до колен, панталонах. Встречались буфы, колеты с разрезами, короткие плащи, длинные мантии.

Преобладал стиль времен Льва X, а также костюмы в восточном вкусе. Чопорность мужской

одежды, плотно облегающей фигуру, и на все пуговицы застегнутые вечерние костюмы сменились изящной грациозностью свободно лежащих складок. Грэхэму, чопорному человеку чопорного времени, все эти мужчины казались не только утонченными, но и чересчур экспансивными. Они бурно жестикулировали и непринужденно выражали удивление, интерес, восхищение, отнюдь не скрывая тех чувств, какие возбуждали в них дамы.

С первого взгляда было видно, что женщины преобладали. Они отличались от мужчин одеждой, походкой и манерами, менее выразительными, но зато более вычурными. Некоторые носили классические одеяния со складками стиля ампир, их обнаженные плечи и руки сверкали белизной. Были и плотно облегающие фигуру платья, без швов и пояса, а также длинные одеяния, ниспадавшие пышными складками. Минуло уже два столетия, но мода на вечерние откровенные туалеты, очевидно, не прошла. Движения и жесты поражали своей пластичностью.

Грэхэм заметил Линкольну, что все эти люди напоминают ему персонажи на рисунках Рафаэля. Линкольн ответил, что в богатых семьях при воспитании детей на изящество жестов обраща-

ют большое внимание.

Появление Грэхэма было встречено сдержанными рукоплесканиями. Впрочем, он быстро убедился в благовоспитанности этой публики: вокруг него никто не теснился, его не засыпали вопросами. Грэхэм спокойно спустился по лестнице в зал. Он уже знал от Линкольна, что здесь собралось высшее общество Лондона. Почти все были важными государственными людьми или их близкими. Многие приехали из европейских Городов Наслаждений с единственной целью приветствовать его. Здесь были командиры воздушных флотилий, чей переход на сторону Грэхэма способствовал падению Совета, инженеры Управления Ветряных Двигателей и высшие чины Пищевого Треста. Контролер Европейских Свинарников отличался меланхолической внешностью и утонченно циническими манерами. Мимо прошел в полном облачении епископ, беседуя с джентльменом, одетым в традиционный костюм Чосера, с лавровым венком на голове.

— Кто это? — спросил Грэхэм.

— Лондонский епископ, — ответил Линкольн.

— Нет, тот, другой…

— Поэт-лауреат.

— Неужели до сих пор…

— О нет, он не пишет стихов. ЭТО кузен Уоттона, одного из советников. Но он придерживается традиций роялистов Красной Розы — это один из лучших клубов.

— Асано говорил мне, что здесь есть король.

— Не король, он уж давно изгнан. Вероятно, он говорил о ком-нибудь из Стюартов, но их…

— Разве их много?

— Даже чересчур.

Грэхэм не совсем понял, но не стал расспрашивать, — видимо, все это было в порядке вещей. Он любезно раскланялся с человеком, которого ему представили. Очевидно, даже в этом собрании существует своя иерархия и лишь некоторые, наиболее важные персоны будут представлены ему Линкольном. Первым подошел начальник аэрофлота, обветренное, загорелое лицо которого резко выделялось среди изысканной публики. Отпадение от партии Белого Совета сделало его весьма важной особой.

Простотой своего обращения он выгодно отличался от большинства присутствующих. Он заявил о своей лояльности, сделал несколько общих замечаний и участливо справился о состоянии здоровья Правителя Земли. Он держал себя непринужденно и говорил не так отрывисто, как

остальные. Он назвал себя «воздушным бульдогом», и выражение это не казалось бессмыслицей, это был мужественный человек старого закала, не претендующий на большие познания и сведущий только в своем деле. Откланявшись без малейшего подобострастия, он удалился.

— Я рад видеть, что такие люди еще не перевелись, — сказал Грэхэм.

— Фонографы и кинематографы, — слегка презрительно заметил Линкольн. — А этот прошел суровую школу жизни.

Грэхэм посмотрел вслед аэронавту. Эта мужественная фигура напомнила ему прежние времена.

— Как бы то ни было, мы подкупили его, — сказал Линкольн. — Отчасти подкупили, отчасти же он боялся Острога. С его переходом дело быстро пришло к концу.

Он повернулся, чтобы представить Грэхэму главного инспектора Школьного Треста. Это был высокий изящный человек в голубовато-сером костюме академического покроя. Он поглядывал на Грэхэма сквозь старомодное пенсне и сопровождал каждое свое замечание жестом холеной руки. Грэхэм справился о его обязанностях и задал несколько самых элементарных вопросов.

Главного инспектора, по-видимому, забавляла полная неосведомленность Правителя Земли. Он вкратце рассказал о монополии треста в деле воспитания; монополия эта возникла вследствие контракта, заключенного трестом с многочисленными муниципалитетами Лондона; он с энтузиазмом говорил об огромном прогрессе в области воспитания за последние двести лет.

— У нас нет заучивания и зубрежки, — сказал он, — никакой зубрежки. Экзамены окончательно упразднены. Вы довольны, не правда ли?

— Как же вы добились этого? — спросил Грэхэм.

— Мы делаем учение увлекательным, насколько это возможно. А если что-нибудь не нравится ученикам, то мы пропускаем это. У нас ведь обширное поле для изучения.

Он перешел к деталям, и разговор затянулся. Инспектор с большим почтением упомянул имена Песталоцци и Фребеля, хотя, по-видимому, не был знаком с их замечательным учением.

Грэхэм узнал, что лекционный метод преподавания еще существует, но в несколько измененной форме.

— Есть, например, особый тип девиц, — пояснил словоохотливый инспектор, — которые

желают учиться, не слишком себя утруждая. Таких у нас тысячи. В настоящий момент, — произнес он с наполеоновским жестом, — около пятисот фонографов в различных частях Лондона читают лекции о влиянии Платона и Свифта на любовные увлечения Шелли, Хэзлитта и Бёрнса. Потом они на основании этой лекции напишут сочинение, и имена наиболее достойных станут широко известны. Вы видите, как далеко мы шагнули. Безграмотные массы ваших дней отошли в область преданий.

— А общественные начальные школы? — спросил Грэхэм. — Вы ими заведуете?

— Конечно, — ответил главный инспектор.

Грэхэм, давно занимавшийся как демократ этим вопросом, заинтересовался и начал расспрашивать. Он вспомнил несколько случайных фраз болтливого старика, с которым столкнулся на темной улице. Главный инспектор подтвердил слова старика.

— У нас нет заучивания, — повторил он, и Грэхэм понял эту фразу в том смысле, что теперь нет напряженного умственного труда. Инспектор вдруг ударился в сентиментальность.

— Мы стараемся сделать начальную школу интересной для маленьких детей. Ведь их в неда-

леком будущем ждет работа. Несколько простых правил: послушание, трудолюбие.

— Значит, вы учите их немногому?

— Разумеется. Излишнее учение ведет к недовольству и смуте. Мы забавляем их. Вот теперь повсюду волнение, агитация. Откуда только наши рабочие нахватались всех этих идей? Друг от друга, вероятно. Повсюду социалистические бредни, анархия! Агитаторам предоставлено широкое поле деятельности. Я глубоко убежден, что главная моя обязанность — это бороться с недовольством народа. Зачем народу чувствовать себя несчастным?

— Удивляюсь, — проговорил Грэхэм задумчиво. — Многое мне еще непонятно.

Линкольн, который в течение разговора внимательно следил за выражением лица Грэхэма, поспешил вмешаться.

— Другие ждут, — сказал он вполголоса.

Главный инспектор церемонно откланялся.

— Быть может, — заметил Линкольн, уловив случайный взгляд Грэхэма, — вы хотели бы познакомиться с дамами?

Дочь управляющего свинарниками Европейского Пищевого Треста оказалась очаровательной маленькой особой с рыжими волосами и бле-

стящими синими глазами. Линкольн отошел в сторону. Девушка сразу же заявила, что она поклонница «доброго старого времени» — так назвала она то время, когда он впал в летаргию. Она улыбалась, кокетливо прищурив глаза.

— Я не раз пыталась, — болтала она, — представить себе это старое романтическое время, которое вы помните. Каким странным и шумным должен был показаться вам наш мир! Я видела фотографии и картины того времени — маленькие домики из кирпичей, сделанных из обожженной глины, черные от копоти ваших очагов, железнодорожные мосты, простые наивные объявления, важные, суровые пуритане в странных черных сюртуках и громадных шляпах, поезда, железные мосты, лошади, рогатый скот, одичавшие собаки, бегающие по улицам... И вдруг чудом вы перенеслись в наш мир.

— Да, — машинально повторил Грэхэм.

— Вы вырваны из прежней жизни, дорогой и близкой вам.

— Старая жизнь не была счастливой, — ответил Грэхэм. — Я не жалею о ней.

Она быстро посмотрела на него и сочувственно вздохнула.

— Нет?

— Нет, не жалею, — продолжал Грэхэм. — Это была ничтожная, мелкая жизнь. Теперь же… Мы считали наш мир весьма сложным и цивилизованным. Но хотя я успел прожить в этом новом мире всего четыре дня, вспоминая прошлое, я ясно вижу, что это была эпоха варварства, лишь начало современного мира. Да, только начало. Вы не поверите, как мало я знаю.

— Что ж, расспросите меня, если угодно, — улыбнулась девушка.

— В таком случае скажите мне, кто эти люди. Я до сих пор никого не знаю. Никак не могу понять. Что это, генералы?

— В шляпах с перьями?

— Ах нет. Вероятно, это важные должностные лица. Кто, например, вот этот внушительного вида человек?

— Этот? Очень важная особа. Морден, главный директор Компании Противожелчных Пилюль. Говорят, его рабочие производят в сутки мириад мириадов пилюль. Подумайте только — мириад мириадов!

— Мириад мириадов. Немудрено, что он так гордо на всех посматривает, — сказал Грэхэм. — Пилюли! Какое странное время! Ну а этот, в пурпурной одежде?

— Он не принадлежит, собственно говоря, к нашему кругу. Но мы любим его. Он очень умен и забавен. Это один из старшин медицинского факультета Лондонского университета. Вы, конечно, знаете, что все медики — члены Компании Медицинского Факультета и носят пурпур. Для этого нужны знания. Но, конечно, раз им платят за их труд… — И она снисходительно улыбнулась.

— Есть здесь кто-нибудь из ваших известных артистов и авторов?

— Ни одного автора. По большей части это сварливые, самовлюбленные чудаки. Они вечно ссорятся. Даже из-за мест за столом. Они прямо невыносимы! Но Райсбюри, наш модный капиллотомист, я думаю, здесь. Он с Капри.

— Капиллотомист? — повторил Грэхэм. — Ах да, припоминаю. Артист! Ну и что же?

— Нам поневоле приходится за ним ухаживать, — сказала она, как бы извиняясь. — Ведь наши головы в его руках. — Она улыбнулась.

Грэхэм с трудом удержался от комплимента, на который она явно напрашивалась, но взгляд его был достаточно красноречив.

— Как у вас обстоит дело с искусством? — спросил он. — Назовите мне ваших знаменитых

живописцев!

Девушка посмотрела на него недоумевающе. Потом рассмеялась.

— Разрешите мне подумать, — сказала она и замялась. — Вы, конечно, имеете в виду тех чудаков, которых все ценили за то, что они мазали масляными красками по холсту? Их полотна ваши современники вставляли в золотые рамы и целыми рядами вешали на стенах в своих квадратных комнатушках. У нас теперь их нет и в помине. Людям надоела вся эта дребедень.

— Но что же вы подумали?..

В ответ она многозначительно приложила палец к вспыхнувшей неподдельным румянцем щеке и, улыбаясь, с лукавым кокетством, вызывающе посмотрела на него.

— И здесь, — прибавила она, указывая на свои ресницы.

Несколько мгновений Грэхэм недоумевал. Но вдруг в памяти его воскресла старинная картина «Дядя Том и вдова». И он смутился. Он чувствовал, что тысячи глаз с любопытством устремлены на него.

— Хорошо, — ответил Грэхэм невпопад и отвернулся от очаровательной обольстительницы. Он огляделся по сторонам. Да, за ним наблюдали, хо-

тя и делали вид, что не смотрят на него. Неужели он покраснел?

— Кто это разговаривает с дамою в платье шафранного цвета? — спросил он, стараясь не смотреть в глаза девушке.

Человек, заинтересовавший Грэхэма, оказался директором одного из американских театров и только что вернулся из Мексики. Лицо его напомнило Грэхэму Калигулу, бюст которого он когда-то видел.

Другой мужчина, привлекший внимание Грэхэма, оказался начальником Черного Труда. Значение этой должности не сразу дошло до сознания Грэхэма, но через миг он повторил с удивлением:

— Начальник Черного Труда?..

Девушка, ничуть не смущаясь, указала ему на хорошенькую миниатюрную женщину, назвав ее добавочной женой лондонского епископа.

Она даже похвалила смелость епископа, ибо до сих пор духовенство обычно придерживалось моногамии.

— Это противоестественно. Почему священник должен сдерживать свои естественные желания, ведь он такой же человек, как и все? Между прочим, — спросила вдруг она, — вы принадлежите

к Англиканской церкви?

Грэхэм хотел было спросить, что означает название «добавочная жена», — по-видимому, это было ходячее словечко, — но Линкольн прервал этот интересный разговор. Они пересекли зал и подошли к человеку высокого роста в малиновом одеянии, который стоял с двумя очаровательными особами в бирманских (как показалось Грэхэму) костюмах. Обменявшись приветствиями, Грэхэм направился дальше.

Пестрый хаос первых впечатлений начал принимать более четкую форму. Сперва вид этого блестящего собрания пробудил в нем демократа, и он начал ко всему относиться враждебно и насмешливо. Но так уж устроен человек — он не в силах долго противостоять окружающей его атмосфере лести.

Скоро его захватили музыка, яркий свет, игра красок, блеск обнаженных рук и плеч, рукопожатия, множество оживленных и улыбающихся лиц, гул голосов, наигранно приветливые интонации, атмосфера лести, внимания и почтения. На время он забыл о своих размышлениях там, на вышке.

Неприметно власть начала опьянять его; манеры его стали непринужденнее, жесты вели-

чественнее, поступь увереннее, голос громче и тверже; черная мантия драпировалась эффектными складками.

Все же новый мир так очарователен!

Он скользил восхищенным взглядом по пестрой толпе, с добродушной иронией вглядываясь в отдельные лица. Внезапно ему пришло в голову, что он должен извиниться перед этим маленьким очаровательным созданием с рыжими волосами и голубыми глазами. Он обошелся с ней грубо. Недостойно царственной особы так резко обрывать эту милую кокетку, даже если он из политических соображений должен ее отвергнуть. Он хотел еще раз увидеть ее, но вдруг оглянулся, и блестящее собрание померкло в его глазах.

На фарфоровом мостике промелькнуло лицо той молодой девушки, которую он видел прошлой ночью в небольшой комнате за сценой театра, после своего побега из здания Белого Совета. Она глядела на него, точно чего-то ожидая, внимательно следя за всеми его движениями. В первый момент Грэхэм даже не мог припомнить, где он ее видел, затем, вспомнив, снова пережил их волнующую встречу. Но бальная музыка еще заглушала величественные звуки революционной песни.

Дама, с которой он в это время разговаривал, принуждена была повторить свое замечание, прежде чем Грэхэм пришел в себя и вернулся к прерванному снисходительному флирту.

Им овладела какая-то тревога, перешедшая в ощущение недовольства, точно он забыл выполнить что-то важное, ускользнувшее от него среди блеска и света. Его уже перестала привлекать красота окружающих женщин. Он оставлял без ответа изящные заигрывания дам, все эти завуалированные объяснения в любви, и взгляд его блуждал по толпе, напрасно стараясь отыскать прекрасное лицо, так его поразившее.

Линкольн вскоре вернулся и сказал, что, если погода будет хорошая, они совершат полет; он уже сделал все нужные распоряжения.

На одной из верхних галерей Грэхэм заговорил с некоей светлоглазой дамой об идемите. Эту тему затронул он сам, прервав деловым вопросом ее уверения в горячей преданности. Однако она, как и многие другие женщины новейших времен, оказалась менее осведомленной в этом вопросе, чем в искусстве обольщения.

Вдруг сквозь плавные звуки бальной музыки ему почудилась мощная уличная революционная песня, которую он слышал в зале театра.

Подняв голову, он увидел отверстие вроде иллюминатора, через которое, очевидно, проникали звуки. В отверстии виднелся клочок синего неба, сплетения кабелей и огни движущихся улиц. Пение внезапно оборвалось и перешло в гул голосов. Теперь он ясно различал грохот и лязг движущихся платформ и шум толпы. Ему смутно подумалось, что там, за стенами, собралась громадная толпа перед зданием, где забавляется Правитель Земли. Что они подумают?

Пение прекратилось, зазвучала бальная музыка, но мотив революционного гимна все еще раздавался в ушах Грэхэма.

Светлоглазая собеседница что-то сбивчиво объясняла об идемите. Вдруг перед ним снова мелькнуло лицо виденной им в театре девушки. Она шла по галерее навстречу, не замечая его. На ней было блестящее серое платье; волосы обрамляли ее лоб темным облаком. Холодный свет из круглого отверстия освещал ее задумчивые черты.

Собеседница заметила, что лицо Грэхэма изменилось, и воспользовалась случаем прекратить неприятный для нее разговор об идемите.

— Не хотите ли вы познакомиться с этой девушкой, сир? — предложила она. — Это Элен

Уоттон, племянница Острога. Очень серьезная и образованная девушка. Я уверена, что она понравится вам.

Через несколько мгновений Грэхэм уже разговаривал с девушкой, а светлоглазая дама куда-то упорхнула.

— Я помню вас, — сказал Грэхэм. — Вы находились в маленькой комнате. Когда весь народ пел гимн и отбивал такт ногами. Перед тем как я вышел в зал…

Девушка, сначала немного смутившаяся, спокойно взглянула на Грэхэма.

— Это было так чудесно, — сказала она и затем вдруг добавила: — Весь народ готов был умереть за вас, сир! Как много людей погибло за вас в ту ночь!

Лицо ее вспыхнуло. Она быстро оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что никто ее не слышит.

На галерее появился Линкольн; он медленно пробирался сквозь густую толпу. Увидев его, девушка обернулась к Грэхэму и сказала горячо и доверчиво:

— Сир, я не могу всего сказать вам. Но знайте, что простой народ очень несчастен, простой народ очень несчастен. Его угнетают… Не забывайте

народа, который шел навстречу смерти за вас.

— Но я ничего не знаю… — начал Грэхэм.

— Я не могу теперь говорить.

К ним подошел Линкольн и раскланялся с девушкой.

— Ну, как вам понравился новый мир? — спросил он, улыбаясь и указывая многозначительным жестом в сторону блестящего зала. — Во всяком случае, вы нашли, что он сильно изменился?

— Да, — ответил Грэхэм, — мир изменился. Но не так уж сильно.

— Посмотрим, что вы скажете, когда окажетесь в воздухе, — возразил Линкольн. — Ветер утих, и аэроплан уже ждет вас.

Девушка, по-видимому, хотела удалиться.

Грэхэм взглянул на нее и хотел задать какой-то вопрос, но, заметив на ее лице предостерегающее выражение, промолчал и, поклонившись, удалился вместе с Линкольном.

Глава XVI
Аэропил

Грэхэм шел, задумавшись, по коридорам Управления Ветряных Двигателей и плохо слушал то, что говорил ему Линкольн. Но вскоре он заинтересовался: Линкольн говорил о воздухоплавании.

Грэхэм давно уже хотел ознакомиться с достижениями человечества в этой области. Он начал расспрашивать Линкольна. В прежней своей жизни он с интересом следил за первыми неуклюжими шагами авиации и был доволен, узнав, что знакомые ему имена Максима, Пильчера, Ленглея и Ченута, а главное, первомученика авиации — Лилиенталя и теперь еще живы в памяти людей.

Еще в прежние времена изобретатели выработали два различных типа летательных машин: большие, приводимые в движение моторами аэропланы с двумя горизонтальными плоскостями и мощным пропеллером и быстролетные аэропилы.

Аэропланы могут летать при тихой погоде или

при слабом ветре, а во время бурь, которые уже научились точно предсказывать, вынуждены бездействовать. Аэропланы строят огромных размеров — они обычно бывают длиною до тысячи футов, а ширина их распростертых крыльев достигает шестисот и более футов. Такие машины предназначены для пассажирского движения. Кабины имеют в длину около пятисот метров и устроены так, чтобы по возможности уменьшать качку, вызываемую даже незначительным ветром. Во время путешествия каждый пассажир сидит на кресле, которое может свободно передвигаться. Подъем этих аэропланов возможен только со специальных гигантских платформ. Из Вороньего Гнезда Грэхэм видел шесть обширных аэродромов, снабженных особыми передвижными площадками.

Для посадки аэропланов также необходима ровная поверхность. Не говоря уже о том разрушении, которое могло бы причинить при посадке такое металлическое чудовище, и невозможности для него снова подняться на воздух, одного удара его о неровную поверхность, например о лесистый холм, вполне достаточно, чтобы погнуть и поломать машину или погубить всех пассажиров.

Сначала Грэхэм был разочарован, узнав недостатки этого изобретения, но затем понял, что и меньшие по размеру машины оказались бы в таких же условиях и вдобавок были бы убыточными, так как грузоподъемность их уменьшается не пропорционально величине, а гораздо быстрей. Кроме того, колоссальная масса этих аэропланов позволяет им лететь с огромной скоростью и удаляться от надвигающейся бури. Рейс из Лондона в Париж совершается в три четверти часа при сравнительно небольшой скорости; продолжительность перелета в Нью-Йорк — два часа; путешествие вокруг света при хорошей погоде без лишних остановок можно совершить в течение суток.

Совсем другого типа небольшие аэропилы (названные так, впрочем, без особого основания). Их довольно много летало над городом. Они могут поднять одного-двух пассажиров, но стоят довольно дорого и доступны только богатым людям. Они состоят из двух ярко окрашенных плоскостей, сзади которых находится пропеллер, могут легко садиться в любом открытом месте и снабжены пневматическими колесами и моторами для передвижения по земле к месту взлета.

Для того чтобы взлететь, они нуждаются в

особой передвижной платформе, которая может быть установлена на любом месте, где не мешают взлету ни строения, ни деревья.

Таким образом, Грэхэм убедился, что, несмотря на истекшие два столетия, человек в искусстве полета во многом еще уступает альбатросу и ласточке. Вероятно, можно было бы значительно усовершенствовать эти механизмы, но для этого не было повода — дело в том, что они ни разу не применялись для военных целей. Последняя великая мировая война разыгралась еще до того, как Белый Совет узурпировал власть.

Лондонские аэродромы сконцентрированы на южном берегу реки и расположены по неправильной кривой. Они разделены на три группы, по две с каждой, и сохранили названия древних пригородов: Рохэмптон, Уимблдон-парк, Стритхэм, Норвуд, Блэкхиз и Шутерс-хилл. Устроены они высоко над кровлей города. В длину каждый имеет четыре тысячи ярдов, в ширину — тысячу ярдов, и сделаны они из сплава железа с алюминием, который заменил в постройках железо. Верхний этаж их состоит из металлических ферм с лестницами и лифтами. Наверху находятся платформы, передвигающиеся по наклонным рельсам. Некоторые из них были заняты аэропи-

лами и аэропланами, остальные же свободны и готовы принять новые аппараты.

Публика ожидает отправления аэропланов в нижних этажах сооружения, где находятся театры, рестораны, читальни и другие места развлечений, а также роскошные магазины. Эта часть Лондона считается самой оживленной, и там царят веселье и распущенность, как в приморском порту или в курзалах.

А для тех, кто отправляется в воздушное путешествие с серьезными целями, религиозные организации построили множество красивых часовен; имеются также превосходно оборудованные медицинские пункты. Здесь узел городских подвижных путей, и, кроме того, внутри здания выстроены лифты и лестницы для сообщения между этажами, чтобы избежать скопления пассажиров и багажа. Архитектура сооружений отличается массивностью: целый лес металлических колонн и устоев выдерживает тяжесть верхних этажей и аэропланов.

Сопровождаемый Асано, Грэхэм направился к аэродромам по городским путям. Линкольна отозвал Острог, занятый административными делами. Отряд охраны ветряных двигателей очистил для них место на верхней платформе. Хотя

поездка Грэхэма к аэродромам была неожиданной, все же за ним последовала большая толпа народа. Он слышал, как выкрикивали его имя. Множество мужчин, женщин и детей, одетых в синее, крича и волнуясь, взбирались по лестницам на центральный путь. Он не мог понять, что они кричали, но его удивило, что они говорили на простонародном жаргоне. Когда наконец он вышел, охрану окружила густая возбужденная толпа. Он заметил, что некоторые старались пробраться к нему с прошениями, и охрана с большим трудом расчищала проход.

Один из аэропилов с дежурным аэронавтом стоял на западной летной площадке. Вблизи механизм совсем не казался маленьким. Алюминиевый скелет, лежавший на подвижной платформе посреди обширного аэродрома, был величиной с двадцатитонную яхту. Боковые стекловидные его плоскости, с сетью металлических нервов, совсем как прожилки на пчелином крыле, отбрасывали тень на пространство в несколько сот квадратных метров. Посредине, между металлическими ребрами, были подвешены на тросах сиденья для пилота и пассажира. Кресло для пассажира спереди было защищено от ветра стеклом и снабжено с боков металлической

решеткой, затянутой прозрачною тканью. Сиденье можно было совершенно закрыть, но Грэхэм, для которого все это было ново и интересно, приказал оставить его открытым. Аэронавт сидел за стеклом, которое защищало ему лицо. Пассажир при желании мог закрепить свое кресло неподвижно, что при спуске было даже необходимо, или же передвигаться на нем по рельсам и тросу к шкафчику на носу корабля, где помещались багаж, одежда и провизия, что вместе с сиденьями уравновешивало центральную часть аэропила с пропеллером, находившимся на корме.

Машина на вид казалась очень простой. Асано, указывая на различные части механизма, объяснял Грэхэму, что мотор, подобно старым газовым двигателям, зажигается взрывом и при каждом обороте сжигает каплю особого вещества — «фомайль». Он состоит из цилиндра и клапана и приводит в движение пропеллер. Вот и все, что Грэхэм узнал.

Летная площадка была пуста и безлюдна. Грэхэма сопровождали туда Асано и несколько человек из охраны. По указанию аэронавта он занял свое место и выпил микстуру эрготина — он знал уже, что вещество это всякий раз принимается перед полетом, чтобы предупредить вредное

влияние разреженного воздуха. Выпив лекарство, он заявил, что готов. Асано, просунувшись в отверстие фюзеляжа, принял от него бокал и махнул на прощание рукой. Затем аэропил стал быстро скользить по площадке и вскоре исчез в воздушном просторе.

Мотор гудел, пропеллер быстро вращался; платформа и здания внизу стремительно уплывали назад, скрываясь из виду. Потом аэропил круто наклонился, и Грэхэм инстинктивно ухватился за прутья по сторонам сиденья. Он чувствовал, что несется вверх, и слышал, как ударяет в стекло воздух. Пропеллер бешено вращался; машина дрожала и вибрировала во время полета, точно пульсировала: раз, два, три, пауза, раз, два, три. Пилот внимательно и осторожно регулировал механизм. Грэхэм поглядел вниз сквозь ребра аэропила: городские кровли со страшной быстротой уносились вдаль, быстро уменьшаясь. Глядя по сторонам, он не замечал ничего особенно замечательного — быстрое движение по фуникулеру может доставить те же ощущения. Вдали виднелось здание Белого Совета и Хайгет-Ридж. Грэхэм опять взглянул вниз.

В первый миг им овладело чувство физического ужаса, сознание страшной опасности. Он судо-

рожно ухватился за тросы и замер. Несколько мгновений он, как загипнотизированный, смотрел вниз. На глубине нескольких сот метров под ним находился один из самых больших ветряных двигателей юго-западной части Лондона, а за ним — южный аэродром, усеянный черными точками.

Все это провалилось куда-то в бездну. На мгновение его потянуло броситься вниз. Он стиснул зубы, усилием воли оторвал взгляд от бездны, и панический ужас прошел.

Некоторое время он сидел, крепко стиснув зубы и глядя в небо. «Тук-тук-тук» — отстукивал мотор. Крепко держась за тросы, он взглянул на аэронавта и уловил на его загорелом лице улыбку. Грэхэм тоже улыбнулся, но улыбка получилась неестественной. «Странное ощущение испытываешь в первый раз», — крикнул он, как бы извиняясь, и вновь принял величественную осанку. Он больше не решался смотреть вниз и глядел через голову аэронавта на голубое небо у горизонта. Он не мог подавить мысль о возможности катастрофы. Тук-тук-тук, — а вдруг испортится какой-нибудь винтик в машине? Вдруг… Он отгонял эти мрачные мысли, стараясь позабыть об опасности. А аэропил поднимался

все выше и выше в прозрачном воздухе.

Мало-помалу Грэхэм освоился, и неприятное ощущение рассеялось; полет стал казаться ему даже приятным. Его предупреждали о воздушной болезни. Но ничего особенного он не чувствовал; движения аэропила, летящего вверх навстречу юго-западному бризу, напоминали ему килевую качку небольшого судна при свежем ветре, а он был неплохой моряк. Резкий разреженный воздух казался ему легким и бодрящим. Подняв голову, он увидел голубое небо в перистых облаках. Осторожно посмотрев между тросами, он увидел вереницу белых птиц, летевших внизу. Некоторое время он следил за ними. Затем, осмелев, взглянул еще ниже и увидел Воронье Гнездо над ветряными двигателями, золотившееся в лучах солнца и быстро уменьшавшееся. За линией голубоватых холмов круто поднимались гигантские кровли Лондона. Позабыв всякий страх, Грэхэм с удивлением смотрел на город, который отсюда казался отвесной стеной, пересеченной террасами, обрывом высотой в несколько сот футов.

Широкого кольца предместий, составлявших постепенный переход от города к деревне — характерной черты всякого большого города девятнадцатого столетия, — больше не существо-

вало. От них остались только развалины, вокруг которых густо разрослись старые сады, темнели бурые квадраты пашен и тянулись полосы вечнозеленых растений. Но большая часть руин, остатки вилл и дач еще громоздились по сторонам прежних улиц и дорог и темнели рифами среди волн зеленых и бурых квадратов; давно покинутые своими обитателями, развалины эти оказались, очевидно, очень массивными и не исчезли под дружным напором сельскохозяйственных машин.

Растительность буйно клубилась вокруг, захлестывая обрушившиеся стены бесчисленных домов прибоем куманики, остролиста, плюща, ворсянки и бурьяна. Изредка среди развалин поднимались загородные рестораны, соединенные с городом кабельной сетью дорог. В этот ясный зимний день они были пусты так же, как и сады среди руин. Граница города выделялась столь же резко, как и в те времена, когда городские ворота запирались на ночь и вокруг стен рыскали разбойничьи шайки. Из-под громадного полукруглого свода вытекал поток, устремляясь по идемитовому руслу, — это был торговый канал.

Вот какая панорама развернулась перед Гроэхэмом, но она быстро скрылась из глаз. Когда

наконец он взглянул прямо вниз, то увидел долину Темзы, по которой тянулись коричневые полосы полей, пересеченные сверкающими нитями канализационных труб.

Возбуждение Грэхэма все возрастало и перешло в какой-то экстаз. Как бы в опьянении, глубоко вдыхая разреженный воздух, он стал смеяться. Ему захотелось кричать, и наконец, не в силах более сдерживаться, он закричал во весь голос.

Аэропил поднялся уже почти до предельной высоты и повернул к югу. Грэхэм заметил, что при управлении аппаратом в его крыльях то открывались, то закрывались затянутые мембраной клапаны, а мотор аэропила ходил взад и вперед по стержню. Передвигая мотор вперед и открывая клапан левого крыла, аэронавт придавал аэропилу горизонтальное положение и держал направление к югу. Они взяли немного влево и летели, то круто вздымая вверх, то плавно опускаясь. Это быстрое скольжение вниз было очень приятно. Во время спуска пропеллер останавливался. При подъеме Грэхэм испытывал чувство победы над стихией, при спуске в разреженном воздухе также возникали сильные, ни с чем не сравнимые ощущения. Грэхэму не хотелось покидать верхние слои атмосферы.

Некоторое время он внимательно рассматривал ландшафт, быстро уносившийся к северу. Ему нравились четкость и ясность деталей. Его поражали бесконечные развалины домов, которыми некогда пестрела страна, безлесная пустыня с кучами щебня, остатками прежних деревень и ферм. Правда, он слыхал уже об этом, но все же был удивлен. Он старался различить на дне этой пустой бездны знакомые места, но теперь, когда исчезла с горизонта долина Темзы, это было трудно. Скоро, однако, они достигли остроконечных меловых холмов, и, обнаружив знакомое ущелье в западном конце и развалины городка по обеим его сторонам, Грэхэм узнал Гилдфорд-Хогсбэк, а вслед за тем Лейт-хилл — песчаную равнину Олдершота — и другие места.

Простиравшуюся внизу округу пересекала широкая, испещренная быстро мчавшимися точками идемитовая дорога. Она проходила как раз по трассе бывшей железной дороги. Узкая долина реки Уэй заросла густым лесом.

По всей возвышенности Доунс, насколько можно было разглядеть сквозь голубоватую дымку, стояли ветряные двигатели таких размеров, что самый крупный из городских гигантов показался бы их младшим братом. Они плавно вращались

на юго-западном ветру. Кое-где пятнами выступали громадные гурты овец Британского Пищетреста, и конные пастухи выделялись черными точками. Вскоре выплыли из-под носа аэропила Уилденхейт, холмы Хайндхеда, Пич-хилл и Лейт-хилл с новым рядом ветряных двигателей, которые, казалось, старались перехватить ветер от своих собратьев на возвышенности Доунс. Пурпурный вереск сменился золотым дроком; под охраной двух всадников двигалось огромное стадо черных быков, которое быстро осталось позади и превратилось в темное движущееся пятно, пропавшее в тумане.

Близко, под самым ухом, крикнула чайка.

Они пролетали над южным Доунсом, и, поглядев через плечо, Грэхэм увидел на возвышенности Портсдоун-хилла укрепление портсмутского порта. Вот показалось огромное скопление стоявших у берега судов, похожее на плавучий город. Затем крохотные, залитые солнцем белые скалы Нидльса, и блеснула серая полоса морского пролива. В несколько секунд перелетели они пролив, остров Уайт остался далеко позади, и внизу развернулась широкая морская гладь, то пурпурная от облаков, то серая, то блестящая, как полированное зеркало, то тускло мерцающая синевато-зеленым

блеском. Остров Уайт быстро уменьшался. Через несколько минут от облачной гряды отделилась сероватая туманная полоса; опустившись вниз, она приняла очертания береговой линии; это было залитое солнцем, цветущее побережье Северной Франции. Полоса становилась все более четкой и яркой, английский же берег исчезал вдали.

Через некоторое время на горизонте показался Париж, но вскоре исчез, так как аэропил повернул к северу. Грэхэм успел разглядеть Эйфелеву башню и невдалеке от нее какой-то колоссальный купол, увенчанный остроконечным шпилем. Грэхэм заметил, что над городом расстилался дым, хотя и не понял, что это означало. Аэронавт буркнул что-то о каких-то «беспорядках на подземных путях», но Грэхэм не обратил внимания на его слова. Вышки, похожие на минареты, башни и стройные контуры городских ветряных двигателей свидетельствовали, что Париж по красоте и теперь еще превосходит своего соперника, хотя и уступает ему в размерах. Снизу взлетело что-то голубое и, подобно сухому листу, гонимому ветром, покружившись, направилось к ним, все увеличиваясь в размерах. Аэронавт опять что-то пробормотал.

— Что такое? — спросил Грэхэм, неохотно отведя взгляд от прекрасной картины.

— Аэроплан, сир! — крикнул пилот, указывая пальцем.

Аэропил поднялся выше и направился к северу. Аэроплан все приближался, быстро увеличиваясь. Гул аэропила, который казался прежде таким мощным, стал заглушаться гулом аэроплана. Каким громадным казалось это чудовище, каким быстроходным и мощным! Аэроплан пролетел близко над аэропилом, точно живой, с широко раскинутыми перепончатыми прозрачными крыльями. Мелькнули ряды закутанных пассажиров за стеклом, одетый в белое пилот, пробирающийся по лестнице против ветра, части чудовищного механизма, вихрь пропеллера и гигантские плоскости крыльев. Зрелище было поразительное.

Через мгновение аэроплан пронесся мимо. Крылья аэропила закачались от ветра. Аэроплан стал уменьшаться и скоро превратился в синюю точку, растаявшую в небесной лазури.

Это был пассажирский аэроплан Париж — Лондон. В хорошую погоду за день он делал четыре рейса.

Они пролетали над Ла-Маншем. Полет уже не

казался Грэхэму таким быстрым по сравнению с молниеносным полетом аэроплана. Слева глубоко внизу серел Бичи-Хед.

— Спуск! — крикнул аэронавт. Голос его потонул в гуле мотора и свисте ветра.

— Нет еще, — смеясь, ответил ему Грэхэм. — Погодите спускаться. Я хочу поближе ознакомиться с этой машиной.

— Я полагаю… — начал аэронавт.

— Я хочу ознакомиться с машиной, — перебил его Грэхэм. — Я перейду сейчас к вам, — прибавил он, поднялся со своего кресла и ступил на мостик, огороженный перилами.

Сделав один шаг, он побледнел и вынужден был ухватиться за перила руками. Еще шаг — и он возле аэронавта. Грэхэм чувствовал, что воздух с силой давит ему на грудь и плечи. Ветер, вырываясь из-за стекла, растрепал его волосы. Аэронавт поспешно выровнял машину.

— Я хочу, чтобы вы объяснили мне устройство аппарата и управление им, — сказал Грэхэм. — Что надо делать, чтобы аэропил двигался вперед?

Аэронавт замялся.

— Это очень сложно, сир.

— Ничего, — крикнул Грэхэм, — я попробую!

— Искусство авиации — тайна, привилегия… — сказал пилот после минутного молчания.

— Верно. Но ведь я властелин и хочу знать, — засмеялся Грэхэм, радуясь, что ему предстоит завоевать воздух.

Аэропил повернул к западу, свежий ветер ударил в лицо Грэхэму, развевая полы его одежды. Оба глядели друг другу в глаза.

— Сир, существует закон…

— Который не может касаться меня, — перебил Грэхэм. — Вы, кажется, забыли…

Аэронавт пристально посмотрел ему в лицо.

— Нет, — произнес он, — я не забыл, сир. Никто не может управлять машиной, кроме аэронавта. Все остальные — только пассажиры…

— Слышал я уже это раньше. Но мне дела нет до этого. Знаете вы, зачем я проспал эти двести лет? Чтобы летать по воздуху!

— Сир, — нерешительно сказал аэронавт, — я не смею нарушить закон…

Грэхэм с досадой махнул рукой.

— Если вы будете наблюдать за мной…

— Нет, — отвечал Грэхэм, покачнувшись и хватаясь покрепче за тросы, так как нос аэропила поднялся кверху. — Мне этого недостаточно. Я хочу сам управлять. Хотя бы мне пришлось вдре-

безги разбить машину! Да! Я так хочу! Я перелезу и сяду рядом с вами. Я хочу научиться летать, хотя бы ценою жизни. Это вознаграждение за мой долгий сон. И за многое другое… Когда-то я мечтал о воздухоплавании. Сохраняйте равновесие!

— Тысячи шпионов наблюдают за мною, сир.

Грэхэм потерял терпение. Это уже слишком! Он выругался и перешагнул через рычаги. Аэропил закачался.

— Кто Правитель Земли? — сказал он. — Я или ваша корпорация? Снимите руку с рычага и берите меня за руки. Так. А теперь, что надо делать, чтобы аэропил стал спускаться?

— Сир… — начал аэронавт.

— Что такое?

— Вы заступитесь за меня?

— Боже мой! Конечно! Хотя бы мне пришлось поджечь для этого Лондон. Ну!

Успокоив аэронавта, Грэхэм взял первый урок воздухоплавания. Воздух подействовал на него, как крепкое вино.

— В ваших интересах выучить меня как можно скорее и лучше, — рассмеялся он. — Итак, я действую этим рычагом? А! Так… Алло!

— Назад, сир, назад!

— Назад? Хорошо. Раз, два, три. Боже мой! Он

поднимается. Вот это жизнь!

Аэропил начал танцевать и выделывать странные фигуры в воздухе. То он описывал спираль не более ста ярдов в диаметре, то взмывал ввысь, чтобы тотчас же, подобно соколу, камнем упасть вниз и снова, делая замысловатые петли, подняться кверху. Аэропил чуть не налетел на подвижной парк воздушных шаров и едва успел свернуть в сторону. Быстрота и плавность полета и разреженный воздух опьянили Грэхэма. Казалось, он обезумел.

Наконец неожиданное приключение отрезвило его и заставило вспомнить о земле с ее кипучей жизнью и неразрешимыми проблемами. Они столкнулись с чем-то, и на Грэхэма упало несколько капель, точно от дождя. Обернувшись, он увидел позади какой-то крутящийся белоснежный лоскут.

— Что это такое? — спросил он. — Я не понимаю.

Аэронавт оглянулся и тотчас же схватился за рычаг, так как они падали вниз. Когда аэропил снова выровнялся, аэронавт, тяжело переводя дыхание, указал на белое пятно внизу.

— Это лебедь.

— Я совсем не заметил его, — сказал Грэхэм.

Аэронавт промолчал, и Грэхэм увидел капли пота у него на лбу.

Теперь они летели горизонтально, и Грэхэм вернулся на свое место, где он был защищен от ветра. Потом стали быстро спускаться, гул уменьшился, и темная площадка внизу стала шириться и расти. Солнце, закатываясь на западе за меловые холмы, казалось, падало вместе с ними, заливая золотом небо.

Внизу закопошились муравьями люди. Послышался гул приветствий, напоминающий шум морского прибоя. Грэхэм увидел, что все кровли вокруг летной площадки черны от народа, собравшегося его приветствовать. Сплошная черная масса пестрела светлыми пятнами лиц, развевающихся белых платков и машущих рук.

Глава XVII
Три дня

Линкольн ожидал в зале под аэродромом. По-видимому, его очень интересовали подробности полета, и он был доволен, заметив энтузиазм Грэхэма.

— Я должен научиться летать! — воскликнул Грэхэм. — Я хочу изучить авиацию. Как жаль мне всех тех, кто умер, так и не успев полетать! Какой дивный воздух там, наверху! Нет выше наслаждения, чем полет!

— Вы убедитесь, что наш мир богат и другими наслаждениями, — заметил Линкольн. — Не знаю, с чего вы начнете теперь. У нас есть музыка, которая заменяет романы.

— Сейчас, — ответил Грэхэм, — меня интересует только авиация. Дайте мне поближе с ней познакомиться. Ваш аэронавт говорил, что существуют какие-то корпоративные законы, ограничивающие обучение.

— Да, он прав, — ответил Линкольн. — Но для вас, конечно… Если вы так заинтересованы, то мы можем сделать вас присяжным аэронавтом

хоть завтра.

Грэхэм охотно согласился и снова начал распространяться о своих впечатлениях.

— Ну а дела? — спросил он вдруг. — В каком они положении?

— Острог сам сообщит вам завтра утром, — неохотно ответил Линкольн. — Все идет как нельзя лучше. Революция побеждает во всем мире. Конечно, есть кой-какие затруднения, но ваше правление везде обеспечено. Вы можете не беспокоиться о делах, раз они в руках у Острога.

— А нельзя ли мне сделаться, как вы называете, присяжным аэронавтом сегодня же? — спросил Грэхэм, расхаживая по залу. — Тогда я мог бы завтра утром опять…

— Я думаю, это возможно, — произнес Линкольн как бы в раздумье. — Вполне возможно. — Он рассмеялся. — Я хотел было предложить вам другие удовольствия, но вы сами нашли себе занятие по вкусу. Я поговорю по телефону с Воздухофлотом, а затем мы вернемся в ваши апартаменты в Управление Ветряных Двигателей. Пока вы будете обедать, аэронавты успеют собраться. Но может быть, после обеда вы пожелали бы…

Он остановился.

— Что? — спросил Грэхэм.

— У нас приглашены танцоры из театра Капри.

— Я терпеть не могу балета, — возразил Грэхэм. — Еще с давних пор. В наше время тоже были танцоры. Более того, они были даже в Древнем Египте. Вот авиация…

— Вы правы, — сказал Линкольн. — Хотя наши танцоры…

— Они могут подождать, — прервал его Грэхэм. — Почему бы им не подождать? Я не какой-нибудь древний римлянин. Я хочу поговорить со специалистами о ваших механизмах. Я интересуюсь техникой. Мне не нужно развлечений.

— Все к вашим услугам, — ответил Линкольн. — Как вам будет угодно.

Вместе с Асано, под охраной, они возвратились по городским путям в апартаменты Грэхэма. Его возвращение приветствовала толпа, еще более многочисленная, чем при полете.

Приветственные крики порой заглушали ответы Линкольна на вопросы Грэхэма об авиации. Сначала Грэхэм отвечал на приветствия поклонами и различными жестами, но Линкольн предупредил его, что это некорректно. Грэхэму же успели надоесть эти приветствия, и он перестал обращать на них внимание.

Тотчас после их возвращения Асано отправился на поиски кинематографических отчетов о машинах, а Линкольн передал распоряжение, чтобы ему доставили модели всевозможных машин за два столетия, наглядно иллюстрирующие технический прогресс. Телеграфные приборы так заинтересовали Грэхэма, что он позабыл про обед, поданный красивыми и ловкими девушками.

Хотя люди теперь уже не курили, но когда Грэхэм выразил желание покурить, тотчас же были посланы запросы, и он еще не окончил обеда, как из Флориды по пневматической почте были присланы превосходные сигары.

После обеда явились аэронавты и инженеры с моделями новейших машин. Грэхэм с увлечением рассматривал чудеса техники — арифмометры, счетчики, машины строительные, ткацкие, двигатели внутреннего сгорания, элеваторы для воды и хлеба, жатвенные машины и приспособления для боен. Это было гораздо интереснее, чем баядерки.

— Мы были дикарями, сущими дикарями, — то и дело повторял он. — Наш век — каменный век в сравнении с настоящим… Что у вас еще нового?

Затем явились психологи-практики, которые произвели ряд любопытных гипнотических опы-

тов. К своему удивлению, Грэхэм узнал, что Милн Бремуэл, Фехнер, Лило, Уильям Джеймс, Майерс и Гарней теперь в большом почете. Психологическое воздействие, оказывается, заменило в медицине многие лекарства, антисептические и анестезирующие средства; оно необходимо при умственной работе. Только благодаря ему так развились человеческие способности.

Сложные вычисления в уме, которые раньше делали только «люди-арифмометры», все чудеса гипноза стали теперь доступны каждому, кто пользовался услугами опытного гипнотизера. Прежняя экзаменационная система в обучении уже давно заменена внушением. Вместо долголетнего обучения — несколько недель гипнотических сеансов, во время которых ученикам внушаются нужные знания, после чего они в состоянии давать правильные ответы; познания прочно закреплялись в памяти. Метод этот оказался особенно успешным в математике, шахматной игре, а также в других головоломных и требующих физической ловкости играх. Все механические операции и работы совершаются теперь единообразно с идеальной аккуратностью, на исполнение их не оказывают никакого влияния настроения и воображение. Рабочие с

детства посредством внушения превращаются в безукоризненно точные машины, свободные от всяких мыслей и увлечений. Ученики аэронавтов, подверженные головокружению, благодаря внушению избавляются от страха. На каждой улице любой гипнотизер готов помочь человеческой памяти. При помощи гипноза легко запомнить любое имя, любые числа, песню, речи, а также забыть, когда минет надобность. Можно забыть обиды и унижения, заставить неутешных вдов позабыть умерших мужей и исцелить несчастных влюбленных. Можно изменить привычки и желания — все это делает психическая медицина. Однако внушать желания пока еще не удается, и передача мыслей на расстоянии покамест еще находится в стадии опытов. Свои сообщения психологи иллюстрировали поразительными мнемоническими опытами над целой толпой бледнолицых детей, одетых в синий холст.

Грэхэм, подобно большинству людей прежнего времени, не доверял гипнозу и не соглашался освободить свой мозг от многих мучительных пережитков. Несмотря на доводы Линкольна, он упорно стоял на своем; по его понятиям, согласиться на гипнотизацию — значило подчинить свою личность чужому влиянию и отказаться от

свободы воли. А в этом новом чудесном мире он хотел остаться самим собой.

Три дня провел Грэхэм в этих занятиях. Ежедневно по нескольку часов он обучался летать. На третий день он пролетел над Центральной Францией и видел снеговые вершины Альп. Благодаря полетам он превосходно спал и быстро окреп; от его анемии не осталось и следа.

Линкольн доставлял ему все новые и новые развлечения. Грэхэм ознакомился с новейшими изобретениями, пока наконец любопытство его не притупилось. В целой дюжине томов не уместить того, что было ему показано.

Каждый день после полудня Грэхэм делал приемы и начал живо интересоваться окружающими людьми. Сначала они казались ему чуждыми и странными; ему не нравились их роскошные одеяния, он находил манеры их вульгарными, но вскоре он был сам поражен, заметив, с какой быстротой исчезло в нем это враждебное чувство, как быстро освоился он со своим новым положением и позабыл про прежнюю жизнь.

Ему нравилась рыжеволосая дочь управляющего свинобойнями. На следующий день после обеда он познакомился с одной балериной новейшего времени и был в восторге от ее танцев. А

тут еще эти чудеса гипноза. Когда на третий день Линкольн предложил поездку в Город Наслаждений, Грэхэм отказался и отклонил услуги гипнотизеров для своих полетов. Лондон казался ему более близким и знакомым, чем другие города. Ему доставляло невыразимое удовольствие узнавать те или иные места, связанные с его прежней жизнью, — а это было бы невозможно за границей.

— Здесь или, вернее, там, футов на сто пониже, — говорил он, — я обычно завтракал во времена своей студенческой жизни. Вот тут, глубоко внизу, некогда находился вокзал Ватерлоо с его вечной суматохой. Часто стоял и я там с чемоданом в руке и сквозь море сигнальных огней смотрел вверх, на небо, даже не помышляя о том, что настанет день, когда я буду расхаживать над этим самым местом на высоте нескольких сот ярдов. А теперь под тем же самым небом, которое выглядело тогда дымной завесой, я кружусь на аэропиле.

Все эти три дня Грэхэм был всецело поглощен полетами; политические новости его почти не интересовали. Окружающие его лица также не затрагивали эту тему. Ежедневно приходил Острог — Вождь, как его называли в народе, — этот ве-

ликий визирь Грэхэма, начальник его дворца, и в самых неопределенных выражениях отдавал ему отчет о положении дел: «незначительные затруднения», «небольшие беспорядки», «все скоро уладится». Пение революционного гимна прекратилось. Грэхэм не знал, что гимн запрещен в пределах города. Он позабыл, о чем думал в то утро, стоя в Вороньем Гнезде.

На второй или на третий день, несмотря на свое увлечение дочерью управляющего свинобойнями, он случайно вспомнил об Элен Уоттон и о странном разговоре с ней в зале Управления Ветряных Двигателей. Она произвела на него сильное впечатление, хотя у него и не было времени подумать о ней. Но теперь ее облик властно всплыл в его сознании. Он недоумевал, что означали ее намеки.

По мере того как проходил у него интерес к механике, он все яснее вспоминал ее глаза и задумчивое лицо. Образ этой девушки удерживал его от низменных страстей и дешевых увлечений.

Прошло, однако, три дня, прежде чем он снова увидел ее.

Глава XVIII
Грэхэм вспоминает

Он встретился с ней в маленькой галерее, соединяющей Управление Ветряных Двигателей с его апартаментами. Галерея была длинная и узкая, с глубокими нишами, окна которых выходили во двор, засаженный пальмами. Он увидел ее сидящей в одной из этих ниш.

Услыхав его шаги, она взглянула на него и вздрогнула. Лицо ее побледнело.

Она поднялась, хотела подойти к нему и что-то сказать, но, видимо, не решалась.

Он остановился и ждал. Потом, заметив ее колебания и думая, что она, быть может, поджидала его и хочет с ним говорить, он решил великодушно прийти ей на помощь.

— Я давно хотел видеть вас, — сказал он. — Несколько дней назад вы хотели что-то сказать мне о народе. Что же вы хотели сообщить?

Она грустно посмотрела на него.

— Вы говорили, что народ несчастен?

Девушка медлила с ответом.

— Это показалось вам странным? — спросила

она наконец.

— Вот именно. И кроме того…

— Это был внезапный порыв.

— Да?

— Только и всего.

Видно было, что она колеблется. Казалось, ей трудно было говорить.

— Вы забыли… — проговорила она, глубоко вздохнув.

— Что именно?

— Про народ…

— Вы так думаете?

— Вы забыли про народ.

Он поглядел на нее вопросительно.

— Да, я знаю, что вы удивлены. Вы не понимаете, кто вы такой. Вы не знаете всего, что происходит.

— В чем же дело?

— Значит, вы ничего не знаете?

— Может быть. Но скажите: в чем дело?

Внезапно решившись, девушка повернулась к нему.

— Мне трудно говорить. Я часто думала об этом, собиралась, но не могу начать. Мне не хватает слов. Ваш сон, ваше пробуждение — все это так необычайно. Так чудесно. Для меня по крайней

мере и для всего народа. Вы жили столько лет назад, страдали и умерли, были простым гражданином и вдруг, проснувшись, стали правителем чуть ли не всей Земли!

— Правитель Земли, — повторил он. — Так они все говорят. Но подумайте, как мало я знаю.

— Городов, трестов, рабочих компаний…

— Верховная власть, могущество, сила, слава… Да, я слышал, как кричала толпа. Я знаю. Я Правитель, король, если угодно. А Острог — Вождь.

Он замолчал.

Девушка с любопытством смотрела на него.

— Ну и что же?

Он улыбнулся.

— Он управляет всем.

— Вот этого-то я и боялась.

Несколько мгновений она молчала.

— Нет, — проговорила она тихо, — управлять должны вы сами. Да, сами. Народ надеется на вас. — Она понизила голос. — Послушайте! В течение стольких лет, поколения за поколениями ждали, что вы проснетесь… Народ молился об этом, да, молился…

Грэхэм хотел что-то ответить, но промолчал.

Девушка, по-видимому, колебалась. На щеках у нее вспыхнул румянец.

— Знаете ли вы, что в глазах мириадов людей вы являетесь избавителем? Вы для них то же самое, что король Артур или Барбаросса.

— Я думаю, что воображение народа…

— Разве вы не слыхали поговорки: «Когда Спящий проснется»? Когда вы лежали бесчувственный и неподвижный, к вам приходили тысячи людей. Тысячи… В первый день каждого месяца вас одевали в белое платье, и тысячи людей проходили мимо, чтобы взглянуть на вас. Еще маленькой девочкой я видела вас, у вас было такое бледное и спокойное лицо…

Она отвернулась и принялась разглядывать панно. Голос ее оборвался.

— Когда я была маленькой девочкой, я часто смотрела на ваше лицо… Оно казалось мне олицетворением божественного долготерпения. Вот что мы думали о вас. Вот как мы смотрели на вас…

Она обернулась и подняла на него свои сверкающие глаза, голос ее зазвенел.

— В городе, по всей Земле мириады мужчин и женщин надеются на вас и ждут.

— Неужели?

— Острог не может вас заменить… Никто не может.

Грэхэм удивленно смотрел на нее, пораженный ее волнением.

Сначала она говорила с усилием, потом собственная речь воодушевила ее.

— Неужели вы думаете, — продолжала девушка, — что вам суждено было прожить ту первую жизнь в далеком прошлом, потом заснуть и после стольких надежд и ожиданий пробудиться от вашего чудесного сна только затем, чтобы бесполезно прожить еще одну жизнь? Неужели же исчезнут надежды чуть ли не всего мира? Разве вы можете снять с себя эту ответственность и передать ее другому человеку?

— Я знаю, что власть моя велика, — ответил Грэхэм, запинаясь. — Вернее, кажется, что велика… Но так ли это в действительности? Все это похоже на сон. Реальна ли моя власть, или же это только великое заблуждение?

— Да, реальна, — подтвердила девушка, — если только вы решитесь…

— Но ведь моя власть, как и всякая другая, — всего лишь иллюзия. Она реальна, пока люди верят в нее.

— Если только вы решитесь, — повторила девушка.

— Но…

— Массы верят в вас и пойдут за вами…

— Но я ничего не знаю. Решительно ничего… Все эти советники, Острог. Они умнее, хладнокровнее, предусмотрительнее меня, они так много знают. О каких несчастных вы говорите? Думаете ли вы…

Он замолчал, словно не решаясь говорить.

— Я еще так молода, — ответила девушка. — Но я знаю, что в мире много неправды и угнетения. Разумеется, мир изменился с ваших времен, сильно изменился. Я молилась о том, чтобы мне увидеть вас и рассказать обо всем. Да, мир изменился. Но внутренняя болезнь вроде рака разъедает его и отравляет жизнь. — Она повернула к нему свое пылающее лицо. — Я много об этом думала. Я не могла не думать: моя жизнь сложилась несчастливо. Люди теперь не свободны, они не стали лучше людей вашего времени. Но это еще не все. Город — это тюрьма. Каждый город теперь — тюрьма. А ключи у Маммоны. Мириады, несчастные мириады людей мучатся от колыбели до могилы. Разве это справедливо? Неужели так и будет всегда? Хуже, чем в ваше время. Повсюду мучения и заботы. Вас окружает мишурный блеск, а тут же рядом — нищета и рабство. Да, бедные понимают все это, они знают,

что плохо. Те самые люди, которые несколько дней назад шли на смерть из-за вас… Вы обязаны им жизнью.

— Да, — тихо повторил Грэхэм. — Да, я обязан им жизнью.

— В ваше время, — продолжала девушка, — тирания капитала только начиналась. Да, это тирания, настоящая тирания. Феодальную тиранию лордов сменила тирания богатства. В ваши дни половина населения земного шара жила в деревне. Теперь же города поглотили все население. Я читала старые книги — сколько в них благородства! В них говорится о любви и долге, о таких прекрасных вещах! А ведь вы человек того времени.

— А разве теперь?..

— Прибыль и Города Наслаждений — или рабство, безысходное, вечное рабство.

— Как рабство?

— Да, рабство.

— Неужели еще существуют рабы?

— Хуже. Вот это-то я и хочу вам объяснить, хочу, чтобы вы знали. Я знаю, что вам это неизвестно. Они скрывают от вас, они хотят вас заманить в Город Наслаждений. Вы, конечно, замечали не раз мужчин, женщин и детей в синей холщовой

одежде, с худыми желтыми лицами и усталыми глазами?

— Конечно.

— Говорящих на грубом жаргоне?..

— Да, я слышал этот жаргон.

— Это рабы, ваши рабы. Они рабы вашей Рабочей Компании.

— Рабочая Компания! Я что-то слышал о ней. Да, вспоминаю. Я видел ее, когда бродил по городу после того, как зажгли иллюминацию: громадные фасады зданий, окрашенных в синий цвет. Вы говорите о ней?

— Да. Но как мне объяснить вам все? Конечно, эта синяя форма поразила вас. Почти треть всего населения носит ее, и с каждым днем число их все увеличивается: Рабочая Компания растет.

— Но что такое эта Рабочая Компания?

— В ваше время как поступали с умирающим от голода народом?

— У нас были работные дома, которые содержались на средства прихожан.

— Работные дома! Нам говорили о них на уроках истории. Рабочая Компания заменила работные дома. Возникла она — может быть, вы помните? — из религиозной организации, называвшейся Армией спасения и преобразовав-

шейся в коммерческое предприятие. Сперва у них были как будто благие цели — спасти народ от ужасов работных домов. Теперь я вспоминаю, это была чуть ли не первая организация, которую закупил ваш Опекунский Совет. Он купил Армию спасения и реорганизовал ее. Сначала там давали работу бездомным и голодным.

— Вот как!

— Теперь у нас нет работных домов, нет убежищ и благотворительных учреждений — ничего, кроме Рабочей Компании. Конторы ее раскинуты повсюду. Синий цвет — ее форма. Каждый мужчина, женщина или ребенок, если он голоден, не имеет ни дома, ни друзей, должен или умереть, или попасть в лапы Компании. Эвтаназия не для бедняков, им нечего надеяться на легкую смерть. В Компании найдется и пища, и приют, и синяя форма для каждого приходящего; форма — непременное условие при вступлении. Компания платит, но требует работы; когда рабочий день окончен, она возвращает рабочему одежду и выбрасывает его на улицу.

— Неужели?

— Разве это не кажется вам ужасным? В ваше время люди умирали с голоду на улицах. Не спорю, это было плохо. Но они умирали людьми. А

эти люди в синем… У нас есть пословица: «Надел синее — до смерти не снять». Компания торгует их трудом и старается обеспечить себя рабочими руками. Человек является в Компанию голодный, умирающий, он ест и отсыпается в течение суток, потом работает день, а к вечеру его выбрасывают на улицу. Если он работал хорошо, он получает пенни, может пойти в театр, в дешевый танцевальный зал или кинематограф, пообедать или переночевать. Он бродит по городу, пока есть деньги. Нищенствовать не позволяет полиция. Да никто и не подает. На другой или на третий день он снова является в Компанию и продает себя. В конце концов его собственное платье истреплется или до того загрязнится, что он начинает стыдиться. Тогда он вынужден работать месяцы, чтобы заработать новое, если оно еще ему нужно. Множество детей родится в Компании. Матери должны отработать за это месяц, а дети, которых воспитывают и содержат до четырнадцати лет, — два года. Разумеется, дети воспитываются для синей формы. Так вот что такое Рабочая Компания.

— Значит, в городе совсем нет свободных рабочих?

— Ни одного. Они все или в тюрьме, или же

носят синюю форму.

— А если кто-нибудь не согласится работать на этих условиях?

— Большинство соглашается. Компания всесильна: она может перевести на тяжелую работу, лишить еды и, наконец, заклеймить большой палец того, кто откажется работать, и его никуда не будут принимать. И потом, куда же деться? Поездка в Париж стоит два льва. Для непослушных, наконец, есть тюрьмы, темные, ужасные, где-то там, глубоко внизу. В тюрьму у нас ничего не стоит попасть.

— Неужели треть всего населения носит синюю форму?

— Даже больше трети. Несчастные, униженные труженики, без надежды, без радости, разжигаемые рассказами о Городах Наслаждений, сами насмехаются над своим жалким положением, над своим несчастьем. Они слишком бедны даже для эвтаназии, которая доступна только богатым самоубийцам. Искалеченные, отупевшие, миллионы людей по всему свету испытывают только лишения и неудовлетворенные желания. Они родятся, мучаются и умирают. Вот каков этот новый для вас мир.

Грэхэм молчал, подавленный.

— Но ведь теперь, после революции, — сказал он, — все это должно измениться. Острог…

— Мы надеемся. Весь мир надеется. Но Острог не хочет ничего сделать. Он просто политикан. По его мнению, так и должно быть. Ему нет до этого никакого дела. Он хочет оставить все по-прежнему. Все богатые, все влиятельные, все счастливые согласны с ним. Они пользуются народом как оружием в политике, они наживаются на его несчастьях. Но вы пришли к нам из более счастливого века, и весь народ надеется только на вас.

Он взглянул на нее. В глазах ее блестели слезы. Грэхэм был взволнован. Он забыл о городе, о борьбе, о всех этих людских массах и молча смотрел на нее, тронутый ее одухотворенной красотой.

— Но что же мне делать? — спросил он, не отрывая от нее глаз.

— Управлять, — тихо ответила она, наклоняясь к нему. — Править миром на благо и счастье людей, как еще никогда никто не правил. Вы можете, вы должны. Народ волнуется. По всей Земле волнуется народ. Он ждет только слова, слова от вас — и он восстанет. Даже средние слои недовольны и волнуются. От вас скрывают все, что происходит. Народ не хочет больше подставлять свою шею под ярмо, отказывается выдать

оружие. Острог против своей воли пробудил в народе надежду.

Сердце Грэхэма учащенно билось. Он старался вникнуть в ее слова.

— Им нужен только вождь, — сказала она.

— А потом?

— Вы можете захватить весь мир.

Он сел и задумался. Потом вдруг заговорил:

— Старая мечта, я тоже грезил когда-то о свободе и счастье. Неужели это только мечта? Разве может один человек, один человек…

Голос его оборвался.

— Не один человек, а все люди. Им нужен только вождь, который высказал бы их смутные желания.

Грэхэм покачал головой. Несколько минут оба молчали.

Внезапно он поднял голову, и взгляды их встретились.

— У меня нет вашей веры, — снова заговорил он. — У меня нет вашей молодости. Эта власть тяготит меня. Нет, дайте договорить. Я намерен, не скажу — водворить справедливость, у меня нет сил для этого, но я все же хотел бы принести людям пользу. Я не в состоянии водворить на Земле золотой век, но во всяком случае я стану

управлять сам. Вы точно пробудили меня ото сна… Вы правы. Острог должен знать свое место. Я научусь… Я обещаю вам одно: рабство будет уничтожено.

— А вы будете управлять сами?

— Да. С одним условием…

— С каким?

— Что вы поможете мне.

— Я? Такая юная девушка!

— Да. Разве вы не видите, как я одинок?

В ее глазах промелькнуло сочувствие.

— Нечего говорить, что я всегда готова помочь вам, — сказала она.

Она стояла перед ним прекрасная, восторженная, в ореоле величия и героизма; он не смел дотронуться до нее, коснуться ее руки — их словно разделяла бездна.

— Я буду управлять, — тихо сказал он. — Я буду управлять… вместе с вами.

Оба молчали. Раздался бой часов. Девушка все не отвечала.

Грэхэм встал.

— Меня ждет Острог, — проговорил он и смолк, глядя на нее. — Я должен расспросить его о многом. Я должен все знать. Я должен сам увидеть все то, о чем вы мне говорили. И когда я вернусь…

— Я узнаю обо всем этом и буду ждать вас здесь.

Он молча смотрел на нее.

— Я узнаю… — повторила она и запнулась.

Он ждал, что она скажет, но она молчала. Они посмотрели друг на друга с немым вопросом в глазах, и Грэхэм направился в Управление Ветряных Двигателей.

Глава XIX
Взгляды Острога

Острог, пришедший с докладом, уже ожидал Грэхэма. Обычно Грэхэм старался как можно скорее проделать эту церемонию, чтобы заняться воздухоплаванием, но сегодня он слушал внимательно и даже задавал вопросы. Его интересовали государственные дела. По словам Острога, положение дел за границей было великолепно. Правда, произошли волнения в Париже и Берлине, но это были случайные, неорганизованные выступления.

— За последние годы, — пояснил Острог в ответ на расспросы Грэхэма, — Коммуна снова подняла голову. Отсюда и волнения. Однако порядок восстановлен.

Его доклад навел Грэхэма на размышления. Он спросил, имеет ли место кровопролитие.

— Небольшое, — ответил Острог. — Только в одном квартале. Сенегальская дивизия африканской аграрной полиции Объединенной Африканской Компании всегда наготове, так же как и аэропланы. Мы ожидали волнений на кон-

тиненте и в Америке. Но в Америке все спокойно. Там все довольны свержением Белого Совета. Так обстоят дела.

— Почему же вы ожидали там волнений? — внезапно спросил Грэхэм.

— Там есть много недовольных социальным устройством.

— Рабочей Компанией?

— Вы уже знаете? — удивился Острог. — Да, недовольны главным образом рабочие Компании. Недовольство рабочих, а также ваше пробуждение — вот причины нашей победы.

— Вот как!

Острог с улыбкой стал пояснять:

— Мы сами возбудили в них недовольство, мы сами воскресили старые мечты о всеобщем счастье: все равны, все должны быть счастливы, нет роскоши, доступной только немногим, — идеи эти были забыты в течение двух столетий. Они вам известны. Мы воскресили эти идеи, чтобы ниспровергнуть Белый Совет. А теперь…

— Что же теперь?

— Революция удалась, и Совета больше нет, но народ еще волнуется. Вряд ли можно ожидать кровопролития… Мы много обещали им, конечно… Поразительно, как быстро оживают

и распространяются эти забытые социалистические идеи. Мы сами, посеявшие их семена, теперь удивляемся. Я уже говорил, что в Париже пришлось прибегнуть к оружию.

— А здесь?

— Тоже волнения. Массы не хотят вернуться к труду. Все бастуют. Половина фабрик опустела, и народ толпится на городских путях. Они толкуют о Коммуне. Люди, одетые в шелк и атлас, боятся показываться на улицах. Синий холст ждет от вас всеобщего счастья... Конечно, вам нечего тревожиться. Мы пустили в ход все Болтающие Машины и призываем к законности и к порядку. Надо крепко держать вожжи — только и всего.

Грэхэм задумался. Ему хотелось показать свою независимость, и он спросил:

— И вы прибегли к сенегальской полиции?

— Она очень полезна, — ответил Острог. — Это великолепные, весьма преданные нам животные. Они не отравлены никакими идеями, по крайней мере такими, как у нашей черни. Если бы Совету пришло в голову прибегнуть к ее помощи, исход восстания был бы сомнителен. Конечно, бояться нечего — возмущение, бунт в худшем случае. Вы умеете управлять аэропилом и мигом перенесетесь на Капри, если здесь начнутся беспорядки.

У нас в руках все нити. Аэронавты богаты и пользуются привилегиями. Это самая сплоченная корпорация в мире, так же как и инженеры Управления Ветряных Двигателей. Мы властелины воздуха, а кто владеет воздухом, тот владеет Землей. Все влиятельные лица на нашей стороне. У них нет ни одного выдающегося вождя, кроме вожаков небольших тайных обществ, которые мы организовали еще до вашего пробуждения. Но все эти вожаки — интриганы или сентиментальные дураки и враждуют друг с другом. Ни один из них не годится в вожди. Правда, может произойти плохо организованное восстание. Не стану скрывать — это вполне возможно. Но вы не должны из-за этого прерывать свои упражнения в воздухе. Прошли те времена, когда народ мог делать революцию.

— Возможно, что и так, — согласился Грэхэм. — Пожалуй, вы правы. — Он с минуту подумал. — Да, этот новый мир полон сюрпризов для меня. В мое время люди мечтали о демократии, о том, что наступит время всеобщего равенства и счастья.

Острог пристально посмотрел на него и сказал:

— Дни демократии миновали. Навсегда. Она расцвела в Греции еще в те времена, когда люди пользовались луком и стрелами, и отцвела с по-

явлением регулярных армий, когда нестройные, неорганизованные массы потеряли всякое значение, когда главную роль в войне стали играть пушки, броненосцы и железнодорожные линии. Наш век — век капитала. Капитал теперь всемогущ. Он управляет и землей, и водой, и воздухом. Сила в руках у тех, кто владеет капиталом… Таковы факты, и вам следует с ними считаться. Мир для толпы! Толпа в роли верховного правителя! Уже в ваши времена принцип этот подвергался осуждению. Теперь в это верит только стадный человек, человек толпы.

Грэхэм ничего не ответил. Он стоял, мрачно задумавшись.

— Да, — продолжал Острог, — времена, когда простой человек имел значение, миновали. В деревне один человек равен другому или почти равен. Первоначально аристократия состояла из храбрых и смелых людей. Она была своевольна, дралась на дуэлях, поднимала междоусобицу. Собственно говоря, настоящая аристократия появилась с укрепленными замками и рыцарским вооружением и исчезла после изобретения мушкетов. Это была вторая аристократия. Век пороха и демократии был только переходным. В наше время механизм городского управления и слож-

ная организация уже недоступны пониманию простого человека.

— Однако же, — возразил Грэхэм, — в вашем способе управления есть нечто возбуждающее недовольство, вызывающее протест и попытки восстания.

— Пустое, — возразил Острог, принужденно улыбаясь, — казалось, он хотел отстранить от себя этот неприятный разговор. — Поверьте, я не стану понапрасну возбуждать недовольство, которое может уничтожить меня самого.

— Странно, — произнес Грэхэм.

Острог пристально посмотрел на него.

— Неужели мир должен непременно идти этим путем? — спросил взволнованный Грэхэм. — Неужели нет другого? Неужели все наши надежды неосуществимы?

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Острог. — Какие надежды?

— Я сын демократического века. И вдруг встречаю аристократическую тиранию!

— Но ведь вы сами-то и есть главный тиран.

Грэхэм покачал головой.

— Хорошо, — сказал Острог, — рассмотрим вопрос по существу. Так всегда было и будет. Торжество аристократии — это победа сильно-

го и гибель слабого, следовательно, переход к лучшему.

— Вы говорите: аристократия! Но этот народ, который я встречаю…

— О, не эти, — перебил его Острог. — Они осуждены на уничтожение. Порок и наслаждение! У них не бывает детей. Все они осуждены на вымирание. Назад возврата нет, раз мир вступил на этот путь. Излишества и, наконец, эвтаназия для всех искателей наслаждения, сгорающих в пламени, — вот путь для улучшения расы.

— Приятная перспектива! — воскликнул Грэхэм. — Но… — Он задумался на мгновение. — Но ведь есть же и другие. Толпа, масса простых, бедных людей. Что же, они должны тоже вымирать? Это возможно! Они страдают, и эти страдания даже вы…

Острог сделал нетерпеливое движение, и голос его зазвучал не так ровно, как прежде.

— Не беспокойтесь об этом, — сказал он. — Еще несколько дней — и все уладится. Толпа — это безумное животное. Что за беда, если люди толпы вымрут? А те, кто не вымрет, будут приручены, и их погонят, как скот. А я не люблю рабов. Вы слышали, как кричал и пел народ несколько дней назад? Они заучили песню, как попугаи.

Спросите любого из них, когда он успокоится, о чем он кричал, и он не ответит вам. Они думают, что кричали из-за вас, выражали вам свою преданность. Вчера они были готовы растерзать Белый Совет. А сегодня уже ропщут на тех, кто его сверг.

— Нет-нет, — возразил Грэхэм, — они кричали потому, что жизнь их невыносима, безрадостна, потому что они… они надеялись на меня.

— На что же они надеялись? На что же они надеются теперь? И какое право они имеют надеяться? Работают они плохо, а требуют платы за хорошую работу. На что вообще надеется человечество? На то, что появится наконец сверхчеловек — высшая, лучшая порода людей, и низшие, слабые, полуживотные подчинятся им или будут истреблены. Подчинятся или будут истреблены! В мире нет места для глупцов, негодяев, неврастеников. Их долг — возвышенный долг! — умереть. Умереть от своей неприспособленности! Вот единственный путь — животному стать человеком, а человеку подняться на высшую ступень развития.

Острог задумался, потом продолжал, повернувшись к Грэхэму:

— Могу себе представить, как воспринимает

наш мир человек девятнадцатого столетия. Вы жалеете о старых формах выборного правления, их призраки еще до сих пор волнуют умы, — все эти палаты народных представителей, парламенты и прочая дребедень девятнадцатого века. Вас ужасают наши Города Наслаждений. Я много думал об этом, но мне все некогда заняться этим вопросом. Вы думаете, что знаете больше нас. Народ обезумел от зависти, он вполне согласен с вами. Ведь на улицах уже требуют разрушения Городов Наслаждений. А ведь эти города являются как бы очистительным органом государства. Из года в год вбирают они в себя все отбросы, все, что только есть слабого и порочного, ленивого и похотливого во всем мире, для приятного уничтожения. Эти бездельники посещают их, наслаждаются и умирают, не оставляя потомства. Красивые, порочные женщины умирают бездетными, и это на пользу человечеству. Если бы народ был умнее, он не завидовал бы богатым развратникам. Вы хотите освободить безмозглых рабочих, которых мы обратили в рабство, и попытаться сделать для них жизнь легкой и приятной. Но они не заслуживают лучшей участи — они больше ни на что не годны. — Он улыбнулся снисходительно, что рассердило Грэхэма. — Вы

хотите учить нас. Я знаю ваши дни. В дни юности я читал вашего Шелли и мечтал о свободе. Но я пришел к заключению, что свободу дает только мудрость и самообладание, свобода внутри, а не вне нас. Она зависит от самого человека. Предположим невозможное: что эта разнузданная толпа безумцев в синем одолеет нас, — что тогда? Все равно найдутся другие господа. Раз есть овцы, будут и волки. Произойдет только задержка в развитии лет на сто. Неизбежно снова возникнет аристократия. Несмотря на все безумства, в конце концов явится сверхчеловек. Пусть они восстают, пусть победят и уничтожат меня и таких, как я, — появятся новые владыки. Только и всего.

— Странно, — прошептал Грэхэм.

Он стоял, потупив глаза.

— Я должен видеть все это собственными глазами, — сказал он наконец тоном, не допускающим возражений. — Только тогда смогу я понять. Я должен как следует ознакомиться. Именно это я и хотел сказать вам, Острог. Я не хочу быть правителем Городов Наслаждений; это не для меня. Достаточно я потратил времени, занимаясь полетами и другими развлечениями. Я должен иметь понятие о вашей общественной жизни. Тогда я смогу во всем разобраться. Я хочу знать, как жи-

вет простой народ, рабочие главным образом, как он работает, женится, растит детей, умирает…

— Вы можете узнать это у наших романистов, — сказал с озабоченным видом Острог.

— Я хочу изучать настоящую жизнь, — перебил его Грэхэм, — а не романы.

— Это довольно трудно, — ответил Острог и задумался. — Быть может…

— Я не ожидал…

— Подумаю… Что ж, это возможно. Вы хотите проехаться по городским путям и посмотреть на простой народ?

Вдруг он принял какое-то решение.

— Вам необходимо переодеться, — сказал он. — Город еще не успокоился, и открытое появление ваше может вызвать волнение. Желание ваше пройтись по городу кажется мне… а впрочем, если вы настаиваете… Это вполне возможно. Только едва ли вы увидите что-либо интересное. Впрочем, вы Правитель Земли. Если хотите, отправляйтесь с утра. Костюм для прогулки может приготовить Асано. Он и пойдет с вами. В конце концов, это недурная мысль.

— Что вы еще хотели сообщить мне? — насторожился Грэхэм.

— О, решительно ничего. Полагаю, что вы мо-

жете доверить на время вашего отсутствия все дела мне, — сказал, улыбаясь, Острог. — Если даже мы и расходимся…

Грэхэм устремил на него проницательный взгляд.

— Вы не ожидаете никаких осложнений? — спросил он неожиданно.

— Никаких.

— Я все думаю об этих неграх-полицейских. Я не верю, чтобы народ замышлял что-нибудь против меня, я ведь как-никак Правитель Земли. Я не хочу, чтобы в Лондон вызывали африканскую полицию. Быть может, это устарелый взгляд, предрассудок, но я придерживаюсь определенного мнения о европейцах и о порабощенных народах. Даже в Париж…

Острог стоял, наблюдая за ним из-под нахмуренных бровей.

— Я не собираюсь вызывать негров в Париж, — сказал он вполголоса. — Но если…

— Вы не должны вызывать в Лондон африканскую полицию, что бы ни случилось, — сказал Грэхэм. — Этого я не допущу.

Острог ничего не ответил и почтительно склонился.

Глава XX
На городских путях

В ту же ночь, переодетый в костюм низшего служащего Управления Ветряных Двигателей, в сопровождении одного только Асано, в синей форме Рабочей Компании, Грэхэм отправился в город, где несколько дней назад он бродил в темноте, никем не узнанный. Теперь город был залит светом и кипел жизнью. Несмотря на недавнюю революцию и всеобщее недовольство, несмотря на глухое брожение в народе, предвещавшее новое, еще более грозное восстание, люди были заняты разнообразными коммерческими делами.

Хотя Грэхэм уже ознакомился с размахом дел в новом веке, то, что он увидел, поразило и ошеломило его. Его захлестнул бурный поток новых впечатлений.

Впервые за эти дни он так близко соприкоснулся с народом. Грэхэму было ясно, что хотя он и заглядывал в театры и на рынки, все же до сих пор ему приходилось вращаться лишь в замкнутом кругу высшего общества и высокий сан изоли-

ровал его от народа. Теперь же он увидел город, кипящий вечерней сутолокой, город, живущий своей обычной, будничной жизнью.

Сначала они попали на улицу, где бежавшие им навстречу пути были забиты людьми в синей форме. По-видимому, это была какая-то процессия, хотя было странно, что все ее участники сидели. Они держали знамена из грубой красной материи с косо намалеванным лозунгом «Долой разоружение!». Орфография была самая фантастическая.

«Зачем хотят нас разоружать?.. Долой разоружение!» — читал Грэхэм на знаменах.

Целый лес знамен пронесся мимо него под пение революционного гимна и оглушительные звуки каких-то странных инструментов.

— Все они должны быть на работе, — сказал Асано. — Последние два дня они или ничего не ели, или добывали еду воровством.

Асано свернул в сторону, чтобы не попасть в толпу, глазевшую на траурную процессию из больницы к кладбищу, — похороны жертв первой революции.

В эту ночь почти никто не спал, все высыпали на улицу. Грэхэма окружала возбужденная, постоянно менявшаяся толпа; его оглушили эти

крики и возгласы недовольства, доказывавшие, что социальная борьба только еще начинается. Черные полотнища и причудливые украшения свидетельствовали, что популярность его по-прежнему огромна. Повсюду он слышал грубый жаргон простонародья, незнакомого с фонографами. Атмосфера, казалось, была насыщена горячим недовольством по поводу разоружения, о чем он даже не подозревал в апартаментах Управления Ветряных Двигателей. Он решил, что немедленно по возвращении должен поговорить обо всем этом с Острогом более решительно, чем раньше. В течение всей ночи, даже в первые часы путешествия по городу, этот царивший повсюду дух возмущения поражал его и мешал ему заметить многое новое, что, несомненно, заинтересовало бы его. Поэтому его впечатления были несколько сумбурны.

Даже самая сильная личность не может не подчиниться влиянию необычной обстановки. Порой Грэхэм даже забывал о революционном движении, поглощенный другими впечатлениями. Элен пробудила в нем горячий интерес к социальным проблемам, но были моменты, когда он переставал о ней думать, весь уйдя в созерцание городской жизни. Так, например, он обратил

внимание на религиозный квартал, где были сосредоточены все церкви и часовни, посетить которые можно было в любой момент благодаря быстроте передвижения.

Они сидели на платформе одного из самых быстрых верхних путей, и Грэхэм заметил на повороте быстро приближающийся к ним фасад здания одной из христианских сект. Фасад был сверху донизу испещрен белыми и голубыми надписями. На середине фасада был ярко освещенный экран — на нем передавались с реалистическими подробностями сцены из Нового Завета. Обширные плакаты с надписями на черном фоне доказывали, что и религия пользуется рекламой. Грэхэм был уже знаком с фонетическим способом письма и прочел надписи, показавшиеся ему прямо кощунственными: «Спасение в третьем этаже, повернуть направо», «Отдайте деньги вашему хозяину — Богу», «Самое быстрое обращение в Лондоне, самые искусные операторы. Спешите, спешите!», «Что сказал бы Христос Спящему? Почитайте современных святых!», «Христианская религия не мешает быть деловым человеком», «Сегодня проповедь самых лучших епископов, цены обычные», «Быстрое выполнение треб для занятых деловых людей».

— Как это ужасно! — сказал Грэхэм, пораженный таким торгашеским благочестием.

— Что ужасно? — спросил маленький японец, не понимая в чем дело, — этот балаган был для него самым обычным явлением.

— Эти надписи. Ведь сущность религии — благоговение.

— Ах вот в чем дело! — Асано с удивлением взглянул на Грэхэма. — Вас шокируют эти надписи? В самом деле. Я совсем позабыл. В наше время так сильна конкуренция и люди так заняты, у них нет времени, чтобы заботиться о своей душе. — Он улыбнулся. — В старину у вас была суббота и потом еще поездки за город. Хотя мне и приходилось читать, что по воскресеньям…

— Но это возмутительно, — перебил его Грэхэм, глядя на белые и голубые надписи. — А между тем это, видимо, очень в ходу…

— Есть сотни различных способов. Но, конечно, если секта не рекламирует себя, то у нее нет доходов. Религия сильно изменилась за это время. Здесь находятся секты высших классов, где все к услугам посетителей. Дорогие курения, индивидуальный подход и тому подобное. Они популярны и преуспевают. Они платят немало дюжин львов за эти помещения Белому Совету,

то есть вам, хотел я сказать.

Грэхэм был еще плохо знаком с новой монетной системой, и его заинтересовало сообщение о дюжинах львов. Храмы с рекламными надписями и комиссионерами отодвинулись на задний план. Он узнал от Асано, что золото и серебро больше не употребляются для чеканки монет, что штампованное золото, царство которого началось еще в Финикии, наконец развенчано. Это произошло вследствие быстрого распространения чеков, которые еще в девятнадцатом столетии почти вытеснили золото во всех крупных сделках.

Обычная городская торговля, все уплаты производились чеками на предъявителя — печатными бланками бурого, зеленого и розового цвета. У Асано было много таких чеков и при первом же размене стало еще больше. Они печатались не на бумаге, которая легко рвется, а на полупрозрачной шелковистой материи.

На каждом чеке было факсимиле подписи Грэхэма, и он через двести три года снова увидел свой автограф.

Кругом не было ничего особенно примечательного, и Грэхэм снова стал думать о предстоящем разоружении.

Они миновали мрачный храм теософов, на

фасаде которого огненные мерцающие буквы обещали «Чудеса», и увидали на Нортумберленд-авеню общественные столовые, которые заинтересовали Грэхэма.

Благодаря энергии и ловкости Асано им удалось осмотреть эти залы с небольшой закрытой галереи, где обычно обедали официанты.

В здании стоял не то крик, не то гул. Грэхэм не мог уловить отдельных слов, но что-то напоминало ему тот таинственный голос, который он слышал на освещенных улицах во время своих ночных скитаний.

Хотя он успел уже привыкнуть к большим скоплениям народа, зрелище надолго приковало его внимание. Он наблюдал за обедавшими внизу людьми, расспрашивая Асано, и наконец понял, что значит это кормление нескольких тысяч человек сразу.

Уже неоднократно он с удивлением замечал, что значение какого-нибудь факта становилось ему ясным не сразу, но лишь когда он узнавал целый ряд второстепенных деталей. Так, например, ему до сих пор не приходило в голову, что этот огромный, защищенный от перемен погоды город, эти залы, движущиеся пути свели на нет домашнее хозяйство, что типичный старый дом

Викторианской эпохи — маленькая кирпичная ячейка с кухней, чуланом, жилыми комнатами и спальней — сохранился разве только в старых руинах. Только теперь он осознал, что Лондон представляет собой не скопление отдельных домов, а грандиозный отель с тысячами номеров, ресторанов, часовен, театров, рынков и общественных залов, которые почти все принадлежат ему, Грэхэму. Сохранились еще отдельные спальни, быть может, даже квартирки в две комнаты, комфортабельно оборудованные, но обитатели их живут так же, как постояльцы гигантских отелей Викторианского времени: они обедают, читают, размышляют, играют и разговаривают в общественных помещениях, а работают в промышленных и служебных кварталах.

Он понял, что такое положение вещей явилось неизбежным результатом развития общественной жизни. Преимущество городской жизни — большая организованность. Но раньше слиянию отдельных домохозяйств мешал недостаток культуры, суровая варварская гордость, страсти, предрассудки, ревность, соперничество и подавление средних и низших классов. Однако уже в его времена начался общественный прогресс, народ быстро стал приобретать культурные

навыки.

Грэхэм прожил в девятнадцатом веке всего каких-нибудь тридцать лет, но уже при нем начала укореняться привычка питаться вне дома; маленькие, похожие на стойло кафе заменили великолепные просторные рестораны, переполненные посетителями; появились женские клубы, все больше становилось читален, библиотек, мест отдыха, что свидетельствовало о стремлении людей к широкому общению друг с другом. Теперь эти семена дали пышные всходы. Индивидуальное, изолированное хозяйство мало-помалу совсем исчезло.

Люди внизу, как он узнал, принадлежали к небогатому сословию и стояли лишь ступенью выше тружеников в синей форме, к тому сословию, представители которого в Викторианскую эпоху настолько привыкли уединяться в часы еды, что, когда им приходилось обедать на виду у всех, они становились нарочито развязными и воинственными, чтобы скрыть смущение. Но эти пестро и легко одетые люди, несмотря на живость движений, торопливость и необщительность, отличались изысканными манерами и, уж во всяком случае, обращались друг с другом очень непринужденно.

Грэхэм заметил, что столы после обеда оказывались совершенно чистыми: ни разбросанных хлебных кусков, ни пятен от жаркого или соуса, ни пролитых напитков, ни сдвинутых с места горшков с цветами, как это бывало во времена королевы Виктории. Сервировка стола сильно изменилась. Не видно было ни украшений, ни цветов, ни скатертей. Как ему объяснили, крышка стола была сделана из весьма твердого материала, с виду напоминающего атлас, и вся испещрена красивыми рекламами.

В небольшом углублении против каждого обедающего помещался аппарат из фарфора и металла. Фарфоровая белая тарелка не сменялась в течение всего обеда. Обедающий нажимал на кнопку, подавалась горячая и холодная вода, и он сам мыл тарелку, а также красивый нож, вилку и ложку, сделанные из белого металла.

Суп и искусственное химическое вино — общеупотребительный напиток — также подавались нажатием кнопки, а кушанья на красивых блюдах автоматически передвигались вдоль стола по серебряным рельсам. Обедающий останавливал любое кушанье и брал сколько хотел. Люди входили в небольшую дверь у одного конца стола и выходили у другого конца. Грэхэм заметил, что

среди этих людей очень сильна отвратительная лакейская гордость, наследие упадка демократии, когда равные стыдятся услужить друг другу. Он так был заинтересован всеми этими мелочами, что только при выходе из помещения заметил громадные диорамы различных объявлений, медленно передвигающиеся вдоль стены.

Покинув столовую, Грэхэм и Асано перешли в большой зал, где было множество народа, и Грэхэм обнаружил источник странного шума, так его озадачившего. Они остановились у турникета, где уплатили за обед.

Грэхэм услышал громкий, резкий голос:

«Правитель Земли спит спокойно, чувствует себя превосходно. Остаток жизни он собирается посвятить полетам. Он утверждает, что наши женщины прекрасны. Алло! Слушайте, слушайте! Наша чудесная цивилизация поразила его. Он доверяет Вождю Острогу. Полное доверие Острогу. Алло! Острог будет его главным министром. Всем управляет Острог. Советники будут заключены в тюрьму под домом Белого Совета…»

Грэхэм остановился как вкопанный. Взглянув вверх, он увидел раструб огромной трубы, откуда вылетали звуки. Это была Машина Новостей. Казалось, она запнулась и переводила дыхание,

ее металлическое тело сотрясалось ритмической дрожью; потом она снова заревела:

«Алло, алло! Слушайте, слушайте! В Париже всякое сопротивление сломлено. Алло! Черная полиция заняла все важнейшие позиции в городе. Она сражалась храбро, распевая древние песни поэта Киплинга. Раз или два она вышла из повиновения, добивала раненых и мучила взятых в плен инсургентов, мужчин и женщин. Мораль: не следует бунтовать. Алло, алло! Они славные ребята. Пусть это будет уроком для всех ослушников и бунтовщиков нашего города, отбросов Земли! Алло, алло!..»

Голос замолк. В толпе послышался глухой ропот негодования.

— Проклятая полиция! — воскликнул кто-то рядом. — Вот как поступает наш Правитель Земли! Неужели, братья, он хочет сделать то же и с нами?

— Черная полиция! — вырвалось у Грэхэма. — Что такое? Вы хотите сказать…

Асано схватил его за руку и остановил. Снова неприятным, пронзительным голосом заговорила другая машина:

«Яхаха, яхаха! Слушайте! Слушайте живую газету. Яхаха! Ужасные зверства в Париже. Яхаха!

Парижане до такой степени раздражены черной полицией, что готовы уничтожить ее. Ужасные репрессии. Возвратились времена варварства! Кровь, кровь! Яха!»

«Алло, алло! — дико и оглушительно зарычала ближайшая Болтающая Машина, заглушая своим ревом последние слова. — Законность и порядок должны быть восстановлены».

— Но… — начал было Грэхэм.

— Не расспрашивайте меня здесь, — остановил его Асано шепотом, — иначе мы попадем в неприятную историю.

— Так выйдем отсюда куда-нибудь. Я хочу знать.

Пробираясь к выходу через возбужденную толпу слушателей, Грэхэм успел заметить, что зал был очень обширен. Здесь было около тысячи больших и малых громкоговорителей, ревущих, вопящих, бормочущих, болтающих, и около каждого стояла кучка возбужденных слушателей, почти все в синей форме. Машины были разных размеров, начиная с небольшого аппарата в углу, визгливо выкрикивающего всякие сарказмы, и кончая пятидесятифутовым гигантом, который встретил Грэхэма своим чудовищным ревом.

Зал был переполнен, все интересовались поло-

жением дел в Париже. Очевидно, борьба там была более ожесточенной, чем рассказывал Острог.

Все машины говорили об этом, и толпа гудела, как пчелиный улей, выкрикивая отдельные фразы: «Линчевать полицию!», «Заживо сожженные женщины», «Какие ужасы!». «Но как же он допускает это?» — спросил кто-то совсем близко. «Вот как начинает он свое правление!»

Вот как начинает он свое правление? Они вышли из зала, но до них все еще доносился гул, свист, рев и завывание машин: «Алло! Алло! Яхаха! Ях! Яха!» Вот как начинает он свое правление!

На движущихся улицах Грэхэм начал расспрашивать Асано о парижских событиях:

— Как обстоит дело с разоружением? Почему волнения? Что это значит?

Асано начал было его уверять, будто все обстоит благополучно.

— Но эти зверства!

— Нельзя приготовить яичницы, — сказал Асано, — не разбив яиц. Ведь это простонародье. И только в одной части города. В других все спокойно. Парижские рабочие самые отчаянные, кроме разве наших.

— Как! Лондонских?

— Нет, японских. Их надо держать в повиновении.

— Но сжигать заживо женщин…

— Ничего не поделаешь… Коммуна! — сказал Асано. — Они хотят ограбить вас. Они хотят уничтожить собственность, хотят отдать мир во власть толпы. Вы Правитель Земли, мир принадлежит вам. Но здесь не хотят Коммуны. Здесь не потребуется вмешательства чернокожей полиции. Им всячески пошли навстречу. В Париж вызвано несколько полков сенегальцев и негров из Тимбукту.

— Как несколько? — удивился Грэхэм. — Я слышал, что только один.

— Нет, — сказал Асано и посмотрел на Грэхэма, — там было несколько.

Грэхэм был поражен.

— Я не думал… — начал было он и вдруг замолчал. Потом он переменил тему и стал расспрашивать о Болтающих Машинах.

В зале толпились по большей части бедно одетые и даже оборванные люди. Асано объяснил, что у представителей высшего общества почти в каждом помещении имеются свои Болтающие Машины, которые приводят в действие, нажимая рычаг. Их по желанию можно соединить с кабе-

лем любого синдиката новостей. Грэхэм спросил, почему нет этих машин в его апартаментах.

Асано запнулся.

— Не знаю. Вероятно, Острог велел их убрать.

— Зачем? — удивился Грэхэм.

— Может быть, он боялся, что они будут беспокоить вас.

— Они должны быть снова поставлены на свое место, как только мы вернемся, — заявил Грэхэм после минутного раздумья.

Грэхэму трудно было поверить, что столовая и комната новостей не являются центральными учреждениями и что их очень много в городе. Но, скитаясь по разным кварталам, он неоднократно слышал в грохоте улиц рев громкоговорителей Острога: «Алло! Алло!» — или пронзительные выкрики: «Яхаха, яха, ях! Слушайте живую газету!» — голос его соперников.

Повсюду можно было увидеть детские ясли вроде тех, которые ему показали. Они поднялись туда на лифте и прошли вверх по стеклянному мостику, через столовую. Перед входом Асано должен был предъявить пропуск с подписью Грэхэма. К ним немедленно приставили человека в лиловом одеянии с золотой застежкой — значком практикующих врачей. По тому, как с ним

обращались, Грэхэм заметил, что инкогнито его раскрыто, и, не стесняясь, стал расспрашивать об устройстве этого учреждения.

По обе стороны коридора, устланного толстыми дорожками, заглушавшими шаги, тянулся ряд небольших узких дверей, похожих на двери тюремных одиночек. Верхняя часть их была сделана из того же зеленого прозрачного состава, который увидел Грэхэм при своем пробуждении. В каждой камере, в ватном гнезде, лежало по грудному ребенку; их было трудно разглядеть сквозь окно. Сложный аппарат регулировал температуру и влажность воздуха и механическим звонком сообщал в центральное управление обо всех отклонениях от нормы. Система таких яслей совершенно вытеснила старомодный рискованный способ выкармливания. Врач обратил внимание Грэхэма на механических кормилиц с искусственными, прекрасно сделанными руками, плечами и грудью, но с медными треножниками вместо ног и с плоским диском вместо лица, где были наклеены необходимые для матерей объявления.

Из всех чудес этой ночи больше всего поразили Грэхэма ясли. Его отпугивал вид этих крошечных, беспомощно барахтавшихся розовых существ,

одиноких, не знающих материнской ласки.

Но сопровождавший его доктор держался другого мнения. Статистика доказала, что во времена королевы Виктории самым опасным периодом в жизни ребенка был период кормления грудью и что детская смертность была ужасающей, тогда как Международный Синдикат Яслей терял не больше одного процента из миллиона младенцев, находившихся на его попечении. Но даже эти цифры не могли разубедить Грэхэма.

В одном из коридоров, у одной из камер, он заметил молодых супругов в синей форме. И муж и жена истерически хохотали, смотря сквозь прозрачную перегородку на лысую головку своего первенца. Вероятно, по лицу Грэхэма они поняли, что он подумал о них, — они перестали смеяться и смутились. Этот маленький инцидент еще больше подчеркнул пропасть, существовавшую между ним и новым веком. Взволнованный и возмущенный, прошел он вслед за своим провожатым во второе отделение — для детей, уже начинающих ползать, и затем в детский сад. Бесконечные комнаты для игр были совершенно пусты. Значит, дети по-старому спят по ночам. Японец мимоходом обратил его внимание на игрушки, представлявшие, впрочем, лишь

дальнейшее развитие идей вдохновенного сентименталиста Фребеля. Здесь уже были няньки, но многое выполнялось машинами, которые пели, плясали и укачивали.

Грэхэму, однако, не все было понятно.

— Как много сирот! — пожалел он, невольно впадая в ошибку, и во второй раз ему сказали, что это вовсе не сироты.

Когда они вышли из яслей, он с возмущением начал говорить о малютках, которых выращивают искусственно в инкубаторах.

— А где же материнское чувство? — говорил он. — Или это было ложное чувство?.. Нет, материнское чувство основано на инстинкте. А это так противоестественно, так ужасно!..

— Отсюда мы пройдем в танцевальный зал, — перебил его Асано. — Там, наверное, масса народу, несмотря на политические волнения. Наши женщины не слишком интересуются политикой. Впрочем, бывают иногда исключения. Там вы увидите матерей, в Лондоне большинство молодых женщин — матери. У нас обыкновенно имеют одного ребенка; это считается необходимым доказательством жизнеспособности. Матери очень гордятся своими детьми и часто приходят сюда взглянуть на них. Вот вам и мате-

ринское чувство!

— Так, значит, население земного шара…

— Убывает? Да. Стихийно размножаются только люди Рабочей Компании. Они так беспечны…

Послышались звуки танцевальной музыки. Из прохода с рядами великолепных колонн, по-видимому из чистого аметиста, доносились веселые крики и смех. Он увидел завитые волосы, венки, счастливые подкрашенные лица.

— Мир изменился, — слегка улыбнулся Асано. — Сейчас вы увидите матерей новой эры… Идемте сюда. Мы посмотрим на них сверху.

Они поднялись на быстром лифте, сменив его потом на более медленный. Музыка становилась все громче и оживленней, и, поднимаясь под ее аккомпанемент, они услышали топот танцующих. Заплатив за вход у турникета, они поднялись на широкую галерею, возвышавшуюся над танцевальным залом, над этой феерией света и звуков.

— Здесь матери и отцы тех малюток, которых вы только что видели, — сказал Асано.

Зал не был так роскошно украшен, как зал Атласа, но по размерам превосходил все помещения, какие только видел Грэхэм. Прекрасные мраморные кариатиды, поддерживавшие на

своих плечах галереи, еще раз напомнили ему о возрождении скульптуры в новом веке; они изгибались, как живые, и улыбались. Музыка, доносившаяся неизвестно откуда, наполняла зал, блестящий гладкий пол был усеян танцующими парами.

— Взгляните на них, — сказал маленький японец. — Как видите, они мало думают о своих материнских обязанностях.

Галерея, на которой они стояли, тянулась вдоль верхнего края огромного экрана, отделявшего танцевальный зал от другого, наружного, с широкими открытыми арками, за которыми виднелись движущиеся платформы улиц. Во втором зале тоже теснилась толпа, одетая менее блестяще, большей частью в синей форме Рабочей Компании, хорошо знакомой Грэхэму. Слишком бедные, чтобы попасть за турникет на бал, они слушали соблазнительные звуки музыки. Некоторые бедняки, расчистив себе место, отплясывали, размахивая своими лохмотьями. При этом они выкрикивали грубые шутки, которых Грэхэм не понимал. В темном углу начали было насвистывать припев революционного гимна, но внезапно остановились.

В темноте Грэхэм не мог рассмотреть, что там

произошло.

Он опять повернулся к танцевальному залу. Над кариатидами высились мраморные бюсты тех, кого новый век признавал, очевидно, своими учителями и пионерами. Их имена по большей части были незнакомы Грэхэму, но все же он узнал Гранта Аллена, Ле Гальенна, Ницше, Шелли и Годвина. Черная драпировка еще резче оттеняла огромную надпись под самым потолком: «Фестиваль пробуждения». Фестиваль, очевидно, был в полном разгаре.

— Мириады людей оставили работу и празднуют ваше пробуждение, — сказал Асано. — Я не говорю, конечно, о бастующих рабочих. Эти всегда готовы праздновать.

Грэхэм подошел к парапету и, наклонившись, стал смотреть вниз на танцующих. На галерее были только он, да его провожатый, да две-три нежные парочки, шептавшиеся по углам. Снизу поднималась теплая волна ароматов и испарений. И женщины, и мужчины были очень легко одеты, с обнаженными руками, с открытой шеей, так как город был защищен от холода. Некоторые мужчины, бритые, нарумяненные, носили длинные локоны, многие женщины отличались красотой, и все они были одеты с утонченным

кокетством. Они танцевали с упоением, полузакрыв глаза.

— Что это за люди? — спросил Грэхэм.

— Рабочие, привилегированные рабочие, или, по-вашему, среднее сословие. Торговцы и ремесленники уже давно исчезли. А это торговые служащие, техники, инженеры всяких специальностей. Сегодня праздник, и все танцевальные залы и религиозные учреждения переполнены.

— А женщины?

— Тоже работают. Для женщин много самой разнообразной работы. В ваше время женщины только что начинали самостоятельно работать. Теперь же большинство женщин работает. Почти все они замужем так или иначе, у нас имеются разные формы брака. Это дает им средства веселиться.

— Вижу, — сказал Грэхэм, глядя на раскрасневшиеся лица в круговороте танцев и с ужасом вспоминая беспомощные розовые тельца малюток. — И это все матери?..

— Да, большинство.

— Чем больше я наблюдаю, тем сложнее кажутся мне проблемы вашей жизни. Это такая же новость для меня, как сообщение из Парижа.

Помолчав, он снова заговорил:

— Все это матери… Когда-нибудь, надеюсь, я усвою современные взгляды. У меня старые предрассудки, порожденные, вероятно, старыми потребностями, которые уже отжили свой век. В наше время женщины не только рожали детей, но и заботились о них, воспитывали их. Ребенок был обязан матери своим нравственным воспитанием и образованием. Или же он совсем не получал воспитания. Правда, тогда были беспризорные дети, теперь же, очевидно, больше нет надобности в материнском уходе. Дети вырастают, как куколки бабочки. Все это хорошо, но у нас был идеал самоотверженной женщины, скромной и молчаливой, домашней хозяйки, женщины-матери. У нас была любовь к матери, переходившая в обожание…

Он остановился, потом повторил:

— Да, своего рода обожание…

— Идеалы меняются, — заметил Асано, — по мере того, как возникают новые потребности.

Ему пришлось повторить свои слова, так как погрузившийся в раздумье Грэхэм не сразу вернулся к действительности.

— Может быть, это разумно. Воздержание, самоограничение, вдумчивость, самоотверженность были нужны в эпоху варварства, когда жизнь

подвергалась опасностям. Человек был смел перед лицом непобежденной природы. Но теперь он покорил природу для своих практических целей. Политикой управляет Острог с черной полицией, люди же развлекаются.

Он снова посмотрел на танцующих.

— Развлекаются…

— И у них бывают тяжелые минуты, — сказал маленький японец.

— Они все выглядят молодыми. Я здесь, конечно, самый старый. А в свое время я считался человеком средних лет.

— Это все молодежь. В наших городах мало стариков среди представителей этого класса.

— Почему?

— Жизнь старика в наше время не очень-то приятная, если он не может нанять сиделок и любовниц. У нас существует так называемая эвтаназия.

— А! Эвтаназия! — сказал Грэхэм. — Другими словами, легкая смерть?

— Да, легкая смерть. Последнее удовольствие. Компания Эвтаназии отлично это делает. Вы вносите плату (это стоит довольно дорого), затем отправляетесь в Города Наслаждений и возвращаетесь истомленным, больным.

— Многое мне пока еще непонятно, — заметил Грэхэм. — Но во всем этом есть своя логика. Наша броня суровой добродетели, жестоких ограничений являлась следствием опасности и риска. Но уже в наше время стоики и пуритане стали редкостью. Раньше человек избегал страданий, теперь же ищет наслаждений. Вот и вся разница. Цивилизация изгнала страдание и опасность, по крайней мере для обеспеченных людей. А ведь у вас только обеспеченные имеют значение. Я проспал целых двести лет.

С минуту, облокотясь на балюстраду, они молча любовались сложными фигурами танца. Действительно, зрелище было великолепное.

— Ей-богу, — сказал вдруг Грэхэм, — я предпочел бы умирать от ран в снегу, чем стать одним из этих нарумяненных глупцов.

— В снегу вы, вероятно, одумались бы, — возразил Асано.

— Я недостаточно цивилизован, — продолжал Грэхэм, не слушая его, — и в этом все мое несчастье. Я дикарь каменного века. А у этих людей уже иссяк источник гнева, страха и негодования. Они привыкли вести веселую жизнь и не знают забот. Вы должны примириться с моими предрассудками и возмущением человека девятнадцатого

столетия. Эти люди, — говорите вы, — привилегированные рабочие, и они танцуют, когда другие сражаются и умирают в Париже ради того, чтобы они могли веселиться.

Асано слегка улыбнулся.

— В Лондоне тоже за это умирают.

Наступило молчание.

— А где они спят? — спросил Грэхэм.

— Выше и ниже этого зала все помещения набиты людьми, как крольчатник кроликами.

— Несладко же им живется! А где они работают?

— Сегодня ночью вы вряд ли кого увидите на работе. Половина рабочих или шляется без дела, или вооружена. А остальные празднуют. Но если хотите, мы осмотрим места работы.

Грэхэм взглянул на танцующих, потом отвернулся.

— Довольно с меня. Я хочу видеть рабочих, — сказал он.

Асано повел его по галерее, пересекавшей танцевальный зал, к проходу, откуда потянуло свежим, прохладным воздухом. Он обернулся с улыбкой и сказал Грэхэму:

— Сир, вы сейчас увидите кое-что вам знакомое… Нет, лучше я вам ничего не буду говорить.

Идемте!

И он пошел вперед по крытому холодному проходу. По звуку шагов Грэхэм догадался, что они идут по мосту. Они прошли через кольцевую остекленную галерею в круглую комнату, которая показалась Грэхэму знакомой, хотя он и не мог припомнить, когда здесь был. В комнате стояла приставная лестница; впервые после своего пробуждения Грэхэм увидел лестницу. Они поднялись по ней в холодное, темное, высокое помещение, где находилась другая такая же почти вертикальная лестница. Грэхэм все еще не мог вспомнить, но, когда они поднялись наверх по второй лестнице, он узнал старинную металлическую решетку. Он находился на куполе собора Святого Павла. Собор немного возвышался над городскою кровлей, его купол отливал маслянистым блеском в лучах далеких огней; очертания зданий расплывались в окрестном мраке.

Сквозь решетку он поглядел на безоблачное северное небо и узнал знакомые с детства созвездия. На западе мерцала Капелла. Вега только еще поднималась, а над головой сверкали семь ярких звезд Большой Медведицы, по-прежнему медленно вращавшихся вокруг полюса.

Созвездия ярко сияли на безоблачном небе.

Но на востоке и на юге их заслоняли гигантские круглые тени вращавшихся ветряных двигателей, закрывавшие даже сверкающее огнями здание Белого Совета. На юго-западе за сплетениями проводов над изломанной линией крыш бледным призраком выглядывал Орион. Вой сирены с аэродрома возвещал о том, что аэропланы готовятся к отлету.

С минуту Грэхэм смотрел на огни аэродрома, потом снова взглянул на звезды. Он долго молчал, потом сказал, улыбаясь в темноте:

— Как это удивительно! Я снова стою на куполе Святого Павла и вижу эти знакомые безмолвные звезды.

Асано повел его лабиринтами переходов в торговые, деловые кварталы, где спекулянты наживали и теряли огромные состояния. Грэхэм увидел бесконечный ряд высоких залов с ярусами галерей, куда выходили тысячи контор, с десятками мостов, переходов, с целой сетью воздушных рельсовых путей, трапеций и кабелей. Здесь бился пульс деловой жизни, спешной, лихорадочной работы. Повсюду рябили крикливые рекламы, утомляя глаза пестротой красок и огней. Болтающие Машины наполняли воздух резкими выкриками на грубом жаргоне: «Разуй

глаза — не проходи мимо!», «Не зевай, загребай золото!», «Эй, вы, слушайте!».

Повсюду толпился народ, занятый какими-то махинациями. Грэхэм узнал, что сейчас здесь сравнительно тихо, так как за последние дни политические волнения снизили до небывалого минимума число коммерческих сделок. Один огромный зал был весь уставлен столами с рулеткой. Вокруг теснилась возбужденная, крикливая толпа. В другом зале стоял невероятный галдеж: бледные женщины и мужчины с надувшимися от напряжения бычьими шеями покупали и продавали акции какого-то фиктивного предприятия, выдававшего каждые пять минут дивиденд в десять процентов и погашавшего часть своих акций при помощи лотерейного колеса.

Во все эти операции вкладывалось столько энергии, что казалось, вот-вот начнется общая свалка. Грэхэм заметил густую толпу и посредине ее двух почтенных коммерсантов, которые яростно ругались и готовы были вцепиться друг другу в горло. Очевидно, в жизни еще оставались какие-то поводы для борьбы. Дальше Грэхэма поразило огромное объявление, горевшее кроваво-красным пламенем букв, каждая из которых была вдвое больше человеческого роста: «Мы га-

рантируем Хозяина. Мы гарантируем Хозяина».

— Какого хозяина? — спросил он.

— Вас.

— Почему же меня гарантируют?

— Разве в ваше время не было гарантирования?

Грэхэм подумал.

— Вы хотите сказать, страхования?

— Ну да, страхования… Так это называлось в старину. Страхуется ваша жизнь. Полисы раскупаются, на вас ставят мириады львов. Потом другие покупают векселя. Это та же игра. Играют и на других — на всех известных людей. Посмотрите!

Толпа отхлынула с ревом, и Грэхэм увидел, что большой черный экран загорелся пурпурной надписью еще бóльших размеров: «Годовая пятипроцентная рента на Хозяина».

Рев усилился. Несколько человек, запыхавшихся, с дико вытаращенными глазами, хватая воздух хищно скрюченными пальцами, пробежали мимо. У тесного входа началась давка.

Асано наскоро сделал подсчет.

— Семнадцать годовых процентов на сто. Наверное, они не стали бы так много платить, если бы увидели вас сейчас, сир. Но они не знают. Пре-

жде проценты, получаемые за вас, были верным делом, но теперь, разумеется, это только азартная игра, безнадежное дело. Сомневаюсь, чтобы они выручили свои деньги.

Толпа желающих приобрести ренту так сжала их, что они не могли двинуться ни взад, ни вперед. Грэхэм заметил очень много женщин среди спекулянтов и вспомнил слова Асано об экономической независимости прекрасного пола. Женщины не боялись давки и очень ловко работали локтями, в чем ему пришлось убедиться на собственных боках. Одна интересная особа с кудряшками на лбу, затертая в толпе в двух шагах от него, сперва пристально посмотрела на Грэхэма, словно узнавая его, затем протиснулась поближе, толкнула его плечом и взглядом, древним, как Халдея, дала ему понять, что он ей нравится. Скоро между ними вклинился седобородый, высокий и худой старик, весь в поту, позабывший обо всем на свете, кроме сверкающей приманки «Х 5 пр. Д».

— Уйдемте отсюда, — заявил Грэхэм. — Не для того я вышел на улицы. Покажите мне рабочих. Я хочу видеть людей в синей форме. А это сумасшедшие паразиты…

Но тут Грэхэма так стиснули, что его многообе-

щающая сентенция осталась незаконченной.

Глава XXI
Рабочие подземелья

Из делового квартала они отправились на движущихся платформах в отдаленную часть города, где были сосредоточены фабрики. Платформы дважды пересекли Темзу и поднялись на широкий виадук, переброшенный через одну из больших северных дорог. Впечатление от этих переездов было беглое, но яркое. Внизу тянулась широкая блестящая полоса темной морской воды, река протекала под арками здания и исчезала во мраке, пронизанном редкими огнями. Ряд темных барок с людьми в синей форме плыл к морю. Дорога казалась длинным, очень широким и высоким туннелем, вдоль которого бесшумно и быстро двигались громадные колеса машин. И здесь тоже преобладала синяя форма Рабочей Компании. Грэхэма поразили плавность движений двойных платформ и величина и легкость огромных пневматических колес по сравнению с вагонами. Он обратил внимание на один узкий высокий вагон с продольными металлическими перекладинами, на которых были подвешены

сотни бараньих туш. Внезапно край арки заслонил от него это зрелище.

Они сошли с движущейся платформы и спустились на лифте в наклонный проход, где пересели в другой лифт. Здесь вид резко изменился. Исчезли все архитектурные украшения, убавилось освещение, а здания по мере приближения к фабричным кварталам становились все массивнее. Но повсюду — в пыльных гончарных мастерских, возле механизмов, размалывавших полевой шпат, на сталелитейных заводах, среди озер расплавленного идемита, — повсюду виднелись мужчины, женщины и подростки в синей форме.

Во многих из этих огромных пыльных галерей тянулись ряды застывших в безмолвии машин, множество погашенных топок свидетельствовало о забастовке. Даже там, где работа еще продолжалась, труженики в синей форме делали все вяло и неохотно. Синюю форму не носили только надсмотрщики и полиция труда, они были одеты в оранжевые мундиры. Грэхэм только что видел раскрасневшиеся лица танцующих в залах, наблюдал лихорадочную энергию делового квартала и теперь не мог не заметить утомленных глаз, впалых щек и вялых мускулов

у многих рабочих. Те, которых он видел за работой, были физически слабее руководителей этих работ, одетых в более яркие цвета. Коренастые работники прежних времен исчезли вместе с ломовыми лошадьми. Мускулы были больше не нужны: их заменили машины. Новые рабочие, как мужчины, так и женщины, были руководителями машины, ее слугами и помощниками или артистами, разумеется подневольными.

Женщины по сравнению с теми, которых в старину видел Грэхэм, были невзрачны и слабогруды. Двести лет нарушения принципов пуританской морали и религии, двести лет тяжелой работы и городской жизни лишили женской красоты и силы этих бесчисленных работниц в синей форме. Быть красивой физически или талантливой, из ряда вон выходящей — значит освободиться от тяжелой работы и попасть в Города Наслаждений с их роскошью и великолепием, а потом — эвтаназия и покой. Конечно, люди, получающие такую скудную умственную пищу, не могли устоять против искушения.

В еще молодых городах в дни юности Грэхэма рабочие, пришедшие с разных концов страны, представляли собой весьма разношерстную массу; у них еще живо было понятие о чести и мо-

ральные традиции. Но теперь образовался класс, представители которого обладали характерными физическими особенностями, своей моралью и даже своим жаргоном.

Грэхэм и Асано спускались все ниже и ниже к фабричным кварталам. Скоро они очутились под одной из подвижных улиц и увидели платформы, двигавшиеся наверху по рельсам, и полоски белого света между перекладинами. Неработающие фабрики почти не освещались. Грэхэму казалось, что они вместе со своими гигантскими машинами окутаны мраком. Впрочем, и там, где работы не прекращались, освещение было довольно скудное.

За огненными озерами идемита находились ювелирные мастерские. Грэхэма и Асано не сразу и лишь после предъявления пропуска впустили в темные прохладные галереи. В первой несколько человек выделывали золотые филигранные украшения. Каждый из рабочих сидел на маленькой скамейке возле лампы под колпаком. Странное впечатление производили в световом кругу их ярко освещенные пальцы, быстро перебирающие блестящие золотые украшения, и напряженные, точно призрачные лица.

Работа выполнялась превосходно, но без худо-

жественных образцов и рисунков; по большей части это были сложные орнаменты или геометрические фигуры. Все рабочие были одеты в белую форму, без карманов и рукавов. Они надевали ее перед работой, а вечером, перед уходом, снимали и подвергались осмотру, прежде чем оставляли владения Компании. Однако полисмен сообщил вполголоса Грэхэму, что, несмотря на все меры предосторожности, Компанию нередко обкрадывают.

Во второй галерее женщины гранили и плавили искусственные рубины. В следующей мужчины и женщины выделывали медные пластинки, которые потом заливались эмалью. У многих из этих рабочих губы и ноздри были синеватого цвета, ибо они страдали особой болезнью, вызванной работой над пурпурной эмалью, бывшей особенно в моде. Асано извинялся, что повел Грэхэма такой дорогой, где обезображенные лица могут произвести на него неприятное впечатление, но эта дорога короче.

— Вот это как раз я и хотел видеть, — сказал Грэхэм. Заметив особенно обезображенное лицо, он невольно остановился.

— Она сама виновата, — заметил Асано.

Грэхэм возмутился.

— Но, сир, — возразил Асано, — без пурпура мы не можем приготовить эти вещи. В ваши дни люди могли носить грубые изделия, но ведь они были ближе к варварству на целых двести лет.

По одной из нижних галерей фабрики эмалевых изделий они подошли к небольшому круто выгнутому мосту. Заглянув через перила вниз, Грэхэм увидел пристань под необычайно огромными арками. С трех барж в облаках белой пыли множество кашляющих грузчиков выгружали молотый полевой шпат. Каждый катил небольшую тачку. Воздух был полон удушающей пыли, даже электрический свет казался желтовато-тусклым. Смутные тени рабочих мелькали на длинной белой стене. Время от времени рабочие останавливались и откашливались.

Призрачные глыбы огромных каменных сооружений, высившихся над чернильной водой, напомнили Грэхэму о множестве дорог, галерей и лифтов, которые, поднимаясь ярусами, отделяли его от солнечного света. Люди работали молча под наблюдением двух полицейских Компании, и только шаги их глухо отдавались под сводами.

Грэхэм услышал, как в темноте кто-то запел.

— Молчать! — крикнул полицейский.

Но ему не подчинились. Покрытые белой

пылью, рабочие дружно подхватили припев революционного гимна. Шагая по плитам, они отбивали такт: трам, трам, трам. Полицейский, отдавший приказание, взглянул на своего товарища, и Грэхэм заметил, что тот пожал плечами. Он больше не пытался прекратить пение.

Так проходили они фабрики и мастерские и видели много тяжелого и мрачного. Но зачем огорчать читателя? Для утонченной натуры наш теперешний мир и так достаточно плох, зачем же еще мучить себя, размышляя о грядущих бедствиях? Во всяком случае, не мы будем страдать от них. Возможно, что будут страдать наши потомки, но нам-то какое дело?

Эта прогулка оставила в душе Грэхэма множество смутных впечатлений. Громадные многолюдные залы, гигантские арки, исчезающие в облаках пыли, сложные машины, длинные ряды ткацких станков с бегущими нитями, тяжелые удары штампующих механизмов, шум и скрип ремней и арматуры, тускло освещенные подземные проходы, просеки убегающих вдаль огней, тяжелый запах дубильного завода и пивоварни, удушливые испарения — и повсюду могучие, массивные колонны и арки, каких он никогда раньше не видел. Сверкающие стальные и бетон-

ные титаны выдерживали колоссальную тяжесть мирового города, подавляющего своей сложностью миллионы анемичных жителей. И всюду бледные лица, худоба, уродство и вырождение.

Три раза Грэхэм слышал революционный гимн во время своего долгого и тягостного скитания по этим местам. В конце одного прохода он увидал свалку: это были рабы Компании, захватившие свой хлеб прежде окончания работы. Поднимаясь к движущимся улицам, Грэхэм встретил детей в синей форме, бегущих в поперечный проход, и тотчас же понял причину их паники, увидав отряд полиции с дубинками, направляющийся к месту, где произошел какой-то беспорядок. Издали доносился глухой шум. Несмотря на волнения, большинство оставшихся рабочих продолжало вяло работать. Все, сохранившие человеческий образ, бунтовали в эту ночь наверху, на улицах, распевали революционный гимн, призывали своего правителя и грозно размахивали оружием.

Выйдя из-под земли, Грэхэм и его спутник встали на движущуюся платформу. Их ослепил яркий свет центрального прохода. Вскоре они услыхали отдаленный вой и рев громкоговорителей Центрального бюро информации. Вдруг показались бегущие люди, на платформах и на улицах

раздались вопли и крики. Пробежала женщина с побледневшим от ужаса лицом, вслед за ней другая — она пронзительно кричала.

— Что случилось? — с недоумением спросил Грэхэм, не понимавший жаргона.

Наконец он разобрал, что кричали все эти бегущие люди и почему в страхе визжали женщины. По городу, как первый порыв надвигающейся грозы, несся вопль:

— Острог вызвал черную полицию в Лондон! Черная полиция прибывает из Южной Америки!.. Черная полиция!.. Черная полиция!..

Асано побледнел и казался удивленным. Он нерешительно взглянул на Грэхэма и признался, что это было уже ему известно.

— Но как они пронюхали об этом? — удивился он.

Кто-то крикнул:

— Бросайте работу! Бросайте работу!

Темнолицый горбун в нелепом костюме, зеленом с золотом, вскочил на платформу, громко крича на хорошем английском языке:

— Это сделал Острог! Острог — негодяй! Он обманул Правителя!

Горбун хрипел, и тонкая струйка пены капала из его перекошенного рта. Он в ужасе кричал о

расправе черной полиции в Париже и убежал, выкрикивая: «Острог — негодяй!»

Грэхэм остановился, и на мгновение ему показалось, что это опять сон. Он взглянул на громады зданий, исчезавшие в голубоватой мгле над фонарями, посмотрел на ряды движущихся платформ, на бегущую взволнованную толпу.

— Правитель обманут!.. Правитель обманут! — кричали они.

И вдруг он все понял. Его сердце бурно забилось.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Я должен был бы предвидеть это. Час настал!.. — Затем поспешно прибавил: — Что же делать?

— Вернуться назад в дом Белого Совета, — сказал Асано.

— Но почему бы мне не обратиться к народу?

— Вы даром потеряете время. Они не поверят, что это вы. Но они непременно соберутся около дома Белого Совета. Там вы найдете их вождей. Вы должны быть там — с ними!

— Быть может, это только слух?

— Но это похоже на правду, — возразил Асано.

— Подождем фактов!

Асано пожал плечами.

— Лучше идти к дому Белого Совета! — вос-

кликнул он. — Туда они все направятся. Пожалуй, теперь мы уже не проберемся через развалины.

Грэхэм нерешительно последовал за ним.

Они поднялись на быстроходную платформу, и Асано заговорил с одним рабочим, который ответил ему на грубом простонародном наречии.

— Что он говорит? — спросил Грэхэм.

— Он знает очень мало. Он сказал, что черная полиция должна была явиться неожиданно, но кто-то из Управления Ветряных Двигателей сообщил об этом. Он говорит, что это была девушка…

— Девушка? Неужели?..

— Он так сказал, но он не знает, кто она такая. Она вышла из дома Белого Совета и рассказала об этом работавшим на развалинах.

Послышался новый крик, и паника улеглась. Этот крик пронесся как порыв ветра вдоль улицы:

— Все по своим частям! Все по своим частям! Каждый получит оружие! Каждый на свой пост!..

Глава XXII
Борьба в доме Белого Совета

Асано и Грэхэм поспешили к развалинам около дома Белого Совета. Повсюду они видели возбужденных людей, народ восстал.

— Все по своим частям!.. Все по своим частям!..

Мужчины и женщины в синей форме торопливо поднимались по лестницам с подземных фабрик. В одном месте Грэхэм увидал арсенал революционного комитета, осажденный кричащей толпой, в другом — нескольких полицейских в ненавистной желтой форме, которые, спасаясь от толпы, вскочили на быстроходную платформу, двигавшуюся в противоположном направлении.

Около правительственных зданий крик «По частям!» превратился в несмолкаемый рев. Отдельных выкриков разобрать было нельзя.

— Острог обманул нас! — оглушительно вопил какой-то человек хриплым голосом над самым ухом Грэхэма, и эта фраза преследовала Грэхэма, как припев песни.

Этот человек стоял рядом с ним на быстроходной платформе и кричал что-то толпе на нижних

платформах. Иногда вместо этой фразы он выкрикивал какие-то непонятные приказания. Затем он спрыгнул с платформы и скрылся.

В ушах Грэхэма звенело от крика. У него не было никакого определенного плана. Он хотел обратиться к толпе с какого-нибудь возвышения, хотел разделаться с Острогом; он был вне себя от ярости. Мускулы его напряглись, руки невольно сжимались в кулаки, губы дрожали.

К дому Белого Совета через развалины было невозможно пробраться, но Асано провел Грэхэма через центральное почтовое управление. Управление было открыто, но почтальоны в синей форме работали неохотно, большинство стояло под арками галереи, глядя на переполненные народом улицы.

— Пусть каждый занимает свой пост!.. Каждый должен быть на своем посту!..

Здесь Грэхэм, по совету Асано, сообщил, кто он такой.

Они переправились в дом Совета в кабинке по канату. Со времени капитуляции советников руины преобразились. Каскады морской воды из лопнувших труб были остановлены, и вверху на легких столбах был положен временный водопровод. Небо снова затянула сеть восста-

новленных кабелей и проводов для дома Белого Совета. Слева от здания быстро вырастал новый корпус, подъемные краны и строительные машины работали вовсю.

Разрушенные подвижные пути были тоже восстановлены, хотя еще и оставались под открытым небом. Это были те самые движущиеся улицы, которые Грэхэм видел с балкона после пробуждения, дней девять назад. Зал, где он лежал в летаргии, превратился в груду бесформенных каменных обломков.

День был уже в разгаре, и солнце ярко светило. Быстроходные платформы приносили из освещенных голубым электрическим светом тунелей толпы народа, которые скоплялись среди развалин. Воздух звенел от криков. Теснясь и толкаясь, народ устремлялся к центральному зданию. Грэхэм заметил, что в этой беспорядочной толпе кое-где проявлялись зачатки организованности и дисциплины. В хаосе криков слышался призыв: «Все по своим частям! Каждый на свой пост!»

Кабель доставил их в помещение, в котором Грэхэм тотчас же узнал вестибюль зала Атласа над галереей, где он проходил с Говардом через час после своего пробуждения, чтобы показаться

не существующему теперь Белому Совету.

Здесь находились теперь только два служителя при кабеле. Они, по-видимому, были поражены, узнав в человеке, выскочившем из кабинки, Спящего.

— Где Элен Уоттон? — спросил он. — Где Элен Уоттон?

Этого они не знали.

— Тогда где Острог? Я должен сейчас же увидеть Острога! Он обманул меня. Я вернулся, чтобы отнять у него власть!

Не дожидаясь Асано, Грэхэм поднялся по ступеням в углу и, отдернув занавес, очутился перед лицом вечного труженика титана.

Зал был пуст. Его вид, однако, сильно изменился с тех пор, как Грэхэм видел его в первый раз. Зал изрядно пострадал во время восстания. Вправо от огромной статуи верхняя часть стены была разрушена на протяжении двухсот метров, и пролом заделан стекловидной массой вроде той, какая окружала Грэхэма, когда он проснулся. Снаружи доносился приглушенный гул.

— По своим частям! По частям! По частям! — ревела толпа.

Сквозь стекла просвечивали балки и подпорки металлических лесов, которые то поднимались,

то опускались, в зависимости от того, как это требовалось большинству рабочих. На лесах виднелось множество рабочих. На зеленоватом фоне резко выделялась строительная машина, которая лениво вытягивала красные металлические краны, хватала глыбы минеральной пасты и аккуратно укладывала их. На ней стояли рабочие и смотрели на толпу.

Грэхэм невольно замешкался, глядя на машину, и Асано догнал его.

— Острог там, в канцелярии правления, — сказал Асано.

Лицо у него стало иссиня-бледным, и он испытующе смотрел на Грэхэма.

Не прошли они и десяти шагов, как влево от Атласа поднялась панель в стене, и оттуда вышел Острог в сопровождении Линкольна и двух негров, одетых в желтую форму. Он направился в противоположный угол, к другой раскрывшейся панели.

— Острог! — крикнул Грэхэм, и при звуках его голоса все удивленно оглянулись.

Острог что-то сказал Линкольну и подошел к Грэхэму.

Грэхэм заговорил первый, голос его звучал властно и резко.

— Что я слышу? — спросил он. — Вы призываете сюда черную полицию, чтобы удержать в повиновении народ…

— Это необходимо! — ответил Острог. — Они отбились от рук после восстания. Я недооценил…

— Значит, эта проклятая черная полиция уже на пути сюда?

— Да. Но вы же видели, что делается в городе?

— Ничего удивительного! А ведь вы мне обещали… Вы слишком много берете на себя, Острог!

Острог ничего не ответил, но подошел ближе.

— Эта черная полиция не должна появляться в Лондоне, — заявил Грэхэм. — Я Правитель Земли и не допущу этого!

Острог взглянул на Линкольна, который тотчас же приблизился к нему вместе с двумя неграми.

— Но почему? — удивился Острог.

— Она не должна вмешиваться в наши дела. К тому же…

— Но ведь она только орудие!..

— Это безразлично. Я Правитель Земли и хочу распоряжаться сам! Говорю вам: черная полиция не должна быть здесь!

— Народ…

— Я верю в народ!

— Потому что вы живой анахронизм! Вы че-

ловек прошлого, случайность. Вы владеете половиной богатства всего земного шара. Но хозяином его вы не можете быть. Вы слишком мало знаете, чтобы распоряжаться.

Острог многозначительно взглянул на Линкольна и продолжал:

— Я знаю, что вы думаете, и догадываюсь о том, что вы намерены делать. Пока еще не поздно, предостерегаю вас. Вы мечтаете о человеческом равенстве, о социалистическом строе! В вашей душе еще живут все эти обветшалые мечты девятнадцатого столетия, и вы хотите управлять новым веком, которого вы не понимаете!

— Прислушайтесь! — сказал Грэхэм. — Вы слышите этот мощный гул, подобный рокоту моря. Не голоса, а один голос! Понимаете ли вы, что это такое?

— Мы научили их этому.

— Возможно, но можете ли вы научить их забыть это? Довольно разговоров! Черная полиция не должна быть здесь!

Помолчав, Острог взглянул ему прямо в глаза.

— Она будет здесь! — заявил он.

— Я запрещаю!

— Она уже вызвана.

— Я этого не хочу.

— Нет! — возразил Острог. — К сожалению, я должен последовать примеру Совета… Ради вашего блага вы не должны становиться на сторону… бунтовщиков. А теперь, когда вы здесь… Вы очень хорошо сделали, что вернулись.

Линкольн положил руку на плечо Грэхэму. Внезапно Грэхэм понял, какую грубую ошибку он сделал, вернувшись в дом Белого Совета. Он повернулся было к занавесу, отделявшему вестибюль от зала. Но Асано задержал его. Линкольн схватил Грэхэма за платье.

Грэхэм повернулся и ударил Линкольна по лицу, но тотчас же негр схватил его за воротник и рукав. Грэхэм вырвался, с треском разорвав рукав, и отскочил назад, но его сшиб с ног другой негр. Он тяжело упал на пол и несколько мгновений лежал, глядя на высокий потолок зала.

Он закричал, перевернулся и хотел подняться. Ухватил одного прислужника за ногу, повалил его и вскочил на ноги.

Линкольн подбежал к нему, но тотчас же упал, получив удар в челюсть. Грэхэм сделал два шага, шатаясь. Но Острог схватил его за горло и повалил навзничь. Руки Грэхэма были прижаты к полу. Он отчаянно отбивался, пытаясь освободиться, потом перестал сопротивляться и лежа смотрел

на тяжело дышавшего Острога.

— Вы… пленник!.. — проговорил, задыхаясь, Острог. — Вы поступили глупо, вернувшись сюда.

Грэхэм повернул голову и заметил сквозь временно застекленное отверстие в стене зала, что рабочие у подъемных кранов что-то возбужденно поясняют жестами толпе внизу. Значит, они все видели.

Острог заметил, куда он смотрит, и тоже обернулся. Он крикнул что-то Линкольну, но Линкольн не двигался. Пуля ударила в лепные украшения над статуей Атласа. Двойное стекло в пробоине разлетелось, края образовавшейся трещины потемнели и свернулись. Сквозь отверстие в комнату Белого Совета вместе с гулом толпы проникла струя холодного ветра.

— Спасите Спящего!.. Что они делают со Спящим!.. Его предали!

Грэхэм заметил, что внимание Острога чем-то отвлечено и нажим его рук ослабел. Осторожно высвободив свою руку, Грэхэм поднялся на колени, повалил Острога навзничь, ухватив его за горло. В следующий миг Острог вцепился рукой в его шелковый воротник.

Но к ним уже спешили с эстрады люди, намере-

ния которых Грэхэм не сразу разгадал. Он увидел мельком человека, бегущего к занавесу вестибюля. Затем Острог выскользнул у него из рук, а вновь прибывшие набросились на Грэхэма.

Он удивился, что они повинуются приказаниям Острога.

Когда его проволокли несколько ярдов, он понял наконец, что это враги и что они тащат его к открытой двери в стене. Он начал упираться, бросился на пол и стал громко звать на помощь. Крики его не остались без ответа.

Руки, державшие его за шиворот, ослабли. В нижнем углу пролома в стене показалась сначала одна, затем несколько черных фигур, кричавших и размахивавших оружием. Они прыгали через пролом в светлую галерею, которая вела в Комнаты Безмолвия. Они бежали по галерее и были так близко от Грэхэма, что он мог различить оружие в их руках. Острог что-то крикнул людям, державшим Грэхэма; тот изо всех сил сопротивлялся, не давая тащить себя к зиявшему отверстию.

— Они не смогут спуститься вниз! — кричал, задыхаясь, Острог. — Стрелять они не посмеют! Все в порядке! Мы спасем его от них!..

Грэхэму казалось, что эта постыдная, неравная борьба продолжалась довольно долго. Его одеж-

да была изодрана, он весь вывалялся в пыли, и ему больно отдавили руку. Он слышал крики своих приверженцев и даже их выстрелы. Но он чувствовал, что силы его покидают и что сопротивление бесполезно. Помощи не было, и зияющее темное отверстие неуклонно приближалось.

Вдруг тиски рук разжались. Грэхэм приподнялся и увидел уже в отдалении седую голову Острога, он почувствовал, что его больше не держат. Он повернулся и столкнулся с человеком в черной одежде. Зеленое оружие щелкнуло совсем рядом, в лицо ему пахнула струя едкого дыма, и блеснул стальной клинок. Огромная комната закружилась у него перед глазами.

В нескольких ярдах от него человек в синем заколол одного из желтых полицейских. Затем его снова подхватили чьи-то руки.

Его тащили в разные стороны и что-то кричали ему. Он пытался понять, но не мог. Кто-то обхватил его ноги и поднял насильно. Потом он понял и перестал сопротивляться. Его подняли на плечи и понесли.

Послышался крик многотысячной толпы.

Он видел, что люди в синем и черном преследуют отступающих приверженцев Острога и

стреляют. Поднятый на плечи, он видел всю часть зала перед статуей Атласа и понял, что его несут к эстраде. Из дальнего угла зала к нему стремился народ. Все смотрели на него и радостно кричали.

Он скоро заметил, что его окружил как бы отряд телохранителей. Наиболее активные распоряжались, наводя порядок. Человек в желтом, с черными усами, которого он видел в театре в день своего пробуждения, находился тут же и громко отдавал приказания. Зал был переполнен волнующейся толпой, и металлическая галерея гнулась под тяжестью людей. Занавес в конце зала был сорван, и в вестибюле тоже толпился народ.

В оглушительном гуле стоявший рядом человек едва расслышал вопрос Грэхэма:

— Куда скрылся Острог?

Вместо ответа человек указал через головы на нижние панели зала в противоположной стороне от пролома.

Панели были открыты, и вооруженные люди в синем, с черными шарфами, вбегали туда и исчезали в комнатах и коридорах.

Грэхэму почудились звуки выстрелов. Его пронесли через огромный зал к отверстию возле пролома.

Он заметил, что некоторые стараются соблюсти дисциплину, сдерживают толпу и расчищают дорогу. Его вынесли из зала, и он увидел прямо перед собой неотделанную новую стену и над ней голубое небо. Его опустили; кто-то взял его за руку и повел. Усатый человек в желтом шел рядом. Его вели по узкой каменной лестнице, совсем близко торчали красные краны, рычаги и детали огромной строительной машины.

Он поднялся наверх и пошел по узкой галерее с перилами, и внезапно перед ним открылся амфитеатр развалин.

— Правитель с нами! Правитель!.. Правитель!..

Словно прибой, шумела огромная толпа, крики и возгласы, как волны, разбивались об утесы руин, и до него доносилось эхо:

— Правитель с нами! Правитель за нас!..

Грэхэм заметил, что стоит один на небольшой временной платформе из белого металла, составлявшей часть лесов строящегося огромного здания Совета. Все обширное пространство развалин было покрыто несметной волновавшейся, кричавшей толпой, кое-где развевались черные знамена революционных обществ — чувствовалось, что в этом хаосе уже намечалась известная организованность. Крутые лестницы, стены и

леса, по которым его освободители добрались до пролома в зале Атласа, кишели людьми. На выступах и столбах повисли энергичные маленькие черные фигурки, старавшиеся увлечь за собой остальную массу. Позади несколько человек укрепляли высоко на лесах огромное черное знамя с развевающимся и хлопающим на ветру полотнищем. Через пробоину в стене Грэхэм мог рассмотреть возбужденную толпу, собравшуюся в зале Атласа. На юге виднелись аэродромы, казавшиеся совсем близкими в прозрачном воздухе. Одинокий аэропил поднялся с центральной станции, быть может навстречу прибывавшим аэропланам.

— Что сделали с Острогом? — спросил Грэхэм и, задав этот вопрос, увидел, что взоры всех обращены на крышу дома Совета.

Он тоже посмотрел туда. Сначала он ничего не видел, кроме зубчатого угла стены, резко и четко выделявшегося в безоблачной синеве. Затем начал различать какую-то комнату и с удивлением узнал зеленую и белую окраску своей недавней тюрьмы. Белая фигурка в сопровождении двух других поменьше, одетых в черное с желтым, быстро прошла через комнату и направилась к самому краю развалин.

Какой-то человек крикнул:

— Острог!

Грэхэм обернулся, чтобы спросить, но не успел. Другой человек, стоявший рядом с ним, испуганно крикнул и на что-то указал тонким пальцем.

Грэхэм посмотрел туда и увидел, что аэропил, недавно поднявшийся с платформы аэродрома, летел прямо на них. Стремительный плавный полет привлек внимание Грэхэма.

Аэропил приближался, быстро увеличиваясь, и, пролетев над отдаленным краем развалин, показался над толпой внизу. Он начал снижаться, потом снова поднялся у дома Совета. Он казался хрупким и прозрачным, и сквозь его ребра виднелся одинокий аэронавт. Аэропил скрылся за линией развалин.

Грэхэм заметил, что Острог делает какие-то знаки руками, а его помощники торопливо пробивают возле него стену. Аэропил снова показался вдалеке, описывая дугу и замедляя полет.

Человек в желтом крикнул:

— Чего они зевают? Чего зевают? Зачем оставили Острога? Почему его не арестовали?.. Они возьмут его… Аэропил возьмет его!..

В ответ на его восклицание раздались, как эхо, крики в развалинах. Треск зеленого оружия

донесся через пропасть до Грэхэма, и, взглянув вниз, он увидел множество людей в черно-желтом, бегущих по одной из открытых галерей под тем выступом, где стоял Острог. Они стреляли на бегу в невидимых противников. Затем показались преследователи в синем. Крошечные сражающиеся фигурки производили странное впечатление; издали они казались игрушечными солдатиками.

Огромное здание придавало этой битве среди мебели и коридоров театральный вид. Все это происходило, быть может, в двухстах ярдах от него, на высоте пятидесяти ярдов над толпой.

Люди в черном с желтым вбежали под арку и, обернувшись, дали залп. Один из синих преследователей, бежавших впереди, у самого края пролома, странно взмахнул руками и покачнулся. Казалось, он на секунду повис над краем, потом рухнул вниз. Грэхэм видел, как он на лету ударился о выступ угла, отлетел в сторону и, перекувырнувшись несколько раз в воздухе, исчез за красными кранами строительной машины.

На мгновение солнце заслонила какая-то тень. Грэхэм поднял голову: небо было безоблачно, он понял, что это промелькнул аэропил.

Острог исчез! Человек в желтом протиснулся

вперед и, возбужденно жестикулируя, вопил:

— Он спустится! Он спустится! Пусть они стреляют в него! Пусть стреляют!..

Грэхэм ничего не понимал. Он только слышал громкие голоса, повторявшие это загадочное приказание.

Вдруг из-за края развалин показался нос аэропила, машина скользнула вниз и резко остановилась. Грэхэм понял: аэропил спустился, чтобы захватить Острога. Он заметил голубоватый дым и догадался, что снизу стреляют по аэропилу.

Какой-то человек рядом одобрительно крякнул. Грэхэм увидел, что синие достигли арки, которую защищали черно-желтые, и непрерывным потоком ринулись в открытый проход.

Аэропил соскользнул со стены дома Совета и упал под углом в сорок пять градусов, так круто, что Грэхэму да и всем остальным показалось, что он уже не поднимется.

Аэропил пролетел столь близко, что Грэхэм разглядел Острога, ухватившегося за поручни сиденья. Его седые волосы развевались. Аэронавт с бледным лицом нажимал на рычаги управления. Он слышал выкрики толпы внизу.

Грэхэм схватился за перила и замер. Секунда показалась ему вечностью. Нижнее крыло аэро-

пила чуть не задело людей внизу, кричавших и толкавших друг друга.

Вдруг аэропил поднялся.

В первую минуту казалось, что он не сможет пролететь над стеной, потом — что он заденет за ветряные двигатели. Но аэропил улетал, накренившись набок, все дальше и выше.

Напряженное ожидание разрешилось взрывом ярости, как только толпа поняла, что Острог скрылся. С запоздалой энергией возобновили огонь, треск отдельных выстрелов превратился в сплошной гул, и все вокруг заволоклось синей дымкой, запахло гарью.

Слишком поздно! Аэропил становился все меньше и меньше и, описав дугу, плавно снизился на платформу аэродрома, откуда он недавно поднялся. Острог бежал!

Толпа долго кричала, потом всеобщее внимание было сосредоточено на Грэхэме, стоявшем на самом верху лесов.

Он увидел, что лица всех обращены к нему, и услыхал громкие, радостные крики. Как мощный порыв ветра, над волнующимся морем людей пронесся революционный гимн.

Окружающие поздравляли его. Человек в желтом, стоявший рядом с ним, смотрел на него

сияющими глазами.

Трам! Трам! Трам!.. — перекатывался гимн.

Грэхэм не сразу понял, что его положение изменилось.

Когда раньше он смотрел на кричавшую толпу, с ним был рядом Острог, но он теперь был далеко и стал его врагом! Нет никого, кто бы мог управлять за него. Даже окружавшие его вожди и организаторы толпы и те смотрели на него, ожидая его распоряжений. Он стал настоящим правителем. Его прежнее марионеточное правление кончилось.

Он готов сделать все то, чего ждут от него люди. Его нервы, мускулы дрожали от напряжения. Несмотря на некоторую растерянность, он не чувствовал ни гнева, ни страха, лишь слегка ныла придавленная рука.

Однако он не знал, как держаться. Он не испытывал ни тени страха, но боялся, что может показаться испуганным. В своей прежней жизни он не раз переживал сильное возбуждение во время разных спортивных игр. Сейчас он страстно хотел действовать. Он понимал, что не следует задумываться над этой грандиозной сложной борьбой, так как это парализует его волю.

Там, за синими квадратами аэродрома, —

Острог. Грэхэм борется за весь мир против Острога.

Глава XXIII
В ожидании налета аэропланов

Некоторое время Правитель Земли не мог управлять даже своими мыслями. Он не давал себе отчета в своих стремлениях, и его собственные поступки удивляли его и казались только отголосками странных внешних впечатлений. Но одно было несомненно: аэропланы скоро явятся. Элен Уоттон предупредила народ об их приближении. К тому же он, Грэхэм, стал Правителем Земли. Эти две мысли боролись в его сознании, то и дело вытесняя одна другую. Все вокруг было охвачено волнением и напряженным ожиданием: и залы, кишевшие народом, и проходы, и комнаты, где совещались вожаки, и помещения для телефона и кинематографа, и кипевшее внизу людское море.

Человек в желтом и те, кого он считал вождями, не то увлекали его за собой, не то повиновались ему — трудно было решить. Вероятно, и то и другое сразу — какая-то незримая стихийная сила увлекала их всех.

Он решил, что необходимо обратиться с воззванием к народам мира, и начал обдумывать

отдельные зажигательные фразы, которые следовало бы сказать, но ему мешали разные мелочи. Он очутился рядом с человеком в желтом, и они вместе вошли в комнату, где должно было быть оглашено воззвание.

Комната была в новом стиле. В центре ярким овальным пятном падал сверху электрический свет, вся остальная часть комнаты оставалась в тени. Двойные двери почти не пропускали звуков из зала Атласа. Глухой стук захлопнувшейся двери, внезапно оборвавшийся шум, который он слышал в течение нескольких часов, трепетный круг света, шепот и быстрые бесшумные движения еле видимых слуг в сумраке — все это производило на Грэхэма странное впечатление. Огромные уши фонографов готовились запечатлеть его слова, а черные глаза огромной фотографической камеры ловили его движения. Тускло поблескивали металлические провода, и что-то с жужжанием вертелось наверху. Он вошел в ярко освещенный центр, и черная тень скорчилась и легла у его ног небольшим пятном.

Он уже обдумал то, что хотел сказать. Но его поразила тишина, одиночество, неожиданное исчезновение вдохновлявшей его толпы, безмолвная аудитория подслушивающих и подсмат-

ривающих машин. Он не чувствовал никакой поддержки, и ему показалось, что он внезапно остался наедине со своими мыслями. Настроение его быстро изменилось.

Он боялся, что не сможет высказать свои мысли, боялся впасть в театральность, боялся, что у него не хватит голоса, не хватит находчивости, и он обратился за поддержкой к человеку в желтом.

— Подождите минуту, — сказал Грэхэм. — Я должен подготовиться. Я не ожидал, что это так будет! Мне еще надо обдумать то, что я хочу сказать.

Пока он стоял в нерешительности, явился взволнованный курьер с известием, что передовые аэропланы уже перелетели Араван.

— Араван? — удивился Грэхэм. — Где это?.. Во всяком случае, они приближаются. Когда они будут здесь?

— К вечеру.

— Боже мой! Через несколько часов! А какие получены вести с летных площадок?

— Люди юго-западных районов готовы.

— Готовы!

Он нетерпеливо повернулся к блестящим линзам аппарата и сказал:

— Я думаю, что мне следует произнести неболь-

шую речь. Если б я только знал, что нужно сказать!.. Аэропланы в Араване! Они, должно быть, вылетели раньше главного воздушного флота. А наши еще только готовятся! Наверное…

«Впрочем, не все ли равно, как я скажу, хорошо или плохо…» — подумал он и заметил, что свет стал ярче.

Он уже составил несколько общих фраз о демократии, но внезапно на него нахлынули сомнения. Его вера в свой героизм, в свое призвание поколебалась. Он почувствовал себя таким маленьким, незначительным, всем правят какие-то непонятные законы! Ему начало казаться, что восстание против Острога преждевременно и обречено на неудачу, это только страстная, но бесцельная борьба с неизбежностью.

Грэхэм думал о быстром роковом полете аэропланов, и его удивляло, что он видит теперь события с другой точки зрения. Но усилием воли он подавил свои сомнения, решив во что бы то ни стало бороться до конца.

Однако он не мог найти подходящих слов. Так он стоял в нерешительности, губы его дрожали, и он уже готов был извиниться за свою растерянность, когда послышался шум шагов и крики.

— Подождите! — крикнул кто-то, и дверь от-

крылась.

— Она идет! — донеслись до него чьи-то голоса.

Грэхэм обернулся, и свет потускнел.

В открытую дверь он увидел легкую фигуру в сером одеянии, проходившую через зал. Сердце его забилось. Это была Элен Уоттон.

Вслед ей гремели аплодисменты. Человек в желтом, стоявший в тени, вошел в круг света.

— Это та самая девушка, которая сообщила нам о предательстве Острога, — сказал он.

Лицо Элен пылало, темные густые волосы рассыпались по плечам. Она шла ритмичной походкой, и складки мягкого шелкового платья струились и плавно развевались. Она подходила все ближе и ближе, и сердце Грэхэма забилось сильнее. Все его сомнения рассеялись.

Тень от двери пробежала по ее лицу, и вот Элен уже около него.

— Вы не обманули нас! Вы с нами! — воскликнула она.

— Где же вы были? — спросил Грэхэм.

— В Управлении юго-западных районов. Десять минут назад я еще не знала, что вы вернулись. В Управлении я хотела найти начальников отдельных районов и предупредить их, чтобы они

объявили народу…

— Я вернулся, как только услышал об этом.

— Я так и знала, я знала, что вы будете с нами! — воскликнула она. — И это я им объявила! Они восстали. Весь мир восстал. Народ проснулся. Слава богу, сделала я это не напрасно! Вы теперь Правитель!

— Объявили им… — повторил он медленно и заметил, что, несмотря на решительность, сверкавшую в ее глазах, губы ее дрожали, она задыхалась от волнения.

— Я объявила им. Я знала об этом приказе. Я была здесь и слышала, что черная полиция вызвана в Лондон, чтобы усмирить народ и охранять вас, то есть держать вас в плену. И я помешала этому. Я объявила об этом народу. И вы стали Правителем!..

Грэхэм посмотрел сперва на темные линзы камеры, на раскрытые уши фонографа, потом на Элен.

— Да, я Правитель, — медленно сказал он, и вдруг ему почудился шум аэропланов. — И вы сделали это? Вы… племянница Острога?

— Ради вас! — воскликнула она. — Ради вас! Чтобы у вас, у человека, которого ждал мир, не вырвали власти.

Некоторое время Грэхэм молча стоял, глядя на нее. Все его сомнения и вопросы исчезли. Он припомнил все, что хотел сказать народу.

Он встал против камеры, и свет вокруг него засиял ярче.

Повернувшись к Элен, он сказал:

— Вы спасли меня! Вы спасли мою власть. Борьба начинается! Не знаю, что будет ночью, но мы готовы ко всему.

Он помолчал. Потом, обратившись к невидимым народным массам, которые как будто смотрели на него черными глазами камеры, медленно заговорил:

— Мужчины и женщины новой эры! Вы восстали и начали борьбу за человечество!.. Но легкой победы быть не может…

Он остановился, подбирая слова. Те мысли, которые он обдумывал до ее прихода, теперь возникали сами собой, у него уже не было ни тени сомнений.

— Эта ночь — только начало борьбы. Предстоящая борьба, борьба этой ночи — только начало! Возможно, что вам придется бороться всю вашу жизнь. Но не падайте духом даже в том случае, если я буду побежден, если я буду окончательно сломлен…

Ему не хватало слов. Он остановился и снова начал повторять те же неопределенные призывы. Но наконец дар речи вернулся к нему, и слова полились потоком.

Многое из того, что он говорил, представляло лишь общие положения социалистических идей былого времени. Но искреннее убеждение, звучавшее в его голосе, придавало им жизненность. Он говорил о прошлом народу новой эпохи, говорил женщине, стоявшей возле него.

— Я пришел к вам из прошлого, с воспоминанием о веке, который жил надеждой. Мой век был веком мечтаний и начинаний, веком возвышенных надежд. Мы уничтожили рабство во всем мире. Мы горячо надеялись, что прекратятся войны, что все мужчины и женщины будут свободны и начнется мирная, прекрасная жизнь… Так надеялись когда-то мы. Осуществились ли эти надежды? Что сделалось с человеком по прошествии двухсот лет? Огромные города, мощная техника, величие коллективной работы — все это превзошло наши мечты. Мы не стремились к этому, но это пришло. Но что же стало с маленькими существами, созидателями этой великой жизни? Как живут теперь простые люди? Как и раньше, заботы и подневольный труд, жалкое,

искалеченное существование, бесплодное стремление к власти и богатству, безумие и растрата жизненных сил. Старые идеалы исчезли. А новые… Да существуют ли новые идеалы?

Он почувствовал вдруг, что начинает верить в то, во что ему так хотелось верить. Он нащупал в себе эту веру и крепко уцепился за нее. Он бросал краткие, отрывистые фразы, но вкладывал в них всю свою убежденность, всю силу своей веры. Он говорил о величии альтруизма, о вере в человечество, которое будет вечно жить на Земле, частицей которого все мы являемся. Его голос то повышался, то падал, и аппараты, казалось, с одобрительным жужжанием вбирали его речь. Окружающие, стоявшие в тени, молча прислушивались к его словам. Присутствие Элен, стоявшей рядом, рассеивало его сомнения и поддерживало воодушевление.

В эти торжественные минуты, охваченный вдохновением, он не сомневался в своем героизме и в искренности своих героических слов, и речь его лилась непринужденно.

В заключение он сказал:

— Так знайте же мою волю! Все, что принадлежит мне, я отдаю народам мира. Отдаю вам и себя самого. Да свершится воля Божья. Я буду жить

ради вас и умру ради вас!

Он кончил величественным жестом и повернулся. На лице девушки отражалось его собственное воодушевление. Взгляды их встретились. В ее глазах блеснули слезы энтузиазма. Казалось, убежденность одного передавалась другому. Схватившись за руки, они глядели в глаза друг другу в красноречивом молчании.

— Я знала, — прошептала она. — Я знала…

Он не мог говорить и только сжимал ее руки: так огромно было охватившее его чувство.

Человек в желтом незаметно подошел к ним и сказал, что юго-западные районы уже выступили.

— Я не ожидал, что это будет так скоро! — воскликнул он. — Они сделали чудеса. Вы должны поддержать и ободрить их.

Грэхэм выпустил руку Элен и рассеянно взглянул на нее. Потом вспомнил и снова забеспокоился о летных площадках.

— Да, — сказал он. — Это хорошо, очень хорошо. — И, обдумав то, что ему сообщили, добавил: — Скажите же им: «Чисто сделано, Юго-Запад!»

Он снова взглянул на Элен Уоттон. Его лицо отражало внутреннюю борьбу.

— Мы должны захватить летные площадки, — пояснил он. — Если мы этого не сделаем, то они высадят черную полицию. Мы во что бы то ни стало должны помешать им.

Но, произнося эти слова, он понял, что это не то, что он хотел сказать. Он заметил легкое изумление в ее глазах. Она начала что-то говорить, но пронзительный звон заглушил ее голос.

Грэхэм подумал: вероятно, она ждет, что он поведет народ в бой, и он должен это сделать. Он обратился к человеку в желтом, но говорил он только ей, читая ответ в ее глазах.

— Здесь я бездействую, — заявил он.

— Это невозможно! — протестовал человек в желтом. — Вам не место в этой мясорубке. Вы должны быть здесь.

Он подробно объяснил, почему это невозможно, и указал комнату, где Грэхэм должен ждать.

— Мы должны знать, где вы находитесь. Каждую минуту может наступить кризис, и нам понадобится ваше присутствие и ваше решение.

Комната была роскошно отделана, там были установлены новейшие аппараты и разбитое зеркало, которое раньше соединялось с зеркалами Вороньего Гнезда. Грэхэму хотелось, чтобы Элен осталась с ним.

Он живо представлял себе ужасную борьбу, кипевшую среди развалин. Но он ничего не увидит. Он должен ждать в уединении. Только после полудня ему сообщили о сражении, невидимом и неслышном, происходившем в четырех милях от него, у Рохэмптонского аэродрома. Странная, небывалая, беспорядочная битва, распадавшаяся на сотни тысяч небольших схваток, среди движущихся улиц и каналов, вдали от солнечного света, при блеске электричества. Не обученные военному делу народные массы, отупевшие от подневольного труда, обессиленные двухвековым рабством, сражались с деморализованной, распущенной аристократией. Ни у тех, ни у других не было артиллерии и никакого оружия, кроме небольшого зеленого металлического карабина. По приказанию Острога, когда он действовал против Белого Совета, это оружие было тайно изготовлено и роздано в большом количестве рабочим. Но немногие умели обращаться с ним. Большинство не умело стрелять или же явилось без зарядов. Более беспорядочной стрельбы еще не было в истории войн! Это было сражение неопытных добровольцев, ужасная бойня. Восставшие, вдохновляемые словами и пением революционного гимна, испытывая единодуш-

ный порыв, сражались с такими же неопытными противниками, бросались бесчисленными толпами в коридоры улиц, к испорченным лифтам, на галереи, скользкие от крови, в залы, наполненные дымом, под летные площадки и на опыте знакомились, когда отступление было отрезано, с ужасами древних войн. Сверху на ясном небе выделялись фигуры отдельных стрелков на кровле и клубы пара, которые к вечеру сгустились и потемнели. У Острога, по-видимому, не было бомб, и аэропилы сначала не принимали участия в сражении. Ни одно облачко не омрачало сияющей небесной пустыни, которая точно застыла в ожидании аэропланов.

Об их приближении сообщали из разных портов Средиземного моря, а затем с юга Франции. Но о новых пушках, отлитых по приказанию Острога и спрятанных в городе, Грэхэм ничего не узнал, несмотря на все свои старания, так же как и о ходе сражения около летных площадок. Секции рабочих обществ одна за другой извещали, о том, что они выступили в поход и затем исчезали внизу, в лабиринте боя. Что происходило там? Даже самые деятельные вожди отдельных районов ничего не знали об этом. Несмотря на беспрерывное хлопанье дверьми, доклады о ходе сражения, на

звон и трескотню приборов, Грэхэм чувствовал себя одиноким и томился бездеятельностью.

Его уединение казалось ему самым странным и неожиданным из всего, что ему пришлось пережить после своего пробуждения. Это походило на пассивное состояние, в какое впадаешь во сне. Грандиозная борьба за мир между ним и Острогом — и эта тихая маленькая комната с приемниками, звонками, всевозможными приборами и разбитым зеркалом!

Вот закрывается дверь, и они с Элен остаются одни, отделенные от этой небывалой мировой бури, бушующей снаружи, и занятые только друг другом! Внезапно распахивается дверь, и входит посланный с докладом, или раздается резкий звонок, точно ураган внезапно распахивает окно в уютном, светлом доме. Их обоих вдруг захватывает лихорадочная напряженность, ярость и упоение борьбой. Они с головой ушли в созерцание этой грандиозной схватки. Даже сами себе они казались нереальными, какими-то бесконечно маленькими. Единственной реальностью были город, который ревел и сотрясался там, внизу, отчаянно защищаясь, и аэропланы, неуклонно стремившиеся к нему через воздушные пространства.

Они почувствовали безграничное доверие друг к другу. Они гордились друг другом и теми великими событиями, участниками которых они были. Сперва он шагал по комнате, гордый своей ролью. Но постепенно в его сознание стала закрадываться мысль о неизбежности поражения. Они уже долгое время оставались одни.

Он переменил тему разговора, стал говорить о себе, о своем удивительном сне, о живости своих воспоминаний, отдаленных, но все же отчетливых, точно предметы, рассматриваемые в перевернутый бинокль, о своих желаниях и заблуждениях, о своей прежней жизни. Она говорила мало, хотя волнение отражалось на ее лице и в голосе; казалось, она понимала его с полуслова. Отогнав воспоминания, он подумал о героизме, который она старалась внушить ему.

— Да, — сказал он, — все вело меня к этой судьбе, к этому великому наследию, о котором я никогда не мечтал!

От разговоров о революционной борьбе они незаметно перешли к вопросу об их личных отношениях. Он начал расспрашивать ее. Она рассказала ему о днях, предшествовавших его пробуждению, о своих девических мечтах, о волнении, вызванном его пробуждением. Со-

общила об одном трагическом происшествии, обострившем в ней сознание несправедливости и заставившем ее задуматься о страданиях народа.

На несколько минут они забыли о великом бое и всецело отдались своим личным чувствам. Но разом опомнились, как только явились посланные с известием, что флотилия аэропланов пронеслась над Авиньоном. Грэхэм посмотрел на хрустальный диск в углу и убедился в точности этого сообщения. Затем он прошел в географический кабинет, чтобы на карте определить расстояние между Авиньоном, Нью-Араваном и Лондоном. Он быстро произвел вычисления и направился в комнату начальников районов.

Он хотел расспросить их о ходе сражения за аэродромы, но не нашел никого и вернулся к Элен.

Выражение лица его изменилось. Ему пришло в голову, что борьба, пожалуй, наполовину окончена. Войска Острога крепко держатся, и прибытие аэропланов может вызвать панику и погубить все дело. Случайная фраза в сообщении внушила ему мысль о надвигающейся грозной опасности. Эти реющие в воздухе гиганты несут тысячи полудиких негров и готовятся обрушить на город смертельный удар. Энтузиазм его сразу

остыл. Грэхэм опять вошел в соседнюю комнату и застал там двух начальников районов. Зал Атласа опустел.

Грэхэму показалось, что они взволнованы, и его охватило мрачное раздумье.

Элен с тревогой взглянула на него, когда он вошел.

— Никаких известий, — сказал он с напускным спокойствием в ответ на ее вопросительный взгляд. Потом добавил: — Или, вернее, дурные известия. Наши дела идут неважно. Мы не продвигаемся вперед, а аэропланы все приближаются!

Пройдясь по комнате, он повернулся к ней и сказал:

— Если мы не захватим летные площадки, то дело кончится скверно. Мы будем разбиты!

— Нет! — воскликнула она. — За нас справедливость, за нас народ. За нас сам Бог!

— На стороне Острога дисциплина, точный план… Знаете, что я пережил, когда услышал, что аэропланы приближаются? Я испытал такое чувство, как будто сражаюсь с какой-то фатальной механической силой.

Она с минуту молчала, потом проговорила:

— Мы поступили правильно.

Он посмотрел на нее с сомнением.

— Мы сделали все, что могли. Но что от нас зависит? Не возмездие ли это за грехи отцов?

— Что вы хотите сказать? — спросила она.

— Эти чернокожие — дикари, они подчиняются только силе, и ими пользуются как силой. Они находились под властью белых в течение двухсот лет, и вот теперь мы несем расплату за это. На белых лежит грех, и вот расплата за него.

— Но рабочие, лондонские бедняки?.. Разве это их вина?..

— Они страдают за чужие грехи. Допускать зло — значит нести за него ответственность.

Она пристально поглядела на него, лицо ее выражало удивление.

Послышался резкий звонок, шум шагов и звук фонографа, передающего послание.

Вошел человек в желтом.

— Ну что? — спросил Грэхэм.

— Они над Виши.

— Куда ушла стража из зала Атласа? — внезапно спросил Грэхэм.

Снова раздался звонок Говорящей Машины.

— Мы бы еще могли победить, — сказал человек в желтом, подходя к машине, — если б только знали, куда припрятал Острог пушки. Все зависит

от этого. Быть может…

Грэхэм подошел вместе с ним к машине и услышал, что аэропланы достигли Орлеана.

Он вернулся к Элен.

— Ничего нового, — успокаивал он, — ничего нового…

— И мы ничего не можем сделать?

— Ничего!

Он нетерпеливо прошелся по комнате, и его охватил гнев, как это часто с ним случалось.

— Будь проклят этот дьявольски сложный мир со всеми его изобретениями!.. — воскликнул он. — Умереть, словно крыса в ловушке, даже не увидев врага! О, если бы одним ударом!..

Он вдруг спохватился и, отвернувшись, сказал:

— Как это глупо! Я просто дикарь!

Он опять прошелся по комнате, потом остановился.

— В конце концов Лондон и Париж — только два города! Восстание же охватило весь умеренный пояс. Что из того, если Лондон погибнет и Париж будет разрушен? Это только эпизоды борьбы.

Снова звонок, и он вышел узнать новости. Вернулся еще более мрачным и сел рядом с нею.

— Конец близок, — сказал он. — Народ борется и погибает десятками тысяч. Окрестности

Рохэмптона похожи на выкуренный пчелиный улей. И все они погибли напрасно. Они все еще находятся внизу, под аэродромами. Аэропланы же около Парижа. Даже если б мы одержали победу, все равно не успели бы ею воспользоваться. Пушки, которые могли бы спасти нас, куда-то запрятаны. Запрятаны… Какой ужас, какое безумие — восстать и не иметь оружия! О, хотя бы один аэропил… только один! Я побежден, потому что у меня его нет. Человечество побеждено, и наше дело проиграно! Мое правление, мое безумное правление продлится не дольше этой ночи!.. И это я поднял народ на восстание!..

— Он все равно восстал бы.

— Сомневаюсь. Но я явился и…

— Нет! — вскричала она. — Этого не будет! Если произойдет сражение, если вы умрете… Но этого не может быть, не может быть после стольких лет!..

— Да, мы хотели добра! Но… неужели вы в самом деле верите?..

— Если даже они победят вас, то останутся ваши слова! — воскликнула она. — Ваши слова облетели весь мир, зажгли пламя свободы… Пусть это пламя временно померкнет, никто не может вернуть сказанного слова! Ваше обращение раз-

несется…

— Но к чему?.. Может быть, и так… Может быть. Вы помните, что я сказал, когда вы мне говорили обо всем этом?.. Ведь прошло всего несколько часов! Я сказал, что у меня нет вашей веры. Впрочем… теперь уже все равно…

— У вас нет моей веры? Что вы хотите сказать?.. Вы жалеете об этом?

— Нет, о нет! — воскликнул он горячо. — Видит бог — нет!

Голос его дрогнул.

— Но… мне кажется… я поступил неосторожно. Я мало знал… я слишком поспешил.

Он молчал. Ему было стыдно своего признания.

— Но зато я узнал вас! Через эту бездну времен я пришел к вам. Возврата назад нет — что сделано, то сделано. Зато вы…

Он молчал, пытливо глядя ей в глаза.

Поступило сообщение, что аэропланы показались над Амьеном.

Она прижала руку к сердцу, и губы ее побелели. Она смотрела перед собой широко раскрытыми глазами, точно видела что-то ужасное. И вдруг выражение лица ее изменилось.

— Но я была искренна! — воскликнула она. —

Да, я всегда была искренна! Я любила мир и свободу. Я всегда ненавидела жестокость и насилие.

— Да-да, — согласился он. — Мы сделали то, что должны были сделать. Мы выполнили свой долг! Мы подняли восстание! Но теперь… теперь, когда, быть может, приходит наш последний час, теперь, когда все великое уже сделано…

Он остановился.

Она молчала. Лицо ее побледнело.

Они не слышали криков и беготни, поднявшейся в здании.

Вдруг Элен вздрогнула и стала прислушиваться.

— Что это? — воскликнула она и вскочила; она еще боялась поверить радостной новости.

Грэхэм насторожился. Металлические голоса кричали: «Победа!»

Да, это была победа! Он тоже вскочил, и луч робкой надежды блеснул в его глазах.

В комнату, быстро отдернув портьеры, вбежал человек в желтом, растрепанный и дрожащий от волнения.

— Победа! — кричал он. — Победа! Народ побеждает. Люди Острога отступают.

— Победа? — переспросила Элен. Голос ее про-

звучал как-то глухо и резко.

— Что произошло? — спросил Грэхэм. — Говорите скорей. Что?

— Мы вытеснили их из нижних галерей в Норвуде, Стритхэм горит, весь в огне, а Рохэмптон наш… наш!.. И мы захватили один аэропил.

Секунду Грэхэм и Элен стояли молча. Сердца их учащенно бились, и они смотрели друг на друга. На мгновение у Грэхэма мелькнула мечта о владычестве над миром, о любви и счастье. Блеснула и погасла.

Раздался звонок.

Из комнаты начальников районов вышел взволнованный седой человек.

— Все кончено! — крикнул он. — Что из того, что Рохэмптон в наших руках! Аэропланы уже в Булони.

— Ла-Манш! — сказал человек в желтом и быстро сделал подсчет. — Через полчаса…

— В их руках еще три аэродрома, — сказал седой человек.

— А пушки! — воскликнул Грэхэм.

— Мы не можем их расставить за полчаса.

— Значит, они найдены?

— Да, но слишком поздно, — сказал старик.

— Если б можно было задержать их на час! —

воскликнул человек в желтом.

— Теперь их уже ничто не остановит, — сказал старик. — У них сто машин в первой эскадрилье.

— Задержать на час? — переспросил Грэхэм.

— Подумать только! — сказал старик. — Ведь пушки у нас в руках. Подумать только! Если бы мы могли расставить их на кровле!

— А сколько времени это займет? — вдруг спросил Грэхэм.

— Не меньше часа.

— Слишком поздно, — твердил старик, — слишком поздно.

— Так ли это? — сказал Грэхэм. — А что, если… На один час!

Внезапно у него блеснула мысль. Он старался говорить спокойно, но лицо его было бледно.

— У нас есть еще один шанс. Вы сказали, что захвачен аэропил…

— На летной площадке в Рохэмптоне, сир.

— Поврежден?

— Нет. Он криво стоит на рельсах; его можно поставить как следует, но у нас нет аэронавта.

Грэхэм посмотрел на обоих начальников, потом на Элен и, помолчав, спросил:

— У нас нет аэронавтов?

— Ни одного.

— Аэропланы неповоротливы по сравнению с аэропилом, — сказал Грэхэм задумчиво.

Вдруг он повернулся к Элен. Он принял решение.

— Я сделаю это.

— Что?

— Пойду на летную площадку, к этому аэропилу.

— Что вы задумали?

— Я ведь тоже аэронавт. Недаром же я потерял время.

Он повернулся к человеку в желтом.

— Пусть поставят аэропил.

Человек в желтом колебался.

— Что вы затеяли? — воскликнула Элен.

— Нужно воспользоваться этим аэропилом.

— Неужели вы хотите?..

— Сразиться с ними в воздухе. Я об этом уже думал. Аэроплан неповоротлив, а смелый человек…

— Но еще не было примера в авиации… — начал человек в желтом.

— Потому что не представлялось случая, — перебил его Грэхэм. — А теперь такой случай представился. Скажите им… передайте мое приказание: пусть поставят аэропил на рельсы.

Старик молча взглянул на человека в желтом, потом кивнул головой и поспешно вышел.

Элен подошла к Грэхэму. Она была бледна.

— Как! Один! Ведь вы погибнете!

— Все может быть. Но если не сделать этого… или заставить другого…

Он замолчал, он не мог говорить и только сделал решительный жест рукой.

Они молча смотрели друг на друга.

— Вы правы, — сказала она тихо, — вы правы. Если это можно сделать… вы должны идти!

Он сделал шаг к ней. Она отступила, и на ее бледном лице отразилась внутренняя борьба.

— Нет! — прошептала она, задыхаясь. — Я не могу больше… Идите!..

Он растерянно протянул к ней руки. Она судорожно сжала их и воскликнула:

— Идите… Идите!..

Он медлил и вдруг все понял. Он заломил руки. У него не хватало слов.

Он быстро пошел к выходу. Человек в желтом бросился к дверям, но Грэхэм опередил его. Он прошел через помещение, где начальник района по телефону передавал приказание поставить аэропил на рельсы.

Человек в желтом нерешительно взглянул

на неподвижную Элен и поспешил вслед за Грэхэмом.

Грэхэм не оборачивался и не говорил ни слова, пока не опустился занавес, отделявший зал Атласа от вестибюля. Потом повернулся, его бескровные губы шевельнулись — он отдал краткое приказание.

Глава XXIV
Налет аэропланов

Двое рабочих в синей форме лежали среди развалин захваченной Рохэмптонской летной станции, держа карабины в руках и всматриваясь в темневший вдали соседний аэродром — Уимблдон-парк. Время от времени они перебрасывались словами. Говорили они на испорченном английском языке своего класса и эпохи. Стрельба из укреплений приверженцев Острога постепенно стихала и скоро прекратилась. Неприятель почти не показывался. Однако отзвуки сражения, происходившего глубоко внизу, в подземных галереях станции, доносились иногда, смешиваясь с беспорядочной перестрелкой, которую вели революционеры. Один из рабочих рассказывал другому, как он увидел внизу человека, который пробирался, прячась за грудой балок, и уложил его на месте метким выстрелом.

— Еще до сих пор лежит там, — сказал стрелок. — Видишь синее пятно? Там… между балками.

Неподалеку от них лежал навзничь мертвый

иностранец. На синей его блузе чернела небольшая круглая дырка от пули, попавшей ему в грудь; по краям дырки тлела материя. Рядом сидел раненый с перевязанной ногой и равнодушно смотрел, как медленно тлеет блуза. Позади них поперек платформы лежал захваченный аэропил.

— Я что-то не вижу его! — сказал другой рабочий, подзадоривая товарища.

Стрелок обиделся и стал громко с ним спорить. Вдруг снизу донеслись крики и шум.

— Что там такое? — воскликнул он, приподнявшись на локте и всматриваясь в площадку лестницы, находившуюся посредине платформы.

Множество людей в синем поднималось по лестнице и густой толпой направлялось к аэропилу.

— Зачем пришли сюда эти дураки? — сердито воскликнул его товарищ. — Толпятся здесь и только мешают стрелять. Что им нужно?

— Ш-ш!.. Они что-то кричат.

Оба прислушались. Толпа окружила аэропил. Три начальника районов в черных мантиях со значками вошли внутрь аэропила и взобрались наверх. Бойцы окружили аппарат, дружно при-

подняли его и начали устанавливать на рельсы.

Стрелок привстал на одно колено и с удивлением заметил:

— Они ставят его на рельсы… Вот зачем они пришли.

Он вскочил на ноги, его товарищ последовал его примеру.

— Зачем?! — воскликнул он. — Ведь у нас нет аэронавтов!

— А ведь они все-таки готовят его к полету, — сказал другой стрелок.

Он взглянул на свое оружие, на бойцов, сгрудившихся вокруг аэропила, вдруг обернулся к раненому и, передавая ему карабин и пояс с патронами, сказал:

— Побереги это, товарищ!

Через минуту он уже бежал к аэропилу. Добрую четверть часа он трудился как каторжный, обливаясь по́том, крича и подбадривая товарищей, и радостными возгласами вместе с толпой приветствовал окончание работы.

Он узнал то, что уже каждый знал в городе. Правитель, хотя и новичок в летном деле, хочет сам полететь на этой машине и идет сюда, не разрешая никому заменить себя.

«Тот, кто подвергается наибольшей опасности

и берет на себя самое тяжкое бремя, тот и есть настоящий правитель!» — вот подлинные слова Правителя.

Стрелок с всклокоченными волосами и мокрым от пота лицом кричал во все горло. Но его крик потонул в реве толпы; издали доносились мощные, все нараставшие звуки революционного гимна.

Все расступились, и он увидел людской поток на лестнице.

— Правитель идет! Правитель идет! — кричала толпа.

Давка вокруг него усиливалась. Стрелок постарался протиснуться поближе к входу в центральный подземный туннель.

— Правитель идет!.. Спящий!.. Хозяин!.. Наш бог и повелитель! — ревела толпа.

Вдруг показались черные мундиры революционной гвардии, и стрелок в первый и последний раз увидел вблизи Грэхэма. Высокий смуглый человек в развевающейся черной мантии, с бледным энергичным лицом и напряженным взглядом. Он, казалось, ничего не видел и не слышал и шел, поглощенный своими мыслями…

Стрелок навсегда запомнил бескровное лицо Грэхэма. Через минуту лицо это скрылось в толпе.

Какой-то подросток, весь в слезах, налетел на стрелка, отчаянно протискиваясь к лестнице и крича:

— Очистите дорогу аэропилу!

Резкий звон колокола подал сигнал толпе очистить летную станцию.

Грэхэм подошел к аэропилу, и на него упала тень от наклоненного крыла. Окружающие хотели сопровождать его, но он жестом остановил их. Он припоминал, как надо приводить в движение машину. Колокол звонил все громче и громче, и толпа стала поспешно отступать. Человек в желтом помог ему подняться в машину. Грэхэм взобрался на сиденье аэронавта и предусмотрительно привязал себя. Но что это? Человек в желтом показал ему на два аэропила, взлетевших в южной части города. Очевидно, они поднялись навстречу приближающимся аэропланам.

Самое трудное — это взлететь. Ему что-то кричали, о чем-то спрашивали, предостерегали. Но это только мешало ему. Он хотел сосредоточиться, припомнить свои недавние уроки авиации. Он махнул рукой и увидел, что человек в желтом скользнул между ребрами аэропила и скрылся и что толпа, повинуясь его жесту, подалась назад, за линию стропил.

Несколько секунд он сидел неподвижно, рассматривая рычаги, колесо, включавшее мотор, весь сложный механизм аэропила, который он знал так плохо. Он взглянул на ватерпас; воздушный пузырек находился прямо против него. Тут он вспомнил что-то и потратил несколько секунд на то, чтобы подать машину вперед, пока воздушный пузырек не оказался в центре трубки. Он заметил, что толпа притихла; криков больше не было слышно. Должно быть, она наблюдала за ним. Вдруг пуля ударилась в брус у него над головой. Кто это стреляет? Свободен ли путь? Он встал, чтобы посмотреть, и снова сел.

Внезапно пропеллер завертелся, и машина покатилась вниз по рельсам. Грэхэм схватился за руль и дал машине задний ход, чтобы приподнять нос.

Толпа закричала. Грэхэм почувствовал содрогание машины. Крики сменились молчанием. Ветер ударил в стекло, и земля быстро стала уходить вниз.

Тук, тук, тук! Тук, тук, тук! Он поднимается все выше. Он совершенно спокоен и действует хладнокровно. Он поднял немного нос аэропила, открыл клапан в левом крыле и, описав дугу, взлетел еще выше.

Грэхэм спокойно посмотрел вниз, потом вверх. Один из аэропилов Острога пересекал линию его полета под острым углом, сверху вниз. Крошечные аэронавты, очевидно, наблюдали за Грэхэмом.

Что они затевают? Мысль Грэхэма энергично работала. Он заметил, что один из аэронавтов поднял оружие, очевидно готовясь стрелять. Почему они хотят помешать ему? Вдруг он понял их тактику и принял решение. Медлить больше нельзя. Он открыл два клапана в левом крыле, сделал круг и, закрыв клапаны, ринулся прямо на врага, защищаясь от выстрелов носовой частью и ветровым щитом. Они свернули в сторону, как будто давая ему дорогу. Он круто поднял аэропил.

Тук, тук, тук — пауза; тук, тук, тук. Он стиснул зубы, лицо его исказилось судорогой. Трах! Он протаранил сверху крыло вражеского аэропила. Крыло, казалось, расширилось от удара, потом медленно скользнуло вниз и скрылось из виду.

Грэхэм почувствовал, что нос аэропила опускается. Он схватился за рычаги, стараясь выровнять машину. Новый толчок — и нос опять круто поднялся кверху. На мгновение ему показалось, что он лежит на спине. Аэропил раскачивался,

словно танцуя на месте. Грэхэм налег изо всех сил на рычаги, и наконец ему удалось подать машину вперед. Аэропил поднимался, но уже не так круто.

Передохнув, Грэхэм опять налег на рычаги. Ветер свистел вокруг него. Еще одно усилие — и аэропил выровнялся.

Теперь он мог передохнуть. Он оглянулся, желая узнать, что сталось с его противниками. Повернувшись на секунду спиной к рычагам, начал осматриваться. Сначала ему показалось, что враги его исчезли. Но потом он заметил между двумя аэродромами на востоке провал вроде колодца. Туда что-то быстро падало, точно шестипенсовая монетка.

Сначала он не понял, а потом его охватила дикая радость. Он закричал и стал подниматься все выше, в небо. Тук, тук, тук — пауза; тук, тук, тук.

«А где же другой аэропил? — мелькнуло у него в голове. — Они тоже…»

Он снова осмотрелся, боясь, что эта машина поднялась над ним, но вскоре заметил, что она опустилась на Норвудский аэродром. Очевидно, аэронавты готовились только к стрельбе и не хотели быть протараненными и ринуться вниз головой с высоты двух тысяч ярдов — такая от-

чаянная храбрость, вероятно, пришлась им не по вкусу. Они уклонились от боя.

Грэхэм покружился на высоте, затем, круто снизившись, направился к западному аэродрому. Тук, тук, тук. Тук, тук, тук… Начало смеркаться. Дым, поднимавшийся над Стритхэмским аэродромом, раньше густой и черный, превратился в столб пламени. Сети движущихся улиц, прозрачные крыши, купола и проходы между зданиями мягко сияли электрическим светом в закатных лучах.

Три аэродрома приверженцев Острога (Уимблдон-парк был им бесполезен вследствие обстрела из Рохэмптона, а Стритхэм пылал в пожаре) зажгли сигналы для аэропланов.

Пролетая над Рохэмптоном, Грэхэм увидел темневшие внизу толпы людей. До него донеслись радостные крики, и он услышал свист пуль, долетавших из Уимблдона. Поднявшись выше, он полетел над холмами Сэррея.

Подул юго-западный ветер. Грэхэм поднял западное крыло и взвился кверху, в более разреженную атмосферу.

Тук, тук, тук, тук, тук, тук…

Он поднимался все выше и выше под ритмический пульс машины. Земля внизу стала туманной

и неясной, а Лондон превратился в карту с огненными точками, в маленькую модель города почти на самом краю горизонта. Юго-западная часть неба блестела сапфиром над темной землей, загорались все новые звезды.

Но что это? На южной стороне, далеко внизу, показались две светящиеся точки, они быстро приближались, затем еще две и, наконец, целая эскадрилья быстро несущихся призраков. Грэхэм начал считать. Их было двадцать четыре. Передовая эскадрилья аэропланов. Сзади виднелась вторая линия.

Грэхэм описал полукруг, всматриваясь в приближающийся воздушный флот. Треугольник гигантских мерцающих призраков летел сравнительно невысоко над землей. Грэхэм быстро вычислил их скорость и повернул колесо, откатывавшее машину вперед. Он нажал на рычаг, и стук машины прекратился. Он начал падать вниз все быстрее и быстрее. Он целил прямо в вершину клина и падал вниз камнем, со свистом рассекая воздух. Через секунду он уже врезался в ведущий аэроплан.

Ни один из чернокожих пассажиров не заметил грозящей опасности и даже не подозревал, что над ними парит коршун, готовый ринуться на

них с высоты. Те, кто не страдал от воздушной болезни, вытягивали шею, чтобы лучше рассмотреть беззащитный город, расстилавшийся внизу, в тумане, богатый и блестящий, который «масса Острог» отдал им на разграбление. Белые зубы сверкали, и черные лица лоснились. Они уже слышали о разгроме Парижа и собирались расправиться с «беднягами-белыми». И вдруг Грэхэм протаранил аэроплан.

Он метил в корпус аэроплана, но в последний момент у него промелькнула счастливая мысль. Он свернул в сторону и с налета врезался в край правого крыла. Аэропил отбросило назад, и нос его скользнул по гладкой поверхности крыла аэроплана. Грэхэм почувствовал, что огромная машина мчится, увлекая аэропил. Но сразу не понял, что случилось. Потом услыхал тысячеголосый крик и увидел, что его машина балансирует на краю громадного крыла аэроплана и скользит вниз. Взглянув через плечо, он увидел, что корпус аэроплана и противоположное крыло поднимаются кверху. Перед ним промелькнули ряды сидений, испуганные лица, руки, судорожно цепляющиеся за тросы. В крыле были открыты клапаны, — очевидно, аэронавт пытался выровнять машину. Второй аэроплан круто взмыл

вверх, чтобы избегнуть воздушного водоворота от падения гигантской машины. Широкие крылья взметнулись ввысь. Грэхэм почувствовал, что аэропил высвободился, а чудовищное сооружение, перевернувшись в воздухе, повисло над ним, как стена.

Грэхэм не сразу понял, что пробил крыло аэроплана и соскользнул с него; он заметил, что падает вниз, быстро приближаясь к земле. Что он сделал? Сердце его стучало, как мотор, и несколько гибельных секунд руки были парализованы, и он не мог двинуть рычагом. Потом он налег на рычаги, чтобы подать машину назад. Поборовшись несколько секунд с тяжестью аппарата, он все же заставил его выровняться и распластаться почти горизонтально. Тогда он пустил мотор.

Он посмотрел вверх и обнаружил, что два аэроплана парят высоко над ним; обернулся назад и увидал, что эскадрилья разлетелась в разные стороны, а протараненный аэроплан падает носом вниз и вонзается гигантским лезвием в колеса ветряных двигателей.

Он опустил корму и стал снова осматриваться, не заботясь о направлении полета. Он увидал, как раздались лопасти ветряных двигателей и огромная машина, перевернувшись колесами вверх,

грохнулась на землю. Крылья расплющились, корпус разбился вдребезги. Тук, тук, тук — пауза!

Вдруг из груды развалин взлетел к небу тонкий язычок белого пламени. Тотчас же Грэхэм заметил, что к нему устремилось второе крылатое чудовище. Он взвился кверху и избежал нападения аэроплана, который со свистом пролетел внизу; образовавшийся вихрь увлек за собой аэропил и едва не перевернул его.

Грэхэм заметил, что три других аэроплана несутся прямо на него. Он понял, что ему необходимо таранить их сверху. Аэропланы, казалось, опасались его и описывали широкие круги. Они пролетали над ним, под ним, справа и слева. Где-то далеко на западе раздался взрыв, и к небу взвилось яркое пламя.

С юга приближалась вторая эскадрилья. Грэхэм поднялся выше. Аэропланы летели под ним, но несколько мгновений Грэхэм сомневался, достаточно ли высоко он взлетел. Затем обрушился на вторую жертву, и черные солдаты видели его приближение.

Огромная машина накренилась и закачалась в воздухе, обезумевшие от страха люди кинулись к корме за оружием. Засвистели пули, и толстое защитное стекло перед сиденьем лопнуло.

Аэроплан замедлил полет и начал снижаться, пытаясь уклониться от удара, но взял слишком низко. Грэхэм вовремя заметил ветряные двигатели на холмах Бромлея, несшиеся к нему навстречу, и, увернувшись, взмыл ввысь. В этот миг менее поворотливый аэроплан налетел на двигатели. Послышался тысячеголосый вой. Огромная машина врезалась в колеса ветряных двигателей и разбилась на куски, как раздавленная раковина. Обломки разлетелись во все стороны. Ослепительное пламя взметнулось в темнеющий небосвод.

— Два! — крикнул Грэхэм, когда услышал грохот взрыва, и снова приготовился таранить.

Теперь его всецело захватила грандиозная борьба. Все сомнения его исчезли; он верил в светлое будущее человечества. Он боролся и был упоен сознанием своей силы. Аэропланы рассеялись в разные стороны, явно избегая его, и порой до него доносились крики их пассажиров. Он наметил третью жертву, ринулся на нее и ударил в крыло. Аэроплан метнулся в сторону и разбился о выступ лондонской стены. После этого столкновения Грэхэм пролетел так низко над потемневшей землей, что заметил даже зайца, в испуге метавшегося по холму. Затем взмыл

кверху и пронесся над южной частью Лондона. Небо было пустынно. Только взлетали справа ракеты приверженцев Острога, подававших тревожные сигналы. Где-то на юге пылало несколько аэропланов, потерпевших крушение. К востоку, западу и северу улетали от него аэропланы. Они разлетались во все стороны, им более нельзя было здесь оставаться. Порядок уже невозможно было восстановить, и дальнейшие воздушные операции грозили бы катастрофой.

Грэхэм не сразу поверил, что он оказался победителем. Аэропланы отступали. Да, они отступали, они все уменьшались и уменьшались. Они улетали!

Он пролетел на высоте в двести футов над Рохэмптонским аэродромом. Там чернели толпы народа, и до него донеслись восторженные крики. Но почему в Уимблдон-парке тоже толпы и стоит такой гул? Дым и пламя, взлетавшие над Стритхэмом, заслоняли три остальных аэродрома.

Грэхэм поднялся повыше и описал круг, чтобы посмотреть, что делается на этих аэродромах и в северных кварталах. Сперва из мрака выступили освещенные квадраты Шутерс-хилла, где аэропланы высаживали негров. Затем показался Блэкхиз и выступил из клубов дыма Норвуд. В Бл-

экхизе не приземлилось ни одного аэроплана, но на платформе стоял аэропил. В Норвуде чернела волнующаяся толпа.

Что случилось? Вдруг он понял. Отчаянная защита летной станции, очевидно, была сломлена, и народ ринулся в подземные пути, ведущие к этим последним твердыням Острога. С северной окраины Лондона донесся торжественный, победный гул, раскатывающийся над городом, — выстрелила пушка.

Губы Грэхэма дрогнули, лицо вспыхнуло, он глубоко вздохнул и крикнул в пустынное небо:

— Они побеждают! Народ побеждает!..

В ответ на его крик грянул второй выстрел. Грэхэм заметил, что находившийся в Блэкхизе аэропил скользнул по платформе и круто поднялся вверх: повернув к югу, он вскоре скрылся.

Грэхэм понял, что это значит: Острог спасается бегством!

Тут он вскрикнул и бросился в погоню. Он быстро поднялся и сверху ринулся на врага. Но аэропил Острога круто взмыл кверху при его приближении, и Грэхэм промахнулся.

Аэропил Острога, как молния, промелькнул перед ним, и Грэхэм пролетел вниз. Неудача разозлила его. Он отвел машину назад и стал круто

подниматься, описывая круги. Аэропил Острога летел вперед штопорным полетом. Грэхэм снова поднялся и быстро нагнал его. Аэропил Острога летел медленнее: там сидели двое.

Пролетая мимо, Грэхэм успел разглядеть своих врагов. Лицо аэронавта было спокойно и сосредоточенно, в чертах Острога застыла мрачная решимость. Острог отвернулся и смотрел куда-то в сторону — на юг. Грэхэму стало стыдно за свою неловкость. Внизу он разглядел возвышенность Кройдона. Он взмыл еще выше и вторично опередил своих врагов.

Он оглянулся, и внимание его было отвлечено другим. Восточная станция на Шутерс-хилле вдруг взлетела на воздух в языках пламени и окуталась дымовой завесой. Несколько мгновений она, казалось, висела неподвижно, выбрасывая из своих недр огромные металлические глыбы, затем клубок дыма начал разматываться. Народ взорвал станцию со всеми аэропланами. Снова вспышка пламени и туча дыма — это взлетела Норвудская станция. Вдруг Грэхэм ощутил сотрясение. Волна взрыва ударила в аэропил и отбросила его в сторону. Аэропил стал падать носом вниз и закачался, как бы собираясь перевернуться. Стоя у защитного стекла, Грэхэм изо всех сил

налег на рычаг. Волна второго взрыва отшвырнула машину в сторону. Грэхэм вцепился в тросы, между которыми свистел ветер, ударяя вниз. Казалось, аэропил неподвижно повис в воздухе. Тут Грэхэм понял, что он падает. Да, несомненно, падает. Ему страшно было взглянуть вниз.

Перед ним мгновенно промелькнуло все, что произошло со дня его пробуждения: дни сомнений, дни его власти и, наконец, холодное предательство Острога.

Он погиб, но Лондон спасен. Лондон спасен!

Все показалось ему сном. Кто же он в самом деле? Почему он так крепко держится за тросы? Разве нельзя разжать пальцы? Бесконечный сон сразу оборвется, и он пробудится.

Мысли проносились с быстротой молнии в его голове. Он удивился, почему он не сможет снова увидеть Элен. Какая это нелепость, что он ее не увидит! Да, это, несомненно, сон. Он, конечно, еще увидит ее. Она одна — не сон, а реальность. Он проснется и увидит ее.

И хотя он не смел заглянуть вниз, но чувствовал, что земля уже близко…

1899

Первые люди на Луне

Три тысячи стадий от Земли до Луны… Не удивляйся, приятель, если я буду говорить тебе о надземных и воздушных материях. Просто я хочу рассказать по порядку мое недавнее путешествие.

«Икароменипп» Лукиана

Перевод М. Зенкевича

Глава I
Мистер Бедфорд встречается с мистером Кейвором в Лимпне

Когда я сажусь писать здесь, в тени виноградных лоз, под синим небом Южной Италии, мне кажется почему-то, что мое участие в необыкновенных приключениях мистера Кейвора было чисто случайным. Несомненно, так это и было. Я впутался в эту историю в то время, когда я меньше всего думал о каких-либо приключениях. Я приехал в Лимпн, считая это место самым тихим и спокойным в мире. «Здесь, во всяком случае, — говорил я себе, — я найду покой и возможность работать».

И в результате — эта книга. Так разбивает судьба все наши планы.

Быть может, здесь уместно упомянуть, что еще недавно мои дела были очень плохи. Теперь, живя в богатой обстановке, даже приятно вспомнить о нужде. Допускаю даже, что до некоторой степени я сам был виновником моих бедствий. Вообще я не лишен способностей, но коммерческие операции не для меня. Но в то время я был

молод и самонадеян; я молод еще и теперь, но после всех пережитых мной приключений стал гораздо серьезней, хотя вряд ли это научило меня благоразумию.

Едва ли нужно вдаваться в подробности спекуляций, в результате которых я попал в Лимпн, в Кенте. Коммерческие дела связаны с риском, и я рискнул. В этих делах все сводится к тому, чтобы отдавать и брать, мне же пришлось в конце концов лишь отдать. Когда я уже почти все ликвидировал, явился неумолимый кредитор. Может быть, вы встречали таких неумолимо добродетельных людей или попадали в их лапы. Он жестоко разделался со мной. Я решил написать пьесу, чтобы не стать на всю жизнь клерком. У меня есть воображение и вкус, и я решил бороться с судьбой. Я верил не только в свои коммерческие способности, но и считал себя талантливым драматургом. Писание пьес казалось мне делом очень выгодным, и это еще более окрыляло меня. Мало-помалу я привык смотреть на эту ненаписанную драму как на запас про черный день. Скоро этот черный день настал, и я засел за работу.

Однако оказалось, что сочинение драмы потребует большего времени, чем я предполагал;

сначала я клал на это дело дней десять; прежде всего необходимо иметь «pied-à-terre»[8], поэтому я и приехал тогда в Лимпн. Мне удалось найти небольшой одноэтажный домик, который я и нанял на три года. Я расставил там кое-какую мебель и решил сам готовить себе еду. Моя стряпня шокировала бы, конечно, миссис Битон, хотя готовил я недурно и с комфортом. У меня были две кастрюли для варки яиц и картофеля, сковородка для сосисок и ветчины и кофейник. Не всем доступна роскошь, но устроиться скромно можно всегда. Кроме того, я запасся восемнадцатигаллонным ящиком пива, — в кредит, конечно, — и отпускающий на веру булочник являлся ко мне ежедневно. Разумеется, устроился я не как сибарит, но у меня бывали и худшие времена. Я немного беспокоился о булочнике, очень славном малом, однако надеялся, что сумею с ним расплатиться.

Без сомнения, для любителей уединения Лимпн — самое подходящее место. Он расположен в глинистой части графства Кент, и мой домик стоял на краю старого приморского утеса, откуда за отмелью Ромни-Марш видно море. В ненастную

---

[8] Примечания: 8
Временное помещение *(фр.)*.

погоду место это почти неприступно, и я слышал, что иногда почтальону приходится перебираться через болота на ходулях. Хотя я не видел сам, но верю этому. Перед дверями лачуг и домишек деревни торчат воткнутые в землю березовые веники для очистки обуви от налипшей глины.

Я думаю, что это место осталось бы необитаемым, если бы не наследие давно минувших времен. Здесь когда-то, в эпоху Римской империи, была большая гавань, Портус Леманис; теперь же море отступило на целые четыре мили. У подножия крутого холма сохранились камни и кирпичи римских построек, и старинная Уотлинг-стрит, до сих пор еще местами замощенная, прямая как стрела, тянется на север.

Я часто стоял на холме и думал о кипевшей здесь некогда жизни, о галерах и легионах, о пленниках и начальниках, о женщинах и торговцах, о спекулянтах вроде меня, о сутолоке и шуме в гавани.

А теперь кучи мусора на заросшем травой скате холма, пара овец да я!

Там, где была гавань, расстилается теперь, вплоть до отдаленного Данджженеса, болотистая равнина с редкими метелками деревьев да церковными башнями старых средневековых

городов, сменивших приморский Леманис.

Вид на болото один из самых красивых, какие мне случалось встречать. Данджене находится отсюда милях в пятнадцати: он кажется плотом в море, а далее к западу виднеются холмы Гастингса. Иногда они отчетливо вырисовываются на горизонте, иногда же бывают подернуты дымкой, и часто в туманную погоду их совсем не видно. Вся равнина исполосована плотинами и канавами.

Окно, у которого я работал, выходило в сторону холмов, и из этого окна я впервые увидел Кейвора. Я корпел над сценарием, стараясь сосредоточиться на трудной работе, и, естественно, Кейвор привлек к себе мое внимание.

Солнце уже закатилось, небо окрасилось в желтый и зеленый цвета, и на фоне заката вдруг появилась темная странная фигурка.

Это был низенький, кругленький, тонконогий человек с порывистыми движениями; костюм его состоял из пальто, брюк и чулок, как у велосипедиста, и шапочки, как у игроков в крикет. Зачем он так нарядился — не знаю, он никогда не ездил на велосипеде и не играл в крикет. Вероятно, это вышло случайно. Он размахивал руками, подергивал головой и жужжал, жужжал, как мотор.

Вы, наверно, никогда не слышали такого жужжания. Иногда он прочищал себе горло, громко откашливаясь.

Недавно прошел дождь, и порывистость его походки усиливалась от скользкой тропинки. Встав прямо против солнца, он остановился, вынул часы и постоял с минуту. Потом судорожно повернулся и поспешно пошел назад, не размахивая больше руками, но широко шагая длинными ногами, которые казались еще уродливей от прилипшей к подошвам глины.

Это случилось как раз в день моего приезда, когда я всецело был поглощен своей пьесой, и я досадовал, что потерял из-за этого чудака пять драгоценных минут. Я снова принялся за работу. Но когда на следующий день явление повторилось с поразительной точностью и стало повторяться регулярно каждый вечер, я уже не мог более сосредоточиться над сценарием. «Это не человек, а какая-то марионетка», — подумал я с досадой, проклиная его от всего сердца.

Скоро досада сменилась удивлением и любопытством. Зачем он это проделывает? На четырнадцатый вечер я не выдержал и, как только незнакомец появился, открыл французское окно, прошел через веранду и направился к тому

месту, где он обычно останавливался.

Когда я подошел, он держал в руке часы. У него было широкое красное лицо с красноватыми карими глазами, — раньше я видел его лишь против света.

— Одну минуту, сэр, — сказал я, когда он повернулся.

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Одну минуту, — промолвил он, — извольте. Если же вы желаете говорить со мной дольше и не будете задавать слишком много вопросов — ваша минута уже прошла, — то не угодно ли вам проводить меня?

— Охотно, — ответил я, поравнявшись с ним.

— Я очень занят. Время для бесед у меня ограничено.

— Вы сейчас прогуливаетесь?

— Да, я прихожу сюда любоваться закатом солнца.

— Не думаю.

— Сэр!

— Вы никогда не смотрите на закат.

— Никогда не смотрю?

— Никогда. Я наблюдал за вами тринадцать вечеров подряд, и ни разу вы не смотрели на закат солнца, ни разу.

Он сдвинул брови, как бы решая какой-то вопрос.

— Все равно я наслаждаюсь солнечным светом, атмосферой, я гуляю по этой тропинке, через те ворота, — он кивнул головой в сторону, — и затем…

— Нет, вы никогда так не ходите. Это неправда. Сегодня вечером, например…

— Сегодня вечером! Я только что взглянул на часы и, увидев, что прошло уже три минуты сверх положенного получаса, решил, что уже поздно гулять, и пошел назад.

— Но вы постоянно так делаете.

Он задумчиво посмотрел на меня.

— Может быть. Я подумаю об этом… Но о чем вы желали поговорить со мной?

— Вот именно об этом.

— Об этом?

— Да, зачем вы это делаете? Каждый вечер вы приходите сюда жужжать.

— Жужжать?

— Вы жужжите вот так.

И я изобразил его жужжание.

Он посмотрел на меня: очевидно, жужжание ему не понравилось.

— Разве я так делаю?

— Каждый вечер.

— Я не замечал. — Он остановился и посмотрел на меня серьезно. — Неужели, — сказал он, — у меня уже образовалась привычка?

— Похоже на то. Не правда ли?

Он оттянул нижнюю губу двумя пальцами и уставился в лужу у своих ног.

— Я все время напряженно думаю, — сказал он. — Хотите знать почему? Уверяю вас, сэр, что я сам не знаю, почему я это делаю, даже не знаю, что делаю это. Вы говорите правду: я никогда не заходил дальше этого поля… И это мешает вам?

Я несколько смягчился.

— Не мешает, — сказал я. — Но вообразите, что вы пишете пьесу.

— Не могу этого вообразить.

— Ну тогда вообразите, что занимаетесь чем-нибудь, что требует сосредоточенности.

— Да, конечно, — сказал он и задумался.

Он казался огорченным, и я смягчился еще больше. К тому же с моей стороны было довольно невежливо требовать от незнакомого человека объяснений, зачем он гуляет в общественном месте.

— Вы видите, — сказал он робко, — это привычка.

— Вполне согласен с вами.

— Я должен это прекратить.

— Зачем же, если это вам нравится. Притом же я не так уж занят, это совсем не обязательно.

— Вовсе нет, — возразил он, — вовсе нет. Я очень обязан вам. Мне следует воздержаться от этого. Я постараюсь. Могу я попросить вас воспроизвести еще раз это жужжание?

— Вот так, — сказал я, — «жужу, жужу»… Но знаете…

— Я очень вам обязан. Действительно, я очень рассеян. Вы правы, сэр, совершенно правы. Да, я вам очень обязан. Это прекратится. А теперь, сэр, я уже увел вас дальше, чем следует.

— Надеюсь, вы не обиделись…

— Нисколько, сэр, нисколько.

Мы посмотрели друг на друга. Я приподнял шляпу и пожелал ему доброго вечера. Он порывисто раскланялся, и мы разошлись.

У изгороди я оглянулся на удалявшегося незнакомца. Его манеры резко изменились: он шел прихрамывая, съежившись. Этот контраст с его оживленной жестикуляцией, с жужжанием почему-то растрогал меня. Я наблюдал за ним, пока он не скрылся из виду, затем поспешно вернулся в домик, к своей пьесе.

Следующие два вечера он не появлялся. Но я думал о нем и решил, что как комический тип чудака он мог бы, пожалуй, войти в мою пьесу. На третий день он зашел ко мне.

Сначала я недоумевал, почему он пришел: он вел безразличный разговор самым официальным образом, затем вдруг перешел к делу. Он желал купить у меня домик.

— Видите ли, — сказал он, — я нисколько не сержусь на вас, но вы нарушили мою старую привычку, мой дневной распорядок. Я гуляю здесь уже много лет — годы! Без сомнения, я жужжал… Вы сделали это невозможным.

Я заметил, что он мог найти другое место для прогулок.

— Нет. Здесь нет другого такого места. Это единственное. Я уже справлялся. И теперь после обеда я не знаю, куда мне идти.

— Ну, дорогой сэр, если это так важно для вас…

— Чрезвычайно важно. Видите ли, я… я — исследователь. Я занят научными изысканиями. Я живу… — Он запнулся. — Вон там, — добавил он, указывая рукой и чуть не попав мне в глаз, — в том доме с белыми трубами, за деревьями. И окружающая меня обстановка ужасна. Я накануне одного из важнейших открытий, уверяю вас,

накануне одного из важнейших открытий, какие когда-либо были сделаны. Для этого нужна сосредоточенность, покой, энергия. И послеобеденное время было для меня наиболее плодотворным, у меня возникали новые идеи, новые точки зрения.

— Но почему же вам не приходить сюда по-прежнему?

— Теперь это совсем не то. Я уже не могу забыться. Я буду думать, что вы отрываетесь от вашей пьесы и следите за мной, и я не смогу сосредоточиться на своей работе… Нет! Мне необходим этот домик.

Я задумался. Конечно, мне нужно взвесить предложение, прежде чем ответить что-либо решительное. Я тогда был вообще склонен к аферам, и продажа показалась мне заманчивой. Но, во-первых, домик был не мой, даже если бы я продал его за хорошую цену, я не смог бы его передать, так как домохозяин пронюхал бы об этой сделке; во-вторых, я был обременен долгами. Очевидно, это было очень щепетильное дело. Кроме того, возможно, что Кейвор сделает какое-нибудь важное открытие, — это также интересовало меня. Мне хотелось расспросить подробнее об его изысканиях — не из корыстных целей, а просто

потому, что я рад был отдохнуть от своей пьесы.

Я начал расспрашивать.

Он оказался словоохотлив, и скоро наша беседа превратилась в монолог. Он говорил как человек, долго сдерживавшийся и наконец прорвавшийся, говорил без умолку почти целый час, и я должен сознаться: слушать его было нелегко. Но все же я был доволен, что нашел предлог не работать. В это первое свидание я мало что понял в его работе. Половина его слов состояла из технических терминов, совершенно для меня непонятных, некоторые же пункты он пояснял мне при помощи элементарной (как он говорил) математики, записывая вычисления чернильным карандашом на конверте. «Да, — говорил я, — да-да... Продолжайте». Тем не менее я убедился, что это не шарлатан. Несмотря на чудаковатый вид, в нем чувствовалась сила. Во всяком случае, из его планов может что-нибудь выйти. Он рассказывал, что у него есть мастерская и три помощника, простых плотника, которых он приспособил к делу. А ведь от мастерской до бюро патентов всего один шаг. Он пригласил меня побывать у него в мастерской, на что я охотно согласился. Продажа моего домика была отложена под благовидным предлогом.

Наконец он собрался уходить, извиняясь за продолжительный визит. Беседа о своей работе, по его словам, для него редкое удовольствие. Не часто приходится встретить такого образованного слушателя, как я. С профессиональными же учеными он не общается.

— Они так мелочны, — жаловался он, — такие интриганы! В особенности когда возникает новая интересная идея… Я не хочу быть несправедливым, но…

Я человек импульсивный и сделал, может быть, необдуманное предложение. Но вспомните, что я сидел в одиночестве в Лимпне над пьесой уже две недели и чувствовал себя виноватым в том, что нарушил его прогулки.

— А почему бы, — предложил я, — не завести вам новой привычки — бывать у меня — вместо старой, которой я помешал? По крайней мере, до тех пор, пока мы не решим вопроса о продаже дома. Вам нужно обдумывать вашу работу, что вы делали всегда во время вашей послеобеденной прогулки. К сожалению, прогулки эти расстроились. Так почему бы вам не приходить ко мне поговорить о вашей работе, пользуясь мною как стеной, в которую вы можете бросать, как мячик, свои мысли и ловить их? Я не настолько сведущ,

чтобы похитить вашу идею, и у меня нет знакомых ученых.

Он задумался. Очевидно, мое предложение ему понравилось.

— Но я боюсь наскучить вам, — сказал он.

— Вы думаете, я настолько туп?

— О нет, но технические подробности…

— Вы очень заинтересовали меня сегодня.

— Конечно, это было бы полезно для меня. Ничто так не выясняет идей, как изложение их другим. До сих пор…

— Ни слова больше, сэр…

— Но можете ли вы уделять мне время?

— Лучший отдых — это перемена занятий, — глубокомысленно проговорил я.

Он согласился. На ступеньках веранды он обернулся и сказал:

— Я вам очень благодарен.

— За что?

— Вы излечили меня от смешной привычки жужжать.

Я ответил, что рад оказать ему хоть такую услугу, и он ушел.

Но, вероятно, поток мыслей, вызванный нашей беседой, вновь увлек его. Он начал размахивать руками. Слабый отзвук его жужжания донесся до

меня по ветру…

Но какое мне до этого дело?

Он явился на другой день и на третий и прочел две лекции по физике, к нашему обоюдному удовольствию. Он говорил с видом ученого знатока об «эфире», о «силовых цилиндрах», о «потенциале тяготения» и тому подобных вещах, а я сидел в другом кресле и повторял: «Да-да, продолжайте, я слежу за вашей мыслью».

Все это было ужасно трудно, но, кажется, он не подозревал, что я его совсем не понимаю. Иногда я готов был раскаяться в своей оплошности, но, во всяком случае, я радовался, что оторвался от этой проклятой пьесы. Подчас я начинал что-то смутно понимать, но мое внимание ослабевало. Я тупо смотрел на него и собирался вывести его в виде центральной комической фигуры в своей пьесе. Затем снова прислушивался.

При первом удобном случае я пошел посмотреть его дом, — довольно большой, небрежно меблированный, без всякой прислуги, кроме трех помощников. Стол его, так же как и частная жизнь, отличался философской простотой. Он пил воду, ел растительную пищу, вел размеренную жизнь. Но обстановка его дома от подвала до чердака походила на лавку какого-нибудь захо-

лустного поселка. Комнаты нижнего этажа были наполнены станками и аппаратами, в пекарне и в котле прачечной горели горны, в подвале помещались динамо-машины, а в саду висел газометр.

Он показывал мне все это с доверчивостью и экспансивностью человека, долго жившего в одиночестве. Его обычная замкнутость сменилась припадком откровенности.

Три его помощника были, что называется, «мастера на все руки». Добросовестные, хотя и малосведущие, выносливые, обходительные. Один, Спаргус, исполнявший обязанности повара и слесаря, был прежде матросом. Второй, Гиббс, был столяр, третий же, бывший садовник, занимал место главного помощника. Все трое были простые рабочие. Всю квалифицированную работу выполнял сам Кейвор. Они были еще более невежественны, чем я.

А теперь несколько слов о самом изобретении. Тут, к несчастью, возникает серьезное затруднение. Я совсем не ученый эксперт, и если бы попробовал излагать научным языком мистера Кейвора цель его опытов, то, наверно, не только спутал бы читателя, но и сам бы запутался и наделал бы таких ошибок, что меня поднял бы

на смех любой студент-математик. Поэтому лучше передавать попросту свои впечатления, без всякой попытки облечься в тогу знания, носить которую я не имею никакого права.

Целью изысканий мистера Кейвора было такое вещество, которое должно бы быть непроницаемо (он употреблял какое-то другое слово, которое я позабыл, но этот термин верно выражает его мысль) для «всех форм лучистой энергии».

— Лучистая энергия, — объяснял он мне, — нечто подобное свету, или теплоте, или рентгеновским лучам, или электрическим волнам Маркони, или тяготению. Все эти лучи, — говорил он, — излучаются из центра и действуют на другие тела на расстоянии, отчего и происходит термин «лучистая энергия». Почти все вещества непрозрачны или непроницаемы для той или иной формы лучистой энергии. Стекло, например, проницаемо для света, но менее проницаемо для теплоты, так что его можно употреблять как ширму против огня; квасцы проницаемы для света, но совершенно не пропускают теплоты. Раствор йода в двусернистом углероде не пропускает света, но проницаем для теплоты. Он скрывает от нас огонь, но сообщает всю его теплоту. Металлы непроницаемы не только для

света, но и для электромагнитных волн, которые легко проходят через раствор йода и стекло. И так далее.

Все известные нам вещества «проницаемы» для тяготения. Можно употреблять различные экраны для защиты от света, или теплоты, или электрической энергии Солнца, или от теплоты Земли; можно защитить предметы металлическими листами от электрических волн Маркони, но ничто не может защитить от тяготения Солнца или притяжения Земли.

Почему — это трудно сказать. Кейвор не видел причины, почему бы не могло быть такого преграждающего притяжения вещества, и я, конечно, ничего не мог ему возразить. Я никогда ранее не думал об этом. Он доказал мне вычислениями на бумаге (которые лорд Кельвин, или профессор Лодж, или профессор Пирсон, или какой-нибудь другой ученый, без сомнения, уразумели бы, но в которых я ничего не понимал), что не только подобное вещество возможно, но что оно должно удовлетворять известным условиям. Это была удивительная цепь логических рассуждений, хотя я и не могу их воспроизвести. «Да, — повторял я, — да, продолжайте». Достаточно сказать, что Кейвор полагал возможным сделать вещество,

непроницаемое для притяжения, из сложного сплава металлов и какого-то нового элемента, кажется гелия, присланного ему из Лондона в запечатанных глиняных сосудах, без сомнения газообразного и разреженного, — жаль, что я тогда не делал заметок…

Но мог ли я тогда предвидеть, что они понадобятся?

Всякий человек, обладающий хоть малой долей воображения, поймет, как необычайно подобное вещество, и разделит до некоторой степени мое волнение, когда я начал понемногу понимать туманные выражения Кейвора. Комическая история! Конечно, я не сразу понял, так как боялся, задавая ему вопросы, показать свое невежество.

Но, вероятно, никто из читателей не разделит моего волнения, потому что из моего бестолкового рассказа не видно, что это удивительное вещество будет найдено.

Я не помню, чтобы я уделял хотя бы один час в день своей пьесе после моего визита к Кейвору. Мое воображение было теперь занято другим. Казалось, что нет предела удивительным свойствам этого вещества. Какие чудеса, какой переворот во всем! Например, для поднятия тяжести, даже самой громадной, достаточно было бы подложить

под нее лист нового вещества, и ее можно было бы поднять соломинкой.

Я представил себе применение этого вещества к пушкам и броненосцам, к военной технике, затем к судоходству, к железным дорогам, к строительному искусству — словом, ко всевозможным отраслям промышленности. Случай привел меня к колыбели новой эпохи, — а это была, несомненно, эпоха, — такой случай бывает однажды в тысячу лет. Последствия этого открытия бесконечны. Благодаря ему я снова могу стать дельцом. Мне мерещились акционерные компании с филиалами, синдикаты и тресты, патенты и концессии, — они растут и охватывают весь мир, соединяясь в одну огромную компанию. И я участвую во всем этом. Я решил действовать напрямик, хотя это и было рискованно.

— Мы накануне величайшего изобретения, какое когда-либо было сделано, — сказал я и сделал ударение на слове «мы». — Я приду завтра же работать в качестве вашего четвертого помощника.

Мой энтузиазм удивил его, но не возбудил никаких подозрений или враждебного чувства.

Очевидно, он недооценивал себя.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Вы это серьезно думаете? — спросил он. — А ваша пьеса! Как же быть с пьесой?

— К черту пьесу! — воскликнул я. — Дорогой сэр, разве вы не видите, чего вы достигли? Разве вы не видите, куда ведет ваше изобретение?

Но это был лишь риторический оборот речи: он действительно ничего не видел. Этот чудак работал все время чисто теоретически. Если он и говорил о своем исследовании как о «важнейшем» из всех, какие только были в мире, то он просто подразумевал под этим, что его изобретение подведет итог множеству теорий и разрешит бесчисленные сомнения. Он думал о практическом применении нового вещества не более, чем машина, отливающая пушки. Такое вещество возможно, и он пытался добыть его.

Только и всего, v'là tout, как говорят французы.

Вне своей работы он был сущий ребенок! Если он добьется своего, то вещество перейдет в потомство под названием кейворита или кейворина, он сделается академиком и портрет его будет помещен в журнале «Природа». Вот и все, о чем он мечтал! Он бросил бы в мир бомбу этого открытия, как какой-нибудь новый вид комара, если бы не я. И бомба лежала бы и шипела, такая же ненужная, как и прочие мелкие открытия

ученых.

Когда я сообразил все это, настала моя очередь говорить. Кейвору пришлось только слушать и поддакивать. Я подпрыгивал от восторга, расхаживал по комнате, жестикулировал, как двадцатилетний юноша. Я говорил ему о его обязанностях и ответственности в этом деле, о наших обязанностях и ответственности. Я уверял его, что мы приобретем столько богатств, что сможем произвести целый социальный переворот, сможем владеть и управлять всем миром. Я говорил ему о компаниях, и о патентах, и о сейфе для секретных бумаг, но все это интересовало его столько же, сколько меня его математика. На его небольшом красноватом лице появилось выражение смущения. Он пробормотал что-то о своем равнодушии к богатству, но я горячо стал ему возражать. Он на пути к богатству — и глупо отказываться. Я дал ему понять, что я за человек, сказал, что я обладаю опытом в коммерческих делах. Конечно, я умолчал о том, что я обанкротился, — ведь это была временная неудача, — и постарался объяснить, почему я при моих средствах веду такой скромный образ жизни. Скоро мы пришли к заключению о необходимости учредить компанию по монопольной продаже

кейворита. Кейвор будет добывать его, а я буду рекламировать.

Я говорил «мы», «вы» — слова «я» как бы не существовало для меня.

Кейвор хотел, чтобы вся прибыль шла на дальнейшие изыскания, но об этом мы могли сговориться потом.

— Хорошо, хорошо, — поддакивал я. — Главное, надо добыть кейворит. Ведь это такое вещество, — восклицал я восторженно, — без которого не сможет обойтись ни один дом, ни одна фабрика, ни одна крепость, ни одно судно, — вещество более универсальное, чем патентованные медицинские средства! Каждое из десяти тысяч его возможных применений должно нас обогатить, Кейвор, сказочно обогатить!

— Теперь, — подтвердил Кейвор, — я начинаю понимать. Удивительно, как расширяешь горизонт в беседе с другим человеком!

— В особенности когда поговоришь с подходящим человеком.

— Я думаю, — сказал Кейвор, — что никто не питает отвращения к богатству. Однако… — Он запнулся. Я молча ждал. — Возможно, что нам не удастся добыть это вещество. А что, если это возможно только в теории, а на практике

окажется абсурдом? Вдруг мы натолкнемся на препятствия…

— Мы преодолеем все препятствия! — решительно сказал я.

Глава II
Первое изготовление кейворита

Опасения Кейвора не оправдались. 14 октября 1899 года это сказочное вещество было изготовлено.

Забавно, что открытие произошло случайно, совершенно неожиданно для Кейвора. Он сплавил несколько металлов и еще что-то (я жалею, что не знаю состава) и намеревался оставить смесь на неделю, чтобы дать ей медленно остынуть. Если он только не ошибся в своих вычислениях, то последняя стадия процесса должна была наступить, когда температура приготовленного вещества понизится до шестидесяти градусов по Фаренгейту. Но случайно, без ведома Кейвора, между его помощниками разгорелся спор о том, кому смотреть за печью. Гиббс вздумал свалить эту обязанность на своего сослуживца, бывшего садовника, ссылаясь на то, что каменный уголь та же земля и, следовательно, не может входить в круг ведения столяра. Бывший садовник возражал, что каменный уголь — металл или руда и что его надо варить. Спаргус же настаивал на том,

что это дело Гиббса, так как всем известно, что уголь — ископаемое дерево. Гиббс бросил засыпать уголь в печь, и никто другой этого не делал, а Кейвор был слишком погружен в разрешение некоторых интересных проблем о летательной кейворитной машине (пренебрегая сопротивлением воздуха и некоторыми другими условиями) и поэтому не заметил, что в его лаборатории не все благополучно. И преждевременные роды его изобретения произошли в тот момент, когда он шел через поле к моему домику, чтобы побеседовать со мной за чаем. Я очень хорошо помню, как это случилось. Вода для чая уже кипела, и все было приготовлено. Услышав характерный звук жужжания Кейвора «жужу», я вышел на веранду. Его подвижная фигура вырисовывалась темным пятном на фоне заходящего осеннего солнца, а справа, из-за деревьев, окрашенных светом заката, выглядывали белые трубы его дома. Вдали, на горизонте, синели в дымке холмы Уилден; влево дымилась туманом болотистая равнина. И вдруг…

Печные трубы взлетели на воздух, рассыпавшись щебнем кирпичей, за ними последовали крыша и разная мебель. Затем вспыхнуло белое пламя. Деревья кругом раскачивались, раска-

лываясь в щепы, летевшие к огню. Страшный громовой удар так оглушил меня, что я на всю жизнь оглох на одно ухо. Все стекла в окнах разлетелись вдребезги.

Я сделал несколько шагов от веранды по направлению к дому Кейвора, и меня подхватил вихрь.

Фалды моего пиджака взлетели мне на голову, и я помчался вперед прыжками, совершенно непроизвольно. В тот же самый момент изобретатель также был подхвачен ветром, закружился и покатился в вихре. Я видел, как колпак от одной из печных труб слетел на землю в шести ярдах от меня и понесся к центру взрыва. Кейвор, болтая ногами и размахивая руками, катился кубарем по земле, потом взлетел на воздух и со страшной быстротой понесся и исчез среди корчившихся от жара деревьев около своего дома.

Клубы дыма и пепла и полоса какого-то синеватого блестящего вещества взлетели к зениту. Большой обломок забора промелькнул мимо меня, воткнулся в землю и упал плашмя, — самое худшее миновало. Воздушная буря стихла и превратилась в сильный ветер, и я убедился, что у меня целы ноги и я могу дышать.

Вся природа вокруг точно преобразилась. Спо-

койный отблеск заката потух, небо задернулось черными тучами, подул порывистый, резкий ветер. Я оглянулся, чтобы посмотреть, уцелел ли мой домик, затем направился к деревьям, где исчез Кейвор; сквозь их голые ветви блестело пламя горевшего дома. Я вошел в заросли, хватаясь за стволы, и долго искал Кейвора; наконец среди кучи бурелома и досок от забора я увидел что-то копошившееся на земле. Прежде чем я успел подойти ближе, какая-то темная фигурка встала и протянула окровавленные руки. На ней висели и развевались лохмотья.

В первую минуту я не узнал этой земляной глыбы, потом разглядел, что это Кейвор, облепленный грязью, в которой он вывалялся. Он наклонился вперед против ветра, протирая глаза и отплевываясь. Потом протянул руку и, пошатываясь, сделал шаг мне навстречу. Его возбужденное лицо было перепачкано грязью. Он выглядел таким несчастным и жалким, что я очень удивился его замечанию.

— Поздравьте меня, — пробормотал он, — поздравьте меня!

— Поздравить вас? С чем?

— Я сделал это.

— Вы сделали? Отчего произошел взрыв?

Порыв ветра отнес его слова. Кажется, он сказал, что никакого взрыва не было. Ветер толкал нас, и мы невольно цеплялись друг за друга.

— Идемте ко мне! — крикнул я ему в ухо. Но он, очевидно, не расслышал и пробормотал что-то о трех «мучениках науки», о том, что «это ужасно».

Он думал, что три его помощника погибли при взрыве. К счастью, он ошибся. Как только он пошел ко мне, они отправились в соседний трактир обсудить за бутылкой спорный вопрос о печи.

Я вторично предложил Кейвору пойти ко мне, на этот раз он расслышал. Мы взялись под руку и пошли искать приюта под остатками моей крыши. Все рамы в окнах вылетели, более легкие предметы из мебели упали на пол, но большего вреда взрыв все же у меня в доме не причинил. К счастью, кухонная дверь устояла против напора, и посуда и утварь уцелели, даже керосинка не потухла, и я поставил на нее воду для чая. Сделав это, я вернулся к Кейвору выслушать его объяснения.

— Совершенно верно, — повторял он, — совершенно верно, я сделал это. Все идет отлично.

— Не может быть, — возразил я, — все идет отлично! Наверное, в округе на двадцать миль не уцелело ни одного стога сена, ни одного забора,

ни одной соломенной крыши.

— Все идет отлично. Конечно, я не предвидел этого небольшого взрыва. Я был поглощен другой проблемой и не обратил внимания на эти побочные практические результаты. Но все идет отлично.

— Но, дорогой, — воскликнул я, — разве вы не видите, что причинили убытков на тысячу фунтов стерлингов?

— Конечно, я не практик, но не думаете ли вы, что они примут этот взрыв за циклон?

— Однако взрыв…

— Это был не взрыв. Все объясняется очень просто. Я не предусмотрел некоторых мелочей. Это вроде моего жужжания, только в более широком масштабе. По недосмотру я приготовил это новое вещество, этот кейворит, в виде тонкого и большого листа… — Он запнулся. — Вы знаете, что вещество это не подвержено силе тяготения, что оно преграждает взаимное притяжение между телами?

— Да-да, — подтвердил я.

— Как только кейворит достигает температуры шестидесяти градусов по Фаренгейту и процесс его выработки заканчивается, то воздух, часть кровли, потолок, пол перестают иметь вес. Вам

известно, это каждый знает, что воздух имеет вес, что он давит на всякий предмет, на поверхность земли, производит давление по всем направлениям с тяжестью, равной четырнадцати с половиной английским фунтам на квадратный дюйм.

— Знаю, продолжайте.

— И я тоже знаю, — заметил он, — однако это доказывает, как бесполезно знание, если не применять его на практике. Итак, над нашим кейворитом (теперь это уже прошло) давление воздуха сверху прекратилось, воздух же по сторонам кейворита продолжал давить с силою четырнадцати с половиной фунтов на каждый квадратный дюйм того воздуха, который вдруг сделался невесомым. Вы понимаете? Воздух, окружающий кейворит, сдавил воздух над ним с непреодолимой силой. Воздух над кейворитом, насильно вытесняемый, должен был подниматься, притекший же ему на смену воздух с боков тотчас же терял вес, переставал производить давление, следовал за предыдущим кверху, пробил потолок, сбросил крышу… Таким образом, возник как бы атмосферный фонтан, печная труба в атмосфере, и если бы кейворит не был подвижным и воздух продолжал все время втягиваться в

трубу, то что произошло бы? Как вы думаете?

Я подумал.

— Полагаю, что воздух устремлялся бы все выше и выше над этим адским листом, уничтожающим силу тяготения.

— Совершенно верно, — подтвердил он, — исполинский фонтан…

— Бьющий в небесное пространство. Через него улетучилась бы вся земная атмосфера. Он лишил бы земной шар воздуха. Все люди погибли бы. И все это наделал бы один кусок этого вещества.

— Не совсем так: атмосфера не рассеялась бы в небесном пространстве, — сказал Кейвор, — но последствия были бы плохие. Воздух поднялся бы над Землей на тысячи миль. Потом он спустился бы обратно, но все живое задохнулось бы. С нашей точки зрения, это было бы немногим лучше, чем если бы он совсем не вернулся.

Я был ошеломлен и разочарован.

— Что вы теперь намерены делать? — спросил я.

— Прежде всего надо достать садовый скребок. Я хочу счистить с себя грязь, а потом, если позволите, принять у вас ванну. После этого мы побеседуем с вами. Мне кажется, — сказал он, положив грязную руку мне на плечо, — не следует

ничего говорить об этом посторонним. Я знаю, что причинил много вреда, — вероятно, пострадали и все дома в окрестности. Но, с другой стороны, я не в состоянии заплатить за причиненный мной вред, и если причина катастрофы будет оглашена, то это поведет только ко всеобщему озлоблению и помешает моей работе. Нельзя предвидеть всего, а я не могу считаться с практическими последствиями при моих теоретических работах. Позднее при вашем практическом уме, когда кейворит пойдет в ход и осуществятся все наши предположения, мы сможем уладить дело с этими людьми. Но только не теперь, но только не теперь! Если не будет никакого другого объяснения, то публика при современном неудовлетворительном состоянии метеорологии припишет все циклону. Быть может, устроят даже подписку, и так как мой дом сгорел, то и я получу приличную сумму, которая очень пригодится для продолжения наших опытов. Но если узнают, что я виновник всего, то, конечно, не будет никакой подписки, и у меня уже не будет возможности работать спокойно. Мои три помощника могли погибнуть или остаться в живых. Это не так важно. Если погибли, то виноваты сами. Они были усердные, но малоспособные работники, и

взрыв произошел в значительной мере из-за их небрежности при уходе за печью. Если же они не погибли, то едва ли смогут объяснить, в чем дело. Они поверят россказням о циклоне. Хорошо бы на время поселиться в одной из комнат вашего домика…

Он приостановился и посмотрел на меня вопросительно.

«Человек с такими способностями, — подумал я, — не совсем удобный жилец».

— Может быть, — сказал я уклончиво, — лучше всего сначала найти скребок. — И я повел его к остаткам оранжереи.

Пока он принимал ванну, я раздумывал о происшедшем. Ясно, что дружба с мистером Кейвором имеет свои неудобства, которых я раньше не предвидел. Его рассеянность, которая чуть было не погубила население земного шара, может во всякую минуту привести к какой-нибудь новой беде. С другой стороны, я нуждался в деньгах, был молод и склонен к смелым авантюрам. Я уже решил, что мне должна достаться по крайней мере половина прибыли от изобретения кейворита. К счастью, я снял домик на три года без ремонта, а вся моя мебель была куплена в долг и застрахована. В конце концов я решил

не покидать Кейвора и посмотреть, чем это все кончится. Конечно, положение теперь сильно изменилось. Я не сомневался более в чудесных свойствах нового вещества, но у меня начало закрадываться сомнение насчет пригодности его для артиллерии и для патентованных сапог.

Мы дружно принялись за восстановление лаборатории, чтобы скорей приступить к опытам. Кейвор теперь больше применялся к уровню моих знаний при разговорах о том, как должно изготовляться новое вещество.

— Разумеется, мы должны опять изготовить его, — заявил он весело. — Мы, может быть, потерпели неудачу, но мои теоретические соображения оказались правильными. Мы примем меры, чтобы избегнуть гибели нашей планеты. Но риск неизбежен. В исследовательской работе риск неизбежен, и вы должны помочь мне как практик. Мне кажется, что вещество лучше всего создать в виде узкой полоски, с каймой по краям. Впрочем, я еще не знаю. У меня есть смутное представление о другом методе, который я еще затрудняюсь формулировать. Но любопытно, что эта мысль пришла мне в голову в тот самый момент, когда я катился по грязи и не знал, чем все это кончится.

Нам пришлось довольно много провозиться над восстановлением лаборатории. Мы не сразу решили вопрос о том, как надо обставить вторичный опыт. Трое помощников были очень недовольны тем, что я стал старшим над ними. Но дело это удалось уладить, правда после двухдневного перерыва в работе.

Глава III
Сооружение шара

Я хорошо помню, как Кейвор развивал мне свою идею о шаре. Мысль об этом мелькала у него и раньше, но вполне ясно осознал он ее только в ту минуту. Мы шли ко мне пить чай, и доро́гой Кейвор что-то бормотал про себя. Вдруг он вскрикнул:

— Конечно так! Это победа! Вроде свертывающейся шторы!

— Какая победа? — спросил я.

— Над пространством! Над Луной!

— Что вы этим хотите сказать?

— Что? Это должен быть шар. Вот что я хочу сказать!

Я понял, что от него не добиться толку, и не стал расспрашивать. Я не имел тогда ни малейшего представления о его плане. После чая он сам начал объяснять мне свой проект.

— В прошлый раз, — сказал он, — я вылил вещество, не подверженное силе тяготения, в плоский чан с крышкой, которая придерживала его. Как только вещество охладилось и процесс выплавки

закончился, произошла катастрофа, — ничто над ним не имело веса: воздух устремился кверху, дом тоже взлетел, и если бы самое вещество не взлетело также, то неизвестно, чем бы это все кончилось. Но предположите, что вещество это ничем не прикреплено и может совершенно свободно подниматься.

— Оно тотчас улетело бы.

— Верно. И это произвело бы не больше смятения, чем какой-нибудь выстрел из пушки.

— Но какая была бы от этого польза?

— И я бы полетел вместе с ним.

Я отодвинул стакан с чаем и с изумлением посмотрел на моего собеседника.

— Представьте себе шар, — объяснял он мне, — довольно большой, чтобы вместить двух пассажиров с багажом. Он будет сделан из стали и выложен толстым стеклом; в нем будут содержаться достаточные запасы сгущенного воздуха, концентрированной пищи, аппараты для дистиллированной воды и так далее. Снаружи стальная оболочка будет покрыта слоем…

— Кейворита?

— Да.

— Но как же вы попадете внутрь?

— Так же, как в пудинг.

— А именно?

— Очень просто. Нужен только герметически закрывающийся люк. Здесь это будет, конечно, несколько сложнее; придется устроить клапан, для того чтобы можно было в случае надобности выбрасывать вещи без большой потери воздуха.

— Как у Жюля Верна в «Путешествии на Луну»?

Но Кейвор не читал фантастических романов.

— Начинаю понимать, — сказал я. — И вы могли бы влезть туда и закрыть люк, пока еще кейворит теплый; когда же он остынет, он преодолеет силу тяготения, и вы полетите?

— По касательной.

— Вы полетите по прямой линии… — Я вдруг остановился. — Однако что может помешать этому полету по прямой линии, в пространство? — спросил я. — Вы не можете быть уверены, что попадете куда-нибудь, а если и попадете, то как вы вернетесь назад?

— Я только что думал об этом, — сказал Кейвор, — это-то я и подразумевал, когда воскликнул: «Победа!» Внутреннюю стеклянную оболочку шара можно устроить непроницаемой для воздуха и, за исключением люка, сплошной; стальную же оболочку сделать составной из отдельных

сегментов, так что каждый сегмент может передвигаться, как у свертывающейся шторы. Ими нетрудно будет управлять при помощи пружин и подтягивать их или распускать посредством электричества, пропускаемого через платиновую проволоку в стекле. Все это вопрос деталей. Вы видите, что, за исключением штор, внешняя кейворитная оболочка шара будет состоять из окон или иллюминаторов, — называйте их, как хотите. Вот когда все эти окна или иллюминаторы будут закрыты, то никакой свет, никакая теплота, никакое притяжение или лучистая энергия не в состоянии будут проникать внутрь шара, и он полетит через пространство по прямой линии, как вы говорите. Но откройте окно: вообразите, что одно из окон открыто! Тогда всякое тяготеющее тело, которое случайно встретится на пути, притянет нас.

Я сидел задумавшись.

— Вы понимаете? — спросил он.

— Да, понимаю.

— Итак, вы можете лавировать в пространстве по желанию, поддаваясь притяжению то одного, то другого тела.

— Да. Это довольно ясно. Только…

— Что?

— Только я не совсем понимаю, зачем мы будем делать это. Этот прыжок с Земли и затем обратно.

— Конечно. Можно, например, слетать на Луну.

— Но если мы попадем туда, что мы там найдем?

— Посмотрим… По новейшим данным науки…

— Есть ли там воздух?

— Может быть, и есть.

— Великолепная идея, — сказал я, — но не чересчур ли смелый замысел? Луна! Я предпочел бы не лететь сразу так далеко.

— Но это невозможно: нам помешает воздух.

— Почему бы не применить вашу идею о пружинных заслонках, кейворитных заслонках в крепких стальных ящиках для поднимания тяжестей?

— Этого нельзя сделать, — упорствовал Кейвор. — Путешествие в далекое пространство не более опасно, чем какая-нибудь полярная экспедиция. Отправляются же люди к полюсу.

— Только не деловые люди. И, кроме того, им хорошо платят за полярные экспедиции. Если там и случится несчастье, все-таки можно спастись. Но лететь в пространство, и ради чего?

— Хотя бы ради науки.

— Чтобы написать потом книгу…

— Я не сомневаюсь, что там есть минералы, — заметил Кейвор.

— Например?

— Сера, различные руды, золото, может быть даже новые элементы.

— Да, но стоимость перевозки… — возразил я. — Нет, вы не практичный человек. Ведь до Луны четверть миллиона миль.

— Мне кажется, перевозка любой тяжести обойдется недорого, если запаковать ее в кейворитный ящик.

Я не подумал об этом.

— Перевозка за счет покупателя, не так ли?

— Мы не ограничимся одной Луной.

— А именно?

— Есть еще Марс: прозрачная атмосфера, новая обстановка, приятное чувство легкости. Там очень хорошо.

— А воздух есть на Марсе?

— Конечно.

— Вы, кажется, хотите отправиться туда как в санаторий. Кстати, какое расстояние до Марса?

— Двести миллионов миль, кажется, — ответил весело Кейвор, — и пролетим близко от Солнца.

У меня опять разыгралась фантазия.

— Во всяком случае, — сказал я, — это очень интересно. Такое путешествие…

Передо мной открывались новые возможности. По всей Солнечной системе курсируют суда из кейворита, шары «люкс». Патент на изобретение, закрепленный на всех планетах. Я вспомнил старинную испанскую монополию на американское золото. Не на одной планете, а на всех сразу. Я пристально посмотрел на красное лицо Кейвора, и воображение мое точно запрыгало и заплясало. Я встал и зашагал по комнате и дал волю своему языку:

— Я понимаю, я понимаю. — Переход от сомнения к энтузиазму совершается у меня необычайно быстро. — Это восхитительно! Грандиозно! Это похоже на сон!

Лед моего скептицизма был сломлен. Фантазия Кейвора не знала удержу. Он бегал по комнате, жестикулировал и говорил. Мы были точно одержимые.

— Мы все устроим, — сказал он в ответ на какое-то мое возражение, — все устроим. Сегодня вечером мы начнем чертежи литейных форм.

— Отлично, — согласился я, и мы поспешили в лабораторию, чтобы приняться за работу.

Я, как ребенок, витал в сказочном мире всю эту ночь. Утренняя заря застала нас обоих за работой при электрическом свете. Я помню эти чертежи. Я сводил и раскрашивал их, а Кейвор чертил: чертежи были грязные, сделанные наспех, но очень точные. Мы сделали в эту ночь чертежи стальных частей и рам, план стеклянного шара был изготовлен в неделю. Мы прекратили наши послеобеденные беседы и вообще изменили весь распорядок жизни. Мы работали без отдыха, а спали и ели только тогда, когда уже валились с ног от голода или усталости. Наш энтузиазм заразил и наших троих помощников, хотя они и не знали, для какой цели предназначался шар. Даже Гиббс перестал отлучаться от работы и стал расторопным.

Шар понемногу рос. Прошел декабрь, январь. Я целый день разметал снег на дорожке от моего домика до лаборатории. Февраль, март. В конце марта мы надеялись кончить. В январе нам доставили на нескольких лошадях огромный ящик — шар из массивного стекла, который мы положили около подъемного крана, чтобы потом вставить его в стальную оболочку. Все части этой оболочки, — она была не сферическая, а многогранная, со свертывающимися сегмента-

ми, — прибыли в феврале, и нижняя половина ее была уже склепана.

Кейворит почти изготовили в марте, металлическая паста прошла уже через две стадии процесса, и мы наложили ее в виде пластыря на стальную броню. Мы почти ни в чем не отступали от плана Кейвора. Когда шар был склепан, Кейвор предложил снять крышу с временной лаборатории, где производилась работа, и построить новую печь. Таким образом, последняя стадия изготовления кейворита, во время которой паста нагревается докрасна в струе гелия, должна была закончиться тогда, когда мы будем уже внутри шара.

Затем нам оставалось обсудить и решить, какую провизию взять с собой: прессованную пищу, консервированные эссенции, стальные цилиндры с кислородом, аппараты для удаления углекислоты из воздуха и для восстановления кислорода посредством перекиси натрия, конденсаторы для воды и так далее. Помню, какую большую груду образовали в углу все эти жестянки, свертки, ящики — вещественные доказательства нашего путешествия.

В это горячее время некогда было предаваться раздумью. Но однажды, когда сборы уже подхо-

дили к концу, я впал в скверное настроение. Все утро я складывал печь и, выбившись из сил, присел отдохнуть. Все показалось мне сумасбродным и невероятным.

— Подумайте, Кейвор, — сказал я. — К чему все это?

Он улыбнулся.

— Теперь уже поздно.

— Луна, — размышлял я вслух, — что там интересного? Я полагаю, что Луна — мертвый мир.

Он пожал плечами.

— Что там интересного?

— А вот посмотрим.

— Вы думаете, что посмотрим? — усомнился я и задумался.

— Вы утомлены, — заметил Кейвор, — вам надо прогуляться сегодня после обеда.

— Нет, — сказал я упрямо. — Я закончу кладку печи.

Действительно, я кончил и ночью потом мучился от бессонницы.

Никогда еще у меня не было такой бессонницы. Было, правда, несколько скверных ночей перед моим банкротством, но даже самая худшая из них показалась бы сладкой дремой по сравнению с этой бесконечной головной болью. Я вдруг ис-

пугался нашей затеи.

До этой ночи я, кажется, ни разу и не подумал об опасностях нашего путешествия. Теперь они явились как полчище привидений, осаждавших некогда Прагу, и выстроились все передо мной. Необычайность нашего межпланетного путешествия подавляла меня. Я походил на человека, пробудившегося от сладких грез среди мрачной действительности. Я лежал с широко раскрытыми глазами, и наш шар казался мне таким хрупким, жалким, Кейвор — фантастом, а предприятие его — безумным.

Я встал с кровати и начал ходить по комнате, затем сел у окна и стал смотреть в бесконечное пространство. Между звездами такая пустота, такой мрак! Я старался припомнить отрывочные сведения по астрономии из случайно прочитанных книг, но они не давали никакого представления о том неизвестном, что нас ожидает. Наконец я лег в постель и уснул ненадолго, или, вернее, промучился в кошмарах. Мне снилось, будто я стремглав падаю в бездну неба.

Я очень удивил Кейвора за завтраком, когда объявил ему решительно:

— Я не намерен лететь с вами.

На все его убеждения я упорно отвечал:

— Затея ваша безрассудна, и я не желаю в ней участвовать. Затея ваша безумна.

Я не пошел с ним в лабораторию и, походив немного вокруг моего домика, взял шляпу и палку и отправился гулять. Утро было великолепное: теплый ветер и голубое небо, первая зелень весны, пение птиц.

Я позавтракал бифштексом и пивом в трактире около Эльгэма и удивил хозяина своим замечанием по поводу погоды:

— Человек, покидающий Землю в такую прекрасную погоду, безумец!

— То же самое сказал и я, как только услышал об этом, — подтвердил хозяин.

Очевидно, какой-то бедняга покончил самоубийством. Это еще более подкрепило мое решение.

После обеда я подремал на солнце, потом отправился дальше.

Недалеко от Кентербери я зашел в уютный ресторан. Посуда сверкала, и хозяйка, опрятная старушка, мне понравилась. У меня нашлись деньги, чтобы заплатить за номер, и я решил переночевать. Хозяйка была разговорчивая особа и, между прочим, сообщила мне, что она никогда не бывала в Лондоне.

— Дальше Кентербери я никуда не ездила, — сказала она. — Я не бродяга.

— А не хотели бы вы полететь на Луну? — спросил я.

— Нет, ни за что бы я не села в воздушный шар. Ни за что на свете, — быстро возразила она, полагая, очевидно, что это довольно обыкновенная прогулка.

После ужина я сел на скамейку у двери гостиницы и говорил с двумя рабочими о выделке кирпича, об автомобилях, об игре в крикет. А на небе новый месяц, голубой и далекий, как альпийская вершина, спускался к западу вслед за солнцем.

На следующий день я вернулся к Кейвору.

— Вот и я, — сказал я. Я был немного не в духе.

Это был единственный раз, когда я усомнился в нашем предприятии. Нервы! После этого я стал работать не так усердно и ежедневно гулял не менее часа. Наконец все было готово, оставалось только нагреть сплав в печи.

Глава IV
Внутри шара

— Спускайтесь! — сказал Кейвор, когда я вскарабкался на край люка и заглянул в темную внутренность шара.

Мы были одни. Смеркалось. Солнце только что закатилось, и во всем чувствовалась тишина сумерек.

Я спустил другую ногу и соскользнул по гладкому стеклу внутрь шара. Затем повернулся, чтобы принять от Кейвора жестянки с пищей и другие припасы. Внутри было жарко: термометр показывал восемьдесят градусов по Фаренгейту; при полете надо беречь тепло, и мы надели костюмы из тонкой фланели. Впрочем, мы захватили узел толстой шерстяной одежды и одеяла — на случай холода. По указанию Кейвора я расставлял багаж, цилиндры с кислородом и прочее около своих ног, и вскоре мы уложили все необходимое. Кейвор обошел еще раз нашу лабораторию, чтобы посмотреть, не забыли ли мы чего-нибудь, потом влез вслед за мной.

Я заметил что-то у него в руке.

— Что это у вас? — спросил я.

— Взяли ли вы что-нибудь для чтения?

— Нет!

— Я забыл сказать вам. Наше путешествие может продлиться… может быть, не одну неделю.

— Но…

— Мы абсолютно ничем не будем заняты.

— Жаль, что я не знал об этом раньше.

Кейвор высунулся из люка.

— Посмотрите, что здесь, — сказал он.

— Есть еще время?

— В нашем распоряжении еще час.

Я взглянул. Это был старый номер газеты, вероятно принесенный кем-нибудь из наших помощников. Затем в углу я увидел разорванные листы журнала. Я забрал все это в шар.

— Что вы достали? — спросил я его.

Я взял книгу из его руки и прочел: «Собрание сочинений Вильяма Шекспира».

Кейвор слегка покраснел.

— Мое воспитание было чисто научным, — сказал он, как бы извиняясь.

— И вы не читали Шекспира?

— Нет, не читал.

— Он сам не очень много знал, и познания его были несистематичны.

— Да, мне об этом говорили, — сказал Кейвор.

Я помог ему завинтить стеклянную крышку люка, затем он нажал кнопку, чтобы закрыть соответствующий заслон в наружной оболочке. Полоса света, проникавшая в отверстие, исчезла, и мы очутились в темноте.

Некоторое время мы молчали. Хотя наш шар и пропускал звуки, кругом было тихо. Я заметил, что не за что ухватиться при старте и что нам придется испытывать неудобства из-за отсутствия сиденья.

— Отчего вы не взяли стулья? — спросил я.

— Ничего, я все устроил, — сказал Кейвор. — Стулья нам не понадобятся.

— Как так?

— А вот увидите, — сказал он тоном человека, не желающего продолжать разговор.

Я замолчал. Мне вдруг ясно представилась вся глупость моего поступка. Не лучше ли вылезти, пока еще не поздно? Я знал, что мир вне этого шара будет холоден и негостеприимен, — уже несколько недель я жил на средства Кейвора, — но все же мир этот будет не так холоден, как бесконечность, и не так негостеприимен, как пустота. Если бы не боязнь показаться трусом, то думаю, что даже и в эту минуту я еще мог вы-

браться наружу. Но я колебался из-за непонятной щепетильности, а время шло.

Последовал легкий толчок, послышался шум, как будто откупорили бутылку шампанского в соседней комнате, и слабый свист. На мгновение я почувствовал огромное напряжение, — мне показалось, что ноги у меня как будто налиты свинцом. Но это ощущение скоро прошло.

Однако оно вывело меня из оцепенения.

— Кейвор, — проговорил я в темноте, — мои нервы не выдерживают более. Я не думаю, чтобы…

Я замолчал.

Он ничего не отвечал.

— Будь проклята вся эта затея! — вскричал я. — Я безумец! Что мне здесь делать? Я не полечу, Кейвор. Предприятие это слишком рискованное, я выхожу.

— Вы не можете этого сделать, — спокойно ответил он.

— Не могу? А вот увидим.

Он молчал несколько секунд.

— Теперь уже поздно, Бедфорд. Легкий толчок — это старт. Мы уже летим, летим так же плавно, как снаряд, пущенный в бесконечное пространство.

— Я… — начал было я и замолчал.

Некоторое время я был ошеломлен и ничего не мог сказать, как будто я никогда раньше не слыхал об этой идее — покинуть наш мир. Затем я почувствовал перемену в своих физических ощущениях: необычайную легкость, нереальность, странное головокружение, как при апоплексии, и звон в ушах. Ни одно из этих ощущений не ослабевало с течением времени, но скоро я так привык к ним, что не испытывал ни малейшего неудобства.

Что-то щелкнуло: вспыхнула электрическая лампочка.

Я взглянул на лицо Кейвора, такое же бледное, наверно, как и мое. Мы молча смотрели друг на друга. На фоне прозрачной темной поверхности стекла Кейвор казался как бы летящим в пустоте.

— Итак, мы взаперти, — сказал я наконец.

— Да, — подтвердил он, — взаперти. Не шевелитесь! — воскликнул он, заметив мой жест. — Пусть ваши мускулы бездействуют, как будто вы лежите в постели. Мы находимся в особом мирке. Поглядите на эти вещи.

Он указал на ящики и узлы на дне шара. Я с изумлением заметил, что они приподнялись

почти на фут от сферической стены. Затем я увидел по тени Кейвора, что он не опирается более на поверхность стекла; протянув руку назад, я почувствовал, что и мое тело тоже повисло в воздухе.

Я не вскрикнул, не замахал руками, но почувствовал ужас. Какая-то неведомая сила держала нас и увлекала вверх. Легкое прикосновение руки к стеклу приводило меня в быстрое движение. Я понял, что происходит, но это не успокоило меня. Мы были отрезаны от всякого внешнего тяготения, действовало только притяжение предметов, находившихся внутри нашего шара. Вследствие этого всякая вещь, не прикрепленная к стеклу, скользила медленно, по причине незначительности наших масс, к центру нашего мирка. Этот центр находился где-то в середине шара, ближе ко мне, чем к Кейвору, так как я был тяжелее его.

— Мы должны вращаться, — сказал Кейвор, — вращаться в воздухе вместе со всеми вещами.

Странное это ощущение — витать в пространстве, — сначала жуткое, но потом, когда страх проходит, не лишенное приятности, очень покойное, похожее на лежание на мягком пуховике. Полная отчужденность от мира и независимость! Я не ожидал ничего подобного. Я ожидал силь-

ного толчка вначале и головокружительной быстроты полета. Вместо этого я почувствовал себя как бы бесплотным. Это походило не на путешествие, а на сновидение.

Глава V
Путешествие на Луну

Кейвор погасил свет, сказав, что у нас не очень большой запас электрической энергии и что нам надо беречь ее для чтения. В продолжение некоторого времени, — я не знаю, как долго это длилось, — мы находились в темноте. Из пустоты выплыл вопрос.

— Куда мы летим? В каком направлении? — спросил я.

— Мы летим от Земли по касательной, и так как Луна теперь близка к своей третьей четверти, то мы направимся к ней. Я открою заслонку…

Щелкнула пружина, и одно из окон на наружной оболочке шара раскрылось. Небо было так же черно, как и тьма внутри шара, но на нем блестело множество звезд.

Кто видел звездное небо только с Земли, тот не может представить себе, какой вид оно имеет, когда сорвана полупрозрачная вуаль земной атмосферы. Звезды, которые мы видим на Земле, — только рассыпанные по небу призраки, проникающие сквозь нашу туманную атмосфе-

ру.

Теперь же я видел настоящие звезды!

Много чудесного пришлось нам увидеть, но вид безвоздушного, усеянного звездами неба незабываем.

Маленькое оконце захлопнулось с треском, другое, соседнее, открылось и через мгновение захлопнулось также, потом третье, и наконец я зажмурил глаза от ослепительного блеска Луны.

Некоторое время я пристально смотрел на Кейвора и на окружающие предметы, чтобы приучить мои глаза к свету, прежде чем смог взглянуть на сверкающее светило.

Четыре окна были открыты для того, чтобы притяжение Луны могло действовать на все предметы в нашем шаре. Теперь я уже не витал в пространстве, но мои ноги покоились на стеклянной оболочке, обращенной в сторону Луны. Одеяла и ящики с провизией также соскользнули к стеклянной стенке и расположились там, заслонив часть вида. Мне казалось, что я смотрю «вниз», на Луну. На Земле «вниз» значит к земной поверхности, по направлению падения тела, а «вверх» — в обратном направлении. Теперь же сила тяготения влекла нас к Луне, а Земля висела у нас над головой. Когда же все кейворитные

окна были закрыты, то «вниз» означало направление к центру нашего шара, а «вверх» — к его наружной стенке.

Любопытно, что, в противоположность нашему земному опыту, свет шел к нам снизу. На Земле свет падает сверху или со стороны. Здесь же он исходил из-под наших ног, и чтобы увидеть наши тени, мы должны были глядеть вверх.

Сначала я испытывал легкое головокружение, стоя на толстом стекле, глядя вниз, на Луну, через сотни тысяч миль пустого пространства; но это болезненное ощущение вскоре рассеялось. Зато какое великолепие!

Читатель может представить себе это, если теплой летней ночью ляжет на землю и, поднимая ноги кверху, будет смотреть между ними на Луну. Однако по какой-то причине, вероятно из-за отсутствия воздуха, Луна казалась нам значительно ярче и больше, чем на Земле. Малейшие детали ее поверхности были отчетливо видны. И теперь, когда мы смотрели на нее не через воздух, контуры ее стали резко очерченными, без расплывчатого сияния или кольца; только звездная пыль, покрывавшая небо, обрамляла края и обозначала очертания ее неосвещенной части. Когда я стоял и смотрел на Луну между

ногами, то ощущение фантастичности, часто появлявшееся у меня со времени нашего старта, опять вернулось с удесятеренной силой.

— Кейвор, — сказал я, — как странно. А эти компании, которые мы собирались устроить, и залежи минералов…

— Что такое?

— Я не вижу их здесь.

— Ну так что же, — ответил Кейвор, — вы еще увидите.

— Я привык смотреть на все практически. Однако… — В эту минуту я был почти уверен, что никакого мира не существовало.

— Этот номер газеты может вернуть вас к жизни.

Я взял газету, поднял ее над головой и нашел, что в таком положении удобно читать. Мне бросился в глаза столбец мелких объявлений. «Джентльмен дает деньги взаймы», — прочел я. Я знал такого джентльмена. Какой-то чудак продавал велосипед «новый, стоящий пятнадцать фунтов», за пять фунтов стерлингов. Затем какая-то дама, очутившись в бедственном положении, самоотверженно хотела продать ножи для рыбы и вилки — свой «свадебный подарок». Без сомнения, кто-нибудь тщательно рассматривал эти

ножи и вилки, кто-нибудь пробовал велосипед, а третий доверчиво вступил в разговор с благодетелем, ссужающим деньги, в ту самую минуту, когда я пробегал глазами эти объявления.

Я рассмеялся и выпустил газету из рук.

— Видны ли мы с Земли? — спросил я.

— А что?

— Один мой знакомый очень интересуется астрономией, и мне пришло в голову, что, может быть, он теперь как раз смотрит на нас в телескоп.

— Потребуется самый сильный телескоп, чтобы заметить нас даже как точку.

Несколько минут я молча смотрел на Луну.

— Целый мир, — сказал я, — здесь это чувствуешь гораздо сильнее, чем на Земле… Обитаемый, пожалуй…

— Обитаемый! — воскликнул Кейвор. — Нет, забудьте об этом. Вообразите себя сверхарктическим путешественником, исследующим пустыню. Взгляните сюда, — он показал рукой на бледное сияние, — это мертвый мир! Мертвый! Огромные потухшие вулканы, пространства застывшей лавы, равнины, покрытые снегом, замерзающей углекислотой или воздухом; всюду трещины, ущелья, пропасти. Никакой жизни,

никакого движения. Люди наблюдали эту планету систематически в телескопы около двухсот лет, и много ли перемен они заметили? Как вы думаете?

— Никаких.

— Они отметили два бесспорных обвала, одну сомнительную трещину и незначительное периодическое изменение окраски — вот и все.

— Я не знал, что они заметили даже и это.

— Да, но никаких следов жизни!

— Кстати, — спросил я, — какой наименьший предмет на Луне могут обнаружить самые сильные телескопы?

— Можно было бы увидеть большую церковь. Наверное, увидели бы города и строения или что-нибудь подобное. Пожалуй, там есть какие-нибудь насекомые, вроде муравьев например, которые могут скрываться в глубокие норы от лунной ночи, или какие-нибудь неведомые существа, не имеющие себе подобных на Земле. Это самое вероятное, если мы вообще найдем там какую-нибудь жизнь. Какие разные условия! Жизнь там должна приспособляться к дню, в четырнадцать раз более продолжительному, чем у нас на Земле: непрерывный, двухнедельный солнечный блеск и зной при безоблачном небе, и

затем ночь, такая же длинная, холодная под студеными, резко очерченными звездами. В такую длинную ночь там должен быть страшный холод, доходящий до абсолютного нуля, до двухсот семидесяти трех градусов Цельсия ниже земной точки замерзания. Всякой жизни там пришлось бы погружаться в зимнюю спячку на всю эту долгую морозную ночь и снова пробуждаться при наступлении долгого дня.

Он задумался.

— Можно, пожалуй, вообразить себе червеподобных существ, питающиеся твердым воздухом, точно так же, как дождевой червяк питается землей, или каких-нибудь толстокожих чудовищ…

— Почему же, — спросил я, — мы не захватили с собой оружия?

Кейвор ничего не ответил на этот вопрос.

— Нет, — сказал он наконец, — нам надо продолжать наше путешествие. Увидим, когда доберемся туда.

— Конечно, — вспомнил я, — минералы там должны быть при всех условиях.

Кейвор сказал мне, что желает переменить наш курс, отдавшись на минуту действию земного притяжения. Для этого он хочет открыть на тридцать секунд одно из обращенных к Земле окон.

Он предупредил, что у меня может закружиться голова, и советовал протянуть руки к окну.

Я последовал его совету и уперся ногами в ящики с провизией и цилиндры с воздухом, чтобы не дать им упасть на меня.

Окно щелкнуло и раскрылось.

Я упал на руки и сквозь стекло на мгновение увидел между моими темными растопыренными пальцами нашу Землю — планету внизу небесного свода.

Мы находились сравнительно близко от Земли — по словам Кейвора, всего на расстоянии каких-нибудь восьмисот миль, и громадный земной диск закрывал почти все небо. Ясно было видно, что наша планета имеет шарообразную форму. Материки вырисовывались смутными очертаниями, широкая серая полоса Атлантического океана блестела, как жидкое серебро на закате. Я рассмотрел, как мне показалось, тусклые, подернутые дымкой береговые очертания Испании, Франции и Южной Англии.

Снова щелканье — и окно закрылось, а я медленно скользнул по гладкой поверхности стекла.

Снова оказалось, что Луна находится «внизу», у меня под ногами, а Земля где-то далеко, на краю горизонта, — та самая Земля, которая всегда бы-

ла внизу и для меня, и для всех людей с самого начала жизни.

Так слабы были требовавшиеся от нас усилия, так легко все нам давалось благодаря невесомости, что мы не чувствовали ни малейшей потребности в подкреплении наших сил в течение шести часов (по хронометру Кейвора).

Кейвор осмотрел аппарат для поглощения углекислоты и воды и нашел его в удовлетворительном состоянии, благодаря, конечно, тому, что наше потребление кислорода было ничтожно. Все темы для разговоров исчерпались, нам нечего было больше делать, и мы задремали.

Разостлав наши одеяла на дне шара таким образом, чтобы укрыться как можно надежнее от лунного света, мы пожелали друг другу спокойной ночи и почти мгновенно заснули.

Так мы проводили время в дремоте, разговаривая, читая, закусывая, хотя и без большого аппетита. Любопытно, что за все время нашего пребывания в шаре мы не чувствовали ни малейшей потребности в пище; сначала мы принуждали себя есть, потом перестали и постились, так что не извели и двадцатой части взятой с собой провизии; количество выдыхаемой углекислоты также было ничтожно — почему, не

сумею объяснить, — но, большей частью находясь в состоянии покоя, которое не было ни сном, ни бодрствованием, мы падали сквозь пространство времени, не имевшее ни дня, ни ночи, падали бесшумно, плавно и быстро по направлению к Луне.

Глава VI
Высадка на Луну

Помню, как Кейвор вдруг открыл разом шесть окошек и так ослепил меня светом, что я вскрикнул от боли в глазах и закричал на него. Все видимое пространство занимала Луна — исполинский ятаган с блестящим, иззубренным темнотой лезвием, постепенно вырисовывающийся из отлива мрака берег, блестящие на солнечном свете остроконечные пики и вершины. Думаю, что читатель видел изображение или фотографии Луны, так что мне нет надобности описывать очертания лунного ландшафта, грандиозные кольцеобразные лунные цепи, более обширные, чем наши земные горы, вершины, ярко освещенные днем и отбрасывающие резко очерченные тени; серые беспорядочные равнины, кряжи, холмы, кратеры — все детали лунной поверхности, то залитые ослепительным светом, то погруженные в таинственный полумрак. Мы витали близ этого мира на расстоянии сотни миль над его хребтами и остроконечными пиками. Теперь мы могли наблюдать то, чего ни

один глаз на Земле никогда не увидит. Среди белого дня резкие очертания лунных скал и оврагов, лощин и дна кратеров заволакивались туманом; белизна их освещенной поверхности разрывалась на полосы и лоскутья, суживалась и исчезала; только кое-где появлялись и ширились пятна бурого и оливкового цвета.

Недолго, однако, пришлось нам любоваться этим видом. Наступал самый опасный момент нашего путешествия. Нам приходилось спускаться к Луне, около которой мы кружились, замедлять наше движение и высматривать место для посадки.

Кейвор напряженно работал. Я же бездельничал, волновался и все время попадался ему под руку. Он прыгал по шару с проворством, невозможным на Земле. Он то и дело отпирал и запирал кейворитные окна, делая при этом вычисления и посматривая на свой хронометр при свете электрической лампочки. Долгое время окна оставались закрытыми, и мы безмолвно висели во мраке, кружась в пространстве.

Кейвор нащупал кнопки и открыл сразу четыре окна. Я зашатался и прикрыл глаза, ослепленный непривычным сиянием Солнца, блиставшего у меня под ногами. Потом ставни снова захлопну-

лись, и у меня закружилась голова от внезапной темноты.

Затем Кейвор зажег электричество и сказал, что надо связать наш багаж и завернуть в одеяло, чтобы избежать сотрясения при спуске шара. Мы делали это при закрытых окнах, когда наши вещи расположились в центре шара. Это была забавная работа: вообразите, если можете, двух человек, которые плавают в сферическом пространстве, упаковывая и увязывая свои пожитки. Малейшее усилие обращалось в неожиданное движение. То меня прижимало к стеклянной стенке вследствие толчка от налетевшего на меня Кейвора, то я беспомощно барахтался в пустоте; звезда электрического света сияла у нас то над головой, то внизу; то ноги Кейвора чуть не задевали меня по лицу, то мы сталкивались друг с другом. Наконец вещи были связаны в большой мягкий тюк — все, за исключением двух одеял с отверстием для головы: в них мы хотели закутаться сами.

Кейвор открыл одно окно со стороны Луны, и мы увидели, что спускаемся к огромному центральному кратеру, окруженному крестообразно несколькими меньшими. Затем Кейвор открыл наш шар со стороны ослепительного Солнца, — вероятно, он хотел воспользоваться

притяжением Солнца как тормозом.

— Закройтесь одеялом! — вскричал он, отлетая в сторону.

Я не сразу понял, потом вытащил одеяло из-под ног и закутался с головой. Кейвор закрыл заслонку, снова открыл одно окно и быстро его захлопнул, потом начал открывать поочередно все окна. Шар наш заколебался, и мы внутри завертелись, ударяясь о стеклянную стенку и о толстый тюк багажа или же сталкиваясь друг с другом. Снаружи какое-то белое вещество обдавало брызгами наш шар, как будто мы катились вниз по снежному откосу… через голову кувырком, удар — опять кувырком…

Сильный толчок — я наполовину был погребен под тюком багажа… Тишина. Затем я услышал пыхтение Кейвора и хлопанье стальных заслонок. Я сбросил завернутый в одеяло багаж и выбрался из-под него. Наши открытые окна блестели в темноте звездами.

Мы остались живы и лежали во мраке, в тени, отбрасываемой большим кратером, на дно которого скатился наш шар.

Мы сидели, переводя дыхание и прощупывая на теле синяки от ушибов. Ни один из нас не предвидел такого нелюбезного приема в лунном

мире. Я с трудом поднялся на ноги.

— Посмотрим на лунный пейзаж, — сказал я. — Какая темнота, Кейвор!

Стеклянная поверхность шара запотела, и, разговаривая, я протирал ее одеялом.

— Остается полчаса или около этого до наступления дня, — сказал Кейвор. — Надо обождать.

Ничего не было видно в окружающей темноте, мы сидели, как заключенные, в стальном шаре. Протирание одеялом не помогло: стекло снова потело от сгустившегося пара и облипало волосками шерсти. Надо было прибегнуть к чему-нибудь более подходящему. Протирая стекло, я нечаянно соскользнул по влажной поверхности и ударился коленом об один из цилиндров с кислородом в тюке. Нелепое положение! После долгого странствования мы очутились на Луне, среди неведомых чудес, и могли видеть только тусклую стенку нашего стеклянного пузыря.

— Проклятье! — разозлился я. — Ради этого не стоило улетать с Земли.

Я присел на тюк, дрожа от холода и закутываясь плотнее в одеяло.

Мокрая поверхность стекла замерзла и покрылась морозными узорами.

— Не можете ли вы достать из тюка электриче-

скую печь, — сказал Кейвор, — иначе мы рискуем замерзнуть.

Я не заставил его повторять эту просьбу дважды.

— А теперь, — спросил я, — что нам делать?

— Ждать, — отвечал он.

— Ждать?

— Конечно. Надо подождать, пока воздух снова согреется. Тогда и стекло просветлеет. До тех пор нам нечего делать. Здесь еще ночь — надо обождать наступления дня. А пока не хотите ли закусить?

Я ничего не ответил и сидел, дрожа от холода. Я с досадой отвернулся от мутной стеклянной стенки и старался разглядеть лицо Кейвора.

— Да, — сказал я после короткой паузы, — я проголодался. Я сильно разочарован. Я ожидал… Не знаю, чего я ожидал, только, во всяком случае, не этого.

Я призвал на помощь всю свою философию: натянув получше одеяло, я снова уселся на тюке и приступил к своему первому завтраку на Луне. Не помню, кончил ли я его, как вдруг стеклянная поверхность стала проясняться быстро расширявшимися и сливавшимися полосками. Наконец тусклая вуаль, скрывавшая лунный мир

от наших взоров, исчезла.

Мы с любопытством взглянули наружу.

Глава VII
Восход солнца на Луне

Нам представилась дикая и мрачная картина. Мы находились среди громадного амфитеатра, в обширной круглой равнине, на дне гигантского кратера. Его обрывистые стены замыкали нас со всех сторон. С западной стороны на них падал свет еще невидимого Солнца, достигая подошвы обрыва и показывая хаотические нагромождения темных и серых скал, перерезанных сугробами и снежными ущельями. Края кратера находились от нас милях в двенадцати, но в разреженной атмосфере блестящие очертания их были видны отчетливо. Они вырисовывались ослепительно ярко на фоне звездной темноты, которая нашим земным глазам казалась скорее великолепным, усеянным блестками бархатным занавесом, чем небом.

Восточный край походил на темную кромку звездного купола. Ни розового отблеска, ни брезжущего рассвета — никакого признака наступления утра. Только солнечная корона, зодиакальный свет, большое конусообразное

светящееся пятно, направленное вершиной к блестящей утренней звезде, предупреждала нас о близком появлении Солнца.

Слабый свет вокруг нас отражался от западного края кратера и открывал обширную волнообразную равнину, холодную и серую, постепенно темнеющую к востоку и переходящую в черную тень обрыва. Бесчисленные круглые серые вершины, призрачные холмы, сугробы из снегоподобного вещества, простирающиеся хребтами, дали нам представление о размерах кратера. Холмы казались покрытыми снегом. Но то, что я принял сначала за снег, оказалось замерзшим воздухом.

Так было сначала, а потом вдруг сразу наступил лунный день.

Солнечный свет скользнул по скалам, коснулся нагромождений у их оснований и, точно в сапогах-скороходах, быстро достиг нас. Отдаленный край кратера как будто зашевелился, дрогнул, и со дна стал подниматься серый туман; клубы его становились все шире и гуще, и западная часть равнины скоро задымилась, как мокрый платок, повешенный перед огнем сушиться.

— Это воздух, — сказал Кейвор, — несомненно, воздух, иначе пар не поднимался бы при лучах

солнца…

Он взглянул вверх.

— Смотрите! — воскликнул он.

— Куда? — спросил я.

— На небо. Видите? На черном фоне голубая полоска. Звезды кажутся больше, а некоторые из них, которые мы видели в небесном пространстве, исчезли!

День наступил быстро. Серые вершины одна за другой вспыхивали и клубились дымящимся паром. Вся равнина на западе казалась морем тумана, прибоем и отливом облачных волн. Края кратера отступали все дальше и дальше, тускнели, меняли свои очертания и скоро исчезли в тумане.

Все ближе и ближе надвигался дымный прилив с быстротой бегущей по земле тени облака, подгоняемого юго-западным ветром. Вокруг стало сумрачно.

Кейвор схватил меня за руку.

— Что? — спросил я.

— Смотрите! Солнечный восход! Солнце!

Он заставил меня обернуться и показал на восточный край кратера, выступавший из окружающего нас тумана и немного просветлевший по сравнению с темным небом. Контуры его обозна-

чались странными красноватыми вспышками, языками багрового колеблющегося пламени. Я подумал сначала, что это клубы тумана поглощают солнечный блеск и вспыхивают языками на небе, но это была солнечная корона, которая на Земле скрыта от наших глаз атмосферой.

И вдруг показалось солнце.

Сверкнула ослепительная линия — тонкая лучезарная полоска, скоро принявшая форму дуги, — и метнула в нас огненное копье зноя.

Как будто у меня выкололи глаза! Я громко вскрикнул и отвернулся, почти ослепленный, отыскивая ощупью одеяло под узлом.

И вместе с этим жгучим светом раздался первый звук, достигший нашего слуха с тех пор, как мы покинули Землю: свист и шелест, бурный шорох воздушной одежды наступающего дня. С появлением света и звука шар наш накренился, и мы, как слепые, беспомощно повалились друг на друга. Шар снова качнулся, и свист стал громче. Зажмурив глаза, я старался закрыть голову одеялом, но новый толчок свалил меня с ног.

Я выпал из узла, и когда открыл глаза, то увидел на мгновение блеск воздуха снаружи стекла. Воздух был жидкий, он кипел, как снег, в который воткнули добела раскаленный железный прут.

Отвердевший воздух при первом прикосновении солнечных лучей превратился в пасту, в грязную жижу, которая шипела и пузырилась, превращаясь в газ.

Шар снова покачнулся, и мы с Кейвором ухватились друг за друга. Нас подбросило, перевернуло, и я упал на четвереньки. Лунный рассвет играл нами, как мячиком, точно хотел показать нам, слабым людям, что может с нами сделать Луна.

Снаружи что-то блеснуло, заклубился пар, потекла и закапала полужидкая грязь. Нас швыряло в темноте. Я очутился внизу, и колени Кейвора уперлись мне в грудь. Затем его отбросило, и несколько мгновений я лежал на спине, глядя вверх. Лавина полужидкого кипящего вещества упала и погребла наш шар. Я видел, как по стеклу прыгали пузырьки. Кейвор вскрикнул.

Другая лавина тающего воздуха подхватила шар, и он покатился под откос, перепрыгивая через расщелины, срываясь с уступов, все быстрей и быстрей к западу, в раскаленную, белую кипящую бурю лунного дня.

Ухватившись друг за друга, мы катались по шару вместе с тюком багажа. Мы сталкивались, сшибались головами и снова разлетались в разные стороны, с фейерверком искр в глазах! На

Земле мы давно раздавили бы друг друга, но на Луне, к счастью, наш вес был в шесть раз меньше — и все обошлось благополучно. Я припоминаю чувство сильной боли, такое ощущение, как будто мозг перевернулся у меня в черепе, а затем…

Что-то шевелилось у меня на лице, тонкие щупальца ухватили мои уши. Потом я заметил, что яркий блеск ослаблен надетыми на меня синими очками. Кейвор наклонился надо мной, я увидел снизу его лицо: глаза его также были защищены синими очками. Дышал он порывисто, и губа у него была рассечена в кровь.

— Ну что, лучше? — спросил он, обтирая кровь рукой.

Все вокруг качалось, но это было просто головокружение. Кейвор закрыл несколько заслонов в оболочке шара, чтобы скрыть меня от солнца. Все вокруг нас было залито ярким светом.

— Ох, — вздохнул я, — что…

Я поднял голову, чтобы посмотреть наружу. Ослепительный блеск сменил мрачную темноту.

— Долго я лежал без чувств? — спросил я.

— Не знаю, хронометр разбился. Должно быть, недолго, мой дорогой, но я очень испугался…

Я лежал молча, стараясь вдуматься в случившееся. На лице его еще отражалось пережитое

волнение. Я ощупывал рукой свои ушибы и искал следы повреждений на лице Кейвора. Больше всего пострадала у меня правая рука, на которой была содрана кожа; лоб тоже был разбит в кровь. Кейвор дал мне дозу какого-то подкрепляющего средства, которое он захватил с собой, — я забыл, как оно называется. Я почувствовал себя лучше и начал расправлять свои члены. Вскоре я мог уже разговаривать.

— Это не должно было случиться, — сказал я, как бы продолжая начатый разговор.

— Нет, не должно.

Он задумался, положив руки на колени. Взглянул наружу через стекло, потом на меня.

— Нет, не должно, — повторил он.

— Что случилось? — спросил я. — Мы попали под тропики?

— Случилось то, чего я ожидал. Воздух испарился, если только это воздух. Во всяком случае, вещество это испарилось, и показалась поверхность Луны. Мы лежим на какой-то каменистой скале. Кое-где обнажилась почва — довольно странная!

Кейвор не стал вдаваться в дальнейшие объяснения. Он помог мне сесть, и я увидел все своими глазами.

Глава VIII
Утро на Луне

Резкие контрасты белого и черного в окружающем пейзаже исчезли. Солнечный свет придал всему янтарный оттенок. Тени на скалистой стене кратера стали пурпурными. На востоке все еще клубился туман, укрываясь от солнечного света, но на западе небо было голубое и чистое. Значит, я долго пролежал в обмороке.

Мы находились уже не в пустоте, а в атмосфере. Очертания предметов вырисовывались отчетливей, резче и разнообразней, за исключением рассеянных полос белого вещества, но не воздуха, а снега: пейзаж уже не походил на арктический. Всюду расстилались ярко освещенные солнцем широкие ржаво-бурые пространства голой, изрытой почвы; кое-где по краям снежных сугробов блестели лужи и ручьи, которые одни только оживляли мертвый пейзаж. Солнечный свет проникал к нам в два отверстия и превратил наш климат в жаркое лето, но ноги наши оставались еще в тени, и шар лежал на снежном сугробе.

На скате нерастаявшего сугроба виднелись раз-

бросанные сухие ветки такой же бурой окраски, как и скала. Это заинтересовало меня. Ветки! В мертвом мире! Но когда я пригляделся к ним, то заметил, что вся лунная поверхность покрыта волокнистым покровом, похожим на ковер из опавшей бурой хвои под стволами сосен.

— Кейвор! — воскликнул я.

— Что?

— Теперь это мертвый мир, но раньше…

Внимание мое было привлечено другим: я заметил между опавшими иглами множество маленьких кругляшей, и мне показалось, что один из них шевелится.

— Кейвор, — прошептал я.

— Что?

Я ответил не сразу. Я пристально смотрел, не веря своим глазам. Потом издал нечленораздельный звук и схватил Кейвора за руку.

— Посмотрите, — показал я. — Вон там! И там!

Он посмотрел туда, куда я показывал пальцем.

— Что такое? — спросил он.

Как описать тот предмет, что я увидел? Он был невелик и, однако, показался мне таким чудесным, таким необычайным. Я уже сказал, что между иглами, устилавшими почву, были рассеяны какие-то круглые или овальные тельца,

которые можно было принять за гальку. Вдруг одно из них, потом другое зашевелилось и раскрылось, показывая зеленовато-желтый росток, потянувшийся к лучам восходящего солнца. Через несколько мгновений зашевелилось и лопнуло третье тельце.

— Это семена, — сказал Кейвор и как бы про себя прошептал: — Жизнь!

«Жизнь!» Тотчас у меня промелькнула мысль, что наше далекое путешествие совершено не напрасно, что мы прибыли не в бесплодную пустыню минералов, а в живой, населенный мир. Мы продолжали с интересом наблюдать.

Помню, как тщательно прочищал я затуманенное стекло.

Жизнь мы могли наблюдать, только смотря сквозь центр стекла. Ближе к краям мертвые иглы и семена увеличивались и искажались выпуклостью. И все-таки мы могли увидеть многое! По всему освещенному солнцем откосу чудесные бурые тельца лопались, как семена или стручки, — они жадно раскрывали уста, чтобы пить тепло и свет восходящего солнца.

С каждой секундой количество лопающихся семян увеличивалось, между тем как их передовые застрельщики уже вытягивались из расколов-

шихся скорлупок и переходили во вторую стадию роста. Уверенно и быстро эти удивительные семена пускали из себя корешок в почву и изогнутые ростки в воздух. Скоро весь откос покрылся крохотными растеньицами, впитывавшими яркий солнечный свет.

Но недолго оставались они в этом состоянии. Почкообразные ростки надулись и раскрылись, высунув кончики крошечных остроконечных бурых листочков, которые росли быстро, на наших глазах. Движение это было медленней, чем у животных, но быстрее, чем у всех виденных мною растений. Как нагляднее передать вам процесс этого произрастания? Листочки вытягивались. Коричневая оболочка семян морщилась и быстро распадалась. Случалось ли вам в холодный день взять термометр в теплую руку и наблюдать, как тонкий столбик ртути поднимается в трубке? Так же быстро росли и эти лунные растения.

В несколько минут, как казалось, ростки более развившихся растений вытянулись в стебелек и пустили из себя второй побег листьев. Весь откос, еще недавно такой мертвый, усыпанный иглами, покрылся теперь темной оливково-зеленой растительностью колючих листьев и стеблей, поражающих мощью своего роста.

Я повернулся к востоку, и — чудо! — там тоже вдоль всего верхнего края скалы показалась бахрома растительности, поднимавшаяся так же быстро, темневшая на солнечном блеске. А за этой бахромой возвышался силуэт массивного узловатого растения вроде кактуса, пучившегося и надувавшегося, как пузырь, наполненный воздухом.

На западе другое такое же растение поднималось над порослью. Но здесь свет падал на него сбоку, и я мог разглядеть, что растение окрашено в ярко-оранжевый цвет. Оно росло на наших глазах. Стоило отвернуться на минуту и снова взглянуть на него, как контуры его уже изменялись: оно выпускало из себя толстые, массивные ветви и в короткое время преобразилось в коралллообразное дерево высотой в несколько футов. В сравнении с этим быстрым ростом развитие земного гриба-дождевика, который, говорят, в одну ночь достигал фута в диаметре, показалось бы очень медленным. Но дождевик растет при силе тяготения, которое в шесть раз больше, чем на Луне.

Из всех оврагов и равнин, которые были скрыты от наших глаз, но не от живительных лучей Солнца, над грядами и рифами сияющих скал вы-

тягивались заросли тучной колючей растительности, спешившей воспользоваться коротким летом, в продолжение которого нужно расцвести, обсемениться и погибнуть. Этот быстрый рост лунной растительности казался чудом.

Представьте это! Представьте рассвет на Луне! Оттаивание мерзлого воздуха, оживающую и шевелящуюся почву, бесшумный быстрый рост стеблей и листьев. И все это залито ослепительным светом, в сравнении с которым самый яркий солнечный свет на Земле показался бы слабым и тусклым. И, среди этих джунглей, в тени — полосы синеватого снега. И, кроме того, не забудьте, что все это мы видели через толстое выпуклое стекло, дающее, подобно чечевице, лишь в центре ясные и верные изображения, по краям же увеличенные и искаженные.

Глава IX
Первые изыскания

Мы перестали наблюдать и повернулись друг к другу с одной и той же мыслью, с одним и тем же вопросом в глазах. Раз эти растения живут, значит есть воздух, которым могли бы дышать и мы.

— Открыть люк? — предложил я.

— Да! — согласился Кейвор. — Если только там воздух.

— Скоро, — заметил я, — эти растения достигнут человеческого роста. Но можно ли быть абсолютно уверенным, что там есть воздух? Может быть, это азот или углекислота?

— Это легко проверить, — сказал Кейвор и приступил к опыту.

Он вынул из узла обрывок смятой бумаги, зажег ее и поспешно выбросил через люк. Я наклонился вперед и начал внимательно следить через толстое стекло за бумагой и за огоньком, от которого зависело так много!

Я заметил, что бумага медленно опустилась на снег и пламя как будто погасло. Но через

мгновение на краю бумаги показался синевато-огненный язычок, который полз и ширился.

Скоро весь обрывок, за исключением кусочка, соприкасавшегося со снегом, обуглился и съежился, выпустив вверх легкую струйку дыма. Никакого сомнения не оставалось больше для меня: атмосфера Луны состоит либо из чистого кислорода, либо из воздуха и, следовательно, способна, если только она не находится в слишком разреженном состоянии, поддержать нашу жизнь. Значит, мы можем выйти наружу и жить.

Я уселся у люка и собирался уже отвинчивать крышку, но Кейвор остановил меня:

— Необходима маленькая предосторожность.

Он сказал, что хотя это, несомненно, атмосфера, содержащая кислород, но, может быть, настолько разреженная, что мы ее не вынесем. При этом Кейвор напомнил мне о горной болезни и кровотечении, которому часто подвергаются воздухоплаватели при слишком быстром подъеме аэростата. Затем он принялся изготовлять какой-то противный на вкус напиток, который я выпил вместе с ним. Снадобье несколько расслабило меня, и только. После этого Кейвор позволил мне открыть люк.

Как только стеклянная крышка люка немного поддалась, более плотный воздух нашего шара начал быстро вытекать наружу по нарезу винта с шумом, похожим на бурление закипающего котла.

Кейвор остановил меня. Очевидно, атмосферное давление вне шара значительно меньше, чем давление внутри, но насколько меньше, этого мы не могли определить.

Я сидел, ухватившись обеими руками за крышку люка, готовясь снова привинтить ее, если, к несчастью, лунная атмосфера окажется чересчур разреженной. Кейвор же сидел с цилиндром сгущенного кислорода в руке, чтобы регулировать воздушное давление. Мы молча смотрели то друг на друга, то на фантастическую растительность, бесшумно выраставшую на наших глазах. Резкий свист не прекращался.

В ушах у меня зазвенело, звуки от движений Кейвора делались все слабее вследствие разрежения воздуха.

Наш воздух с шипением вырывался наружу через нарезы винта, а содержащаяся в нем влага сгущалась в маленькие клубы пара.

Дыхание стало затрудненным. Эта затрудненность дыхания чувствовалась нами постоянно во

время нашего пребывания во внешней атмосфере Луны. Потом появилось неприятное ощущение в ушах, под ногтями пальцев и в горле, которое скоро прошло и сменилось головокружением и тошнотой. Я испугался и прикрыл крышку люка. Но Кейвор оказался более выдержанным. Голос его звучал очень тихо и доносился словно издалека вследствие разреженности воздуха.

Он посоветовал мне выпить рюмку водки и сам первый подал пример. Я почувствовал себя несколько лучше и отвернул крышку, — звон в ушах усилился, между тем как свист вырывающегося из шара воздуха как будто прекратился. Однако я не был уверен, что это так.

— Ничего? — спросил еле слышно Кейвор.

— Ничего, — повторил я.

— Выйдем наружу?

— Это все? — усомнился я.

— Если вы можете выдержать.

Вместо ответа я отвинтил крышку, снял ее и положил на тюк. Несколько хлопьев снега закружилось и исчезло, когда лунный разреженный воздух наполнил наш шар. Я опустился на колени, уселся у края отверстия и выглянул наружу. Внизу, на расстоянии одного ярда от моего лица, лежал чистый, девственный лунный снег.

Мы молча переглянулись.

— Ну как ваши легкие? — спросил Кейвор.

— Ничего, — ответил я, — довольно сносно.

Кейвор протянул руку за одеялом, просунул голову в отверстие посередине и, закутавшись, сел на краю люка. Ноги его находились на расстоянии шести дюймов от снега.

С минуту он колебался, потом спрыгнул и стал на девственную почву Луны.

Фигура его через стекло показалась мне фантастической. Постояв и осмотревшись, он вдруг прыгнул.

Выпуклое стекло показывало все в искаженном виде, и прыжок Кейвора показался мне гигантским. Он отлетел футов на двадцать или на тридцать от меня. Он стоял на скале и махал мне рукой. Может быть, он кричал, но я ничего не слышал. Каким образом смог он сделать такой гигантский прыжок? Какое-то колдовство!

Ничего не понимая, я тоже спустился через люк. Прямо передо мной снежный сугроб подтаял и образовал яму. Я сделал шаг и прыгнул.

По воздуху я перелетел на скалу, на которой стоял Кейвор, и ухватился за нее в изумлении. Потом истерически расхохотался и смутился. Кейвор наклонился ко мне и хрипло прошептал,

что надо быть осторожным.

Я забыл, что на Луне, масса которой в восемь раз, а диаметр в четыре раза меньше, чем у Земли, мой вес составлял всего только одну шестую часть земного моего веса. Неожиданный полет напомнил мне об этом.

— Мы ходим здесь без помочей матери-Земли, — заметил Кейвор.

Осторожно передвигаясь, как ревматик, я поднялся на вершину скалы и стал рядом с Кейвором под палящими лучами солнца. Шар наш лежал футах в тридцати позади, на рыхлом сугробе снега.

Всюду над хаосом нагроможденных скал, образовавших дно кратера, щетинились заросли, такие же, как и около нас, с торчащими кое-где кактусообразными растениями, которые росли так быстро, точно ползли по камням. Все пространство кратера, вплоть до обрыва стен, казалось сплошной однообразной пустыней.

Стены эти, по-видимому лишенные растительности, за исключением основания, образовывали множество выступов и площадок, на которые сначала мы не обратили внимания. Они тянулись за много миль от нас по всем направлениям: по-видимому, мы находились в центре кратера

и смотрели на все сквозь легкую мглу. В разреженной лунной атмосфере дул резкий, хотя и слабый ветер. Он дул из темной туманной части кратера по направлению к жаркой, освещенной стене. Трудно было смотреть на расстилавшийся на востоке туман, приходилось прищуриваться и прикрывать рукой глаза из-за ослепительного блеска неподвижного солнца.

— Пустыня, — сказал Кейвор, — совершенная пустыня.

Я снова осмотрелся, надеясь увидеть какой-нибудь признак человеческого существования: верхушку строения, сооружения или машину, но всюду хаотически громоздились пики и гребни скал, щетинились заросли и торчали уродливые, раздутые кактусы. Никакого признака жизни.

— Очевидно, здесь живут одни эти растения, — сказал я, — незаметно ни малейшего следа другой жизни.

— Ни насекомых, ни птиц! Никакого признака животной жизни. Да если бы здесь и были животные, что стали бы они делать в эту бесконечную ночь? Нет, очевидно, тут живут одни эти растения.

Я прикрыл глаза рукой.

— Это похоже на фантастический ландшафт ка-

кого-нибудь необыкновенного сновидения. Эти растения так же мало похожи на земные, как подводные водоросли. Посмотрите на это чудище! Можно подумать, что это ящер, преображенный в растение. И какой ослепительный свет!

— А между тем сейчас только еще прохладное утро, — сказал Кейвор.

Он вздохнул и огляделся.

— Нет, здешний мир непригоден для людей, — промолвил он, — однако в некоторых отношениях… он не лишен интереса.

Он замолчал и, задумавшись, засопел.

Я вздрогнул от какого-то легкого прикосновения: оказалось, что лишай вполз мне на ботинок, я стряхнул его, он рассыпался, и каждый кусочек его опять начал расти. Кейвор вскрикнул, уколовшись об острый шип колючего кустарника.

Он, видимо, колебался: глаза его искали что-то среди окружающих скал.

На шершавом хребте скалы краснела гвоздика — очень редкий экземпляр, багровая магнета.

— Посмотрите, — сказал я, оборачиваясь, но Кейвор исчез. В испуге я подошел к краю скалы, но, пораженный исчезновением Кейвора, снова забыл, что мы находимся на Луне. Большой шаг, сделанный мною, передвинул бы меня на Земле

на один ярд, на Луне же перенес на шесть или пять ярдов через край скалы. Это походило на сон. На Земле падающее тело проходит в первую секунду шестнадцать футов, на Луне же — всего два фута, имея при этом вес в шесть раз меньший. Я упал, или, вернее, спрыгнул на тридцать футов. Мне показалось, что прыжок длился пять или шесть секунд. Я полетел по воздуху и опустился, как перышко, увязнув по колени в снежном сугробе на дне оврага, среди синевато-серых скал с белыми прожилками.

— Кейвор! — крикнул я, но Кейвора нигде не было. — Кейвор! — завопил я еще громче, но лишь горное эхо откликнулось на мой отчаянный призыв.

Вскарабкавшись на вершину скалы, я крикнул:

— Кейвор!

Крик мой напоминал блеяние заблудившегося ягненка.

Шара тоже не было видно, и на минуту меня охватило страшное ощущение одиночества.

Наконец я увидел Кейвора. Он смеялся и махал рукой, стараясь привлечь мое внимание. Он стоял на площадке скалы, ярдах в двадцати или тридцати от меня. Я не мог слышать его голоса, но

жесты его говорили: «Прыгай». Я колебался: расстояние казалось огромным. Однако я решил, что, наверное, смогу прыгнуть дальше, чем Кейвор.

Я отступил на шаг назад, собрался с духом и прыгнул вверх, в воздух, — казалось, я не смогу спуститься вниз.

Жуткое и неприятное ощущение полета! Мой прыжок оказался слишком большим. Я пролетел над головой Кейвора и увидел, что падаю в овраг с колючками. В испуге я крикнул, протянул вперед руки и расставил ноги. Я упал на огромный гриб, который лопнул подо мной, развеяв массу оранжевых спор и обдав меня оранжевой пылью. Потом я скатился вниз и затрясся от беззвучного смеха.

Из-за колючих кустов выглянуло маленькое круглое лицо Кейвора. Он о чем-то спрашивал меня.

— Что? — хотел я ответить, но у меня перехватило дыхание. Он осторожно спускался ко мне между зарослями.

— Нам нужно держаться осторожней, — сказал он. — Эта Луна не признает земных законов. Она разобьет нас вдребезги. — Он помог мне встать на ноги. — Вы чересчур напрягаетесь, — сказал он, смахивая рукой желтую пыль с моей одежды.

Я стоял тихо, запыхавшись, пока он счищал с моих колен и локтей студенистое вещество и читал мне наставления.

— Мы должны приспособиться к тяготению. Наши мускулы еще недостаточно приучены. Необходимо практиковаться. Когда у нас восстановится правильное дыхание…

Я вытащил из руки два или три вонзившихся шипа и присел в изнеможении на скалу. Руки и ноги у меня дрожали. Я чувствовал себя неловко, как пробующий ездить в первый раз на велосипеде.

Кейвору вдруг пришла мысль, что холодный воздух на дне оврага после солнечного зноя может простудить меня, и мы вскарабкались на вершину скалы, озаренную солнцем. Оказалось, что, кроме нескольких ссадин, я не получил никаких серьезных ушибов при падении. Кейвор предложил найти более безопасное и удобное место для нашего следующего прыжка. Мы выбрали наконец площадку на скале на расстоянии около десяти ярдов, скрытую зарослью темно-зеленых колосьев.

— Прыгнем отсюда, — предложил Кейвор, разыгрывавший роль инструктора, и указал на место футах в четырех от моих ног.

Этот прыжок я совершил без труда и должен сознаться, что не без удовольствия заметил, что Кейвор недопрыгнул на один фут или около того и свалился в колючие заросли.

— Видите, как надо быть осторожным, — сказал я, вытаскивая шипы. Теперь он перестал разыгрывать из себя учителя и стал моим товарищем в школе лунного хождения.

После этого мы выбрали еще более легкий прыжок и совершили его шутя, затем прыгнули назад, потом снова вперед и повторили это упражнение несколько раз, приучая наши мускулы к новому режиму. Я никогда не поверил бы, если бы не узнал на собственном опыте, как быстро можно приспособиться. После двадцати или двадцати пяти прыжков мы легко определяли усилие, необходимое для каждого расстояния.

Между тем лунная растительность продолжала расти, становилась выше и гуще, — мясистые кактусы, колючие стебли, грибы и лишаи поражали своими необычайными формами. Однако мы были так поглощены нашими упражнениями, что мало обращали внимания на буйный рост лунных зарослей.

Мы были очень возбуждены. Отчасти, я думаю, это было чувство радости по случаю нашего осво-

бождения от продолжительного заключения в тесном шаре, но главная причина — мягкость и свежесть лунного воздуха, который, очевидно, содержит гораздо больше кислорода, чем наша земная атмосфера. Несмотря на странную, необычайную обстановку, мы вели себя как лондонцы, очутившиеся на лоне природы. Мы не испытывали страха перед неведомым будущим.

Нас охватила жажда деятельности. Мы выбрали мшистый пригорок ярдах в пятнадцати от нас и благополучно взобрались на его вершину.

— Отлично! — кричали мы. — Отлично!

Кейвор сделал три шага в сторону снежного ската. Я остановился, пораженный уморительным видом его парящей в воздухе фигуры в грязной, измятой спортсменской фуражке, со взъерошенными волосами, с круглым туловищем, длинными руками и поджатыми козлиными, тонкими ножками, — странной фигуры на фоне лунного простора.

Я громко расхохотался и последовал за ним. Прыжок — и я очутился рядом с Кейвором.

Мы сделали несколько исполинских шагов наподобие Гаргантюа, три-четыре раза прыгнули и уселись в поросшей мхом лощине. Мы запыхались и сидели спокойно, с трудом переводя

дыхание и вопросительно поглядывая друг на друга. Кейвор бормотал что-то об «удивительных ощущениях». Затем я вдруг спросил, — в этом не было еще ничего страшного, это был вполне естественный и уместный вопрос:

— Однако где же наш шар?

Кейвор посмотрел на меня.

Я вдруг понял, что случилось, и испугался.

— Кейвор, — закричал я, — а где же наш шар?

Глава X
Заблудившиеся на Луне люди

На лице Кейвора отразился мой испуг. Он встал и начал внимательно осматривать окружавшие нас быстро разраставшиеся заросли. Он приложил руку к губам и заговорил без своей обычной уверенности:

— Мне кажется… мы оставили его… где-то… там… — Он показал неопределенным жестом. — Не знаю наверное. — В его глазах выразилось смущение. — Во всяком случае, он где-то недалеко.

Мы оба встали, напряженно всматриваясь в чащу джунглей. Повсюду вокруг, на освещенных солнцем скатах, виднелись лишь колючая щетина, раздутые кактусы, ползучие лишаи да кое-где в тени синели снежные сугробы. На север, на юг, на восток и на запад — во все стороны расстилались однообразные заросли необычайных растительных форм. И где-то, погребенный среди этого хаоса стеблей, лежал наш шар — наш дом, наша провизия, наша последняя надежда выбраться из этой фантастической пустыни,

покрытой эфемерными растениями.

— Я думаю, — Кейвор показал пальцем на север, — что шар, наверное, там.

— Нет, — возразил я, — мы двигались по кривой линии. Смотрите, вот отпечаток моих каблуков. Ясно, что шар находится восточнее. Нет, он где-нибудь там.

— Мне кажется, — сказал Кейвор, — что Солнце все время было справа.

— А мне кажется, что при каждом прыжке моя тень падала вперед.

Мы посмотрели вопросительно друг на друга.

Дно кратера приняло в наших глазах громадные размеры, чащи кустарника казались мне непроходимыми.

— Какое безрассудство!

— Очевидно, нам надо найти наш шар, — сказал Кейвор, — найти как можно скорей. Солнце печет все сильней. Мы давно уже изнемогли бы от жары, если бы воздух не был так сух. К тому же я проголодался.

Я посмотрел на него с удивлением. Об этом я не подумал, но после его слов сразу почувствовал волчий аппетит.

— Да, и я тоже проголодался.

Кейвор решительно встал.

— Нам надо найти шар.

Стараясь держаться спокойнее, мы всматривались в бесконечные каменные гряды, в чащи на дне кратера, молча, каждый про себя взвешивая шансы найти наш шар, прежде чем нас обессилят зной и голод.

— Он находится не дальше пятидесяти ярдов отсюда, — сказал Кейвор несколько нерешительно.

— Единственный способ, — согласился я, — не торопясь, начать поиски. О, если бы эти проклятые колючки росли не так быстро!

— Вполне разделяю ваше желание, — сказал Кейвор. — Но ведь шар наш остался в снежном сугробе.

Я огляделся по сторонам, тщетно надеясь узнать какой-нибудь бугор или кактус вблизи нашего шара. Но везде было одно и то же: стремящиеся кверху заросли, раздувающиеся грибы, тающие и постоянно меняющие очертания снежные сугробы. Солнце палило нестерпимо; мы слабели от голода, и это еще более увеличивало затруднительность нашего положения. И в тот момент, когда мы стояли так, смущенные и растерянные, мы вдруг услышали странный звук, не похожий ни на шелест растений, ни на свист ветра, ни на наши шаги.

«Бум… Бум… Бум…»

Звук исходил из-под наших ног, из-под почвы. Казалось, что мы ощущаем его не только ушами, но и ногами. Он отдавался глухим отдаленным гулом. Странный, необъяснимый звук, не связанный ни с чем окружающим. Густой, медленный и мерный, как удары гигантского погребального колокола:

«Бум… Бум… Бум…»

Звук, напоминавший о церквах, о ночном гуле многолюдного города, об ожидании и бодрствовании, о размеренном порядке, таинственно разносился по фантастической пустыне. Ничего не изменилось в окружающем пейзаже: однообразные заросли и кактусы колыхались от ветра, до самого горизонта на темном куполе неба палило солнце, но загадочный звук трепетал в воздухе как предостережение или угроза:

«Бум… Бум… Бум…»

Мы тихо спрашивали друг друга:

— Как будто колокол?

— Похоже на колокол.

— Что это такое?

— Что это может быть?

— Считайте, — сказал Кейвор, но опоздал, так как удары прекратились.

Тишина, ритмический беспорядок тишины тоже казался нам странным. Действительно ли мы слышали таинственный звон?

Я почувствовал прикосновение руки Кейвора к моему плечу. Он говорил вполголоса, как бы боясь кого-то разбудить:

— Будем держаться вместе и искать наш шар. Нам надо вернуться к шару. Мне непонятны эти загадочные звуки.

— Куда же мы пойдем?

Он колебался. Мы почувствовали присутствие каких-то неведомых существ. Что это за существа? Где они живут? Не является ли окружающая нас пустыня, то мерзлая, то опаленная, только оболочкой какого-нибудь подлунного мира? А если так, то каков этот мир? Каких обитателей может он изрыгнуть на нас?

И вдруг, пронизывая тишину, раздался громовой удар, звон и скрежет, как будто распахнулись громадные металлические ворота.

Мы замедлили шаги, потом остановились в изумлении. Кейвор тихо подошел ко мне.

— Не понимаю, — прошептал он мне над самым ухом. Он неопределенно махнул рукой в небо — смутное выражение еще более смутных мыслей. — Надо найти убежище. На случай, если…

Я осмотрелся кругом и кивнул в знак согласия.

Мы пустились на поиски шара, двигаясь тихо, с преувеличенной осторожностью, стараясь производить как можно меньше шума. Мы направились к ближайшим зарослям, но раздавшийся снова звон, похожий на удар молота по котлу, заставил нас ускорить шаги.

— Надо пробираться ползком, — прошептал Кейвор.

Нижние листья колючих растений, затененные свежей верхней листвой, начали уже вянуть и свертываться, так что мы сравнительно легко могли пробираться между утолщающимися стеблями. На уши, лицо или руки мы уже не обращали внимания. В середине чащи я остановился и тревожно уставился в лицо Кейвора.

— Подземные, — прошептал он, — там, внизу…

— Но они могут выйти наружу.

— Нам надо найти наш шар.

— Да, но как его найти?

— Надо ползать, пока мы не наткнемся на него.

— А если не наткнемся?

— Будем прятаться. Посмотрим, что это за существа.

— Мы будем держаться вместе, — сказал я.

Кейвор задумался.

— Какой путь нам избрать?

— Надо идти наудачу.

Мы осмотрелись и поползли через заросли, стараясь двигаться по кругу, останавливаясь перед каждым грибом, при каждом звуке, думая только о шаре, который мы так легкомысленно покинули. Иногда из-под почвы под нами слышались удары, звон, странные, необъяснимые механические звуки; затем мы слышали слабый треск и гул, доносившийся к нам через воздух. Мы боялись взобраться на возвышение, чтобы взглянуть на кратер. Долгое время мы не замечали никаких признаков присутствия существ, о наличии которых свидетельствовали эти настойчивые частые звуки. Если бы не мучительное чувство голода и жажды, то наше ползание походило бы на яркое сновидение. Так все это было нереально. Единственным намеком на реальность были эти таинственные звуки.

Представьте себя в нашем положении! Кругом нас безмолвная чаща, колючие листья вверху, под нашими руками и коленями ползучие яркие лишаи, выпирающие в быстром росте, как ковер, надуваемый снизу ветром. Иногда исполинские грибы, как пузыри, надутые солнцем, лопались и

обдавали нас пылью своих спор. Все новые, невиданные растительные формы с яркой окраской. Даже клеточки, образующие эти растения, были величиной с мой большой палец и напоминали цветные стеклянные бусы. Все это озарялось ярким блеском солнца и отчетливо вырисовывалось на темно-синем небе, где, несмотря на солнечный свет, сверкали еще немногие звезды. Странно! Даже камни были необычайны по форме и строению. Все было странно, даже наше самочувствие: каждое движение заканчивалось чем-нибудь неожиданным. Дыхание застревало в горле, кровь пульсировала в ушах: тук, тук, тук, тук…

И порой доносились откуда-то глухой шум, удары молота, звон, грохот машин и мычание огромных зверей.

Глава XI
Пастбища лунных коров

Так мы, два несчастных земных отщепенца, заблудившиеся в лунных джунглях, ползли в страхе перед доносившимися до нас странными звуками. Ползли мы так довольно долго, прежде чем увидели селенита и лунную корову, хотя рев и мычание доносились до нас все ясней и ясней. Мы ползли через каменистые овраги, через снежные сугробы, по грибам, лопавшимся под нами пузырями и выпускавшим из себя водянистую жидкость, ползли как бы по мостовой из дождевиков, сквозь колючие заросли и тщетно высматривали покинутый нами шар. Звуки, издаваемые лунными коровами, походили то на мычание, то на яростное завывание, то на животный рев, как будто эти невидимые существа искали корм и ревели.

В первый раз они промелькнули так далеко, что мы не смогли разглядеть их, хотя и испугались. Кейвор полз впереди и первый заметил их близость. Он замер и подал мне знак не шевелиться.

Треск и шум в чаще показывали, что они

приближаются. Пока мы сидели на корточках, прислушиваясь и стараясь определить их местонахождение, страшное мычание раздалось позади нас, верхушки зарослей закачались, и мы почувствовали чье-то горячее и влажное дыхание. Обернувшись, мы увидели среди качавшихся стеблей лоснившиеся бока лунной коровы и ее огромную выгнутую спину, выделявшуюся на фоне неба.

Конечно, мне трудно сказать, что именно я увидел в ту минуту, так как первые мои впечатления были дополнены потом последующими наблюдениями. Прежде всего меня поразили огромные размеры животного: в окружности его туловище имело не менее восьмидесяти, а в длину не менее двухсот футов. Бока его поднимались и опадали от тяжелого дыхания. Я заметил, что его исполинское рыхлое тело почти лежало на грунте и что кожа у него была морщинистая, в складках, белая, темная только на спине. Ног его я не заметил. Мне кажется, что мы увидели только профиль его, с почти лишенной мозгов головой, с тонкой шеей, мокрым, всепожирающим ртом, маленькими ноздрями и закрытыми глазами (лунные коровы всегда закрывают глаза от солнечного света). Мы мельком увидели и

красную пасть, когда чудовище разинуло рот, чтобы зареветь и замычать, почувствовали даже его дыхание. Затем чудовище опрокинулось на бок, как судно, которое волокут по отмели, подобрало складки кожи и проползло мимо нас, проложив просеку среди чащи и скрывшись в зарослях. Скоро показалось другое такое же чудовище подальше, третье — еще дальше, и наконец появился селенит — очевидно, пастух, гнавший эти громадные туши на пастбище. В испуге я судорожно ухватился за ногу Кейвора. Мы замерли и долго смотрели вслед селениту.

В сравнении с лунными коровами он казался муравьем, пигмеем не более пяти футов ростом. На нем была одежда из какой-то кожи, так что все тело его было закрыто, но тогда мы об этом еще не знали. Селенит представлял собой крепкое насекомоподобное существо с длинными бичеобразными щупальцами и рогом на цилиндрическом туловище. Голова была скрыта под огромным, утыканным остриями шлемом.

Впоследствии мы узнали, что селениты пользовались этими остриями для наказания упрямых лунных коров. Два темных стекловидных наглазника сбоку придавали птичий вид металлическому аппарату на его лице. Рук не было видно,

и селенит передвигался на коротких ногах, которые, хотя и были обернуты во что-то теплое, показались нам очень жидкими: слишком короткие бедра, длинные голени и маленькие ступни.

Несмотря на тяжелое, по-видимому, одеяние, селенит шел довольно большими шагами и все время работал рогом. По его походке в ту минуту, когда он проходил вдали мимо нас, было заметно, что он торопится, сердится. Вскоре после того, как мы потеряли его из виду, протяжное мычание лунных коров перешло в короткий резкий визг, сопровождаемый возней. Рев, удаляясь, становился тише и наконец совсем смолк: вероятно, чудовища достигли пастбища.

Мы прислушались. В лунном мире царила тишина. Мы поползли дальше искать наш пропавший шар.

Во второй раз мы увидели лунных коров довольно близко, среди скал. Пологие обрывы густо поросли каким-то растением с зелеными мшистыми клубками: их-то и поедали чудовища. Мы остановились на опушке чащи, наблюдая эти создания и высматривая кругом, нет ли где селенита. Чудовища лежали на пастбище, как огромные жирные паразиты, и жадно пожирали корм. Неуклюжие и неповоротливые, они,

казалось, состояли из одного жира, — смитфильдский бык в сравнении с ними был бы образцом проворства. Их искривленные, жующие пасти и закрытые глаза вместе со смачным чавканьем выражали такое животное наслаждение, что еще сильней почувствовалась пустота наших желудков.

— Свиньи! — разозлился Кейвор. — Отвратительные свиньи!

Бросив на чудовищ завистливый взгляд, Кейвор пополз через кусты вправо. Убедившись, что растение совершенно непригодно для человеческого питания, я пополз вслед за ним, грызя сорванный стебель.

Но скоро мы вторично остановились при приближении селенита. На этот раз мы могли лучше рассмотреть его. Верхний покров его был действительно одеждой, а не скорлупой. Одежда у второго селенита была такая же, как и у первого, с той лишь разницей, что у него на затылке торчало что-то похожее на вату. Селенит стоял на выступе скалы, поворачивая голову то в одну сторону, то в другую, как бы охраняя кратер. Мы притаились, боясь привлечь его внимание. Скоро он повернулся и скрылся.

Мы наткнулись на другое стадо мычавших

лунных коров, поднимавшихся по скату обрыва; потом мы проходили через место, где раздавались звуки, похожие на стук машин, как будто под почвой работала огромная фабрика. Звуки эти еще доносились до нас, когда мы достигли окраины открытого пространства ярдов двести в диаметре. Если не считать лишаев, кое-где выступавших по краям, поляна была совершенно голая, покрытая желтоватой пылью. Сначала мы боялись пуститься по этой пыльной равнине, но так как она представляла меньше препятствия для ползания, то мы наконец решились спуститься и начали осторожно прокрадываться вдоль ее края.

Подземный шум прекратился, слышался только шорох быстрорастущих растений. Вдруг шум снова возобновился, более резкий и громкий, чем раньше. Стук этот, несомненно, шел откуда-то снизу. Инстинктивно мы плотно прижались к почве, готовые при малейшей опасности прыгнуть в чащу. Каждый удар, казалось, отдавался в нашем теле. Грохот и стук становились все громче и громче, порывистая вибрация усиливалась. Скоро весь лунный мир пришел в какое-то мерное содрогание наподобие пульса.

— Прячьтесь, — шепнул Кейвор, и я повернулся

к кустам.

В этот момент раздался оглушительный удар, как будто залп из пушки, и произошло то, что еще и теперь пугает меня во сне. Я повернул голову, чтобы взглянуть на Кейвора, и протянул руку вперед. Рука моя не нащупала ничего. Под ней зияла пропасть.

Моя грудь опиралась на что-то твердое, а подбородок оказался на краю вдруг разверзшейся бездны. Моя рука потянулась в пустоту. Вся эта плоская, круглая равнина оказалась гигантской крышкой, которая двигалась теперь с шахты в сторону, в приготовленную для нее выемку.

Если бы Кейвор не поспешил мне на помощь, я, наверное, так и остался бы висеть на краю пропасти, пока не упал бы вниз. Но Кейвор, к счастью, не растерялся. Он находился немного дальше меня от края, когда крышка начала отодвигаться, и, заметив опасное положение, в котором я очутился, схватил и оттащил меня за ноги. Я отполз от края на четвереньках, привстал, шатаясь, и побежал вслед за Кейвором по звонкому зыбкому металлическому листу. Крышка быстро сдвигалась, кусты впереди, к которым мы бежали, уносились в сторону. Скоро спина Кейвора исчезла в густой чаще, и пока я карабкался

вслед за ним, чудовищная крышка со звоном задвинулась. Долго мы лежали, затаив дыхание, не смея подползти к шахте.

Наконец осторожно мы решились заглянуть вниз с безопасного места. Заросли вокруг нас трещали и колыхались от ветра, дувшего в шахте. Сначала мы не увидели ничего, кроме гладких отвесных скал, уходивших в непроницаемый мрак, но потом разглядели внизу движущиеся туда и сюда огоньки.

Таинственная пропасть так захватила нас, что мы позабыли даже о нашем шаре. Когда глаза наши освоились с темнотой, то мы разглядели крохотные призрачные фигурки, двигавшиеся между тускло светящимися точками. Мы молча смотрели вниз, не находя от изумления слов. Мы не могли понять, что значат эти копавшиеся на дне пропасти создания.

— Что это может быть? — спросил я. — Что это может быть?

— Инженерные работы. Они, очевидно, проводят ночь в этих шахтах, а днем выходят на поверхность.

— Кейвор, может быть, это люди?

— Нет, не люди.

— Не будем рисковать. Нам необходимо найти

шар.

Он со вздохом согласился и, осмотревшись, выбрал направление. Мы стали снова пробираться сквозь чащу. Сначала мы ползли довольно быстро, но скоро энергия наша ослабела. Среди красноватых зарослей послышались шум и крики. Мы притаились; звуки долго раздавались поблизости, но мы ничего не увидели. Я шепнул Кейвору, что вряд ли долго продержусь без пищи, губы мои пересохли.

— Кейвор, я больше не могу.

Он обернулся и с ужасом посмотрел на меня.

— Надо потерпеть.

— Меня мучит жажда, — настаивал я, — посмотрите на мои губы.

— Я тоже чувствую жажду.

— Ах, если бы остался хоть кусочек того снега!

— Нет, он растаял весь. Мы перенеслись из арктического пояса в тропический со скоростью одного градуса в минуту…

Я стал сосать свою руку.

— Шар! — сказал Кейвор. — Только в нем наше спасение.

Мы возобновили поиски. Я думал лишь о еде, о прохладительных напитках: особенно хотелось мне выпить пива. Я вспомнил о ящике пива,

который остался у меня в погребе в Лимпне. Припомнилась мне также и соседняя кладовая с припасами: холодное мясо, паштет из почек — нежное мясо, почки и жирная подливка. Я даже начал зевать от голода. Мы выбрались на равнину, покрытую коралловыми мясистыми растениями, которые с треском разламывались от прикосновения. Я поглядел на поверхность излома. Растение походило на съедобное. Мне показалось, что и пахнет оно недурно. Я отломил ветку и обнюхал.

— Кейвор! — прохрипел я.

Он взглянул на меня, и лицо его искривилось в улыбке.

— Нельзя, — сказал он.

Я бросил ветку, и мы продолжили пробираться через эти соблазнительные заросли.

— Кейвор, — спросил я, — почему нельзя?

— Яд! — сказал он не оборачиваясь.

Мы поползли дальше. Наконец я не выдержал.

— Я все-таки попробую.

Он жестом хотел остановить меня, но опоздал. Я уже набил себе полный рот. Он присел, наблюдая за выражением моего лица. Его лицо исказилось гримасой.

— Недурно! — сказал я.

— Боже! — воскликнул он.

Он наблюдал, как я жую, на лице его выражалось колебание между желанием и запретом. Наконец он не выдержал и набил себе рот. Несколько минут мы жадно ели. Растение походило на гриб, но ткань его была гораздо рыхлее и при проглатывании согревала горло. Сначала мы испытывали просто удовлетворение от еды, потом кровь у нас начала двигаться быстрее, и мы ощутили зуд на губах и в пальцах. Фантастические мысли ключом забили в нашем мозгу.

— Как тут хорошо, — сказал я, — адски хорошо! Какая прекрасная колония для нашего избыточного населения! Для бедного избыточного населения!

И я сорвал новую порцию.

Я радовался, что на Луне есть такая вкусная пища. Муки голода сменялись теперь беспричинным весельем. Страх и подавленное настроение исчезли. Я смотрел на Луну не как на планету, с которой нужно поскорее убраться, а как на обетованный рай для человечества. Я позабыл о селенитах, о лунных коровах, о проклятой крышке шахты и о пугавших нас звуках. Так подействовали на меня лунные грибы.

Кейвор ответил одобрительно на мое повто-

ренное в третий раз замечание об «избыточном населении». Я почувствовал головокружение, но приписал это действию пищи после долгого голодания.

— Вы сделали великое открытие, Кейвор, — пробормотал я, — вро… вроде картофеля.

— Что? — удивился Кейвор. — Открытие, что Луна вроде картофеля?!

Я посмотрел на него, удивленный хрипотой его голоса и несвязным выговором. Очевидно, он опьянел от грибов. Я возразил, что он заблуждается, полагая, что он открыл Луну: он только добрался до нее.

Я положил руку на его плечо и пытался разъяснить ему это обстоятельство, но мои объяснения оказались слишком мудреными для его мозга. Да и мне было трудно высказать ясно свои мысли. После минутной тщетной попытки понять меня (неужели мои глаза стали такими же рыбьими, как у него?) он пустился разглагольствовать на другую тему.

— Мы, — объявил он торжественно, икая при этом, — продукт нашей пищи и питья.

Он повторил эту фразу, а я стал оспаривать его положение. Вероятно, я немного уклонился в сторону от предмета спора, но Кейвор все равно

не слушал меня. Он поднялся, опираясь рукой на мою голову, и стоял, озираясь по сторонам, совсем не боясь лунных обитателей.

Я пытался доказать, что стоять опасно, но не мог привести веских доказательств. Слово «опасно» перепуталось у меня со словом «нескромно» и в конце концов перешло в слово «нахально». Я обращался с речью преимущественно к посторонним, более внимательным слушателям: к коралловидным растениям. Я чувствовал, что необходимо выяснить путаницу с Луной и картофелем, и пустился в пространные рассуждения о важности точного определения в доказательствах. Мое самочувствие было уже не такое приятное, как сначала.

Затем каким-то образом я перескочил к проекту колонизации.

— Мы должны аннексировать эту Луну, — говорил я, — без всяких колебаний. Это — Бремя Белого Человека. Кейвор, мы — сатапы… То есть сатрапы. О такой нимперии не мечтал даже Цезарь! Будет пропечатано во всех газетах. Кейвореция. Бедфордеция. Бедформация. Так — все. Неограниченно! Практически…

Я совсем опьянел. Я пустился в перечисление всех бесконечных благодеяний, которые наше

прибытие может принести Луне. Стал доказывать, что прибытие Колумба было благодетельно для Америки, потом запутался и продолжал бессмысленно повторять: «Подобно Колумбу!»

После этого момента мои воспоминания о действии на нас лунного гриба становятся туманными. Помню, что мы возмущались проклятыми насекомыми и решили, что позорно прятаться здесь, на спутнике Земли: мы набрали полные пригоршни коралловых грибов, очевидно для самозащиты, и, не обращая внимания на уколы шипов, вышли на припек.

Почти тотчас же мы встретились с селенитами. Их было шестеро, они шли гуськом по каменистой долине, издавая свистящие жалобные звуки. Они заметили нас, смолкли и остановились, как животные, повернув голову к нам.

На мгновение я отрезвел.

— Насекомые, — пробормотал Кейвор, — насекомые… И они воображают, что я буду перед ними ползать на животе, на позвоночном животе! На животе! — повторил он с негодованием.

Затем вдруг в ярости он сделал три больших шага и прыгнул к селенитам. Прыгнул он неудачно: несколько раз перекувырнулся в воздухе, перелетел над ними и исчез с треском среди

кактусоподобных растений. Как отнеслись селениты к этому странному и, на мой взгляд, невежливому вторжению непрошеного гостя с иной планеты, — не сумею сказать. Кажется, они повернулись назад и обратились в бегство. Но хорошо не помню. Последующие события перед наступившим потом беспамятством слабо отпечатались в моем мозгу. Помню, что я шагнул, чтобы последовать за Кейвором, но споткнулся и растянулся между камнями. Мне сделалось дурно, и я потерял сознание. Смутно вспоминается мне какая-то борьба, потом металлический зажим…

Мои последующие ясные воспоминания касаются уже нашего плена в глубине, под лунной поверхностью. Мы очутились в темноте, среди странных беспокойных звуков: тело у нас было покрыто царапинами и синяками, голова же мучительно болела.

Глава XII
Лицо селенита

Я очнулся сидящим на корточках в гулком мраке. Долго я не мог понять, где я и как попал в это затруднительное положение. Я вспомнил о чулане, куда меня иногда запирали в детстве, затем о темной и шумной спальне, где я однажды лежал больной. Но эти звуки не походили на знакомые мне шумы, и воздух был пропитан запахом скотного двора. Мне показалось, что мы еще работаем над сооружением шара и что я зачем-то вошел в погреб Кейвора. Затем я вспомнил, что мы уже сделали наш шар, и подумал, что нахожусь в шаре в межпланетном пространстве.

— Кейвор, нельзя ли зажечь свет? — сказал я.

Ответа не последовало.

— Кейвор! — окликнул я.

Вместо ответа послышались стоны.

— Моя голова! — прошептал он. — Голова!

Я хотел приложить руки к пылавшему лбу, но руки мои оказались связанными. Это меня очень удивило. Я поднес их к губам и почувствовал прикосновение холодного гладкого металла. Ру-

ки мои были скованы. Я попробовал раздвинуть ноги, но они тоже оказались скованными; кроме того, меня приковали к полу толстой цепью, обвитой вокруг туловища.

Меня охватил такой страх, какого я еще ни разу не испытывал во время наших похождений.

— Кейвор, — крикнул я, — почему я связан? Зачем вы сковали меня по рукам и ногам?..

— Я не сковывал вас, — ответил он, — это селениты.

Селениты! Моя мысль сосредоточилась на этом слове. Затем я вспомнил: снежная пустыня, таяние мерзлого воздуха, быстрый рост растений, наше странное прыганье и ползание среди скал и растительности кратера. Вспомнил, как мы искали шар… Как открылась огромная крышка над шахтой.

Я силился припомнить, что случилось потом, но мне мешала сильная головная боль. Я уперся в непроходимую преграду, в безвыходный тупик.

— Кейвор!

— Что?

— Где мы?

— Не знаю.

— Мы умерли?

— Какая чушь!

— Значит, они нас забрали?

Он ничего не ответил, только сердито заворчал. Продолжавшееся еще действие яда сделало его очень раздражительным.

— Что вы намерены делать?

— Почем я знаю!

— Да, конечно, — прошептал я и замолчал.

Скоро я вышел из своего оцепенения.

— Черт побери! — крикнул я. — Прекратите ваше жужжание!

Мы снова погрузились в молчание, прислушиваясь к глухому гулу не то многолюдной улицы, не то фабрики. Сначала я не мог разобраться в хаосе звуков, потом начал различать новый, более резкий звук. Это был ряд последовательных неопределенных звуков, легких ударов и шорохов, вроде шуршания ветки плюща об окно или порхания птицы в клетке. Мы прислушивались и напрягали зрение, но темнота окутывала нас черным бархатом. Послышался звук, точно щелкнул хорошо смазанный замок. И передо мной блеснула во мраке тонкая светлая линия.

— Посмотрите! — шепнул Кейвор.

— Что это такое?

— Не знаю.

Мы смотрели во все глаза.

Тонкая светлая линия превратилась в широкую полосу и стала бледней, потом приняла вид голубоватых лучей, падающих на белую стену. Края светлой полосы перестали быть параллельными: один из них потемнел. Я обернулся, чтобы указать на это Кейвору, и удивился, увидя его ухо ярко освещенным, — все остальное находилось в темноте. Я повернул голову, насколько позволяли оковы.

— Кейвор! Это позади вас!

Ухо его исчезло, уступив место глазу!

Щель, пропускавшая свет, расширилась и оказалась просветом отворяющейся двери. Снаружи виднелся сапфировый проход, а в дверях показалась странная фигура, силуэт которой уродливо вырисовывался на светлом фоне.

Мы оба сделали судорожную попытку повернуться, но не смогли и сидели, косясь через плечо. Сначала мне показалось, что перед нами стоит неуклюжее четвероногое с опущенной головой, потом я разглядел, что это была тщедушная фигурка селенита, на коротких, тонких ножках, с головой, вдавленной между плечами. Он был без шлема и без верхней одежды.

Мы видели перед собой только темную фигуру, но инстинктивно наше воображение наделя-

ло ее человеческими чертами. Я решил, что он несколько сутуловат, что лоб у него высокий, а лицо продолговатое.

Селенит сделал три шага вперед и остановился. Движения его были совершенно бесшумны. Затем он еще немного подвинулся. Ходил он, переступая ногами, по-птичьи. Он вышел из полосы света, проникавшего через дверь, и исчез в тени.

Я тщетно старался его рассмотреть, потом вдруг увидел его стоящим уже против нас в полосе света. Однако человеческие черты, какие я ему приписывал, совершенно отсутствовали!

Этого я совсем не ожидал. И был страшно поражен. Казалось, что у него не лицо, а ужасная маска, ужас, бесформенность, не поддающаяся описанию, без носа, с двумя выпуклыми глазами по бокам, — сначала я принял их за уши. Я пробовал нарисовать такую голову, но это мне не удалось. Рот был искривлен, как у человека в припадке гнева.

Шея, на которой болталась голова, расчленялась на три сустава, напоминавшие ногу краба. Суставов конечностей я не мог увидеть, так как они были обмотаны чем-то вроде лент, — вот и все одеяние.

Таково было существо, смотревшее на нас!

В то время я весь был поглощен мыслью о нелепой фигуре этого создания. Полагаю, что и селенит был изумлен не меньше, чем мы. Но только, будь он проклят, не показывал этого. Мы по крайней мере знали, чем были обязаны встречей с этим созданием. Но вообразите, как были бы, например, поражены почтенные лондонцы, натолкнувшись на пару живых существ ростом с человека, но совершенно не похожих на земных животных и разгуливающих среди овец в Гайд-парке! Наверное, так же был поражен селенит.

Представьте себе наше положение! Скованные по рукам и ногам, измученные и грязные, обросшие бородой, с избитыми и окровавленными лицами. Кейвора вы должны представить себе в велосипедных брюках (продранных во многих местах шипами колючего кустарника), в егерской фуфайке и в спортсменской кепке, со взъерошенными, торчащими волосами. В голубом свете лицо его казалось не красным, как обыкновенно, а темным: губы и запекшаяся кровь на руках казались совсем черными. Я, вероятно, выглядел не лучше, потому что был осыпан желтыми спорами грибовидных растений, среди которых мне пришлось прыгать. Куртки наши были расстегнуты, ботинки сняты и лежали рядом. Мы сидели

спиной к фантастическому голубоватому свету, уставившись на чудище, какое мог нарисовать разве только Дюрер.

Кейвор первый прервал молчание, он начал что-то говорить, но у него хрипело в горле, и он стал отхаркиваться. Снаружи послышалось боязливое мычание лунной коровы. Мычание закончилось пронзительным визгом, и снова наступила мертвая тишина.

Селенит повернулся, скользнул снова в тень, показался на миг у входа спиной к нам и захлопнул за собой дверь. Мы опять очутились в таинственном мраке, наполненном странными звуками.

Глава XIII
Мистер Кейвор высказывает свои суждения

Мы оба молчали. В общем все, что с нами произошло, казалось выше моего понимания.

— Они нас захватили, — проговорил я наконец.

— И все из-за грибов.

— А если бы я не начал их есть, мы ослабели бы и умерли от голода.

— Мы могли бы отыскать шар.

Я разозлился на упрямого Кейвора и выругался про себя. Мы почувствовали ненависть друг к другу. Я барабанил пальцами по полу, между ногами, и позвякивал цепями. Наконец я не выдержал и заговорил снова.

— Что же нам делать дальше? — спросил я.

— Это разумные существа, они умеют работать и производить. Эти огоньки, виденные нами…

Он запнулся, очевидно не зная, что предпринять. Потом заговорил снова, признавшись в своей ошибке.

— В конце концов, они отнеслись к нам лучше,

чем мы вправе были ожидать. Я полагаю…

Кейвор запнулся.

— Что?

— Вообще, я полагаю, что на всякой планете, где есть разумные существа, они имеют вертикальную грудную клетку, руки и ходят выпрямившись…

Нить его мыслей оборвалась.

— Мы находимся внизу, на глубине нескольких тысяч футов или даже больше.

— Почему?

— Здесь холоднее. И наши голоса громче. Ощущение усталости исчезло, а также шум в ушах и спазмы в горле.

Я этого сначала не замечал, но потом убедился, что он прав.

— Воздух сделался гуще. Мы находимся, вероятно, на большой глубине, пожалуй, на расстоянии мили от поверхности Луны.

— А мы и не воображали, что существует целый мир внутри Луны.

— Нет.

— Да и как мы могли?

— Мы бы могли, но наш ум чересчур консервативен. — Кейвор задумался. — Теперь, конечно, это неоспоримо. Внутри Луны, очевидно, много

гигантских пещер, заполненных воздухом, в центре же расположено море. Известно также, что Луна имеет меньший удельный вес, чем Земля, что на ней мало воздуха и воды. Предполагают, что эта планета родственна Земле и имеет тот же состав. Отсюда легко было сделать вывод, что она полая внутри. Однако же никто не признавал этого факта. Кеплер, впрочем…

Кейвор с удовольствием разглагольствовал на любимую тему.

— Да, — продолжал он, — предположение Кеплера о подпочвенных пустотах в конце концов оказалось правильным.

— Хорошо было бы, если бы вы подумали об этом раньше, — сказал я.

Он ничего не ответил и зажужжал, отдавшись, по-видимому, течению своих мыслей. Мое терпение истощилось.

— Что же, по-вашему, произошло с шаром? — спросил я.

— Потерян, — равнодушно ответил он, как будто это его совсем не интересовало.

— Среди зарослей?

— Если только они не нашли его.

— Что тогда?

— Почем я знаю.

— Кейвор, — истерически заговорил я, — дела моей компании идут блестяще…

Он ничего не ответил.

— Черт возьми! — воскликнул я. — Сколько лишений перенесли мы для того, чтобы попасть в эту яму! Что же теперь будет с нами? Куда нам деваться? Что нам Луна, что мы для Луны? Мы захотели слишком многого, слишком рискнули. Нам следовало бы начать с меньшего. Это вы предложили лететь на Луну! Эти кейворитные заслонки! Я уверен, что мы могли бы применить их для земного употребления. Несомненно! Вы плохо поняли, чего я хотел… Стальной цилиндр…

— Ерунда! — возразил Кейвор.

Мы прекратили разговор.

Скоро Кейвор возобновил прерванный монолог без всякого поощрения с моей стороны.

— Если они найдут шар, — начал он, — если найдут… что они с ним сделают? Вот в чем вопрос! Они, во всяком случае, не поймут, что это такое. Если бы они знали толк в таких вещах, то уже давно бы прилетели к нам на Землю. Полетели бы они? А почему бы и нет? Или послали бы что-нибудь к нам? Они не удержались бы. Они станут разглядывать шар. Несомненно, это разумные существа: они начнут рассматривать его,

войдут внутрь, дернут заслонки. И шар улетит… То есть мы останемся на Луне до конца наших дней. Странные существа, странные знания…

— Что касается странных знаний… — начал я, и язык отказал мне.

— Послушайте, Бедфорд, — сказал Кейвор, — вы ведь отправились в эту экспедицию по собственной доброй воле.

— Вы убеждали меня и называли это исследованием.

— Всякое научное исследование сопряжено с серьезным риском.

— В особенности когда их предпринимают, ничем не вооружившись и не думая о последствиях.

— Я всецело был занят мыслью о шаре, события вынудили нас…

— Вынудили меня, хотите вы сказать?

— И меня точно так же. Разве я знал, принимаясь за исследования по молекулярной физике, что судьба забросит меня в такую даль?

— Во всем виновата проклятая наука! — разозлился я. — Средневековые проповедники были правы, а современные искатели ошибаются. Вы суетесь в дела науки, и она преподносит вам подарочек, который разрывает вас на куски или

уносит к черту на кулички. Древняя страсть и новейшее оружие — вот ваша религия, ваши социальные идеи. И все это ведет к опустошению и нищете!

— Бесполезно ссориться. Эти существа, селениты, называйте их как хотите, поймали нас и сковали по рукам и ногам. Какой бы способ спасения мы ни избрали, чтобы освободиться, с этим нельзя не считаться… Нам предстоят еще серьезные испытания. Будьте хладнокровны.

Кейвор остановился, как бы ожидая от меня поддержки, но я сидел насупившись.

— Проклятая наука! — прошептал я.

— Надо разрешить проблему сношений. Жесты их, я опасаюсь, совсем не похожи на наши. Например, показывание пальцем. Ни одно существо, кроме человека и обезьяны, не показывает пальцем.

По-моему, это было не совсем верно.

— Почти каждое животное указывает глазами или носом, — возразил я.

Кейвор задумался.

— Да, — согласился он наконец, — но мы так не делаем. Тут столько различий, столько различий… Следовало бы… но как я стану разговаривать? У них свой язык, они издают звуки

вроде писка или визга. И как мы можем обучиться? Да и язык ли это? Но у них могут быть другие чувства, другие средства общения. Несомненно, у селенитов есть разум, и у нас должно найтись что-нибудь общее. Но сможем ли мы понять друг друга?

— Это невозможно, — проговорил я. — Они отличаются от нас больше, чем земные животные. Они из другой глины. Мы не сговоримся.

Кейвор задумался.

— Я этого не нахожу. Раз у них есть разум, то, наверное, найдется что-нибудь общее с нами, хоть они и живут на другой планете. Конечно, если бы мы или они были только животными и обладали одними инстинктами…

— А разве они не животные? Они гораздо более походят на муравьев на задних лапах, чем на человеческие существа. А разве можно сговориться с муравьями?

— А машины и одежды? Нет, я не согласен с вами, Бедфорд. Разница, конечно, велика…

— Непреодолима.

— Но сходство должно найтись. Я припоминаю, что читал когда-то статью покойного профессора Гальтона о возможности межпланетных сношений. К сожалению, в то время это мне не казалось

вероятным, и я не вынес из чтения пользы и не отнесся к статье с должным вниманием… Постойте, я припомню.

По теории Гальтона, следовало начать с общеизвестных истин, которые доступны всякому разумному существу и составляют основу мышления. Например, можно начать с геометрии. Он предлагал взять какую-нибудь основную теорему Евклида и показать построением, что она нам известна. Доказать, например, что углы равнобедренного треугольника равны; что если начертить равные стороны, то углы будут одинаковы; или что квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов катетов. Обнаруживая знание подобных вещей, мы покажем вместе с тем, что обладаем логическим разумом. Теперь предположите, что я… начертил бы геометрическую фигуру мокрым пальцем или обозначил бы ее в воздухе.

Кейвор замолчал. Я сидел, обдумывая его слова. На несколько мгновений его безумная надежда на общение, на взаимное понимание с этими сказочными существами увлекла меня, но затем отчаяние, следствие усталости и физических недомоганий, взяло верх. Я снова стал раскаиваться в нашем сумасбродном предприятии.

— Осел! — ворчал я. — Осел, неисправимый осел! Ты создан для того, чтобы жить задним умом… Зачем мы вылезли из шара? В надежде на патенты и концессии в лунных кратерах? Хотя бы догадались прицепить платок на шест у того места, где мы оставили шар…

И я в гневе замолчал.

— Несомненно, — рассуждал Кейвор, — это разумные существа. Поэтому можно установить заранее известные положения. Раз они не убили нас сразу, то у них должно быть понятие о милосердии. Милосердие! Или, по крайней мере, о сдержанности, быть может, об обмене мыслями. Они могут к нам снова явиться. А эти пещеры и часовой?! Эти кандалы?! Несомненно, они обладают развитым умом…

— Полно молоть чепуху! — оборвал я. — Довольно сумасбродств. Сначала одно сумасбродное путешествие, а затем другое. Но я доверился вам. Зачем я не корпел над своей пьесой? Вот мое предназначение, моя сфера! Я бы мог окончить пьесу, я в этом уверен, это была бы отличная пьеса. Сценарий у меня был уже почти готов, а тут… Подумать только, полететь на Луну! Так глупо, непрактично погубить свою жизнь! У той старухи в трактире в Кентербери было гораздо

больше здравого смысла.

Я взглянул вверх и остановился. Мрак снова сменился голубоватым светом. Дверь раскрылась, и несколько селенитов бесшумно скользнули в помещение. Я молча смотрел на их уродливые лица.

Вдруг настроение мое резко изменилось. Я заметил, что первый и второй селенит несут чаши. Они поняли, что нам необходима еда. Это были чаши из какого-то металла, казавшиеся, как и наши кандалы, темными в этом голубоватом освещении. В каждой лежали белые куски. Мои мрачные мысли вдруг исчезли, уступив место голоду. Я волчьим взглядом впился в эти чаши (потом я часто видел это во сне). В то время я не обратил внимания, что на конце рук, протягивавших чаши, находились не целые кисти, а лишь ладонь с большим пальцем, похожая на кончик слонового хобота.

Чаша была наполнена студенистой массой светло-бурого цвета, напоминавшей холодный воздушный пирог с легким грибным запахом. Очевидно, это было мясо лунных коров.

Мои руки были так крепко скованы, что я едва мог дотронуться до чаши. Селениты заметили мои усилия, и двое из них ловко ослабили мои

наручники. Их щупальца-руки, касавшиеся меня, были мягки и холодны. Я взял один кусок. Пища была такая же студенистая, как все органические вещества на Луне, и напоминала вафлю или пирожное, но на вкус довольно приятная… Я взял еще два куска.

— Я хочу есть! — сказал я.

Некоторое время мы ели, ни о чем не думая, как голодные бродяги на кухне. Никогда в жизни — ни раньше, ни после — я не был так голоден, и кроме того, я убедился на опыте, чему бы никогда прежде не поверил: за четверть миллиона миль от нашего земного шара, находясь в подавленном настроении, под стражей, чувствуя прикосновения кошмарных, уродливых существ, я ел с аппетитом, забыв обо всем. Селениты стояли вокруг, следя за нами и издавая иногда легкое чириканье, заменявшее им, очевидно, речь. Я уже не вздрагивал при их прикосновении. Когда я несколько утолил свой голод, то убедился, что Кейвор ест с таким же аппетитом и беззастенчивостью.

Глава XIV
Попытка объясниться

Когда мы наконец кончили есть, селениты снова крепко сковали нам руки, но ослабили цепи на ногах и закрепили их так, чтобы дать нам возможность двигаться. Затем они сняли цепи у нас с туловища. Обращались они с нами непринужденно, иногда они наклонялись близко к моему лицу, и мягкие щупальца дотрагивались до моей головы или шеи. Однако я не пугался и не чувствовал отвращения от такой близости. Я думаю, что наш неизлечимый антропоморфизм заставлял нас и тут представлять человеческие лица под этими масками. Кожа их, как и все остальное, казалась голубоватой — вероятно, от освещения; она была жесткая и блестящая, как надкрылья у жуков, отнюдь не мягкая, влажная и волосистая, как у позвоночных животных. Вдоль головы от затылка до лба тянулись поросли игл, такие же иглы торчали по обеим сторонам над глазами. Развязывавший меня селенит пускал в ход и челюсти, помогая рукам.

— Они, по-видимому, освобождают нас, — ска-

зал Кейвор. — Помните, что вы находитесь на Луне: не делайте резких движений.

— А вы не пустите в ход свою геометрию?

— Если представится случай; они могут сами начать первые.

Мы держались пассивно. Селениты, кончив возиться с цепями, стали позади и, казалось, наблюдали за нами. Я сказал «казалось» потому, что глаза у них были сбоку, а не спереди и направление их взглядов было так же трудно определить, как, например, у курицы или у рыбы. Они разговаривали друг с другом звуками, похожими на шелест тростника, — звук этот невозможно воспроизвести или точно определить. Дверь позади нас раскрылась шире, и, заглянув через плечо, я увидал широкое пустое пространство, где стояло несколько селенитов, чем-то, по-видимому, взволнованных.

— Может быть, они хотят, чтобы мы воспроизвели эти звуки? — спросил я Кейвора.

— Не думаю, — возразил он.

— Мне кажется, что они пытаются что-то нам растолковать.

— Я не могу повторить ни одного из их жестов. Вы заметили, как один из них все время вертит головой, точно человек в узком воротничке.

— Давайте и мы кивнем им головой.

Мы закивали головой, но это не оказало никакого действия; тогда мы попытались подражать другим движениям селенитов. Это как будто их заинтересовало, — во всяком случае, они стали повторять одни и те же движения. Но так как это, по-видимому, ни к чему не привело, то мы прекратили свои эксперименты, и они снова начали пересвистываться друг с другом. Затем один из них, поменьше и потолще, с большим ртом, неожиданно лег около Кейвора, сложил свои конечности, точно они были скованы, и затем быстро встал.

— Кейвор, — догадался я, — они хотят, чтобы мы встали.

Кейвор глядел на них, раскрыв от удивления рот.

— Очевидно, — согласился он.

С большим усилием, со стоном, так как руки у нас были скованы, мы попытались встать. Селениты очистили место для наших неуклюжих движений и защебетали еще быстрей. Когда мы встали, тучный селенит подошел к нам, похлопал каждого из нас щупальцами по лицу и двинулся вперед к раскрытой двери. Мы поняли и последовали за ним. Мы заметили, что четверо

селенитов, стоявших в дверях, были выше остальных ростом и одеты совершенно так же, как те, которых мы видели в кратере: в игольчатые шлемы и цилиндрические латы. Каждый из них держал копье с острием на конце и эфесом из того же темного металла, как и чаши. Они окружили нас, как стража, и мы вышли из темного склепа в освещенную пещеру.

Мы не рассматривали пещеру, так как все наше внимание было занято наблюдением за движениями и поведением селенитов и необходимостью контролировать собственные наши движения: иначе мы могли бы встревожить их излишней стремительностью. Впереди шел маленький толстый селенит, который показал нам, что надо встать. Он жестами как бы приглашал нас следовать за ним. Его похожее на желоб лицо поворачивалось то к одному из нас, то к другому с быстротой, в которой чувствовалось любопытство. Некоторое время, я повторяю, мы интересовались только поведением селенитов.

Наконец перед нами открылась обширная площадь, и мы поняли, что тот гул, который мы слышали после того, как пришли в себя после отравления грибами, исходит от множества движущихся машин. Их взлетающие и вертящиеся

части неясно виднелись над головами и между туловищами окружавших нас селенитов. Эти машины наполняли воздух не только волнами звуков, но и странным голубым светом, озарявшим всю площадь. Нам показалось совершенно естественным, что подземная пещера освещается искусственным светом. Только потом, когда мы опять вступили в темноту, понял я значение этого света. Систему и устройство этого гигантского аппарата я не смогу объяснить, так как никто из нас не изучал его работу. Огромные металлические цилиндры вылетали один за другим из центра, их концы описывали, как мне показалось, параболу. Каждый из них, поднявшись до высшей точки взлета, выбрасывал нечто вроде рычага, который, опускаясь, погружался в вертикальный цилиндр. Вокруг машины копошились фигурки селенитов. Когда каждый из трех поршней опускался, раздавались звон, рев и из вершины вертикального цилиндра вытекало светящееся вещество, которое озаряло всю площадь, переливаясь через край, как кипящее молоко из кастрюли, и струилось сверкающим потоком в сверкающий резервуар внизу. Холодный голубой свет походил на фосфорический, но блестел более ярко. Из резервуара он растекался по трубам.

«Тук, тук, тук, тук», — отстукивали поршни этого непонятного аппарата, и светящееся вещество шипело и переливалось. Сначала аппарат не поразил меня своими размерами, но потом я заметил, как малы были рядом с ним селениты, и понял, как колоссальна пещера и машина. Я невольно с уважением посмотрел на селенитов, и мы с Кейвором остановились, чтобы рассмотреть удивительный механизм.

— Поразительно! — воскликнул я. — Что это такое?

Озаренное голубоватым светом лицо Кейвора выражало глубокое раздумье.

— Нет, это не сон! Неужели эти существа… Люди не могли бы создать ничего подобного! Взгляните на эти рычаги! Есть ли у них шатуны?

Толстый селенит прошел вперед, затем вернулся обратно и встал между нами и громадной машиной. Даже не взглянув на него, я понял, что он торопит нас идти. Он снова двинулся вперед, потом вернулся и ощупал наши лица, чтобы обратить на себя внимание.

Мы с Кейвором молча переглянулись.

— Нельзя ли как-нибудь показать ему, что мы заинтересованы машиной? — проговорил я.

— Что ж, — ответил Кейвор, — попробуем.

Он обернулся к нашему проводнику и улыбнулся, показывая на машину, потом показал на свою голову и на машину. Неизвестно почему, он решил, что ломаный английский язык может дополнить его жесты.

— Мой глядеть на него, — заговорил Кейвор, — мой думает его очень сильно, да?

Его поведение остановило на минуту спешивших куда-то селенитов. Они переглянулись друг с другом, задвигали головами и зачирикали. Затем один из селенитов, сухой и длинный, одетый во что-то вроде мантии в придачу к обмоткам, как у всех остальных, обвил талию Кейвора своим слоновым хоботом и осторожно потянул его вслед за проводником, который снова двинулся вперед.

Но Кейвор воспротивился:

— Мы не можем сейчас с ними объясниться. Они, быть может, воображают, что мы какая-нибудь новая порода животных, новый сорт лунных коров, чего доброго. Нужно показать им, что мы разумные существа и интересуемся окружающим.

Кейвор отрицательно покачал головой.

— Нет, нет, — говорил он, — мой не пойдет одна минута. Мой смотрит на него.

— Нет ли какой геометрической теоремы,

которую вы могли бы привести по этому поводу? — спросил я Кейвора, когда селениты снова остановились.

— Может, о параболе, — начал он, но вдруг пронзительно вскрикнул и отпрыгнул на шесть футов.

Один из стражей кольнул его копьем. Я с угрожающим жестом обернулся к копьеносцу, стоявшему позади меня. Он отступил. Это вместе с неожиданным криком и прыжком Кейвора смутило селенитов. Они отступили, разглядывая нас. В течение нескольких мгновений, которые показались нам вечностью, мы стояли возбужденные, среди нечеловеческих существ.

— Он уколол меня! — воскликнул Кейвор прерывающимся от волнения голосом.

— Я видел, — отозвался я.

— Проклятые! — обратился я к селенитам. — Мы не будем этого выносить! За кого вы нас принимаете?

Я быстро посмотрел направо и налево. Издалека, в голубом сумраке пещеры, к нам бежало несколько селенитов. Они были шире и стройней, один с большой головой. Пещера казалась огромной и сливалась с темнотой. Своды как бы подгибались под тяжестью каменных глыб,

державших нас взаперти. Никакого выхода из этого подземелья. Вокруг — неизвестность, и эти безобразные существа с копьями и щупальцами, и два беззащитных человека!

Глава XV
Головокружительный мост

Эта неприятная пауза длилась не более мгновения. Скоро и мы и селениты одумались. Я понял, что бежать нам некуда: нас окружат и убьют. Невероятное легкомыслие нашего появления здесь предстало передо мной в виде огромного мрачного упрека. Зачем пустился я в это безумное нечеловеческое предприятие?

Кейвор подошел и положил руку на мое плечо. Его бледное, перепуганное лицо казалось мертвенным в голубом свете.

— Ничего не поделаешь, — проговорил он. — Вышло недоразумение. Они нас не поняли. Приходится повиноваться.

Я взглянул на него и затем на новых селенитов, прибывших на помощь товарищам.

— Ах, если бы у меня руки были свободны!

— Это бесполезно, — вздохнул он.

— Неправда.

— Пойдемте же.

Он повернулся и пошел туда, куда нас вели. Я последовал за ним, стараясь казаться покорным и

ощупывая кандалы на руках. Кровь во мне кипела. Я ничего больше не видел в этой пещере, хотя протекло, вероятно, немало времени, пока мы прошли ее. А если что и видел, то позабыл. Мое внимание было сосредоточено на цепях и на селенитах, в особенности на вооруженных. Сначала они шли параллельно с нами и на почтительном расстоянии, но потом к ним присоединилось еще трое стражей, и они подступили ближе, на расстоянии руки от нас. Я бесился, как пришпориваемая лошадь, когда они к нам подступали. Маленький толстенький селенит шагал справа от меня, но потом снова пошел вперед.

Как отчетливо запечатлелась у меня в мозгу картина этого шествия: затылок понуренной головы Кейвора как раз против моего лица, его опустившиеся усталые плечи, безобразное лицо ежеминутно оглядывающегося проводника, конвойные со всех сторон настороже, с разинутыми ртами — все в голубом свете. Припоминаю еще одну подробность, помимо чисто личных обстоятельств, — желоб на дне пещеры, по бокам скалистой дороги, по которой мы ступали; желоб этот был наполнен тем же светящимся голубым веществом, которое вытекало из огромной машины. Я шел близко и заметил, что от него не

исходило ни малейшего тепла: вещество это только ярко светилось, но не было ни теплее, ни холоднее всего остального в пещере.

«Кланг, кланг, кланг…»

Мы очутились под стучавшими рычагами другой огромной машины; наконец дошли до широкого туннеля, где гулко отдавалось шлепанье наших необутых ног.

Только справа светилась в темноте тонкая голубая полоска. Гигантские уродливые тени двигались за нами по неровной стене и сводам туннеля. Иногда в стенах сверкали кристаллы, похожие на драгоценные камни; туннель то превращался в сталактитовую пещеру, то разветвлялся в узкие ходы, пропадавшие во мраке.

Мы долго шли по этому туннелю. Тихо журчала голубая светлая струя, и наши шаги отдавались эхом, похожим на плеск. Я думал о цепях. А что, если повернуть цепь и попытаться ее сбросить?

Но если я попытаюсь сделать это, то они заметят, что я высвобождаю руку. Что они тогда сделают со мной?

— Бедфорд, — сказал Кейвор, — мы спускаемся. Все время спускаемся.

Его замечание отвлекло меня от мрачных мыслей.

— Если бы они хотели убить нас, — продолжал Кейвор, замедляя шаг, чтобы поравняться со мной, — то они сделали бы это раньше.

— Да, — согласился я, — это верно.

— Они не понимают нас, — проговорил Кейвор. — Они принимают нас за странных животных, может быть за дикую породу лунных коров. Но когда они лучше ознакомятся с нами, то признают нас за разумных существ.

— А что, если бы вы начертили им геометрические теоремы? — заметил я.

— Можно попробовать.

Некоторое время мы шли молча.

— Возможно, — начал опять Кейвор, — это селениты низшего разряда.

— Ужасные болваны! — проговорил я, со злобой посматривая на их раздражавшие меня лица.

— Пока же надо покоряться.

— Да, приходится.

— Нам могут попасться другие, более сообразительные селениты. Это еще только окраина их мира. Мы будем спускаться все ниже и ниже, через пещеры, проходы, туннели, вглубь на сотни миль, пока не достигнем моря.

Его слова заставили меня задуматься о толще пластов, которые нависли над нашими головами.

Как будто тяжесть легла мне на плечи.

— Вдали от солнца и воздуха, — сказал я, — но в шахтах на глубине полумили становится душно.

— Здесь это незаметно. Возможно, вентиляция! Воздух устремляется от темной стороны Луны к солнечному свету; углекислота выходит наружу и питает лунные растения. Вверху этого туннеля, например, чувствуется почти ветер. Странный мир! Эти пещеры, эти машины…

— И это копье! — добавил я. — Не забывайте про копье!

— Даже и это копье, — отозвался он, опережая меня.

— А именно?

— Я разозлился в первую минуту, но, возможно, это было необходимо. У них, вероятно, другая кожа и другие нервы. Они могут не понимать нашей чувствительности. Какому-нибудь жителю Марса может также не понравиться наша земная привычка подталкивать локтем.

— Во всяком случае, им следовало бы быть поосторожней.

— И затем геометрия. Они по-своему тоже стараются понять нас, но начинают с основных элементов жизни, а не с мыслей. Пища, принуждение, боль — они начинают с самого

существенного.

— Несомненно, — проговорил я.

Кейвор принялся разглагольствовать о громадном и чудесном мире, в котором мы очутились. По его тону чувствовалось, что его совсем не пугал этот спуск вглубь лунной коры. Он думал о лунных машинах и изобретениях, а не об опасностях, как я. Он интересовался ими, но не с практической целью, а просто ради знания.

— В конце концов, — говорил он, — нам представляется необыкновенный случай. Это встреча двух миров! Подумайте, что мы еще увидим? Что там под нами?

— Ну, много мы не увидим в такой темноте.

— Здесь только внешняя оболочка. Там, внизу, в глубине — там все. Вы заметили, как различны селениты? Нам будет о чем порассказать потом на Земле!

— Какая-нибудь редкая порода животных, — возразил я, — могла бы радоваться тому, что ее ведут в зоологический сад… Но из этого не следует, что нам хотят что-то показывать…

— Если они убедятся, что мы разумные существа, то захотят расспросить нас о Земле. Даже если у них и нет высоких побуждений, то все же они начнут нас учить, чтобы потом самим

научиться… А сколько интересного они должны знать! Сколько неожиданного!

Кейвор продолжал мечтать о знаниях, каких он никогда не постигнул бы на Земле, фантазировал, несмотря на рану от копья. Многое из того, что он говорил, я уже забыл, так как больше интересовался тем, что туннель, по которому мы двигались, становился все шире и шире. Воздух стал свежей, мы вышли как будто на открытое место, но насколько оно было обширно, этого мы не могли сказать, потому что оно не было освещено. Светлый ручеек извивался узкой нитью, исчезая далеко впереди, — каменных стен по бокам уже не было. В темноте виднелась только дорога и журчащая полоска фосфорического света. Фигуры Кейвора и идущего впереди селенита выступали передо мной. Ноги их и головы со стороны ручейка светились голубоватым отблеском, другая же половина сливалась с темнотой туннеля.

Вскоре я заметил, что мы подходим к уклону, так как голубой ручеек пропал из виду.

Когда он снова показался, мы подошли уже к краю обрыва. Сверкающий ручеек, точно в нерешительности, свернул в сторону и потом ринулся вниз. Он падал на такую глубину, что до нас не доносился звук его падения. Только

глубоко внизу светилось голубоватое туманное пятно. Тьма стала еще гуще и непроглядней, на краю обрыва торчало что-то вроде доски, конец которой исчезал во мраке. Из пропасти тянуло теплым воздухом.

Мы с Кейвором подошли к самому краю и заглянули в голубоватую бездну. Проводник схватил меня за руку.

Потом он остановился, встал на конец доски и оглянулся назад. Заметив, что мы на него смотрим, он повернулся к нам спиной и пошел по доске так же уверенно, как по туннелю. Скоро он обратился в голубое пятно и исчез во мраке. Я заметил что-то большое, чернеющее в темноте. Мы стояли молча.

— Несомненно!.. — пробормотал Кейвор.

Один из селенитов прошел вперед и обернулся к нам, как бы выжидая. Остальные готовились последовать за нами. Снова показался первый селенит: очевидно, он вернулся узнать, почему мы не двигаемся.

— Что там такое? — спросил я.

— Я не вижу.

— Мы не пройдем тут, — сказал я.

— Я не смогу пройти и трех шагов, — подтвердил Кейвор. — Даже если бы мои руки были

свободны…

Мы в ужасе переглянулись.

— Они не знают, что такое головокружение, — продолжал Кейвор.

— Мы не можем пройти по такой доске.

— Очевидно, у них другое зрение. Я наблюдал за ними. Они, верно, не понимают, что мы ничего не видим в такой темноте. Как нам растолковать им это?

— Необходимо дать им понять…

Мы переговаривались с надеждой, что селениты как-нибудь нас поймут. Необходимо им объяснить это, но, взглянув на них, я убедился, что это невозможно. У нас с ними было больше отличий, чем сходств. Во всяком случае, я не пойду по доске. Я немного высвободил кисть руки из широкой цепи и начал крутить обе кисти в противоположные стороны. Я стоял около доски. Двое селенитов схватили меня и потащили к мостику. Я отрицательно закачал головой.

— Не пойду, — говорил я, — бесполезно. Вы не понимаете.

Третий селенит тоже стал подталкивать меня.

— У меня есть хорошая идея, — сказал Кейвор, но я уже знал его идеи.

— Смотрите, — закричал я селенитам, — оста-

новитесь! Может быть, это хорошо для вас…

Я повернулся и отпрыгнул назад, выругавшись, так как один из вооруженных селенитов кольнул меня копьем.

Наконец я высвободил руки из щупальцев селенитов и повернулся к копьеносцу.

— Проклятый! — закричал я. — Я предупреждал тебя! Из чего я, по-твоему, сделан, что ты втыкаешь в меня копье? Если ты еще раз меня тронешь…

Вместо ответа селенит снова кольнул меня. Я услышал голос Кейвора, тревожный и умоляющий. Он и тут хотел идти на компромиссы с этими тварями.

— Бедфорд! — крикнул он. — Я нашел способ.

Но вторичный укол копьем вывел меня из себя. Цепь на моей руке распалась, вместе с ней распалось и благоразумие, заставлявшее меня быть покорным в лапах этих лунных тварей. Я был вне себя и не думал о последствиях. Цепь обмоталась вокруг моего кулака. Я ударил по лицу селенита.

Последствия моего удара оказались неожиданными, как и все в лунном мире.

Мой броненосный кулак прошел через тело селенита, и он лопнул, как студень с жидкостью внутри. Он раскололся, рассыпался, как гриб

поганка! Его легкое тело отлетело в сторону на несколько ярдов и упало, мягко шлепнувшись. Я был ошеломлен. Я не верил, что живое существо может быть таким рассыпчатым. Все это походило на сон.

Но скоро все стало реальным и страшным. Кейвор и остальные селениты стояли неподвижно с того момента, как я повернулся, и до того момента, как мертвый селенит разлетелся на куски. Они стояли наготове позади нас. Оцепенение длилось не больше секунды, после того как упал селенит. Все растерялись. Я тоже замер с вытянутой рукой, стараясь понять, что случилось. «Что же дальше? — пронеслось в моем мозгу. — Что же дальше?» Потом все сразу пришли в движение.

Я сообразил, что мы должны сбросить цепи, но для этого надо разогнать селенитов. Я поглядел на троих копьеносцев. Неожиданно один из них метнул в меня копье. Оно просвистело у меня над головой и полетело в пропасть позади. Я набросился на селенита с такой же стремительностью, как копье, пролетевшее надо мной. Он повернулся бежать, но я сшиб его, поскользнулся в его расползшемся теле и упал. Он точно извивался у меня под ногами. Потом я привстал и увидел в голубоватом свете спины селенитов, скрывав-

шихся во тьме. Я разогнул цепь на ногах и встал, держа ее в руке. Второе копье просвистело около меня, как дротик, и я бросился в темноту, откуда оно вылетело. Затем вернулся к Кейвору, все еще стоявшему около светящегося ручейка и возившемуся со своими цепями. Он что-то бормотал о своем новом способе общения.

— Следуйте за мной! — крикнул я.

— Но мои руки… — ответил он.

Я не решался подойти к нему, боясь не рассчитать шагов и свалиться в пропасть. Кейвор понял и подошел ко мне, протянув руки. Я стал развязывать его цепь.

— Где они? — прошептал он.

— Убежали, но они вернутся. Это мстительные существа. Куда нам бежать?

— Туда, к свету, в туннель…

— Хорошо, — согласился я, снимая цепи с его рук.

Я встал на колени и начал развязывать цепи у него на ногах. Что-то с плеском упало в ручеек, обдавая нас брызгами. Вдалеке, справа от нас, послышался какой-то свист и писк.

Я сорвал цепь с ног Кейвора и сунул ее ему в руку.

— Бейте вот этим! — проговорил я и, не дожи-

даясь ответа, побежал большими прыжками обратно по тому пути, по которому мы шли. Позади меня раздался шум от прыжков Кейвора.

Мы бежали, но наш бег, конечно, не походил на бег по Земле. На Земле после прыжка почти тотчас же снова касаешься почвы; на Луне же несешься по воздуху несколько секунд, прежде чем опустишься вниз. Получалась как бы передышка, в течение которой можно было сосчитать до семи или восьми. Шаг — и я взлетаю на воздух! В моем мозгу проносятся вопросы: «Где селениты? Что они собираются делать? Доберемся ли мы до туннеля? Далеко ли позади Кейвор? Уж не отрезали ли они его от меня?» Новый прыжок — и новая передышка.

Вдруг я увидел селенита, бежавшего передо мной. Его ноги передвигались совершенно так же, как у человека, ходящего по Земле. Я увидел, как он оглянулся, услышал, как он запищал и бросился в сторону, в темноту. Мне показалось, что это был наш проводник, однако я не уверен в этом. Скоро мелькнули каменные стены, и еще через два прыжка я уже находился в туннеле и стал передвигаться медленней из-за низких сводов. На повороте я остановился и оглянулся. Шлеп, шлеп, шлеп — вдали показался Кейвор,

разбрызгивавший при каждом прыжке струи голубоватого света. Он приблизился и налетел на меня. Мы стояли, схватившись один за другого. Хорошо, что мы были одни, без наших тюремщиков. Мы оба запыхались и говорили отрывисто.

— Вы все испортили! — начал Кейвор. — Что нам делать?

— Ерунда. Все равно нам грозила смерть.

— Что же делать?

— Спрятаться.

— Но как?

— В темноте.

— Где?

— В одной из боковых пещер.

— А потом?

— Там видно будет.

— Хорошо, идемте.

Мы добрались до темной пещеры. Кейвор шел впереди. Он остановился в нерешительности, потом выбрал какой-то темный проход, обещавший надежное убежище. Он пошел вперед, потом обернулся.

— Совсем темно.

— Ваши ноги будут освещать нам дорогу. Вы забрызганы светящейся жидкостью.

— Но…

Послышался отдаленный гул вроде ударов гонга со стороны главного туннеля: очевидно, началась погоня. Мы кинулись дальше в темную боковую пещеру. Дорогу нам освещал фосфорический блеск от ног Кейвора.

— Хорошо, — проговорил я, — что они сняли с нас ботинки. Иначе эхо от топота наполнило бы всю пещеру.

Мы бежали, делая маленькие прыжки, чтобы не удариться о свод. Как будто мы удалялись от гула. Звуки становились глуше, реже и наконец совсем заглохли.

Я остановился, огляделся и услышал шаги Кейвора. Скоро он тоже остановился.

— Бедфорд, — прошептал он, — впереди нас какой-то свет.

Я взглянул, но сначала ничего не заметил. Затем различил голову и плечи Кейвора, выступавшие темным пятном на более светлом фоне. Этот сумрак не походил на голубоватый блеск: его сероватый белый оттенок напомнил дневной рассвет. Кейвор тоже заметил это, и у нас обоих появилась надежда.

— Бедфорд, — шепнул он, и голос его дрогнул, — этот свет… возможно.

Он не решался высказать свою тайную на-

дежду. Мы молчали. Потом по звуку его шагов я понял, что он пошел вперед. Я последовал за ним. Сердце у меня сильно билось.

Глава XVI
Различные точки зрения

Свет все усиливался. Скоро он стал почти так же ярок, как фосфоресценция на ногах Кейвора. Туннель расширился в пещеру, и этот новый свет брезжил на дальнем ее конце. Я заметил еще один признак, и сердце мое запрыгало от радости.

— Кейвор, — сказал я, — свет падает сверху. Несомненно, падает сверху.

Кейвор ничего не ответил, но ускорил шаги.

Несомненно, это был сероватый, серебристый свет. Скоро мы в него попали. Он падал сверху в щель пещеры, и когда я заглянул вверх, то хлоп — на лицо мне упала капля воды. Я отступил в сторону; хлоп — другая капля упала на камень.

— Кейвор, — сказал я, — если приподнять одного из нас, то можно будет достать рукой трещину.

— Хорошо, я подниму вас, — согласился Кейвор и легко поднял меня, как ребенка.

Я сунул руку в щель и сразу нащупал выступ, за который можно было держаться. Белый свет отсюда казался еще ярче. Я подтянулся выше,

держась за выступ двумя пальцами, почти без всякого усилия, хотя на Земле мой вес больше восьмидесяти килограммов; ухватился за другой выступ повыше и стал ногами на первом. Потом ощупал скалу. Расщелина расширялась кверху.

— Тут можно карабкаться, — сказал я Кейвору, — сможете вы подпрыгнуть до моей руки, если я протяну ее вам вниз?

Я встал в расщелине, опираясь ногой и коленом о выступ, и протянул руку. Кейвора я не мог видеть, но слышал легкий шум от его движений, когда он нагнулся, чтобы подпрыгнуть. Прыжок — и он повис у меня на руке, легкий, как котенок. Я подтянул его кверху, пока он не ухватился рукой за выступ и не выпустил мою руку.

— Черт возьми! — воскликнул я. — Здесь, на Луне, поневоле приходится сделаться горцем.

И стал карабкаться дальше. Через несколько минут я взглянул вверх. Расщелина расширялась, и свет становился все ярче. Только…

Это оказался вовсе не дневной свет!

Скоро я разглядел, что это за свет, и готов был разбить себе голову о камни от разочарования. Я увидел склон, проросший целым лесом небольших булавовидных грибов, светившихся мягким серебристым светом. С минуту я смотрел на неж-

ное сияние, затем прыгнул в самую середину грибной заросли. Я сорвал с полдюжины грибов и с досадой расшиб их о камни; сел и рассмеялся желчно.

Скоро показалось красное лицо Кейвора.

— Опять фосфоресценция, — крикнул я ему, — не стоит торопиться! Присаживайтесь и будьте как дома.

Он пробормотал что-то по поводу постигшей нас неудачи. Я принялся сшибать грибные макушки и сбрасывать их в расщелину.

— Я думал, что это дневной свет, — проговорил Кейвор.

— Дневной свет! — воскликнул я. — Утренняя заря, закат солнца, облака, небо. Увидим ли мы все это когда-нибудь?

Говоря это, я вдруг ясно представил себе наш земной мир так отчетливо и ярко, как задний план какой-нибудь старой итальянской картины.

— Изменчивый колорит неба, моря, зеленые холмы и рощи, солнечные города и деревни! Вспомните, Кейвор, как блестят крыши при закате. Вспомните, как пламенеют от солнца окна!

Он не отвечал.

— А тут мы пресмыкаемся в этом диком мире.

Что это за мир с чернильным морем, запрятанным в бездне, на поверхности — то дневной зной, то мертвящая тишина ночи. И эти существа, гоняющиеся за нами, покрытые чешуей, насекомые-люди, порождение кошмара! Впрочем, они правы. Зачем мы явились сюда давить их и разрушать их мир? Теперь уже вся планета знает о нашем прибытии, и все гонятся за нами. Каждую минуту мы можем услышать их писк или гонг. Что нам делать? Куда скрыться?

— Это вы виноваты, — сказал Кейвор.

— Как так? — удивился я.

— Я уже составил план.

— Знаю я ваши планы.

— Если бы вы не сопротивлялись…

— Под их копьями?

— Ну да. Они бы нас перетащили.

— Через мост?

— Да. Перенесли же они нас вглубь.

— Скорей муха перенесет нас на потолок.

Я снова принялся за истребление грибов. Потом вдруг вскрикнул от радости:

— Кейвор, наши цепи из золота!

Кейвор сидел задумавшись, обхватив голову руками. Он медленно повернулся и равнодушно поглядел на меня. Потом, когда я повторил свои

слова, так же равнодушно посмотрел на цепь, обмотанную вокруг его правой руки.

— Да, — сказал он, — действительно, это золото.

Отвлекшись на минуту, он снова погрузился в свои размышления. Я тоже молчал, пораженный своим открытием; при голубоватом свете металл казался бледным. Неожиданное открытие дало новое направление моим мыслям, которые унесли меня далеко. Я забыл, что недавно только упрекал Кейвора за наш полет на Луну. Золото…

Кейвор первый прервал молчание.

— Мне кажется, — сказал он, — есть только два выхода из нашего положения.

— Какие?

— Либо попытаться проложить себе дорогу, пробиться силой, если понадобится, на поверхность и продолжать наши поиски шара до тех пор, пока мы не найдем его или пока холод нескончаемой ночи не прекратит наше существование, либо…

Он остановился.

— Продолжайте, — подстрекнул я его, хотя знал, что он скажет.

— Или попытаться еще раз установить добрые отношения и взаимное понимание с обитателями Луны.

— Что касается меня, то я предпочитаю первый выход как более благоразумный.

— Я сомневаюсь в этом.

— А я не сомневаюсь.

— Видите ли, — пояснил Кейвор, — я не думаю, чтобы можно было вообще судить о селенитах по тем, которых нам пришлось видеть. Их центральный мир, их цивилизованный мир находится внизу, в глубинах около моря. Эта часть Луны — только окраина, пастбища. Те селениты, которых мы видели, — пастухи и машинисты. Они употребляют копья, очевидно, для погони скота. Недостаток сообразительности, — они думали, что мы можем делать то же, что и они, — несомненная грубость — все это подтверждает мои предположения. Но если бы мы вынесли…

— Ни один из нас не может вынести перехода по шестидюймовой доске через бездонную пропасть.

— Верно, — согласился Кейвор, — но…

— Я не согласен, — обрезал я.

— Предположите, — продолжал убеждать меня Кейвор, — что мы заберемся в какой-нибудь уголок, где мы в состоянии будем защищаться. Если мы продержимся с неделю или около того, то, наверное, весть о нашем появлении дойдет до

более образованных селенитов…

— Если таковые есть.

— Несомненно, есть. Откуда же иначе взялись бы эти машины?

— Возможно, но нам от этого не будет лучше.

— Мы могли бы начертить надписи на стенах.

— А почему вы думаете, что их глаза увидят эти надписи?

— Тогда мы высечем на стенах буквы.

— Все возможно, конечно.

Мысли мои направились в другую сторону.

— Во всяком случае, — сказал я, — вы не думаете, что селениты умней людей?

— Они знают гораздо больше, чем мы; или, по крайней мере, столько же.

— Да, но… — Я на минуту запнулся. — Думаю, вы согласитесь со мной, Кейвор, что вы человек исключительный.

— Как так?

— Вы человек одинокий, то есть были таким… Вы не женаты?

— Никогда и не собирался. Но почему…

— Вы никогда не стремились разбогатеть?

— Нет, не стремился.

— Вы стремились только к знаниям?

— Так что же? Вполне понятная любознатель-

ность…

— Вы так думаете. Вы думаете, что ум каждого человека жаждет познаний. Помню, когда я спросил у вас, к чему вы делаете все эти изыскания, вы отвечали, что вам хотелось бы стать академиком, хотелось бы приготовить вещество, называемое кейворитом, и тому подобное. Вы отлично знаете, что занимались своими исследованиями вовсе не ради этого. Но мой вопрос захватил вас врасплох, и вы чувствовали, что надо указать какую-нибудь достаточно основательную и вескую причину. На самом же деле вы производили все изыскания только ради жажды знаний.

— Может быть…

— Вряд ли найдется хоть один человек среди миллиона, подобный вам. Большинство людей мечтает, разумеется, о разных вещах, но очень немногие жаждут знаний ради знания. И я не из числа тех немногих. Селениты, по-видимому, подвижные, деятельные существа, но почему вы знаете, что даже самые интеллигентные из них заинтересуются нами или нашим миром? Они даже не подозревают о его существовании. Ведь они никогда не выходят по ночам на поверхность, — они замерзли бы, если бы вышли. Они, наверное, никогда не видали ни одного

небесного светила, кроме яркого жгучего Солнца. Откуда они могут знать, что существует другой мир, да и какое им дело до другого мира? А если им и случалось видеть звезды или Землю, то что же из этого? Разве будут подземные жители наблюдать за светилами? Ведь и люди не стали бы делать подобных наблюдений, если бы это не понадобилось им для определения времен года или для мореплавания. Зачем же это лунным жителям? Предположим, что среди них найдется несколько философов, подобных вам. Это будут как раз те селениты, которые никогда и не услышат о нашем существовании. Предположите, что какой-нибудь селенит спустился бы на Землю, в то время как вы проживали в Лимпне. Ведь вы последним узнали бы об этом. Вы никогда не читали газет. Итак, как видите, все шансы против вас. А ради взвешивания этих шансов мы сидим тут сложа руки и теряем драгоценное время. Положение наше очень скверное. Мы явились сюда безоружными, потеряли наш шар, остались без пищи, показались селенитам и дали им повод считать нас какими-то дикими, диковинными зверями. Если эти селениты не лишены разума, то они будут гоняться за нами, пока не найдут, постараются поймать нас живьем, а коли им это

не удастся, то убьют — только и всего. Поймав нас, они также и убьют нас по какому-нибудь недоразумению. Возможно, что потом они будут спорить о нас, но нам от этого не станет легче.

— Продолжайте.

— С другой стороны, золото здесь такой же обыкновенный металл, как у нас на Земле железная руда. Если бы нам удалось захватить его с собой, отыскать наш шар, прежде чем они на него натолкнутся, и вернуться на Землю, тогда…

— Что тогда?

— Тогда мы могли бы поставить дело на более солидную почву. Могли бы вернуться сюда на более крупном шаре, с оружием и пушками.

— Что вы! — ужаснулся Кейвор.

Я швырнул в трещину еще один гриб.

— Во всяком случае, — продолжал я, — мне принадлежит половина решающих голосов в этом деле, а вопрос этот чисто практический. Я — человек-практик, а вы нет. Я не намерен доверять селенитам и геометрическим чертежам… Вот и все. Довольно с нас тайн. Вернемся на Землю, а потом опять на Луну.

Кейвор раздумывал.

— Да, — сказал он, — мне следовало бы полететь на Луну одному.

— Сейчас самый важный вопрос: как добраться до шара.

Помолчав, Кейвор как будто согласился с моими доводами.

— Я думаю, — заговорил он, — что у нас есть кое-какие данные. Ясно, что когда Солнце находится на этой стороне Луны, то воздух должен устремляться через эту губчатую планету с темной стороны на солнечную, должен вытекать из лунных пещер в кратеры… Значит, здесь должна быть тяга.

— Здесь есть тяга.

— Значит, мы не в тупике. Где-нибудь расщелина идет кверху. Течение воздуха направляется снизу вверх, этот же путь следует избрать и нам. Если мы попытаемся найти выход из этой трубы или камина, то мы из этого лабиринта, где нас ищут…

— Однако предположите, что проход окажется слишком узким…

— Тогда мы спустимся обратно.

— Тсс, — шепнул я, услышав какой-то шум. — Что это такое? — Мы прислушались. Отдаленный шум и звон гонга.

— Они нас принимают за животных, — возмутился я, — и хотят напугать этой музыкой.

— Они идут вдоль туннеля, — проговорил Кейвор.

— Вероятно.

— Но они не обратят внимания на эту трещину, они пройдут мимо.

Я прислушался.

— На этот раз они, наверно, захватили оружие. — Вдруг я вскочил. — Они нас найдут, Кейвор! — закричал я. — Они заметят грибы, которые я бросал вниз. Они…

Я не договорил и прыгнул через шляпки грибов к верхнему концу пещеры. Я заметил, что углубление поворачивает вверх и переходит в темную щель. Я уже собирался туда влезть, как вдруг счастливая мысль осенила меня, и я вернулся назад.

— Что вы делаете? — спросил Кейвор.

— Полезайте вперед, — сказал я, сорвал два светящихся гриба и сунул один корнем вниз в карман своей фланелевой куртки, так, чтобы он освещал нам путь; другой же гриб отдал Кейвору. Шум усилился, — казалось, что селениты находятся совсем близко, под самой расщелиной. Но, может быть, им трудно взобраться или они не решаются, боясь нашего сопротивления? Во всяком случае, мы убедились теперь в своем мускульном

превосходстве вследствие нашего рождения на другой планете. Через минуту я карабкался уже с богатырской силой вслед за сверкающими синеватым светом пятками Кейвора.

Глава XVII
Сражение в пещере лунных мясников

Не помню уже, сколько времени мы карабкались вверх, пока не достигли решетки. Может быть, мы поднялись на несколько сот футов, но тогда мне казалось, что мы проползли, протискались, проскакали и вскарабкались по крайней мере почти на целую милю вертикально вверх. Когда я вспоминаю об этом, то в моих ушах раздается позвякивание золотых цепей. Они звенели при каждом нашем движении. Я содрал кожу на пальцах и на коленях и оцарапал щеку. Скоро мы стали карабкаться более медленно и осторожно. Шум преследовавших нас селенитов заглох. Вероятно, они не полезли по нашим следам в расщелину, хотя и заметили сорванные нами грибы. Местами щель так суживалась, что мы с трудом протискивались вверх; иногда она, напротив, расширялась, образуя широкие пустоты, утыканные колючими кристаллами или обросшие светящимися грибами. Проход то извивался, то спускался вниз почти горизонтально. Часто журчала и капала вода. Раз или два от нас что-то

шмыгнуло в сторону. Возможно, что это были ядовитые пресмыкающиеся, но они не причинили нам вреда, а мы так торопились, что нам было не до них. Наконец далеко вверху забрезжил знакомый нам синеватый свет, и мы увидели, что он просачивается через решетку, преградившую нам путь.

Пошептавшись, мы с удвоенной осторожностью полезли вверх. Когда мы добрались до решетки, я прижался лицом к ее прутьям и стал разглядывать пещеру. Она была обширна и освещалась, без сомнения, ручейком того же синего света, который струился от виденной нами машины. Вблизи моего лица между прутьями решетки капала вода.

Я хотел разглядеть дно пещеры, но решетка находилась в углублении, края которого мешали мне видеть. Затем мы обратили внимание на шум, и я заметил неясные тени, скользившие по тускло освещенному своду высоко вверху.

Несомненно, в пещере находились селениты, может быть даже их было много: мы слышали их голоса и какие-то слабые звуки, которые я принял за их шаги. Кроме того, до нас доносились мерные удары ножа или топора по чему-то мягкому. Потом раздался звон вроде лязга цепей, свист и

грохот и снова удары ножа. Тени показывали, что селениты двигались быстро и ритмически, в такт с этим мерным стуком, и останавливались, когда он прекращался.

Мы наклонились друг к другу и начали перешептываться.

— Они работают, — прошептал я, — они чем-то заняты.

— Да.

— Они не ищут нас и не собираются нас ловить.

— Может быть, они о нас и не слыхали.

— За нами гонятся другие, там, внизу… А что, если мы вдруг покажемся?

Мы переглянулись.

— Новый удобный случай вступить с ними в переговоры, — заметил Кейвор.

— Ну нет, — ответил я, — только не сейчас.

Мы молчали, занятые своими мыслями. Снова послышался стук, и тени задвигались.

Я стал внимательно осматривать решетку.

— Она непрочная, — сказал я, — можно отогнуть две полосы и пролезть между ними.

Мы посовещались несколько минут. Затем я ухватился обеими руками за прут, ногами уперся в скалу и потянул прут. Он согнулся так быстро,

что я чуть не упал вниз. Взобравшись выше, я согнул другой прут, затем вынул из кармана светящийся гриб и бросил его вниз, в расщелину.

— Будьте осторожны и не торопитесь, — шепнул мне Кейвор, когда я пролезал через решетку. Передо мной промелькнули работавшие над чем-то фигуры, я нагнулся так, что край впадины, в которой находилась решетка, скрывал меня от них. Лежа, я подал знак Кейвору последовать моему примеру. Мы залегли рядом и стали наблюдать за тем, что делалось в пещере.

Пещера была гораздо больше, чем нам сначала показалось. Мы смотрели из самой низкой ее части. Пещера расширялась вдаль, но нависшие своды скрывали от нас отдаленные ее части. Вдоль пещеры тянулись, исчезая вдалеке, какие-то огромные бледные туши, над которыми возились селениты. Сначала мне показалось, что это большие белые цилиндры. Затем я заметил головы без глаз и кожи, похожие на бараньи головы в мясной лавке, и разглядел, что это туши лунных коров, которые селениты разделывали, как команда китобойного судна ошвартованного кита. Селениты резали мясо полосами, и на некоторых тушах виднелись обнаженные ребра. Удары топориков селенитов и производили этот

звук: чид, чид, чид. В стороне был протянут канат провода, обвешанный кусками свежего мяса. Эта бесконечная аллея туш, предназначенных для продовольствия, свидетельствовала о густоте населения лунного мира и подтверждала наше первое впечатление от огромной шахты.

Сначала мне показалось, что селениты стоят на досках, положенных на козлы, но потом я увидел, что и настил, и подпорки, и топорики были такого же свинцового цвета, как и мои кандалы, пока я не разглядел их при белом свете. Кстати сказать, я не помню, чтобы мне случалось увидеть какие-нибудь деревянные вещи на Луне: двери, столы, вся обстановка, вроде нашей земной мебели, была сделана из металла и, кажется, по большей части из чистого золота, которое из всех металлов, конечно, заслуживает предпочтения, при прочих равных условиях, — по легкости обработки, по ковкости и по прочности. На дне пещеры кое-где валялись толстые ломы, очевидно для переворачивания мясных туш, длиной приблизительно в шесть футов и с рукояткой — очень подходящее для нас оружие. Пещера освещалась тремя ручьями синего света.

Мы долго лежали молча и наблюдали.

— Ну что? — спросил наконец Кейвор.

Я сполз ниже и обернулся к нему. Меня осенила блестящая мысль.

— Если только они не спускают этих туш с помощью кранов, — сказал я, — то мы, очевидно, находимся недалеко от поверхности.

— Почему?

— Потому что лунные коровы не могут прыгать и у них нет крыльев.

Кейвор выглянул из впадины, где мы лежали.

— Меня удивляет только… — начал он. — Впрочем, мы и не уходили далеко от поверхности.

Я дернул его за рукав, чтобы он замолчал: я услыхал шум из расщелины под нами. Мы притаились и начали прислушиваться. Скоро у меня не осталось никакого сомнения, что кто-то тихо лез вверх по расщелине. Не торопясь, бесшумно я взял в руку обрывок цепи и ждал появления врага.

— Смотрите за теми молодцами с топорами, — сказал я.

— Они заняты своим делом, — ответил Кейвор.

Я выбрал место для удара в отверстии решетки. Скоро я услышал тихое щебетание поднимавшихся селенитов, шорох их рук, цеплявшихся за камни, и звуки падения щебня.

В темноте за решеткой что-то двигалось. Что-то

блеснуло и направилось на меня. Я вскочил и отбил удар. Это было острие копья. Я понял потом, что длинное копье не попало в цель только благодаря недостатку места. Копье высунулось из решетки змеиным жалом и, промахнувшись, скрылось, потом снова вытянулось. Я ухватил и вырвал копье, но в меня направилось другое. Я вскрикнул от радости, когда почувствовал, что селенит, державший и не выпускавший копья, не выдержал. Тогда я стал наносить добытым трофеем удары сквозь решетку среди писка, раздававшегося в темноте. Кейвор тоже вырвал копье и прыгал, размахивая им, но не попадая в цель. «Кланг, кланг», — зазвенело о решетку, и по воздуху просвистел топор, ударившийся о скалу вблизи нас и напомнивший мне о мясниках над мясными тушами в пещере.

Я обернулся и увидел, что они, выстроившись, приближаются к нам, размахивая своими топорами. Это были толстые приземистые коротконожки с длинными руками, мало похожие на тех селенитов, которых мы видели раньше. Если они и не слышали о нас, то очень быстро поняли, в чем дело. Я, держа копье, смотрел на них.

— Охраняйте, Кейвор, решетку! — крикнул я и с ревом, чтобы устрашить их, ринулся навстречу.

Двое из мясников метнули свои топоры, но промахнулись, а остальные мгновенно обратились в бегство. Затем и эти двое побежали вверх по пещере, прижав к туловищу руки и наклонив головы. Я никогда не видал, чтобы люди так убегали!

Захваченное мною копье оказалось плохим оружием, тонким и хрупким, слишком длинным, годным только для метания. Я преследовал селенитов до первой туши, потом остановился и поднял один из брошенных ломов. Он оказался увесистым, хорошим оружием для разгрома селенитов. Я бросил копье и поднял второй лом для другой руки. Погрозив ломами кучке селенитов, которые остановились вдали в пещере, я обернулся к Кейвору.

Он прыгал около решетки, грозно размахивая обломком копья. Все обстояло благополучно. Кейвор отражал нападение селенитов снизу. Но что делать дальше?

Мы загнаны в тупик. Но мясники наверху, очевидно, захвачены врасплох; они, наверное, перепугались, и у них, кроме топориков, нет никакого оружия. Их коренастые фигуры (они были ниже ростом и толще, чем селениты-пастухи) были рассеяны среди пещеры, это свидетельство-

вало об их нерешительности. Я их напугал своей бешеной яростью. Но зато их было очень много. Селениты же внизу, несомненно, вооружены длинными копьями. Возможно, что они приготовили нам и другие сюрпризы… Черт возьми! Если мы ударим на мясников, то селениты с копьями останутся у нас в тылу, если же не атаковать, то их соберется еще больше. Кто знает, какие орудия разрушения — пушки, бомбы, минометы — может выслать для нашего истребления этот неведомый мир, находящийся у нас под ногами, этот обширный мир, до глубин которого мы еще не добрались. Нам ничего более не оставалось, как самим наступать на противника. Тем более что скоро показались новые полчища селенитов, сбегавших вниз по пещере по направлению к нам.

— Бедфорд! — крикнул Кейвор и отскочил от решетки.

— Назад! — закричал я ему. — Что вы делаете?

— Они тащат какую-то пушку!

Между копьями показалась голова и плечи селенита, несшего какой-то сложный аппарат.

Кейвор не годился для такого боя. Несколько секунд я колебался, потом ринулся вперед, размахивая своими ломами, стараясь ревом испугать

селенита, который целился вкось, прижав аппарат к животу. Свист… Это, оказалось, не пушка, а что-то вроде самострела. Выпущенный заряд попал прямо в меня во время прыжка.

Я не упал, а только опустился несколько раньше, чем следовало, и по ощущению в плече заключил, что заряд только слегка контузил меня. Я отбил древко и заметил, что стрела вонзилась чуть не наполовину в мое плечо. Подскочив, я ударил селенита ломом. Он рухнул, и голова его раскололась, как яйцо.

Я бросил лом, выдернул стрелу из плеча и начал размахивать ломом в темноте. При каждом ударе под решеткой раздавался жалобный писк и визг. Я метнул туда стрелу, схватил лом и кинулся на толпу в пещере.

— Бедфорд! — умолял Кейвор, когда я пролетел мимо него. — Бедфорд!

Я слышал позади себя его шаги. Шаг, прыжок, толчок, снова прыжок…

Каждый прыжок, казалось, длился вечность. С каждым прыжком пещера расширялась, и число селенитов увеличивалось. Сначала они бегали, как муравьи в разоренном муравейнике, некоторые размахивали топориками, но большинство спасалось бегством вперед или в сторону по аллее

туш. Скоро показались селениты, вооруженные копьями. Я видел целую кучу рук и ног. В пещере становилось темней… Что-то просвистело над моей головой. Опять. Подпрыгнув, я увидал, что копье вонзилось в одну из туш слева от меня. Когда я опустился, то другое копье ударилось в грунт передо мной, и я услышал отдаленный треск. Целый ливен копий.

Я остановился как вкопанный.

Не думаю, чтобы я тогда отчетливо соображал. Но, помнится, в моем мозгу промелькнула стереотипная фраза: «Огневая завеса, под прикрытие!» Я встал между двумя тушами, тяжело дыша и чувствуя себя убийцей.

Я искал Кейвора. Одно мгновение мне казалось, что он погиб, но вскоре он появился из темноты между тушами и каменной стеной пещеры. Я увидал его маленькое лицо, тусклое, синее, вспотевшее, выражавшее сильное волнение.

Он что-то сказал, но я не расслышал. Я решил, что нам лучше всего пробираться от туши к туше, вверх по пещере, пока не пробьемся наружу. Пробиться наружу — другого выхода нет.

— За мной! — сказал я и пошел вперед.

— Бедфорд! — кричал Кейвор, но тщетно: я его не слышал.

Я обдумывал план спасения, поднимаясь по узкому проходу между тушами и стеной. Пещера закруглялась, и селениты не могли стрелять вдоль. Хотя в узком пространстве мы и не могли делать прыжков, однако благодаря нашей земной силе мы продвигались быстрее селенитов. Я решил, что скоро мы опять вступим с ними в бой. Когда мы ворвемся в их ряды, то они окажутся для нас не более опасными, чем черные тараканы. Однако сначала надо выдержать их обстрел. Я обдумывал стратегический план и на бегу скинул фланелевую куртку.

— Бедфорд! — задыхался сзади Кейвор.

Я обернулся и спросил, что ему надо.

Он показывал вверх, через туши.

— Белый свет! — сказал он. — Опять белый свет!

Я взглянул вверх: действительно, вдалеке брезжили белые призрачные сумерки. Силы мои сразу удесятерились.

— Не отставайте! — крикнул я Кейвору.

Длинный плоский селенит высунулся из мрака, но тотчас же скрылся с писком. Я остановился и подал знак Кейвору, чтобы и он не двигался. Затем повесил свою куртку на лом, спрятался за ближайшую тушу, положил куртку с ломом и

высунулся на секунду.

«З-з-зз!» — просвистела стрела. Мы находились на очень близком расстоянии от селенитов, толстых, длинных и коротких, толпившихся кучей около батареи своих орудий, направленных в пещеру. Три или четыре стрелы последовали за первой, затем обстрел прекратился.

Я высунул голову и оказался на волосок от гибели. Просвистела целая дюжина стрел, раздались крики и чириканье селенитов, свидетельствовавшие об их возбуждении. Я поднял с пола куртку и лом.

— Теперь пора! — воскликнул я и выставил свою куртку.

«З-з-зз! Зз-зз!» В одно мгновение она была продырявлена тучей стрел, перелетавших через тушу над нашими головами. Я схватил лом, сбросил куртку, — она так и осталась на Луне, — и ринулся в атаку.

С минуту длилась бойня. Я рассвирепел и не давал пощады. Селениты же, вероятно, перепугались и плохо защищались. У меня, как говорится, кровь бросилась в голову. Помню, что я пробивался между этими насекомообразными существами, как через высокую траву, кося и направо и налево — раз, два! Брызгала какая-то

жидкость, под ногами что-то хрустело и пищало, рассыпаясь на куски. Толпа расступалась и снова смыкалась, как вода. Они сражались в беспорядке. Копья свистели вокруг меня; меня ранили в ухо, в руку и в щеку, но я заметил это потом, когда почувствовал на щеке запекшуюся кровь.

Что делал Кейвор, я не знаю. Мне казалось, что этот бой длится целый век и никогда не кончится. И вдруг конец — остатки селенитов обратились в бегство… Я почти не пострадал. Пробежал вперед, крикнул и оглянулся.

Я был изумлен.

Я летел через них громадными скачками. Селениты остались позади или разбегались в разные стороны. Неожиданный конец боя, в который я бросился очертя голову, обрадовал меня. Мне казалось, что я победил не потому, что селениты оказались такими хрупкими, а потому, что я оказался таким сильным. И я самодовольно расхохотался. Ах, эта удивительная Луна! Посмотрев на искрошенные и корчившиеся тела, разбросанные по пещере, я поспешил к Кейвору.

Глава XVIII
В солнечном свете

Вскоре мы увидели, что пещера обрывается в туманную пропасть, и вышли в наклонную галерею, которая привела нас в обширное круглое пространство, к огромной цилиндрической шахте, идущей вертикально вверх и вниз. Вокруг нее извивалась галерея без всякого парапета или перил и через полтора оборота поворачивала вверх, в скалы. Галерея эта напоминала мне спираль железной дороги через Сан-Готард. Все было необычайно грандиозно. Невозможно описать титанические размеры этого сооружения и подавляющее впечатление от него. Далеко вверху, над обрывом гигантской шахты, мы заметили круглое отверстие со слабо мерцающими звездами на дневном небе. Мы оба невольно вскрикнули от радости.

— Скорей! — торопил я, бросаясь вперед.

— А что там? — спросил Кейвор и осторожно подошел к краю шахты. Я последовал его примеру и заглянул вниз, но мне мешал свет сверху, и я разглядел только во мраке цветные полосы

малинового и пурпурного цвета. Но хотя я не мог видеть, зато мог слышать. Из темноты доносился гул, похожий на гудение пчел, если приложить ухо к улью, — гул из пропасти глубиной, быть может, мили четыре…

Я прислушался, потом взял лом и пошел вперед, вверх по галерее.

— Вероятно, это та самая шахта с крышкой, куда мы смотрели, — заметил Кейвор.

— А внизу те же самые огни!

— Огни! — повторил Кейвор. — Да, огни того мира, которого нам никогда не увидеть.

— Мы еще вернемся, — утешил я его.

После нашего бегства я начал надеяться, что мы найдем шар.

Ответа Кейвора я не расслышал.

— Что? — спросил я.

— Ничего, — ответил он, и мы торопливо зашагали вверх по галерее.

Этот наклонный боковой проход тянулся, вероятно, не менее четырех или пяти миль и поднимался так круто, что идти по нему на Земле было бы совершенно невозможно, но здесь, на Луне, это было очень легко. Мы заметили только двух селенитов, которые при нашем приближении обратились в бегство. Очевидно, до них

дошла весть о нашей силе и быстроте.

Подъем оказался довольно легким. Спиральная галерея перешла в крутой туннель с отпечатками следов лунных стад, такой узкий и короткий по сравнению с обширными сводами, что почти весь он был освещен. Скоро стало светлей, и вверху показался блиставший ослепительным светом выход: альпийский склон, увенчанный гребнем колючего кустарника, теперь уже высохшего и помертвевшего, четко вырисовывавшегося на фоне солнца.

Странно, что мы, люди, которым эта самая растительность казалась недавно такой ужасной, смотрели теперь на нее с таким же чувством, как вернувшийся домой изгнанник при виде родных мест. Мы радовались даже разреженному воздуху, который мучил нас одышкой при быстром движении и затруднял наши разговоры. Приходилось сильно напрягать голос. Все шире и шире становился освещенный солнцем круг; туннель позади нас погружался в непроницаемый мрак. Видневшийся наверху колючий кустарник уже побурел и засох. Его густо переплетавшиеся ветки затеняли узорами нависшие скалы. У самого входа в туннель расстилалась широкая утоптанная площадка для лунных стад.

Мы вышли наконец по ней на ослепительный свет и невыносимый зной. Мы с трудом перешли через открытое место и, вскарабкавшись по откосу между стволами колючих растений, уселись, запыхавшиеся, под выступом застывшей лавы. Но даже и в тени скала была горячая.

Воздух веял огнем. Физически мы чувствовали себя неважно, но зато нас не мучили больше кошмары. Нам казалось, что мы опять вернулись к себе под звезды. Все страхи и трудности нашего бегства через мрачные пещеры и расщелины теперь миновали. После последнего боя мы уже не боялись селенитов. Оглядываясь на зияющее отверстие, мы сами не верили, что там были. Там, глубоко внизу, в голубоватом свете, переходившем в мрак, мы встретились с существами — извращенными подобиями людей, с насекомыми со шлемообразными головами. И мы их боялись и подчинялись им, пока наконец не возмутились. И вот они растаяли, как воск, рассыпались прахом, исчезли, как кошмарные призраки.

Я протер глаза, сомневаясь, уж не видели ли мы все это во сне под опьяняющим действием съеденных грибов, но вдруг заметил кровь у себя на лице и убедился, что рубашка крепко прилипла

к моему плечу и руке.

— Черт возьми! — проговорил я, ощупав свои раны. Вход отдаленного туннеля, казалось, наблюдал за нами своим пристальным глазом. — Кейвор, что же они будут делать? Что делать нам?

Он покачал головой, не отрывая глаз от темного входа туннеля.

— Откуда мы можем знать, что они намерены делать?

— Это зависит от того, что они о нас думают, нам же это неизвестно. Затем это зависит от того, что у них имеется в резерве. Вы правы, Кейвор: мы коснулись лишь окраины лунного мира. У них там, в глубине, могут быть неожиданные сюрпризы для нас. Даже своими самострелами они могут причинить нам немало вреда… Но все же, — резюмировал я, — если даже мы и не найдем наш шар сразу, то все-таки у нас есть шансы. Мы можем еще держаться даже ночью. Мы можем сойти вниз и отвоевать себе место.

Потом я начал осматриваться. Характер пейзажа резко изменился вследствие роста и засыхания растительности. Вершина, на которой мы сидели, возвышалась над обширной долиной, сплошь покрытой увядшей, сухой растительностью позд-

ней, послеполуденной лунной осени. Один за другим тянулись пологие бугры и поля, где пасся лунный скот; вдали грелось и дремало на солнце, точно овцы, целое стадо, отбрасывая тени. Селенитов нигде не было видно. Убежали ли они при нашем появлении, или они обычно скрывались после выгона стада на пастбища, этого я не могу сказать. Тогда я предполагал первое.

— Если поджечь этот сушняк, то мы, пожалуй, нашли бы наш шар среди пепла.

Кейвор, по-видимому, не слыхал моих слов: он внимательно смотрел, прикрывая глаза рукой, на звезды, которые, несмотря на яркий солнечный свет, были хорошо видны на небе.

— Как вы думаете, сколько времени мы пробыли здесь? — спросил он наконец.

— Где здесь?

— На Луне.

— Два дня, наверное.

— Нет, около десяти дней. Солнце уже перешло зенит и склоняется к западу. Дня через четыре, а может быть и раньше, наступит ночь.

— Но ведь мы ели только один раз?

— Знаю, но так выходит по звездам.

— Разве время здесь, на меньшей планете, другое?

— Не знаю, но выходит так.

— Как же следует исчислять время?

— Голод, утомление — все здесь иное. Все здесь другое, не такое, как на Земле. Мне казалось, что со времени нашего выхода из шара прошло всего несколько часов, несколько длинных часов — не больше.

— Десять дней, — удивлялся я, — значит, нам остается… — Я взглянул на солнце. Оно уже прошло полпути от зенита до запада. — Остается всего только четыре дня… Кейвор, нам нельзя сидеть тут сложа руки. С чего нам начать?

Я встал.

— Надо наметить какой-нибудь отдаленный и издалека видный пункт, можно вывесить флаг, или платок, или что-нибудь еще, наметить участки и искать кругом.

Кейвор поднялся и стал рядом со мной.

— Да, — согласился он, — нам ничего больше не остается, как искать наш шар. Ничего больше. Может быть, мы найдем его. Разумеется, мы его найдем. А если нет…

— Мы должны искать.

Он огляделся кругом, посмотрел вверх на небо, вниз в туннель и удивил меня внезапным нетерпеливым жестом.

— Какие мы безумцы! Зачем попали мы в этот туннель! Подумайте только, сколько мы успели бы сделать!

— Мы и сейчас можем еще кое-что сделать.

— Никогда нам не сделать того, что упущено. Ведь тут под нашими ногами целый мир. Подумайте, как это интересно! Вспомните о машине, которую мы видели, о шахте с крышкой! Но все это только начало. А те несчастные создания, с которыми мы сражались, только невежественные, захолустные жители окраин, пастухи и мясники. Там же внизу… Огромные подземелья, туннели, сооружения, пути сообщения… На глубине все грандиозней, населенней. Несомненно, там должно находиться Центральное море, омывающее сердцевину Луны. Подумайте о его черных, чернильных водах при скудном освещении, если только их глаза нуждаются в свете! Подумайте о многоводных, бегущих каскадами потоках, питающих это море! Подумайте о его приливах и отливах! Может быть, у них есть суда, многолюдные большие города и пути сообщения. Быть может, у них разум и порядок. А мы погибнем здесь и никогда не увидим разумных существ, создавших все эти сооружения. Мы здесь замерзнем и умрем. Воздух замерзнет на нас и вновь

оттает. И вот тогда они случайно набредут на наши окоченелые, безмолвные трупы, найдут и шар, который нам не удастся отыскать, и поймут наконец, хотя и слишком поздно, сколько мыслей и усилий погибло так бесплодно.

Голос его во время этого монолога звучал, точно сквозь телефонную трубку, откуда-то издалека.

— Но эта темнота… — возразил я.

— Это не так уж важно.

— Как так?

— Не знаю. Откуда я могу знать? Можно захватить факел, лампу или фонарь. Те другие могут нас понять.

Он постоял с минуту с опущенными руками и печальным лицом, уныло глядя в пространство, затем с жестом самоотречения обратился ко мне с предложением начать систематические поиски шара.

— Мы ведь можем потом вернуться обратно, — утешал его я.

— Прежде всего нам надо вернуться на Землю.

— Мы можем потом привезти с собой лампы и железные крючья для лазанья и другие необходимые вещи.

— Да, — согласился Кейвор.

— Мы захватим с собой золото.

Он посмотрел на золотые ломы, но ничего не ответил. Он стоял, заложив за спину руки и грустно глядя на кратер. Наконец вздохнул и снова заговорил:

— Да, я нашел сюда путь, но найти путь не значит еще быть его монополистом. Если я привезу свое изобретение на Землю, то что произойдет? Я не смогу скрывать его даже в течение одного года. Рано или поздно все обнаружится, или другие люди вторично откроют его. А тогда… Правительства и державы будут стараться сюда проникнуть, будут воевать из-за лунных территорий между собой и с лунными жителями. Это только усилит вооружения и даст лишний повод к войнам. В непродолжительном времени, если я только оглашу мой секрет, вся эта планета, вплоть до глубочайших галерей, будет усеяна трупами. В чем другом, а в этом не приходится сомневаться… Конечно, Луна людям не нужна. Для чего им новая планета? Что сделали они со своей собственной планетой? Поле вечной битвы, арену вечной бессмыслицы. Мир человеческий мал, и жизнь человеческая коротка, — еще довольно дел на Земле! Нет, наука и так уже слишком много трудилась над выковыванием оружия для безумцев. Пора с этим покончить! Пусть люди

откроют это изобретение через тысячу лет.

— Можно сохранить тайну, — возразил я.

Кейвор посмотрел на меня и улыбнулся.

— Наконец, — продолжал он, — из-за чего нам спорить? У нас так мало шансов разыскать шар, а там, внизу, уже готовятся. Только человеческая привычка надеяться до самой последней минуты заставляет нас думать о возвращении на Землю. Наши затруднения только теперь начинаются. Мы показали лунным жителям нашу силу и жестокость. Шансы наши на спасение такие же, как у тигра, который вырвался из клетки и загрыз человека в Гайд-парке. Весть о нас, по всей вероятности, разносится из галереи в галерею до центральных областей… Никакие разумные существа не допустили бы нас взять шар с собой обратно на Землю после всего, что они видели или слышали о нас.

— Но мы не улучшим наших шансов, если будем сидеть здесь, — сказал я.

Мы оба встали.

— Лучше будет, — сказал Кейвор, — если мы пойдем в разные стороны. Надо вывесить платок на верхушке одного из этих стволов, крепко привязать его и от этого пункта, как от центра, приняться за поиски по всему кратеру. Вы пой-

дете на запад, полукругом, в сторону заходящего солнца. Вы должны двигаться сначала так, чтобы ваша тень падала от вас вправо, до тех пор, пока она не будет пересекать под прямым углом путь от нашей вехи, а затем двигайтесь так, чтобы ваша тень ложилась влево от вас. Я буду делать то же самое в восточном направлении. Мы будем заглядывать в каждый овраг, осматривать каждую скалу, мы приложим все усилия, чтобы отыскать наш шар. Селенитов будем избегать. Для утоления жажды можно глотать снег, для утоления голода надо убивать лунных коров, если только мы сможем есть сырое мясо. Итак, каждый из нас пойдет своей дорогой.

— А если один из двух натолкнется на шар?

— Он должен вернуться к вывешенному платку и ждать там, подавая сигналы.

— А если никто из нас…

Кейвор взглянул на солнце.

— Мы будем искать шар до тех пор, пока нас не застигнет ночь и стужа.

— А вдруг селениты нашли шар и спрятали?

Кейвор пожал плечами.

— А если они теперь гонятся за нами?

Он ничего не ответил.

— Возьмите на всякий случай один лом, —

предложил я.

Он покачал отрицательно головой и посмотрел на расстилавшуюся перед ним пустыню.

— Ну, идемте, — проговорил он.

Он почему-то заколебался и посмотрел на меня смущенно.

— До свидания, — сказал он наконец.

«Проклятье, — подумал я, — мы могли действовать лучше!» Мне не хотелось с ним расставаться, хотя мы и должны были надоесть друг другу. Я хотел протянуть ему на прощание руку, но он уже сомкнул ноги и прыгнул на север. Он несся по воздуху, как сухой лист, плавно опустился и снова прыгнул. Я постоял с минуту, наблюдая за его полетом, потом нехотя повернулся на запад, выбрал место для прыжка и с чувством человека, собирающегося прыгнуть в ледяную воду, устремился обследовать свою половину лунного мира. Я спустился неудачно между скалами, осмотрелся вокруг, вскарабкался на каменную площадку и прыгнул снова…

Кейвор уже скрылся из виду, но платок ясно был виден на пригорке — ослепительно-белый при блеске яркого солнца.

Я решил не терять из виду платка, что бы ни случилось.

Глава XIX
Мистер Бедфорд остается один

Скоро мне уже казалось, будто я всегда был один на Луне. Сначала я искал довольно усердно, но было еще очень жарко, а разреженность воздуха вызывала такое ощущение, как будто грудь сдавило обручем. Я попал в лощину, заросшую по краям щетиной высоких, бурых, засохших кустарников, и уселся под ними отдохнуть в тени. Я предполагал просидеть очень недолго.

Положив около себя лом, я сидел, подперев голову руками. Меня мало интересовало то, что скалы лощины, кое-где покрытые полосами высохшего мха, блестели золотыми жилами, а местами из-под опавшей листвы сверкали кругляки самородков. Зачем все это мне? Меня охватила какая-то расслабленность, я не верил, что мы найдем наш шар в этой сожженной солнцем пустыне. К чему искать! Пусть являются селениты. Затем я решил напрячь все свои силы, повинуясь тому инстинкту самосохранения, который побуждает человека прежде всего охранять и спасать свою жизнь, хотя, может быть, вскоре ему и придется

умереть более мучительной смертью.

Зачем попали мы на Луну?

Это казалось мне очень сложной загадкой. Какой порыв побуждает человека отказаться от счастья и покоя и стремиться навстречу опасности, нередко даже гибели? Я начинал понимать здесь, на Луне, то, что давно должен был бы знать, а именно, что человек создан не для того лишь, чтобы заботиться о собственном благополучии, о хорошей еде, о комфорте и веселом времяпровождении.

Это чувство знакомо почти каждому человеку, и он делает неразумные поступки вразрез с собственными интересами, вразрез со своим благополучием.

Зачем? Почему?

Сидя здесь, среди бесполезного лунного золота, в чуждом для меня мире, я стал подводить итог всей своей жизни. Думая, что мне суждено погибнуть на Луне, я задал себе вопрос: к какой цели я стремился? Мне не удалось уяснить себе этот пункт, но, во всяком случае, мне стало яснее, чем когда-либо прежде, что я не преследовал своих личных целей, что всю свою жизнь я жил для чего-то другого. Для чего — этого я не мог сказать. Я бросил раздумывать о том, зачем мы полетели

на Луну, и поставил себе вопрос шире: зачем я вообще жил на Земле?

В конце концов я запутался в отвлеченных рассуждениях.

Мысли мои стали расплывчатыми и туманными. Я не чувствовал тяжести или разбитости в теле, — на Луне этого с нами не бывало, но, вероятно, все же я устал. Так или иначе, но я заснул.

Сон, или, вернее, дремота, освежил меня. Солнце спускалось все ниже и ниже. Жара спадала. Когда наконец я очнулся от какого-то отдаленного крика или шума, то почувствовал себя бодрым и свежим. Я протер глаза и расправил руки. Затем встал — тело мое немного затекло — и решил возобновить поиски. Взвалив свои золотые дубинки на плечи, я вышел из золотоносного ущелья.

Солнце, несомненно, стояло гораздо ниже, чем прежде. Воздух стал холоднее. Очевидно, я проспал долго. Мне показалось, что над западными утесами висит синеватая дымка. Я вспрыгнул на ближайшее возвышение и стал осматриваться. Нигде не было видно ни лунного скота, ни селенитов. Кейвора я также не увидел, но зато разглядел мой платок вдали, на высокой ветке кустарника; осмотревшись, я перепрыгнул на следующий удобный для наблюдения возвышенный пункт.

Я продолжал свой путь полукругами, постепенно все расширявшимися, — это было довольно утомительно и безрезультатно. Воздух действительно стал прохладней, и я заметил, что под западными утесами тени удлинились.

Я часто останавливался и осматривался, но Кейвора нигде не было. Селениты тоже куда-то исчезли, и я подумал, что они уже загнали скот внутрь планеты, так как стад тоже нигде не было. Я хотел поскорей найти Кейвора. Солнце спустилось так низко, что отстояло от горизонта не более чем на диаметр своего диска. Я боялся, что селениты закроют крышки и отдушины и оставят нас в жертву страшной лунной ночи. Мне показалось, что Кейвор уже давно прекратил поиски шара и что нам необходимо посоветоваться. Мы должны решить вопрос, что нам делать. Мы не нашли шара, и искать его уже поздно. Если отдушины закроют, то мы погибли. Нас поглотит бесконечная ночь — мрак пустоты и смерти. Я чувствовал дрожь при одной мысли об этом. Нам необходимо пробраться вглубь Луны, хотя бы даже с опасностью для жизни. В моем воображении уже рисовалась страшная картина нашего замерзания и бесплодных попыток достучаться в крышку большой шахты.

Я совсем забыл про шар, я думал только о том, как бы скорей найти Кейвора. Я уже собирался идти в шахту без него, боясь опоздать; уже возвращался к платку, как вдруг…

Я увидел шар.

Скорей не я его, а он нашел меня. Он лежал гораздо далее к западу, чем я зашел; наклоненные лучи заходящего солнца ярко горели на его стеклах. В первую минуту я подумал, что это какое-то новое оружие селенитов, но потом понял.

Протянув руки, с радостным криком бросился я к нему. Я неверно рассчитал один из своих прыжков и упал в глубокий овраг, ушибив лодыжку на правой ноге. После этого я спотыкался почти при каждом прыжке. Я находился в истерическом возбуждении, дрожал как в лихорадке и запыхался, еще не достигнув цели. Раза три я должен был останавливаться, чтобы передохнуть, и, несмотря на разреженность и сухость воздуха, пот лил с меня ручьями.

Я думал только о шаре, пока до него не добрался, — забыл даже свое беспокойство о Кейворе. Мой последний прыжок перенес меня прямо к шару; я прижался к нему, тяжело дыша и тщетно пытаясь крикнуть: «Кейвор, Кейвор, шар здесь!» Я заглянул через стекло во внутренность шара.

Все вещи были сбиты в одну кучу. Передохнув наконец, я просунул голову в люк и увидал, что все в целости. Все вещи лежали так, как мы их оставили, выпрыгивая из шара на снежный сугроб. Я залез внутрь и занялся переборкой нашего инвентаря, всунул в тюк золотые ломы и поел немного — не потому, что я чувствовал потребность в еде, но потому, что съестное попалось мне на глаза. Затем мне показалось, что пора выйти и подать сигнал Кейвору.

Во всяком случае, все благополучно. У нас еще найдется время набрать того магического вещества, которое дает власть над людьми. Поблизости много золота, а наш шар, даже наполовину нагруженный этим металлом, может лететь так же легко и свободно, как если бы он был пустой. Мы сможем теперь возвратиться на Землю, и потом…

Наконец я поднялся и вылез из шара и огляделся вокруг. Вечерний воздух становился все холоднее. Стоя в углублении, я осмотрелся, тщательно обследовал кусты вокруг, прежде чем прыгнуть на ближайшую скалу, и вспомнил свой первый прыжок на Луне. Прыгнул легко, без всякого усилия. Растительность увяла так же быстро, как выросла. Весь вид окрестных скал изменился, но

все-таки еще можно было узнать тот пригорок, на котором при нашем прибытии начали всходить молодые растения, и то скалистое возвышение, с которого мы обозревали кратер. Но колючий кустарник на склоне холма уже побурел, высох, вытянулся футов на тридцать в вышину и отбрасывал длинные тени, а маленькие семена висели пучками на его верхних ветках и уже почернели, совершенно созрев. Работа кустарника была сделана, и он готов был упасть и рассыпаться в прах под разрушительным действием ледяного воздуха длинной лунной ночи.

А огромные кактусы, которые раздувались на наших глазах, теперь полопались, разбросав свои споры на все четыре стороны. Удивительный уголок во Вселенной — пристань первых людей на Луне!

Когда-нибудь я поставлю тут среди кратера столб с соответствующей надписью; если бы только этот лунный мир узнал об этом, какой бы переполох поднялся там, в глубине!

Но пока, по-видимому, они не подозревают, какое значение имеет наше прибытие, иначе этот кратер стал бы ареной отчаянной борьбы, а не оставался бы безмолвной пустыней. Я стал высматривать место поудобнее, откуда можно

было бы подать сигнал Кейвору, и увидел ту самую скалу, на которой он стоял перед первым своим прыжком, — она осталась такой же голой и бесплодной. С минуту я не решался уйти так далеко от шара. Затем, устыдившись своего малодушия, прыгнул…

С этого возвышенного пункта я снова начал обозревать кратер. Далеко, у самой верхушки отбрасываемой мной тени, белел платок, развевающийся на кустарнике. Мне казалось, что Кейвор должен был бы заметить меня. Но его нигде не было видно.

Я стоял, выжидая и наблюдая в надежде каждую секунду увидать его. Вероятно, я простоял так очень долго. Пробовал кричать, но крик утонул в разреженном воздухе. Я пошел было назад к шару, но из страха перед селенитами отказался от своего намерения — сигнализировать о моем местонахождении, вывесив одно из одеял на соседнем кустарнике. Я снова стал разглядывать кратер.

Он производил гнетущее впечатление своей пустынностью. Смолкли звуки из мира селенитов. Мертвая тишина. Кроме слабого шелеста ближайшего кустарника — ни малейшего звука. Дневная жара уже спала, ветер был довольно

холодный.

Проклятый Кейвор!

Набрав побольше воздуха, я приложил руку ко рту и крикнул во все горло:

— Кейвор!

Но звук моего голоса походил на отдаленный слабый крик.

Я поглядел на сигнальный платок, поглядел на расширявшуюся тень западного утеса, поглядел из-под ладони на Солнце. Мне показалось, что оно опускается по небу заметно для глаз.

Я сознавал, что надо действовать, не теряя ни одной минуты, если я хочу спасти Кейвора. Я снял с себя жилет и повесил его как знак на ветках, потом пустился напрямик к платку. Расстояние в две мили я пролетел в несколько прыжков. При каждой остановке я искал Кейвора и удивлялся, куда он скрылся. При каждом прыжке я замечал, что Солнце садится, и каждый раз, касаясь ногами скал, я испытывал искушение вернуться назад.

Последний прыжок — и я очутился в ложбине около платка. Еще один шаг — и я на нашем наблюдательном пункте. Стоя возле платка, я внимательно осмотрел окрестность, уже покрытую тенью. Далеко, у подошвы пологого склона, чернело отверстие туннеля, через которое мы

убежали; моя тень достигала его края.

Кейвора нигде не было.

Мертвая тишина. Только шелест кустарника, и растут тени. Меня стало знобить. «Кейв…» — попробовал я крикнуть еще раз и убедился в бесполезности человеческого голоса в разреженном воздухе.

Молчание. Молчание смерти.

Затем я заметил что-то ярдах в пятидесяти от меня, у подошвы склона, среди переломленных веток. Что бы это могло быть?.. Я знал, но не хотел верить.

Я подошел ближе, — это была шапочка крикетиста, которую носил Кейвор. Я не дотронулся до нее и стоял неподвижно.

Разбросанные вокруг ветки были поломаны и потоптаны. Наконец я шагнул вперед и поднял шапочку.

Я держал ее в руке и рассматривал поломанные и примятые колючие заросли. На некоторых ветках виднелись темные пятна, но я боялся к ним прикоснуться. Невдалеке ветер перекатывал какой-то белый лоскут.

Это был кусок бумаги, измятый, точно его крепко сжимали в кулаке.

Я поднял его: на нем виднелись красные пятна.

Я разобрал также бледные следы карандаша. Разгладив бумажку, я увидел на ней прерывистые каракули букв.

Я сел на ближайший камень и стал разбирать записку:

«Я ранен в колено, — кажется, у меня раздроблена коленная чашка, и я не могу ни идти, ни ползти». Начало было довольно разборчивое. Затем менее четко: «Они гнались за мной некоторое время, и теперь это вопрос...» По-видимому, сначала было написано «времени», но затем зачеркнуто и заменено каким-то непонятным словом, «...прежде чем они захватят. Они преследуют меня». Затем почерк делался судорожным. «Я уже слышу их», — догадался я, но дальше было совершенно неразборчиво. Потом несколько слов, довольно четких: «Эти селениты совсем другие — они, по-видимому, командуют...» Снова неразборчиво. «Черепа у них больше, тела более стройные, ноги короче. Одеты они в золотые пластинки. Голоса у них более приятные, движения обдуманны... Хотя я и ранен и положение мое безнадежно, но их появление дает мне надежду». Это похоже на Кейвора! «Они не стреляли в меня и не покушались... убить. Я хочу...»

В конце резкий росчерк карандашом, и на об-

ратной стороне записки по краям кровь.

Пока я стоял, ошеломленный и растерянный, со странной запиской в руке, что-то мягкое, холодное и легкое коснулось моей руки и исчезло — белая пушинка. Первая снежинка — предвестница наступающей ночи.

В испуге взглянул я наверх. Небо уже потемнело и покрылось множеством холодных ярких звезд. Я посмотрел на восток: растительность стала темно-бронзовой. На западе Солнце, утратившее теперь в сгустившейся белой мгле половину своего жара и блеска, уже коснулось края кратера и скрывалось за горизонтом. Заросли и зубчатые скалы вырисовывались четко черными тенями на освещенном небе. Большое облако тумана опускалось в огромное озеро темноты. Холодный ветер пронизывал весь кратер. В один миг я был окутан падающим снегом, и все заволоклось серой мрачной пеленой.

Вдруг я услышал негромкий, не отчетливый, как в первый раз, а слабый и глухой, подобно замирающему голосу, звон колокола, тот самый, который приветствовал наступление солнечного дня:

«Бум!.. Бум!.. Бум!..»

Эхо прокатилось по кратеру, точно он задро-

жал, как мерцающие звезды. Кровавый красный диск Солнца опускался все ниже и ниже…

«Бум!.. Бум!.. Бум!..»

Что случилось с Кейвором? Я тупо слушал звон, пока он не прекратился.

И вдруг зияющее отверстие туннеля закрылось, подобно глазу, и исчезло.

Я очутился в полном одиночестве.

Надо мной и вокруг меня, охватывая со всех сторон, подступая все ближе и ближе, раскинулась вечность, безначальная, бесконечная, — необъятная пустота, в которой и свет, и жизнь, и бытие лишь мимолетный блеск падающей звезды, холод, тишина, безмолвие, бесконечная ночь мирового пространства.

Одиночество, казалось, подступало ко мне, почти касалось меня.

— Нет! — воскликнул я. — Нет! Не теперь еще! Погоди! Погоди!

Мой голос перешел в визг. Я бросил скомканную бумажку, вскарабкался на гребень, чтобы осмотреться, и, собрав весь остаток воли, запрыгал по направлению к оставленному мною знаку, еще заметному в туманной дали.

Прыг, прыг, прыг! Каждый прыжок, казалось, длился столетия. Бледный отрезок Солнца скры-

вался за горизонтом, удлинявшаяся тень грозила поглотить шар, прежде чем я доберусь до него. Две мили, не менее сотни прыжков, — воздух разрежался, точно выкачиваемый насосом, и холод сковывал мои суставы. Но если умирать, то умирать в движении. Ноги мои скользили в снегу. Один раз я упал в кусты, которые рассыпались в прах подо мной; другой раз я споткнулся и скатился кубарем в овраг, исцарапав до крови лицо и руки.

Но все это было ничто в сравнении с промежутками, с ужасными паузами в воздухе перед надвигающимся приливом ночи. Дышал я с присвистом, точно в легкие мне втыкались ножи. Сердце билось так сильно, что отдавалось в голове.

«Доберусь, доберусь ли я?»

Я дрожал от страха.

«Ложись! — уговаривало меня отчаяние. — Ложись!»

Чем ближе я подходил к цели, тем отдаленнее она мне казалась. Я закоченел, оступался, ушибался, порезался несколько раз, но кровь не выступала.

Наконец я увидел шар.

Я выбился из сил и упал. Легкие мои хрипели.

Я пополз. На губах моих скапливался иней; ледяные сосульки свисали с усов: я весь покрылся замерзшим воздухом.

Оставалось еще ярдов двенадцать.

В глазах у меня потемнело.

«Ложись! — кричало отчаяние. — Ложись!»

Я прикоснулся к шару и остановился.

«Слишком поздно! — нашептывало отчаяние. — Ложись!»

Я боролся изо всех сил. Я стоял у люка, отупев, полуживой. Кругом лежал снег. Я соскользнул внутрь. Там было немного теплее.

Снежные хлопья, хлопья замерзшего воздуха танцевали вокруг меня. Я пытался окоченелыми пальцами закрыть и крепко завинтить крышку.

Я всхлипнул.

— Я должен! — пробормотал я, стиснув зубы. Затем дрожащими, хрустящими пальцами стал нащупывать кнопки штор. Пока я возился, — раньше мне никогда не приходилось этого делать, — я смутно видел через запотевшее стекло красные лучи заходящего Солнца, мерцавшего сквозь буран, и темные очертания зарослей, гнувшихся и ломающихся под тяжестью снега. Все гуще и гуще крутились хлопья, чернея на светлом фоне. Что, если я не справлюсь с заслонками?

Наконец что-то щелкнуло под моими руками, и в одно мгновение последнее видение лунного мира исчезло из моих глаз. Я погрузился в тишину и мрак межпланетного пространства.

Глава XX
Мистер Бедфорд в бесконечном пространстве

Я чувствовал себя так, точно меня убили. В самом деле, я представляю себе, что человек, которого внезапно убивают, должен ощущать то же самое, что и я. В первый момент — муки агонии и ужас, затем — тьма и безмолвие; ни света, ни жизни, ни Солнца, ни Луны, ни звезд — пустота бесконечности. Хотя я это сделал сам, хотя я уже испытал все это вместе с Кейвором, однако я был ошеломлен, оглушен, подавлен. Казалось, что я несся вверх в бесконечный мрак. Мои пальцы скользили по кнопкам, я повис, утратив вес, и мягко натолкнулся на тюк, золотую цепь и золотые дубины, плававшие в середине шара.

Не знаю, как долго продолжалось это парение. Внутри шара чувство земного времени утратилось еще больше, чем на Луне. При первом прикосновении к тюку я точно пробудился от тупого сна. Я понял, что если я хочу бодрствовать и жить, то должен зажечь свет или открыть окно, чтобы увидеть что-нибудь. Кроме того, я замерз. Я

оттолкнулся от тюка, схватился за тонкие тросы на стекле и вскарабкался до края люка. Ознакомившись со всеми кнопками, я оттолкнулся оттуда, перелетел через тюк и, встретившись в воздухе с чем-то толстым и мягким, схватился за трос около кнопок и подтянулся до них. Потом я зажег лампочку, чтобы посмотреть, на что я натолкнулся. Я убедился, что это был старый номер газеты «Ллойдс ньюс», оторвавшийся и носившийся в пустоте. Я вспомнил о своем ничтожестве по сравнению с бесконечностью, рассмеялся и почувствовал, что задыхаюсь. Хорошо было бы добавить немного кислорода из цилиндра. Сделав это, я зажег грелку, согрелся, достал провизию и поел. Затем осторожно принялся знакомиться с устройством кейворитных штор, чтобы убедиться, смогу ли я узнать, куда несется шар.

Я открыл и тотчас же захлопнул первую штору: меня ослепил и опалил солнечный свет. Подумав, я приоткрыл шторы с противоположной стороны и увидел огромный рог Луны, а позади нее — маленький рог Земли. Я очень удивился, что нахожусь так далеко от Луны. Я почти не испытал толчка при подъеме. По сравнению с земной атмосферой отлет по касательной от Луны был в

двадцать восемь раз легче, чем на Земле. Я думал, что нахожусь над нашим кратером во мраке ночи, но кратер стал теперь частью белого рога, заполнявшего небо. А Кейвор?

Он теперь бесконечно малая величина.

Я пытался представить себе, что с ним могло случиться. Но тогда я думал, что он погиб. Мне казалось, что я вижу его, распластанного и раздавленного, у подошвы голубого водопада. И вокруг него — эти тупоумные насекомые…

Прикосновение летающей газеты сделало меня на время практичным. Мне необходимо было вернуться на Землю, но, по моим наблюдениям, шар уносился все дальше от Земли; что бы ни случилось с Кейвором, даже если он остался жив, что мне казалось невероятным после того, как я увидел запятнанный кровью обрывок бумаги, я бессилен ему помочь. Он находился там, живой или мертвый, за покровом беспросветной ночи, и должен оставаться по крайней мере до тех пор, пока я не смогу призвать людей на помощь. Собирался ли я это сделать? Да, я думал об этом. Вернуться на Землю, если это возможно, и затем обдумать, что предпринять: либо показать и объяснить устройство шара немногим надежным людям и действовать вместе с ними,

или же сохранить тайну, продать золото, приобрести оружие, припасы и одного помощника, вернуться на Луну, расправиться с селенитами и освободить Кейвора, если это еще возможно, и захватить побольше золота, чтобы дальнейшие опыты построить на более солидном фундаменте. Но все это пустые надежды. Прежде всего надо вернуться на Землю.

Я принялся думать о возвращении на Землю. Когда предо мной предстали все трудности этой проблемы, я совсем перестал думать о том, что будет после возвращения туда. В конце концов, главное — это вернуться на Землю.

Я решил, что лучше всего полететь обратно к Луне, приблизиться к ней насколько возможно, чтобы усилить скорость движения; после этого закрыть окна шара и, пролетев мимо Луны, открыть окна в сторону Земли. Достигну ли я Земли или же просто буду вращаться вокруг нее по гиперболической, параболической или какой-нибудь другой кривой — этого я не знал. Потом я догадался и, открыв некоторые из окон к Луне, показавшейся на небе впереди Земли, взял курс в сторону так, чтобы стать против Земли, так как иначе я пролетел бы мимо нее. Разрешить все эти проблемы было нелегко — ведь я не матема-

тик, — и я вернулся на Землю только благодаря счастливому случаю. Если бы я знал тогда, сколько шансов по теории вероятностей против меня, я бы не стал даже делать попыток вернуться на Землю. Решив, что мне нужно делать, я раскрыл все окна на Луну и скорчился на дне. От толчка я поднялся на несколько футов в воздухе, повис в самом глупом положении и ждал, пока диск Луны увеличится и будет находиться от меня на нужном расстоянии. Затем я закрою все окна, пролечу мимо Луны со скоростью, приобретенной при сближении с нею, — если только не упаду на нее, — и направлю полет к Земле.

Это я и сделал.

Наконец я убедился, что мой полет в сторону Луны достиг цели, и закрыл окна. И не чувствовал никакого страха, никакого неприятного ощущения, просто решил сидеть в этой маленькой клеточке вещества среди беспредельного пространства, пока не достигну Земли. Нагреватель достаточно отеплил шар, воздух был освежен кислородом, и, за исключением слабого прилива крови к голове, который я постоянно ощущал с тех пор, как удалился от Земли, я чувствовал себя физически довольно хорошо.

Я решил беречь свет и погасил его. Пришлось

сидеть в темноте при блеске Земли в мерцании звезд. Кругом была такая тишина, что я чувствовал себя единственным существом во Вселенной, хотя — странно! — чувство одиночества или страха было не больше, чем если бы я лежал в постели на Земле. Это казалось мне очень странным, так как в последние часы моего пребывания в кратере Луны я испытывал мучительное чувство одиночества…

Невероятно, но это так: тот промежуток времени, который я провел в пространстве, совершенно не походил на земное время. Иногда мне казалось, что я восседаю в неизмеримой вечности, подобно какому-то богу на листе лотоса, а иногда, наоборот, мой полет с Луны на Землю казался мне лишь мгновением. В действительности же полет продолжался несколько недель. Но в этот отрезок времени я вложил все свои волнения, чувство голода и страха. Я парил со странным ощущением шири и свободы, думая обо всем пережитом, о моей жизни, мотивах и сокровенной сущности моего существа. Мне казалось, что я расту, что я неподвижен, что я лечу среди звезд, но все время я помнил о ничтожестве Земли и моей жизни на ней.

Я не смогу объяснить всего, что я чувствовал

и думал. Без сомнения, все это результат тех необычных физических условий, в которых я находился. Я изложу свои мысли без всяких комментариев. Самым странным было то, что я сомневался в собственном тождестве. Я, если можно так выразиться, диссоциировался от Бедфорда. Я смотрел на Бедфорда как на тривиальную, случайную вещь, с которой я почему-то связан. Я считал Бедфорда во многих отношениях ослом или жалким животным, между тем как раньше я гордился тем, что он незаурядная, сильная личность. Он для меня был не просто ослом, но потомком многих поколений ослов. Я обозревал его школьные дни, его возмужалость, его первую любовь так же, как рассматривают действия муравья в песке… Кое-что из этого прозрения, к сожалению, осталось во мне, и я сомневаюсь, чтобы я когда-нибудь снова стал таким же самодовольным, как прежде. Но в то время это меня нисколько не мучило, потому что я был убежден, что я не в большей мере Бедфорд, чем кто-либо иной, и что я только дух, парящий в молчаливом, невозмутимом пространстве. Какое мне дело до Бедфорда? Я не ответствен за него.

Сначала я боролся с этим забавным представлением. Я старался вызвать разные воспоминания,

нежные или сильные эмоции; я думал, что если я вспомню какое-нибудь сильное чувство, то это состояние кончится. Но я не мог этого сделать. Я видел перед собой Бедфорда, быстро сбегающего вниз по Чэнсери-Лэн, со шляпой, сдвинутой на затылок, с развевающимися фалдами сюртука, на свой публичный экзамен. Я видел, как он в толпе молодежи здоровается с товарищами. Неужели это я? Я видел Бедфорда в тот же вечер в гостиной какой-то дамы: испачканная шляпа его лежала на столе, а он сам почему-то плакал. Разве это я? Я видел его рядом с этой дамой, они о чем-то возбужденно говорили, но оба казались мне посторонними. Я видел Бедфорда, спешащего в Лимпн, чтобы сочинять на досуге пьесу, и знакомящегося с Кейвором, работающего в кожаной куртке над шаром; видел его, уходящего в Кентербери из страха перед полетом. Неужели это я? Я не верил этому.

Я думал, что это галлюцинация, происходящая от моего одиночества и оттого, что я потерял всякий вес и чувство сопротивления. Я старался вернуть себе это чувство, ударяясь о шар, щипал себя и перебирал пальцами. Я даже зажег свет, схватил порванный листок газеты «Ллойдс ньюс» и прочел убедительно реалистические объяв-

ления о велосипеде, о джентльмене с частными средствами и о бедствующей леди, продающей фамильные вилки и ложки. «Без сомнения, их очень много, — говорил я себе. — Вот это твой мир, ты Бедфорд, и ты возвращаешься, чтобы жить среди подобных тебе существ». Но какой-то внутренний голос все же доказывал: «Это не ты читаешь, это Бедфорд, а ты не Бедфорд — ты это хорошо знаешь. В этом-то вся ошибка».

— Проклятье! — выругался я. — Если я не Бедфорд, то кто же я?

Но на этот вопрос я не мог найти никакого ответа, хотя в моем мозгу проносились самые фантастические мысли, прозрения каких-то теней вдали…

Знаете ли вы, у меня было такое представление, точно я находился не только вне мира — вне всех миров, вне пространства и времени, и что бедный Бедфорд есть только щель, через которую я глядел на жизнь.

Бедфорд! И все же я был связан с ним и знал, что, где бы и чем бы я ни был, я должен жить его желаниями, его радостями и печалями до конца его жизни, а потом?..

Но довольно об этой замечательной фазе моих переживаний.

Я рассказываю об этом просто для того, чтобы показать, как изолированность и удаление человека от Земли влияет не только на функции и чувствования его физических органов, но и на сознание, порождая странные и неожиданные уклонения. Во время этого межпланетного путешествия я был полон подобными странными нереальными мыслями, равнодушный ко всему, апатичный, точно мрачный мегаломаниак среди звезд и планет мировой пустыни. Бесконечно мелким и тривиальным казался мне не только тот мир, к которому я возвращался, но и освещенные голубоватым светом пещеры селенитов, их шлемоподобные головы, их гигантские и чудесные машины и судьба заброшенного на Луну беспомощного Кейвора.

И все это продолжалось до тех пор, пока я не почувствовал на себе притяжения Земли, вовлекавшего меня снова в ту жизнь, которая является единственно реальной для людей. И тогда действительно все яснее и яснее я стал ощущать, что я не кто иной, как Бедфорд, и возвращаюсь после удивительных приключений к нашему миру и жизни, с которой чуть было не расстался. Я стал думать о том, как спуститься на Землю.

Глава XXI
Мистер Бедфорд в Литлстоне

Моя линия полета была почти параллельна поверхности Земли, когда я попал в верхние слои атмосферы. Температура в шаре начала подниматься. Я знал, что мне придется наконец упасть на Землю. Глубоко подо мной, в темнеющем сумраке, простиралась обширная гладь океана. Я открыл окна и падал, переходя из солнечного света в вечер, из вечера в ночь. Все обширнее и обширнее становилась Земля, поглощая звезды, и меня окутывала облачная звездная вуаль. Наконец Земля оказалась уже не шаром, а плоскостью, потом впадиной. Это была уже не планета на небе, а мир человека. Я закрыл все шторы, кроме окна, направленного к Земле, и стал падать с ослабевающей скоростью. Водная ширь приблизилась настолько, что я различал уже темный блеск волн, поднимавшихся мне навстречу. Шар очень нагрелся. Я закрыл последнюю светлую полосу окна и сидел, хмурясь и кусая пальцы, в ожидании удара…

Шар с плеском ударился в воду, должно быть,

он нырнул. После удара я открыл кейворитные шторы. Я опускался вниз все медленнее и медленнее, а затем почувствовал, что шар давит снизу мне на ноги, летит вверх, как пузырь. Я плавал в поплавке шара в море, и мое путешествие в мировом пространстве окончилось.

Ночь была темная и мрачная. Две желтые огненные булавочные головки вдали указывали, что идет судно; ближе то вспыхивало, то гасло красное пламя. Если бы не истощился запас электричества в моей лампе, я бы зажег свет. Несмотря на страшную усталость, я был лихорадочно возбужден и радовался окончанию полета.

Потом я сел неподвижно, положив руки на колени и глядя на отдаленный огонь. Он качался вверх, вниз, колыхался. Мое возбуждение прошло. Я понял, что должен провести по крайней мере еще одну ночь в шаре. Я чувствовал себя разбитым и усталым. Наконец я уснул.

Меня разбудил изменившийся ритм движения. Я взглянул в стекло и увидел, что шар сел на мель на большой песчаной косе. Вдали виднелись дома и деревья, а над морем, между небом и водой, висело в воздухе туманное отображение корпуса судна.

Я встал и пошатнулся. Я хотел поскорее вы-

браться из шара. Люк находился наверху, и я стал отвинчивать крышку. Наконец мне удалось открыть люк. Воздух со свистом ворвался внутрь. Но на этот раз я уже не стал ждать, пока уравняется давление. Через мгновение я почувствовал в руках тяжесть отвинченной крышки, и надо мной блеснуло родное земное небо.

Воздух с такой силой ударил меня в грудь, что я стал задыхаться. Я выпустил из рук винт от стеклянной крышки, вскрикнул, схватившись за грудь руками, и присел. Одышка прошла, и я стал глубоко вдыхать воздух. Наконец я мог снова подняться и двинуться.

Я попытался высунуть голову в люк, но шар накренился набок. Словно что-то потянуло мою голову вниз, и я быстро откинулся назад, чтобы не упасть лицом в воду. Наконец мне удалось пролезть через люк на песок, на который набегали волны.

Я не пытался встать. Мне казалось, что мое тело внезапно налилось свинцом. С прекращением действия кейворита мать-Земля наложила на меня свою руку. Я сел, не обращая внимания на волны, заливавшие мои ноги.

При сером сумрачном рассвете тускло блестели зеленоватые полосы. Невдалеке стояло на якоре

судно: бледный силуэт с желтым огоньком. В песок ударялись мелкие длинные волны. Направо возвышался каменистый риф с лачугами, маяк, бакен и шест. За рифом тянулся пляж, поблескивавший лужами и заканчивавшийся приблизительно на расстоянии мили низким берегом, поросшим кустарником. На северо-востоке виднелся какой-то уединенный морской курорт: ряд жилых домов, четко выделявшихся на небе и показавшихся мне очень высокими. Я не мог понять, каким чудакам могло прийти в голову воздвигнуть эти здания среди такой пустыни.

Это напоминало мне Брайтон.

Долго я сидел, позевывая и растирая лицо. Наконец я попытался встать. Мне казалось, что я поднимаю тяжесть. Наконец я встал.

Я посмотрел на дома вдали. В первый раз после нашей голодовки в кратере я подумал о земной пище. «Копченая свинина, — пробормотал я, — яйца! Хороший поджаренный хлеб и хороший кофе!.. Каким образом, черт побери, я отправлюсь за всем этим в Лимпн?» Я не понимал, где нахожусь. Во всяком случае, это какой-то восточный берег, очевидно Европа.

Я услышал шаги по отмели. Какой-то маленький круглолицый добродушный человек

в фланелевой одежде, с простыней на плече и купальном костюме на руке появился на пляже. Значит, я нахожусь в Англии. Он посмотрел очень внимательно на шар и на меня, затем стал приближаться. Должен признаться, что я походил на дикаря — грязный, заросший. Но в тот момент я не думал об этом. Он остановился в двадцати шагах от меня.

— Здорово, земляк! — окликнул он нерешительно.

— Здравствуйте! — ответил я.

Он приблизился, ободренный моим ответом.

— Что это за чертовщина? — спросил он.

— Не можете ли вы мне сказать, где я нахожусь? — спросил я.

— Это Литлстон, — ответил он, указывая на дома. — А это Данджонесс! Вы только что высадились? Что это за штука? Машина?

— Да.

— Вы приплыли к берегу. Вы, наверно, потерпели кораблекрушение? В чем дело?

Я быстро соображал, стараясь определить на вид, что это за человек, когда он приблизился ко мне.

— Клянусь Юпитером! — воскликнул он. — Вы долго в ней пробыли? Я думаю… ну… Куда вас

отнесло? Вы спаслись на ней?

Я решил придерживаться этой версии и сделал несколько неопределенных замечаний.

— Я нуждаюсь в помощи, — сказал я хрипло. — Мне необходимо доставить на набережную некоторые вещи, которые я не могу оставить здесь.

Я заметил трех других добродушных молодых людей с полотенцами, в фланелевых жакетах и соломенных шляпах.

По-видимому, это были первые утренние купальщики из Литлстона.

— Помощь? — сказал молодой человек. — Охотно!

Он приготовился действовать.

— Что вы хотите?

Он обернулся и замахал руками. Трое молодых людей ускорили шаги. Через минуту они были около меня и стали забрасывать меня вопросами, на которые я не особенно охотно отвечал.

— Я смертельно устал. Я весь в лохмотьях.

— Подымитесь в отель, — сказал маленький человек. — Мы присмотрим за этой штукой.

— Я не могу, — сказал я. — В этом шаре находятся два толстых бруска золота.

Они недоверчиво переглянулись и посмотрели

на меня с любопытством. Я подошел к шару, наклонился, влез, и вскоре у них в руках очутились ломы селенитов и сломанная золотая цепь…

Если бы не усталость, я бы расхохотался, глядя на них. Они походили на котят около жука. Они не знали, что делать с этими предметами. Толстый маленький человек наклонился и поднял за конец один лом и со вздохом опустил. Все сделали то же самое.

— Это или свинец, или золото! — высказал предположение один из них.

— Скорей золото! — сказал другой.

— Несомненно, золото, — подтвердил третий.

Все посмотрели на меня, а потом на судно, стоявшее на якоре.

— Несомненно! — воскликнул маленький человек. — Но где вы это достали?

Я был слишком утомлен, чтобы лгать.

— Я достал это на Луне.

Они переглянулись с изумлением.

— Послушайте! — сказал я. — Я не стану теперь доказывать. Помогите мне перетащить эти слитки золота в отель. Я думаю, что с передышками двое из вас смогут перенести один лом, я же поволоку эту цепь. Когда я поем немного, я все расскажу вам.

— А как же быть с этой штукой?

— Она не испортится здесь, — сказал я. — Ничего, черт побери! Пусть остается. Когда начнется прилив, она поплывет.

Молодые люди послушно подняли мои сокровища на плечи, и с чувством свинцовой тяжести в членах я повел за собой процессию по направлению к видневшемуся вдали «Морскому фасаду». На полпути к нам на помощь подбежали две маленькие девочки с лопатами, а за ними худощавый, громко сопевший мальчик. Кажется, он катил велосипед и сопровождал нас справа на расстоянии двухсот ярдов или около того, а затем сел на свой велосипед и покатил по гладкому песку по направлению к шару.

Я оглянулся ему вслед.

— Он не дотронется до него, — сказал уверенно коренастый молодой человек, успокаивая меня.

Скоро солнце прорезало серые облака горизонта и залило блеском свинцовое море. Я почувствовал себя бодрей. Вместе со светом солнца в моем уме появилось сознание огромного значения всего того, что я сделал и что мне еще предстоит сделать. Я громко рассмеялся, когда передовой зашатался под тяжестью моего золота. Как изумлен будет мир, когда я стану тем, кем я

должен быть! Если бы я не был так утомлен, то меня очень позабавил бы хозяин литлстонского отеля, когда он стал метаться между золотом и моими почтенными носильщиками, не зная, за кого принять меня, оборванного и грязного. Но в конце концов я очутился в ванной комнате с теплой водой для умывания, в новой одежде, правда очень тесной, но, во всяком случае, чистой, одолженной мне маленьким человечком. Он дал мне, кроме того, бритву, но я не решился коснуться своей густой и щетинистой бороды.

Я сел за английский завтрак и ел с аппетитом, хроническим многонедельным аппетитом. Затем я решил отвечать на вопросы четырех молодых людей и рассказать им все, что со мной случилось.

— Хорошо, — сказал я, — так как вы настаиваете, то я скажу вам, что добыл это золото на Луне.

— На Луне?

— Да, на Луне, там, в небесах.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что говорю, черт побери!

— Что вы сейчас вернулись с Луны?

— Вот именно! Через пространство в этом шаре.

И при этих словах я откусил яйцо.

Я решил при втором полете на Луну захватить с собой ящик яиц.

Я ясно видел, что они не верили ни одному моему слову. Они, очевидно, считали меня самым наглым лжецом, какого они только встречали. Они переглянулись, а потом уставились на меня. Они смотрели, как я солил яйца, с интересом наблюдали, как я посыпал перец. Золотые слитки, под тяжестью которых у них подгибались колени, гипнотизировали их. Предо мною лежали слитки весом в несколько тысяч фунтов. Их так же невозможно было украсть, как дом или участок земли. Когда я взглянул на их полные ожидания лица, склонившиеся над моей чашкой кофе, я понял, сколько подробных объяснений я должен им дать, чтобы меня поняли.

— Вы, конечно, не думаете... — начал было самый молодой таким тоном, точно он обращался к упрямому ребенку.

— Будьте любезны, подайте мне гренки, — перебил я и высыпал все на тарелку.

— Но послушайте! — начал другой. — Мы не можем поверить вам.

— Ну так что же! — сказал я, пожав плечами.

— Он не хочет рассказывать нам, — сказал младший в сторону и затем хладнокровно заме-

тил: — Вы ничего не имеете против того, чтобы я закурил?

Я кивнул и продолжал завтракать. Двое из них отошли от стола и стали у дальнего окна тихо переговариваться. Вдруг я вспомнил.

— Прилив кончается? — спросил я.

Наступила пауза. Они колебались, кому из них ответить на мой вопрос.

— Скоро отлив, — сказал толстяк.

— Ну, во всяком случае, — сказал я, — он не уплывет далеко.

Я разбил третье яйцо и обратился к ним с маленькой речью.

— Послушайте! — сказал я. — Прошу вас, не воображайте, что я сумасшедший и рассказываю вам небылицы. Я принужден был быть очень кратким и сдержанным. Я отлично понимаю, что это может показаться очень странным и невероятным. Могу вас уверить, что вы живете в замечательное время. Но я не могу вам теперь объяснить все — это невозможно. Даю вам честное слово, что я явился с Луны. Это все, что я могу открыть вам. И все же я чрезвычайно обязан вам, чрезвычайно обязан. Надеюсь, что мое обхождение не показалось вам оскорбительным.

— Нисколько! — сказал приветливо самый

молодой из них. — Мы отлично понимаем…

И, глядя на меня в упор, он откинул назад свое кресло с такой силой, что оно чуть не опрокинулось.

— Совсем нет, — подтвердил толстый молодой человек. — Не воображайте этого!

Они все встали и стали прогуливаться взад и вперед, закурили папиросы, стараясь показать, что они нисколько не интересуются мной и моим шаром.

— Я пойду все-таки посмотрю на судно, — сказал вполголоса один из них.

Если бы не любопытство, то они все ушли бы и оставили меня одного. Я продолжал спокойно есть третье яйцо.

— Погода замечательная, не правда ли? — заметил толстяк. — Не помню такого лета.

Вдруг раздался треск, как от зажженной ракеты, начиненной крепким порохом.

И где-то зазвенело разбитое стекло.

— Что такое? — спросил я.

— Неужели?.. — вскрикнул маленький человечек и подбежал к угловому окну.

Все кинулись к окнам. Я продолжал сидеть.

Потом вскочил, отшвырнул третье яйцо и тоже подбежал к окну.

Я начал догадываться.

— Ничего не видно! — воскликнул маленький человечек, бросаясь к двери.

— Это тот мальчишка! — крикнул я хриплым от бешенства голосом. — Проклятый мальчишка!

Повернувшись, я оттолкнул официанта (он в этот момент нес мне какое-то новое блюдо), стремительно бросился из комнаты вниз и побежал по эспланаде перед отелем.

Спокойное море покрылось зыбью, и на том месте, где раньше лежал шар, вода клокотала, как в кильватере судна. Вверху клубилось что-то вроде облачка, и трое или четверо зевак на набережной с недоумением на лицах глядели вверх по направлению неожиданного взрыва. И больше ничего! Чистильщики сапог, швейцар и четверо молодых людей в своих фланелевых жакетах бежали вслед за мной. Из окон и дверей раздавались крики, и отовсюду стали сбегаться любопытные.

Я был слишком взволнован этим новым событием, чтобы обращать внимание на публику.

Сначала я был так ошеломлен, что не понял, что случилось непоправимое несчастье, — ошеломлен, как человек, оглушенный сильным ударом. Потом наконец я понял…

Какое несчастье!

У меня было такое ощущение, точно кто-то выливает из посуды искры на мой затылок. Мои колени подкосились. Я понял, что случилось. Этот проклятый мальчишка улетел в небеса. Я остался здесь. Золото в столовой — единственное мое богатство на Земле. Что же будет потом? Огромное, непоправимое несчастье.

— Послушайте, — послышался сзади голос маленького человечка. — Вы должны знать…

Я бегал в бешенстве по пляжу. Собралось около двадцати или тридцати человек, которые буквально осадили меня и бомбардировали нелепыми вопросами. Все смотрели на меня подозрительно. Наконец я не выдержал.

— Я не могу! — крикнул я. — Говорю вам, что я не могу. Я не способен на это! Вы сами виноваты, проклятые!

Я нервно жестикулировал. Они отступили на шаг, как будто я угрожал им. Я прошел через толпу, вернулся в столовую отеля и стал звонить. Когда на мой зов явился официант, я набросился на него.

— Вы слышите? — крикнул я. — Достаньте себе помощника и перенесите эти брусья в мою комнату направо.

Он не понял меня. Я стал на него кричать. Явился бедно одетый старичок в зеленом переднике и двое молодых людей в фланелевых жакетах. Я бросился к ним и показал, что надо делать. Как только золото перенесли в мою комнату, я почувствовал себя готовым для борьбы.

— А теперь все вон! — крикнул я. — Вон, если не хотите видеть перед собой человека, сошедшего с ума!

Официант замешкался в дверях, я схватил его за плечи и вытолкал вон. А затем запер дверь, сбросил с себя платье маленького человечка и лег в постель. Долго я лежал в постели, злясь, задыхаясь и дрожа от холода.

Наконец я несколько успокоился, встал с постели и позвонил пучеглазому коридорному. Когда он явился, я потребовал фланелевую ночную рубашку, соду-виски и хороших сигар. Я несколько раз в нетерпении бросался к звонку, прежде чем мне подали то, что я просил. После этого я снова запер дверь на замок и стал обдумывать свое положение.

Итак, наш великий эксперимент окончился неудачей. Это было поражение, и я один остался в живых. Это было полное крушение, непоправимое несчастье. Мне ничего больше не оставалось,

как спастись самому, насколько это возможно при нашей неудаче. От одного удара разлетелись все мои планы о возвращении на Луну и отыскании Кейвора. Мое намерение вернуться на Луну, наполнить шар золотом, произвести анализ кейворита и заново открыть великую тайну, наконец, может быть, отыскать тело Кейвора — все это было теперь неосуществимо.

Я один остался в живых, и это было все.

Мне кажется, что этот отдых в постели был лучшим выходом из того положения, в котором я очутился. Если бы не это, я либо потерял бы голову, либо совершил какой-нибудь роковой, необдуманный поступок. Наедине же в комнате я мог обдумать свое положение и принять необходимое решение.

Конечно, мне было совершенно ясно, что случилось с мальчиком. Он влез в шар, стал трогать кнопки, закрыл нечаянно кейворитные заслонки и улетел. Он не мог завинтить крышку люка, но если даже он и сделал это, то только один шанс из тысячи был за его возвращение. Очевидно, он вместе с тюками будет притянут к центру шара и останется там. Таким образом, он перестанет быть предметом земного мира, может быть, им заинтересуются обитатели какой-нибудь части

мирового пространства. Меня это мало интересовало. А что касается моей ответственности в этом деле, то чем более я размышлял на эту тему, тем яснее мне становилось, что если я сохраню спокойствие, то мне нечего тревожиться. Если бы ко мне явились его опечаленные родители с требованием возвратить им погибшего сына, я бы потребовал от них обратно мой шар или же спросил их, что они думают о всей этой истории. Сначала мне представлялись плачущие родители, полицейские и другие осложнения, но потом я увидел, что мне надо только держать язык за зубами — и ничего не будет. И действительно, чем больше я лежал, курил и думал, тем более мне становилась очевидной мудрость молчаливой недоступности.

Каждый британский гражданин имеет право, если только он не причиняет никому вреда и не совершает ничего неприличного, являться внезапно куда ему угодно оборванным и грязным и иметь при себе любой запас золота. Никто не имеет права задерживать его. Я формулировал это наконец самому себе и повторял эту формулу как какую-то великую хартию своей свободы.

Придя к такому заключению, я принялся думать о тех обстоятельствах, о которых сначала не

вспомнил, а именно о своем прежнем банкротстве. Обдумав все спокойно на досуге, я пришел к выводу, что если только я скроюсь временно под чужим именем и сохраню свою отросшую за два месяца бороду, то вряд ли подвергнусь атаке того назойливого кредитора, о котором я уже упоминал. Затем уже можно было действовать. Все это, без сомнения, не совсем хорошо, но что же мне оставалось делать?

Я решил действовать быстро и энергично.

Я приказал принести письменные принадлежности и написал письмо в Нью-ромнейский банк (по указанию коридорного, самый близкий), в котором сообщал директору, что я хочу открыть себе у него текущий счет, и просил прислать двух доверенных, с соответствующими документами, лиц в карете с хорошей лошадью, чтобы перевезти несколько сот фунтов золота. Я подписал письмо фамилией Блэк, которая показалась мне весьма почтенной. Затем я достал фолькстонскую адресную книгу, выписал оттуда адрес портного и попросил его послать ко мне закройщика снять мерку на суконный костюм, заказал чемодан, мешок для платья, желтые ботинки, рубашки, шляпы и так далее; от часового мастера я выписал себе часы. Отослав письма, я заказал себе

самый лучший завтрак, какой только можно было получить в гостинице. После завтрака я закурил сигару, сохраняя полное хладнокровие и спокойствие, и мирно отдыхал, пока согласно моему распоряжению не явились из банка два клерка, которые взвесили и забрали мое золото. После этого я, накрывшись с головой одеялом, улегся спать.

Улегся спать. Без сомнения, это слишком прозаическое занятие для человека, только что возвратившегося с Луны. Вероятно, молодой впечатлительный читатель найдет мое поведение неприличным. Но я страшно устал от всех хлопот, и, черт побери, что мне было делать? Конечно, никто мне не поверил бы, если бы я вздумал рассказывать свою историю: это только подвергло бы меня новым неприятностям. Я улегся спать. Потом, выспавшись, решил действовать открыто, по своему обыкновению. Я отправился в Италию и здесь пишу эту историю. Если читатель откажется поверить этому рассказу как факту, пусть он примет это за вымысел. Это меня не касается.

А теперь, когда мой рассказ окончен, я спрашиваю себя, какую пользу принесло это приключение? Все думают, что Кейвор был неудачливый изобретатель, взорвавший при своих опытах

в Лимпне свой дом и себя самого, удар же от моего спуска в Литлстоне они считают результатом опытов со взрывчатыми веществами правительственного учреждения в Лидде, в двух милях расстояния. Должен сознаться, что я не признал своего участия в исчезновении мастера Томми Симонса — так назывался мальчишка. Это, может быть, создало кое-какое затруднение полиции. Мое появление на набережной Литлстона в изодранном костюме, с двумя брусками несомненного золота объясняют по-разному, но меня это мало интересует. Говорят, что я нарочно все запутал в своем рассказе, чтобы избежать расспросов о том, откуда я добыл золото. Хотел бы я видеть человека, который способен был бы изобрести рассказ такой связный, как мой. Ну и пусть они принимают это за вымысел!

Я рассказал свою историю и думаю, что мне снова надо приняться за свой труд. Даже тому, кто побывал на Луне, все же таки нужно добывать средства к существованию. Вот поэтому-то я и работаю регулярно здесь, в Амальфи, над сценарием той самой драмы, которую я писал до моей встречи с Кейвором. Должен признаться, что мне трудно сосредоточиться на моей драме, когда в мою комнату падает лунный свет. Здесь

теперь полнолуние, и в последнюю ночь я долго глядел на балконе на эту сияющую планету, на которой так много сокровищ. Представьте себе столы и стулья, рамы и брусья из чистого золота! Черт побери! Если б только снова наткнуться на этот кейворит! Но подобная вещь не случается дважды в жизни. Здесь мне немного лучше, чем в Лимпне, — только и всего. А Кейвор совершил самоубийство таким утонченным способом, к какому никогда еще не прибегал ни один человек. Так кончается эта история, похожая на ночное сновидение. Она плохо вяжется с нашими обычными представлениями — взять хотя бы прыганье, еду, дыхание, отсутствие веса, — и действительно, бывают минуты, когда, несмотря на мое золото с Луны, я готов поверить, что все это было только сном…

Глава XXII
Невероятное сообщение мистера Юлиуса Вендиджи

Когда я кончил свой рассказ о возвращении на Землю в Литлстоне, я написал: «Конец», подвел черту и отложил перо, вполне уверенный, что вся история о первых людях на Луне закончена. Я не только это сделал, но и передал свою рукопись в руки литературного агента, позволил ему продать ее, видел, как небольшая часть ее появилась в «Стрэнд мэгэзин», и сел за работу над сценарием начатой в Лимпне пьесы, как вдруг оказалось, что мой рассказ еще не окончен. Следуя за мной из Амальфи в Алжир, меня догнало (с тех пор прошло уже почти шесть месяцев) одно из самых невероятных сообщений, какие я когда-либо получал. Меня известили, что мистер Юлиус Вендиджи, голландский электрик, который в надежде открыть способ сообщения с Марсом производил опыты при помощи аппарата, вроде употребляемого мистером Теслой в Америке, вдруг получил странные отрывочные послания на английском языке, бесспорно исходившие от

мистера Кейвора на Луне.

Сначала я принял это за шутку какого-нибудь читателя моей рукописи. Я написал мистеру Вендиджи в шутливом тоне, но он ответил так, что у меня рассеялось всякое подозрение, и я, взволнованный, поспешил из Алжира в маленькую обсерваторию на Монте-Розе, где он работал. После его рассказа и его опытов и в особенности после того, как он при мне получил послание мистера Кейвора, я уже не сомневался более. Я сразу решил принять его предложение остаться при обсерватории, чтобы помочь ему в приеме ежедневных сообщений с Луны и постараться вместе с ним послать наш ответ на Луну. Оказалось, Кейвор был не только жив, но и находился на свободе в обществе муравьеподобных существ, муравьев-людей, в голубоватом мраке лунных пещер. Он стал немного прихрамывать, но в общем был совершенно здоров, более здоров, пояснил он, чем раньше, на Земле. Он перенес лихорадку, но она не оставила никаких последствий. Он был убежден, что я либо замерз в лунном кратере, либо погиб в межпланетном пространстве.

Мистер Вендиджи стал получать сообщения Кейвора в то время, когда занимался совершенно другими исследованиями. Читатель, конечно,

помнит, какой интерес в начале нового столетия вызвало сообщение мистера Николы Теслы, знаменитого американского электрика, о том, что он получил послание с Марса. Его сообщение обратило внимание на давно уже известный всему ученому миру факт, что из какого-то неизвестного источника в мировом пространстве до Земли постоянно доходят электромагнитные волны, подобные волнам, употребляемым синьором Маркони в беспроволочном телеграфе. Кроме мистера Теслы, значительное число других изобретателей занялось усовершенствованием аппарата для приема и записи этих колебаний, хотя очень немногим удалось достигнуть какого-нибудь успеха в этом направлении. Однако к этим немногим мы должны причислить и мистера Вендиджи. С 1898 года он почти всецело посвятил себя этому предмету и, располагая большими средствами, построил на склонах Монте-Розы обсерваторию, приспособленную во всех отношениях для таких наблюдений.

Мои научные познания, — должен признаться, — невелики, но, насколько они дают мне возможность судить, придуманные мистером Вендиджи способы приема и передачи разных электромагнитных возмущений в мировом про-

странстве очень оригинальны и остроумны. Благодаря счастливому стечению обстоятельств аппарат этот был пущен в ход приблизительно за два месяца до того, как Кейвор сделал первую попытку вступить в сообщение с Землей. Таким образом, мы получили целый ряд сообщений Кейвора. К несчастью, однако, это только обрывки, а самые важные открытия, которые он мог бы сообщить человечеству, — инструкция относительно изготовления кейворита, если только он сообщил об этом, — пропали в мировом пространстве. Нам так и не удалось ответить Кейвору. Поэтому он не знает, что мы приняли из его сообщений, не знает вообще, что нам известно о его усилиях войти в сношения с Землей. А его настойчивость, — он отправил восемнадцать подробных описаний событий на Луне, к сожалению, мы их целиком не получили, — свидетельствует, что он не утратил интереса к родной планете после двухгодичного пребывания на Луне.

Можете представить, как удивился мистер Вендиджи, когда его приемный аппарат для электромагнитных волн отметил английскую речь Кейвора. Мистер Вендиджи ничего не знал о нашем безумном путешествии на Луну — и вдруг сообщение на английском языке из межпланет-

ного пространства!

Читатель хорошо поймет, при каких условиях отправлялись эти послания. Где-нибудь на Луне Кейвору удалось, наверное, соорудить огромный электрический аппарат, он установил секретно прибор Маркони. Он имел возможность пускать этот аппарат в ход через неправильные промежутки времени: иногда в течение получаса или около того, иногда же в течение трех или четырех часов в один прием. В эти моменты он передавал свои послания на Землю, не обращая внимания на тот факт, что относительное положение Луны и земной поверхности постоянно изменяется. Вследствие этого обстоятельства и несовершенств наших приемников сообщения его получались очень отрывочными, иногда совершенно неразборчивыми. Часто мы тщетно ломали над ними голову. К тому же Кейвор не был специалистом в этом деле: частью он позабыл, частью же он не знал общеупотребительного кода и поэтому, в особенности когда он утомлялся, путал слова и ошибался самым курьезным образом.

В общем мы, по всей вероятности, потеряли добрую половину его сообщений, а многие дошли до нас в отрывочном, искаженном виде. Поэтому в кратком рассказе, который следует

за этой главой, читатель встретит пробелы и недомолвки. Мистер Вендиджи и я работаем над полным, снабженным примечаниями изданием отчета Кейвора, который мы надеемся опубликовать вместе с подробным описанием аппарата, причем первый том издания выйдет в ближайшем январе. Это будет полный научный отчет, настоящий же мой рассказ — только популярное изложение. Но в этом изложении мы даем необходимое дополнение к рассказанной мной истории и изображаем в общих чертах устройство этого другого мира, столь близкого и родственного нам и, однако, столь не похожего на нашу Землю.

Глава XXIII
Краткий обзор шести первых сообщений мистера Кейвора

Первые два сообщения мистера Кейвора лучше оставить для большего тома. В них просто излагаются очень кратко, с некоторыми спорными второстепенными подробностями факты постройки шара и нашего отлета с Земли. Всюду Кейвор говорит обо мне как об умершем, но характер рассказа изменяется, как только речь заходит о нашем прибытии на Луну. Он называет меня «бедным Бедфордом», «этим бедным молодым человеком» и порицает себя за то, что привлек к делу молодого человека, совсем не приспособленного к такому путешествию, которого он побудил покинуть планету, «где его, несомненно, ожидали успехи», ради такого рискованного предприятия. На мой взгляд, он недооценивает той роли, которую я благодаря своей энергии и практическим способностям сыграл в реализации теоретической идеи его шара. «Мы прибыли», — констатирует он факт, не вдаваясь в описание нашего перелета через

пространство, точно речь идет о самом обычном путешествии по железной дороге.

А затем он становится очень пристрастен ко мне. Кое-что, правда, в рассказе растянуто, но зато ничего не скрыто.

Сообщение Кейвора таково:

«Вскоре обнаружилось, что чрезвычайная странность окружающей обстановки и явлений — большое уменьшение веса, разреженность воздуха и его насыщенность кислородом, происходивший от этого огромный эффект наших мускульных усилий, быстрое и волшебное развитие растительности из незаметных зародышей, темный цвет неба, — все это очень нервировало моего спутника. На Луне его характер испортился. Он стал импульсивным, вспыльчивым и строптивым. Скоро он объелся гигантскими пузырчатыми растениями, и последовавшее за этим отравление привело к тому, что мы попали в плен к селенитам, не успев ознакомиться с их жизнью…» (Как вы видите, он ничего не говорит о том, что сам объелся этими «пузырчатыми растениями».)

Дальше он рассказывает, что «мы имели с ними столкновение, и Бедфорд, не поняв некоторых их жестов, — удивительные в самом деле же-

сты! — прибегнул к насилию. Он с бешенством набросился на них и убил троих; после этого мне пришлось бежать вместе с ним. В результате мы выдержали сражение с большой толпой селенитов, желавших преградить нам путь, и при этом убили семерых или восьмерых. О терпимости этих существ более чем достаточно свидетельствует тот факт, что при моем вторичном пленении я не был убит. Мы пробили себе путь на поверхность Луны и разошлись в разные стороны в том же кратере, где высадились, чтобы скорее найти шар. Но вскоре я натолкнулся на отряд селенитов, предводительствуемый двумя, которые по внешности не походили на тех, которых мы видели до сих пор: у них были большие головы и маленькие тела, и одеты они были более тщательно, чем остальные. В течение некоторого времени мне удавалось избегать встречи с ними, потом я упал в расщелину, разбил голову, повредил коленную чашечку и почувствовал, что я не могу карабкаться, решил, если возможно, сдаться. Они, заметив мое беспомощное положение, потащили меня с собой внутрь Луны. О Бедфорде я ничего больше не слышал и никаких следов его не обнаружил; кажется, не видел его никто из селенитов. Одно из двух: или его застигла ночь

в кратере, или, что более вероятно, он нашел шар и, желая опередить меня, улетел вместе с ним. Боюсь, что, не умея управлять шаром, он нашел более тяжелую смерть в межпланетном пространстве».

Тут Кейвор оставляет меня в покое и переходит к более интересным темам. Мне не хотелось бы, чтобы подумали, будто я пользуюсь своим положением издателя для того, чтобы выставить себя в благоприятном свете, но я должен протестовать против неправильного освещения событий Кейвором. Он ничего не говорит о своем отчаянном послании на запачканной кровью бумаге, в котором сообщал совершенно другую историю. Добровольная сдача представляет собой совершенно новую версию, которая, несомненно, пришла ему в голову потом, когда он начал чувствовать себя в безопасности среди лунных обитателей. Что же касается моего намерения «опередить» его, то я предоставляю читателю решить вопрос, кто из нас был прав. Я знаю, что я не идеальный человек, — я и не претендую на это. Но разве я таков, каким он меня изобразил?

Таковы мои возражения. Дальше я могу излагать сообщения Кейвора без всяких комментариев, так как он нигде больше не упоминает

обо мне.

По-видимому, настигнувшие его селениты утащили его вглубь «большой шахты» при помощи приспособлений, которые он характеризует как «разновидность воздушного шара». По его чрезвычайно путаному рассказу и многим случайным намекам и указаниям в последующих сообщениях мы можем догадаться, что эта «большая шахта» является частью колоссальной системы искусственных шахт, которые, начинаясь с лунных кратеров, спускаются на глубину ста миль или больше по направлению к центру Луны. Эти шахты сообщаются посредством поперечных туннелей. Они разветвляются, образуя глубокие пещеры, и расширяются в большие шарообразные пространства. На сотни миль вглубь Луна похожа на скалистую губку. «Отчасти, — говорит Кейвор, — это губчатое строение естественно, но в значительной степени — также результаты работы поколений селенитов. Огромные круглые насыпи из скал и земли образуют вокруг туннелей большие кольца, которые приняты были земными астрономами, введенными в заблуждение ложной аналогией, за вулканы».

В такую шахту селениты спустили Кейвора при помощи аппарата, названного им воздушным

шаром, сначала в чернильный мрак, а затем в фосфоресцирующий свет. Послания Кейвора свидетельствуют о том, что как ученый он был удивительно невнимателен к подробностям, но мы догадываемся, что этот свет обязан своим происхождением потокам и каскадам воды, «без сомнения, содержащей в себе фосфоресцирующие организмы». Вода стекала к Центральному морю. Когда же спустились вниз, то, как говорит он, «селениты также начали светиться». И наконец далеко внизу он увидел нечто вроде озера из холодного огня — воды Центрального моря, сиявшего и клокотавшего, «подобно закипающему светящемуся голубому молоку».

«Это лунное море, — говорит Кейвор в одном из последних сообщений, — не находится в покое: солнечное притяжение гонит его непрерывным потоком вокруг лунной оси; оттого на нем наблюдаются странные бури, воды его кипят и шумят, а по временам над ним веют холодные ветры и слышны раскаты грома, которые отдаются вверху и в туннелях огромного муравейника. Только тогда, когда вода находится в движении, она излучает свет, в редкие же периоды покоя вода темная. Если смотреть на море, то его воды подымаются и падают маслянистой зыбью, хлопья

и большие полосы сияющей, пузырчатой пены подымаются вместе с тяжелыми, слабо сияющими волнами. Селениты плавают по пещерным туннелям и лагунам на маленьких плоскодонных лодках, похожих на выдолбленные челноки, и перед моим путешествием к галереям вокруг обиталища Великого Лунария, властителя Луны, мне позволено было даже совершить небольшую экскурсию по водам моря.

Пещеры и галереи очень извилисты. Значительная часть этих путей известна только опытным морякам среди рыбаков, и нередко селениты пропадают в лабиринтах. Там водятся, как мне рассказывали, странные существа, хищные и опасные твари, которых не в силах была уничтожить наука Луны. Среди них замечательна рафа, спутанная масса двигательных щупалец, размножающихся при рассечении на части, и тзи — колючее животное, которое никогда не бывает видимо: так тихо и внезапно оно нападает…»

Затем Кейвор дает кое-какие описания. «Эта экскурсия напомнила мне о Мамонтовых пещерах, о которых я читал когда-то; если бы у меня был желтый факел вместо голубого света и солидный лодочник с веслом вместо селенита с лицом каракатицы, стоявшего у машины на кор-

ме челнока, — я мог бы подумать, что внезапно вернулся на Землю. Окружавшие нас скалы были очень различны: черные, бледно-голубые, изрезанные прожилками, а однажды они заблестели и засверкали так, как будто мы вошли в сапфировый грот. Бледно фосфоресцирующие рыбы поблескивали и исчезали в светящейся глубине. Затем показалась длинная ультрамариновая аллея вдоль одного из каналов внутреннего обращения и пристань. Иногда мелькала гигантская, кишащая селенитами шахта какого-нибудь вертикального прохода.

В одной обширной пещере, изобиловавшей сверкавшими сталактитами, многочисленные люди заняты были рыбной ловлей. Мы поплыли мимо одной из них и увидели длинноруких рыбаков-селенитов, забрасывавших сети. Это были низкорослые горбатые насекомые с очень сильными руками, короткими ногами и морщинистыми масками вместо лица. Когда я глядел, как они вытягивают сеть, то она мне казалась самым тяжелым предметом на Луне. К ней привязаны были грузила, — без сомнения, из золота, — тянули ее очень долго, так как в этих водах прятались в глубине самые крупные съедобные рыбы. Рыба в сетях блестела голубым

полумесяцем, голубой светящейся струей.

Среди добычи попалось какое-то яростное черное животное с многочисленными щупальцами и неприятным выражением глаз. Появление его вызвало страшный визг и писк. Селениты торопливо разрубили его на части своими маленькими топориками. Отрубленные щупальца продолжали прыгать и извиваться. Впоследствии в лихорадке я все бредил этим чудовищным существом, с такой силой и стремительностью выплывавшим из глубины неведомого моря. Это было самое деятельное и злое из всех живых существ, которых мне пришлось встретить внутри Луны…

Поверхность этого моря на двести миль, если не больше, ниже поверхности Луны. Все города Луны расположены, как я узнал, над этим Центральным морем в пещерах и искусственных галереях и сообщаются с внешним миром гигантскими вертикальными шахтами, выходы которых образуют „кратеры“, как их называют земные астрономы. Крышку, покрывающую подобное отверстие, я видел во время скитаний по поверхности Луны еще до моего плена.

О внешней части Луны я до сих пор мало знаю. Там имеется колоссальная система пещер, в

которых лунные стада находят себе убежище в течение ночи, бойни и тому подобное. В одной из этих пещер мы с Бедфордом выдержали сражение с селенитами-мясниками. Я видел потом нагруженные мясом воздушные шары, спускавшиеся из мрака. До сих пор я обо всем этом знаю не больше, чем очутившийся в Лондоне зулус о британских запасах хлеба. Однако ясно, что эти вертикальные шахты и растительность на лунной поверхности должны играть существенную роль в вентилировании и обновлении лунной атмосферы. Однажды после моего освобождения я наблюдал дувший в шахте сверху вниз холодный ветер, затем такой же ветер, но только теплый, вроде сирокко, подувший снизу вверх и вызвавший у меня лихорадку. Через три недели я заболел какой-то лихорадкой, и, несмотря на сон и хинные таблетки, которые я, к счастью, захватил с собой, я долго болел: меня знобило. Болезнь протянулась почти до того времени, когда меня повезли к Великому Лунарию, властителю Луны.

Я не стану распространяться о моем горестном положении, — прибавляет он, — в эти дни моей болезни». И он подробно останавливается на разных мелочах, которые я опускаю. «В течение долгого времени, — говорит он, — у меня была

чрезвычайно высокая температура, и я потерял всякий аппетит. Длинные промежутки бодрствования сменялись сном с мучительными кошмарами. Однажды я так ослаб, точно лежал при смерти, в истерике. Я тосковал по ярким краскам среди однообразного голубого света...»

Затем он снова сообщает о лунной атмосфере. Астрономы и физики говорили мне, что сообщение Кейвора не противоречит тому, что нам известно о Луне. «Если б у земных астрономов хватило мужества и воображения сделать смелые выводы, — говорил мистер Вендиджи, — то они предсказали бы почти все, что сообщил Кейвор о Луне. Мы знаем, что Луна и Земля — спутники, один больше, другой меньше, из одной и той же материи. И так как плотность Луны составляет лишь три пятых плотности Земли, то вполне вероятно, что Луна внутри губчатая». «Не было никакой необходимости, — сказал также сэр Джебес Флэп, наиболее талантливый популяризатор звездных миров, — отправляться на Луну для того, чтобы сделать такие открытия». Кейвор шутливо намекает на грюйерский сыр, но, конечно, ему следовало бы раньше сообщить нам о своем знании того факта, что Луна — полое тело. И если Луна полая, то в таком случае

кажущееся отсутствие воздуха и воды легко объяснимо. Море расположено внутри, на дне пещер, а воздух просачивается сквозь огромную губку галерей согласно простым физическим законам. В пещерах Луны большая тяга. При солнечном свете воздух во внешних галереях на солнечной стороне нагревается, его давление увеличивается, некоторая часть воздуха вытекает наружу и смешивается с испаряющимся воздухом кратеров (растения удаляют угольную кислоту), между тем как бóльшая часть воздуха замерзает на ночной части. Поэтому на Луне существует постоянное воздушное течение с запада на восток в наружных галереях и течение снизу вверх в шахтах во время лунного дня, чрезвычайно усложненное, конечно, галереями и остроумными изобретениями селенитов…

Глава XXIV
Естественная история селенитов

Послания Кейвора, начиная с шестого и кончая шестнадцатым, большей частью так отрывисты и так переполнены повторениями, что из них трудно составить последовательный рассказ. Конечно, они будут полностью даны в научном отчете, но здесь можно ограничиться извлечениями и ссылками, так же как и в предыдущей главе. Мы подвергли каждое слово самой строгой критике, и мои воспоминания и впечатления помогли мне разобраться в непонятном. Естественно, что нас, как живых существ, интересовало больше странное общество лунных насекомых, среди которых жил в качестве почетного гостя человек, чем физические условия их мира.

Я уже сообщал, кажется, что селениты, которых я видел, похожи были на человека своим вертикальным положением тела и четырьмя конечностями, но строением головы и конечностей напоминали насекомых. Я, кроме того, упомянул, что вследствие сравнительно небольшой силы тяготения на Луне тела их хрупки и

мягки. Все это подтверждает также Кейвор. Он называет их «животными», хотя, конечно, они не подходят ни под одно подразделение в классификации земных существ, и указывает, что «насекомые на Земле, к счастью для человека, никогда не бывают большими». Самые крупные земные насекомые, живые или вымершие, едва достигают шести дюймов в длину, «но здесь, на Луне, при меньшей силе тяготения, существа, средние между насекомыми и позвоночными, могли, по-видимому, достигнуть человеческих и сверхчеловеческих размеров».

Кейвор не упоминает о муравьях, но при всех его указаниях мне вспоминается муравей, неутомимо деятельный, одаренный умственными способностями и социальными инстинктами. Кроме двух полов, мужского и женского, как почти у всех других существ, у муравьев есть бесполые — рабочие, солдаты, отличающиеся друг от друга структурой, сложением, силой и назначением, и тем не менее все это представители одного и того же вида. Селениты также отличаются большим разнообразием форм. Конечно, они не только значительно превосходят муравьев ростом, но даже, по мнению Кейвора, по своему уму, нравственности и социальной мудрости

стоят гораздо выше людей. У муравьев четыре или пять разных форм, у селенитов же их очень много. Я указывал уже на различия. Селениты, которых я видел, были очень различны. По моим наблюдениям, различия в росте и соотношениях частей у селенитов были не меньше, чем между человеческими расами. Но замеченные мною в районе наружной коры различия ничто в сравнении с теми огромными различиями, о которых говорит Кейвор. По-видимому, селениты далеких окраин, те, которых я видел, почти одних профессий — это пастухи, мясники и так далее. Но внутри Луны, чего я тогда не знал, есть другие виды селенитов, отличающиеся от первых ростом, соотношением частей, силой и наружным видом, тем не менее они все принадлежат к одному роду и, несмотря на все свои различия, сходны по родовым признакам. Луна является как бы огромным муравейником, но вместо четырех или пяти сортов муравьев там имеется несколько сот различных разновидностей селенитов с промежуточными, переходными формами.

Кажется, Кейвор заметил это очень скоро. Из его рассказов я заключаю, что он передан был пастухами лунных стад в руки других селенитов, которые обладают «более широкими черепами

(головами) и более короткими ногами». Поняв, что он откажется последовать за ними даже под угрозой копий, они перенесли его по узкому, как доска, мостику, вроде того, на который я отказался ступить, и спустили его вниз, в область мрака, на чем-то, что сначала показалось ему похожим на лифт. Но это оказался баллон, который, конечно, был невидим в темноте. Очевидно, то, что я принял за перекидной мостик в пустоту, в действительности было переходом к шару. Кейвор спустился вниз, в более освещенные пещеры. Сначала спускались в тишине, если не считать писка селенитов, а потом среди гама и гула.

Освоившись с темнотой, Кейвор стал понемногу различать окружающее.

«Представьте себе огромное цилиндрическое пространство, — говорит Кейвор в своем седьмом сообщении, — быть может, четверть мили в диаметре, сначала очень тускло освещенное, а потом все более и более спускающееся вниз, в голубую, светящуюся глубину. Представьте себе колодец с винтовой лестницей или же глубокую шахту лифта, в которую вам приходилось заглянуть, — все это увеличенное в сто раз, рассматриваемое в голубое стекло. Представьте себе, что вы смотрите вниз, что вы чувствуете необычайную легкость

в теле и не испытываете головокружения, как на Земле, и вы поймете мое первое впечатление. Вообразите широкую галерею вокруг шахты в виде спирали, такой крутой, что подъем на ней на Земле был бы невозможен, с низенькими перилами на краю бездны, исчезающими вдали на расстоянии нескольких миль от начала.

Когда я взглянул вверх, то увидел почти то же самое. Точно я глядел в высокий конус. В шахте дул ветер сверху вниз. С поверхности Луны доносилось все слабее и слабее мычание лунных коров, которых загоняли после дневной пастьбы. А вверху и внизу по винтовым галереям рассеяны были многочисленные лунные обитатели — бледные, фосфорические существа, поглядывавшие на нас или чем-то занятые.

Либо мне пригрезилось, либо на самом деле вместе с ледяным ветром упала снежинка. А затем, падая подобно снежинке, быстро пролетела к центральным частям Луны какая-то фигурка, — маленькое человекообразное насекомое на парашюте.

Сидевший возле меня большеголовый селенит, видя, что я двигаю головой, точно вижу что-то, протянул вперед свой хоботок-руку и указал на видневшийся очень далеко внизу выступ

— небольшую площадку, висевшую в пустоте. Она летела вверх к нам, скорость спуска быстро уменьшалась, через несколько мгновений мы очутились рядом с ней и остановились. Брошенный с шара канат был схвачен, и я очутился внизу, на площадке, среди большой толпы селенитов, проталкивавшихся вперед, чтобы увидеть меня.

Это была удивительная толпа. Я поразился, как различны эти обитатели Луны!

Казалось, что в этой суетящейся толпе нельзя найти двух сходных между собой существ. Они различались по форме, по размерам, они представляли самые разнообразные вариации общего типа селенитов. Некоторые были очень высокие, другие же сновали меж ног своих братьев. Все они казались каким-то гротеском, уродливой карикатурой на человека. У каждого из них что-нибудь было гипертрофировано до уродства: у одного большая правая передняя конечность, похожая на огромную муравьиную лапу; у другого ноги, точно ходули; у третьего нос, вытянутый хоботом, и это делало его похожим на человека, если бы не зияющий рот. Форма головы пастухов лунных стад, насекомоподобная (хотя без челюстей и усиков), тоже была очень различна: то широкая

и низкая, то узкая и высокая, то на кожистом лбу выдавались рога или другие странные придатки, то раздвоенная, с какими-то бакенбардами, с человеческим профилем. В особенности бросалось в глаза уродливое строение черепов. У некоторых черепа были огромные, напоминающие волдыри, с маленькой лицевой маской. Попадались изумительные экземпляры с микроскопическими головками и пузыристыми телами; фантастические, жидкие существа, служившие как бы основанием для больших трубообразных расширений нижней части лицевой маски. Мне показалось очень странным, что двое или трое из этих сказочных обитателей подземного мира — мира, защищенного огромными пластами от действия Солнца или дождя, — держали в своих щупальцах-руках зонтики — настоящие земные зонтики. Потом я вспомнил о виденном мной парашюте в шахте.

Эти лунные жители вели себя так же, как человеческая толпа: они толкались и напирали, карабкались друг на друга, чтобы взглянуть на меня. С каждой минутой число их увеличивалось, и они все энергичнее напирали на диски моих стражей (Кейвор не объясняет, что он подразумевает под словом „диски“), новые призраки

выплывали из мрака и поражали меня своим видом. Вскоре меня посадили на носилки, которые подняли сильные носильщики и понесли среди полумрака через толпу, к отведенным мне на Луне апартаментам. Мимо меня мелькали глаза, лица, маски, слышался шелест кожи, похожий на шелест крыльев жука, блеяние и похожее на треск кузнечиков щебетание селенитов...»

По-видимому, Кейвора поместили «в шестиугольном помещении», где он оставался в течение некоторого времени взаперти. Впоследствии ему была предоставлена некоторая свобода — почти такая же, какой пользуются люди в цивилизованном городе на Земле. По-видимому, то таинственное существо, которое является правителем и властителем Луны, назначило двух селенитов «с широкими головами» для того, чтобы охранять и изучать Кейвора и попытаться заговорить с ним. Невероятно, но эти два фантастических насекомых, эти существа другого мира вскоре стали сообщаться с Кейвором при помощи человеческой речи.

Кейвор называет их именами Фи-у и Тзи-пафф. Фи-у был около пяти футов ростом, с маленькими, тонкими ножками в восемнадцать дюймов и небольшими ступнями, как у всех селенитов.

На этих ножках покоилось маленькое тело, трепетавшее при каждом ударе пульса. У него были длинные, мягкие, многосуставные руки, со щупальцами на конце, шея, состоявшая, как обыкновенно у селенитов, из нескольких суставов, но очень короткая и толстая.

«Его голова, — говорит Кейвор, очевидно намекая на какое-то предыдущее, не дошедшее до нас, описание, — обычного лунного типа, но странно видоизмененная. Зияющий рот необыкновенно мал и свисает вниз, лицевая маска состоит почти из одного широкого плоского носа. На каждой стороне по маленькому глазу.

Голова представляет огромный шар вместо шероховатого кожистого покрова, как у пастухов лунных стад, на голове его тонкая мембрана, через которую можно наблюдать все движения пульсирующего мозга. Это существо с уродливо гипертрофированным мозгом на теле карлика».

В другом месте Кейвор находит, что сзади он похож на Атланта, поддерживающего мир.

Тзи-пафф, кажется, тоже походил на Фи-у, но у него было очень длинное «лицо» и при ясно выраженной гипертрофии мозга его голова была не круглая, а грушеобразная, узким концом вниз. К услугам Кейвора были предоставлены

носильщики — кривобокие существа с огромными плечами, паукообразные привратники и скрюченный прислужник.

Метод, с каким Фи-у и Тзи-пафф приступили к разрешению проблемы языка, был очень остроумен. Они вошли в «шестиугольную клетку» к Кейвору и начали подражать каждому его звуку, даже кашлю. Он, по-видимому, очень быстро понял, что они хотят, и начал повторять им слова и называть предметы. Вероятно, процедура была одна и та же. Фи-у слушал, а потом, в свою очередь, указывал на предмет и повторял слышанное слово. Первое слово, которым он овладел, и было слово «мэн» — человек, второе «муни» — лунянин, которое Кейвор употребил вместо слова «селенит» для обозначения лунной расы. Уловив нужное слово, Фи-у повторял его Тзи-паффу, который запоминал без ошибки. Они заучили в первый урок сотню английских имен существительных.

Затем они, по-видимому, привели с собой художника, и тот помогал им рисунками и диаграммами, в сравнении с которыми рисунки Кейвора казались весьма несовершенными. «Это было, — говорит Кейвор, — существо с очень подвижной рукой и строгим взглядом, и рисовал

он с невероятной быстротой».

Из одиннадцатого сообщения, без сомнения, мы уловили только отрывок. Высказав несколько отрывочных мыслей, Кейвор продолжает:

«Подробное изложение наших бесед интересно только для лингвистов и отвлекло бы меня в сторону. Кроме того, я сомневаюсь, чтобы мне удалось описать все те способы, к которым мы прибегали, чтобы понять друг друга. Потом перешли и глаголам, по крайней мере тем, которые я мог выразить рисунками; некоторые прилагательные оказались легкими для понимания, но зато когда мы дошли до отвлеченных имен существительных, до предлогов, до тех обычных оборотов речи, при помощи которых столь многое выражается на Земле, я почувствовал себя так, точно нырял в пробковом костюме. И действительно, эти трудности казались непреодолимыми, пока наконец на четвертый урок не явился четвертый помощник — существо с огромной, похожей на футбольный мяч головой, мозг которого был приспособлен распутывать сложные аналогии. Он вошел с видом рассеянного человека и споткнулся о стул. В случае затруднения Фи-у и Тзи-пафф прибегали к самым странным приемам, чтобы обратить внимание

этого эксперта: они кричали, били его, кололи, пока наконец вопрос не доходил до его сознания. Но зато потом он соображал удивительно быстро. Когда являлась необходимость в мышлении, превосходящем недюжинный разум Фи-у, то прибегали к помощи этого длинноголового селенита, который неизменно передавал свое заключение Тзи-паффу, с тем чтобы последний сохранил его в своей памяти. Таким образом мы подвигались вперед.

Прошло как будто много времени, — на самом же деле всего несколько дней, — и я начал объясняться с этими лунными насекомыми. Конечно, вначале это было очень скучное, приводившее в отчаяние собеседование, но незаметно установилось взаимное понимание. Я научился быть терпеливым. Беседу всегда вел Фи-у. Он часто издавал звук вроде „гм-гм“. Повторял одни и те же фразы вроде „так сказать“, „разумеется“.

Вот вам образчик его беседы. Представьте, что он характеризует своего товарища-художника:

— Гм-гм! Он, так сказать, рисовать. Пить мало, есть мало — рисовать. Любить рисовать. Больше ничего. Ненавидеть всех, кто не рисовать. Ненавидеть всех, кто рисовать лучше. Ненавидеть всех, кто не хотеть весь мир рисовать. Гневный!

Гм! Все ничего не значит… только рисовать… И, разумеется, понял он, рисовать. Странно. Не правда ли?

— Он, — в сторону Тзи-паффа, — может запоминать слова. Запоминать удивительно больше, чем другой. Мыслить нет, рисовать нет, только запоминать. Рассказывать… (Тут он обратился к помощи своего талантливого помощника, не находя нужного слова.) Истории, все. Раз слышать — всегда рассказывать.

Это изумительно похоже на сон — слышать, как в ночном мраке эти необычайные существа, — даже к их нечеловеческому образу нельзя привыкнуть, — беспрестанно насвистывают какое-то подобие человеческой речи, дают мне вопросы, отвечают. Я точно попадаю в басню, где муравей и кузнечик разговаривают между собой, а пчела их судит».

По мере успеха этих лингвистических упражнений положение Кейвора улучшилось.

«Первые страхи и недоверие, вызванные нашим столкновением, — рассказывает он, — стали постепенно проходить, они стали считать меня разумным существом… Я теперь могу ходить и приходить, когда мне угодно, меня ограничивают лишь в моих собственных интересах.

Таким образом, я смог соорудить этот аппарат, а потом благодаря счастливой находке среди материалов, разбросанных в этом колоссальном складе-погребе, я попытался послать на Землю свои сообщения. До сих пор не было сделано ни малейшей попытки помешать мне в этом, хотя я и сказал Фи-у, что сигнализирую Земле.

— Вы говорите другим? — спросил он меня.

— Да, другим, — подтвердил я.

— Другим, — повторил он. — О да. Людям?

И я продолжал посылать свои сообщения».

Кейвор беспрерывно дополнял свои прежние рассказы о селенитах, как только прибавлялись новые факты, видоизменявшие прежние выводы: ввиду этого нижеследующие цитаты даны с известной осторожностью. Они извлечены из девятого, тринадцатого и шестнадцатого посланий и, несмотря на неопределенность и отрывистость, дают настолько полную картину социальной жизни этой странной расы, что вряд ли человечество может надеяться получить более точные сведения в течение ближайших поколений.

«На Луне, — сообщает Кейвор, — каждый гражданин знает свое место. Он прикреплен к этому месту и благодаря искусной тренировке и воспитанию, а также операции в конце концов так

хорошо приспосабливается к нему, что для всего другого у него нет ни мыслей, ни органов. „Для чего ему знать другое?“ — спросил бы Фи-у. Если, например, селенит предназначен стать математиком, то его воспитывают для этой цели. В нем подавляют всякую зарождающуюся склонность к другим наукам и развивают математические способности его мозга, все же остальное культивируется лишь постольку, поскольку это необходимо для главного. В результате что остается у него, если не считать отдыха и еды? Вся его радость в упражнении и развитии своей исключительной способности, он интересуется только практическим приложением этой способности, его единственное общество — товарищи по специальности. Его мозг непрерывно растет, по крайней мере те части, которые нужны для математических способностей; они все больше и больше набухают и как бы высасывают все жизненные соки и силу из остального организма. Его члены съеживаются, его сердце и пищеварительные органы уменьшаются, его насекомообразное лицо скрывается под набухшим мозгом. Его голос выкрикивает одни математические формулы, он глух ко всему, кроме математических задач. Способность смеяться, за исключением случаев

внезапного открытия какого-нибудь парадокса, им совершенно утеряна. Новая математическая комбинация способна вызвать в нем глубочайшее волнение. И так он достигает своей цели.

Другой пример: селенит, предназначенный для деятельности пастуха, с самых ранних лет приучается думать о лунных коровах, учится обращаться с ними. Его тренируют таким образом, чтобы сделать его сухим и подвижным; его глаза затвердевают, образуя непроницаемую роговую оболочку и приобретая разрез, свойственный так называемому лунному зрению. Он не принимает почти никакого участия в том, что происходит в глубине Луны; он смотрит на всех других селенитов, не занятых, подобно ему, лунными коровами, с равнодушием, насмешкой или враждебностью. Его мысль сосредоточена на отыскании пастбищ для лунных коров, а весь язык состоит из пастушеских терминов. Но он любит свою работу и с радостью выполняет свое назначение. Так же и во всем остальном у селенитов: каждый из них как бы является совершенной единицей в лунном механизме.

Большеголовые существа, занятые умственной работой, образуют как бы аристократию в этом странном обществе, и выше всех на верху

лунной иерархии, как гигантский мозг, стоит Великий Лунарий, которому я должен скоро представиться. Неограниченное развитие ума у селенитов интеллигентного класса, возможно, связано с отсутствием в их строении костного черепа, черепной коробки, которая ограничивает человеческий мозг, не позволяя ему развиваться больше определенного размера. Умственная аристократия распадается на три главных класса, сильно отличающихся друг от друга по влиянию и почету: администраторы, к числу которых принадлежит Фи-у, селениты с большой инициативой и гибкостью ума, каждый из них наблюдает за определенным кубическим участком лунного муравейника; эксперты вроде нашего мыслителя с футбольной головой, приученные к производству некоторых специальных операций, и ученые, которые являются хранителями всяких знаний. К этому последнему классу принадлежит Тзи-пафф, первый лунный профессор земных языков. Что касается последнего класса, то любопытно отметить одну маленькую особенность, а именно, что неограниченный рост лунного мозга сделал лишним изобретение всех тех механических вспомогательных средств для умственной работы, к которым прибегает человек. Нет ни

книг, ни отчетов, ни библиотек, ни надписей.

Все знание хранится в мозгах, подобно тому как медоносные муравьи Техаса складывают мед в своих обширных желудках. Роль Саммерсетского и Британского музеев играют коллекции живых мозгов.

Отмечу, что администраторы, менее специализированные, большей частью проявляют очень живой интерес ко мне при встречах. Они отходят с дороги, смотрят на меня и предлагают вопросы, на которые отвечает Фи-у. Они передвигаются с целой свитой носильщиков, помощников, глашатаев, парашютоносцев и так далее — очень странная процессия.

Эксперты же почти игнорируют меня, как и всех других, или же замечают меня для того только, чтобы продемонстрировать передо мной свое искусство. Ученые погружены в какое-то непроницаемое апоплексическое состояние самодовольства, из которого их способно пробудить лишь отрицание их учености. Обыкновенно их водят провожатые, часто в их свите встречаются маленькие деятельные создания, очевидно самки, — я склонен думать, что это их жены. Но некоторые ученые слишком величественны, чтобы ходить пешком, и их переносят на носилках,

похожих на кадки; на носилках этих покоятся колыхающиеся, студенистые сокровищницы знания, вызывающие во мне чувство почтения и удивления. Только что я встретил одного такого ученого на пути туда, где мне позволено забавляться сигнализацией, — передо мной на носилках промелькнула огромная, голая, трясущаяся голова с тонкой кожей. Спереди и сзади шли носильщики и какие-то странные, с трубообразными лицами глашатаи, выкрикивающие о заслугах ученого.

Я уже упоминал о свитах, которые сопровождают большую часть людей интеллигентного класса: это телохранители, носильщики, вообще щупальца и мускулы, замещающие недостающие примитивные физические способности этих гипертрофированных умов. Носильщики почти всегда сопровождают их. Среди них попадаются быстроногие курьеры с паукообразными ногами, парашютоносцы и глашатаи, способные разбудить своим криком мертвого. Вне влияния контролирующего ума ученых хозяев эти подчиненные столь же инертны и беспомощны, как зонтики в стойке. Они живут только приказами, которым должны повиноваться, и обязанностями, которые должны выполнять.

Однако большинство насекомых, снующих по спиральным путям, наполняющих подъемные шары и опускающихся на легких парашютах, принадлежит, по-видимому, к классу ремесленников. Это в прямом смысле „машинные руки“, и некоторые из них постоянно в действии. Единственное щупальце пастуха у них приспособлено для схватывания, поднимания и подачи, между тем как остальные части — только придатки. Иные, которым приходится иметь дело с звучащими как колокол механизмами, обладают сильно развитыми слуховыми органами; другие, работающие над химическими процессами, снабжены развитыми обонятельными органами; третьи имеют плоские ноги с неподвижными суставами для работы на подножках; четвертые же, которые, как мне сообщили, принадлежат к цеху выдувальщиков стекла, кажутся просто легочными мехами. Каждый из этих обыкновенных селенитов отлично приспособлен к той работе, которую он выполняет. Тонкая работа исполняется ловкими работниками, карликами, удивительно опрятными. Некоторых из них я мог держать на ладони. Есть особые селениты, которые вертят колеса и рычаги и доставляют двигательную силу для разных мелких работ. Для

наблюдения за всеми работами, для поддержания порядка и усмирения проявляющейся иногда разрушительной тенденции у уклоняющихся от нормы натур приставлены самые сильные селениты, каких я только видел на Луне, нечто вроде лунной полиции, — их, должно быть, с ранних лет тренировали для такой службы…

Создание всех этих селенитов-ремесленников представляет, вероятно, очень любопытный и интересный процесс. Я до сих пор ничего не знал об этом. Но недавно я увидел несколько молодых селенитов, заключенных в бочки, из которых высовывались только их передние конечности. Оказалось, что они нарочно подверглись сжатию, чтобы сделаться потом машинистами. При этой высокоразвитой системе технического воспитания длинная „рука“, например, отрастает благодаря особым прививкам, между тем как ненужные части тела умерщвляются. Фи-у, если только я правильно понял его, объяснил мне, что в ранних стадиях развития селениты страдают при различных скрюченных положениях, но потом привыкают. Чтобы убедить меня в этом, он привел меня на место, где несколько курьеров подвергались как бы прокатке в механических приборах. На меня такие воспитательные методы

производят неприятное впечатление. Возможно, что это пройдет, и я смогу понять многое из их общественного устройства. Эта жалкая, высунувшаяся из бочки щупальце-рука казалась мне протестом против искусственного уродства. Хотя, может быть, в окончательном счете это более гуманный способ, чем наш земной метод выращивания детей, которых потом обращают в придатки машин.

Недавно, — кажется, это было во время моего одиннадцатого или двенадцатого визита к этому аппарату, — я сделал любопытное наблюдение над жизнью этих рабочих-селенитов. Меня подвели к аппарату не обычным путем — вниз по спиралям и набережным Центрального моря, а через более короткий проход. Из лабиринта длинной темной галереи мы вступили в обширную низкую пещеру, пахнущую землей и сравнительно ярко освещенную. Свет исходил из колыхавшейся массы синевато-багровых грибовидных растений, напоминавших наши грибы, но выше человеческого роста.

— Луняне едят их? — спросил я Фи-у.

— Да, пища.

— А это что? — вскрикнул я, увидев большого и неуклюжего селенита, неподвижно лежащего

ничком среди грибов. Мы остановились.

— Мертвый? — спросил я. (До сих пор я еще не видел мертвых на Луне и заинтересовался.)

— Нет, — ответил Фи-у. — Он рабочий, сейчас нет работы. Лучше спать, пока не надо. Зачем его будить? Не надо ему ходить.

— А вот другой! — вскрикнул я.

И действительно, весь огромный грибной лес был усеян спящими селенитами. Они спали, утомленные, до тех пор, пока не понадобятся для работы. Их было множество разных видов, и я мог перевернуть некоторых из них и хорошенько рассмотреть.

Когда я их переворачивал, они начинали громко дышать, но не пробуждались. Одного я хорошо запомнил, так как поза его походила на вытянувшегося человека. Передние конечности у него состояли из длинных щупальцев, приспособленных, очевидно, для какой-то тонкой работы, и поза, в которой он заснул, выражала покорное страдание. Без сомнения, с моей стороны было ошибкой таким образом объяснять его выражение, но я это сделал. И когда Фи-у переворачивал его в сумраке среди багровых мясистых растений, я снова испытал чувство сострадания, хотя в это время он походил на насекомое.

Это свидетельствует лишь о неразумности наших чувств. Напоить рабочего, в котором не нуждаешься, и бросить его в сторону, наверное, гораздо лучше, чем выгонять его из мастерской для того, чтобы он умирал с голоду на улице. В каждом сложном общественном организме принимаются меры от безработицы. Однако я до сих пор не люблю вспоминать об этих телах, распростертых под спокойными, светящимися арками мясистых растений, и избегаю короткого прохода, несмотря на неудобство более длинного и шумного пути.

Другой путь ведет меня кругом, через огромную сумрачную пещеру, переполненную и шумную. Здесь я могу наблюдать матерей-селенитов, напоминающих маток пчелиного улья. Я вижу, как они выглядывают из шестиугольных отверстий стены, похожей на соты, или гуляют по широкой открытой площади за стеной и перебирают в руках драгоценности и амулеты, изготовленные для них ювелирами с тонкими щупальцами, работающими в подвальных конурах. Они фантастически, иногда очень красиво разукрашены, держатся очень гордо, и головки у них (за исключением большого рта) крошечные.

Об условиях жизни различных полов на Луне,

о женитьбе и замужестве, о рождении селенитов я до сих пор узнал очень мало. Но ввиду быстрых успехов Фи-у в изучении английского языка я, без сомнения, все это скоро узнаю. Я предполагаю, что, как у муравьев и пчел, огромное число членов селенитской общины — среднего пола. Конечно, и на Земле есть закоренелые холостяки, которые не живут семейной жизнью. На Луне же, как и у муравьев, это явление сделалось нормальным, и необходимое замещение выбывающих членов падает на специальный и далеко не многочисленный класс матрон, матерей лунного населения — крупных и статных существ, прекрасно приспособленных к ношению личинок. Если я правильно понял объяснение Фи-у, они не способны ухаживать за молодыми особями, которых они рождают на свет: у них появляется иногда стремление к детоубийству. Поэтому при первой возможности нежные, мягкие и бледно окрашенные создания передаются на попечение холостых самок, женщин-работниц, которые иногда обладают мозгом почти такого же размера, как и у самцов».

К несчастью, здесь сообщение Кейвора прерывается. Отрывистое, вызывающее мучительное чувство неудовлетворенного любопытства из-

ложение этой главы тем не менее дает нам представление об этом странном и изумительном мире — мире, с которым, быть может, скоро мы должны будем считаться. Перемежающееся появление посланий с неба, шуршание иглы приемного аппарата среди молчания горных склонов — это только первое предостережение человечеству. На этом спутнике Земли мы находим новые элементы, новые приемы, новые традиции, ошеломляющую лавину новых идей, странную расу, с которой мы неизбежно должны будем бороться за господство, и золото, столь же обычное на Луне, как у нас, на Земле, железо или дерево.

Глава XXV
Великий Лунарий

Предпоследнее сообщение описывает, иногда с большими подробностями, встречу Кейвора с Великим Лунарием, правителем или властителем Луны. Кейвор передал, по-видимому, большую часть сообщения без перерыва, но конец почему-то оборван. Второе же сообщение отправлено было после недельного промежутка.

Первое послание начинается так:

«Наконец я могу передать…»

Затем следует неразборчивое место, а потом дальнейший рассказ, начинающийся с середины фразы.

Недостающее слово следующего предложения, по всей вероятности, «толпа». Дальнейшее же совершенно ясно:

«…становилась все гуще и гуще, по мере того как мы продвигались ближе к дворцу Великого Лунария, если можно назвать дворцом ряд пещер. На меня отовсюду смотрели селениты; мелькали блестящие рябые маски, глаза над уродливо развитым органом обоняния, глаза под огромными

лобными плоскостями; толпа низкорослых, маленьких существ вертелась вокруг меня, визжала над плечами и подмышками передних насекомых, ко мне вытягивались шлемоподобные лица на извилистых, длинносуставных затылках. Меня окружала охрана из тупоумных, корзинкоголовых стражей, которые присоединились к нам после того, как мы вышли из лодки, в которой проплыли вдоль каналов Центрального моря. К нам присоединился также быстроглазый художник с маленьким мозгом, и среди множества нарядных провожатых, причисленных к нашему штату, по дороге тянулась густая фаланга сухопарых носильщиков. Потом меня понесли на носилках, сделанных из какого-то тягучего металла, черной сетчатой ткани со стержнями из бледного металла. По мере того как я подвигался вперед, окружавшая толпа увеличивалась, и скоро образовалась огромная процессия.

Во главе ее наподобие герольдов выступали четыре глашатая с трубообразными лицами, за ними следовали коренастые, решительные стражники, по бокам — блестящее собрание ученых голов, своего рода живая энциклопедия, которые, как объяснил Фи-у, должны были предстать перед Великим Лунарием для переговоров

со мной. (Нет такого предмета в лунной науке, нет такой точки зрения или метода мышления, которых не носили бы в своей голове эти удивительные существа!) Затем следовали воины и носильщики, а за ними — дрожащий мозг Фи-у, тоже на носилках. Затем следовал Тзи-пафф на менее парадных носилках, и наконец, я — на носилках более изящных, чем другие, окруженный своими камердинерами. Вблизи шли трубачи, оглашавшие воздух резкими выкриками, а затем разные большие мозги, специальные корреспонденты, как их можно было бы назвать, или же историографы, на которых возложена была задача наблюдать и запоминать каждую подробность этого знаменательного интервью. Целый отряд слуг, несших и волочивших знамена, пахучие грибовидные растения и разные символические изображения, терялся сзади во мраке. По пути с обеих сторон стояли шеренгами полицейские и офицеры в латах, блиставших как сталь, а за ними колыхавшееся море голов.

Признаюсь, я до сих пор не могу привыкнуть к наружности селенитов и чувствовал себя как бы в муравейнике возбужденных насекомых. На миг я испытал что-то вроде ужаса. Это чувство уже овладело мною однажды в лунных пеще-

рах, когда я в решительную минуту увидел себя невооруженным посреди толпы нападавших селенитов, но никогда чувство это не было во мне так сильно. Это, конечно, неразумное ощущение, и я надеюсь постепенно подавить его. Но когда я двигался вперед в муравейнике селенитов, я с большим усилием подавил желание крикнуть или как-нибудь иначе выразить свое чувство и крепко ухватился за носилки. Это продолжалось не больше трех минут, потом я овладел собою.

Сначала мы поднимались по спиральной дороге, затем — через анфиладу огромных, тщательно декорированных зал с куполообразными сводами. Аудиенция у Великого Лунария обставлена была, без сомнения, величественно. Каждая новая пещера, в которую мы вступали, казалась больше предшествовавшей и с более высокими сводами. Этот эффект усиливался облаками слабо фосфоресцирующего голубого фимиама, которые постепенно сгущались и окутывали туманом даже наиболее близкие фигуры. Мне казалось, что я непрерывно приближаюсь к чему-то огромному, туманному, нематериальному.

Я должен сознаться, что чувствовал себя неловко перед толпой селенитов. Я был не брит и не причесан: я не захватил с собой на Луну бритвы.

Подбородок мой оброс густой бородой. На Земле я никогда не обращал внимания на свою наружность и следил только за чистотой тела; но в этих исключительных условиях, когда я, так сказать, являлся представителем целой планеты и земной расы и когда моя судьба зависела в значительной мере от привлекательности моей наружности, я многое дал бы за более изящный и достойный внешний вид. Я так глубоко верил, что Луна необитаема, что не принял решительно никаких мер предосторожности. На мне были фланелевая куртка, шаровары и чулки до колен, перепачканные лунной грязью туфли, а голову же я просунул в дыру одеяла (такое одеяние я ношу до сих пор). Острые колючки не способствовали украшению моей наружности, а когда я колыхался на носилках, на коленях моих брюк зияла большая дыра; мой правый чулок все время спадал. Мне было очень больно, что я так недостойно представляю все человечество, и я хотел было придумать что-нибудь необычное и импозантное. Но я ничего не мог придумать. Я сделал все, что можно было сделать из одеяла, а именно набросил его на плечи, как тогу, а затем старался держаться прямо на носилках.

Вообразите себе самый обширный зал, какой

вам когда-либо приходилось видеть, отделанный синей с белым майоликой, освещенный голубоватым светом, кишащий волнующейся массой уродливых разнообразных существ металлического или светло-серого цвета. Вообразите, что зал заканчивается открытым сводчатым ходом, за которым открывается еще более обширный зал, за этим — третий и так далее. В конце же этой анфилады палат едва заметная, подымающаяся вверх лестница, напоминающая ступени Ara Coeli в Риме. Ступени этой лестницы при приближении казались все выше и выше. В конце концов я очутился под огромным сводом и, подняв свой взор к вершине ступеней, увидел Великого Лунария на престоле.

Он сидел на чем-то, похожем на сверкание голубого пламени. При этом сиянии казалось, что Лунарий парит в голубовато-черной пустоте. Сначала он показался мне маленьким светящимся облачком на темном троне. Его мозг имел в диаметре несколько десятков ярдов. Трон излучал голубые огоньки, окружавшие ореолом Лунария. Вокруг него стояли, поддерживая его, многочисленные слуги и телохранители, маленькие и тусклые в этом сиянии, а ниже в тени стояли огромным полукругом его интеллектуальные

подчиненные, его напоминатели, вычислители, исследователи и другие знатные насекомые лунного двора. Еще ниже стояли привратники и курьеры, затем — стража, у самого же основания лестницы колыхалась огромная, разнообразная, смутная, терявшаяся вдали масса селенитов. Их ноги скребли по скалистому полу: двигались они с каким-то шелестом.

Когда я вошел в предпоследний зал, раздались величественные звуки музыки и крики глашатаев замерли…

Я вошел в последний, самый большой зал…

Моя процессия развернулась веером. Мои стражи и хранители отошли вправо и влево, только носилки, на которых восседал я, Фи-у и Тзи-пафф, двинулись через сияющий мрак зала по направлению к гигантским ступеням. К музыке примешалось какое-то жужжание. Оба селенита соскочили с носилок, но мне разрешили сидеть, — полагаю, в виде особой почести. Музыка затихла, но жужжание продолжалось, точно по одному мгновению десятки тысяч голов обратили мое внимание на окруженный ореолом разум, паривший надо мной.

Сначала, когда я стал всматриваться в лучистое сияние, этот лунный мозг показался мне похожим

на опаловый расплывчатый волдырь с неясными, пульсирующими призрачными прожилками внутри. Затем я заметил, как под этим колоссальным мозгом над краем трона выглянули вдруг среди сияния маленькие глазки. Никакого лица не было видно — только глаза, точно смотревшие сквозь пустые отверстия. Сначала я не замечал ничего другого, кроме этих пристальных глаз, но потом различил внизу маленькое карликовое тело с белеющими, скорченными суставчатыми, как у насекомых, членами. Глаза глядели на меня сверху вниз со странным напряжением, и нижняя часть вздутого шара сморщилась. Рукищупальца поддерживали на троне эту фигуру.

Это было величественно и вызывало жалость. Я забыл зал и толпу.

Меня подняли по лестнице. Мне казалось, что надо мной распростерлась светящаяся страшная голова, и чем ближе я подходил к ней, тем более она концентрировала на себе все мое внимание. Сгруппировавшиеся вокруг своего властителя толпы слуг и помощников улетучились, казалось, во мраке. Я видел, как эти темные слуги прыскали охлаждающую жидкость на этот гигантский мозг, подпирали и поддерживали его. Я сидел, ухватившись за колыхающиеся носилки, и гля-

дел на Великого Лунария. Наконец, когда я достиг маленькой площадки шагах в десяти от престола, гул музыки достиг своего апогея и оборвался. Я был как бы распластан перед испытующим взглядом Великого Лунария.

Он рассматривал первого человека, которого увидел.

Я перевел наконец свой взгляд с этого воплощенного величия на толпившиеся вокруг него в голубом тумане бледные фигурки, а потом на собравшихся у подножия лестницы селенитов, стоявших в молчаливом ожидании. И снова мною овладел ужас… Но только на мгновение.

После паузы наступил момент приветствия. Мне помогли слезть с носилок, и я неуклюже стоял, в то время как два стройных сановника торжественно проделывали передо мной целый ряд любопытных и, без сомнения, глубоко символических жестов. Энциклопедический синклит ученых, сопровождавших меня до входа в последний зал, появился двумя ступенями выше слева и справа от меня, готовый к услугам Великого Лунария, а бледная голова Фи-у поместилась на полпути к трону, готовая служить посредником между нами, не поворачиваясь затылком ни к Великому Лунарию, ни ко мне. Тзи-пафф

поместился позади Фи-у. Шеренги придворных подвигались боком ко мне, с лицами, обращенными к Властителю. Я сел по-турецки, Фи-у же и Тзи-пафф, в свою очередь, стали на коленях выше. Снова наступила пауза. Ближайшие придворные смотрели то на меня, то на Великого Лунария, а среди толпы слышался тихий свист и писк нетерпеливого ожидания.

Вдруг жужжание замерло.

Все затихло.

Вслед за тем я услышал какой-то слабый звук. Это обращался ко мне Великий Лунарий — точно кто-то скреб пальцем по оконному стеклу.

Я внимательно наблюдал его некоторое время, а затем взглянул на бдительного Фи-у. Среди этих тощих существ я был таким толстым, мясистым и плотным, странной казалась здесь моя голова с громадной челюстью и черными волосами. Я снова уставился на Великого Лунария. Он умолк. Его слуги засуетились, и сияющая поверхность его головы оросилась и засверкала охлаждающей жидкостью.

Фи-у погрузился на некоторое время в размышление. Он советовался с Тзи-паффом. Затем начал пищать на своем английском языке, — он, видимо, волновался, и его нелегко было понять:

— Гм… Великий Лунарий… хочет сказать, хочет сказать… он догадывается, что вы… гм… люди, что вы человек с планеты Земля. Он хочет сказать, что приветствует вас, приветствует вас… и хочет, так сказать, познакомиться с устройством вашего мира и причиной, почему вы прибыли в наш мир.

Он умолк. Я готов был уже ответить, но он снова начал. Он сделал несколько неразборчивых замечаний, очевидно какие-то комплименты по моему адресу. Он сказал, что Земля то же для Луны, что Солнце для Земли, и что селениты желали бы изучить Землю и людей. Он указал еще, — без сомнения, тоже из любезности, — на разницу в объемах и диаметрах Земли и Луны и на то удивление и раздумье, которое всегда вызывало в селенитах наша планета. Я стоял, потупив глаза, и, подумав, решил ответить, что и люди, со своей стороны, интересуются Луной, но думают, что она необитаема, что я совершенно не рассчитывал на такой великолепный прием. Великий Лунарий в знак признательности стал поворачивать, как прожектор, свои длинные голубые лучи, и весь огромный зал огласился писком, шепотом и шуршанием в ответ на мой рассказ. Затем Лунарий задал Фи-у целый ряд

вопросов, на которые я ответил.

Он понимает, — сообщает Кейвор, — что мы живем на поверхности Земли, что наш воздух и море находятся снаружи шара, — все это он знает уже давно от своих астрономов. Но он желает иметь более подробные сведения об этом, так как твердость Земли склоняла их всегда к мысли, что она необитаема. Он хотел узнать, каким крайним колебаниям температуры мы подвержены на Земле, и очень заинтересовался моим докладом о тучах и дожде, вспомнив о том факте, что лунная атмосфера во внешних галереях нередко очень туманна. Он удивился, что солнечный свет не слепит наших глаз, и заинтересовался моей попыткой объяснить ему, что голубая окраска неба происходит от преломления света в воздухе, хотя я сомневаюсь, чтобы он понял это. Я объяснил, каким образом радужная оболочка человеческого глаза способна вызывать сокращение зрачка и охранять нежную внутреннюю ткань от избытка солнечного света, и мне позволили приблизиться и остановиться на расстоянии нескольких футов от Властителя, чтобы он мог рассмотреть устройство моего глаза. Это привело нас к сравнению лунного и земного глаза. Первый не только необыкновенно чувствителен к такому свету,

какой свободно выносят люди, но может видеть теплоту, — всякая разница в температуре на Луне делает предметы видимыми для него.

Радужная оболочка оказалась органом, совершенно неизвестным Великому Лунарию. Некоторое время он забавлялся тем, что устремлял свои лучи на мое лицо и наблюдал, как сокращаются мои зрачки. Эти опыты ослепили меня на некоторое время…

Но несмотря на эти неудобства, я почувствовал уверенность в своей безопасности. Я мог закрывать глаза, обдумывать свой ответ и почти забывал, что Великий Лунарий безлик…

Когда я снова спустился по ступеням на отведенное мне место, Великий Лунарий спросил, как мы защищаемся от жары и бурь, и я ему объяснил постройку и оборудование наших зданий. Здесь мы наткнулись на недоразумения и ложные предположения, возникавшие, как я полагаю, вследствие неточности моих выражений. Долгое время я не знал, как объяснить, что такое дом. Ему и его приближенным, без сомнения, показалось очень странным, что люди строят дома, в то время как они могли бы спускаться в подземелья. Новое недоразумение было вызвано моей попыткой объяснить, что первоначально

люди жили в пещерах и что теперь они проводят железные дороги и помещают многие учреждения под землей. Я думаю, что чересчур увлекся в своем стремлении к научной полноте. Такие же недоразумения вызвала моя попытка объяснить устройство рудников. Оставив наконец эту тему, Великий Лунарий спросил, что мы делаем с внутренностью нашего шара.

По всему собранию до самых отдаленных углов прокатился писк, когда выяснилось, что люди почти ничего не знают о недрах того мира, на поверхности которого росли и развивались бесчетные поколения наших предков. Три раза мне пришлось повторить, что из четырех тысяч миль между поверхностью Земли и ее центром людям известна только одна четырехтысячная часть, что они знают Землю до глубины одной мили, да и то в самых общих чертах. Очевидно, Великий Лунарий хотел спросить, что побудило меня явиться на Луну, когда мы не изучили нашей собственной планеты, но его интересовали подробности относительно условий жизни на Земле, перевертывающие все его обычные представления.

Он вернулся к вопросу о погоде, и я попытался описать ему непрерывное изменение неба: снег,

мороз, циклоны.

— Но ночью разве не холодно? — спросил он.

Я ответил, что ночью холоднее, чем днем.

— А разве ваша атмосфера не замерзает?

Я ответил, что нет, что холод у нас незначителен и ночи коротки.

— И воздух не делается жидким?

Я готов был уже дать отрицательный ответ, но вспомнил, что, по крайней мере, часть нашей атмосферы, водяные пары, превращается в жидкость и образует росу, а иногда замерзает и образует иней — процесс, совершенно аналогичный замерзанию внешней атмосферы Луны во время ее долгой ночи. Я сообщил об этом. Великий Лунарий продолжал расспрашивать о сне. Потребность в сне, возникающая регулярно каждые двадцать четыре часа у всех земных существ, составляет, по его мнению, явление земной наследственности. На Луне селениты отдыхают редко, после исключительных физических усилий. Затем я пытался описать ему блеск летней ночи на Земле и перешел к описанию тех животных, которые ночью бродят, а днем спят. Я стал рассказывать ему о львах и тиграх, но он, по-видимому, ничего не понял. Дело в том, что если не считать чудовищ Центрального моря, то

на Луне нет таких животных, которые не были бы подчинены воле селенитов, — так было с незапамятных времен. У них имеются разные морские чудовища, но нет хищных зверей, и им непонятна мысль о каком-то большом и сильном звере, подстерегающем во мраке ночи».

(Далее следует пробел слов в двадцать, которые невозможно разобрать.)

«Он заговорил со своими приближенными, как мне показалось, о странном легкомыслии и неразумии человека, живущего исключительно на поверхности Земли, подверженного всем переменам погоды, не сумевшего даже покорить себе зверей, которые похищают его соплеменников, и, однако же, дерзнувшего перелететь на чужую планету. Во время этой беседы я сидел в стороне, погруженный в размышления. После этого я, по его желанию, рассказал ему о различных породах людей.

Он засыпал меня вопросами:

— И для всех видов работы у вас существует одна порода людей? Но кто же мыслит? Кто управляет?

Я дал ему в общих чертах описание нашего общественного устройства.

Он приказал спрыснуть свою голову охлажда-

ющей жидкостью, а затем потребовал, чтобы я подробней повторил свое объяснение.

— Разве они не заняты своими делами? — спросил Фи-у.

— Некоторые из них, — ответил я, — мыслители, другие — служащие, одни — охотники, другие — механики, третьи — артисты, четвертые — ремесленники. Но все принимают участие в управлении.

— Но разве они не различно устроены для различных занятий?

— Особой разницы, кроме одежды, нет, — сказал я. — Их мозги, может быть, и отличаются немного друг от друга, — прибавил я, поразмыслив.

— Их умы должны сильно отличаться, — заметил Великий Лунарий, — иначе они все захотят делать одно и то же.

Для того чтобы наиболее приспособиться к его представлениям, я заметил, что его предпосылка совершенно правильна.

— Все различия скрыты в мозгу, — сказал я. — Но все это незаметно снаружи. Быть может, если б можно было видеть умы людей, они оказались бы столь же различными и неодинаковыми, как и у селенитов. Оказалось бы тогда, что есть более

и менее способные люди — люди, хватающие далеко, и люди, двигающиеся очень медленно; люди, ум которых напоминает трубу; и люди, которые могут вспоминать не думая… (Три следующих слова неразборчивы.)

Он прервал меня, чтобы напомнить мне о моем прежнем сообщении.

— Но вы сказали, что все люди управляют? — настаивал он.

— До известной степени, — ответил я, и, как мне кажется, это еще более запутало вопрос.

Наконец он понял.

— Вы хотите сказать, — спросил он, — что на Земле нет Великого Властителя?

В моем уме промелькнули различные лица, но в конце концов я подтвердил ему, что такого нет.

Я объяснил ему, что все автократы и императоры обычно кончали тем, что предавались пьянству и разврату или становились насильниками и что огромная часть населения Земли отказалась бы от повторения этого опыта. Это еще более изумило Великого Лунария.

— Но каким образом вам удается сохранить хотя бы ту мудрость, которая у вас есть? — спросил он.

И я объяснил ему, каким образом мы стараемся

прийти на помощь ограниченности наших… (Тут не хватает одного слова, — вероятно, „мозгов“.) Рассказал о книгах и библиотеках. Я объяснил ему, как развилась наша наука благодаря соединенным усилиям бесчисленных незначительных людей. На это он ничего не возразил, заметив только, что мы, вопреки нашей социальной дикости, очевидно, многого достигли, иначе мы не могли бы попасть на Луну. Однако контраст был слишком велик. Селениты вместе с накоплением знаний росли и изменялись; люди же накопляли знания и оставались зверями. Он так и сказал… (Далее неразборчиво.)

Затем он заставил меня рассказать, как мы путешествуем вокруг Земли, и я описал ему наши железные дороги и пароходы. Некоторое время он не мог поверить, что мы познакомились с употреблением пара всего лишь около ста лет назад. Но когда он в этом убедился, то очень был изумлен. Упоминаю здесь, кстати, как об интересном факте: селениты для измерения времени пользуются так же, как и мы, годами, но я не понимаю их системы счисления. Это, однако, никакой роли не играет, так как Фи-у понимает нашу систему. Потом я рассказал, что люди впервые стали селиться в городах только

девять или десять тысяч лет назад и что мы до сих пор не соединены в одно общество и живем в государствах с различными формами правления. Это было передано Великому Лунарию. Он очень удивился. Сначала он думал, что у нас имеются только административные деления.

— Наши государства и империи только грубые очертания будущего общества, — сказал я и рассказал ему… (Здесь следуют тридцать или сорок неразборчивых слов.)

Великий Лунарий удивился, что люди стремятся сохранить разные языки.

— Они хотят в одно и то же время и сообщаться друг с другом и не сообщаться, — заметил он и долго расспрашивал меня о войнах.

Сначала он мне не поверил.

— Вы хотите сказать, — спросил он, как бы недоумевая, — что вы рыскаете по поверхности вашего мира — того мира, богатства которого вы едва затронули, убивая друг друга, как убивают зверей для еды?

Я должен был признаться, что это так.

Он стал расспрашивать меня о подробностях.

— Но разве не наносится при этом ущерб вашим судам и вашим несчастным маленьким городам? — спросил он.

И я заметил, что мое сообщение о порче имущества и судов во время войны произвело на него почти такое же впечатление, как и сообщение об убийствах.

— Расскажите мне подробней, — сказал Великий Лунарий. — Покажите мне это ясней. Я не могу ничего понять.

И тут я, хотя и не очень охотно, стал ему рассказывать историю земных войн.

Я рассказал ему о началах и церемониях войны, о предупреждениях и ультиматумах, о построении в боевой порядок и о походах. Я дал ему представление о маневрах, позициях и бое. Я рассказал ему об осадах и атаках, о голоде и тяжелых страданиях в траншеях, о часовых, замерзающих в снегу. Рассказал о поражениях и нападении врасплох, о безнадежных сопротивлениях и безжалостном преследовании бегущих, о трупах на полях сражения. Я рассказал, кроме того, о прошедших временах, о нашествиях и избиениях, о гуннах и татарах, о войнах Магомета и халифов и о Крестовых походах. По мере того как я рассказывал, а Фи-у переводил, селенитов охватывало все большее волнение, и они громко пищали.

Я рассказал ему, что орудия выпускают заряды в тонну весом, которые на расстоянии двена-

дцати миль способны пробить железную броню толщиной в двадцать футов, и про подводные торпеды. Я описал ему действие пулеметов и все, что я мог вообразить себе о битве при Коленсо. Великий Лунарий едва верил всему этому и часто прерывал перевод моих слов, чтобы услышать от меня подтверждение. Особенно сомнительным показалось ему мое описание людей, пирующих и веселящихся перед битвой.

— Но, конечно, они не любят войны? — перевел Фи-у.

Я уверял их, что многие люди смотрят на войну как на славное призвание, — это поразило все собрание.

— Но какая польза от этих войн? — спросил Великий Лунарий.

— Какая польза! — ответил я. — Война уменьшает население!

— Но какая в этом необходимость?

Наступила пауза. Его голову обрызгали охлаждающей жидкостью, и он снова заговорил…»

Уже с того момента, когда в рассказе упоминается о молчании перед началом речи Великого Лунария, в приемник попадают какие-то другие волны, которые потом перебивают сигналы Кейвора. Эти волны, очевидно, тоже лунного

происхождения, но их настойчивое чередование с сигналами Кейвора указывает на какого-то оператора, умышленно старающегося перебить сообщение Кейвора и сделать его неразборчивым. Сначала эти волны были короткие и правильные, так что при некотором напряжении, с потерей немногих слов, мы все же могли расшифровать сообщение Кейвора; потом они стали длиннее, неправильными, как будто намеренно проводили нечто вроде черты поперек письма. Долгое время ничего нельзя было поделать с этими нелепыми зигзагообразными знаками, потом неожиданно путаница прекратилась, оставляя несколько слов ясными, а затем опять возобновилась и продолжалась на протяжении всего сообщения, совершенно искажая его смысл. Если это действительно было умышленное вмешательство, то почему селенитам понадобилось предоставить Кейвору, который не знал об искажении его сообщения, возможность продолжать свою передачу? Почему селениты выбрали этот способ, а не приостановили сигнализации Кейвора — ведь это было бы проще и вполне зависело от них, — этого вопроса я не могу разрешить. Так, по-видимому, было — и это все, что я могу сказать. Последняя часть описания аудиенции у

Великого Лунария начинается с середины фразы:

«…обстоятельно расспрашивал меня о моей тайне. Скоро мы поняли друг друга, и я спросил его, почему при таких знаниях они не додумались до кейворита. Я убедился, что они знакомы с ним теоретически, но считали изготовление его практически невозможным, потому что на Луне нет гелия, а гелий…»

Поперек последних букв слова «гелий» снова легла черта. Заметьте слово «тайна», так как на этом слове, и на нем одном, я основываю свое толкование нижеследующего послания — последнего послания, которое, по нашему мнению, отправил нам Кейвор.

Глава XXVI
Последнее сообщение Кейвора на Землю

Таким образом обрывается предпоследнее сообщение Кейвора. Кажется, будто видишь, как он движется в голубом мраке вокруг своего аппарата и в последний раз подает сигнал на Землю, совершенно не подозревая, какая нас разделяет завеса недоумений, не подозревая о подстерегающих его опасностях. Его несчастная потребность быть понятым всеми жестоко обманула его… Он говорил о войнах, он рассказывал о силе людей и их неразумной страсти к насилиям, об их неутомимой жажде завоеваний и страсти к ссорам. Он сделал нашу расу предметом ужаса и отвращения для всего лунного мира, и наконец, я убежден, у него вырвалось самое роковое признание, а именно, что только от него одного зависела, по крайней мере в течение продолжительного времени, возможность появления других людей на Луне. Для меня ясен холодный нечеловеческий разум лунного мира и понятны неминуемые подозрения, которые должны были закрасться

в души селенитов, и последующий удар. Я представляю, с какой тяжестью на сердце бродил Кейвор по Луне, чувствуя угрызения совести за свою болтливость! Великий Лунарий, вероятно, обдумывал создавшееся положение, и Кейвор расхаживал по Луне так же свободно, как и раньше. Но, очевидно, что-то помешало ему добраться до электромагнитного аппарата, после того как он отправил только что изложенное сообщение. Несколько дней мы от него ничего не получали. Может быть, состоялась новая аудиенция, где он держался более сдержанно? Кто знает?

И вдруг совершенно, как предсмертный крик среди глубокой ночи, слетело с неба последнее сообщение, отрывок, обрывки двух фраз.

Первая:

«Я поступил безумно, сообщив Великому Лунарию…»

За этими словами последовала пауза, продолжавшаяся, может быть, с минуту. Можно предположить, что помешало какое-то внешнее препятствие. Что-то произошло… Представляю себе такую картину: ему помешали, он стоит в нерешительности среди неясной громады аппарата, в сумрачной, освещенной голубым светом пещере… внезапно бросается к аппарату, но

слишком поздно… Затем торопливо переданные слова:

«Кейворит делается так: возьмите…»

Затем одно слово, совершенно лишенное смысла: «лезно».

И это все.

Быть может, в последний роковой момент он хотел выразить, что все «бесполезно». Во всяком случае, мы не знаем, что стало с его аппаратом. Но что бы там ни случилось, мы не получим больше сообщений с Луны. Что касается меня, то я ясно представляю себе такую картину: облитый голубоватым светом, похожий на призрак, всклокоченный Кейвор отчаянно борется в объятиях насекомообразных селенитов, они напирают на него, пищат, упрекают, быть может, теснят его, — шаг за шагом он отступает. От последней попытки обратиться с речью или сигналом к своим земным сородичам он вынужден отказаться и погрузиться в Неизвестность, во мрак, в молчание, которому нет конца…

1901